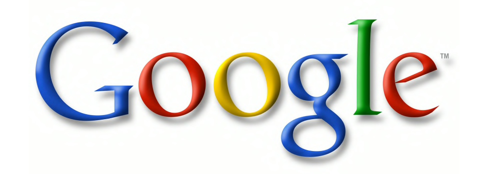
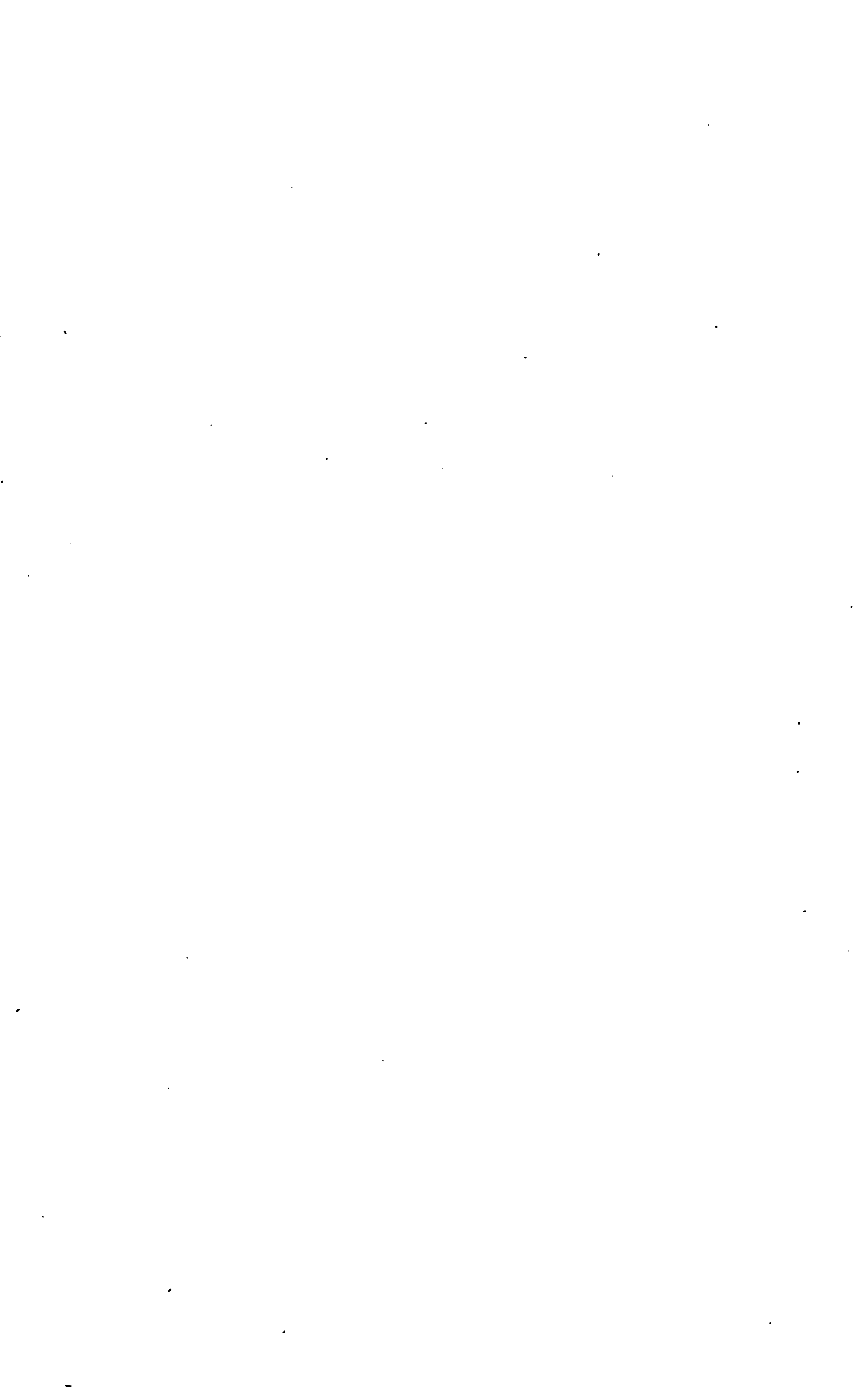
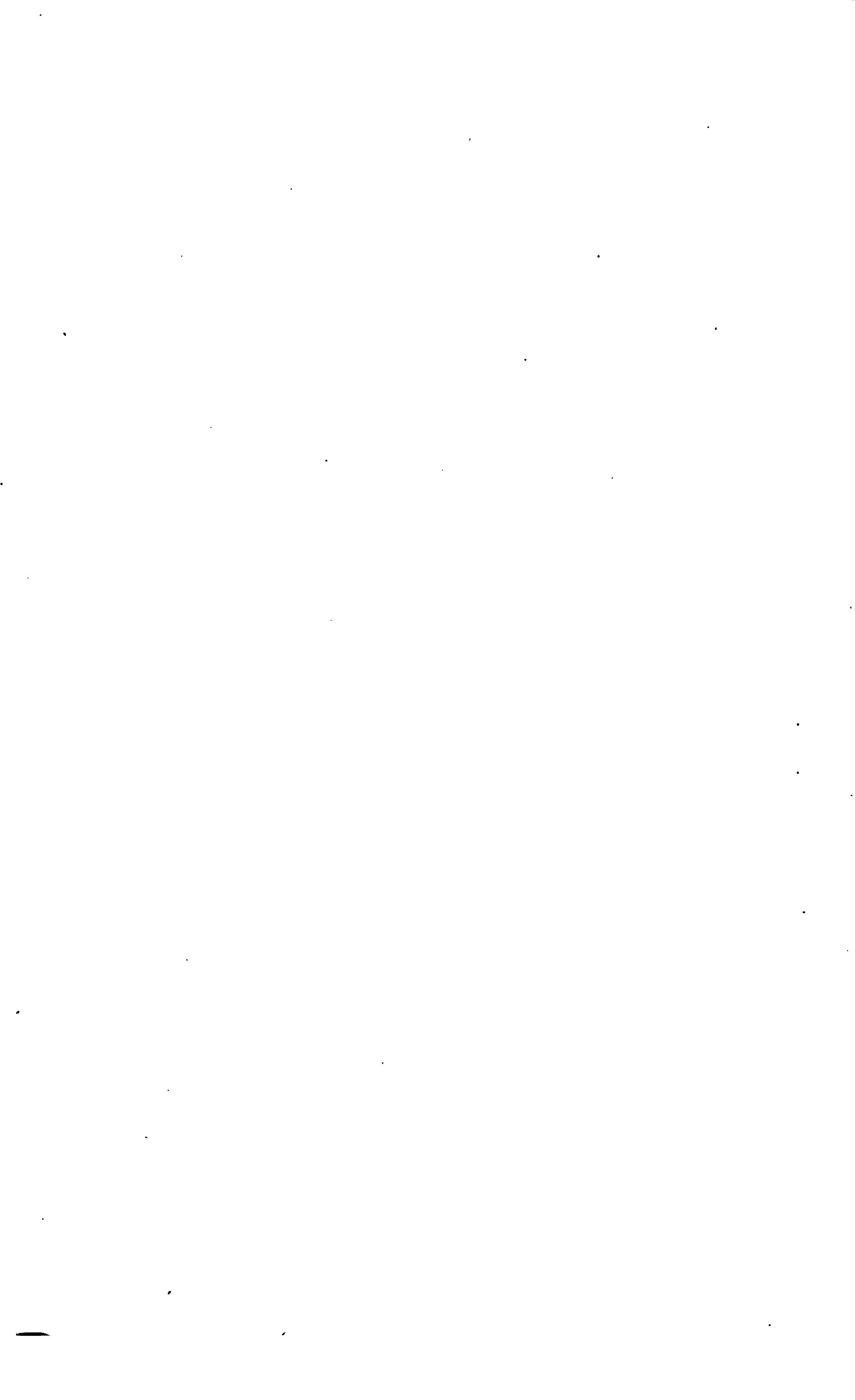

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

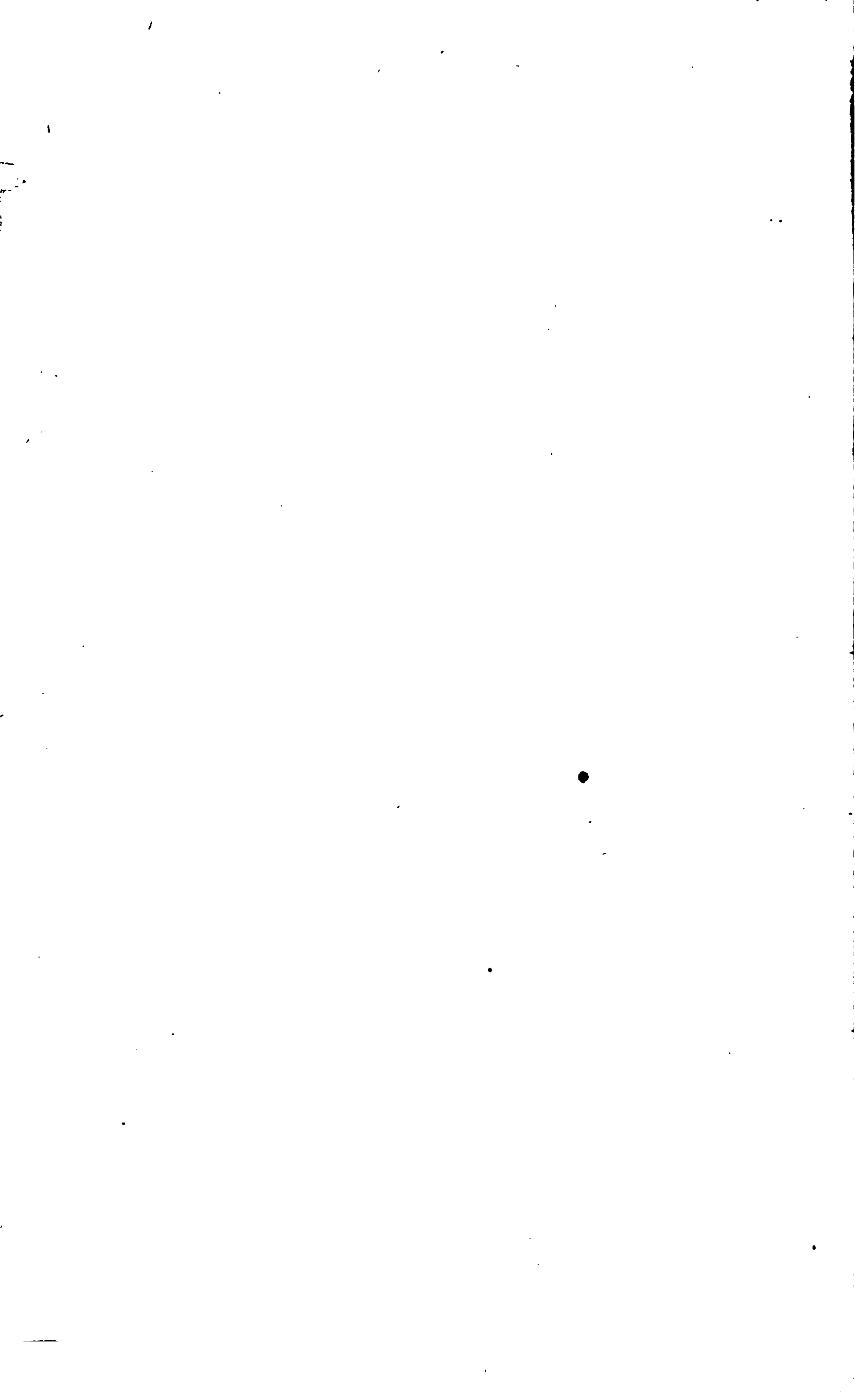
3284

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCVIII. — 1/14 НОЯБРЯ 1903

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

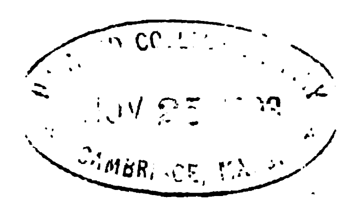
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1903.

Стр.

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

XI *).

Ирина Львовна, возвратившись отъ тетки, утромъ на слѣдующій день, долго стояла у окна своего будуара и смотрѣла на улицу.

На улицѣ была полная распутица; казалось, промокъ весь городъ; съ крышъ капало, съ неба шла какая-то каша, не то дождь, не то снѣгъ, не то просто грязь; эта же грязь лежала и на улицахъ, по которымъ, проваливаясь въ ухабы и колеи, плелись извозчичьи пролетки, обдавая грязью рѣдкихъ прохожихъ.

Весь городъ былъ окутанъ густымъ желтымъ туманомъ, побороть который безсильны были огни фонарей, принявшіе таинственный, опаловый цвѣтъ; сквозь этотъ туманъ экипажи и пѣшеходы казались подземными тѣнями, уныло двигавшимися среди желтыхъ клубовъ, словно грѣшники въ одномъ изъ круговъ Дантовскаго ада, подвергнутые особаго рода казни.

Мрачно и уныло было на улицахъ этой большой и странной столицы, въ которой безконечная зима, съ ея безконечной тьмою, смѣняется такой удивительной ранней весной.

Была послѣдняя недѣля великаго поста.

П[illegible]ально и глухо раздавался благовѣстъ церковныхъ коло[illegible], призывавшихъ столичный людъ къ покаянію и молитвѣ, [illegible]кимъ камнемъ ложился каждый ударъ колокола на душу [illegible] Львовны.

---

*) [illegible] выше: октябрь, 565 стр.

Ей казалось, что этотъ погребальный звонъ провожаетъ въ могилу ея такъ быстро, такъ неожиданно разрушенную брачную жизнь.

И на душѣ ея было такъ же мрачно и уныло, какъ на этихъ темныхъ, сырыхъ и непривѣтливыхъ улицахъ.

Такъ странно проходитъ жизнь! Молодость, красота, силы, здоровье, блестящія надежды на будущее! Потомъ—бракъ по свободному выбору, по любви. Десять лѣтъ жизни въ этомъ бракѣ... а воспоминанія объ этихъ десяти годахъ жизни свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ бракѣ не было „ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты". Такъ, какое-то ровное, спокойное прозябаніе, похожее на долгую петербургскую зиму, съ ея туманами и холодами, съ ея вѣтрами и наводненіями, съ ея безпросвѣтными днями и рѣдкимъ, блѣднымъ и холоднымъ солнцемъ. И она была склонна принимать этотъ жалкій суррогатъ счастья за подлинное счастье, какъ петербуржцы склонны принимать свое электрическое освѣщеніе за блескъ подлиннаго солнца!

Но вотъ даже и этого суррогата больше нѣтъ... Свѣтъ, жалкій искусственный свѣтъ—и тотъ погасъ. Осталась на душѣ копоть и тьма, сознаніе безцѣльно принесенныхъ жертвъ, несбывшихся мечтаній, осадокъ горькаго чувства. Ни любовь ея къ мужу, ни ея вѣрность ему, ни добросовѣстность жены и матери, ни даже, казалось бы, прочная, живая связь въ лицѣ ребенка—ничто не уберегло ее отъ крушенія.

Налетѣлъ откуда-то желтый туманъ, окуталъ своими противными густыми клубами блѣдные огни ея жизни; потомъ поднялась буря, и рѣзкій, леденящій вѣтеръ вырвалъ съ корнемъ то, что она считала своимъ счастьемъ. Видно, ужъ такая болотистая почва это была, въ которой счастье не можетъ пустить глубокихъ корней... И смялъ, и испортилъ этотъ сѣверный вѣтеръ все, что было на душѣ ея свѣтлаго и радостнаго, и оторвалъ онъ ладью ея жизни изъ тихой пристани, и выгналъ онъ ее теперь въ открытое море, и, кто знаетъ, по какимъ водамъ будетъ онъ носить ее и къ какимъ берегамъ пригонитъ?..

Итакъ, нѣтъ, значитъ, средствъ управлять жизненной ладьей? Не изобрѣтено, значитъ, такого руля, которымъ можно было бы направить жизнь по своему усмотрѣнію? Нѣтъ, жизнь человѣческая—жалкое суденышко „безъ руля и безъ вѣтрилъ", отданное на волю невѣдомымъ стихіямъ. Но стихіи жизни? Есть ли у нихъ цѣль и назначеніе?..

Въ передней раздался шорохъ.

Это—Владиміръ Викторовичъ снималъ съ вѣшалки пальто, собираясь уходить.

Онъ теперь всегда уходитъ такъ, не звоня Паши, какъ воръ, укравшій что-либо въ домѣ и старающійся скрыться незамѣтно.

Ирина Львовна отошла отъ окна.

Въ унылыхъ мечтахъ она забыла о цѣли, которую поставила себѣ съ утра и къ которой подготовляла себя въ теченіе цѣлаго дня.

Теперь она вспомнила объ этой цѣли.

Она не можетъ выпустить мужа, не переговоривъ съ нимъ.

Иначе рѣшительный разговоръ, къ которому она такъ долго готовилась, опять будетъ отложенъ на неопредѣленное время.

Нѣтъ, довольно! Тянуть дальше эту невыносимую лямку, тяжелую для обоихъ, нѣтъ смысла.

Разомъ, однимъ рѣшительнымъ словомъ, надо кончить это ужасное положеніе.

И вдругъ нежданныя-негаданныя слезы отуманили ея глаза. И сердце защемило больно-больно. И странная, дѣтская мысль мелькнула въ ея сознаніи:

„Осталось три дня до великаго праздника. У всѣхъ будетъ въ домѣ праздникъ. Всѣ будутъ цѣловаться другъ съ другомъ, вездѣ настанетъ „миръ и въ человѣкахъ благоволеніе“. Вездѣ будетъ свѣтло и радостно въ этотъ свѣтлый праздникъ весны и воскресенья. Даже погода измѣнится, она въ этомъ почти увѣрена. Только у нея въ домѣ будетъ темно и уныло, печально и мрачно, какъ въ могилѣ. У нея, да еще у такихъ же обездоленныхъ женщинъ, какъ она. Вотъ опять эти звуки за стѣной, эти душу надрывающіе звуки Григовской элегіи съ ея прозрачной мелодіей, безсолнечной, угрюмой, сѣверной ночи“...

Она быстро отерла глаза. Консерваторка продолжала играть за стѣною, и звуки элегіи глухо и гулко врывались въ ея душу, и казалось ей опять, что это надгробный плачъ надъ ея счастьемъ, которое она сейчасъ сама затопчетъ и погаситъ своими ногами.

— Владиміръ, это ты?—крикнула она въ переднюю, и не узнала своего голоса, который ей показался чужимъ.

— Я.

— Ты уходишь?

— Да.

— Прошу тебя, останься. Я не задержу тебя долго.

— Не могу. Я спѣшу.

Она злобно улыбнулась.

— Куда ты можешь спѣшить? Сегодня—страстной четвергъ. Занятій нѣтъ, театровъ нѣтъ. Не въ церковь же ты идешь?

— Можетъ быть, и въ церковь,—раздался озлобленный голосъ Владиміра Викторовича.

Она почувствовала эту ноту озлобленія, и сама перешла изъ спокойнаго состоянія, въ которомъ дала себѣ слово пребывать при предстоящемъ объясненіи, въ раздраженно-нервное.

— Все равно, грѣховъ своихъ не замолишь,—насмѣшливо сказала она.—Однако, я *требую*, чтобы ты остался. Мнѣ нужно переговорить съ тобой по очень серьезному дѣлу.

Она заслышала досадливый вздохъ и шаги.

Владиміръ Викторовичъ показался въ дверяхъ будуара.

— Что тебѣ нужно? — сурово спросилъ онъ. — Ты хочешь знать, куда я иду? Зачѣмъ? Какое тебѣ дѣло до меня? Послѣ всего, что произошло между нами, мнѣ кажется, мы давно—чужіе другъ другу. Я же не спрашиваю тебя, куда ты уходишь изъ дому?

— О, еслибы ты поинтересовался, то могъ бы смѣло спросить. У меня нѣтъ ничего такого, что нужно было бы скрывать отъ кого бы то ни было.

— Поздравляю тебя, — неопредѣленно сказалъ онъ, иронически усмѣхнувшись. — Ну, а я ухожу, самъ не знаю—куда. Просто, ухожу изъ дому, потому что мнѣ тяжело въ немъ. Можетъ быть, я имѣю еще право безконтрольно выходить на улицу и дышать воздухомъ?

— Въ такую погоду? Дышать этимъ желтымъ туманомъ?

— Ты заботишься о моемъ здоровьѣ? — насмѣшливо спросилъ онъ.

Это ее взорвало.

— Мнѣ столько же дѣла до твоего здоровья, какъ до здоровья Таисы Николаевны Ищерской,—злобно сказала она, сверкнувъ глазами.

— А!—протяжно произнесъ онъ, мгновенно растерявшись.— Тогда я не понимаю, въ чемъ же дѣло?

— Ты пересталъ понимать самыя простыя вещи. Я тебѣ сказала, что хочу поговорить съ тобою.

— Ну, такъ и я скажу тебѣ, если ты не понимаешь съ полусловъ. Я ухожу изъ дому, чтобы не оставаться съ тобою, чтобы избѣжать сцены. Мнѣ эти сцены вотъ гдѣ сидятъ. Я усталъ, разбитъ, изнеможенъ. Я хочу отдыха и покоя.

— Вотъ именно объ этомъ я и хочу поговорить съ тобою.

— Да развѣ намъ есть о чемъ еще говорить?

— О, да!—горячо сказала она.—Есть. Увѣряю тебя, что есть. И это будетъ нашъ послѣдній разговоръ. По крайней мѣрѣ, я такъ надѣюсь.

Онъ вздохнулъ.

Онъ почувствовалъ въ ея словахъ какую-то необыкновенную, твердую и спокойную рѣшимость; предчувствіе конца овладѣло имъ.

Конечно, онъ не могъ не знать, что когда-нибудь и какъ-нибудь вся эта исторія, свалившаяся на него неожиданно и безъ его желанія, какъ сваливается на прохожаго какой-нибудь, оторвавшійся отъ сырости, карнизъ дома, должна же кончиться.

Но когда онъ почувствовалъ, что насталъ рѣшительный моментъ, сердце его забилось тревожно. Въ послѣднее время съ нимъ происходило нѣчто особенное, странное. Прежде, не такъ еще давно, въ отсутствіи Таисы, онъ неустанно думалъ о ней и всѣ его мысли стремились къ ней. Въ его ушахъ стоялъ ея голосъ, въ его глазахъ мелькала ея улыбка, какой-нибудь ея жестъ. Запахъ ея духовъ вызывалъ въ его воображеніи ея декадентскій образъ. Въ ея присутствіи, напротивъ, онъ становился спокойнымъ, сдержаннымъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ ровно бьющимся сердцемъ, а иногда критическая мысль посѣщала его и какъ бы спрашивала его сердце: ну, что̀ же соблазнительнаго въ ея сухомъ, какъ бы надтреснутомъ голосѣ, что̀ же особеннаго въ улыбкѣ ея тонкихъ, безкровныхъ губъ, въ угрюмомъ взглядѣ ея черныхъ калмыцкихъ глазъ, что̀ прекраснаго въ ея фигурѣ, напоминавшей декадентскую статуэтку съ узкой грудью, покатыми плечами, безъ бюста, безъ таліи, безъ боковъ, ровную съ головы до ногъ? Но именно тогда это было настоящее увлеченіе.

А теперь, въ отсутствіи Таисы, онъ почти совершенно не думалъ о ней. И когда ея не было передъ его глазами, онъ ни разу не вспоминалъ о ней; а когда вспоминалъ, то на душѣ у него дѣлалось нескладно, неудобно, и онъ старался думать о чемъ-нибудь другомъ, болѣе интересномъ. Ему вспоминались первые дни его увлеченія Ириной, ея цвѣтущій видъ, ея волосы цвѣта матоваго золота, ея большіе, лучистые сѣрые глаза, ея веселый характеръ, жизнерадостное настроеніе духа, ея всегда умный, всегда интересный разговоръ. Ему становилось жаль этого прошлаго. И при мысли о томъ, что это, казавшееся ему такимъ близкимъ, прошлое уже теперь далеко, сердце его сжималось отъ боли.

И только когда онъ видѣлъ передъ собою Таису, входилъ въ непосредственное общеніе съ нею, онъ вновь загорался своей болѣзненной страстью, вновь пылалъ увлеченіемъ къ ней и думалъ лишь о томъ, какъ бы продолжить свиданіе.

И онъ понялъ тогда, что его романъ подходитъ къ концу, что его страсть проходитъ.

Анализируя то, что̀ происходило въ его душѣ, въ его сознаніи, онъ терялся и не могъ объяснить себѣ этихъ странныхъ метаморфозъ, волновавшихъ его.

И однажды въ головѣ его мелькнула мысль, что настоящее увлеченіе есть то, что̀ даетъ матеріалъ воображенію и духу въ отсутствіи объекта страсти; когда же страсть загорается лишь въ присутствіи ея объекта, а въ его отсутствіи воображеніе и сердце молчатъ,—тогда это свидѣтельствуетъ о началѣ конца, о томъ, что увлеченіе, достигнувъ кульминаціонной точки, начинаетъ спускаться по наклонной плоскости и что близокъ уже ея конецъ.

XII.

— Хорошо, будемъ говорить,—сказалъ Владиміръ Викторовичъ, садясь на небольшой диванчикъ и доставъ папиросу изъ портсигара, который онъ постарался открыть такъ, чтобы Ирина Львовна не увидѣла его верхней крышки, гдѣ, въ уголку, пріютился миніатюрный золотой вензель „Т. И.“.

Владиміръ Викторовичъ преувеличенно вздохнулъ и закурилъ папиросу.

— Отчего ты такъ вздыхаешь?—спросила его Ирина Львовна, уже вполнѣ овладѣвшая собою.

Она не садилась, а стояла противъ мужа, прислушиваясь къ звукамъ рояля, шедшимъ изъ-за стѣны; къ своему голосу, звучавшему теперь печально, но спокойно, и къ тому, что̀ дѣлалось на ея душѣ, гдѣ все, повидимому, замерло въ ожиданіи грозы.

— Я боюсь сцены,—серьезно отвѣтилъ Владиміръ Викторовичъ.—И долженъ тебя предупредить, что при первомъ признакѣ ея я уйду, ты меня извини.

— Сцены на этотъ разъ не будетъ, — печально покачавъ головой, сказала Ирина Львовна.—Сцены бываютъ между людьми, у которыхъ не все еще кончено другъ съ другомъ.

Эти слова больно рѣзнули его по сердцу, но онъ холодно проговорилъ:

— Тѣмъ лучше, если это такъ. Я слушаю. Въ чемъ дѣло?

— Я обѣщала тебя не задерживать. Дѣло въ двухъ словахъ: я рѣшилась разойтись съ тобой, Владиміръ.

Владиміръ Викторовичъ безпокойно шевельнулся на своемъ диванчикѣ.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—И это рѣшеніе созрѣло, конечно, при благосклонномъ участіи обожающей меня Екатерины Васильевны Грушецкой? И, быть можетъ, не безъ участія друга дѣтства, Карелинова?

— Можетъ быть,—сухо отвѣтила она.—Не все ли равно, какъ и при чьемъ благосклонномъ участіи оно созрѣло? Оно созрѣло—все дѣло въ этомъ.

— Прекрасно. Но, мнѣ кажется, тетушка — тетушкой и другъ—другомъ. Но—„не худо бъ у меня спроситься, вѣдь я вамъ—нѣсколько сродни", а не преподносить мнѣ это въ видѣ окончательной резолюціи, имѣющей обязательную форму...

— Владиміръ, будемъ говорить серьезно, — прервала она его,—и прошу тебя, если можно,—не въ этомъ тонѣ.

— Ахъ, развѣ дѣло въ тонѣ!—съ досадой отвѣтилъ онъ:—дѣло—въ дѣлѣ, а не въ тонѣ.

— Именно. А потому—давай говорить дѣловымъ тономъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Говори,—сказалъ онъ.

— Да что же, собственно, говорить? Я все сказала. Намъ надо разойтись. Отъ этой невозможной совмѣстной жизни страдаю я, страдаешь ты, страдаетъ ребенокъ нашъ... Постой, дай мнѣ кончить. Ты самъ хотѣлъ, чтобы я говорила. Не будемъ считаться. Я ли испортила тебѣ жизнь своими, дѣйствительно, какъ ты говоришь, „мѣщанскими" сценами, невѣроятными, невозможными... видишь, я согласна и отдаю себѣ должное; или ты твоей... твоимъ увлеченіемъ. Не стоитъ считаться, право. Найдутся, конечно, люди, которые займутся этимъ подсчетомъ, и одни обвинятъ тебя, другіе—меня. Истина виновности будетъ по срединѣ, какъ всегда. Вѣроятно, и моя доля вины найдется: я не съумѣла привязать тебя къ дому; тебѣ въ немъ показалось скучно, ты увлекся... Ахъ, я говорю все не то... Суть не въ томъ, кто виноватъ больше или меньше. Дѣло—въ фактахъ. А фактъ тотъ, что мы не любимъ уже другъ друга, что ты увлеченъ другой. Когда нѣтъ любви между людьми, зачѣмъ имъ жить вмѣстѣ и отравлять другъ другу жизнь? Имъ нужно разойтись. Я тебѣ это и предлагаю. Это—просто и ясно.

Владиміръ Викторовичъ нервно качалъ ногой. Онъ потушилъ папиросу и хотѣлъ, въ свою очередь, говорить.

За стѣной все еще раздавались глухіе звуки элегіи, которую консерваторка, очевидно, усиленно штудировала, и Иринѣ казалось, что ихъ разговоръ опять-таки—какая-то мелодекламація, печальная и душу надрывающая, какъ эта унылая мелодія.

— А Володя?—тихо сказалъ Владиміръ Викторовичъ и ничего больше не могъ придумать.

Ирина Львовна посмотрѣла на него съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ.

— Володя? Поздно же ты вспомнилъ о немъ! Къ чему это?—съ упрекомъ сказала она.—Ты—чужой нашему мальчику. Мать для ребенка—все; отецъ часто ничего. Ты никогда не питалъ къ нему нѣжныхъ чувствъ. Когда онъ былъ маленькимъ, ты относился къ нему брезгливо, какъ къ чему-то неопрятному; когда онъ подросъ, ты злился, что онъ всюду лазаетъ, капризничаетъ, шумитъ и мѣшаетъ тебѣ работать. Теперь, когда онъ сталъ почти разумнымъ существомъ, онъ тебя раздражаетъ... чѣмъ? Я думаю, тѣмъ, что онъ все понимаетъ, что̀ происходитъ вокругъ него, и многое, многое чувствуетъ.... Нѣтъ, не лицемѣрь. Володя и я дадимъ тебѣ свободу. Живи, какъ знаешь; дѣлай, что̀ хочешь; поступай, какъ желаешь. Наконецъ, я тебѣ предлагаю, если ужъ ты такъ заботишься о Володѣ, сдѣлать испытаніе: скажи ему завтра: — „Мама уѣзжаетъ надолго для поправленія своего здоровья; съ кѣмъ ты хочешь остаться? Съ нею ли ѣхать, или со мной“?

Владиміръ Викторовичъ отрицательно покачалъ головой.

— Я не задамъ ему этого вопроса.

— Почему?—живо спросила Ирина Львовна.

— Я знаю его отвѣтъ.

И словно невольно вырвавшаяся нотка грусти или оскорбленнаго самолюбія прозвучала въ его голосѣ.

— Вотъ видишь,—сказала Ирина Львовна.—Слѣдовательно, это препятствіе устраняется. Я обѣщаю тебѣ воспитывать сына въ уваженіи къ тебѣ. Любить тебя я не могу его заставить—надъ сердцемъ человѣка, даже ребенка, никто не властенъ. У сердца свои законы, которыхъ мы не знаемъ.

„Это правда“,—подумалъ Владиміръ Викторовичъ, примѣняя эти слова къ самому себѣ.

— Но какъ же ты?—тихо спросилъ онъ.

— Я? А что же? Я уѣду на родину, въ свой родной городъ. Я буду тамъ жить. У меня есть свой домъ и свои средства. У тебя—свои. Слава Богу, въ этомъ отношеніи мы не связаны другъ съ другомъ... Раны сердца заживутъ, время да-

леко прогонитъ воспоминанія... Я буду жить для Володи; можетъ быть, когда съ души исчезнетъ тяжесть—и для себя. Я не хочу давать никакихъ обязательствъ. Но когда настанетъ время —если оно настанетъ—я увѣрена, что ты не откажешь дать мнѣ разводъ. Вѣроятно, онъ и тебѣ скоро понадобится. И я тебѣ заранѣе обѣщаю не дѣлать препятствій.

Теперь она сѣла, какъ-то сразу опустившись на стулъ, и походила на срѣзанный цвѣтокъ, низко поникшій своей золотистой, махровой головкой.

Она никогда не думала, что объясненіе это, что эпилогъ ея брачной жизни будутъ такъ тяжелы для нея.

Владиміръ Викторовичъ всталъ и подошелъ къ ней.

Голосъ его чуть-чуть дрожалъ, когда онъ сказалъ ей, положивъ руку на ея плечо:

— Ирина...—тихо-тихо началъ онъ, — ты все сказала, ты долго говорила, и я тебя слушалъ молча, почти не перебивалъ. Теперь выслушай меня. Увѣрена ли ты, что все, что̀ ты говорила— говорила отъ души, отъ сердца?

Она закрыла глаза рукою.

Этотъ нѣжный, робкій голосъ, это чувство, которое звучало въ немъ и котораго она давно-давно уже не слыхала у него, болѣзненно подѣйствовали на нее. Ахъ, зачѣмъ онъ говоритъ теперь съ нею *такъ*? Зачѣмъ онъ не говорилъ съ ней такъ раньше? Зачѣмъ теперь, когда въ душѣ ея—пустыня, когда всѣ добрыя чувства къ нему, жившія въ ея сердцѣ и взрощенныя долгими годами совмѣстной жизни, притихли, затихли и замерли, онъ хочетъ вызвать ихъ къ новой жизни? А долгіе мѣсяцы оскорбленій, униженій, осмѣяній? Нѣтъ, нѣтъ, возврата не существуетъ, не можетъ существовать, не должно существовать.

— Видишь, ты плачешь, Ира...

— Такъ что-жъ?—быстро отвѣтила она, какъ бы не давая себѣ времени распуститься.—Такъ что-жъ? У меня разстроены нервы. И потомъ, не смѣяться же мнѣ теперь? Увѣрена ли я, что я говорила отъ сердца? Да какъ же иначе? Я выстрадала то, что̀ говорила. И не я это говорила, говорила душа моя...

— Ты будешь жить одна, совсѣмъ одна... ты такъ мало знаешь жизнь...

— Я научилась ей за это время, — горько сказала Ирина.

— Не упрекай меня,—продолжалъ онъ тѣмъ же трогательнымъ, искреннимъ тономъ.—И если ты думаешь, что я наверху блаженства и счастья—ты ошибаешься, Ирина.

— Я это предполагала,—сказала она неопредѣленнымъ тономъ.

— Вы, женщины, странныя... Вы временное принимаете за постоянное. И ради мелочной ошибки готовы рушить цѣлое зданіе. Вы жестоки и немилосердны, вы неспособны прощать ошибокъ. Мнѣ ни разу не пришла въ голову идея разстаться съ тобой. И когда ты уѣдешь, я почувствую себя одинокимъ, безпомощнымъ...

— Ты скоро привыкнешь и утѣшишься.

— Не знаю,—искренно сказалъ онъ.—Право, не знаю. Но я знаю одно, Ирина... Ну вотъ, ты засмѣешься, или не повѣришь, или сочтешь это за неумѣстную шутку... что я не переставалъ любить тебя.

Послѣднія слова онъ произнесъ шопотомъ, словно боялся, что ихъ кто-нибудь услышитъ, кромѣ нея.

Сердце ея дрогнуло. За стѣной рѣзко оборвалась элегія, точно исполнительница чего-то испугалась или ей надоѣла эта мелодія.

Ирина еще разъ сдѣлала надъ собой усиліе, еще разъ постаралась заглянуть въ самую сокровенную глубь своей души.

Но тамъ ничего не шевельнулось, и душа ея отвѣтила ей безмолвіемъ.

— Я не знаю, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это,—сказала она, —и такъ странно, что ты говоришь мнѣ это въ такую минуту... Ты, можетъ быть, хочешь оставить во мнѣ пріятное впечатлѣніе?

Онъ печально и серьезно покачалъ головой.

— Я говорю то, что̀ думаю и чувствую,—сказалъ онъ.

— Поздно, Владиміръ. Благодарю тебя, но это уже ничего не измѣнитъ.

— Почему?

— Потому что... я не люблю тебя больше.

XIII.

Черезъ недѣлю послѣ того какъ Ирина Львовна получила телеграмму отъ Карелинова, что все готово и домъ ея ждетъ пріѣзда хозяйки,—она собралась въ путь.

Сборы были быстрые, торопливые, скорѣе похожіе на бѣгство.

Походило на то, что Ирина Львовна боялась задерживаться, чтобы не остаться и тѣмъ не отрѣзать себѣ пути къ перемѣнѣ жизни, которую она задумала.

Несмотря на все перенесенное этой зимой, несмотря на надорванное всѣми этими событіями здоровье, ей тяжело было уѣзжать, покидать этотъ домъ, которому она посвятила десять лѣтъ жизни, десять лучшихъ молодыхъ лѣтъ.

Каждая мелочь въ квартирѣ продумана и любовно устроена ею; годъ за годомъ и день за днемъ она устроивала это гнѣздо, словно на вѣчность, она складывала этотъ очагъ, который долженъ былъ согрѣвать ее въ холодные годы старости.

И вотъ, гнѣздо разорено, очагъ разметанъ, и она теперь своими руками разрушаетъ то, что̀ созидала.

Такова жизнь. Кто думаетъ о длительности и прочности ея явленій, бываетъ жестоко наказанъ. Жизнь похожа на капризную, злую и непостоянную красавицу, за которой чѣмъ больше ухаживаешь, тѣмъ хуже, тѣмъ меньшаго достигаешь. Жизнью надо играть, смѣяться надъ нею, отрѣшиться отъ мѣщанскихъ взглядовъ и добродѣтелей, и тогда она сама привяжется къ тебѣ и осыплетъ тебя неожиданными дарами...

Таково счастье. Счастье похоже на воздушный за̀мокъ, въ одно мгновеніе ока возникающій въ воображеніи. Воображеніе — величайшій архитекторъ, умѣющій выводить тѣ „châteaux en Espagne", которые блещутъ дивной красотой и годны для одного мгновенія, для кратковременной мечты.

Такъ думала Ирина Львовна, укладывая свои вещи.

И когда насталъ часъ разлуки со всѣмъ тѣмъ, къ чему она была привязана много лѣтъ крѣпкими, хотя и невидимыми нитями, она почувствовала, какъ душа ея разрывается на части, и безсильно, безпомощно опустилась въ передней на стулъ; оглядѣла затуманеннымъ слезами взоромъ перспективу комнатъ, то уютное гнѣздо, съ которымъ прощалась теперь навѣки.

Паша, со слезами на глазахъ, поцѣловала ей руку, и Ирина Львовна горячо обняла ее. Паша оставалась еще на недѣлю въ домѣ Загоровскихъ, а затѣмъ рѣшила уѣхать въ деревню.

Владиміръ Викторовичъ вспоминалъ послѣдній разговоръ съ женою. Больше они къ нему не возвращались.

Онъ былъ тоже очень разстроенъ и чувствовалъ себя одинокимъ, брошеннымъ, всѣми покинутымъ, какъ малый ребенокъ, грубою рукою вытолкнутый на улицу, въ толпу чужихъ людей.

Онъ зналъ, что съ сегодняшняго дня онъ будетъ на полной свободѣ, и это не только не радовало его, но глубоко огорчало. Долго ли будетъ онъ пользоваться свободой? Конечно нѣтъ; онъ скоро совершитъ глупость, величайшую глупость всей своей жизни, и будетъ потомъ каяться въ этой глупости всю жизнь.

Но онъ уже не властенъ ничего измѣнить. Жизнь не спрашиваетъ его желаній; она толкаетъ его на извѣстный путь, и такъ какъ толчки жизни сильнѣе человѣческой воли, то ему трудно бороться.

Есть что-то суровое и властное, жестокое и безсмысленное въ волѣ жизни, и есть что-то жалкое и безсильное—въ волѣ человѣка, какъ бы онъ ни кичился, ни хвастался, ни рисовался ею...

На вокзалъ пріѣхала Екатерина Васильевна, и грозно нахмурилась, увидя Владиміра Викторовича.

„Il a du toupet, — подумала она,—что осмѣлился пріѣхать провожать Irène".—И она демонстративно отвернулась отъ него, не отвѣтивъ даже на его поклонъ.

„Скажите, пожалуйста,—думала она, съ удивленіемъ вглядываясь въ выраженіе лицъ супруговъ.—Онъ имѣетъ погребальную физіономію, лицемѣръ! Нѣтъ, душечка, снявши голову, по волосамъ не плачутъ... Она—точно ее ссылаютъ на каторгу или въ мѣста не столь отдаленныя. Ее я не понимаю: ее не ссылаютъ на каторгу, а освобождаютъ отъ нея. Но человѣкъ—всегда человѣкъ, и привыкаетъ къ мученіямъ такъ же, какъ и къ радостямъ. Одинъ Володя—настоящій человѣкъ. Ишь, какъ у него горятъ глазёнки и какъ онъ счастливъ, что уѣзжаетъ изъ этого поганаго Петербурга"!

Третій звонокъ.

Владиміръ Викторовичъ кинулся къ дверцамъ вагона, торопливо поцѣловалъ сына, который равнодушно принялъ этотъ поцѣлуй, потому что успѣлъ заинтересоваться въ вагонѣ какой-то пружиной для подъема сидѣнья и мечталъ, по отходѣ поѣзда, тотчасъ же начать изысканія. Владиміръ Викторовичъ успѣлъ поцѣловать руку женѣ.

Долгимъ поцѣлуемъ припалъ онъ къ этой блѣдной и холодной рукѣ, пока не тронулся поѣздъ.

— Прощай, Ира,—прошепталъ онъ,—помни, что̀ я тебѣ говорилъ... Я...

Но поѣздъ ускорилъ ходъ. Владиміръ Викторовичъ еле успѣлъ отскочить. Пыхтя и громыхая колесами, поѣздъ выходилъ уже изъ-подъ навѣса, оставляя за собою клубы ѣдкаго бѣлаго дыма.

И сквозь эти облака дыма еще разъ мелькнуло блѣдное, больное и милое лицо Ирины, кивавшей головою и улыбавшейся сквозь слезы.

А затѣмъ дымъ окончательно заволокъ ее, и поѣздъ умчалъ ее въ невѣдомую даль жизни.

И на душѣ Владиміра Викторовича сдѣлалось такъ скверно, что ему захотѣлось умереть.

Онъ увидѣлъ передъ собою высокую и прямую, какъ стволъ молодого дерева, фигуру Екатерины Васильевны, удалявшейся съ вокзала.

Что-то толкнуло его впередъ, и онъ нагналъ ее и пошелъ рядомъ съ нею.

Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это?—скорбно воскликнулъ онъ.

— Я васъ не знаю, государь мой,—рѣзко отвѣтила она,—или, по крайней мѣрѣ, знать не хочу. И прошу оставить меня въ покоѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы сдѣлали это?—настойчиво повторялъ онъ, плохо сознавая, что̀ говоритъ.

Она заслышала въ его голосѣ такую скорбь, что на мгновеніе остановилась.

— Да что̀ съ вами? — сурово сказала она. — Къ чему это ломаніе комедіи?

— Я не ломаю комедіи; душа моя болитъ и страдаетъ.

— Скажите на милость! Что̀ же это? Что̀ имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ? Такъ вы бы хранили и не теряли, коли вамъ была она дорога.

— Поймите,—сказалъ онъ страстно: — я любилъ ее. Любилъ столько лѣтъ...

— А Таису? — насмѣшливо и рѣзко спросила она и посмотрѣла на него въ упоръ.

Онъ опустилъ глаза подъ ея сверкавшимъ взоромъ.

Онъ не зналъ, что̀ отвѣтить.

— Не знаю,— смущенно проговорилъ онъ.—Ошибаться свойственно всякому.

— Какъ же, во всѣхъ прописяхъ это значится. Но вы, государь мой, не юнкеръ и не студентъ, чтобы дѣлать такія ошибки. Вы—сѣдой человѣкъ, а сѣдые люди такъ глупо не ошибаются. А ежели и ошибаются, то и платятъ за свои ошибки своими средствами, а не чужой жизнью.

— Всякій можетъ ошибаться... Только женщины не прощаютъ нашихъ ошибокъ. Онѣ суровы и прямолинейны, какъ этотъ желѣзнодорожный путь. Но Ирина бы простила, если бы не вы съ вашими наущеніями и не тотъ молодчикъ-врачъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Въ васъ говоритъ не скорбь, а уязвленное мужское самолюбіе. Это пройдетъ со временемъ. А причемъ тутъ я? Ирина сама не ребенокъ, и я терпѣть не

могу вмѣшиваться въ чужія дѣла. Взялъ, убилъ ея любовь къ себѣ, а теперь стонетъ: „ахъ, зачѣмъ я убилъ?!“ Да кто же вамъ велѣлъ, сударь мой? А за всѣмъ тѣмъ, вотъ мы на улицѣ, и мнѣ надо ѣхать домой. Будьте здоровы.

Она круто повернулась къ нему и сѣла въ карету.

Онъ остановился на подъѣздѣ вокзала.

Куда идти?

Домой? Его бралъ ужасъ при одной мысли вернуться въ это разоренное гнѣздо, гдѣ онъ не будетъ больше чувствовать присутствія близкаго человѣка, гдѣ онъ не услышитъ больше голоса Володи, который вдругъ сталъ такъ близокъ его душѣ; гдѣ все теперь пусто и безмолвно, какъ будто изъ дому только-что вынесли покойника, и гдѣ такъ тихо, какъ, вѣроятно, бываетъ въ могилѣ.

Къ Таисѣ?—неожиданно, какъ молнія, мелькнуло въ его сознаніи; но эта мысль показалась ему до того грѣшной, до того подлой, до того невозможной, что тонкая струйка холода прошла у него по спинѣ.

Онъ понялъ, что это была одна изъ тѣхъ мыслей, которыя не могутъ жить въ душѣ, но которыя забираются иногда въ нее какъ гнусные воры, независимо отъ воли человѣка, и, притаившись въ ней, пользуясь ея минутнымъ безсиліемъ, пробираются невѣдомыми, темными путями въ сознаніе и дразнятъ человѣка своимъ уродствомъ и гнусными образами.

Онъ энергично тряхнулъ головой и пошелъ прямо впередъ, безъ сознанія, безъ цѣли, ступая въ лужи, расползшіяся по всему городу.

И эти безсознательные шаги привели его механически домой.

Въ ярко освѣщенномъ подъѣздѣ онъ увидѣлъ маленькую и тонкую фигуру, завернутую въ голубую ротонду.

Дрожь потрясла его съ головы до ногъ.

„Она здѣсь? Она?! Въ эту минуту“?..

И тотчасъ же слуха его коснулся надтреснутый, суховатый голосъ:

— А! вы вернулись?..

Онъ безпомощно оглянулся вокругъ себя. Бѣжать было некуда.

— Я хотѣла предложить вамъ: поѣдемте ужинать? Уже одиннадцать часовъ; пока доѣдемъ, пока закажемъ, будетъ двѣнадцать. И непремѣнно къ „Медвѣдю“—тамъ румыны...

— Таиса...

— Согласны? Отлично. У меня карета. Такъ ѣдемъ.

И онъ поѣхалъ. Куда же ему было дѣваться? Бѣжать? Смѣшно. Да и развѣ убѣжишь отъ нея? Пустить ее къ себѣ? Туда, откуда только-что уѣхала Ирина? Ни за что! Ну, что-жъ, пусть! Тѣмъ хуже! Чѣмъ больнѣе, чѣмъ мучительнѣе ему будетъ—тѣмъ лучше. Одна боль заглушитъ, притупитъ другую. Такъ, громко вырвавшійся крикъ облегчаетъ физическія страданія.

— Ѣдемъ!—громко крикнулъ онъ.

Таиса Николаевна зорко, вкось, взглянула на него, и ехидная, торжествующая улыбка зазмѣилась на ея тонкихъ губахъ.

XIV.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Ирина Львовна съ Володей живутъ въ маленькомъ губернскомъ городкѣ, въ большомъ и удобномъ каменномъ домѣ, заново отремонтированномъ, благодаря заботамъ Карелинова.

Южная весна—въ полномъ расцвѣтѣ.

Бѣгутъ ручьи, синѣетъ небо; сады и поля покрываются изумрудной зеленью; все ярче и ярче свѣтитъ солнце, и въ воздухѣ чувствуется ароматное дыханіе новой жизни.

Нервы Ирины, въ этомъ благодѣтельномъ климатѣ, при этой спокойной, уединенной жизни, окрѣпли. Она стала здоровѣе, хотя сердечные припадки еще повторяются, но рѣже и съ меньшею интенсивностью.

Карелиновъ, посѣщающій ее довольно часто, каждый разъ выслушиваетъ ее и все еще хмурится, все недоволенъ.

Довольнѣе всѣхъ Володя.

Онъ плаваетъ какъ рыба въ водѣ и купается въ этомъ воздухѣ какъ беззаботная птица.

Петербургская гимназія, съ ея сѣрыми, мрачными классами, съ ея длинными учебными днями съ искусственнымъ освѣщеніемъ, съ ея придирчивыми и нервными преподавателями, теперь уже далеко.

Ему не надо больше вставать въ семь часовъ утра и изъ теплой постели выходить на скованную морозомъ улицу, погруженную въ тьму, и спѣшить къ темнымъ стѣнамъ гимназическаго зданія.

Ему не надо полдня проводить подъ зеленымъ колпакомъ электрической лампы и учить о томъ, что сорокъ дней и сорокъ ночей лилъ дождь и отъ того образовался потопъ. И въ Петербургѣ сорокъ дней и сорокъ ночей сыплетъ съ неба какая-

то гадость, и реветъ безъ устали вѣтеръ, и оттого образуются наводненія и гремятъ пушки.

Теперь настала весна, а потомъ наступятъ лѣтнія каникулы. Онъ свободенъ. Осенью онъ будетъ переведенъ въ здѣшнюю гимназію, но здѣсь—дѣло другое. И не такъ темно будетъ, и не такъ холодно, хотя, по всей вѣроятности, все-таки придется учить все о томъ же потопѣ или о чемъ-нибудь столь же скучномъ.

Словомъ, Володя счастливъ.

Но нельзя сказать то же объ Иринѣ Львовнѣ.

Она чувствуетъ себя ужасно заброшенной, ужасно одинокой.

Провинція казалась ей тамъ, въ мрачномъ Петербургѣ, въ которомъ она испытала столько горя, обѣтованной землей, залитой солнцемъ.

Эту землю населяютъ добрые, простые, добродушные, сердечные люди; не тѣ хмурые, себѣ на умѣ, эгоистичные петербуржцы, у которыхъ все основано на разсчетѣ, и на выгодѣ, и на табели о рангахъ.

Такое представленіе о провинціи сложилось у нея съ дѣтства, съ того юнаго возраста, когда она ее покинула. Съ тѣхъ поръ это представленіе сжилось съ нею, и она всегда мечтала о провинціи, какъ объ уютномъ и тепломъ оазисѣ, гдѣ можно найти душевный покой и умиротвореніе.

Но она не нашла ни того, ни другого.

Провинція ли измѣнилась за это долгое время, или она сама уже стала не прежней? Почемъ знать? Можетъ быть и то, и другое.

— Ну, что? Какъ вамъ здѣсь нравится?—спрашивалъ иногда у нея Карелиновъ, убѣжденный и закоренѣлый провинціалъ.— Какой воздухъ! Не то что ваша питерская мозглятина. Да и люди не тѣ. Не петербургскіе нытики и хмурачи-неврастеники, всюду съ собой носящіе въ карманахъ микробы тоски и скуки—заразительнѣйшій изъ микробовъ! Здѣсь люди здоровые, ясные, простые...

Она этого не находила; а микробъ скуки явно носился въ этомъ тепломъ провинціальномъ воздухѣ.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣчала она ему. — Привыкаю. Живу звѣремъ, одиноко, въ своей берлогѣ. Никого не знаю, да и меня, повидимому, никто знать не хочетъ...

Нотка обидной горечи зазвучала въ ея послѣднихъ словахъ.

— Вы сами въ этомъ немножко виноваты, милая Ирина Львовна.

— Я? чѣмъ же это?

— Наши провинціалы любятъ этикетъ; они ревниво блюдутъ ритуалъ визитовъ и, кромѣ того, недовѣрчиво относятся къ петербуржцамъ: они считаютъ ихъ заносчивыми и гордыми и ждутъ отъ нихъ перваго поклона.

— Хороша же простота и чистота нравовъ!

— Да, это ужъ ихъ маленькій недочетъ, родъ недуга.

— Но я сдѣлала, напримѣръ, визитъ—и по вашему же совѣту—Житецкимъ. Вы говорили, что это—прелестная семья.

Карелиновъ чуть-чуть сконфузился.

— Я говорилъ про самого Житецкаго. Я ничего не говорилъ про его жену... и дочь, которыя мнѣ не нравятся.

— Ну, и что́ же? Житецкая приняла меня до странности сухо; дочь даже не вышла, а мужъ ея все время смотрѣлъ на меня и не сказалъ ни слова. Двѣ недѣли спустя, Житецкіе сдѣлали мнѣ отвѣтный визитъ. Ольга Петровна — такъ, кажется, ее зовутъ?—еле цѣдила слова, а ея мужъ, Степанъ Власьевичъ, молчалъ и таращилъ глаза. Выходило такъ, будто они мнѣ оказываютъ чрезвычайную любезность, снисходятъ до меня. Merci, мнѣ этого не надо. И тѣмъ кончилось наше знакомство, чему я очень рада. Мнѣ эти надутые индюки не по душѣ.

— И опять вы сами виноваты,—смущенно проговорилъ Карелиновъ.

— Господи, чѣмъ еще?

— Можно сказать? Вы, конечно, не обидитесь, потому что это такъ глупо...

— Говорите. Въ чемъ же дѣло? Я рѣшительно не понимаю.

— Вамъ это трудно понять. Это—моя вина. Я забылъ васъ предупредить, что не слѣдовало тотчасъ же заявлять имъ о томъ, что вы разошлись съ мужемъ.

Ирина Львовна вспыхнула.

— Ахъ, это!..

— Да. У насъ еще нравы патріархальные. Еще не было случая развода въ городѣ. Всѣ живутъ съ своими женами и мужьями.

— Какая Аркадія!

— О, нѣтъ, далеко не Аркадія. Тѣ же грѣхи, тѣ же сплетни, тѣ же неурядицы, что̀ и вездѣ. Но о нихъ не принято говорить. И только это, своего рода, обычное право... А васъ Житецкая спрашиваетъ: „Какъ здоровье вашего супруга. Отчего онъ не пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами?“...

— Безтактные вопросы. Она могла это узнать и не отъ меня, чтобы избавить себя и меня отъ неловкаго положенія.

— Согласенъ, но это столичныя тонкости... А вы ей такъ-таки прямо и отвѣтили: „Право не знаю, я разошлась съ мужемъ“. Ну, послѣ этого запрещенъ былъ выходъ дочки, и вся картина перемѣнилась.

— Такъ вотъ что̀...— вся красная отъ волненія, сказала Ирина Львовна.

— Это глупо и смѣшно, но что̀ же дѣлать!.. Это, къ тому же, мелочи, не мѣшающія людямъ, въ душѣ, быть весьма порядочными.

Ирина Львовна продолжала жить замкнуто и одиноко.

Въ домѣ ея стояла удручающая тишина, какъ и въ самомъ городѣ.

Улицы были пустынны и наполнялись только по вечерамъ, въ извѣстные часы, когда всѣ обыватели направлялись въ городской садъ, гдѣ игралъ хоръ полковой музыки.

Жалкіе, въ сравненіи съ петербургскими, магазины были пусты, какъ и улицы. А по воскресеньямъ городъ принималъ совершенно вымершій видъ.

Изъ увеселеній былъ одинъ только городской театръ, который бездѣйствовалъ по случаю весны, да прогулки въ городскомъ саду; все это было жалко обставлено; улицы плохо содержались, плохо освѣщались; велосипедисты ѣздили по тротуарамъ, гдѣ таковые были, потому что по мостовой, гдѣ таковая была, ѣздить не представлялось рѣшительно никакой возможности.

Домики стояли жалкіе, маленькіе, двухъ- и, самое большее, трехъ-этажные, какіе-то приниженные, словно пристыженные.

Городъ рано тушилъ свои огни, и обыватели рано ложились спать. Кто не шелъ въ садъ или клубъ, тому предоставлялось умирать отъ скуки или забываться до утра продолжительнымъ сномъ.

Всѣ были заняты чужими дѣлами, и казалось, интереснѣе этихъ дѣлъ ни для кого ничего не было.

А Иринѣ Львовнѣ, у которой не было даже и этого рессурса, потому что было мало знакомыхъ, приходилось очень жутко.

Скука провинціальнаго существованія охватила ее сразу своими цѣпкими когтями.

Теперь, послѣ объясненія Карелинова, она поняла, почему общество ее какъ-то чуждается, и почему, въ особенности дамы, ея избѣгаютъ.

И мысль бѣжать изъ Петербурга, чтобы найти здѣсь, въ тихомъ провинціальномъ уголкѣ, миръ и спокойствіе, показалась ей смѣшной и странной.

XV.

Карелиновъ часто посѣщалъ Ирину Львовну въ ея провинціальномъ уединеніи.

Она жила словно отрѣзанная отъ всего міра и отъ всѣхъ его интересовъ. Гдѣ-то, ужасно далеко, остался Петербургъ съ его промозглыми, темными днями, съ его безконечными бѣлыми ночами, похожими на выздоравливающихъ послѣ тяжкихъ болѣзней людей, со всѣмъ, что̀ было въ немъ гнуснаго и сквернаго, и со всѣмъ, что̀ было въ немъ хорошаго.

И то, что̀ было въ немъ хорошаго, почему-то чаще приходило Иринѣ на умъ, чѣмъ то, что̀ было въ немъ сквернаго.

Она жила воспоминаніями, и ничто не вноситъ въ возмущенную душу такого успокоенія, такого мира, какъ воспоминанія.

Воспоминанія—это мастерскія картины, написанныя кистью величайшаго художника—воображенія. Оно пишетъ по памяти, а не съ натуры; оно идеализируетъ то, что̀ пишетъ. Мелочи исчезаютъ, недостатки сглаживаются, тѣни становятся прозрачнѣе и мягче, колоритъ свѣта интенсивнѣе и ярче. Все кажется милѣе изъ милаго далека...

Ирина Львовна чувствовала себя какъ Робинзонъ на пустынномъ островѣ; сначала это нравилось ей, потому что вносило какую-то странную тишину въ ея существованіе.

Все кончилось сразу, точно оборвалась какая-то нить, и недавнее прошлое казалось далекимъ сномъ, окруженнымъ голубоватой дымкой прошлаго, фіолетовымъ флёромъ воспоминаній.

Около нея одинъ только Карелиновъ, не коснувшійся отчужденія отъ нея провинціальнаго общества и продолжавшій свои отношенія къ ней, на зло всевозможнымъ пересудамъ и сплетнямъ.

Онъ относился къ ней ласково и нѣжно, какъ къ больному ребенку, требующему особенно заботливаго ухода.

Она чувствовала къ нему благодарность, потому что понимала, видѣла ту дозу самоотверженія, которую онъ вкладывалъ въ свои отношенія къ ней, рискуя своимъ положеніемъ практикующаго и популярнаго въ небольшомъ городкѣ врача.

Но она не понимала его, какъ ни присматривалась къ нему.

Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно развитой, образованный; но изъ тѣхъ подробныхъ разсказовъ, которыми онъ развлекалъ ея одинокій досугъ, въ ея сознаніи невольно, но съ отчетливою ясностью складывался его нравственный обликъ; и въ одинъ прекрасный день она вдругъ, неожиданно для самой себя, вынесла совершенно точное опредѣленіе.

Карелиновъ — человѣкъ хорошій, мягкій, сердечный, но... чрезвычайно узкій. Съузила его провинціальная жизнь. И опять, какъ всегда и во всемъ, не онъ сталъ выше этой затхлой, провинціальной жизни, а жизнь эта принизила его, опустила его до себя.

И въ своей медицинской практикѣ онъ былъ рутинеромъ, приспособившимся ко взглядамъ и требованіямъ этой глухой жизни. Есть люди, которые не умѣютъ писать иначе какъ по транспаранту. Иначе они начнутъ въ одномъ углу бумаги, а кончатъ—въ другомъ. Карелиновъ не умѣлъ лечить иначе какъ по транспаранту. Онъ придерживался трафарета, традиціи, теоріи. Онъ не умѣлъ или боялся сообразить теорію съ жизнью, сдѣлать тѣ или другія уступки, измѣнить мелочи, догадаться о напрашивавшемся выходѣ изъ затруднительнаго положенія.

У него не было воображенія, находчивости, фантазіи. Не онъ управлялъ болѣзнью, а напротивъ, медленно, осторожно шелъ „по болѣзни“, рабски слѣдуя книжнымъ предписаніямъ и теоретическимъ премудростямъ. Никогда ни малѣйшаго отступленія отъ правилъ... Леченіе его было скучнымъ, надоѣдливымъ и для него, и для паціента.

Такимъ онъ былъ и внѣ своей медицинской практики, въ практикѣ жизни.

Онъ сталъ такимъ скучнымъ, такимъ рутиннымъ провинціаломъ; онъ уже не говорилъ больше поэтическихъ рѣчей о женскихъ слезахъ, и когда Ирина Львовна поняла его, онъ тотчасъ же пересталъ интересовать ее и наводилъ тоску на нее своими продолжительными посѣщеніями.

А посѣщенія его становились все чаще и продолжительнѣе. И въ тѣ долгіе часы, когда онъ разсказывалъ ей о неинтересныхъ для нея дѣлахъ невѣдомыхъ ей городскихъ обывателей, она переставала слушать его и уносилась мыслями къ Петербургу, къ своему когда-то дому, къ... мужу.

Никакихъ извѣстій не доходило до нея оттуда.

Какъ будто Петербургъ очутился вдругъ на другой планетѣ.

Что̀ дѣлаетъ теперь Владиміръ Викторовичъ? Какъ живетъ? Продолжается ли его романъ? Онъ ни разу не написалъ ей, да

и, конечно, теперь не напишетъ. Да и что онъ ей теперь? Не такой же ли чужой человѣкъ, какъ, напримѣръ, этотъ Степанъ Власьевичъ?

И что-то въ глубинѣ души ея болѣзненно отвѣчало:

— Нѣтъ, не такой.

Но Екатерина Васильевна?

Она тоже долго ничего не писала. Наконецъ, пришло письмо, что она заболѣла, что она прикована къ креслу, что она врядъ ли будетъ въ состояніи этимъ лѣтомъ двинуться въ путь.

У нея случился легкій ударъ лѣвой половины, и ее лечатъ электричествомъ и массажемъ; нога уже стала вновь дѣйствовать, но рука еще не поддается. Она не можетъ уѣхать, не кончивъ леченія, а леченіе будетъ весьма продолжительнымъ. И она не нашла бы того ухода за собой въ провинціи, который имѣетъ здѣсь „за деньги". Потомъ она писала еще нѣсколько разъ, подробно излагая ходъ своей болѣзни. Половина письма состояла, обыкновенно, изъ этихъ клиническихъ лекцій, къ которымъ пріобрѣтаютъ особенную склонность долго болѣющіе люди, а другая половина—изъ диѳирамбовъ Мишѣ Карелинову. И эти диѳирамбы были очень подозрительны Иринѣ Львовнѣ; какъ будто старуха, несмотря на свой обычный припѣвъ, что она не любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, нарочито наталкивала ея помыслы на этого Мишу, который, изъ-за своей къ ней почтительности, сталъ въ ея глазахъ образцомъ добродѣтели и совершенства.

„Ахъ, — думала Ирина Львовна, — если добродѣтель и совершенства всегда олицетворяются такими скучными героями, какъ Миша, то пусть лучше царитъ на свѣтѣ порокъ и неустройство. Все-таки жизнь будетъ разнообразнѣе и веселѣе".

Но о Владимірѣ Викторовичѣ старуха ни разу не обмолвилась ни словомъ, ни намекомъ, какъ будто его никогда не существовало на этомъ свѣтѣ.

И Ирина Львовна не знала, что творится въ ея душѣ: простое женское любопытство или что-нибудь бо́льшее?

Володя, напротивъ, очень привязался къ Карелинову и не иначе называлъ его, какъ „дядя Миша".

И Карелиновъ привязался къ мальчику. Это, все-таки, въ глазахъ Ирины Львовны, говорило въ его пользу. Любовь къ дѣтямъ, и притомъ не къ своимъ, а чужимъ, она считала очень рѣдкимъ явленіемъ среди мужчинъ, свидѣтельствовавшимъ о прекрасной душѣ такого человѣка.

Но что изъ этого? Тайны сердца еще не разгаданы ни ве-

личайшими психологами, ни величайшими поэтами. Карелиновъ былъ прекрасной души человѣкомъ, несомнѣнно любившимъ Володю и... ее; но она его рѣшительно не любила той любовью, которая дала бы ей возможность, хотя бы разъ, серьезно подумать о немъ, какъ о своемъ будущемъ мужѣ.

Карелиновъ много занимался съ Володей; носилъ ему игрушки, бралъ съ собой гулять, возился и игралъ съ нимъ, читалъ книжки и терпѣливо выслушивалъ безконечную болтовню мальчика, который былъ тамъ, въ Петербургѣ, такимъ тихонькимъ и даже чуть-чуть сумрачнымъ ребенкомъ.

Однажды Карелиновъ пришелъ къ Иринѣ Львовнѣ видимо разстроеннымъ; онъ, всегда такой ясный, увѣренный въ себѣ, казался теперь озабоченнымъ, встревоженнымъ.

И это какъ-то не шло къ его мужественной фигурѣ.

— Что̀ съ вами, Михаилъ Ниловичъ?—спросила его Ирина.

— А что̀?—съ удивленіемъ отвѣтилъ онъ.—Развѣ что-нибудь замѣтно?

Она улыбнулась.

— Замѣтно, что вы не въ духѣ, и это съ вами не часто бываетъ. Вы, повидимому, такъ довольны жизнью и людьми...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Въ ея словахъ онъ угадывалъ скрытую насмѣшку.

— Жизнью—да, людьми—не всегда, а...

— А собою?

— А собою очень рѣдко. И я не не въ духѣ, а чуть-чуть разстроенъ.

— Чѣмъ? Это—не секретъ?

— Отъ васъ?—торжественно произнесъ онъ.—Отъ васъ у меня нѣтъ и не можетъ быть секретовъ.

— За первое—благодарю; а второго—не понимаю. Почему не можетъ быть секретовъ?

— Вы, дѣйствительно, не понимаете?—сказалъ онъ съ удареніемъ.

— Нѣтъ...—поспѣшила она отвѣтить.

— А пора бы, — неожиданно заявилъ онъ. — Да, я разстроенъ. Разстроенъ тѣмъ, что люди злы и часто вмѣшиваются въ дѣла, которыя ихъ нимало не касаются. Мнѣ обидно за людей. Всѣ могли бы быть такими хорошими, жить въ свое удовольствіе и не мѣшать жить другимъ. Положимъ, это походило бы на эгоизмъ, но, я думаю, лучше эгоизмъ, чѣмъ это ложное участіе къ судьбѣ ближняго, ложное и, конечно, лицемѣрное...

— Это—философія и, притомъ, не новая,—остановила его

Ирина Львовна;—но это не объясняетъ, что̀ именно васъ привело въ такое философское настроеніе...

— Вы все подсмѣиваетесь, а между тѣмъ...

— Впрочемъ, не говорите. Я догадалась.

— Да что̀ вы?—съ удивленіемъ спросилъ онъ, и, въ свою очередь, она удивилась его удивленію такой простой вещи.

— Да неужели же это непонятно! Ваши знакомые поставили вамъ на видъ, что вы очень часто у меня бываете. И, быть можетъ, еще, что вы подолгу у меня сидите. Такъ какъ у васъ есть извѣстное положеніе въ городѣ и такъ какъ... — она подчеркнула голосомъ дальнѣйшія слова,—вы весьма дорожите общественнымъ мнѣніемъ, то это васъ разстроило. И даже, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ вы хотите это показать.

Онъ даже всталъ со стула и нервно прошелся по комнатѣ.

— Вы удивительная женщина...—сказалъ онъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ же, угадать съ полусловъ...

— Ну,—пренебрежительно сказала она,—тутъ не требуется ни мудрости, ни проницательности. Это ясно какъ день. Требуется лишь самая микроскопическая наблюдательность.

— Но позвольте нѣсколько поправокъ... Вы говорите: у меня есть извѣстное общественное положеніе и что я дорожу общественнымъ мнѣніемъ. Вы знаете, дорогая Ирина Львовна, я человѣкъ простой и прямой... Я думаю, что каждый долженъ дорожить общественнымъ мнѣніемъ, но не это меня разстроило. Что̀ мнѣ? Я—мужчина. Если я разстроился, то изъ-за васъ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь осмѣлился бросить въ васъ...

— Изъ-за меня?! — весело вскрикнула она, потому что ее приводило въ веселое настроеніе его смущеніе. — Вотъ ужъ не стоило труда, право. Представьте себѣ, что я совершенно не интересуюсь общественнымъ мнѣніемъ и... даже смѣюсь надъ нимъ.

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Напрасно, — испуганнымъ голосомъ сказалъ онъ. — Съ нимъ приходится считаться, въ особенности въ такомъ глухомъ углу.

— Мнѣ нечего съ нимъ считаться, — твердо проговорила она. — Ни мнѣ, ни всякому другому. Я считаюсь съ своею совѣстью. Я не сдѣлала ничего предосудительнаго; я ничего не теряю, ничего не выигрываю отъ того, какъ будетъ на меня смотрѣть ваше общество. Наконецъ, я имъ совершенно не интересуюсь, повторяю вамъ. Но если оно интересуется мною—я не

могу ему въ этомъ помѣшать. Я не убила и не украла, я ничего не сдѣлала такого, чтобы оскорбить это милое общество. Я разошлась съ мужемъ—это мое дѣло, а не его. Я ни за кѣмъ не признаю права судить меня...

Она это сказала горячо, сильно, и въ концѣ ея рѣчи явно почувствовалось раздраженіе.

— Дорогая Ирина Львовна,—началъ торжественнымъ голосомъ Карелиновъ, печально и покорно выслушавъ ее,—вы знаете, какъ я дорожу вами и вашимъ спокойствіемъ. Мнѣ непріятны эти косые взгляды, эти полунамеки, эти усмѣшечки. Вѣдь можно же было бы все это прекратить и прекратить разомъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Какимъ образомъ?

— Мы съ вами не чужіе,—робко проговорилъ онъ. — Мы съ вами вмѣстѣ росли, вмѣстѣ играли. Мы знаемъ близко другъ друга. Я подолгу гостилъ въ вашей усадьбѣ; ваша тетушка всегда любила меня. Потомъ мы какъ-то странно разошлись другъ съ другомъ, словно потеряли одинъ другого изъ виду...

Ее раздражало это длинное предисловіе.

— Хорошо, хорошо,—нетерпѣливо сказала она,—я все это знаю, какъ и вы. Въ чемъ дѣло?

— Вы теперь свободны, — продолжалъ онъ, нѣсколько сбитый съ толку. — Вы разошлись съ мужемъ и, конечно, безповоротно. Вы достаточно натерпѣлись отъ мужа... Помните, дорогая Ирина... Львовна, вашу усадьбу, вашъ домъ, тихіе вечера, которые мы проводили вдвоемъ? Какъ я любилъ васъ тогда, такую ласковую, тихую, загадочную дѣвочку! И вы всегда такъ мило относились ко мнѣ... Помните березовый мостикъ и наше первое объясненіе въ любви?

— Да,—задумчиво сказала она, тронутая этими юношескими воспоминаніями.—Я все это помню. Хорошее время было! Спокойное, радостное... Впереди была вся жизнь, едва начинавшаяся... Вы были гимназистомъ седьмого или восьмого класса, не помню, уже настоящій юноша, я—подросткомъ. И между нами былъ романъ. Смѣшной романъ подъ бдительнымъ наблюденіемъ тети Кати. Она, кажется, серьезно думала выдать меня впослѣдствіи за васъ замужъ. Кажется, это и побудило ее перевезти меня въ Петербургъ и докончить тамъ мое образованіе, когда вы пошли въ академію...

— Но изъ этого ничего не вышло,—со вздохомъ прервалъ онъ ее.

— Увы!—улыбнулась она. — Дѣтскій романъ оборвался на

первой главѣ. Вы были такимъ славнымъ юношей, такимъ серьезнымъ студентомъ, съ такими ясными, какъ будто уже установившимися взглядами на жизнь; я же изъ загадочной дѣвочки, какъ вы меня только-что назвали, съ моими смутными и неопредѣленными стремленіями въ какую-то даль, превратилась въ легкомысленную барышню...

— И легкомысленно вышли замужъ за...

Она удивилась этой безтактности, этому отсутствію тонкости, которыя позволили ему коснуться ея сердечной раны. Она мелькомъ взглянула на него и вздохнула.

— Вы быстро мѣнялись. Время шло ужасными шагами. Вы уже были врачомъ и вы быстро перерождались. Судьба закинула васъ въ родную провинцію. Я видѣла васъ рѣдко, въ ваши наѣзды въ Петербургъ. Вы стали солиднымъ врачомъ. Ваши взгляды на жизнь перемѣнились. Вы теперь дорожите общественнымъ мнѣніемъ, а я, несмотря на все, что̀ пережила, осталась все-таки легкомысленной и дерзкой въ вашихъ глазахъ женщиной, потому что смѣюсь надъ мнѣніемъ вашихъ губернскихъ дамъ. Я васъ очень люблю, Михаилъ Нилычъ, но мы съ вами далеко разошлись и стали очень чужими другъ другу...

Она замолчала.

Инстинктивно догадалась она своимъ женскимъ чутьемъ, къ чему онъ направлялъ этотъ разговоръ, и поспѣшила предупредить его.

Онъ растерялся на минуту.

— Чужими?—переспросилъ онъ.—Вы думаете?

— Да, я въ этомъ почти увѣрена.

Начавъ разговоръ, онъ хотѣлъ придти къ положительному, ясно формулированному предложенію.

Но теперь онъ остановился въ нерѣшительности. Однако, такъ какъ онъ давно уже выработалъ въ себѣ манеру твердо идти до конца въ разъ начатомъ дѣлѣ, онъ все-таки рѣшилъ подойти къ вопросу въ условной формѣ.

— Такъ что вы думаете,—сказалъ онъ, глядя ей въ глаза, —что не могли бы... ну, выйти за меня замужъ?

Она смѣшалась.

Онъ пересѣлъ къ ней ближе, взялъ ея руку въ свою. Выжидательно глядѣлъ на нее своимъ пристальнымъ взоромъ.

Ей сдѣлалось не по себѣ. Тщетно искала она въ себѣ какого-нибудь чувства къ нему, болѣе яркаго, болѣе сильнаго, чѣмъ обыкновенное чувство дружбы. Его покорный „разсудочный“ видъ, напротивъ, раздражалъ ее, и она, стараясь подавить это

раздраженіе, искала какой-нибудь подходящей мягкой, не очень обидной для него, формы отказа.

— Я думаю, что нѣтъ, — сказала она тихо, высвобождая свою руку,—по крайней мѣрѣ теперь,—прибавила она.

Онъ опять обнаружилъ грубую безтактность:

— Потому что?..—спросилъ онъ ее и, не давъ ей времени отвѣтить, сказалъ:—потому что вы любите мужа?

Она опять удивилась этому отсутствію деликатности и разсердилась.

— Вы легко могли бы обойтись безъ этого вопроса,—отвѣтила она, еще больше отодвигаясь отъ него.—Но разъ вы его поставили, я вамъ отвѣчу: нѣтъ, не потому.

— Такъ почему же?—вскрикнулъ онъ.

— Потому,—твердо отвѣтила она,—что я смотрю на бракъ вовсе не съ точки зрѣнія средства для прекращенія неудобныхъ слуховъ. Они мнѣ не мѣшаютъ. Если они стѣсняютъ васъ, существуетъ менѣе героическое средство для ихъ прекращенія.

— Какое?

— Рѣже посѣщать меня или даже вовсе прекратить посѣщенія.

Онъ не ожидалъ этого.

— Вы мнѣ отказываете отъ дому? — спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Ей не хотѣлось его такъ жестоко обидѣть, и она уже раскаялась въ своихъ рѣзкихъ словахъ.

— О, нѣтъ, простите меня...—проговорила она. — Я вовсе не хотѣла васъ обидѣть. Я вѣрю, что вы привязаны ко мнѣ, и вы такъ много для меня сдѣлали...

У Карелинова вырвался протестующій жестъ.

— Да, очень много, — подтвердила она. — Но если васъ, дѣйствительно, стѣсняютъ всякіе нелѣпые слухи и сплетни, если съ ними, дѣйствительно, приходится здѣсь считаться, если нельзя спокойно жить и работать, то я обязана принести эту жертву и освободить васъ отъ обязанностей стараго друга...

Онъ хотѣлъ ей возразить, но въ это время въ комнату шумно ворвался Володя.

— Дядя Миша,—закричалъ онъ, — какого я жука нашелъ! Рогатаго!

Карелиновъ быстро всталъ со стула.

— Здравствуй, милый! — сказалъ онъ и вздохнулъ такъ, словно освободился отъ страшной тяжести.—Гдѣ же твой рогатый жукъ, показывай!

— Онъ въ саду. Я накрылъ его шапкой. Я боюсь взять его руками. Пойдемъ со мной, дядя Миша!

— Сейчасъ, милый. Бѣги, смотри, чтобы онъ не удралъ. Мнѣ надо два слова сказать твоей мамашѣ. Я сейчасъ же приду за тобою.

Мальчикъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты, не обративъ никакого вниманія на мать.

Ирина Львовна почувствовала обиду въ своемъ материнскомъ сердцѣ и ревность. Карелиновъ сталъ ей вдругъ несимпатиченъ.

Но онъ опять подошелъ къ ней.

— Ирина Львовна,—сказалъ онъ,—подумайте о моихъ словахъ, не торопитесь отвѣчать мнѣ такъ, какъ вы сейчасъ отвѣтили. Мнѣ кажется, что элементы счастья въ этомъ бракѣ всѣ на лицо. Вы знаете, какъ я люблю васъ, какъ я привязанъ къ вамъ. Вы знаете, какъ я люблю вашего сына. И вы видите, какъ Володя привязанъ къ „дядѣ Мишѣ“.

Недоброе чувство шелохнулось въ душѣ Ирины Львовны.

„Это такъ на него похоже,—подумала она про Карелинова: —онъ забылъ одинъ элементъ, безъ котораго тѣ два ничего не стоятъ,—это то, что я не люблю его, какъ надо, чтобы выйти за него замужъ“.

И съ прежней жаждой жестокости, она отвѣтила ему:

— Да, онъ очень, повидимому любитъ „дядю Мишу“. Но увѣряю васъ, что я не для того рѣшилась лишить его *отца*, чтобы дать ему *„дядю“*.

Карелиновъ, ничего не возразивъ, вышелъ изъ комнаты, съ уязвленнымъ сердцемъ.

XVI.

Весна наступала быстро, дружно, съ какимъ-то боевымъ натискомъ, словно рѣшившись въ полной мѣрѣ воспользоваться имѣющимся въ ея распоряженіи короткимъ періодомъ, въ концѣ котораго она обязана будетъ уступить свое мѣсто лѣту.

И чѣмъ ярче становились дни, чѣмъ горячѣе свѣтило солнце, чѣмъ болѣе благоухали цвѣты въ саду Ирины Львовны, тѣмъ мрачнѣе, холоднѣе, унылѣе становилось на ея душѣ.

И въ который уже разъ, точно миражъ въ окружавшей ее пустынѣ, вдругъ возникала въ воображеніи ея петербургская квартира со всей ея обстановкой, со всѣми ея мелочными деталями, до рисунка цвѣтовъ на обояхъ.

Среди этой родной обстановки она видѣла Владиміра Вик-

торовича, блѣднымъ, разстроеннымъ, „декомпенсированнымъ“, по любимому выраженію Карелинова о людяхъ, у которыхъ жизнь не сложилась какъ слѣдуетъ.

Думаетъ ли о ней Владиміръ? Скучаетъ ли о ней? Радуется ли онъ пріобрѣтенной, наконецъ, свободѣ? Онъ словно исчезъ съ лица земли, потому что ни разу не написалъ ей. И тетка все еще ничего не пишетъ. Что̀ съ нимъ? Не уѣхалъ ли онъ? Что Екатерина Васильевна хранитъ о немъ глубокое молчаніе—это такъ на нее похоже; но что онъ не подаетъ признаковъ жизни—это не похоже на него.

Думаетъ ли онъ о ней и о сынѣ, хотя изрѣдка? Вотъ теперь, напримѣръ, что̀ онъ можетъ дѣлать? Въ Петербургѣ—бѣлыя ночи, тѣ тревожныя ночи, которыя ее такъ разстроивали; не катается ли онъ на Островахъ съ этой Таисой?

И цѣлый рядъ такихъ вопросовъ приходилъ ей на умъ.

„Ахъ, да какое мнѣ до всего этого дѣло!—мысленно восклицала она.—Вѣдь все, все кончено, и кончено навсегда“...

Но мысли упорно возвращались къ ней, какъ она ихъ ни гнала отъ себя, и какая-то обида, горечь, жалоба, стономъ раздавались въ ея душѣ.

И однажды, вдругъ, ее посѣтила странная въ ея положеніи мысль:

И тетя Катя, и Карелиновъ, все спрашивали ее, любитъ ли она еще мужа? Ахъ, да почемъ же она знаетъ, наконецъ? Уѣзжая, она не любила его; живя здѣсь вотъ уже около мѣсяца, она не любитъ его. Но тогда зачѣмъ же эти воспоминанія, къ чему эти безконечныя думы о немъ?..

Въ послѣднемъ письмѣ Екатерины Васильевны она нашла-таки упоминаніе о Владимірѣ, но въ формѣ, такъ свойственной стилю тети: „о твоемъ бывшемъ подлецѣ не имѣю никакихъ свѣдѣній. Если пріѣду къ тебѣ, то не раньше осени“.

Ирина Львовна пожала плечами и отложила письмо въ сторону.

Карелиновъ давно не былъ. Должно быть, обидѣлся. Не все ли ей равно? Она и теперь готова любить его, какъ друга дѣтства, какъ товарища ея юности, какъ хорошаго человѣка, потому что это званіе какъ-то дружно закрѣплено за нимъ всѣми.

Но, вправду, хорошій ли онъ человѣкъ—она не знаетъ. И какъ бы онъ ни былъ хорошъ, во всякомъ случаѣ она не выйдетъ за него замужъ, потому что не любитъ его такой любовью, ради которой выходятъ замужъ. Да вѣдь она и не разведена съ мужемъ, чтобы думать объ этомъ.

Но, наконецъ, пришелъ къ ней, послѣ долгаго отсутствія, Карелиновъ, и не одинъ, а съ Ермолинымъ.

Карелиновъ былъ сдержанъ, даже какъ будто холоденъ и въ глазахъ его стояло выраженіе грусти.

— Простите меня, Ирина Львовна, — сказалъ онъ,—что я взялъ на себя смѣлость представить вамъ Ефима Ивановича Ермолина, помѣщика нашей губерніи, жителя нашего города.

Ермолинъ поклонился и, по приглашенію смутившейся Ирины Львовны, сѣлъ.

Она никакъ не ожидала этого визита; у нея рѣшительно никто не бывалъ. Но Карелиновъ продолжалъ:

— Ефимъ Ивановичъ только-что былъ въ Петербургѣ и, оказывается, хорошо знакомъ съ вашей тетей. Онъ привезъ отъ нея вамъ поклонъ и извѣстіе, что она плохо поправляется, и врядъ ли пріѣдетъ сюда раньше осени.

— Я это знаю, — сказала Ирина: — я только-что получила отъ нея письмо.

— Простите, что я безъ вашего предварительнаго согласія явился въ вашъ домъ, Ирина Львовна, — просто сказалъ Ермолинъ.

— Я очень рада. Я почти не вижу людей.

— И я тоже.

— Какъ? Развѣ вы живете постоянно въ деревнѣ? Впрочемъ, и въ деревнѣ есть люди, есть сосѣди.

— Я живу въ городѣ; здѣсь же, гдѣ и вы, — развѣ здѣсь люди?

Карелиновъ усмѣхнулся.

— Ну,—сказалъ онъ,—теперь Ефимъ Ивановичъ сядетъ на своего конька.

— Конечно сяду,—проговорилъ Ермолинъ,—а вамъ, молодой человѣкъ, скажу тоже, что̀ и всѣмъ. У насъ не люди, а манекены, къ которымъ, какъ въ музеѣ, приклеены ярлычки: чиновникъ, городской дѣятель, членъ банка, жена предсѣдателя какой-нибудь коммиссіи, дочь городского судьи и прочее. Это не люди, а фикціи. Въ нихъ нѣтъ жизни, это—истуканы. И вотъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть на живого человѣка, и я явился къ вамъ.

Ирина Львовна засмѣялась.

— И неудачно выбрали. Я человѣкъ полумертвый, или, во всякомъ случаѣ, заживо погребенный.

— Не думаю,—серьезно отвѣтилъ Ермолинъ, взглянувъ на нее изъ-подъ очковъ.

Онъ говорилъ спокойно, убѣжденно, какъ будто не въ первый разъ видѣлъ ее, а зналъ много, много лѣтъ. И она чувствовала себя съ нимъ такъ же. Есть такіе люди, съ которыми сразу сходишься, невѣдомо почему.

— Не думаю,—повторилъ онъ.—Вы у насъ недавно. Вы не успѣли погрузиться въ тину этого существованія. И...—онъ нѣсколько замялся,—и вы перенесли грозную бурю жизни. Человѣкъ, испытавшій бурю жизни и выплывшій на поверхность,—не мертвый человѣкъ, никогда не можетъ быть мертвымъ, а только обезсиленнымъ временно. Счастливый вы человѣкъ!

Ирина Львовна не смутилась этимъ неожиданнымъ вторженіемъ чужого человѣка въ ея частную, интимную жизнь. Онъ такъ это сказалъ, что обидѣться на него не было никакой возможности. Столько искренности и простоты было въ словахъ этого человѣка.

Она только удивилась его заключенію.

— Почему—счастливая?—спросила она.

— Да потому, что счастливъ именно тотъ, кто думаетъ, что онъ несчастливъ. И счастливъ тотъ, кто перенесъ какую-нибудь житейскую бурю. У него, значитъ, былъ интересный моментъ въ жизни.

— А у васъ?

— У меня его не было. Я живу какъ растеніе, которое кто-то посадилъ въ землю и бережно ухаживалъ за нимъ.

— Ефимъ Ивановичъ—самый богатый помѣщикъ нашего уѣзда,—съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гордости заявилъ Карелиновъ, совершенно некстати.

Ермолинъ искоса взглянулъ на него и довольно презрительно усмѣхнулся.

— Истинно вѣрно,—сказалъ онъ,—и вы, кажется, въ восторгѣ отъ этого, не знаю почему...

— Въ восторгѣ—нѣтъ. Не имѣю причинъ восторгаться; но удивляюсь, что такой человѣкъ можетъ жаловаться на судьбу.

— Я? Жаловаться на судьбу? Когда же вы это слышали, молодой врачъ? Я никогда, ни на кого и ни на что не жалуюсь. Я богатъ, независимъ и здоровъ. И все это я не самъ себѣ устроилъ, а получилъ по наслѣдству. Живу изо дня въ день, безъ всякаго дѣла, безъ всякихъ заботъ и умираю отъ скуки и безцѣльности существованія. Но не жалуюсь, а „констатирую фактъ", какъ говоритъ нашъ урядникъ.

— Отчего же вы ничего не дѣлаете?—спросила его Ирина Львовна.

— А что можно у насъ дѣлать? Пробовалъ и закаялся. У насъ вѣдь такъ всегда: если ты помѣщикъ, то тебѣ рекомендуется заниматься благоустройствомъ своего имѣнія. А это мнѣ претитъ. Да и управляющій у меня образцовый,—что-жъ мы будемъ вдвоемъ дѣлать одно дѣло? А то говорятъ: заводи школы и больницы. Завелъ. А дальше что? Кромѣ непріятностей самаго неинтереснаго, мелочного свойства — ничего. Да и что такое школа? Школа есть школа и учить въ ней такъ, какъ я бы, положимъ, хотѣлъ, нельзя. По утвержденнымъ образцамъ—можно. Ну, значитъ, мое дѣло платить учителю жалованье, а остальное предоставить отцу діакону, господину исправнику, вообще недолюбливающему ученіе, уряднику, земскому члену, ну и всѣмъ прочимъ властямъ, которыя я, обыкновенно, путаю. Ну и плачу́, и предоставляю.

— Вы нашъ губернскій Шопенгауэръ,—сказалъ Карелиновъ, но для Ирины Львовны въ словахъ Ермолина чувствовалась горечь.

— Пессимистъ, вы хотите сказать? Пожалуй. Понимаете ли,— вдругъ оживился онъ и заговорилъ горячо.—У каждаго человѣка есть индивидуальность и каждый человѣкъ на Западѣ имѣетъ возможность и право приложить свою индивидуальность къ жизни и къ дѣлу. Вотъ, я чувствую въ себѣ силы организовывать партіи, вести избирательную кампанію, произносить рѣчи, а мнѣ говорятъ—занимайся хозяйствомъ!.. А тѣмъ, чѣмъ я хочу заниматься—нельзя. Ну, накапливается избытокъ силъ, котораго дѣвать некуда и который когда-нибудь сокрушитъ меня. Я все жду, когда надо мной стрясется горе, а его все нѣтъ и нѣтъ...

Въ это время вошла въ гостиную горничная.

— Михаилъ Ниловичъ,—сказала она Карелинову,—отъ васъ пришли съ запиской.

— Что такое?—встревожился Карелиновъ и нервно разорвалъ конвертъ.—Опять!—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.— Хорошо, передайте дѣвушкѣ, что сейчасъ ѣду.

— Къ больному?—спросила Ирина Львовна.

— Э! къ какому тамъ больному!—мрачно отвѣтилъ онъ и, обращаясь къ Ермолину, прибавилъ: — опять что-то такое съ Вѣрой Степановной.

— Ну, это, дѣйствительно, malade imaginaire, эта дѣвица,— усмѣхнулся Ермолинъ.

Карелиновъ, очевидно, не желая давать ему распространяться, торопливо распрощался и вышелъ.

Ермолинъ засмѣялся и пояснилъ:

— Эта Вѣра Степановна—дочь Житецкихъ.

— Она больна?—безучастно спросила Ирина Львовна.

— Какое! Худосочная, малокровная барышня—и только. Ничего у нея не болитъ. Такъ, киснетъ. А только нашего милѣйшаго Карелинова ловятъ на удочку.

— Какъ?

— Да такъ вотъ и ловятъ. Женихъ вѣдь нынче—что̀ выродившаяся порода допотопнаго звѣря. Житецкая хочетъ его женить на дочкѣ.

— А!..—сказала Ирина Львовна, и тутъ только поняла то злобное отношеніе Житецкихъ къ ней, котораго она не могла объяснить себѣ.

— Извините,—началъ Ермолинъ,—что я такъ непрошенымъ ворвался къ вамъ и позволилъ себѣ коснуться вашей неудачной брачной жизни. Дѣло въ томъ, что я—старый пріятель Екатерины Васильевны, и она дала мнѣ дипломатическую миссію узнать тайкомъ и „умненько", каково ваше дѣйствительное состояніе духа...

Ирина Львовна улыбнулась.

— Все тотъ же дипломатъ тетушка,—сказала она.

— Да, но я не дипломатъ. И потомъ, она мнѣ васъ описала такой, какой я васъ и нашелъ: простой и искренней. Ну, я и бухнулъ сразу.

— Что̀ же вамъ поручено узнать?

— Двѣ вещи собственно: первое, любите ли вы еще мужа? Второе: полюбили ли вы Карелинова? Потрудитесь отвѣчать, дабы я могъ составить актъ и донести ей.

И въ первый разъ, этому чужому человѣку, Ирина Львовна отвѣтила съ полной откровенностью, какъ старому, давнему другу:

— Люблю ли я мужа?—грустно улыбнувшись, сказала она.— Не знаю. Знаю одно, что, несмотря ни на что, я не чувствую къ нему ненависти.

Ермолинъ поправилъ очки и очень внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Такъ...—протяжно сказалъ онъ, какъ бы вдумываясь въ ея отвѣтъ.—Ну, а на второй вопросъ можете не отвѣчать.

— Почему?

— Потому что... сказать, что вы любите мужа я не могу, но что вы его не забыли—это, кажется, вѣрно. Тѣмъ самымъ исключается чувство къ Карелинову. Но еслибы вы и забыли мужа, я никогда не могъ бы подумать, что вы въ состояніи полюбить Михаила Ниловича.

Она была благодарна ему за эти слова.

— Почему?—все-таки спросила она, желая себя провѣрить.

— Ахъ, Боже мой! Нельзя „въ одну телѣгу впречь коня и трепетную лань". Карелиновъ не можетъ быть героемъ вашего романа. Вы его знаете съ дѣтства. Онъ слишкомъ для васъ извѣстное. И онъ слишкомъ ясенъ. Ничего не остается для воображенія, для догадки. А жизнь безъ догадокъ, безъ неясностей, безъ нелѣпостей и неожиданностей—не жизнь, а простая или сложная, но, все-таки, ариѳметическая задача. Жить можно, когда въ жизненныхъ уравненіяхъ вмѣсто сухихъ и опредѣленныхъ цифръ—поэтичныя алгебраическія величины. Ой, да что̀ это! Куда я унесся... И вотъ такъ всегда. Начнешь что-нибудь и занесешься Богъ знаетъ куда.

— А что̀ такое Карелиновъ?—спросила она.

— Карелиновъ? Человѣкъ бодрый, жизнерадостный, сильный, если хотите. Обожатель шаблона и книжекъ по своей наукѣ. Жизнь для него не загадка, а потому и не поэзія. Это просто химическая формула, по которой, если взять указанные въ ней элементы и сдѣлать съ ними извѣстныя манипуляціи, то получится заранѣе опредѣленное химическое соединеніе. Карелиновъ черезчуръ ясенъ, черезчуръ буржуазно добродѣтеленъ, а потому и совершенно неинтересенъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ девяностодевяти праведниковъ, которымъ Господь мало радуется, предпочитая всѣмъ имъ одного грѣшника.

— Раскаявшагося,—улыбнувшись, поправила Ирина Львовна.

— Ну да. Всякій грѣшникъ когда-нибудь да раскается.

— Вотъ вы уже являетесь подъ видомъ оптимиста,—засмѣявшись, сказала она, и сердце ея радостно и трепетно забилось отъ его многозначительныхъ для нея словъ.

— Я? Я просто человѣкъ со всѣми его противорѣчіями. Когда я въ духѣ—я оптимистъ, когда не въ духѣ—пессимистъ. Но я почти всегда не въ духѣ. И чтобы чувствовать себя въ духѣ, мнѣ надо... а впрочемъ, вамъ это совершенно неинтересно, что̀ надо.

Ирина Львовна вдругъ замѣтила въ Ермолинѣ поразительную перемѣну. Его еще такъ недавно живые глаза сразу потускнѣли, рѣчь стала спутанной и вялой; лицо его было безжизненно блѣдно, и когда онъ бралъ свою шляпу со стула, руки его дрожали.

— Что̀ съ вами?—вскрикнула она.—Вы нездоровы?

— Нисколько. Я... тороплюсь. До свиданья... Мнѣ нужно принять дозу оптимизма. Это очень легко, когда привыкнешь.

Она хотѣла его удержать, ничего не понявъ изъ его странныхъ словъ.

Но онъ, даже не простившись, какъ-то неувѣренно пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

XVII.

Карелиновъ не поѣхалъ къ Житецкимъ, а, воспользовавшись хорошей погодой, отправился пѣшкомъ.

Онъ зналъ, что никакой серьезной болѣзни въ ихъ домѣ не было, да и Ѳеня, горничная на посылкахъ у Житецкихъ, на его вопросъ, кто именно боленъ, какъ-то странно и двусмысленно фыркнула, прикрывъ изъ приличія ротъ рукою, и сказала:

— А извѣстно—барышня.

— Что̀ же съ ней?—спросилъ Карелиновъ.

— А мы нѐшто лекаря?—отвѣтила Ѳеня.—Должно соскучившись, а може что̀ и другое.

И быстро перебѣжала на другую сторону улицы.

Карелиновъ шелъ медленно.

Семью Житецкихъ онъ зналъ давно. Старикъ служилъ когда-то по земству, а раньше былъ мировымъ посредникомъ, въ ту эпоху великихъ реформъ, когда на Руси все кипѣло, жило и бодрствовало, и которой онъ, Карелиновъ, не зналъ.

Старикъ славился тогда въ своемъ уѣздѣ, проявлялъ необычайную энергію, говорилъ архилиберальныя рѣчи, дѣлалъ какія-то значительныя поблажки своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, а потомъ какъ-то стушевался, чего-то испугался и сталъ самымъ обыкновеннымъ обывателемъ, отличавшимся абсентеизмомъ въ земскихъ собраніяхъ и равнодушіемъ къ земскимъ дѣламъ.

Онъ по привычкѣ продолжалъ стоять за правительство и сочувствовать его мѣропріятіямъ, не дѣлая различія между двумя эпохами, діаметрально противоположными по духу и направленію; потомъ онъ какъ-то окончательно скисъ, опустился, смолкъ и превратился въ мужа своей жены, при которой робко молчалъ и только таращилъ глаза. Словомъ, во мнѣніи Карелинова, это былъ абсолютный res nullius.

Жена Житецкаго играла роль великосвѣтской губернской дамы, считалась визитами съ губернаторскимъ домомъ, изрѣдка дѣлала пріемы, въ особенности въ послѣднее время, когда съ ними стала жить дочка, только-что окончившая курсъ въ инсти-

тутѣ. Житецкая была полная дама, вся увѣшанная цѣпями, брелоками и ювелирными бездѣлушками, говорившая томнымъ голосомъ или обиженно молчавшая, когда кто-нибудь имѣлъ дерзость съ ней не соглашаться или спорить.

Ея дочь была малокровной и худосочной институткой, безцвѣтной и неинтересной дѣвицей, смертельно проскучавшей юные годы въ институтѣ и еще смертельнѣе скучавшей въ лонѣ родительскаго дома. Она мечтала о какомъ бы то ни было женихѣ, лишь бы вырваться изъ-подъ надзора тонной маменьки и индифферентизма унылаго папеньки.

Всѣ три члена семьи устроили правильную осаду на Карелинова. Они знали его какъ врача съ хорошей практикой, но безъ самостоятельныхъ средствъ. Онъ былъ достаточно молодъ, недуренъ собою; еслибы ему дать практичную жену, связи и деньги, то онъ могъ бы жить въ Петербургѣ и сдѣлать себѣ видную карьеру.

Рѣшивъ безъ его вѣдома его судьбу, они задумали его осчастливить и стали приманивать къ дому. И онъ пошелъ на это. Сначала онъ вошелъ въ домъ какъ врачъ, потомъ какъ другъ, а въ послѣднее время какъ совершенно необходимый всѣмъ членамъ семьи человѣкъ.

Карелиновъ былъ практичный и осторожный господинъ; онъ позволялъ за собой ухаживать, а „пока что“—зорко присматривался ко всему происходившему въ домѣ и къ худосочной дѣвицѣ, раскидывая въ умѣ шансы за и противъ. Въ общемъ, перспектива породниться съ Житецкими, богатыми людьми въ городѣ, не казалась ему непривлекательной или неисполнимой; ему иногда поручали побывать въ банкѣ или у нотаріуса, и онъ изъ этихъ помѣщеній успѣлъ составить себѣ довольно ясное понятіе о средствахъ семьи.

Но все это было до его послѣдней поѣздки въ Петербургъ.

Вернувшись оттуда, онъ какъ-то сразу сократилъ свои визиты къ Житецкимъ и сталъ бывать только по особымъ приглашеніямъ, сначала оправдываясь инфлюэнціей, ходившей по городу, потомъ—оспой, косившей населеніе, а въ концѣ концовъ вовсе перестал оправдываться, а просто говорилъ о переутомленіи и неимѣніи времени.

Съ пріѣздомъ же Загоровской въ городъ, онъ совершенно точно забылъ о существованіи этого когда-то гостепріимнаго для него дома.

Житецкіе зачуяли опасность и удвоили бдительность.

Ольга Петровна встрѣтила его томнымъ взглядомъ.

— Bonjour, monsieur Карелиновъ,—сказала она, протягивая ему свою жирную руку съ короткими пальцами, унизанными драгоцѣнными кольцами.—Какъ здоровье? По лицу вижу, что хорошо. И не говорите мнѣ о переутомленіи, нѣтъ, нѣтъ, не говорите. Никакого переутомленія нѣтъ. Его выдумали лѣнивые ученики классическихъ гимназій, чиновники, не любящіе посѣщать присутствіе, и доктора, чтобы имѣть для леченія лишнюю болѣзнь. Развѣ я жалуюсь на переутомленіе? А у меня мужъ и дочь, не говоря о домѣ, хозяйствѣ и массѣ другихъ, болѣе значительныхъ дѣлъ...

„Ну, завела...“—подумалъ съ досадой Карелиновъ, и тотчасъ же удивился самъ себѣ; не такъ еще давно онъ ни за что бы не подумалъ столь дерзновенно объ Ольгѣ Петровнѣ, да и когда она ему протягивала руку, онъ всегда, до этого дня, почтительно и съ уваженіемъ прикладывался къ ней.

— Я ничего не говорю о переутомленіи, я совершенно здоровъ, какъ видите, потому что явился къ вамъ по первому зову,—съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ онъ.

Она изнеможенно взглянула на него и томно улыбнулась.

— C'est ça. Именно: по зову. А безъ зова?

— Безъ зова не являлся. Я очень занятъ и больныхъ много,—нетерпѣливымъ тономъ сказалъ онъ.

— Alors c'est de la prospérité pour vous autres médécins, когда въ городѣ какая-нибудь гадость?

— Да, да, конечно. Но въ чемъ именно дѣло? Я слышалъ отъ Ѳени, которую вы послали съ запиской, что Вѣра Степановна больна.

— Больна, c'est trop dire; une indisposition...

Онъ терпѣть не могъ, когда она говорила съ нимъ по-французски, и всегда упорно отвѣчалъ по-русски:

— Да, такъ что же именно съ нею?

— Вы опять торопитесь? Вы всегда торопитесь. Удивляюсь нынѣшнимъ людямъ: имъ не хватаетъ времени. Степанъ Власьевичъ, напротивъ, не знаетъ, куда его дѣвать. Vous vous surmenez, хотя я и не вѣрю въ surmenage. Но всякій можетъ себя утомить. Въ особенности у кого есть какое-нибудь увлеченіе и когда надо дѣлить время между обязанностью и привязанностью.

Карелиновъ нахмурилъ брови.

Ему не понравился этотъ „осторожный“ намекъ.

Но Ольга Петровна имѣла привычку говорить много, обильно, какъ есть нѣкоторые люди, которые имѣютъ привычку много ѣсть; и всегда она уклонялась въ своихъ разговорахъ отъ пря-

мого дѣла, какъ подвыпившій человѣкъ, идущій къ цѣли зигзагами, словно ее постоянно шатало въ сторону.

— Это очень остроумно,—хмуро замѣтилъ Карелиновъ,—но это нисколько не объясняетъ мнѣ дѣла.

— Вы знаете Вѣру Степановну. Это—нѣжный цвѣтокъ, вырванный изъ институтской темницы и искусственно посаженный въ нашей... въ нашу... enfin, не въ ту почву. Она не ѣстъ и не спитъ...

— Наоборотъ, насколько я замѣтилъ, у Вѣры Степановны вполнѣ нормальный аппетитъ и таковой же сонъ. Мнѣ приходилось заѣзжать къ вамъ около двѣнадцати, и она еще не вставала.

— Qu'en savez-vous? Если всю ночь не спишь, по неволѣ будешь спать до двѣнадцати. Что касается до аппетита, то она ѣстъ только когда кто-нибудь за столомъ изъ посторонниxъ. Ça la ranime... И въ особенности при васъ,—многозначительно улыбнувшись, прибавила Житецкая.

Карелиновъ вспыхнулъ.

— Вотъ какъ! Но я ничего не имѣю общаго ни съ мышьякомъ, ни съ желѣзомъ. Почему же именно при мнѣ?

— Ахъ, она такъ вамъ вѣритъ! Она никому не вѣритъ, какъ вамъ.

— Прекрасно, но это мнѣ не объясняетъ...

— Poseur! Вы—докторъ. Одно присутствіе доктора возвращаетъ больному силы.

— Да, съ этой точки зрѣнія... Но ваша дочь вовсе не такъ больна и даже вовсе не больна. Она немного худосочна и малокровна, но это пройдетъ. Тутъ и врача не нужно. Воздухъ, питаніе, прогулки, сонъ—и все. И чѣмъ меньше латинской кухни, тѣмъ лучше.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ ее покажу.

Онъ хотѣлъ помѣшать этому, но не успѣлъ сказать слова, какъ въ комнату вошла Вѣра Степановна.

Это была худенькая дѣвушка, съ несвѣжимъ цвѣтомъ лица, съ томнымъ взглядомъ, придававшимъ ей значительное сходство съ матерью, несмотря на рѣзкое различіе ихъ чертъ.

Она была некрасива, но повидимому не сознавала этого.

„И какъ она мнѣ могла хоть капельку нравиться?"—спросилъ себя Карелиновъ.

— Здравствуйте, Вѣра Степановна, что̀ съ вами? Вы нездоровы?—проговорилъ онъ.

Барышня вяло протянула ему руку, и когда онъ не поцѣло-

валъ ея руки, какъ имѣлъ обыкновеніе, то она, въ знакъ удивленія, приподняла брови.

— Все то же,—отвѣтила она.—Мнѣ скучно, мнѣ не по себѣ. Я хотѣла васъ видѣть. Мнѣ дѣлается легче, когда я вижу васъ...

„Спѣлась съ маменькой",—непочтительно подумалъ Карелиновъ.

— Благодарю васъ,—пробормоталъ онъ.—Но я теперь очень занятъ...

— Опять инфлюэнца или оспа?—насмѣшливо спросила она.

— И то и другое вмѣстѣ,—сухо сказалъ Карелиновъ.

Вошелъ Житецкій, молча поздоровался съ Карелиновымъ, вытаращилъ на него свои круглые глаза, сложилъ руки на животѣ и не произнесъ ни звука.

— Ѳеня васъ застала дома? — неожиданно спросила Вѣра Степановна.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Карелиновъ.

Но Вѣра Степановна этимъ не удовлетворилась.

— У больныхъ?

— У здоровыхъ.

— А!...

Ему вдругъ захотѣлось „огорошить" ихъ.

— Я былъ съ моимъ знакомымъ у старой своей пріятельницы Ирины Львовны... То-есть, старой не по годамъ, а по числу лѣтъ дружбы.

При этомъ извѣстіи лица присутствовавшихъ приняли странное выраженіе. Житецкій покраснѣлъ и съ особымъ вниманіемъ сталъ разглядывать носки своихъ сапогъ; Житецкая поджала губы и отвела свой взоръ отъ Карелинова, поглядѣвъ въ окно, а Вѣра Степановна слабо, неврастенично улыбнулась.

Всѣ замолчали, какъ будто Карелиновъ сказалъ неприличную шутку.

Раздраженіе наростало въ немъ.

— Кто это Ирина Львовна? — надменно спросила Житецкая.

— Ну... будто вы не знаете?

— А почему я должна знать вашихъ пріятельницъ?

— Да хотя бы потому, что она у васъ и вы у нея были съ визитомъ.

— Это, душечка, вѣроятно, madame Загоровская, — желая искренно помочь ей, вдругъ разрѣшился отъ узъ молчанія Степанъ Власьевичъ.

„Какой дуракъ!“—подумала Житецкая, разсердившись, что мужъ испортилъ ей весь эффектъ сцены.

— Ахъ... эта... дама,—громко сказала она и тотчасъ прибавила:—Вѣруня, выйди, узнай, вернулась ли Ѳеня. Я посылала ее еще въ другое мѣсто.

Дочь, скромно потупивъ свои блѣдные взоры, послушно вышла.

Раздраженіе выросло уже въ душѣ Карелинова.

— Повидимому, моихъ услугъ въ данную минуту не требуется,—сухо сказалъ онъ,—разрѣшите мнѣ уйти.

— Ахъ, куда же вы такъ скоро? Я надѣялась, что вы пообѣдаете съ нами.

— Merci. Сегодня никакъ не могу, — и вдругъ, отдавшись раздражительному порыву, онъ началъ говорить: — я, простите меня, удивляюсь вашей непослѣдовательности, Ольга Петровна.

— Какой непослѣдовательности? Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Да какъ же? Я произнесъ имя Ирины Львовны, весьма уважаемой мною женщины, и вы приняли такой видъ, словно я произнесъ нѣчто неприличное. Послѣ того, я думалъ, вы будете рады моему уходу, а вы приглашаете меня обѣдать.

Житецкая снисходительно улыбнулась.

— Вы знаете, Карелиновъ, я васъ очень люблю, mais vous faites des gaffes, и это простительно, потому что вы еще молоды.

— Какія gaffes?—озлобленно спросилъ онъ.

— Я разсердилась не на васъ, а на Степана. Вы сдѣлали гаффу, это—ничего, прошло бы незамѣтно, но ему нужно было поставить un point sur l'i. Это было безтактно, какъ, впрочемъ, все, что̀ дѣлаетъ Степанъ.

Степанъ Власьевичъ испуганно вскинулъ на жену взоромъ, какъ только заслышалъ свое имя.

— Voyons, Степанъ, отчего ты такой безтактный?

— Mais, chère amie...

— Il n'y a pas de chère amie... Это было безтактно, je te le répète.

Степанъ Власьевичъ поспѣшилъ сдѣлать видъ, что ему смертельно захотѣлось покурить; онъ досталъ портсигаръ, и такъ какъ всѣмъ было извѣстно въ домѣ, что курить въ гостиной не разрѣшается, вышелъ.

— Позвольте,—твердо сказалъ Карелиновъ, снова садясь въ кресло.—Если Степанъ Власьевичъ сдѣлалъ безтактность, про-

изнеся фамилію Ирины Львовны, то я сдѣлалъ таковую же, заговоривъ первый о ней и называя ея имя. И даже, можетъ быть, въ вашихъ глазахъ, бо́льшую. Вы это хотите сказать?

— A peu près.

— Я желаю знать, — еще тверже заговорилъ онъ, — и думаю, что въ правѣ знать, въ чемъ же заключается бестактность?

Онъ молча и упорно посмотрѣлъ на Ольгу Петровну.

Но Ольгу Петровну трудно было смутить чѣмъ-нибудь.

Тономъ снисхожденія къ свѣтской неопытности Карелинова она сказала мягкимъ, „отеческимъ" голосомъ:

— Мой милый! Вотъ вы сейчасъ опять назвали имя этой петербургской дамы, о которой я, дѣйствительно, забыла, и я не упрекаю васъ.

— Почему?

— Но... потому что мы говоримъ между глазъ.

— Съ глазу на глазъ? А отчего же нельзя говорить о ней при другихъ?

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, не понимаете?

— Увѣряю васъ.

— C'est pourtant simple comme bonjour. При комъ угодно, только не при молодой и неопытной дѣвушкѣ. Вы видѣли, я должна была ее выслать.

Это его взорвало.

— Скажите, пожалуйста! Простите мое невѣжество въ этихъ дѣлахъ. Но я не вижу, почему нельзя говорить объ уважаемой дамѣ при дѣвушкѣ, хотя бы молодой и неопытной?

Горячность его тона удивила Ольгу Петровну.

Она опять поджала губы и уязвленнымъ тономъ отвѣтила:

— Потому что эта уважаемая—кѣмъ?—дама—разводка. Une divorcée.

— Уважаемая мною,—рѣзко сказалъ онъ, еле сдерживаясь.— И она—не разводка.

— Тѣмъ хуже, она не живетъ съ мужемъ.

— И потому?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— И потому elle ne fait pas partie de la société.

— Вы убѣждены, что всѣ живущія съ мужьями—святыя, а неживущія—падшія?

— Я не говорю этого. Я говорю, что общество должно чуждаться женщинъ, у которыхъ нелегальная жизнь. И во всякомъ случаѣ, дѣвушка общества... должна быть оберегаема...

— Я не буду съ вами спорить о положеніи женщины въ

свѣтѣ. Потому что не понимаю этихъ словъ: свѣтъ, легальный, нелегальный и прочее. По моему, честная женщина, порядочная, хорошая, всегда остается такою, живетъ она съ мужемъ или нѣтъ. Это даже банально произносить такія элементарныя истины въ наше время. Но дѣвушку, которую воспитываютъ подъ такимъ стекляннымъ колпакомъ и въ такихъ понятіяхъ, мнѣ жалко.

— Почему же это?

— Потому что, чтобы жить, надо не закрывать глаза, а открывать ихъ на всѣ явленія жизни. Потому что только слабое, чахлое растеніе требуетъ стекляннаго колпака, предохраняющаго его отъ зноя и стужи. Здоровый организмъ не требуетъ такого ухода и легко справляется съ зноемъ и стужей. И мнѣ будетъ жаль мужа, который получитъ такую жену...

— Какую жену? — озлобленнымъ голосомъ спросила Житецкая.

— Такую жену, которая будетъ падать въ обморокъ при такомъ страшномъ словѣ, какъ „разводка".

Житецкая взглянула на него удивленнымъ и разсерженнымъ взоромъ.

Она не узнавала его. Онъ никогда не позволялъ себѣ говорить съ ней въ этомъ повышенномъ и дерзкомъ тонѣ.

— Ah ça!—сказала она: — qu'avez vous, mon cher? Ваши заботы о будущемъ мужѣ Вѣры очень трогательны. Но я полагаю, что эти заботы не входятъ въ функціи врача... если только вы не разсчитываете сами стать этимъ мужемъ.

— Я недостоинъ этой чести, Ольга Петровна... — смутившись, сказалъ онъ.

— Alors quoi?!

Это былъ разрывъ.

Формальный, окончательный разрывъ съ этимъ домомъ, гдѣ, одно время, его принимали, дѣйствительно, какъ будущаго жениха.

Онъ всталъ.

— До свиданья, Ольга Петровна,—сказалъ онъ, поклонившись и остановившись въ выжидательной позѣ.

Она кивнула ему головой, но не протянула руки.

— Прощайте,—сухо сказала она.

XVIII.

Въ этотъ день у Житецкихъ былъ jour de réception.

Собрались болѣе видные губернскіе чиновники, нѣкоторые—

прямо въ вицмундирахъ, со службы, ничѣмъ не занятыя губернскія дамы, находившіяся на лицо въ городѣ, офицеры-кавалеристы расположеннаго въ окрестностяхъ драгунскаго полка.

Раньше всѣхъ, къ „пятичасовому" чаю, прибыла Деканова, жена полкового командира, который, по-особому разрѣшенію, жилъ не въ штабѣ полка, а въ городѣ.

Деканова была дама въ лѣтахъ, но, благодаря своему маленькому росту, худощавому сложенію и близорукости, казавшаяся еще довольно молодой, по сравненію съ мужемъ, старымъ полковникомъ, отзывавшимся о своей женѣ весьма странно: „маленькая собачка до вѣку щенокъ"; „моя Любовь Яковлевна — мужелюбка", и все въ этомъ родѣ. Онъ не любилъ съ ней показываться въ обществѣ и вообще не любилъ общества. Трудно было понять, любитъ ли онъ жену, или презираетъ, равнодушенъ онъ къ ней, или ревнуетъ.

Любовь Яковлевна плавала въ губернскомъ обществѣ, какъ рыба въ водѣ. Она всюду бывала, любила поѣздки за городъ въ обществѣ мужчинъ, со всѣми ладила и была чрезвычайно добродушна.

— Отчего васъ давно не было?—спросила ее Житецкая.— Вы насъ забыли, милая Любовь Яковлевна.

— Нисколько, милая Ольга Петровна. Я ѣздила съ мужемъ въ штабъ полка. Полкъ скоро выступаетъ въ лагерь, и офицеры устроивали кутежъ. Ахъ, вы не знаете, корнетъ Лиховскій, выпущенный въ прошломъ году, знаете? Онъ обнаружилъ талантъ— дивно, дивно играетъ на мандолинѣ. Я заслушиваюсь его.

— C'est très dangereux,—съ снисходительной улыбкой сказала Житецкая.

— Quoi donc?

— Да вотъ корнетъ съ мандолиной...

Деканова захохотала.

— Или мандолина съ корнетомъ. Et puis, ça ne se marie pas въ оркестрѣ, но въ жизни, когда корнетъ—не инструментъ, а офицеръ, ça va très bien ensemble.

И она залилась веселымъ смѣхомъ на свою остроту.

— Это мой новый flirt,—сказала она, наклонившись къ самому уху Житецкой и переставъ смѣяться.

— Да что вы? Et Valentin?

— Валентинъ Александровичъ—прошлое.

„Разсказывай!"—подумала Житецкая:—„знаемъ мы это прошлое". И дѣйствительно, всѣ въ городѣ знали, что „ротмистръ Валентинъ", какъ его называли, рослый, рыжебородый командиръ

эскадрона, состоялъ при Декановой, доходившей ему до локтя. Это былъ настоящій collage, безмолвно принятый обществомъ и даже какъ бы санкціонированный имъ въ пику этому дикарю Деканову, который чуждался этого общества, предпочитая ему полковыя и эскадронныя конюшни и коновязи.

— А Вѣра Степановна?—освѣдомилась Деканова.

Въ домѣ Житецкихъ всѣ освѣдомлялись о дочери и никто о мужѣ.

Мужъ иногда выходилъ къ five o'clock'у посидѣть и помолчать, но скоро, къ общему облегченію, удалялся къ себѣ, унося на лицѣ печать угнетающей скуки.

— Вѣра киснетъ,—отвѣтила Житецкая.

— А вашъ эскулапъ?

— Кто это?—прищурилась Ольга Петровна.

— Ну, этотъ... l'amoureux de Вѣра... Карелиновъ.

— Il n'est plus des nôtres.

— Вотъ какъ? Почему?

— Онъ, повидимому, дѣлаетъ вызовъ обществу. Il a des rapports très intimes съ этой дамой изъ Петербурга, la demi-divorcée...

— Съ Загоровской? Я ее видѣла недавно на улицѣ съ сыномъ. Un charmant couple que cette blonde avec son бэби,—добродушно сказала Деканова.

— Vous trouvez?—протянула въ носъ Житецкая.

— О, да, такое славное лицо! Мнѣ ее очень жаль. У насъ ее съѣдятъ за то, что она живетъ безъ мужа.

— И будутъ правы.

— Ой, нѣтъ! Пусть каждый живетъ какъ хочетъ.

— А не какъ Богъ велитъ?—засмѣялась Житецкая, и хотѣла еще что-то прибавить, когда вошла новая гостья.—Марья Демидовна, bonjour, chère amie!—воскликнула хозяйка дома.

Марья Демидовна, грузная женщина пятидесяти лѣтъ, съ двойнымъ подбородкомъ, тяжело отдувалась и пыхтѣла, какъ паровозъ, выпускавшій отработанный паръ.

— Здравствуйте, здравствуйте. Охъ... жара начинается. Я, какъ бѣлый медвѣдь, предпочитаю зиму. Да и зима-то у насъ кислая, мозглявая. Нѣтъ настоящей зимы... Уфъ!..

— Какъ здоровье?—спросила Деканова.

— Чего тамъ здоровье? Никакого здоровья нѣтъ, да и быть не можетъ. Докторишки наши губернскіе плохи. Одинъ торчитъ всю зиму за кулисами и перешептывается съ опереточными дивами, а по моему—просто дѣвами. Какое къ нему довѣріе? Другой—въ

стачкѣ съ аптекаремъ, и, нужно-не-нужно, прописываетъ лекарства, и все металлы: то желѣзо, то серебро, то литій. Я говорю, насмѣшливо такъ, знаете:—можетъ быть, еще золото пропишете? А онъ это принялъ въ серьёзъ: „я, говоритъ, подумаю, и даже давно хотѣлъ прописать, только вы все жалуетесь, что дорого, а золото-то дорого". Ну, я его отчитала; говорю: брилліанты, другъ мой, еще дороже, такъ, можетъ быть, мнѣ бриллiантовый порошокъ глотать? Должно быть, говорю, это очень полезно... для вашего аптекаря, конечно.

Дамы снисходительно засмѣялись.

— Осердился. „Ну, говоритъ, вы всегда что-нибудь этакое выдумаете", и пересталъ ѣздить. Это— Степанъ Ивановичъ.

— Ахъ, онъ...

— Ну, да. И шутъ съ нимъ! Позвала нашу знаменитость—Карелинова.

Житецкая и Деканова переглянулись. Обѣ, какъ и всѣ въ городѣ, знали, что профессія Маріи Демидовны Казицыной—развозить, разносить и распространять всякія городскія сплетни и слухи.

Онѣ ожидали сенсаціонныхъ разоблаченій, потому что все, что̀ говорила Казицына, было сенсаціонно.

— Ну и что̀ же?—спросили обѣ въ одинъ голосъ.

— Карелиновъ-то? Да ничего. Надутый такой, мрачный. Съ отвращеніемъ пощупалъ мнѣ животъ. Какой же это врачъ, коли ему противно дотронуться до больного человѣка? „Ни почки, ни печени, ни селезенки, ничего, говоритъ, у васъ этого нѣтъ".—Какъ, говорю, нѣтъ? Куда же онѣ дѣлись?—Натурально, испугалась смертельно. А онъ, дерзкимъ такимъ голосомъ, говоритъ: „Извините, говоритъ, мнѣ шутить некогда. Ежели, говоритъ, я такъ выразился, то хотѣлъ сказать, что все у васъ въ порядкѣ и вы здоровы". Ну, тутъ ужъ я прямо взбѣсилась.—Благодарю васъ, желаю вамъ быть такимъ здоровымъ.—„Поменьше, говоритъ, объѣдайтесь и поменьше валяйтесь. Діэта и моціонъ, моціонъ и діэта". Дуракъ онъ, вашъ Карелиновъ! Ну, потомъ-то я узнала, въ чемъ дѣло: влюбленъ какъ котъ въ эту петербургскую дамочку. Гдѣ же ему чужія печени ощупывать? Ну, а коли ты влюбленъ, такъ и не ѣзди, не хватай трехрублевокъ за такіе дурацкіе совѣты.

Она тяжело отдышалась, отсопѣлась, отфыркалась и прибавила одно слово, какъ бы боясь, чтобы оно куда не затерялось:

— Женится.

— Кто?—съ удивленіемъ спросила Деканова.

— Карелиновъ.

— На комъ?—полюбопытствовала Житецкая.

— Фу ты, Боже мой! Да что вы притворяетесь? Точно не знаете? Не на мнѣ же, конечно! На этой самой авантюристкѣ... на Загоровской.

— Да что вы! Она—замужемъ.

— Эка штука! А разводъ для чего?

— Это вѣрно?

— Я никогда не говорю на-вѣтеръ. Какое къ нему довѣріе послѣ этого? Ну, да я ему отомщу. Запомнитъ.

Деканова изумилась.

— Какъ же вы ему можете отомстить?

— Очень даже просто. Объѣзжу весь городъ и буду убѣждать не звать его. Практики-то лишится,—посмотримъ, на какой голосъ запоетъ.

— А за что?—продолжала удивляться Деканова.

— А за все. За дерзости, за небрежность.

Житецкая хотѣла прекратить этотъ непріятный для нея разговоръ.

— Что новенькаго въ городѣ?—спросила она, давъ время успокоиться Казицыной.

— Ничего. Видѣла Лиховскаго на извозчикѣ съ какой-то гимназисткой-еврейкой.

Казицына незамѣтно взглянула на Деканову, провѣряя произведенное ею впечатлѣніе. Самымъ большимъ удовольствіемъ для нея было сдѣлать кому-нибудь непріятность.

Деканова слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Лиховскій, говорятъ, тоже женится. Она кончаетъ курсъ и принимаетъ христіанство.

— Если всѣ ваши свѣдѣнія такъ вѣрны...—начала Деканова.

— А почему, душечка, они не вѣрны? Развѣ вамъ это ближе извѣстно?—съ ядовитостью спросила она.

— Несомнѣнно.

— Ахъ, вотъ какъ! Почему же?

— Да потому, что Лиховскій служитъ въ полку моего мужа.

— Такъ что же изъ того?

— Онъ не можетъ жениться.

— Развѣ у него есть привязанность на сторонѣ?—невиннымъ тономъ освѣдомилась Казицына.

— Есть,—твердо отвѣтила Деканова.

Казицына зашевелилась на креслѣ.

„Каково нахальство!“—подумала она съ озлобленіемъ.

— И вы знаете—кто?

— Знаю.

— Ахъ, какъ это интересно!

— Не особенно. Онъ влюбленъ въ меня,—храбро сказала Деканова и подмигнула Житецкой.

Казицыну бросило въ жаръ. Весь ея жирный лобъ и отвисшія щеки покрылись каплями мелкаго пота.

— Ну...—протянула она.—Это не можетъ помѣшать ему жениться. Вы—командирша и замужняя. И увлеченія *юношей*,—она съ интонаціей произнесла это слово, чтобы подчеркнуть разницу въ лѣтахъ между Лиховскимъ и Декановой,—длятся недолго.

— Это зависитъ отъ женщины. Но, конечно, не потому онъ не можетъ жениться, а потому что ему нѣтъ двадцати-трехъ лѣтъ.

— Ему будетъ двадцать-три года черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и у него есть реверсъ.

— Vous êtes plus renseignée que moi, въ такомъ случаѣ,—сказала Деканова.

„Да ужъ французь, не французь, а это такъ!“—съ озлобленіемъ подумала Казицына и начала выкладывать весь свой запасъ свѣдѣній.

Помощникъ полиціймейстера проворовался, и его гонятъ; а полиціймейстеръ приказалъ городовому вытолкать въ шею какого-то господина съ пожара, а господинъ оказался сенаторомъ изъ Петербурга и весьма вліятельнымъ. И полиціймейстера, должно быть, прогонятъ. Въ казначействѣ—растрата. Въ клубѣ—новый экономъ и кормитъ отвратительно. Эту добрую дуру, Нину Егоровну Ольхову, опять облапошили. Дала двѣ тысячи рублей подъ какой-то „корявый“ вексель.

— Ахъ, да вотъ и Нина Егоровна!—вскрикнула Казицына, увидя въ дверяхъ сморщенную и худую старую дѣву съ васильковыми добрыми глазами.—Какъ это вы такъ опять дались въ обманъ, милая?

— Это вы насчетъ двухъ тысячъ? Это неправда; у меня просили, а я отказала,—съ торжествомъ сказала Ольхова, какъ бы сама себѣ удивляясь, что имѣла мужество отказать.

— Ахъ, ну я очень рада, очень рада, милая, хотя это на васъ и не похоже. Вы такая добрая, такая добрая, даже до... —она сдѣлала паузу,—до самоотверженія.

И продолжала выкладывать весь скарбъ новостей.

Князья Льговскіе выписали изъ Петербурга извѣстнаго адвоката для своего безконечнаго процесса съ купцомъ Горюновымъ, объегорившимъ ихъ при продажѣ ихъ имѣнья. Адвоката зовутъ Тереховымъ, и всѣ городскія психопатки бѣгаютъ на него смотрѣть, когда онъ гуляетъ по Продольной улицѣ, какъ будто онъ не вѣсть что... Отчего она не видитъ Степана Власьевича, который, бѣдняга, на дняхъ проигралъ въ клубѣ около двухсотъ рублей...

— Какъ проигралъ?! — сдѣлавъ большіе глаза, спросила изумленная Житецкая, и голосъ ея задрожалъ отъ гнѣва.

— Да такъ...—дѣлая видъ, что смущается, отвѣтила Казицына.—Ахъ, милая Ольга Петровна, я вѣдь, кажется, сдѣлала неловкость. Вы не знали? Мужчины...

— Нѣтъ, я знала, — поспѣшила поправиться Житецкая, не желая дать поводъ милой дамѣ къ новымъ сплетнямъ. — Я думала, это вторично... Это вы говорите про макао?

— Нѣтъ, кажется, въ баккарà. Впрочемъ вы навѣрное это знали, и я разсказываю старыя новости...

Ольхова и Деканова переглянулись.

— Да, да, конечно, — неопредѣленнымъ тономъ поспѣшила заявить Житецкая.

Ольхова съ Декановой начали немедленно вести оживленный разговоръ о предположенномъ губернаторшей пикникѣ, который долженъ состояться около середины мая, за городомъ.

Онѣ думали сдѣлать диверсію и отвлечь Казицыну отъ опасныхъ темъ, такъ излюбленныхъ ею.

Но когда Казицына садилась на своего конька, не такъ-то легко было ссадить ее съ него.

И потому, нетерпѣливо выслушавъ разговоръ о пикникѣ, она кисло замѣтила:

— Ну, ужъ эти губернаторшины пикники! Нашли чѣмъ восторгаться! Офицеры непремѣнно напьются, а чиновники будутъ смотрѣть въ глаза этой ломучкѣ Еленѣ Александровнѣ и, сломя голову, бѣгать по ея порученіямъ. На остальныхъ дамъ никакого вниманія... Весело, нечего сказать, остальнымъ дамамъ! Смотрѣть, какъ Елена Прекрасная кокетничаетъ, при своемъ почтенномъ возрастѣ, съ этимъ лысымъ Полозовымъ... отношенія ихъ доходятъ до неприличія. Скоро ли уберутъ отъ насъ этого губернатора, который не умѣетъ держать въ рукахъ жену, позволяетъ ей шокировать общество?.. Ежели онъ не умѣетъ управиться съ собственной женой, какъ же онъ управляется съ губерніей? Да

и что̀ такое губернаторъ? Здѣсь онъ все, а угонятъ его съ мѣста— и ходитъ онъ по Петербургу самымъ несчастнымъ чиновникомъ, которому городовой и тотъ почтенія не оказываетъ.

— Она не приглашена на пикникъ?—тихо спросила Деканова у Ольховой.

— Видно, что нѣтъ.

Казицына продолжала изливать свою желчь.

— А скажите,—обратилась она къ Житецкой,—что это не видать вашей очаровательной Вѣруши? Больна опять?

— Да, ей нездоровится.

— Въ наше время дѣвушки были здоровѣе. А впрочемъ, она сама виновата, да и вы тоже.

— Чѣмъ же?

— Нельзя, чтобы лечилъ ее Карелиновъ. Это не врачъ, а ухаживатель. Положимъ,—ядовито прибавила она,—Вѣруша вѣритъ въ него какъ въ Бога и, кажется, очень симпатизируетъ ему. Но я бы не допускала въ домъ такого опаснаго авантюриста...

— Ну, ужъ и авантюристъ!—вступилась Ольхова, съ обычной своей добротой.

Казицына съ плохо-скрытымъ презрѣніемъ оглядѣлась. Казалось, ея взглядъ говорилъ:—„скажите пожалуйста, и ты туда же, божья коровка“!

— Да, авантюристъ, моя милая Нина Егоровна.—Человѣкъ, который ухаживаетъ за благородными барышнями съ хорошимъ приданымъ, а потомъ увлекается петербургскими барынями сомнительнаго поведенія—авантюристъ. И я всѣмъ, всѣмъ друзьямъ и знакомымъ скажу, чтобы у него не лечились...

Такимъ образомъ, наговоривъ всѣмъ весьма пріятныхъ вещей и удовлетворивъ свою разъигравшуюся печень, она умолкла и стала, по обыкновенію, отдуваться и отирать потъ съ лица.

Подали чай, и Казицына выпила съ наслажденіемъ три чашки, съѣла массу печеній и огромный ломоть торта, причемъ заявила, что ничто такъ не успокоиваетъ жажды, какъ чай, и что на дняхъ тортомъ, изъ этой самой кондитерской Вижѐ, отравилось цѣлое семейство. И при этомъ оказалось, что Вижѐ вовсе не французы, а самые настоящіе „жиды“.

Разговоръ завязался болѣе мирнаго характера, такъ какъ было очевидно, что Казицына устала. Да ей и дѣлать было больше нечего. Все она сказала, все выложила, всѣмъ сдѣлала непріятность. Напившись и наѣвшись, она ушла, довольная тѣмъ, что „этому безмолвному истукану, Степану Власьевичу, попадетъ отъ

его надутой дуры-жены“ за проигрышъ, и что вообще въ этомъ домѣ, послѣ ея ухода, будетъ сцена.

Позже пришли мужчины со службы, и five o'clock продолжался.

Житецкая была не въ духѣ и не могла поддерживать разговора. Зачѣмъ она принимаетъ у себя эту сплетницу Казицыну? Но ее всѣ принимаютъ, потому что боятся. Одна губернаторша смѣется надъ ней. Но на то она и губернаторша. Остальнымъ игнорировать Казицыну опасно. Такого наплететъ, что и въ семь лѣтъ не распутаешь.

Послѣднею пришла Елена Алексѣевна Мышецкая, барышня, очень красивая, всюду бывавшая одна, не признававшая многихъ условностей и стѣсненій, enfant terrible этого губернскаго общества, которое ей много прощало за ея хорошее происхожденіе, богатство, независимость поведенія и мысли. Побаивались ея язычка и втайнѣ лицемѣрно жалѣли ее, потому что она была сиротой и жила съ бабушкой, древней старушкой, не имѣвшей, вслѣдствіе своихъ недуговъ, никакой возможности слѣдовать всюду за племянницей.

Такъ какъ мужчины, вступивъ въ общій разговоръ и вторя въ тонъ дамамъ, пренебрежительно говорили о вопросѣ, всѣхъ занимавшемъ, то-есть объ Иринѣ Львовнѣ, то Мышецкая смѣло заявила:

— Почему вы такъ кисло говорите о Загоровской? Потому что вамъ не удалось съ ней познакомиться?

Житецкая потрепала ее по щекѣ и укоризненно погрозила пальцемъ:

— Toujours la même... смѣлà и всѣмъ на перекоръ.

Мышецкая скорчила гримаску и отстранилась слегка отъ ея ласки.

— Отъ чего мнѣ мѣняться? Я говорю всегда, чтò думаю. Знаете, на что похожъ нашъ городъ? На львиный ровъ.

Раздались смѣшки и восклицанія удивленія.

— Да,—продолжала она.—Новый человѣкъ чувствуетъ себя у насъ какъ Даніилъ. Всѣ готовы растерзать его...

— Мы не звѣри, не львы,—заявилъ чиновникъ губернскаго правленія,—и если...

Но она перебила его съ насмѣшкой въ голосѣ:

— О, вы-то, конечно, не левъ! Или самое большее—только губернскій левъ, порода весьма неопасная и даже безобидная. Не обижайтесь, милый Михаилъ Васильевичъ. Всѣ вы противъ

Загоровской, потому что она живетъ замкнуто. Отвори она двери своей квартиры, и вы всѣ будете у ея ногъ.

Послышались протесты.

— Ну, чего вы шипите?—продолжала она.—Въ чемъ дѣло? Что она не живетъ съ мужемъ?..

— Helène!—въ ужасѣ воскликнула Житецкая.—Soignez vos paroles! Вы барышня, а говорите...

— Что̀ же я говорю? Я говорю правду. Она разошлась съ мужемъ. Это вѣдь часто дѣлается. У насъ дѣлается то же самое.

— Въ городѣ, за все время его существованія, неизвѣстенъ ни одинъ случай развода.

— Ахъ, какой добродѣтельный городъ! И какъ жаль, что нѣтъ Боккачіо, чтобы описать его! Лучше открыто разойтись съ мужемъ, чѣмъ заниматься тайно...

Мужчины начали фыркать; дамы испуганно ждали окончанія.

— Тайно—чѣмъ? — храбро спросилъ ее Михаилъ Васильевичъ.

— Сравненіемъ другихъ мужчинъ съ своимъ мужемъ. Теперь не говорятъ адюльтéръ, измѣна, а просто: „такая-то проходитъ курсъ сравнительной любви“. Это длиннѣе, но, кажется, вѣрнѣе и приличнѣе. Вы не находите?

Деканова весело и радостно закивала головой, Житецкая поджала губы, а Ольхова въ замѣшательствѣ стала наполнять свой ротъ печеньями. Мужчины смѣялись.

— Что касается меня, то я, при случаѣ, непремѣнно познакомлюсь съ Загоровской.

— Helène!—опять воскликнула Житецкая.

— Ну, да, что̀ же тутъ особеннаго? Вы же съ ней знакомы.

— Къ сожалѣнію. Она имѣла смѣлость сдѣлать мнѣ визитъ, а я печальную необходимость—ей отвѣтить. C'est tout. Съ тѣхъ поръ мы не видались.

— И я хочу съ ней познакомиться!—сказала Деканова.

— Вы—дѣло другое, — строго заявила Житецкая.—Вы замужемъ. Helène—дѣвушка, и что̀ скажетъ ея бабушка?

— Бабушка ничего не скажетъ...

— И это очень жаль. Ваша покойная maman никогда этого бы не допустила. Дѣвушкѣ, да еще одинокой, необходима осторожность, чтобы не потерять уваженія общества.

— Je m'en fiche de уваженіе общества.

— Merci pour nous...

— О, не обижайтесь! Я вообще не признаю этого слова: уваженіе, въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать. Я бы

возненавидѣла мужчину, который бы вздумалъ меня „уважать". Уваженіе—конецъ любви, да и уважаютъ обыкновенно старухъ, какъ мою бабушку, а насъ должны не уважать, а любить.

— Съ такими взглядами трудно выйти замужъ, — печально сказала Житецкая.

— Да я вовсе и не собираюсь. Для чего мнѣ выходить замужъ? Чтобы заниматься сравнительными опытами и пользоваться за это „уваженіемъ" общества?

— А что же вы думаете дѣлать?

— Пока—ничего. А когда бабушка умретъ, я поѣду въ Петербургъ и сдѣлаюсь пѣвицей цыганскихъ романсовъ, на смѣну Вяльцевой, которая къ тому времени устарѣетъ, потому что искренно желаю бабушкѣ прожить еще долго.

— Но вѣдь тогда и вы устарѣете,—сказалъ молодой человѣкъ въ изящномъ сюртукѣ.

— Не безпокойтесь,—отвѣтила она.—Я тогда начну карьеру съ Парижа. Тамъ пожилыя женщины, говорятъ, въ модѣ.

— Vous dites vraiment des énormités, — вяло проговорила Житецкая, которую сегодня особенно раздражала болтовня Мышецкой.

Мышецкая замолчала и принялась за чай.

XIX.

Ирина Львовна продолжала жить затворницей. Изрѣдка заходилъ къ ней Ермолинъ и проводилъ съ ней время въ разговорахъ.

Его разговоръ былъ всегда интересный, умный, оригинальный, и она очень любила его визиты. Но визиты эти были рѣдки и непродолжительны.

Иногда приходилъ онъ къ ней бодрый, оживленный, съ странными, горящими глазами, съ вдохновенной рѣчью на устахъ, точно возбужденный какимъ-нибудь волшебнымъ напиткомъ; она всматривалась въ него, стараясь проникнуть въ тайны его души; картинныя сравненія, цвѣтистые ðбразы, оригинальныя словечки такъ и сыпались съ его языка; откуда что бралось! Но возбужденіе это быстро проходило, рѣчь становилась вялой, голосъ—невнятнымъ, слова какъ будто съ трудомъ зарождались въ его мозгу и еще съ бо̀льшимъ трудомъ сходили съ языка. Тогда Ермолинъ спѣшилъ уходить той же невѣрной, шатающейся походкой, которой ушелъ отъ нея въ первое свое посѣщеніе.

Она никакъ не могла понять, въ чемъ заключалась тайна этого страннаго человѣка; она знала, что онъ былъ паціентомъ Карелинова; но Карелиновъ, въ послѣднее время, совершенно не посѣщалъ ее. Такъ что ей приходилось проводить время между Володей и роялемъ. Музыка сдѣлалась опять ея настоящей страстью и положительнымъ утѣшеніемъ въ ея горькомъ, подневольномъ одиночествѣ.

Она чувствовала, какъ между ней и городскимъ обществомъ выросла пропасть, съ каждымъ днемъ становившаяся все глубже и шире.

Она не могла понять, за что ее такъ чуждаются, такъ презираютъ, такъ ненавидятъ. Рѣшительно никому и ничего злого она не сдѣлала. Житецкую она еще понимала. Невольно, безъ всякаго желанія съ своей стороны, она отбила виднаго жениха отъ ея дочери. Понятно, что Житецкою овладѣла жажда мести и желаніе распускать позорящіе ее слухи. Но другія?

И она съ тоской ломала себѣ руки, съ горькой улыбкой вспоминая представленіе петербуржцевъ о тихой и спокойной провинціи, гдѣ жизнь такъ проста и свободна! Хороша простота и свобода!

Она знала по наслышкѣ и разговорамъ всѣхъ этихъ дамъ губернскаго общества. И простодушный Карелиновъ, и злоязычный Ермолинъ разсказывали ей о связи Декановой съ Лиховскимъ, о добродѣтельной глупости Ольховой, объ эксцентричностяхъ Мышецкой, о сплетняхъ Казицыной. Немногаго стòятъ эти дамы; она же живетъ одиноко, эксцентричностей не проявляетъ, сплетнями не занимается. За что же они такъ чуждаются ея и прячутъ отъ нея своихъ дочерей?

Вотъ они сочинили что-то про ея отношенія къ Карелинову, и этотъ другъ ея дѣтства, этотъ герой, пересталъ у нея бывать, очевидно, испугавшись сплетенъ. Богъ знаетъ, чтò выдумаютъ теперь про нее и Ермолина...

Ахъ, да какое же ей, наконецъ, дò всего этого дѣло? Пусть думаютъ, чтò хотятъ... Однако, такъ можно прожить годъ, а потомъ? Вѣдь это—тюрьма, ссылка, одиночное заключеніе. И если она думаетъ прожить здѣсь цѣлую жизнь—а она наивно думала объ этомъ, когда переселялась сюда,—то это слѣдуетъ измѣнить.

Но какъ?

Послѣ долгаго промежутка зашелъ къ ней Карелиновъ.

Онъ былъ мрачно настроенъ, и она ему не сдѣлала упрека за то, что онъ забылъ ее.

Она только сказала ему:

— Михаилъ Ниловичъ, вы, видно, сильно утомлены...

— Почему это видно?—спросилъ онъ, какъ-то нервно вскинувъ голову.

— По вашему лицу. У васъ много дѣла? Много больныхъ?

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе.

— Больныхъ? Больные мои какимъ-то чудомъ выздоравливаютъ,—нервно засмѣявшись, сказалъ онъ.—Число ихъ таетъ, какъ воскъ подъ солнцемъ. Меня не зовутъ больше въ тѣ дома даже, гдѣ я практиковалъ много лѣтъ подъ-рядъ.

И потомъ, вдругъ, повысивъ голосъ, отчего онъ у него сдѣлался писклявымъ и звенящимъ, онъ прибавилъ:

— Я чувствую, какъ я лишаюсь практики, какъ коллеги меня обгоняютъ, какъ вокругъ меня дѣлается пустыня!.. Если такъ дальше пойдетъ, мнѣ придется покинуть эти родныя мнѣ мѣста, къ которымъ я такъ привыкъ съ дѣтства.

Она подсѣла къ нему ближе. Въ ея голосѣ, въ ея глазахъ онъ прочелъ искреннее участіе къ себѣ. И онъ понялъ безъ ея словъ, что она догадалась женскимъ чутьемъ объ истинномъ значеніи всего этого. И слабая надежда затеплилась въ его сердцѣ.

— Ирина Львовна!—порывисто сказалъ онъ, но она опять-таки догадалась о его намѣреніи и поспѣшила перебить его.

— Милый Михаилъ Ниловичъ! вамъ слѣдуетъ окончательно и прямо отречься отъ меня,—и вамъ будетъ возвращено довѣріе общества. Прошу васъ, для себя, для меня, сдѣлать это. Скажите,—продолжала она,—скажите, какъ другу, старому другу дѣтства... вѣдь вы были женихомъ mademoiselle Житецкой?

— Именно *былъ*,—уныло отвѣтилъ онъ.—Теперь этотъ домъ для меня закрытъ.

Она незамѣтно улыбнулась этому скорбному тону.

— Ну, хотите, я уѣду отсюда на время, чтобы не мѣшать вашему счастью? Все скоро забудется, и вамъ будутъ открыты двери этого дома...

— Я вовсе не хочу этого, Ирина Львовна. Житецкая ведетъ противъ меня жестокую кампанію, и къ ней присоединилась эта толстая дура Казицына. Обѣ очень вліяютъ здѣсь: одна—своимъ богатствомъ и связями, другая—сплетнями. Я все готовъ вынести, и знаю, что онѣ добьются своего. Но вы тоже знаете, чего я хочу и о какомъ счастьи мечтаю...

Она печально покачала головой.

— Нѣтъ, милый, не мечтайте объ этомъ. Я не могу обѣщать того, чего не въ силахъ исполнить. Это—та дикая утка, о которой вѣчно говорятъ неудачные охотники. Удачные—о ней не говорятъ, потому что даже не замѣчаютъ ея въ своемъ ягдташѣ. Счастье, счастье... я сама когда-то думала, что завоевала его. А вотъ его нѣтъ, и я даже сомнѣваюсь, что оно существуетъ на свѣтѣ. Это слово—придуманное обездоленными людьми, потому что надо же было что-нибудь придумать и на что-нибудь надѣяться, чтобы имѣть право и желаніе жить...

Она грустно поникла головой и замолчала.

— Вы наслушались Ермолина,—чуть-чуть насмѣшливо сказалъ Кареливовъ.—Онъ выражается въ этомъ родѣ.

Ирина Львовна вспомнила о вопросѣ, который хотѣла сдѣлать Карелинову.

— Кстати, Михаилъ Ниловичъ, — оживленно сказала она, обрадовавшись, что разговоръ перешелъ на другую почву:—что̀ такое Ермолинъ?

— Во всякомъ случаѣ, не мудрецъ,—отвѣтилъ онъ.—Больной человѣкъ—и больше ничего.

— Что̀ у него такое?

Но Карелиновъ уклонился отъ отвѣта.

— Такъ... ничего особеннаго. Блажь. И говоритъ-то въ немъ не мудрость, а болѣзнь.

— Какая же у него болѣзнь?

— Я не имѣю права выдавать тайны своихъ паціентовъ,— сухо отвѣтилъ онъ.—Да это, право, и мало интересно для васъ. Или вы имъ очень интересуетесь?

— Очень.

— Такъ спросите у него сами.

Карелиновъ отправился въ садъ, къ своему любимцу Володѣ, и вскорѣ оттуда, въ открытыя окна, ворвался звонкій, металлическій смѣхъ мальчика. Врачъ и ребенокъ играли въ саду въ прятки, и Карелиновъ, видимо, увлекался игрой такъ же, какъ и Володя.

„Онъ могъ бы быть настоящимъ отцомъ Володѣ“, — съ грустью подумала Ирина Львовна. — „Отчего сердце женщины не всегда можетъ полюбить то, что̀ дорого ея ребенку“?..

И ей сдѣлалось такъ больно, что захотѣлось плакать.

Она сѣла за рояль и заиграла элегію Грига, ту самую, которая ей такъ многое напоминала изъ ея недавняго прошлаго.

XX.

Въ одинъ изъ чудныхъ майскихъ дней, Ирина Львовна вернулась домой, къ обѣду, послѣ продолжительной прогулки въ городскомъ саду съ Володей.

Въ четыре часа дня, въ саду ежедневно игралъ полковой оркестръ музыки, и вокругъ павильона, стоявшаго на обширной площадкѣ, усыпанной крупнымъ желтымъ пескомъ, собирались массами ребятишки, бонны, няньки и маменьки.

Вечеромъ, когда игралъ городской оркестръ, собиралась болѣе избранная публика, потому что входъ былъ платный; но по вечерамъ Ирина Львовна не отваживалась ходить въ садъ, чтобы не чувствовать себя одинокой среди этой толпы, въ которой всѣ были знакомы другъ съ другомъ.

И днемъ-то она выбирала уединенныя, далекія аллеи, совершенно отвыкнувъ находиться среди людей. Она нарочно не держала гувернантки или бонны, чтобы чувствовать себя ближе къ Володѣ, чтобы бо́льшую часть дня находиться съ нимъ; иначе она повѣсилась бы отъ скуки и одиночества.

— Къ вамъ заходилъ какой-то баринъ, — сказала горничная, и Ирина Львовна, твердо увѣренная, что это не могъ быть никто иной, какъ Ермолинъ или Карелиновъ, отложила поданную ей карточку въ сторону.

Только вечеромъ, когда она взяла со стола книжку, которую она читала, ей бросилась въ глаза карточка съ незнакомой ей фамиліей.

„Николай Алексѣевичъ Тереховъ, присяжный повѣренный", — прочитала она.

Имя Терехова она теперь вспомнила.

Это былъ извѣстный петербургскій адвокатъ, служившій юрисконсультомъ въ томъ вѣдомствѣ, для котораго работалъ ея мужъ.

Что-то тревожное прошло по ея душѣ.

Не съ порученіемъ ли онъ отъ мужа?

Ирина Львовна позвонила. Горничная сказала, что гость обѣщалъ зайти вечеромъ и просилъ принять его, такъ какъ онъ пробудетъ въ городѣ недолго.

Ирина Львовна стала ждать, и тысячи мыслей волновали ея воображеніе, такъ недавно еще успѣвшее успокоиться послѣ пережитыхъ волненій.

Тереховъ не заставилъ себя долго ждать.

Это былъ пожилой человѣкъ съ спокойной наружностью, съ спокойными рѣчами, въ которыхъ слышалась увѣренность въ томъ, что̀ онъ говоритъ, и угадывалась твердость воли.

Онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянулъ на хозяйку дома, какъ будто не ожидалъ встрѣтить въ ней такую привлекательную наружность. Онъ раньше никогда не видалъ ея, потому что не бывалъ у нихъ въ домѣ.

Онъ назвалъ свою фамилію.

— Я слышала о васъ,—сказала Ирина Львовна, съ трудомъ овладѣвая своимъ волненіемъ,—но не имѣла удовольствія знать васъ лично. Садитесь, пожалуйста.

Онъ сѣлъ, и тотчасъ же заговорилъ своимъ ровнымъ, груднымъ, низкимъ голосомъ.

— Васъ, конечно, удивилъ мой визитъ,—началъ онъ:—поэтому позвольте сейчасъ же разсѣять ваше удивленіе, потому что я люблю сразу войти въ курсъ дѣла. Я пріѣхалъ сюда, вызванный княземъ Льговскимъ по дѣлу его съ купцомъ Горюновымъ. Узнавъ, что я ѣду сюда, вашъ мужъ, Владиміръ Викторовичъ, просилъ меня зайти къ вамъ и сдѣлать вамъ отъ его имени предложеніе...

У нея захватило духъ; сердце, давно уже не подававшее о себѣ тревожныхъ вѣстей, снова мучительно забилось. Она задыхалась.

Но еще разъ преодолѣвъ волненіе, еле слышнымъ голосомъ, она тихо спросила:

— Разводъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ, стараясь сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ этого волненія.

То, что̀ ей не разъ приходило на умъ, то, чего она всегда тайно ожидала—совершилось.

Когда она уѣзжала изъ Петербурга, разрывая съ прошлымъ, со всѣмъ, что ей когда-то было дорого и мило, ей казалось, что она дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ жизни.

Но, все-таки, это былъ рѣшительный, а не окончательный шагъ. А теперь предстоитъ взять на себя безповоротно рѣшеніе.

Всегда тяжело безповоротно рѣшать что-нибудь; но натурамъ больнымъ и слабымъ это не только тяжело, но мучительно. Она почувствовала, какъ сердце ея упало и точно замерло, переставъ биться.

Тереховъ, тѣмъ же дѣловымъ тономъ, въ которомъ проскальзывала чуть замѣтная нотка сочувствія, продолжалъ:

— Да, онъ предлагаетъ разводъ. Я не думаю, чтобы это

могло удивить или опечалить васъ, почему и позволилъ себѣ заговорить объ этомъ безъ всякихъ прелиминарій. De facto— вы имъ уже пользуетесь, потому что не живете съ мужемъ. De jure—остается это оформить. Владиміръ Викторовичъ, само собой, беретъ вину на себя, оставляетъ сына у васъ. Въ случаѣ вашего согласія, онъ поручаетъ дѣло мнѣ. Я не веду этихъ дѣлъ, но у меня есть помощникъ, спеціализировавшійся на нихъ, и такъ какъ у меня очень большія связи въ подлежащихъ вѣдомствахъ и кромѣ того есть важныя личныя знакомства, то я буду дирижировать дѣломъ и зорко слѣдить за нимъ. Къ началу осени оно будетъ окончено, я вамъ отвѣчаю за это. Если вы согласны...

— Я согласна,—отвѣтила она твердо и громко, и это стоило ей громадныхъ нравственныхъ усилій; но она ни за что не хотѣла показать этому чужому человѣку, повѣренному ея мужа, то, что̀ дѣлалось у нея на душѣ.

— Тогда будьте добры подписать это прошеніе; оно у меня готово. Дѣло должно начаться вами, если вы хотите, чтобы вину взялъ на себя мужъ.

— Я никогда не возьму вину на себя, потому что ни въ чемъ не виновата,—гордо проговорила она.—Я этого удовольствія ему не доставлю.

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ,—успокоительно сказалъ онъ.—Кто бы ни былъ виноватъ, всегда дѣло мужчины взять на себя отвѣтственность, при наличности тѣхъ унизительныхъ и грязныхъ формъ процесса, которыя у насъ существуютъ. Да иначе и я бы не взялся за это дѣло. Вотъ жалоба, подпишите ее, и прикажите, пожалуйста, засвидѣтельствовать подпись въ полиціи. Я завтра пришлю за бумагой, потому что вечеромъ уѣзжаю обратно.

Она взяла бумагу и твердымъ почеркомъ подписала свою фамилію.

„Какая энергичная женщина!“—подумалъ Тереховъ, когда взглянулъ на подпись.—„И какой болванъ этотъ Загоровскій, что разводится съ такой прелестной женой“!

„Утѣшился!“—съ горечью подумала Ирина Львовна.—„Какъ скоро! И какъ радикально“...

Она усмѣхнулась, взглянула на свой росчеркъ и слегка дрожащей рукой отодвинула отъ себя бумагу.

— Завтра пошлю засвидѣтельствовать,—сказала она насмѣшливымъ тономъ.—Сколько радости будетъ для здѣшняго общества! Недѣли на двѣ хватитъ разговоровъ.

Тереховъ улыбнулся.

— О, да! Въ этой трущобѣ все узнается скоро, и все—событіе.

— Для чего ему понадобился разводъ?—спросила Ирина Львовна.

Тереховъ молчалъ, соображая, что̀ отвѣтить.

— Онъ женится?—опять спросила она.

Тереховъ рѣшилъ, что скрывать, во всякомъ случаѣ, нечего, разъ это, въ концѣ концовъ, станетъ оффиціально извѣстнымъ фактомъ.

— Да.

— Счастливецъ!

Тереховъ пожалъ плечами.

— Онъ не похожъ на счастливца...—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ?!—внутренно обрадовавшись, воскликнула она.—Но вѣдь онъ женится на Таисѣ Ищерской?

— Да.

— Такъ, значитъ, счастливъ. Это его увлеченіе.

— Не думаю,—серьезно отвѣтилъ Тереховъ, сбросивъ съ себя адвокатскую дѣловитость, такъ какъ оффиціальное порученіе онъ уже кончилъ.—Не думаю. Онъ имѣетъ видъ—простите за вульгарное сравненіе—быка, котораго тянутъ на веревкѣ къ бойнѣ.

— Зачѣмъ же онъ женится тогда?

— Не всегда знаешь, зачѣмъ это дѣлаешь... Ловкая женщина умѣла заставить его повѣрить въ эту необходимость.

— Но какъ же онъ женится, если принимаетъ вину на себя?

Тереховъ удивился ея наивности.

— Это наше адвокатское дѣло. Мы разведемъ, мы и женимъ. Мы все дѣлаемъ за гонораръ,—пошутилъ онъ.—Этотъ нелѣпый циклъ законовъ о разводѣ—воскъ въ нашихъ рукахъ. Мы лѣпимъ изъ него разныя вещи по желанію заказчика. Ни заказчики, ни мы не уважаемъ этого закона, потому что нельзя уважать очевидной и несправедливой несообразности. Законъ, противорѣчащій жизни, всегда обходится и попирается, ибо жизнь есть жизнь, и она всюду вноситъ коррективъ; ея потребности не могутъ быть задержаны устарѣвшими законами, и вся мудрость законодательства заключается въ томъ, чтобы приспособливать законъ къ потребностямъ жизни, а не наоборотъ. Ни одинъ портной не станетъ пригонять кліента къ сюртуку, а напротивъ, шьетъ сюртукъ по мѣркѣ кліента, и кліентъ чувствуетъ себя въ элегантномъ и ловко сшитомъ сюртукѣ преудобно. Жизнь—кліентъ, а сюртукъ—законъ.

„Утѣшился, утѣшился, утѣшился!“—стонало что-то въ душѣ Ирины Львовны.—„Увлечься можно... кто не увлекается... даже такимъ чудовищемъ, какъ Таиса. Но рѣшиться связать съ ней жизнь—это безуміе... Не преступленіе ли я дѣлаю, что своимъ согласіемъ толкаю его на это“?

Тереховъ замѣтилъ, что она не слушаетъ его.

— Простите мою философію...—сказалъ онъ.—Я удивляюсь моему кліенту. По истинѣ, на свѣтѣ есть много, другъ Гораціо... Я совсѣмъ не то ожидалъ встрѣтить... но промѣнять васъ на эту госпожу... это ужъ какое-то затмѣніе.

Несмотря на жестокую душевную боль, которую она испытывала, ей сдѣлалось пріятно при этихъ словахъ, сказанныхъ такимъ простымъ, искреннимъ тономъ.

— Но... tu l'as voulu, Georges Dandin!—проговорилъ Тереховъ и всталъ, чтобы откланяться.

Ирина Львовна сѣла къ роялю, взяла нѣсколько аккордовъ. Руки ея дрожали, сердце билось, звуки изъ-подъ ея пальцевъ выходили похожими на рыданія.

И они извлекли изъ нѣдръ ея души дѣйствительныя рыданія.

Давно, давно уже не было у нея такого приступа горя.

— Утѣшился!—шептала она.—Утѣшился!.. Бѣдный, бѣдный... Такъ ему и надо, такъ и надо!

Вбѣжалъ Володя.

— Мама, мамочка, что̀ съ тобою?! Ты плачешь?

Она страстно, съ порывомъ безумной любви, обняла мальчика.

— Володя, у тебя нѣтъ больше папы!—крикомъ вырвалось у нея.

Мальчикъ съ удивленіемъ замигалъ глазами.

— Какъ нѣтъ? А куда-жъ онъ дѣлся?—равнодушнымъ тономъ спросилъ онъ.—Умеръ? Или уѣхалъ въ Америку?

— Уѣхалъ,—сквозь слезы проговорила она.—Уѣхалъ далеко, надолго, можетъ быть навсегда... И мы его никогда, никогда не увидимъ...

Мальчикъ помолчалъ, подумалъ.

— А дядя Миша придетъ завтра?—спросилъ онъ.

И глаза его оживленно заблистали.

Валер. Свѣтловъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

I.—Несколько воспоминаній.

...Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ я познакомился съ редакціей „Современника“. Раньше я бывалъ на „четвергахъ“ Краевскаго, гдѣ собиралось много литературныхъ людей; но мнѣ очень любопытно было видѣть особенно литературный кругъ „Современника“, гдѣ собрались тогда самые крупные писатели того времени. Представлялась и небольшая литературная работа, для меня очень не лишняя. Впослѣдствіи я довольно сблизился съ редакціей „Современника“; мнѣ нерѣдко случалось бывать въ ближайшемъ кружкѣ Некрасова, который собирался за его обѣдами или ужинами.

„Отечественныя Записки“ и „Современникъ“ представляли тогда какъ бы два враждебныхъ лагеря. Историки, касавшіеся того времени, давали иногда не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе этихъ отношеній и, напримѣръ, объясняли эту вражду только чисто „коммерческой“ конкурренціей двухъ изданій. Это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно, потому здѣсь не замѣчена одна существенная разница двухъ журналовъ. Нѣкогда „Современникъ“ основался съ тѣмъ, чтобы дать болѣе независимое положеніе Бѣлинскому. Правда, и здѣсь дѣло шло для Бѣлинскаго не совсѣмъ ладно; но и положеніе самого журнала, основаннаго на занятыя деньги, было довольно трудное. По смерти Бѣлинскаго, кружокъ, собравшійся въ „Современникѣ“, не распался, и хотя многіе изъ тогдашнихъ писателей принимали участіе и въ томъ и въ другомъ журналѣ одновременно, но характеръ изданій былъ довольно различенъ. Краевскій былъ только пред-

приниматель; это былъ опытный практикъ во внѣшней сторонѣ издательскаго дѣла, но самъ вовсе не писатель, и хотя велъ журналъ болѣе или менѣе серьезно, но самъ не имѣлъ какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на вещи; у него не сохранилось никакихъ преданій Бѣлинскаго. Такъ въ пятидесятыхъ годахъ, хотя въ „Отечественныхъ Запискахъ" появлялись иногда труды С. М. Соловьева, но рядомъ проповѣдывалось нѣчто близкое къ славянофильству. Главнымъ помощникомъ его въ веденіи журнала былъ тогда С. С. Дудышкинъ. Человѣкъ умный, но лѣнивый и нѣсколько тяжеловѣсный... Предпріимчивость Краевскаго вскорѣ направилась на газету; онъ съумѣлъ овладѣть сложнымъ газетнымъ дѣломъ, дать разнообразную программу и аккуратно исполнять ее при помощи многочисленнаго кружка старыхъ и молодыхъ писателей, которыхъ зналъ уже раньше по „Отеч. Запискамъ"; между ними не было особенныхъ талантовъ, но были трудолюбивые люди, которыхъ онъ и пріучалъ къ газетной аккуратности... Такъ издавалъ онъ, при номинальномъ редакторствѣ Очкина, „С.-Петербургскія Вѣдомости" до тѣхъ поръ, когда эта газета перешла къ В. Ѳ. Коршу. „Отечественныя Записки" велись также аккуратно, также сухо и безцвѣтно; это былъ болѣе или менѣе случайный сборникъ, которому самъ редакторъ не могъ придать какого-либо одушевленія.

Совсѣмъ иного рода былъ кругъ редакціи „Современника". Редакторами были Некрасовъ и И. И. Панаевъ,—оба, уже имѣвшіе литературную извѣстность, сами не мало работавшіе въ журналѣ, оба, особливо Некрасовъ, имѣвшіе большой литературный вкусъ, и для писателей кружка они являлись какъ бы литературными товарищами. У Краевскаго этихъ качествъ не было; въ литературныхъ кружкахъ подшучивали надъ этимъ отсутствіемъ вкуса, искавшимъ обыкновенно чужой поддержки, и еще въ „Литературномъ Альманахѣ", который изданъ былъ Некрасовымъ въ 1848 или 1849 году, въ одной изъ каррикатуръ Степанова былъ очень остроумно изображенъ Краевскій въ бесѣдѣ съ молодымъ писателемъ, представлявшимъ ему свое произведеніе (этотъ молодой писатель былъ не кто иной, какъ Достоевскій). Наконецъ, въ кругу „Современника",—хотя, можетъ быть, и не совершенно ясно,—хранилась память Бѣлинскаго.

Между журналами происходили иногда полемическія стычки, но, опять, ихъ источникомъ не было одно коммерческое соперничество, какъ говорили это нѣкоторые литературные историки. Въ настоящую минуту не помню въ точности этихъ столкновеній; но, отыскавши старыя книжки журналовъ, не трудно бу-

детъ видѣть, что въ этихъ столкновеніяхъ присутствовала разница въ самомъ литературномъ складѣ двухъ изданій: одно было тяжеловѣсное, съ неяснымъ направленіемъ; другое, при всей трудности тогдашняго положенія вещей,—все-таки болѣе живое, болѣе чуткое къ стремленіямъ общественной жизни и болѣе остроумное.

Недавно только закончились „Некрасовскіе дни"—довольно многочисленныя воспоминанія, старыя и новыя, по поводу двадцатипятилѣтія со смерти Некрасова. Нельзя сказать однако, чтобы эти „дни" проходили удачно. Лишь въ немногихъ случаяхъ привелось читать или слышать сужденія и приговоры, подобающіе воспоминаніямъ въ такую минуту. Общественный интересъ къ Некрасову давно былъ весьма значительный (свидѣтельствомъ служатъ постоянно повторяющіяся, и крупныя, изданія), и онъ показывалъ уже, что желали бы встрѣтить историческую оцѣнку, которая объяснила бы основанія этого традиціоннаго интереса. Съ другой стороны, очень давне отрицательное, даже враждебное отношеніе къ Некрасову, какъ личному характеру, и къ его поэзіи, которая прямо отвергалась...

Человѣка давно нѣтъ; осталось одно дѣло писателя, одинъ умственный и поэтическій трудъ,—то и другое было во всякомъ случаѣ явленіемъ не совершенно обыкновеннымъ; если въ послѣднее время мы видѣли, что и до сихъ поръ уцѣлѣло то восторженное (хотя бы въ иномъ преувеличенное) отношеніе къ Некрасову, которое отвѣчало увлеченіямъ стараго времени,—то естественно было разъяснить именно эту сторону лица, біографіи и литературнаго наслѣдія. Мы видѣли напротивъ, что слишкомъ многіе изъ тѣхъ, кто писали и говорили въ эти „дни", останавливались съ особеннымъ какъ будто злораднымъ усердіемъ именно на темныхъ, отрицательныхъ сторонахъ лица и біографіи. Перескажу свои личныя воспоминанія—sine ira et studio.

Я видѣлъ въ первый разъ Некрасова въ 1854 году; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я принялъ близкое участіе въ „Современникѣ", когда онъ возобновился послѣ закрытія его въ 1861 году. Это участіе продолжалось до окончательнаго прекращенія журнала въ 1866 году. Послѣ того,—это было въ тѣ годы, когда Некрасовъ издавалъ „Отечественныя Записки" съ М. Е. Салтыковымъ и другими,—я видалъ его мало, и нерѣдко навѣщалъ его только во время его послѣдней продолжительной болѣзни. Въ первые годы знакомства и сложились мои представленія объ этомъ характерѣ: потомъ онѣ мало измѣнились. Многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ

счетѣ и по силѣ благопріятныхъ впечатлѣній, въ моихъ понятіяхъ объ этомъ характерѣ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи.

Для всякой исторической оцѣнки необходимымъ основаніемъ должно быть опредѣленіе условій времени и среды. Для болѣе молодыхъ поколѣній нашего времени эти условія обыкновенно совсѣмъ неизвѣстны: онѣ представляются только въ общихъ чертахъ, безъ тѣхъ реальныхъ подробностей, какія въ свое время дѣйствовали въ жизни каждый день и на каждомъ шагу. То время, когда складывался характеръ Некрасова, несомнѣнно наложило на него свой отпечатокъ. Прежде всего, это было время полнаго разгара крѣпостныхъ нравовъ и бюрократическаго самовластія. Въ такъ называемомъ обществѣ человѣкъ имѣлъ значеніе прежде всего или по числу принадлежавшихъ ему „душъ", или по служебному положенію. У Некрасова не было ни того, ни другого. Извѣстны разсказы о томъ, какъ онъ бѣдствовалъ, когда безпомощнымъ юношей пріѣхалъ въ Петербургъ. Домашнее обученіе было скудное; между тѣмъ онъ желалъ поступить въ университетъ... Онъ не стѣснялся своихъ бѣдственныхъ воспоминаній и разсказывалъ, напримѣръ, какъ онъ съ грѣхомъ пополамъ учился латыни, необходимой для экзамена, у какого-то учителя изъ семинаристовъ, который принималъ его въ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, и урокъ шелъ за штофомъ водки; этого учителя онъ, впрочемъ, хвалилъ, это былъ человѣкъ не глупый и училъ хорошо. Изъ этого ничего потомъ не вышло, потому что для дальнѣйшаго ученья вообще было слишкомъ много препятствій. „Петербургскіе углы", которые Некрасовъ описывалъ впослѣдствіи, были извѣстны ему по наглядному собственному опыту. Такимъ образомъ, эта тяжкая и элементарная сторона жизни была однимъ изъ первыхъ и довольно продолжительныхъ опытовъ, какіе пришлось ему извѣдать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладимаго слѣда...

Но въ молодомъ человѣкѣ, такъ тяжело испытуемомъ судьбою, жило тѣмъ не менѣе рѣшеніе не покоряться этой судьбѣ, пріобрѣталось реальное знаніе жизни; закалялся сильный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грубѣлъ...

Какъ я сказалъ, я почти въ одно время познакомился съ тѣмъ и другимъ журналомъ. У Краевскаго собиралось по четвергамъ довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное—тутъ были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; въ тѣ годы Краевскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, какъ бы

„представителей печати“. Здѣсь, напримѣръ, я видѣлъ въ первый разъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (еще въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ знаменитую статью „О колебаніи цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“—это было замѣчательное, хотя по обстоятельствамъ времени очень прикрытое указаніе на ненормальность крѣпостного права); здѣсь бывалъ В. В. Самойловъ; здѣсь я въ первый разъ познакомился съ И. Ѳ. Горбуновымъ, котораго тогда вывезъ изъ Москвы Островскій, и который уже на первыхъ порахъ производилъ большой эффектъ и имѣлъ успѣхъ въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества; здѣсь бывалъ Писемскій, Д. В. Григоровичъ и проч.; бывали наконецъ и мои знакомцы по изслѣдованіямъ въ старой литературѣ; гости обыкновенно разбивались на отдѣльные кружки... Понятно, что этотъ кругъ представлялъ очень много интереса для меня, вчерашняго студента, уже начавшаго „литературныя изученія“; бывало много неизвѣстныхъ мнѣ раньше любопытныхъ людей, сообщались литературныя и общественныя новости,—между прочимъ, въ это время готовился, а потомъ и совершился столѣтній юбилей Московскаго университета, еще небывалое до тѣхъ поръ научно-литературное торжество; происходилъ финалъ Крымской войны.

Совсѣмъ иного характера былъ кружокъ „Современника“. Тамъ не было „журфикса“, на который могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа. Сходился только опредѣленный, ближайшій кружокъ, который обыкновенно и соединялся въ одномъ общемъ разговорѣ... Въ первый разъ, когда я видѣлъ Некрасова, онъ жилъ въ домѣ, еще недавно сохранившемся въ томъ же видѣ на углу Загороднаго проспекта и Звенигородской улицы. Здѣсь же я встрѣтилъ въ первый разъ И. С. Тургенева.

При этомъ первомъ знакомствѣ съ кружкомъ редакціи „Современника“ я уже достаточно зналъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по ихъ литературнымъ трудамъ и репутаціи;—уже впередъ этотъ кружокъ имѣлъ для меня самый живой интересъ. Дѣйствительно, здѣсь собрались самыя лучшія силы тогдашней литературы—притомъ не въ случайной встрѣчѣ по журнальнымъ дѣламъ (какъ это бывало въ редакціи „Отеч. Записокъ“), а въ сознательномъ единеніи, которое внушалось общими литературными интересами, сродствомъ художественнаго вкуса и взаимной оцѣнкой,—и это единеніе переходило въ дружескія отношенія; многихъ (какъ, напр., Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со временъ Бѣлинскаго. Въ ли-

тературномъ отношеніи „Современникъ“ безъ сомнѣнія былъ лучшимъ журналомъ того времени. Здѣсь начались и продолжались „Записки Охотника“ Тургенева, оставшіяся самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ; помѣщались повѣсти Григоровича (другія, второстепенныя вещи его, какъ „Проселочныя дороги“ и т. п., помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“); здѣсь появлялись произведенія Гончарова, Дружинина, художественно-критическія статьи В. Боткина; въ дружескихъ отношеніяхъ съ редакціей былъ П. В. Анненковъ; далѣе, Ег. П. Ковалевскій, В. П. Гаевскій и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель, котораго можно было справедливо назвать писателемъ-художникомъ, долженъ былъ гораздо больше тяготѣть къ редакціи „Современника“, чѣмъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“. Въ послѣднихъ для такого писателя былъ только одинъ матеріальный вопросъ—вопросъ напечатанія повѣсти, романа и т. д. и гонораръ; здѣсь, напротивъ, онъ могъ быть увѣренъ въ интересѣ цѣлаго кружка къ самому произведенію, его художественному значенію и общественному смыслу; въ случаѣ успѣха, онъ могъ ожидать искренняго сочувствія, а также и критики, внушаемой опытнымъ вкусомъ,—того и другого всегда жаждетъ писатель-художникъ, серьезно относящійся къ своему труду. Эти отношенія чувствовались и впослѣдствіи, когда я ближе видалъ редакцію „Современника“ и убѣждался, что это было дѣйствительно такъ.

Кромѣ названныхъ лицъ, здѣсь встрѣчались и другіе извѣстные писатели того времени: бывалъ Писемскій, Я. П. Полонскій; ни тотъ, ни другой не были, сколько припоминаю, частыми посѣтителями; позднѣе. едва ли не послѣ извѣстныхъ статей Добролюбова, бывалъ А. Н. Островскій.

Характеры лицъ были довольно разнообразны; но въ цѣломъ это былъ безъ сомнѣнія лучшій литературный кругъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу было въ той или другой степени это чувство превосходства надъ обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основанія: за ними стояло славное преданіе Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ; высокая степень дарованій и литературнаго вкуса и опыта. Къ этому чувству превосходства присоединялось вѣроятно и нѣкоторое, уже независѣвшее отъ литературы, барство. Кружокъ могъ напоминать слова г-жи Сталь, что въ Россіи нѣсколько „gentilshommes“ занимаются литературой [1]). Бо́льшею частью, это были люди

[1]) Дальше увидимъ, что Фетъ, отчасти примыкавшій къ этому кругу, съ нѣкоторой гордостью утверждалъ, что тогдашняя литература была „дворянская“—онъ

именно дворянскаго круга, съ еще привычными тогда его чертами;—послѣднія принимались и другими, у которыхъ дворянское барство замѣнялось барствомъ купеческимъ, какъ, напримѣръ, у В. П. Боткина.

Самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) въ этомъ кругу былъ несомнѣнно Тургеневъ; по уму и общественному пониманію едва ли не превосходилъ всѣхъ Некрасовъ. Нѣкоторыя особенности этихъ двухъ характеровъ бросились мнѣ въ глаза, когда я увидѣлъ ихъ обоихъ, придя въ первый разъ къ Некрасову. Некрасовъ заговорилъ просто, прямо о дѣлѣ; обо мнѣ онъ зналъ раньше. Съ Тургеневымъ у меня дѣлъ никакихъ не было; мое имя онъ зналъ и былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ, правда, едва замѣтнымъ тономъ покровительства, — быть можетъ, такой тонъ казался ему естественнымъ относительно молодого человѣка, но для меня онъ былъ совершенно не нуженъ, потому что ни въ какомъ его покровительствѣ я не нуждался. Эта черта извѣстнаго, хотя и прикрываемаго, высокомѣрія, для меня индифферентная, другихъ прямо раздражала. И въ самомъ дѣлѣ, она бывала иногда неумѣстна, и я не сомнѣваюсь, что она, наряду съ другими подобными чертами личнаго характера, была въ числѣ тѣхъ мотивовъ, которые уже вскорѣ стали создавать холодное отношеніе къ Тургеневу — отъ „Современника“ половины пятидесятыхъ годовъ до „Отечественныхъ Записокъ“ временъ Салтыкова. Тургеневъ въ кружкѣ Некрасова былъ интересный собесѣдникъ, между прочимъ, по обширному знанію европейской литературы. Здѣсь въ ровень съ нимъ стоялъ А. В. Дружининъ, который, впрочемъ, особенно увлекался тогда и послѣ „британской“ литературой. Бывшій гвардейскій офицеръ, кажется, довольно богатый человѣкъ, Дружининъ держалъ себя англійскимъ джентльменомъ, строго корректнымъ во внѣшности и манерахъ; при всей этой немного искусственной и, по-англійски, холодной манерѣ, онъ былъ очень хорошій человѣкъ—не даромъ изъ „британской“ словесности онъ вычиталъ идею литературнаго фонда и былъ первымъ иниціаторомъ нашего учрежденія этого имени. Боткинъ только по временамъ жилъ въ Петербургѣ и тогда бывалъ частымъ посѣтителемъ Некрасова. Когда мы видѣли его здѣсь, время дружбы съ Бѣлинскимъ уже прошло; характеръ, вѣроятно, не мало измѣнился въ сторону дѣловыхъ цѣлей и пріе-

---

скорбѣлъ, что потомъ въ эту литературу вошли „разночинцы“, а изъ прежнихъ дѣятелей многіе измѣнили „дворянскимъ интересамъ“ (во время освобожденія крестьянъ).

мовъ: онъ былъ тогда главнымъ руководителемъ богатой фирмы. Повидимому издавна принадлежала ему свойственная его практической дѣятельности сухость; онъ не былъ привѣтливъ; изъ молодого поколѣнія онъ, кажется, не сблизился ни съ кѣмъ; въ особенности онъ, кажется, считалъ себя судьей въ дѣлѣ художественной критики, и немалая опытность у него несомнѣнно была. Со старыми друзьями, какъ Некрасовъ, Тургеневъ, у него были короткія отношенія, и я припоминаю, какъ онъ дѣлалъ желчные выговоры Тургеневу за его эстетическія ошибки. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ былъ очень податливъ на покровительство молодымъ талантамъ. Въ это время, около половины пятидесятыхъ годовъ, онъ отрекомендовалъ Краевскому одну повѣсть, о которой наговорилъ и своимъ друзьямъ въ „Современникѣ"; когда повѣсть была напечатана, Боткинъ прочиталъ ее и обрушился на Тургенева—какъ онъ могъ видѣть въ повѣсти какія-то достоинства, которыхъ въ ней вовсе не было, что нельзя судить такъ легкомысленно и т. д.; Тургеневъ не находилъ оправданій. Появлялся въ кружкѣ и П. В. Анненковъ, когда еще ожидался выходъ въ свѣтъ изданія Пушкина. Бывалъ Писемскій: это былъ уже авторитетный писатель; несомнѣнно талантливый, по своему умный, онъ не привлекалъ къ себѣ; его провинціально грубая манера, не весьма изящный костромской говоръ, который выдавался очень рѣзко, какъ будто предвѣщали, что здѣсь онъ не въ своемъ кругу. И дѣйствительно, когда впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ руководителей „Библіотеки для Чтенія" [1]), и тамъ его фельетоны, подъ грубымъ, даже нѣсколько безсмысленнымъ псевдонимомъ (трудно понять, почему выбраннымъ), проводили какую-то нелѣпо-консервативную тенденцію.

То было знаменательное время въ цѣлой новѣйшей русской исторіи, время кризиса въ жизни государства и великаго перелома въ умахъ общества и даже народа, — канунъ и вскорѣ начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. Подъ гнетомъ цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать въ какой-либо степени не то что органомъ, но хотя бы слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Это было то время, когда по внушеніямъ „негласнаго комитета", который былъ настоящимъ пугаломъ литературы и самой цензуры, распространилась особенная боязнь печатнаго слова и преслѣдованіе всякаго

[1]) Послѣ Дружинина.

намека на критическую мысль. Гроза была неотвратимая, и съ нею нужно было считаться, чтобы сохранить существованіе журнала. Одного спеціальнаго цензурнаго учрежденія казалось мало: каждое министерство или крупное вѣдомство имѣло особыхъ цензоровъ изъ своихъ чиновниковъ, которые должны были просматривать или цѣлыя статьи, или отдѣльныя мѣста, гдѣ рѣчь касалась ихъ компетенціи. Обыкновенный цензоръ отмѣчалъ въ посылаемыхъ ему корректурахъ, что статья или отчеркнутое мѣсто должны были быть направлены къ особому цензору, того или другого вѣдомства. Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобныхъ цензуръ. Понятно, что такое положеніе вещей не представляло для редактора журнала ни удобства, ни удовольствія: во всякомъ случаѣ это была непріятная проволочка, которой старались избѣгать... Къ счастью, спеціальнымъ цензоромъ „Современника" былъ тогда В. Н. Бекетовъ, человѣкъ болѣе или менѣе простой, довольно благодушный и благожелательный. Конечно, самъ находясь подъ ферулой, онъ не могъ уступать и не уступалъ своихъ цензорскихъ обязанностей, но, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ мелоченъ и не прибавлялъ къ обязанностямъ оффиціальнымъ личной придирчивости и каприза. Я много разъ встрѣчалъ его за обѣдами или ужинами Некрасова... Настроеніе литературнаго круга, который я видѣлъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ иныхъ кружкàхъ, было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроеніе подавленное; трудно было говорить въ литературѣ даже то, чтò говорилось еще недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ. По распоряженіямъ негласнаго комитета даже отбирались нѣкоторыя книги прежняго времени, напр. „Отечественныя Записки" сороковыхъ годовъ; славянофиламъ просто запрещали писать, или представлять въ цензуру какія-нибудь свои статьи; оставались возможны только темные намеки или молчаніе. Въ кружкахъ друзей передавались текущія новости разнаго рода, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатѣйливая пріятельская болтовня, какая издавна господствовала въ холостой компаніи тогдашняго барскаго сословія,—а эта компанія была и холостая, и барская. Нерѣдко она попадала на темы совсѣмъ скользкія. Въ это время Дружининъ писалъ въ „Современникѣ" цѣлые шутовскіе фельетоны подъ заглавіемъ: „Путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ". Въ это время создавались творенія знаменитаго Кузьмы Пруткова, которыя также печатались въ „Современникѣ", и въ редакціи журнала я въ первый разъ познакомился съ однимъ изъ главныхъ представителей этого сборнаго

символическаго псевдонима, Владиміромъ Жемчужниковымъ. Въ то же время, когда писались творенія Кузьмы Пруткова, пріятельская компанія, которую онъ собою представлялъ, отчасти аристократическая, продѣлывала въ Петербургѣ различныя практическія шутовства, о которыхъ, если не ошибаюсь, было говорено въ литературѣ по поводу Кузьмы Пруткова. Это не были только простыя шалости беззаботныхъ и балованныхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ, бывало здѣсь частью инстинктивное, частью сознательное желаніе развлечься и посмѣяться въ удушливой атмосферѣ времени. Самыя творенія Кузьмы Пруткова какъ бы хотѣли быть образчикомъ серьезной, даже глубокомысленной, а также скромной и благонамѣренной литературы, которая ничѣмъ не нарушила бы строгихъ цензурныхъ требованій. Знаменитая пьеса „Фантазія“ должна была представлять просто скромную шутку, безъ признака какой-нибудь тенденціи; но и „Фантазія“, и мудрые афоризмы Кузьмы Пруткова, историческіе анекдоты, басни и проч., все это было сплошное шутовство, гдѣ, однако, при нѣкоторомъ вниманіи мелькала какая-то неопредѣленная насмѣшка: въ литературу введенъ былъ писатель, который очевидно былъ каррикатурой,—тупоумный или одурѣлый чиновникъ, который, прежде всего, считалъ себя благонамѣреннымъ. По странной случайности, около этого времени заѣхалъ въ Петербургъ провинціальный чиновникъ, хлопотать о своихъ дѣлахъ. Это былъ нѣкто Аѳанасій Анаевскій, очень извѣстный тогда въ литературѣ, какъ во времена Пушкина извѣстенъ былъ Александръ Аѳимовичъ Орловъ,—авторъ цѣлаго ряда небольшихъ книжекъ, совсѣмъ серьезныхъ по намѣренію автора, но чудовищныхъ по своей нелѣпости; книжки носили, напримѣръ, такія названія: „Энхиридіонъ любознательный“, „Жезлъ“, „Экзалтаціонъ и 9 музъ“, „Мальчикъ, взыгравшій въ садахъ Тригуляя“, и т. п.

Такое тяжелое положеніе угнетало не только литературу, но и цѣлое мыслящее общество,—и отъ этого гнета нельзя было отдохнуть одною шуткою, прикрытою насмѣшкою надъ цензурой, и въ концѣ-концовъ протестъ противъ этого подавленія общественной мысли высказался въ особой, рукописной литературѣ, уже не считавшей нужнымъ искать дозволенія цензуры. Въ канунъ и въ теченіе Крымской войны эта рукописная литература обильно разрослась и распространилась въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ и съ жадностью прочитываемыхъ. Въ большинствѣ случаевъ, это были весьма серьезныя „записки“, трактовавшія о тѣхъ вопросахъ, какіе въ наступавшую тревожную пору волновали общество, и для которыхъ не было мѣста въ обыкно-

венной литературѣ... Записки говорили объ общемъ политическомъ положеніи вещей, о массѣ внутреннихъ неурядицъ—испорченности и подкупности администраціи и суда, о безсиліи правительственной власти искоренить злоупотребленія при господствѣ оффиціальной лжи („все обстоитъ благополучно") и при вынужденномъ молчаніи общественнаго мнѣнія, усиленно подавляемаго цензурой... Кромѣ записокъ по общему вопросу нашей внутренней жизни, были спеціальныя записки, напр. о состояніи суда, администраціи (были даже цѣлыя большія сочиненія), о невозможныхъ абсурдахъ цензуры и т. д. Наконецъ, ходили по рукамъ стихотворенія, вызванныя войной, или чисто патріотическія („Вотъ въ воинственномъ азартѣ—Воевода Пальмерстонъ"), или такія, гдѣ патріотизмъ выражался протестомъ противъ домашнихъ неустройствъ и испорченности (стихотворенія Хомякова: „Тебя призвалъ на брань святую", и противовѣсъ этому: „Раскаявшейся Россіи"; или извѣстное тогда стихотвореніе не названнаго автора: „Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею")... Многое изъ этой рукописной литературы издано было потомъ за границей въ „Голосахъ изъ Россіи". Авторы, конечно, предпочитали умалчивать свои имена; но извѣстно было, что одна изъ самыхъ значительныхъ записокъ принадлежала Грановскому; многое написано было Погодинымъ; были работы Ив. Аксакова... Теперь многое изъ потаенной литературы стало болѣе или менѣе извѣстно; цѣлые трактаты посвящены изображенію цензуры Николаевскихъ временъ; издано многое изъ переписки того времени,—и вотъ, напримѣръ, подобранныя недавно г. Барсуковымъ изъ того времени, слова знаменитаго историка, писателя, отличительной чертой котораго было мудрое спокойствіе мысли. „Приходилось,—писалъ С. М. Соловьевъ въ эпоху Крымской войны,—расплатиться... за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовила наша Исторія, именно самостоятельнаго и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ, самый геніальный и благонамѣренный, остается безпомощнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ:—тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны. Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся. И это утѣшеніе было отнято, въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть—ничто же пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство того, что сила и матерія—не одно и то же" [1]).

---

[1]) Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", XIII, стр. 20. Въ этой же книгѣ

Мы сдѣлали это отступленіе, чтобы напомнить настроеніе общества въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху Крымской войны,—и дать понятіе, въ какія условія поставлена была дѣятельность журнала, еслибы онъ не хотѣлъ остаться чуждъ настроеніямъ и исканіямъ общества.

Въ тяжелыхъ условіяхъ времени, для журнала, который въ концѣ сороковыхъ годовъ начатъ былъ дѣятельностью Бѣлинскаго, невозможно было думать о непосредственномъ продолженіи начатаго Бѣлинскимъ. На ту минуту не было и людей, которые хоть сколько-нибудь были способны къ энтузіазму Бѣлинскаго,— мы увидимъ дальше, что̀ сталось съ его ближайшимъ другомъ Боткинымъ (который, впрочемъ, и никогда не былъ близкимъ участникомъ журнальной работы). Но такъ или иначе завѣтъ Бѣлинскаго не изсякъ совсѣмъ. Высоко ставилось дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось (у болѣе серьезныхъ людей) и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность. Въ журналѣ соединились лучшія литературныя силы; къ нему примыкали и нѣсколько замѣчательныхъ людей другой области, ученые и публицисты. Въ первое время журнала въ немъ работалъ Кавелинъ; присылали свои труды С. М. Соловьевъ, А. Н. Аѳанасьевъ; много работалъ Владиміръ Милютинъ; одно время усерднымъ сотрудникомъ былъ Ушинскій и т. д. Въ 1853 къ блестящей плеядѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя, или, на первое время, три буквы, которыя тотчасъ привлекли всеобщее вниманіе. Эти буквы были Л. Н. Т. „Дѣтство", „Отрочество", „Юность" и вскорѣ затѣмъ „Севастопольскіе разсказы" поставили гр. Л. Н. Толстого въ первомъ ряду русскихъ писателей. О немъ самомъ пока знали только по слухамъ и въ первый разъ въ литературныхъ кругахъ увидѣли его только въ 1856 году, когда, послѣ севастопольской осады, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; его приняли съ распростертыми объятіями...

Въ этомъ характерѣ журнала, и въ этомъ составѣ редакціи вступилъ въ „Современникъ" Н. Г. Ч. и, года черезъ два потомъ, Добролюбовъ. Положеніе вещей было таково. На первый разъ вступленіе Н. Г. Ч. въ редакцію не произвело на членовъ кружка особеннаго впечатлѣнія,—но уже вскорѣ, при всемъ согласіи основныхъ стремленій къ успѣхамъ литературы, сказалась весьма существенная разница въ пониманіи ея общественнаго

г. Барсукова сообщены любопытныя свѣдѣнія о политическихъ запискахъ Погодина, ходившихъ по рукамъ въ эпоху Крымской войны.

значенія. Различіе этихъ оттѣнковъ восходило къ различію понятій теоретическихъ и общественно-историческихъ. Дальше увидимъ, что это были двѣ различныя школы и два поколѣнія: младшее поколѣніе (въ данномъ случаѣ) было именно несравненно болѣе воспріимчиво къ тѣмъ тревожнымъ стремленіямъ общественнаго мнѣнія, какія выше мы указывали словами С. М. Соловьева. Имя Ч-го, впрочемъ, было извѣстно. Въ 1855 году произвела нѣкоторое впечатлѣніе его диссертація: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", и исторія, которая съ ней произошла. Дѣло въ томъ, что диссертація представлена была (на степень магистра) по каѳедрѣ А. В. Никитенка; диссертація была своего рода протестомъ противъ господствовавшей эстетической рутины и искала болѣе простой, реальной, жизненной постановки вопроса о „прекрасномъ" и объ искусствѣ. Никитенко, которому предстояло разсмотрѣть, потомъ принять или отвергнуть диссертацію его университетскаго слушателя,—гдѣ шла рѣчь именно о нѣмецкихъ теоріяхъ эстетики, — не былъ человѣкъ ученый, но онъ былъ человѣкъ умный. Надо думать, что самъ онъ (понимавшій эстетику по переводамъ и разсказамъ о теоріяхъ Гегеля) не совсѣмъ раздѣлялъ, или даже совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ Ч-го; но онъ совершенно понималъ, что сложный и трудный теоретическій вопросъ можетъ допустить самыя различныя точки зрѣнія, что самая многосторонность и противорѣчивость сужденій можетъ только служить болѣе глубокому дальнѣйшему рѣшенію, и въ этомъ смыслѣ (единственно правильномъ) онъ не имѣлъ противъ диссертаціи никакихъ возраженій. Она была имъ принята (это было главное); затѣмъ, съ формальной стороны, состоялся диспутъ, прошедшій обычнымъ образомъ, причемъ авторъ не оказывался побѣжденнымъ, и дѣло казалось рѣшеннымъ, но затѣмъ оно должно было идти на утвержденіе министра. Здѣсь началась какая-то темная исторія. Тогда объясняли ее такъ, что о диссертаціи прослышалъ извѣстный И. И. Давыдовъ; прочитавши книжку, онъ вывелъ заключеніе, что это отступленіе отъ принятыхъ (гегеліанскихъ) эстетическихъ теорій есть вольнодумство: послѣднее въ то время усиленно преслѣдовалось, и Давыдовъ (нѣкогда профессоръ Московскаго университета), управлявшій тогда педагогическимъ институтомъ, нашелъ нужнымъ проявить и здѣсь свое усердіе. Говорили, что онъ отправился къ министру (это былъ тогда А. С. Норовъ) и втолковалъ ему объ опасномъ проявленіи вольнодумства. Въ концѣ концовъ рѣшеніе факультета не получило утвержденія министра. Конечно, это не было однимъ изъ почетныхъ

фактовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и его министерства. До вступленія въ редакцію „Современника", Ч-го могли знать и по нѣкоторымъ статьямъ его, какія раньше являлись въ „Отечественныхъ Запискахъ" и указывали, между прочимъ, на серьезную научную образованность автора. Это былъ молодой писатель, въ какомъ редакція могла нуждаться: человѣкъ съ большими свѣдѣніями, разнообразной начитанностью, отличавшійся большой энергіей и быстротою работы.

Первыя его работы были характерны, новы, и съ первыхъ шаговъ опредѣлили и его общее направленіе, и его отношеніе къ тому, что̀ творилось въ тогдашней литературѣ и что̀ волновалось въ общественной жизни. Одной изъ этихъ работъ были извѣстные „Очерки Гоголевскаго періода": они опредѣляли историческій моментъ, къ которому привело предшествовавшее развитіе нашей литературы и которымъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ опредѣляться ея дальнѣйшій путь. Это былъ оригинально и живо написанный ретроспективный взглядъ на недавнее прошлое русской литературы, подкрѣпленный характерными подробностями ея исторіи, взглядъ, который указывалъ, какими путями складывалось общественное значеніе литературы, что̀ было ею пріобрѣтено въ ея тяжелыхъ условіяхъ, особливо въ условіяхъ неразвитости большинства общества, и что̀ было пріобрѣтено ею какъ великій результатъ, обязательный для дальнѣйшихъ дѣятелей русской литературы, которые съумѣли бы понять свой истинный долгъ, лично нравственный и общественный. Пересмотрѣвъ различныя направленія „Гоголевскаго періода", которыя были постепенными стадіями литературнаго сознанія, авторъ очерковъ приходилъ къ писателю, на которомъ сосредоточивались его сочувствія: это былъ „критикъ Гоголевскаго періода", котораго въ началѣ этой работы еще нельзя было назвать по имени: цензура еще не пропускала имени Бѣлинскаго. „Очерки" имѣли то великое достоинство, что они въ первый разъ ярко и опредѣленно возстановили какъ бы боязливо забытую и оставленную традицію Бѣлинскаго. „Очерки" въ первый разъ представили, насколько лишь было возможно, великое значеніе этого писателя. Изданія его еще не было—оно стало появляться лишь съ конца пятидесятыхъ годовъ. Чтобы войти въ эпоху, надо было перерывать груды старыхъ журналовъ, выдѣлять статьи Бѣлинскаго (всего чаще не подписанныя), перечитывать остальную массу тогдашней литературы, словомъ, производить ту сложную работу, которая потомъ была значительно облегчена изданіемъ его сочиненій. Самая личность Бѣлинскаго до извѣстной степени объ-

яснялась для автора живымъ преданіемъ въ средѣ людей „сороковыхъ годовъ". Если не ошибаюсь, не мало онъ почерпнулъ изъ разсказовъ П. В. Анненкова. Въ томъ кругѣ это былъ, вѣроятно, человѣкъ наиболѣе способный серьезно оцѣнивать цѣлое явленіе личности и дѣятельности Бѣлинскаго. Извѣстно, что впослѣдствіи, долго спустя, Анненковъ оставилъ очень цѣнныя воспоминанія объ эпохѣ Бѣлинскаго. На ту пору Анненковъ, повидимому, не рѣшался на подобное дѣло: онъ былъ для этого слишкомъ остороженъ и опасливъ; но, видимо, его и тогда влекло къ реставраціи той эпохи, и въ 1858 вышла его извѣстная біографія Станкевича,—написанная въ нѣсколько туманномъ теоретическомъ стилѣ, который бывалъ тогда выбираемъ имъ намѣренно, съ одной стороны, чтобы отвязаться отъ цензуры, а съ другой—и для того, чтобы пріучать и читателя вникать въ серьезное изложеніе.

Въ то же время та же основная мысль объ общественномъ значеніи художественной литературы была высказана въ другой формѣ. Въ третьей книгѣ „Современника" 1855 г. былъ помѣщенъ разборъ книжки: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей". Книжка эта сама по себѣ не интересна, замѣчалъ критикъ, но она послужила поводомъ къ слѣдующему случаю. Книжку собрались читать дѣти, для которыхъ она была предназначена—пятеро племянниковъ и племянницъ одной почтенной тетушки, возрастомъ отъ тринадцати до восьми лѣтъ. Въ дѣтской книжкѣ, по обыкновенію, преподавались полезныя нравоученія и, между прочимъ, внушалось, какъ дурно быть неблагодарнымъ. Въ результатѣ юные читатели сообразили, что они должны быть благодарны старшимъ, которые сочинили для нихъ повѣсти, и въ благодарность они, маленькіе читатели, должны сочинить повѣсти для старшихъ. Рѣшеніе принято было въ особенности по убѣжденію Петруши, который „былъ одаренъ замѣчательною силою ума". У тетушки были гости, а дѣти принялись за писаніе повѣстей. Къ концу вечера повѣсти были готовы, и тетушкѣ надо было заявить гостямъ о предстоящемъ чтеніи. Нѣкоторымъ изъ гостей показалось нелѣпымъ слушать ребяческія повѣсти; другіе, напротивъ, заинтересовались ими. Въ концѣ концовъ прочитано пять повѣстей, и каждая потомъ подверглась критикѣ гостей. Началось съ повѣсти восьмилѣтней Полины: „Пять лѣтъ". Повѣсть вообще понравилась. „Какой прекрасный слогъ!—говорили критики изъ гостей,—какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понятъ, какъ художественно воспроизведенъ характеръ Надины! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна!" Та-

ковъ былъ общій голосъ гостей. Нѣкоторые прибавляли, однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ таланту, и что даровитая Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и—если можно такъ выразиться—дѣвственной свѣжести образовъ; что иначе рефлексія сгубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію, затаенную мысль, и была этимъ очень недовольна", и т. д.

Разсказъ девятилѣтняго Ванички: „Старый воробей", былъ нѣсколько похожъ на повѣсть Полины и также очень понравился критикамъ: „всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою; нѣкоторые даже прибавили: „вотъ истинный *герой нашего времени*, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки". Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли въ художественномъ отношеніи они не сравниваютъ, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти—что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли-было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ уже почти нельзя было разслушать: едва послышалось выраженіе „мысль есть душа произведенія", какъ двадцать голосовъ закричали: „а художественность? она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значитъ"... Въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стоитъ" и т. д.

Одинъ изъ младшихъ братьевъ, Боренька, прочиталъ разсказъ „Черная долина" (La vallée noire) съ эпиграфомъ изъ Жоржъ-Занда: „Oh! que j'aime cette vie calme et douce". Повѣсть была изъ русской народной жизни [1]).

„По поводу этой повѣсти опять былъ довольно жаркій споръ" —о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для

---

[1]) Повѣсть начиналась такъ:

„У пастуха Ивана есть падчерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. „Jeanne" Жоржъ-Занда) слышитъ подлѣ себя вздохъ—это Ѳедоръ, который служитъ батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Ѳедоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ смотритъ на нее.

—Чаво не видалъ, глаза-те уставилъ?—не безъ наивнаго кокетства, спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то"!.. и т. д.

художественнаго произведенія. „Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали:—можетъ, и представляли, какъ неопровержимый примѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боренька, только она и маскируетъ внутреннюю бѣдность содержанія; иные, впрочемъ, не допускали „такихъ узкихъ понятій“ и предполагали, что для двухъ—трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, несмотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинное содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ художественномъ достоинствѣ Боренькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бореньки съ простонародною жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ“ и т. д.

Шутка была довольно безобидная,—и, можетъ быть, авторъ на этотъ разъ хотѣлъ избѣжать и цензурныхъ затрудненій; но мысль была совсѣмъ серьезная. Онъ хотѣлъ сказать, что художественной литературѣ пора выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя она себя заключила, не считать своимъ единственнымъ сюжетомъ безразличныя романическія исторіи или анекдоты, и напротивъ обратиться къ серьезному изображенію общественной жизни и ея условій. Напомнимъ, что совершенно подобное высказывала тогда же славянофильская критика (въ „Московскомъ Сборникѣ“) именно относительно Тургенева—что онъ былъ очень мало интересенъ, когда разсказывалъ свои исторіи о „любвяхъ“, и что, напротивъ, сразу сталъ крупнымъ писателемъ, когда коснулся настоящей жизни—въ „Запискахъ Охотника“. Въ произведеніяхъ Григоровича (какъ „Рыбаки“) также указывался излишекъ слащавой манерности, перенятой изъ сельскихъ разсказовъ Жоржъ-Занда [1])... Словомъ, эта шутка говорила, или хотѣла напомнить правду; эту правду можно было понять и признать, вспомнивъ Бѣлинскаго, вникнувъ въ являвшіяся тогда „Записки Охотника“, или уже вскорѣ, встрѣтивъ произведенія Салтыкова,—но писатели (они же и друзья „Современника“), узнавшіе себя въ рецензіи дѣтской книжки, были повидимому очень раздражены. Не припомню подробностей, но изъ писемъ Тургенева можно

[1]) Незадолго передъ тѣмъ была написана Григоровичемъ „Смёдовская долина“—прототипъ „Черной долины“ (La vallée noire).

видѣть, что уже вскорѣ по вступленіи новыхъ лицъ въ редакцію „Современника“ у Тургенева и его друзей начинается и все больше ростетъ непріязненное, наконецъ крайне враждебное отношеніе къ Некрасову—его винили въ томъ, что онъ изъ-за разсчета допустилъ въ журналъ людей черствыхъ и лишенныхъ художественнаго вкуса и къ нимъ враждебныхъ. Въ это самое время авторъ „разсказовъ изъ народнаго быта“ излилъ свою досаду въ повѣсти (напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“), гдѣ въ шуткѣ, похожей на пасквиль, изобразилъ непріятнаго критика, сдѣлавши его, между прочимъ, пьяницей...

Это столкновеніе, вызванное шуткой, и которое, повидимому, могло бы ограничиться личной непріязнью, простиралось однако гораздо дальше, именно на самый складъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Та и другая сторона имѣли одну основу своихъ стремленій—идеи сороковыхъ годовъ, которыя для обѣихъ, безъ сомнѣнія, сторонъ совмѣщались въ преданіи Бѣлинскаго. Но одна, повидимому поглощенная художественными интересами, разъ намѣченными, относилась какъ будто равнодушно къ дальнѣйшему развитію завѣтовъ Бѣлинскаго. Другая, напротивъ, видѣла въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи прямую задачу литературы. Это преданіе напоминали „Очерки Гоголевскаго періода“ и указывали, что̀ становилось задачей литературы послѣ дѣятельности Гоголя, какъ это объяснялъ уже и Бѣлинскій... Какъ дальше увидимъ, это различіе взглядовъ выразилось въ томъ, что писатели стараго кружка вознамѣрились именно поддерживать „Пушкинское“ направленіе *противъ* „Гоголевскаго“. Это было, конечно, весьма прискорбное недоразумѣніе... Некрасовъ понималъ эту новую точку зрѣнія и этотъ новый порывъ литературы; но то и другое остались мало понятны его друзьямъ, и нѣкоторымъ совсѣмъ непонятны. Новое литературное поколѣніе съ своей стороны платило Некрасову своими симпатіями (иногда, можетъ быть, нѣсколько преувеличенными),—потому что въ его поэзіи находило сродные ему мотивы общественнаго чувства; и именно въ эти годы являлись нѣкоторыя изъ самыхъ яркихъ его стихотвореній... Такимъ образомъ, здѣсь естественнымъ образомъ возникало взаимное пониманіе, когда у старыхъ друзей „Современника“ относительно новаго поколѣнія была только нетерпимость, нѣсколько высокомѣрная, потомъ крайне враждебная. Некрасовъ не воспротивился шутливой рецензіи дѣтской книжки: онъ не былъ такъ малодушенъ, чтобы возстать противъ нея (сущность ея, отдѣленную отъ шутки, онъ могъ вполнѣ понять,

и съ ней соглашаться),—за то въ кругу старыхъ друзей его начали считать измѣнникомъ [1])...

Но еще гораздо больше возбудилъ въ себѣ вражды Добролюбовъ. Это былъ въ особенности представитель молодого поколѣнія, и дѣйствительно самый молодой во всемъ кружкѣ; человѣкъ съ сильнымъ умомъ и затѣмъ остроумный, онъ при самомъ вступленіи на литературное поприще питалъ уже сильно возбужденные общественные интересы, которые именно въ это время поднялись въ обществѣ, какъ этого не бывало раньше. Съ этой точки зрѣнія онъ относился и къ тому, что̀ видѣлъ въ ту минуту въ литературѣ и литературныхъ нравахъ. Къ представителямъ литературы онъ прилагалъ ту суровую требовательность, какая по его взгляду подобала жизненнымъ вопросамъ, стоявшимъ передъ русскимъ обществомъ въ кризисѣ данной исторической минуты. Его отталкивало легкомысліе, примѣровъ котораго онъ видѣлъ массу въ литературѣ и какое ему случалось видѣть даже въ кругу корифеевъ, и онъ не былъ нрава уступ-

[1]) Въ рецензіи вообще выражалась мысль о недостаткѣ серьезнаго содержанія въ тогдашней повѣствовательной литературѣ и критикѣ, когда уже Бѣлинскій указывалъ для повѣсти необходимость „дѣльности“.

Относительно повѣстей „изъ народнаго быта“ рецензія особенно требовала большей простоты и удаленія фальшивой идеализаціи, намекая на нѣкоторыя повѣсти Григоровича. Для провѣрки этого взгляда любопытно сличить съ нимъ выводы, къ которымъ приходитъ (черезъ пятьдесятъ лѣтъ) современная историко-литературная критика.

По поводу сочиненій В. А. Слѣпцова новѣйшій литературный историкъ замѣчаетъ:

„Идеализація мужика имѣетъ свою длинную исторію.

„Поэзія XVIII-го вѣка, выросшая на болотѣ крѣпостныхъ отношеній, любила изображать прикрашенныхъ пейзанъ, пляшущихъ и поющихъ во славу добраго барина и мирно процвѣтающихъ подъ эгидою его власти.

„Подсахаренные, а то и совсѣмъ засахаренные „мужички“ Григоровича и его послѣдователей являются внуками этихъ пейзанъ.

„Даже въ „Запискахъ Охотника“ чувствуется эта идеализація, хотя бы и сведенная до минимума благодаря художественному чутью ихъ автора. Въ подобной идеализаціи далеко не все и не всегда обстояло благополучно“...

И дальше критикъ передаетъ впечатлѣнія, какія между прочимъ и могли представляться автору рецензіи 1855 года.

...„За этой идеализаціей иногда прятались отъ слишкомъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣйствительности; ею замѣняли живое, настоящее дѣло на пользу „меньшаго брата“, выплачивали этою дешевою платою свой „долгъ“ ему; въ ней часто не было настоящаго уваженія къ человѣческому достоинству идеализируемаго; создавая фантомъ и поклоняясь ему, кадили прежде всего себѣ, своей прозорливости и своей „гуманности“... („Русская Мысль“, 1903, кн. IV, стр. 156).

Авторъ рецензіи, быть можетъ, неосторожно коснулся этой психологической струны, и Григоровичъ отвѣтилъ ругательствами.

чиваго... Самъ Тургеневъ пишетъ, что если старшій другъ Добролюбова былъ „змѣя“, то Добролюбовъ—„змѣя очковая“: говорилось это въ видѣ шутки, но шутка была, какъ видимъ, очень острой формы и въ существѣ была и не шуткой. Некрасовъ, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить этого сильнаго дарованія и не думалъ уступать старымъ пріятелямъ, которые въ концѣ концовъ вооружались противъ Добролюбова [1]); ихъ нападенія казались ему вѣроятно мелочными, а иногда онѣ были и просто несправедливы... Не обошлось и безъ прямыхъ маленькихъ столкновеній, которыя, кажется, переполнили чашу [2]). Въ первой половинѣ 1858 минуло десять лѣтъ со смерти Бѣлинскаго. Старые друзья и ученики хотѣли почтить его память, и кружокъ собрался на поминальный обѣдъ въ ресторанѣ; сочли нужнымъ пригласить и молодого человѣка. Послѣдній могъ ожидать на поминкахъ услышать отъ очевидцевъ и друзей какія-нибудь воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ, но вмѣсто того услышалъ обычную пріятельскую застольную болтовню,—на его свѣжее чувство она подѣйствовала раздражающимъ образомъ. На другое утро собесѣдники получили стихотвореніе, посвященное вчерашней бесѣдѣ: Добролюбовъ, ничего не говоря, пришелъ утромъ къ Некрасову, также получившему стихотвореніе. Некрасовъ, конечно, узналъ автора и—понялъ его; но другіе пришли въ раздраженіе...

Никакого личнаго столкновенія или пререканія тутъ не было, но столкновеніе нравственное было въ упоръ, и оно было весьма характерно. Приводимъ поэтому упомянутый разсказъ М. А. Антоновича.

„Покойный Н. А. Некрасовъ разсказывалъ намъ, что друзья, ученики и почитатели Бѣлинскаго, люди сороковыхъ годовъ, ежегодно устроивали обѣды въ память Бѣлинскаго. На одномъ изъ этихъ обѣдовъ, въ пятидесятыхъ годахъ, присутствовалъ и Добролюбовъ. Вѣроятно, это и былъ „пышный обѣдъ“, на которомъ, кромѣ „мудрыхъ бесѣдъ“, лилось еще что-нибудь и участники котораго горячились изъ-за бѣднаго брата, разгоряченные или воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ. Словомъ, этотъ обѣдъ и его участники произвели на Добролюбова такое впечатлѣніе, что онъ въ негодованіи прибѣжалъ домой, излилъ свое негодованіе въ горячихъ стихахъ и немед-

[1]) Ср. разсказы Панаевой-Головачевой, въ ея воспоминаніяхъ.

[2]) Я не былъ свидѣтелемъ того, что говорится далѣе,—потому что жилъ тогда за границей, но слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, а теперь объ этомъ есть обстоятельное свидѣтельство М. А. Антоновича, о чемъ далѣе.

ленно разослалъ анонимно эти стихи наиболѣе выдающимся участникамъ обѣда. Въ числѣ другихъ это стихотвореніе получилъ и Н. А. и, по его словамъ, сразу же догадался, кто авторъ его; да притомъ Добролюбовъ не скрывался передъ нимъ и самъ признался ему во всемъ. Н. А., конечно, и не подумалъ обидѣться на присланное ему стихотвореніе; но другіе извѣстные литераторы сильно обидѣлись и, узнавъ, что авторъ стихотворенія Добролюбовъ, ужасно разсердились на него и говорили, что „этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго". И съ этого времени вообще началось охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ"...

У г. Антоновича сохранилось стихотвореніе Добролюбова, писанное его рукой и повидимому относящееся къ тому случаю, о которомъ разсказывалъ Некрасовъ. Утверждать это положительно г. Антоновичъ не рѣшается, но весьма вѣроятно, что стихотвореніе относится именно сюда. Стихотвореніе озаглавлено: „На тостъ въ память Бѣлинскаго, 6-го іюля 1858 г.": 6-е іюля было, вѣроятно, днемъ именинъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ этотъ день бываетъ св. Виссаріона. Въ воспоминаніяхъ г. Антоновича приведена „часть" этого стихотворенія. Отрывокъ начинается такъ:

„И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ"...

И въ концѣ отрывка читаемъ:

„Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только! только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!.." и т. д. [1]).

Понятно, что при такомъ настроеніи всякое разнорѣчіе во взглядахъ принимало у раздраженной стороны прямо враждебный характеръ. Историки, пытавшіеся изображать эти отношенія, грубо ошибались, когда принимали буквально показанія одной раздраженной стороны (какъ это было недавно); они

---

[1]) „Р. Мысль" 1898, декабрь; второй отдѣлъ, „Воспоминанія по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго", стр. 9—11.

хотѣли отвергать и заявленіе, сдѣланное въ самомъ „Современникѣ“, о разницѣ литературныхъ взглядовъ новой редакціи журнала съ Тургеневымъ;—чтобы увидѣть, какъ несостоятельны эти отрицанія, довольно взглянуть собраніе писемъ Тургенева, другое собраніе писемъ друзей стараго кружка въ воспоминаніяхъ Фета: обильная (даже слишкомъ) коллекція бранныхъ выраженій противъ новаго направленія журнала не говорила о согласіи мнѣній...

Какое же въ дѣйствительности было положеніе Некрасова въ этомъ раздорѣ? Если принять буквально всѣ отзывы Тургенева, Фета и пр., его роль была относительно ихъ какая-то предательская; онъ удерживалъ въ редакціи лицъ, непріятныхъ старымъ друзьямъ, а послѣднихъ увѣрялъ, что ужасно ихъ любитъ... Нѣкоторые историки и рѣшали вопросъ категорически противъ Некрасова—на основаніи отзывовъ Тургенева, Фета и пр., но въ сущности наобумъ...

Вражда между прежними друзьями бываетъ обыкновенно самая раздражительная и ядовитая. Такъ было и здѣсь—со стороны враговъ Некрасова, потому что съ его стороны не видимъ такого озлобленія. Прежде всего, отзывы Тургенева и его друзей выражали, конечно, ихъ личное мнѣніе, и въ этомъ смыслѣ историкъ и можетъ приводить его; но было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что это мнѣніе было совсѣмъ правильное. Напротивъ, это мнѣніе очень часто было предвзятое, внушенное раздражительной нетерпимостью, иногда мелочной, которая была, къ сожалѣнію, въ характерѣ Тургенева, по свидѣтельству самихъ его ближайшихъ друзей. Напримѣръ, Тургеневъ [1]) не однажды говоритъ о „штукахъ“ Некрасова, состоявшихъ въ томъ, что, не принимая чью-нибудь статью въ журналъ, онъ ссылался на „сотрудниковъ“, которые, по его словамъ, этого не желали. Эта ссылка была, по утвержденію Тургенева, только „штукой“; въ дѣйствительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, разъ предоставивши сотрудникамъ участіе въ веденіи журнала, Некрасовъ не могъ не слышать ихъ мнѣній; взгляды во многихъ отношеніяхъ бывали иные, чѣмъ прежде, и люди были иногда вовсе не уступчивые,—какъ прежде, напримѣръ, Добролюбовъ, впослѣдствіи Елисеевъ или Салтыковъ... Скажемъ даже больше: Некрасовъ—въ томъ, что̀ Тургеневъ называлъ его „штуками“ („я ихъ знаю“),—вовсе не прятался за „сотрудниковъ“; въ дѣйствительности ему просто приходилось

---

[1]) Въ письмахъ къ Фету.

иногда уступать имъ. Дѣло въ томъ, что въ общемъ Некрасовъ соглашался съ основнымъ характеромъ ихъ понятій, но во многихъ частностяхъ, вѣроятно, съ иными не соглашался; инымъ, быть можетъ, даже нѣсколько тяготился, но предпочиталъ уступать, чѣмъ начинать раздоръ. Прибавимъ еще, что въ послѣдніе годы онъ вообще былъ какъ будто утомленъ и меньше работалъ для журнала, чѣмъ въ первые годы, когда на немъ лежала почти вся тяжесть дѣла. Источникомъ заблужденія Тургенева было именно то, что Тургеневъ зналъ эту прежнюю журнальную работу Некрасова, но онъ не зналъ послѣдующаго хода дѣла; въ прежнее время Некрасовъ былъ главный хозяинъ и главный работникъ въ журналѣ; потомъ болѣзнь и пребываніе за границей прервали его постоянную работу по журналу, а потомъ, вернувшись, значительную долю этой работы прямо передалъ сотрудникамъ. Ч—ій и Добролюбовъ оба много работали, и Некрасовъ очень цѣнилъ ихъ труды по самому существу.

Здѣсь, а не въ какихъ-нибудь журнальныхъ мелочахъ, и заключалась основная причина раздора. Въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода“ подробно изученъ былъ ходъ развитія новѣйшей русской литературы и указано было то ея великое пріобрѣтеніе, что она становилась художественнымъ выраженіемъ живой общественной дѣйствительности. Высшимъ выразителемъ этого момента художественнаго развитія представлялся Гоголь; одушевленнымъ критическимъ истолкователемъ его былъ Бѣлинскій. Было совершенно естественно, и вмѣстѣ чрезвычайно любопытно и поучительно, понять сознательно этотъ историческій моментъ, въ которомъ заключалось и указаніе о дальнѣйшемъ трудѣ, предстоявшемъ для дѣятелей русскаго художества и критики. Естественно также, что критика не ограничивалась только чисто-эстетическими соображеніями, но все болѣе обращалась на эту общественную сторону, и когда стало нѣсколько возможно, вопросы общественные стали господствующимъ интересомъ. Извѣстно, что Бѣлинскій въ послѣдніе годы его дѣятельности именно искалъ для литературы этого реальнаго общественнаго содержанія, и то направленіе молодыхъ литературныхъ поколѣній, которое казалось новымъ, въ сущности было развитіемъ мыслей и стремленій Бѣлинскаго.

Друзья стараго кружка редакціи этого не понимали. Изъ дальнѣйшихъ сопоставленій мы увидимъ, что новая критика была имъ непріятна; „политика“, т.-е. вопросы общественные, была неинтересна; „разные экономическіе вопросы“ (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, инте-

ресы молодыхъ поколѣній,—тѣ самые, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе.

Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, Некрасову было вполнѣ понятно,—и не трудно было человѣку, нѣсколько воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольствѣ. Некрасовъ съумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новые сотрудника журнала. Съ другой стороны основою дружескихъ отношеній съ ними была собственная дѣятельность Некрасова: въ эти самые годы его поэзія получила тотъ характеръ, который и самъ Тургеневъ, не признававшій его поэзіи, призналъ въ своемъ отзывѣ (въ декабрѣ 1856) о первомъ его сборникѣ: „а Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся". Такъ и принимало ихъ въ особенности молодое поколѣніе, искавшее наконецъ въ литературѣ какого-либо отвѣта на свои общественно-идеалистическія мечты и порывы. Здѣсь была прочная почва для взаимнаго пониманія. Некрасовъ видѣлъ интересъ первыхъ работъ своихъ новыхъ сотрудниковъ и естественно могъ имъ сочувствовать. Онъ видѣлъ, что въ общественномъ настроеніи начинается переломъ,—котораго давно надо было ожидать,—и что литература, чтобы сохранить свой давній историческій смыслъ, должна удовлетворить нравственнымъ требованіямъ общества. Взаимное пониманіе выразилось въ томъ, что въ „Современникѣ" основанъ былъ тогда новый отдѣлъ—„Замѣтки о журналахъ", который доставлялъ поводъ касаться различныхъ вопросовъ, затронутыхъ литературой, и становился публицистикой. Замѣтки ведены были Ч—мъ, но (вначалѣ, сколько помню) иногда съ близкимъ участіемъ Некрасова: есть страницы, начатыя однимъ и продолженныя другимъ [1]). Некрасовъ такимъ образомъ непосредственно зналъ новое направленіе, и во многомъ сполна раздѣлялъ его: безъ сомнѣнія онъ понималъ значеніе и своевременность „Очерковъ Гоголевскаго періода", понималъ упомяну-

[1]) В. П. Горленко, въ статьѣ о литературной дѣятельности Некрасова (въ „Отеч. Запискахъ" 1878, декабрь) приписалъ „Замѣтки о журналахъ" сполна Некрасову; но это совсѣмъ невѣрно.

тый шуточный разборъ дѣтской книжки, понималъ колкое стихотвореніе Добролюбова послѣ поминальнаго обѣда и т. п., видѣлъ, что тутъ есть правда, и не приходилъ въ озлобленіе... Онъ видѣлъ, что болѣе вѣрными хранителями преданія Бѣлинскаго были не собесѣдники поминальнаго обѣда, а люди новаго поколѣнія.

Очевидно, что Некрасову было не трудно придти къ этимъ впечатлѣніямъ и заключеніямъ; но этого не могло понять, и помириться съ этимъ, большинство старыхъ друзей. Имъ представилось, что это только разсчетъ и потомъ измѣна старымъ друзьямъ; когда при этомъ Некрасовъ продолжалъ высказывать имъ дружескія чувства, это считали лицемѣріемъ и обманомъ. Взглянувъ на дѣло проще, не трудно видѣть, что для человѣка спокойнаго разница взглядовъ, собственно теоретическихъ, нисколько не вызывала надобности забыть дружескія отношенія, существовавшія многіе годы. Несомнѣнно опять, что Некрасовъ въ этомъ случаѣ вовсе не лицемѣрилъ, и когда онъ старался сглаживать возникавшія столкновенія, онъ оберегалъ старыхъ друзей, въ душѣ считая ихъ раздражительность неумѣстною и мотивы—мелочными. Всего больше онъ былъ привязанъ къ Тургеневу, и объ этой привязанности онъ говорилъ мнѣ въ послѣдніе дни своей жизни, когда я навѣщалъ его и когда, въ минуты облегченія своихъ страданій, онъ обращался къ воспоминаніямъ о старыхъ временахъ.

Самъ Тургеневъ, не безъ значительнаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ друзей прежняго кружка, съ этими новыми участниками журнала не сблизился. Предубѣжденіе, съ которымъ встрѣтили ихъ старые друзья редакціи, впослѣдствіи только увеличивало недовѣрчивость и подозрительность. Дальше увидимъ, что въ глазахъ прямолинейнаго Фета новые участники редакціи были прямо люди не ихъ круга (по его мнѣнію, у насъ „вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ"); это были „разночинцы"... Дѣйствительно, у этихъ лицъ не бывало деревень, они не „покупали поваровъ" по тысячѣ рублей, не имѣли понятія о дворянскихъ потѣхахъ, игрѣ, охотѣ и т. д.; съ ними отпадала значительная доля занимательной пріятельской бесѣды и препровожденія времени. Старые друзья не видѣли только (напр. Боткинъ, Фетъ), что эти „разночинцы" были широко образованные люди, иногда образованнѣе ихъ самихъ, и между прочимъ горячо преданные серьезнымъ интересамъ литературы; старые друзья, напр. Боткинъ, прямо говорили даже, что совсѣмъ не понимаютъ вопросовъ политико-эко-

комическихъ и подобныхъ, которые становились, однако, серьезными общественными вопросами... Тургеневъ, въ этомъ отношеніи, былъ гораздо болѣе просвѣщенный человѣкъ, чѣмъ его друзья; но въ этой первой встрѣчѣ съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ и онъ недостаточно отдавалъ себѣ отчета въ складѣ мысли и настроеніи людей этого поколѣнія. Ему видѣлись сухость и желчь, но, поддавшись своей нервной нетерпѣливости (если не сказать: нетерпимости), онъ не хотѣлъ вникнуть въ настоящую подкладку настроенія... Едва-ли сомнительно, что изображая, впослѣдствіи, Базарова, Тургеневъ (хотя бы и имѣлъ въ виду другой живой оригиналъ, какъ говорятъ) вложилъ въ это изображеніе нѣкоторыя черты Добролюбова: Базаровъ, въ собственномъ представленіи Тургенева, былъ натура почти героическая, суровая, честная и непреклонная... Подобнымъ образомъ Тургеневъ относился на первый разъ къ молодому женскому поколѣнію: онъ съ пренебреженіемъ говоритъ о будущихъ женщинахъ-медикахъ [1],—но потомъ онъ умѣлъ съ глубокой симпатіей изображать женщинъ молодого поколѣнія въ „Нови" и въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ". Странно сказать, что Тургеневъ пренебрежительно говорилъ даже о первыхъ произведеніяхъ Салтыкова [2], которыми впослѣдствіи неизмѣнно восхищался. Мы увидимъ дальше, что Тургеневъ, въ концѣ концовъ, вступилъ въ то литературно-общественное движеніе, начало котораго, на переломѣ отъ сороковыхъ годовъ, онъ встрѣтилъ такъ непріязненно. Его друзья изъ стараго кружка уже вскорѣ перешли прямо въ лагерь обскурантовъ.

II. — Историко-литературныя справки.

Итакъ, со времени вступленія въ „Современникъ" новыхъ сотрудниковъ, старый пріятельскій кружокъ отнесся крайне враждебно не только къ этимъ сотрудникамъ, но и къ самому Некрасову. На него посыпались безконечныя укоризны—въ журнальной аферѣ, ради которой онъ будто бы бросилъ и прежнихъ друзей, промѣнявъ ихъ на новыхъ сотрудниковъ, которые, по его разсчету, были выгоднѣе...

---

[1] Фетъ, Воспом., II, 15.

[2] Письма,—отъ марта 1857, стр. 50. Примѣчаніе къ этому письму сопоставляетъ этотъ первый неблагосклонный отзывъ Тургенева о Салтыковѣ съ позднѣйшими статьями Писарева. Но, по мотивамъ, между этими отзывами общаго мало, или совсѣмъ нѣтъ.

Въ дѣйствительности, это сближеніе Некрасова съ новыми сотрудниками происходило гораздо проще, естественнѣе и—достойнѣе.

Остановимся на этомъ кружкѣ, который еще не былъ разсмотрѣнъ въ его цѣломъ, но заслуживаетъ этого, какъ замѣчательный въ разныхъ отношеніяхъ эпизодъ нашей новѣйшей литературной исторіи. Это былъ именно любопытный эпизодъ—смѣны сороковыхъ годовъ пятидесятыми, смѣны ихъ настроеній. Мнѣ самому привелось отчасти видѣть и нѣсколько знать факты и людей, но такъ какъ цѣльное изображеніе этой эпохи еще слишкомъ сложно, и частію затруднительно, ограничусь нѣсколькими подробностями, заимствуя ихъ притомъ по возможности изъ собственныхъ показаній этихъ лицъ, въ ихъ воспоминаніяхъ и письмахъ,—чтобы устранить какое-либо произвольное освѣщеніе... Этихъ собственныхъ показаній не такъ много, но въ нихъ находятся характерныя черты, рисующія время и настроенія. Таковы, напр., воспоминанія, и особливо письма Тургенева, собранныя послѣ его смерти [1]). Таковы воспоминанія Д. В. Григоровича [2]); воспоминанія Фета [3]); о болѣе раннемъ времени—воспоминанія Ив. Ив. Панаева [4]); отъ ранняго и болѣе поздняго времени—воспоминанія А. Я. Панаевой-Головачевой [5]); воспоминанія и письма П. В. Анненкова [6]), и др.

Въ такихъ отношеніяхъ, какія мы встрѣчаемъ въ этомъ эпизодѣ литературныхъ столкновеній и вражды, благоразуміе повелѣваетъ принимать показанія враждующихъ сторонъ съ извѣстной осторожностью и не ставить всякое лыко въ строку; въ пріятельскихъ письмахъ, сплошь и рядомъ, мысль, отзывы о людяхъ говорятся съ дружеской откровенностью, въ сильныхъ выраженіяхъ,—которыя тотъ же человѣкъ не рѣшился бы употребить передъ большой аудиторіей въ печати, гдѣ сильнѣе отвѣтственность за свои слова,—а письма, какъ дружескій разговоръ, пи-

---

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883 г. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1885.

[2]) Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Приложеніе къ журналу „Нива". Спб. 1896, т. XII: „Литературныя воспоминанія".

[3]) Мои воспоминанія. 1848—1889. А. Фета. Двѣ части. М. 1890. Книга чрезвычайно любопытна, какъ по собственнымъ разсказамъ Фета, такъ и по множеству приведенныхъ въ ней писемъ, особенно Тургенева, В. П. Боткина, гр. Л. Н. Толстого.

[4]) Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. 1876.

[5]) Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Спб. 1890.

[6]) Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб. 1892.

шутся безъ всякой мысли о томъ, что они сдѣлаются когда-нибудь достояніемъ печати. Поэтому можно впередъ принять извѣстную оговорку относительно подобныхъ свидѣтельствъ,—она и дѣйствительно оказывается необходима, потому что тѣмъ же лицамъ и о томъ же приходилось иногда говорить впослѣдствіи иначе, т.-е. брать свои слова назадъ;—но при всемъ томъ эти откровенныя рѣчи въ дружескихъ письмахъ имѣютъ свою серьезную важность, какъ отголосокъ настроенія данной минуты, какъ отраженіе перваго впечатлѣнія новыхъ явленій общественныхъ и литературныхъ.

Дѣйствительно, какъ увидимъ, старый дружескій кружокъ съ перваго раза отнесся враждебно къ этимъ новымъ явленіямъ,—хотя временами чувствовалъ инстинктивно ихъ естественность и законность. Но господствующимъ отношеніемъ осталась въ этомъ старомъ кружкѣ странная непріязнь...

Старый кружокъ „Современника" образовался по непосредственному преданію сороковыхъ годовъ. Для всѣхъ почти безъ исключенія (кромѣ, кажется, Фета) былъ еще недавно высокимъ личнымъ авторитетомъ—Бѣлинскій. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ сочувственно встрѣтилъ первые труды Некрасова [1]), и (факты увидимъ далѣе) онъ вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ друзей кружка успѣлъ понять и сохранить преданіе Бѣлинскаго—несмотря даже на то, что въ кружкѣ вліятельнымъ лицомъ былъ самый давній и близкій другъ Бѣлинскаго, В. П. Боткинъ, мало дѣятельный писатель, но человѣкъ съ значительнымъ образованіемъ, большимъ литературнымъ опытомъ. Отношенія Тургенева къ Бѣлинскому извѣстны. Бѣлинскій привѣтствовалъ и первые труды Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, Панаева. Извѣстны также отношенія къ Бѣлинскому П. В. Анненкова. Близокъ къ Бѣлинскому былъ даже нелитературный пріятель кружка̀, добродушный и остроумный М. А. Языковъ.

Въ этомъ кружкѣ, вообще тѣсномъ, особенная дружба соединяла Тургенева и Фета, потомъ—Фета и Боткина, когда послѣдніе еще породнились женитьбой Фета на М. П. Боткиной. Основой дружбы были общіе эстетическіе интересы, а потомъ и общая Тургеневу, Фету и Боткину вражда къ новому направленію „Современника". Въ письмахъ Тургенева и воспоминаніяхъ Фета (сохранившаго въ нихъ и большое число писемъ) чрезвычайно любопытно слѣдить ихъ взгляды на возникавшее новое

[1]) Въ запискахъ Панаевой-Головачевой, стр. 101—102; подтвержденіе этому—въ письмѣ Бѣлинскаго къ Кавелину, приведенномъ въ статьѣ Д. А. Корсакова, „Р. Мысль", 1892, кн. 1: „Изъ литературной переписки Кавелина", стр. 121.

направленіе литературныхъ интересовъ, въ которыхъ все больше сказывалось увлеченіе общественными вопросами.

Для послѣдующаго вспомнимъ, что эти годы были именно кануномъ, а потомъ самой той эпохой, за которой утверждается теперь имя „эпохи великихъ реформъ". Очевидно было, что новыя стремленія молодыхъ литературныхъ поколѣній были именно въ тѣсной нравственной связи съ ожидаемой эпохой реформъ; и, къ удивленію, мы видимъ, что старый кружокъ не видѣлъ этого, и мало того, относился къ новому настроенію литературы прямо недоброжелательно...

Приводимъ нѣсколько фактовъ изъ воспоминаній и писемъ этого дружескаго круга. Особенно обстоятеленъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ Фетъ; и въ данномъ случаѣ онъ также даетъ немало характерныхъ сообщеній. Когда Фетъ вошелъ въ этотъ кружокъ (въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ), онъ встрѣтилъ здѣсь, кромѣ Некрасова и Панаева, В. П. Боткина, Тургенева, Дружинина, Григоровича, Лонгинова, Анненкова, Языкова, Ег. П. Ковалевскаго. Это была дружеская компанія съ очень живыми литературными интересами [1]). Самъ Фетъ нашелъ здѣсь самое дружеское гостепріимство: имъ была уже издана, въ 1850, книжка стихотвореній, которыя очень цѣнились. Естественно, что Некрасовъ желалъ имѣть его стихотворенія и для журнала и предложилъ ему сразу очень хорошія условія. Онъ желалъ вообще въ стихотворномъ отдѣлѣ журнала давать только дѣйствительно хорошія вещи, на что̀ вкусъ у него несомнѣнно былъ, какъ и вообще въ дружескомъ кружкѣ; здѣсь съ большимъ сочувствіемъ приняты были стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, и Тургеневъ гордился, что онѣ получены были „Современникомъ" при его посредствѣ [2]). Въ это время Некрасовъ былъ заинтересованъ также стихотвореніями Ивана Аксакова и предлагалъ сдѣлать ихъ изданіе [3]).

Фетъ приводитъ образчикъ литературныхъ интересовъ кружка. Когда онъ вернулся изъ Петербурга въ свой полкъ (стоявшій въ Балтійскомъ краѣ), онъ получилъ въ письмѣ Тургенева кол-

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, стр. 32—40, 126, 128.

[2]) Фетъ I, 134, 135.

[3]) Фетъ говоритъ (I, 37) о „бурѣ негодованія" со стороны Некрасова, когда стихотворенія Фета, по ободренію Тургенева, въ это же время явились и въ „Отечественныхъ Запискахъ". Но буря объясняется просто: самъ Фетъ здѣсь же разсказываетъ, что только-что передъ тѣмъ онъ уговорился съ Некрасовымъ отдавать стихотворенія въ его журналъ, и Некрасовъ, цѣнившій его стихи, естественно могъ быть недоволенъ, какъ редакторъ, когда уговоръ былъ тутъ же нарушенъ.

лективное предложеніе: „Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Анненковъ, Гончаровъ—словомъ, весь нашъ дружескій кружокъ вамъ усердно кланяется. А такъ какъ вы пишете о значительномъ улучшеніи вашихъ финансовъ, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаемъ поручить намъ новое изданіе вашихъ стихотвореній, которыя заслуживаютъ самой ревностной очистки и красиваго изданія, для того чтобы имъ лежать на столикѣ всякой прелестной женщины. Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его".—„Конечно,—говоритъ Фетъ,—я усердно благодарилъ кружокъ, и дѣло въ рукахъ его подъ предсѣдательствомъ Тургенева закипѣло" [1]).

Некрасовъ названъ на первомъ планѣ не случайно: онъ былъ не только главный редакторъ журнала и человѣкъ со вкусомъ, но и самый предпріимчивый изъ пріятелей кружка (своего разсчета здѣсь не могло быть, потому что изданіе должно было быть дѣломъ самого Фета). Издательство давно привлекало Некрасова: въ первое время онъ издавалъ книги для легкаго чтенія („Петербургскій Сборникъ", „Физіологія Петербурга" и др.), затѣмъ онъ предпринялъ съ Гербелемъ изданіе русскаго Шекспира, нашелъ возможнымъ издать при „Современникѣ" „Исторію восемнадцатаго вѣка", Шлоссера. Выше упомянуто, что ему хотѣлось быть издателемъ стиховъ Ивана Аксакова; онъ хотѣлъ побудить къ изданію и Фета.

Итакъ, „дружескій ареопагъ" принялся пересматривать стихотворенія Фета. „Почти каждую недѣлю,—пишетъ Фетъ,—стали приходить ко мнѣ письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій. Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ", — вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло на столько же очищеннымъ, насколько и изувѣченнымъ. Досаднѣе и смѣшнѣе всего была долгая переписка по поводу отмѣны стиха:

„На суку извилистомъ и чудномъ".

„Очень понятно, что высланные мною скрѣпя сердце три—четыре варіанта оказались непригодными, и наконецъ Тургеневъ писалъ: „не мучьтесь болѣе надъ стихомъ: „на суку извилистомъ и чудномъ". Дружининъ растолковалъ намъ, что фантастическая жаръ-птица и на плафонѣ и въ стихахъ можетъ си-

---

[1]) Тамъ же I, 104; выше, стр. 40.

дѣть только на извилистомъ и чудномъ суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо" [1]).

Эта забота о стилѣ и художественности дружескихъ твореній была, конечно, трогательна и характеристична. Въ другомъ мѣстѣ Фетъ разсказываетъ:

„Тургеневъ радовался окончанію одъ Горація [2]) и самъ вызвался провѣрить мой переводъ вмѣстѣ со мною изъ строки въ строку. Споровъ и смѣху по этому поводу у насъ возникало не мало. Между прочимъ, въ XXI одѣ книги первой онъ возсталъ противъ стиха:

„На Крагѣ-ль, по веснѣ".

„Такъ какъ Гораціева Крага изгнать было невозможно, то Тургеневъ привязался къ слову—*по веснѣ*, и спрашивалъ, что̀ это такое?

„Напрасно я ссылался на обычное въ устахъ каждаго русскаго выраженіе: *по веснѣ*, *по зимѣ*—въ смыслѣ: въ весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводилъ я ему стихъ Крылова:

„Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ".

„Тургеневъ увѣрялъ, что ему хорошо извѣстно, что краснокожіе съ перьями на головѣ и съ поднятыми томагауками бѣгаютъ по лѣсамъ Америки, восклицая: „на Крагѣ-ль по веснѣ" [3])...

Это было, конечно, забавно. Фетъ обыкновенно отстаивалъ свой текстъ, и если очень трудно рѣшить, можно ли или никакъ нельзя употребить выраженіе „по веснѣ" и ссылаться на Крылова, переводя римскаго поэта, то, вообще говоря, Тургеневъ былъ совершенно правъ, когда думалъ, что требуется большая осторожность въ употребленіи спеціально народныхъ выраженій при передачѣ литературныхъ произведеній, идущихъ отъ чужихъ далекихъ вѣковъ и далекой культуры [4]).—Тургеневъ придавалъ великую важность поэтическому стилю, и въ его письмахъ къ Фету не мало разсѣяно шутливыхъ, или насмѣшливыхъ, но обыкновенно правильныхъ замѣчаній, гдѣ онъ предостерегаетъ своего друга отъ фатальнаго приближенія къ Петрову (извѣстный виршеплетъ XVIII вѣка) или даже къ „Торжественнымъ вратамъ въ память взятія Азова" [5])...

---

[1]) Тамъ же I, 104—105.

[2]) Оды переводилъ тогда Фетъ.

[3]) Тамъ же, I, 36. См. также I, 230, 275, 283.

[4]) Въ тѣ годы примѣръ подобной нескладицы данъ былъ Ординскимъ.

[5]) Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ читалъ

Фетъ жалуется потомъ, что изданіе, сдѣланное „подъ предсѣдательствомъ Тургенева“, было изданіе „искалѣченное“; но между ними оказались и другія, болѣе существенныя разнорѣчія. Не разъ между ними шли споры объ искусствѣ. Фетъ видимо держался старыхъ романтическихъ представленій о полной, абсолютной независимости поэтическаго творчества... „Впрочемъ,— писалъ однажды Тургеневъ (въ февралѣ 1862),—это между нами нескончаемый споръ: я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плечъ топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче, а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ на право! маршъ! стой! равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой! равняйсь“!—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ по вашему?) Гёте:

„Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!“ [1])

Въ письмѣ отъ октября 1863 Тургеневъ извѣщалъ Фета: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, несмотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо *не имѣетъ никакого человѣческаго смысла* [2]), даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи“ [3])... Къ этому спору Тургеневъ возвратился еще въ іюнѣ 1866: ...„Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости, упорствомъ нападаете на то, что̀ вы величаете „разсудительствомъ, но что̀ въ сущности

книги этой отдаленной старины, какъ напр. „Символы и Емблемата“.—Письма Тургенева, 1885, стр. 130, 131, 261. Фетъ I, 394.

[1]) Тамъ же I, 392.

[2]) Подчеркнуто Тургеневымъ.

[3]) Фетъ I, 439.

не что иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе... Вы видите, что нашъ „старый споръ" еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack,—и извините, отсылаемъ васъ въ школу" [1])...

Эта переписка и разсказы самихъ друзей кружка нерѣдко очень любопытнымъ образомъ вводятъ насъ въ ихъ идеи литературныя, ихъ понятія общественныя,—и здѣсь нерѣдко удивляютъ ихъ колебанія и неясности, странныя въ людяхъ, повидимому унаслѣдовавшихъ преданія Бѣлинскаго.

Когда съ половины пятидесятыхъ годовъ въ литературѣ стали сказываться новыя критическія стремленія и въ составѣ самого „Современника" явились новыя силы,—встрѣченныя, какъ выше сказано, довольно непривѣтливо, а затѣмъ прямо враждебно, старымъ кружкомъ, въ этомъ послѣднемъ различнымъ образомъ опредѣлялись особенности этого направленія и личные характеры.

Фетъ, человѣкъ въ сущности стараго вѣка, романтикъ, но и практическій дѣлецъ, по словамъ самого Тургенева крѣпостникъ, понималъ эти отношенія просто. Когда стала оказываться разница въ пониманіи вещей, Фетъ объяснялъ это съ сословной точки зрѣнія.

„Хотя въ то время..., — писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ, но умственный и матеріальный трудъ издательства давно поступилъ въ руки разночинцевъ, даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Некрасова и Дружинина, журналомъ заправлялъ самъ издатель... При тяготѣніи нашей интеллигенціи къ идеямъ, вызвавшимъ освобожденіе крестьянъ, сама дворянская литература дошла въ своемъ увлеченіи [2]) до оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ, противъ чего свѣжій *неизломанный* инстинктъ Льва Толстого такъ возмущался. Что же сказать о той средѣ, въ которой возникли „Искра" и всемогущій (?) „Свистокъ" „Современника", предъ которымъ долженъ былъ замолчать (?) самъ Некрасовъ. Понятно, что туда, гдѣ люди этой среды, чувствуя свою силу, появлялись какъ домой (?),

---

[1]) Тамъ же, II, 94—95.

[2]) Это были, напримѣръ, увлеченія Н. Милютина, Кавелина, Юрія Самарина, и т. д., и т. д.,—по мнѣнію Фета, они заслуживали осужденія за свою неосновательность?!

они вносили и свои пріемы общежитія. Я говорю здѣсь не о родословныхъ, а о той благовоспитанности, на которую указываетъ французское выраженіе „enfant de bonne maison“, рядомъ съ его противоположностью“ [1]).

Противопоставленіе относилось, между прочимъ, очевидно къ тѣмъ новымъ сотрудникамъ, которые вступили тогда въ журналъ и вступили именно съ новыми взглядами и на общественныя дѣла, и на долгъ литературы, какъ голоса общественнаго мнѣнія (насколько то было возможно). Этой существенной разницы или противоположности Фетъ не хотѣлъ или не умѣлъ увидѣть. Въ тѣхъ ожиданіяхъ великой реформы, какими исполнены были лучшіе люди русскаго общества, онъ видѣлъ прискорбное увлеченіе, доходившее до „оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ“, а эту оппозицію, по его мнѣнію, должны были только осуждать люди съ „неизломаннымъ“ инстинктомъ.— Фету не было понятно также и то, что если у этихъ новыхъ сотрудниковъ журнала, передъ которыми „долженъ былъ замолчать“ самъ Некрасовъ, бывала извѣстная рѣзкость мнѣній и ихъ выраженія, ее опять слѣдовало отнести (и это было бы справедливо) къ тому общему настроенію, которое стало охватывать умы послѣ испытаній Крымской войны и въ канунъ великой реформы. Со второй половины пятидесятыхъ годовъ была уже очевидна противоположность крѣпостническаго и освободительнаго направленія въ цѣломъ обществѣ. Впослѣдствіи, въ самомъ пріятельскомъ дворянскомъ кругѣ называли Фета по дружбѣ „закоренѣлымъ крѣпостникомъ“, что̀ было и на дѣлѣ.

Кругъ, о которомъ говорилъ Фетъ, былъ дѣйствительно дворянскій,—хотя не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ это представлялось Фету. Здѣсь бывали настоящіе баричи, не всегда для этого положенія достаточно богатые, но дѣйствительно привыкшіе ко взглядамъ и обычаямъ привилегированнаго сословія. Барское удовольствіе, охота, чрезвычайно занимаетъ, напр., Тургенева, который безпрестанно говоритъ о ней въ своихъ письмахъ и изъ Спасскаго, и изъ Буживаля. Фетъ съ видимымъ одобреніемъ упоминаетъ о томъ, что у Тургенева (конечно, до освобожденія крестьянъ) „былъ прекрасный крѣпостной поваръ, *купленный* имъ за тысячу рублей“ [2]). Онъ считаетъ нужнымъ занести въ

[1]) Тамъ же, I, 132.

[2]) Тамъ же, I, 36 — 37. Должно, однако, объяснить, что Тургеневъ не просто „купилъ“ человѣка (людей покупали тогда, какъ лошадей или охотничьихъ собакъ); этотъ поваръ Степанъ, по собственной просьбѣ его, былъ „выкупленъ“ Тургеневымъ отъ его прежняго барина, съ которымъ, по словамъ Степана, онъ долженъ былъ

свои воспоминанія „уху" въ англійскомъ или купеческомъ клубѣ [1]). Въ дружеской компаніи бесѣда окрашивалась довольно крупной „аттической солью" [2]), тою самой, которая въ тѣ времена особенно потреблялась въ холостыхъ барскихъ компаніяхъ, гражданскихъ и военныхъ. Въ разныхъ случайныхъ отзывахъ Фета вполнѣ отражается манера барина старыхъ временъ, о которыхъ онъ внутренно сожалѣетъ, что они прошли [3]). Была, наконецъ, у иныхъ и „наслѣдственная помѣщичья безалаберность" въ обращеніи съ деньгами [4]). Самъ Фетъ былъ внимательный и бережливый хозяинъ, зналъ крестьянскіе нравы, какъ мировой судья, умѣлъ повидимому совершать нѣчто въ родѣ Соломоновыхъ судовъ—на мудреной почвѣ народнаго пониманія (или непониманія), и, изображая испорченность мужиковъ, негодовалъ на журналы, которые не одобряли его статей „Изъ деревни", въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [5]). Дѣло только въ томъ, что Фетъ, бывая правымъ въ частностяхъ, ставилъ вопросъ слишкомъ тѣсно, забывая, что сдѣлало мужиковъ столь грубыми, и какими условіями обставлено все дѣло.

Въ своихъ враждебныхъ отзывахъ о „разночинцахъ", портившихъ дворянскую литературу, Фетъ оставался вѣренъ себѣ; но эти отзывы могли бы вызвать серьезныя возраженія. Ему не пришла мысль, что въ интересахъ литературы надо было бы радоваться, что кругъ ея дѣятелей расширяется на болѣе обширный кругъ общества, чѣмъ было прежде (когда наибольшее число образованныхъ людей пріобрѣталось только въ привилегированномъ сословіи), что литература перестаетъ оправдывать слова г-жи Сталь (что „въ Россіи нѣсколько дворянъ занимается литературой"); что тѣ разночинцы, которыхъ онъ подразумѣвалъ, превышали дворянскихъ представителей кружка своимъ блестящимъ по тому времени университетскимъ образованіемъ и также объемомъ своихъ общественныхъ интересовъ,—послѣдняго, впрочемъ, не понималъ ни Фетъ, ни нѣкоторые иные его друзья стараго кружка. Неосмотрительно было также, рядомъ съ обвиненіемъ

„кончить плохо". Тургеневъ, выкупивъ Степана за 800 рублей, далъ ему вольную; Степанъ просилъ его сохранить его вольную у себя, и остался у него служить по доброй волѣ. См. Письма Тургенева, стр. 53, примѣчаніе Колбасина.

[1]) Воспом. I, 389; II, 63.

[2]) Тамъ же I, 39.

[3]) Тамъ же I, 34, 160—161 и др.

[4]) Панаева-Головачева, стр. 361.

[5]) Это были статьи, на которыя позднѣе обрушивался въ „Современникѣ" Салтыковъ. Воспом. I, 344.

въ грубости нравовъ „разночинцевъ“, разсказывать порядочно рѣзкія вещи о собственномъ дворянско-литературномъ кругѣ: здѣсь совершались сплошь и рядомъ непріятныя столкновенія, не лишенныя порядочной грубости [1]).

Тургеневъ писалъ, однажды, Фету: „Мих. Ал. Языковъ [2]), помнится, такъ, однажды, отозвался о нашихъ давно прошедшихъ литературныхъ петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся [3]), да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой“. Наша переписка (въ 1866 году) приняла этотъ анатомическій характеръ“ [4]). Анатомія была, конечно, словесная,—но однажды дѣло доходило и до настоящей, потому что являлся вопросъ о дуэли. Эти личныя столкновенія характеровъ и самолюбій намъ мало интересны; но любопытно слѣдить, въ воспоминаніяхъ и перепискѣ, тѣ взгляды литературные и общественные, которые складывались въ кружкѣ въ критическую пору половины пятидесятыхъ годовъ: наступало новое царствованіе; кончалась Крымская война; чувствовался канунъ „великихъ реформъ“.

Извѣстно, что „люди сороковыхъ годовъ“, пережившіе испытанія и возбужденіе Крымской войны, привѣтствовали эту эпоху реформъ, и многіе изъ нихъ были убѣжденными и ревностными дѣятелями открывшихся преобразованій. Конецъ сороковыхъ годовъ въ болѣе образованномъ кругу общества представлялъ уже значительное возбужденіе общественныхъ интересовъ: освобожденіе крестьянъ понималось уже какъ государственная необходимость и какъ потребность нравственнаго чувства общества; сознавалась необходимость и другихъ общественныхъ преобразованій. Характернымъ выраженіемъ этого настроенія было извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... Этимъ настроеніемъ конца

[1]) Напр., тамъ же, I, 106—107, 370—375, 378, 381, 384; стр. 132 (о Писемскомъ) и пр. Довольно забавно, что въ концѣ концовъ Фетъ долженъ былъ придти въ этомъ отношеніи къ весьма фатальнымъ заключеніямъ о самомъ Тургеневѣ... „Несмотря на мою тогдашнюю наивность,—говоритъ онъ,—мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ нѣкоторымъ людямъ“. „Одинъ изъ разительныхъ тому примѣровъ“ онъ указываетъ въ знакомствѣ Тургенева—съ Салтыковымъ... Такимъ же образомъ онъ „удивлялся связи“ Тургенева съ Шевченкомъ. „Я нимало въ настоящее время не скрываю своей тогдашней наивности въ политическомъ смыслѣ(?). Съ тѣхъ поръ жизнь на многое насильно раскрыла мнѣ глаза, и мнѣ нерѣдко въ сравнительно недавнее время приходилось слышать, что Тургеневъ n'était pas un enfant de bonne maison“... (Воспом. I, 367).

[2]) Упомянутый не-литературный другъ кружка.

[3]) Зала у Некрасова уставлена была большими, мягкими турецкими диванами.

[4]) Тамъ же II, 94.

сороковыхъ годовъ, особенно живымъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, естественно объясняется то одушевленіе, съ которымъ приняты были преобразованія новаго царствованія.

Во взглядахъ Бѣлинскаго, какъ извѣстно, въ концѣ его дѣятельности все сильнѣе высказывался интересъ къ общественному значенію литературы, именно въ направленіи прогрессивномъ. Теперь, въ кружкѣ его прежнихъ друзей, этотъ интересъ падалъ, или даже совсѣмъ извращался. Бѣлинскій уже замѣчалъ въ Боткинѣ наклонность къ чисто эстетическому смакованію и равнодушіе къ общественной сторонѣ литературы. Теперь эта наклонность развилась окончательно и превратилась въ прямо враждебное отношеніе къ тѣмъ новымъ стремленіямъ литературы, гдѣ именно общественный интересъ становился преобладающимъ.

Въ февралѣ 1866 г., Боткинъ писалъ Фету: „Я теперь испытываю на себѣ, какъ въ извѣстные періоды жизни поэтическое чувство оставляетъ человѣка или по крайней мѣрѣ отдаляется отъ него. Тѣмъ болѣе въ извѣстныя эпохи, переживаемыя обществомъ. Для поэтическаго чувства необходимы тишина и сосредоточеніе. Но какъ найти душевную тишину и сосредоточеніе въ такое время, какое переживаемъ мы? Увы! *безсмертная эпоха русской поэзіи* прошла и Богъ знаетъ, вернется ли когда-нибудь. Даже и тѣ, которые могутъ повторять:

„Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!“

—стали едва замѣтной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнетъ. Поэтическая струя исчезла и изъ европейскихъ литературъ, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе—внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость, — да я чужой въ нихъ. Люди, вполнѣ умные въ одной сферѣ, несутъ такую дичь, когда касаются другой и особенно эстетической, что не знаешь, что̀ сказать“... [1]).

Трудно было бы вообразить, чтобы другъ Бѣлинскаго, хотя и увлекающійся эстетъ (таковымъ надо признать Боткина), остался чуждъ тому глубокому впечатлѣнію, какое производила перспектива преобразованій. Дѣйствительно, въ февралѣ 1858, Боткинъ писалъ (изъ Рима): „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ,

[1]) Фетъ, Воспом. II, 83.

какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ Nord ресврипть и распоряженіе о комитетахъ, — въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ,—уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслію въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины. Да неужели вы съ Толстымъ не шутя затѣваете журналъ? Я не совѣтую,—во-первыхъ, въ настоящее время русской публикѣ не до изящной литературы, а во-вторыхъ, журналъ есть великая обуза"... [1]).

Но духъ захватило не на долго и не глубоко. Самое преданіе Бѣлинскаго осталось только отвлеченно-эстетическимъ.

Въ мартѣ 1860, Боткинъ вспоминаетъ свое идеалистическое прошлое:

„...Я успѣлъ пробѣжать статью Дружинина о Бѣлинскомъ и „Воспоминанія" о немъ Панаева въ „Современникѣ". Статья Дружинина вообще очень слаба; что касается до „Воспоминаній" Панаева, состоящихъ бо̀льшею частію изъ писемъ Бѣлинскаго, то они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ точно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я не скучаю, но я часто вспоминаю это „прошлое" и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ „прошломъ" заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—увы!—я не могу. Къ сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ „общемъ", въ отвлеченномъ. Но всему этому теперь ужъ не поможешь"... [2]).

Въ январѣ 1862 Боткинъ такъ изображалъ свое нравственное настроеніе:

„...На организмѣ остались глубокіе слѣды болѣзни, напримѣръ, на глазахъ моихъ: однимъ глазомъ я вижу очень мало, а другимъ слабо; въ организмѣ нѣтъ силъ, почти постоянно чувствую себя усталымъ, а иногда и говорить трудно отъ слабости. Съ такими условіями жизнь для меня уже не прежній цвѣтущій

---

[1]) Тамъ же I, 232.
[2]) Тамъ же I, 319.

лугъ. Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grünen Gefühle, о которыхъ говоритъ Жанъ Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но за то Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ пятьдесятъ лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе видишь пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ чему стремилась душа въ юности, то оказывается неизмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастіе, то и теперь даетъ ей счастіе. Неизслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что существуетъ что-то, называемое людьми мыслію, что-то, называемое поэзіей, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастіе, и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы òрганы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнію вселенной,—но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ *способность* испытывать неизреченныя наслажденія. Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, чтò мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастье. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіемъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами“ [1]).

Очень оригинальная смѣсь скептицизма и романтики. Еще разъ, любопытные проблески романтическаго настроенія сороковыхъ годовъ находимъ въ письмѣ Боткина, отъ августа 1862 изъ Берлина:

---

[1]) Тамъ же I, 386—387.

„Ясная, теплая погода и силы, возстановленныя послѣ двухъдневнаго отдыха, наконецъ чувство искренняго довольства, которое всегда посѣщаетъ меня, когда я касаюсь нѣмецкой почвы,— все это наполняетъ мою душу совершеннымъ счастіемъ, которое хочется раздѣлить съ вами, милые друзья. Въ Берлинѣ я чувствую себя дома, хотя я очень мало знакомъ съ нимъ"... Вечера проводилъ онъ въ театрѣ, слушая „Фауста", „Оберона", „Гёца Берлихингена"... „Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гегеля за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго,— увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно. Цивилизація вырабатывается не идеями, а нравами (?).

„Да, здѣсь es wird mir behaglich zu Muthe; это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіей. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу. Увы! наше русское такъ называемое образованіе больше клонитъ насъ къ французскимъ нравамъ, и этого жаль! Да и нравится намъ во французскомъ образованіи то, что̀ составляетъ дурныя его стороны, именно распущенность его, халатность,—это больше всего усваиваетъ себѣ русскій человѣкъ. Нѣмецкій духъ, который весь состоитъ изъ дисциплины, не по натурѣ нашей. Какъ жаль, что русскіе туристы только проѣзжаютъ Берлинъ, не вникая въ него. Только хорошія школы могутъ спасти отъ этого верхоглядства.

„Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи; всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь, всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я или, точнѣе сказать, воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохого) я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ *Фіеско* и *Разбойниковъ* Шиллера. да еще переводы Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей. Съ чѣмъ-то сроднилось наше молодое поколѣніе? Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ душѣ моей все, что̀ ей до сихъ поръ дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется че-

ловѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней".

Чѣмъ больше вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія: двѣ вещи, которыхъ не можетъ понять юность" [1]).

Боткинъ зарекался, что не можетъ стать эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—но въ послѣдніе годы онъ имъ сдѣлался; произошло и нѣчто болѣе прискорбное: изъ романтическаго прогрессиста въ сороковыхъ годахъ, пробужденнаго къ духовной жизни „Фіеско" и „Разбойниками" Шиллера, въ половинѣ пятидесятыхъ онъ превратился въ обскуранта,—какъ и нѣкоторые изъ его друзей стараго кружка...

Самымъ крупнымъ лицомъ этого кружка былъ Тургеневъ. (Гр. Л. Н. Толстой зналъ въ пятидесятыхъ годахъ этотъ кружокъ, гдѣ встрѣтили его съ величайшимъ сочувствіемъ, какъ автора „Дѣтства" и пр., и „Севастопольскихъ разсказовъ"; но былъ въ этомъ кружкѣ недолго и отнесся къ нему съ антипатіей). Онъ былъ едва ли не первый и не главный, кто возъимѣлъ тогда вражду къ Некрасову и новымъ сотрудникамъ журнала. Его прежнія отношенія къ Некрасову были самыя дружескія, и хотя неудовольствія относительно новаго направленія журнала начались еще около 1855—1856 года [2]), но прежнее дружество продолжается приблизительно до 1861 года [3]). А затѣмъ идетъ въ его письмахъ, и воспоминаніяхъ его друзей, рядъ самыхъ непріязненныхъ отзывовъ и о лицѣ, и объ его твореніяхъ [4]).

---

[1]) Тамъ же I, 402—403.

[2]) Въ декабрѣ 1856 г. Тургеневъ пишетъ изъ Парижа: „Что „Современникъ" въ плохихъ рукахъ, это несомнѣнно". Письма Тургенева, стр. 33.

[3]) Тамъ же стр. 28, 31, 45, 51, 52, 69, 88.

[4]) Тамъ же стр. 130, 131, 170, 171, 284 о стихотвореніяхъ Некрасова; о характерѣ, стр. 133, 134, 215, 222, 229, 231, 259—съ 1868 до 1875 г.; о смерти Некрасова, стр. 326, 327.

Въ „Воспоминаніяхъ", Фетъ вторитъ Тургеневу,—I, 307, 308 (о редакторской „безцеремонности" Некрасова), 397; II, 5—6, 82, 95, 191.

Въ декабрѣ 1877, Н. В. Гербель писалъ Фету о смерти Некрасова, которою былъ „глубоко огорченъ", вспоминая, что былъ съ нимъ „постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ въ теченіе цѣлыхъ 26 лѣтъ"; Фетъ замѣчаетъ на это, что „никогда не

Въ этихъ литературныхъ отношеніяхъ Тургенева была немалая доля каприза и нетерпимости. Въ сравнительно болѣе спокойномъ, и безпристрастномъ, настроеніи самъ Тургеневъ находилъ въ стихотвореніяхъ Некрасова извѣстную силу, которая и была въ нихъ дѣйствительно: „Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся", писалъ онъ въ декабрѣ 1856 нейтральному лицу, по поводу изданія стихотвореній Некрасова [1]). За то впослѣдствіи онъ находилъ въ нихъ только одну фальшивую искусственность [2]).

Ближайшіе друзья находили въ характерѣ Тургенева этотъ капризъ и неустойчивость, соединенные съ упрямствомъ. Боткинъ,—одинъ изъ такихъ ближайшихъ друзей,—писалъ въ мартѣ 1867 Фету по поводу хозяйственныхъ столкновеній Тургенева съ дядей (Боткинъ оправдывалъ здѣсь Тургенева, когда другіе обвиняли): „Въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ Иванъ Сергѣевичъ положительно ничего не смыслитъ, и что̀ еще хуже, они въ его понятіяхъ отражаются совершенно фантастически; вообще на его сужденія *фантазія* имѣетъ преобладающее вліяніе. Это существенный порокъ относительно практической жизни и дѣловыхъ отношеній, но съ другой стороны этотъ порокъ есть главное условіе его таланта. Вообще надо принимать человѣка такимъ, какой онъ есть, и разсматривать его въ его собственномъ соусѣ, который можетъ быть и не по нашему вкусу, но вѣдь въ этомъ виноваты мы, а онъ не въ силахъ передѣлать его" [3]). Въ письмѣ отъ апрѣля 1867, Боткинъ опять на сторонѣ Тургенева, хотя тутъ же замѣчаетъ: „ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича; но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ" [4]).

Дѣло приняло, однако, весьма крутой поворотъ. Тургеневъ, чтобы кончить дѣло съ дядей (котораго раньше онъ просилъ управлять своимъ имѣніемъ, а потомъ устранилъ и этимъ разобидѣлъ и раздражилъ), выдавъ ему значительный вексель для по-

могъ опредѣлить личнаго характера" Гербеля (котораго никогда близко не зналъ), и полагалъ, что и „самъ Гербель не очень былъ способенъ различать основные образы мыслей отдѣльныхъ людей". II, 339, 340.

Выше упомянуто, что Фетъ замѣчаетъ подобное о Тургеневѣ: „несмотря на мою тогдашнюю наивность, мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ *нѣкоторымъ* людямъ"; это—по поводу того, что однажды при немъ привелъ къ Тургеневу М. Е. Салтыковъ. I, 367.

[1]) Письма, стр. 37.

[2]) Цитаты приведены выше.

[3]) Фетъ, Воспом. II, 118.

[4]) Тамъ же II, 119.

лученія послѣ его смерти, но дядя (Ник. Ник. Тургеневъ) подалъ векселя ко взысканію,—пишетъ Боткинъ въ августѣ 1867,—и, „какъ человѣкъ практическій, предпочелъ вѣрное сомнительному, и, по моему мнѣнію, онъ поступилъ практически. Мнѣ сказалъ объ этомъ Ив. Серг., который этого никакъ не ожидалъ. Легкомысліе и необдуманность такъ свойственны Ив. Серг., ставили его уже не разъ въ самыя затруднительныя положенія и, не смотря на свои сѣдины, онъ и теперь еще легкомысленный мальчикъ, который не знаетъ вѣса своихъ поступковъ“ [1]).

Не будемъ приводить другихъ цитатъ, гдѣ Фетомъ сохранены еще болѣе жестокіе отзывы о характерѣ Тургенева, высказанные близкими ему прежде людьми. Очевидно, это былъ характеръ живой, впечатлительный, но нерѣдко неустойчивый и несдержанный, и въ своихъ увлеченіяхъ упрямый,—что̀ было для него не однажды причиной весьма непріятныхъ столкновеній,—хотя послѣднія бывали также и вызываемы. Думаемъ, что эта несдержанность, нетерпимость и самолюбивая поспѣшность въ заключеніяхъ составляли немалую долю и въ его разрывѣ съ Некрасовымъ и „Современникомъ“... Должно сказать, однако, что едва ли не больше враждебности питали и высказывали В. Боткинъ и Фетъ, первый по его обычной раздражительности, а второй, вѣроятно, по дружбѣ, потому что, послѣ первой встрѣчи съ кружкомъ „Современника“ въ его прежнемъ составѣ (начала пятидесятыхъ годовъ), онъ съ журналомъ близокъ не былъ и едва ли зналъ его дѣятелей второй половины пятидесятыхъ годовъ [2]). Тургеневъ въ первое время все-таки гораздо спокойнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ его сотоварищи, умѣлъ отнестись къ литературнымъ явленіямъ, возбуждавшимъ ихъ ненависть, — хотя, къ сожалѣнію, и у него недостало спокойнаго безпристрастія.

Разрывъ Тургенева съ Некрасовымъ [3]) не ограничивался

---

[1]) Тамъ же II, 165.

[2]) У Тургенева онъ встрѣтился только,- какъ выше упомянуто,—съ М. Е. Салтыковымъ, и встрѣтился недружелюбно; послѣдній, около этого времени, подшучивалъ надъ его статьями „Изъ деревни“. Долго времени спустя, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, Фетъ защищаетъ свои давнія статьи: „шила въ мѣшкѣ не утаишь, неурядицы“ (порубки, потравы и т. п.) „привлекаютъ все большее вниманіе правительства, принимающаго противъ нихъ законныя мѣры“ (I, 344). Эти неурядицы, разстройство помѣщичьихъ имѣній, безпомощную распущенность крестьянъ и наступавшее хозяйничанье кулаковъ, изобразилъ еще сильнѣе и шире Салтыковъ („Благонамѣренныя рѣчи“ и пр.).

[3]) Подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ г-жи Панаевой-Головачевой. Ея разсказамъ придана, такъ сказать, беллетристическая форма (напр., въ длинныхъ разговорахъ, которые не могли быть удержаны памятью,

только личной непріязнью, но сопровождался, конечно, и различіемъ взглядовъ. У новыхъ сотрудниковъ „Современника“ осуждали ихъ сухость, рѣзкость и т. п., но осуждали и литературное направленіе. Въ это самое время въ „Современникѣ“ печатались „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, гдѣ, какъ выше сказано, была въ первый разъ обстоятельно изложена судьба литературныхъ идей за время дѣятельности Гоголя, и затѣмъ, въ первый разъ объяснено значеніе критики Бѣлинскаго, въ ея содержаніи литературномъ и общественномъ. Авторъ „Очерковъ“ придавалъ великое значеніе дѣятельности Гоголя и дѣятельности его критика. По взгляду автора, художественное творчество Гоголя было историческимъ преемствомъ отъ предшествующей эпохи: дѣятельность Пушкина впервые установила у насъ и ввела въ сознаніе общества значеніе и право поэзіи, какъ свободнаго искусства; дѣятельность Гоголя, въ первый разъ истолкованная и высоко поставленная Бѣлинскимъ, прилагала это искусство съ одной стороны къ психологіи, съ другой—къ изображенію русской жизни;—отсюда выростало ея широкое общественное значеніе и вліяніе, потому что это изображеніе само собою влекло къ возбужденію общественнаго чувства...

Тургеневъ и его друзья,—друзья или великіе почитатели Бѣлинскаго,—повидимому отнеслись къ „Очеркамъ“ не совсѣмъ сочувственно, хотя предметъ долженъ бы весьма ихъ заинтересовать. Вслѣдъ за „Очерками“ они также обратились къ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ и къ его объясненію. Началъ Дружининъ. Онъ покинулъ тогда „Современникъ“, потому что ему предложена была редакція „Библіотеки для Чтенія“, за которую онъ и взялся. Дальше приведемъ нѣкоторыя подробности; теперь замѣтимъ только, что въ мысляхъ самого Дружинина и въ желаніяхъ его друзей (какъ Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ и другіе) было, чтобы его журналъ сталъ противовѣсомъ „Современнику“, т.-е. борьбой противъ новаго направленія. Изъ писемъ Тургенева видно, что Дружининъ, вообще желавшій казаться спокойно-холоднымъ и безпристрастнымъ, обнаруживалъ гораздо болѣе вражды къ этому новому направленію, чѣмъ Тургеневъ, который, хотя также не сочувствовалъ „Гоголевскому“ направленію, но до извѣстной степени понималъ его пользу и законность. Между Тургеневымъ и Дружининымъ и безъ того

а записаны въ то самое время едва ли были), но въ томъ, довольно многомъ, о чемъ я слышалъ также изъ другихъ источниковъ или самъ зналъ, въ этихъ воспоминаніяхъ, можетъ быть при нѣкоторыхъ личныхъ пристрастіяхъ, много совсѣмъ справедливаго.

бывала разница взглядовъ. Въ письмѣ къ нему изъ Парижа, въ октябрѣ 1856, Тургеневъ пишетъ: „Я очень радъ, что мой разсказъ: Фаустъ,—вамъ понравился; это для меня ручательство: я вѣрю въ вашъ вкусъ. Вы говорите, что я не могъ остановиться на Ж.-Зандѣ; разумѣется, я не могъ остановиться на ней — такъ же какъ, напр., на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе—заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—не полная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна.—Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ [1]). То же самое могу я сказать о статьѣ Чернышевскаго.—Я досадую на него за его сухость и черствый вкусъ—а также и за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми (какъ напр. въ сентябрской книжкѣ С—а); но „мертвечины" я въ немъ не нахожу—напротивъ; я чувствую въ немъ струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встрѣтить въ критикѣ.—Онъ плохо понимаетъ поэзію; знаете ли, это еще не великая бѣда; критикъ не дѣлаетъ поэтовъ и не убиваетъ ихъ; но онъ понимаетъ—какъ это выразить?—потребности дѣйствительной современной жизни—и въ немъ это не есть проявленіе разстройства печени, какъ говорилъ нѣкогда милѣйшій Григоровичъ,—а самый корень всего его существованія. Впрочемъ, довольно объ этомъ; я почитаю Ч—го полезнымъ; время покажетъ, былъ ли я правъ.—Притомъ въ „противовѣсіе" ему будете вы и вашъ журналъ; отъ того-то я ему заранѣе радуюсь; вы помните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому.—Стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ" [2]).

Тургеневъ могъ написать эти слова, потому что въ спокой-

[1]) За неимѣніемъ письма Дружинина (вообще, письма къ Тургеневу еще неизвѣстны, за немногими исключеніями) неясно, о чемъ идетъ рѣчь,—вѣроятно, о построеніи какого-либо общественно-нравственнаго или эстетическаго міровоззрѣнія.

[2]) Письма, стр. 25—26; ср. тамъ же, стр. 28—29. Относительно Ж.-Зандъ, между прочимъ лично съ ней познакомившись, Тургеневъ писалъ о ней въ восторженныхъ выраженіяхъ, въ іюнѣ 1876, послѣ ея смерти: „...на мою долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ-Зандъ..." Надъ ея личностью былъ „какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ: Жоржъ-Зандъ—одна изъ нашихъ святыхъ;—вы, конечно, поймете, что̀ я хочу сказать этимъ словомъ" (письмо къ А. С. Суворину, тамъ же, стр. 292—294).

номъ размышленіи онъ дѣйствительно имѣлъ это достойное качество; но, къ сожалѣнію, это спокойствіе не однажды ему измѣняло... Журналъ Дружинина, въ минуту раздора съ Некрасовымъ и „Современникомъ“, онъ встрѣчалъ съ наилучшими ожиданіями: „я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ,—писалъ онъ Дружинину въ іюлѣ 1856,—изъ „Библ. для Чт.“ выйдетъ журналъ хорошій и дѣльный, хотя въ иномъ мы и не будемъ соглашаться.—Но это—ничего: въ главномъ и существенномъ и намѣренія наши, и вкусы совпадаютъ“. Въ октябрѣ того же года: „Предвижу, что не во всемъ буду соглашаться съ вами, но что за бѣда! у истины, слава Богу, не одна сторона; она тоже не клиномъ сошлась—за то знаю, что многое, самое задушевное и дорогое для меня, вы выскажете такъ, что мнѣ останется только кланяться и благодарить, подобно тому, какъ я вамъ кланяюсь за статью о Пушкинѣ“. Въ декабрѣ того же года: „со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи о великолѣпномъ перерожденіи „Б. для Чт.“—и я рукоплещу и радуюсь“. Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ поддержать Писемскаго, какъ „сотрудника драгоцѣннаго“ [1])... Позднѣе, драгоцѣнный сотрудникъ сталъ послѣ Дружинина редакторомъ этого журнала,—и не къ его пользѣ...

Но рукоплесканія продержались недолго. Въ томъ же декабрѣ 1856, получивъ новую книжку журнала, Тургеневъ пишетъ одному довѣренному лицу: „XI № „Б. для Чт.“ хорошо составленъ; но я больше (даже въ Дружининскомъ смыслѣ) ожидалъ отъ статьи о Бѣлинскомъ,—отъ нея вѣетъ холодомъ и тусклымъ безпристрастьемъ. Этими искусно спеченными пирогами съ „нѣтомъ“—никого не накормишь“ [2]).

Статья Дружинина не удовлетворяла и другого пріятеля. „Статья Дружинина вообще очень слаба“, писалъ Боткинъ Фету, и напротивъ, на него сильное впечатлѣніе произвели „Воспоминанія“ Панаева [3]). Впослѣдствіи, уже въ шестидесятыхъ годахъ, Боткинъ не одобрялъ писаній Дружинина въ газетѣ „Вѣкъ“: „Участіе его въ „Вѣкѣ“ безцвѣтно, и чернокнижникъ [4]), очевидно, опоздалъ десятью годами“ [5])... Не знаемъ, какъ впослѣдствіи понравилось Тургеневу управленіе „драгоцѣннаго сотруд-

[1]) Тамъ же, стр. 23—25, 30.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

[3]) Фетъ, Воспом. I, 319.

[4]) Извѣстный псевдонимъ Дружинина „Иванъ Чернокнижниковъ“ въ прежнихъ фельетонахъ „Современника“.

[5]) Тамъ же I, 377.

ника“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ или его „Взбаламученное море“; но онъ удивлялся участію Писемскаго въ „Гражданинѣ“ [1]).

Тургеневъ перенесъ свою писательскую дѣятельность въ „Русскій Вѣстникъ“. Этотъ журналъ, при своемъ основаніи, встрѣченъ былъ большими сочувствіями въ лучшихъ литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга и привлекъ много хорошихъ литературныхъ силъ; подшучивали надъ либеральной англоманіей журнала, но сочувствовали его направленію въ общемъ прогрессивномъ смыслѣ того времени. Однимъ изъ яркихъ выраженій его характера были тогда „Губернскіе очерки“ Салтыкова. Впослѣдствіи характеръ журнала совершенно измѣнился: онъ сталъ въ разрѣзъ даже съ прежнимъ своимъ направленіемъ, и въ противорѣчіе съ прежними стремленіями принялъ тонъ какого-то вызывающаго консерватизма. В. Боткинъ, за нимъ—Фетъ стали ревностными поклонниками „Р. Вѣстника“; къ нимъ присоединился и Тургеневъ. Передъ тѣмъ у него было нѣкоторое недоразумѣніе съ журналомъ, и онъ могъ жаловаться на „безцеремонность“ „Р. Вѣстника“, какъ жаловался на „безцеремонность“ Некрасова [2]). Въ концѣ концовъ, въ журналѣ Каткова явились „Отцы и Дѣти“.

Какъ увидимъ, у Тургенева, хотя и не на столько, какъ можно было бы желать, сохранилось спокойное безпристрастіе, которому онъ радовался, какъ своему доброму качеству; но его друзья, Боткинъ на первомъ планѣ, а за нимъ Фетъ, рвали и метали противъ новаго литературнаго направленія. Если не говорить о Фетѣ, надо удивляться, что просвѣщенные люди сороковыхъ годовъ, которые должны были теоретически и по историческимъ объясненіямъ знать о развитіи общества и литературы, не могли понять этого на живомъ явленіи. Боткинъ съ настоящимъ озлобленіемъ говорилъ о „семинаристахъ“: „Слава Богу, — писалъ онъ въ октябрѣ 1862, — что журналистика наша вступила, наконецъ, на почву здраваго смысла [3]). Во всякой другой странѣ всѣ эти (?) завиральныя ученія охватываютъ только слабыя головы и политическаго значенія въ обществѣ не имѣютъ. Но у насъ, по невѣжеству, вообразили, что идти наперекоръ всему, значитъ быть самымъ передовымъ! Се-

---

[1]) Письма, стр. 207.

[2]) Письма, стр. 40--41, въ январѣ 1857.

[3]) Т.-е. когда были запрещены „Современникъ“ и „Р. Слово“, и сталъ окончательно господствовать Катковъ

минаристы пустили это въ ходъ" [1]). Ни Боткинъ, ни его историкъ не замѣчали, что онъ впадаетъ въ тонъ дѣйствующихъ лицъ „Горя отъ ума", не говоря о томъ, что ссылка на „всякія другія страны" не имѣетъ историческаго смысла; наконецъ, что „идти наперекоръ всему" — былъ, между прочимъ, упрекъ, который они еще тогда дѣлали одному изъ своихъ ближайшихъ друзей [2]).—Что было бы послѣ!?

Дѣло пошло и дальше.

Нѣкогда Бѣлинскій, въ декабрѣ 1847, въ письмѣ къ Кавелину съ негодованіемъ говорилъ о томъ, какъ одинъ благопріятель, славянофилъ, подсказывалъ цензору—смягчить въ статьѣ Кавелина его возраженія Самарину. Теперь взялись подсказывать бывшіе друзья Бѣлинскаго въ ихъ новѣйшемъ направленіи.

Въ 1866 году Боткинъ радовался двумъ предостереженіямъ, даннымъ „Современнику",—но и здѣсь онъ нашелъ, что у Некрасова это было „дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала" (?); рядомъ съ этимъ онъ уже пророчитъ зловредное направленіе „Вѣстника Европы": „Со вчерашняго дня появился новый журналъ „Вѣстникъ Европы"; — издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украинофилъ. Можно полагать (!), что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ (?) доктринъ подъ маскою либерализма. Увы! мы дошли до такого времени,—продолжаетъ соболѣзновать Боткинъ,—когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики; подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду; для объективнаго взгляда (?!) не осталось ни одного мѣста" [3]).

Боткинъ видимо постоянно внушалъ Фету свои идеи [4]). Фетъ,

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, 407. См. еще тамъ же о дружбѣ съ Катковымъ Боткина и Фета, I, 429, 430, 436; II, 14,—и также II, 7, 65, 81, 82, 92.

[2]) Фетъ, „съ первой минуты", замѣтилъ въ гр. Л. Н. Толстомъ „невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій", Воспом. I, 106. Боткинъ, въ 1861, говоритъ о „хаосѣ представленій", о томъ, какъ гр. Толстой „падокъ на крайности", что онъ „не имѣетъ подъ ногами какой-нибудь твердой почвы"; тамъ же, I, 378; см. также II, 237.

[3]) Фетъ, Воспом. II, 86—87. Въ томъ же мартѣ 1866, писалъ Фету Тургеневъ изъ Баденъ-Бадена: въ русской литературѣ „отраднаго мало. Самое пріятное — возобновленіе Вѣстника Европы". Тамъ же, II, 88.

[4]) Передъ тѣмъ, въ письмѣ отъ декабря 1865 года, онъ увѣщевалъ Фета: „Да уладь ты съ Катковымъ, надо извинять недостатки въ такихъ людяхъ... Люди порядка и здравомыслія не должны ссориться, въ виду стаи собакъ, окружающей ихъ". Тамъ же II, 80.

дѣйствительно, усвоилъ ихъ весьма прочно: нѣсколько лѣтъ спустя, мы читаемъ въ его Воспоминаніяхъ письмо Тургенева: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла [1]), возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы" получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій órганъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ. — Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!" [2]).

Тургеневъ, конечно, не могъ дойти до того прямо полицейскаго обскурантизма. Переписка съ „любезнѣйшимъ" Фетомъ продолжается; но въ любезной формѣ Тургеневъ высказываетъ Фету свои противорѣчія все болѣе настойчиво и существенно. Споры были давніе, но раньше спорили объ искусствѣ; теперь рѣзкое разногласіе переходитъ на реальные предметы.

Въ августѣ 1862, Тургеневъ находилъ уже, что его „carissimus", хотя поэтъ и, стало быть, служитель идеала, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, „закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ стариннаго закала" [3]).

Тургеневъ говорилъ уже о „собачьей старости" Фета по поводу его взглядовъ на искусство [4]); потомъ онъ негодуетъ на враждебное отношеніе Фета къ только-что основавшемуся тогда литературному фонду, которое считаетъ „возмутительнымъ" [5]). Еще позднѣе, негодуя на одну статью въ „Р. Вѣстникѣ" (противъ писаній Анненкова о Пушкинѣ!), которую считалъ клеветнической и инсинуаціонной кляузой Булгарина-redivivus, и которой какъ будто сочувствовалъ Фетъ, Тургеневъ изумляется, что его другъ утратилъ свое поэтическое и гуманное чутье, и Тургеневъ увѣренъ, что этого бы не было, еслибы Фетъ не былъ „закрѣпо-

[1]) Ясно, какая была рекомендація: Лонгиновъ уѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы стать начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

[2]) Тамъ же II, 279. О Лонгиновѣ еще въ письмахъ Тургенева, стр. 250.

Прибавимъ еще одну цитату. В. Боткинъ сообщилъ Тургеневу свои идеи, почерпнутыя или усовершенствованныя въ редакціи „Р. Вѣстника". Тургеневъ отвѣчаетъ въ письмѣ отъ іюля 1863: „Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ" (вѣроятно, шла рѣчь о польскомъ возстаніи и статьяхъ Каткова); „видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его волнахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи „Времени"—журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ"... Фетъ, Воспом. I, 432, 433.

[3]) Фетъ, Воспом. I, 404.

[4]) Фетъ, Воспом. II, 94.

[5]) Тамъ же, II, 212, 246. Вражда Фета къ литер. фонду была вообще отголоскомъ того, что онъ слышалъ: въ Москвѣ считали фондъ либеральной затѣей. Ср. къ этому замѣчаніе Боткина, тамъ же I, 319: Боткинъ не раздѣлялъ этой вражды.

щеннымъ г-ну Каткову человѣкомъ"; а по поводу автора этихъ нападеній на Анненкова вспоминаетъ слова Ривароля, qu'il fait tache sur la boue" [1]). Потомъ дошло до формальной ссоры [2]).

Отношенія съ самимъ „Р. Вѣстникомъ", съ которымъ Тургеневъ связалъ себя „Отцами и Дѣтьми" и гдѣ появлялся знаменитый романъ гр. Толстого, въ концѣ концовъ завершились полнымъ разрывомъ и враждой. Въ августѣ 1871, Тургеневъ говоритъ по поводу классицизма (предлагавшагося тогда Катковымъ въ видѣ исправительной мѣры для нашихъ гимназій и университетовъ) и потомъ сводитъ рѣчь на вдохновителя *нашей* классической системы: „...Я выросъ на классикахъ, и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherei даже классицизма, и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другого. „Fair play"—говорятъ англичане;—равенство и свобода, говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катковъ говоритъ противное; но я въ жизни ненавидѣлъ только одно лицо (не его, то уже умерло, слава Богу), а презиралъ только трехъ людей: Жирардена, Булгарина и издателя Моск. Вѣдомостей" [3]).

Тургеневъ подтвердилъ это на дѣлѣ, демонстративно, во время московскихъ Пушкинскихъ торжествъ 1880 года [4]).

Когда появились „Отцы и Дѣти", они, какъ извѣстно, произвели очень шумное и разнородное дѣйствіе. Тургеневъ увидѣлъ, что многое могло быть понято въ романѣ различно, и самъ нѣсколько разъ объяснялъ смыслъ романа и характеры дѣйствующихъ лицъ [5]). Онъ былъ очень доволенъ отзывами о романѣ Ап. Майкова и Достоевскаго, и высказывалъ имъ свое удовольствіе и дружескія чувства [6])...

Въ отвѣтъ на замѣчанія Салтыкова (онѣ остаются еще неизвѣстны) Тургеневъ отрекается отъ тенденціи: „Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня

[1]) Тамъ же II, 290; ср. II, 300.

[2]) Тамъ же II, 300—306, 399.

[3]) Тамъ же II, 237 и 281 (въ 1873).

[4]) Передъ тѣмъ, въ концѣ 1879, были какія-то угрозы Каткова по адресу Тургенева. См. Письма, стр. 352.

[5]) Письма, стр. 100—102, 104—107, 238, 242, 278; Фетъ. Воспоминанія I, стр. 395—396.

[6]) Письма къ Достоевскому, тамъ же, стр. 96, 107—108.

выходило... но я готовъ сознаться (и уже печатно сознался въ своихъ Воспоминаніяхъ), что я не имѣю права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину—и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія" [1]).

Одно изъ любопытнѣйшихъ Selbstbekenntnisse Тургенева относительно „Отцовъ и Дѣтей" заключается въ письмѣ К. К. Случевскому, отъ апрѣля 1862: „Вся моя повѣсть,—говоритъ Тургеневъ и подчеркиваетъ эти слова,—направлена противъ дворянства, какъ передового класса". Далѣе: „Всѣ истинные *отрицатели*, которыхъ я зналъ—безъ исключенія—(Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей, и въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у *дѣятелей*, у отрицателей всякую тѣнь *личнаго* негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни"... [2]).

Это вѣрное замѣчаніе, опять подтверждающее слова Тургенева о его стремленіи къ правдѣ и безпристрастію, привело бы въ крайнее негодованіе его друзей. Къ сожалѣнію, и самъ онъ, по своей чрезмѣрной впечатлительности, забывалъ объ этомъ безпристрастіи, которое, пожалуй, могло бы устранить немало его тяготившей (и отчасти имъ самимъ созданной) вражды.

Сношенія съ Достоевскимъ опять кончились печальнымъ разочарованіемъ. Онъ самъ говоритъ однажды: Достоевскій „возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя"... Разрывъ съ Некрасовымъ побудилъ Тургенева сблизиться съ „Р. Вѣстникомъ" и съ журналомъ Достоевскаго „Время". Чѣмъ кончилось съ „Р. Вѣстникомъ", мы видѣли. Относительно второго, Тургеневъ уже въ апрѣлѣ 1871 пишетъ Полонскому: „Мнѣ сказывали, что Достоевскій „вывелъ" меня... Что жъ! пускай забавляются. Онъ пришелъ ко мнѣ лѣтъ 5 тому назадъ въ Баденъ не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ свѣтъ стоитъ—за „Дымъ", который, по его понятію, подлежалъ со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 278; письмо отъ января 1876.

[2]) Письма, стр. 105. Ср. подобныя мысли, стр. 260 (о „дворянщинѣ"), 510 (о „нигилизмѣ"), и въ томъ же упомянутомъ письмѣ къ Салтыкову, 278.

женію отъ руки палача. Я слушалъ, молча, всю эту филиппику, и что же узнаю?—Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто на просто клевета—еслибы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ—въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дрязги!" Въ другомъ письмѣ, отъ декабря 1872, Тургеневъ писалъ: „Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ К., тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами.—Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю"... [1]).

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ Тургенева въ Петербургъ, данъ былъ ему большой литературный обѣдъ, на который явился и Достоевскій. Было сказано не мало привѣтствій (между прочимъ, отъ генерала Николаевскихъ временъ Дитятина, въ лицѣ И. Ѳ. Горбунова); началъ-было рѣчь и Достоевскій. Это была странная рѣчь, въ родѣ инсинуаціи и допроса—относительно общественныхъ идей Тургенева; какъ будто вызывался диспутъ или производился допросъ въ духѣ „слова и дѣла"... Диспутъ не состоялся. Тургенева просили не отвѣчать на эту рѣчь.

Это была еще одна горькая чаша...

За послѣднія лѣтъ двадцать литературной біографіи Тургенева, отмѣченныхъ и въ его перепискѣ, идутъ отношенія совсѣмъ иного рода, полныя ровной, неизмѣнной симпатіи. Съ 1870 и до 1882 идутъ многочисленныя письма Тургенева къ Салтыкову [2]): онѣ обыкновенно упоминаютъ и о новыхъ произведеніяхъ послѣдняго и всегда исполнены самаго теплаго сочувствія и высокой оцѣнки его таланта. Здѣсь не было мѣста ни спорамъ, ни „дрязгамъ": очевидно, у обоихъ писателей была

---

[1]) Письма 194, 208. Тургеневъ признавалъ несомнѣнный талантъ Достоевскаго, но объ его „Подросткѣ" выражался (въ 1875) такъ: „...Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковыряніе!!" Тамъ же, стр. 272.

[2]) Письма, № 148, 173, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 220, 221, 225, 226, 239, 337, 342, 348, 370, 413, 432, 442.

одна общая почва; уваженіе къ таланту,—дѣйствительно замѣчательному и въ своемъ родѣ единственному въ нашей литературѣ,—соединялось съ искреннимъ сочувствіемъ къ его общественной идеѣ. Тургеневъ возвращался къ лучшимъ преданіямъ своей ранней литературной дѣятельности; въ Салтыковѣ былъ несомнѣнно послѣдній могиканъ „Современника".

А. Пыпинъ.

РЕЛИГІОЗНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ЭПИДЕМІИ

Изъ психіатрической экспертизы.

Окончаніе.

II *).

Оставимъ на время Супонево—и обратимся къ другой психической эпидеміи религіознаго характера, но гораздо болѣе ужасной, поразившей весь цивилизованный міръ свирѣпостью самоистязанія, — мы говоримъ о тираспольскихъ самопогребеніяхъ. Статья проф. Сикорскаго [1]) поставила внѣ сомнѣнія психопатическое значеніе этого ужасающаго дѣла, и еслибы мѣстные тюремные врачи были хоть нѣсколько знакомы съ психіатріей, то этихъ самопогребеній, вѣроятно, не произошло бы. Но попытаемся сдѣлать шагъ дальше въ анализѣ. Авторъ идеи тираспольскихъ самопогребеній—душевно-больной; его проповѣдь потому и подѣйствовала, что она попала на болѣзненную, подготовленную для психопатіи почву. Но какъ убѣдить хотя бы и психопата, и тѣмъ болѣе столь многихъ, не только рѣшиться на самоубійство вообще, но еще на такую ужасную его форму, противъ которой возмущается интимное органическое чувство, форму—по-

---

*) См. выше: окт., 732 стр.

[1]) „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ". Кіевъ, 1897 г.

гребеніе заживо—считавшуюся всегда наиболѣе страшною? Очевидно, въ душѣ этихъ людей было что-то, что дѣлало имъ это схожденіе живыми въ могилу, эту смерть Эдипа въ Колоннахъ, весталокъ въ Римѣ—не тѣмъ ужасомъ, какой видимъ мы, какой видѣли въ этомъ ассирійцы и греки, римляне и средневѣковые монахи, всѣ практиковавшіе такую казнь.

Рядъ работъ [1]) поставилъ внѣ сомнѣнія первенствующее значеніе расы въ вопросѣ о психическихъ заболѣваніяхъ. Сектанты юго-западной окраины были переселены туда во второй половинѣ XVIII вѣка, при Екатеринѣ II, изъ центральныхъ и восточныхъ губерній, преимущественно изъ сѣверно-уральскихъ, слѣдовательно и изъ обрусѣвшаго чудскаго населенія, такъ какъ никто же не представитъ себѣ, чтобы вся Чудь безслѣдно пропала куда-то, а на ея мѣсто появился новый народъ финскаго племени, который ходитъ на чудскія могилы поминать „чудаковъ", „чудского дѣдушку, чудскую бабушку". Въ этомъ сѣверно-уральскомъ краѣ мы констатируемъ вообще большую склонность къ массовымъ коллективнымъ самоубійствамъ; изслѣдованіе Сапожникова [2]) насчитываетъ 117 [3]) случаевъ такихъ коллективныхъ самоубійствъ, и именно черезъ самосожженіе; число добровольныхъ (частью и *недобровольныхъ* однако) жертвъ было: отъ 1667 г. до 1700 г. —8.834 человѣка; въ 1700—1760 г.—1.332; въ 1760—1800 г.—401 человѣкъ [4]). Но насъ интересуетъ географическое распредѣленіе этихъ добровольныхъ коллективныхъ смертей; вотъ оно: число дошедшихъ до нашего свѣдѣнія коллективныхъ самосожженій было: въ тобольской губерніи 32; въ олонецкой — 25; въ пермской—19; въ архангельской—11; въ вологодской—10; въ новгородской—8; въ томской—5; въ ярославской — 4; въ нижегородской, пензенской, енисейской — по 1. „Избраннымъ мѣстомъ для самосожженій были тобольская, пермская и олонецкая губерніи",—заключаетъ г. Сапожниковъ. Такимъ образомъ, мѣстомъ этихъ коллективныхъ самоубійствъ былъ край, населенный восточною вѣтвью финскаго племени, и „избраннымъ мѣстомъ" былъ именно крайній сѣверо-востокъ, чудская область.

---

[1]) Въ частности должно напомнить изслѣдованія надъ сравнительною заболѣваемостью различныхъ расъ: въ Россіи (проф. Сикорскаго), въ голландской Остъ-Индіи (Brero); надъ неграми въ Сѣверной Америкѣ; надъ алжирскими арабами и кабилами, надъ финнами и русскими и т. д.

[2]) Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII вѣка до конца XVIII. Москва. 1891.

[3]) Стр. 158.

[4]) Стр. 160, сноска.

Самоубійства эти, и именно путемъ самосожженія, стали настолько часты и уносили столько жертвъ, что старообрядцы возстали противъ нихъ, и даже съ догматической точки зрѣнія [1]).

Но всѣ легенды, всѣ воспоминанія, всѣ историческіе разсказы, всѣ антропологическія и этнографическія данныя, дошедшія до насъ,—и это на огромномъ протяженіи отъ Архангельска почти до Иркутска,—говорятъ намъ, что: *„Чудь жила въ землѣ“* (въ землянкахъ, полъ которыхъ значительно ниже поверхности земли, и въ пещерахъ) [2]); что *„она и теперь живетъ подъ землею*, въ богатствѣ и роскоши („много серебра“, какъ воспоминаніе о чудскомъ или камскомъ серебрѣ); имѣетъ вмѣсто рогатаго скота мамонтовъ, которые только и могутъ жить подъ землею и умираютъ отъ сухого воздуха“; что своего рода *Елисейскія-поля*, блаженное мѣстопребываніе людей, не принадлежащихъ болѣе къ надземному міру, *находятся подъ землею*; наконецъ, что *Чудь*, тѣснимая монголами, а потомъ русскими, *не хотѣла подчиниться, „не хотѣла мѣнять вѣры и ушла въ землю“, „закопалась въ землю“, зарывалась въ коллективныя могилы*; а авторъ XVII в., Новицкій даже подробно описываетъ, какъ это происходило:—тогда, очевидно, воспоминаніе объ этихъ коллективныхъ самопогребеніяхъ было еще свѣжо въ народной памяти. Разсказы объ этихъ самопогребеніяхъ очень распространены и весьма отчетливы: Чудь строила въ большой ямѣ, на столбахъ, родъ крытаго сарая, на крышу котораго нагружались огромныя массы земли; затѣмъ цѣлыя группы уходили подъ этотъ навѣсъ и подрубали столбы, такъ что *крыша погребала ихъ*.

Такимъ образомъ, и въ тираспольскихъ самопогребеніяхъ мы видимъ психическую болѣзнь значительнаго числа людей, зараженныхъ несомнѣнно кѣмъ-нибудь душевно-больнымъ, и эта пси-

---

[1]) *Лопаревъ*. Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія, 1691 года. Изд. 1895 г.

[2]) На это имѣется множество указаній,—относительно отдаленной эпохи въ норвежскихъ сагахъ и въ татарскихъ героическихъ поэмахъ, собранныхъ Радловымъ; въ нихъ говорится о волшебникахъ и волшебницахъ, „свинцово-глазыхъ, бѣловолосыхъ, съ ногами какъ у мухи“ (т.-е. тонкими, что, дѣйствительно, составляетъ финскую особенность, по крайней мѣрѣ восточной вѣтви; въ казанской и вятской губерніяхъ русскіе называютъ вотяковъ жидконогими, тонконогими), живущихъ въ землѣ. Относительно болѣе близкаго времени мы имѣемъ разсказы мѣстныхъ жителей, среди которыхъ еще очень живы воспоминанія о чуди, „Чудскія ямы“—Tschudengraben, Кастрена, и т. д. Нѣтъ, можно сказать, ни одного писателя, антрополога или простого путешественника, который, упоминая о чуди, не отмѣтилъ бы этого преданія о ней.

хическая эпидемія привела ихъ къ ужасному акту самопогребенія, схожденія заживо въ могилу. *Но актъ этотъ совершался нѣкогда ихъ предками не какъ проявленіе душевной болѣзни, а какъ особое, специфическое проявленіе народной психики.*

Въ психіатріи различаютъ три формы наслѣдственности: прямую, боковую и атавистическую; эта послѣдняя представляетъ передачу психопатическаго элемента отъ его болѣе или менѣе отдаленнаго предка. Но дарвинизмъ показалъ намъ, что эта наслѣдственная передача можетъ идти отъ предка, отдѣленнаго отъ потомка безчисленнымъ множествомъ поколѣній, и даже инстинктъ мы теперь объясняемъ какъ „воспоминаніе предъидущихъ поколѣній".

А потому, у насъ нѣтъ никакой причины ограничивать наслѣдственную передачу, физическую или психическую, какимъ-нибудь максимальнымъ числомъ поколѣній. Мы знаемъ, что дѣти часто представляютъ очень отдаленныя антропологическія или психическія формы, исчезающія съ возрастомъ, но констатируемыя опять въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Карлъ Фогтъ въ своей извѣстной работѣ о кретинахъ доказываетъ, что они представляютъ атавистическую форму, возвращеніе къ анатомическимъ и физическимъ нормамъ далекихъ поколѣній. Эбби, оспаривая Фогта, говоритъ, что кретинизмъ есть явленіе не атавистическое, а патологическое. Трудно объяснить себѣ такую аргументацію. Что кретинизмъ есть явленіе болѣзненное—въ этомъ, конечно, сомнѣваться довольно трудно,—но почему *болѣзненность* исключаетъ *атавизмъ?* Казалось бы, скорѣе обратное вѣрно. Дегенерація (вырожденіе) есть несомнѣнно явленіе болѣзненное, но именно у дегенерантовъ-то мы и видимъ атавистическіе „стигматы",—напр., Дарвиновъ бугорокъ на ушахъ, подвижность ушей и кожи на головѣ, прогнотизмъ, выдающіяся надбровныя дуги, и т. п. Есть народное убѣжденіе, не лишенное нѣкотораго основанія, что опьянѣніе, уничтожая самообладаніе, даетъ волю побужденіямъ, таящимся глубоко въ человѣкѣ, такъ что человѣкъ выказываетъ въ это время свои интимнѣйшія стороны. Это, конечно, далеко не всегда справедливо, но едва ли можно сомнѣваться, что нерѣдко въ состояніи опьянѣнія пробуждаются такіе инстинкты, которые не только крѣпко сдерживались сознательно, но которые дѣйствительно были скрыты отъ самого человѣка, таились подъ порогомъ сознанія и выдвинулись изъ сферы несознательнаго. То же въ гораздо большей степени можно сказать о психической болѣзни. Совершенно понятно, что позднѣйшія культурныя—слѣдовательно менѣе прочно установившіяся—

психическія свойства будутъ скорѣе и легче разрушены психическою болѣзнью, нежели основныя свойства расы, унаслѣдованныя безконечнымъ рядомъ поколѣній изъ глубокой древности; такъ, въ старости пропадаетъ память ближайшихъ событій, и тѣмъ сильнѣе выдвигаются воспоминанія давно прошедшаго. Вслѣдствіе довольно исключительныхъ условій жизни, намъ самимъ пришлось учиться—жить *мѣстной жизнью* и заниматься психіатріей въ значительномъ числѣ европейскихъ странъ; не сжившись съ ними съ дѣтства, можетъ быть, легче было замѣчать нѣкоторыя особенности, и именно устойчивость психическихъ переживаній (survivances) изъ глубокаго прошедшаго,—греческаго въ южной Италіи, галло-римскаго въ сѣверной и въ Провансѣ, славянскаго въ Голштиніи, Шлезвигѣ и въ Мекленбургѣ и т. д. Но наше особенное вниманіе было привлечено такого рода фактами переживаній въ психіатріи, и насъ поражало, до чего folklore и древнѣйшая легендарная исторія племени даетъ ключъ къ пониманію психологіи и хода мышленія нѣкоторыхъ душевнобольныхъ. По этому предмету у насъ собрано значительное количество матеріаловъ, которыхъ за текущею работою мы не имѣли еще времени обработать. Вынужденные требованіемъ дѣла обратиться къ этому вопросу, мы просмотрѣли старую уже, мало замѣченную, но очень важную, несмотря на свою односторонность и общность, статью Tanzi и Riva [1]).

Болѣе новая работа проф. Tanzi [2]), скорѣе психологическая, нежели психіатрическая, подтверждаетъ, расширяетъ и обобщаетъ еще его прежнія идеи. Какъ онъ намъ сообщаетъ, въ серединѣ 1903 г. долженъ былъ выйдти его курсъ психическихъ болѣзней, въ которомъ онъ дастъ полное развитіе идеѣ атавистическаго характера собственно паранойи: „Le manifestazioni del misticismo paranoico sono qualitativamente identiche a quelle del misticisimo primitivo: unica differenza è appunto l'ambiente storico... I primitivi sono figli del loro tempo; i paranoici sono anacronismi viventi. Il misticismo dei primitivi è la manifestazione modesta, tranquilla e collettiva di un pensiero che si sviluppa; il misticismo dei paranoici è l'esplosione audace, violenta e individuale di un pensiero in regresso e anticivile... i paranoici hanno quasi l'aria di conoscere

---

[1]) *Tanzi* e *Riva*. La paranoia. Contributo alla teoria delle degenerazioni psichiche. Reggio-Emilia. 1886.—Также: *Tanzi*, Il folk-lore nella patologia mentale. *Rivista* di filosofia scientifica. Vol. IX, luglio, 1890.

[2]) Il Misticismo nelle religioni, nell' arte e nella pazzia. *Rivista Moderna*. Ann. II, 1899. Fascic. 2.

a menadito la psichologia dei prtmitivi, e parebbe che si proponessero deliberatamente di contraffarli" [1]).

Т.-е.: „Проявленія параноическаго мистицизма качественно идентичны съ проявленіями примитивнаго мистицизма: единственное различіе составляетъ историческая среда... Примитивные [2]) суть дѣти своего времени; параноики—живые анахронизмы. Мистицизмъ примитивныхъ есть проявленіе скромное, спокойное и коллективное развивающагося мышленія; мистицизмъ параноиковъ есть рѣзкій, насильственный, индивидуальный взрывъ мышленія регрессирующаго, противообщественнаго... Параноики точно будто знаютъ психологію примитивныхъ, и можетъ казаться, что они сознательно поддѣлываются подъ нее".

Напомнимъ, что въ другой, французской работѣ по систематизированному умопомѣшательству, авторы [3]) высказываютъ въ общемъ убѣжденіе, что этого рода психическія болѣзни находятся въ непосредственной зависимости отъ условій среды антропологической, исторической и соціологической: „Le facteur sociologique, souvent négligé en pathologie mentale, nous semble avoir une importance non moindre en ce qui concerne l'aliéné qu'en ce qui concerne le criminel. Les progrès de l'anthropologie ont démontré son importance majeure. Cette influence des milieux sur les psychôses nous paraît nettement démontrée en particulier par les psychôses mystiques; les caractères différentiels que le délire emprunte aux temps, aux lieux et aux croyances ambiantes, loins d'être superficiels et de pure forme, apparaissent d'autant plus profonds qu'on les étudie de plus près".

Противъ теоріи Tanzi („паранойя есть психическій атавизмъ") выступилъ [4]) Nina-Rodriguez, профессоръ судебной медицины въ Bahia (Бразилія); но онъ разбираетъ вопросъ не въ общей постановкѣ, а въ деталяхъ, чтò въ данномъ случаѣ тѣмъ менѣе оправдывается, что онъ совершенно упустилъ изъ виду выдѣленіе паранойи въ узкомъ смыслѣ (Kräpelin, и въ значительной степени—Magnan). Но тутъ вышло нѣчто странное. Въ Бразиліи случилась грандіозная психическая эпидемія, охватившая многія тысячи человѣкъ, и которой правительство положило конецъ пуш-

---

[1]) Ibid. стр. 14—15.

[2]) Такъ принято въ антропологіи обозначать людей низшихъ племенъ и общественныхъ формъ

[3]) *Marie* et *Vallon*. Des psychôses à évolution progressive et systématisation dite primitive. *Arch. de Neurol.* 1896, стр. 479.

[4]) Atavisme psychique et paranoja. *Archi d'Anthropol. criminelle*. 15 juin 1902.

ками. По этому дѣлу проф. Nina-Rodriguez былъ экспертомъ, и по нашей просьбѣ далъ намъ нужныя свѣдѣнія по этому дѣлу, по которому сверхъ того имѣются и его печатныя работы, представляющія очень подробный и глубокій анализъ, психіатрическій, психо-антропологическій и этнологическій этой эпидеміи [1]). Изъ всѣхъ отзывовъ проф. Nina-Rodriguez'а несомнѣнно выясняется и еще болѣе подтверждается его же работою о психическомъ и психіатрическомъ состояніи негровъ и мулатовъ, что психическія разстройства эти представляютъ чистѣйшій психиво-атавистическій возвратъ—глубоко-католическаго между тѣмъ—низшаго класса въ Бразиліи къ первоначальнымъ формамъ, у негровъ и мулатовъ къ примитивному африканскому фетишизму и анимизму. И именно на этотъ возвратномъ характерѣ явленія особенно настаиваетъ авторъ.

„Инциденты положенія, *общественный и этническій* слой, на которомъ умопомѣшательство Антонія Масіеля основало и воздвигло почти непреодолимую матеріальную и нравственную власть,—говоритъ авторъ съ первой страницы своего отчета,—въ настоящее время вполнѣ доступны научному изслѣдованію. Не *анахроническая* личность Антонія должна занимать первый планъ картины. Его умопомѣшательство теперь извѣстно во всѣхъ подробностяхъ и можетъ быть діагностицировано... Въ *соціальной фазѣ*, въ которой находится въ настоящее время населеніе внутреннихъ провинцій, въ соціальномъ и религіозномъ кризисѣ, который они проходятъ, должно искать тайну (ихъ психіатрическаго состоянія)... *Бредъ Антонія отражаетъ въ себѣ соціальныя условія среды*". Сынъ торговца, Антоній Масіель получилъ по наслѣдству дѣло отца, и оно не замедлило упасть въ его рукахъ; онъ женился, и скоро жена и теща стали имъ помыкать, и даже бить его. Поступивъ приказчикомъ въ лавку, онъ скоро промѣнялъ это мѣсто на мѣсто письмоводителя мирового судьи, затѣмъ лишился и этого заработка, и поселился въ деревнѣ, гдѣ жена его вступила въ связь съ полицейскимъ служителемъ. Онъ сталъ странствовать, и принятый въ домъ сестры, въ приступѣ буйнаго умопомѣшательства, нанесъ рану ея мужу. Въ своемъ бродяжничествѣ онъ проповѣдывалъ, говоря, что онъ посланъ Богомъ; затѣмъ сталъ говорить, что онъ „Христосъ-Совѣтникъ", и принялъ, вмѣсто своей фамиліи Maciel, прозвище Conselheiro. Одѣтый въ синюю рясу, онъ проповѣдывалъ сло-

[1]) *Nina-Rodriguez*. Epidémie de folie religeiuse au Brésil. *Ann. méd.-psych.* Mai-Juin, 1898.—*Его же*. La folie des foules. *Ibid*. Janv.—Août 1901.— *Его же*. L'animisme fétichiste des nègres de Bahia. Bahia (Brésil) 1900.

вомъ и дѣломъ уничтоженіе всѣхъ предметовъ, всего, безъ чего можетъ обходиться аскетическая жизнь [1]). Принятый съ энтузіазмомъ одними священниками, въ борьбѣ съ другими, онъ привлекъ толпы приверженцевъ и учениковъ; когда власти его арестовали по обвиненію въ преступленіи, ученики хотѣли отбить его, но онъ остановилъ ихъ, объявивъ имъ, что власти не могутъ ничего ему сдѣлать, и что онъ будетъ отпущенъ въ назначенный имъ день, что̀ и случилось дѣйствительно [2]). Провозглашеніе республики вызвало сильное противодѣйствіе католическаго духовенства, для котораго Антоній Масіель—теперь *Консельеро*—былъ драгоцѣннымъ орудіемъ, и вокругъ него стали собираться тысячи приверженцевъ. Это продолжалось *года*; наконецъ, духовныя власти послали миссіонеровъ въ провинцію, чтобы противодѣйствовать Антонію, и это, конечно, еще усилило движеніе и сдѣлало его болѣе рѣзкимъ [3]). Противъ „секты" были высланы полицейскіе, и хотя они и были отбиты и прогнаны, но секта бросила выстроенную ею деревню „Добраго Христа" и ушла въ пустынную мѣстность Canudos, давшую имя эпидеміи. Здѣсь очень скоро была выстроена сильно укрѣпленная деревня. Правительство выслало военный отрядъ (сто солдатъ), который былъ разбитъ на голову; такая же участь постигла высланный противъ сектантовъ баталіонъ (500 солдатъ); новый отрядъ, полкъ въ 1.500 человѣкъ, былъ тоже разбитъ и полковой командиръ убитъ. Пришлось выслать почти армію, съ пушками, и послѣ *трехъ мѣсяцевъ* осады деревня была взята и разрушена, сектанты перебиты, и самъ Антоній убитъ. Конечно, дѣло въ Павловкахъ не можетъ, по своимъ размѣрамъ и по своему значенію, сравниваться съ дѣломъ въ Canudos.

Такой же характеръ имѣла и эпидемія 1879 г. въ Arcidosso (въ Тосканѣ), вызванная проповѣдью крестьянина Давида Лаццаретти. Грубое вмѣшательство полиціи вызвало взрывъ негодованія въ странѣ, и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія министерства Цанарделли. Этими двумя эпидеміями исчерпывается [4]) (помимо ничтожныхъ семейныхъ зараженій, конечно)

---

[1]) Ср. проповѣдь и власть Савонаролы, психическая болѣзнь котораго очень хорошо выяснена и изучена по документамъ докторомъ *G. Portigliotti.* Un grande monomane: Fra Girolamo Savonarola. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale.* 1902.

[2]) Идентичный фактъ былъ началомъ эпидеміи въ Павловкахъ.

[3]) Идентичный фактъ въ супоневской эпидеміи.

[4]) Эпидемія въ Morzine (Савойя) была раньше.

вся психіатрическая эпидеміологія земного шара—за исключеніемъ Россіи—за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Совершенно другую картину въ этомъ отношеніи представляетъ наше отечество. Мы уже сказали выше, что въ орловской губерніи, и именно въ ея шести центральныхъ уѣздахъ, въ 1893 г. было насчитано *болѣе тысячи кликушъ*. Но этотъ годъ не представляетъ ничего исключительнаго, ничего особеннаго; это не была *эпидемія*, это была и есть—*эндемія*. Обстоятельство это никого, повидимому, не интересуетъ, и несмотря на наши старанія и попытки, намъ не удалось привлечь на него чьего-либо вниманія. Если мы возьмемъ затѣмъ не сорокъ лѣтъ, какъ для всего остального земного шара, а только пятую часть этого періода, то можно привести для одной средней полосы Россіи значительно болѣе десятка такихъ религіозныхъ вспышекъ, подавшихъ поводъ къ уголовному преслѣдованію и имѣющихъ хлыстовскій характеръ.

Намъ нѣтъ надобности, конечно, приводить здѣсь подробно проявленія хлыстовства,—они, къ сожалѣнію, слишкомъ часты, чтобы не быть извѣстными. Но насъ интересуетъ основная психологія этой секты, и *психологическій* методъ изученія несомнѣнно долженъ быть главнымъ, существеннымъ методомъ, какъ справедливо было замѣчено на третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани [1]). Психологически, хлыстовство сводится на слѣдующія явленія или психическіе факты, составляющіе суть и характеристику секты; все остальное есть только совершенно несущественная, съ психологической точки зрѣнія, случайная его внѣшность.

1) Низведеніе („сманиваніе“) на землю, на—и въ человѣка, съ неба Святого Духа путемъ пѣнія, шума и сильныхъ мышечныхъ движеній, по бо́льшей части ритмированныхъ, доводящихъ человѣка до особаго психофизическаго состоянія, спеціально пригоднаго для вселенія Духа.

2) Ненависть и чувство гадливости къ браку, къ парному и постоянному сожительству мужчины и женщины, и свобода половыхъ сношеній до „свальнаго грѣха“ включительно.

3) Братство сектантовъ и посвященныхъ.

Къ этимъ тремъ основнымъ психическимъ фактамъ хлыстов-

---

[1]) Дѣянія 3-го Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда. Кіевъ, 1898 г., стр. 92—рѣчь Терлецкаго.

ства должно прибавить еще два слѣдующіе. Изъ нихъ первый, уже констатированный многими, недостаточно, однако, оттѣненъ и не введенъ въ характеристику хлыстовства; второй, сколько намъ извѣстно, еще не былъ указанъ.

4) Отвращеніе отъ дѣторожденія, брезганіе дѣтьми, какъ результатами сожительства мужчины и женщины вообще, и брака въ особенности, и враждебное, во всякомъ случаѣ нелюбовное отношеніе къ нимъ.

5) Отсутствіе семейной связи въ кровномъ родствѣ: родители и дѣти, братья и сестры совершенно чужды другъ другу, и естественная, сильная кровная семейная связь стирается передъ расплывчатымъ братствомъ и Wahlverwandschaft.

Какая же психологическая основа этихъ особыхъ психическихъ явленій въ хлыстовствѣ? Остановимся на этомъ вопросѣ.

Духовные писатели, занимавшіеся вопросомъ хлыстовства, приходятъ къ безусловно вѣрному заключенію, что оно вовсе не есть еретическая секта, что оно есть полное отклоненіе отъ христіанства. Несмотря на существованіе въ доктринѣ и въ культѣ имени Христа, хлысты, несомнѣнно, не-христіане [1]). Для нихъ *Христосъ* [2]) есть нарицательное имя [3]), заимствованное, какъ нѣкоторое переживаніе, изъ привычнаго христіанскаго onomasticon. Оно для нихъ обозначаетъ всякаго, въ кого сошелъ („накатилъ"), вселился Духъ; „христосикъ"—ребенокъ, происшедшій отъ внѣ-брачнаго, случайнаго общенія, преимущественно отъ культуэльной проституціи свальнаго грѣха. Но *Духъ*, хотя и называется ими „Святымъ Духомъ", кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ Св. Духомъ,—даже абстрагируя его теологическое пониманіе, какъ третьей Упостаси Св. Троицы.

---

[1]) „Хлыстовскія секты, будучи проникнуты пантеистическими и мистическими началами *языческихъ* восточныхъ религій... въ дѣйствительности *содержатъ не-христіанскія, а языческія вѣрованія*" (Постановл 3-го Мисс. Съѣзда. *Дѣянія*... стр. 342—3).

[2]) „Хлыстовство не вѣруетъ въ Божество Господа нашего Іисуса Христа" (*ibid.*, 343). „І. Христосъ не есть Богъ... Онъ не есть Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ; сыновство его Богу Отцу нравственное, такое, какого можетъ достигнуть и каждый другой человѣкъ"... (*Кутеповъ*. „Секты хлыстовъ и скопцовъ". Казань, 1882, стр. 283). „Христіанскаго въ ихъ ученіи нѣтъ ничего, кромѣ пустого звука: *Христосъ* (*ibid.*, 287) и др.

[3]) Не въ буквальномъ смыслѣ *помазанника*,—значеніе уже болѣе или менѣе утратившееся для массы христіанъ, для которыхъ слово *Христосъ* неразрывно связано съ именемъ: *Іисусъ*, и составило какъ бы двойное собственное имя.

Онъ одинъ населяетъ хлыстовское небо — мы сказали бы: хлыстовскій Олимпъ; „христосъ" для нихъ есть титулъ человѣка, въ котораго вселился Духъ, а такихъ людей можетъ быть безконечное множество, и перевоплощеніе дѣлается постоянно повторяющимся, хроническимъ явленіемъ, даже не періодическимъ, какъ въ буддизмѣ, а непрерывнымъ. Богъ-Отецъ стирается какъ лицо христіанской Св. Троицы, и слово *Отецъ* является опять-таки титуломъ, наравнѣ съ словомъ *батюшка*, и примѣняется ко всѣмъ „христамъ", которые генетически съ Саваоѳомъ не связаны. Понятіе о Богѣ совершенно затемнилось представленіемъ Духа, который стоитъ гораздо ближе къ человѣку, и потому антропоморфизація у хлыстовъ доведена гораздо дальше и повторяетъ католическій текстъ ст. 8 гл. III Книги Бытія. Богъ Саваоѳъ хотя и поминается — очень рѣдко — въ роспѣвцахъ, но какъ случайное обозначеніе, и съ нимъ не связано представленіе о Божествѣ; самое же божество является туманною, безжизненною и бездѣятельною тѣнью, какъ уступка позднѣйшему историческому и сдѣлавшемуся традиціоннымъ тэизму. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ религіознымъ представленіемъ Калевалы, самоѣдовъ, остяковъ, и т. д. Въ Калевалѣ — Укко, у самоѣдовъ и остяковъ — Нумъ, играютъ такую же роль, а активную роль играютъ и въ непосредственное соприкосновеніе съ человѣкомъ входятъ духи или духъ, который у хлыстовъ обозначается предикатомъ *святой*, по привычкѣ; но духъ этотъ является не зиждителемъ и одухотвореніемъ міра, а существомъ весьма близкимъ къ человѣку. Человѣкъ можетъ его призвать, „сманить" къ себѣ, и для этого существуютъ прочно установившіеся методы: а) пѣніе, хлопаніе въ ладоши, пристукиваніе ногами, т.-е. ритмированный шумъ; b) неистовыя движенія, круженіе, бѣганіе, пляска, доводящія до изнеможенія и въ то же время до экстаза, до безпамятства, до обморока, до бреда, пророчествъ и т. д.; c) присутствіе и участіе женщинъ, особенно многочисленныхъ на хлыстовскихъ сборищахъ (радѣніяхъ); женщины бо̀льшею частью полураздѣты и часто распускаютъ волосы, что̀ тоже имѣетъ культуэльное значеніе, какъ мы то видѣли. Низведенный такимъ образомъ духъ или кратковременно „накатываетъ" человѣка, или продолжительно вселяется въ него. Тогда человѣкъ теряетъ свою духовную индивидуальность, — это автоматъ, „водимый духомъ"; съ него снимается всякая нравственная отвѣтственность, такъ какъ его воля замѣнена другимъ, внѣшнимъ вліяніемъ, и всѣ акты его, даже самые безнравственные, не могутъ быть вмѣнены ему въ вину — да и кто можетъ судить

дѣйствія духа? Они могутъ казаться нелѣпыми или отвратительными съ человѣческой, „мірской“ точки зрѣнія, и быть нравственными или нужными съ *высшей, духовной*. „Духъ вселяется настолько, что совершенно поглощаетъ личность человѣка. Что̀ бы человѣкъ ни дѣлалъ, дѣлаетъ уже не онъ, а духъ, „и во всѣхъ вещахъ человѣкъ уже своей воли не имѣетъ“. „Мы и сами знаемъ,—говоритъ хлыстовскій пророкъ, — что не сходны иные наши поступки съ закономъ. Что̀ же намъ дѣлать? Своей воли не имѣемъ“ [1]). Послѣ своего обращенія, Радаевъ „всталъ, но своей воли во мнѣ уже не было... съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Св. Духъ“ [2]). „Духъ, входя въ человѣка, управляетъ его дѣйствіями... *это не самъ онъ дѣлаетъ,—это въ него вошелъ Св. Духъ* (говорятъ малеванцы) [3]). Все, что̀ ни дѣлаетъ человѣкъ, не онъ дѣлаетъ, а живущій въ немъ Духъ Божій; слѣдовательно и развратъ каждаго пророка не его дѣло, а дѣло Духа Божія... Ученіе о невмѣняемости пророку всевозможныхъ преступленій не находитъ себѣ родственнаго ни въ одной изъ существующихъ доселѣ религій“,—замѣчаетъ цитируемый нами авторъ [4]). Это утвержденіе невѣрно, конечно, но нѣтъ сомнѣнія, что отсутствіе личнаго божества мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ извѣстныхъ организованныхъ религій [5]), и только финскія племена представляютъ намъ такое явленіе.

Но если духъ имѣетъ такую власть надъ человѣкомъ, то и обратное очень сильно. Духъ не „вѣетъ, гдѣ хочетъ“, онъ не „motu proprio“ вселяется въ человѣка,—онъ призывается, „сманивается“, *принуждается* къ этому. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ чистымъ магизмо̀мъ, и именно финскимъ. Радѣніями „каждый можетъ непосредственно получить въ себя Духа Святого... Божество въ концѣ концовъ не отличается отъ человѣка; *оно становится достояніемъ послѣдняго и обращается въ полное его*

---

[1]) *Ивановскій*. Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи. Кіевъ, 1898, стр. 11.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, 1869, № 3, стр. 348—9. *Кутеповъ*. Секты хлыстовъ и скопцовъ. 1882, стр. 318—9.

[3]) Проф. *Сикорскій*. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ. 1893, стр. 18 и 14.—*Добротворскій*. „Люди Божіи“, стр. 83.

[4]) *Кутеповъ*, l. c., стр. 321 и 322.

[5]) Буддизмъ, представляющій то же явленіе, съ этой точки зрѣнія считается очень многими авторами не религіей въ тѣсномъ смыслѣ, а религіозною формою нравственныхъ принциповъ.

распоряженіе" [1]). Хлыстъ радѣніемъ „*завладѣваетъ*" духомъ или Богомъ:

„Поди, братецъ, порадѣй,
Живымъ Богомъ завладѣй!" [2])

„Еретики (хлысты) доходятъ до гордаго самообожанія, думаютъ *обладать* [3]) самимъ Богомъ и распоряжаться его властью по произволу" [4]). „Сынъ гостинный" задаетъ дѣвицѣ загадку; она отвѣчаетъ: „когда *Богомъ завладѣю*, всѣ твои загадки отгадаю" [5]); „пошелъ братецъ, порадѣлъ, живымъ Богомъ завладѣлъ", и т. д. Но не должно упускать изъ виду, что здѣсь вездѣ подъ словомъ *Богъ* подразумѣвается духъ, входящій въ человѣка по его призыву. Распоряженіе таинственными силами, и власть посредствомъ таинственныхъ силъ, есть сущность магіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сущность психической болѣзни, называемой паранойей, и которую Tanzi считаетъ атавистическимъ возвращеніемъ къ давно-прошедшему человѣчества.

Это „завладаніе" Богомъ, Духомъ, совершается у хлыстовъ при помощи пѣнья, хлопанья въ ладоши и бѣганіемъ, скаканіемъ, верченіемъ, и т. д. Уже во Второзаконіи магія связывается съ пѣніемъ; магическое значеніе пѣнія цитируется у очень многихъ классическихъ авторовъ [6]), и въ латинскомъ языкѣ самое понятіе о чародѣйствѣ связано съ пѣніемъ — „incantatio", „carmen". Но нигдѣ это значеніе пѣнія не проведено такъ послѣдовательно какъ у финновъ. Въ Калевалѣ пѣніе является главнымъ, чуть ли не единственнымъ дѣломъ Wäinämöinen'а, высшимъ выраженіемъ знанія, мудрости, единственнымъ орудіемъ силы [7]); это же въ еще бо́льшей степени надо сказать о шаманахъ, о самоѣдскихъ „tadibe" [8]), и т. д. Но между западно- и восточно-финскими пріемами

---

[1]) *Кутеповъ*, l. c., 298 и 287.

[2]) *Добротворскій*, l. c., 36 и 165—6.

[3]) Курсивъ въ текстѣ.

[4]) *Добротворскій*, 36.

[5]) *Ibid.*, „Роспѣвецъ", № 72, стр. 191.

[6]) XVIII, 11.

[7]) См. *Castren*. Einige Worte über die Kalevala. *Kleinere Schr.*, изд. Акад. Наукъ, 1862, и Ueber die Zauberkunst der Finnen, тамъ же, стр. 9—18; *его же*: Vorlesungen über die finische Mythologie, 1853. Очень хорошій историческій очеркъ финской магіи у *Beauvois*, La Magie chez les Finnois. *Revue de l'Histoire des Religions (Annales du Musée Guimet)*. T. III, № 3 (mai-juin 1881); т. V, № 1 (janv.-févr.) и т. VI, № 6 (nov.-déc.) 1882.

[8]) *Castren*. Reiseerrinerungen aus den Jahren 1838—1844, изд. Акад. Наукъ 1853, стр. 192—8, 201, 223, и т. д.

воздѣйствія на духа или духовъ есть весьма рѣзкая разница. Въ заклинаніяхъ Калевалы [1]) и другихъ, приведенныхъ у Кастрена, у Ленрота, проводится извѣстный раціонализмъ: заклинатель уговариваетъ духа исполнить его желаніе; онъ представляетъ ему рядъ соображеній, въ силу которыхъ духу выгодно поступить извѣстнымъ образомъ. Затѣмъ, потерпѣвъ неудачу, онъ старается пристыдить его, оскорбить, вообще *убѣдить* и *побудить* совершить должное. Ничего подобнаго нѣтъ въ заклинаніяхъ шамана, тадиба; эти вѣрятъ въ силу слова, пѣсни, въ символизмъ и въ таинственную власть символическихъ словъ и дѣйствій, безъ отношенія къ ихъ значенію, и которымъ повинуются духи. Это самое мы видимъ у хлыстовъ.

Различіе это имѣетъ непосредственное вліяніе на механизмъ и процессъ магическаго заклинанія. Раціоналистъ, западный финнъ, обращаясь къ разуму духа, не можетъ прибѣгать къ неистовымъ крикамъ, пляскамъ, круженію шамана; онъ спокойно поетъ, аккомпанируя себѣ на инструментѣ въ родѣ арфы—kantele,—и пренебрегаетъ шаманскимъ бубномъ. Но финнъ не всегда былъ такимъ раціоналистомъ; его заклинанія и призывъ духа сопровождались плясками, шумомъ, прыганіемъ, послѣ чего онъ падалъ безъ памяти [2]), какъ разсказываютъ норвежскія саги. Въ Калевалѣ ничего подобнаго уже нѣтъ, что̀ наводитъ на мысль, что поэма эта не особенно древняго происхожденія. Шаманы остяковъ, тадибы самоѣдовъ и теперь точно также призываютъ духовъ пѣніемъ, крикомъ, ритмическимъ шумомъ, прыганіемъ, круженіемъ, неистовыми движеніями, которыя приводятъ самого шамана въ неистовство, въ особое психическое состояніе крайняго возбужденія, кончающагося обморокомъ, безпамятствомъ, часто судорогами, эпилептоидными припадками, бредомъ [3]). Но вотъ „*радѣнія*“ хлыстовъ. „Радѣнія начинались пѣніемъ, затѣмъ пророкъ или пророчица, выскочивъ на середину избы, начинали кружиться такъ быстро, что почти невозможно было разглядѣть лица; причемъ всѣ махали руками. Иногда бѣгали крестикомъ, иногда прыгали“ [4])... „Во время пѣнія наставникъ весь въ движеніи, машетъ руками, стучитъ, и пр. Его окружаютъ, и начинается общее прыганье. Каждый старается изъ всѣхъ силъ, издавая при этомъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, похожіе

---

[1]) Нѣмецкій переводъ знаменитаго финнолога A. Schiefner'а (*Kalevala*, das National-Epos der Finnen. Nach der zw. Aufg. ins Deutsche übers.). Helsingfors, 1852.

[2]) *Beauvois*, l. c., I, стр. 299, 301—2, 307 и *passim*.

[3]) *Castren*, l. c.

[4]) *Ивановскій*, l. c., стр. 29.

на крикъ курицы, на лай собаки; кто реветъ, кто воетъ. Стучатъ сектанты до изнеможенія, нѣкоторые изъ нихъ падаютъ“ [1])... „Нѣсколько мужчинъ вскакиваютъ и начинаютъ прыгать и пѣть скорымъ голосомъ... когда ускорится пѣніе, бѣгаютъ одинъ за другимъ... начинаютъ вертѣться. Круговое радѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока рубашки совершенно не взмокнутъ отъ пота“ [2])... Этихъ описаній имѣется очень много въ спеціальной литературѣ. Въ екатеринославской эпидеміи: „среди комнаты на полу неподвижно и безъ сознанія лежалъ Сергѣевъ; вокругъ него въ возбужденномъ и до поту усталомъ видѣ распростерлись трое мужчинъ въ нижнемъ бѣльѣ и четверо женщинъ *съ распущенными волосами* и въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ—всѣ они бились объ полъ головой, а женщины неистово выли“ [3])... Въ оренбургской эпидеміи: „все тѣло дрожитъ,... во время пѣнія рыдаютъ, подпрыгиваютъ, кружатся на одной ногѣ, иные рвутъ на себѣ волосы, бьются объ полъ, корчатся какъ бы въ судорогахъ... (въ другомъ радѣніи:) „въ избѣ поднялся такой шумъ, что прохватывалъ ужасъ; всѣ что-то пѣли, подпрыгивали и бѣсновались“ [4])... Въ кіевской эпидеміи 1892 года, „среди общаго шума, крика и безпорядка... кричатъ, плачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, бьютъ себя по лицу, дергаютъ себя за волосы, топаютъ ногами, издаютъ всевозможные звуки. Случается, что среди прыганія и судорогъ женщины *распускаютъ себѣ волосы*“ [5])... Въ супоневской эпидеміи пѣніе сопровождалось топотомъ, хлопаніемъ въ ладоши, вскрикиваніемъ, приплясываніемъ, а иногда и общимъ прыганіемъ; женщины, *распустивъ себѣ волосы*, кричали, плакали, *надувались* и падали въ истерическомъ припадкѣ. Сравнивая эти сцены, всегда одинаковыя во всѣхъ хлыстовскихъ эпидеміяхъ, со сценой шаманства у остяковъ, какъ его описываетъ Кастренъ, и гдѣ въ пляскѣ и крикахъ принимали участіе всѣ присутствовавшіе, нельзя отмѣтить ни одной черты, которая не была бы общею шаманству и хлыстовству; тѣ же черты намъ извѣстны въ орфическихъ оргіяхъ.

Существеннымъ психологическимъ различіемъ между заклинателями другихъ временъ и странъ, съ одной стороны, и шаманствомъ и хлыстовствомъ—съ другой, является слѣдующее обстоятельство: для заклинателей орудіе ихъ силы и могущества есть

---

[1]) 3-й Мисс. Съѣздъ, стр. 108—9.

[2]) *Добротворскій*, l. c., стр. 46—7.

[3]) „Екатер. Епарх. Вѣд.“, 1902, № 33, стр. 804.

[4]) „Миссіон. Обозр.“, 1897, іюль, стр. 583, 587.

[5]) *Сикорскій*, l. c., стр. 13.

слово и его власть надъ таинственными силами; для шамана, для хлыста, орудіемъ силы является онъ самъ, какъ вмѣстилище духа, которымъ онъ „завладѣлъ", но который затѣмъ его „водитъ", какъ автомата. Эта концепція обоюднаго воздѣйствія, обоюдной власти человѣка и духа, общая шаманизму и хлыстовству, ставитъ ихъ совершенно одинокими въ мистицизмѣ народовъ и племенъ, проявляясь однако изрѣдка и у другихъ въ нѣкоторыхъ эпидеміяхъ, въ особенности въ христіанской Византіи (взаимное отношеніе человѣка и Параклета). Состояніе соединенія человѣка съ духомъ, приводящее къ экстазу, безпамятству, бреду, судорогамъ, и т. д., имѣетъ у хлыстовъ особое обозначеніе—„*духъ накатилъ*"—и составляетъ исходную точку концепціи *таинственной смерти*, доктрина которой вовсе не принадлежитъ хлыстовству, а есть всецѣло дѣло ихъ противниковъ, стремящихся систематизировать въ стройное ученіе болѣзненный бредъ [1]). Идентичное состояніе у финновъ имѣетъ свое специфическое названіе; „der gewöhnliche Zauberer (финскій), um seinen Zweck zu erreichen sich in einen Zustand versetzen musste, der finnisch „olla haltioissa" (bei den Geistern sein) heisst",—говоритъ Кастренъ [2]), и прибавляетъ въ сноскѣ, что это состояніе несовмѣстимо съ высшимъ волхвованіемъ, которое требуетъ гармоническаго настроенія, между тѣмъ какъ тутъ шаманъ ведетъ себя какъ бѣшеный („sich wie ein Rasender benimmt"); „у него изо рта идетъ пѣна, зубы стиснуты, волосы становятся дыбомъ, глаза скошены", и т. д.; при этомъ Кастренъ ссылается еще и на Lönnroth'а [3]).

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Въ Калевалѣ у остяковъ, у самоѣдовъ, у вогуловъ, у вотяковъ, у пермяковъ и др., личный богъ если не совершенно отсутствуетъ, то теряетъ всякую инди-

---

[1]) Мы видѣли во очію образчикъ и процессъ этой систематизаціи на супоневскомъ дѣлѣ. Судебный слѣдователь очень старательно заносилъ въ протоколъ показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, облекая ихъ только, какъ ему казалось, въ болѣе корректную литературно форму. Приступая къ дѣлу, онъ сверхъ того, очевидно, подготовился научно, проштудировавъ Добротворскаго, Кутепова и др., и сквозь свою транскрипцію, систематизированную при помощи авторовъ по хлыстовству, онъ не увидѣлъ глубокаго безумія допрашиваемыхъ, безсвязности и крайней бѣдности ихъ рѣчи и совершенной несостоятельности ихъ интеллекта. При ново-назначенномъ слѣдствіи г. прокуроръ орловскаго суда П. С. Пороховщиковъ и я, присутствуя при допросахъ, просили слѣдователя записывать по возможности буквально показанія, не схематизируя ихъ, и психическое разстройство допрашиваемыхъ сказалось тотчасъ же въ очень рѣзкой формѣ.

[2]) Ueber die Zauberkunst der Finnen, l. c., стр. 14.

[3]) Ueber die magische Medicin der Finnen.

видуальность и уходитъ въ туманную даль, являясь безформенной, безцвѣтной и безжизненной тѣнью, не имѣя часто даже собственнаго имени. Человѣкъ имѣетъ дѣло не съ нимъ, а съ духомъ, т.-е. совершенно безличнымъ таинственнымъ существомъ. Это отсутствіе личнаго бога очень поражаетъ людей другого образа вѣрованій и заставляетъ ихъ особенно отмѣчать эту черту,—хлыстовства, шаманства, финскаго эпоса. Норвежцы были хорошо знакомы съ сѣверными финнами и высоко цѣнили ихъ мудрость, т.-е. умѣніе волховать; норвежскіе конунги посылали къ нимъ своихъ сыновей, учиться этой мудрости и искать себѣ невѣстъ въ семьяхъ богатыхъ и сильныхъ знаніемъ финскихъ властителей области Бѣлаго моря, извѣстнаго у норвежцевъ подъ именемъ „Gandvik". „Vik"—значитъ заливъ, что̀ и есть въ дѣйствительности Бѣлое море; а „Gand", по словамъ анонимнаго автора латинской исторіи Норвегіи, составленной на Оркадахъ около 1200 г., есть тотъ *злой духъ*, при помощи котораго финны дѣлаютъ свои волхвованія [1]). Это отношеніе финновъ къ духу (а не къ личному богу) [2]) казалось норвежцамъ настолько страннымъ, настолько характернымъ для этого народа, что самое этническое имя страны опредѣлилось этою особенностью.

Ненависть, чувство гадливости, брезгливости къ браку составляетъ постоянную и крайне характерную черту хлыстовства, особенно отмѣчаемую всѣми авторами. Для духовныхъ писателей хлысты—„бракоборцы", и этотъ эпитетъ является наиболѣе опредѣляющимъ ихъ. Уже основатель (?) хлыстовства, Данила Филипповъ, въ 1645 г., какъ полагаютъ, далъ двѣнадцать заповѣдей, изъ которыхъ шестая говоритъ: „*Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женой какъ съ сестрой. Неженатые не женитесь, а женатые разженитесь*". Эта заповѣдь, болѣе всѣхъ остальныхъ, свято исполняется хлыстами. Восьмая заповѣдь: „*На свадьбы и*

[1]) *Beauvois*, l. c., стр. 299.

[2]) Непониманіе этого отношенія къ Богу и различія Бога и Духа повело духовныхъ писателей къ обвиненію хлыстовъ въ ужасающемъ кощунствѣ. Богъ для нихъ есть чуждое, навязанное извнѣ понятіе, привитое культовою привычкою, но противное самой психологіи хлыстовства, и потому они относятся къ нему довольно индифферентно—и враждебно, когда понятіе это приходитъ въ противорѣчіе съ ихъ благоговѣніемъ къ *духу*. „Вотъ, нельзя, чтобы и Бога не назвать дуракомъ"... говоритъ хлыстовскій учитель (*Выписка изъ дѣла объ арзамасск. ерет. Добротворскій*, l. c., 36, сноска). Обвинять хлыстовъ въ кощунствѣ по отношенію къ христіанскому Богу, пожалуй, все равно что обвинять первыхъ христіанъ въ кощунствѣ по отношенію къ языческимъ богамъ.

крестины не ходите, на хмельныхъ бесѣдахъ не бывайте"—имѣла съ самаго начала, или пріобрѣла впослѣдствіи, значеніе—не избѣгать „хмельныхъ бесѣдъ", согласно второй ея половинѣ, и не участвовать въ празднованіи такихъ богомерзкихъ дѣлъ, какъ бракъ и дѣторожденіе. „Ничто столько не разрушаетъ зданіе хлыстовства, ничто столько не противно его основной идеѣ, какъ законное супружество", говоритъ знатокъ хлыстовства, духовный экспертъ проф. Ивановскій [1]). И дѣйствительно, по ихъ убѣжденію, „брачная жизнь—передъ людьми мерзость, передъ Богомъ—дерзость". Петербургская коммиссія 1733 года, изслѣдовавшая по Высочайшему повелѣнію ученіе и дѣйствія еретиковъ (хлыстовъ), пришла къ заключеніямъ: „.....5) Хулили законный бракъ, вмѣняя брачное ложе въ скверну и въ великій грѣхъ; а потому совращающимся въ ихъ секту повелѣвали: неженатымъ никогда не жениться, а женатымъ разводиться съ женами" [2]). Безбрачіе есть едва ли не единственный принципъ, общій *всѣмъ* хлыстовскимъ общинамъ („кораблямъ") безъ исключенія. Въ дѣлѣ чистопольскихъ хлыстовъ отмѣчается, что хлыстъ-пономарь православной церкви „никогда не бывалъ при написаніи обысковъ и не дѣлалъ подписи при учиненіи оныхъ передъ браками" [3]).

Представленіе объ адѣ у хлыстовъ очень неопредѣленно, и оно отсутствуетъ, такъ что многіе хлысты думаютъ, что адъ представляетъ только состояніе грѣшника, мучимаго угрызеніями совѣсти, и загробная жизнь у нихъ какъ бы существуетъ только для праведниковъ,—концепція, очень напоминающая древне-греческую. Единственнымъ исключеніемъ, единственнымъ образнымъ представленіемъ адскихъ мученій является у нихъ загробная кара, ожидающая супруговъ, жившихъ брачною жизнью, и спеціально женщинъ. Одна дѣвушка увидала разъ „свинью, всю ободранную, безъ шерсти, огонь и смрадъ изъ себя испущающую... слышитъ (отъ свиньи) гласъ человѣчь: стой, стой, душа моя (дѣвушка хотѣла убѣжать), азъ преокаянная мати твоя, проклятая отъ Бога; гнусный грѣхъ творила я съ отцемъ твоимъ" [4]). Другой образъ адскихъ мукъ: замужняя женщина сидитъ на „страшномъ и лютомъ звѣрѣ; два великихъ ужà разъѣдаютъ ея голову, два сосутъ ея груди, нетопыри грызутъ ея очи, изъ устъ ея исходитъ жупельный огонь, двѣ собаки грызутъ руки, адскій змій увлекаетъ ее въ адскія

---

[1]) Секта хлыстовъ, стр. 34.

[2]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. съ 1649 г., т. IX. № 6613. Цитир. *Добротворскій*, l. c., стр. 17.

[3]) *Добротворскій*, l. c., стр. 41.

[4]) „Православное Обозрѣніе" 1873, кн. 1, январь, стр. 326.

мѣста". Или еще: „женщина стремглавъ бѣжитъ въ адское жерло, она тащитъ за собой своего мужа, ихъ встрѣчаетъ ликующій бѣсъ" [1]). Въ хлыстовскихъ бесѣдахъ замужнія женщины, живущія съ мужьями, и особенно имѣющія дѣтей, подвергаются насмѣшкамъ и третируются какъ что-то нечистое, возмутительное по безнравственности. Въ дѣлѣ оренбургскихъ хлыстовъ, Семенъ Утицкій, по показанію свидѣтельницы, училъ „съ мужемъ не жить, а жить по духовному" [2]). Въ дѣлѣ тарусскихъ хлыстовъ 1895 г.: „Свидѣтелю Г. Р., мать его, хлыстовка, не разъ совѣтовала бросить жену, потому что жить съ женой—беззаконіе... хлысты говорили: „отъ жены отлѣпись, а къ чужой прилѣпись; женившійся—разженись" [3]). По показанію свидѣтелей Т., Б. и др., сожительство съ законными женами у хлыстовъ считается большимъ грѣхомъ. Одна „*учительница*" (пророчица) доказывала, что православные, состоящіе въ брачномъ союзѣ, живутъ *по-скотски*. „*Просвѣтитель*" (пророкъ) въ бесѣдахъ съ священникомъ С. называлъ бракъ „*блудомъ*", и т. д. Въ Супоневѣ пророкъ и духъ святой Потапкинъ проповѣдовалъ, что жить женѣ съ мужемъ—это блудить съ дьяволомъ. У тульскихъ хлыстовъ „мужья съ женами не живутъ" [4]).

Но никакъ не должно заключать отсюда, что хлысты утрируютъ цѣломудріе и, какъ разсказывается въ легендахъ, живутъ въ бракѣ какъ бы въ безбрачіи. Напротивъ того, брачныя отношенія воспрещаются и считаются грѣхомъ съ той точки зрѣнія, что нравственны и угодны Богу только исключительно отношенія внѣбрачныя, и не въ смыслѣ отверженія брачной санкціи, а въ смыслѣ необходимости безпорядочныхъ и случайныхъ половыхъ отношеній. Связанные духовнымъ братствомъ (принадлежностью къ хлыстовству), мужчины и женщины, „братья и сестры", имѣютъ *право*, а по мнѣнію многихъ хлыстовскихъ учителей и *обязанность*—имѣть между собою половыя отношенія. Въ Супоневѣ этотъ актъ разсматривался какъ „причащеніе плотью и кровью", какъ санкція поступленія въ хлыстовство, и потому былъ обязателенъ для неофитовъ; женщины секты не имѣли права отказывать мужчинамъ. Жена Потапкина объясняла, что „братъ съ

---

[1]) Ibid., стр. 327.

[2]) Оренбургскіе хлысты. Изъ залы судебнаго засѣданія. „Мисс. Обозр." 1897, стр. 586.

[3]) Обвинительный актъ, л. 9 (мы имѣемъ въ рукахъ все дѣло тарусскихъ хлыстовъ).

[4]) *Бриліантовъ*. Изъ исторіи тайнаго сектантства въ тульской губерніи, стр. 6.

сестрой могутъ имѣть *едино тѣло и едино дѣло*, потому *по мірскому это блудъ*, а *по духовному это любовь*; а съ міряниномъ ни одна хлыстовка въ связь не вступитъ, хотя ей полную комнату золота дай (эндогамія). Это же повторили всѣ участницы, признавшіяся въ томъ, что „приняли плоть и кровь". Но особенно угоднымъ Богу является половой актъ коллективный, совершаемый даже въ присутствіи свидѣтелей (напоминаетъ кенигсбергскую сцену [1]) и торжественное богослуженіе 14 мая 1769 г. на Отаити, разсказанное Кукомъ) [2]), и о которомъ намъ подробно разсказывали двѣ свидѣтельницы въ Супоневѣ. Въ Тарусcѣ „слѣдствіемъ установленъ цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что тарусскіе хлысты съ особымъ стараніемъ, съ особою энергіею проповѣдуютъ о грѣховности брачнаго союза и о необходимости немедленнаго его расторженія. *Въ то же время внѣ-брачныя и вообще неупорядоченныя половыя отношенія пользуются со стороны хлыстовъ не только терпимостью, но прямо и открыто поощряются и проповѣдуются вожаками секты какъ словомъ, такъ и дѣломъ*... (на совѣтъ отцу, выдать дочь замужъ, чтобы она не „потеряла себя") отецъ отвѣчалъ свидѣтелю: „это молодость; побалуется и отстанетъ"... хлыстовка (у которой „дочь отъ распутной жизни родила") сказала, что *у нихъ* (хлыстовъ) *въ этомъ грѣха не полагается*. Если дѣвушка родитъ, то о. Василій („учитель") дастъ послѣ родовъ молитву: раздѣнутъ дѣвку до-гола̀, она станетъ голая передъ о. Василіемъ, а онъ окачиваетъ ее водой и велитъ цѣловать ему грудь... по показанію (многихъ) свидѣтелей „*путаться съ чужими женами считается добрымъ дѣломъ*; это называется *имѣть любовь*" [3])... „особенно когда духъ *накатываетъ*; то *тайна*. Подъ покровомъ (этого принципа) развратъ получилъ не только полный просторъ, но и освященіе; явился всѣмъ извѣстный, такъ называемый *свальный грѣхъ*... (у чистопольскихъ хлыстовъ найдена) красками написанная картина, изображающая людей на бѣлыхъ коняхъ, а внизу изображеніе радѣній и въ лицахъ — свальный грѣхъ" [4])... Безполезно приводить дальнѣйшія доказательства,—эти безпорядочныя половыя отношенія, *свальный грѣхъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть и чувство гадливости, брезгливости къ браку, безспорно установлены какъ постоянныя и крайне характерныя черты хлыстовства. Они возбуждаютъ удивленіе и

---

[1]) *W. Hepworth Dixon*. Spiritual Wifes, I, XVIII.

[2]) Цит. *Voltaire*, Les Oreilles du Comte de Chesterfield, VI.

[3]) Обвинит. актъ, l. c., стр. 9, recto, verso.

[4]) *Ивановскій*, l. c., стр. 38, 41.

негодованіе не однихъ духовныхъ писателей, не однихъ моралистовъ, но это—явленія, хорошо знакомыя антропологу, и они имѣютъ весьма опредѣленное мѣсто и значеніе въ исторіи культуры человѣчества. Когда племя переходитъ отъ низшей культурной стадіи коммунальнаго брака и общности женщинъ къ индивидуальному браку, этотъ послѣдній возбуждаетъ негодованіе и гадливость, какъ выраженіе грубѣйшаго эгоизма, какъ отверженіе братства, связывающаго всѣхъ членовъ gens, которая считается происходящею отъ одного родоначальника и составляющею единокровную (или единоутробную) семью. Соединиться индивидуальнымъ бракомъ—значитъ изъять женщину изъ общаго пользованія, и слѣдовательно нанести ущербъ обществу для удовлетворенія своего личнаго эгоизма, нарушить братство и равенство, лишить своихъ братьевъ по племени дани полового наслажденія, отказаться отъ половой, а затѣмъ и отъ имущественной общности. Очевидно, это допустимо только въ двухъ условіяхъ: 1) или мужчина беретъ себѣ женщину въ собственность изъ своего племени, клана, gens (эндогамія); тогда онъ долженъ возмѣстить наносимый имъ ущербъ, выкупить женщину изъ общаго пользованія для своего одиночнаго потребленія; 2) или онъ беретъ ее (покупкой или похищеніемъ) изъ чужого племени (экзогамія); тогда братья его племени не имѣютъ на его жену правъ, и онъ сводитъ свои счеты съ племенемъ жены. Постепенно индивидуальный бракъ устанавливается, входитъ въ нравы, становится нормою, но сужденіе о немъ какъ объ институціи безнравственной, эгоистической, противной божескимъ законамъ и человѣческой общественности, держится очень долго, проявляясь во множествѣ фактовъ, обычаевъ и чувствъ, въ странныхъ на первый взглядъ институціяхъ, въ религіозно-бытовыхъ празднествахъ, въ трагическіе моменты государственной жизни—въ противонравственныхъ жертвахъ и искупленіяхъ. Отъ Геродота [1]) мы знаемъ, что въ Вавилонѣ каждая женщина была обязана одинъ разъ отдаться желающему, исполнить такимъ образомъ свой половой долгъ обществу, и однимъ разомъ искупить свой единичный бракъ, составляющій нарушеніе общественности и грѣхъ передъ Милиттой. Иногда это искупленіе грѣха и преступленія единичнаго брака возлагалось на нѣкоторыхъ женщинъ, и эти гетэры—искупительныя жертвы—являлись священнослужительницами, а ихъ проституція получала характеръ и значеніе религіознаго культа; этимъ объясняется, что въ тяжелыя

[1]) I, стр. 199.

минуты государственной жизни Коринѳъ прибѣгалъ къ молитвамъ своихъ знаменитыхъ гетэръ, какъ наиболѣе угоднымъ божеству; что могила Аліатта была сдѣлана на иждивеніе гетэръ, и т. д.

Извѣстно, что священная проституція была широко распространена въ древнемъ мірѣ [1]). Римскіе праздники: Nonae Caprotinae и Floralia, точно также какъ и азіатскія сакеи, имѣли несомнѣнный характеръ возвращенія къ первоначальному состоянію коммунальнаго брака и равенства всѣхъ членовъ общества. Въ критическую минуту войны съ Леофрономъ и Регіумомъ эпизефирійскіе Локры, чтобы умилостивить боговъ, прибѣгли къ проституціи женщинъ знатныхъ фамилій, какъ угодное богамъ возвращеніе къ первоначальному состоянію коммунальнаго брака. Nonae Caprotinae были точно также проституціей (по рѣшенію сената и для умилостивленія боговъ, въ тяжелый моментъ галльской войны) римскихъ матронъ, можетъ быть и замѣненныхъ дѣйствительно рабынями, и разсказъ позднѣйшихъ историковъ есть только историзированіе и извращеніе древняго преданія. Есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что „ver sacrum, былъ между прочимъ и годовымъ актомъ коммунальнаго брака, нѣсколько въ родѣ того, который совершается весной сенегальскими неграми и извѣстенъ во французскомъ колоніальномъ мірѣ подъ названіемъ rut sacré [2]). Такимъ образомъ, взглядъ на единичный („семейный“) бракъ, на парное сожительство, какъ на нарушеніе божескихъ законовъ и человѣческаго братства, сохранился отъ древнѣйшихъ временъ даже въ обществахъ, въ которыхъ воспоминаніе о коммунальномъ бракѣ уже совершенно

---

[1]) Вавилонъ, Лидія, Сирія, Кипръ, Цитера, Коринѳъ, Абидосъ, Самосъ, Арменія, Каппадокія, Финикія, особенно Библосъ и др.

[2]) Коммунальный бракъ и его слѣды въ древнемъ мірѣ и въ настоящее время имѣютъ уже огромную литературу. Основная работа по этому вопросу, почти исчерпывающая его, есть знаменитая книга *Bachofen*'а Mutterrecht, и его же Sage von Tanaquil (онъ разбираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гетэризмъ, и гинекократію). Болѣе краткое изложеніе организаціи примитивнаго семейства съ его соціальными и юридическими послѣдствіями можно найти у *Giraud-Teulon*, Les origines de la Famille, и въ болѣе поздней книгѣ *Letourneau*, La Famille. Важны тоже работы *Mac-Lennan*, Studies in ancient History Patriarchal Theory (другой взглядъ въ частномъ). Большой антропологическій и этнографическій матеріалъ, обработанный съ соціальной и юридической точки зрѣнія у *Herman Post*, Studien zur Entwickelungsgeschichte des Familienrechts, и *Starcke*, Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwickelung (въ Брокгаузовской Internationale wissenschaftliche Bibliothek). Общее понятіе объ этомъ вопросѣ можно найти въ каждомъ почти руководствѣ антропологіи; важныя для насъ въ данномъ случаѣ указанія относительно восточно-финскаго населенія нашего сѣверо-востока имѣются въ очеркахъ проф. *Смирнова*: „Вотяки, пермяки“ и др. (въ Арх. казанск. общ. антроп., этнографіи, и т. д.).

утратилось, и святость брачнаго союза цѣнится очень высоко. Эта двойственность нравственнаго отношенія къ институціямъ и фактамъ, унаслѣдованнымъ изъ древнихъ временъ, есть явленіе весьма обычное въ обществахъ, жившихъ историческою жизнью, и гдѣ старыя, установившіяся этическія идеи, результатъ бывшаго и ушедшаго въ прошлое общественнаго строя во многомъ не соотвѣтствуютъ болѣе новому строю.

Въ племенахъ и народахъ, уже давно перешедшихъ отъ коммунальнаго брака къ индивидуальному, сохраняются очень ясные и характерные слѣды прежняго въ символическихъ обычаяхъ, въ играхъ, а часто и въ психикѣ, въ чувствахъ, въ семейной и общественной жизни. Въ очень многихъ странахъ, напр., дѣвушки до замужства могли вести самую невоздержную половую жизнь, заниматься даже проституціей, не навлекая на себя порицанія, и сохраненіе цѣломудрія требуется только отъ замужнихъ женщинъ. Извѣстенъ также такъ-называемый гостепріимный гетэризмъ, гдѣ хозяинъ дома предоставляетъ гостю на ночь свою жену или дочь. Весеннія игры („игрища" нашихъ лѣтописей) очень часто сопровождаются безпорядочными половыми сношеніями, также какъ и деревенскія „посидѣлки" и „бесѣды". Все это въ Россіи, и именно въ сѣверовосточной и центральной, еще было въ полномъ цвѣтѣ въ XVIII вѣкѣ, и цѣлый рядъ антропологическихъ сообщеній показываетъ, что многое изъ этого практикуется и въ настоящее время; для насъ, въ данномъ случаѣ, особенно драгоцѣнны указанія проф. Смирнова [1]. Нужно ли напоминать оргіи орфизма, отъ древней Ѳракіи до христіанской Византіи, сохранившіяся и до сего времени въ смягченномъ видѣ, частью какъ праздники, частью—какъ культовыя институціи, у очень многихъ народовъ, отъ средне-африканскихъ негровъ до нашихъ сѣверо-восточныхъ инородцевъ. Очень поучительны въ этомъ отношеніи слѣды коммунальнаго брака и половыхъ оргій въ Римѣ, гдѣ они такъ рѣзко противорѣчили крѣпкому строю римской семьи и patria potestas. Выше уже были упомянуты Nonae Caprotinae и Floralia. Праздникъ Bonae Deae былъ нѣкогда орфической оргіей; подъ вліяніемъ римскаго семейнаго склада, онъ обратился въ исключительно женскій праздникъ въ домѣ высшаго сановника, откуда въ это время даже выселяли самцовъ-животныхъ и закрывали изображенія мужчинъ. Но самый характеръ Bonae Deae, весеннее и ночное его празднованіе съ винными эксцессами и другія особенности (фаличе-

---

[1] Тамъ же.

ское животное—змѣя, отношеніе къ фавну и т. д.) указываютъ на первоначальное значеніе; женщины, съ ихъ психологическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ, несмотря на все, сохранили празднику его половой характеръ, замѣнивъ прежнее смѣшеніе половъ сафизмомъ [1]). [Сопоставимъ слѣдующій фактъ: „Въ тульской губерніи, бѣлевскомъ уѣздѣ ...хлыстовки ведутъ развратную жизнь, и за отсутствіемъ мужчинъ (на радѣньяхъ) предаются содомскому грѣху между собою [2])]. Позже, когда, подъ вліяніемъ исторической эволюціи, стали выдвигаться, какъ это часто бываетъ, старые инстинкты, на праздникахъ Доброй Богини сафизмъ дебюта праздника приводилъ къ крику: „admitte viros", и участницы—„ululant Priapi" [3]).

Коммунальный бракъ ведетъ за собою, какъ логическія его послѣдствія, цѣлый рядъ институцій и обычаевъ, цѣлый общественный строй особаго характера. Такъ какъ происхожденіе по отцовской линіи здѣсь не можетъ быть установлено,—а гдѣ оно есть, то является только фикціей,—то генеалогія ведется по материнской линіи, и даже имя можетъ передаваться не отъ отца, какъ намъ теперь кажется естественнымъ, а отъ матери; уже Геродотъ указываетъ на это какъ на странность, свойственную многимъ народамъ. Позже, уже по установленіи индивидуальнаго брака, дядя по матери считается болѣе близкимъ родственникомъ ребенка, нежели отецъ; дѣти сестры считаются болѣе близкими, нежели собственныя, и римская матрона молила боговъ въ храмѣ не за своихъ дѣтей, а за дѣтей сестры; вообще, ближайшимъ, если не единственнымъ, родствомъ считается единоутробное и материнская линія. Иногда даже родоначальниками клана считаются не мужчины, а женщины (древніе арабы, наши вотяки и др.); въ материнскомъ строѣ tempus editionis опредѣляетъ право наслѣдованія, въ отцовскомъ—tempus conceptionis, и т. д. Остатки коммунальнаго брака и вытекающія изъ него институціи сказываются очень сильно и въ культурные уже періоды. Когда экономическій прогрессъ создаетъ накопленіе богатствъ, личную собственность, капиталъ, наслѣдство слѣдуетъ въ женской линіи. Это обстоятельство, затѣмъ священная проституція, половая власть женщины, создаютъ или положительную, регулированную закономъ или обычнымъ правомъ гинекократію (Bachofen), или, по крайней мѣрѣ, гинекократическій складъ общества. Въ первомъ случаѣ государственная власть принадле-

[1]) См. случай Клодія въ домѣ цезаря.

[2]) Дѣянія 3-го Миссіонерскаго Съѣзда, изд. второе, стр. 104.

[3]) Ювеналъ, Сат. VI; стихи 307, 339.

житъ женщинѣ, или возлагается ею на мужчину; во второмъ — въ женскихъ рукахъ сконцентрируется наибольшая часть капитала (денежнаго или земельнаго) страны, что даетъ женщинѣ свободу и экономическое, а потому и общественное, преобладающее значеніе, въ особенности въ эпоху государственнаго или соціальнаго упадка. Бахофенъ первый показалъ, что коммунальный бракъ и гетэризмъ порождаютъ преобладаніе женщины въ семействѣ, а затѣмъ—и въ государствѣ, и въ религіи. Факты, доказывающіе это, или иллюстрирующіе этотъ ходъ человѣчества, были, конечно, извѣстны и до него, но онъ собралъ ихъ, сопоставилъ и освѣтилъ одной цѣльной теоріей, сдѣлавъ для этого вопроса то, что сдѣлалъ Fustel de Coulange [1]) для культа предковъ и вытекающаго изъ него государственнаго устройства. Римское право пріучило насъ къ мысли о власти отца семейства, о строгости римскаго семейства, и эту идею мы въ значительной степени перенесли и на Спарту. Это вѣрно только для одной эпохи. Въ обѣихъ этихъ странахъ общность женщинъ [2]) и гетэризмъ были исходными, первоначальными институціями; въ обѣихъ женщины возвратились къ крайней невоздержности и были очень властны. Плутархъ жалуется [3]) на властолюбіе и наглость спартанокъ, а идеалъ римской женщины у Ювенала является синонимомъ „uxor imperiosa“. Эта гинекократія, связанная съ коммунальнымъ бракомъ и гетэризмомъ въ первоначальныхъ общественныхъ и даже государственныхъ союзахъ, исчезаетъ при дальнѣйшей эволюціи общества и преобладанія патріархата, патриціанства, агнатизма. Но общество идетъ дальше, и подъ вліяніемъ его инволюціи снова появляется гетэризмъ, освященный, легализированный, такъ сказать, нравами, обычаемъ или даже высшими принципами равноправности женщины, феминизма и т. д. [4]). Такимъ образомъ, инво-

---

[1]) La Cité Antique.

[2]) *Плутархъ*. Сравненіе Нумы и Ликурга, V и VI.

[3]) Ibid., VI.

[4]) Въ высшей степени поучительны эти атавистическія возвращенія къ давнопрошедшему, какъ явленія инволюціи; въ старыхъ, крѣпко сложившихся обществахъ самыя передовыя идеи приводятъ къ несознательному повторенію древнихъ формъ. На феминистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ дѣлались и принимались, какъ особенно прогрессистскія. пожеланія, бывшія реальностью въ глубокой древности, и являющіяся логическими послѣдствіями свободы отъ семейныхъ узъ, какъ протестъ противъ власти отца семейства: передача дѣтямъ не отцовскаго, а материнскаго имени (какъ у этрусковъ, у карійцевъ, и т. д.,—что такъ удивляло Геродота—и у нашихъ хлыстовъ, Кутеповъ, l. c., 561); гетэризмъ, поліандрія и полигамія, нежеланіе дѣторожденія, борьба противъ патріархата, и т. д. См. тенденціозную, конечно,

люція въ своей послѣдней стадіи приводитъ къ общественнымъ явленіямъ, характеризовавшимъ исходную точку эволюціи. Гинекократія—въ той или другой формѣ—является какъ бы необходимымъ послѣдствіемъ—или сопровожденіемъ—гетэризма, и анализъ историческихъ фактовъ безусловно подтверждаетъ выводы Бахофена. Но если хлыстовство есть возвращеніе къ коммунальному браку и къ древнему гетэризму, мы должны найти и у него гинекократію; такъ ли это?

Священникъ А. Садовскій, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Женщина-хлыстовка" [1]), отмѣчаетъ то господствующее положеніе, какое занимаетъ въ хлыстовствѣ женщина. „Женщина стоитъ во главѣ хлыстовскаго корабля (общины), она же ведетъ дѣятельную, хотя и осторожную пропаганду... Въ хлыстовствѣ мужчина, характерно прозванный *тихоня-хлыстъ*, отмежевалъ себѣ область тихаго созерцанія, предоставивъ активную роль женщинѣ"... „Женщины играютъ первенствующую роль и руководятъ дѣйствіями собранія"... — говоритъ изслѣдователь кіевской эпидеміи 1892 г., проф. Сикорскій [2]). Мамадышскій хлыстовскій пророкъ говорилъ, что еслибы удалось склонить двухъ женщинъ, М. и Д., все селеніе пошло бы за ними [3]); это вполнѣ оправдалось на супоневской эпидеміи, гдѣ главнымъ факторомъ, какъ указано выше, была сестра Потапкина, истеричка Евдокія Г.; братъ же ея, умалишенный Осипъ, только привезъ хлыстовство въ Супонево изъ сѣвернаго Кавказа. Въ исторіи секты женщины играютъ тоже выдающуюся роль, тогда какъ въ раціоналистическихъ сектахъ ихъ роль исключительно пассивная. Такъ, Иванъ Тимоѳеевъ Сусловъ, считающійся основателемъ хлыстовства, имѣлъ около себя *богородицу*, которую признавалъ выше себя и звалъ матерью [4]),—*это была проститутка.* Точно также была признана богородицею и имѣла главенство и жена Лупкина, преемника Суслова. Изъ первой половины XVII вѣка исторія хлыстовства даетъ намъ главнымъ образомъ женскія имена: старицы Анастасія (казнена), Марья Трофимова (казнена), Анна Иванова

но вѣрную относительно фактическаго матеріала книгу аббата *Bolo*, La Femme et le Clergé. Paris Haton 1902, стр. 45—60.

[1]) „Странникъ", 1897, май; „Мисс. Об." 1897, іюль, 624—5.

[2]) Тамъ же 11, 15.

[3]) *Ивановскій*, l. с. 35.

[4]) „Водитъ съ собою дѣвицу красноличну *и зоветъ ю матерью себѣ*, а вѣрующіе въ него зовутъ ю богородицею. А дѣвица (а паче рещи . . . . . *здѣсь святитель употребляетъ слово, означающее проститутку, но неупотребительное въ печати*), та . . . . . изъ нижегородскаго уѣзда"... *Святит. Дмитрій*, Розыскъ... *Добротворскій*, l. с., сноска.

(сослана), наказанныя кнутомъ и сосланныя: Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова, Аксинья Яковлева, Акулина Иванова, сдѣлавшаяся легендарнымъ лицомъ, какъ самая властная представительница хлыстовства [1]), и много другихъ. Во всякомъ „корабле“ есть *кормщица* („пророчица“, „богородица“), равная по власти съ мужскимъ вождемъ, а часто превосходящая его властью, или даже единственная глава. Въ тарусскомъ дѣлѣ фигурируютъ „учительницы“ [2]); *пророчица* играетъ первенствующую роль и въ управленіи [3]), и въ культѣ [4]), который осложняется обыкновенно еще порноическими дѣйствіями [5]).

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о той страстности, съ которой хлысты—и главнымъ образомъ хлыстовки—стремятся на радѣнія, какую непреодолимую притягательную силу имѣютъ эти сборища. Это констатируется всѣми авторами почти безъ исключенія. Выше были приведены показанія относительно этого въ Супоневѣ; въ Тарусcѣ „вели одну православную дѣвушку къ вѣнцу мимо дома, гдѣ было наше радѣніе; она зашла, посмотрѣла, и замужъ болѣе не захотѣла идти“ [6]); этотъ иносказательный разсказъ очень образно представляетъ страстную привлекательность радѣній для женщинъ. Въ оренбургскомъ дѣлѣ Утицкихъ одна свидѣтельница „вскорѣ послѣ его бесѣды начала тосковать, дожидалась бесѣды какъ манны небесной“ [7]). Въ арзамасскомъ хлыстовствѣ женщины „впадали въ состояніе страшной тоски, если удерживались кѣмъ-нибудь“ [8]). Хлысты и хлыстовки—послѣднія въ особенности—ѣдутъ на радѣнія за много десятковъ верстъ, въ непогоду, что̀ возбуждаетъ удивленіе авторовъ по хлыстовству. Эта притягательная сила радѣній объясняется обыкновенно половыми желаніями, такъ какъ сами радѣнія имѣютъ половой и даже порноическій характеръ, но это объясненіе безусловно невѣрно,—невѣрно фактически, невѣрно психологически.

---

[1]) *Добротворскій*, l. c., 111.

[2]) Обвин. актъ.

[3]) *Кутеповъ*, l. c. 461 и сл., и passim.

[4]) *Добротворскій*, *Кутеповъ* и др. passim.; Мисс. Съѣздъ, 103, и судебныя дѣла о хлыстахъ.

[5]) Напр., пророчицѣ цѣлуютъ голое колѣно (*Рождественскій*, l. c., 215; *Добротворскій*, l. c., 60 и др.). У костромскихъ хлыстовъ „богородица ложится на полу въ широкой рубахѣ, вверхъ лицомъ, и присоединяющійся (поступающій въ хлыстовство) долженъ проползти подъ ея рубахою съ головы до ногъ,—что̀ и называется перерожденіемъ“ (Мисс. Съѣздъ, 103; *Ивановскій*, 22).

[6]) Обвин. актъ, *л.* 9 verso.

[7]) Оренбургскіе хлысты, l. c., 584.

[8]) *Рождественскій*, 46—7.

На хлыстовскихъ радѣніяхъ женщины вообще многочисленнѣе мужчинъ, и въ новыхъ, возникающихъ только гнѣздахъ хлыстовства на одного мужчину приходятся десятки и больше женщинъ; такимъ образомъ, женщины нашли бы неизмѣримо больше удовлетворенія въ обычныхъ бытовыхъ условіяхъ и въ своей семьѣ, нежели на радѣніяхъ, притомъ сравнительно рѣдкихъ. Большинство женщинъ уходитъ съ радѣній неудовлетворенными, казалось бы,—и тѣмъ не менѣе онѣ исполнены неизъяснимой радости, и эта радость, чувство восхищенія и психическаго удовлетворенія составляетъ самую постоянную и самую рѣзкую черту хлыстовской психологіи. Совершенно иначе представляется вопросъ, если мы станемъ на точку зрѣнія антропологическую. Крайній психологическій консерватизмъ женщины не только заставляетъ ее враждебно относиться къ измѣненіямъ, но влечетъ ее къ возвращенію къ давно прошедшему, уже забытому племенемъ, но живущему какъ неясное ощущеніе и стремленіе въ душѣ женщинъ. Древній гетэризмъ, какъ соціальное и религіозное явленіе, еще настолько силенъ, настолько живучъ, что онъ выступаетъ при сильныхъ возбужденіяхъ,—физическихъ (освѣщеніе, музыка, оживленная праздничная толпа) и нравственныхъ (религіозное, политическое). Возвращаясь къ нему въ той или другой смягченной нравами формѣ, многія женщины чувствуютъ какъ бы возвращеніе въ свою духовную родину, и возбужденіе мужскихъ желаній ихъ совершенно удовлетворяетъ. Это есть чисто духовный, религіозный порывъ, дающій намъ ключъ къ пониманію подобнаго гетэризма.

У хлыстовъ всѣ члены общины—братья и сестры; это братство не есть пустая формула; оно дѣйствительно связываетъ сектантовъ братскимъ чувствомъ. Хлысты очень помогаютъ другъ другу, но это встрѣчается во всѣхъ преслѣдуемыхъ коллективностяхъ, и потому не составляетъ характеристической черты; зато крайне характеристичнымъ должно признать мягкое, нѣжное, ласкательное обращеніе хлыстовъ между собою. „Братецъ", „сестрица", „голубчикъ", „Иванушка", „Гаврюша", Андрюша",—таковы звательныя формы, всегда употребляемыя хлыстами между собою. Эта ласкательность, эта нѣжная любовь болѣе или менѣе обращается, конечно, въ формулу въ старыхъ „корабляхъ", но въ нововозникающихъ, въ зарождающихся гнѣздахъ она доходитъ до странной на видъ слащавости. Очень характерно описаніе проф. Сикорскаго: утрированная учтивость, преувеличенное, часто доходящее до смѣшного желаніе услужить, предложить мелкія услуги

(напр., поправить платье или прическу у сосѣда и т. п.), объятія и изліянія благодарности по самымъ пустымъ поводамъ... Нѣжность, услужливость, экзальтированная, сентиментальная привязанность, которую обнаруживаютъ малеванцы, и которая также наблюдается у хлыстовъ и духоборцевъ [1]). Конечно, это уже очень сильная степень, встрѣчавшаяся въ столь тяжелой эпидеміи, какъ кіевская 1892 г.; но и въ обычныхъ условіяхъ хлысты „между собою замѣчательно дружны... нѣтъ ни брани, ни сквернословія, столь обычныхъ въ народѣ“ [2]). Чѣмъ объясняется это братство?

Gens, кланъ, съ ихъ общинною собственностью и идеей общаго происхожденія отъ одного родоначальника, и слѣдовательно кровной связи всѣхъ членовъ, не исключаетъ, конечно, ихъ личнаго неравенства, но дѣлаетъ невозможнымъ политическое или экономическое наслѣдственное неравенство, неравенство классовое, и создаетъ логически братство членовъ клана. Только индивидуальный бракъ, затѣмъ агнатизмъ и индивидуальная собственность могутъ дифференцировать въ племени политическія сословія и экономическіе классы, дать возможность появленію *„аристократовъ“*, *„оптиматовъ“*, *„лучшихъ людей“*,— идентичная идея и идентичное выраженіе въ Греціи, Римѣ и древней Руси. Это—*лучшіе*, у которыхъ установился индивидуальный бракъ, создалась отцовская власть, генеалогія въ мужской линіи, личная собственность выдѣлилась изъ безформенной коллективности, и они съ презрѣніемъ смотрятъ на массу, сохранившую безпорядочное половое сношеніе и не имѣющую агнатической семьи. Въ Аттикѣ *эупатриды*, въ Римѣ *патриціи*, имѣютъ *отцовъ*, имѣютъ семейный культъ, имѣютъ ауспиціи, и съ презрѣніемъ смотрятъ на остальное населеніе; это—люди, „не знающіе своихъ отцовъ“ (плебеи), „овчинники“, „пыльноногіе“ (въ Аттикѣ),—люди безъ рода. Братство нарушилось, когда явился классъ людей, „знающихъ своихъ отцовъ“. Но идея общаго братства логически приводитъ къ концепціи *„общей матери“*, *„родительницы“*; это—Кибелла, Реа, Геа, Дэметра, Мать-Сыра-Земля, Добрая Богиня (Бона Деа), Добрая Мать, которая производитъ насъ на свѣтъ, питаетъ насъ въ теченіе нашей жизни, принимаетъ насъ въ свое лоно и даетъ намъ тихое пристанище и отдыхъ послѣ нашей смерти. Эта Добрая Мать Земля постоянно и нескончаемо порождаетъ все живущее, и такъ какъ

[1]) Тамъ же, 6, 19.
[2]) *Ивановскій*, l. c., 32.

рожденіе предполагаетъ сексуальное соединеніе, то она постоянно и нескончаемо предается физической любви; это—Астарта, Фригійская Мать, и послѣ Афродита Порнэ, Venus Vulvivaga; она требуетъ братства всѣхъ своихъ дѣтей, требуетъ любви и наслажденія, и потому предписываетъ коммунальный бракъ, освященную проституцію; индивидуальный бракъ и нарушеніе братства возбуждаютъ ея гнѣвъ.

Эта постановка создаетъ совершенно особую, чуждую нашей психикѣ теперь, но существовавшую когда-то въ нашей расѣ, существующую и теперь еще въ другихъ расахъ, концепцію жизни человѣчества. Этрусская и частью древне-римская концепція, по счастью дошедшая до насъ [1]), бросаетъ яркій свѣтъ на рядъ явленій, идей и пониманій въ прошедшемъ и настоящемъ. Великая Матерь всего живущаго, всего живого, производитъ на свѣтъ человѣческія поколѣнія, какъ и годовую растительность. Годовой циклъ кончается тогда, когда опадаетъ послѣдній листъ дерева, когда умираетъ послѣдняя былинка травы, вызванные къ жизни весною; точно также вѣкъ (seculum) кончается тогда, когда умираетъ послѣдній человѣкъ поколѣнія, а потому продолжительность вѣковъ различна,—она варіировала отъ 105 до 123 лѣтъ [2]). Смерть уничтожаетъ человѣческія поколѣнія, какъ зима—годовую растительность; она „жатву жизни коситъ". Каждый человѣкъ есть листъ дерева, колосъ въ полѣ; поколѣніе есть снопъ, сумма колосьевъ, срѣзанныхъ косою; смерть —косарь,—„seculum a secando". Умеръ послѣдній человѣкъ поколѣнія, срѣзанъ послѣдній колосъ посѣва, тогда кончается годъ, вѣкъ (seculum). За этимъ начинается новый циклъ жизни, восходитъ весной новая растительность, съ новымъ вѣкомъ новое поколѣніе; они оба—порожденіе Земли, и потому слѣдуютъ jus terrae, не jus seminis. Итакъ, поколѣнія *не выходятъ одинъ изъ другого*, какъ это представляется намъ, а *слѣдуютъ одинъ за другимъ*; всѣ листья дерева, всѣ цвѣты луга, всѣ колосья нивы, всѣ люди поколѣнія—равноправные братья, и связаны тѣсными братскими узами; но поколѣніе послѣдующее связано съ предъидущимъ происхожденіемъ не отъ него, а отъ общей матери, и потому связь семейная, родовая, генетическая—очень слаба.

---

[1]) Ценэоринъ, De die nat.; Макробій, частью Лукрецій (II, 77; IV, 1223) и разсѣянныя указанія у друг. авторовъ. Полное изложеніе этого ученія у Бахофена, l. c., и *K. Otfried Muller*, Die Etrusker. Neu bearbeitet v. *W. Deecke*. Stuttgart, 1877, томъ II, стр. 309 и 315.

[2]) *Muller-Deecke*, l. c., II, стр. 310.

Это приравниванiе года къ вѣку, поколѣнія людского къ годовой растительности, человѣчества къ саду и лугу, смерти къ косарю, времени года къ возрастамъ, далеко пережило свою исходную идею и сдѣлалось ходячимъ мѣстомъ въ нашей обычной рѣчи; оно особенно бросается въ глаза, настойчиво и рѣзко приводится во всѣхъ культовыхъ гимнахъ („распѣвцахъ") хлыстовъ. Римская классическая древность даетъ намъ и въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивое увѣреніе. Первоначальныя легенды [1]) Италіи, разсказываютъ, что въ Лаціумѣ нѣкогда жилъ дикій, грубый народъ, безъ законовъ и нравственности—„звѣринымъ обычаемъ", по выраженію нашего лѣтописца о населеніи средней Россіи—и имѣвшій царемъ Януса. Къ этому народу прибылъ Сатурнъ и ввелъ общее равенство, братство и свободу. Не было рабовъ и господъ, не было классовъ и сословій; „никто другому не служилъ, и не было частной собственности, но все было общее и принадлежало всѣмъ нераздѣльно" [2]). Сатурнъ исчезъ, но народъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе, и его время было названо Aetas aurea, золотая эпоха. Въ его честь былъ установленъ праздникъ Saturnalia, въ теченіе котораго рабы становились равными своимъ господамъ, и населеніе предавалось разгулу и разврату; праздновались Saturnalia въ декабрѣ,—„libertas decembris", въ концѣ года, и Сатурнъ изображался съ косой, которая срѣзывала и колосья нивы, и листья дерева, и поколѣнія людей, оканчивая такимъ образомъ жизненный циклъ, годъ и вѣкъ. Въ этой легендѣ мы видимъ наглядно связь между фактомъ и представленіемъ братства и равенства, съ одной стороны, и идеею о происхожденіи поколѣній *не одно отъ другого*, а отъ одной общей Матери. Когда въ Римѣ настала рѣзкая реакція противъ прежняго гетэризма, и матріархатъ былъ побѣжденъ агнатизмомъ, Сатурнъ, косящій все живое, обратился въ Время, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ изобрѣтателя земледѣлія, въ итальянскаго Триптолема. Онъ же и его царственный коллега Янусъ построили первые города [3]).

„У хлыстовъ, по ихъ правиламъ, не должно быть семьи и дѣторожденія, подъ угрозою изгнанія изъ корабля. Вслѣдствіе такого жестокаго ученія, нерѣдко бываютъ случаи вытравленія

[1]) *Макробій &.* Saturn. I, стр. 236, изд. Zeune.—*Виргилій*, Aen. VIII, ст. 314—325, и *Servius*, кн. VIII, ст. 319 и III, 165; затѣмъ, *Овидій*, Фасты; *Плутархъ*, Quest. Roman.; *Діонисій Галикарн.*, I и др.

[2]) ...neque servierit sub illo quisquam, nec quicquam privatae rei habuerit; sed omnia communia et indivisa omnibus fuerint. *Justin.* XL, III, I.

[3]) Энеида, VIII, ст. 357.

плода и убіенія новорожденныхъ младенцевъ [1]). Оставшіяся же въ живыхъ дѣти, прижитыя до перехода въ сектантство, не пользуются должною любовью своихъ родителей, которые считаютъ дѣтей карою Божьею и называютъ ихъ *грѣшками*, *щенками*, *бѣсенятами*, а потому хлысты упорно уклоняются отъ посѣщенія свадебъ, называя ихъ гнусными словами, и крестинъ" [2]). Можетъ быть, это заключеніе московскаго миссіонерскаго (2-го) съѣзда слишкомъ утвердительно и рѣзко, но несомнѣнно, что хлысты не желаютъ имѣть дѣтей и относятся къ дѣторожденію съ презрѣніемъ и гадливостью. Проф. Ивановскій говоритъ: „Дѣтей у хлыстовъ нѣтъ, или чрезвычайно рѣдко родятся. Въ случаѣ замѣченной беременности они принимаютъ имъ однимъ извѣстныя мѣры къ вытравленію. Послѣдствіемъ этого является даже *вырожденіе населенія* (sic!), что̀ и было донесено на судѣ неоспо̀римыми цифровыми данными" [3]). Данныя эти почерпнуты изъ тарусскаго процесса, но ихъ никакъ нельзя назвать *неоспоримыми*, а напротивъ, должно признать въ высшей степени сомнительными. Притомъ статистическія свѣдѣнія—вѣрнѣе: *утвержденія*, приведенныя на тарусскомъ процессѣ, говорятъ о *маломъ приростѣ*, а никакъ не о *вырожденіи*; да и трудно себѣ объяснить, какъ *убійство дѣтей* можетъ привести къ *вырожденію* населенія; вѣроятно, это должно объяснить просто невѣрнымъ примѣненіемъ термина *вырожденіе*. Дѣтей въ хлыстовскихъ общинахъ мало, но должно отмѣтить, что и *рождаемость* у нихъ значительно ниже. Повидимому, въ этомъ играетъ дѣйствительно извѣстную роль вытравленіе плода, на что настойчиво указываютъ авторы; но мы должны указать еще на два обстоятельства: 1) воздержаніе отъ дѣторожденія, и 2) безплодіе браковъ. Наше личное изслѣдованіе показало намъ, однако, что браки хлыстовъ были безплодны вообще, и до перехода супруговъ въ хлыстовство; — въ супоневской хлыстовской общинѣ это вполнѣ несомнѣнно; я долженъ даже прибавить, что было нѣсколько примѣровъ, гдѣ женщины, бывшія безплодными прежде въ теченіе многихъ лѣтъ, перейдя въ хлыстовство, забеременѣли и родили дѣтей. Но медико-антропологи-

---

[1]) Можетъ быть, это послѣднее утвержденіе, не подтверждаемое никакими намъ извѣстными фактами, должно отнести къ легендарнымъ обвиненіямъ, точно также какъ и знаменитое *причащеніе грудью дѣвицы* и кровью младенцевъ, несомнѣнно признанное въ настоящее время безусловно ложнымъ. См. *Ивановскій*, l. c., 23 и 44.

[2]) Совѣщанія 2-го Миссіонерскаго Съѣзда въ Москвѣ... *3-й Мисс. Съѣздъ*, *343*.

[3]) Секта хлыстовъ, 41. Авторъ ссылается на „Новое Время" и „Казанскій Телеграфъ" 1895 г.

ческое и невропатологическое изслѣдованіе лицъ, прикосновенныхъ къ хлыстовству въ Супоневѣ,—сторонниковъ и враговъ—поставило внѣ всякаго сомнѣнія глубокую дегенеративность этихъ лицъ, а мы знаемъ, что слѣдствіемъ и исходомъ дегенераціи является безплодіе и прекращеніе расы или семейства. *Люди дѣлаются хлыстами, потому что они—тяжелые дегенеранты, и, какъ таковые, они, въ большемъ или меньшемъ числѣ, безплодны.*

Супоневская эпидемія показала намъ еще одну особенность хлыстовъ, это—равнодушіе къ своимъ кровнымъ роднымъ и отчужденность отъ нихъ. Это, сколько извѣстно, не было отмѣчено авторами, но подтверждено знающими лицами и относительно другихъ хлыстовскихъ общинъ. Члены одной и той же семьи, живущіе въ Супоневѣ (село вытянуто въ одну линію, и потому растянулось на три версты), но въ разныхъ концахъ, не знаютъ ничего другъ о другѣ, не знаютъ, сколько у кого дѣтей, были ли смерти въ семействѣ. Проф. Смирновъ, въ своемъ антропологическомъ очеркѣ: „Вотяки", отмѣчаетъ у нихъ еще въ настоящее время существованіе коммунальнаго брака и гетэризма, одновременно отмѣчаетъ у нихъ братство, малый приростъ населенія и очень слабую связь между лицами одного семейства [1]), но разныхъ поколѣній, т.-е. всѣ характерныя черты хлыстовства.

Въ примитивныхъ общественныхъ союзахъ вообще констатируется крайнее равнодушіе и къ предъидущему, и къ послѣдующему поколѣнію, къ родителямъ и къ дѣтямъ, и широкое развитіе дѣтоубійства, какъ практическаго пріема не создавать себѣ impedimenta. Это явленіе объясняется обыкновенно неблагопріятными экономическими условіями, вслѣдствіе которыхъ населеніе просто не имѣетъ достаточнаго количества пищи. Конечно, недостатокъ пищи *поддерживаетъ* дѣтоубійство, но не онъ создалъ равнодушіе и даже враждебное чувство къ дѣтямъ. Мы видимъ дѣтоубійство весьма распространеннымъ у очень многихъ полигамныхъ животныхъ, не живущихъ, слѣдовательно, парно—у млекопитающихъ, у птицъ—и у которыхъ половые инстинкты самцовъ обыкновенно очень интенсивны, и это одно уже указываетъ, что равнодушіе или даже активная нелюбовь къ дѣтямъ связаны съ отсутствіемъ брачной парности, и слѣдовательно имѣетъ глубокое физіолого-психологическое, а не эконо-

---

[1]) *Смирновъ*. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ, Казань 1890, стр. 122, 132—163 и т. д.

мическое основаніе. Tardieu признавалъ существованіе особаго психическаго разстройства (ненависть къ своимъ дѣтямъ), которое онъ назвалъ мизопедіей; но она отмѣчается почти исключительно у родителей, вступившихъ во второй бракъ, и это по отношенію къ дѣтямъ отъ перваго брака, слѣдовательно въ случаяхъ уничтоженія парнаго брака. Столь извѣстная и такъ часто цитируемая сцена дѣтоубійства на Огненной землѣ, бросаніе дѣтей у негритосовъ, въ Полинезіи, и т. д., объясняются никакъ не экономическими условіями жизни примитивовъ, а статистика современной жизни констатируетъ существованіе этого психологическаго факта и въ высоко-развитыхъ общественныхъ формахъ. Смертность незаконнорожденныхъ дѣтей вездѣ неизмѣримо выше смертности законныхъ, и мертворожденность между первыми неизмѣримо чаще; къ сожалѣнію, никто не можетъ дѣлать себѣ иллюзій относительно ужаснаго значенія этой смертности. Различіе отношенія къ дѣтямъ, рожденнымъ въ бракѣ и внѣ брака, настолько велико, что даже въ законѣ понятіе о дѣтоубійствѣ слилось съ понятіемъ о внѣбрачномъ рожденіи жертвы, и всѣ, судьи и общество, снисходительнѣе смотрятъ на убійство незаконнаго ребенка. Конечно, мы объясняемъ это тѣмъ, что „мать волнуема стыдомъ и страхомъ“ (ст. 1460 улож. о наказ.); но что это не больше какъ придуманное объясненіе основного психологическаго факта—доказывается различіемъ отношенія мужчинъ матеріально обезпеченныхъ, точно также какъ и нуждающихся, къ ихъ незаконнымъ и къ законнымъ дѣтямъ, и еще болѣе доказывается общественною оцѣнкою этого различія отношенія. Мы и теперь весьма различно судимъ человѣка, забывшаго мимолетную связь и случайно прижитого ребенка, и человѣка, бросившаго безъ средствъ къ жизни семью, жену и дѣтей. *Психологическая* причина этого различія отношеній у мужчинъ объясняется тѣмъ, что мужчина и въ культурныхъ обществахъ еще въ значительной степени полигаменъ, а женщина моногамна. Тамъ, гдѣ существуетъ, какъ принципъ или какъ обычай, поліандрія, женщина неизмѣримо равнодушнѣе къ дѣтямъ, и материнство у нея развито крайне слабо. У нашихъ восточно-финскихъ инородцевъ дѣвушки крайне невоздержны и ведутъ очень распущенную половую жизнь, что имъ совсѣмъ не ставится въ упрекъ; дѣвушка, уже родившая нѣсколько разъ, получаетъ даже высокую матримоніальную цѣнность, какъ доказавшая свое плодородіе, и потому „стыдъ и страхъ“ не могутъ ее „волновать“; между тѣмъ мертворожденность и смертность незаконныхъ дѣтей у пермяковъ, у вотяковъ,

тоже крайне велика. Въ поліандрическихъ союзахъ въ Тибетѣ, въ Индіи, замѣчено, что мужчины заботливѣе о дѣтяхъ, нежели женщины. Если поколѣнія не происходятъ *одно изъ другого*, а слѣдуютъ только *одно за другимъ*, какъ дѣти одной Великой Матери, то братство и любовь должны связывать членовъ одного и того же поколѣнія, а не поколѣнія между собою: листъ нынѣшняго года не связанъ братствомъ съ листомъ прошлаго на томъ же деревѣ,—онъ связанъ съ нимъ лишь слабою связью общаго происхожденія. Точно также и люди, связанные братствомъ, слабо связаны съ своими родителями и дѣтьми. Идя дальше въ антропологическомъ изслѣдованіи семейныхъ узъ, всѣ авторы отмѣтили, какъ логическое, необходимое слѣдствіе материнскаго принципа (матріархата), слабость родовой привязанности или даже ея полное отсутствіе къ единокровнымъ роднымъ; это явленіе отмѣчено много разъ историками и соціологами въ эпохи, когда всякое воспоминаніе о коммунальномъ бракѣ, исходномъ пунктѣ его, давно угасло въ памяти людей. Эта связь и генетическая послѣдовательность—общаго происхожденія отъ одной матери, братства, равенства, отсутствія частной собственности, съ одной стороны, и мизопедія или хотя бы индифферентизмъ къ дѣтямъ, отсутствіе сердечной привязанности между поколѣніями, малая сердечная привязанность къ единокровнымъ, съ другой,—сказывается и въ италійской легендѣ. Представитель золотого вѣка, равенства, братства, коммунальной собственности, идентифицированія жизненнаго цикла человѣческихъ поколѣній съ годовымъ цикломъ растительности, Сатурнъ, изувѣчилъ своего отца и былъ изувѣченъ своимъ сыномъ. Онъ уничтожалъ своихъ дѣтей; ему приписывали безплодіе браковъ—„sterilitatem liberorum Saturno tribuunt—и его идентифицировали съ финикійскимъ и кареагенскимъ Молохомъ, которому приносились въ жертву дѣти.

Сопоставленіе психики хлыстовства съ антропологическими данными приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Религія и культъ хлыстовъ есть восточно-финскій шаманизмъ почти въ чистомъ видѣ.

II. Враждебное отношеніе хлыстовъ къ браку, „бракоборное ученіе" ихъ, безпорядочныя половыя отношенія, свальный грѣхъ, —все это есть возвращеніе къ первоначальнымъ общественнымъ формамъ коммунальнаго брака и гетэризма.

III. Братство хлыстовъ, ихъ враждебное отношеніе къ дѣто-

рожденію, малая семейная связь, гинекократія, и т. д., составляютъ логическія послѣдствія возвращенія къ коммунальному браку.

IV. Въ общемъ хлыстовство есть общественное явленіе реверсивнаго характера, возвращеніе къ древней первоначальной культурной стадіи—человѣчества вообще (коммунальный бракъ и гетэризмъ) и финской расы въ частности (шаманизмъ).

Но если религія и культъ хлыстовъ есть возвращеніе къ шаманизму именно финскому, то должно предположить, что хлыстовство должно возникать и держаться въ населеніи именно этого племени. Историко-географическія данныя вполнѣ подтверждаютъ такое заключеніе. Хлыстовство зародилось и распространялось въ области Оки и затѣмъ вообще въ бассейнѣ верхней и средней Волги. Нельзя, конечно, серьезно допускать, чтобы возможно было опредѣлить въ точности годъ и мѣсто его возникновенія, но первое извѣстное исторически—допуская, что это не легенда,—появленіе хлыстовства произошло въ 1645 г. въ *муромскомъ уѣздѣ владимірской* губ., а основатель хлыстовства, Данило Филиппычъ, былъ родомъ изъ-подъ *Костромы*; распространяться новое ученіе стало сначала въ *костромской* губерніи. Преемникъ основателя Сусловъ былъ родомъ опять-таки изъ *муромскаго* уѣзда, и распространялъ онъ свое ученіе по Окѣ и Волгѣ, въ *нижегородской* губерніи, откуда оно перешло въ *московскую*. Реутскій [1]) говоритъ, что въ серединѣ XVIII вѣка хлыстовство держалось въ большемъ или меньшемъ числѣ уѣздовъ слѣдующихъ губерній (кромѣ поименованныхъ): въ *рязанской*, *тверской*, *симбирской*, *пензенской*, *вологодской*; въ семидесятыхъ годахъ того же столѣтія оно появилось и свило себѣ прочное гнѣздо въ *орловской*, *тульской*, *тамбовской*, *калужской*, въ концѣ столѣтія—въ *пермской*, *вятской*; въ XIX вѣкѣ—въ *воронежской*; однимъ словомъ, мы встрѣчаемъ множество хлыстовскихъ гнѣздъ во всей сѣверной половинѣ Россіи, специфически-финскомъ краѣ. Линія, почти прямая, отдѣляющая этотъ край отъ южной Россіи, составляетъ одновременно и границу финскаго населенія, и границу хлыстовства; южная Россія имѣетъ исключительно раціоналистическія секты, и хлыстовство встрѣчается только въ мѣстностяхъ, получившихъ переселенцевъ съ сѣвера во время жестокихъ религіозныхъ гоненій времени Елизаветы Петровны, Анны Іоанновны и особенно Екатерины II. Можно было бы думать, что *сумскій* уѣздъ, харьковской губерніи, гдѣ разыгралась павловская трагедія, составляетъ какъ бы исключеніе, выходя

---

[1]) *Люди Божіи и скопцы.* Москва 1872. Прилож. 181—2.

далеко на югъ изъ-за этой черты. Но Сумы—это Suomi, финны, и Кастренъ нашелъ финское населеніе въ другихъ Сумахъ [1]. Въ орловской, калужской и тульской губерніяхъ, гдѣ хлыстовство установилось особенно крѣпко и откуда оно разносится по Россіи, оно занимаетъ уѣзды болховской, карачевскій, дмитровскій, орловскій, кромскій и мценскій, и сосѣдніе уѣзды калужской (юго-восточную ея часть) и тульской, такъ что область хлыстовства совершенно точно соотвѣтствуетъ области древнихъ вятичей [2]. Супоневская волость въ настоящее время административно принадлежитъ къ брянскому уѣзду, но этнографически она входитъ въ составъ Вятичской земли, узкая полоса которой тянется по берегу Десны до Вщижа, крайняго западнаго города вятичей и ихъ оплота отъ западныхъ сосѣдей [3].

Мы имѣли случай прослѣдить шагъ за шагомъ возникновеніе супоневскаго хлыстовства во всѣхъ его подробностяхъ и изслѣдовать не только всѣхъ „сектантовъ", но и нѣкоторыхъ „ревнителей православія". Всѣ шесть центральныхъ орловскихъ уѣздовъ, входящихъ въ составъ земли древнихъ вятичей, съ XVII вѣка составляютъ гнѣздо хлыстовства, а наше изслѣдованіе орловской губерніи въ психіатрическомъ отношеніи дало намъ для этихъ именно уѣздовъ неслыханную цифру кликушъ. Въ брянскомъ уѣздѣ очень большое число кликушъ имѣетъ только именно супоневская волость. Кликушество, какъ *форма*, сконцентрировано, по обыкновенію, въ мѣстностяхъ вдали отъ путей сообщенія, здѣсь, въ дикомъ и пустынномъ бассейнѣ рѣкъ Болвы (чисто финское имя), именно въ селеніяхъ Журничи и Полпино, но Су-

---

[1]) Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. Kleinere Schriften, 120. Мы имѣемъ рядъ мѣстностей этого имени въ несомнѣнно финскихъ областяхъ: острогъ *Suma* въ Соловецкой волости (Auszug aus der Solow. Klosterchronik, ibid. 67, 81); „*Sumi*, See und Fluss innerhalb des Stromgebietes des Jenissei" (его же Ethnolog. Vorlesungen 98); *Суманцы* въ Ключевской вол. котельнич. у. вятск. г.; *Суманскій* погостъ въ ворониноск. вол. глазовскаго у.; *Сумычевское* общество въ чердынскомъ у. пермск г.; *Сумичъ* рѣка, правый притокъ Камы въ томъ же уѣздѣ, и т. д.

[2]) Вятичскими городами лѣтопись называетъ Брянскъ, Карачевъ, Мценскъ, Тарусу и др. Филологически сюда же принадлежатъ: Веневъ, Одоевъ, Жиздра, Мединь и т. д.

[3]) Послѣ завоеванія Вятичской земли Вщижъ былъ отдѣльнымъ удѣльнымъ княжествомъ. Его военное значеніе, какъ защиты Деснинской равнины и входа въ Вятичскую землю, объясняется его топографическимъ положеніемъ, и значеніе это мѣстность Вщижа имѣла и въ доисторическую эпоху (*Чуевъ*, Результатъ раскопокъ, произведенныхъ въ брянскомъ уѣздѣ въ 1901 г.).

поневo, не имѣя *кликушества* вслѣдствіе своего подгороднаго положенія, представляетъ крайне печальную картину психопатической денегераціи, и я долженъ сказать, что мнѣ только въ Salpêtrière случилось видѣть такую богатую коллекцію истерическихъ дегенерантовъ съ тяжелыми анатомическими и физіологическими стигматами, которыя я могъ демонстрировать и г. товарищу прокурора, и послѣ, частью, и г. прокурору. Сверхъ того, населеніе страдаетъ эндемическимъ зобомъ, что̀, какъ извѣстно, тяжело отражается на центральной нервной системѣ. Это несчастное, болѣзненное, дикое, безграмотное, споенное водкой населеніе поставлено, какъ было уже сказано выше, въ очень тяжелыя экономическія условія. Нѣтъ надобности говорить, составляютъ ли нищета, пьянство и невѣжество благопріятныя условія духовнаго здоровья. Подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ требованій, въ русской деревнѣ вообще чувствуется умственное и нравственное движеніе; это сказалось и въ Супоневѣ. Населеніе стало искать выхода изъ своего положенія, но, не встрѣчая никакой нравственной помощи, никакого руководства, оно пошло сначала за дегенерантомъ-истерикомъ съ религіозно-этической экзальтаціей. Казалось бы, несчастное село имѣло счастье въ своемъ несчастіи, такъ какъ этотъ руководитель оказался дегенерантомъ высшаго порядка, если не въ интеллектуальномъ, то въ нравственномъ отношеніи. Но рокъ, тяготѣющій надъ Супоневомъ, отнялъ у него и этотъ послѣдній шансъ спасенія. Государство дало болѣзненному селу только административную репрессію, публичный отказъ въ причастіи (понятый населеніемъ какъ отлученіе отъ церкви) и судебное слѣдствіе. Эти новые факторы довели населеніе до высшей степени экзальтаціи, и тогда былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму Василій Д., единственный человѣкъ, могшій остановить движеніе въ направленіи сектантства. Оставленные безъ нравственнаго руководства и жаждущіе чего-то высшаго, особенно женщины, стали слушать Осипа Потапкина, слабоумнаго параноика-эротика, который могъ предложить имъ только безсвязныя религіозныя формулы и уже совершенно болѣзненную форму полового и религіознаго возбужденія. Эпидемія охватила болѣе или менѣе все почти населеніе. У однихъ, наиболѣе тяжело пораженныхъ психопатическимъ и дегенеративнымъ элементомъ, въ высшей степени неустойчивыхъ, легко поддающихся внушенію, она дала индуцированную форму психическаго разстройства, разбудила въ нихъ старые финскіе инстинкты шаманизма, вернула ихъ, подъ видомъ братскаго общенія, къ историко-антропологическому періоду гетэризма и коммунальнаго брака,

который процвѣталъ у вятичей еще въ XII вѣкѣ, существовалъ у восточно-финскаго племени въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и сохраняется у пермяковъ и вотяковъ и въ настоящее время подъ видомъ игрищъ. Дикій, малоумный Тихонъ Б., „ревнитель православія" и „самый злой гонитель" сектантовъ,—это именно тотъ живой анахронизмъ, о которомъ говоритъ профессоръ Tanzi; это вятичъ XII вѣка, подданный князя Ходоты до обращенія въ христіанство св. Кукшей. Такіе атавистическіе инстинкты существуютъ у всѣхъ племенъ, у всѣхъ народовъ; они заглушены и подавлены въ народахъ, жившихъ историческою жизнью, и нужны совершенно исключительныя условія, чтобы инстинкты эти пробились—у небольшого числа индивидуумовъ—изъ-подъ наслоившихся на нихъ культурныхъ жизненныхъ пріобрѣтеній. Здѣсь эти инстинкты лежатъ поверхностно, à fleur de peau, такъ какъ вся культурная жизнь человѣчества прошла мимо, не тронувъ этихъ вятичей; потому-то мы здѣсь имѣемъ психіатрическія формы, исчезнувшія въ Европѣ съ среднихъ вѣковъ. Никто не зналъ, да и никто не знаетъ, что кликушество у насъ эндемично, и я не буду особенно удивленъ, если завтра придется констатировать существованіе ликантропіи.

Исторія оренбургскаго дѣла не менѣе поучительна.

Въ 60-хъ годахъ XIX в. „руководителями хлыстовъ и преподавателями были два казака, Косаревъ и Дурмановъ. *Первый былъ сосланъ въ Сибирь за убійство своего (родного) брата въ пылу фанатизма.* Затѣмъ мы переходимъ прямо къ 1895-му году, когда началось *судебное дѣло, продолжавшееся цѣлыхъ два года, изложенное въ трехъ томахъ...* Иванъ Утицкій велъ прежде безпутную жизнь, *но послѣ паденія въ колодезь нравственно переродился* („пріубожился"), *и за свою дѣвственную жизнь получилъ отъ своихъ единоплеменниковъ названіе Іоанна Богослова* [1]... По просьбѣ священника о. Головкина, онъ пѣлъ у него стихи, во время пѣнія въ тактъ *притопывалъ ногами, потрясалъ и похлопывалъ* руками, *плакалъ, всхлипывалъ... вся фигура выражала изступленіе.* Однажды послѣ пѣнія Утицкій,

---

[1]) Циркуляръ министра юстиціи отъ 28 октября за № 26199.—„При освидѣтельствованіи состоянія умственныхъ способностей обвиняемыхъ врачи-эксперты нерѣдко встрѣчаютъ затрудненія въ недостаточности собраннаго слѣдствіемъ фактическаго матеріала... Вслѣдствіе сего министерствомъ юстиціи, по соглашенію съ медицинскимъ совѣтомъ, выработанъ перечень вопросовъ... 4) *Не падало ли* (обвиняемое лицо) *съ высокихъ мѣстъ*, не получало ли ушибовъ въ голову, не было ли оно ранено и контужено?... 10) Не замѣчались ли *рѣзкія перемѣны въ характерѣ и образѣ жизни обвиняемаго, привычкахъ, наклонностяхъ*"...

придя въ экстазъ... (Показаніе Головкина)... На бесѣдкахъ братья и сестры *набираются духу, напоются имъ... фыркаютъ, дуютъ изъ себя, все тѣло дрожитъ: духъ потрясаетъ тѣло* (показаніе двухъ свидѣтельницъ)... *рыдаютъ, подпрыгиваютъ, кружатся на одной ногѣ, иныя рвутъ на себѣ волосы, бьются объ полъ, корчатся какъ бы въ судорогахъ* (показаніе двухъ свидѣтельницъ)... Собравшіеся *плакали, молили пустить ихъ въ избу*... (въ которой) *шумъ, столпотвореніе; пѣли, подпрыгивали, бѣсновались, рвали на себѣ волосы*"... Одинъ изъ сектантовъ пишетъ: „Любезный отче! Чувствую себя въ настоящее время такъ, какъ бывшій въ банѣ и *угорѣлъ*". Свидѣтельница С. показываетъ, что Утицкій „*опаивалъ женщинъ какимъ-то духомъ*". Другая свидѣтельница: „*дѣлается словно пьяная*, лицо горитъ жаромъ, въ рукахъ и въ сердцѣ, чувствуется, горитъ огонь"; третья свидѣтельница:—„*словно магнита какая есть въ этихъ хлыстахъ*". Еще одна: „цѣлыхъ три года промучилась я, не зная себѣ покоя и *какъ бы околдованная* Утицкимъ". Однажды одна изъ сектантокъ, въ присутствіи другихъ „бросилась къ Семену на шею съ крикомъ: *я духовнаго вина не напилась, давай духовнаго вина*, и стиснула его въ своихъ объятіяхъ"...

„Алексѣй Кожевниковъ на радѣніи сталъ *нестерпимо визжать и волноваться*... (Онъ же) потребовалъ отъ Ларіона, чтобы онъ *уступилъ ему свою жену*, красивую бабу... Ларіону и жаль было уступить жену, и обидѣть (Кожевникова) было нельзя, *и онъ согласился*". „По виду она (одна изъ совращенныхъ)—*женщина необычайно нервная, подпавшая*, по выраженію прокурора въ обвинительной рѣчи, *гипнотическому вліянію* со стороны Утицкаго. И мы (прибавляетъ отъ себя г. духовный экспертъ проф. Ивановскій), когда еще читали предварительное слѣдствіе, *не могли не придти къ тому же предположенію, что и высказали въ своей экспертизѣ. Много въ поступкахъ означенныхъ женщинъ чего-то чрезвычайно загадочнаго; точно управляла ими какая-то недобрая сила*" [1]).

„Означенныя лица преданы были суду по 203 и 196-й ст. Улож. о нак., и *судъ всѣмъ имъ вынесъ обвинительный вердиктъ*" [2]).

Въ Павловкахъ (сумскаго уѣзда, харьковской губерніи) сектанты „штундисты" уже раньше были въ крайне напряженномъ состояніи, отчасти по дѣлу пріобрѣтенія земли и послѣдовавшихъ за

---

[1]) Проф. *Ивановскій*. Оренбургскіе хлысты. „Мисс. Об.", іюнь 1897, стр. 580—587.

[2]) Ibid., 588.

этимъ административныхъ воздѣйствій, отчасти вслѣдствіе донельзя стѣснительныхъ мѣръ, возложенныхъ на нихъ совершенно некомпетентною властью [1]). Къ нимъ явился Моисей Тодосіенко, фигурировавшій уже въ кіевской эпидеміи 1892 г. [2]). Это дегенерантъ съ интолеранціей къ алкоголю; онъ страдалъ *головными болями, безсонницей*, и прибѣгалъ къ врачебной помощи отъ нихъ; затѣмъ у него появились *галлюцинаціи* и наконецъ *параноическій бредъ*. Онъ уже Моисей пророкъ, и потому требуетъ себѣ повиновенія. Звуки, буквы азбуки, имѣютъ таинственное значеніе: „В—означаетъ, что Господь насъ *ведетъ*; шумъ и звукъ *ш* означаетъ, что надо дѣлать *шагъ* впередъ; Д—означаетъ, что малеванцы дѣлаютъ *добро*, и т. д. Показывая на членовъ коммиссіи, на группу крестьянъ и на себя, онъ произнесъ: *мы, всѣ, я*, значитъ—*Ме-ссі-я*, то-есть, что онъ, Тодосіенко, есть *Мессія*", и т. д. *Онъ былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу*, гдѣ началось постепенное улучшеніе; онъ вышелъ будто бы *выздоровѣвшій*, но это ошибка,—отъ паранойи не выздоравливаютъ, и доказательствомъ—весьма печальнымъ—его *невыздоровленія* служитъ дѣло въ Павловкахъ. Онъ явился туда въ качествѣ пророка Моисея, и сразу подчинилъ себѣ „сектантовъ", безусловно и безпрекословно увѣрившихъ въ его власть и божеское призваніе. Онъ возлагаетъ свое призваніе на другого, очень хорошо извѣстнаго имъ, совершенно ничтожнаго односельчанина, который и долженъ сѣсть на престолъ славы своей,—и „сектанты", проведя всю ночь въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ прогулкахъ по селу, идутъ сажать его *на престолъ церкви*,—совершенно параноическое смѣшеніе символа съ реальностью. Крестьянка показываетъ имъ ребенка, кричитъ: „*увѣруйте въ него!*", и они тотчасъ увѣровали, и пошли къ церкви съ крикомъ: „*правда идетъ!*" (кенигсбергскіе сектанты кричали: „Christus kommt!"; византійскіе изувѣры свальнаго грѣха кричали: „*Параклетъ идетъ!*"), разбили обстановку церкви, но зачѣмъ это они сдѣлали, что̀ каждый дѣлалъ—этого они сказать не могли, такъ какъ все событіе представлялось имъ очень смутно [3]).

---

[1]) Я имѣю въ рукахъ протоколъ судоговоренія и приговоръ за то, что, бывъ одинъ у другого для работы, стали по окончаніи дѣла пить чай, между тѣмъ какъ урядникъ запретилъ имъ посѣщать другъ друга.

[2]) *Сикорскій*, l. c. 30—31.

[3]) Павловцы—штундисты и по школьной терминологіи принадлежатъ къ раціоналистической сектѣ. Это дѣленіе сектъ на раціоналистическія и мистическія оправдывается съ дидактической точки зрѣнія, оправдывается и по отношенію къ доктринѣ, но оно совершенно несостоятельно по отношенію къ психологіи сектъ, и мо-

Въ „Вѣстникѣ Права" А. Бобрищевъ-Пушкинъ говорилъ,—правда, мелькомъ,—о павловскомъ дѣлѣ, какъ о несомнѣнно болѣзненной, психіатрической вспышкѣ. Имѣлъ ли онъ какія точныя данныя, или судилъ въ общемъ,—я не знаю; но я имѣлъ случай изучить очень внимательно какъ слѣдственное дѣло, такъ и протоколы засѣданій суда, и на основаніи этихъ данныхъ я рѣшаюсь утверждать, что А. Бобрищевъ-Пушкинъ совершенно правъ въ своей оцѣнкѣ.

Павловская эпидемія была несомнѣнно психіатрическимъ, болѣзненнымъ взрывомъ; за него душевно-больныхъ постигла тяжелая кара,—но здѣсь уже былъ поставленъ оффиціально передъ судомъ вопросъ о психической ненормальности, и хотя судъ отказалъ въ его разсмотрѣніи,—все-же это большой прогрессъ. Ничто не дается даромъ; всякій шагъ на пути къ истинѣ долженъ быть оплаченъ; будемъ надѣяться, что если еще нѣсколько сотъ душевно-больныхъ пойдутъ на каторгу, то они этимъ откроютъ въ нашемъ судѣ дорогу психіатрической экспертизѣ въ дѣлахъ религіозныхъ преступленій.

Исповѣдь раскаявшагося оренбургскаго хлыста [1]) (анонимная, и потому мы можемъ свободно судить ее) есть самое типичное фантастическое лганье некультурнаго истерика, и въ этомъ отношеніи имѣетъ свою діагностическую цѣнность,—но только въ этомъ.

Кіевская эпидемія 1892 г. подробно разработана проф. Сикорскимъ, который показалъ ея патологическій и именно психопатическій характеръ; особая коммиссія, разсматривавшая дѣло, пришла къ тому же заключенію. Сводя воедино главнѣйшія явленія психопатическаго броженія, названнаго малеванщиной, проф. Сикорскій констатируетъ въ немъ, какъ существенные факторы: *параноическое помѣшательство* вожаковъ, *истерію* массы и *общее разстройство питанія*, какъ подготовительное условіе. „На долю

жетъ повести къ ужасающей ошибкѣ въ судебной психіатріи. Раціонализмъ въ данномъ случаѣ есть примѣненіе къ религіознымъ вопросамъ принципа свободнаго изслѣдованія (libre examen),—это есть, слѣдовательно, *умственный методъ*; мистицизмъ есть выраженіе *внутренняго чувства*, склада всей души, и потому противопоставленіе ихъ есть психологическая ошибка. Въ дѣйствительности можно быть мистикомъ въ раціонализмѣ, какъ можно быть фанатикомъ свободнаго изслѣдованія, и, несомнѣнно, въ раціоналистическихъ сектахъ фанатики-мистики вовсе не составляютъ рѣдкости. D'Haussonville разсказалъ въ „Revue des deux Mondes" свое посѣщеніе въ Лондонѣ собранія раціоналистовъ (англійскій *cant* не любитъ рѣзкаго слова *атеистъ*), на которомъ пѣлись гимны, воздавался культъ —чему?

[1]) „Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденія". Москва. 1898.

истеріи приходится между малеванцами наибольшее число субъектовъ,—говоритъ авторъ,—и уже одно это обстоятельство объясняетъ причину чрезвычайной наклонности населенія къ подражанію, и легкость, съ которою начавшееся броженіе воспринималось, усвоивалось и развивалось. При такихъ условіяхъ вліяніе небольшого числа помѣшанныхъ могло оказывать неотразимое воздѣйствіе. Эти же условія дѣлаютъ понятнымъ тотъ съ перваго взгляда непонятный фактъ, что родоначальникомъ малеванщины и ея распространителями явились помѣшанные". Дѣйствительно, генезисъ всѣхъ религіозно-психіатрическихъ эпидемій въ Россіи былъ неизмѣнно таковъ: среди населенія неустойчиваго психически, истеричнаго, пораженнаго психо- и невропатическимъ вырожденіемъ, ослабленнаго умственно алкоголемъ и невѣжественностью, физически—нищетой и лишеніями,—появляется параноикъ. Своею проповѣдью, своею параноическою авторитетностью, онъ влагаетъ беззащитному умственно населенію свои бредовыя идеи и производитъ у окружающихъ индуцированное помѣшательство. Начинается преслѣдованіе—самимъ населеніемъ, полиціею, властями; нравственное положеніе обостряется, эпидемія идетъ вширь и вглубь, захватывая все большее и большее число людей и проникая все глубже въ ихъ психику, свиваетъ себѣ прочное гнѣздо, и привлекаетъ неустойчивые элементы населенія. Таковъ былъ ходъ и супоневской эпидеміи; проповѣдь слабоумнаго параноика увлекаетъ истеричное населеніе; неудачныя мѣры властей вызываютъ крайнее возбужденіе, дѣлаются погромы... Но тутъ дѣло переходитъ въ руки психіатрической экспертизы, главный совратитель оказывается душевно-больнымъ, какъ таковой освобождается отъ всякой отвѣтственности и, *согласно закону*, возвращается семьѣ. Возвращеніе его имѣло магическое, отрезвляющее дѣйствіе на сектантовъ и примиряющее—на ихъ враговъ; все успокоилось и вошло въ норму.

Мы говорили, что кликушество, находящееся въ ближайшей связи съ религіозными эпидеміями, сосредоточивается въ мѣстностяхъ, лежащихъ вдали отъ большихъ путей сообщенія. Это очень наглядно иллюстрируется картою распредѣленія кликушества въ орловской губерніи, гдѣ гнѣзда кликушества лежатъ въ углахъ, образуемыхъ линіями шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, въ наибольшемъ разстояніи отъ обѣихъ. Замѣчательно, что двѣ послѣднія европейскія эпидеміи, въ Morzine и въ Arcidosso, произошли именно въ такихъ же условіяхъ. Особенно извѣстна первая, происшедшая въ большой горной савойской деревнѣ Morzine, куда можно было попадать только горными тропинками,

пѣшкомъ или верхомъ на мулѣ. Здѣсь разыгралась—совершенно средневѣковая, сказали бы мы, еслибы не имѣли идентичныхъ въ XX вѣкѣ въ центрѣ Россіи—религіозно-психіатрическая эпидемія кликушества. Тридцать-пять лѣтъ позже, эпидемія такого же характера появилась въ деревнѣ Ащенковѣ, гжатскаго уѣзда, смоленской губерніи [1]), но неизмѣримо слабѣйшая какъ по интенсивности, такъ и по числу пораженныхъ лицъ (въ Морзинѣ 110, въ Ащенковѣ и Иваникахъ—15). Обѣ вызвали правительственную заботу и посылку на мѣсто врачей. Въ Морзинѣ д-ръ Constant потребовалъ удаленія священника (онъ впослѣдствіи оказался душевно-больнымъ), устройства еженедѣльнаго рынка, постановки въ деревнѣ отряда кавалеріи, музыка котораго играла на площади нѣсколько разъ въ недѣлю, скупки мѣстныхъ продуктовъ, чтобы увеличить сразу денежныя средства населенія, постройки большой школы, мэріи, а главное—проведенія шоссе. Эпидемія прекратилась и не возобновлялась болѣе. Въ Ащенковѣ *врачъ пріѣхалъ съ исправникомъ*, остановился *въ избѣ старосты*, и *для него собрали всѣхъ больныхъ*; относительно принятыхъ мѣръ мы передаемъ слово самому врачу: „Молва о пріѣздѣ *начальства* мгновенно разнеслась по всей деревнѣ,—разсказываетъ врачъ.—Вдругъ послышался громкій женскій плачъ: одна изъ бабъ, плача, громко кричала: „*Опять пріѣхали тревожить насъ*! (разъ уже пріѣзжало *начальство*, уѣздный врачъ и др.). Ничѣмъ вы намъ не поможете, *только хуже растревожите*!“ [2])... Гипнозъ оказался безсильнымъ прекратить эпидемію... Полагая, что чисто медицинскими мѣрами прекратить ее не удастся, я считалъ правильнымъ и необходимымъ примѣнить къ прекращенію данной эпидеміи кликушества административныя *медико-полицейскія мѣры* [3])„. Согласно съ ст. 2906 т. V и ст. 7450 т. X, П. св. з., я полагалъ бы правильнымъ не допускать во время богослуженія въ церквахъ и монастыряхъ кликушества... и въ случаѣ притворства и обвиненія кого-либо въ порчѣ, привлекать ихъ къ законной отвѣтственности по 937 ст., а также за на-

[1]) Совершенно непостижимо, почему эпидемія дер. Ащенкова обратила на себя вниманіе медицинскаго департамента и вызвала посылку на мѣсто врача. Весь гжатскій уѣздъ полонъ кликушъ, — кликушество тамъ эндемично; еще въ большей степени оно интенсивно въ калужской и орловской губерніяхъ. Директоръ смоленской психіатрической больницы д-ръ Бяшковъ, бывшій ординаторъ въ Бурашевѣ (Тверь) при д-рѣ Литвиновѣ, тоже съ изумленіемъ—и безъ малѣйшей симпатіи, должно прибавить—разсказывалъ мнѣ и о посылкѣ врача, и о вмѣшательствѣ властей, и о принятыхъ въ Ащенковѣ мѣрахъ.

[2]) *Краинскій*. Порча, кликуши и бѣсноватые, стр. 114.

[3]) *Ibid.*, 116.

рушеніе тишины и спокойствія во время богослуженія [1]... Что же касается до возвращенія въ деревню Сиклитиньи (ее обвиняли въ порчѣ), то я полагалъ правильнымъ *разрѣшить ей возвращеніе на родину* (sic!), по принятіи вышеизложенныхъ мѣръ, и установить въ Ащенковѣ медико-полицейскій надзоръ, принимая соотвѣтственныя административныя мѣры по отношенію къ зачинщикамъ при первыхъ проявленіяхъ народнаго волненія. 29-го и 30-го *въ Ащенковѣ былъ отслуженъ молебенъ передъ весьма чтимой мѣстнымъ населеніемъ чудотворной иконой Божьей Матери изъ Колоцкаго монастыря*... Послѣ этого молебна *обѣ упомянутыя кликуши били отправлены*, по распоряженію г. губернатора [2]), для леченія, *въ спеціальную больницу*" [3]).

Авторъ этого очень интереснаго отчета объ ащенковской эпидеміи приводитъ статьи законовъ для обоснованія принятыхъ мѣръ, въ томъ числѣ и для привлеченія *къ законной отвѣтственности больныхъ по обвиненію въ порчѣ*. Но онъ не указываетъ статей, относящихся къ *угрозѣ больнымъ послать ихъ въ больницу*, *къ отправкѣ двухъ кликушъ административнымъ распоряженіемъ въ „спеціальную больницу"*. Мы пополнимъ этотъ пробѣлъ.

Въ томѣ II Свода законовъ (отдѣленіе второе) говорится:

„Ст. 337. Въ отношеніи къ назначенію опекъ надъ слабоумными и умалишенными, губернаторъ, получивъ о томъ просьбу отъ семейства, въ коемъ находится слабоумный или сумасшедшій, или же инымъ образомъ достовѣрное свѣдѣніе, *что сіи лица опасны въ общежитіи*, или по крайней мѣрѣ не могутъ управлять имѣніемъ, *созываетъ для освидѣтельствованія ихъ установленное закономъ присутствіе*".

По ст. 366 (т. X) „сумасшедшими почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ, и составляя *болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства*, можетъ наносить обоюдный *вредъ обществу и имъ самимъ*, и потому *требуетъ особеннаго за ними надзора*.

„Ст. 367. *Каждому семейству*, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, предоставляется предъявить о томъ мѣстному начальству.

„Ст. 368. *По предъявленію отъ семейства* о безумныхъ и сумасшедшихъ лицахъ, они подвергаются освидѣтельствованію, которое совершается...

---

[1]) *Ibid.*, 170.

[2]) Онъ очень скоро послѣ этого оказался самъ страдающимъ душевною болѣзнью, отъ которой и умеръ.

[3]) L. c., 170—171.

„Ст. 375. *Признанные отъ правительствующаго сената безумными или сумасшедшими поручаются въ смотрѣніе ближайшимъ ихъ родственникамъ*, и буде послѣдніе *отъ того откажутся*, отдаются въ устроенные для умалишенныхъ дома“.

Этими статьями исчерпываются права и обязанности губернаторовъ относительно душевно-больныхъ, хотя бы и „опасныхъ въ общежитіи“. *Нашъ законъ не признаетъ и не допускаетъ административныхъ помѣщеній въ психіатрическую больницу*, и всякое распоряженіе губернатора, выходящее за предѣлы *огражденія имущественныхъ интересовъ душевно-больного*, т.-е. „созванія установленнаго закономъ присутствія“ для назначенія опеки, есть незаконный актъ насилія. Какой именно? На это намъ отвѣтятъ слѣдующія статьи закона.

„Ст. 260. При учрежденіи заведенія для призрѣнія умалишенныхъ избирается отдѣльный домъ, довольно пространный и кругомъ крѣпкій, *дабы никто изъ содержимыхъ не могъ убѣжать*“ (т. XIII. Уст. объ обществ. призрѣнія).

Такимъ образомъ, помѣщеніе душевно-больного въ „спеціальную больницу“, изъ которой онъ не можетъ убѣжать, не родственниками, а какою либо властью, есть *лишеніе свободы*, преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1540 — 42 уложенія о наказаніяхъ.

„Ст. 1540. Кто, *по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ*, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ *задержаніе* и самое предварительное заключеніе, по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія, *дозволено или предписано закономъ, самовольно* и насильственно *лишитъ кого свободы*, тотъ приговаривается: къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія“... (и т. д.).

Въ кіевской эпидеміи власти приняли такія же и даже еще болѣе оригинальныя мѣры [1]): „Прежде всего, на основаніи закона объ усиленной охранѣ, были воспрещены собранія малеванцевъ, а впослѣдствіи его сіятельствомъ графомъ Игнатьевымъ были одобрены слѣдующія мѣры:

„1) Помѣщеніе въ *лечебницы* для душевнобольныхъ тѣхъ изъ числа малеванцевъ, которые страдаютъ помѣшательствомъ и *своими болѣзненными идеями и дѣйствіями поддерживаютъ религіозное броженіе массы*.

---

[1]) *Сикорскій*. Кіевская эпидемія, 45—46.

„2) Помѣщеніе въ лечебницы и *монастыри* (sic!) тѣхъ *сектантовъ*, которые *страдаютъ нервными и особенно судорожными болѣзнями*, и которые своими припадками и своимъ патологическимъ характеромъ *вредно дѣйствуютъ на окружающихъ*.

„Число лицъ первой и второй категоріи *не превышаетъ двухъ десятковъ* (sic!).

„3) Арестъ и административная высылка (съ разрѣшенія мин. вн. дѣлъ) тѣхъ сектантовъ, которые въ своей дѣятельности обнаружили *преступный фанатизмъ*" (sic!).

Первое распоряженіе, не согласное, какъ мы видѣли, съ закономъ, сдѣлало *помѣщеніе больныхъ въ лечебницу* полицейскою мѣрою въ интересахъ общественнаго порядка. Относительно третьяго мы напомнимъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ въ томъ же Кіевѣ гимназистовъ за фанатизмъ сѣкли [1]), а въ 1892 г. арестовали взрослыхъ душевно-больныхъ. Но совершенно необычнымъ, и едва ли согласнымъ и съ закономъ объ усиленной охранѣ, является второе распоряженіе, въ силу котораго *сектанты, страдающіе нервными болѣзнями*, были помѣщены въ *монастыри*. Авторъ работы объ этой эпидеміи высказываетъ одобреніе этимъ мѣрамъ [2]), но съ нашей стороны не будетъ слишкомъ большою смѣлостью предположить, что это вслѣдствіе „обстоятельствъ, отъ него независящихъ", такъ какъ *семь строчекъ* ниже онъ довольно коварно приводитъ слова величайшаго психіатра, создателя врачебной психіатріи, Эскироля, который въ такихъ случаяхъ рекомендуетъ „la suppression [3]) de tout ce qui se rattache à la religion".

Но губернская администрація имѣла, помимо совѣта французскаго психіатра, прямое распоряженіе нашей верховной власти. Таковъ именной указъ императора Петра Великаго, отъ 5 сентября 1723 г. [4]): „Его Императорское Величество указалъ: сумазбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ, таковые напередъ сего аки-бы для изцѣленія посылаемыхъ въ монастыри: *таковыхъ отнынѣ въ монастыри не посылать*".

Въ проектѣ учрежденія „дома для безумныхъ", представленномъ императрицѣ Екатеринѣ II и одобренномъ ею, имѣется слѣдующій параграфъ, по психіатрическому преданію [5]) вписан-

---

[1]) *Добролюбовъ*. Всероссійская иллюзія, разрушаемая розгами.

[2]) „Принятіе указанныхъ мѣръ не замедлило оказать благотворное вліяніе... Цѣлесообразность принятыхъ мѣръ... (l. c., стр. 46).

[3]) Курсивъ въ текстѣ проф. Сикорскаго (стр. 46).

[4]) Полное собр. зак. Росс. Имп. Т. VII, 4296.

[5]) Сообщеніе проф. Фреле, слышавшаго это отъ Рюля.

ный ею, и дѣйствительно имѣющій печать ея ума и ея образа выраженія:

„Докторъ употребляетъ всякія средства къ ихъ (умалишенныхъ) излеченію, а *прежде, нежели придутъ въ разумъ, священникамъ у нихъ дѣла нѣтъ, кромѣ того что за нихъ Бога молятъ*“ [1]).

Что мѣры эти были неудачны по результатамъ—на это, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма точное фактическое доказательство. „Броженіе массы“ продолжалось въ кіевской губерніи, но только скрытно, въ виду административныхъ „сажаній въ сумасшедшій домъ“, что̀ дало „посаженнымъ“ ореолъ мученичества [2]); движеніе распространилось на другія губерніи и дало въ селѣ Павловкахъ (харьковской губ.), подъ вліяніемъ кіевскаго малеванца Моисея Тодосьенко, вспышку, погромъ церкви...

Проф. Lacassange, начиная свой курсъ судебной медицины, посвятилъ первую лекцію „*Медицинѣ былого времени и врачу XX вѣка*“ [3]), изъ которой мы приведемъ слѣдующую выписку:

„Мы пришли теперь къ мрачному средневѣковому періоду отъ XIII до XV вѣка, въ теченіе котораго католико-феодальный міръ прошелъ черезъ ужасный кризисъ. Перечтите V-й томъ „Исторіи Франціи“ Мишлэ, книгу Кальмеля, объ эпидемическихъ проявленіяхъ умопомѣшательства, и недавнюю работу, третій томъ „Исторіи Франціи“ Lavisse'а, обнимающій царствованія Людовика Святого, Филиппа Красиваго и т. д., отъ 1226 до 1328, разработанныя Langlois. Эти книги даютъ идею о психическомъ состояніи страны въ эти эпохи. Помѣшательство становится эндемичнымъ на всемъ Западѣ. Оно проявляется въ процессіяхъ бичевальщиковъ (flagellants), въ конвульсивныхъ болѣзняхъ, какъ хореоманія, пляска св. Витта, тарантелла, макабрской танецъ. Въ первые годы XV вѣка, нищета народа ужасающая, голодные годы слѣдуютъ одинъ за другимъ, народъ голодаетъ, мозгъ людей возбужденъ, самъ король французскій Карлъ VI — умалишенный. При этомъ общемъ возбужденіи общественная опасность ростетъ.

---

[1]) *Константиновскій*. Русское законодательство объ умалишенныхъ, 1887 г. стр. 114.

[2]) Напомнимъ страшное распространеніе скопчества, именно послѣ того, когда Селивановъ былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, и какъ прославляется онъ, какъ мученикъ.

[3]) La Médecine d'autrefois et le Médecin au XX siècle. *Arch. d'Anthropologie Criminelle*. 15 Février 1902, стр. 69—70.

Дьяволъ вмѣшивается въ дѣло, и будетъ мучить человѣчество въ теченіе трехъ вѣковъ. Онъ сначала принимается за низшіе слои общества, самые бѣдные и наиболѣе поддающіеся... Психическая болѣзнь царитъ во всей Европѣ. Сотни тысячъ демономаніаковъ гибнутъ на кострахъ. Въ одномъ трирскомъ курфюрствѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было предано смерти 6.500 колдуновъ... Эпидемія заходитъ и въ монастыри"...

Общая картина нашихъ психическихъ эпидемій далеко не такъ мрачна, но она, можетъ быть, болѣе грозна для будущаго. Хлыстовство,—говорятъ всѣ авторы, изучавшіе его, всѣ имѣющіе съ нимъ дѣло практически, священники, миссіонеры,—необыкновенно живуче; оно крѣпко держится въ народѣ, не исчезаетъ, разъ зародившись, проникаетъ вглубь и въ то же время распространяется вширь, создавая все новыя гнѣзда. Исторія его есть безконечный мартирологъ,—отъ Суслова, котораго пыталъ патріархъ Никонъ, около 1658 г., и до павловцевъ, сосланныхъ на каторгу въ 1902 г.; между тѣмъ, зло охватило половину Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что его внутренній смыслъ, его психологія, а не формула, соотвѣтствуютъ психикѣ народа. Но оно есть отступленіе, возвратъ народа къ первобытнымъ формамъ мышленія и чувства, которыя лежатъ еще такъ поверхностно въ населеніи русскаго центра и сѣверо-востока, такъ свѣжи и близки въ воспоминаніи, что легко выступаютъ наружу и овладѣваютъ народной психикой, какъ только его психическое или тѣлесное здоровье пошатнется или ослабѣетъ. Намъ говорили лица, знающія близко дѣло, что на югѣ штунда прогрессируетъ и захватываетъ все бо̀льшую и бо̀льшую область. Если это вѣрно,—а намъ нѣтъ причины сомнѣваться,—то нельзя не отмѣтить, что богатый, не только земледѣльческій но и промышленный югъ идетъ къ протестантизму, къ частной поземельной собственности. И въ это же время нищій, разоренный, голодающій центръ отступаетъ отъ христіанства и возвращается къ шаманизму, отступаетъ отъ индивидуальнаго брака, отъ семейства, и возвращается къ общности женщинъ и къ гетэризму. Несомнѣнно, это — симптомы очень грозные.

Такое явленіе указываетъ, какъ мы уже говорили, что шаманизмъ, коммунальный бракъ, гетэризмъ, существующіе болѣе или менѣе въ душѣ каждаго племени, у культурныхъ народовъ закрыты, погребены, задушены подъ наслоеніями исторической жизни. Этихъ наслоеній вовсе нѣтъ въ душѣ населенія центра и сѣверо-востока. Исторія шла мимо, не задѣвая его. Оно было пассивнымъ объектомъ московскихъ государственныхъ мѣропріятій,

но оно не жило исторической жизнью, оно не работало исторической работы, не участвовало въ созданіи общественнаго организма. Московскіе государи были *собиратели земли русской*, а орловскіе, тульскіе и всякіе другіе жители были собираемые. Жила одна Москва, и она дѣйствительно росла, но ея подвластные не жили, ихъ ростъ былъ искусственно остановленъ. Между тѣмъ, работа есть необходимое условіе здоровья не только для индивидуума, но и для расы; *историческая* жизнь есть также необходимая санитарная потребность народовъ, и лишеніе ея влечетъ за собою психическія болѣзни, вырожденіе, одичаніе. Не средневѣковые костры, не пытки и тому подобное, лечатъ болѣзни народной психики и психическія эпидеміи...

Д-ръ П. Якобій.

г. Орелъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ВОПРОСЫ

Постоянно повторявшіяся волненія среди учащейся молодежи и все возроставшіе размѣры этихъ волненій настолько нарушали, въ особенности въ послѣдніе годы, нормальное теченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, что невольно заставляли задумываться надъ будущностью нашего высшаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагаемое нашимъ правительствомъ въ недалекомъ будущемъ преобразованіе нашихъ университетовъ такъ живо затрогиваетъ самые жизненные интересы просвѣщенія, что естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о коренныхъ принципахъ, на которыхъ возможна и желательна реорганизація всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. При этомъ, само собою разумѣется, особо важное значеніе имѣетъ вопросъ именно объ университетахъ, какъ объ учебныхъ заведеніяхъ, первенствующихъ и по своему научному значенію, и по роли, которую они играютъ у насъ въ области просвѣщенія государства, а равнымъ образомъ и по численности своихъ слушателей, во много разъ превышающей число учащихся во всѣхъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, и среди которыхъ университеты безспорно и давно уже заняли— не случайно, а въ силу исторически сложившейся необходимости —господствующее, центральное положеніе.

Образовывая массу людей, занимающихъ затѣмъ самыя разнообразныя положенія въ государствѣ и готовя вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не большую часть наставниковъ юношества, даже въ спеціальныхъ заведеніяхъ,—университеты всегда оказывали и ока-

зываютъ могущественное вліяніе на міровоззрѣніе всего нашего общества и на ту умственно-нравственную атмосферу, въ которой протекаетъ вся общественная и даже—въ значительной степени—государственная жизнь нашего отечества. Потому все то, что̀ въ нихъ происходитъ, и все, что̀ такъ или иначе ихъ касается, вліяетъ прямо или косвенно на все, что̀ имѣетъ значеніе для высшаго образованія вообще—и неизбѣжно отражается въ особенности на всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы они и не находились въ непосредственной связи съ университетами. Въ виду такого положенія, занимаемаго университетами, очевидно, что если желать исцѣленія тѣхъ недуговъ, которыми въ настоящее время столь очевидно страдаетъ наше высшее образованіе, и если имѣть въ виду серьезное упорядоченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то необходимо прежде всего установить прочный, разумный и цѣлесообразный порядокъ въ университетахъ; а это въ свою очередь возможно только подъ условіемъ внимательнаго изученія ихъ положенія и всесторонняго изысканія дѣйствительныхъ причинъ, обусловливающихъ то печальное положеніе, въ которомъ они находятся,—положеніе, которое можетъ привести ихъ въ состояніе разложенія.

Приступая къ разсмотрѣнію университетскаго вопроса съ такой точки зрѣнія, нельзя не начать хотя бы съ бѣглаго обзора мнѣній и взглядовъ, нынѣ господствующихъ не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ, на причины университетскихъ волненій, и нельзя не сказать нѣсколько словъ, хотя бы объ общемъ характерѣ тѣхъ мѣръ, къ которымъ до сего времени прибѣгали для борьбы съ ними.

I.

Причины университетскихъ волненій и въ особенности тѣхъ размѣровъ, которые они принимали, а равно трудности борьбы съ ними, многіе видятъ, главнымъ образомъ, въ многолюдствѣ нашихъ университетовъ и считаютъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для упорядоченія ихъ жизни — или принятіе мѣръ къ сокращенію числа студентовъ, или расчлененіе университетовъ на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга спеціальныхъ школъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ факультетамъ. Такія предложенія, которыя на первый взглядъ могутъ показаться поверхностному наблюдателю едва ли не вѣрнѣйшимъ и простѣйшимъ выходомъ изъ затрудненій,—оказываются однако,

при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ дѣломъ, лишенными всякаго серьезнаго основанія и не соотвѣтствующими дѣйствительности, ибо, во-первыхъ, опытъ неопровержимо доказалъ, что возникновеніе и интенсивность студенческихъ волненій не имѣютъ непосредственной связи съ численностью студентовъ того или другого заведенія, такъ какъ нерѣдко безпорядки возникали и достигали серьезнаго развитія не въ однихъ многолюдныхъ университетахъ, но также и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, число слушателей которыхъ не равняется составу не только университетскаго факультета, но даже отдѣльнаго его курса. Такъ напримѣръ, еще недавно волненія, принявшія весьма острый характеръ, происходили въ ярославскомъ юридическомъ лицеѣ, число слушателей котораго едва достигаетъ двухсотъ; точно также за послѣдніе годы безпорядки, принимавшіе самый рѣзкій характеръ такъ-называемыхъ „забастовокъ" и „обструкцій", возникали почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно безотносительно къ наличному числу ихъ слушателей. Что же касается до предложенія объ обращеніи университетскихъ факультетовъ въ отдѣльныя школы, то оно настолько же не соотвѣтствуетъ всему историческому развитію нашего высшаго образованія, насколько оно противорѣчитъ всему, къ чему непрерывно стремилось наше правительство, всегда понимавшее существенное различіе между высшими школами прикладныхъ знаній и *университетскимъ* образованіемъ, которое даже въ томъ случаѣ, когда къ нему стремятся изъ-за практическихъ, житейскихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе сохраняетъ болѣе широкій, научный, а не только непосредственно прикладной характеръ. Въ виду того правительство, поощряя возникновеніе и умноженіе высшихъ школъ, курсъ коихъ направленъ на изученіе собственно прикладныхъ наукъ, всегда, тѣмъ не менѣе, отводило первенствующее мѣсто университетамъ, какъ учрежденіямъ, которыя, несмотря на спеціальный характеръ отдѣльныхъ своихъ факультетовъ, удовлетворяютъ самымъ широкимъ жизненнымъ потребностямъ государства и общества, далеко выходящимъ за предѣлы однихъ прикладныхъ знаній, и при томъ сохраняютъ поддерживаемое тысячами нитей—незамѣтныхъ только поверхностному наблюдателю—единство, возвышающее значеніе какъ отдѣльныхъ наукъ, такъ и общей ихъ совокупности; а это и создаетъ ту высшую идеально-научную атмосферу, которая питаетъ не одни только университеты, но и всѣ, хотя бы самыя спеціальныя, высшія учебныя заведенія. Но независимо отъ выполненія этой высшей научной задачи, объединеніе факультетовъ въ одномъ учрежденіи имѣетъ еще то громадное образователь-

ное значеніе, что оно, облегчая общеніе людей, посвящающихъ себя самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ, не даетъ юношеству слишкомъ рано замкнуться въ односторонней, личной своей работѣ и, не препятствуя спеціализаціи, необходимой въ высшемъ образованіи, поддерживаетъ въ массѣ общность научныхъ интересовъ, болѣе же даровитымъ и серьезнымъ студентамъ даетъ возможность пополнять свое общее образованіе внѣ своей спеціальности; возможность и польза того въ принципѣ признаются даже уставомъ 1884 года, столь узкимъ и одностороннимъ во многихъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе допускающимъ, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ, нѣкоторую свободу слушанія лекцій. Затѣмъ, мысль о необходимости соединенія въ одномъ учрежденіи различныхъ спеціальностей, даже въ области прикладныхъ знаній (вмѣсто распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ независимымъ школамъ) пріобрѣла въ настоящее время право гражданства повсюду и съ успѣхомъ получаетъ осуществленіе у насъ въ видѣ учрежденія „политехникумовъ“, которые въ сущности представляются не чѣмъ инымъ, какъ университетами прикладныхъ знаній, въ которыхъ спеціальности, прежде составлявшія исключительный предметъ вѣдомства отдѣльныхъ школъ, теперь распредѣлены по факультетамъ политехникума. Даже во Франціи, не безъ основанія гордящейся своими высшими школами, и гдѣ разъединеніе факультетовъ возводилось въ принципъ въ теченіе всего почти XIX-го столѣтія, въ настоящее время сознана польза и даже необходимость вовсоединенія факультетовъ,—не касаясь высшихъ спеціальныхъ школъ, которыя продолжаютъ процвѣтать,—и образованія изъ нихъ соединенныхъ заведеній въ видѣ университетовъ въ германскомъ и нашемъ смыслѣ.

Расчлененіе въ настоящее время нашихъ университетовъ на спеціальныя школы, т.-е. упраздненіе самыхъ университетовъ, противорѣча такимъ образомъ не только общему развитію просвѣщенія, но и всему, къ чему всегда стремилось наше правительство, нанесло бы тяжкій, непоправимый ударъ русскому просвѣщенію.

Другіе видятъ главную причину студенческихъ волненій въ томъ, что студенты университетовъ, будто бы, недостаточно работаютъ, и что занятія ихъ недостаточно подчинены контролю, и такимъ образомъ объясняютъ университетскіе безпорядки, главнымъ образомъ, „праздностью студентовъ“, и въ связи съ тѣмъ указываютъ, какъ на средство борьбы съ безпорядками, на примѣненіе къ университетамъ учебныхъ порядковъ, практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеніяхъ и близко под-

ходящихъ къ школьнымъ, т.-е. порядковъ, основанныхъ „на урочной работѣ студентовъ“, постоянно контролируемой репетиціями, повѣрочными задачами и т. п.

Нисколько не отрицая того, что учебный строй нашихъ университетовъ требуетъ серьезныхъ поправокъ, мы глубоко убѣждены, что вышеуказанное мнѣніе и основанныя на немъ предположенія не только грѣшатъ значительнымъ преувеличеніемъ, но и принципіально ошибочны и нецѣлесообразны. Прежде всего нельзя не указать на то, что упрекъ, такъ часто дѣлаемый нашимъ студентамъ въ томъ, что они слишкомъ мало работаютъ въ теченіе года, справедливъ главнымъ образомъ только по отношенію къ юристамъ, которые въ большинствѣ ограничиваются однимъ приготовленіемъ къ экзаменамъ, но лишенъ основанія если не по отношенію всѣхъ, то большинства медиковъ, естественниковъ, математиковъ, студентовъ историко-филологическаго и восточнаго факультетовъ. Но если бы даже этотъ упрекъ и былъ болѣе основателенъ, чѣмъ то оказывается въ дѣйствительности, то и тогда, и несмотря на желательность бо̀льшаго контроля надъ работой студентовъ,—введеніе въ университетскія занятія школьныхъ порядковъ принесетъ только вредъ, въ особенности если порядки эти будутъ установлены не самими университетами, а будутъ регламентированы общими распоряженіями, исходящими изъ центральнаго управленія министерства. Университетскія занятія настолько многочисленны и разнообразны, даже въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, что ихъ невозможно подвести подъ общія нормы, обязательныя для отдѣльныхъ преподавателей и студентовъ,—и еще менѣе для цѣлыхъ курсовъ и факультетовъ; только сами университеты могутъ цѣлесообразно организовать свой учебный строй,—всякія же попытки регламентировать его общими распоряженіями поведутъ, какъ давно уже доказалъ опытъ, къ ослабленію научныхъ занятій и къ ихъ упадку. Что же касается до надежды пресѣчь университетскія волненія и сдѣлать невозможнымъ самое возникновеніе безпорядковъ путемъ распространенія на университеты учебнаго строя, близко подходящаго къ школьному, въ силу коего студенты заняты возможно большее время работами, подчиненными непрерывной повѣркѣ,—то и эта надежда лишена всякаго основанія и прямо противорѣчитъ уже имѣющемуся опыту, который доказываетъ, съ одной стороны, что безпорядки—и притомъ нерѣдко въ весьма острой формѣ,—находятъ себѣ благопріятную почву и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ студенты не только очень заняты, но даже обременены обяза-

тельными работами, что̀ не дѣлаетъ ихъ, однако, менѣе воспріимчивыми къ волненіямъ, а съ другой стороны,—въ заведеніяхъ, наиболѣе сходныхъ по своему учебному строю съ университетами, какъ, напримѣръ, въ военно-медицинской академіи, студенты менѣе склонны волноваться, чѣмъ гдѣ-либо, и не потому, чтобы они были подчинены какому-либо особому режиму, а потому, что въ академіи нашли возможнымъ примѣнить къ нимъ организацію, болѣе соотвѣтствующую ихъ собственнымъ истиннымъ нуждамъ и потребностямъ.

Все это ясно доказываетъ, насколько безцѣльно смѣшивать вопросы чисто учебные съ вопросами объ охранѣ внѣшняго порядка, и на дѣлѣ оказывается, что интересы внѣшняго порядка вовсе не обезпечиваются такимъ подчиненіемъ, а напротивъ, достигаются съ успѣхомъ совершенно иными путями.

Нѣкоторые, признавая только-что высказанное нами соображеніе, видятъ средство борьбы съ волненіями въ устройствѣ общежитій, обезпечивающихъ матеріальное существованіе извѣстнаго числа студентовъ и образующихъ сплоченное, будто бы, ядро студенчества, могущее, если оно должнымъ образомъ дисциплинировано, служить оплотомъ противъ волненій. Но и эта мѣра, сама по себѣ полезная и желательная, въ дѣйствительности вовсе не разрѣшаетъ университетскихъ вопросовъ и лишь въ очень ничтожной мѣрѣ оказываетъ вліяніе на общій порядокъ въ университетѣ, что̀ объясняется тѣмъ, что студенты, поступающіе въ общежитія, въ виду личной нужды и исключительно изъ матеріальныхъ соображеній, далеко не всегда заключаютъ въ себѣ элементы, склонные къ сближенію другъ съ другомъ и способные соединиться во имя общихъ интересовъ; поэтому общежитія, представляя собою лишь случайное соединеніе студентовъ, хотя бы внѣшнимъ образомъ и дисциплинированныхъ, но стоящихъ почти всегда какъ бы въ сторонѣ отъ массы студенчества,—могутъ мало вліять на эту массу и на общій порядокъ въ университетахъ.

Иные указываютъ на слишкомъ снисходительное, будто бы, отношеніе власти къ студентамъ и видятъ единственное средство борьбы съ волненіями въ усиленіи репрессіи. Что касается до этого взгляда, то вся его нецѣлесообразность уже давно доказана опытомъ, ибо въ сущности никакихъ другихъ способовъ борьбы или предупрежденія безпорядковъ, кромѣ усиленія полицейскаго режима, строгости и угрозъ, у насъ не примѣнялось. Въ послѣднее же время репрессія, все усиливаясь, достигла своего кульминаціоннаго пункта во временныхъ правилахъ объ отбываніи

воинской повинности. Между тѣмъ, въ эти именно годы волненія не только не прекратились, но напротивъ, приняли наиболѣе острую и вредную форму въ видѣ „забастовокъ“ и „обструкцій“. Такимъ образомъ, усиленіе изъ года въ годъ репрессіи привело лишь къ результатамъ совершенно обратнымъ тѣмъ, къ которымъ стремились; конечно, все это не доказываетъ еще, чтобы *во время* безпорядковъ репрессивныя мѣры были ненужны, но подтверждаетъ въ тысячный разъ ту несомнѣнную истину, что никакимъ учебнымъ заведеніемъ, а тѣмъ болѣе высшимъ, невозможно управлять однѣми мѣрами строгости, угрозами и внѣшнею регламентаціею, и что какія бы то ни было мѣры, не опирающіяся *на внутренній авторитетъ* самого заведенія и не вытекающія изъ собственныхъ его условій жизни, не въ состояніи упорядочить жизнь учебнаго заведенія, не только высшаго, но и вообще всякаго. Даже самая репрессія дѣйствительна и достигаетъ цѣли только тогда, когда и она опирается не на одну внѣшнюю силу, но также и на тотъ внутренній авторитетъ, на который мы только-что указали.

Наконецъ, многіе склонны приписывать непорядки, господствующіе въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, неудовлетворительности подготовки, даваемой нашей среднею школою. Мы, съ своей стороны, придавая правильной постановкѣ средняго образованія первостепенную важность, полагаемъ, однако, что наивно было бы ожидать, чтобы переработка программъ въ смыслѣ упраздненія преподаванія однихъ предметовъ и замѣны ихъ другими, а равно замѣщеніе нынѣшнихъ главныхъ типовъ средней школы, т.-е. гимназій и реальныхъ училищъ, такъ-называемою (далеко не вѣрно) „единою школою“ [1]), могла оказать какое-либо воздѣйствіе на упорядоченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ если что-либо въ организаціи средней школы и можетъ повліять на эту жизнь, то, очевидно, не программы этихъ школъ, не типы ихъ (безразлично, будутъ ли признаны господствующими, или „единственными“, общіе типы „правительственной школы“), а тѣ внутренніе порядки, тѣсно связанные съ понятіемъ, которое въ педагогикѣ принято назы-

---

[1]) Такое мнѣніе не только недавно преобладало въ печати, но и составляло часть правительственной программы по преобразованію средней школы. Къ счастью для нашего просвѣщенія, какъ кажется, эти предположенія нынѣ оставлены, и во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о единой школѣ похоронена (будемъ надѣяться—навсегда). Въ то же время—нынѣшнее управленіе министерства народнаго просвѣщенія, повидимому, уже не возлагаетъ, какъ то дѣлалось прежде, на среднюю школу отвѣтственность за все, что дѣлается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

вать „школьною политикою", въ прямой зависимости отъ коей находятся взаимныя отношенія власти, общества, семьи и школы, а равно взаимныя отношенія всѣхъ частей школы (учащихъ, учащихся и управленія) другъ къ другу, чѣмъ и опредѣляется весь воспитательный строй, т.-е. духъ и направленіе школы.

Эти же важные факторы школьной жизни могутъ быть одинаково разумны и плодотворны, или наоборотъ, вредны и нецѣлесообразны во всякой школѣ независимо отъ того, будетъ ли допущено разнообразіе типовъ школъ, вызываемое современными требованіями просвѣщенія, или же будетъ навязана странѣ—хотя бы съ самыми добрыми намѣреніями и подъ самыми громкими и популярными наименованіями—одна единая школа.

Что упраздненіе одной системы образованія и замѣна ея другою—въ смыслѣ поощренія классицизма или реализма, или въ смыслѣ поощренія единства или разнообразія типовъ—остается безъ вліянія на упорядоченіе жизни высшихъ учебныхъ заведеній, доказывается не только опытомъ всего міра, но и исторіей нашей собственной школы. Какъ извѣстно, въ концѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, классицизмъ былъ изгнанъ изъ нашихъ гимназій, точно также, какъ онъ изгоняется въ настоящую минуту, а равнымъ образомъ была пріостановлена организація отдѣльныхъ отъ гимназіи реальныхъ училищъ, возникновеніе коихъ правительство до того поощряло; при этомъ была создана школа, претендовавшая стать общею и господствующею, съ которой представляетъ нѣкоторое сходство нынѣ организуемая средняя школа единаго общаго правительственнаго типа; но это тогда вовсе не подняло нашего средняго образованія, а напротивъ, понизило его, и на упорядоченіе жизни высшихъ учебныхъ заведеній и въ особенности университетовъ не оказало вліянія; напротивъ, именно въ періодъ существованія этой школы возникли первыя студенческія волненія, не уступавшія затѣмъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по своимъ размѣрамъ безпорядкамъ послѣднихъ лѣтъ. Что же касается до сложившейся въ послѣдніе годы легенды объ удивительныхъ, будто бы, достоинствахъ этой школы начала пятидесятыхъ годовъ, то она сложилась только подъ вліяніемъ смутныхъ воспоминаній и одностороннихъ тенденцій, совершенно не соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Точно также безъ вліянія на настроенія высшихъ заведеній оказались преобразованія средней школы при А. В. Головнинѣ, въ 1864 году, и при графѣ Д. А. Толстомъ, въ 1871—72 годахъ, хотя реформы эти произошли въ совершенно противоположномъ направленіи. Здѣсь, само собою разумѣется, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе существа этихъ пре-

образованій и оцѣнивать причины слабаго вліянія, оказаннаго ими на университетское образованіе, но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и нынѣ предпринятая реформа (которая по своему существу и пріемамъ скорѣе походитъ на переворотъ), уже по одному тому, что она не касается ни одной изъ сторонъ организаціи средней школы, связывающихъ ее съ университетами и способныхъ оказать вліяніе на послѣдніе,—быть можетъ, еще менѣе всѣхъ предшествующихъ реформъ способна оказать вліяніе на упорядоченіе нашего высшаго образованія. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была подготовка, даваемая среднею школой, университеты и вообще высшія учебныя заведенія не выйдутъ изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, если въ нихъ самихъ не разовьется сила переработать и ассимилировать тѣ элементы, которые въ нихъ поступаютъ. Причемъ, какъ мы уже указали выше, эта цѣль не можетъ быть достигнута ни силою, ни тѣми внѣшними, общими или частными мѣрами, которыя мы перечислили. Благопріятные же результаты могутъ получиться только путемъ внутренняго преобразованія самихъ университетовъ и коренного измѣненія отношеній къ нимъ администраціи и общества, ибо причины той неурядицы, которая, подобно пѣнѣ, хронически всплываетъ на поверхность, коренятся не внѣ университетовъ, а глубоко въ самой ихъ организаціи, и въ значительной мѣрѣ передаются ими другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ,—а потому только въ ясномъ уразумѣніи и изслѣдованіи этихъ причинъ можно найти и средства для исцѣленія недуговъ, которыми страдаетъ наше высшее образованіе.

Настоящая работа наша и поставляетъ себѣ цѣлью сдѣлать хотя бы слабую попытку раскрыть эти причины.

Очевидно, что одинъ пересмотръ университетскаго устава и уставовъ другихъ заведеній еще далеко не исчерпываетъ этотъ широкій и сложный вопросъ, въ которомъ первенствующее значеніе должны имѣть: постановка научно-учебной части, отношеніе къ наукѣ самихъ университетовъ, а равно общества и правительства, вопросъ о положеніи, которое должно быть дано университету въ государствѣ, и т. п. Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать также и чрезвычайную важность вопроса о той или другой организаціи университетовъ, такъ какъ отъ нея зависятъ условія ихъ дѣятельности,—условія, оказывающія могущественное вліяніе на ихъ развитіе и направленіе. Въ виду чего, всестороннее выясненіе университетскаго вопроса и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ, т.-е. въ предѣлахъ пересмотра устава, пріобрѣтаетъ высокій интересъ и значеніе, особенно въ такую минуту, какъ

настоящая, когда пересмотръ этотъ поставленъ на очередь правительствомъ. Широкое участіе, предоставленное университетамъ въ обсужденіи вопроса, несомнѣнно можетъ обезпечить правильность его рѣшенія. Но важность предмета, затрогивающаго самые разнообразные интересы общества и государства, побуждаетъ тѣмъ не менѣе и лицъ, къ университетамъ не принадлежащихъ, но принимающихъ близко къ сердцу судьбы нашего просвѣщенія, высказаться по этому вопросу. Въ виду чего и мы, желая внести свою скромную лепту въ дѣло его разработки, посвящаемъ ему настоящія наши статьи.

Правильное рѣшеніе всякаго вопроса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ условій: отъ избранія вѣрной точки отправленія и отъ сосредоточенія сужденій на самомъ существѣ предмета,—съ исключеніемъ, по возможности, постороннихъ соображеній и побужденій, изъ вопроса не вытекающихъ и непосредственно съ нимъ не связанныхъ. Очевидно, что наличность этихъ двухъ условій необходима и для правильнаго рѣшенія вопроса о реорганизаціи нашихъ университетовъ.

Изъ вопросовъ, поставленныхъ министерствомъ на рѣшеніе университетовъ, можно заключить, что первое условіе, т.-е. правильная точка отправленія, въ настоящее время имѣется на лицо, и что вопросъ будетъ разсмотрѣнъ всесторонне и исчерпывающимъ образомъ. Остается желать, чтобы было соблюдено и второе условіе, т.-е. чтобы вопросъ объ организаціи университетовъ былъ рѣшенъ сообразно нуждамъ собственно просвѣщенія, а не подъ вліяніемъ чуждыхъ ему соображеній, какъ то уже не разъ бывало при слишкомъ, къ несчастію, частыхъ измѣненіяхъ университетской организаціи (въ теченіе менѣе ста лѣтъ она измѣнялась уже пять разъ),—измѣненіяхъ, происходившихъ то подъ живымъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ событій, имѣющихъ весьма мало отношенія къ просвѣщенію; то въ видахъ полицейской репрессіи и водворенія чисто внѣшняго благочинія; то подъ вліяніемъ доктринъ и теорій совершенно противоположнаго направленія, и притомъ съ вопросами просвѣщенія мало связанными. Точно также будемъ надѣяться, что вопросъ о реорганизаціи университетовъ не будетъ поставленъ на почву злополучнаго спора нашихъ такъ называемыхъ „охранителей“ и „либераловъ“, въ томъ своеобразномъ пониманіи этихъ терминовъ, которое нынѣ установилось у насъ, и благодаря которому „охранители“ подъ-часъ являются революціонерами гораздо болѣе самыхъ завзятыхъ „либераловъ“, а „либералы“ проповѣдуютъ,

часто того не замѣчая, худшую реакцію, чѣмъ самые отчаянные „охранители".

Впрочемъ, изъ всего, что до сихъ поръ намъ приходилось читать и слышать по университетскому вопросу, видно, что нынѣ всѣ безъ исключенія въ одномъ согласны, а именно въ томъ, что оставить наши университеты въ нынѣшнемъ ихъ положеніи невозможно. Затѣмъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ органовъ печати, всегда относившихся враждебно къ университетамъ,—всѣ сходятся въ убѣжденіи, что учебный, дисциплинарный и всякій иной порядокъ возможно установить въ университетахъ, только опираясь на авторитетъ самихъ же университетовъ, въ виду чего и управлять университетами возможно лишь черезъ университеты же. Съ этими общими положеніями согласится, мы думаемъ, всякій, кто безъ предвзятой мысли и безъ предубѣжденія вдумается въ сущность университета, какъ научно-образовательнаго учрежденія, и кто пойдетъ въ своемъ представленіи о порядкѣ и благоустройствѣ учебнаго заведенія вообще сколько-нибудь далѣе понятія объ одномъ лишь внѣшнемъ, такъ сказать, „полицейскомъ порядкѣ", основанномъ исключительно на соблюденіи внѣшняго благочинія. Отвергать эти положенія тѣмъ болѣе трудно въ настоящее время, когда долговременный опытъ, повидимому, убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что самое послѣдовательное и суровое воздѣйствіе власти, вооруженной всѣми способами внѣшней репрессіи, оказывается безрезультатнымъ, если оно не имѣетъ опоры во внутреннемъ авторитетѣ самого университета.

II.

Необходимость положить въ основу университетскаго управленія авторитетъ университетской коллегіи настолько уже выяснена всѣмъ тѣмъ, что писалось и говорилось по этому предмету, что представляется намъ въ настоящее время труизмомъ, едва-ли требующимъ доказательствъ. А потому мы находимъ достаточнымъ сказать только съ своей стороны, что въ этомъ нашемъ всегдашнемъ убѣжденіи насъ укрѣпилъ многолѣтній личный опытъ и наблюденія надъ дѣйствіемъ различныхъ уставовъ въ крупнѣйшемъ изъ нашихъ университетовъ.

Но, сходясь въ общихъ положеніяхъ относительно университетскаго вопроса, взгляды у насъ значительно расходятся во многомъ, касающемся предметовъ и способовъ осуществленія этихъ общихъ положеній, причемъ на первый планъ выступаютъ вопросы: о

порядкѣ образованія университетской коллегіи и ея составѣ; о порядкѣ назначенія ректора и декановъ и о предѣлахъ ихъ вѣдомства; о функціяхъ отдѣльныхъ органовъ университетскаго управленія (совѣта, факультетовъ, правленія, инспекціи), и объ отношеніяхъ высшей учебной администраціи къ университетамъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ въ печати высказывались болѣе или менѣе разнообразныя мнѣнія, а потому мы рѣшаемся посвятить ихъ выясненію настоящія строки.

Наименьшее разномысліе возбуждаетъ первый вопросъ, т.-е. вопросъ о способѣ пополненія профессорской коллегіи. Въ этомъ отношеніи всѣ почти признаютъ желательнымъ замѣщеніе каѳедръ путемъ избранія профессоровъ самими университетами. На эту точку зрѣнія стало и министерство народнаго просвѣщенія, которое уже нѣсколько лѣтъ перестало пользоваться правомъ назначенія профессоровъ и предоставило ихъ выборъ совѣтамъ университетовъ. Мы, съ своей стороны, безусловно сочувствуемъ такому взгляду и глубоко увѣрены, что другимъ способомъ едва-ли возможно правильно организовать пополненіе профессорскихъ коллегій и обезпечить желательное развитіе нашихъ университетовъ.

Нельзя забывать, что университеты суть не только учебныя заведенія, но и научныя учрежденія, а потому преслѣдуютъ двоякую цѣль, а именно: *научнаго образованія* (а не только обученія въ тѣсномъ смыслѣ) юношества, и въ то же время развитія и разработки самой науки, причемъ успѣшное выполненіе первой задачи находится въ прямой и необходимой зависимости отъ достиженія второй цѣли. Университетъ можетъ научно образовывать своихъ слушателей ровно настолько, насколько онъ самъ проникнутъ научными стремленіями и насколько онъ является дѣйствительнымъ центромъ развитія и разработки науки. Въ этой коренной основѣ университета заключается главное отличіе его отъ всякой другой школы и отличіе профессора отъ учителя. При настоящемъ же положеніи науки, для того, чтобы университеты могли достичь этого своего высшаго назначенія, имъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима работа не однихъ только выдающихся—и всегда рѣдкихъ—свѣтилъ науки, вносящихъ въ нее свое высшее творчество, но и работа ихъ послѣдователей, а равно вообще людей, преданныхъ наукѣ и группирующихся соотвѣтственно избраннымъ ими научнымъ теченіямъ и направленіямъ. Другими словами, необходима возможность образованія въ университетѣ „научной школы“ или „научныхъ школъ“ (въ смыслѣ научныхъ направленій), соединяющихъ людей во имя

общихъ научныхъ взглядовъ и стремленій, направленныхъ, съ одной стороны, на выработку и преемственное наслоеніе научныхъ тенденцій, а съ другой стороны—на непрерывное изысканіе путей научнаго изслѣдованія.

Такая группировка научныхъ силъ даетъ, правда, каждому отдѣльному научному центру—какими являются университеты и ихъ факультеты—свой особый индивидуальный обликъ, въ смыслѣ опредѣленнаго научнаго направленія, и опасаться, чтобы это послужило во вреду полноты всесторонней разработки науки, нѣтъ никакого основанія. Напротивъ, совокупность работы всѣхъ университетовъ при все возростающей научной конкурренціи, знаменующей наше время, всегда обезпечитъ эту полноту и всесторонность, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что самыя разнообразныя научныя теченія найдутъ себѣ въ университетахъ необходимый просторъ.

Если же признать необходимость, или хотя бы пользу группировки научныхъ силъ въ указываемомъ нами смыслѣ, то естественнымъ послѣдствіемъ должно явиться признаніе за университетами права самодѣятельной оцѣнки ими лицъ, желающихъ вступить въ нихъ, и право пополнять свой составъ путемъ избранія.

Противники такого порядка замѣщенія каѳедръ ссылаются обыкновенно на то, будто выборная система, примѣненная къ университетамъ, вызываетъ въ нихъ нежелательныя явленія, какъ-то: партійность, непотизмъ, пристрастіе и т. п., а потому ведетъ къ произвольному и часто несправедливому замѣщенію каѳедръ въ ущербъ научнымъ интересамъ университета. Противъ такого утвержденія мы позволимъ себѣ возразить, во-первыхъ, что всякой системѣ замѣщенія должностей, какъ въ дѣлѣ, затрогивающемъ массу личныхъ и разнообразныхъ интересовъ, отношеній и т. п., всегда возможны недоразумѣнія и другія нежелательныя явленія. Совершенной системы замѣщенія должностей вообще нѣтъ, а потому приходится выбирать ту, которая болѣе соотвѣтствуетъ существу того учрежденія, къ которому она примѣняется, и которая влечетъ за собою наименѣе невыгодныя послѣдствія; и кромѣ того, — съ этой точки зрѣнія система замѣщенія каѳедръ путемъ выборовъ, соотвѣтствуя — какъ мы только-что выяснили—болѣе всякой другой цѣлямъ и задачамъ университета—несмотря на нѣкоторые свои недостатки, болѣе обезпечиваетъ замѣщеніе каѳедръ отъ случайнаго и произвольнаго ихъ замѣщенія, чѣмъ система чисто-административнаго назначенія профессоровъ. Если говорить объ этой послѣдней си-

стемѣ, то никто, мы думаемъ, не станетъ отвергать, что министръ и его подчиненные, какъ бы образованы они ни были, сами едва-ли могутъ признать себя компетентными самолично оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ на каѳедры по всѣмъ разнообразнымъ спеціальностямъ университетскаго преподаванія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ имъ придется обращаться къ содѣйствію спеціалистовъ и руководствоваться ихъ отзывами, причемъ возможенъ двоякій способъ дѣйствія власти, рѣшающей вопросъ о назначеніи профессора. Или спеціалисты, отъ которыхъ будутъ требоваться отзывы, не будутъ заранѣе намѣчены и способъ и порядокъ обращенія къ нимъ *не будетъ облеченъ въ форму опредѣленной организаціи*, и будетъ каждый разъ зависѣть отъ усмотрѣнія министерства—въ такомъ случаѣ и выборъ спеціалистовъ, къ которымъ будутъ обращены запросы, и самые отзывы ихъ—будутъ чисто случайные и не представятъ никакой гарантіи правильнаго и цѣлесообразнаго замѣщенія каѳедры; *или же обращеніе къ спеціалистамъ* можетъ получить форму постоянной организаціи, путемъ учрежденія при министерствѣ постоянной коммиссіи или совѣта, призваннаго обсуждать вопросъ о замѣщеніи каѳедръ и оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ, ищущихъ ихъ. Но такая коллегія спеціалистовъ будетъ отличаться отъ университетской развѣ тѣмъ, что она будетъ менѣе освѣдомлена относительно потребностей даннаго университета. Что же касается до партійности, непотизма и научнаго пристрастія, то господство ихъ едва-ли кто-либо рѣшится признать необходимымъ аттрибутомъ какой бы то ни было коллегіи,—*возможно же* оно въ коллегіи спеціалистовъ при министерствѣ, точно также какъ и въ университетѣ. Ссылка же, которую иногда дѣлаютъ на то, что первая изъ этихъ коллегій, не будучи непосредственно заинтересована въ замѣщеніи каѳедры тѣмъ или другимъ лицомъ, представляетъ бо̀льшую гарантію безпристрастной и справедливой оцѣнки кандидатовъ, а потому выгоднѣе для самихъ университетовъ, представляется намъ совершеннымъ софизмомъ. Если говорить о заинтересованности въ замѣщеніи каѳедры, какъ о вопросѣ, затрогивающемъ научные и общіе интересы университета, то странно видѣть выгоду въ томъ, что въ рѣшеніи этого вопроса будутъ участвовать лица или учрежденія, стоящія совершенно внѣ этихъ интересовъ и могущія относиться къ нимъ безразлично или равнодушно. Если же подразумѣвать личный интересъ отдѣльныхъ членовъ коллегіи въ назначеніи того или другого лица, то, во-первыхъ, и въ университетѣ трудно себѣ

представить, чтобы не только всѣ, но даже большинство могло имѣть подобный интересъ, а во-вторыхъ, личныя соображенія и разсчеты могутъ имѣть мѣсто и въ центральномъ учрежденіи, какъ и во всякомъ другомъ [1]).

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что система назначенія профессоровъ помимо избранія ихъ университетами, не соотвѣтствуя, съ одной стороны, самому существу сихъ послѣднихъ, съ другой стороны—не только не представляетъ какихъ-либо особыхъ гарантій правильности и цѣлесообразности замѣщенія каѳедръ, но напротивъ, способствуетъ въ иныхъ случаяхъ усиленію исвательства и угодничества, а въ другихъ—излишней щепетильности и склонности видѣть посягательство на свою самостоятельность и достоинство тамъ, гдѣ этого нѣтъ, и въ концѣ концовъ деморализируетъ университеты. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида то соображеніе, что при выборной системѣ замѣщенія каѳедръ, по крайней мѣрѣ въ случаѣ явныхъ нарушеній и неправильностей, возможенъ коррективъ въ видѣ права высшей учебной администраціи утверждать или не утверждать избранныхъ кандидатовъ; при административномъ же назначеніи не можетъ быть никакого корректива, даже при нарушеніи условій, опредѣленныхъ закономъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, примѣненіе на дѣлѣ системы назначенія — на лицо, такъ какъ она практиковалась у насъ болѣе десяти лѣтъ, но не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Мы лично, стоя долгое время близко къ высшей учебной администраціи, были свидѣтелями искренняго стремленія министерства обезпечить университетамъ возможно лучшій учебный персоналъ и желанія соблюдать при этомъ возможную справедливость, но не можемъ признать, чтобы эта цѣль была достигнута и чтобы это повело къ повышенію общаго уровня нашихъ университетскихъ коллегій; думаемъ, напротивъ,—уровень этотъ замѣтно понизился.

Будемъ же надѣяться, что эта крупная ошибка нынѣ дѣйствующаго устава будетъ исправлена, и что принципъ самопополненія университетской коллегіи ляжетъ въ основу новой уни-

---

[1]) Насколько внѣ-университетскія коллегіи спеціалистовъ, призванныя оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ на занятіе каѳедръ, не обезпечиваютъ безпристрастнаго и справедливаго замѣщенія таковыхъ, можно видѣть изъ примѣра Италіи, гдѣ подобныя коллегіи существуютъ, но гдѣ жалобы на ихъ дѣятельность раздаются съ каждымъ днемъ все громче и громче въ научной и общей печати, и проникаютъ въ правительственныя сферы.

[2]) Случаи замѣщенія каѳедры лицами, не обладающими требуемымъ закономъ образовательнымъ цензомъ, бывали.

верситетской организаціи. Но какую бы важность мы ни придавали праву университетовъ пополнять свой составъ по собственному выбору, мы не можемъ не признать еще болѣе существенное значеніе за вопросомъ о корпоративныхъ правахъ университетской коллегіи и вопросомъ о томъ, насколько и въ какомъ порядкѣ на нее будетъ возложено управленіе университетскими дѣлами, контроль и отвѣтственность за нихъ.

Отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса въ значительной степени зависитъ будущность нашихъ университетовъ, а потому мы и остановимся на немъ.

III.

Прежде чѣмъ, однако, приступить къ этой работѣ, мы не можемъ не указать на то, что, помимо вопросовъ собственно объ организаціи университетовъ, существуетъ не мало другихъ условій, способствующихъ развитію той неурядицы, которая нынѣ господствуетъ и разъѣдаетъ наши высшія учебныя заведенія, причемъ условія эти такъ сложны и разнообразны, что для сколько-нибудь правильнаго ихъ уразумѣнія необходимо разбить ихъ хотя бы на главнѣйшія категоріи, сообразно причинамъ ихъ обусловливающимъ и сообразно историческому ихъ происхожденію: одни находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ положеніемъ, въ которое въ университетахъ поставлена учащаяся молодежь, другія зависятъ отъ отношенія къ университетамъ и къ студентамъ властей, стоящихъ внѣ университетовъ, а въ связи съ этимъ—и общества.

Среди первой группы явленій, особенно ярко характеризующихъ ненормальное положеніе университетовъ, занимаетъ безспорно первое мѣсто постепенный *упадокъ всякаго авторитета* между студентами, дошедшій до крайнихъ предѣловъ, въ особенности за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ. Этотъ упадокъ, доводящій университеты до состоянія, близкаго къ разложенію, имѣетъ прежде всего своимъ послѣдствіемъ полное почти безсиліе всей университетской администраціи (т.-е. инспекціи, ректора, правленія и попечителя) подчинить студентовъ своему вліянію (какъ въ учебномъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніи) и въ особенности—возстановить въ ихъ средѣ порядокъ, при обстоятельствахъ, сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Полное недовѣріе, а подчасъ и пренебрежительное отношеніе студентовъ къ заявленіямъ и распоряженіямъ университетскихъ властей, составляетъ въ наши дни самое обычное явленіе, несмотря на

внѣшнюю силу, которою эти власти располагаютъ. Если же тѣнь авторитета еще сохранилась за кѣмъ-нибудь, то за профессорами, никакою внѣшнею силою вовсе не располагающими, хотя, впрочемъ, и это становится, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ студенты чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе склонны относиться подозрительно и къ профессорамъ, видя въ нихъ людей подчиненныхъ, дѣйствующихъ по приказу, а не по убѣжденію.

Между тѣмъ, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, но среди студентовъ въ дѣйствительности и въ настоящее время глубоко коренится сознаніе (быть можетъ, не всегда ясное), что подчиненіе какому-либо авторитету все-таки есть необходимое условіе существованія самаго университета, а слѣдовательно и студентовъ, въ виду чего потребность въ подчиненіи авторитету чрезвычайно сильна между ними, но только направленіе, въ которомъ развивается эта потребность, совершенно извращено тѣми ненормальными условіями, въ которыя поставлена вся наша университетская жизнь. Встрѣчаясь съ авторитетомъ только въ формѣ внѣшней силы и не находя въ университетѣ той высшей нравственной силы, которая зиждется на самомъ его существѣ, какъ высшаго учебнаго заведенія,—потребность юношества въ авторитетѣ приняла ложное направленіе, благодаря которому среди студентовъ зародилась мысль о возможности не только замѣнить исчезающій академическій авторитетъ другимъ, своимъ собственнымъ, студенческимъ авторитетомъ, но и подчинить ему все въ университетѣ. На этой почвѣ стало слагаться убѣжденіе, не чуждое въ настоящее время даже многимъ, въ сущности, серьезнымъ студентамъ, о правѣ студенчества контролировать распоряженія университета, и чуть-ли не о нравственной его обязанности всѣми дозволенными и недозволенными способами противодѣйствовать приведенію въ исполненіе всякаго распоряженія или рѣшенія, неугоднаго студентамъ или непопулярнаго въ ихъ средѣ. Бывали случаи, что студенты заходили даже дальше и, увлекаясь стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ и вся въ университетѣ, присвоивали себѣ право суда надъ профессорами, и при томъ не только по поводу ихъ отношеній къ студентамъ, но и по поводу убѣжденій, высказываемыхъ ими какъ въ университетѣ, такъ даже и внѣ его. Причемъ студенты не только объявляли профессорамъ свои рѣшенія въ видѣ замѣчаній и т. п., но прибѣгали къ разнымъ выходкамъ съ цѣлью вынудить профессора покинуть университетъ. Подобные случаи, къ счастью, бывали до сихъ поръ еще

только единичные, а потому было бы ошибочно обобщать ихъ, но тѣмъ не менѣе они весьма характерны, какъ показатели той путаницы и того извращенія понятій, которыя господствуютъ среди юношества, подчиненнаго одной только внѣшней регламентаціи и лишеннаго того нравственнаго руководительства и тѣхъ основъ, которыя можетъ дать имъ только высшій внутренній авторитетъ самаго университета, при условіи правильнаго теченія его жизни и правильной его организаціи. Само собою разумѣется, что прискорбный упадокъ всякаго авторитета надъ студентами и стремленіе послѣднихъ подчинить себѣ даже самый университетъ обнаруживаются особенно рѣзко во время волненій, когда среди студентовъ всегда находится достаточно горячихъ головъ, готовыхъ поддержать велѣнія „центральныхъ комитетовъ", „союзныхъ совѣтовъ" и т. п. (о которыхъ мы будемъ говорить ниже) путемъ „забастовокъ", „обструкцій" и даже насилій, иной разъ близко граничащихъ съ преступленіемъ.

Стремленіе студентовъ путемъ такъ-называемой общей своей организаціи подчинить рѣшеніямъ большинства на сходкахъ не только всѣхъ студентовъ, хотя бы въ сходкахъ не участвовавшихъ или участвовавшихъ, но не согласныхъ съ ея рѣшеніемъ,—проявлялось всегда во всѣхъ случаяхъ, когда студенты организовали сходки по собственному почину или,—какъ было въ послѣдніе годы, — въ силу дозволеній или распоряженій властей.

Но этимъ стремленіе общеуниверситетскихъ организацій не ограничивалось. Въ нихъ обыкновенно проявлялась тенденція подчинить себѣ не только все студенчество, но и весь университетъ, т.-е. всѣ органы его управленія. Такая тенденція постоянно высказывалась болѣе или менѣе опредѣленно въ подпольныхъ листкахъ, прокламаціяхъ и т. п., а равно въ заявленіяхъ или въ общемъ modus agendi разныхъ союзныхъ совѣтовъ, землячествъ, исполнительныхъ и иныхъ комитетовъ и другихъ учрежденій, служащихъ выразителями общеуниверситетской организаціи студентовъ.

Наконецъ, подобный взглядъ о желательности и возможности допустить студенчество къ участію и даже къ преобладанію въ университетскомъ управленіи во всѣхъ отрасляхъ его жизни нашелъ себѣ выраженіе въ печати: года два-три тому назадъ, въ одномъ изъ періодическихъ изданій появилась статья, за подписью: „Студентъ", въ которой прямо была выражена мысль, что студенты должны домогаться участія въ управленіи университетомъ и должны получить это право. Въ этихъ видахъ они должны

требовать, чтобы постановленія сходокъ были обязательны не только для студентовъ, но и для всѣхъ лицъ и учрежденій, входящихъ въ составъ университета, и чтобы притомъ эти постановленія были столько же обязательны, какъ нынѣ обязательны постановленія университетскихъ властей или правительства. Для достиженія же такой обязательности постановленій студенческой организаціи ей, т. е. сходкамъ, должна быть предоставлена власть, доходящая до устраненія изъ университета всякаго студента, а равно и служащаго въ университетѣ, въ случаѣ его несогласія съ рѣшеніемъ сходки и нежеланіемъ содѣйствовать приведенію въ исполненіе такого рѣшенія.

Несмотря на всю нелѣпость подобнаго притязанія, вышеуказанная статья была напечатана въ одной серьезной газетѣ безъ всякихъ оговорокъ и, насколько намъ извѣстно, прошла незамѣченною и не подверглась ничьей критикѣ или опроверженію, несмотря на то, что въ то время, въ той же газетѣ, по университетскому вопросу печаталась масса статей, изъ которыхъ многія писались профессорами и другими компетентными лицами. Такое равнодушіе къ укорененію и распространенію въ средѣ молодежи подобныхъ взглядовъ весьма знаменательно въ особенности въ виду того, что мысль объ управленіи университета студентами, или хотя бы объ участіи ихъ въ этомъ управленіи, по самому существу своему есть мысль вполнѣ анти-академическая, подрывающая въ самомъ корнѣ существованіе университета, не говоря уже о томъ, что студенты въ отдѣльности, а пожалуй еще въ большей мѣрѣ ихъ масса, собравшаяся на сходку толпою, совершенно не подготовлены и не способны рѣшать всю массу сложныхъ административныхъ и иныхъ вопросовъ и дѣлъ, возникающихъ въ университетѣ. Наконецъ, даже еслибы допустить, что подобная толпа способна правильно рѣшать и вести собственно студенческія дѣла, въ чемъ позволено сомнѣваться, то едва ли кто-нибудь рѣшится отрицать, что подъ управленіемъ студентовъ неизбѣжно должна погибнуть та сторона университетской жизни, которая дѣлаетъ университетъ разсадникомъ, двигателемъ науки и умственнымъ и культурнымъ центромъ страны и государства. Между тѣмъ, это значеніе университета не менѣе важно, чѣмъ его значеніе какъ учебнаго заведенія. Въ этой же области студенчество, само собою разумѣется, и не компетентно, и безсильно, ибо оно еще не въ состояніи разработывать науку, не можетъ стать ея представительницей и ни въ чьихъ глазахъ авторитета имѣть не можетъ.

Въ виду сего, участіе студенчества въ распоряженіи и управ-

леніи университетомъ можетъ только погубить эту существенную сторону университетской жизни и погубить культурное значеніе университета.

Подобные взгляды доказываютъ лишь некультурность среды, въ которой они возникаютъ, и непониманіе самаго существа университета, а потому нельзя не сожалѣть о томъ, что подобныя стремленія, которыя несомнѣнно существуютъ въ средѣ учащейся молодежи, могли въ ней возникнуть и укорениться; а еще болѣе приходится жалѣть о томъ, что подобныя нелѣпыя тенденціи не встрѣчаютъ достаточнаго отпора въ самихъ университетахъ и въ печати при обсужденіи университетскаго вопроса.

Между тѣмъ, указанная нами тенденція очень сильна въ средѣ нашей молодежи и являлась однимъ изъ самыхъ зловредныхъ паразитовъ, разъѣдавшихъ наши высшія учебныя заведенія и уничтожавшихъ самую возможность существованія въ нихъ какихъ-либо авторитетовъ и того благоговѣйнаго и уважительнаго отношенія учащихся къ учебному заведенію, которое должно составлять основу и сущность ихъ взаимныхъ отношеній. Уничтожается самая возможность существованія, какъ выразился бы нѣмецъ, тѣхъ Pietätsverhältnisse, т.-е. благоговѣйныхъ отношеній, безъ которыхъ не можетъ существовать учебное заведеніе.

Мы, съ своей стороны, потому и возстаемъ противъ подобныхъ тенденцій, и считаемъ, что борьба съ ними составляетъ долгъ всякаго, кому дороги интересы университетовъ въ частности и нашего просвѣщенія вообще.

Но вмѣшательство въ студенческія дѣла внѣ-университетскихъ властей на лучшій конецъ достигаетъ только возстановленія временнаго, въ сущности эфемернаго порядка, который затѣмъ вскорѣ вновь смѣняется худшими и болѣе серьезными волненіями. Такое положеніе университетовъ, а равно безуспѣшность всѣхъ мѣръ строгости, въ которыхъ, какъ намъ всѣмъ извѣстно, недостатка не было и которыя достигали предѣловъ, далѣе коихъ едва ли возможно идти, невольно наводятъ на вопросъ о томъ: гдѣ же кроются причины явленій, разлагающихъ университетскую жизнь, и безсилія университетовъ бороться съ этими явленіями? Какъ и когда могло сложиться подобное совершенно уродливое положеніе дѣла? Что можно и что слѣдуетъ предпринять для того, чтобы выйти изъ этого положенія? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ дать только внимательное изученіе исторіи университетовъ и современнаго ихъ положенія, какъ результата этой исторіи.

IV.

Со времени учрежденія университетовъ и вплоть до конца сороковыхъ годовъ менѣе сложныя условія государственной и общественной жизни устанавливали и большую простоту университетскаго строя, близко подходившаго къ школьному. Отношенія внутри университета и отношенія къ нему властей были почти патріархальныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе отдѣльныхъ выдающихся личностей легче накладывало свой отпечатокъ на характеры и направленіе того или другого университета. При такихъ условіяхъ, несмотря на далеко не высокій общій уровень профессорскаго персонала, достаточно было двухъ—трехъ талантливыхъ и выдающихся людей, чтобы поднять уровень и престижъ университета; достаточно было энергичнаго, просвѣщеннаго попечителя, чтобы дать могущественный толчокъ прогрессу цѣлаго университета.

Въ то же время, благодаря такимъ условіямъ, власть попечителя легко и мирно уживалась, за очень развѣ рѣдкими исключеніями, съ довольно широко развитымъ самоуправленіемъ, предоставлявшимъ совѣту выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и ректора, за исключеніемъ инспектора студентовъ, избиравшагося попечителемъ и подчиненнаго ему (§§ 58 и 78 устава 1835 г.). Такое положеніе университетовъ стало измѣняться только въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда правительство, не въ силу потребностей просвѣщенія, а подъ впечатлѣніемъ политическихъ волненій въ Европѣ и проблесковъ подобнаго у насъ (напримѣръ, дѣло Петрашевскаго), сочло нужнымъ принять противъ университетовъ ограничительныя и репрессивныя мѣры, выразившіяся въ замѣнѣ выбора ректора назначеніемъ его отъ правительства и въ предоставленіи министру права смѣнять декановъ, хотя они и продолжали избираться университетомъ (законъ 11 октября 1849 года), а вмѣстѣ съ тѣмъ въ установленіи комплекта студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго (распоряженія 30 апрѣля и 11 мая 1849 года). Послѣдняя изъ этихъ мѣръ, какъ хорошо извѣстно, не принесла нашему просвѣщенію ничего кромѣ вреда, и при этомъ постоянно обходилась, такъ какъ масса студентовъ, впослѣдствіи вовсе не посвящавшихъ себя медицинѣ, стала поступать на медицинскій факультетъ. Что же касается до ограниченія университетскаго самоуправленія и отмѣны выбора ректора, то мѣра эта, какъ обнаружилось очень скоро, повела лишь къ ослабленію власти,

которое стало особенно замѣтно при появленіи перваго броженія въ университетахъ, въ особенности въ Харьковѣ и Москвѣ (въ концѣ пятидесятыхъ годовъ).

Уже вскорѣ послѣ крымской войны, параллельно съ новыми потребностями государственной и общественной жизни, вызванными этою войною и обусловившими необходимость коренныхъ преобразованій, стала усложняться и университетская жизнь. Прежній патріархально-школьный строй безвозвратно отжилъ свой вѣкъ, и никакая сила не въ состояніи была бы возстановить его. Все возростающій спросъ на высшее образованіе и измѣненіе взглядовъ на него правительства и общества создали университетамъ совершенно новое положеніе, при которомъ управленіе ими посредствомъ однихъ единоличныхъ распоряженій и приказаній стало невозможнымъ. Со всякимъ днемъ все болѣе чувствовалась необходимость опереть университетскій строй на высшій внутренній авторитетъ всей совокупности его личнаго состава и привлечь къ участію въ управленіи университетами всю совокупность профессоровъ,—какъ дѣятелей, составляющихъ самую сущность университета и наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ, его касающихся,—и какъ лицъ, которыя, находясь въ непрерывномъ соприкосновеніи со студентами, могли болѣе кого-либо другого оказывать на нихъ вліяніе. Не только потребность, но необходимость опереть весь строй университетовъ на авторитетъ университетской коллегіи, обнаружились вполнѣ во время крупныхъ волненій, впервые охватившихъ въ 1861 году нѣсколько университетовъ. Въ эту именно эпоху стало особенно ясно, насколько важно даже для высшей университетской власти (попечителя) имѣть возможность опереться не только на внѣшнюю матеріальную силу, но и на авторитетъ самаго университета. Ходъ событій доказалъ, что именно въ тѣхъ университетахъ, въ которыхъ такое единеніе, хотя еще и не предписанное закономъ, фактически произошло, спокойствіе было возстановлено скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ было, напримѣръ, въ Москвѣ, гдѣ профессора, сплотившись вокругъ попечителя, вывели его и университетъ изъ критическаго положенія, усложненнаго притомъ крайне неудачнымъ вмѣшательствомъ генералъ-губернатора,—и упрочили порядокъ на долгій рядъ лѣтъ.

Вскорѣ послѣ сего былъ изданъ уставъ 1863 года, который имѣлъ то громадное достоинство, что онъ угадалъ потребность времени и основалъ весь строй университетовъ на привлеченіи прежде всего къ управленію ими единственное учрежденіе, компетентное въ этомъ дѣлѣ,—профессорскую коллегію.

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы университеты продолжали развиваться на этотъ пути спокойно и нормально и если бы уставъ 1863 года, постепенно совершенствуясь, очистился отъ недостатковъ, которыми онъ несомнѣнно страдалъ [1]), то универси-

---

[1]) Нельзя отрицать, что уставъ 1863 года страдалъ весьма крупными недостатками:

Во-первыхъ, составители устава, вполнѣ правильно признавъ совѣтъ важнѣйшимъ органомъ университетскаго управленія, чрезмѣрно увлеклись, однако, стремленіемъ расширить кругъ его дѣятельности и включили, благодаря тому, въ компетенцію совѣта массу дѣлъ, и притомъ часто маловажныхъ, которыя по самому существу своему не должны были бы и не могли подлежать вѣдѣнію столь многолюднаго собранія, какимъ неизбѣжно является совѣтъ. Вслѣдствіе сего, вмѣсто того, чтобы стать высшимъ учрежденіемъ, призваннымъ рѣшать важнѣйшіе и принципіальные вопросы, касающіеся всего университета, контролировать дѣятельность прочихъ органовъ управленія и руководить ихъ дѣятельностью путемъ инструкцій и принципіальныхъ указаній, совѣтъ сталъ непосредственнымъ распорядителемъ и администраторомъ по всѣмъ предметамъ вѣдомства университета и даже судьею въ дѣлахъ дисциплинарныхъ. Остальные же органы университетскаго управленія (т.-е. ректоръ, правленіе, факультеты и инспекція) обратились почти-что въ механическихъ исполнителей велѣній совѣта. Между тѣмъ, совѣтъ, какъ по многолюдству своего состава (отъ 80 до 120 членовъ), такъ и по разнообразію своего состава, не могъ быть ни администраторомъ, ни непосредственнымъ распорядителемъ, а тѣмъ менѣе судьею или завѣдывающимъ хозяйствомъ. Прочіе же органы университетскаго правленія, поставленные въ зависимость отъ совѣта во всѣхъ, даже мелкихъ своихъ распоряженіяхъ, утратили всякую самодѣятельность и иниціативу, а равно и чувство отвѣтственности за ходъ университетскихъ дѣлъ, въ результатѣ чего получилась полная безхозяйственность и безпорядокъ въ управленіи. *Такимъ образомъ, неправильное распредѣленіе функцій между различными органами университетскаго управленія* являлось однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ устава 1863 года и породило множество затрудненій и серьезныхъ непорядковъ.

Во-вторыхъ, уставъ 1863 года создалъ совершенно ненормальное положеніе попечителя въ университетѣ. Уставъ не ограничился передачею инспекцій въ вѣдѣніе университета, чтò было вполнѣ правильно, такъ какъ инспекція не можетъ быть подчинена кому-либо внѣ учрежденія, въ которомъ она призвана дѣйствовать. Уставъ пошелъ гораздо дальше и отмѣнилъ всякое непосредственное участіе попечителя въ дѣлахъ университета, и именно лишилъ его права принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта и правленія, а равно получать свѣдѣнія по всѣмъ дѣламъ, на что онъ имѣлъ право по § 52, 58 устава 1835 года, а равно отмѣнилъ эти параграфы устава, дававшіе попечителю возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ университетскихъ дѣлъ. Благодаря сему, попечитель, по уставу 1863 года, сталъ вполнѣ *внѣ-университетскою* властью и занялъ положеніе исключительно начальства, но такого, которое не имѣетъ собственно способовъ и средствъ вліять на подчиненное, будто бы, ему учрежденіе, и вынужденное поэтому или бездѣйствовать, или стать въ положеніе фискала, занимающагося доносами на университетъ и дѣйствующаго въ немъ только черезъ высшее начальство, т.-е. министерство.

Такое положеніе попечителей повело къ извращенію, въ бòльшей части случаевъ, отношеній къ нимъ университетовъ и столько же уронило авторитетъ попечителей, какъ и самихъ университетовъ.

теты наши никогда не дошли бы до того болѣе чѣмъ печальнаго положенія, въ которомъ они нынѣ находятся.

Къ сожалѣнію, времени и практикѣ не было предоставлено переработать дефекты устава, а напротивъ, на дѣлѣ все было сдѣлано для того, чтобы подчеркнуть ихъ и развить ихъ до крайнихъ предѣловъ.

Первоначально, введеніе устава 1863 года имѣло своимъ послѣдствіемъ водвореніе во всѣхъ университетахъ порядка, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренній ихъ строй постепенно улучшался, причемъ хотя нѣкоторые недостатки и неясности изрѣдка и порождали недоразумѣнія университетовъ съ попечителями и министерствомъ, но они улаживались безъ особыхъ затрудненій, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Всѣ тѣ, которые близко знали въ то время положеніе дѣлъ, могли бы это засвидѣтельствовать и имѣли полное основаніе надѣяться, что время и опытъ, при помощи необходимыхъ частичныхъ исправленій устава, дадутъ университетамъ возможность войти въ нормальную колею и приведутъ къ установленію въ нихъ прочнаго порядка учебнаго, административнаго и дисциплинарнаго и общаго благоустройства. Къ несчастью, этимъ ожиданіямъ не было суждено оправдаться. Съ самаго вступленія въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, новый министръ, враждебнымъ своимъ отношеніемъ къ университетамъ разрушилъ эти надежды. Повидимому все, что̀ не укладывалось въ бюрократическія рамки, что̀ стремилось къ сколько-нибудь самостоятельному развитію и выходило изъ предѣловъ строго регламентированнаго сверху до низу порядка, противорѣчило всѣмъ его инстинктамъ и міровоззрѣнію. Эта черта его натуры съ первой же минуты его управленія тяжело отозвалась на университетахъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше способствовала паденію послѣднихъ. Во все время своего долгаго управленія графъ Толстой систематически избѣгалъ пользоваться тѣми правами, которыя законъ давалъ министру по отношенію къ университетамъ. Такъ, напримѣръ, ни разу министерство не воспользовалось своимъ важнымъ правомъ требовать отъ университетовъ выработки и представленія программъ преподаванія и

Наконецъ, въ-третьихъ, уставъ 1863 г., исходя изъ ложнаго взгляда на студентовъ, какъ на гражданъ, находящихся на общемъ положеніи и только посѣщающихъ университетъ, впервые установилъ ложный принципъ, будто на студентовъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на *отдѣльныхъ посѣтителей* университета, не имѣющихъ между собою ничего общаго,—принципъ, причинившій много бѣдъ университетамъ, что̀ мы подробно разберемъ ниже.

контроля надъ ними. А въ то же время министръ очень охотно вмѣшивался во внутреннюю жизнь университетовъ и въ особенности въ дѣла личныя, и тѣмъ возбуждалъ неудовольствія, раздраженія и подчасъ вызывалъ столкновенія. Примѣромъ могло служить дѣло, возникшее вскорѣ послѣ вступленія въ должность графа Толстого, касавшееся выбора одного изъ профессоровъ московскаго университета: этотъ выборъ, несмотря на явную незаконность, былъ утвержденъ благодаря тому, что за него стоялъ ректоръ и редакція „Московскихъ Вѣдомостей"; послѣдствіемъ же того было то, что три выдающихся профессора оставили университетъ. Такая политика пренебреженія правами, предоставленными закономъ, и вмѣшательства въ дѣла университетовъ вопреки закона, продолжалась въ теченіе всего долгаго управленія графа Толстого, благодаря чему тамъ, гдѣ университеты должны были быть руководимы министерствомъ, они руководства не получали, и министерство смотрѣло даже какъ бы сквозь пальцы на многіе непорядки, а рядомъ съ этимъ министерство нерѣдко вмѣшивалось и затрудняло или вовсе препятствовало дѣятельности университетовъ въ дѣлахъ, въ которыхъ законъ предоставлялъ имъ самостоятельность. Послѣдствіемъ же того явился постоянный явный или глухой антагонизмъ между университетами и министерствомъ, а равно—попечителями, какъ его представителями. Всѣ отношенія перепутались и извратились, силы тратились на безплодныя пререканія, законный порядокъ былъ поколебленъ, что̀ постепенно и привело къ дезорганизаціи университетовъ и все бо̀льшему и бо̀льшему упадку въ нихъ всякаго авторитета. Все это ясно обнаружилось уже въ семидесятыхъ годахъ, во время студенческихъ волненій, постоянно учащавшихся и принимавшихъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, и наконецъ, уже по оставленіи графомъ Толстымъ должности, въ восьмидесятыхъ годахъ, охватившихъ одновременно почти всѣ университеты. Результаты политики графа Толстого по отношенію къ университетамъ были таковы, что если бы не знать графа Толстого и не быть увѣреннымъ, что онъ хотя и шелъ по ложному пути, но дѣйствовалъ тѣмъ не менѣе bona fide,—то можно было бы подумать, что имъ руководилъ пагубный принципъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", и что, допуская упадокъ университетовъ, онъ хотѣлъ доказать необходимость передѣлать весь ихъ строй на свой ладъ, т.-е. на началахъ бюрократіи, взамѣнъ принципа самоуправленія, положеннаго въ основу устава 1863 г. Какъ бы то ни было, но съ управленіемъ графа Толстого совпадаетъ то начало дезорганизаціи университетовъ и того упадка

въ нихъ всякаго авторитета и власти, который такъ ярко обнаруживается въ настоящее время.

Уставъ 1884 года только ухудшилъ положеніе дѣла, уничтоживъ, можно сказать, уже на законномъ основаніи, безъ того низко упавшій нравственный, высшій авторитетъ, который во всякомъ учебномъ заведеніи зависитъ отъ положенія, въ какое поставленъ его учебный персоналъ, естественно составляющій самую суть заведенія.

Уставъ 1884 года, упразднивъ всякое выборное начало (существовавшее и по уставу 1835 года), порвалъ связь между профессорскою коллегіею и органами университетскаго управленія, которые обратились въ чиновническія учрежденія, подчиненныя и руководимыя исключительно высшею учебною администраціею на принципахъ бюрократической организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ усугубилъ, но только въ обратную сторону, ненормальное положеніе, въ какомъ уже раньше находился совѣтъ и, вмѣсто того, чтобы правильно опредѣлить его функціи, довелъ его дѣятельность до совершеннаго нуля. Инспекцію уставъ поставилъ въ ложное положеніе, создавъ одновременное, двойственное ея подчиненіе попечителю и ректору, забывая, что двойственность подчиненія всегда служитъ только тормазомъ и препятствуетъ правильной дѣятельности какъ подчиненныхъ, такъ и начальниковъ. Столь же неправильно уставъ опредѣлилъ положеніе попечителя, снабдивъ его, по буквѣ закона, очень широкими полномочіями, но упразднивъ всякое значеніе въ университетской профессорской коллегіи. Уставъ въ дѣйствительности обезсилилъ попечителя, точно также какъ и ректора и другіе органы управленія, лишивъ ихъ точки опоры внутри самаго университета. Вмѣсто того, чтобы дать попечителю возможность вліять на университетскую коллегію путемъ участія въ ней, какъ то было по закону 1835 года,—уставъ 1884 года въ сущности вовсе упразднилъ эту коллегію и уничтожилъ почву, на которой только и возможно было основать силу университетской власти. Наконецъ, въ наихудшее положеніе уставъ поставилъ профессоровъ, которыхъ онъ призналъ такими же посторонними посѣтителями университета, какими студенты являлись въ глазахъ составителей устава 1863 года. Уставъ 1884 года смотритъ на профессоровъ какъ на людей, обязанныхъ исключительно читать лекціи и вести занятія со студентами, но затѣмъ онъ тщательно устраняетъ ихъ какъ членовъ коллегіи,—насколько они не входятъ въ число чиновниковъ университетскихъ учрежденій, — отъ всякаго участія въ университетскомъ управленіи и отнимаетъ у

нихъ всѣ способы влiять на университетскую жизнь. Весь уставъ 1884 года, а равно его примѣненіе на дѣлѣ съ первой же минуты его изданія, былъ проникнутъ недовѣріемъ къ профессорамъ и къ профессорской коллегіи,—недовѣріемъ, которое, будучи сознано какъ профессорами, такъ и студентами, не могло не дѣйствовать самымъ деморализирующимъ образомъ на тѣхъ и другихъ и не могло не повліять на извращеніе ихъ отношеній другъ къ другу, а равно ко всему университетскому управленію на всѣхъ его ступеняхъ. Профессора, по самому закону, лишенные всякаго вліянія на дѣла университета, стали сторониться отъ всякаго участія въ нихъ, даже когда ихъ къ тому приглашали; а студенты, видя недовѣріе, съ которымъ правительство относилось къ профессорамъ, и сознавая, что эти послѣдніе утратили всякое значеніе въ общей организаціи университета, стали привыкать смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ во всемъ, что̀ не касается непосредственно преподаванія. Такимъ образомъ, уставъ 1884 года, имѣвшій прежде всего въ виду усиленіе власти въ университетѣ, лишилъ ее въ сущности прочной опоры и повелъ въ концѣ-концовъ къ полной дезорганизаціи университетовъ.

Само правительство очень скоро сознало, однако, невозможность обойтись безъ профессоровъ, или, какъ можно было бы выразиться, обойтись въ университетѣ безъ университета, и стало само не только обращаться къ профессорамъ, требуя ихъ содѣйствія для упорядоченія университетовъ, но и ставя имъ въ вину слабость ихъ вліянія на студентовъ, забывая, что слабость эта имъ же самимъ создана. Ибо какого же вліянія или сколько-нибудь производительнаго содѣйствія о̀рганамъ власти можно ожидать отъ людей, которые лишены возможности подготовить свое вліяніе въ нормальное, спокойное время, и которые устранены отъ всякаго легальнаго участія въ управленіи учрежденіемъ, сущность котораго они составляютъ и которому они призваны служить. Профессора, приглашаемые къ участію въ университетскихъ дѣлахъ лишь временно и случайно и притомъ лишь настолько, насколько начальство сочтетъ нужнымъ предложить тотъ или другой вопросъ ихъ обсужденію, не могутъ ни быть достаточно въ курсѣ этихъ дѣлъ, ни во̀ время обсудить ихъ, ни своевременно опредѣлить свой общій образъ дѣйствій, а потому вліяніе ихъ всегда будетъ только случайное,—причемъ, можно сказать, спорадическое ихъ участіе въ отдѣльныхъ дѣлахъ мало можетъ влiять на общее упорядоченіе университетской жизни.

На дѣлѣ уставъ 1884 года, разсчитанный, какъ мы уже

сказали, главнымъ образомъ, на усиленіе власти, не только не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, но напротивъ, *довершилъ на почвѣ закона* ту дезорганизацію, которая *фактически* началась уже раньше, благодаря ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ наши университеты находились уже съ болѣе давняго времени, и способствовалъ развитію тѣхъ именно условій, которыя въ настоящее время привели наши университеты въ печальное положеніе.

V.

Обсуждая причины, обусловливающія ненормальное положеніе нашихъ университетовъ, мы не можемъ, однако, ограничиться указаніемъ на одни только недостатки организаціи ихъ управленія, и не можемъ умолчать о томъ, что важное мѣсто среди ненормальныхъ условій нашей университетской жизни безспорно занимало отсутствіе всякой легальной организаціи студенчества.

До пятидесятыхъ годовъ, при большей простотѣ, какъ университетской, такъ и внѣ-университетской жизни, потребность въ организаціи студенчества вообще или въ образованіи отдѣльныхъ студенческихъ обществъ со сколько нибудь опредѣленнымъ устройствомъ почти не возникала.

Но позднѣе, въ связи съ увеличивавшимся спросомъ на высшее образованіе, привлекавшимъ въ университеты самые разнообразные элементы со всѣхъ концовъ имперіи, и въ зависимости отъ все возростающей трудности для молодежи, стекавшейся въ университетскіе города, устроить свою жизнь въ чужомъ мѣстѣ и при совершенно новой обстановкѣ,—естественно усилилось въ средѣ студентовъ стремленіе къ товарищескому сближенію и къ группировкѣ во имя удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ. И вотъ, уже въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ болѣе крупныхъ университетахъ стали возникать студенческія сообщества, принявшія по большей части наименованіе „землячествъ“, въ виду того, что они состояли преимущественно изъ „земляковъ“, т.-е. молодыхъ людей, связанныхъ происхожденіемъ или воспитаніемъ въ одной мѣстности, которымъ поэтому естественно было искать сближенія другъ съ другомъ на чужбинѣ. Землячества эти имѣли цѣлью какъ матеріальную помощь другъ другу въ случаѣ нужды, такъ и взаимопомощь при занятіяхъ; въ то же время они служили какъ бы клубами, въ которыхъ юноши, оторванные отъ родной среды, находили общество сколько-ни-

будь родное и привычное. Землячества эти возникали сами собой, въ силу естественной потребности студентовъ въ сближеніи, никѣмъ не разрѣшались, но и не запрещались и не преслѣдовались, причемъ не навлекали на себя ни неудовольствій, ни нареканій властей, и не играли никакой роли въ студенческихъ волненіяхъ, не разъ возникавшихъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Число землячествъ первоначально было ничтожно, но вскорѣ стало быстро возростать и въ крупныхъ университетахъ достигло нѣсколькихъ десятковъ, причемъ въ нихъ принимало участіе весьма значительное число студентовъ.

Въ одно время и рядомъ съ землячествомъ въ университетахъ стала зарождаться мысль о другого рода студенческой организаціи, а именно, объ организаціи обще-университетской, которая существенно отличалась отъ земляческой или кружковой тѣмъ, что она имѣла въ виду соединить во едино всѣхъ студентовъ, независимо отъ личныхъ отношеній другъ къ другу, независимо отъ личной симпатіи или даже знакомства, а также независимо отъ принадлежности къ общей средѣ или отъ товарищества въ тѣсномъ смыслѣ, а во имя идеи болѣе отвлеченнаго товарищества, основаннаго единственно на принадлежности къ одному учрежденію, т. е. университету, въ силу чего принадлежности всякій студентъ, eo ipso, признавался участникомъ организаціи.

Было время, когда такого рода организація студенчества пользовалась симпатіею и даже покровительствомъ властей. Въ разныхъ университетахъ стали возникать, и при томъ на основаніи оффиціальныхъ разрѣшеній, обще-университетскія кассы, такія же чисто-студенческія библіотеки и тому подобныя учрежденія; а въ связи съ этимъ вошли въ обычай какъ курсовыя, такъ и факультетскія и обще-университетскія сходки, завѣдывавшія, въ смыслѣ общаго руководства, этими учрежденіями.

Такъ напримѣръ, въ Москвѣ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, была организована, по иниціативѣ проф. М. Н. Капустина, общая студенческая касса, управлявшаяся кассирами, выбранными курсами.

На тѣхъ же основаніяхъ, въ шестидесятыхъ годахъ, была дозволена студенческая библіотека и т. п. Мы лично принимали участіе въ дѣятельности учрежденій, какъ обще-студенческихъ, такъ и кружковыхъ, а потому считаемъ себя въ правѣ изложить здѣсь наши наблюденія, какъ надъ тѣми, такъ и надъ другими.

Поступивъ въ университетъ въ 1860 году, я вскорѣ былъ

избранъ кассиромъ уже существовавшей кассы, и скоро убѣдился, насколько была невѣрна мысль, положенная въ основу кассы, будто потребность въ студенческихъ ассоціаціяхъ проистекаетъ изъ двухъ источниковъ: *съ одной стороны*, изъ желанія недостаточныхъ студентовъ найти помощь у товарищей, а съ *другой стороны*—изъ желанія болѣе достаточныхъ оказать эту помощь, —а именно эта мысль легла въ основаніе предложенія объ учрежденіи обще-университетской кассы взаимопомощи. Названіе „кассы взаимопомощи“ притомъ не вполнѣ вѣрно въ данномъ случаѣ, ибо, при учрежденіи обще-студенческой кассы, студенты неизбѣжно дѣлятся на студентовъ, получающихъ помощь, и на оказывающихъ помощь, т.-е. на благотворителей и на получающихъ благотвореніе. Пользоваться благотвореніемъ—въ этомъ уже заключается фальшь, въ которую всегда впадаетъ подобная касса, ибо это нарушаетъ: во-первыхъ, какъ я уже сказалъ выше, равенство товарищей и влечетъ за собою отсутствіе взаимности, которая представляетъ необходимѣйшее условіе всякаго истиннаго товарищества, ибо съ одной стороны является „касса“ со вкладчиками, какъ благотворительное учрежденіе, а съ другой—какъ бы въ противоположность имъ—„получающіе пособіе“, связанные съ кассою чувствомъ благодарности. Такія отношенія, нарушающія равенство, никогда не уживутся съ товариществомъ, а напротивъ, внесутъ въ самое товарищество элементъ разложенія. *Помощь*, оказываемая товарищемъ товарищу, никогда не должна носить характеръ *благотворенія*,—она должна быть взаимною, т.-е. необходимо, чтобы получающій помощь имѣлъ сознаніе возможности сдѣлать въ свою очередь что-либо для товарища или товарищей, которые ему помогли, хотя бы въ совершенно иной формѣ. Въ обще-студенческой *кассѣ* естественно этотъ элементъ совершенно отсутствуетъ, и въ сущности она будетъ просто благотворительнымъ обществомъ, которое никогда не устанавливаетъ между членами общества и тѣми, кому оно помогаетъ, тѣхъ отношеній, которыя составляютъ самую суть товарищества.

Кромѣ того, понятіе о „кассѣ“ связывается естественно съ понятіемъ объ одномъ только видѣ помощи, а именно—денежной, между тѣмъ какъ истинно товарищеская помощь можетъ и должна быть безконечно разнообразна. Наконецъ, университетская касса, какъ бы усердны ни были вкладчики, въ сущности никогда не будетъ имѣть серьезнаго значенія въ смыслѣ денежной помощи нуждающимся студентамъ, и всегда явится каплей въ морѣ, сравнительно съ тѣми громадными суммами, ко-

торыя университетъ, и общество, и правительство, постоянно затрачиваютъ на недостаточныхъ студентовъ; а потому касса, не принося, такимъ образомъ, недостаточнымъ студентамъ существенной пользы, вовлечетъ только множество студентовъ на ложный (въ смыслѣ товарищества) путь „благотворенія" товарищамъ, но, въ сущности, товарищамъ только по имени, такъ какъ „дѣятели кассы" или „студенты-благотворители" въ дѣйствительности вовсе не будутъ стоять въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ съ тѣми, которые *черезъ* нихъ будутъ получать пособія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что всякая *обще-студенческая касса* весьма скоро выродится въ самое обыкновенное благотворительное общество со всѣми тѣми неуклюжими и формальными условіями, которыя свойственны почти всякому благотворительному учрежденію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я убѣжденъ, что организація обще-студенческой кассы никакой дѣйствительной пользы не принесетъ, а напротивъ, скорѣе извратитъ товарищескія отношенія студентовъ и создастъ ложное положеніе разныхъ группъ студентовъ, а это принесетъ имъ положительный нравственный вредъ.

Говоря такъ, я основываюсь не только на теоретическихъ соображеніяхъ, но и на личномъ опытѣ, причемъ примѣръ кассы, существовавшей въ московскомъ университетѣ съ 1853 года, болѣе всего укрѣпляетъ меня въ моихъ выводахъ. Поступивъ въ университетъ въ 1860 году, я, будучи избранъ однимъ изъ кассировъ перваго курса юридическаго факультета (ихъ полагалось два на курсъ), попалъ въ составъ правленія кассы. Мы, кассиры первыхъ курсовъ, принялись за дѣло очень ретиво и предались ему всей душой, руководимые самыми идеальными стремленіями—помочь ближнимъ и товарищамъ. Но на первыхъ же порахъ насъ поразило апатичное, чтобы не сказать равнодушное отношеніе нашихъ старшихъ и болѣе опытныхъ членовъ правленія. Мнѣ, да и не мнѣ одному (многіе изъ старшихъ это давно сознавали, но не всегда признавались въ этомъ, чѣмъ и объяснялась ихъ апатія), почуялась какая-то фальшь во всей организаціи кассы. Правленіе, несмотря на свою многочисленность (тридцать-четыре члена, два товарища предсѣдателя и предсѣдатель), въ дѣйствительности совершенно не знало, да и не могло знать тѣхъ, кому оказывалась помощь. Мы вовсе не знали ни ихъ условій жизни, ни средствъ, ни потребностей. Основаніемъ для оказанія пособій могли служить только изслѣдованія, въ сущности ничѣмъ не отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя производитъ всякое благотворительное общество или случайное удостовѣреніе

двухъ-трехъ студентовъ, столь же мало извѣстныхъ правленію, какъ и тѣ, кто просилъ о пособіи. Нѣкоторые рьяные члены правленія, задавшіеся цѣлью „разыскивать" нуждающихся, натыкались на упреки, что они вторгаются въ частную жизнь, и т. п. Въ сущности, мы всѣ, члены правленія, не могли не сознавать, что пособія мы раздаемъ случайно и наугадъ и ходимъ около да возлѣ студенческой нужды, пожалуй, больше, чѣмъ внѣуниверситетскіе благотворители. Никакого товарищества „касса" не развивала, а скорѣе, напротивъ, создавала нерѣдко вовсе не товарищескія отношенія. Большинство нуждающихся студентовъ смотрѣло на кассу преимущественно съ точки зрѣнія, „что̀ съ нея можно взять?". Студенты-вкладчики фактически не принимали и не могли принимать серьезнаго участія въ дѣлахъ кассы (общія собранія были почти исключительно упражненіями въ ораторскомъ искусствѣ), а члены правленія въ сущности (въ тайникахъ сердца, я увѣренъ,—всѣ) сознавали малополезность своей дѣятельности и ея несоотвѣтствіе идеѣ не только оказанія помощи, но и нравственнаго сближенія и товарищества, которое должно было лечь въ основу кассы при ея учрежденіи. Такимъ образомъ, для всѣхъ, кто не хотѣлъ закрывать глаза на дѣйствительность, уже тогда было очевидно, что „общая касса" есть мертворожденное учрежденіе. Въ 1861 году (осенью) я уѣхалъ за границу, и, потерявъ изъ вида кассу, не знаю обстоятельствъ, при которыхъ она прекратила свое существованіе, и при какихъ условіяхъ она замѣнилась обществомъ для пособія нуждающимся студентамъ, но могу положительно удостовѣрить, что уже въ 1861 году касса доказала свою нежизнеспособность.

Мы лично были знакомы еще съ другимъ обще-студенческимъ предпріятіемъ, которое покончило свое существованіе еще быстрѣе, чѣмъ „касса". То была студенческая „библіотека", возникшая въ 1861 году. Библіотека была чисто студенческая, т.-е. была собрана и организована студентами и находилась въ полномъ завѣдываніи студентовъ, избранныхъ курсами. Подъ библіотеку университетъ отвелъ одну изъ залъ въ старомъ зданіи; идея эта встрѣтила сочувствіе въ обществѣ, и, благодаря многочисленнымъ пожертвованіямъ деньгами и книгами, въ самое короткое время образовалась очень разнообразная и порядочная литературно-ученая библіотека. Но завѣдываніе ея обще-студенческими представителями оказалось совершенно несостоятельнымъ. Составляя принадлежность всѣхъ, библіотека въ дѣйствительности не имѣла хозяина. Разношерстная толпа, составляющая студенчество вообще, въ сущности не имѣющая ре-

альной связи, не могла управлять библіотекой; къ ней стали предъявлять требованія, которыхъ удовлетворить было невозможно, средства стали расходоваться зря (насколько мнѣ извѣстно, злоупотребленій не было, но была безхозяйственность), и библіотека, просуществовавъ, кажется, годъ, сама собою погибла. И тутъ опять-таки ни сближенія, ни укрѣпленія товарищества не оказалось.

Совершенно иныя воспоминанія я вынесъ изъ товарищества иного порядка, къ которому я тоже примкнулъ при поступленіи въ университетъ, а именно изъ полтавскаго землячества, въ которое я поступилъ. Землячествъ, по числу, въ то время было еще мало; они начали возникать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (когда именно—не знаю), по мѣрѣ увеличенія числа студентовъ и все возростающаго наплыва изъ болѣе отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностей; но во время моего вступленія въ землячество оно представляло уже вполнѣ опредѣленный типъ студенческаго общества, которое можно прямо противопоставить вышеуказаннымъ мною попыткамъ обще-студенческихъ организацій. Бо̀льшая часть землячества принадлежала къ числу если не бѣдствующихъ (но были и такіе), то нуждающихся студентовъ. Всѣхъ насъ, сколько припомню, было человѣкъ около тридцати, въ томъ числѣ вполнѣ обезпеченныхъ студентовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, было человѣкъ пять; мы вступили въ землячество, благодаря личному знакомству до университета—хотя даже не общему воспитанію—со студентами, уже находившимися въ землячествѣ; такъ, напримѣръ, я попалъ въ землячество, благодаря дружбѣ съ сыномъ ближайшаго сосѣда по деревнѣ, поступившаго въ университетъ годомъ ранѣе меня, и по случаю знакомства съ племянникомъ полтавскаго кондитера, съ которымъ насъ связывали воспоминанія только ранняго дѣтства, и съ нѣмцемъ изъ полтавской колоніи, отецъ котораго, столяръ, когда-то давалъ мнѣ уроки столярнаго искусства (въ видѣ физическаго занятія), причемъ я игралъ съ его сыномъ. Въ землячествѣ я нашелъ настоящее товарищество. Всѣ мы знали другъ друга и были другъ другу близки. Помощь оказывалась деньгами очень рѣдко, ибо касса землячества была небогата, а получать пособіе деньгами или занимать у болѣе состоятельныхъ товарищей бѣднѣйшіе члены землячества не любили. Но, тѣмъ не менѣе, помощь, и притомъ именно взаимопомощь, оказывалась огромная, и всегда впопадъ, т.-е. во̀-время и тѣмъ, что̀ нужно. Выражалась она прежде всего въ подыскиваніи занятій, затѣмъ — въ ручательствѣ передъ университетомъ въ томъ, что просящій пособіе или сти-

пендію дѣйствительно нуждается, а затѣмъ—въ безконечномъ оказаніи другъ другу самыхъ разнообразныхъ услугъ, напримѣръ, давали во-время записанную лекцію, книгу и т. д., ухаживали во время болѣзни, одолжали лучшее платье, необходимое, чтобы пойти условиться о занятіяхъ, и т. д.

Большинство членовъ, находясь постоянно въ нуждѣ, постоянно оказывали другъ другу подобныя услуги; даже и по отношенію къ намъ, состоятельнымъ членамъ, находилась возможность примѣнять взаимность. Такъ напримѣръ, когда я, во второе полугодіе, заболѣлъ корью и болѣе полутора мѣсяца не выходилъ,—мнѣ было запрещено читать,—два земляка аккуратно записывали всѣ лекціи собственно для меня (одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ числу самыхъ бѣдныхъ, прежде, обыкновенно, этого не дѣлалъ; я помню его фамилію—Тхоржевскій, онъ умеръ въ царствѣ польскомъ, будучи коммиссаромъ) и ежедневно приходили ко мнѣ и прочитывали записанныя лекціи, что̀ дало мнѣ возможность приготовиться къ экзамену, на который оставалось очень мало времени. Эта форма товарищества и взаимопомощи оставила во мнѣ самыя отрадныя воспоминанія, хотя съ большинствомъ земляковъ судьба насъ развела, и мы, послѣ университета, даже не встрѣчались. Затѣмъ, позднѣе, на разныхъ поприщахъ мнѣ нерѣдко приходилось сталкиваться (въ землячествахъ и внѣ ихъ) съ примѣрами товарищества и взаимопомощи, которые поднимали духъ и воспитывали,—но не фиктивно и формально, какъ то дѣлала обще-студенческая касса, а реально и сердечно. Немало случаевъ я знаю, когда, при истинно товарищескихъ отношеніяхъ, бѣднякъ спасалъ бѣдняка, выручалъ изъ бѣды и спасалъ не только матеріально, но нерѣдко нравственно и духовно.

Вотъ это товарищество, а не отвлеченное товарищество одного лишь синяго воротника, заслуживаетъ особеннаго поощренія и вниманія. Дать ему возможность осуществиться явно и не боясь преслѣдованія, и помочь ему матеріально—вотъ задача университета при разрѣшеніи вопроса о студенческихъ организаціяхъ.

Итакъ, нельзя сказать, чтобы опыты обще-студенческой организаціи были удачны, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху, о которой мы говоримъ. Обще-студенческія кассы, библіотеки и т. д., весьма мало способствуя дѣйствительно товарищескому сближенію студентовъ, существовали не долго и прекратили свое существованіе, благодаря полной безхозяйственности, проистекавшей отъ постоянной перемѣны распорядителей и отъ неустойчивости пра-

вилъ и указаній, издававшихся для ихъ руководства, въ зависимости отъ рѣшеній, исходившихъ отъ всей огромной массы студентовъ университета; эта масса состояла изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, связанныхъ между собою не дѣйствительными реальными узами, а однимъ только „званіемъ" студента. Что касается до сходокъ, являвшихся почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общестуденческой организаціи, то (на основаніи, по крайней мѣрѣ, имѣющагося опыта) ихъ едва-ли возможно признать полезнымъ учрежденіемъ. Сходки, хотя иногда на нихъ и удавалось сохранить нѣкоторую тѣнь порядка, въ концѣ-концовъ обыкновенно обращались въ сборище толпы, склонной дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты и легко попадавшей подъ вліяніе болѣе ловкихъ вожаковъ, умѣвшихъ склонить на свою сторону *наличное большинство* участниковъ сходки, а оно могло еще вовсе не являться выразителемъ взглядовъ и желаній *дѣйствительнаго большинства студентовъ университета*, которое обыкновенно требовало, однако, признанія своихъ постановленій обязательными для всего университета; для достиженія этой цѣли оно нерѣдко прибѣгало къ терроризаціи прочихъ студентовъ всякими способами, не исключая даже и насилія, и въ концѣ-концовъ являлось элементомъ тираніи одной части студентовъ надъ другою и элементомъ разложенія всякаго академическаго порядка. Изъ всѣхъ обще-студенческихъ учрежденій только одно, а именно учрежденіе на нѣкоторыхъ факультетахъ выборныхъ отъ студентовъ курсовыхъ старость, оказалось полезнымъ и жизнеспособнымъ. Старосты эти являлись какъ бы низшими учебными органами, долженствовавшими служить посредниками между профессорами и массою студентовъ по вопросамъ о распредѣленіи практическихъ занятій, пользованія учебными пособіями и т. п. Такіе старосты были допущены на медицинскихъ факультетахъ нѣкоторыхъ университетовъ еще въ тридцатыхъ годахъ, причемъ имъ было поручено распредѣленіе (на основаніяхъ, указанныхъ профессорами) между студентами больныхъ въ клиникахъ, пособій и матеріаловъ—въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и институтахъ, а равно на нихъ возлагалось возможно удобное для студентовъ распредѣленіе экзаменовъ, подъ условіемъ, разумѣется, согласія профессоровъ. Вообще старосты должны были служить посредниками для сношеній профессоровъ съ курсомъ во всѣхъ случаяхъ, когда объясненія или переговоры со всею массою студентовъ были бы неудобны. По поводу выборовъ этихъ старостъ, происходившихъ обыкновенно въ перерывахъ между лекціями и не требовавшихъ созыва какихъ-либо сходокъ, а равно по по-

воду дѣятельности старостъ, никакихъ затрудненій не возникало. Съ теченіемъ времени выборъ такихъ же старостъ сталъ допускаться и на другихъ факультетахъ, причемъ и тутъ дѣятельность ихъ оказывалась по большей части полезною.

Такимъ образомъ, еще къ началу шестидесятыхъ годовъ въ большей части университетовъ возникли два вида студенческой организаціи: *земляческая* или *кружковая*, въ которую студенты вступали по свободному желанію, ища товарищескаго сближенія, основаннаго на общности личныхъ интересовъ и вкусовъ, или на связи, уже ранѣе существовавшей, съ членами землячества,— и *обще-студенческая*, въ которую,—въ принципѣ, по крайней мѣрѣ,—поступалъ всякій студентъ, въ силу одной его принадлежности къ университету.

Уставъ 1884 года отнесся отрицательно къ обоимъ видамъ организаціи; при этомъ, правила, изданныя въ развитіе устава, признавъ принципіально недопустимость какой бы то ни было корпоративности студентовъ, исходили изъ общаго принципа, что студенты суть граждане, состоящіе на общемъ положеніи, и смотрѣли на студентовъ какъ на отдѣльныхъ посѣтителей, связанныхъ съ университетомъ исключительно своими учебными занятіями и, въ качествѣ студентовъ, не стоящихъ другъ къ другу ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ. Послѣдствіемъ этого принципа явилось безусловное воспрещеніе какъ всякихъ студенческихъ собраній или сходокъ, такъ и какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ, кружковъ и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе всякой студенческой организаціи незаконною [1]). Съ этого времени всякаго рода студенческія общества и кружки—въ томъ числѣ и землячества—de jure поступили въ разрядъ недозволенныхъ тайныхъ сообществъ, а сходки обратились въ характерный симптомъ возникновенія въ университетѣ безпорядковъ.

Запрещеніе какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ, господствующимъ типомъ которыхъ уже давно стали землячества, не было, однако, въ силахъ уничтожить ихъ. Потребность въ сколько-нибудь организованномъ товарищескомъ общеніи оказалась сильнѣе всякихъ запрещеній. Возникнувъ и развившись на почвѣ жизненныхъ потребностей университетской молодежи, землячества продолжали существовать, существуютъ и умножаются

[1]) Исключенія изъ этого общаго правила, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣлались только по отношенію къ обществамъ, хотя бы студенческимъ, но имѣющимъ научное значеніе. Лишь въ самое послѣднее время послѣдовало общее разрѣшеніе подобныхъ научныхъ обществъ. Но, очевидно, такія общества не исчерпываютъ потребности юношества въ сколько-нибудь организованномъ товарищескомъ общеніи.

и въ настоящее время по той простой причинѣ, что громадная масса студентовъ не можетъ безъ нихъ обойтись и не можетъ помимо ихъ удовлетворить многія свои матеріальныя и духовныя потребности, причемъ ни благотворительность, ни, устройство хотя бы самыхъ благоустроенныхъ общежитій, въ которыя въ концѣ-концовъ студенты все-таки поступаютъ не по свободному влеченію, а по нуждѣ, не могутъ, во многихъ отношеніяхъ, дать имъ то, что̀ даетъ товарищеское общеніе.

Но не разрушивъ землячествъ, объявленіе ихъ, такъ сказать, внѣ закона, имѣло самыя печальныя и нежелательныя послѣдствія для дальнѣйшей ихъ судьбы и характера ихъ, наложивъ на нихъ отпечатокъ нелегальности и усиливъ среди молодежи стремленіе прибѣгать къ пріемамъ, свойственнымъ всякому тайному сообществу.

Хотя собственно за самую принадлежность къ землячествамъ студенты обыкновенно и не преслѣдовались, но все возростающая строгость полицейскихъ мѣръ, воспрещавшихъ студентамъ собираться даже въ небольшомъ числѣ, хотя бы на частныхъ квартирахъ,—для нихъ имѣла то же дѣйствіе и значеніе, которыя могло бы имѣть непосредственное и прямое преслѣдованіе землячествъ, существованіе коихъ иначе, какъ подъ условіемъ тайны и всевозможныхъ ухищреній, стало немыслимо. Такимъ положеніемъ дѣла, совершенно естественно и прежде всего, воспользовалась другого рода пропаганда, которая видѣла въ томъ нелегальномъ положеніи, въ какое были поставлены землячества, удобный случай вовлечь ихъ и склонить замѣнить тѣ чисто студенческія товарищескія задачи, выполнять которыя они были предназначены, другими, болѣе широкими цѣлями, имѣющими уже политическій характеръ, вовсе не соотвѣтствующій цѣлямъ и интересамъ университета. Результатомъ того явилась мысль, нашедшая себѣ, впрочемъ, почву первоначально только въ очень небольшомъ числѣ землячествъ,—мысль объ учрежденіи организаціи, хотя и создаваемой во имя нужды студенчества, но въ дѣйствительности направленной на систематическое противодѣйствіе всякимъ мѣропріятіямъ, отъ кого бы они ни происходили, несогласныхъ съ взглядами и желаніями организаціи, поставлявшей себѣ конечною цѣлью подчиненіе своимъ велѣніямъ всѣхъ студентовъ, а по возможности и всего университета. Подобнаго рода организаціи возникли въ разныхъ университетахъ подъ наименованіемъ то „союзнаго совѣта землячествъ“, то „исполнительныхъ“ или „центральныхъ комитетовъ“ и т. п. Они должны были состоять изъ делегатовъ землячествъ, изъ которыхъ каждый былъ извѣстенъ

только своимъ избирателямъ, оставаясь неизвѣстнымъ прочимъ землячествамъ; они-то и должны были взять въ свои руки объединеніе интересовъ землячествъ и, путемъ соединенныхъ усилій руководимыхъ ими студентовъ, съ цѣлью—всѣми дозволенными и недозволенными способами—защищать эти интересы, а равно „интересы университета", какъ понимали ихъ эти „совѣты" и „комитеты", т.-е., главнымъ образомъ, въ смыслѣ упроченія и расширенія своего собственнаго вліянія на всю университетскую жизнь. Такимъ образомъ, вновь задуманная общеуниверситетская организація отличалась отъ первоначальной земляческой, во-первыхъ, тѣмъ, что лица, ее составлявшія и долженствовавшія руководить ею, не были уже людьми, близкими другъ къ другу по своимъ товарищескимъ отношеніямъ, по близкому знакомству или въ силу давнишнихъ связей, а соединялись единственно въ силу избранія для участія въ управленіи организаціею,—во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ могли оставаться, и въ дѣйствительности почти всегда оставались другъ другу чуждыми, — а также и тѣмъ, что въ этой новой организаціи болѣе жизненныя для студентовъ цѣли взаимопомощи, товарищескаго дружескаго сближенія и т. п., отступили на второй планъ, уступая мѣсто болѣе широкимъ замысламъ, нерѣдко даже неизвѣстнымъ и несознаннымъ большинствомъ студентовъ.

Первоначально большинство землячествъ отнеслось отрицательно къ организаціи такихъ общихъ „союзныхъ совѣтовъ" и „комитетовъ", предвидя, что подобная организація поглотитъ ихъ, обезличитъ и помѣшаетъ выполнять ближайшія ихъ задачи, которыми они дорожили, *и опасаясь*,—и это особенно знаменательно,—*что присоединеніе къ союзу вовлечетъ ихъ въ дѣла, съ университетомъ ничего общаго не имѣющія.* Этотъ фактъ вполнѣ установленъ, какъ многочисленными дознаніями, которыя намъ лично приводилось изучать въ качествѣ прокурора палаты, а затѣмъ отчасти и попечителя учебнаго округа, такъ и запрётною литературою, изъ которой видно, что особаго рода кружкѝ постоянно и продолжительное время упрекали землячества за равнодушіе къ „высшимъ политическимъ стремленіямъ" и за отказъ соединиться въ союзъ для достиженія „высшихъ цѣлей". И дѣйствительно, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ послѣ возникновенія мысли объ объединеніи землячествъ въ одномъ центральномъ тайномъ обществѣ, попытки образовать такое общество не удавались, и хотя „союзные совѣты", комитеты, и т. п., неоднократно возникали, но они успѣвали привлечь къ себѣ не болѣе трехъ-четырехъ землячествъ даже въ мно-

голюдныхъ университетахъ, гдѣ землячествъ бывало нѣсколько десятковъ, — несмотря на то, что программы этихъ союзовъ и комитетовъ сулили землячествамъ защиту противъ притѣсненій въ видѣ поддержки,—умноженіе матеріальныхъ средствъ и т. п., а въ худшемъ случаѣ,—столь заманчивый для пылкаго юношества, блестящій вѣнецъ пострадавшихъ. Только по мѣрѣ усиленія репрессіи противъ университетовъ, часто неразборчивой, бьющей не по коню, а по оглоблямъ, и поражающей при этомъ какъ праваго, такъ и виновнаго, и по мѣрѣ все бо̀льшихъ затрудненій, которыя встрѣчали землячества,—они стали уступать настояніямъ сторонниковъ тайной общей организаціи и постепенно стали превращаться изъ негласныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ дозволенныя цѣли, въ настоящія тайныя сообщества, съ болѣе широкими, но въ то же время нерѣдко прямо противозаконными цѣлями. Движеніе это особенно усилилось въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ началѣ же девятидесятыхъ охватило большую часть землячествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и очень значительное число студентовъ. Успѣху этого движенія несомнѣнно содѣйствовала и та дезорганизація университетскаго управленія и власти, которая уже давно зародилась подъ вліяніемъ ложной политики администраціи по отношенію къ университетамъ, и которая завершилась уже на почвѣ закона, благодаря уставу 1884 года.

Тайная организація, представителями которой являлись разные „совѣты“ и „комитеты“, никогда не охватывала, однако, и нынѣ не охватываетъ большинства студентовъ, но, тѣмъ не менѣе, она сильна именно своею организаціею и представляетъ собою сплоченное ядро, имѣющее свое опредѣленное строеніе, свои о̀рганы и своихъ агентовъ, а равно и опредѣленный способъ дѣйствій, между тѣмъ какъ большинство студенчества представляетъ собою нестройную, ничѣмъ не связанную и даже разрозненную толпу, которая если и не желала бы вступать въ тайную и противозаконную организацію, то въ то же время была лишена возможности организоваться явно, на законномъ основаніи. Вслѣдствіе того, сплоченное и тайно не крѣпко организованное меньшинство почти всегда беретъ верхъ надъ неорганизованнымъ большинствомъ, причемъ ему подчиняются одни вслѣдствіе сознанія своего безсилія, другіе—изъ страха, третьи—по увлеченію, подъ впечатлѣніемъ данной минуты.

Такимъ образомъ, отрицаніе всякой корпоративности между студентами—отрицаніе, которое никогда не могло быть проведено до конца съ полною послѣдовательностью, такъ какъ сами

власти всегда говорятъ о студенчествѣ, какъ о чемъ-то *цѣльномъ*, и принимаютъ соотвѣтственно именно сему тѣ или другія мѣры,—а затѣмъ запрещеніе студентамъ группироваться въ явныя общества, хотя бы и съ вполнѣ дозволенными цѣлями, а наконецъ, все усиливающаяся неразборчивая репрессія противъ университетовъ—способствовали, болѣе чѣмъ что-либо другое, обращенію землячествъ изъ негласныхъ, но спокойныхъ и полезныхъ кружковъ—въ тайныя сообщества, вовлеченныя въ общую организацію иной разъ противогосударственнаго и во всякомъ случаѣ анти-университетскаго направленія. Въ настоящее время для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ университетами стало ясно, что нельзя надѣяться на упорядоченіе университетской жизни, не исправивъ роковой ошибки, на которую мы только-что указали. Уничтожить естественную потребность юношества въ товарищескомъ сближеніи, а равно искоренить стремленіе дать этому сближенію опредѣленную форму и организацію—очевидно, невозможно. Упорствовать въ этомъ отношеніи значило бы только усиливать зло, принявшее уже безъ того серьезные размѣры, и противодѣйствовать которому возможно только давъ спокойному и лучшему большинству студентовъ средства явно и на законномъ основаніи удовлетворять свои нужды и потребности и противопоставить свою легальную организацію тайной организаціи, возникшей среди учащейся молодежи главнымъ образомъ благодаря ложному и ненормальному положенію, въ которое оно было поставляемо въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Признавая такимъ образомъ безусловно необходимымъ приступить безотлагательно къ разрѣшенію давно назрѣвшаго вопроса объ организаціи студенчества, мы не закрываемъ глазъ на трудности, съ которыми связано это рѣшеніе. Лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ, этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ сравнительно легко, простою легализаціею, съ незначительными поправками, давно существовавшихъ землячествъ и подчиненіемъ ихъ контролю университета. Но время упущено, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ землячествахъ и возникло не мало трудностей, которыя прежде не существовали. Тѣмъ не менѣе, останавливаться передъ этими трудностями нельзя, и разрѣшить вопросъ о студенческой организаціи безусловно необходимо, такъ какъ отъ этого во многомъ зависитъ будущность университетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность всего нашего высшаго образованія.

Намъ кажется при этомъ, что слѣдуетъ дать рѣшительное предпочтеніе кружковой организаціи передъ обще-студенческой,

если понимать ее въ смыслѣ обязательнаго, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, участія въ ней всякаго студента, помимо прямого его желанія и намѣренія, въ силу одной принадлежности къ университету. Потребность въ такой организаціи, на которую часто ссылаются, представляется намъ фиктивною и обусловливается тѣмъ, что другая, дѣйствительная и жгучая потребность юношества въ товарищескомъ (организованномъ) общеніи, а равно въ свободной группировкѣ студентовъ, сообразно съ ихъ вкусами, наклонностями и симпатіями, никогда не имѣла до сихъ поръ возможности получить въ нашихъ университетахъ достаточное удовлетвореніе.

Мы увѣрены, что наиболѣе правильный путь къ разрѣшенію вопроса о студенческой организаціи заключается въ разрѣшеніи студентамъ устроивать общества (будь то землячества или другого рода кружки, члены которыхъ не связаны общимъ происхожденіемъ или воспитаніемъ —безразлично), но отнюдь не по какому-либо заранѣе опредѣленному шаблону,—напримѣръ, по „нормальному уставу“ и т. п.,—а сообразно съ разнообразными потребностями и стремленіями самихъ студентовъ, лишь бы цѣль и способъ дѣйствій этихъ обществъ были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признаны не противозаконными и не противоуниверситетскими. Каждое такое общество должно было бы имѣть свой особый уставъ, утвержденный подлежащею (учебною) властью, но всѣ эти общества должны находиться подъ контролемъ и подъ отвѣтственностью университета. Только такія общества, соотвѣтствующія всему разнообразію потребностей студентовъ и на столько связанныя съ университетомъ, чтобы въ нихъ могло развиться твердое сознаніе необходимости авторитета университета для самаго его существованія,—могли бы послужить могущественнымъ факторомъ для разумнаго и цѣлесообразнаго упорядоченія университетской жизни.

Но, желая организаціи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и разнообразныхъ студенческихъ обществъ, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаемъ противонравственный и, въ данномъ случаѣ, практически вредный принципъ: divide et impera!—примѣненіе коего къ студенческимъ организаціямъ сразу погубило бы ихъ. Мы, напротивъ, желали бы, чтобы студенческія общества, несмотря на свое разнообразіе и независимость другъ отъ друга, сливались въ общей университетской жизни, причемъ связью между ними должно, съ одной стороны, служить общее для всѣхъ регулирующее вліяніе университета, а съ другой стороны, и главнымъ образомъ, тѣ тысячи точекъ соприкосновенія, которыя

не могутъ не найтись между обществами одного и того же университета, въ которомъ студенты постоянно встрѣчаются и объединяются общими интересами. Въ виду сего, необходимо допустить и даже поощрять общеніе обществъ между собою, предоставивъ имъ, подъ контролемъ университета, найти формы, въ которыхъ это общеніе можетъ выразиться, причемъ существеннымъ и необходимымъ условіемъ этого общенія должны быть тѣ же гласность и легальность, которыя требуются для самыхъ обществъ.

Это, мы глубоко убѣждены, единственная почва, на которой возможно разумное удовлетвореніе какъ разнообразныхъ потребностей отдѣльныхъ группъ студентовъ, такъ и общихъ нуждъ университета, причемъ только на этой почвѣ могутъ выработаться соотвѣтствующія его интересамъ традиціи и студенческіе нравы, и только такое устройство студенчества можетъ сдѣлать ненужною всякую тайную организацію и тѣмъ самымъ ослабить ее; въ случаѣ же, если бы она возникла вопреки интересамъ университета,—явная и законная организація всегда будетъ служить вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ нея. Только этимъ путемъ, мы увѣрены, можно создать ядро студенчества, которое, опираясь на авторитетъ университета и дорожа своимъ легальнымъ существованіемъ, будетъ само заинтересовано, болѣе чѣмъ кто либо, въ охранѣ порядка и спокойствія въ университетѣ; при этомъ нѣтъ сомнѣнія, что въ тревожныя времена *къ этой явной* и сильной организаціи, коренящейся въ жизненныхъ потребностяхъ юношества, примкнетъ и все, что есть лучшаго и здороваго въ университетѣ, хотя бы оно стояло и внѣ самой организаціи.

VI.

На ряду съ правильностью организаціи университетскаго управленія и правильною организаціею студенчества, о которой мы только-что говорили, для благоустройства университетовъ имѣетъ и всегда имѣло огромное значеніе *отношеніе къ нимъ внѣуниверситетскихъ властей и общества*, а потому этого вопроса нельзя обойти молчаніемъ при обсужденіи реформы нашего высшаго образованія. Между тѣмъ, это отношеніе издавна было у насъ далеко не правильно, и потому почти всегда вліяло на университетскую жизнь, въ смыслѣ развитія волненій, въ самомъ нежелательномъ направленіи; въ этомъ отношеніи особо вредное вліяніе оказывала всегдашняя склонность отождествлять всякій университетскій безпорядокъ съ политическими волне-

ніями и противоправительственными стремленіями, въ то время какъ безпорядки въ университетахъ, если и далеко не всегда, то, смѣло можно утверждать, по большей части, первоначально возникали не на политической почвѣ, и только въ острые моменты своего дальнѣйшаго развитія получали окраску политическаго движенія подъ вліяніемъ тайной пропаганды, съ которою первоначально возникновеніе волненія имѣло мало общаго. При этомъ пропаганда пользовалась возбужденнымъ состояніемъ умовъ, чтобы раздуть безпорядки и воспользоваться смутою, чтобы увеличить число недовольныхъ, и этимъ косвеннымъ путемъ, хотя бы только отчасти, достичь своихъ нелегальныхъ и нерѣдко преступныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, едва ли не въ большей части случаевъ, масса молодежи, волнующейся по причинамъ вовсе не политическимъ и въ дѣйствительности чуждымъ собственно противоправительственнымъ стремленіямъ, становилась жертвою постороннихъ вліяній и происковъ, причемъ обыкновенно серьезные и болѣе вредные агитаторы умѣли всегда во̀время скрыться и избѣгнуть отвѣтственности, направивъ въ то же время волненіе такъ, чтобы тѣмъ вызвать возможно суровую и часто недостаточно разборчивую репрессію—и тѣмъ самымъ усилить общее неудовольствіе не только среди молодежи, но и во всемъ обществѣ.

Можно смѣло сказать, что легкость, съ которою власти, безъ достаточныхъ основаній, часто бывали склонны придавать всякому университетскому безпорядку значеніе революціоннаго движенія, оказывалась на руку прежде всего тѣмъ именно худшимъ противогосударственнымъ элементамъ, съ которыми власти желали бороться. А затѣмъ усиленная репрессія, обрушивающаяся безъ достаточнаго разбора на праваго и виноватаго, сама бросала, такъ сказать, болѣе чѣмъ что-либо другое, часть молодежи въ объятія пропаганды и, не подозрѣвая того, пополняла тѣмъ самымъ ряды худшихъ враговъ порядка. Но, независимо отъ такого самого по себѣ крупнаго зла, неправильное отношеніе властей къ волненіямъ молодежи влекло за собою и другія серьезныя послѣдствія, способствующія дезорганизаціи университетовъ и упадку въ нихъ всякой власти и авторитета.

Прежде всего, склонность властей признавать университетскія волненія событіями чуть ли не общегосударственной важности, требующими вмѣшательства высшаго правительства, общихъ мѣропріятій, измѣненія законовъ и т. п. (что̀ въ теченіе десятилѣтій дѣйствительно и бывало почти послѣ всякаго сколько-нибудь крупнаго университетскаго безпорядка), — имѣла самое растлѣ-

вающее вліяніе на настроеніе молодежи; молодежь, видя впечатлѣніе, производимое всякимъ движеніемъ въ ея средѣ, стала привыкать смотрѣть на себя *какъ на силу*, съ которой администраціи приходится считаться, и всякое проявленіе которой способно произвести чуть ли не государственное потрясеніе, общій переполохъ и привести въ движеніе, въ извѣстномъ направленіи, весь сложный механизмъ государственныхъ учрежденій.

Такой ложный взглядъ молодежи на свое значеніе, оправдываемый, притомъ, въ ея глазахъ, послѣдующимъ стеченіемъ обстоятельствъ, могъ, очевидно, только развить среди учащагося юношества легкомысленную самоувѣренность, къ которой оно и безъ того всегда склонно, а равно духъ своеволія и пренебреженія къ власти. Подобное настроеніе молодежи, въ сущности вызванное и взращенное если не всецѣло, то преимущественно отношеніемъ къ ней властей (разумѣется, вопреки собственному ихъ желанію), во многомъ объясняетъ ту легкость, съ которою возникаютъ и распространяются волненія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Между тѣмъ, чувствуя, какъ мы уже вскользь упомянули, потребность въ порядкѣ и сознавая необходимость авторитета, но, не находя ни того, ни другого, ни въ одной изъ отраслей университетской жизни, студенты пришли къ мысли о замѣнѣ авторитета университета собственнымъ своимъ авторитетомъ и о созданіи, можно сказать, *своихъ* порядковъ—путемъ безпорядка.

Наконецъ, громадное значеніе для созданія почвы, благопріятной для безпорядковъ, имѣли: modus agendi общей администраціи и характеръ ея отношеній къ университету и университетской молодежи. Тайно-полицейскій образъ дѣйствій администраціи, въ принципѣ совершенно тождественный съ пресловутымъ „словомъ и дѣломъ", только съ болѣе мягкими и современными формами,—какъ нельзя болѣе способствовалъ развитію всякихъ неудовольствій и проистекающихъ изъ такого источника волненій. Полицейское преслѣдованіе, основанное на доносахъ и тайномъ соглядатайствѣ, ничѣмъ не контролируемомъ, такъ какъ результаты тайныхъ розысковъ оставались по большей части неизвѣстными не только для заподозрѣнныхъ и обвиняемыхъ лицъ, но и для самихъ органовъ правительства (не исключая генералъ-губернаторовъ, попечителей и т. п.), т.-е. всѣхъ, кромѣ департамента полиціи,—отозвалось самымъ пагубнымъ образомъ на всемъ строѣ университета [1]).

---

[1]) Мы могли бы указать массу случаевъ, когда лица, разъ признанныя неблаго-

Неувѣренность въ личной безопасности, сознаніе, что ежеминутно—неизвѣстно по какому поводу и неизвѣстно откуда—можетъ разразиться гроза, способствовали развитію нервности и крайней сенситивности студентовъ, усложнившихъ до послѣдней степени сношенія какой бы то ни было власти съ ними. Хотя подобное преслѣдованіе въ дѣйствительности обрушивалось обыкновенно только на меньшинство студентовъ, но оно всегда грозило всѣмъ и каждому, и поселяло въ массѣ то чувство безпокойства и опасенія, которое дѣлало ее наиболѣе воспріимчивою ко всякому волненію и развивало склонность видѣть притѣсненіе и произволъ даже тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было.

Нельзя при этомъ не признать, что общая администрація чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась на ложный путь. Департаментъ полиціи, охранныя отдѣленія и городская полиція, совершенно утратили сознаніе необходимости различать простое, хотя бы и серьезное нарушеніе общественнаго порядка отъ нарушенія, грозящаго безопасности государства. Самая цѣль „закона объ охранѣ“ все болѣе и болѣе извращалась. Законъ этотъ, предназначенный первоначально для охраны именно государственной безопасности и имѣвшій главною своею цѣлью предупрежденіе и преслѣдованіе заговоровъ, бунтовъ, покушеній и т. п., сталъ все болѣе и болѣе примѣняться ко всякимъ нарушеніямъ, совершенно независимо отъ того, чего и кого касались эти нарушенія [1]). Такимъ образомъ, тайный розыскъ со всѣми его послѣдствіями, т.-е. принятіе мѣръ на основаніи доносовъ или агентурныхъ свѣдѣній, неизвѣстность (даже для правительственныхъ лицъ) мотивовъ, по которымъ та или другая мѣра принималась; разрѣшеніе дѣлъ и судьбы привлеченныхъ лицъ, тайно отъ учрежденій, къ которымъ они принадлежатъ; наложеніе взысканій невѣдомо на какихъ основаніяхъ—все это стало примѣняться все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ ко всякому студенческому волненію, причемъ органы администраціи стали нерѣдко пользоваться этими волненіями, какъ поводомъ или предлогомъ для захвата и удаленія лицъ, гораздо раньше намѣченныхъ, совершенно независимо отъ участія ихъ

надежными и подвергшіяся административной карѣ, всю жизнь претерпѣвали стѣсненія и неудобства, даже послѣ того, какъ основанія, подавшія поводъ къ наложенію кары, давно были опровергнуты.

[1]) Часто даже чисто полицейскіе проступки стали преслѣдоваться въ порядкѣ закона объ охранѣ, о чемъ дѣла не разъ восходили до сената и вызвали рядъ его разъясненій.

въ безпорядкахъ, а равно и даже въ такихъ случаяхъ, когда данное лицо въ дѣйствительности не участвовало и даже не могло участвовать въ безпорядкахъ (напримѣръ, при доказанномъ alibi, что̀ встрѣчалось не разъ въ моей попечительской практикѣ). Между тѣмъ, такія именно мѣры, въ сущности ничего общаго съ безпорядками не имѣвшія и преслѣдовавшія въ дѣйствительности иныя цѣли, но искусственно поставленныя въ связь съ безпорядками, болѣе всего раздражали молодежь, которая, не вѣря, чтобы въ этихъ мѣрахъ не участвовало начальство, обвиняла его въ произволѣ и несправедливости и теряла всякое уваженіе къ нему.

Все это, вмѣстѣ взятое, во-первыхъ, создало не только въ средѣ молодежи, но и въ обществѣ вообще настроеніе *враждебное* учебной власти, отъ которой не ждали не только защиты, но хотя бы простой справедливости; во-вторыхъ, обусловило нервность и раздражительность, дѣлающія массу студентовъ склонною примкнуть къ безпорядку по малѣйшему поводу. Въ-третьихъ, окончательно расшатало и дискредитировало и безъ того разслабленный даже самимъ закономъ авторитетъ университетскихъ властей и привело этотъ авторитетъ къ послѣдней степени паденія. Это же обстоятельство есть главный источникъ непорядковъ въ нашихъ университетахъ. Въ-четвертыхъ, оно сбило съ толку даже спокойную часть общества и студенчества и развило въ нихъ сочувствіе даже къ безобразнымъ проявленіямъ во время студенческихъ волненій и тѣмъ самымъ внесло новые элементы смуты въ стѣны университета, а равно усилило ихъ въ обществѣ.

Вотъ рядъ сложныхъ явленій, которыя можно оцѣнивать какъ угодно, но существованіе коихъ несомнѣнно и о которыхъ нельзя умолчать, говоря о причинахъ университетскихъ волненій и о мѣрахъ къ упорядоченію университетской жизни.

Огульное признаніе всякаго университетскаго волненія проявленіемъ противогосударственныхъ стремленій повлекло за собою распространеніе на эти волненія тѣхъ способовъ разслѣдованія и преслѣдованія, которые по мысли законодателя должны были имѣть примѣненіе вовсе не къ дѣламъ о юношескихъ волненіяхъ и даже вообще не къ дѣламъ о нарушеніи обыкновеннаго порядка (т.-е. благоустройства и благочинія), какъ бы крупно это нарушеніе ни было, а къ *случаямъ дѣйствительной государственной опасности*, какъ, напримѣръ, къ случаямъ заговора, бунта, возстанія, или приготовленія къ тому, и т. п. Другими словами, отожествленіе студенческихъ вол-

ненiй съ государственными преступленiями имѣло своимъ логическимъ послѣдствiемъ примѣненiе къ первымъ наравнѣ съ послѣдними закона о государственной охранѣ со всѣми многочисленными его аттрибутами, быть можетъ необходимыми въ случаяхъ, когда государству грозитъ опасность, но неумѣстными и вредными, когда рѣчь идетъ объ охраненiи или возстановленiи порядка въ учебномъ заведенiи, какъ бы нарушенiе этого порядка ни было серьезно. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтнiй опытъ распространенiя на университетскiя дѣла дѣйствiя закона о государственной охранѣ доказалъ несомнѣнно всю непригодность и нецѣлесообразность подобнаго прiема, ибо всѣ многочисленныя разслѣдованiя по поводу какъ общихъ университетскихъ волненiй, такъ и разнообразныхъ отдѣльныхъ случаевъ, а равно массовые аресты и высылки, не повели къ обнаруженiю какихъ-либо признаковъ государственныхъ преступленiй, а нанесли между тѣмъ нашимъ высшимъ учебнымъ заведенiямъ, обществу и косвеннымъ образомъ самому правительству не легко изгладимый вредъ.

Вредъ этотъ прежде всего выразился въ томъ, что примѣненiе къ дѣламъ объ университетскихъ волненiяхъ мѣръ, разсчитанныхъ на борьбу съ государственною опасностью, совершенно извратило отношенiе администрацiи къ этимъ дѣламъ. Причемъ примѣненiе къ университетскимъ дѣламъ безусловной тайны розыска, основаннаго главнымъ образомъ на агентурныхъ свѣдѣнiяхъ, не подлежащихъ сколько-нибудь гласной повѣркѣ, даже со стороны наиболѣе заинтересованныхъ учрежденiй,—имѣло самыя прискорбныя послѣдствiя [1]).

Система тайнаго розыска, господствовавшая по всѣмъ дѣламъ, касавшимся студенческой среды, не дала, какъ мы уже сказали, никакихъ результатовъ въ смыслѣ раскрытiя замысловъ, угрожающихъ государственной безопасности, но повела только къ развращенiю этой среды и усиленiю въ ней того именно нежелательнаго настроенiя, которое создаетъ самую благопрiятную почву для всякаго рода волненiй и безпорядковъ; вся масса учащейся молодежи, не исключая и самыхъ благонадежныхъ ея элементовъ, стала утрачивать чувство обезпеченности и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ силу сего постепенно пришла въ то ненормально возбужденное состоянiе, которое наиболѣе

[1]) Въ послѣднее время, измѣненiе прiемовъ разслѣдованiя дѣлъ о волненiяхъ въ учебныхъ заведенiяхъ и все чаще и чаще встрѣчающаяся замѣна тайнаго розыска формальными дознанiями (представляющими бóльшую гарантiю закономѣрности, правильности и достовѣрности) даетъ намъ основанiе думать, что и въ правящiя сферы проникло сознанiе нецѣлесообразности прежнихъ прiемовъ.

способствуетъ развитію подозрительности и раздраженія, лишающихъ даже самыхъ сдержанныхъ людей необходимаго спокойствія и разсудительности.

Ко всему вышеизложенному само собою присоединились другія невыгоды тайнаго розыска, не провѣряемаго никѣмъ изъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ и учрежденій, причемъ однимъ изъ наиболѣе невыгодныхъ такихъ послѣдствій собственно для учебнаго вѣдомства являлось то, что административные органы, производящіе розыскъ, будучи заинтересованы въ сущности только обнаруженіемъ политическихъ замысловъ (которыхъ они обыкновенно не находили), оставались совершенно равнодушными къ интересамъ университета. Благодаря этому, они, съ одной стороны долго продолжали слѣдовать своему обыкновенію скрывать отъ кого бы то ни было не только свои дѣйствія по розыску,— что было бы еще понятно,—но и добытые результаты, а съ другой стороны, органы эти считали нужнымъ выступать явно и активно только тогда, когда по ихъ мнѣнію обнаруженныя обстоятельства являлись уже настолько серьезными, что вмѣшательство собственно университетскихъ властей оказывалось недостаточнымъ, и когда самостоятельныя мѣропріятія администраціи становились уже необходимыми и неизбѣжными. Въ связи же съ этимъ администрація нерѣдко держалась по отношенію къ университетскимъ дѣламъ такъ-называемой системы *назрѣванія дѣлъ*, т.-е. системы скрыванія даже отъ наиболѣе заинтересованнаго начальства всѣхъ, хотя бы давно извѣстныхъ органамъ администраціи, обстоятельствъ, до тѣхъ поръ, пока дѣло не приметъ серьезный оборотъ (т.-е. пока дѣло, какъ говорится, „не назрѣетъ"), и когда наступитъ необходимость уже не домашнихъ или предупредительныхъ мѣръ начальства, а вмѣшательства общихъ административныхъ властей и строгой кары уже собственно съ ихъ стороны.

Такой образъ дѣйствій не разъ обнаруживался по отношенію къ московскому университету во время моего пятнадцатилѣтняго попечительства, особенно же ярко обнаружился по дѣлу о московскомъ „союзномъ совѣтѣ" землячествъ.

Несмотря на явно вредный характеръ этого сообщества, какъ съ точки зрѣнія общеправительственной, такъ и особенно еще болѣе съ точки зрѣнія академической,—ни я, ни университетъ не получили никакихъ сообщеній относительно существованія и организаціи этой вредной для университета ассоціаціи.

Между тѣмъ, впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ,

администраціи и охранѣ было извѣстно не только существованіе союза и его организація, но и весь личный составъ его управленія, и притомъ несомнѣнно, что всѣ члены этого управленія дважды подвергались задержанію, но затѣмъ были освобождаемы безъ всякихъ послѣдствій и продолжали свою дѣятельность. Объ этомъ университетъ и я узнали только тогда, когда союзъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ смѣлости и дерзости, самъ себя обнаружилъ, главнымъ образомъ, подпольными своими изданіями, которыя смѣло и почти явно распространялись въ университетѣ и обществѣ.

Такой способъ веденія дѣлъ, касающихся университета, и способъ принятія мѣръ, обусловленныхъ этимъ розыскомъ, не принося пользы общимъ интересамъ въ смыслѣ государственной охраны, наносилъ университетамъ и учебному вѣдомству вообще тяжкій вредъ: съ одной стороны, лишая ихъ всякой возможности принимать своевременно должныя мѣры и пресѣкать *зарождающееся зло*, а съ другой стороны—окончательно дискредитируя ихъ въ глазахъ не только молодежи, но и всего общества.

Не меньшій вредъ принесъ другой пріемъ, съ которымъ мнѣ тоже часто приходилось встрѣчаться во время моего попечительства, а именно пріемъ, заключающійся въ томъ, что администрація, пользуясь временемъ безпорядковъ для такъ-называемой „очистки общества отъ вредныхъ элементовъ", намѣчала заранѣе неблагонадежныхъ лицъ, но, не желая навлечь на себя вниманіе общества принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, оставляла ихъ въ покоѣ, а затѣмъ пользовалась временемъ волненія молодежи, чтобы включить этихъ лицъ въ общее число арестуемыхъ и высылаемыхъ на основаніи закона объ охранѣ, совершенно безотносительно къ тому, причастны ли они въ дѣйствительности къ безпорядкамъ, или нѣтъ. Между тѣмъ, въ глазахъ общества всѣ эти аресты и высылки естественно становились въ непосредственную связь съ безпорядками; а такъ какъ всегда обнаруживалось, что нѣкоторыя изъ лицъ, подвергнутыхъ административной карѣ, во время волненій, въ дѣйствительности никакого отношенія къ волненію молодежи не имѣли и не могли имѣть, то получалось впечатлѣніе произвола и несправедливости, которыя возмущали общественную совѣсть и подрывали довѣріе къ правительственнымъ распоряженіямъ. Значительная доля отвѣтственности за нихъ естественно возлагалась на учебное вѣдомство, хотя оно по большей части къ этимъ распоряженіямъ было непричастно, тѣмъ болѣе, что подобныя мѣры нерѣдко принимались даже вопреки его протестамъ и заявленію, что пользованіе временемъ

волненій для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, въ сущности не оправдываемыхъ самими безпорядками, а только прикрываемыхъ ими, какъ предлогомъ, способствуетъ только усиленію и обостренію волненія.

Такіе пріемы администраціи, тѣсно связанные съ неумѣстнымъ примѣненіемъ къ университетскимъ волненіямъ законовъ о государственной охранѣ, всегда оказывали самое пагубное вліяніе на жизнь нашихъ университетовъ и были тѣмъ болѣе вредны, что они вмѣстѣ съ тѣмъ колебали въ обществѣ и въ средѣ молодежи довѣріе и уваженіе не только къ университетскимъ властямъ, но и къ самому правительству.

Наконецъ, распространительное толкованіе и примѣненіе закона объ охранѣ къ студенческимъ волненіямъ, не соотвѣтствуя въ дѣйствительности тѣмъ условіямъ, для которыхъ законъ этотъ созданъ, имѣли еще особо пагубное и развращающее вліяніе на весь строй жизни нашихъ учебныхъ заведеній, благодаря тому, что среда, въ которой приходится дѣйствовать во время волненій, по своей воспріимчивости и горячности, представляетъ слишкомъ удобную и заманчивую почву для сторонниковъ смуты и агитаціи, стремящихся усилить неудовольствіе не только среди молодежи, но и во всемъ обществѣ.

Такимъ образомъ, примѣненіе къ университетскимъ дѣламъ порядка объ охранѣ, съ неизбѣжнымъ его спутникомъ, тайнымъ розыскомъ и т. п., не подчиненнымъ достаточному контролю, особенно вредно въ средѣ учащейся молодежи, толкая ее, такъ сказать, на нелегальную дѣятельность и, затѣмъ, губя множество людей не только безъ всякой пользы для кого бы то ни было (развѣ для агентовъ розыска), но съ явнымъ вредомъ для правительства, вѣру въ силу и достоинство коего оно подрываетъ въ глазахъ всего общества.

Вотъ мотивы, въ виду коихъ мы признаемъ распространеніе закона объ охранѣ и всѣхъ неизбѣжныхъ при семъ пріемовъ на университетскія дѣла совершенно несоотвѣтствующими самому назначенію этого закона и приносящими исключительно тяжкій вредъ, обусловливая ненормальныя отношенія властей къ университетамъ и развращая юношество.

Въ виду сего нельзя не признать необходимость коренного измѣненія всего порядка разслѣдованія и рѣшенія дѣлъ о волненіяхъ и безпорядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ по такого рода дѣламъ примѣненіе законовъ о государственной охранѣ вовсе не должно имѣть мѣста. Дѣла эти, какъ бы серьезны они ни были, должны входить въ кругъ вѣдомства самихъ учеб-

ныхъ заведеній и вообще учебнаго вѣдомства. Администрація же, само собою разумѣется, должна въ потребныхъ случаяхъ оказывать этому вѣдомству содѣйствіе, точно также какъ она обязана оказывать содѣйствіе и защиту не только всякаго рода учрежденіямъ, но и частнымъ лицамъ, которымъ грозитъ опасность или права которыхъ нарушаются.

Но самое разслѣдованіе и рѣшеніе дѣлъ, касающихся учебныхъ заведеній, хотя бы при содѣйствіи администраціи, должны оставаться подъ высшимъ надзоромъ и руководительствомъ учебнаго начальства. Оно должно получать всѣ свѣдѣнія по дѣламъ, касающимся, такъ или иначе, учебныхъ заведеній; но сверхъ того необходимо:

1) Чтобы при какомъ бы то ни было волненіи въ университетѣ, или по поводу университета, никакія фактическія данныя, извѣстныя администраціи и полиціи (всѣхъ наименованій), не были тайною для начальства университета.

2) Чтобы по всякому дѣлу, касающемуся собственно порядка въ университетѣ, и къ которому причастны студенты, подлежащія власти, сообщивъ университетскому начальству всѣ безъ изъятія фактическія свѣдѣнія, какія у нихъ имѣются, не предпринимали ничего по отношенію къ учащимся безъ согласія или требованія университетскихъ властей.

3) Чтобы всѣ дѣлопроизводства по всѣмъ дѣламъ о студенческихъ волненіяхъ были по возможности открыты лицамъ, уполномоченнымъ университетомъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, фактическія данныя, по мѣрѣ ихъ обнаруженія, были сообщаемы учебному начальству.

4) Право, указанное выше, т.-е. требованіе подробныхъ свѣдѣній, открытія дѣлопроизводства для ознакомленія, утрачивается начальствомъ студентовъ только въ томъ случаѣ, если власть, возбудившая преслѣдованіе противъ студентовъ, увѣдомляя о семъ университетъ (что̀ обязательно и теперь), положительно, *письменно и мотивированно* удостовѣрила, *что студентъ привлеченъ за общее преступленіе по дѣлу, которое къ университету и собственно къ академическимъ интересамъ прямого отношенія не имѣетъ*, ибо въ этомъ случаѣ студентъ подлежитъ общему порядку преслѣдованія, который университета уже не касается.

5) Всѣ дѣла, носящія характеръ студенческихъ волненій, какъ сказано выше, должны подлежать университетскому суду. Но если университетскій судъ усмотритъ обстоятельства, не подлежащія его вѣдѣнію, онъ обращаетъ дѣло къ соотвѣтствующему

по свойству дѣла порядку судопроизводства или къ администраціи по принадлежности. Въ виду сего и высылка по дѣламъ о безпорядкахъ изъ университетскаго города должна являться лишь *послѣдствіемъ* исключенія изъ университета, но никакъ не особою административною карою, не связанною (по времени своего дѣйствія и по способу осуществленія) съ приговоромъ суда, т.-е. не только удаленіе изъ города, но и высылка въ опредѣленное мѣсто должны составлять часть приговора университетскаго суда.

6) Мѣры по поводу университетскихъ волненій администрація должна принимать съ вѣдома и согласія университетскаго начальства.

Подводя итогъ всему сказанному нами, мы можемъ резюмировать нашу мысль въ томъ смыслѣ, что прочное упорядоченіе жизни нашихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній требуетъ не только реорганизаціи ихъ управленія и предоставленія учащейся молодежи въ свою очередь возможности правильно организоваться, но требуетъ еще въ той же и даже большей мѣрѣ коренного измѣненія политики администраціи и вообще измѣненія отношенія всѣхъ властей къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ ихъ слушателямъ, безъ чего никакое измѣненіе уставовъ или иныя преобразованія практическихъ результатовъ достигнуть не могутъ.

Засимъ, намъ остается обратиться еще къ двумъ весьма важнымъ вопросамъ: *въ чемъ*, по нашему мнѣнію, должна *заключаться реорганизація университетскаго управленія*, и *каковы должны быть главныя начала, на коихъ, какъ мы полагаемъ, должна сложиться организація студенчества.*

Графъ Павелъ Капнистъ.

ПАРИЗИНА

ПОЭМА

БАЙРОНА

I.

То часъ, когда въ тиши лѣсной
Льетъ звонко трель пѣвецъ ночной;
То часъ, когда отъ словъ любви
Огонь живой горитъ въ крови;
Когда сребристый плескъ ручьевъ
Похожъ на музыку безъ словъ;
Когда росой блестятъ цвѣты,
Смѣются звѣзды съ высоты,
Волна становится синѣй,
А на деревьяхъ листъ темнѣй;
Когда на небѣ и землѣ
Все спитъ въ прозрачной полумглѣ,
И споритъ свѣтъ съ ночною тьмой
Между закатомъ и луной.

II.

Но Паризина вышла въ садъ
Не слушать звонкій водопадъ;
Не тихій свѣтъ ночныхъ огней
Ее зоветъ во мракъ аллей;

Ее въ бесѣдку межъ кустовъ
Не ароматъ привлекъ цвѣтовъ,
И, къ соловьинымъ трелямъ глухъ,
Иныхъ мелодій жаждетъ слухъ.
Чу!... вѣтка хрустнула слегка,—
О, какъ дрожитъ ея рука!..
Чу!... шопотъ ласковый въ кустахъ...
Румянецъ счастья на щекахъ
У ней горитъ... Одинъ лишь мигъ—
И онъ къ ногамъ ея приникъ.

III.

Подъ властью сладостной мечты
Что̀ имъ до мелкой суеты?
Весь міръ ничто теперь для нихъ,
Они не дѣлятъ чувствъ своихъ
Ни съ кѣмъ на свѣтѣ. Точно вдругъ
Для нихъ все умерло вокругъ.
Вздохнетъ ли кто изъ нихъ порой,
Всю силу страсти роковой
Тѣмъ вздохомъ выдастъ. До конца
Ее не вынесли-бъ сердца.
Имъ дорогъ ихъ мятежный сонъ,
Хоть грѣшенъ, хоть опасенъ онъ.
Мы всѣ любили. Кто изъ насъ
Бояться могъ въ подобный часъ,
Иль разсуждать, что счастья ликъ
Мы видимъ только краткій мигъ?
Мы, лишь проснувшись, узнаемъ,
Что грёзъ волшебныхъ не вернемъ.

IV.

Но какъ сердца ихъ ни нѣжны,
Покинуть все-жъ они должны
Мятежной радости пріютъ.
Они другъ друга долго жмутъ
Въ объятьяхъ пламенныхъ своихъ.
Но что̀ же такъ тревожитъ ихъ?

Иль гаснетъ ихъ любви звѣзда?
Иль ждетъ ихъ черная бѣда?
Еще слились они въ одномъ
Лобзаньѣ страстномъ и нѣмомъ,
А ужъ преступная жена
Какимъ-то ужасомъ полна.
Далекихъ звѣздъ недвижный взоръ
Сулитъ ей строгій приговоръ.
И снова вздохъ, и нѣжный взглядъ,
Они разстаться не хотятъ.
Всему приходитъ свой черёдъ,
И мигъ разлуки настаетъ.
Они разсталися въ тиши,
Не сбросивъ тайный гнетъ съ души,
Съ боязнью смутной близкихъ бѣдъ,—
Вины недавней тяжкій слѣдъ.

V.

На одинокую кровать
Идетъ онъ лечь, чтобы мечтать
О ней. А грѣшная жена
Съ безпечнымъ мужемъ лечь должна.
Но какъ она тревожно спитъ!
Вся, какъ въ огнѣ, она горитъ;
То шепчетъ въ сладкомъ снѣ своемъ,
О чемъ не смѣетъ думать днемъ;
То страстно мужа обовьетъ,
То, вся дрожа, къ нему прильнетъ...
И наконецъ проснулся онъ,
Объятьемъ пылкимъ пробужденъ.
Онъ нѣжно смотритъ на нее:
Вѣдь ласки сонныя ея
Ему порукой, что она
И въ самомъ снѣ ему вѣрна.
И, не понявъ мятежныхъ грёзъ,
Супругъ сдержать не можетъ слёзъ.

VI.

Азо къ груди ее прижалъ
И жадно вслушиваться сталъ

Въ обрывки словъ. Но почему-жъ
Всвочилъ съ постели бѣдный мужъ,
Какъ будто ангела трубу
Услышалъ онъ? Такъ что-жъ, въ гробу
Не громче будетъ страшный гласъ
Его будить въ послѣдній часъ.
Предательствомъ невольнымъ сна
Вся жизнь его осуждена.
Въ неясномъ шопотѣ открытъ
Ея измѣны тяжкій стыдъ.
Но чье-жъ онъ имя услыхалъ,
Вдругъ прогремѣвшее, какъ валъ,
Когда изъ глубины морской
О скалы бѣшеный прибой
Бросаетъ доску, и пловецъ
Находитъ гибельный конецъ?
Чье имя слышалъ онъ? Гуго!
Какъ могъ онъ думать про него?
Гуго! Преступный сынъ родной,
Плодъ горькій шалости былой
Съ Біанкой... Кроткое дитя
Онъ обманулъ тогда шутя,
Сперва жениться обѣщалъ,
Но слова послѣ не сдержалъ...

VII.

На половину обнажилъ
Онъ свой кинжалъ, и вновь вложилъ
Въ ножны. Сверкающій клинокъ
Онъ занести надъ ней не могъ,—
Такимъ сіяньемъ красоты
Блистали нѣжныя черты.
Ее будить онъ не хотѣлъ
И молча на нее смотрѣлъ.
Но этотъ взоръ ужасенъ былъ.
Когда-бъ ее онъ разбудилъ,
То кровь бы въ ней заледенилъ.
Бросалъ ночникъ невѣрный свѣтъ
На слезъ горячихъ влажный слѣдъ,
И, сторожа глубокій сонъ
Жены, о мщеньѣ думалъ онъ.

VIII.

Вотъ наконецъ зажглась заря.
Онъ, нетерпѣніемъ горя
Всю ихъ вину скорѣй узнать,
Улики всюду сталъ сбирать,
Онъ ихъ нашелъ. Весь женскій штатъ
Свою вину загладить радъ.
Придворныхъ сплетницъ дружный хоръ
Предъ нимъ не скрылъ его позоръ.
И разомъ сорванъ съ тайнъ покровъ
Для подтвержденья смѣлыхъ словъ.
И скоро тайнымъ для него
Не оставалось ничего.

IX.

Онъ сердцемъ былъ суровъ и смѣлъ
И долго медлить не умѣлъ.
Вотъ, въ залѣ мраморной дворца,
Владѣтель славнаго вѣнца
Свершаетъ судъ. Вокругъ сидитъ
Блестящихъ рыцарей синклитъ.
Предъ нимъ преступная чета.
Одна—прекрасна, какъ мечта;
Другой—съ нахмуреннымъ челомъ,
Въ цѣпяхъ стоитъ передъ отцомъ
За преступленія свои
Рѣшенья грознаго судьи
Онъ ждетъ. Но гордой головой
Онъ не склонился предъ судьбой.

X.

И молчалива, и блѣдна,
Ждетъ горькой участи она.
Прелестный взглядъ глубокихъ глазъ
Передъ напоромъ бѣдъ угасъ.

Давно-ль мужей блестящихъ кругъ
Толпою былъ послушныхъ слугъ?
Давно-ль красавицъ пышныхъ рой
Спѣшилъ во слѣдъ за госпожой
Ея походку перенять,
Ея улыбкѣ подражать?
И если-бы надъ ней тогда
Нависла тяжкая бѣда,
Сверкнули-бъ тысячи очей,
Блеснули-бъ тысячи мечей.—
Теперь она для нихъ ничто,
И для нея теперь никто,
Живымъ участьемъ зараженъ,
Меча не вынетъ изъ ноженъ.
Всѣ молча, головы склоня,
Сидятъ, безстрастіе храня.
Гдѣ-жъ тотъ, чье вѣрное копье
Служило прихотямъ ея,
Кто за нее, не будь оковъ,
Со всѣми въ бой вступить готовъ?
Стоитъ въ цѣпяхъ онъ рядомъ съ ней,
Не видитъ онъ ея очей,
Не видитъ слезъ... Его любя,
Она груститъ не за себя.
Давно-ль вѣкъ нѣжныхъ бѣлизна
Была слегка оттѣнена
Тончайшей сѣткой синихъ жилъ?
Давно-ль лобзанія манилъ
Ихъ видъ? Теперь покровъ сухой
Глазамъ защитой былъ плохой...
Такъ, молчалива и блѣдна,
Льетъ слезы горькія она.

XI.

И онъ едва не зарыдалъ
Надъ ней, но свой порывъ сдержалъ,
И предъ холодною толпой
Стоялъ спокойный и нѣмой.
Предъ ними онъ собой владѣлъ,
Но ей въ глаза взглянуть не смѣлъ,

А между тѣмъ въ душѣ больной
Тѣснились быстрой чередой
Воспоминанья прежнихъ дней...
Въ грядущемъ—ненависть людей,
И гнѣвъ небесъ, и злая месть
Отца... Ахъ, все готовъ онъ снесть,
Но ей каковъ грозитъ удѣлъ?
И на нее онъ не хотѣлъ,
Не могъ взглянуть, и тяжело
И ясно чувствовалъ все зло,
Что онъ принесъ себѣ и ей
Любовью грѣшною своей.

XII.

Азо сказалъ: „Вчера лишь я
Мечталъ, что дружная семья
Есть у меня... О, лживый сонъ!
Не повторится больше онъ.
Одинъ я долженъ дни влачить...
Но развѣ могъ я поступить
Иначе? Нѣтъ, ступай, Гуго!
Я приговора своего
Не измѣню... И настаетъ
Твой часъ. Тебя священникъ ждетъ.
Спѣши съ горячею мольбой:
Умрешь ты съ первою звѣздой.
Прощенье неба, можетъ быть,
Еще ты въ силахъ заслужить;
Но здѣсь намъ мѣста не сыскать,
Гдѣ-бъ мы могли вдвоемъ дышать.
Я не пойду на казнь... Жена,
Ты замѣнить меня должна!
Тебѣ пріятно посмотрѣть,
Какъ онъ съумѣетъ умереть!
На казнь пойдешь ты... Да, иди—
Дыханья нѣтъ въ моей груди...
О, скрой нечистыя черты!
Его убійцей будешь ты...
Ступай. Позорной казни видъ
Тебя, быть можетъ, оживитъ.

Тогда, примѣрная жена,
Ты жить по прежнему вольна“!

XIII.

Азо закрылъ глаза рукой.
Къ челу горячею волной
Вся кровь прихлынула его.
И, чтобъ волненья своего
Передъ толпой не обнажить,
Лицо свое спѣшитъ онъ скрыть...
Гуго, оковами звеня,
Промолвилъ: „Выслушай меня“!
И молча внемлетъ властелинъ,
Что̀ въ оправданье скажетъ сынъ.
„Ты въ битвахъ видывалъ меня.
Мой конь отъ твоего коня
Не отставалъ. Мой вѣрный мечъ
Не мало видѣлъ грозныхъ сѣчъ.
Обильнѣй лилъ онъ кровь враговъ,
Чѣмъ твой палачъ пролить готовъ.
Повѣрь, я смерти не боюсь,
Легко я съ жизнью разстаюсь;
Но бѣдной матери обидъ
И моего рожденья стыдъ
Я не забылъ, отецъ, о, нѣтъ:
Въ душѣ остался страшный слѣдъ.
Теперь мы съ матерью моей
Разскажемъ сонмищу тѣней,
Какъ ты умѣлъ цѣнить любовь,
Какъ ты берегъ родную кровь.
Передъ тобой моя вина
Тобой самимъ порождена.
Ты знаешь самъ: жена твоя—
Невѣста бывшая моя.
Плѣнившись ей, ты сталъ искать,
Ка̀къ у меня ее отнять.
Легко ты въ замыслѣ успѣлъ!
Ты ставить мнѣ въ упрекъ посмѣлъ
Мое рожденье—твой позоръ.
Коротокъ былъ неравный споръ...

Надежный мечъ и эта грудь
Себѣ пробили-бъ къ славѣ путь!
И предковъ Эсте длинный рядъ
Гордиться мною былъ-бы радъ.
Ужель на доблести даетъ
Намъ право только знатный родъ?
Когда летѣлъ въ толпѣ бойцовъ
Я съ крикомъ: „Эсте"! на враговъ,
Изъ гордыхъ принцевъ и князей
Кто былъ, скажи, меня смѣлѣй?
Я о винѣ своей молчу;
Отсрочки краткой не хочу.
Коль умереть мнѣ суждено,
Сейчасъ, потомъ, не все-ль равно?..
Къ чему мнѣ жить? Моя тоска,
Повѣрь мнѣ, слишкомъ глубока.
Пускай меня лишилъ твой грѣхъ
Рожденья знатнаго утѣхъ,
Но все-жъ въ иныхъ чертахъ лица
Напоминаю я отца.
И въ сердце гордое мое
Вложилъ, отецъ, ты все свое.
Ты далъ мнѣ свой мятежный нравъ,—
Но что̀ съ тобой? Иль я не правъ?—
И мощь руки, и сердца жаръ—
Все это твой невольный даръ.
Смотри, отецъ: природа-мать
Тебя рѣшила наказать
И, возмущенная грѣхомъ,
Отмстила сыномъ-двойникомъ.
А что до жизни, то едва-ль
Ее теперь мнѣ больше жаль,
Чѣмъ было жаль свою тебѣ,
Когда, довѣрившись судьбѣ,
Мы вмѣстѣ мчались по тѣламъ
Во слѣдъ испуганнымъ врагамъ.
Вѣдь все, что̀ манитъ впереди,
Сномъ скучнымъ станетъ позади...
Зачѣмъ не умеръ раньше я?
Моя невѣста, мать моя—
Одна, одна во слѣдъ другой,
У сына отняты тобой...

И все-жъ къ тебѣ какъ ко врагу
Я относиться не могу!
И хоть теперь твой судъ жестокъ,
Но развѣ быть инымъ онъ могъ?
Таковъ ужъ неба приговоръ:
Въ рожденьѣ—стыдъ, въ концѣ—позоръ.
Вѣдь ты во мнѣ казнишь заразъ
За общій грѣхъ обоихъ насъ.
Здѣсь судъ людской ко мнѣ такъ строгъ...
Такъ пусть же насъ разсудитъ Богъ!"

XIV.

Онъ замолчалъ. До всѣхъ ушей
Донесся тихій звонъ цѣпей,
И ранилъ онъ, какъ острый ножъ,
Сердца суровыя вельможъ.
Но все вниманье ихъ влечетъ
Лишь Паризина. Какъ снесетъ
Она судьбы тяжелый гнетъ?
Блѣдна, какъ смерть, стоитъ она,
Его несчастія вина.
Куда-то вдаль передъ собой
Вперила взоръ недвижный свой.
И точно вышли изъ орбитъ
Ея глаза. Былъ страшенъ видъ
Ея безжизненныхъ очей,—
Казалось, кровь застыла въ ней.
Порою мертвые глаза
Живила чистая слеза,
И, вѣрно, крупныхъ слезъ такихъ
Никто не видывалъ изъ нихъ.
Ея уста раскрылись. Вдругъ
Послышался неясный звукъ,
Какъ сердца раненаго стонъ,
Ея страданье выдалъ онъ...
И вновь она заговорить
Пыталась; но едва раскрыть
Могла уста, какъ въ тотъ же мигъ
Раздался безнадежный крикъ,
И, какъ стрѣлой поражена,

На землю грянулась она.
Лежитъ она у ногъ его,
Какъ съ пьедестала своего
Статуя сбитая грозой.
Кто-бъ въ этой женщинѣ нѣмой
И блѣдной, кто узналъ-бы ту,
Что такъ лелѣяла мечту
О счастьѣ, и могла такъ пасть,
Когда душой владѣла страсть?
Но все-жъ еще она была
Жива, и въ чувство вновь пришла.
А бѣдный разумъ изнемогъ
Подъ гнетомъ горя и тревогъ.
Несчастьемъ пораженный умъ
Рождаетъ хаосъ дикихъ думъ.
Такъ, отъ дождя намокшій лукъ
Ужъ не по прежнему упругъ,
И ослабѣвшей тетивой
Бросаетъ стрѣлы стороной.
Ей было прошлое блѣдно,
И все грядущее темно...
Въ немъ только проблески одни,
Какъ молній быстрые огни
Въ часъ бури злой, во тьмѣ ночей,
Путь освѣщали передъ ней.
Смертельный страхъ у ней въ груди,
Бѣда глухая позади,
Позоръ и стыдъ со всѣхъ сторонъ.
Чтò это,—смерть, иль тяжкій сонъ?
Сейчасъ должны казнить... кого?
Она не помнитъ ничего.
Но все знакомо ей вокругъ...
И этихъ лицъ знакомъ ей кругъ...
Иль то враги? Зачѣмъ ихъ взоръ
Ей шлетъ презрѣнье и укоръ?
Въ груди тоска, въ глазахъ туманъ,
Несвязныхъ мыслей ураганъ....
То ужасъ сердце ей сожметъ,
То вдругъ надежда промелькнетъ,
И плача, и смѣясь, она
Оковы тягостнаго сна

Стремится сбросить поскорѣй...
Не удается это ей.

XV.

Чу!... звонъ протяжный и густой
Несется съ башни угловой.
И, какъ разлуки тяжкій стонъ,
Колоколовъ печальный звонъ
Улыбку гонитъ прочь съ лица,
Ложится гнетомъ на сердца.
Несется гимнъ колоколовъ
Для мирныхъ жителей гробовъ
И для того, кто изъ живыхъ
Сегодня ляжетъ среди нихъ.
Прощальный звонъ гудитъ волной,
Какъ плачъ о жизни молодой.
Ужъ часъ послѣдній наступилъ.
Гуго колѣна преклонилъ
Передъ своимъ духовникомъ.
Стоитъ съ блестящимъ топоромъ
Палачъ у плахи, а кругомъ
Надежной стражи виденъ рядъ.
Палачъ то кинетъ быстрый взглядъ
На свой топоръ, то имъ взмахнетъ,—
Руки подвижность узнаетъ.
Вокругъ густѣла между тѣмъ
Толпа. Хотѣлось видѣть всѣмъ,
Какъ сынъ умретъ подъ топоромъ,
На плаху преданный отцомъ.

XVI.

Былъ лѣтній вечеръ. Въ этотъ часъ
Еще блескъ солнца не погасъ.
Улыбкой вѣчною своей
Надъ горемъ мелочнымъ людей
Оно смѣялось. Лучъ его
Упалъ на голову Гуго
Въ тотъ мигъ, когда духовнику

Онъ повѣрялъ свою тоску
И съ нею грѣхъ послѣдній свой;
Затѣмъ, склонившись головой,
Внималъ онъ тѣмъ святымъ словамъ,
Что шлютъ забвеніе грѣхамъ.
Пока молитву онъ шепталъ,
Лучъ солнца весело игралъ
На шелковистыхъ волосахъ,
Волною темной на плечахъ
Лежавшихъ. Быстрая игра
Лучей на стали топора
Еще казалась веселѣй.
Ужасный часъ! Никто изъ всей
Толпы, какъ ни былъ онъ жестокъ,
Сдержать дрожь ужаса не могъ.
Великъ былъ грѣхъ. Законъ былъ строгъ.

XVII.

Слова напутственной мольбы
Надъ тѣмъ, кто волею судьбы
Былъ злымъ соперникомъ отца,
Ужъ отзвучали до конца.
Грѣховъ и четокъ длинный счетъ
Оконченъ. Онъ сейчасъ умретъ.
Ужъ сброшенъ плащъ, и со своей
Волной каштановыхъ кудрей
Разстаться долженъ онъ сейчасъ,
И это кончено. Заразъ
Онъ долженъ платье снять свое
И шарфъ, безцѣнный даръ ея.
И завязать глаза платкомъ
Они хотятъ ему потомъ.
Но нѣтъ! Подобнаго стыда
Онъ не допуститъ никогда.
Все, что̀ въ груди давно таилъ,
Въ порывѣ гнѣва онъ излилъ,
Платокъ у палача въ рукахъ
Увидѣвъ. Какъ? Иль низкій страхъ
Дорогу зналъ къ душѣ его?
„Ужель вамъ мало моего

Дыханья, крови, смертныхъ мукъ,
Закованныхъ въ желѣзо рукъ?
Повязку трусовъ бросьте прочь!
Мнѣ не страшна могилы ночь;
Руби!"—И смѣло положилъ
На плаху голову. То былъ
Его послѣдній звукъ земной.
Топоръ блеснулъ надъ головой.
Глухой ударъ—и вмигъ она
Отъ сильныхъ плечъ отдѣлена,
И крови пурпурный потокъ
Изъ раны хлынулъ на песокъ!
Движенье губъ... дрожанье вѣкъ...
И все затихло въ немъ на вѣкъ.
Такъ умеръ онъ. Передъ концомъ
Онъ примиреніе съ Творцомъ
Мольбой горячей заслужилъ,
Когда предъ старцемъ онъ склонилъ
Колѣно, въ жизни для него
Не оставалось ничего.
Отецъ, любовь его... Далекъ
Онъ былъ отъ нихъ. И злой упрекъ
Былъ чуждъ молящимся устамъ.
Въ немъ все стремилось къ небесамъ.
Онъ измѣнилъ себѣ лишь разъ,
Когда просилъ повязкой глазъ
Передъ концомъ не закрывать,
Послѣднимъ взоромъ чтобъ послать
Всему прощальный свой привѣтъ
Предъ тѣмъ, какъ кинуть этотъ свѣтъ.

XVIII.

Въ толпѣ царила тишина.
И грудь у каждаго полна
Была смятеньемъ и тоской.
Когда раздался звукъ глухой,
Всѣ содрогнулись, словно токъ
Чрезъ нихъ прошелъ. Никто не могъ
Свой вздохъ глубокій удержать;
И продолжали всѣ молчать.

Вотъ въ тишинѣ раздался вдругъ
Ужасный крикъ. Гдѣ этотъ звукъ
Родился? Такъ могла лишь мать
Надъ трупомъ сына закричать.
Иль это стонъ души больной?
А звукъ неровною волной
Межъ тѣмъ сквозь темный переплетъ
Дворцовыхъ оконъ вверхъ плыветъ.
Всѣ оглянулись. Но окно
Уже безмолвно и темно.
То былъ крикъ женщины. Едва-ль
Рождала жгучая печаль
Когда-нибудь подобный крикъ.
Невольно всякій въ этотъ мигъ
Больному сердцу пожелалъ,
Чтобъ жизнь тотъ крикъ ему прервалъ.

XIX.

А гдѣ-жъ она? Ея лица
Въ бесѣдкахъ, въ комнатахъ дворца
Никто ужъ больше не встрѣчалъ,
Никто отнынѣ не назвалъ
Ее по имени. Оно
Забвенью также предано.
Самъ князь отнынѣ никогда
Не называлъ ихъ... Шли года,
Исчезла память, словно дымъ.
Холма могильнаго надъ нимъ
Никто насыпать не хотѣлъ.
Ея-жъ невѣдомый удѣлъ
Навѣки былъ окутанъ тьмой,
Какъ прахъ подъ крышкой гробовой.
Иль въ монастырь она ушла
И тамъ спасенье обрѣла
Цѣной нерадостныхъ годовъ
Поста, раскаянья, трудовъ?
Иль тайный ядъ, или кинжалъ
Ея измѣну покаралъ?
Иль разомъ, вмѣсто долгихъ мукъ,
Ее сразилъ короткій звукъ,

Когда топоръ, блеснувъ, упалъ?
Быть можетъ, Богъ тогда послалъ
Ей смерть по благости своей...
Не зналъ никто, что было съ ней.
Одно лишь ясно: умерла
Она въ страданьѣ, какъ жила...

XX.

Вокругъ Азо опять семья:
Жена, красавцы сыновья...
Но ихъ не могъ онъ полюбить.
Онъ сына перваго забыть
Ужъ никогда не въ силахъ былъ.
Съ печальнымъ вздохомъ онъ слѣдилъ
За ростомъ юныхъ сыновей.
Своихъ нахмуренныхъ бровей
Онъ никогда не раздвигалъ;
Никто изъ близкихъ не видалъ
Его улыбки или слезъ.
Морщины, слѣдъ житейскихъ грозъ,
Съ собой мучительной борьбы,
Рѣзцомъ безжалостной судьбы
На лбу прорѣзаны его.
Все миновало для него,
Все, кромѣ ряда скучныхъ дней
И злой безсонницы ночей;
Равно чужда ему была
Людская брань иль похвала.
Смотрѣть въ себя онъ избѣгалъ,
А самъ въ борьбѣ изнемогалъ:
Онъ ихъ досель не могъ забыть,
И имъ досель не могъ простить!
И подъ нахмуреннымъ челомъ
Порой кипѣла жизнь ключомъ.
Зимой студеной такъ вода
Бѣжитъ подъ толстымъ слоемъ льда,
Иль чувства, вложенныя въ грудь
Природой, могутъ такъ заснуть?
Коль непослушная слеза
На наши просится глаза

И мы усильемъ превозмочь
Ее хотимъ и гонимъ прочь,—
Она течетъ въ себѣ, назадъ,
Въ родникъ души. Тамъ чудный кладъ
Незримыхъ слезъ. И не даетъ
Замерзнуть имъ наружный ледъ.
Но, если прежнихъ чувствъ подъемъ
Не умиралъ съ годами въ немъ,
То имъ заполнить пустоту
Не могъ онъ. Сладкую-жъ мечту
Загробной встрѣчи не питалъ.
И хоть онъ ясно сознавалъ,
Что судъ его былъ справедливъ,
Что, грѣхъ ужасный совершивъ,
Они одни судьбы своей—
Вина, но все-жъ остатокъ дней
Влачилъ онъ съ тайною тоской....
Такъ, если бережной рукой
Древесный стволъ освободить
Отъ старыхъ сучьевъ,—будетъ жить
Онъ съ этихъ поръ еще полнѣй;
Но коль шатеръ живыхъ вѣтвей
Огонь небесный опалитъ,
Ничто ужъ стволъ не оживитъ,
И, въ холодъ смерти погруженъ,
Не дастъ зеленыхъ листьевъ онъ.

Перев. С. Ильинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ЗЕМЦА

Окончаніе.

X [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ у меня составилось опредѣленное мнѣніе относительно значенія въ деревенской жизни народной школы. Какъ предводитель дворянства, я былъ предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, завѣдывавшаго персоналомъ учителей и всей учебной частью; по должности предсѣдателя земской управы, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ находились всѣ ассигнуемыя на народное образованіе средства. Судьба народной школы въ N—скомъ уѣздѣ такимъ образомъ находилась, до извѣстной, довольно значительной степени, въ моихъ рукахъ. И до службы, и въ ея началѣ, я придавалъ народной школѣ не только громадное, но первенствующее значеніе,—видѣлъ въ ней чуть ли не панацею отъ всѣхъ деревенскихъ золъ и напастей. Главнымъ врагомъ я считалъ мужицкое невѣжество;—главнымъ орудіемъ, слѣдовательно, должно было быть образованіе. Успѣшная народная школа была въ моихъ глазахъ залогомъ успѣшной борьбы съ невѣжествомъ. Это, впрочемъ, была доминирующая идея того времени. Къ сожалѣнію, не имѣя абсолютно никакихъ познаній ни въ педагогіи вообще, ни въ спеціальностяхъ народно-школьнаго дѣла въ осо-

---

[1]) См. выше: октябрь, стр. 619.

бенности, я не могъ считать себя хоть сколько-нибудь компетентнымъ какъ въ опредѣленіи степени полезности учителей, такъ и въ цѣлесообразности ихъ учебныхъ пріемовъ и методовъ. А это, конечно, было однимъ изъ главныхъ пунктовъ, и въ этомъ отношеніи мнѣ пришлось всецѣло опереться на опытъ и знанія другихъ членовъ училищнаго совѣта. Членами въ немъ отъ земства были вначалѣ Л. и, кажется, Николай Иванычъ; затѣмъ Л. и П.; Л. былъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, и принималъ участіе только въ засѣданіяхъ совѣта, разъ въ два мѣсяца, когда пріѣзжалъ на съѣздъ судей; послѣ того, какъ онъ вышелъ въ отставку, онъ ни разу не присутствовалъ и на нихъ. Школъ на мѣстахъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не посѣщалъ. П. былъ выбранъ той же осенью въ члены губернской земской управы, жилъ въ Z., за 300 слишкомъ верстъ, пріѣзжалъ въ имѣніе только лѣтомъ, и потому тоже не могъ принимать какого-либо активнаго участія въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, земство имѣло только номинальное представительство въ совѣтѣ. Члены, священникъ и смотритель уѣзднаго училища, о дѣятельности которыхъ я уже говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, ворочали всѣмъ учебнымъ дѣломъ;—по ихъ же представленіямъ опредѣлялось учительское жалованье и издерживались деньги на книги, учебныя пособія, и т. д. Насколько я могъ судить, дѣло велось по возможности удовлетворительно, пока они были въ немъ почти самостоятельными. Съ учрежденіемъ института директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ этотъ порядокъ сразу круто измѣнился. Смотритель уѣзднаго училища былъ очень скромный, уже пожилой человѣкъ, которому сравнительно недолго оставалось до пенсіи; съ пріѣздомъ инспектора, который дѣлался его прямымъ и непосредственнымъ начальникомъ, онъ сразу утратилъ всякій интересъ къ народной школѣ, и сталъ относиться къ ней только строго формально;—онъ шепнулъ мнѣ втихомолку, что „пуганая ворона куста боится“, и очевидно не желалъ ни дѣлать какихъ-либо распоряженій, ни аттестовать учителей, боясь какъ-нибудь, въ чемъ-нибудь, хотя бы невольно, поперечить начальству. Училищный совѣтъ совершенно потерялъ его очень цѣнную дотолѣ помощь. Такіе-то факты,—а ихъ мнѣ пришлось пережить не мало за время моей службы,—и привели меня къ тѣмъ заключеніямъ о значеніи самостоятельности въ какой-либо работѣ, которыя я высказалъ въ предъидущей главѣ. Смотритель былъ очень друженъ съ священникомъ,—который, кстати, до новаго положенія, и былъ выборнымъ предсѣдателемъ совѣта;—народная школа до нашествія инспектора была ихъ конькомъ и

гордостью;—я думаю, что и полное довѣріе земства, и тѣ горячія благодарности, которыя высказывались имъ каждымъ собраніемъ, играли нѣкоторую роль. Когда смотритель отстранился такъ рѣзко,—и священникъ уже не могъ чувствовать прежней охоты и рвенія; прежде у него былъ симпатичный ему сотрудникъ, съ которымъ онъ сжился и столковался, — а его мѣсто занялъ новый пріѣзжій чинъ, державшій себя совсѣмъ на другой ногѣ, чѣмъ смиренный смотритель;—это было уже начальство, хотя и постороннее священнику, но все-таки начальство. Личность инспектора совсѣмъ не сохранилась въ моей памяти;—я не сомнѣваюсь, что это былъ болѣе или менѣе безцвѣтный человѣкъ, такъ какъ я отлично помню всѣхъ, даже хоть чѣмъ-нибудь отличавшихся канцелярскихъ писцовъ; но хотя онъ и былъ безцвѣтенъ и незначителенъ, какъ общественный дѣятель, несомнѣнно то, что засѣданія училищнаго совѣта совершенно измѣнили свой характеръ.

Здѣсь будетъ у мѣста описать работу и дѣятельность всѣхъ подобныхъ уѣздныхъ коллегіальныхъ учрежденій. Большинство ихъ состава было одно и то же,—мѣнялись только нѣкоторые члены, смотря по присутствію. Читатель уже знакомъ съ ихъ персоналомъ въ N—скомъ уѣздѣ. Я, какъ предсѣдатель, исправникъ и Николай Иванычъ, какъ членъ отъ земской управы, засѣдали во всѣхъ; затѣмъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ засѣдалъ непремѣнный членъ, вышеописанный И.; въ воинскомъ—представитель отъ военнаго вѣдомства, и, во время призыва, отъ мѣстныхъ жителей призывнаго участка и врачи. Составъ училищнаго совѣта подробно описанъ выше. По воинскому присутствію у насъ никогда не было никакихъ пререканій или личныхъ недоразумѣній. Оно съ самаго начала предоставило какъ толкованіе различныхъ, не вполнѣ ясныхъ статей устава, такъ и все дѣлопроизводство относительно приведенія его въ исполненіе—въ мое распоряженіе; ни споровъ, ни препирательствъ никогда не было и дѣло шло чрезвычайно гладко; — всѣ члены относились къ нему только формально, присутствовали въ засѣданіяхъ въ смыслѣ отбыванія одной изъ повинностей ихъ служебнаго положенія. Въ крестьянскомъ присутствіи споры были постоянные и хроническіе, хотя и никогда не выходили за его предѣлы, — мы улаживали ихъ между собою. Я, непремѣнный членъ и Николай Иванычъ неизмѣнно были на одной сторонѣ противъ исправника по двумъ вопросамъ—относительно продажи крестьянскаго имущества за недоимки и взысканій съ волостного и сельскаго начальства властью исправника единолично, какъ уѣзд-

наго полицейскаго начальника. Право этихъ взысканій за какія бы то ни было упущенія по должности—наказаній арестомъ при полицейскомъ управленіи,—чтò означало пріѣздъ наказаннаго въ городъ,—или при волостномъ правленіи и штрафованія деньгами—принадлежало уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, какъ коллегіи; но исправникъ, кромѣ того, имѣлъ то же право и въ тѣхъ же размѣрахъ, и въ отдѣльности, но только за нерадѣніе и упущенія этого деревенскаго начальства по взысканію повинностей; на практикѣ это ограниченіе, конечно, не соблюдалось, и, въ сущности, все выборное крестьянское начальство было подвержено произволу исправника. Взысканіе повинностей лежало цѣликомъ на обязанностяхъ полицейскаго управленія;—крестьянское присутствіе только разсматривало описи крестьянскаго имущества, назначеннаго въ продажу за недоимки, и составлявшіяся полиціей, и разрѣшало, согласно особому закону, вопросъ о томъ, чтò можетъ быть продано безъ ущерба для мужицкаго хозяйства. Этотъ-то порядокъ и вызывалъ столкновенія съ исправникомъ. На волости недоимка—исправника понуждаютъ сверху и грозятъ выгнать со службы, если эта недоимка не будетъ пополнена къ извѣстному числу; у мужиковъ денегъ нѣтъ—становой приставъ опишетъ имущество цѣлой деревни или сельскаго общества, а крестьянское присутствіе не разрѣшитъ продать ничего кромѣ куръ,—исправникъ озлится и засадитъ все выборное начальство волости въ кутузку. Онъ былъ незлой и неглупый человѣкъ, но своя рубашка ближе къ тѣлу. И чтобъ отсидѣть три дня, старшинѣ, писарю, сельскимъ старостамъ, сборщикамъ,—иногда человѣкамъ двадцати—приходится тащиться въ городъ, за 100, даже за 150 верстъ;—недоимочныя волости были въ то же время и самыя отдаленныя отъ города. При моихъ разъѣздахъ по уѣзду, мнѣ не разъ приходилось пріѣхать въ волостное правленіе и не найти во всей волости ни одного выборнаго крестьянскаго чина:—они „отсиживали за недоимку“ всѣмъ кагаломъ. Другими методами, употреблявшимися полиціей для взысканія недоимокъ, которымъ крестьянское присутствіе тоже противодѣйствовало по возможности, были порка недоимщиковъ по приговорамъ волостныхъ судовъ и примѣненіе круговой поруки. Становой, выбивая недоимку, сзывалъ волостной судъ—конечно, формально, этимъ якобы вполнѣ завѣдывало волостное правленіе,—и тотъ дралъ безъ всякаго милосердія праваго и виноватаго, кого указывалъ становой. Примѣненіе круговой поруки въ имѣніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, а затѣмъ въ сельскихъ обществахъ, было кореннымъ образомъ

извращено административными разъясненіями и циркулярами сравнительно съ тѣмъ, какъ порука эта устанавливалась Положеніемъ 19 февраля 1861 года, и за все время моей службы я боролся всячески противъ этого беззаконнаго, какъ мнѣ казалось, примѣненія. Тѣмъ не менѣе, становой успѣвалъ, бывало, преблагополучно перепороть цѣлую треть волости и удачно воспользоваться страхомъ, нагоняемымъ на мужиковъ даже упоминаніемъ о круговой порукѣ, прежде чѣмъ вѣсти объ его энергіи доходили до кого-либо изъ насъ, и въ результатѣ получалось только длинное препирательство съ исправникомъ на слѣдующемъ засѣданіи крестьянскаго присутствія. Да и, оставаясь безпристрастнымъ, нельзя было въ сущности и жаловаться на такой образъ дѣйствій полиціи. Развѣ мировые посредники, стоявшіе по службѣ совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ становые пристава, не дѣлали совершенно то же самое, передъ тѣмъ, какъ взысканіе повинностей было возложено на полицію? Развѣ исправникъ не зналъ и этого, и того, что все это было хорошо мнѣ извѣстно? Онъ былъ далеко не дуракъ, и, при подобныхъ условіяхъ, могъ аргументировать въ свою пользу не безъ успѣха.

Когда „негодяйство“ развилось въ большихъ размѣрахъ и грозило въ концѣ концовъ деморализировать все дѣло крестьянскаго управленія, мы вступили съ исправникомъ въ систематическую борьбу по поводу его права налагать взысканія. Я особенно хорошо помню одинъ случай. И мое имѣніе, и имѣніе непремѣннаго члена, находились въ предѣлахъ одной и той же волости, довольно большой и по территоріи, и по населенію,—она тянулась верстъ на 40 съ востока на западъ и верстъ на 30 съ юга на сѣверъ, и въ ней было съ чѣмъ-то 3.500 м. душъ, т.-е. около 7.000 жителей обоего пола. И волостное, и сельское начальство состояло долгое время изъ типичныхъ „негодяевъ“; дѣла и волостного правленія, и волостного суда были въ самомъ плачевномъ положеніи. Намъ обоимъ было просто совѣстно за такое состояніе волости, въ которой мы сами проживали, и мы долго работали надъ тѣмъ, чтобы привести ее въ порядокъ, — нашли порядочнаго писаря, и, когда подошли выборы, уговорили съ большимъ трудомъ идти въ старшины одного хорошо намъ извѣстнаго еще молодого мужика, грамотнаго и дѣльнаго; онъ согласился только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы гарантировали ему свободу отъ „высидокъ“. Это былъ мужикъ съ необычнымъ въ мужикѣ чувствомъ собственнаго достоинства, бывалый въ столицахъ и понимавшій, что̀ именно намъ отъ него было нужно. Вмѣстѣ съ нимъ было выбрано нѣсколько дѣльныхъ мужиковъ и въ сельскіе

старосты. Онъ взялся за дѣло очень энергично, изгналъ водку изъ волостного правленія, привелъ въ порядокъ дѣлопроизводство, часто ѣздилъ при этомъ къ которому-нибудь изъ насъ, кто былъ дома, чтобы посовѣтоваться обо всемъ, что̀ было ему неясно,— дѣло, по всѣмъ видимостямъ, должно было пойти на ладъ. Еще передъ выборами я сообщилъ исправнику о нашемъ условіи съ этимъ новымъ старшиной, и онъ согласился на него,—и ему эта волость давно надоѣла своими безпорядками и безначаліемъ. Исправникъ крѣпился съ полгода; но годъ былъ плохой, волость была очень недоимочная, и въ одинъ прекрасный день онъ не вытерпѣлъ и засадилъ-таки нашего протежѐ въ кутузку. Я былъ въ отлучкѣ изъ уѣзда,—но непремѣнный членъ нарочно поѣхалъ въ городъ и имѣлъ съ исправникомъ самое бурное объясненіе, которое, однако, ничему не помогло, такъ какъ исправникъ сослался на спеціальное предписаніе изъ „губерніи" именно по поводу этой волости, и изобразилъ изъ себя козла отпущенія;— правда это была или нѣтъ, мы, конечно, не знали, и проектированный реформаторъ-старшина отсидѣлъ-таки свою порцію—и немедленно затѣмъ представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни и вышелъ въ отставку; его смѣнилъ кандидатъ „негодяй", и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, и волость такъ и продолжала оставаться хаосомъ. Мы съ непремѣннымъ членомъ искренно погоревали, такъ какъ это было все, что̀ намъ оставалось въ утѣшеніе. Онъ разсказалъ мнѣ, что старшина горько плакалъ, когда сообщалъ ему о приказѣ исправника, и упрекалъ насъ обоихъ въ томъ, что мы его обманули. А что̀ мы могли подѣлать? Жаловаться губернатору на исправника за то, что онъ исполнилъ его предписаніе, причемъ воспользовался предоставленной ему закономъ дискреціонной властью? Не была ли бы такая жалоба очевиднымъ донъ-кихотствомъ?

Хотя недоимки и ихъ взысканіе и касались меня въ моей служебной дѣятельности непосредственно только очень, повидимому, отдаленно, только по односторонему, сравнительно, вопросу о разсмотрѣніи описей крестьянскаго имущества и разрѣшенія продажъ, тѣмъ не менѣе онѣ имѣли во всей нашей уѣздной жизни самое существенное значеніе. Благодаря градобитіямъ, частнымъ неурожаямъ отъ червей и морозовъ, падежамъ скота и лошадей, и растратамъ, онѣ, съ теченіемъ времени, все накоплялись. Несмотря на такія исключенія, какъ казенныя волости и нѣкоторыя отдѣльныя, мелкія, особенно счастливо расположенныя мѣстности, въ общемъ уѣздъ былъ очень бѣдный, и безусловно, и относительно. Какъ ни усердствовала полиція—

усердіе это часто пахло медвѣжьими услугами дѣлу, — какъ ни надсѣдалось волостное и сельское начальство, поощряемое высидками и штрафами,—накопленіе недоимокъ къ концу моей службы дошло до того что потребовались спеціальныя мѣры. Платежныя силы населенія не соотвѣтствовали предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, и это несоотвѣтствіе не могло быть устранено никакими строгостями. Я всегда думалъ, что поземельная собственность уѣзда, какъ цѣлое, не приносила ренты. За отсталостью всѣхъ методовъ производства, доходившей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, до абсолютно негодной, отжившей свое время устарѣлости, производительность земли была слишкомъ низка и не оплачивала положеннаго на нее труда. Много-много если она кормила и содержала населеніе,—наличныя же деньги на повинности были такимъ налогомъ, который долженъ былъ добываться откуда-нибудь извнѣ. Разъ на извѣстной деревнѣ, сельскомъ обществѣ, волости, образовалась недоимка,—она, по самой силѣ вещей, должна была рости, такъ какъ къ нехваткѣ, къ дефициту одного года присоединялась нехватка слѣдующаго. Въ N-скомъ уѣздѣ недоимки завелись послѣ перваго же года по освобожденіи крестьянъ, и росли съ тѣхъ поръ то медленнѣе, то быстрѣе, смотря по количеству и качеству обуревавшихъ уѣздъ время отъ времени естественныхъ невзгодъ. Уже черезъ пятнадцать лѣтъ по введеніи Положенія, уѣздъ былъ въ неоплатномъ долгу и потребовались спеціальныя мѣры. Ихъ неизбѣжность была ясна для меня еще задолго до того, какъ въ „губерніи“ заговорили о разсрочкѣ накопившихся недоимокъ въ годы. Мѣстныя изслѣдованія по кадастру и, въ особенности, внимательное изученіе описей полиціей крестьянскаго имущества, повторявшихся каждый годъ и съ каждымъ годомъ охватывавшихъ все бóльшіе и бóльшіе районы, убѣждали меня, что такія разсрочки были бы только безполезной тратой времени и работы—и я не сомнѣвался, что если текущіе оклады останутся въ тѣхъ же размѣрахъ,—не только не могло быть никакой надежды на сборъ разсроченныхъ суммъ, но и неизбѣжно было бы наростаніе новыхъ недоимокъ въ прежнихъ же размѣрахъ;—другими словами, черезъ другія пятнадцать лѣтъ, не только разсроченная недоимка оказалась бы неприкосновенной, но и накопилась бы свѣжая, приблизительно въ той же суммѣ. Вся энергія, всѣ способности уѣздной полиціи были посвящены и направлены на взысканіе недоимокъ; всѣ предоставленные въ ея распоряженіе мѣры и способы были ею постоянно натягиваемы до прямого пересаливанія, до безспорныхъ превышеній власти; уси-

лить строгость въ этомъ отношеніи было *нельзя*, и я не сомнѣвался, что уѣздъ платилъ каждый годъ рѣшительно все, что изъ него можно было „выколотить" всяческими правдами и неправдами. Если уѣздная полиція и не была, конечно, совершенствомъ въ отправленіи всѣхъ своихъ обязанностей, если она и относилась больше чѣмъ безразлично ко многимъ изъ нихъ и отлично пользовалась умѣньемъ класть дѣло подъ сукно, когда это можно было сдѣлать безнаказанно,—въ дѣлѣ взысканія недоимокъ она несомнѣнно дѣлала все, что была въ силахъ, и даже немножко больше. Значитъ, недоимки были зломъ органическимъ, такимъ, которое не зависѣло отъ мѣстныхъ служащихъ, и прекращеніе ихъ не могло быть дѣломъ нашихъ рукъ. Мы были безсильны.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, обезкураживающихъ эпизодовъ въ теченіе всей моей службы было словесное столкновеніе съ губернаторомъ по поводу этихъ недоимокъ. Когда вопросъ о ихъ разсрочкѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ высшими сферами, онъ вызвалъ меня, непремѣннаго члена и исправника въ губернскій городъ для присутствованія въ спеціальномъ засѣданіи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, имѣвшемъ цѣлью формальное опредѣленіе новыхъ сроковъ взысканія для разныхъ мѣстностей нашего уѣзда. Я былъ глубоко, непоколебимо убѣжденъ въ совершенной безполезности подобныхъ палліативовъ, и произнесъ горячую рѣчь на эту тэму, подтвердивъ ее всѣми имѣвшимися въ моемъ распоряженіи свѣдѣніями. Память у меня вообще превосходная, и я привелъ цѣликомъ массу фактовъ, основанныхъ на описяхъ и мѣстныхъ изслѣдованіяхъ. Губернаторъ слушалъ меня очень вѣжливо, но съ несомнѣнно усталымъ выраженіемъ. Все это было такъ безполезно, такъ ненужно, такой пустой и безцѣльной тратой времени! Мы были вызваны совсѣмъ не затѣмъ, чтобы разсуждать, а затѣмъ, чтобы формально выполнить незначительныя детали извѣстной программы и скрѣпить ее нашимъ подписомъ. Когда я кончилъ, онъ нѣсколькими фразами выяснилъ это, и круто перешелъ къ бумажной части, къ вѣдомостямъ и спискамъ, привезеннымъ исправникомъ, и въ полчаса засѣданіе было окончено и закрыто. Оставалось только раскланяться, благодарить за одолженіе и ѣхать по домамъ. Но еще прежде, чѣмъ я оставилъ залу засѣданія, я рѣшилъ безповоротно выйти въ отставку при первой возможности.

Да проститъ меня читатель за это, повидимому, слишкомъ вольное отступленіе отъ нити моего разсказа. Оно было необ-

ходимо, дабы имѣть возможность ниже уяснить основу моего взгляда на народную школу.

Помимо этихъ столкновеній изъ-за недоимокъ и взысканій, исправникъ всегда держалъ себя во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ очень корректно. Онъ былъ человѣкъ необразованный, но не безъ такта,—сидѣлъ и молчалъ, или втихомолку бесѣдовалъ съ Николаемъ Иванычемъ. Этотъ послѣдній очень гордился своимъ членствомъ во всѣхъ этихъ присутствіяхъ и совѣтахъ, и неизмѣнно на нихъ присутствовалъ, но тоже обыкновенно молчалъ и голосовалъ всегда со мной. Со вступленіемъ въ училищный совѣтъ инспектора, его засѣданія приняли строго оффиціальный, формальный характеръ. То было особенное время, когда правительство настойчиво и громко говорило о крамолѣ,—и инспекторъ народныхъ училищъ былъ принятъ обществомъ прежде всего въ качествѣ новаго „ока" для наблюденія за порядкомъ;—мѣстные остряки говорили, что училищный совѣтъ, конечно, учрежденіе опасное, если для него было недостаточно вездѣприсущаго монокля—исправника, а понадобились цѣлые очки. Всѣ мы, конечно, отлично знали, что ни совѣтъ, ни N—скіе народные учителя, не нуждались въ какомъ-либо наблюденіи въ этомъ родѣ,—за все время существованія земскихъ школъ, съ ними никогда не только не случалось никакого скандала, но и никогда и никѣмъ не высказывалось даже никакихъ подозрѣній,—все несомнѣнно обстояло вполнѣ благополучно,—и появленіе въ нашей средѣ инспектора подѣйствовало только какъ нѣчто въ родѣ неожиданнаго и незаслуженнаго холоднаго душа. Существовавшія въ совѣтѣ внутренняя связь и единство дѣйствія были разорваны и нарушены — также поспѣшно и внезапно, какъ прекращается интимный разговоръ при появленіи чужого человѣка, да еще принимаемаго присутствующими, правильно или нѣтъ, за любопытствующее „око". Мнѣ было достовѣрно извѣстно, что даже исправникъ былъ нѣсколько обиженъ профессіонально;—онъ былъ временами самолюбивъ, и, когда бывалъ навеселѣ, любилъ хвастаться „благонадежностью ввѣреннаго мнѣ уѣзда".

Предполагалось, что за благоденствіемъ и процвѣтаніемъ народныхъ школъ, кромѣ училищнаго совѣта и земской управы, наблюдаютъ еще и попечители изъ мѣстныхъ жителей, избиравшіеся ежегодно земскимъ собраніемъ. Въ дѣйствительности же, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это было самой пустой формальностью. Многіе изъ нихъ ни разу не посѣщали ввѣренныхъ ихъ попеченію школъ; другіе ограничивались присылкой какихъ-нибудь книжекъ или пособій. Сколько-нибудь живой связи

между ними и школами не было. Выбирались они обыкновенно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ или ихъ женъ—иногда изъ приходскаго духовенства, иногда, впрочемъ рѣдко, изъ богатыхъ мужиковъ волости. Школъ на весь уѣздъ было около сорока; расположены онѣ были обыкновенно въ самыхъ большихъ селеніяхъ, и пользовались ими почти исключительно ребята этихъ селеній. Весь остальной уѣздъ обходился совсѣмъ безъ школъ. Составъ учителей и, въ особенности, учительницъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, былъ очень порядочный, гораздо выше того, что̀ я ожидалъ встрѣтить, когда началъ свою земскую службу, и несравненно лучше, напримѣръ, фельдшерскаго или средняго канцелярскаго персонала. По моимъ наблюденіямъ, всего лучше соотвѣтствовали требованіямъ дѣла семинаристы и дочери мѣстнаго духовенства, получившія образованіе въ губернской земской женской учительской школѣ. Они, во-первыхъ, знали деревенскія жизненныя условія и удовлетворялись ими; во-вторыхъ, гораздо дольше всѣхъ остальныхъ удерживались на мѣстахъ. Учителя изъ городскихъ классовъ населенія, не знакомые на опытѣ съ деревней, если, можетъ быть, и обладали высшимъ умственнымъ развитіемъ, рѣдко выносили эту жизнь,—обыкновенно они убѣгали очень скоро. Жизнь эта была всегда неприглядна и часто невыносима. Только очень немногіе получали по 300 и 240 рублей въ годъ жалованья,—большинство должно было довольствоваться 200, 180, 150 и даже 120 рублями. Въ среднемъ учительское жалованье было ниже двухъ-сотъ рублей въ годъ,—и все-таки оно было высшимъ въ губерніи. Квартира почти всегда холодная и угарная; столъ самый примитивный, съ мясомъ только по великимъ праздникамъ; общества—почти или вовсе никакого. Учитель, если онъ желалъ продолжать жить и умственно, долженъ былъ разчитывать почти исключительно на свои собственные, личные рессурсы,—окружавшая его среда не располагала ими. Доставать книги было очень трудно; только немногіе могли выписывать журналъ или газету. А на мой взглядъ, учительская дѣятельность особенно трудна и требовательна; учителю необходимѣе обновленіе и во̀спріятіе извнѣ новыхъ силъ, больше, чѣмъ кому-либо, такъ какъ ему все время приходится дѣлиться своими рессурсами съ своими учениками, особенно въ деревнѣ, такъ бѣдной впечатлѣніями вообще. Несмотря на всѣ эти серьезнѣйшія препятствія, мнѣ казалось, что школьное дѣло уѣзда находилось въ удовлетворительномъ состояніи;—бѣда была въ томъ, что оно было такъ мало, такъ незначительно сравнительно съ тѣмъ, что̀ было дѣйствительно необходимо; это была

капля въ морѣ, расплывавшаяся въ океанѣ невѣжества и не производившая на него никакого впечатлѣнія. Бюджетъ N—скаго уѣзда на народное образованіе былъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ сосѣднемъ уѣздѣ, насколько помню, больше, чѣмъ въ какомъ-либо уѣздѣ губерніи; уѣздъ былъ бѣдный, недоимочный, и увеличить этотъ бюджетъ хоть сколько-нибудь замѣтно было невозможно,—а мы, очевидно, не имѣли и двадцатой доли того, что̀ могло бы оказать существенное вліяніе хотя бы въ будущемъ. Полный курсъ народной школы былъ очень узокъ, и не могъ удовлетворять даже самымъ скромнымъ требованіямъ; это былъ, такъ сказать, мужицкій курсъ, такъ же строго обособленный и ограниченный, какъ и самъ мужикъ,—но и его кончали только десятки въ цѣломъ уѣздѣ;—громадное большинство отставало, походивъ въ школу годъ, два, и ограничивалось простыми азами, которые вскорѣ потомъ совершенно забывались и не оставляли по себѣ никакого слѣда. Даже льготы, данныя новымъ уставомъ о воинской повинности кончившимъ курсъ въ народныхъ школахъ, оказали только самое незначительное вліяніе на ихъ число. Благодаря этому, земская школьная статистика, какъ ни незначительны были ея цифры—на 250.000 жителей обоего пола числилось съ чѣмъ-то 2.000 учащихся—неизбѣжно вводила собою изслѣдователя въ серьезнѣйшія заблужденія. Дѣйствительное значеніе этихъ цифръ было извѣстно, помимо учителей, только очень немногимъ лицамъ, и оптимистическія разсужденія о значеніи народной школы были всегда построены на этомъ и подобныхъ ему недоразумѣніяхъ. Кончившаго курсъ въ народной школѣ ученика можно было назвать только грамотнымъ—и то далеко не всегда,—а и онъ обходился нашему нищему земству, по моимъ вычисленіямъ, слишкомъ въ сто рублей, то-есть, значительно больше, чѣмъ весь годовой бюджетъ цѣлой средней крестьянской семьи. Съ теченіемъ времени я отлично понялъ, что̀ значила такая сумма въ деревенской жизни, и, имѣя въ виду, что весь уѣздъ каждый годъ заканчивалъ дефицитомъ и уже былъ въ состояніи неоплатнаго должника, я не могъ не придти къ тому заключенію, что разсчитывать хоть сколько-нибудь серьезно на народное образованіе при такихъ условіяхъ было бы не чѣмъ инымъ, какъ пустой мечтой. Я провелъ не мало ночей за подобными вычисленіями—и убѣжденъ, что не былъ далекъ отъ истины, когда пришелъ къ тому выводу, что всей той суммы, которая ежегодно уходила изъ уѣзда на государственныя потребности, и которая составляла въ моихъ глазахъ возможный maximum того, что̀ этотъ уѣздъ могъ дать,

было бы недостаточно, чтобы сдѣлать половину его населенія *только грамотнымъ*. Земскій же бюджетъ на народное образованіе и его результаты были меньше, чѣмъ игрушкой. Народное образованіе въ такихъ размѣрахъ, чтобы оно могло успѣшно бороться съ царившимъ въ уѣздѣ невѣжествомъ, было недоступно при существовавшей низкой производительности земли и мужицкой работы. И та, и другая, должны были значительно подняться, прежде чѣмъ населеніе могло бы справиться съ окладами на государственныя повинности;—все указывало на то, что народное образованіе могло бы выступить на очередь только послѣ этого. А и та, и другая, не только не поднимались, но и не было рѣшительно никакихъ основаній къ надеждамъ на то, чтобы онѣ начали подниматься въ ближайшемъ будущемъ, даже никакихъ признаковъ этого. Это былъ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не представлялось выхода.

Изъ тѣхъ народныхъ школъ, которыя я засталъ при моемъ вступленіи на службу, въ ея теченіе закрылось всего три-четыре, но зато и новыхъ открылось едва ли больше. Меня всегда чрезвычайно интересовало отношеніе къ школѣ самого мужика;—я неизмѣнно пользовался всякимъ случаемъ освѣтить это отношеніе и добиться до правильнаго его пониманія. Я уже говорилъ, какъ это было трудно, благодаря общему мужицкому взгляду на „господъ“ всякаго рода, и школьное дѣло, конечно, не составляло исключенія. Я думаю, что и на школу мужикъ прежде всего смотрѣлъ какъ на повинность, какъ на нѣчто, что̀ его заставляютъ дѣлать безъ спроса. Имѣвшіяся въ уѣздѣ школы существовали не потому, что мужики тѣхъ селеній, въ которыхъ онѣ находились, сознавали бы ихъ необходимость и пользу больше, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ уѣзда, а по традиціи,—онѣ были когда-то основаны или благодѣтельными помѣщиками, или казеннымъ вѣдомствомъ, или благодаря какому-нибудь экстренному случаю,—и продолжали существовать на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существовали волостныя правленія, приходы, перевозы и другія подобныя учрежденія. Дѣло заведено когда-то, сборъ на квартиру и отопленіе установленъ, къ нимъ съ теченіемъ времени привыкли,—вотъ и все. Что положеніе въ этомъ отношеніи не измѣнялось—я зналъ изъ мѣстныхъ изслѣдованій по поводу открытія новыхъ школъ. Земство требовало прежде всего приговора сельскаго общества относительно квартиры подъ школу и обезпеченія ея отопленіемъ и освѣщеніемъ;—оно же давало съ своей стороны учителя, книги и учебныя пособія. Такіе приговоры и обстоятельства, при которыхъ они составля-

лись, всегда меня интересовали, и, насколько я помню, я лично изслѣдовалъ на мѣстѣ происхожденіе всякаго такого приговора за все время моей службы. Иниціатива почти всегда принадлежала члену училищнаго совѣта, священнику, который, при своихъ объѣздахъ школъ, искалъ благопріятныхъ условій, и затѣмъ дѣйствовалъ обыкновенно черезъ Николая Иваныча. Этотъ послѣдній, служа членомъ управы съ самаго введенія въ уѣздѣ земскихъ учрежденій, отлично зналъ всѣхъ безъ исключенія волостныхъ дѣльцовъ и богатыхъ мужиковъ въ уѣздѣ. Священникъ вліялъ на мѣстнаго приходскаго священника, Николай Иванычъ— на какого-нибудь деревенскаго воротилу; иногда присоединялся къ получавшемуся такимъ образомъ давленію мѣстный помѣщикъ, особенно если находился новопріѣзжій,—и въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ усилій, получался нужный приговоръ. При изслѣдованіи неизмѣнно оказывалось, что мужицкая масса ничего рѣшительно не знала объ его составленіи,—все дѣло обдѣлывалось тремя-четырьмя мѣстными воротилами, изъ личныхъ побужденій и соображеній, имѣвшихъ только очень немного общаго съ прямыми интересами народнаго образованія. Мужикъ же не только оставался индифферентнымъ, но и мнѣ нерѣдко приходилось замѣчать прямое предубѣжденіе съ его стороны противъ грамоты вообще,—предубѣжденіе тупое и неясное, необоснованное, но все-таки предубѣжденіе. Потребности въ школѣ онъ не ощущалъ—она навязывалась ему искусственно, извнѣ, какъ навязывались ему пожарные навѣсы, починка дорогъ и постановка по нимъ вѣхъ зимой. Еслибы становой и урядникъ не висѣли надъ его душой, онъ, конечно, не чинилъ бы дорогъ и не ставилъ бы вѣхъ; еслибы мѣстные дѣльцы не открыли школы, онъ самъ бы о ней никогда не подумалъ. Обособленная мужицкая жизнь не требовала школы, не вызывала въ немъ потребности грамоты и образованія; относясь къ нимъ въ лучшемъ случаѣ безучастно и часто враждебно, онъ видѣлъ въ ихъ навязываніи ему ту же силу, которая выбивала подати и гоняла его на волостной судъ за недоимку. Исключенія въ этомъ пониманіи всего того, что шло отъ „господъ", въ томъ числѣ и школы, были очень рѣдки, и нужно было быть большимъ оптимистомъ, чтобы видѣть въ такихъ приговорахъ что-либо дѣйствительно утѣшительное. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ народная школа была такимъ же искусственнымъ наростомъ въ деревенской жизни, какъ и родильные пріюты или дезинфекція и другія медицинскія предохранительныя мѣры во время какой-либо эпидеміи. Не только не было въ мужицкой средѣ сознанія нужды въ нихъ, но и

проявлялось рѣшительное къ нимъ несочувствіе. Особенно знаменательно было для меня въ этомъ направленіи то, что я не могъ замѣтить никакой разницы въ отношеніи къ школѣ между богатыми и бѣдными волостями. Мужицкое міровоззрѣніе оставалось то же, несмотря на разницу въ уровнѣ благосостоянія. Вышеописанная богатая казенная волость имѣла въ своихъ предѣлахъ только одну школу,—и она рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ школъ бѣднѣйшихъ волостей.

Извѣстная, небольшая, сравнительно, часть бюджета на народное образованіе уходила на содержаніе стипендіатовъ въ различныхъ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Число этихъ стипендій постоянно увеличивалось; сначала было, насколько помню, только четыре—въ губернской женской учительской школѣ; затѣмъ были открыты другія, въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, даже въ медицинской академіи въ С.-Петербургѣ. Въ то время была мода чтить почему-либо выдававшихся лицъ учрежденіемъ стипендій ихъ имени, и N—ское уѣздное земство не избѣжало вліяній этой моды; такъ, Л., когда вышелъ въ отставку, былъ почтенъ учрежденіемъ двухъ стипендій въ его честь. Руководясь тѣмъ опытомъ, который я вынесъ изъ земской службы, я думаю, что уѣздныя стипендіи въ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ были чрезвычайно полезны, прямо—необходимы, если имѣлось въ виду расширеніе школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Спеціально подготовленныхъ народныхъ учителей, видѣвшихъ въ такомъ учительствѣ дѣло своей жизни, было въ то время очень мало—въ нашемъ уѣздѣ не больше 20%. Остальные занимались этимъ дѣломъ случайно, большею частью временно, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго въ будущемъ, и обладали только общимъ образованіемъ, удовлетворявшимъ требованіямъ закона въ этомъ отношеніи. Семинаристы, обыкновенно, дожидались въ учительскомъ званіи священства и прихода. Благодаря этому, составъ учителей мѣнялся постоянно, и земство наше было всегда въ поискахъ за ними. Я лично придавалъ огромное значеніе постоянству учителя на одномъ мѣстѣ. Мужикъ всегда относится къ новому человѣку очень подозрительно; нужно было нѣсколько лѣтъ, чтобы онъ освоился съ нимъ сколько-нибудь и переставъ бы его опасаться. Если онъ начиналъ одобрять учителя, какъ человѣка, онъ ослаблялъ и свое предубѣжденіе противъ школы вообще; земство не могло разсчитывать ни на что, если учитель не достигалъ этого, и та польза, которая получалась отъ школы, находилась въ прямой зависимости отъ отношенія мужика къ учителю. Школа, какъ школа только, не трогала мужика, но хоро-

шій человѣкъ-учитель могъ успѣть измѣнить его отношеніе и къ ней, благодаря своему личному вліянію. Земскія школы закрывались почти всегда вслѣдствіе перехода или ухода со службы умѣвшаго заслужить популярность учителя. Факты подобнаго рода, постоянно встрѣчавшіеся на практикѣ, и привели меня къ тому заключенію, что школа сама по себѣ, какъ учрежденіе, не имѣла корней въ уѣздѣ и не успѣла обратиться въ потребность; дѣло зависѣло отъ личныхъ свойствъ учителя прежде всего и больше всего. Само собой разумѣется, что это чрезвычайно затрудняло и осложняло дѣло народнаго образованія вообще, и выборъ учителей получалъ особенное значеніе. Только они и могли сломить предубѣжденіе, зародить охоту къ образованію, вызвать въ мужикѣ самодѣятельность въ пользу грамоты. Если задатки всего этого и были вызваны въ извѣстномъ селеніи успѣшной дѣятельностью извѣстнаго учителя, держались они—только пока онъ работалъ; разъ онъ уходилъ, задатки эти опять быстро пропадали, и новому человѣку, кто бы онъ ни былъ, приходилось, въ сущности, начинать всю работу съизнова. Въ деревенской жизни не было ничего, что̀ могло бы поддерживать эти задачи безъ постояннаго упорнаго воздѣйствія извнѣ, заключавшагося въ данномъ случаѣ исключительно въ личности учителя. Всякая перемѣна отражалась на ходѣ дѣла несравненно больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ:—при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда новый учитель былъ даже лучше или не хуже стараго, все-таки происходилъ долгій перерывъ въ успѣшности этого воздѣйствія; при неблагопріятныхъ—она исчезала совершенно. А въ моихъ глазахъ это воздѣйствіе на мужицкія массы было главной цѣлью земскаго народнаго образованія, его основой; число грамотныхъ, которое оно давало деревнѣ, было и слишкомъ незначительно, и, ограничивая ихъ только курсомъ народной школы, не было достаточно для того, чтобы они могли въ свою очередь служить впослѣдствіи дѣйствительными проводниками просвѣщенія въ деревенской жизни. И эта-то главная цѣль, эта-то основа, благодаря всему вышеизложенному, достигалась въ извѣстной степени только при условіяхъ постоянства учителя на своемъ мѣстѣ и его пригодности къ дѣлу. Для меня лично ничто лучше не доказывало шаткости и искусственности народной школы въ мужицкой средѣ, какъ именно эта ея зависимость отъ личностей; извѣстно, что чѣмъ больше сознается въ населеніи потребность въ чемъ-либо, тѣмъ меньше успѣхъ зависитъ отъ лицъ, и тѣмъ легче и успѣшнѣе оно идетъ само собой, по самой силѣ вещей. Въ дѣлѣ земскаго народнаго образованія я не замѣчалъ ничего подобнаго,—

его приходилось навязывать, и только послѣ долгихъ, упорныхъ усилій вполнѣ пригодной личности оно успѣвало пускать очень легкія, поверхностные ростки, которые засыхали при всякой перемѣнѣ. Его положеніе зависѣло почти цѣликомъ отъ личности учителя и было шатко и ненадежно соотвѣтственно.

Наиболѣе постоянными и лучшими учителями оказывались учительницы изъ губернской женской учительской школы, и я постоянно стремился къ увеличенію числа земскихъ стипендій въ ней. На мой взглядъ, это былъ самый производительный расходъ земскихъ денегъ, какой только мы могли сдѣлать. Опытъ показалъ, что стипендіатки эти, по окончаніи курса, только очень рѣдко выходили замужъ,—онѣ отдавали всю свою жизнь своей школѣ, и, давая, благодаря своей спеціальной подготовкѣ, наиболѣе возможное число грамотныхъ, были въ то же время наиболѣе надежными по своему постоянству на одномъ мѣстѣ рычагами воздѣйствія на мужицкую среду. Еслибъ было возможно посадить по такой піонеркѣ въ каждую деревню, дѣло народнаго образованія могло бы, вѣроятно, начать впослѣдствіи играть принадлежащую ему по справедливости роль. Въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ то время въ N—скомъ уѣздѣ, и тѣ капли пользы, которыя оно приносило въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ были расположены школы, поглощались безрезультатно постоянно тяготѣвшими надъ ними вліяніями окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ десятками и даже сотнями деревень вовсе безъ школъ.

Къ стипендіямъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ я и съ самаго начала своей службы относился скептически, а къ концу ея считалъ ихъ прямо вредными для земскаго дѣла вообще, какъ бы благодѣтельны онѣ ни были для получавшихъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Образованіе, которое онѣ давали этимъ личностямъ, рѣшительно ничѣмъ не вознаграждало мужицкую среду, такъ какъ онѣ неизмѣнно совсѣмъ уходили изъ нея. Я уже подробно говорилъ объ этомъ выше,—теперь прибавлю только, что я не видѣлъ, что̀ выигрывалъ мужикъ, если родившійся въ его деревнѣ особенно даровитый мальчикъ дѣлался докторомъ или какимъ-нибудь дѣльцомъ въ другомъ концѣ Россіи. Получивъ такое образованіе, такой мальчикъ дѣлался варягомъ въ другомъ краю, и съ его уходомъ родная его деревня теряла одного изъ способнѣйшихъ своихъ членовъ. Кандидатъ университета или докторъ медицины не могъ ужиться съ деревней иначе какъ въ качествѣ начальства, то-есть, будучи отъ нея безусловно отрѣзаннымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Z—скомъ губернскомъ земскомъ собраніи постоянно ходили толки о введеніи обязательности народнаго образованія въ губерніи. Конечно, лично я ничего не зналъ о состояніи дѣла въ другихъ уѣздахъ, но изъ разговоровъ съ ихъ губернскими гласными и, главное, изъ протоколовъ ихъ уѣздныхъ собраній я смѣтъ могъ заключить, что, въ среднемъ, N—скій уѣздъ не былъ позади другихъ; если были въ южной части губерніи два—три уѣзда съ болѣе густымъ населеніемъ, болѣе крупными поселеніями и нѣкоторымъ развитіемъ промышленности, то въ ея сѣверной части были два—три уѣзда съ гораздо даже худшими условіями, чѣмъ нашъ. Недоимки были вездѣ, нищета и невѣжество—тоже. Я, конечно, не былъ далекъ отъ истины, если думалъ, что N—скій уѣздъ былъ приблизительно среднимъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Говорить при этихъ условіяхъ объ обязательности народнаго образованія въ губерніи было, поэтому, больше чѣмъ легкомысленно. Насколько я помню, я не стѣснялся высказывать это мнѣніе и тогда, и публично. Во-первыхъ, я не видѣлъ, откуда земство могло бы взять хотя бы десятую часть необходимыхъ для этого средствъ, такъ какъ общій губернскій и всѣхъ уѣздовъ бюджетъ пришлось бы увеличить въ тридцать, въ сорокъ разъ; во-вторыхъ, понадобился бы цѣлый полкъ наблюдателей въ каждомъ уѣздѣ для того, чтобъ наблюсти за исполненіемъ такого постановленія на мѣстѣ. Пришлось бы обратить народное образованіе въ своего рода рекрутскую повинность, такъ какъ громадное большинство деревенскаго населенія въ школьномъ возрастѣ пришлось бы тащить въ школу силкомъ. Обязательность народнаго образованія казалась мнѣ возможной только при условіяхъ, во-первыхъ, наличности значительнаго большинства населенія въ его пользу, а во-вторыхъ, рѣшимости и способности этого большинства наблюсти за приведеніемъ такого постановленія въ исполненіе. А у насъ не только не существовало ни того, ни другого, а напротивъ, въ пользу обязательности могли быть только единицы изъ десятковъ тысячъ, да и тѣ безъ какихъ бы то ни было практическихъ путей къ ея исполненію. Въ глазахъ серьезныхъ людей, непричастныхъ земству и знавшихъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ губерніи, такіе толки не могли не возбуждать сомнѣній въ основательности земскихъ сужденій по такимъ вопросамъ; я же объяснялъ себѣ эту стремительность горькимъ сознаніемъ, что дѣло народнаго просвѣщенія подвигалось впередъ слишкомъ медленно, и страстнымъ желаніемъ сдѣлать въ его пользу что-нибудь ра-

дикальное, желаніемъ, совершенно затемнявшимъ правильность сужденія.

XI.

У меня были имѣнія въ двухъ уѣздахъ смежной нашему губерніи. Въ одномъ изъ нихъ, Y—скаго уѣзда, смежнаго съ N—скимъ, и расположенномъ ближе къ городу N., чѣмъ мое N—ское имѣніе, моя семья жила года два въ теченіе моей службы, и я конечно хорошо зналъ и городъ Y., и его уѣздъ. Городъ Y. былъ гораздо больше и богаче города N., хотя уѣздъ былъ въ общемъ много бѣднѣе почвою, и гораздо менѣе густо населенъ. Это былъ песчаный, лѣсной уѣздъ, съ громадными ненаселенными лѣсными пространствами и болотами. Нѣкоторыя его мѣстности были еще глуше, еще дичѣе, чѣмъ самыя дикія мѣста въ N—скомъ уѣздѣ; только небольшая, сравнительно, южная часть была заселена нѣсколько гуще и обладала болѣе плодородной почвой. И въ Y—скомъ уѣздѣ было много мелкопомѣстнаго, быстро бѣднѣвшаго дворянства,—но продать имѣніе, или пустошь, или отрѣзную, за малонаселенностью, въ немъ было гораздо труднѣе, если въ нихъ не было строевого лѣса и близкой сплавной рѣки;—и потому, вѣроятно, въ немъ удержалось больше помѣщиковъ. Да и городъ былъ больше, лучше и оживленнѣе N.; въ немъ даже были двѣ прогимназіи, мужская и женская, и потому въ немъ жило, для воспитанія дѣтей, сравнительно много помѣщичьихъ семействъ. Было въ немъ и значительное, сравнительно, купечество, нажившее и наживавшее большія деньги преимущественно на лѣсномъ дѣлѣ. Оно скупало лѣсныя дачи у прогорѣвшихъ помѣщиковъ, больше на срубъ, и наживалось быстро и вѣрно, пока владѣльцы земли проѣдали полученныя съ нихъ за лѣсъ крохи. Лѣса вырубались безпощадно, самымъ хищническимъ образомъ,—барыши купцовъ были огромные, мужикъ-рабочій эксплоатировался артистически, у барина оставались одни пеньки да ничего абсолютно не стоившая и не приносившая земля, не могшая оплачивать даже земскихъ и дворянскихъ налоговъ. Я зналъ только двухъ или трехъ помѣщиковъ, которые сами, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ успѣхомъ, рубили и сплавляли свои лѣса; громадное большинство раздѣлалось съ ними за безцѣнокъ при посредствѣ этихъ купцовъ. Я самъ умудрился спустить въ десять лѣтъ больше трехъ тысячъ десятинъ отличнаго строевого лѣса, стоившаго по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше того, что̀ я за него получилъ. Предложеніе было огромное, всѣ спѣшили

продавать, рынокъ былъ запруженъ, — и чрезвычайно цѣнныя, огромныя лѣсныя пространства были истреблены въ неимовѣрно короткое время, принеся владѣльцамъ только жалкія частицы того, что̀ они дѣйствительно стоили. Это было дикое, безумное, прямо преступное расхищеніе и разматываніе на вѣтеръ огромныхъ богатствъ. И рѣшительно никто изъ мѣстныхъ людей не замѣчалъ и не понималъ этого. Помѣщикъ бѣгалъ за купцомъ, просилъ, клянчилъ иногда позорнѣйшимъ образомъ, чтобы купецъ согласился наконецъ обобрать его. Въ N—скомъ уѣздѣ это были имѣнія и отрѣзныя земли, въ Y—скомъ—лѣсныя дачи. Господи, до чего беззащитенъ, недальновиденъ, недогадливъ, инертенъ и въ концѣ концовъ жалокъ былъ русскій помѣщикъ того времени! До какого мягкотѣлаго, безпомощнаго состоянія довели его крѣпостное право, даровые хлѣба и заботливый, ни на минуту не оставлявшій его патернализмъ!

Въ средѣ Y—скаго купечества, несмотря на его многочисленность и богатство, тоже совсѣмъ не было хоть сколько-нибудь образованныхъ людей. Много-много что купчикъ, наслѣдникъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ, кончалъ курсъ уѣзднаго училища или—еще рѣже—прогимназіи. Помѣщичій элементъ, хотя численностью и былъ вѣроятно сильнѣе N—скаго, состоялъ преимущественно изъ обломковъ стараго крѣпостного времени; молодыхъ людей было сравнительно мало, да и всѣ они, или почти всѣ, были какіе-то неудачники. Одинъ не пошелъ дальше третьяго класса гимназіи, другой пилъ, третій спалъ безъ просыпу. Сосѣдей, жившихъ постоянно въ деревнѣ и довольно близкихъ, по моему Y—скому имѣнію у меня было гораздо больше, чѣмъ по N—скому. Несмотря на все это, недостатокъ въ способныхъ и работящихъ людяхъ чувствовался въ Y — скомъ уѣздѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ N—скомъ, и земскія его дѣла шли пожалуй не только не лучше, но и хуже N—скихъ. Передъ тѣмъ, какъ сосѣди и нѣкоторые городскіе Y—скіе мои пріятели изъ интеллигентовъ-варяговъ уговорили меня пріѣхать на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ для выбора въ земскіе гласные и принять личное участіе въ земскомъ дѣлѣ уѣзда, служебный въ немъ персоналъ былъ удивительно разношёрстный. Въ Y—скомъ уѣздѣ уже много лѣтъ не было вожака, и никогда не существовало принципіальныхъ партій, а были только мелкіе кружки, сплоченные родственными или личными связями, кумовствомъ, случайными общими экономическими интересами. Въ немъ не было ничего подобнаго крупной личности Л., не было такого всеподавляющаго личнаго самодурства, зато и не было никакой обще-

ственной жизни, и вся ея исторія состояла изъ болѣе или менѣе мелкихъ личныхъ нападокъ и столкновеній, мелкихъ же интригъ и интрижекъ и грошовыхъ препирательствъ мелкихъ соперниковъ-кулаковъ. Купцы, объединенные лѣсными интересами и дѣлишками, составляли довольно многочисленную, сомкнутую группу, всегда бывшую себѣ на умѣ и не поддававшуюся на удочку помѣщикамъ-дипломатамъ. Какъ бы они ни соперничали и ни ссорились между собою, въ общественномъ дѣлѣ они умѣли поддержать свое единство, направляя его, конечно, не въ пользу какихъ-либо идей или программъ, а въ виду личныхъ отношеній. Эта купеческая группа въ то время только-что потеряла своего божка, одного изъ самыхъ оригинальныхъ людей всего этого района. Это былъ старикъ помѣщикъ, не получившій никакого образованія, но обладавшій большой силой характера, человѣкъ безспорно умный, энергичный и дѣятельный; онъ служилъ много лѣтъ исправникомъ въ Y—скомъ уѣздѣ, сначала по выборамъ, потомъ по назначенію, уже выслужилъ пенсію и чинъ статскаго совѣтника, и незадолго передъ тѣмъ вышелъ въ отставку, намѣреваясь заняться коммерческими дѣлами. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ купечества и мѣщанства, отлично зналъ и понималъ и ихъ, и всю ихъ жизнь и ея особенности, и они сразу сдѣлали его своимъ городскимъ головой и разсчитывали увидѣть и во главѣ дворянскихъ и земскихъ дѣлъ уѣзда при первой возможности, тѣмъ болѣе, что у него было не мало поклонниковъ и друзей и въ помѣщичьей средѣ. Но онъ умеръ совершенно неожиданно незадолго передъ выборами, и начинавшая стягиваться вокругъ него партія осталась безъ какого бы то ни было руководства. Предводителемъ дворянства былъ нестарый и неглупый человѣкъ, изъ старинной родовитой фамиліи, имѣвшій придворное званіе, изнѣженный до чрезвычайности и излѣнившійся въ конецъ. Онъ совсѣмъ не умѣлъ работать, открывалъ засѣданія всѣхъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ предсѣдательствоввлъ, очень поздно, не раньше одиннадцати часовъ и даже полудня, и тянулъ ихъ почти безконечно;— чтобы принять двадцать пять новобранцевъ въ участкѣ во время призыва, ему нужна была цѣлая недѣля, такъ что даже провербіальное мужицкое терпѣніе иногда не выдерживало. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ общественной жизни человѣка съ такой способностью тянуть, мямлить, жевать одно и то же по цѣлымъ часамъ. Личныя финансовыя его дѣла были въ большомъ безпорядкѣ, привычки были ультра-барскія и требовали большихъ расходовъ, но у него была красавица и умница

жена, очень роскошная и полная рессурсовъ женщина, и скандальная хроника уѣзда была полна повѣствованіями о ея денежныхъ и любовныхъ приключеніяхъ, которыми она открыто бравировала. Благодаря всему этому, предводитель не имѣлъ никакого вліянія—онъ служилъ по инерціи, вѣроятно думая про себя, что „noblesse oblige", и вялый, незначительный его характеръ не мало способствовалъ обезцвѣченію всѣхъ общественныхъ дѣлъ—такіе мямли всегда снотворно дѣйствуютъ на все, съ чѣмъ они приходятъ въ соприкосновеніе.

Предсѣдателемъ земской управы былъ тоже нестарый и неглупый человѣкъ, въ молодости подававшій серьезныя надежды, но удивительно опустившійся, благодаря картамъ и водкѣ; — съ каждымъ годомъ онъ работалъ меньше и меньше, утрачивалъ интересъ къ жизни, молчалъ по цѣлымъ часамъ и только отчасти просыпался за карточнымъ столомъ и послѣ безчисленныхъ возліяній. Я зналъ его еще во времена моего дѣтства, встрѣчаясь съ нимъ нерѣдко, когда пріѣзжалъ лѣтомъ въ деревню на вакаціи, и въ моемъ представленіи онъ всегда служилъ рѣзкимъ примѣромъ того, какъ вліяетъ уѣздная жизнь даже на одаренныя выше средняго, но слабыя и безхарактерныя личности. Она просто усыпляетъ ихъ, хлороформируетъ ихъ умственныя способности,—отъ человѣка остается одно тѣло, болѣе или менѣе сохранившееся, но только тѣло съ его физическими потребностями. Геніально очерченная фигура Обломова, и не въ однихъ отдѣльныхъ частныхъ проявленіяхъ, а во весь ростъ, повторяется гораздо чаще въ средѣ мягкотѣлой русской интеллигенціи, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Процессъ усыпленія идетъ то быстро, то медленно, но неизбѣжно приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Мировые судьи были еще люди молодые, но только одинъ изъ нихъ обладалъ способностью работать, и то значительно ограниченною несчастными семейными компликаціями. Городской мировой судья былъ феноменъ въ своемъ родѣ. Про него разсказывали, что онъ долго учился въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но нигдѣ не могъ кончить курса, и, имѣя хорошія наслѣдственныя средства, купилъ себѣ подъ конецъ гимназическій дипломъ въ одномъ изъ западныхъ городовъ, и, попавъ въ судьи, спился необыкновенно быстро. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, очень стройный и красивый, изящно одѣвавшійся, умѣвшій себя держать въ обществѣ, — но упорно молчавшій вездѣ и всюду, и неизмѣнно „выпившій" съ ранняго утра и совершенно пьяный къ двумъ часамъ дня. Я не помню, чтобъ

я когда-либо встрѣтилъ его совершенно трезвымъ. Онъ спился быстро, безповоротно и безнадежно. Тотъ процессъ усыпленія, на который у предсѣдателя управы ушло слишкомъ двадцать лѣтъ, справился съ этимъ мировымъ судьей въ пять — шесть. Къ тридцати годамъ онъ уже положительно никуда не годился— не только въ судьи, но и чтобы завѣдывать хоть сколько-нибудь осмысленно своими собственными дѣлами. Онъ ожирѣлъ, лицо заплыло и было всегда краснѣе кумача, руки тряслись,—получилась абсолютная руина.

Въ городѣ Y., благодаря прогимназіямъ, дистанціи судоходной системы и нѣкоторымъ другимъ случайностямъ, въ родѣ того, что онъ служилъ мѣстопребываніемъ нѣсколькимъ „административно-высланнымъ“, былъ значительный, сравнительно, кружокъ пришлыхъ интеллигентовъ, конечно расширявшій собою чисто мѣстные, помѣщичьи, купеческіе и казенно-служебные элементы. Существовалъ въ городѣ и общественный клубъ, въ которомъ иногда танцовали, и ежедневно играли въ карты до утра и пили водку. Эти два рода времяпрепровожденія положительно преобладали надъ всѣми другими, вмѣстѣ взятыми. Дамы ѣздили съ визитами другъ къ другу, сплетничали и ссорились, нерѣдко вовлекая въ эти Иліады и своихъ благовѣрныхъ. Хотя въ городѣ числилось восемь, кажется, тысячъ жителей, и довольно многочисленное интеллигентное общество, что̀ читатель можетъ видѣть изъ всего вышеизложеннаго, открывшаяся-было библіотека съ книжнымъ магазиномъ должны были очень скоро закрыться, такъ какъ, за недостаткомъ потребности въ нихъ, не могли существовать. Этому значительному скопленію людей не хватало чего-то, чтобы сдѣлать ихъ жизнь болѣе сносною, болѣе разнообразною; не было въ немъ никакихъ одухотворяющихъ, украшающихъ человѣческое существованіе началъ. Если домашнія семейныя условія были почему-либо неблагопріятны,—а они были таковыми въ большинствѣ случаевъ,—человѣкъ искалъ выхода въ картахъ или винѣ, или въ обоихъ вмѣстѣ, и, достигая своей цѣли—убить ни на что ненужное время,—въ то же время быстро и незамѣтно спускался все ниже и ниже, пока въ одинъ прекрасный день не оказывался совершенной развалиной. И отдѣльныя личности, и составляемое ими общество только прозябали, и не только не совершенствовались и не шли впередъ, а несомнѣнно подвигались назадъ; только постоянно прибывавшіе извнѣ новые элементы успѣвали его поддерживать отъ совершеннаго запустѣнія. Еслибы городъ Y., при господствовавшихъ въ немъ въ то время жизненныхъ условіяхъ, былъ предоставленъ, хотя бы въ те-

ченіе жизни одного поколѣнія, исключительно собственнымъ своимъ рессурсамъ, его населеніе потеряло бы вѣроятно всякій образъ и подобіе Божіе. Оно бы или задохлось умственно и нравственно, или посходило бы съ ума, или допилось бы до чертиковъ почти поголовно.

Необходимо занести еще одну изъ отличительныхъ чертъ уѣздной жизни того времени. Только очень немногіе, самое незначительное меньшинство, почему-либо окончательно и безнадежно пришибленное, не стремилось вонъ изъ уѣзда и деревни. Большинство и во снѣ и на яву только и видѣло, какъ бы выбраться куда-нибудь. До уничтоженія крѣпостного права помѣщикъ родился, жилъ и умиралъ въ своей родовой усадьбѣ, прослуживъ только нѣкоторое, обыкновенно очень короткое время, для полученія чина и права голоса. Онъ былъ коренными, осѣдлымъ обывателемъ, и только какія-нибудь необыкновенныя обстоятельства могли вырвать его изъ родныхъ палестинъ. Онѣ были его земнымъ раемъ—ни о чемъ иномъ или лучшемъ онъ и не мечталъ; сытая, довольная и веселая усадебная жизнь были maximum'омъ его pia desideria. Отмѣна крѣпостного права во многихъ случаяхъ уничтожила и всегда, и вездѣ самымъ существеннымъ образомъ сократила его средства къ существованію. Взрощенный и воспитанный, съ одной стороны, на бездѣльи и даровыхъ хлѣбахъ, съ другой — въ вѣчной опекѣ, не допускавшей какого бы то ни было развитія самодѣятельности, онъ не устоялъ передъ внезапнымъ кризисомъ, не нашелся, не изыскалъ новыхъ средствъ къ существованію, и, безпомощно проѣвъ очень скоро то, что̀ у него осталось отъ катастрофы, не доходы, а капиталъ, онъ побѣжалъ изъ деревни, куда глаза глядятъ. Онъ, съ одной стороны, не могъ сжиться съ мыслью, что ему приходится работать тамъ же, гдѣ онъ привыкъ только повелѣвать,—съ другой, не могъ не видѣть быстро надвигавшейся абсолютной нищеты, если онъ не станетъ работать. Его гордость не позволяла ему быть помощникомъ исправника или даже становымъ, или нотаріусомъ тамъ же, гдѣ его отецъ или онъ самъ служили когда-то предводителемъ дворянства. И помѣщикъ побѣжалъ вонъ; а тѣ, которые не могли почему-либо сдѣлать этого же сразу, только и мечтали о томъ, какъ бы добиться того, чтобы убѣжать куда-нибудь. Это постоянное, нерѣдко безотчетное, но, тѣмъ не менѣе, всегда очень сильное стремленіе къ уходу висѣло въ воздухѣ, составляло одинъ изъ постоянныхъ и главныхъ предметовъ разговора и налагало своеобразную печать на всю уѣздную жизнь. Я зналъ многихъ, которые собирались

уѣхать цѣлые десятки лѣтъ, и жили все это время какъ бы на бивакахъ. Вотъ продамъ то-то, вотъ получу выкупную ссуду или неожиданное наслѣдство, и тогда—поминай меня какъ звали. Наиболѣе рѣшительные и энергичные обыкновенно въ концѣ концовъ успѣвали въ этомъ и улетучивались безслѣдно изъ уѣзда; другіе изнывали въ постоянномъ ожиданіи, и оно нерѣдко удерживало ихъ отъ какой бы то ни было предпріимчивости у себя дома, если они и обладали ея зачатками. Просто сидѣли и ждали у моря погоды, ничего не дѣлая и не предпринимая. Конечно, только манна небесная могла бы помочь имъ и спасти ихъ. Необходимо, однако, замѣтить, что у семейныхъ людей и помимо этого стихійнаго, такъ сказать, повальнаго въ то время стремленія къ бѣгству изъ деревни была одна дѣйствительно основательная причина къ тому же. Причина эта была—подростающія дѣти. Помѣщики очень скоро по уничтоженіи крѣпостного права не могли не понять, что единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы ихъ дѣти остались въ классѣ „господъ“ и послѣ того, какъ всѣ наслѣдственныя маетности окажутся проѣденными, былъ образовательный дипломъ. Они видѣли, что не имѣвшій такого диплома дворянинъ служилъ урядникомъ или, въ лучшихъ случаяхъ, становымъ приставомъ или пароходнымъ помощникомъ капитана, тогда какъ поповичъ съ университетскимъ дипломомъ дѣлался судебнымъ слѣдователемъ, докторомъ, членомъ окружного суда, мировымъ судьей, вообще обгонялъ дворянина на житейскомъ поприщѣ и поднимался до „господскаго“ положенія, тогда какъ недоросль спускался въ „разночинцы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усадьба перестала содержать помѣщика, упало и значеніе потомственнаго дворянства и шестой родословной книги, въ прежнія времена нерѣдко кормившее его само по себѣ. Образовательный дипломъ, вмѣсто всего этого, вдругъ не только сдѣлался обезпечивающимъ тѣ средства къ существованію, которыя были ему необходимы, но и оставлялъ его дворяниномъ въ кастовомъ смыслѣ. Что̀ бы тамъ ни было, а дѣтямъ необходимо было дать возможность получить такой всемогущій дипломъ. Насколько я могъ замѣтить, въ умахъ стараго дворянства идея необходимости образованія, какъ образованія самого по себѣ только, играла въ то время самую послѣднюю роль; преобладающимъ стимуломъ были чисто-житейскія соображенія, и покупка дипломовъ была очень нерѣдкимъ явленіемъ,—это было самое выгодное помѣщеніе небольшого капитала, котораго было недостаточно на то, чтобы прожить доходомъ съ него, тогда какъ жалованье, сопряженное съ извѣстнымъ мѣстомъ, обезпечивало въ настоящемъ

и могло рости и въ будущемъ. А дать дѣтямъ образованіе въ деревнѣ было невозможно. Гимназическія требованія все возростали; въ то время, какъ извѣстно, на ряду съ общественными реформами, круто вводилась въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ все болѣе и болѣе строгая классическая система, и прежде отвѣчавшіе всѣмъ потребностямъ гувернёры и гувернантки не могли уже достигать цѣли. Дѣтей, разъ они достигали извѣстнаго возраста, приходилось отдавать въ казенныя учебныя заведенія; а для этого необходимо было или переѣзжать въ городъ, или разлучаться съ ними на цѣлый годъ и платить большія деньги за ихъ содержаніе. Если ихъ одновременно было въ семьѣ двое или трое въ школьномъ возрастѣ, нужны были цѣлыя тысячи. Я лично зналъ многія дворянскія семьи, которыхъ этотъ вопросъ и сбилъ совсѣмъ съ колеи, и разорилъ въ придачу, хотя дѣти такъ и остались безъ дипломовъ. Тогда какъ привыкшій съ дѣтства къ лишеніямъ семинаристъ умудрялся перебиваться и какимъ-то чудомъ переходилъ съ курса на курсъ и добивался-таки диплома,—дворянское дѣтище, и понятія не имѣвшее о требованіяхъ борьбы за существованіе, изводило деньги на пустяки и переходило въ концѣ концовъ въ разрядъ жизненныхъ неудачниковъ. Передъ моими мысленными глазами проходятъ ихъ знакомыя фигуры цѣлыми десятками—молодежь обоего пола, сдѣлавшаяся жертвою этого крутого, неподготовленнаго хотя бы поверхностно переворота. Само собою разумѣется, что такія жертвы неизбѣжны при всякомъ соціальномъ переустройствѣ такого же калибра, и что нелогично и невозможно—да и безполезно, конечно, для нихъ самихъ—было бы останавливаться изъ-за нихъ; тѣмъ не менѣе, нельзя и не призадуматься, и не пожалѣть о нихъ.

Въ первые годы моей жизни въ деревнѣ и службы, когда я былъ юношески требователенъ ко всему окружающему, и когда „долгъ“ и „обязанности“ интеллигента относительно мужика заслоняли собой въ моемъ міровоззрѣніи все остальное, я былъ очень строгъ къ этому абсентеизму, и говорилъ и дѣйствовалъ противъ него при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ теченіемъ времени это отношеніе постепенно измѣнялось; жизнь и служебный опытъ въ качествѣ предводителя дворянства постоянно наталкивали меня на такіе факты, которыхъ только сухое доктринерство не признало бы смягчающими вину обстоятельствами. А когда и варяги N—скаго уѣзда, въ стойкость и добросовѣстность которыхъ я вѣрилъ какъ въ непоколебимую гранитную скалу, побѣжали отъ меня одинъ за другимъ, неудержимо, я усомнился

и самъ, и сталъ предвидѣть, что въ концѣ концовъ то же самое предстоитъ и мнѣ. Когда это предвидѣніе сдѣлалось близкимъ къ осуществленію, я перемѣнилъ фронтъ окончательно. Я, наконецъ, уразумѣлъ, что жили мы въ деревнѣ наперекоръ всѣмъ нашимъ личнымъ стремленіямъ и желаніямъ, не потому, чтобы такая жизнь соотвѣтствовала нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ, а потому что мы считали ее нашимъ долгомъ, настроивали себя соотвѣтственно, насильничали надъ самими собой. Это была фальшь съ начала до конца, приподнятость, искусственность, напыщенность; обыкновенные люди не могли долго выдерживать такого искуса, а настоящіе герои болѣе чѣмъ рѣдки, и на нихъ однихъ никакое дѣло далеко не уйдетъ. Коллапсъ воздушныхъ замковъ и бѣгство были неизбѣжны—для однихъ, послабѣе духомъ, раньше,—для другихъ, посильнѣе, позже.

Никогда я не забуду разговора, происшедшаго на эту тему какъ разъ въ это время между мной и покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ. Лѣтомъ предшествовавшаго моему выходу въ отставку года мнѣ пришлось быть по какимъ-то земскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, помнится, въ поискахъ за новыми врачами. Я встрѣтился съ К. Д. у одного общаго знакомаго,—онъ былъ на пути въ деревню на лѣто, мы разговорились, по обыкновенію, заспорили, я поѣхалъ провожать его на вокзалъ николаевской дороги, сѣлъ съ нимъ въ вагонъ, и опомнился только въ Любани, а вернулся въ Петербургъ только изъ Бологого. Гуманнѣйшій, добрѣйшій К. Д., съ совсѣмъ несвойственнымъ, чуждымъ ему подобіемъ озлобленія, нападалъ на абсентеизмъ; я же не защищалъ его, нѣтъ, но съ пѣной у рта приводилъ именно смягчающія вину обстоятельства и факты, факты, факты... Кавелинъ былъ очень крупной личностью и для того сравнительно богатаго ими времени въ русской исторіи; наша критика не разъ пыталась опредѣлить и оформить его умственный обликъ на разные лады, но я всегда считалъ его однимъ изъ сильнѣйшихъ идеалистовъ, жившихъ почти исключительно абстрактомъ. Логика фактовъ для него такъ-таки и не существовала.

— Бѣжать?—говорилъ онъ, глядя въ пространство своими чистыми, необыкновенно мягкими для его крупнаго, большого лица глазами:—бѣжать, когда вашъ долгъ стоять на своемъ посту, когда непріятель у васъ постоянно передъ глазами, когда ваше бѣгство очиститъ ему дорогу къ только вами и защищаемой, безсильной, безпомощной жертвѣ? Это позоръ, измѣна, преданіе всего, что̀ человѣку можетъ и должно быть дорого...

— Да позвольте,—возражалъ я:—вопросъ совсѣмъ не въ

абстрактномъ обсужденіи того, бѣжать или не бѣжать, быть или не быть, а въ томъ, что люди бѣгутъ и бѣгутъ, что ничѣмъ ихъ не удержишь. А что бѣгутъ они не зря—порукой вся ихъ предшествовавшая жизнь. Это не юнцы, смущающіеся при первой неудачѣ, а люди испытанные, законченные. Разговорами ихъ не остановишь—у нихъ у каждаго либо драма, либо цѣлая трагедія разыгралась въ душѣ, прежде чѣмъ они побѣжали.

— Это все русская невыдержанность, русская неустойчивость, русская халатность въ отношеніи къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ. Земскіе люди теперь для Россіи—все, они—ея надежда, въ нихъ основа ея будущаго обновленія. Работать надо, бороться, а не бѣжать. И куда они бѣгутъ? Въ городъ? Въ Петербургъ? Пропадать въ этомъ Вавилонѣ?

— Однако, вы вотъ въ этомъ Вавилонѣ весь свой вѣкъ живете, а не только не пропали, а и поучаете насъ, грѣшныхъ. Вавилонъ Вавилономъ, а вотъ поживите-ка безвыѣздно нѣсколько лѣтъ въ нашей N—ской дырѣ, такъ она и васъ пройметъ. Вѣдь они живые, молодые люди, замурованные въ чуждую, непонятную имъ могилу; вѣдь имъ разъ въ мѣсяцъ всего удается на цивилизованномъ языкѣ поговорить; вѣдь у нихъ нѣтъ абсолютно никакого развлеченія,—одна работа, работа, работа, съ утра до ночи, и при самыхъ невыгодныхъ, при самыхъ некрасивыхъ условіяхъ...

— Ну, пусть освѣжаются, отпуски имъ давайте, пусть въ столицу пріѣдутъ, старыя связи возобновятъ, оперъ послушаютъ, хорошихъ картинъ посмотрятъ, провѣтрятся, а тамъ опять за работу, туда, туда, въ деревню...

— Да вѣдь по Питерамъ-то и мнѣ ѣздить не по карману. Ѣдешь потому, что зарѣзъ пришелъ, а на сезонъ-то туда нагрянуть, такъ и въ долговое отдѣленіе попадешь;—и я разъ въ годъ или рѣже ѣзжу,—и времени, и денегъ на это нѣтъ; а имъ-то, съ ста рублями въ мѣсяцъ, при семьѣ, да и на всемъ купленномъ, и думать объ этомъ нельзя. Да и пріѣдешь сюда, поваландаешься тутъ недѣлю-другую, только аппетитъ раздразнишь—никогда этого добра досыта не наслушаешься и не насмотришься, и своя дыра послѣ такой поѣздки только горше кажется... Да и все это тутъ ни причемъ. Повторяю вамъ, что они бѣгутъ, бѣгутъ и бѣгутъ—и что сроки пребыванія у насъ новыхъ людей дѣлаются все короче и короче. Условія, очевидно, не улучшаются, а ухудшаются, и запаса добрыхъ намѣреній, который они привозятъ съ собой, у нихъ хватаетъ все на меньшее и меньшее время. Научите меня, дайте мнѣ практическій рецептъ, что съ

этимъ дѣлать. Абстрактную-то аргументацію я всю цѣликомъ, отъ доски до доски, и самъ давнымъ давно знаю, наизусть пришлось выучить за восемь-то лѣтъ.

Но К. Д. не только не могъ дать мнѣ такого рецепта, но и не видѣлъ въ немъ надобности. Въ его глазахъ абстрактная аргументація и была всѣмъ, что̀ было нужно. И противъ конкретныхъ фактовъ у него не было другого оружія. Это была все та же, давно знакомая, старая исторія, и я, съ практической точки зрѣнія, проѣхался въ Бологое совершенно напрасно. Наши завѣтные учителя умѣли лечить, но не вылечивать. Лекарство было у нихъ всегда готово—первоклассное лекарство по всѣмъ правиламъ логики, а если оно не вылечивало, вина была наша, а не логики или ихъ. Мы, вѣроятно, перепутывали часы и пріемы; имъ некогда было заниматься отдѣльными случаями и специфическими особенностями. Сомнѣваться въ ихъ знаніи и талантахъ было бы кощунствомъ, и намъ оставалось только утѣшаться той аксіомой, что нѣтъ правила безъ исключеній, и что на нашу долю выпало несчастіе быть именно однимъ изъ нихъ.

Абсентеизмъ былъ и единственнымъ, конечно, болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, палліативомъ и противъ пьянства. Такія фигуры, какъ Иванъ Ильичъ и молодой городской врачъ въ N., предсѣдатель управы и мировой судья въ Y., были, къ сожалѣнію, далеко не исключеніями. Пили больше или меньше очень многіе, молодые и старые, и перемѣна обстановки часто являлась единственнымъ доступнымъ спасеніемъ. Пьяницъ и спившихся съ кругу людей было, конечно, гораздо больше, относительно, въ интеллигентномъ классѣ людей, чѣмъ въ мужицкой средѣ. Мужика привыкли упрекать въ пьянствѣ. Я лично положительно не согласенъ съ этимъ обвиненіемъ; думаю, что оно безусловно невѣрно. Напротивъ, коренной деревенскій мужикъ-земледѣлецъ только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ дѣлается пьяницей. Въ то время деревня еще обладала довольно значительнымъ процентомъ бывшихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, обыкновенно мастеровыхъ, бывшихъ кучеровъ, поваровъ, садовниковъ и т. д., не умѣвшихъ хлѣбопашествовать и очутившихся на крестьянскомъ надѣлѣ и безъ хлѣба, и безъ возможности пропитывать свои семьи иначе, какъ работой по своей профессіи,—а такой работы не всегда было достаточно, и оплачивалась она плохо. Помѣщикъ платилъ повару пять рублей въ мѣсяцъ, кучеру или садовнику—еще меньше; если у него была семья, уплачивать подати и содержать ее на такой заработокъ не было никакой возможности. Этотъ-то людъ и пьянствовалъ,

но онъ имѣлъ только очень мало общаго съ мужикомъ-пахаремъ, который пилъ только по праздникамъ, обыкновенно осенью и зимой. Увидать пьянаго мужика въ деревнѣ въ будни было совершенно невозможно, и встрѣтить его въ числѣ кабацкихъ завсегдатаевъ можно было только очень рѣдко. Въ деревенскіе же праздники мужики напивались поголовно, напивались многія бабы, дѣвки, даже дѣти, но напивались преимущественно самодѣльнымъ пивомъ, къ которому примѣшивали только немного водки. Праздники эти всегда казались мнѣ остатками отъ первобытныхъ, еще языческихъ временъ, хотя христіанскій календарь и служилъ, повидимому, ихъ основаніемъ. Всякая деревня имѣла два, три, иногда даже четыре и пять такихъ „престольныхъ“ праздниковъ въ году; они были единственнымъ доступнымъ мужику развлеченіемъ, продолжались по два, по три дня, и въ ихъ теченіе онъ дѣйствительно обыкновенно доходилъ до безобразнѣйшаго, часто прямо скотскаго состоянія. Круглый годъ онъ работалъ какъ волъ, голодалъ, холодалъ, отказывалъ себѣ во всемъ и жилъ ожиданіемъ этихъ праздниковъ и воспоминаніями о нихъ. „Успленье“, „Казанская“, „батюшка Покровъ“, „Никола Угодникъ“ не имѣли въ его представленіи ничего общаго съ тѣмъ, что̀ связываетъ съ этими днями православная церковь. Напримѣръ, въ сосѣдней съ моимъ имѣніемъ довольно большой деревнѣ праздновали „Покрову“. Изъ любопытства, я бесѣдовалъ по этому поводу со всѣми взрослыми мужиками этой деревни. Положительно, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ даже приблизительнаго понятія о томъ, что̀ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ церковь. Это былъ „батюшка Покровъ“, нѣчто совершенно неопредѣленное и болѣе чѣмъ туманное, по всѣмъ мужицкимъ видимостямъ имя собственное, какой-то святой, мужчина, конечно, а затѣмъ что̀, какъ и „почему—мужику было совершенно безразлично. Нашими объясненіями по этому предмету онъ не интересовался, и если и выслушивалъ ихъ, то немедленно забывалъ, и къ будущему году это былъ опять „батюшка Покровъ“, олицетворявшійся для него именно только въ формѣ „праздника“ и пива. Не только поддержаніе старыхъ подобныхъ праздниковъ, но и установленіе новыхъ всячески поощрялось приходскимъ сельскимъ духовенствомъ, такъ какъ они составляли одну изъ главнѣйшихъ статей его дохода; праздники сопровождались обходомъ всей деревни съ образами и молебнами, и, конечно, посильной платой и приношеніями. Для окрестныхъ помѣщиковъ праздники эти были сущимъ наказаніемъ божіимъ:—усадебный штатъ не было никакой возможности удержать, онъ цѣликомъ скрывался, скотъ оста-

вался некормленнымъ и непоеннымъ, и эти-то праздники и лежали въ основѣ упрековъ мужика въ пьянствѣ. Въ дѣйствительности же, помимо этихъ праздниковъ, пьяный мужикъ былъ въ деревнѣ большой рѣдкостью.

Помимо дворовыхъ и мастеровыхъ, полученныхъ деревней какъ пьяное наслѣдство отъ крѣпостныхъ временъ, спивалось въ мужицкой средѣ съ кругу только волостное и сельское начальство. Если волостной писарь былъ пьяница,—а онъ былъ имъ въ большинствѣ случаевъ, — въ волостномъ правленіи потреблялось вѣроятно, въ среднемъ, больше водки, чѣмъ во всей остальной волости, вмѣстѣ взятой. Самъ мужикъ былъ тутъ ни причемъ,—его пріучали къ водкѣ тѣ обособленныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Волостное правленіе было его альфой и омегой, а волостной писарь—полубожкомъ, и если этотъ полубожокъ пилъ, водка быстро дѣлалась однимъ изъ руководящихъ началъ этой мужицкой альфы и омеги, искоренить которое было невозможно. И этими-то двумя факторами—праздниками и господствовавшей нравственной атмосферой волостного правленія, и обусловливалось дѣйствительное мужицкое пьянство.

Y—ское уѣздное земское собраніе, благодаря малонаселенности уѣзда, состояло всего изъ 27 гласныхъ, тогда какъ N—ское —почти изъ 50, хотя крупныхъ землевладѣльцевъ въ первомъ было вѣроятно больше и по числу, и на лицо, чѣмъ во второмъ. Поэтому съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ для выбора гласныхъ имѣлъ гораздо больше кандидатовъ для выбора:—въ N были выбраны почти всѣ присутствовавшіе, тогда какъ въ Y изъ присутствовавшихъ около 80 голосовъ нужно было выбрать всего 18 человѣкъ. Эти 80 голосовъ распались на три, почти равныя по численности, группы—купеческую, старыхъ служащихъ, предводимую предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ управы, насколько они были на это способны по своей лѣни и безучастности ко всему житейскому вообще, и оппозицію, члены которой были разбросаны по всему уѣзду, и къ которой примкнулъ и я. Къ этому времени я уже имѣлъ изрядный опытъ въ дѣлѣ земскихъ выборовъ вообще, и могъ довольно вѣрно предсказать результаты уже послѣ перваго же голосованія. Купеческая группа, хотя и не имѣла съ оппозиціей прямого соглашенія, тѣмъ не менѣе сочувствовала ей до извѣстной степени, во-первыхъ, потому, что въ ней находились всѣ бывшіе сторонники ея умершаго вожака, а во-вторыхъ, потому, что старыя власти успѣли надоѣсть ей весьма серьезно своей бездѣятельностью, въ особенности предводитель; — въ присутствіяхъ, гдѣ онъ предсѣдатель-

ствовалъ, нельзя было ничего добиться по цѣлымъ мѣсяцамъ, и хотя купцы и не знали, какое будущее сулитъ имъ оппозиція, тѣмъ не менѣе всякая перемѣна была имъ желательна. Баллотировали по алфавиту, и случилось такъ, что впереди другихъ стояли нѣсколько кандидатовъ оппозиціи въ гласные, въ томъ числѣ и я;—мы и были выбраны соединенными голосами ея и купцовъ противъ стариковъ;—эти послѣдніе клали налѣво всѣмъ не принадлежавшимъ къ ихъ группѣ, за то ни одинъ изъ нихъ самихъ и не попалъ въ гласные; — двое-трое было сунулись, но были жестоко забаллотированы. Попали въ гласные и два или три купца, изъ наиболѣе порядочныхъ—оппозиція положила имъ направо, изъ благодарности, и чтобы не пропустить стариковъ;—но когда, поощренные этимъ, рискнули баллотироваться и завѣдомые купеческіе мастодонты, и старики и оппозиція единогласно положили имъ налѣво, и они были забаллотированы;—это обозлило купцовъ, и подъ конецъ выборовъ они уже клали налѣво всѣмъ остававшимся кандидатамъ оппозиціи. Пробившись до вечера, съѣздъ выбралъ всего 12 гласныхъ, вмѣсто 18-ти, и не попали въ ихъ число два-три человѣка, особенно нужныхъ оппозиціи;—пришлось тѣмъ не менѣе удовольствоваться и такой частичной побѣдой, такъ какъ все-таки на 9 человѣкъ оппозиціи было всего три купца, и, полагаясь на гласныхъ отъ крестьянъ, оппозиція могла разсчитывать на солидное большинство въ земскомъ собраніи, хотя оно и было бы далеко не полнымъ по составу. Изъ стариковъ не попалъ въ гласные ни одинъ,—былъ выметенъ начисто весь старый служебный персоналъ цѣликомъ. Выбранный составъ, хотя и заключалъ въ своей средѣ нѣсколькихъ серьезныхъ людей, былъ однако очень неудовлетворителенъ въ томъ смыслѣ, что не давалъ хорошаго персонала для земской управы;—въ немъ былъ хорошій, или, во всякомъ случаѣ, лучшій, чѣмъ старый, кандидатъ въ предводители, но не было никого, кто могъ бы обѣщать и дѣльнаго предсѣдателя управы, что̀ было особенно нужно. Пришлось остановиться на одномъ больше чѣмъ недалекомъ человѣкѣ, но онъ былъ аккуратенъ, добросовѣстенъ, работящъ, и оппозиція надѣялась, что, при помощи дѣльнаго секретаря, онъ, можетъ быть, и справится удовлетворительно съ рутиной дѣла,—а чтобъ онъ не особенно робѣлъ и имѣлъ бы поддержку въ предполагавшихся начинаніяхъ и улучшеніяхъ, кромѣ двухъ членовъ управы съ жалованьемъ, собраніе выбрало и меня въ члены безъ содержанія. Въ губернскіе члены выбрали меня, предполагаемаго кандидата въ предводители, и еще одного молодого человѣка;—всѣ трое были людьми совершенно новыми на

общественной аренѣ Y—скаго уѣзда. Однако новая управа не вступала въ должность очень долго—только мѣсяца черезъ четыре послѣ земскаго собранія, такъ какъ старики опротестовали по начальству и все производство съѣзда крупныхъ землевладѣльцевъ, и все, что̀ было сдѣлано новымъ собраніемъ.

Въ Y. эти протесты были хроническимъ дѣломъ,—ни одного съѣзда, ни одного собранія не обходилось безъ нихъ. Право недовольныхъ протестовать было, конечно, неотъемлемо предоставлено имъ закономъ,—но въ Z—ской губерніи въ дѣлѣ земскаго самоуправленія имъ пользовались только очень осторожно, и то только въ двухъ, трехъ совершенно безнадежныхъ и безлюдныхъ уѣздахъ, не придававшихъ большого значенія своей губернской репутаціи. Въ NN—ской же губерніи это чувство—чувство брезгливости къ жалобамъ администраціи на самихъ себя—совсѣмъ не существовало;—губернаторъ былъ круглый годъ заваленъ земскими протестами всякаго рода, сорта и наименованія. Было два-три уѣзда, въ которыхъ земское сутяжничество такъ укоренилось и шло съ такой настойчивостью и такъ непрерывно, что въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій весь служебный выборный персоналъ былъ больше чѣмъ сомнителенъ въ смыслѣ законности своего избранія, и одинъ составъ смѣнялъ другой только затѣмъ, чтобы въ свою очередь быть опротестованнымъ и служить подъ тѣмъ же сомнѣніемъ, что̀ и предъидущій. Меня лично всегда особенно сердило въ этомъ отношеніи то, что протестовали обыкновенно именно тѣ люди, которые всего легче и безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти сами-то и обходили всѣ законы, писанные и неписанные. Протесты эти основывались обыкновенно на неполномъ или несовершенномъ исполненіи всяческихъ формальностей: или довѣренности на второй голосъ, съ которыми они же и являлись на съѣзды, не были засвидѣтельствованы вполнѣ правильно, что̀ на съѣздѣ они обыкновенно отрицали; или какая-нибудь статья положенія не была своевременно прочтена предсѣдателемъ; или была упущена какая-нибудь еще бо̀льшая тривіальность, не имѣвшая и не могшая имѣть какого-либо вліянія на исходъ выборовъ или сущность дѣла. Въ дѣйствительности это были просто каверзы, а не протесты; въ моихъ глазахъ имѣлъ право протестовать только тотъ, кто самъ безпристрастно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ требованій закона, а не тотъ, кто предъявляетъ завѣдомо не по формѣ засвидѣтельствованную довѣренность, настаиваетъ при помощи друзей на томъ, чтобъ она была признана за правильную, и затѣмъ, будучи побитъ, основываетъ свой протестъ именно на этой

довѣренности. Въ то время чувство законности въ деревенской жизни только-что начинало пробуждаться — изрѣдка и очень робко. Какъ мужикъ подавалъ прошенія архіерею и предсѣдателю казенной палаты по поводу призыва его сына къ воинской повинности, надѣясь на то, что его освободятъ отъ занесенія въ призывные списки не въ примѣръ прочимъ, такъ и интеллигентные классы не могли отдѣлаться отъ того всосаннаго ими съ молокомъ матери убѣжденія, что законъ писанъ не про всѣхъ, и что все зависитъ отъ случая и протекціи. Безправность и беззаконіе, самодурство и жалобы начальству были все еще отличительными, преобладающими чертами уѣздной жизни, и пробивались онѣ вездѣ и всюду.. Протестъ, конечно, дѣло очень полезное и необходимое вездѣ, гдѣ почему-либо и какъ-либо попираются или узурпируются чьи-либо права,—но въ данномъ случаѣ они были основаны не на этомъ почтенномъ побужденіи, а просто на привычкѣ жаловаться начальству при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Не чувство законности руководило этими протестантами, а надежды, что противникамъ „влетитъ", и что ихъ обиженное забаллотированіемъ самолюбіе получитъ должное удовлетвореніе. Къ счастію, правительствующій сенатъ, который, какъ послѣдняя инстанція, разбиралъ большинство такихъ земскихъ протестовъ, понималъ вѣроятно, что̀ ими руководило, принималъ въ соображеніе всю трудность справляться со всѣми формальностями при царившихъ въ то время деревенскихъ жизненныхъ условіяхъ, и оставлялъ почти всѣ подобные протесты безъ послѣдствій. То же случилось и съ протестомъ Y—скихъ стариковъ; — работа и съѣзда и собранія была таки въ концѣ концовъ утверждена, и новая управа вступила въ должность—помнится, въ январѣ слѣдующаго года. Поданъ былъ протестъ и въ губернское земское собраніе по поводу выбора губернскихъ гласныхъ,—но и оно оставило его безъ послѣдствій, и мы были допущены къ участію въ его засѣданіяхъ.

Въ новой Y—ской земской управѣ всѣхъ типичнѣе былъ секретарь, выписанный мною варягъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти. Онъ былъ послѣдней отраслью старинной, родовитой дворянской фамиліи, еще очень недавно богатой и вліятельной, но быстро поддавшейся новымъ условіямъ и въ конецъ разорившейся. Въ ранней молодости онъ былъ офицеромъ, воспитаннымъ въ холѣ и довольствѣ, и обзавелся на весь вѣкъ барскими привычками и полнѣйшей неспособностью заботиться о своемъ собственномъ благосостояніи. Онъ обладалъ довольно недюжинными способностями, писалъ хорошо, рисовалъ еще лучше, умѣлъ держать себя

и одѣваться, и если кто-нибудь стоялъ надъ его душой—могъ и усидчиво, и довольно быстро работать. Но ни какой-либо иниціативы, ни силы воли у него совсѣмъ не было;—разсуждая въ разговорахъ не только вполнѣ благоразумно, но часто и остроумно и не безъ дальновидности, онъ въ то же время на дѣлѣ былъ хуже всякаго ребенка, и его личныя дѣла находились все время въ самомъ плачевномъ положеніи. Безъ няньки онъ не могъ жить,—и такой нянькой могъ сдѣлаться всякій, кому бы заблагоразсудилось занять это положеніе. Женившись рано на очень милой и красивой дѣвушкѣ, онъ имѣлъ отъ нея нѣсколькихъ дѣтей;—затѣмъ сошелся съ другой, тоже очень милой и красивой дѣвушкой, и имѣлъ семейство и отъ нея; наконецъ, встрѣтившись въ желѣзнодорожномъ вагонѣ съ молоденькой, ѣхавшей на свое первое мѣсто институткой-гувернанткой, быстро овладѣлъ и ея привязанностью и очутился съ тремя семьями въ одномъ и томъ же маленькомъ уѣздномъ городѣ. Всего оригинальнѣе было то, что со всѣми этими тремя послѣдовавшими одна за другой супругами онъ съумѣлъ состоять въ превосходныхъ отношеніяхъ;—всѣ онѣ были знакомы между собой, помогали другъ другу и продолжали, повидимому, любить любвеобильнаго общаго супруга, хотя, само собою разумѣется, и бѣдствовали на его маленькомъ жалованьи. А онъ нылъ, расплывался, проклиналъ свою судьбу, но оставался тѣмъ же мягкотѣлымъ, безсильнымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, совершенно неспособнымъ пособить не только имъ, но и самому себѣ;—это было ходячее олицетвореніе русской безпомощности, распущенности и умственной и нравственной халатности, не останавливавшейся даже передъ исковерканной жизнью трехъ женщинъ. Третьей изъ нихъ я лично не зналъ, но первыя двѣ имѣли въ себѣ всѣ задатки, чтобы составить счастье гораздо болѣе цѣннаго субъекта, чѣмъ былъ этотъ секретарь. И всего удивительнѣе было то, что городское общество, симпатизировавшее этимъ женщинамъ и стремившееся сдѣлать ихъ жалкую жизнь по возможности сносною, въ то же время симпатизировало и ему;—смотрите, молъ, люди добрые, какъ человѣкъ надрывается и убивается, содержитъ три семьи и любезенъ со всѣми тремя! Секретарь управы, несмотря на свои семейныя компликаціи, былъ несомнѣнно популяренъ въ городѣ; еслибъ ему пятьсотъ душъ и крѣпостное право, онъ, конечно, содержалъ бы крѣпостной гаремъ и былъ бы душой городского общества. Къ сожалѣнію, я не знаю, какъ онъ кончилъ свою жизненную карьеру, и что̀ приключилось съ этими женщинами и всѣмъ его несчастнымъ, го-

лоднымъ потомствомъ. Я не могъ не упомянуть о немъ, такъ какъ такія именно личности всего лучше характеризовали это странное, переходное время.

NN—ская губернія была по пространству еще больше Z—ской, и тянулась безъ малаго на тысячу верстъ, но ея населеніе было гораздо рѣже, и губернскій городъ NN. значительно меньше нашего Z., хотя въ древней и средней русской исторіи онъ и занималъ гораздо болѣе замѣтное мѣсто. Губернское земское собраніе по составу было почти вдвое меньше Z—скаго, и отличалось отъ него весьма существенно во многихъ отношеніяхъ. Оно не было раздѣлено на партіи въ томъ смыслѣ, какъ было раздѣлено Z—ское; губернскіе гласные были менѣе связаны своими аффиліаціями, и никакъ нельзя было предвидѣть, какъ будетъ разрѣшенъ извѣстный вопросъ. Засѣданіе велось гораздо оффиціальнѣе, гораздо, такъ сказать, суше, и хотя предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, былъ несравненно ниже Z—скаго князя, и по своему умственному уровню, и по своему умѣнью вести собраніе, оно все-таки шло съ бо̀льшимъ наружнымъ декорумомъ, съ мѐньшимъ числомъ вспышекъ и горячихъ схватокъ. Я приписывалъ это тому, что въ его составѣ было гораздо меньше молодыхъ людей;—громадное большинство состояло изъ стариковъ, представителей родовитаго дворянства, обладавшихъ большой важностью и чувствомъ собственнаго достоинства. Z—ское собраніе, помимо князя и полудюжины стариковъ того же сорта, состояло изъ земцевъ, которые отдѣляли себя отъ дворанства и были прежде всего земцы; въ NN. сословное дворянское чувство было гораздо сильнѣе, очень и часто давало себя знать и въ преніяхъ. Въ Z—скомъ собраніи было нѣсколько купцовъ и крестьянъ; въ NN—скомъ, насколько помню, были исключительно дворяне. Мнѣ понадобилось нѣсколько дней, чтобы вполнѣ оріентироваться въ этой новой для меня въ земствѣ атмосферѣ и примѣниться къ ней. Предсѣдателемъ губернской управы былъ очень дѣловитый человѣкъ, гораздо лучше и живѣе нашего Z—скаго князя, и едва ли сочувствовавшій царившей въ собраніи важности и медлительности;—но и онъ поддавался ихъ вліянію, и пускалъ въ ходъ свои дипломатическія способности вѣроятно гораздо больше, чѣмъ это ему нравилось. Съ волками жить, поволчьи выть,—вѣроятно разсуждалъ и онъ. Я думаю, что нѣкоторое вліяніе на бо̀льшую осторожность въ преніяхъ имѣло и присутствіе на всѣхъ засѣданіяхъ оффиціальнаго стенографа;—въ Z. записывалъ пренія и составлялъ протоколы секретарь, въ NN. же этотъ послѣдній

только заносилъ резолюціи и результатъ голосованій,—а затѣмъ каждое произнесенное въ засѣданіяхъ слово появлялось въ особомъ стенографическомъ отчетѣ. Это нововведеніе, въ то время еще очень рѣдко встрѣчавшееся, несомнѣнно связывало до извѣстной степени губернскихъ гласныхъ, въ особенности новичковъ; мысль о томъ, что каждое слово будетъ занесено и всякое лыко поставлено въ строку, пугала ихъ;—извѣстно, какъ страшится святая Русь увидѣть свое имя въ печати. Пренія сводились къ тому, что по всякому вопросу, кстати и некстати, говорили все одни и тѣ же опытные говоруны,—далеко не всегда самые дѣльные, самые серьезные люди въ собраніи; въ преніяхъ не было той непринужденности, той свободы выраженія своихъ мыслей, которыя господствовали въ Z. Да и NN-ское земство вообще далеко еще не успѣло избавиться въ той же степени, какъ Z—ское, отъ страха, что „влетитъ“; и въ N., и въ NN., страхъ этотъ въ земскихъ сферахъ былъ гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ Y. и Z. Я думаю, что причиной этой бóльшей неподвижности былъ NN—скій губернаторъ, старый чиновникъ до мозга костей, весь свой вѣкъ проведшій въ разныхъ канцеляріяхъ и департаментахъ, сидѣвшій губернаторомъ въ NN. лѣтъ двадцать, и только по принужденію, а не по собственной охотѣ дѣлавшій различіе между земскими и другими, болѣе непосредственно ему подвѣдомственными учрежденіями губерніи. Въ Z—ской губерніи тѣ земскіе дѣятели, которые, подобно мнѣ самому, высоко цѣнили относительную самостоятельность земскихъ учрежденій, дарованную имъ основнымъ о нихъ положеніемъ, и не боялись пользоваться ею, насколько это было возможно, были до извѣстной степени самостоятельны;—въ NN—ской же я не могъ замѣтить никакихъ попытокъ къ этому, да и не думаю, чтобъ онѣ могли бы быть осуществлены;—и общественное мнѣніе въ уѣздахъ и, въ особенности, въ губернскомъ городѣ, отнеслось бы къ нимъ, вѣроятно, иначе, и губернаторъ не счелъ бы ихъ допустимыми и совмѣстимыми съ его общей губернской политикой. Извѣстно было, напримѣръ, что въ сосѣднемъ съ Y. уѣздѣ онъ довольно агрессивно отнесся къ образовавшейся-было въ немъ молодой независимой партіи, и, благодаря нѣсколькимъ сдѣланнымъ ею промахамъ въ формальностяхъ, возстановилъ-таки вліяніе стариковъ; что, во время бывшаго незадолго передъ тѣмъ въ губерніи голода, онъ почти совсѣмъ взялъ изъ рукъ губернскаго земства борьбу съ нимъ и самъ завѣдывалъ всѣми продовольственными мѣрами. Конечно, то, что я сказалъ выше о губернаторѣ и его общей политикѣ, основано только на моихъ

предположеніяхъ, въ виду того, что̀ я зналъ и видѣлъ;—не знаю, что̀ именно вышло бы на практикѣ; тѣмъ не менѣе, общій земскій тонъ и въ Y., и въ особенности въ NN., приводилъ меня къ этому заключенію;—когда было закрыто NN—свое губернское земское собраніе, я былъ убѣжденъ, что мой, въ то время уже пятилѣтній, земскій опытъ въ Z—ской губерніи былъ цѣненъ только какъ нѣчто мѣстное, и что были и такія губерніи, какъ NN—ская, гдѣ земство было еще далеко позади и не только не пользовалось всѣми предоставленными ему закономъ правами, но и не искало ихъ. Обсуждая впослѣдствіи эту разницу съ нѣкоторыми Z—скими земцами, мы пришли къ тому заключенію, что проистекала она изъ высшей общественной подготовки сначала Z—скаго дворянства, а затѣмъ и земства,—подготовки, полученной отъ долгой принципіальной партійной борьбы лѣвой и правой, о которой я подробно говорилъ выше. Эта борьба, какъ образовательный элементъ въ общественномъ дѣлѣ вообще, повліяла очевидно гораздо существеннѣе на общій уровень губерніи, чѣмъ это было замѣтно для ея собственныхъ земскихъ дѣятелей, и вліяніе это обнаруживалось во всей своей силѣ только для тѣхъ изъ нихъ, кто, подобно мнѣ, могъ принять активное участіе и въ земскихъ дѣлахъ другихъ губерній; а что ихъ было очень мало—ясно было изъ того, что, напримѣръ, въ NN—ской губерніи, хотя она и облегала Z—скую на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, изъ Z—скихъ земцевъ за все время моей службы случилось быть губернскимъ гласнымъ только мнѣ одному,—да и то присутствовать въ NN—скомъ губернскомъ земскомъ собраніи мнѣ удалось только однажды, потому что случайно, за неразрѣшеніемъ во̀-время разныхъ протестовъ, оно было созвано позднѣе обыкновеннаго и не совпадало съ нашимъ;—въ остальные же годы они и открывались, и закрывались одновременно, и потому одно лицо, конечно, не могло участвовать въ обоихъ, хотя бы и состояло въ нихъ гласнымъ. Мнѣ посчастливилось—хотя я и не могу сказать, что эта удача была мнѣ пріятна:—она серьезно меня разочаровала въ положеніи земскаго дѣла вообще, подбавила не одну горькую каплю въ чашу уже и безъ того одолѣвавшаго меня пессимизма, и, вѣроятно, ускорила мой выходъ въ отставку. Сопоставляя и сравнивая все мною видѣнное и слышанное въ NN—ской губерніи, я не могъ не видѣть, что какъ ни пугала меня незначительность задатковъ къ установленію законности и искорененію безправія въ Z—ской губерніи, она все-таки была значительно выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ ея ближайшіе сосѣди;—тѣ еще и не помышляли объ этомъ,—

по крайней мѣрѣ ничѣмъ не выражали этого въ своей земской жизни.

XII.

Чѣмъ больше и шире дѣлалось мое знакомство съ деревенской жизнью, тѣмъ рельефнѣе и яснѣе обрисовывалась безнадежность той хаотичности, которою она была насквозь проникнута. Я не могъ не замѣчать этой хаотичности и съ самаго начала этого знакомства;—но хаосы бываютъ разные, и первые годы моей земской службы я надѣялся, что нашъ N—скій хаосъ былъ чисто мѣстнаго характера, результатъ различныхъ особенно неблагопріятныхъ условій, нѣчто поправимое при энергіи и долгой, усидчивой работѣ. Но съ теченіемъ времени эта надежда оставляла меня все болѣе и болѣе, а подъ-конецъ и совсѣмъ исчезла. Вся уѣздная общественная организація мало-по-малу приняла въ моихъ глазахъ видъ какой-то сплошной прорѣхи:—по мѣрѣ того, какъ накладывались заплаты на одну сторону, расползалась во всѣхъ концахъ другая, и прежде чѣмъ можно было ее заштопать такъ или иначе, первая заплата уже оказывалась въ лохмотьяхъ. Не было въ этой прорѣхѣ ничего такого, на что̀ бы можно было опереться,—все шаталось и трещало, и одна недохватка погоняла другую, такъ что дѣло валилось изъ рукъ. Не я одинъ, а вообще русскіе люди слишкомъ нетерпѣливы и слишкомъ невыдержанны, слишкомъ интенсивны и требовательны,—въ данномъ же случаѣ несла значительную долю отвѣтственности и моя молодость. Я выбился изъ силъ и ушелъ, еще не достигнувъ двадцати-восьми лѣтъ отъ роду,—то-есть, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ только-что начинаетъ пріобрѣтать ту долю жизненнаго опыта, которая необходима, чтобы хоть сколько-нибудь успѣшно и безъ излишней нетерпимости занимать такія отвѣтственныя мѣста. Думаю, что, вступая въ должность, я былъ искренно преданъ земскому дѣлу и глубоко вѣрилъ въ его важность; думаю также, что работалъ, на сколько у меня хватало силъ и умѣнья; работать я умѣю, и лѣнью и недостаткомъ силы воли никогда не страдалъ. Но опыта и выдержки у меня совсѣмъ не было,—не было и приходящаго только съ годами умѣнья ладить съ людьми. Я былъ слишкомъ независимъ, слишкомъ много полагался на свои собственныя силы, и слишкомъ мало цѣнилъ своихъ сотрудниковъ; кромѣ того, былъ одностороненъ и совсѣмъ не обладалъ способностью становиться на какую-либо другую точку зрѣнія, кромѣ своей собственной.

Теперь, тридцать лѣтъ спустя, потолкавшись по бѣлу свѣту, я полагаю, что степень этой способности есть одно изъ главныхъ мѣрилъ культурности человѣка. Тѣ нетерпимость и увѣренность въ собственной непогрѣшимости, которыми были пропитаны до мозга костей лучшіе земскіе люди того времени, и благодаря присутствію которыхъ мы считали себя единственными передовыми бойцами за истину, кажутся мнѣ теперь только результатами низкаго уровня культурности и непониманія наиболѣе успѣшныхъ и наиболѣе разумныхъ путей къ правильному устройству взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Опредѣли свое міровоззрѣніе, создай и оформь свои идеалы, и затѣмъ дѣйствуй, хотя бы эти дѣйствія и заключались въ колоченіи лбомъ въ каменную стѣну. Всякій компромиссъ будетъ преступленіемъ—иди прямо, не оглядываясь ни направо, ни налѣво. А вѣдь въ сущности это не что иное, какъ самый безобразный деспотизмъ, даже автократія:—какъ будто ваши противники не такіе же люди, какъ и вы, какъ будто они не имѣютъ никакого права думать и дѣйствовать иначе, чѣмъ вы! Какъ будто истина можетъ быть чьимъ-либо личнымъ достояніемъ, чьей-либо собственностью, а не есть достояніе всего человѣчества! Разъ вы присвоиваете себѣ какія-либо права, тѣмъ самымъ вы, конечно, должны предоставить тѣ же права—не больше, но и не меньше—и всякому другому человѣку. А съ этой-то безспорной, казалось бы, аксіомой мы въ то время были совершенно незнакомы на практикѣ. „Съ нами Богъ—и Богъ съ вами"—вотъ то правило, которымъ мы въ дѣйствительности жили и исключительно руководствовались. А я, будучи молодъ и задоренъ, вѣроятно руководствовался имъ даже больше другихъ, и стремился прежде всего къ тому, чтобы *заставлять* другихъ думать и чувствовать, какъ думалъ и чувствовалъ я самъ, не принимая въ соображеніе того, что они не могли сдѣлать этого, и думали и чувствовали по своему, и имѣли полное право на это. Единственнымъ возможнымъ результатомъ и былъ пессимизмъ,—моя нетерпимость, моя увѣренность въ томъ, что свѣтъ былъ только въ моемъ окнѣ, и не могли привести меня къ чему-либо другому. Я попробую теперь очертить положеніе, какъ оно мнѣ представлялось въ то время.

Не только главнымъ, но и единственнымъ объектомъ моей работы былъ мужикъ. Благодаря этой односторонности, свѣтъ безсознательно дѣлился на двѣ части—на мужика и на все остальное. Это остальное имѣло интересъ только въ смыслѣ своего отношенія къ первому;—и такъ какъ громадное его большинство было и казалось такъ или иначе враждебнымъ этому

первому, то и я относился къ нему совершенно такъ же, то-есть враждебно и съ предубѣжденіемъ. Человѣкъ въ этомъ дѣленіи исчезалъ: мужикъ, обособленный всѣмъ своимъ антуражемъ, обособлялся и мной, и являлся и для меня объектомъ для патернализма, то-есть, въ дѣйствительности, жертвой той же опеки, которая и привела его въ то состояніе, въ которомъ онъ находился. Желая вывести его изъ этого состоянія, я употреблялъ тѣ же методы, которые привели его къ нему. Пытаясь помочь ему, защитить его, я не обращался къ его самодѣятельности, къ тѣмъ путямъ, которые могли бы сдѣлать его самостоятельнымъ, а навязывалъ ему то, что̀ въ моемъ представленіи было ему нужно. И когда эти спеціально для *мужика* приготовленныя средства не дѣйствовали, когда оказалось, что вся произвольно построенная въ моемъ воображеніи система по ея осуществленіи не оказывала никакого вліянія, а напротивъ, постоянно трещала во всѣхъ направленіяхъ и лопалась по всѣмъ швамъ, безнадежность моего воздушнаго зѣмка не могла не подѣйствовать въ концѣ концовъ такъ удручающе, чтобы не заставить меня бросить все дѣло. Стоя на этой абсолютно неправильной, хотя и общепринятой точкѣ зрѣнія, въ то же время я, какъ уже было упомянуто выше, слишкомъ мало цѣнилъ своихъ сотрудниковъ и всѣ тѣ силы и элементы, которые давала уѣздная жизнь и которые можно и должно было утилизировать гораздо больше того, чѣмъ я это дѣлалъ. Очень ужъ мы были импульсивны, требовательны, односторонни,—слишкомъ много копались въ чужой душѣ и слишкомъ критически относились ко всему окружавшему. Вмѣсто того, чтобы пользоваться человѣкомъ, какимъ онъ былъ, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ могъ быть полезенъ, мы браковали его безъ всякаго милосердія потому, что онъ почему-либо не соотвѣтствовалъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. Подходящаго матеріала было, конечно, не особенно много,—но мы, благодаря своей нетерпимости и односторонности, не умѣли пользоваться и тѣмъ, что̀ было. Мнѣ кажется, что это, доходившее часто до болѣзненности, копанье въ собственной и чужихъ душахъ, эти скептицизмъ и излишній анализъ были также однѣми изъ самыхъ характерныхъ особенностей жизненныхъ отправленій интеллигенціи того времени. Человѣкъ, „заѣденный рефлексомъ", былъ тогда очень обычнымъ явленіемъ. Мы не умѣли относиться просто и прямо ни къ людямъ, ни къ вещамъ, ни къ общественнымъ явленіямъ,—прилагали ко всему самоизмышленные, произвольные критеріи и мѣрки, какъ будто имѣли на это спеціальное право, какъ будто мы были всевѣду-

щими судьями. Теперь я приписываю это искусственному настроенію,—мы какъ будто священнодѣйствовали, а не просто работали, не просто дѣлали обычное, ежедневное дѣло. Земская работа казалась намъ какимъ-то необыкновеннымъ подвигомъ; наши умственные вожаки ожидали отъ нея слишкомъ многаго, поставили ее на непринадлежавшую ей при тогдашнихъ жизненныхъ условіяхъ высоту; какъ народники слишкомъ идеализировали мужика и требовали невозможнаго отъ своихъ адептовъ-работниковъ на мѣстѣ, такъ и лучшіе люди того времени слишкомъ идеализировали провинцію вообще, придавали земской работѣ не принадлежавшее и не могшее ей принадлежать значеніе—и въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы признать выясненныя опытомъ ихъ собственныя невѣрныя представленія и ошибки, перешли быстро къ разочарованію и пессимизму. Слишкомъ ужъ грандіозны были ихъ фантазіи, слишкомъ ужъ быстро и великолѣпно были выстроены ихъ воздушные зàмки. Масштабъ былъ произволенъ и невѣренъ,—деревенская дѣйствительность совсѣмъ ему не соотвѣтствовала. Это былъ обычный всѣмъ русскимъ умственнымъ движеніямъ слишкомъ быстрый, скороспѣлый полетъ мысли, не справлявшейся съ дѣйствительнымъ положеніемъ ея жизненнаго приложенія, и отрѣшившійся отъ него до того, что между ними оказывалась непроходимая пропасть. Къ этой приподнятой, произвольной оцѣнкѣ основъ всего положенія примѣшивались односторонность и узкость печатныхъ свѣдѣній о дѣйствительности и всей литературы предмета. Редакторы многихъ изданій положительно отказывались печатать всю правду;—корреспонденціи изъ деревни урѣзывались, подкрашивались, исправлялись до неузнаваемости,—все освѣщалось въ томъ духѣ, въ томъ тонѣ, который казался нужнымъ въ данную минуту; о недостаткахъ, ошибкахъ, прорѣхахъ умышленно молчали, а всякій мало-мальски благопріятный симптомъ раздували въ десять разъ. Деспотизмъ мысли, который я пытался очертить выше, какъ руководящее начало земскихъ дѣятелей въ родѣ меня, былъ и руководящимъ началомъ печати того времени. Шедшіе въ деревню люди не узнавали ея,—они встрѣчали совсѣмъ не то, чтò ожидали и чтò были въ правѣ ожидать по описаніямъ. Это былъ обманъ—продиктованный неправильно понимаемымъ чувствомъ долга и возвышенными теоретическими стремленіями, но все-таки обманъ. Я пописывалъ въ то время небольшіе очерки изъ деревенскаго быта, занося въ нихъ все, чтò видѣлъ и переживалъ. По поводу одного изъ такихъ очерковъ меня, въ особой статьѣ, разнесъ въ конецъ критикъ одного изъ самыхъ „передовыхъ“ изданій, и,

вскорѣ спустя, мнѣ пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ съ редакторомъ этого изданія, который и оказался авторомъ разнесшей меня статьи. Онъ долго и упорно поучалъ меня, о чемъ слѣдуетъ и о чемъ не слѣдуетъ писать, что̀ политично, и что̀ вредно. Я думалъ—и продолжаю думать и до сихъ поръ,—что прежде всего слѣдуетъ писать одну правду—и всю правду, и что ничто не можетъ быть вреднѣе для какого бы то ни было дѣла, какъ партійное, завѣдомо одностороннее или невѣрное къ нему отношеніе. Но мой редакторъ готовъ былъ съѣсть меня за такую наивность,—и, къ сожалѣнію, онъ, вѣроятно, имѣлъ за собою и общественное мнѣніе того времени, а благодаря этому, правда такъ и продолжала оставаться въ загонѣ даже въ несомнѣнно честныхъ и искренно желавшихъ добра своей родинѣ изданіяхъ. Хвалить было можно сколько угодно, а порицать было нельзя;—это считалось чуть ли не „измѣной“ дѣлу, служеніемъ въ руку противникамъ;—какъ будто можно замолчать жизнь, заговорить краснымъ словцомъ дѣйствительность! Ненормальна и одностороння была вся жизнь того времени...

Вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ на земскую жизнь на практикѣ выяснялось мнѣ больше и больше, по мѣрѣ того, какъ проходило время и сказывались результаты моей работы. Въ одной изъ предъидущихъ главъ я описалъ, какъ трудно было и какое долгое время понадобилось на то, чтобы организовать удовлетворительно медицинскую часть уѣзда. Когда исправлявшій должность земскаго врача городского участка правительственный докторъ умеръ, на его. мѣсто былъ присланъ еврей—и очень типичный представитель своей расы. Русскій мужикъ—да и вообще всякій провинціалъ—очень не любитъ евреевъ. Это такое предубѣжденіе, бороться съ которымъ совершенно невозможно,—да и прежде всего некогда, такъ какъ всякихъ предубѣжденій и безъ этого такъ непомѣрно много. Даже отличный врачъ-еврей въ деревнѣ едва-ли можетъ быть полезенъ,—во всякомъ случаѣ не иначе какъ спустя очень долгое время по пріѣздѣ—предубѣжденіе будетъ убивать его работу; а въ данномъ случаѣ новый уѣздный докторъ и самъ по себѣ не былъ чѣмъ-либо особенно желательнымъ. Мужикъ вообще охотнѣе идетъ лечиться къ фельдшеру, чѣмъ къ доктору; послѣднему нужно съумѣть сдѣлаться вообще популярнымъ, чтобы мужикъ предпочелъ его находящемуся при немъ же пьяному и невѣжественному фельдшеру, и если онъ—еврей, то ему и не добиться этого. М., съ теченіемъ времени, успѣлъ до извѣстной степени пересилить своихъ фельдшеровъ, но онъ былъ во многихъ отношеніяхъ ис-

ключительная личность. Въ такомъ видѣ медицинская часть продержалась въ N—скомъ уѣздѣ года два съ половиной, и когда она только-что наладилась и появились кое-какіе результаты, М. уже выбился изъ силъ и усталъ. И онъ, и всѣ остальные земскіе врачи N—скаго уѣзда всегда говорили, что обставлены они были идеально, въ смыслѣ своихъ отношеній къ земской управѣ и исполненія ею ихъ медицинскихъ требованій; я зналъ, что надо мной смѣялись и острили по поводу тѣхъ щепетильности, осторожности и предупредительности, съ которыми я всегда относился къ нашему медицинскому персоналу. Тѣмъ не менѣе, М. ушелъ, хотя я предлагалъ ему отпускъ съ содержаніемъ, даже поѣздку за границу. Я зналъ, чего стоилъ такой человѣкъ, и какъ трудно, почти невозможно будетъ его замѣнить. Онъ исхудалъ, нервы его были разбиты, чувствительность притуплена,—деревня прямо уходила его и, останься онъ еще на годъ, навѣрное, доканала бы его окончательно. За нимъ ушелъ вскорѣ и врачъ южнаго участка, такъ что я остался опять съ однимъ врачомъ въ городѣ—евреемъ. А я уже понималъ въ то время вполнѣ, что̀ значили для какого-либо деревенскаго дѣла личныя перемѣны, въ особенности перемѣны успѣвшихъ примѣниться къ потребностямъ мужика людей. Все, что̀ было ими сдѣлано, всѣ тѣ зародыши и начатки, которые они вызывали своей дѣятельностью въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, быстро пропадали, и мужикъ обращался въ первобытное состояніе. Я уже выяснилъ этотъ процессъ подробно, когда говорилъ о народныхъ учителяхъ; теперь скажу только, что нѣчто однородное происходило и съ докторами, и съ фельдшерами, и съ акушерками. Это были искуственные наросты, вліяніе которыхъ на народный организмъ исчезало съ ихъ удаленіемъ. А въ данномъ случаѣ на мѣсто М. пришлось пригласить еще еврея. Найти въ то время земскаго врача для деревенской больницы было чрезвычайно трудно. Когда этотъ еврей—человѣкъ, между прочимъ, очень хорошій и добросовѣстный, скоро понявшій, какъ относился къ его еврейству мужикъ,—вскорѣ тоже ушелъ, больница опять стала пустая, и я, наконецъ, вынужденъ былъ взять на это мѣсто врача-женщину. Это была очень серьезная, дѣльная и знающая женщина, но все-таки—женщина; а N—скій мужикъ вообще еще далеко не дошелъ до того, чтобы считать женщину за человѣка. Кромѣ того, земскій врачъ долженъ быть хирургомъ,—въ его практикѣ очень часты несчастные случаи, когда ножъ необходимъ, а женщина-врачъ не можетъ дѣлать какихъ-либо серьезныхъ операцій. При всемъ моемъ уваженіи

къ женщинѣ вообще, я не вѣрилъ въ земскаго врача-женщину, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда земство могло бы содержать ее при врачѣ-мужчинѣ; въ самостоятельной же земской больницѣ она едва-ли практична, такъ какъ можетъ разсчитывать только на пользованіе женщинъ и дѣтей. Мужикъ къ ней не пойдетъ.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ, пустилъ въ ходъ все мое знакомство, объявлялъ во всѣхъ газетахъ, но такъ-таки до конца моей службы и не могъ ни усилить, ни измѣнить персонала, и оставался при евреѣ и женщинѣ, то-есть, въ сущности, оказался въ томъ же положеніи, что̀ и при началѣ моей службы. Бо̀льшая часть медицинскаго бюджета пропадала безслѣдно,—на „варяговъ“ разсчитывать было нельзя. Они не были ничѣмъ привязаны къ уѣзду, ни экономически, ни чувствомъ; когда волна, гнавшая ихъ въ деревню, прошла,—даже залучить кого-либо въ деревенскую больницу оказалось невозможно. Даже и женщина-врачъ держалась въ ней только благодаря нѣкоторымъ исключительнымъ личнымъ условіямъ; какъ только эти условія измѣнились—ушла и она.

А изъ имѣющихся у меня за нѣсколько лѣтъ протоколовъ собраній N—скаго земства, спустя много лѣтъ послѣ моего выхода въ отставку, я узналъ, что оно такъ и продолжаетъ бороться съ невозможностью удержать своихъ земскихъ врачей; во время холерной эпидеміи въ немъ цѣлое лѣто не было *ни одного* доктора. Я же безусловно убѣжденъ, что земская медицина можетъ оказывать нѣкоторое вліяніе только при условіи постоянныхъ и хорошихъ врачей; безъ нихъ, или при ихъ частыхъ перемѣнахъ, земскій медицинскій бюджетъ—не что̀ иное, какъ брошенныя въ печку деньги, такая же пустая формальность, какъ полицейскіе пожарные навѣсы по деревнямъ.

Вопросъ о производительности земскихъ расходовъ съ теченіемъ времени все больше и больше смущалъ меня. Расходы эти распадались на обязательные и необязательные. Къ первымъ относилось содержаніе почтовыхъ дорогъ и перевозовъ, земскихъ станцій, мировыхъ судей, разныхъ присутствій, квартирныя деньги разнымъ чинамъ, губернскій земскій сборъ, и т. д. Эти расходы возлагались на земство разными узаконеніями; оно служило только посредствующимъ звеномъ, и отъ нихъ не было спасенія. Главными статьями расходовъ необязательныхъ были народное здравіе и народное образованіе, доходившія въ N—скомъ уѣздѣ, въ концѣ моей службы, до 35.000 рублей въ годъ. Это была капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что̀ было дѣйствительно нужно, такая капля, которая своей незначительностью и недостаточно-

стью сама убивала свою возможную производительность, а между тѣмъ нашъ нищій уѣздъ и такъ оканчивалъ каждый годъ дефицитомъ, накапливалъ неоплатную недоимку, и капля эта представляла собою огромныя деньги, которыя приходилось „выбивать“ чуть не по грошамъ и тѣми же мѣрами, противъ примѣненія которыхъ такъ возставало и воевало съ исправникомъ либеральное N—свое по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Читатель, конечно, замѣтилъ, что, въ теченіе этого разсказа, мнѣ не разъ приходилось повѣствовать о томъ, какъ я сначала стремился пополнить оставленную мнѣ преемникомъ совершенно пустую земскую кассу, затѣмъ энергически взыскивалъ продовольственныя ссуды, страховыя недоимки и т. д. Продовольственный капиталъ былъ почти цѣликомъ въ ссудахъ, и еслибъ ихъ не взыскивать, при неподготовленности хлѣбо-запаснаго дѣла, всякій неурожай могъ легко обратиться въ голодъ; за страховыми недоимками, страховая касса была пуста, и выдача пожарныхъ премій задерживалась на полгода и больше, и подрывала все значеніе обязательнаго страхованія въ самомъ корнѣ; съ пустой уѣздной земской кассой голодали учителя и ссорился и тормазилъ все земское дѣло весь выборный уѣздный персоналъ. А между тѣмъ, на практикѣ, это было совершенно то же „выбиваніе“ недоимокъ, которымъ занималась такъ усердно уѣздная полиція, и, осуждая ее и противодѣйствуя ей, по мѣрѣ возможности, съ одной стороны, я, въ то же время, былъ вынужденъ—съ другой—обращаться къ ней же за тѣмъ же для пополненія собственныхъ земскихъ нуждъ. Эта несообразность постоянно стояла передо мною, и я никакъ не могъ отъ нея уйти. А всякая несообразность, притомъ такая настойчивая, вызываетъ, конечно, рефлексъ. Ревизуя, напримѣръ, родильный пріютъ, самостоятельный фельдшерскій пунктъ и земскую школу въ свищевской волости, я находилъ слѣдующую картину: въ родильномъ пріютѣ съ самаго его основанія не было ни одной крестьянской роженицы. Родили въ немъ только солдатка изъ сосѣдней губерніи, привезенная къ пріюту ночью неизвѣстно кѣмъ, да мѣщанка—любовница мѣстнаго кабатчика. Даже мѣстное духовенство—въ свищевской волости пять-шесть церковныхъ приходовъ—ни разу не приглашало земскую акушерку; попадьи и дьяконицы довольствовались мужицкими повитухами, даже между ними не было потребности въ настоящей акушеркѣ, и только однажды ее пригласили на роды помѣщицы, верстъ за сорокъ, въ другомъ уѣздѣ. Фельдшеръ былъ безпробудный пьяница, проводившій все свое время въ кабакѣ, не вытрезвившійся вполнѣ даже

къ моему пріѣзду, о которомъ онъ былъ предупрежденъ; онъ трясся всѣмъ тѣломъ, икалъ безпрестанно, и его налитые кровью глаза не могли ни на секунду сосредоточиться на чемъ-нибудь, а какъ-то безсознательно танцовали. А онъ былъ уже пятый на этомъ пунктѣ за послѣдніе два года; четверо его предшественниковъ были нисколько не лучше. Въ школѣ сидѣло десять-двѣнадцать ребятишекъ, тощихъ, голодныхъ, холодныхъ. Прекрасная, нѣсколько лѣтъ хорошо мнѣ извѣстная учительница, переведенная сюда, чтобы „поднять" школу, чуть не со слезами разсказывала, что это все, что она могла удержать всяческими правдами и неправдами; я подозрѣваю даже, что нѣкоторыхъ она содержала сама, на свой счетъ, изъ своего грошоваго жалованья. Въ то же время я знаю, что въ свищевской волости двѣ трети населенія, изъ года въ годъ, шесть мѣсяцевъ, а то и больше, питаются лебедой и другими суррогатами хлѣба, живутъ въ отвратительныхъ курныхъ избахъ, вмѣстѣ съ курами и телятами, жгутъ лучину, мрутъ отъ дифтерита и сыпного тифа,— даже цынга въ ней не переводится,—и что нѣкоторыя деревни поголовно заражены сифилисомъ. На волости слишкомъ сорокъ тысячъ рублей казенныхъ недоимокъ, и она платитъ за всѣ вышеописанныя земскія удовольствія около двухъ тысячъ рублей въ годъ земскихъ повинностей. Въ волостномъ правленіи, стяжавшемъ завидную славу хроническимъ безпорядкомъ всего своего дѣлопроизводства, и старшина, и писарь—въ городѣ, на высидкѣ за недоимку, и единственнымъ представителемъ власти является однорукій сторожъ-солдатъ, съ нѣсколькими медалями на затасканной шинели, уныло созерцающій въ одиночествѣ массу огромныхъ пруссаковъ-таракановъ, поѣдающихъ огарокъ восьмериковой сальной свѣчи на присутственномъ столѣ.

— Когда назадъ ждете старшину? — спрашиваю я, пріѣхавшій за сто слишкомъ верстъ, чтобъ обревизовать правленіе и распутать кашу въ его дѣлопроизводствѣ по нѣсколькимъ предметамъ.

— Намъ неизвѣстно, ваше высокоблагородіе, намъ ничего неизвѣстно... — моргая усомъ и стараясь стоять на-вытяжку, отвѣчаетъ глухимъ голосомъ почтенный инвалидъ. — Топить не велѣно,—должно, долго продержатъ,—сообщаетъ онъ послѣ долгой паузы свои соображенія.

Свищевская волость не просила ни родильнаго пріюта, ни фельдшерскаго пункта, ни земской школы. Все это было ей навязано, такъ какъ она расположена центрально относительно двухъ-трехъ такихъ же волостей. Ей, живущей на лебедѣ и тща-

тельно скрывающей „нехорошую болѣсть“ и гніющей втихомолку, не до нихъ. Она мечтаетъ о „нови“ и „осенней Казанской“. У нея никогда не было ни одного представителя въ земскомъ собраніи, — она не имѣетъ о немъ никакого представленія и совершенно индифферентна ко всему, кромѣ вожделѣнія этой „нови“ и этой „осенней Казанской“. Старшина и писарь—въ кутузкѣ? Такъ имъ, прохвостамъ, и надо. Затѣмъ они, „негодяи“, и посажены въ волостное правленіе, чтобы „отсиживать“ за міръ.

Какъ вы думаете, читатель, производительно ли мы изводили наши необязательные земскіе расходы, и не навели ли бы они и васъ на всякія нехорошія размышленія?

Всего мучительнѣе было сознаніе того, что свищевская волость ничего не просила сама, а мы взыскивали съ нея двѣ тысячи рублей, которыя купили бы ей триста кулей муки и дали бы хлѣбъ, вмѣсто лебеды, хотя бы ея младенцамъ. Мы отобрали у нея этотъ хлѣбъ, и вмѣсто него доставили ей удовольствіе лицезрѣть хорошенькую акушерку, цѣлую коллекцію пьяницъ фельдшеровъ да тоже голодавшую, благодаря своимъ ученикамъ, учительницу....... Если и это не былъ патернализмъ, противъ котораго мы сами такъ горячо и такъ справедливо возставали, то что̀ же это было такое?

Когда подошли выборы на слѣдующее трехлѣтіе, составъ гласныхъ остался тотъ же самый, и я опять былъ выбранъ въ предсѣдатели управы на этотъ разъ единогласно. У меня, тѣмъ не менѣе, все-таки не было никакой партіи, какъ это понималось въ нашей уѣздной политикѣ, и мнѣ было извѣстно, что мой все возроставшій пессимизмъ очень не нравился нѣсколькимъ вліятельнымъ гласнымъ собранія. Съ удаленіемъ съ земской арены Л., въ уѣздѣ не было опредѣленнаго вожака;— у меня никогда не было ни малѣйшаго желанія сдѣлаться имъ, и я всегда держался особнякомъ, даже не принадлежалъ ни къ одному изъ уѣздныхъ кружковъ. Мой личный характеръ, въ то время очень рѣзкій и нетерпимый, не допускалъ сближенія съ людьми,—а къ интригамъ у меня не было никакихъ способностей. Я служилъ потому, что считалъ это своимъ долгомъ,—готовъ былъ уйти во всякую минуту, и не считалъ нужнымъ—да, по всей вѣроятности, и не съумѣлъ бы — подобрать шайку, чтобы увѣковѣчить свой режимъ, что̀ было всегдашней политикой всѣхъ уѣздныхъ воротилъ, почему-либо попадавшихъ въ то положеніе, въ которомъ

я находился. То приподнятое настроеніе, которое бросило меня въ деревню, не могло продолжаться вѣчно,—такіе импульсы всегда недолговременны и уступаютъ обыкновенно мѣсто неудовлетворенности и постепенно помрачающейся окраскѣ всего окружающаго. На очередное губернское собраніе я поѣхалъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ. А собраніе это оказалось очень интереснымъ. Лѣвая была въ значительномъ большинствѣ, въ первый разъ по введеніи земскихъ учрежденій. Правая какъ-то выродилась,—въ ея средѣ не было ни одного выдающагося человѣка, и даже основавшій ее уѣздъ прислалъ въ первый разъ нѣсколькихъ представителей лѣвой. Князь, какъ предсѣдатель губернской управы на слѣдующее трехлѣтіе, оказался невозможнымъ, и это было понято и имъ, и собраніемъ съ перваго же дня. Тѣмъ не менѣе, замѣнить его было не особенно легко, хотя лѣвая и была въ безусловномъ большинствѣ и заключала въ своемъ составѣ многихъ дѣльныхъ людей. Съ теченіемъ времени съ мѣстомъ предсѣдателя губернской земской управы оказались связанными многія постороннія требованія,—одной дѣловитости и способности работать было не только недостаточно, но и онѣ являлись какъ бы второстепенными; выходило, что прежде всего нужны были представительность и извѣстное положеніе и въ глазахъ губерніи, и въ глазахъ администраціи. Содержаніе было маленькое, даже меньше того, что получали предсѣдатели нѣсколькихъ уѣздныхъ управъ;—приходилось жить въ губернскомъ городѣ, поддерживать престижъ губернскаго земства, ладить съ цѣлымъ десяткомъ уѣздныхъ воротилъ и съ администраціей;—все это дѣлало положеніе и не особенно прочнымъ, и не особенно желательнымъ. Въ Z—ской губерніи отъ губернской управы требовалось много такта. Вѣковыя традиціи дѣлали губернію начальствомъ уѣзда. Заурядный обыватель видѣлъ въ губернской управѣ начальство уѣздныхъ, и отъ этого отношенія къ дѣлу ему очень трудно было отрѣшиться. Онъ выросъ и воспитался на служебной іерархіи, и понималъ только отношенія начальника къ подчиненному—и наоборотъ. То своеобразное положеніе, которое занимало губернское земство относительно уѣздныхъ, превышало его пониманіе, и онъ никакъ не могъ всесторонне къ нему приспособиться. Недоразумѣнія, возникавшія на этой почвѣ, были сравнительно часты и вызывали въ уѣздахъ недоброжелательность къ персоналу губернской управы иногда безъ всякаго разумнаго основанія. Съ другой стороны, и губернская управа не всегда выдерживала свою роль, поддаваясь, такъ сказать, общему для атмосферы губернскаго го-

рода стремленію начальствовать и предписывать. У нея не было въ уѣздахъ своихъ собственныхъ органовъ, и потому ей часто приходилось обращаться къ уѣзднымъ управамъ по поводу разныхъ дѣлъ; въ случаѣ натянутости или даже враждебности отношеній, какія, напр., были между нею и Иваномъ Ильичемъ до моего появленія на земскомъ поприщѣ N — скаго уѣзда, ея положеніе оказывалось очень затруднительнымъ. Князь былъ предсѣдателемъ Z—ской губернской земской управы съ самаго основанія земскихъ учрежденій въ губерніи, и хотя онъ и считался первокласснымъ дипломатомъ, тѣмъ не менѣе у губернской управы были застарѣлыя недоразумѣнія съ нѣсколькими уѣздными земствами, и это, помимо партійныхъ мотивовъ, много способствовало общему желанію замѣнить его новымъ лицомъ. Единственнымъ подходящимъ кандидатомъ въ предсѣдатели оказался молодой еще, сравнительно, человѣкъ, съ хорошими средствами и старинной родовитой дворянской фамиліи, очень представительный, хорошо образованный, но изъ того уѣзда, гдѣ получила свое основаніе лѣвая, и это сдѣлало его выборъ довольно затруднительнымъ, хотя въ рѣшительную минуту онъ все-таки получилъ небольшое большинство голосовъ и былъ таки выбранъ. Земство желало видѣть его и губернскимъ предводителемъ дворянства; но на дворянскомъ собраніи, послѣдовавшемъ немедленно за земскимъ, лѣвая оказалась въ меньшинствѣ, и князь опять одержалъ побѣду и былъ выбранъ и на слѣдующее трехлѣтіе. N—скій уѣздъ выбралъ въ предводители опять меня, но въ кандидаты ко мнѣ — молодого человѣка, только-что кончившаго курсъ въ петербургскомъ университетѣ и еще не достигшаго земскаго совершеннолѣтія; этотъ выборъ далъ мнѣ возможность слѣдующей же весной выйти въ отставку, такъ какъ юноша этотъ, будучи предводителемъ дворянства, могъ, подобно мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занять и мѣсто предсѣдателя земской управы. Такимъ образомъ я покинулъ земскую службу, какъ только явилось лицо, могшее занять обѣ занимавшіяся мною должности.

Вскорѣ затѣмъ судьба закинула меня навсегда на чужбину, къ антиподамъ, и мнѣ не пришлось ни разу посѣтить N—скій уѣздъ; послѣдующую исторію его земства я знаю только по протоколамъ его собраній. Читать эти протоколы умѣючи могутъ только тѣ, кто знаетъ, какъ они составляются и въ чемъ именно заключается ихъ сущность, и это умѣнье дается только долгимъ личнымъ опытомъ. Въ теченіе моей службы дѣятельность N—скаго уѣзднаго земства не разъ останавливала на себѣ вниманіе пе-

тербургской печати, и толстыхъ журналовъ, и газетъ. Талантливые писатели разбирали ее въ особыхъ статьяхъ по протоколамъ его собраній,—конечно, съ своей собственной, излюбленной точки зрѣнія, основанной гораздо больше на теоретическихъ представленіяхъ о вещахъ, чѣмъ на дѣйствительности. Это, къ сожалѣнію, обычная особенность отношеній русской печати ко всѣмъ сторонамъ русской жизни вообще. А протоколы земскихъ собраній составляютъ особенно благопріятную почву для этой двойственности, и особенно способны подтверждать односторонность въ ту или другую сторону, смотря по общему міровоззрѣнію и даже настроенію читателя. Думаю, что я умѣю читать и понимать ихъ болѣе или менѣе вѣрно;—кромѣ того, я знаю лично всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и потому протоколы эти возстановляютъ передо мною послѣдующую исторію N—скаго земства довольно ясно. Оно вызвало, послѣ моего ухода, многихъ варяговъ на всяческія должности—пересаживало музыкантовъ съ мѣста на мѣсто, хлопотало и билось вѣроятно не меньше другихъ уѣздныхъ земствъ Z—ской губерніи — и оказывается въ результатѣ во всѣхъ существенныхъ своихъ проявленіяхъ топчущимся все на томъ же мѣстѣ, что и тридцать лѣтъ тому назадъ, преуспѣвъ серьезно только въ дальнѣйшемъ накопленіи всяческихъ недоимокъ. Послѣдующія узаконенія, во-первыхъ, самымъ существеннымъ образомъ съузили тотъ матеріалъ, изъ котораго земство можетъ пополнять личный персоналъ своихъ выборныхъ служащихъ, ограничило его постоянно и быстро уменьшающимся въ числѣ дворянскимъ сословіемъ; во-вторыхъ, благодаря этому, мужикъ оказался обособленнымъ еще болѣе и увеличилась пропасть между нимъ и всѣми способными такъ или иначе благотворно воздѣйствовать на него элементами. Оборачиваясь назадъ хладнокровно и безпристрастно, я думаю, что народники семидесятыхъ годовъ въ родѣ меня и ударились сначала въ пессимизмъ, а затѣмъ въ политическія крайности именно потому, что сознали, что ихъ *земскія* вожделѣнія были при существовавшихъ общихъ условіяхъ одними мечтаніями, безъ всякой реальной почвы для ихъ осуществленія,—что они могли быть и были такимъ же начальствомъ и только начальствомъ, какъ и прямо административные и всякіе другіе служебные органы, и что дѣйствительной, внутренней связи между ними и деревней не было и не могло быть. Деревня оставалась сама по себѣ, они — сами по себѣ; это были не идущіе рука объ руку и взаимно помогающіе другъ другу элементы одного и того же общественнаго тѣла, а управляющіе и управляемые, рѣзко и отчетливо раздѣленные, ин-

тересы которыхъ были діаметрально противоположны во всѣхъ существенныхъ проявленіяхъ ихъ общей жизни, вездѣ, гдѣ они встрѣчались и соприкасались, благодаря требованіямъ внѣшней силы—государства. Возможный прогрессъ уничтожался всюду присущимъ антагонизмомъ и взаимнымъ непониманіемъ: они говорили на разныхъ языкахъ и жили въ разныя эпохи,—хотя и были въ дѣйствительности современниками въ общей родной странѣ.

П. А. Т.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie". Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

V *).

Когда Тони, вмѣстѣ съ братомъ Томомъ, подъѣхала въ великолѣпномъ экипажѣ фамиліи Крёгеровъ къ маленькому дому лоцмана Дитриха Шварцкопфа въ Травемюнде, лоцманъ стоялъ у крыльца, снявъ свою матросскую фуражку. Это былъ коренастый человѣкъ низкаго роста, съ краснымъ лицомъ, водянистыми голубыми глазами и окладистой сѣдой бородой. Лицо его производило впечатлѣніе искренности, честности и почтенности.

— Я очень польщенъ вашимъ согласіемъ погостить у насъ, фрейлейнъ Будденброкъ,—сказалъ онъ, помогая Тони выйти изъ экипажа.—Здравствуйте, герръ Будденброкъ. Надѣюсь, что почтенный господинъ консулъ и его супруга обрѣтаются въ полномъ здравіи... Милости просимъ, пожалуйте! Моя жена вѣроятно приготовила намъ закусить что-нибудь.—Поѣзжайте въ трактиръ Педерсена,—продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру, который внесъ въ домъ чемоданъ Тони, — тамъ лошадей отлично устроятъ на ночь. Вѣдь вы переночуете у насъ, герръ Будденброкъ? Нужно дать передохнуть лошадямъ.

Черезъ четверть часа гости и хозяева сидѣли уже на верандѣ, заросшей дикимъ виноградомъ, и пили кофе. Тони громко

*) См. выше: окт., 682 стр.

восторгалась свѣжестью морского воздуха и открывавшимся съ веранды видомъ на широкую, сверкающую на солнцѣ рѣку со множествомъ скользящихъ по ней лодокъ. Издали виднѣлось море. Широкія кофейныя чашки съ голубыми ободками казались Тони очень неуклюжими сравнительно съ тонкимъ стариннымъ фарфоромъ въ родительскомъ домѣ, но общій видъ стола, съ поставленнымъ подлѣ Тони букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, былъ очень привлекательный, и она къ тому же проголодалась въ дорогѣ.

— Вотъ вы увидите, фрейлейнъ, какъ вы здѣсь поправитесь,—сказала хозяйка.—У васъ очень утомленный видъ. Это навѣрное отъ городского воздуха и отъ свѣтской жизни.

Госпожа Шварцкопфъ, маленькая, худощавая женщина лѣтъ пятидесяти, съ гладко причесанными и собранными позади въ сѣтку черными волосами, въ аккуратномъ коричневомъ платьѣ съ бѣлыми воротникомъ и манжетками, усердно подчивала Тони кофеемъ со сливками, домашней булкой съ изюмомъ, медомъ въ сотахъ, и извинялась за простоту комнаты, отведенной гостьѣ. Томъ бесѣдовалъ со старикомъ, разсказывая ему о городскихъ дѣлахъ.

Среди ихъ разговора на веранду вышелъ, съ книгой въ рукахъ, юноша лѣтъ двадцати; онъ снялъ свою сѣрую фетровую шляпу и, покраснѣвъ, неловко поклонился.

— Что же это ты такъ поздно пришелъ, сынокъ?—спросилъ лоцманъ, и представилъ юношу гостямъ:—Это мой сынъ...—онъ назвалъ имя, котораго Тони не разслышала. — Онъ студентъ медицины, и проводитъ у насъ каникулы.

— Очень пріятно,—учтиво сказала Тони. Томъ всталъ и протянулъ руку молодому Шварцкопфу, который еще разъ поклонился, отложилъ книгу и, снова покраснѣвъ, сѣлъ къ столу.

Онъ былъ средняго роста и скорѣе худощавъ; короткіе остриженные волосы и едва пробивающіеся усы были очень свѣтлаго цвѣта, чему соотвѣтствовалъ нѣжный цвѣтъ лица, покрывавшагося румянцемъ при малѣйшемъ поводѣ. Глаза у него были синіе, какъ у отца, только нѣсколько темнѣе, и имѣли такое же добродушное и оживленное выраженіе. Начавъ ѣсть, онъ обнаружилъ необыкновенно ровные, сверкавшіе какъ отточенная слоновая кость, бѣлые зубы. На немъ была надѣта сѣрая куртка съ отворотами, стянутая позади на резинкѣ.

— Прошу извинить меня, я дѣйствительно запоздалъ,—сказалъ онъ.—Я зачитался на берегу и не поглядѣлъ во-время на часы.—Сказавъ это, онъ продолжалъ ѣсть молча, изрѣдка под-

нимая пытливый взглядъ на Тони и Тома. Когда мать его стала снова подчивать Тони, онъ сказалъ:

— Медъ въ сотахъ вы можете ѣсть не опасаясь, mademoiselle Будденброкъ... Это чистый продуктъ природы... Знаешь по крайней мѣрѣ, что̀ глотаешь... Вамъ слѣдуетъ хорошо питаться здѣсь. Морской воздухъ ускоряетъ обмѣнъ веществъ, и если вы не будете достаточно ѣсть, вы еще больше похудѣете...

Мать съ нѣжностью слушала молодого человѣка и поглядѣла на Тони, стараясь узнать, какое впечатлѣніе произвели на нее слова сына. Но старикъ Шварцкопфъ сталъ ворчать:

— Брось ты свой обмѣнъ веществъ, господинъ докторъ... Намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Молодой человѣкъ засмѣялся и, снова покраснѣвъ, взглянулъ на тарелку Тони.

Старикъ лоцманъ нѣсколько разъ назвалъ сына по имени, но Тони никакъ не могла разобрать въ его расплывчатомъ, мягкомъ произношеніи, какъ звали молодого человѣка. Что то въ родѣ „Мооръ“ или „Мордъ“...

Послѣ кофе Шварцкопфы, отецъ и сынъ, закурили свои короткія деревянныя трубки, а Томъ—свои излюбленныя русскія папиросы. Молодые люди стали вспоминать старыя школьныя исторіи, и Тони приняла участіе въ ихъ разговорѣ.—Какъ жаль, что Христіана нѣтъ съ нами!—сказала она. — Онъ такъ ловко передразнивалъ учителей...

Среди разговора Томъ обратился къ сестрѣ и сказалъ ей, указывая на стоявшіе передъ нею цвѣты:

— Грюнлихъ сказалъ бы: „Какъ нарядны эти цвѣты!“

Тони вспыхнула и сердито толкнула брата въ бокъ, взглянувъ украдкой на молодого Шварцкопфа.

Уже въ половинѣ седьмого, когда начинало темнѣть, Тони съ братомъ поднялись, чтобы пойти погулять къ морю. Старикъ лоцманъ извинился, что не можетъ ихъ сопровождать,—онъ долженъ былъ уйти по дѣлу—и попросилъ ихъ вернуться къ ужину къ восьми часамъ. Они пошли безъ него въ сопровожденіи молодого медика.

VI.

Проснувшись утромъ въ своей маленькой чистенькой комнатѣ съ мебелью, обитой свѣтлымъ кретономъ въ большихъ цвѣтахъ, Тони зажмурила глаза отъ солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь щели ставень, и стала вспоминать впечатлѣнія минув-

шаго дня. На сердцѣ у нея было спокойно и радостно,—всѣ недавнія событія, ужасная сцена въ ландшафтной комнатѣ, увѣщанія родителей и пастора, Грюнлихъ со своими золотистыми бакенбардами, отошли куда-то въ прошлое. Здѣсь она будетъ просыпаться каждое утро съ полной безмятежностью... Какіе милые люди эти Шварцкопфы!... Вчера за ужиномъ подавали апельсинный пуншъ, и всѣ пили за пріятную совмѣстную жизнь. Было очень весело. Старикъ Шварцкопфъ разсказывалъ интересныя морскія исторіи, а его сынъ говорилъ о Геттингенѣ, гдѣ онъ учился... Какъ странно, что она все еще не знаетъ, какъ его зовутъ; за ужиномъ его ни разу не назвали по имени, а спросить было неловко. Какое это можетъ быть имя... Мооръ... Мордъ? Во всякомъ случаѣ онъ очень милъ, этотъ Мооръ, или Мордъ... Онъ былъ къ ней очень внимателенъ. Она сказала, что послѣ ѣды у нея всегда горячая голова, и что это вѣроятно происходитъ отъ полнокровія... Что же онъ отвѣтилъ? Онъ внимательно поглядѣлъ на нее и сказалъ:—Да, артеріи у висковъ вздуты, но это еще не доказываетъ, что у фрейлейнъ много крови, или довольно кровяныхъ шариковъ; напротивъ того, она вѣроятно малокровна.

Часы съ кукушкой пробили девять; Тони вскочила съ постели и, подбѣжавъ къ окну, раскрыла ставни. Небо было нѣсколько облачно, но солнце сіяло; издали виднѣлось море, покрытое легкой рябью. Тони одѣлась и вышла въ корридоръ. Дверь въ комнату, гдѣ ночевалъ Томъ, была открыта,—онъ уже рано утромъ уѣхалъ въ городъ. Уже въ корридорѣ этого довольно высокаго второго этажа, гдѣ расположены были только спальни, пахло кофеемъ,—это былъ, повидимому, самый характерный запахъ маленькаго домика, и онъ все усиливался по мѣрѣ того какъ Тони спускалась по деревянной лѣстницѣ съ перилами внизъ и, миновавъ кабинетъ лоцмана и столовую, прошла на веранду, розовая и свѣжая въ своемъ изящномъ бѣломъ пикейномъ платьѣ.

На верандѣ, за накрытымъ столомъ, сидѣли только хозяйка съ сыномъ; передъ ними стояли уже опорожненныя чашки. На матери надѣтъ былъ большой кухонный передникъ поверхъ коричневаго платья. Она поднялась на встрѣчу молодой дѣвушкѣ и стала извиняться въ томъ, что утренній кофе пили безъ нея:

— Простите, фрейлейнъ Будденброкъ... мы люди простые и встаемъ рано... Мой мужъ уже работаетъ у себя въ кабинетѣ... вѣдь вы не въ претензіи?

— Ничуть,—отвѣтила Тони.—Да и я всегда раньше встаю.

Но вчерашній пуншъ .. Это ваша вина, что я сегодня проспала,— прибавила она, здороваясь съ молодымъ Шварцкопфомъ. — Вы слишкомъ часто чокались вчера со мной.

Молодой человѣкъ улыбнулся и, покраснѣвъ, опустилъ глаза на лежавшую передъ нимъ газету.

Хозяйка освѣдомилась, хорошо ли Тони провела первую ночь въ ихъ домѣ, снова стала извиняться за недостаточность комфорта въ ихъ простомъ быту; когда Тони стала пить кофе, она поднялась, взяла стоявшую подлѣ нея корзиночку съ ключами и сказала:

— Простите, фрейлейнъ Будденброкъ,—мнѣ необходимо быть на кухнѣ. Тамъ жарится колбаса... Желаю вамъ хорошаго аппетита и пріятной прогулки передъ обѣдомъ. Вы вѣдь, конечно, захотите теперь пройтись къ морю; тамъ, на берегу, вы навѣрное встрѣтите много знакомыхъ... Если угодно, мой сынъ проводитъ васъ туда.

— Я буду ѣсть только медъ въ сотахъ, сказала Тони, оставшись наединѣ съ молодымъ Шварцкопфомъ.—Тогда знаешь по крайней мѣрѣ, что̀ глотаешь!

Молодой человѣкъ всталъ съ мѣста и положилъ трубку на перила веранды.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь курить,—остановила его Тони.—Когда я дома схожу пить кофе утромъ, въ комнатѣ всегда уже пахнетъ дымомъ отъ папиной сигары... Скажите,—неожиданно спросила она:—правда, что яйцо соотвѣтствуетъ четверти фунта мяса?

Шварцкопфъ густо покраснѣлъ. — Вы смѣетесь надо мной, кажется?—спросилъ онъ полушутливо, полусердито.—Меня и такъ вчера отецъ пробралъ за то, что я, будто бы, хвастаю своими знаніями.

— Что̀ вы, что̀ вы?—испуганно сказала Тони.—Я спросила васъ самымъ невиннымъ образомъ; я дѣйствительно хотѣла знать это... вѣдь я совсѣмъ ничего не знаю, а вы... такой ученый...

— Ну да, конечно, питательность яйца равняется приблизительно такому количеству мяса,—отвѣтилъ успокоенный и сильно польщенный молодой человѣкъ.

Кончивъ свой завтракъ и складывая салфетку, Тони спросила, указывая на газету.

— Есть здѣсь что-нибудь интересное?

Молодой человѣкъ засмѣялся и презрительно покачалъ головой.

— Ровно ничего... Вѣдь эти „Городскія Извѣстія“—очень жалкая газета!

— Неужели? А папа и мама ее всегда выписываютъ.

— Ну да, конечно,—сказалъ онъ и покраснѣлъ. — Никакой другой газеты нѣтъ подъ рукой; я тоже, какъ видите, читаю ее. Но развѣ можетъ имѣть потрясающій интересъ то, что оптовый торговецъ, консулъ такой-то, собирается праздновать серебряную свадьбу... Вамъ смѣшно?... Но почитали бы вы другія газеты!.. „Кенигсбергскую Газету“ или „Рейнскую Газету“—это совсѣмъ другое дѣло. Чтò бы тамъ ни говорилъ прусскій король...

— А чтò онъ говоритъ?

— Этого, видите ли, нельзя повторить при дамѣ. — Онъ опять покраснѣлъ.—Онъ очень немилостиво отозвался объ этихъ газетахъ. Вѣдь онѣ очень рѣзко нападаютъ на правительство, на церковь и аристократію... и очень ловко водятъ за носъ цензуру.

— И вы, кажется, тоже нападаете на аристократію?

— Я?—спросилъ онъ и смутился... Тони поднялась.

— Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ въ другой разъ,—сказала она.—Теперь бы мнѣ хотѣлось пойти къ морю. Видите, небо стало совсѣмъ яснымъ. Хотите проводить меня?

VII.

Она надѣла соломенную шляпу съ большими полями и раскрыла зонтикъ, потому что, несмотря на легкій вѣтерокъ съ моря, было очень жарко. Молодой Шварцкопфъ шелъ въ своей сѣрой фѣтровой шляпѣ и съ книгой въ рукахъ рядомъ съ нею, и отъ времени до времени украдкой глядѣлъ на нее. Они прошли черезъ садъ кургауза, пустынный въ этотъ часъ, мимо кондитерской, двухъ домиковъ въ швейцарскомъ стилѣ, и приближались къ берегу. Было около половины двѣнадцатаго, и всѣ дачники, вѣроятно, гуляли теперь на берегу.

— Чтò это у васъ за книга?—спросила Тони.

Молодой человѣкъ взялъ книгу въ обѣ руки и сталъ ее перелистывать съ конца.

— Эта книга васъ не можетъ интересовать, mademoiselle Будденброкъ. Тутъ все про кровь, про внутренности человѣка, про болѣзни... Вотъ здѣсь, напримѣръ, говорится про эмфизему легкихъ. Это очень опасная штука, и отъ нея можно умереть. А тутъ объ этомъ разсказывается совершенно равнодушно... Ну, а какія книги читаете вы?

— Знаете вы Гофмана?—спросила Тони.

— Автора сказки о капельмейстерѣ и золотомъ горшкѣ?.. Да, это недурно... но, знаете ли, это все-таки больше чтеніе для дамъ. Мужчинамъ слѣдуетъ въ наше время читать другія книги.

— А теперь я хочу еще о чемъ-то васъ спросить,—сказала Тони, немного спустя.—Какъ васъ зовутъ по имени? Я никакъ не могла разобрать... и все объ этомъ думаю.

— Неужели вы объ этомъ думали?

— Ну да. Предлагать такіе вопросы не принято, но я очень любопытна....

— Меня зовутъ Мортеномъ,—сказалъ онъ, и покраснѣлъ больше чѣмъ когда-либо.

— Мортенъ? Какое красивое имя!—въ немъ есть что-то особенное, чужеземное.

— Вы очень романтичны, mademoiselle Будденброкъ, и слишкомъ много читали Гофмана. Дѣло просто въ томъ, что мой дѣдъ былъ родомъ изъ Норвегіи, и его звали Мортеномъ. Въ честь его и меня такъ окрестили.

Они подошли къ берегу и увидѣли множество разставленныхъ на солнцепекѣ крытыхъ соломенныхъ креселъ и палатокъ, въ которыхъ сидѣли дамы въ синихъ, защищающихъ отъ солнца pince-nez, мужчины въ свѣтлыхъ костюмахъ; множество дѣтей въ большихъ соломенныхъ шляпахъ, съ голыми ножками, рѣзвились на берегу, носили воду въ маленькихъ ведеркахъ, пекли пироги изъ песка въ деревянныхъ формочкахъ.

— Мы прямо направляемся къ кучѣ знакомыхъ... тутъ вѣдь вся компанія Меллендорповъ,—сказала Тони.—Не лучше ли намъ свернуть въ сторону?

— Я ничего противъ этого не имѣю. Но вамъ, вѣроятно, пріятнѣе примкнуть къ нимъ.

— Ничуть... Конечно, поздороваться съ ними я должна, но увѣряю васъ, что мнѣ это просто противно. Я пріѣхала сюда, чтобы отдохнуть и не видаться...

— Съ кѣмъ не видаться? Знаете, mademoiselle Будденброкъ, я тоже хотѣлъ бы предложить вамъ одинъ вопросъ... но какъ-нибудь въ другой разъ. Теперь я, если позволите, оставлю васъ. Я посижу тамъ на камняхъ.

— Вы не хотите, чтобы я представила васъ моимъ знакомымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразилъ Мортенъ,—благодарю

васъ. Я къ тому же совсѣмъ не принадлежу къ ихъ кругу. Я лучше сяду на камни.

Тони встрѣтила на берегу большую группу знакомыхъ, состоявшую изъ сенаторши Меллендорпъ, урожденной Ланггальсъ, madame Гагенстремъ съ дочерью Юлинькой, семьи крупнаго виноторговца Кистенмакера, консула Фризче изъ Гамбурга съ женой и Петера Дольмана, вѣчнаго дамскаго ухаживателя, одного изъ видныхъ городскихъ „suitiers“; онъ не блисталъ изяществомъ манеръ Юста Крёгера, но пользовался успѣхомъ, благодаря своему грубоватому добродушію. Все это общество очень радушно встрѣтило Тони, только Гагенстремы поздоровались съ ней нѣсколько холодно. Ее стали разспрашивать, гдѣ она живетъ, нашли „страшно оригинальнымъ“, что она поселилась въ скромной семьѣ лоцмана Шварцкопфа, дѣлали комплименты ея „очаровательному туалету“ и стали приглашать на предстоящіе вечера и разныя увеселенія.

— Вы еще не купались сегодня?—спросила одна изъ дамъ.— Кто еще изъ барышенъ сегодня не купался? Марихенъ, Юлинька, Лиза? Онѣ пойдутъ, конечно, съ вами, mademoiselle Тони...

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ отдѣлились отъ общества и направились вмѣстѣ съ Тони къ купальнѣ. Петеръ Дольманъ попросилъ позволенія проводить ихъ.

— Помнишь, какъ мы вмѣстѣ ходили въ школу?—спросила Тони Юлиньку Гагенстремъ.

— Да-а. Вы всегда старались разозлить меня,—отвѣтила Юлинька съ снисходительной улыбкой.

По дорогѣ въ купальню, дѣвушки прошли мимо камней, гдѣ сидѣлъ Мортенъ съ книгой въ рукахъ. Тони нѣсколько разъ привѣтливо кивнула ему головой.

— Кому это ты кланяешься, Тони?

— Это молодой Шварцкопфъ,—отвѣтила Тони.—Онъ проводилъ меня сюда...

— Сынъ лоцмана?—спросила Юлинька Гагенстремъ и пристально взглянула своими блестящими черными глазами въ сторону Мортена. Онъ со своей стороны оглядывалъ съ нѣкоторой грустью группу нарядныхъ свѣтскихъ барышенъ.

VIII.

Для Тони потянулись блаженные лѣтніе дни и недѣли, болѣе пріятные, чѣмъ всѣ, которые она прежде проводила въ Траве-

мюнде. Она поправилась, сдѣлалась по прежнему беззаботной и задорной. Консулъ радовался ея цвѣтущему виду, когда пріѣзжалъ къ ней по воскресеньямъ съ Томомъ и Христіаномъ. Они обѣдали тогда за табль-д'отомъ въ кургаузѣ, пили кофе въ саду, гдѣ играла музыка, и заходили потомъ въ залу, гдѣ происходила игра въ рулетку, чтобы посмотрѣть на игру, привлекавшую многихъ легкомысленныхъ людей, въ томъ числѣ, конечно, Юста Крёгера и Петера Дольмана. Консулъ никогда не игралъ.

Тони грѣлась на солнцѣ, купалась, ѣла жареную колбасу съ прянымъ соусомъ и совершала длинныя прогулки съ Мортеномъ. Они ходили всегда по шоссе въ сосѣдній городокъ или отправлялись вдоль берега къ лежащему на возвышеніи „морскому храму", откуда открывался далекій видъ на море. Мортенъ былъ пріятный и интересный собесѣдникъ, хотя иногда пугалъ Тони своими рѣзкими и рѣшительными сужденіями, которыя произносилъ, весь краснѣя отъ волненія. Тони очень огорчалась, когда онъ заявлялъ, что всѣ аристократы—идіоты и негодяи, но она гордилась тѣмъ, что онъ былъ вполнѣ откровененъ съ нею и высказывалъ убѣжденія, которыя скрывалъ отъ родителей. Тони, конечно, иногда приходилось видаться съ своими городскими знакомыми на берегу, или въ саду при кургаузѣ, а также иногда принимать приглашенія на вечера и катанья по морю въ парусныхъ лодкахъ. Тогда Мортенъ „сидѣлъ на камняхъ". Эти камни стали съ перваго дня условнымъ выраженіемъ на ихъ языкѣ. „Сидѣть на камняхъ" значило быть одинокимъ и скучать. Въ дождливые дни, когда море покрывалось густой сѣрой завѣсой, сливаясь съ низкимъ небомъ, и когда нельзя было ходить по намокшему берегу и по дорогѣ, Тони говорила:

— Сегодня мы съ вами должны сидѣть на камняхъ, т.-е. на верандѣ или въ гостиной. Придется вамъ сыграть мнѣ ваши студенческія пѣсни, хотя это и очень скучно.

— Да,—отвѣчалъ Мортенъ,—посидимъ въ гостиной... Но знаете ли, когда вы со мной, то это уже не камни!..—Впрочемъ, онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ при отцѣ; матери онъ не стѣснялся.

Въ хорошую погоду они охотнѣе всего отправлялись вдоль берега къ „морскому храму". Это былъ круглый дощатый павильонъ, весь покрытый съ внутренней стороны разными надписями, инициалами, стихами, изображеніями сердецъ... Тони и Мортенъ садились лицами къ морю, слушая рокотъ набѣгающихъ волнъ, сливающійся съ шумомъ деревьевъ и чириканьемъ

птицъ. Защищенные отъ вѣтра, они мирно бесѣдовали, и Мортенъ чаще всего наводилъ разговоръ на общественныя темы.

— Почему вы такъ нападаете на аристократовъ?—спросила его разъ Тони:—это не хорошо съ вашей стороны... Были ли вы знакомы съ какими-нибудь аристократами?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мортенъ почти съ негодованіемъ.—Я, слава Богу, ни съ однимъ изъ нихъ не встрѣчался.

— Вотъ видите, а я знаю одну дѣвушку-аристократку—Армгарду фонъ-Шиллингъ, я вамъ о ней разсказывала. Право, она гораздо проще и добродушнѣе насъ съ вами. Она въ школѣ даже не думала о томъ, что ее зовутъ фонъ-Шиллингъ, и все разсказывала про своихъ коровъ.

— Конечно, бываютъ исключенія, mademoiselle Тони,—горячо возразилъ онъ.—Но дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ принципѣ. Нельзя, чтобы человѣкъ, только потому, что онъ знатнаго происхожденія, имѣлъ всѣ преимущества надъ людьми простого званія, каковы бы ни были ихъ заслуги...—Мортенъ говорилъ съ наивнымъ и чистосердечнымъ возмущеніемъ, и въ его добродушныхъ глазахъ сверкали рѣшимость и упрямство...

— Мы, буржуазія, третье сословіе, какъ насъ звали до сихъ поръ, не признаемъ гнилого дворянства, не признаемъ теперешней іерархіи сословій... Мы хотимъ, чтобы всѣ люди были свободны и подчинены только законамъ... Мы хотимъ свободы печати, свободы труда. Но мы порабощены, законы о печати неумолимы, ни одно свободное слово не разрѣшается въ угоду порядкамъ, которые все равно рано или поздно уничтожатся... Прусскій король совершилъ большую несправедливость. Тогда, въ 1813 году, во время нашествія французовъ, онъ насъ призвалъ и обѣщалъ намъ конституцію... Мы пришли, мы освободили Германію...

Тони, оперишсь подбородкомъ на руку, взглянула на него со стороны, серьезно раздумывая о томъ, дѣйствительно ли онъ способствовалъ освобожденію Германіи отъ французовъ.

— Все это такъ,—сказала она.—Но скажите... Чѣмъ это васъ касается? Вѣдь вы не пруссакъ.

— Да это все равно, mademoiselle Будденброкъ. Развѣ у насъ больше свободы, равенства и братства, чѣмъ въ Пруссіи? Преграды, сословныя различія, привилегіи аристократовъ—та же исторія у насъ, какъ и тамъ. Вотъ вы симпатизируете аристократамъ,—почему? Потому что отецъ вашъ важный господинъ, а вы—принцесса. Вы иногда согласны погулять вдоль морского берега съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, простыхъ людей, но когда вы

опять попадаете въ свое избранное общество, то нашему брату остается сѣсть на камни...—Голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Мортенъ,—сказала Тони съ грустью,—вы все-таки злились, когда сидѣли на камняхъ. Я вѣдь вамъ предлагала представить васъ моимъ знакомымъ.

— Ахъ, я вѣдь говорю не лично о васъ, mademoiselle Тони, а только принципіально. Я говорю, что у насъ такъ же мало братства, какъ и въ Пруссіи. А если ужъ говорить о себѣ,— прибавилъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ,—то дѣло не въ настоящемъ, а скорѣе въ будущемъ, когда вы, въ качествѣ madame такой-то, замкнетесь въ вашемъ знатномъ кругу, и тогда нашему брату придется всю жизнь сидѣть на камняхъ.

Онъ замолчалъ, и Тони ничего не отвѣтила. Наступила томительная тишина.

— Помните,—началъ снова Мортенъ,—я говорилъ вамъ объ одномъ вопросѣ, который хочу давно предложить вамъ. Онъ меня мучитъ съ перваго дня вашего пріѣзда... Но я вамъ предложу его какъ-нибудь въ другой разъ, это не къ спѣху, и въ сущности это съ моей стороны только праздное любопытство. Сегодня я хочу открыть вамъ нѣчто другое... посмотрите!

Мортенъ вынулъ изъ кармана куртки кончикъ узкой полосатой ленты и взглянулъ на Тони съ выжидательнымъ и торжествующимъ выраженіемъ лица.

— Какая красивая лента! — сказала она, не понимая, въ чемъ дѣло.—Что̀ она обозначаетъ?

— Она обозначаетъ,—отвѣтилъ Мортенъ съ большой торжественностью,—что я принадлежу въ Геттингенѣ къ политическому студенческому союзу. У меня есть и шапочка тѣхъ же цвѣтовъ, но здѣсь я ее прячу. Это большая тайна, и не дай Богъ, чтобы отецъ узналъ объ этомъ... Я вполнѣ довѣряю вамъ...

— Я ни слова не скажу, Мортенъ, на меня вы можете разсчитывать. Но я все-таки не знаю еще, въ чемъ дѣло... Неужели вы всѣ въ заговорѣ противъ дворянства? Чего вы хотите?

— Мы хотимъ свободы...—сказалъ онъ, указывая нѣсколько неловкимъ, но восторженнымъ жестомъ куда-то въ даль, въ открытое море. Тони устремила глаза по направленію его руки, и они долго молчали, глядя вмѣстѣ въ даль, въ то время какъ море спокойно шумѣло у ихъ ногъ. И Тони вдругъ показалось, что она соединена съ Мортеномъ въ великомъ, неопредѣленномъ и пламенномъ тяготѣніи къ тому, что̀ онъ называлъ „свободой".

IX.

Наступила осень. По небу неслись сѣрыя, разорванныя облака; море покрыто было пѣнящимися волнами, съ шумомъ набѣгавшими на песчаный берегъ. Сезонъ уже кончался; берегъ почти совсѣмъ опустѣлъ въ обычные часы гулянія, но Тони и Мортенъ продолжали свои прогулки, любуясь на бурную игру волнъ.

— Теперь вы вѣроятно уже скоро уѣдете, mademoiselle Тони? — спросилъ однажды Мортенъ, расположившись у ногъ Тони, которая сидѣла на выступѣ утеса и любовалась набѣгающими на берегъ волнами.

— Нѣтъ... зачѣмъ уѣзжать? — возразила Тони, не вполнѣ вникая въ его слова.

— Да вѣдь сегодня уже десятое сентября... мои каникулы тоже кончаются... Скажите, вы рады вернуться въ городъ? Начнутся выѣзды, балы... Вамъ нравятся кавалеры, съ которыми вы танцуете?.. Нѣтъ, я не то хотѣлъ спросить, а другое...— Мортенъ взглянулъ ей въ лицо и спросилъ ее рѣшительнымъ тономъ:—Скажите, кто такой Грюнлихъ?

Тони вздрогнула и повела глазами вокругъ себя, какъ человѣкъ, которому напоминаютъ о забытомъ тяжеломъ снѣ. При этомъ, однако, въ ней опять пробудилось то же чувство, которое она испытала, когда Грюнлихъ дѣлалъ ей предложеніе, т.-е. сознаніе значительности ея персоны.

— Ахъ, такъ *это* вы хотѣли знать, Мортенъ!—сказала она серьезнымъ тономъ.—Я вамъ скажу... разъ ужъ Томъ назвалъ его имя. Бенедиктъ Грюнлихъ—гамбургскій купецъ. Онъ просилъ моей руки, но я не рѣшилась отвѣтить ему согласіемъ, потому что я *не выношу его*... — Въ голосѣ Тони послышалось возмущеніе.—Вы не можете себѣ представить, что̀ это за человѣкъ! —продолжала она.—Между прочимъ, у него золотистыя бакенбарды... совершенно неестественнаго цвѣта! Я увѣрена, что онъ посыпаетъ ихъ порошкомъ, которымъ золотятъ орѣхи на Рождество... Къ тому же онъ хитрилъ, льстилъ моимъ родителямъ. И такой навязчивый человѣкъ! Онъ не отставалъ отъ меня, хотя я всячески высмѣивала его. Разъ онъ устроилъ мнѣ сцену, при которой онъ чуть не плакалъ. Подумайте — мужчина, который плачетъ!..

— Онъ вѣроятно очень васъ любитъ, — сказалъ Мортенъ тихимъ голосомъ.

— Да мнѣ-то что за дѣло до этого?—воскликнула Тони съ изумленіемъ.

— Вы жестоки, mademoiselle Тони... Скажите, вы никогда ни къ кому не были привязаны? Неужели у васъ холодное сердце? Вѣдь вовсе не такъ глупо плакать, будучи отвергнутымъ вами... Неужели вы смѣетесь надъ всѣми, кому вы дороги? Неужели у васъ холодное сердце?

Тони вовсе не смѣялась; напротивъ того, у нея вдругъ стала дрожать верхняя губа. Поглядѣвъ опечаленными глазами на Мортена, она тихо сказала:

— Нѣтъ, Мортенъ, не думайте этого обо мнѣ.

— Я этого и не думаю!—воскликнулъ Мортенъ съ какимъ-то внезапнымъ ликованіемъ въ голосѣ. Онъ близко пододвинулся къ ней, взялъ ея руку въ обѣ свои руки и восторженно взглянулъ на нее своими добрыми синими глазами.

— И вы не будете смѣяться надо мной, если я вамъ скажу...

— Я знаю, Мортенъ...—тихо сказала она.

— Вы знаете!.. И вы, *вы*, mademoiselle Тони...

— Да, Мортенъ. Я о васъ очень высокаго мнѣнія. Вы мнѣ нравитесь... вы мнѣ милѣе, чѣмъ всѣ, кого я до сихъ поръ встрѣчала въ жизни.

Онъ вскочилъ, совершенно обезумѣвъ отъ счастья, сталъ цѣловать руки Тони и воскликнулъ радостнымъ голосомъ:

— Благодарю... благодарю васъ! Я такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни...

Потомъ онъ прибавилъ болѣе тихо:

— Вы теперь скоро уѣдете въ городъ, Тони, и черезъ двѣ недѣли я тоже долженъ вернуться въ Геттингенъ. Но обѣщайте мнѣ не забыть того, что̀ произошло сегодня, пока я вернусь... уже съ докторскимъ дипломомъ... Тогда я буду молить вашего отца, чтобы онъ согласился на наше счастье... Только обѣщайте не слушать до тѣхъ поръ признаній разныхъ Грюнлиховъ... Вотъ увидите, я скоро покончу съ экзаменами. Я буду работать какъ... Да и это вовсе не такъ трудно...

— Да, Мортенъ, — сказала она съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

Онъ приложилъ ея руку къ своей груди и спросилъ тихимъ умоляющимъ тономъ:

— Могу я... въ подкрѣпленіе?..

Она ничего ему не отвѣтила, только тихо приблизила къ нему свое лицо, и Мортенъ поцѣловавъ ее въ губы медленнымъ и

долгимъ поцѣлуемъ. Потомъ они отвернулись другъ отъ друга и стали смотрѣть въ разныя стороны. Они были очень смущены.

X.

„Дорогая mademoiselle Будденброкъ! Сколько времени прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ нижеподписавшійся лишенъ лицезрѣнія самой очаровательной дѣвушки на свѣтѣ! Эти ничтожныя строки да убѣдятъ васъ въ томъ, что передъ его духовнымъ взоромъ неустанно витаетъ вашъ образъ, и что онъ постоянно думаетъ о томъ счастливомъ часѣ въ гостиной вашихъ родителей, когда вы дали ему осчастливившее его обѣщаніе—правда, еще робкое и неполное. Съ тѣхъ поръ прошли длинныя томительныя недѣли, въ теченіе которыхъ вы удалились отъ свѣта для провѣрки своихъ чувствъ. Нижеподписавшійся надѣется, что время испытанія кончилось, и позволяетъ себѣ послать прилагаемое при семъ колечко въ залогъ своей безсмертной нѣжности. Выражая свое глубочайшее преклоненіе и нѣжно цѣлуя ваши ручки, свидѣтельствуетъ вамъ свою безконечную преданность вѣрный вамъ *Б. Грюнлихъ*".

„Милый папа! Я въ бѣшенствѣ—отсылаю тебѣ полученныя мною отъ Грюнлиха письмо и кольцо. Онъ *не хочетъ* меня понять: никакого „обѣщанія" я ему не давала, и я тебя убѣдительно прошу разъяснить ему, что я теперь еще *въ тысячу разъ менѣе,* чѣмъ шесть недѣль тому назадъ, могу согласиться стать его женой. Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ—вѣдь онъ ставитъ себя въ *смѣшное* положеніе. Тебѣ, дорогой отецъ, я вѣдь могу открыть, что я полюбила другого и любима имъ. Насъ связываетъ вѣчная любовь. О, папа! Я могла бы исписать о немъ много листовъ—я говорю о Мортенѣ Шварцкопфѣ, который скоро будетъ докторомъ, и тогда будетъ просить у тебя моей руки. Я знаю, что, по традиціямъ нашей семьи, я должна была бы выйти замужъ за коммерсанта, но Мортенъ принадлежитъ къ другому разряду тоже очень уважаемыхъ людей — къ ученымъ. Онъ не богатъ, что̀ тебѣ и мамѣ вѣроятно кажется большимъ недостаткомъ, но я должна тебѣ сказать, милый папа, что, несмотря на мою молодость, я уже понимаю, что счастье—не въ деньгахъ. Крѣпко тебя цѣлую и остаюсь твоей покорной дочерью *Антоніей*.

„PS. Кольцо изъ низкопробнаго золота и очень узкое".

„Милая моя Тони! Увѣдомляю тебя о полученіи твоего письма,

согласно съ которымъ я не преминулъ сообщить—въ деликатной формѣ—господину Гр. о твоемъ взглядѣ на вещи, но дѣйствіе моихъ словъ было потрясающее. Гр. пришелъ въ неописуемое отчаяніе, сталъ увѣрять, что не въ состояніи пережить твоего отказа, и лишитъ себя жизни,—такъ сильно онъ тебя любитъ. Такъ какъ я не могу принять въ серьёзъ то, что̀ ты пишешь о своей другой привязанности, то я прошу тебя еще разъ обдумать все это. Какъ христіанинъ, я убѣжденъ, дорогая дочь, что человѣкъ обязанъ считаться съ чувствами другихъ людей, и тебѣ пришлось бы тяжело отвѣчать передъ Верховнымъ Судіей за жизнь человѣка, который наложилъ бы на себя руки изъ-за твоей холодности и упрямства. И затѣмъ, я долженъ воскресить въ твоей памяти то, что̀ я часто говорилъ тебѣ въ личной бесѣдѣ—мы рождены, милая моя дочь, *не* для того, что̀ мы по близорукости считаемъ своимъ личнымъ счастьемъ, ибо мы существуемъ не каждый самъ по себѣ, а составляемъ какъ бы звенья одной цѣпи. Мы зависимъ отъ тѣхъ, которые намъ предшествовали и указали намъ вѣрный путь, дѣйствуя сами не по влеченію каприза, а согласно твердымъ, испытаннымъ традиціямъ. Путь, по которому ты должна слѣдовать, совершенно ясенъ, какъ мнѣ кажется, и ты не была бы моей дочерью, не была бы внучкой твоего нынѣ почившаго дѣда и вообще не была бы достойнымъ членомъ нашей семьи, еслибы дѣйствительно вздумала легкомысленно и упрямо идти собственнымъ ложнымъ путемъ. Все это я прошу тебя, моя милая Антонія, хорошенько обдумать.

„Твоя мать, Томъ, Христіанъ, Клара и Клотильда (которая гостила нѣсколько недѣль у своего отца), а также Ида Юнгманъ, сердечно тебѣ кланяются; мы всѣ радуемся скорому твоему возвращенію. Любящій тебя—*отецъ*".

Шелъ проливной дождь и рѣзкій вѣтеръ свистѣлъ вокругъ дома. Въ трубѣ завывали какіе-то жалобные, отчаянные голоса. Когда Мортенъ Шварцкопфъ вышелъ послѣ обѣда покурить на веранду, онъ увидалъ передъ собой господина въ длинномъ пальто изъ желтой клѣтчатой матеріи и въ сѣрой шляпѣ; передъ крыльцомъ стояла коляска съ поднятымъ верхомъ. Мортенъ остолбенѣлъ, взглянувъ на розовое лицо незнакомца: у него были бакенбарды какъ бы напудренныя порошкомъ, которымъ золотятъ орѣхи на Рождество.

Онъ взглянулъ на Мортена разсѣянно, какъ на слугу, и спросилъ мягкимъ голосомъ:

— Лоцманъ Шварцкопфъ дома? Могу я его видѣть?

— Да...—пробормоталъ Мортенъ.—Отецъ, кажется...

Незнакомецъ поднялъ на Мортена глаза,—они были голубые, какъ у гуся.

— Въ такомъ случаѣ, будьте любезны спросить вашего отца, можетъ ли онъ меня принять. Моя фамилія Грюнлихъ.

Мортенъ проводилъ посѣтителя въ кабинетъ лоцмана, а самъ прошелъ въ столовую позвать отца, курившаго тамъ свою послѣобѣденную трубку. Когда старикъ вышелъ изъ комнаты, Мортенъ пересѣлъ къ круглому столу, оперся на него локтями и, не обращая вниманія на мать, занятую шитьемъ у окна, всецѣло погрузился повидимому въ чтеніе „жалкихъ“ „Городскихъ Извѣстій“, гдѣ ничего не сообщалось, кромѣ того, что консулъ такой-то празднуетъ свою серебряную свадьбу. Тони была наверху, въ своей комнатѣ, и отдыхала послѣ обѣда.

Старикъ-лоцманъ вошелъ въ кабинетъ съ довольнымъ видомъ хорошо пообѣдавшаго человѣка. Мундиръ его былъ разстегнутъ, и виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ. Раскраснѣвшееся лицо составляло рѣзкій контрастъ съ осанистой бѣлой бородой. Онъ поклонился посѣтителю, указалъ ему мѣсто на потертомъ клеенчатомъ диванѣ, самъ сѣлъ на деревянное кресло передъ столомъ и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Мое имя—Грюнлихъ, — отвѣтилъ посѣтитель, — Грюнлихъ изъ Гамбурга. Для того, чтобы зарекомендовать себя вамъ, могу прибавить, что я состою въ дѣловыхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ консуломъ Будденброкомъ.

— А-ла-бонёръ! Я очень радъ вашему посѣщенію, господинъ Грюнлихъ. Не позволите ли предложить вамъ стаканчикъ грога? Я сейчасъ...

— Позволю себѣ замѣтить,—спокойно сказалъ Грюнлихъ,— что время мое разсчитано, и меня ждетъ коляска. Я долженъ попросить васъ удѣлить мнѣ лишь нѣсколько минутъ вниманія.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Шварцкопфъ, нѣсколько оторопѣвъ.

Наступила короткая пауза.

— Милостивый государь!—началъ Грюнлихъ рѣшительнымъ тономъ, откинувъ голову назадъ и сжавъ губы на подобіе кошелька, стянутаго шнурками,—дѣло, по которому я явился, касается молодой дѣвицы, проживающей нѣсколько недѣль въ вашемъ домѣ.

— Фрейлейнъ Будденброкъ?—спросилъ Шварцкопфъ.

— Именно... я долженъ вамъ сообщить, что нѣсколько времени тому назадъ просилъ ея руки; я получилъ согласіе роди-

телей, и сама mademoiselle Будденброкъ, хотя формальнаго обрученія еще и не состоялось, все-же вполнѣ меня обнадежила.

— Вотъ какъ!—съ жаромъ воскликнулъ Шварцкопфъ.—А я и не зналъ этого. Поздравляю васъ, господинъ... Грюнлихъ, отъ души. Она—прекрасная, благородная дѣвушка!

— Благодарю васъ, — холодно отвѣтилъ Грюнлихъ. — Но я явился къ вамъ сегодня вслѣдствіе того, что въ послѣднее время возникли *затрудненія*... исходящія изъ вашего дома... Мнѣ сообщаютъ, что вашъ сынъ, студентъ медицины... позволилъ себѣ нарушить мои права и воспользовался здѣшнимъ пребываніемъ mademoiselle Будденброкъ, чтобы выманить у нея обѣщаніе...

Старикъ-лоцманъ, слушавшій съ изумленіемъ начало рѣчи Грюнлиха, вскочилъ съ мѣста при послѣднихъ его словахъ...

— Что̀ такое?.. Что̀ это означаетъ?..

Онъ побѣжалъ къ двери, широко ее раскрылъ и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Мета! Мортенъ! Идите сюда! Идите сюда скорѣе!

— Мнѣ было бы очень жаль,—сказалъ Грюнлихъ съ тонкой улыбкой,—еслибы, предъявляя мои болѣе старыя права, я разрушилъ этимъ ваши отцовскіе планы, господинъ лоцманъ...

Дитрихъ Шварцкопфъ посмотрѣлъ въ упоръ на Грюнлиха своими острыми голубыми глазами, какъ бы напрасно силясь понять смыслъ его словъ.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ такимъ голосомъ, точно обжегъ себѣ горло глоткомъ горячаго грога.—Я—простой человѣкъ и хитрить не умѣю. Но могу вамъ сказать, что вы сильно ошиблись; я знаю, кто такой мой сынъ и кто—фрейлейнъ Будденброкъ, и слишкомъ гордъ для такого рода отцовскихъ плановъ! А теперь скажите, что̀ такое тутъ произошло?—обратился онъ къ вошедшимъ въ комнату женѣ и сыну... Грюнлихъ не поднялся при ихъ появленіи, и продолжалъ сидѣть на кончикѣ дивана въ своемъ пальто, застегнутомъ на всѣ пуговицы.— Ты, кажется, натворилъ глупостей? — набросился лоцманъ на Мортена.

У Мортена раскраснѣлось лицо и засверкали глаза отъ гнѣва.

— Да, отецъ,—сказалъ онъ,—фрейлейнъ Будденброкъ и я...

— Дуракъ! шутъ гороховый! — крикнулъ старикъ. — Ты завтра же уѣдешь въ Геттингенъ—и дѣло съ концомъ!

— Боже мой! Дитрихъ! — вступилась его жена, складывая руки съ мольбой:—какъ можно такъ круто... кто знаетъ!..—Она замолчала, и видно было, что въ ея душѣ разбилась сладкая надежда.

— Не желаете ли вы поговорить съ mademoiselle Будденброкъ? — сказалъ лоцманъ суровымъ голосомъ, обращаясь къ Грюнлиху.

— Она въ своей комнатѣ; она спитъ,—проговорила жена Шварцкопфа страдальческимъ голосомъ.

— Очень жаль,—сказалъ Грюнлихъ, причемъ въ голосѣ его послышалось нѣкоторое облегченіе, и поднялся.—Я долженъ, къ сожалѣнію, спѣшить. Позвольте выразить вамъ,—прибавилъ онъ, снимая шляпу передъ Шварцкопфомъ,—мою признательность за ваше благородное и мужественное поведеніе. Имѣю честь откланяться, прощайте.

Не обращая вниманія на Мортена и его мать, Грюнлихъ медленно вышелъ изъ комнаты.

XI.

Томъ пріѣхалъ за Тони въ Крёгеровскомъ экипажѣ въ десять часовъ утра и сѣлъ закусить, на прощанье, съ семьей лоцмана. Все было какъ въ первый день пріѣзда, только лѣто уже миновало, и было слишкомъ холодно сидѣть на террасѣ; кромѣ того, однимъ членомъ семьи стало теперь меньше:—Мортенъ уѣхалъ въ Геттингенъ и даже не успѣлъ проститься, какъ слѣдуетъ, съ Тони.

Въ одиннадцать часовъ братъ и сестра сѣли въ карету, къ задку которой привязали большой сундукъ Тони. Одѣтая въ теплую осеннюю кофточку, бѣдная Тони дрожала отъ холода и чувствовала себя очень несчастной. Она расцѣловалась съ хозяйкой и пожала руку старику-лоцману.

— Счастливой дороги, фрейлейнъ Будденброкъ! — сказалъ Шварцкопфъ.—Поклоны вашимъ родителямъ... и не поминайте насъ лихомъ!

Дверцы кареты захлопнулись, лошади тронули. Шварцкопфы замахали платками вслѣдъ отъѣзжающимъ.

Тони откинулась въ уголъ кареты и стала смотрѣть въ окно на мелькавшія передъ нею улицы Травемюнде, на рыбаковъ, чинившихъ сѣти, сидя у порога своихъ домиковъ, на босоногихъ дѣтей, съ любопытствомъ глазѣвшихъ на городской экипажъ. *Они* оставались здѣсь, имъ не нужно было возвращаться въ городъ...

Когда исчезли изъ виду послѣдніе дома Травемюнде, Тони закрыла глаза; она была утомлена отъ проведенной безъ сна

ночи и волненій послѣднихъ дней. Но какъ только она стала теперь немного дремать, она ясно увидѣла передъ собой лицо Мортена съ его смѣющимся ртомъ и ослѣпительно бѣлыми зубами. У нея стало спокойно и радостно на душѣ. Она начала припоминать все, чтò слышала отъ него во время ихъ частыхъ бесѣдъ, и съ особаго рода блаженнымъ чувствомъ дала себѣ торжественное обѣщаніе хранить все это въ душѣ, какъ неприкосновенную святыню. То, что прусскій король совершилъ большую несправедливость; что „Городскія Извѣстія"—жалкая газета; даже и то, что четыре года тому назадъ измѣнены законы, касающіеся университетовъ,—все это станетъ отнынѣ для нея утѣшительными истинами, тайнымъ сокровищемъ, которымъ она всегда сможетъ наслаждаться гдѣ бы то ни было,—на улицѣ, въ семейномъ кругу, за обѣдомъ... Какъ знать? Можетъ быть, она пойдетъ по предначертанному ей пути, выйдетъ замужъ за Грюнлиха,—это теперь безразлично. Но когда онъ будетъ говорить съ ней, она станетъ думать про себя: „Я знаю нѣчто такое, чего ты не знаешь... аристократы—говоря *принципіально*—достойны презрѣнія"!

Она улыбнулась отъ внутренняго удовольствія... Но вдругъ среди шума колесъ ей явственно послышался голосъ Мортена, который говорилъ: „Сегодня намъ опять придется сидѣть обоимъ на камняхъ, mademoiselle Тони...", и отъ этого воспоминанія у нея болѣзненно сжалась грудь... Она прижала обѣими руками платокъ къ лицу и горько заплакала.

— Бѣдная Тони!—проговорилъ Томъ, стараясь ее утѣшить.— Мнѣ такъ тебя жалко. Я знаю, какъ тяжела разлука... Вотъ мнѣ тоже придется уѣхать послѣ Рождества въ Амстердамъ; отецъ опредѣляетъ меня туда на мѣсто къ Келену и Комп... Мнѣ тоже придется разлучиться на долго со своими...

— Ахъ, Томъ! Разлука съ родителями и семьей совсѣмъ не то...

— Да-а,—медленно сказалъ онъ.—Это вѣрно... Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но замолчалъ и опустилъ глаза.—Но эта печаль проходитъ,—сказалъ онъ, помолчавъ.—Пройдетъ нѣсколько времени, и ты забудешь...

— Да я именно не хочу забыть!—съ отчаяніемъ воскликнула Тони.—Забыть... развѣ это утѣшеніе?!

XII.

Въѣзжая въ городъ, Тони съ любопытствомъ глядѣла на знакомыя улицы и зданія, какъ бы удивляясь, что все осталось по старому, когда она испытала бурю новыхъ чувствъ. Она уже не плакала,—печаль разлуки уходила вдаль при видѣ привычной старой обстановки, къ которой она возвращалась. Мелькнули на улицѣ знакомыя лица, нѣсколько людей ей почтительно поклонились...; она—дома. Экипажъ подъѣхалъ къ внушительному дому Будденброковъ, передъ которымъ стояли какъ-разъ три огромныхъ воза, нагруженныхъ мѣшками съ хлѣбомъ; на каждомъ мѣшкѣ стояло широкое черное клеймо фирмы „Іоганнъ Будденброкъ". Консулъ выходилъ изъ конторы, засунувъ перо за ухо, когда Тони и Томъ вышли въ переднюю; онъ нѣжно обнялъ дочь, которая глядѣла на него заплаканными и нѣсколько смущенными глазами. Вся остальная семья тоже встрѣтила дѣвушку радостными восклицаніями и объятіями.

Тони отлично проспала первую ночь въ родительскомъ домѣ и сошла на слѣдующее утро, 22-го сентября, уже въ семь часовъ въ маленькую столовую, гдѣ застала одну только Иду Юнгманъ за приготовленіемъ утренняго кофе.

— Что̀ это, Тоничка, дитя мое, ты такъ рано вставать стала?—спросила она удивленно.

Тони подошла къ бюро, крышка у котораго была откинута, сѣла и сначала глядѣла въ окно на почернѣвшіе отъ дождя камни на дворѣ, на сырой, пожелтѣвшій садъ, потомъ стала разсѣянно перебирать кучки визитныхъ карточекъ и разнаго рода аннонсовъ, лежавшихъ на бюро...

Вдругъ она увидѣла хорошо знакомую ей толстую тетрадь изъ разнородной бумаги въ тисненомъ переплетѣ и съ золотымъ обрѣзомъ,—отецъ, вѣроятно, вписывалъ что-нибудь въ нее наканунѣ вечеромъ; странно, что онъ не заперъ ее, какъ обыкновенно, въ ящикъ. Тони раскрыла тетрадь, стала ее перелистывать и углубилась въ чтеніе. Ей часто доводилось читать отдѣльныя мѣста въ этой семейной хроникѣ, но на этотъ разъ чтеніе произвело на нее особенно сильное впечатлѣніе. Съ какимъ благоговѣніемъ говорилось на этихъ листахъ о самыхъ обыденныхъ событіяхъ въ семьѣ, какую значительность пріобрѣтали всѣ факты при такомъ отношеніи къ нимъ!.. Тони оперлась о столъ обоими локтями и продолжала читать съ возростающимъ интересомъ и чувствомъ гордости. И въ исторіи ея юной жизни

не было пропущено ни одного событія. Мелкимъ, но четкимъ почеркомъ записаны были въ семейную хронику годъ ея рожденія, ея дѣтскія болѣзни, время ея поступленія въ школу, потомъ — въ пансіонъ m-lle Вейхбротъ, годъ конфирмаціи, — и эти записи сопровождались благочестивыми размышленіями консула о Божьей волѣ, управляющей судьбами его семьи... Тони задумалась: что̀ еще будетъ занесено въ будущемъ въ исторію ея жизни, что̀ прочтутъ о ней младшіе члены семьи съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ она читаетъ теперь о минувшихъ событіяхъ?

Тони откинулась на креслѣ, взволнованная нахлынувшими на нее чувствами. Она преисполнилась благоговѣніемъ къ традиціямъ и сознаніемъ своей собственной важности.

„Какъ звено въ цѣпи“, — писалъ отецъ... да, да! Какъ звено въ цѣпи, она имѣетъ большое значеніе, и это налагаетъ на нее огромную отвѣтственность; она должна своими рѣшеніями и поступками участвовать въ внушительной исторіи своей семьи... Она перелистовала всю тетрадь до конца; на послѣдней страницѣ написана была рукой консула вся генеалогія семьи, начиная съ бракосочетанія родоначальника Будденброковъ съ пасторской дочерью, Бригиттой Шуренъ, до свадьбы консула Іоганна Будденброка съ Елизаветой Крёгеръ въ 1825 г. „Отъ этого брака, — значилось въ записи, — родилось четверо дѣтей“... Затѣмъ слѣдовали годы и дни рожденія каждаго изъ нихъ; къ имени Тома уже было приписано, что въ 1842 году онъ вступилъ ученикомъ въ дѣло отца.

Тони долго смотрѣла на свое имя, за которымъ слѣдовало пустое пространство; потомъ рѣшительнымъ и нервнымъ движеніемъ схватила перо, какъ-то толкнула его въ чернильницу и написала неровнымъ крупнымъ почеркомъ:

...„обручилась 22-го сентября 1845 года съ Бенедиктомъ Грюнлихомъ, купцомъ изъ Гамбурга“.

XIII.

— Я совершенно съ вами согласенъ, почтенный другъ. Вопросъ этотъ очень важный и нужно съ нимъ покончить. Поэтому я и заявляю вамъ коротко и ясно: традиціонная сумма приданаго наличными деньгами для дѣвушекъ въ нашей семьѣ — семьдесятъ тысячъ марокъ.

Грюнлихъ взглянулъ на своего будущаго тестя короткимъ, испытующимъ взглядомъ опытнаго дѣльца и сказалъ:

— Вы знаете, глубокочтимый отецъ, какъ высоко я ставлю принципы и традиціи, но, можетъ быть, въ данномъ случаѣ... дѣла увеличиваются, семья ростетъ... и матеріальное положеніе мѣняется къ лучшему...

— Почтенный другъ,—сказалъ консулъ,—я готовъ идти на встрѣчу вашимъ желаніямъ... и прибавляю еще десять тысячъ. Я бы даже сразу вамъ это предложилъ, но вы не дали мнѣ договорить.

— Значитъ, восемьдесятъ тысячъ, — сказалъ Грюнлихъ съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣлъ сказать: „это не слишкомъ много, но все-же достаточно".

Консулъ остался доволенъ результатомъ переговоровъ, такъ какъ „традиціонное приданое наличными деньгами" заключалось именно въ восьмидесяти тысячахъ.

Грюнлихъ откланялся послѣ этой дѣловой бесѣды и уѣхалъ въ Гамбургъ.

Образъ жизни Тони ничуть не измѣнился; она по прежнему танцовала на вечерахъ у себя дома, у Меллендорповъ, Кистенмакеровъ и Лангальсовъ, принимала ухаживанія молодыхъ людей, каталась на конькахъ;.. въ серединѣ октября она была даже на вечерѣ у Меллендорповъ въ честь помолвки ихъ сына съ Юлинькой Гагенстремъ. Хотя она и возмущалась тѣмъ, что старинная семья Меллендорповъ породнилась съ ненавистными „выскочками" Гагенстремами, но на вечеръ все-таки пошла. Слова, вписанныя его въ семейную книгу, дали ей только пріятное право бѣгать одной или съ матерью по лучшимъ магазинамъ и дѣлать большіе заказы для приданаго въ большомъ стилѣ. Въ домѣ на Mengstrasse сидѣли по цѣлымъ днямъ двѣ швеи, вышивая монограммы и уничтожая огромныя количества хлѣба съ зеленымъ сыромъ.

— Мама, прислано полотно отъ Лентфера?

— Нѣтъ, дитя мое, прибыли только двѣ дюжины чайныхъ салфетокъ.

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь обѣщали полотно къ сегодняшнему дню,—нужно начать шить простыни... Ида! бѣлошвейка требуетъ прошивокъ для наволочекъ.

— Тамъ, въ бѣльевомъ шкафу въ корридорѣ, Тони,—сходи за ними сама, милая!

— Боже мой! Неужели я для того выхожу замужъ, чтобы бѣгать внизъ и вверхъ по лѣстницѣ...

— Подумала ли ты о подвѣнечномъ платьѣ, Тони?

— Moirée antique, мама! Иначе чѣмъ въ moirée antique я не согласна вѣнчаться!

Такъ прошли октябрь, ноябрь. Къ Рождеству явился Грюнлихъ, чтобы провести праздники въ семьѣ своей невѣсты; его обращеніе съ нею было очень тактичное—безъ лишнихъ, неделикатныхъ нѣжностей. Тони иногда удивлялась тому, что счастье Грюнлиха далеко не такъ бурно проявляется, какъ можно было бы ожидать по его отчаянію изъ-за ея первоначальнаго отказа. Онъ смотрѣлъ теперь на нее съ спокойнымъ и удовлетвореннымъ видомъ собственника.

Послѣ Рождества Грюнлихъ сейчасъ же уѣхалъ въ Гамбургъ, такъ какъ дѣла требовали его постояннаго присутствія. Вопросъ о квартирѣ былъ рѣшенъ письменно. Тони, которую привлекала жизнь въ большомъ городѣ, выразила желаніе поселиться на одной изъ центральныхъ улицъ Гамбурга, недалеко отъ торговой конторы Грюнлиха. Но женихъ настоялъ на покупкѣ виллы за городомъ, въ романтической мѣстности Эйменбютель, очень подходящей для молодой парочки; „въ этомъ идиллическомъ гнѣздышкѣ они будутъ счастливо жить—procul negotiis“... Грюнлихъ не забылъ школьной латыни.

Свадьба состоялась въ январѣ слѣдующаго, 1846 года. Наканунѣ у Будденброковъ былъ очень веселый парадный вечеръ, на которомъ присутствовало все лучшее общество.

Въ день свадьбы Тони, по общему мнѣнію, была очень хороша въ платьѣ изъ бѣлаго moirée antique, украшенномъ маленькими миртовыми вѣточками. Грюнлихъ имѣлъ еще болѣе корректный видъ, чѣмъ обыкновенно, во фракѣ и шолковомъ жилетѣ; бородавка у носа была припудрена, золотистыя бакенбарды тщательно расчесаны.

Къ вѣнчанію, происходившему въ галереѣ съ колоннами, собралась вся семья: старики Крёгеры, консулъ Крёгеръ съ женой и сыновьями, Юргеномъ и Яковомъ, Готгольдъ Будденброкъ съ женой, урожденной Стювингъ, и тремя дочерьми, Фредерикой, Генріеттой и Фифи, къ сожалѣнію уже утратившими всѣ три надежду выйти замужъ... Мекленбургская побочная линія Будденброковъ представлена была отцомъ Клотильды, который не могъ придти въ себя отъ изумленія при видѣ роскоши въ домѣ своихъ богатыхъ родственниковъ. Франкфуртскіе родные не могли пріѣхать, и ограничились присылкой подарковъ. Изъ постороннихъ приглашены были только докторъ Грабовъ, домашній врачъ, и Зееми Вейхбродтъ, въ черномъ платьицѣ и съ новыми зелеными лентами на чепцѣ.—„Будь счастлива, *доброе*

дитя!“—сказала она, когда Тони вошла рядомъ съ Грюнлихомъ, и шумно поцѣловала ее въ лобъ.

Галерея была украшена цвѣтами; справа устроенъ былъ алтарь. Обрядъ вѣнчанія совершалъ пасторъ Келлингъ, сказавшій также рѣчь новобрачнымъ. Тони очень наивнымъ и добродушнымъ тономъ произнесла „да“ на вопросъ пастора о согласіи на бракъ, а Грюнлихъ сначала еще сказалъ „гм-мъ“, чтобы прочистить себѣ горло. Послѣ того сѣли за столъ, и ѣда была очень хорошая и обильная.

...Гости съ пасторомъ во главѣ продолжали еще ѣсть, когда консулъ съ женой пошли проводить отъѣзжающихъ новобрачныхъ. Передъ домомъ стояла карета, нагруженная сундуками и дорожными мѣшками. Послѣ многократныхъ обѣщаній скоро пріѣхать къ родителямъ въ гости и просьбъ, чтобы и они скорѣе посѣтили ее въ Гамбургѣ, Тони сѣла въ карету, очень оживленная и веселая. Ея мужъ сѣлъ подлѣ нея и закуталъ женѣ и себѣ ноги дорожнымъ плэдомъ.

Но когда уже собирались захлопнуть дверцу, Тони вдругъ заволновалась, откинула плэдъ, выскочила изъ кареты, не обращая вниманія на Грюнлиха, который что-то бормоталъ, и, кинувшись къ отцу, стала его обнимать.

— Прощай, папа... добрый папа!—сказала она и прибавила тихимъ голосомъ:—ты доволенъ мною, папа?

Консулъ безмолвно прижалъ ее къ груди, потомъ отступилъ на шагъ и крѣпко пожалъ ей обѣ руки...

Она сѣла опять въ карету, дверцы захлопнулись, лошади тронули, и консульша махала батистовымъ платочкомъ до тѣхъ поръ, пока карета не скрылась въ морозной дали.

Консулъ продолжалъ задумчиво стоять рядомъ съ женой, которая плотнѣе надвинула на плечи мѣховую пелерину.

— Вотъ она и уѣхала, Бетси!

— Да, Жанъ, первое дитя уѣзжаетъ отъ насъ.—Будетъ ли она счастлива съ нимъ?

— Ахъ, Бетси, она довольна собой. Это—самое большое счастье на землѣ.

Они вернулись къ своимъ гостямъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ своихъ письмахъ домой Тони подробно описывала свою новую жизнь. Устройствомъ своей загородной виллы она была вполнѣ довольна; она выхваливала коричневую атласную мебель залы, уютную столовую, и главнымъ образомъ свою любимую комнату—маленькую гостиную съ лиловой мебелью. Двѣ дѣвушки и маленькій грумъ составляли штатъ ея прислуги, совершенно достаточный по ея мнѣнію. Вообще, домъ былъ поставленъ, по ея словамъ, на вполнѣ приличную ногу, соотвѣтствующую ихъ общественному положенію. Одного только ей недоставало— экипажа; въ гости они ѣздили въ наемной коляскѣ. Мужъ обѣщалъ ей обзавестись лошадьми, но не торопился исполнить обѣщаніе: „онъ почему-то избѣгаетъ бывать со мной въ обществѣ", —писала она,—„и не поощряетъ даже знакомства съ сосѣдями. Что̀ бы это значило? неужели онъ ревнивъ"? Грюнлихъ съ утра уѣзжалъ въ городъ и возвращался иногда поздно вечеромъ,—настолько его поглощали дѣла. Изрѣдка только онъ проводилъ вечера̀ съ женой дома—за чтеніемъ газетъ.

У Грюнлиховъ были только два друга дома: докторъ Класенъ и банкиръ Кесельмейеръ, близкій пріятель Грюнлиха. По описаніямъ Тони, это былъ очень смѣшной старикъ, съ сѣдой, коротко остриженной бородой и жидкими, совершенно бѣлыми волосами, которые развѣвались отъ малѣйшаго дуновенія и были похожи на пухъ. Онъ дѣлалъ смѣшныя движенія головой—совсѣмъ какъ птица—и болталъ безъ умолку. Тони прозвала его, было, за это сорокой, но Грюнлихъ запретилъ ей называть такъ своего друга, „потому что, — говорилъ онъ,—сорока вороватая птица, а Кесельмейеръ очень честный человѣкъ". Банкиръ очень ласково и дружественно относился къ Тони, постоянно говоря, что такая жена—счастье для Грюнлиха.

Тони очень звала родителей къ себѣ въ гости, прося ихъ пріѣхать, не дожидаясь приглашенія Грюнлиха, который почему-то увѣренъ, что у отца Тони нѣтъ времени навѣстить дочь. Осенью того же года консулъ съ женой поѣхали въ Гамбургъ къ Тони и остались очень довольны радушнымъ пріемомъ Грюнлиха; онъ забросилъ всѣ свои, столь важныя по его словамъ, дѣла̀ и находился неотступно при тестѣ; консулъ не имѣлъ даже

возможности побывать одинъ у своихъ родственниковъ, Дюшановъ. Тони они нашли, какъ всегда, вполнѣ довольной собой и занятой изготовленіемъ приданаго для ожидаемаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ребенка. Въ ноябрѣ пришло почтительное письмо отъ Грюнлиха съ извѣщеніемъ о рожденіи у него дочери и о томъ, что его „дорогая супруга и новорожденная дочь обрѣтаются въ полномъ здравіи“. Отъ Тони была небольшая приписка, въ которой она говорила, что еслибы у нея родился сынъ, то она знаетъ одно очень красивое имя, которымъ она бы его назвала. Дѣвочку же ей хотѣлось бы назвать Метой, но Грюнлихъ настаиваетъ на имени Эрика.

Въ домѣ на Mengstrasse стало очень тихо послѣ замужества Тони, тѣмъ болѣе, что оно совпало съ отъѣздомъ обоихъ сыновей консула, Тома и Христіана. Томъ помѣщенъ былъ отцомъ, для пополненія своего коммерческаго образованія, въ торговый домъ ванъ-Келена въ Амстердамѣ, и уѣхалъ тотчасъ же послѣ свадьбы сестры. Ему особенно тяжела была разлука съ роднымъ городомъ, потому что пришлось проститься съ цвѣточницей Анной, нѣжной и стройной, какъ газель, смуглой дѣвушкой съ бархатными черными глазами; но Томъ былъ человѣкомъ долга; прощаясь съ своей подругой, онъ убѣждалъ ее въ необходимости покориться неизбѣжному, т.-е. тому, что онъ пойдетъ своимъ предначертаннымъ путемъ, современемъ „сдѣлаетъ партію“, достойную имени Будденброка, и что имъ не придется больше свидѣться; ей онъ только совѣтовалъ „не продешевить себя“ въ будущемъ, такъ какъ до сихъ поръ—онъ это повторилъ ей нѣсколько разъ—она не унизила себя, отдавая свою любовь ему. Несмотря на такую разсудительность, онъ все-таки пролилъ много искреннихъ слезъ, цѣлуя въ послѣдній разъ свою безутѣшную подругу. Въ Амстердамѣ онъ сразу усердно занялся дѣлами, выказывая большія способности къ коммерческимъ занятіямъ; его принципалъ очень хвалилъ его усердіе въ письмахъ къ консулу, и пригласилъ своего юнаго служащаго бывать у него въ домѣ. Консулъ былъ очень доволенъ удачнымъ началомъ карьеры старшаго сына и писалъ ему поощрительныя письма, преисполненныя всякими практическими разсужденіями. Онъ совѣтовалъ Тому выказывать какъ можно больше почтенія женѣ принципала и заслужить ея расположеніе, потому что она можетъ при случаѣ замолвить за него словечко, еслибы случилась какая-нибудь оплошность съ его стороны въ дѣлахъ; затѣмъ пускался съ нимъ въ длинныя разсужденія по поводу плановъ расширенія дѣлъ ихъ собственной фирмы на будущее время. Онъ се-

глашался съ сыномъ, что экспортное дѣло въ широкихъ размѣрахъ, о которомъ мечталъ Томъ, дѣйствительно очень выгодно,— но опасно въ виду огромнаго риска, особенно въ эти тревожныя времена политическихъ волненій. Консулъ напоминалъ Тому мудрое правило, завѣщанное основателемъ ихъ фирмы своему сыну: „сынъ мой, занимайся съ любовью дѣлами весь день—но только такими, при которыхъ можно спокойно спать ночью". Онъ высказывалъ твердую рѣшимость держаться этого правила до конца своихъ дней и выражалъ надежду, что и сынъ его, будущій владѣлецъ фирмы, не отступится отъ того же принципа, хотя нѣкоторые люди процвѣтаютъ вовсе не соблюдая осторожности въ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, торговый домъ Гагенстремъ и Стрункъ, очень идущій въ гору, въ то время какъ дѣла фирмы Будденброкъ сохраняютъ скромные размѣры.—„Я только молю Бога, — писалъ консулъ, — чтобы мнѣ удалось оставить тебѣ дѣло въ его теперешнемъ, а не уменьшенномъ видѣ. Вотъ только бы семья твоей матери не такъ растрачивала свои капиталы; наслѣдство съ ихъ стороны для насъ очень важно".

Другимъ своимъ сыномъ, Христіаномъ, консулъ былъ гораздо менѣе доволенъ. Онъ опредѣлилъ его клеркомъ къ м-ру Ричардсону въ Лондонъ, и надѣялся, что выучка въ англійской торговой конторѣ послужитъ ему на пользу. Христіанъ считалъ, что сдѣлалъ большую уступку отцу, отказавшись отъ своей мечты объ университетскомъ образованіи и согласившись поѣхать въ Лондонъ; поэтому тамъ онъ считалъ себя совершенно свободнымъ,— и въ его письмахъ домой онъ больше разсказывалъ о своемъ увлеченіи лондонскими театрами, чѣмъ о занятіяхъ у м-ра Ричардсона. Это очень огорчало консула; кромѣ того, его безпокоило здоровье обоихъ его сыновей: Тому пришлось провести первыя же лѣтнія каникулы въ Эмсѣ, чтобы лечиться отъ нервнаго разстройства, а Христіанъ тоже писалъ домой о безпокоившихъ его нервныхъ припадкахъ.

Въ домѣ на Mengstrasse консульша проводила дни очень тихо въ обществѣ своей младшей дочери Клары, молчаливой, дѣвочки съ удивительно строгими красивыми глазами, и Клотильды, которая, несмотря на свои двадцать лѣтъ, имѣла видъ почти старой дѣвы: на ея остромъ слишкомъ длинномъ лицѣ рѣзко обозначались линіи рта и щекъ; гладко причесанные волосы были какого-то неопредѣленнаго сѣроватаго оттѣнка. Она въ сущности не была опечалена своей старообразностью, такъ какъ надеждъ на замужество у нея не было, и ей хотѣлось скорѣе пережить время возможныхъ перемѣнъ судьбы. Она смиренно предвидѣла

свое будущее: оно могло состоять въ томъ, что она будетъ проживать въ уютной, но очень скромной комнаткѣ маленькую ренту, которую ей вѣроятно выхлопочетъ ея вліятельный дядя изъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія для поддержки бѣдныхъ дѣвушекъ благороднаго происхожденія.

Жизнь на Mengstrasse нельзя было, однако, назвать спокойной, потому что времена были очень тревожныя; въ городѣ происходили волненія, и консульша была въ постоянномъ безпокойствѣ. Наступилъ 1848 годъ, и въ началѣ октября въ городѣ начались безпорядки. Консульша почувствовала отголоски революціоннаго настроенія въ своемъ собственномъ домѣ: кухарка Трина, которая много лѣтъ служила въ домѣ и всегда была покорной и тихой дѣвушкой, вдругъ стала очень дерзко разговаривать со своей госпожей и въ отвѣтъ на какое-то совершенно справедливое замѣчаніе консульши стала объяснять ей, что скоро наступитъ „новый порядокъ", и господа станутъ прислуживать слугамъ. Эти слова объяснялись дружбой Трины съ молодымъ мясникомъ, который занялся ея „политическимъ воспитаніемъ". Консульша сейчасъ же разсчитала бунтующую кухарку, но этотъ инцидентъ сильно обезпокоилъ ее. Вскорѣ произошло новое событіе: на главной улицѣ вышибли камнями зеркальныя стекла въ лучшемъ суконномъ магазинѣ, и толпа ходила по улицамъ съ криками: „Мы требуемъ общаго избирательнаго права"! Въ городѣ говорили, что рабочіе готовятъ крупную демонстрацію на площади передъ ратушей, и болѣе осторожные жители боялись выходить изъ дому. Консулъ былъ увѣренъ, что большинство рабочихъ въ его хлѣбныхъ складахъ не примкнетъ къ движенію, такъ какъ все это были люди немолодые, много лѣтъ служившіе у него и преданные своему хозяину, который не давалъ имъ никакого повода къ недовольству. Но были среди рабочихъ и молодые, недавно поступившіе къ нему, и онъ опасался ихъ вліянія. Тѣмъ не менѣе, когда въ одинъ изъ этихъ тревожныхъ октябрьскихъ дней назначено было засѣданіе городского совѣта, консулъ отправился туда, несмотря на слухи о томъ, что толпа намѣревается штурмовать залу засѣданія. Консульша умоляла мужа остаться дома, но онъ очень твердо заявилъ ей, что для него было бы позоромъ не пойти изъ трусости, и что къ тому же и ея старикъ отецъ, Лебрехтъ Крёгеръ, тоже будетъ на засѣданіи, такъ какъ не унизится до страха передъ толпой. Тогда она его отпустила, прося его быть осторожнымъ, а также оберегать ея отца.

По дорогѣ въ засѣданіе консулъ встрѣтилъ маклера Гоша,

сорокалѣтняго холостяка, который слылъ въ городѣ за большого оригинала. Онъ соединялъ практическую дѣятельность посредника при покупкѣ недвижимостей съ увлеченіемъ поэзіей и героизмомъ. Онъ носилъ широкій плащъ, шляпу съ большими полями и старался придать своему добродушному лицу демоническое выраженіе, сжималъ тонкія губы въ сардоническую улыбку; ему хотѣлось казаться чѣмъ-то среднимъ между Наполеономъ и Мефистофелемъ,—что̀ ему, впрочемъ, мало удавалось. Онъ говорилъ возвышеннымъ слогомъ, точно декламируя отрывки изъ драмъ Шиллера, и ходили слухи, что онъ проводитъ свободные отъ дѣлъ часы за переводомъ Лопе-де-Вега. Когда онъ потерялъ разъ на биржѣ очень незначительную сумму, онъ разыгралъ цѣлую трагическую сцену—только изъ любви къ патетическимъ словамъ и жестамъ, такъ какъ при его солидныхъ заработкахъ эта потеря не имѣла никакого значенія. Волненія въ городѣ настроили его на героическій ладъ, и, встрѣтивъ консула, онъ оглушилъ его цѣлымъ потокомъ торжественныхъ словъ о величіи стихійныхъ движеній, о красотѣ бушующей толпы, о томъ, что его сердце бьется согласно съ сердцемъ толпы, что и въ немъ загорается жажда великихъ событій. Консулъ слушалъ съ улыбкой этого искренно увлекающагося чудака, зная, что въ сущности онъ—самый благодушный и мирный человѣкъ. Они вмѣстѣ вошли въ залу засѣданія, гдѣ всѣ уже были въ сборѣ, и съ волненіемъ обсуждали положеніе дѣлъ. Въ скоромъ времени передъ домомъ гдѣ происходило засѣданіе, собралась большая толпа: все собраніе встревожилось, многіе даже открыто выражали свои страхи, и лишь нѣсколько человѣкъ держали себя съ достоинствомъ, въ томъ числѣ старикъ Лебрехтъ Крёгеръ; онъ требовалъ, чтобы засѣданіе продолжалось, и выражалъ полное презрѣніе къ бунтующей на улицѣ толпѣ. Положеніе осажденныхъ членовъ совѣта становилось очень тягостнымъ, и только благодаря присутствію духа консула Будденброка все кончилось благополучно. Онъ смѣло вышелъ къ толпѣ рабочихъ и, сказавъ имъ рѣчь на мѣстномъ діалектѣ, успокоилъ ихъ. Ничего утѣшительнаго онъ имъ въ сущности не обѣщалъ, но онъ зналъ психологію рабочаго населенія въ своемъ городѣ. Ничего сознательнаго въ поднятомъ ими тогда шумѣ не было,—они только слышали о движеніяхъ въ другихъ городахъ и не хотѣли отстать, даже не зная, чего собственно требовать. Авторитетный и нѣсколько насмѣшливый тонъ консула, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, отрезвилъ ихъ, и они разошлись съ сознаніемъ, что достигли своей цѣли и весело провели день.

Для семейства Будденброковъ день бурнаго засѣданія въ совѣтѣ имѣлъ, однако, печальныя послѣдствія. Старикъ Крёгеръ былъ такъ потрясенъ „неслыханной дерзостью черни“, что не могъ вынести униженія: ему, Лебрехту Крёгеру, пришлось ждать нѣсколько часовъ, пока толпѣ „угодно было“ позволить ему сѣсть въ экипажъ и уѣхать домой. Когда консулъ сѣлъ съ тестемъ въ поданную послѣ долгихъ ожиданій карету, его ужаснуло безжизненное выраженіе поблѣднѣвшаго лица у тестя. Случилось еще, что по дорогѣ въ карету влетѣлъ камень, брошеный кѣмъ-то изъ толпы. Это нанесло послѣдній ударъ гордому патрицію:—когда консулъ привезъ его домой, Лебрехтъ Крёгеръ, блестящій cavalier à la mode, былъ уже мертвъ.

II.

Годъ и два мѣсяца спустя, въ морозное январьское утро 1850-го года, Грюнлихъ съ женой и трехлѣтней дочкой сидѣли за завтракомъ въ столовой. Грюнлихъ, уже готовый къ отъѣзду въ городъ, въ черномъ сюртукѣ и съ гладко расчесанными золотистыми бакенбардами, ѣлъ по англійской модѣ бифштексъ за утреннимъ завтракомъ; Тони находила эту привычку очень аристократической, но ей самой было противно ѣсть что-нибудь утромъ кромѣ яицъ и кофе. Она сидѣла за столомъ въ изящномъ капотѣ, такъ какъ считала, что красивое неглиже очень аристократично, и, въ качествѣ замужней дамы, любила щеголять въ изысканныхъ утреннихъ нарядахъ. На этотъ разъ она была въ темно-красномъ пеньюарѣ изъ мягкой матеріи, подходившей къ тону обоевъ; густой рядъ маленькихъ бантиковъ изъ краснаго бархата спускался спереди отъ ворота до самаго низа платья, и такой же красный бархатный бантъ красиво выдѣлялся на ея свѣтлыхъ волосахъ. Лицо ея сохранило прежнее наивное и нѣсколько задорное выраженіе, и обычная живость ея движеній еще усилилась въ это утро, вслѣдствіе замѣтной нервности и раздраженія.

Рядомъ съ ней, на высокомъ дѣтскомъ стулѣ, сидѣла маленькая Эрика, упитанная дѣвочка съ короткими свѣтлыми локонами, одѣтая въ толстое вязанное платьице изъ голубой шерсти. Она охватила обѣими ручками большую чашку и съ аппетитомъ пила молоко.

Когда Эрика отставила наконецъ чашку, Тони позвонила и велѣла вошедшей дѣвушкѣ пойти погулять съ полчаса съ ребенкомъ. Дѣвушка увела маленькую Эрику, и, оставшись наединѣ

съ мужемъ, Тони обратилась къ нему, очевидно возобновляя прерванный разговоръ.

— Вѣдь это просто смѣшно!—сказала она нѣсколько раздраженно:—какія у тебя причины протестовать противъ найма няни... Не могу же я вѣчно возиться съ ребенкомъ.

— Вѣдь у насъ уже есть двѣ дѣвушки. Какая молодая женщина...

— У дѣвушекъ дѣла по горло. Вотъ вѣдь кухарка съ утра должна готовить тебѣ бифштексъ. Подумай, Грюнлихъ, Эрикѣ нужно будетъ скоро нанять бонну, потомъ гувернантку...

— Мы не въ состояніи уже теперь держать для нея отдѣльную няню.

— Не въ состояніи... Развѣ мы нищіе? Вѣдь насколько я знаю, у меня было восемьдесятъ тысячъ приданаго... Конечно, не въ этомъ дѣло,—вѣдь ты женился на мнѣ по любви. Но почему же ты совершенно не сообразуешься съ моими желаніями, не хочешь нанять няню, не покупаешь экипажа, который намъ нуженъ какъ хлѣбъ насущный? И почему мы живемъ за городомъ, если не въ состояніи держать экипажа для поѣздокъ въ гости? Почему ты вообще не любишь, чтобы я ѣздила въ городъ?.. Вѣдь я здѣсь совсѣмъ скисну въ одиночествѣ.

Грюнлихъ налилъ себѣ краснаго вина въ стаканъ и отрѣзалъ кусочекъ сыра, ничего не отвѣчая.

— Да развѣ ты меня еще любишь? — спросила Тони.— Твое молчаніе такъ неучтиво, что я не могу не напомнить тебѣ объ извѣстной сценѣ въ нашей ландшафтной комнатѣ... тогда ты велъ себя иначе. А съ перваго дня послѣ свадьбы ты только изрѣдка проводилъ вечера со мной, и то уткнувшись въ газету. Первое время ты по крайней мѣрѣ исполнялъ мои желанія, но это давно кончено. Ты совершенно не обращаешь вниманія на меня.

— А ты? Ты разоряешь меня своимъ бездѣльемъ и пристрастіемъ къ роскоши...

— Ну, да, конечно, я въ родительскомъ домѣ не имѣла надобности двинуть пальцемъ, а теперь должна обходиться почти безъ прислуги. Отецъ мой—богатый человѣкъ, и не могъ ожидать, что мнѣ придется отказывать себѣ въ нужномъ количествѣ прислуги...

— Такъ подожди нанимать третью дѣвушку, пока богатство твоего отца не перейдетъ въ наши руки.

— Что̀, ты желаешь смерти отца?.. Я говорю, что мы состоятельные люди, и что я вошла въ твой домъ не съ пустыми

руками... И почему ты постоянно говоришь о нашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? Въ чемъ дѣло,—у тебя какое-нибудь затрудненіе въ дѣлахъ?..

Въ это время раздался звонокъ, и черезъ минуту въ комнату вошелъ банкиръ Кесельмейеръ. Онъ остановился въ дверяхъ, состроилъ очень смѣшную гримасу, посмотрѣлъ внимательно на обоихъ супруговъ и сказалъ веселымъ голосомъ:

— Ага!

Веселости банкира Кесельмейера нельзя было довѣрять, потому что чѣмъ больше онъ внутренно злился, тѣмъ болѣе онъ обыкновенно гримасничалъ, придавая веселое выраженіе лицу, безпрестанно вскидывая на носъ и сдергивая пенснэ, размахивая руками и болтая всякій вздоръ. Поэтому и на этотъ разъ Грюнлихъ быстро взглянулъ на него съ нескрываемой подозрительностью.

— Вы сегодня такъ рано?—спросилъ онъ.

— Да, да!—отвѣтилъ Кесельмейеръ, помахивая въ воздухѣ одной изъ своихъ маленькихъ, красныхъ морщинистыхъ рукъ.—Мнѣ нужно съ вами поговорить, сейчасъ же поговорить, милый мой!

— Присядьте, господинъ Кесельмейеръ,—сказала Тони.—Я рада, что вы пришли,—будьте судьей между нами. Я утверждаю, что трехлѣтній ребенокъ нуждается въ нянѣ, а Грюнлихъ говоритъ, что я его разоряю.

Кесельмейеръ присѣлъ къ столу, и съ необыкновенной веселостью оглядывалъ изящную сервировку, серебряную сухарницу, этикетку на бутылкѣ съ краснымъ виномъ... При послѣднихъ словахъ Тони, онъ шумно расхохотался.

— Вы его разоряете?—воскликнулъ онъ.—Ахъ, Боже мой, вотъ прелесть, вотъ смѣхъ-то!

Грюнлихъ нервно заёрзалъ на стулѣ и быстро провелъ руками по своимъ золотистымъ бакенбардамъ.

— Что̀ вы, съ ума сошли, Кесельмейеръ?—сказалъ онъ.—Перестаньте смѣяться, ради Бога! Хотите вина? Хотите сигару? Чему вы собственно смѣетесь?

— Дайте мнѣ вина и сигару... Чему я смѣюсь? Такъ вы находите, что ваша жена васъ разоряетъ?

— У нея слишкомъ большая любовь къ роскоши,—сердито сказалъ Грюнлихъ.

— Да, это правда,—подтвердила Тони.—Я унаслѣдовала это отъ мамы. Всѣ Крёгеры любятъ роскошь.

Она такъ гордилась всѣмъ, что̀ относилось къ ея семьѣ, что

всякая фамильная черта ей казалась святыней, передъ которой нужно преклоняться.

Когда завтракъ кончился и мужчины выкурили сигары, Грюнлихъ провелъ своего пріятеля черезъ лиловую комнату въ кабинетъ. Тони осталась еще въ столовой, чтобы наблюдать за тѣмъ, какъ дѣвушка прибираетъ со стола; минутъ черезъ десять она прошла въ залу, чтобы лично обмести пыль съ разныхъ бездѣлушекъ, стоящихъ на этажеркахъ. Оттуда она направилась въ свою любимую лиловую комнату и стала поливать растенія изъ лейки. Она очень любила свои пальмы, придававшія, по ея мнѣнію, особенно изысканный видъ ея квартирѣ. Она стала разглядывать каждый листокъ, срѣзывать пожелтѣвшіе листья, и двигалась по комнатѣ медленными, степенными движеніями. Она не утратила въ качествѣ madame Грюнлихъ самоувѣренности, отличавшей ее въ дѣвичествѣ, держалась очень прямо и смотрѣла на все сверху внизъ. Только наивное выраженіе губъ указывало на то, что вся ея напускная важность въ сущности—невинная дѣтская поза.

Она вдругъ остановилась, прервавъ осмотръ растеній, потому что до нея явственно доходили голоса изъ кабинета, несмотря на закрытую дверь и спущенную портьеру.

— Да не кричите же, Боже мой!—раздавался голосъ Грюнлиха, нѣсколько пискливый на высокихъ нотахъ.—Возьмите сигару!—прибавилъ онъ съ отчаяніемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ банкиръ, и послѣ нѣкоторой паузы, во время которой онъ вѣроятно закуривалъ сигару, продолжалъ:

— Ну, такъ что̀ же, заплатите вы, да или нѣтъ?

— Отсрочьте, Кесельмейеръ!

— Нѣтъ, милый мой, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! Вашъ кредитъ потерянъ. Развѣ можно довѣрять вашей фирмѣ? Вѣдь всѣ знаютъ, какъ много вы потеряли при банкротствѣ бременскаго банка. Вы сами знаете, какъ къ вамъ теперь относятся. Развѣ Гутстикеръ и Бокъ вѣрятъ вамъ? А кредитный банкъ?

— Онъ отсрочилъ векселя.

— Вотъ какъ?—вѣдь вы врете. Я знаю, что они вамъ вчера отказали... Но вы не смущайтесь—въ вашихъ интересахъ, конечно убѣждать меня, что другіе вамъ довѣряютъ. Нѣтъ, милый мой, напишите консулу, я подожду только недѣлю.

— Не кричите, Кесельмейеръ, не смѣйтесь такимъ адскимъ смѣхомъ! Мое положеніе очень серьезно,—я этого не отрицаю,

но все можетъ еще кончиться благополучно. Послушайте, отсрочьте, и я уплачу вамъ двадцать процентовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! это рѣшено, милый мой,—я и сорока не возьму. Со времени банкротства братьевъ Вестфаль въ Бременѣ, всякій старается развязаться съ вами, и я тоже... Я всегда стою за своевременную ликвидацію... Когда дѣло начинаетъ падать, нужно ликвидировать... Я требую мой капиталъ.

— Это безсовѣстно, Кесельмейеръ!

— Безсовѣстно? Вотъ потѣха! Да чего вы собственно хотите? Вамъ, все равно, придется обратиться къ тестю. Кредитный банкъ держитъ васъ за горло... И другіе тоже — да и книги ваши не въ особенномъ порядкѣ... Ужъ лучше вамъ прямо объявить себя банкротомъ.

— Послушайте, Кесельмейеръ... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, возьмите еще одну сигару!

— Да я еще эту наполовину не кончилъ. Оставьте меня въ покоѣ съ вашими сигарами. Заплатите!

— Не губите меня Кесельмейеръ... Вѣдь вы мой другъ... Не откажите мнѣ въ кредитѣ.

— Что̀? Еще кредитъ? Вы съ ума сошли? Новый заемъ хотите сдѣлать?

— Да, Кесельмейеръ, я молю васъ!.. Чтобы заплатить коекому и выиграть время... У меня много проектовъ. Все еще можетъ благополучно кончиться. Вѣдь вы знаете, я очень предпріимчивъ и энергиченъ...

— Вы просто плутъ, милый мой, и кромѣ того неудачникъ. Всѣ ваши предпріятія приносятъ пользу другимъ, а вы загубили вашу совѣсть безъ всякой пользы для себя. Это очень, очень смѣшно! Вѣдь вамъ уже ни одинъ банкъ на свѣтѣ не окажетъ кредита ни на грошъ... Почему вы собственно боитесь, разъ навсегда, раскрыть свои карты? Потому что, четыре года тому назадъ, все обстояло не такъ, какъ слѣдуетъ? Вы боитесь, что обнаружится...

— Хорошо, Кесельмейеръ, я напишу тестю. Но что̀, если онъ откажется платить за меня?

— Тогда... ха-ха! мы объявимъ себя тогда банкротомъ, милый мой... Это будетъ очень весело. Меня это не касается. Я въ сущности обезпечилъ себя процентами, которые кое-какъ собралъ у васъ... А при конкурсѣ мои права будутъ первыя, дорогой мой, такъ что я въ проигрышѣ не буду. У меня полный инвентарь въ карманѣ. Я ужъ постараюсь, чтобы не при-

прятали ни одной серебряной сухарницы, ни одного капотика... До свиданія, милый мой, всего хорошаго!..

Кесельмейеръ быстро поднялся и ушелъ. Въ корридорѣ раздались его странные, осторожные шаги... Когда Грюнлихъ вошелъ въ лиловую комнату, Тони стояла тамъ съ лейкой въ рукахъ и смотрѣла ему въ лицо широко раскрытыми глазами.

— Чего ты стоишь, чего ты глазѣешь?—сказалъ онъ, странно размахивая руками. Его розовое лицо не обладало способностью блѣднѣть. Оно было все въ красныхъ пятнахъ, какъ у больного скарлатиной.

III.

Консулъ Іоганнъ Будденброкъ прибылъ въ два часа, вошелъ въ дорожномъ пальто въ залу и обнялъ Тоню съ грустной нѣжностью. Онъ очень постарѣлъ и былъ чрезвычайно блѣденъ. Въ послѣднее время у него было много волненій: Томъ заболѣлъ болѣзнью легкихъ, сталъ харкать кровью, и консулу пришлось бросить всѣ дѣла и поѣхать къ нему въ Амстердамъ. Оказалось, что непосредственной опасности нѣтъ, но что молодому человѣку необходимо прожить нѣкоторое время на югѣ, такъ что, какъ только ему стало немного лучше, консулъ отправилъ его на югъ Франціи, въ По, вмѣстѣ съ сыномъ его принципала, которому тоже нужно было лечиться. Вернувшись домой, консулъ засталъ извѣстіе о банкротствѣ въ Бременѣ, при которомъ онъ сразу терялъ восемьдесятъ тысячъ марокъ, и эта потеря отозвалась на отношеніяхъ къ фирмѣ „Будденброкъ“ со стороны разныхъ кредитныхъ учрежденій. Консулъ стойко отнесся ко всѣмъ этимъ волненіямъ и затрудненіямъ, но совершенно растерялся, когда на него обрушилось новое несчастіе: Грюнлихъ, мужъ его дочери, написалъ ему длинное жалобное письмо съ заявленіемъ о своей несостоятельности и съ мольбой выручить его суммой въ сто или сто-двадцать тысячъ марокъ. Консулъ осторожно сообщилъ объ этомъ женѣ, и отвѣтилъ Грюнлиху сухимъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что пріѣдетъ самъ и желаетъ переговорить съ нимъ и съ банкиромъ Кесельмейеромъ.

Тони вышла къ отцу въ залу. Она любила принимать гостей въ салонѣ съ коричневой атласной мебелью, и такъ какъ она чувствовала важность обстоятельствъ, вызвавшихъ пріѣздъ консула, то рѣшила принять и его какъ гостя, въ залѣ. Она вышла къ нему очень хорошенькая въ своемъ свѣтло-сѣромъ модномъ

платьѣ, съ широкимъ кринолиномъ, и старалась придать серьезное выраженіе своему хорошенькому личику.

— Здравствуй, папа! наконецъ-то ты къ намъ - пріѣхалъ. Какъ здоровье мамы? Какія извѣстія отъ Тома? Пожалуйста, сними пальто, садись, милый папа. Не хочешь-ли ты умыться съ дороги? Я приготовила тебѣ комнату на верху. Грюнлихъ тоже какъ разъ одѣвается.

— Я его здѣсь подожду. Ты вѣдь знаешь, что я пріѣхалъ для очень серьезнаго разговора съ твоимъ мужемъ? А Кесельмейеръ—здѣсь?

— Да, папа, онъ сидитъ въ лиловой комнатѣ и разсматриваетъ альбомы...

— А гдѣ Эрика?

— На верху, съ дѣвушкой. Она купаетъ свою куклу... Конечно, не въ водѣ,—вѣдь это восковая кукла... Она только играетъ...

— Ну да, понятно.—Консулъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Я думаю, милая Тони, что ты не совсѣмъ ясно освѣдомлена о положеніи твоего мужа.

Онъ сѣлъ на кресло у большого стола, а Тони усѣлась на маленькомъ пуфѣ почти у его ногъ.

— Нѣтъ, папа,—отвѣтила Тони—я должна сознаться, что ничего не знаю. Боже мой, вѣдь я такая дурочка, ты самъ знаешь. На дняхъ я слышала, какъ Грюнлихъ говорилъ съ Кесельмейеромъ... Мнѣ показалось, что Кесельмейеръ только шутитъ. А Грюнлихъ съ тѣхъ поръ ужасно сердитый, прямо невыносимый... Только вотъ вчера онъ опять сталъ ласковѣе, все спрашивалъ, люблю ли я его, и замолвлю ли я за него словечко, если онъ долженъ будетъ тебя просить о чемъ-то... Онъ сказалъ мнѣ, что написалъ тебѣ, и что ты пріѣдешь. Какъ хорошо, что ты здѣсь! Мнѣ какъ-то жутко... Грюнлихъ разставилъ въ кабинетѣ зеленый карточный столъ. На немъ лежитъ масса бумагъ и карандаши... Это, кажется, для дѣловой бесѣды съ тобой и Кесельмейеромъ.

— Послушай, дитя мое,—сказалъ консулъ, проводя рукой по ея волосамъ.—Я долженъ предложить тебѣ серьезный вопросъ. Скажи мнѣ... Ты очень любишь мужа?

— Конечно, папа,—отвѣтила Тони съ какимъ-то дѣтскимъ притворствомъ. Консулъ помолчалъ съ минуту.

— Значитъ, ты его любишь настолько,—продолжалъ онъ,— что не могла бы жить безъ него ни въ какомъ случаѣ? Даже если бы, по волѣ Божіей—обстоятельства его измѣнились настолько, что ты не могла бы уже жить въ такой обстановкѣ,

какъ эта?...—Онъ указалъ рукой на мебель и портьеры, на золоченые часы, стоящіе на этажеркѣ, и, наконецъ, на ея платье.

— Конечно, папа,—покорно сказала Тони. Но въ глазахъ ея было такое выраженіе, какъ у дѣтей, когда среди чтенія сказки вдругъ имъ начинаютъ говорить о нравственныхъ обязанностяхъ,—выраженіе неловкости и нетерпѣнія, благонравія и досады.

Консулъ задумался. Само собой разумѣется, что въ душѣ онъ желалъ всячески избѣжать необходимости выплатить крупную сумму за своего зятя; но онъ вспоминалъ о томъ, какъ настаивалъ на бракѣ дочери, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней. Онъ считалъ себя поэтому обязаннымъ сообразоваться съ рѣшеніемъ дочери. Онъ зналъ, конечно, что она вышла замужъ за Грюнлиха не по любви, но считалъ возможнымъ, что за эти четыре года привычка и рожденіе ребенка многое измѣнили, что Тони привязалась къ мужу и не согласится разстаться съ нимъ. Въ такомъ случаѣ придется уплатить долги Грюнлиха. Конечно, христіанскій долгъ и женское достоинство требуютъ, чтобы Тони не уходила отъ своего мужа и въ несчастіи; но если она все-таки выскажетъ такое желаніе, то онъ не въ правѣ лишать ее тѣхъ удобствъ жизни, къ которымъ она привыкла. Ему самому было бы пріятнѣе всего забрать дочь съ ребенкомъ къ себѣ и предоставить Грюнлиха его судьбѣ. Конечно, не дай Богъ, чтобы дѣло дошло до такой крайности, но, во всякомъ случаѣ, онъ сталъ вспоминать о параграфахъ закона, допускающихъ разводъ въ томъ случаѣ, если мужъ не въ состояніи содержать жену и дѣтей. Но прежде всего нужно узнать, что̀ думаетъ его дочь.

— Я вижу,—продолжалъ онъ, нѣжно гладя ея волосы,—что ты, милое дитя, держишься очень похвальныхъ принциповъ. Но нужно прямо смотрѣть на вещи. Я спросилъ тебя не о томъ, какъ бы ты вообще поступила при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, но о томъ, что̀ ты намѣрена сдѣлать сейчасъ, сегодня. Я не думаю, чтобы ты была посвящена въ положеніе дѣлъ, и долженъ сообщить тебѣ, что твоему мужу приходится пріостановить платежи...

— Грюнлихъ обанкротился?—тихо спросила Тони.—Я вѣдь этого не подозрѣвала. Значитъ, Кесельмейеръ не шутилъ?...О, Боже!—воскликнула она вдругъ, ужаснувшись слова „банкротство“, въ которомъ съ дѣтства видѣла нѣчто позорное и ужасное.—Онъ банкротъ!—повторила она, потрясенная и уничтоженная этимъ роковымъ словомъ.

Отецъ пристально вглядывался въ нее своими маленькими проницательными глазами.

— Вѣдь я тебя спрашиваю,—сказалъ онъ мягко,—готова ли ты слѣдовать за мужемъ и въ бѣдности?

— Конечно, папа,—отвѣтила Тони, но разрыдалась какъ ребенокъ.—Вѣдь я же должна...

— Вовсе нѣтъ!—быстро возразилъ онъ, но прибавилъ изъ чувства долга: — Я тебя къ этому не сталъ бы принуждать. Если бы твои чувства не связывали тебя неразрывно съ твоимъ мужемъ, то тебѣ не было бы надобности переносить всѣ страданія, неизбѣжно связанныя съ его разореніемъ. Мнѣ хочется избавить тебя отъ всего этого и взять тебя съ Эрикой къ намъ домой.

— Ахъ, папа! — тихо сказала Тони: — развѣ не было бы лучше...—На лицѣ ея отразилось нѣжное и грустное чувство, связывающее ее съ чѣмъ-то далекимъ, навсегда исчезнувшимъ.

— Я угадываю твои мысли, милая Тони,—грустно сказалъ отецъ,— и готовъ сознаться, что раскаиваюсь въ томъ, что тогда уговаривалъ тебя выйти за него замужъ. Но вѣдь я это считалъ своимъ долгомъ. Я хотѣлъ создать тебѣ жизнь достойную тебя, а Грюнлихъ явился ко мнѣ съ самыми лучшими рекомендаціями и казался такимъ порядочнымъ человѣкомъ. О его дѣлахъ я имѣлъ вполнѣ благопріятныя свѣдѣнія. Я самъ просмотрѣлъ его книги. Не понимаю, въ чемъ дѣло; все это еще выяснится. Но скажи, ты меня не обвиняешь?..

— Нѣтъ, папа, какъ ты можешь это подумать! Не огорчайся, бѣдный папа; ты такъ блѣденъ,—не дать ли тебѣ капель?—Она обняла его и поцѣловала.

— Благодарю тебя. Я пережилъ много тяжелаго въ послѣднее время. Но что̀ же дѣлать, на то воля Божія. И я все-таки чувствую себя виновнымъ передъ тобою. Но теперь отвѣть мнѣ на главный вопросъ. Скажи мнѣ откровенно, Тони... Полюбила ли ты своего мужа за эти четыре года?

Тони снова заплакала и, закрывая глаза батистовымъ платочкомъ, проговорила среди рыданій:—Ахъ, зачѣмъ ты спрашиваешь, папа?.. Я его никогда не любила... Онъ былъ мнѣ всегда противенъ, вѣдь ты это знаешь.

Трудно было опредѣлить, что̀ выражало лицо консула при этихъ словахъ дочери. Глаза его были печальны и испуганы, и все-таки онъ сжалъ губы съ такимъ выраженіемъ, которое у него появлялось, когда ему удавалось устроить выгодное дѣло. Онъ тихимъ голосомъ сказалъ:

— Четыре года...

Тони сразу осушила слезы и, вскочивъ съ мѣста, гнѣвно воскликнула:

— Четыре года!.. Ну да, иногда онъ сидѣлъ со мной по вечерамъ и читалъ газеты въ моемъ обществѣ за эти четыре года... Конечно, у насъ есть ребенокъ, и я очень люблю Эрику,— хотя Грюнлихъ увѣряетъ, что я—плохая мать... съ ней я ни за что не разстанусь... Но Грюнлихъ.... А теперь онъ еще къ тому же банкротъ... Ахъ, папа, если бы ты взялъ меня съ Эрикой къ себѣ, я была бы счастлива!

Консулъ былъ очень доволенъ, но все-же считалъ своимъ долгомъ коснуться главнаго пункта; въ виду рѣшительнаго отвѣта Тони на первый вопросъ, это не представляло большого риска.

— Ты, однако, забываешь,—сказалъ онъ,—что можно помочь Грюнлиху... это могъ бы сдѣлать я. Я вѣдь чувствую себя виноватымъ передъ тобой, и если ты этого пожелаешь... если ты на этомъ настаиваешь, то я долженъ предупредить банкротство твоего мужа, уплативъ кое-какъ его долги...

— О какой суммѣ собственно идетъ рѣчь?—спросила Тони удивленнымъ и слегка разочарованнымъ тономъ.

— Не въ этомъ вѣдь дѣло, дитя мое,—отвѣтилъ консулъ.— Сумма большая, очень большая. Къ тому же я не имѣю права скрыть отъ тебя, что у нашей фирмы были въ послѣднее время большія потери, и что ей очень трудно... Я, конечно, говорю это не къ тому, чтобы...

Тони не дала ему договорить. Она вскочила и, держа еще омоченный слезами батистовый платочекъ въ рукахъ, воскликнула:

— Никогда!

У нея былъ видъ настоящей героини. Слово „фирма“ подѣйствовало магически. Оно вѣроятно оказало еще болѣе рѣшающее вліяніе, чѣмъ даже ея раздраженіе противъ Грюнлиха.

— Ты этого не сдѣлаешь, папа!—крикнула она совершенно внѣ себя.—Чтобы ты еще обанкротился! Нѣтъ, никогда, я этого не допущу!

Въ эту минуту дверь изъ коридора открылась и вошелъ Грюнлихъ.

Іоганнъ Будденброкъ поднялся съ мѣста рѣшительнымъ движеніемъ, которое означало: дѣло рѣшено!

IV.

Очень холодно поздоровавшись съ своимъ зятемъ и предупредивъ его сразу, что едва ли сможетъ чѣмъ-нибудь помочь ему, консулъ прошелъ съ нимъ въ кабинетъ, куда пригласили и банкира Кесельмейера, вызвавъ его изъ лиловой комнаты. Въ кабинетѣ приготовленъ былъ столъ, на которомъ разложены были бумаги и торговыя книги. Грюнлихъ старался какъ-нибудь оттянуть начало дѣлового засѣданія разными преувеличенно-учтивыми фразами, обращенными и къ тестю, и къ Кесельмейеру, который въ свою очередь тоже отвлекалъ консула отъ дѣла шуточками и разспросами о путешествіи, разговорами о погодѣ. Ужимки этого страннаго человѣка произвели на консула самое отталкивающее впечатлѣніе, и онъ попросилъ поскорѣе перейти къ дѣламъ. Онъ прежде всего потребовалъ, чтобы Грюнлихъ показалъ ему главную книгу для „ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ". Грюнлихъ весь дрожалъ, исполняя его требованіе, и, прежде чѣмъ консулъ заглянулъ въ книгу, сталъ умолять его о пощадѣ и просилъ имѣть въ виду, что его несчастіе во всякомъ случаѣ превышаетъ его виновность.

Прошли длинныя томительныя минуты, въ теченіе которыхъ консулъ внимательно изучалъ длинные столбцы цифръ, сопоставлялъ разныя даты и дѣлалъ отмѣтки карандашомъ на листѣ бумаги. Наконецъ, онъ „ознакомился съ положеніемъ дѣлъ". Совершенно потрясенный, съ измученнымъ отъ волненія и усталости лицомъ, онъ воскликнулъ:

— Несчастный вы человѣкъ!

Онъ дѣйствительно чувствовалъ искреннее состраданіе къ Грюнлиху, тѣмъ болѣе, что его собственныя несчастія располагали его теперь къ снисходительности и добротѣ. Но онъ поборолъ охватившую его жалость и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Какъ это возможно... въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ?

Консулъ не высказалъ главной своей мысли... Ему казалось самымъ подозрительнымъ то, что несчастіе обрушилось на Грюнлиха именно теперь, когда нѣсколько пошатнулся кредитъ фирмы Будденброкъ, вслѣдствіе понесенныхъ ею потерь изъ-за бременскаго банкротства. Вѣдь уже два, три года тому назадъ дѣла Грюнлиха были въ томъ же положеніи, какъ и теперь,—почему же тогда его векселя принимались какъ наличныя деньги, почему его кредитъ былъ неисчерпаемъ тогда? Консулъ, конечно, понималъ, что женитьба Грюнлиха на его дочери могла укрѣпить

его положеніе въ торговомъ мірѣ, но неужели его кредитъ основанъ былъ исключительно на родствѣ съ домомъ Будденброковъ? Неужели онъ самъ по себѣ ничего не представлялъ? Вѣдь консулъ имѣлъ о немъ самыя лучшія свѣдѣнія отъ разныхъ банкировъ, видѣлъ его книги... Неужели онъ такъ въ немъ ошибся? Грюнлихъ очевидно съумѣлъ всѣхъ убѣдить въ томъ, что онъ— участникъ фирмы своего тестя. Во всякомъ случаѣ, консулъ рѣшилъ разсѣять это заблужденіе и вполнѣ отстраниться отъ дѣлъ Грюнлиха.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, я долженъ къ сожалѣнію сказать, что не только ваше несчастіе, но и ваша вина очень велика. Не знаю право, какъ вамъ помочь... Вамъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Кесельмейеру,—господинъ Грюнлихъ долженъ шестьдесятъ тысячъ марокъ. Согласились ли бы вы отсрочить уплату этой суммы?

Въ отвѣтъ на слова консула Кесельмейеръ очень весело и даже добродушно расхохотался. Іоганнъ Будденброкъ покраснѣлъ отъ бѣшенства. Онъ предложилъ этотъ вопросъ, только исполняя пустую формальность, такъ какъ зналъ, что даже отсрочка одного изъ кредиторовъ не можетъ измѣнить положенія дѣлъ. Но его возмутилъ наглый смѣхъ Кесельмейера. Отстранивъ рукой всѣ бумаги и положивъ карандашъ на столъ, онъ сказалъ очень твердо и сухо:

— Въ такомъ случаѣ я заявляю, что отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло.

— Ага!—воскликнулъ Кесельмейеръ, весело размахивая руками.—Вотъ это хорошо сказано. Сразу отрѣзано—безъ всякихъ долгихъ фразъ.

— Я ничѣмъ не могу помочь вамъ, другъ мой,—спокойно сказалъ консулъ Грюнлиху, даже не поглядѣвъ въ сторону Кесельмейера.—Мужайтесь и ищите утѣшенія и силы въ мысляхъ о волѣ Божіей. Я считаю разговоръ оконченнымъ.

Грюнлихъ началъ умолять консула помочь ему, заплатить за него сто-двадцать тысячъ марокъ, что вполнѣ возможно для такого богатаго человѣка, какъ онъ, сталъ предлагать ему какіе угодно проценты, но консулъ былъ неумолимъ.

— Развѣ вы не въ состояніи уплатить за него?—спросилъ Кесельмейеръ, глядя на консула съ хитрой улыбкой.—Вѣдь это былъ бы прекрасный случай доказать солидность фирмы Будденброкъ.

— Я бы попросилъ васъ, милостивый государь, предоставить мнѣ самому заботу о репутаціи моего дома. Чтобы доказать

солидность моей фирмы, нѣтъ надобности бросать деньги въ лужу...

— Отецъ!—снова началъ умолять Грюнлихъ:—спасите меня! Вѣдь дѣло идетъ не только обо мнѣ... пусть я погибну, но что̀ станется съ вашей дочерью, моей обожаемой женой, и нашимъ невиннымъ ребенкомъ?.. Я не переживу позора, я лишу себя жизни... и да проститъ вамъ тогда Господь вашъ грѣхъ!

Іоганнъ Будденброкъ откинулся на креслѣ, блѣдный отъ волненія. Опять этотъ человѣкъ произнесъ ту же угрозу, которая потрясла его четыре года тому назадъ, опять традиціонныя въ семьѣ Будденброковъ христіанскія чувства грозили побѣдить практическія соображенія. Но онъ быстро овладѣлъ собою. „Сто-двадцать тысячъ...“—мысленно повторилъ онъ, и сказалъ спокойно и твердо:

— Антонія моя дочь, и я о ней позабочусь... объ этомъ вы узнаете въ свое время. А теперь я ничего не могу прибавить къ тому, что̀ сказалъ.—Онъ поднялся и направился къ двери.

Грюнлихъ сидѣлъ совершенно растерянный, и не могъ произнести ни слова. Но веселость Кесельмейера достигла высшихъ предѣловъ при видѣ рѣшительнаго движенія консула. Пенснэ соскочило у него съ носа, ротъ широко раскрылся, и изъ него высунулись желтые обломки зубовъ, все лицо побагровѣло отъ гримасъ.

— Ха-ха-ха̀!—разсмѣялся онъ.—Я нахожу это удивительно забавнымъ! Но я бы совѣтовалъ вамъ все-таки, господинъ консулъ, не топить вашего замѣчательнаго зятька... вѣдь другого такого энергичнаго, изворотливаго человѣчка не найти на всемъ земномъ шарѣ... Ха-ха! четыре года тому назадъ, когда у него была уже, такъ сказать, петля на шеѣ... онъ удивительно ловко распространилъ на биржѣ слухъ о своей помолвкѣ съ mademoiselle Будденброкъ, прежде чѣмъ она еще состоялась... Не могу не похвалить...

— Кесельмейеръ!—крикнулъ Грюнлихъ, судорожно простирая впередъ руки, точно онъ хотѣлъ отогнать привидѣніе.

— Какъ же мы это собственно устроили?—безжалостно продолжалъ Кесельмейеръ, не обращая вниманія на ужасъ своего пріятеля.—Какъ это мы заполучили дочку и прикарманили восемьдесятъ тысячъ? Это была ловкая штука. Когда человѣкъ отличается энергіей и изворотливостью, онъ это легко обдѣлываетъ. Спасителю-папенькѣ показываютъ очаровательныя чистенькія книги, въ которыхъ все въ идеальномъ порядкѣ... дѣло только въ томъ, что книги не вполнѣ согласовались съ грубой

дѣйствительностью... на самомъ дѣлѣ три четверти приданаго должно было пойти на уплату долговъ по векселямъ.

Консулъ остановился въ дверяхъ, блѣдный какъ смерть. Его охватилъ безпредѣльный ужасъ. Неужели онъ очутился въ этомъ тускло освѣщенномъ кабинетѣ одинъ въ обществѣ мошенника и бѣшеной обезьяны?

— Милостивый государь, я презираю вашу низкую клевету, тѣмъ болѣе, что она касается и меня...; я не поступалъ опрометчиво, я навелъ точныя справки о моемъ зятѣ... Все послѣдующее совершилось по волѣ Божiей.

Онъ повернулся къ дверямъ, не желая слушать болѣе ни слова. Но Кесельмейеръ закричалъ ему вслѣдъ:

— Вотъ какъ? Вы наводили о немъ справки? У кого—у Бока, у Гудстикера, у Петерсена? Да вѣдь они были заинтересованы огромными суммами—для нихъ этотъ бракъ былъ спасенiемъ.

Консулъ захлопнулъ за собой дверь.

V.

Онъ прошелъ въ залу, велѣлъ позвать дочь и потребовалъ, чтобы она сейчасъ же собралась въ дорогу вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тони стала суетиться, совершенно растерянная, испуганная внезапностью всего происшедшаго.

— Что̀ мнѣ взять съ собой, папа?—спросила она..—Всѣ платья? одинъ или два сундука?.. Боже мой, неужели Грюнлихъ банкротъ?.. Такъ развѣ я могу взять съ собой мои брилліанты?

— Возьми только самое нужное,—маленькій сундучокъ. Все остальное тебѣ пришлютъ, только торопись!..

Въ эту минуту раздвинулась портьера, и въ комнату вошелъ Грюнлихъ съ выраженiемъ человѣка, который хочетъ сказать: „Вотъ я, убей меня, если хочешь“! Онъ быстро подошелъ къ женѣ и опустился передъ нею на колѣни. Видъ его возбуждалъ жалость: золотистыя бакенбарды были растрепаны, сюртукъ смятъ, воротъ разстегнутъ и лобъ весь въ поту.

— Антонiя,—сказалъ онъ,—посмотри на меня!.. Сжалься, я умру отъ горя, если ты отвергнешь мою любовь. Неужели у тебя хватитъ жестокости сказать мнѣ: „я тебя ненавижу, я тебя оставляю“?

Тони плакала, видя передъ собой полное повторенiе сцены въ ландшафтной комнатѣ.

Глядя на это искаженное отъ ужаса лицо, на глаза, полные мольбы, она не могла не повѣрить искренности его чувствъ.

— Встань, Грюнлихъ,—сказала она, рыдая,—пожалуйста, встань! Я вовсе тебя не ненавижу.—Не зная, что еще прибавить, она безпомощно обратилась къ отцу. Консулъ взялъ ее за руку, поклонился зятю и направился съ дочерью къ двери въ корридоръ.

— Ты уходишь!—крикнулъ Грюнлихъ и вскочилъ на ноги.

— Я вѣдь вамъ уже объяснилъ,—сказалъ консулъ,—что не могу оставить дочь въ незаслуженномъ ею несчастіи. Благодарите вашего Создателя за то, что это чистое дитя уходитъ отъ васъ, не чувствуя къ вамъ презрѣнія. Прощайте!

Грюнлихъ окончательно потерялъ голову. Онъ бы могъ еще говорить о короткой разлукѣ, о возвращеніи и новой жизни, и, быть можетъ, спасти наслѣдство. Но его обычная энергія и изворотливость покинули его. Онъ схватилъ вазу, стоявшую на этажеркѣ, и бросилъ ее объ полъ, такъ что она разбилась вдребезги.

— Вотъ какъ! Отлично!—крикнулъ онъ.—Убирайся! Ты думаешь, я буду плакать о тебѣ? Вы ошибаетесь, милая моя. Я женился на тебѣ только ради денегъ, а такъ какъ этихъ денегъ было далеко не достаточно, то мнѣ тебя не нужно. Ты мнѣ надоѣла... надоѣла!

Іоганнъ Будденброкъ молча увелъ дочь, потомъ вернулся, подошелъ къ Грюнлиху, который стоялъ у окна, заложивъ руки за спину, дотронулся до его плеча и сказалъ тихо и внушительно:

— Мужайтесь и молитесь!..

Въ большомъ домѣ на Mengstrasse воцарилось подавленное настроеніе, когда тамъ поселилась madame Грюнлихъ съ маленькой дочкой. Всѣ старались не упоминать о случившемся, и только героиня происшедшихъ событій, напротивъ того, съ большимъ воодушевленіемъ говорила о своемъ несчастіи.

Тони поселилась съ Эрикой во второмъ этажѣ и была немного разочарована, когда отецъ заявилъ ей, что ей слѣдуетъ въ первое время жить замкнуто и не бывать въ обществѣ; хотя она и не виновна въ своемъ несчастіи, все-же, въ качествѣ „разводки“, должна вести себя крайне скромно. Но Тони обладала счастливымъ даромъ уживаться со всякимъ положеніемъ въ жизни и быть при этомъ довольной собою. Ей нравилась теперь

роль невинно страдающей женщины; она стала носить темныя платья, гладко причесываться, и вознаграждала себя за отсутствіе развлеченій тѣмъ, что безъ устали разсуждала съ домашними о важности всего случившагося, о своемъ несчастномъ бракѣ, о Грюнлихѣ и вообще о жизни и судьбѣ. Мать ея не любила этихъ разговоровъ и останавливала дочь каждый разъ, когда она заговаривала на свою любимую тему. Клара была еще ребенкомъ и ничего не понимала изъ того, что̀ ей разсказывала сестра, а кузина Тильда была слишкомъ глупа, чтобы быть благодарной слушательницей. Только Ида Юнгманъ съ удовольствіемъ выслушивала свою бывшую воспитанницу. Ей уже было теперь тридцать-пять лѣтъ, и она гордилась тѣмъ, что посѣдѣла на службѣ въ одномъ изъ первыхъ домовъ города.

Охотнѣе и дольше всего Тони бесѣдовала съ отцомъ послѣ обѣда или за утреннимъ кофе. Ея отношеніе къ отцу стало еще болѣе задушевнымъ и нѣжнымъ послѣ ея несчастія, чему значительно способствовалъ тотъ фактъ, что отецъ постоянно говорилъ ей о томъ, что онъ виновенъ передъ нею. Разговоры вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ начатаго процесса о разводѣ. Сознаніе, что она—центръ настоящаго процесса, преисполняло ее чувствомъ гордости.

— Отецъ!—говорила она,—въ такого рода бесѣдахъ она никогда не называла консула „папой“.—Отецъ, какъ подвигается наше дѣло? Я думаю, что вполнѣ можно разсчитывать на успѣхъ? Я точно изучила параграфъ, онъ совершенно ясенъ: „неспособность мужа содержать жену“... Если бы у насъ былъ сынъ, онъ остался бы у Грюнлиха.

— Я много думала о годахъ моего супружества, отецъ,—сказала она ему въ другой разъ.—Такъ вотъ почему онъ не хотѣлъ, чтобы мы жили въ городѣ и чтобы я бывала въ обществѣ: онъ боялся, что я какъ-нибудь узнаю, каково его положеніе... Каковъ мошенникъ!

— Не слѣдуетъ судить ближнихъ, дитя мое,—отвѣтилъ консулъ.

Когда разводъ состоялся, Тони не безъ гордости вписала въ фамильную хронику, подъ тѣми строками, которыя написала четыре года тому назадъ, слѣдующія слова: „Этотъ бракъ былъ законно уничтоженъ въ февралѣ 1850-го года“.

Она говорила отцу, что, конечно, считаетъ все это происшествіе пятномъ въ исторіи ихъ семьи, но утѣшала его тѣмъ, что загладитъ это пятно, что она еще молода и, кажется, недурна, и, конечно, не совершитъ вторично глупости.

— Я выйду во второй разъ замужъ, вотъ увидишь,—и заглажу прошлое вторымъ выгоднымъ бракомъ.

Тони часто стала употреблять теперь выраженіе: „да, такова жизнь", произнося слово „жизнь" съ важностью, указывающею на глубину ея жизненнаго опыта. Кромѣ отца, она „говорила по душѣ" также съ Томомъ, который вернулся осенью домой. Онъ очень поправился и похорошѣлъ за время своего отсутствія. Онъ изящно одѣвался, вставлялъ французскія слова въ рѣчь и удивлялъ всѣхъ своимъ пристрастіемъ къ моднымъ писателямъ-сатирикамъ. Отецъ имъ очень гордился и радовался его вторичному вступленію въ дѣло.

Оборотный капиталъ фирмы увеличился въ это время на сто тысячъ талеровъ, полученныхъ послѣ смерти старой madame Крёгеръ, и это благопріятно повліяло на дѣла. Наслѣдникъ Крёгеровъ, консулъ Юстъ Крёгеръ, сильно растрачивалъ свое состояніе, чему способствовало и легкомысліе его сыновей; одинъ изъ нихъ, Яковъ, попался въ какомъ-то сомнительномъ дѣлѣ и уѣхалъ въ Америку, а другой, Юргенъ, изучалъ юриспруденцію въ Вѣнѣ, но выказывалъ очень слабыя умственныя способности.

Огорчаясь паденіемъ семьи Крёгеровъ, консулъ только тѣмъ болѣе возлагалъ надежды на своихъ собственныхъ дѣтей. Томомъ онъ былъ вполнѣ доволенъ; что же касается Христіана, то, судя по письмамъ мистера Ричардсона, онъ отлично усвоилъ себѣ англійскій языкъ, но слишкомъ увлекался театромъ. Потомъ онъ вдругъ обнаружилъ страсть къ путешествіямъ, захотѣлъ побывать въ южной Америкѣ, и послѣ долгаго сопротивленія консулъ далъ ему на это разрѣшеніе. Лѣтомъ 1851 года онъ отправился въ Вальпарайзо, получивъ тамъ мѣсто въ какомъ-то торговомъ домѣ.

Консулъ былъ также вполнѣ доволенъ своею дочерью Тони, которая держалась съ большимъ достоинствомъ; хотя послѣ развода на долю ея выпадало много уколовъ самолюбія со стороны разныхъ знакомыхъ и родственниковъ, но она помнила, что она—урожденная Будденброкъ, и сообразовала съ этимъ свои дѣйствія и слова. Ее въ особенности возмущало высокомѣріе Юлиньки Меллендорпъ, урожденной Гагенстремъ, которая теперь, при встрѣчахъ на улицѣ, ждала, чтобы Тони ей поклонилась первая... Тони, конечно, проходила мимо нея, не кланяясь. Она тѣмъ болѣе ненавидѣла „выскочекъ" Гагенстремовъ, что ихъ дѣла шли рѣшительно въ гору. Старикъ Гагенстремъ умеръ, а его сынъ,—тотъ, которому Тони въ дѣтствѣ дала пощечину,—продолжалъ вмѣстѣ со своимъ компаньономъ Стрункомъ блестящее экспортное дѣло и очень богато женился.

Тони приходилось сильно отстаивать себя и въ отношеніяхъ съ родственниками, въ особенности съ семьей дяди Готгольда, который завидовалъ богатству консула и внутренно злорадствовалъ, когда произошла исторія съ Грюнлихомъ... Его дочери, перешедшія всѣ три въ разрядъ старыхъ дѣвъ, выказали большой интересъ къ несчастію ихъ кузины; на семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ, происходившихъ послѣ смерти madame Крёгеръ въ домѣ консула, Тони приходилось выслушивать много ядовитыхъ намековъ, на которые она, однако, всегда находила удачные отвѣты. Кузины ее очень жалѣли, находя, что уже гораздо лучше совсѣмъ не выходить замужъ, чѣмъ разводиться, но Тони съ большимъ достоинствомъ заявляла, что онѣ весьма заблуждаются:

— Я, по крайней мѣрѣ, теперь знаю жизнь, — говорила она,—и перестала быть наивной дурочкой. И къ тому же, у меня гораздо больше шансовъ вторично вступить въ бракъ, чѣмъ коекому выйти замужъ въ первый разъ...

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ въ семьѣ и въ городѣ почти уже забыли объ исторіи съ Грюнлихомъ, и сама Тони вспоминала о своемъ бракѣ только изрѣдка, подмѣчая въ лицѣ маленькой Эрики сходство съ Грюнлихомъ. Она стала снова носить свѣтлыя платья, завивать волосы и бывать въ обществѣ. Такъ какъ здоровье консула въ послѣднее время сильно пошатнулось, то вся семья каждое лѣто уѣзжала на воды въ Эмсъ, Баденъ-Баденъ или Киссингенъ. Тони очень любила эти поѣздки, соединяемыя обыкновенно съ краткими пріятными пребываніями въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Хотя Тони приходилось на водахъ подвергаться строгому режиму, вслѣдствіе появившейся у нея нервной желудочной болѣзни, все-же она очень радовалась лѣтнимъ путешествіямъ, такъ какъ дома она нѣсколько скучала.

— Ахъ, Боже мой, отецъ! — говорила она: — знаешь ли, какъ это въ жизни бываетъ... Конечно, я теперь узнала жизнь, но поэтому-то мнѣ такъ тяжело сидѣть дома, точно я еще совсѣмъ дурочка. Мнѣ, конечно, очень пріятно жить у тебя, папа... но, знаешь ли, какъ это въ жизни бываетъ...

Больше всего она страдала отъ воцарявшейся въ домѣ все большей и большей набожности. Консулъ всегда отличался благочестіемъ, а годы и разстроенное здоровье еще болѣе увеличили въ немъ эту черту, и жена его, приближаясь къ старости, тоже заразилась его набожностью. Утромъ и вечеромъ вся семья собиралась въ столовой, куда призывали и прислугу, и хозяинъ

читалъ вслухъ какую-нибудь главу изъ Библіи. Кромѣ того, въ домѣ постоянно гостили пасторы и миссіонеры, очень полюбившіе благочестивый домъ Будденброковъ, гдѣ, къ тому же, такъ хорошо и обильно кормили.

Томъ былъ слишкомъ сдержанъ и разсудителенъ, чтобы позволить себѣ хотя бы улыбнуться въ разговорѣ съ почтенными пасторами, столь часто гостившими въ домѣ его родителей; но Тони всячески потѣшалась надъ ними и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы конфузить ихъ; усердно угощая ихъ, въ качествѣ любезной хозяйки, она давала понять, что не чувствуетъ особеннаго уваженія къ чревоугодію почтенныхъ пастырей.

VI.

Однажды, въ воскресенье, лѣтомъ 1856 года, вся семья Будденброковъ собралась въ ландшафтной комнатѣ и ожидала консула для совмѣстной прогулки за городъ. Тони сидѣла на диванѣ, въ изящномъ шолковомъ платьѣ, рядомъ съ консульшей, сохранявшей еще гордую осанку въ старости и одѣтой съ обычной пышностью. Ея гладко причесанные волосы сохраняли свой неизмѣнный рыжій цвѣтъ, благодаря отличному парижскому эликсиру. Томъ сидѣлъ въ креслѣ и курилъ папиросу. Клара и Тильда стояли у окна. Бѣдная Клотильда, безъ всякой пользы для себя, уничтожала ежедневно громадное количество ѣды; она съ каждымъ днемъ худѣла и имѣла уродливый видъ въ своемъ черномъ платьицѣ. Было очень душно, и всѣ высказывали надежду, что надвигающіяся тучи принесутъ дождь, который освѣжитъ воздухъ и сдѣлаетъ прогулку болѣе пріятною.

Въ эту минуту вошла въ комнату Ида Юнгманъ съ маленькой Эрикой. Дѣвочка имѣла очень смѣшной видъ въ своему туго накрахмаленномъ ситцевомъ платьицѣ. У нея былъ такой же розовый цвѣтъ лица и такіе же голубые глаза, какъ у Грюнлиха, но задорную верхнюю губу она унаслѣдовала отъ матери. Добрая, честная Ида была уже совсѣмъ сѣдая, хотя ей недавно только минуло сорокъ лѣтъ,—но въ ея семьѣ рано сѣдѣли. Она уже прожила двадцать лѣтъ въ семьѣ Будденброковъ, завѣдывала кухней, кладовой, бѣльемъ и посудой, дѣлала важнѣйшія покупки, няньчилась съ маленькой Эрикой, и всѣ дамы въ городѣ завидовали консульшѣ, что у нея такая преданная особа въ домѣ. Ида Юнгманъ знала свои качества, и была преисполнена сознаніемъ своего достоинства. Если къ ней подсаживалась во время

прогулки съ Эрикой на скамейку какая-нибудь обыкновенная служанка, она сейчасъ же говорила:—Эрика, тутъ дуетъ!—и уходила съ ребенкомъ.

Тони взяла свою маленькую дочь, поцѣловала ее и усадила рядомъ съ бабушкой. Консулъ все не приходилъ; онъ одѣвался у себя въ спальнѣ. Но о прогулкѣ уже не могло быть и рѣчи. Небо обложилось тучами и полился проливной дождь.

Вдругъ въ комнату вбѣжала горничная Лина съ такимъ шумомъ, что Ида сурово ее окликнула:

— Что̀ это съ тобой?

Лина задыхалась, глядя на всѣхъ широко раскрытыми глазами, и не могла говорить отъ волненія.

— Ахъ, барыня, ахъ, идите скорѣй!.. Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась!

— Ну вотъ!—сказала Тони:—навѣрное что-нибудь напроказила... разбила что-нибудь изъ дорогой посуды. Знаешь, мама, твоя прислуга...

Но дѣвушка не дала ей докончить.

— Ахъ, нѣтъ, ma'ame Грюнлихъ... Не то... Я зашла къ барину принести сапоги, а онъ сидитъ на креслѣ и ничего не можетъ сказать... Кажется, съ нимъ худо!..

— За Грабовомъ скорѣй!—крикнулъ Томъ, и всѣ побѣжали въ спальню.

Но Іоганнъ Будденброкъ былъ уже мертвъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Со смертью консула Іоганна Будденброка главою фирмы сдѣлался Томъ и, несмотря на свою молодость, съумѣлъ сразу зарекомендовать себя очень предпріимчивымъ и умѣлымъ дѣльцомъ. Дѣла консула оказались, по вскрытіи завѣщанія, въ лучшемъ состояніи, чѣмъ можно было ожидать послѣ крупныхъ потерь послѣдняго времени. Оборотнаго капитала у фирмы осталось семьсотъ тысячъ марокъ,—меньше, чѣмъ при смерти отца консула, но все-же достаточно по тогдашнему времени для того, чтобы сохранять престижъ крупнаго торговаго дома. Дѣла продолжали идти заведеннымъ порядкомъ, но все-таки чувствовался болѣе предпріимчивый духъ молодого принципала, причемъ, однако, осторожность бывшаго бухгалтера, господина Маркуса, ставшаго теперь ком-

паньономъ Тома, не допускала никакихъ опрометчивыхъ шаговъ. Всѣ находили, что Томъ и Маркусъ отлично дополняютъ другъ друга, и на биржѣ относились съ полнымъ довѣріемъ къ новому представителю старинной фирмы.

Очень скоро послѣ смерти консула вернулся домой Христіанъ послѣ восьмилѣтняго отсутствія. Онъ былъ по прежнему очень некрасивъ и поражалъ своей крайней худобой. На его сухомъ и впаломъ лицѣ рѣзко выступали торчащія скулы и острый носъ съ горбинкой, волосы были очень жидкіе, шея длинная и худая. Онъ одѣвался въ толстые англійскіе костюмы, и вообще пріобрѣлъ видъ англичанина. Тотчасъ же по пріѣздѣ его, Тони отправилась съ нимъ на могилу отца, и тамъ онъ велъ себя нѣсколько странно, полу-сконфуженно, полу-насмѣшливо. Его видимо стѣсняла экспансивная печаль сестры. И онъ, и Томъ, боялись всякаго открытаго проявленія чувствъ, въ противоположность ихъ отцу, склонному къ сентиментальности и сентенціозности. Томъ даже видимо страдалъ при видѣ рыдающей на глазахъ у всѣхъ Тони, и не могъ слушать безъ тягостнаго чувства, какъ она за обѣдомъ, въ промежуткахъ между ѣдой, принималась сквозь слезы выхваливать высокія качества ихъ отца. Самъ онъ держалъ себя крайне сдержанно, и на похоронахъ отца, и когда заводился разговоръ о немъ въ семейномъ кругу; но часто, когда никто даже не упоминалъ о немъ, глаза его наполнялись слезами отъ скрытой печали. Христіанъ еще менѣе терпѣливо относился къ изліяніямъ сестры и даже иногда обрывалъ ее, просилъ перестать говорить. Самъ онъ не пролилъ ни одной слезы объ отцѣ, но страннымъ образомъ, несмотря на свою нелюбовь къ сентиментальнымъ изліяніямъ, вѣчно разспрашивалъ сестру, какъ только оставался съ нею наединѣ, о подробностяхъ смерти консула.

— Какой же у него былъ видъ? — спрашивалъ онъ, Богъ вѣсть въ который разъ. — Что̀ крикнула дѣвушка, вбѣжавъ къ вамъ? Неужели онъ былъ совсѣмъ желтый? Неужели онъ ничего больше не могъ проговорить, а только кричалъ: уа... уа?—Онъ замолчалъ и задумчиво поглядѣлъ въ даль.—Ужасно!—произнесъ онъ и, весь задрожавъ, поднялся съ мѣста и сталъ ходить по комнатѣ.

— А скажи, пожалуйста,—неожиданно сказалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ:—знаешь ли ты это чувство?.. его трудно описать... когда проглотишь что-нибудь очень твердое и потомъ вся спина начинаетъ болѣть?

— Это очень часто бываетъ,—просто отвѣтила Тоня.—Нужно выпить глотокъ воды.

— Вотъ какъ? — возразилъ онъ разочарованно. — Нѣтъ, я думаю, что мы говоримъ о разныхъ ощущеніяхъ.

При этомъ, однако, онъ первый старался разсѣять траурное настроеніе въ домѣ, вѣчно разсказывалъ о лондонскихъ театрахъ, о своихъ знакомствахъ съ актерами и актрисами, о какой-то миссъ Ватерклусъ, объ очень занятной, по его словамъ, модной шансонеткѣ „That's Maria", такъ что мать останавливала его неприличные при данныхъ обстоятельствахъ разсказы. На неудовольствіе матери онъ обыкновенно не обращалъ вниманія, но иногда самъ внезапно обрывалъ разговоръ, увѣряя всѣхъ, что онъ часто не въ состояніи глотать только потому, что ему представляется, что онъ не можетъ этого сдѣлать.—Кусокъ уже сидитъ вотъ здѣсь... а мускулы отказываются пропустить его дальше... я даже тогда не рѣшаюсь захотѣть проглотить!

— Что̀ за глупости, Христіанъ! — прерывала его Тони.— Какъ это ты не смѣешь захотѣть проглотить... Что̀ ты насъ морочишь?

Томъ молчалъ, а консульша говорила сыну, что все это нервныя явленія, что ему повредилъ климатъ тропическихъ странъ.

Послѣ обѣда Христіанъ часто садился за маленькую фисъгармонію, стоявшую въ передней, и начиналъ подражать виртуозу-пьянисту, не дотрогиваясь при этомъ до клавишей, такъ какъ онъ былъ такъ же немузыкаленъ, какъ и всѣ Будденброки. Подражаніе было настолько мастерскимъ, что даже строгая Клара не могла удержаться отъ смѣха.

— Какой Христіанъ странный!—сказала разъ madame Грюнлихъ, оставшись наединѣ съ Томомъ.—Онъ всегда вдается въ самыя мелкія детали... говоритъ о непонятныхъ ощущеніяхъ.

— Я понимаю, что̀ ты хочешь сказать,—отвѣтилъ Томъ.— Христіанъ слишкомъ несдержанъ, ему недостаетъ внутренняго равновѣсія. Съ одной стороны, онъ не выноситъ безтактности другихъ людей, а съ другой стороны, самъ слишкомъ откровенно говоритъ о своихъ ощущеніяхъ, все выбалтываетъ, какъ человѣкъ въ бреду. Онъ слишкомъ занятъ собой, слишкомъ вдумывается въ то, на что разумный человѣкъ не долженъ обращать вниманія. Въ этомъ есть какое-то безстыдство. Такое внимательное отношеніе къ себѣ допустимо въ людяхъ выдающихся, въ поэтахъ и художникахъ, которые могутъ красиво выражать свои чувства. Но мы—простые купцы, и намъ нѣтъ основанія задумываться о томъ, что мы иногда не смѣемъ хотѣть глотать. Слишкомъ это

для насъ исключительныя чувства;—лучше дѣлать съ толкомъ то, что̀ дѣлали наши предки.

Томъ предложилъ Христіану вступить въ дѣло и занять мѣсто прокуриста, — конечно, номинально, такъ какъ коммерческимъ знаніямъ Христіана онъ не особенно довѣрялъ; во всякомъ случаѣ онъ могъ вести англійскую корреспонденцію. Томъ просилъ только брата не злоупотреблять своимъ привилегированнымъ положеніемъ, а аккуратно проводить въ конторѣ рабочіе часы, чтобы не подавать дурного примѣра служащимъ.

Христіанъ принялъ предложеніе, и первое время очень аккуратно исполнялъ свои обязанности. Ему нравились занятія въ конторѣ; онъ даже поздоровѣлъ и сталъ ѣсть съ лучшимъ аппетитомъ. Онъ являлся въ контору одновременно съ Томомъ, садился у своей конторки, противъ брата и Маркуса, прочитывалъ „Городскія Извѣстія“, докуривая свою утреннюю трубку, выпивалъ рюмку коньяку изъ стоявшей у него въ ящикѣ бутылки и принимался за работу. Англійскія письма онъ писалъ очень толково и красиво.

Въ домашнемъ кругу онъ по обыкновенію подробно описывалъ настроенія, вызываемыя работой.

— Пріятно быть купцомъ,—говорилъ онъ.—Это солидная, скромная, пріятная профессія. И чудесно быть къ тому же участникомъ фирмы... Я себя чувствую лучше, чѣмъ когда-либо... Приходишь утромъ въ контору со свѣжей головой, почитаешь газету, покуришь, подумаешь о томъ, о семъ, выпьешь коньяку и поработаешь немного. Потомъ обѣдъ, отдыхъ въ семейномъ кругу, и опять за работу... Пишешь на опрятной гладкой бумагѣ, хорошимъ перомъ... линейка, разрѣзной ножъ, штемпель, все это перваго сорта, аккуратно. Все исполняется по порядку, потомъ складывается на завтра. И вечеромъ, за ужиномъ, чувствуешь полное довольство... каждый членъ тѣла доволенъ... руки довольны...

— Боже мой, Христіанъ!—воскликнула Тони.—Ты, право, комиченъ. Руки довольны! Ну что̀ это за глупости!

— Какъ, ты развѣ не знаешь этого чувства?..—Онъ сталъ объяснять свое ощущеніе.—Знаешь, вотъ сжимаешь этотъ кулакъ... онъ не особенно силенъ, потому что человѣкъ усталъ отъ работы, но рука не влажная, не причиняетъ досады... Является такое пріятное чувство удовлетворенія... не скучно даже, если сидишь потомъ безъ дѣла.

Никто ничего не отвѣтилъ; только Томъ замѣтилъ равнодушнымъ тономъ, скрывая своё возмущеніе:

— Мнѣ кажется, что не для того человѣкъ работаетъ, чтобы...—Но онъ не закончилъ фразы и прибавилъ только:—у меня, по крайней мѣрѣ, другія цѣли.

Но Христіанъ не слышалъ его словъ, занятый какими-то воспоминаніями, и принялся разсказывать страшную исторію объ убійствѣ въ Вальпарайзо. Подобные его разсказы занимали всѣхъ, даже Эрику и Иду Юнгманъ,—только Томъ слушалъ ихъ съ явнымъ неудовольствіемъ и иронической улыбкой. Но Христіанъ не обращалъ на это вниманія, увлеченный самъ своими воспоминаніями.

Если вообще отношенія между двумя братьями стали постепенно портиться, то нападающей стороной былъ во всякомъ случаѣ не Христіанъ. Онъ спокойно признавалъ, что старшій братъ безконечно серьезнѣе, почтеннѣе и дѣловитѣе его. Но именно это полное и равнодушное признаніе его превосходства раздражало Тома, потому что Христіанъ при всякомъ удобномъ случаѣ простодушно показывалъ, что онъ не придаетъ никакого значенія дѣловитости, почтенности и серьезности.

Онъ повидимому совершенно не замѣчалъ даже недовольства брата... вполнѣ основательнаго, потому что послѣ первой недѣли усердныхъ занятій Христіанъ сталъ все болѣе халатно относиться къ работѣ. Онъ приходилъ позже, гораздо дольше предавался подготовленію къ работѣ, т.-е. куренію папиросъ и питью коньяка, а обѣдать уходилъ въ клубъ и часто не возвращался уже въ контору.

Въ клубѣ, гдѣ собирались по преимуществу холостые люди, очень любили Христіана, съ упоеніемъ слушали его разсказы о разныхъ приключеніяхъ и любовныхъ исторіяхъ, и восторгались его подражательнымъ талантомъ, его анекдотами, которые онъ разсказывалъ съ невозмутимо-серьезнымъ лицомъ, усиливая этимъ комическій эффектъ.

II.

Къ великому удовольствію и гордости Тони, къ Тому перешло званіе нидерландскаго консула, которымъ пользовался его отецъ, такъ что надъ дверью дома на Mengstrasse снова сталъ красоваться щитъ съ изображеніемъ льва и съ надписью: „Dominus providebit“. Устроивъ это дѣло, молодой консулъ отправился лѣтомъ по дѣламъ въ Амстердамъ, не опредѣливъ, сколько времени продлится его путешествіе.

Тони очень страдала оттого, что и послѣ смерти отца ея—

мать продолжала поддерживать піэтистическую атмосферу въ домѣ. Утромъ и вечеромъ по прежнему всѣ члены семьи и прислуга собирались въ столовой, и консульша или Клара читали вслухъ какую-нибудь главу изъ Библіи, или какую-нибудь проповѣдь изъ имѣющихся въ домѣ многочисленныхъ сборниковъ пасторскихъ рѣчей. Не довольствуясь этимъ, консульша учредила еще у себя воскресную школу: по воскресеньямъ она собирала у себя множество бѣдныхъ дѣвочекъ, по преимуществу ученицъ народной школы. Онѣ являлись въ чистенькихъ парадныхъ платьицахъ, съ гладко причесанными свѣтлыми косами; консульша выходила къ нимъ очень важная и внушительная, въ своемъ тяжеломъ черномъ атласномъ платьѣ, въ бѣлоснѣжной кружевной наколкѣ, и говорила имъ о христіанскомъ долгѣ и о добродѣтели. Кромѣ того, она основала „Іерусалимскіе вечера", въ которыхъ принимали участіе Клара и Клотильда, а также и Тони—послѣдняя съ большой неохотой. Разъ въ недѣлю за вытянутымъ во всю длину столомъ въ столовой, при свѣтѣ лампъ и свѣчей, усаживались около двадцати дамъ въ томъ возрастѣ, когда пора позаботиться о мѣстечкѣ въ царствѣ небесномъ, пили чай, ѣли бутерброды и пирожное, и слушая чтеніе разныхъ благочестивыхъ трактатовъ, изготовляли рукодѣлія, которыя потомъ продавались на благотворительномъ базарѣ, и выручка посылалась миссіонерскимъ обществамъ въ Іерусалимѣ. Тони страшно тяготилась этими скучными собраніями, и злилась на пасторовъ и миссіонеровъ, наводнявшихъ ихъ домъ еще больше, чѣмъ при жизни отца. Они, по ея мнѣнію, стали хозяевами въ домѣ и обирали мать. Этотъ пунктъ касался въ сущности Тома, но онъ не протестовалъ, и только Тони все ворчала о людяхъ, которые поѣдаютъ вдовьи дома и слишкомъ усердно молятся.

Она глубоко ненавидѣла всѣхъ этихъ господъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, и въ качествѣ опытной женщины, которая уже не дурочка и знаетъ жизнь, не считала себя обязанной вѣрить въ ихъ безусловную святость.—Боже мой, мама!—говорила она,—не слѣдуетъ, конечно, говорить худое о ближнихъ... но одно я должна тебѣ сказать, и было бы странно, если бы жизнь не убѣдила тебя въ этомъ,—а именно, что не всѣ носящіе длинный сюртукъ и говорящіе: „Господи, помилуй",—вполнѣ безупречны.

Тони, дѣйствительно, приходилось много страдать отъ господъ пасторовъ и миссіонеровъ. Однажды, напримѣръ, одинъ миссіонеръ, по имени Іонаѳанъ, человѣкъ, побывавшій въ Сиріи и Аравіи, съ большими строгими глазами, скорбно отвисавшими щеками, подошелъ къ ней и спросилъ ее, совмѣстимы ли съ хри-

стіанскимъ смиреніемъ завитушки, которыя она носитъ на лбу?.. Но онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Тони дала ему почувствовать всю силу своего сарказма.—Вы бы лучше заботились о своихъ собственныхъ локонахъ, господинъ пасторъ,—гордо отвѣтила она и величественно вышла изъ комнаты. А у бѣднаго Іонаѳана былъ почти совсѣмъ голый черепъ.

Но еще большее торжество выпало на ея долю. Пасторъ Тричке, слезливый Тричке, какъ его звали, потому что онъ всегда плакалъ по воскресеньямъ среди проповѣди,—слезливый Тричке съ блѣднымъ лицомъ и красными глазами, который въ теченіе десяти дней на перегонку съ бѣдной Клотильдой ѣлъ и читалъ молитвы, читалъ молитвы и ѣлъ, вдругъ влюбился въ Тони,—вовсе не въ ея безсмертную душу, а въ ея прекрасные глаза, задорную верхнюю губку и свѣтлые волосы. И этотъ божій человѣкъ, имѣвшій въ Берлинѣ жену и много дѣтей, осмѣлился послать черезъ лакея Антона въ комнату Тони письмо, состоявшее изъ библейскихъ цитатъ и нѣжныхъ признаній... Тони увидѣла письмо на столѣ, когда пошла вечеромъ спать; она его прочла, отправилась рѣшительными шагами въ спальню матери и прочла ей посланіе благочестиваго пастыря душъ. Послѣ этого слезливый Тричке уже не появлялся въ домѣ на Mengstrasse.

— Таковы они всѣ!—сказала madame Грюнлихъ.—Боже, какой я была прежде дурочкой, мама! Но жизнь научила меня не довѣрять людямъ. Всѣ мошенники... это къ несчастію правда. Грюнлихъ!..—Это имя прозвучало какъ трубный звукъ.

III.

Еще до истеченія года послѣ смерти Іоганна Будденброка произошли два радостныхъ событія въ домѣ на Mengstrasse. Клара стала невѣстой симпатичнаго пастора Тибурція изъ Риги, и вся семья одобряла этотъ выборъ. Клара, которой въ то время исполнилось девятнадцать лѣтъ, была очень строгой, благочестивой дѣвушкой,—ей какъ разъ подходило быть женой пастора. Она была красива, но здоровье у нея было слабое; она постоянно страдала головными болями, и потому жизнь въ деревнѣ, которая ей предстояла въ замужествѣ—Тибурцій былъ сельскимъ пасторомъ,—была для нея очень желательна.

Но еще большимъ событіемъ было обрученіе Тома съ Гердой Арнольдсенъ, подругой Тони по пансіону Зеземи Вейхбродтъ. Томъ встрѣтился съ нею въ Амстердамѣ, въ домѣ своего быв-

шаго принципала, и, по его словамъ, сразу влюбился въ Герду, которая ему нравилась еще дѣвочкой, а теперь стала еще болѣе прекрасной и блестящей. Онъ познакомился съ ея отцомъ, выдающимся скрипачомъ, восторгался его дуэтами съ Гердой, которая играла на настоящемъ страдиваріусѣ, и черезъ нѣсколько времени оффиціально попросилъ руки Герды у ея отца. Старикъ Арнольдсенъ сказалъ, что вполнѣ готовъ отдать за него свою дочь, какъ ему ни трудно съ нею разстаться, но не увѣренъ въ согласіи Герды, такъ какъ она твердо рѣшила не выходить замужъ. Онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что Герда уже дала свое согласіе Тому, и на слѣдующій день состоялось обрученіе. Сообщая матери о состоявшейся помолвкѣ, Томъ прибавилъ въ концѣ письма, что онъ дѣлаетъ къ тому же выгодную партію, такъ какъ старикъ Арнольдсенъ милліонеръ, и чистосердечно сознался, что это обстоятельство тоже повліяло на его выборъ.

Когда Герда съ отцомъ пріѣхали, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ помолвки, въ гости къ матери Тома, весь городъ былъ пораженъ чарующей и нѣсколько странной красотой дѣвушки съ блѣднымъ и гордымъ лицомъ и тяжелыми темно-рыжими волосами. „Въ ней есть что-то особенное",—говорили восхищенные suitiers въ клубѣ.—„Этотъ консулъ Будденброкъ имѣетъ оригинальный вкусъ... немножко слишкомъ даже претенціозный: вѣдь вотъ какую невѣсту себѣ выискалъ..."—говорили другіе.—„Онъ совсѣмъ не похожъ на своихъ предковъ,—нѣтъ въ немъ простоты". Всѣ знали, что Томъ заказываетъ свое платье въ Гамбургѣ, и всегда самое лучшее и въ большихъ размѣрахъ; что онъ любитъ тонкое бѣлье и духи, и вообще чувствуетъ пристрастіе ко всему аристократическому и изысканному. Выборъ такой невѣсты, какъ Герда, въ которой было „что-то особенное", соотвѣтствовалъ этимъ изысканнымъ вкусамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ традиціями семьи. Нѣкоторые осторожные люди качали при этомъ головой, но въ общемъ нельзя было не одобрить женитьбы на дѣвушкѣ изъ очень почтенной семьи и съ приданымъ въ триста тысячъ марокъ.

Тони была упоена женитьбой брата на ея подругѣ, передъ которой она преклонялась еще дѣвочкой. Она находила ея игру на скрипкѣ божественной, а цифра ея приданаго преисполняла ее гордостью. Этотъ бракъ,—говорила она брату,—загладитъ позоръ ея собственнаго несчастнаго брака съ человѣкомъ, имя котораго ей непріятно произносить. Консульша была тоже очень довольна невѣстой своего сына, которая отнеслась къ ней съ холодной почтительностью. Одинъ только Христіанъ мало инте-

ресовался помолвкой брата. Онъ занятъ былъ мучившей его новой болѣзнью—неопредѣленной болью въ лѣвой ногѣ.—Понимаешь ли,—говорялъ онъ брату,—это не боль, а постоянная нестерпимая мука въ ногѣ... потомъ въ боку, около сердца... Не правда ли, это очень странно?—По совѣту доктора, онъ отправился къ морю, въ Травемюнде, и проводилъ все время въ кургаузѣ, за игрой въ рулетку, или же разсказывалъ анекдоты гамбургскимъ suitiers. Къ нему пріѣхали въ гости Томъ и Тони, и посѣтили при этомъ случаѣ стариковъ Шварцкопфовъ. Тони узнала, что Мортенъ живетъ въ Бреславлѣ, что онъ—врачъ съ отличной практикой. Потомъ жена лоцмана угостила ихъ кофеемъ на верандѣ. Все было какъ десять лѣтъ тому назадъ,—только Мортенъ отсутствовалъ, а родители его очень состарились, и madame Грюнлихъ не была больше дѣвочкой, а опытной женщиной, знающей жизнь; это ей не помѣшало ѣсть на этотъ разъ много меда въ сотахъ, потому что это—„чистый продуктъ природы, и знаешь по крайней мѣрѣ, что̀ глотаешь".

Послѣ Рождества состоялись обѣ свадьбы; Тибурцій съ женой уѣхали въ Ригу, а Томъ съ Гердой сдѣлали свадебное путешествіе въ Италію, на нѣсколько мѣсяцевъ, и, по возвращеніи, поселились въ среднемъ этажѣ на Mengstrasse. Тони все приготовила къ ихъ пріѣзду, убрала квартиру и ждала ихъ въ столовой съ чаемъ. Пока Герда переодѣвалась съ дороги, Тони излила свое сердце передъ братомъ, говоря ему, какъ ей скучно дома съ матерью, занятой своими благочестивыми обществами и пріемомъ пасторовъ и миссіонеровъ. Она объявила Тому о своемъ намѣреніи помѣстить Эрику въ пансіонъ къ Земеми Вейхбродтъ, а самой уѣхать гостить къ своей подругѣ, Евѣ Нидерпауръ, въ Мюнхенъ. Томъ одобрилъ ея планъ, и въ свою очередь сталъ говорить ей о себѣ. Онъ говорилъ, что радъ тому, что женился, потому что онъ по натурѣ не созданъ для холостой жизни, не любитъ кутить, и въ то же время не выноситъ одиночества. Хорошо, что ему такъ скоро удалось найти подходящую жену.

— Я знаю,—говорилъ онъ,—что не всѣ въ городѣ одобряютъ мой выборъ. Герда нѣсколько странная женщина, не такая, какъ ты, Тони. Ты проще и естественнѣе, чѣмъ она. Герда—самое странное существо на свѣтѣ... она какъ будто холодная, но ея страстная игра на скрипкѣ доказываетъ, что у нея есть сильныя чувства... Словомъ, ее нельзя мѣрить обычной мѣркой, она—артистка, странное, загадочное и очаровательное существо.

Въ то время, какъ Томъ говорилъ это, открылась дверь изъ корридора, и въ столовую вошла стройная, высокая женщина въ длинномъ, спускавшемся мягкими складками домашнемъ платьѣ. Блѣдное лицо было окаймлено тяжелыми темно-рыжими волосами, и въ углахъ карихъ глазъ лежали голубоватыя тѣни. Это была Герда, мать будущихъ Будденброковъ.

З. В.

СПЕКУЛЯТИВНАЯ САТУРНАЛІЯ

ВЪ

С.-А.-С. ШТАТАХЪ

Нью-іоркская газета „The United States Investor“, самое серьезное и положительное финансовое изданіе въ Америкѣ, помѣстила однажды сравненіе цѣнъ акцій цѣлыхъ сотенъ разныхъ желѣзнодорожныхъ, промышленныхъ и торговыхъ компаній на нью-іоркской биржѣ въ 1896 и 1902 годахъ,—сравненіе, изъ котораго мы приводимъ нижеслѣдующее небольшое извлеченіе, для того, чтобы выяснить его общій характеръ:

Компаніи:	1896 г.	1902 г.
Atchison, Topeka & Santa-Fe	$8^3/_8$	$83^1/_2$
Chesapeake & Ohio	11	48
Chicago & E. Illinois	$37^1/_2$	169
C. C. C. & St.-Louis	$19^1/_2$	106
Denver & Rio-Granda	10	46
Erie	$10^1/_4$	40
Iowa Central	$5^1/_2$	$50^1/_4$
Lake Erie & Western	$12^1/_2$	69
Mexican Central	6	$30^3/_4$
Minnesota & St.-Louis	12	113
Missouri Pacific	15	$103^3/_4$
P. C. C. & St.-Louis	11	89
Reading	$5^7/_8$	$66^7/_8$
Southern Pacific	$14^1/_4$	$69^1/_4$
Southern Railway	$6^1/_8$	$37^1/_4$
Texas & Pacific	5	$44^7/_8$
Union Pacific	3	$108^1/_2$
Colorado Fuel & Iron	$14^5/_8$	109
General Electric	$20^1/_2$	$331^1/_2$
North American	$8^1/_2$	130
Tennessee Coal & Iron	13	73

Каждая изъ этихъ компаній имѣетъ акціонерный капиталъ не ниже нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ долларовъ, и около половины — больше ста милліоновъ,—и представляютъ собою только крайне незначительную часть всего обращающагося на нью-іоркской биржѣ акціонернаго капитала страны;—мы приводимъ ихъ только какъ образчикъ общаго увеличенія акціонерныхъ бумажныхъ цѣнностей отъ четырехъ до тридцати-пяти разъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Подсчетъ этого увеличенія только для вышеприведенныхъ двадцати-двухъ компаній, принимая въ соображеніе ихъ акціонерную капитализацію, даетъ огромнѣйшую сумму, около $1^1/_2$ милліарда долларовъ; а такъ какъ на биржѣ котируются акціи слишкомъ тысячи однѣхъ желѣзнодорожныхъ компаній и многихъ тысячъ рудокопныхъ, промышленныхъ, страховыхъ, банковскихъ, пароходныхъ и т. д., поднявшихся въ той же пропорціи, — нѣкоторыя въ 60 и даже 80 разъ,— то читатель сообразитъ и самъ, что это общее увеличеніе должно суммироваться не милліардами, а цѣлыми ихъ десятками.

Само собой разумѣется, что дѣйствительное поднятіе цѣнности всѣхъ этихъ предпріятій, благодаря „хорошимъ временамъ", отнюдь не соотвѣтствуетъ этому „биржевому" увеличенію ихъ бумажной цѣнности; — нельзя, конечно, предположить, чтобы стоимость желѣзнодорожной системы увеличилась въ теченіе шести лѣтъ въ 10 разъ, какъ, напр., Atchison, Topeka & Santa-Fe, или въ 36 разъ, какъ, напр., Union Pacific, тѣмъ болѣе, что всему американскому желѣзнодорожному и финансовому міру отлично извѣстно, что желѣзныя дороги эти, помимо ихъ акціонернаго капитала, заложены не только въ полной ихъ дѣйствительной стоимости, но часто и гораздо выше ея;—200.000 англійскихъ миль протяженія американскихъ желѣздныхъ дорогъ представляютъ собою въ общемъ капитализацію въ 12 милліардовъ долларовъ, раздѣленную приблизительно поровну между облигаціями и акціями,—слѣдовательно, однѣ облигаціи, т.-е. закладныя, представляютъ собою $ 30.000⁰⁰ на милю,—конечно, значительно больше, чѣмъ дороги эти стоили въ дѣйствительности. Акціонерный ихъ капиталъ представляетъ собою въ громадномъ большинствѣ случаевъ только фиктивную, исключительно спекулятивную цѣнность,—изъ нихъ меньше одной трети выплачиваютъ какіе-либо дивиденды, и меньше одной десятой — регулярные. Atchison, Topeka & Santa-Fe, Union Pacific и Southern Pacific, напримѣръ, компаніи съ акціонерными капиталами въ слишкомъ сто милліоновъ долларовъ каждая, никогда, со времени своей постройки, не платили никакихъ дивидендовъ; двѣ первыя не разъ банкротились и проходили сквозь судебный процессъ реорганизаціи, за своей неспособностью выплачивать проценты по закладнымъ, а настоящая спекулятивная горячка догнала ихъ акціи до 83, 108 и

69, т.-е. создала бумажныя цѣнности, представляющія наличную стоимость въ 300 слишкомъ милліоновъ долларовъ, абсолютно ничего за собою не имѣющую въ реальномъ смыслѣ. Пока этимъ созданіемъ дутыхъ цѣнностей занимались „wall street", т.-е. преимущественно нью-іоркскіе финансовые авантюристы и отчасти денежные тузы, страна могла оставаться спокойной;—къ сожалѣнію, повышеніе это продолжалось и продолжается на этотъ разъ такъ долго и такъ упорно, что, за послѣднее время, волна спекулятивной маніи несомнѣнно захватила собою и провинцію, и въ каждомъ городѣ опять завелись начисто было-выметенныя паникой 1893 года такъ называемые „bucket shops", конторы, имѣющія прямое постоянное сообщеніе съ нью-іоркской биржей и дающія возможность всякому обывателю спекулировать чѣмъ угодно и сколько угодно. Дутыя бумажныя цѣнности переселяются, благодаря имъ, постепенно, небольшими партіями, медленно, но безъ перерыва, изъ рукъ чисто биржевыхъ, профессіональныхъ элементовъ, въ руки провинціальнаго населенія, и когда, по соображеніямъ сбывшихъ ихъ такимъ образомъ съ огромной выгодой денежныхъ дѣльцовъ Нью-Іорка, переселеніе это окажется достаточно значительнымъ,—начнется, конечно, хищническій набѣгъ на пониженіе и произойдетъ финансовый крахъ въ родѣ „черной пятницы" 1873 г. или банковской паники 1893 года. Американскій народъ, внѣ всякаго сомнѣнія, больше какой-либо другой національности, подверженъ увлеченіямъ спекулятивной горячки; одною изъ самыхъ распространенныхъ нашихъ пословицъ является та, которая гласитъ, что гораздо легче сдѣлать деньги, чѣмъ удержать ихъ въ своемъ распоряженіи. Конечно, спекуляція не ограничивается бумажными цѣнностями—она распространяется, какъ зараза, и на поземельный рынокъ, и на всѣ рѣшительно отрасли человѣческой дѣятельности, промышленныя и торговыя. За послѣдніе два-три года все шло въ гору, быстро, неудержимо—цѣны росли на землю, на постройки, на всяческіе продукты. Въ нашемъ городѣ городскія мѣста на дѣловыхъ улицахъ поднялись въ цѣнѣ на 500—600%—съ пятисотъ долларовъ за линейный футъ фронта до $ 3.000⁰⁰, даже больше; на резидентскихъ—на 50, на 100%; постройка и теперь стоитъ на 100% больше, чѣмъ два года тому назадъ, и въ матеріалѣ, и, особенно, въ работѣ. Цѣна на печеный хлѣбъ, на мясо, на масло, на одежду, бѣлье и почти всякій другой предметъ домашняго обихода поднялась отъ 10 до 100 и 200%; на работу—на 25—50%, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ—на 100% и даже больше. Мастеръ-штукатуръ получаетъ теперь въ нашемъ городѣ 8 долларовъ за 8 часовъ работы; его помощникъ-чернорабочій—4 доллара, да и при этихъ цѣнахъ нѣкоторые дома стоятъ по два и по три мѣсяца, дожидаясь, когда извѣстный классъ рабочихъ можетъ до нихъ до-

браться. Желѣзнодорожная, промышленная и вообще городская строительная горячка такъ сильна, что вывозъ мануфактуръ за границу уже около года быстро упадаетъ—не потому, чтобы спросъ на американскій товаръ этого рода прекратился, а потому, во-первыхъ, что внутреннія потребности такъ быстро возросли, что фабриканты не успѣваютъ удовлетворять во-время даже ихъ, а во-вторыхъ, цѣны на американскіе продукты, благодаря этому внутреннему требованію, поднялись соотвѣтственно и уже не могутъ конкуррировать съ тѣмъ же успѣхомъ на европейскомъ рынкѣ. Ввозъ изъ-за границы увеличивается съ каждымъ мѣсяцемъ, и на внутреннемъ нашемъ рынкѣ опять появились англійскіе рельсы, германскія стальныя издѣлія, французскіе шолкъ и objets de luxe, — издѣлія, совершенно было-вытѣсненныя съ него всего два—три года тому назадъ. Ввозъ этотъ въ 1902 году далеко превзошелъ ввозъ какого-либо предшествовавшаго ему года, и превысилъ милліардъ долларовъ. Небывалые въ исторіи міра торговые балансы въ нашу пользу за 1899, 1900 и 1901 года въ настоящій моментъ почти сошли на нѣтъ,—и хотя слишкомъ два милліарда долларовъ этихъ балансовъ остались въ нашихъ предѣлахъ, хотя запасы золота въ странѣ почти удвоились [1]), хотя денежное обращеніе увеличилось на 55% [2]), все-таки постоянно и упорно чувствуется недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, циркуляція кредитокъ національныхъ банковъ значительно увеличена, и государственное казначейство въ теченіе прошлаго года много разъ вынуждено было прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ, дабы помочь обострявшемуся денежному положенію. Въ какіе-нибудь два года безумнѣйшая спекуляція и предпринимательская и строительная горячка поглотили всѣ эти рессурсы, перевернули небывалое дотолѣ финансовое благосостояніе и денежное обиліе и опять поставили Союзъ на прямую дорогу къ неизбѣжному, вѣроятно, безпримѣрному до сихъ поръ по своей интенсивности денежному кризису и промышленному и торговому застою.

Въ то же время, общія политико-экономическія условія страны крайне существенно измѣнились сравнительно съ тѣми, какія преобладали во время послѣдняго нашего финансоваго краха 1893 года;—и капиталъ, и трудъ, организованы теперь несравненно лучше и компактнѣе, такъ сказать,—ихъ сила разграничена гораздо рѣзче, и будетъ ощущаться несравненно чувствительнѣе. Мы такъ часто и много писали на страницахъ „Вѣстника Европы“ объ американскихъ трё-

[1]) Съ $ 497.103.183⁰⁰ въ 1896 г. до $ 967.129.839⁰⁰ въ 1902 г.

[2]) Съ $ 1.506.434.966⁰⁰ въ 1896 г. до $ 2.336.111.992⁰⁰ въ 1902 г.; за то же время вклады въ банкахъ поднялись съ $ 4.888.000.000⁰⁰ до $ 8.535.000.000, а операціи clearing houses Союза—съ $ 51.935.651.733⁰⁰ до $ 114.190 226 021⁰⁰.

стахъ, что не можемъ сказать о нихъ чего-либо новаго,—кромѣ развѣ того, что они и въ настоящій моментъ по прежнему множатся и благоденствуютъ,—абсолютно ничего ни къ ихъ искорененію, ни къ ихъ обузданію не сдѣлано и до сихъ поръ. Европейская печать, въ особенности газетные и журнальные обозрѣватели изъ мѣстныхъ редакціонныхъ силъ, мало знакомые съ дѣйствительностью американскихъ дѣлъ и судящіе объ нихъ съ европейской точки зрѣнія на правительственную власть вообще, принявшіе въ серьёзъ многочисленныя и многоглаголивыя тирады президента Рузевельта противъ трёстовъ, придали имъ совершенно не принадлежащее и не могущее имъ принадлежать значеніе;—на самомъ дѣлѣ, онѣ такъ и остались, въ лучшемъ случаѣ, безусловно безвредной кому-либо болтовней; говоримъ—въ лучшемъ случаѣ потому, что сами считаемъ ихъ не чѣмъ инымъ, какъ трескучимъ избирательнымъ маневромъ въ виду прошлыхъ ноябрьскихъ выборовъ. Несмотря на несомнѣнную личную честность и прямолинейность характера Рузевельта, несмотря на его бурную энергію, обиліе добрыхъ намѣреній и достаточную эксцентричность для того, чтобы не стѣсняться какими-либо традиціями,—онъ, во-первыхъ, слишкомъ мелокъ и недостаточно способенъ для того, чтобы сдѣлаться серьезнымъ реформаторомъ въ чемъ-либо; во-вторыхъ, слишкомъ опутанъ партійными узами и окруженъ несравненно болѣе сильными, чѣмъ онъ самъ, людьми, дабы избрать какой-либо самостоятельный, опредѣленный путь, и, главное, удержаться на немъ. А въ дѣлѣ искорененія ли, урегулированія ли существеннымъ образомъ нашихъ трёстовъ, и у Рузевельта, и у всего американскаго народа открылся новый противникъ, чрезвычайно, какъ оказывается, могучій, и притомъ въ самой неожиданной сферѣ—въ сферѣ организованнаго труда. Что противникъ этотъ не только силенъ, но и очень ловокъ—ясно изъ того, что американскій народъ и не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что трудъ этотъ уже лѣтъ десять противодѣйствуетъ весьма успѣшно всякому эффективному федеральному законодательству противъ трёстовъ въ конгрессѣ Союза; это было случайно открыто и безусловно доказано конгрессіонной индустріальной коммиссіей, только-что закончившей и опубликовавшей свои обширные труды [1]). Оказывается, что организованный трудъ, посредствомъ своихъ центральныхъ исполнительныхъ чиновъ, постоянно поддерживаетъ въ Вашингтонѣ превосходно организованное представительство, своимъ вліяніемъ систематически и успѣшно противодѣйствующее всякому положительному законодатель-

---

[1]) Reports of the Industrial Commission, XIX volumes, Washington, 1902. Къ этой огромной и чрезвычайно замѣчательной во многихъ отношеніяхъ работѣ мы еще надѣемся вернуться въ будущемъ.

ству противъ трёстовъ, потому что такое законодательство несомнѣнно будетъ обращено капиталомъ и противъ рабочихъ союзовъ, вся дѣятельность которыхъ за послѣднее время быстро обращаетъ и ихъ въ такія монополистическія организаціи въ сферѣ труда, какими являются промышленные и торговые трёсты въ сферѣ капитала. Спрошенные подъ присягой, главные вожаки организованнаго труда въ Америкѣ, въ родѣ президента американской федераціи труда Гомперса и президентовъ нѣсколькихъ самыхъ большихъ ремесленныхъ союзовъ, должны были признать, что они и не сочувствуютъ какому-либо анти-трёстному законодательству, федеральному или штатнымъ, и на дѣлѣ противодѣйствовали его осуществленію систематически и непосредственно въ Вашингтонѣ и при выборахъ конгрессмэновъ. Извѣстно, что тѣ же вожаки, и во всѣхъ анти-трёстныхъ конвенціяхъ, и въ печати, и съ каѳедры, всегда осуждали трёсты и требовали ихъ искорененія,—на дѣлѣ же, тамъ именно, гдѣ такое искорененіе только и могло быть достигнуто,—противодѣйствовали ему всѣми силами, всѣмъ своимъ вліяніемъ, хотя и втихомолку, и настолько ловко, что такое противодѣйствіе до сихъ поръ оставалось тайнымъ. Объясненіе такого страннаго, на первый взглядъ прямо парадоксальнаго факта, заключается въ томъ, что такое законодательство не можетъ быть частичнымъ противъ монополіи капитала, а должно быть принципіальнымъ противъ монополіи вообще, какого бы то ни было рода, сорта или наименованія,—и современные ремесленные союзы совершенно справедливо опасаются, что оно можетъ быть съ успѣхомъ обращено и противъ ихъ собственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что за послѣднее десятилѣтіе организованный трудъ въ Америкѣ, къ сожалѣнію, усвоилъ нѣкоторые весьма сомнительные методы, и во многихъ случаяхъ несомнѣнно стремится къ монополизаціи ремеслъ въ рукахъ своихъ членовъ, пытается возстановить нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ. Такъ, его главное принципіальное возраженіе противъ трёстовъ капитала, состоявшее въ томъ, что союзы открыты для всякаго желающаго, тогда какъ трёсты закрыты для всего остального міра, конечно утратило свое значеніе въ виду тѣхъ ограниченій, которыя установились одно за другимъ въ послѣднее время для пріема въ такіе союзы новыхъ членовъ. Доказано, что входная плата—initiation fee—для вступленія новаго члена, до послѣдняго десятилѣтія бывшая номинальной, и никогда не превосходившая одного или двухъ долларовъ, для покрытія сопряженныхъ съ такимъ вступленіемъ канцелярскихъ расходовъ союза, поднята теперь многими изъ нихъ до 25, другими—до 125, а нѣкоторыми—даже до 500 долларовъ; что нѣкоторые мѣстные союзы не признаютъ принадлежности отдѣльныхъ членовъ къ національнымъ организаціямъ ихъ ремеслъ

достаточною для безпрепятственнаго вступленія, а требуютъ, при ихъ переѣздѣ въ ихъ городъ, и баллотировки для принятія въ мѣстный союзъ, и внесенія опредѣленной имъ входной платы; что число членовъ нѣкоторыхъ союзовъ остается постояннымъ, несмотря на ростъ городовъ, и неизбѣжно заставляетъ предполагать стремленіе съ цѣлью ограничить число извѣстныхъ ремесленниковъ въ извѣстной мѣстности и, благодаря этому, поднять заработную ихъ плату. Мы умышленно привели выше настоящую заработную плату штукатуровъ въ нашемъ городѣ—ихъ союзъ поднялъ ее за послѣдніе два года съ $ 4^{50} въ день до $ 8^{00} именно благодаря тому, что возвысилъ входную плату до 125 долларовъ и держитъ свой составъ въ числѣ 125 членовъ, забаллотировывая всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи внести такую плату, и учредивъ, благодаря такому порядку, прямую монополію. Будь въ силѣ эффективный анти-трёстный законъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣятельность этого союза была бы объявлена монополіей и воспрещена. Если трёсты капитала стремятся къ монополіи и достигаютъ ея, то и организованный трудъ вступилъ на тотъ же путь—и оба, и капиталъ, и трудъ, противодѣйствуютъ одинаково всякому положительному законодательству, имѣющему въ виду искорененіе или обузданіе монополіи. При такомъ положеніи дѣлъ, они едва ли, конечно, достижимы,—и мы лично относимся больше чѣмъ скептически какъ къ походу Рузевельта противъ трёстовъ, такъ и къ войнѣ противъ нихъ органовъ и вожаковъ организованнаго труда.

И ходъ политической кампаніи прошлаго 1902 года [1]), и ея результаты были, больше чѣмъ когда-либо прежде, прямыми послѣдствіями этого новаго экономическаго положенія. Вся кампанія отличалась особенной апатіей—обѣ главныя политическія партіи, и республиканская, и демократическая, дѣйствовали крайне вяло;—вожаки обѣихъ относились индифферентно къ контролю палаты представителей, такъ какъ не желали брать на себя отвѣтственности за отлично сознаваемую ими невозможность достиженія какого-либо новаго законо-

---

[1]) Какъ мало извѣстны русской журналистикѣ даже основные факты здѣшняго государственнаго устройства и здѣшней исторіи, ясно изъ иностраннаго обозрѣнія ноябрьской книжки „Русскаго Богатства“ (1902 г.). Г. Южаковъ, описывая ноябрьскіе выборы, говоритъ, что произошли „частичные“ выборы въ палату представителей. Въ дѣйствительности же эта палата—House of Representatives—выбирается цѣликомъ каждый разъ, въ каждый четный годъ, что̀, конечно, произошло и теперь. Срокъ ея службы—всего два года, и въ четыре года голосуетъ весь Союзъ. Затѣмъ, онъ говоритъ, что демократическая партія послѣ войны ни разу не обладала полнымъ контролемъ федеральной власти. И это абсолютно невѣрно, такъ какъ въ 1893—94 годахъ и президентомъ Союза былъ демократъ Кливелэндъ, и обѣ палаты конгресса были въ рукахъ демократовъ;—этотъ 53-ій конгрессъ и отмѣнилъ таможенный тарифъ Макъ-Кинлэя и ввелъ тарифъ Гормана-Вильсона, вызвавшій панику 1893 года.

дательства. Казалось, никто не могъ или не хотѣлъ опредѣлить, въ чемъ же именно въ настоящій моментъ заключается принципіальная между ними разница? Относительно главныхъ ихъ положеній, изложенныхъ въ національныхъ „платформахъ" президентской кампаніи 1900 года, въ обѣихъ образовались болѣе или менѣе значительные расколы. Имперіализмъ и неразрывно связанный съ нимъ филиппинскій вопросъ остались совершенно въ тѣни. Республиканская партія, конечно, должна быть благодарна за это Рузевельту. Чтò бы онъ ни говорилъ самъ, и чтò бы ни проповѣдывали его присные и приближенные, его общительный характеръ, его крайняя доступность, его, такъ сказать, народные личные вкусы и привычки, такъ исключаютъ какую бы то ни было мысль объ опасностяхъ правительственнаго имперіализма, что всѣ толки объ этомъ, такіе громкіе при покойномъ Макъ-Кинлэѣ, совершенно исчезли теперь изъ обращенія. Необходимо отдать справедливость Рузевельту въ томъ смыслѣ, что вся его личность, открытая, прямая, совершенно неспособная къ какой-либо хитрости, абсолютно несовмѣстима съ мыслью о какой бы то ни было опасности отъ него лично для народной свободы; а такъ какъ предполагается, что онъ же будетъ выбранъ и на слѣдующее послѣ 1904 года четырехлѣтіе, то абстрактныя разсужденія такого рода теряютъ въ глазахъ живущаго настоящей минутой американскаго народа всякую цѣнность [1]). Да и филиппинскія дѣла очевидно всѣмъ надоѣли— внутренніе вопросы занимаютъ всецѣло вниманіе народа,—и имперіализмъ, и анти-имперіализмъ какъ-то незамѣтно совсѣмъ сошли со сцены. Большинство штатныхъ „платформъ" обѣихъ партій въ послѣднюю кампанію совсѣмъ не упоминаетъ о нихъ. Въ американской политикѣ такія метаморфозы нерѣдки,—она не гонится за принципіальными отвѣтами, разъ „злоба дня" переходитъ на что-либо другое, и

---

[1]) Насколько Рузевельтъ простъ, всего лучше было еще недавно доказано внезапнымъ отозваніемъ германскаго посла въ Вашингтонѣ, Голлебена. И Германіи, и Великобританіи, было чрезвычайно желательно выпутаться изъ завареннаго ими такъ необдуманно венецуэльскаго конфликта посредствомъ ловушки Рузевельту—приглашеніемъ сдѣлаться арбитраторомъ этого столкновенія, чтò, конечно, вовлекло бы и его лично, и Союзъ въ самыя непріятныя осложненія. Говорятъ, что Голлебену удалось заручиться согласіемъ Рузевельта, даннымъ въ пылу добрыхъ намѣреній и ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, и что только не безъ сильныхъ натяжекъ и ухищреній кабинету и вліятельнымъ сенаторамъ удалось убѣдить его взять это согласіе обратно. Германскій императоръ былъ такъ недоволенъ Голлебеномъ за то, что онъ, якобы, ввелъ его въ заблужденіе по этому поводу, что отозваніе посла было рѣшено немедленно и безъ какихъ бы то ни было обычныхъ въ такихъ случаяхъ прелиминарій. Посолъ былъ дѣйствительно виноватъ въ томъ, что неправильно оцѣнилъ какъ характеръ Рузевельта, такъ и значеніе его антуража.

предоставляетъ ихъ будущему. Еще только годъ тому назадъ никто не могъ бы предвидѣть такого исхода.

И серебряный вопросъ, и популизмъ также совершенно безслѣдно исчезли съ американскаго политическаго горизонта, исчезли настолько, что не осталось отъ нихъ не только національныхъ, но и почти ни одной штатной организаціи. Ни въ конгрессѣ Союза, ни въ составѣ штатныхъ правительствъ не осталось ни одного „сильверита", ни одного „популиста". Ихъ твердыни, штаты центральнаго запада и Скалистыхъ-горъ, цѣликомъ перешли на ноябрьскихъ выборахъ въ республиканскій лагерь; хотя въ новой палатѣ представителей конгресса республиканское большинство и упало съ сорока голосовъ на двадцать, въ сенатѣ оно значительно увеличится, и господство въ немъ этой партіи обезпечено на долгое время.

Въ средѣ республиканской партіи впервые появился серьезнѣйшій расколъ по поводу протекціонизма. Хотя главнымъ ея вожакамъ, бросившимся со всѣхъ сторонъ на помощь, и удалось предохранить результаты прошлыхъ выборовъ отъ вліянія этого раскола, тѣмъ не менѣе его значеніе и размѣры обозначились весьма ясно, благодаря тому, что спикеръ палаты представителей, Гендерсонъ, бывшій слишкомъ двадцать лѣтъ членомъ этой палаты, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ назначенія въ кандидаты своей партіи на то же мѣсто на прошлыхъ выборахъ, потому что штатная платформа партіи—штата Эйоуэ—требовала пересмотра настоящаго таможеннаго тарифа, на что онъ, крайній протекціонистъ, не могъ согласиться. Въ свое время этотъ отказъ, сдѣлавшій его добровольно частнымъ человѣкомъ изъ второго по своему значенію и вліянію государственнаго чина во всемъ Союзѣ, надѣлалъ большого шума въ странѣ, и хотя въ настоящее время расколъ этотъ, повидимому, временно и улаженъ въ томъ смыслѣ, что текущая сессія конгресса не коснется состоящаго въ силѣ таможеннаго тарифа Динглэя,—едва ли подлежитъ сомнѣнію, что онъ выплыветъ опять въ слѣдующую президентскую кампанію. Земледѣльческій центръ и западъ, до сихъ поръ составлявшіе надежнѣйшій оплотъ протекціонизма, встревожены мануфактурными трёстами и общимъ подъемомъ цѣнъ на все, что имъ нужно, больше чѣмъ когда-либо, и если общее положеніе дѣлъ не измѣнится,—неизбѣжно потребуютъ серьезнѣйшаго пересмотра тарифа; а въ виду всего вышеизложеннаго, относительно невѣроятности какого-либо дѣйствительнаго законодательства противъ все болѣе и болѣе укореняющихся и распространяющихся монополій, мы не видимъ никакихъ основаній къ тому, чтобы надѣяться на какое-либо существенное измѣненіе всѣхъ настоящихъ экономическихъ жизненныхъ условій.

Въ началѣ кампаніи вожаки разныхъ фракцій не разъ пытались

свести въ одно цѣлое давно распавшуюся на части демократическую партію. Сняли съ полки давно сданнаго въ политическій архивъ эксъ-президента Кливелэнда, помирили его съ искуснѣйшимъ и хитрѣйшимъ политиканомъ Союза, эксъ-губернаторомъ штата Нью-Іорка, Гилломъ—оба они, лѣтъ десять тому назадъ, ворочали всей организаціей демократической партіи—и попробовали свести ихъ съ Брайяномъ, безраздѣльнымъ владыкой демократовъ до его финальнаго пораженія въ 1900 году; но онъ отказался пріѣхать, а Генри Вотерсонъ безжалостно разгромилъ предполагавшуюся комбинацію въ своей газетѣ „Louisville Courrier", обладающей громаднымъ вліяніемъ въ демократическихъ массахъ, и жестоко высмѣялъ непрошенныхъ миротворцевъ. Расколъ, вызванный въ средѣ своей партіи Брайяномъ, хотя самъ онъ теперь утратилъ всякое значеніе, оказался и до сихъ поръ незалечимо глубокимъ; образовавшіяся еще въ 1896 году фракціи никакъ не могутъ столковаться; хотя серебряный вопросъ и погребенъ навсегда, но поднятыя имъ страсти все еще не улеглись и, цѣпляясь за другіе обломки чикагской платформы 1896 г., все еще вносятъ въ ряды демократовъ непроходимую рознь. Ноябрьскіе выборы сдали окончательно въ архивъ и Кливелэнда, и Гилла, и Брайяна, но не вынесли на поверхность ни одного свѣжаго человѣка, ни одного новаго вожака, на которомъ могли бы остановиться всѣ демократическія фракціи. Дѣйствительно выдающіеся люди, въ родѣ эксъ-министра иностранныхъ дѣлъ Союза, Ольнэя, или эксъ-сенатора Гормана, слишкомъ заинтересованы въ успѣхѣ именно той или другой фракціи, для того, чтобы *вся* партія могла искренно сойтись на одномъ изъ нихъ; а безъ такой искренности успѣхъ совершенно невозможенъ, такъ какъ откалывающіяся демократическія меньшинства взяли привычку съ 1896 года не просто устраняться отъ голосованія, а въ тайнѣ подавать свои голоса за кандидата противной партіи. Въ этой тактикѣ нѣтъ теперь никакого сомнѣнія, и ею только и можно вполнѣ объяснить размѣры побѣды Макъ-Кинлэя въ 1900 году и послѣдніе ноябрьскіе выборы.

Выборы эти отнюдь нельзя считать побѣдой республиканской партіи, какъ это было громогласно объявлено всему міру. Ея большинство въ палатѣ существенно уменьшилось, хотя сильвериты и популисты штатовъ запада и Скалистыхъ-горъ и сошли со сцены и вернулись въ ея лагерь. Демократы же отвоевали обратно порубежные штаты, Мэрилэндъ, Делаваръ, Кентукки, едва-едва не осилили въ Нью-Іоркѣ и въ первый разъ за долгій промежутокъ времени овладѣли даже однимъ изъ штатовъ Новой Англіи—Коннектикутомъ. Если, что̀ весьма вѣроятно, „хорошія времена" придутъ къ концу, благодаря необузданной спекуляціи и неизбѣжному финансовому краху, до

слѣдующей президентской кампаніи 1904 года, у демократовъ будетъ превосходный шансъ не только захватить палату, но и выбрать демократа-президента. Все будетъ зависѣть отъ того, съумѣютъ ли они согласиться на „платформѣ" и найти подходящаго вожака.

Кампанія 1896 года чрезвычайно существенно перетасовала личный составъ старыхъ партій того времени; перетасовка эта продолжалась безостановочно съ тѣхъ поръ, отчасти благодаря постепенной дизентеграціи сильверитовъ и популистовъ, а главное—благодаря такимъ совершенно новымъ и чисто-политическимъ вопросамъ, какъ имперіализмъ и колоніальная политика, съ одной стороны, и чисто экономическимъ, какъ трёсты и организованный трудъ, или сахарный и каменноугольный,—съ другой. Мы думаемъ, что въ настоящее время эти послѣдніе существенно преобладаютъ, и что принципіальная разница между двумя главными—а на ноябрьскихъ выборахъ и единственными—американскими политическими партіями все болѣе и болѣе стушевывается. Чисто абстрактные политическіе вопросы перестаютъ занимать массы, или, вѣрнѣе, умственные вожаки не въ состояніи удерживать ихъ съ собою, какъ не могутъ пересилить чисто дѣловые элементы въ совѣтахъ партій. Мыслящій и независимый гражданинъ, не стремящійся къ куску „общественнаго пирога", невольно останавливается въ недоумѣніи передъ громаднымъ большинствомъ штатныхъ партійныхъ „платформъ" прошлыхъ выборовъ. Онѣ представляютъ собою, почти безъ всякихъ исключеній, болѣе или менѣе трескучій наборъ фразъ, совершенно игнорируютъ чисто политическую жизнь страны, и пережевываютъ старыя истрепанныя тирады противъ трёстовъ, кокетничаютъ съ союзнымъ трудомъ, и не даютъ рѣшительно ничего опредѣленнаго. Чрезвычайно широко распространено въ народѣ убѣжденіе, что палата представителей была бы захвачена демократами, еслибы Рузевельтъ не успѣлъ покончить стачку антрацитныхъ углекоповъ, почти всецѣло привлекшую къ себѣ общественное вниманіе въ теченіе прошлыхъ лѣта и осени. Стачка эта началась еще въ маѣ мѣсяцѣ, стоила странѣ огромныхъ денегъ, и ея послѣдствія въ формѣ страшнаго недостатка топлива на всемъ востокѣ отзываются крайне тяжело и теперь, вызвавъ усиленную смертность во всѣхъ большихъ городахъ. Особенно суровая зима и спекулятивная лихорадка во всѣхъ почти мануфактурныхъ производствахъ вызываютъ особенно усиленное потребленіе каменнаго угля, а запасовъ нѣтъ никакихъ, цѣна стоитъ очень высокая, и убытки во всѣхъ направленіяхъ просто неисчислимы. Были уже случаи, что городскіе жители, включая всѣ ихъ власти, останавливали силой цѣлые каменноугольные желѣзнодорожные поѣзда, предназначенные для другихъ мѣстъ, и дѣлили захваченный такимъ насильнымъ образомъ уголь между собою, обѣщаясь

заплатить за него, что̀ слѣдуетъ, его дѣйствительнымъ владѣльцамъ; и эти владѣльцы не преслѣдовали ихъ законнымъ порядкомъ, такъ какъ сознавали, что невозможно было бы добиться правосудія тамъ, гдѣ сами власти, судебныя и административныя, участвовали лично и открыто въ такомъ грабежѣ. Трудно хотя бы приблизительно вычислить убытки самихъ углекоповъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и, главное, всей страны; они, конечно, значительно превзошли громадную сумму въ сто милліоновъ долларовъ. Стачка продолжалась 24 недѣли, слишкомъ 150.000 углекоповъ въ ней участвовали, и потеряли до 30 милліоновъ заработной платы; многія копи залило водой, такъ какъ стачка остановила и помпы, и нѣкоторыя изъ нихъ пришлось совсѣмъ оставить,—въ другихъ откачиваніе стоило и будетъ стоить милліоновъ. И все-таки эти убытки—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ терпѣла въ ту зиму, благодаря этой стачкѣ, вся страна. Антрацитныя каменноугольныя копи Союза всѣ сосредоточены въ незначительной, сравнительно, части штата Пенсильваніи; въ прежніе годы, лѣтомъ заготовлялся запасъ на зиму, такъ какъ одна зимняя работа не можетъ удовлетворить зимняго потребленія; ныньче запасовъ къ октябрю никакихъ не осталось; многія копи или заброшены, или еще не откачаны и ничего не производятъ, и количества добываемаго угля далеко не хватаетъ. Цѣна поднялась больше чѣмъ вдвое, хотя многіе заводы и фабрики уже должны были остановиться; во многихъ городахъ нѣтъ угля не только для электрическаго ихъ освѣщенія, а даже для достаточнаго отопленія дѣловыхъ зданій и работы элеваторовъ въ нихъ, не говоря уже о жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ Чикаго двадцати-двухъ- и двадцати-четырехъ-этажные дома вынуждены были остановить свои элеваторы на бо̀льшую часть дня, хотя обязательства съ жильцами и требуютъ ихъ хода цѣлыя сутки. Въ результатѣ—десятки тысячъ рабочихъ безъ работы, безчисленныя тяжбы, иски за убытки, общее нервное раздраженіе, вліяющее на всю общественную жизнь. Еще ни одна американская стачка не отзывалась на этой жизни такъ широко, такъ осязательно, такъ чувствительно, какъ этотъ конфликтъ „Соединенныхъ рудокоповъ Америки“ — United miners of America—съ ихъ хозяевами [1]). Къ сожалѣнію, онъ еще далеко не оконченъ, хотя работа и возобновилась еще въ концѣ прошлаго октября. Дѣло въ томъ, что хотя Рузевельту и удалось возобновить эту работу, но рѣшеніе не достигнуто; споръ переданъ обѣими сторонами на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи изъ семи членовъ, назначенной президентомъ съ

[1]) Къ сожалѣнію, въ такой общей журнальной статьѣ, какова настоящая, невозможно хотя бы вкратцѣ изложить сущность этой стачки,—такъ многосторонни спорные пункты и такъ каждый изъ нихъ требуетъ обширныхъ объясненій, безъ которыхъ они останутся непонятны читателю.

согласія и одобренія обѣихъ сторонъ, изслѣдующей въ настоящее время въ открытыхъ засѣданіяхъ все антрацитное каменноугольное дѣло и имѣющей рѣшить: основательны ли требованія углекоповъ, или нѣтъ? Этой коммиссіей, засѣдающей непрерывно уже около двухъ мѣсяцевъ и посѣтившей въ полномъ составѣ многія копи и поселенія углекоповъ, уже выяснены съ достаточной опредѣленностью нѣкоторые пункты спора, между прочими и главный—борьба между союзными и внѣ-союзными углекопами. Первыхъ около 140.000; вторыхъ—около 20.000. Послѣдніе были несогласны на стачку, считая ее неправильною, и желали продолжать работу; но несмотря на то, что для ихъ защиты была въ концѣ-концовъ вызвана вся милиція штата, слишкомъ 10.000 солдатъ,—союзный терроръ былъ такъ силенъ, что возобновить работу было невозможно. Хотя вожаки стачки и отрицали сначала существованіе этого террора, а затѣмъ, когда его наличность была безусловно установлена, свое участіе въ немъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе коммиссіи уже доказало, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его зачинщики и участники, почти всегда члены союза, попадали въ руки правосудія, углекопный союзъ принималъ на себя и на свой счетъ и ихъ защиту, и уплату наложенныхъ на нихъ денежныхъ штрафовъ; что собранныя по всему Союзу въ пользу семействъ стачечниковъ пожертвованія, достигшія огромной суммы въ полмилліона долларовъ, употреблялись главнымъ образомъ на этотъ предметъ—на поддержаніе террора и на борьбу съ закономъ по этому поводу. Какъ и въ великой желѣзнодорожной стачкѣ Дэбса въ 1894 году, общественныя симпатіи, сначала бывшія почти всецѣло на сторонѣ углекоповъ, теперь медленно, но, повидимому, неудержимо начинаютъ сокращаться и глядѣть и на эту стачку съ нѣсколько другой точки зрѣнія. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что далеко не всѣ методы современныхъ ремесленныхъ союзовъ Америки могутъ выдержать безпристрастную критику, и что ихъ вожакамъ нерѣдко не мѣшало бы быть болѣе осторожными въ употребленіи разныхъ крайнихъ мѣръ; насиліе и тираннія въ какой бы то ни было формѣ всегда обнаружатся въ концѣ-концовъ въ такихъ серьезныхъ, широкихъ конфликтахъ труда съ капиталомъ, какимъ является настоящій американскій каменноугольный.

Возобновивъ посредствомъ этой коммиссіи антрацитное каменноугольное производство въ самую критическую минуту и для ноябрьскихъ выборовъ, и для быстро приближавшейся зимы, Рузевельтъ дѣйствовалъ и внѣ закона, и внѣ принадлежащихъ ему, какъ президенту Союза, правъ и власти, и внѣ всякихъ прецедентовъ. Настоятельныя требованія минуты оказались важнѣе всѣхъ этихъ условныхъ путъ и ограниченій. Несомнѣнная абстрактная опасность такихъ

coups d'état была сначала совершенно упущена изъ виду и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Только когда въ собравшійся въ декабрѣ конгрессъ былъ внесенъ билль о покрытіи издержекъ коммиссіи, вопросъ обрисовался вполнѣ и съ этой стороны. Но народное настроеніе у насъ теперь таково, что такія „тонкости", чисто теоретическія, не останавливаютъ на себѣ ничьего вниманія.

Этотъ очеркъ настоящаго политическаго и экономическаго положенія Союза былъ бы неполонъ, если не упомянуть о сахарномъ вопросѣ. Вопросъ этотъ, почти въ одинаковой мѣрѣ съ каменноугольнымъ, продолжаетъ занимать наше общественное мнѣніе, въ особенности въ виду непрерывающихся усилій Рузевельта заставить конгрессъ провести трактатъ взаимности съ республикой острова Кубы. Свеклосахарное производство, повидимому, быстро вытѣсняетъ тростниковое. Еще въ 1853 году только 14% потреблявшагося въ то время сахара получалось изъ свеклы; въ 1860 г. этотъ процентъ поднялся до 25, а въ 1900 г. достигъ уже 65. И это было достигнуто въ соединеніи съ постоянно падавшею цѣною на сахаръ и при быстро поднимавшемся потребленіи его per capita. Въ 1854 г., все свеклосахарное производство міра давало только 182.000 тоннъ; въ 1864 г. оно достигло 536.000 тоннъ, въ 1874 г. — 1.219.000, а въ 1900 г.—уже 5.510.000. Цѣна же за фунтъ упала съ 5,37 цента въ 1871 г. до 2,49 центовъ въ 1900 г. Въ этомъ быстромъ ростѣ свеклосахарнаго производства, результатѣ большей энергіи, предпріимчивости и изобрѣтательности жителей болѣе сѣверныхъ странъ въ сравненіи съ жителями тропическихъ, въ которыхъ только и возможно тростниковое производство, — Союзъ принялъ участіе только въ теченіе прошлаго десятилѣтія, но участіе это было такое успѣшное и быстро возростающее, что у него явились справедливыя надежды отдѣлаться болѣе или менѣе скоро отъ тяжелой дани иностранцамъ на огромную сумму въ сто милліоновъ долларовъ въ годъ. Введенный въ 1897 году таможенный тарифъ Динглэя былъ особенно благопріятенъ домашнему сахару; онъ охраняетъ и сырецъ, и рафинадъ, и, съ паденіемъ цѣнъ на сахаръ на всемірномъ рынкѣ, отрѣзалъ островъ Кубу отъ американскаго внутренняго рынка почти всецѣло. Рузевельтъ, обязанный большей долей своей популярности испано-американской войнѣ, является всегда и вездѣ рыцарскимъ защитникомъ кубинскихъ интересовъ, и, почти съ перваго же дня своего вступленія въ должность президента Союза, обратилъ особенныя усилія на то, чтобы пониженіемъ тарифа на сахаръ помочь бѣдствующему острову. Прошлый конгрессъ, однако, не внялъ его представленіямъ—своя рубашка къ тѣлу ближе, и наши свеклосахарные дѣльцы не остановились передъ открытымъ сопротивленіемъ диктантамъ своей партіи и провалили на конгрессѣ всѣ пред-

ложенія о пониженіи тарифа на сахаръ Кубы. Тогда Рузевельтъ перемѣнилъ тактику—и заключилъ коммерческій трактатъ взаимности съ правительствомъ Кубы; и этотъ-то трактатъ и добивается своего утвержденія въ сенатѣ. Положеніе покуда еще не выяснилось, но надо думать, что и трактатъ не будетъ утвержденъ, во всякомъ случаѣ во всей цѣлости. Эти-то чисто экономическіе споры по поводу цѣлесообразности и выгодности для страны подобныхъ мѣръ больше вліяютъ нынче на политическую группировку разныхъ вліятельныхъ государственныхъ чиновъ, въ особенности членовъ обѣихъ палатъ конгресса, чѣмъ абстрактные политичесвіе вопросы; во внутреннихъ средахъ обѣихъ политическихъ партій образуются самостоятельныя группы и клики, существенно ослабляющія партійную дисциплину и вызывающія неопредѣленность и въ общихъ, чисто политическихъ вопросахъ. Группа сенаторовъ отъ свеклосахарныхъ штатовъ въ федеральномъ сенатѣ, цѣликомъ принадлежащая къ республиканской партіи, составляетъ, однако, въ немъ рѣзко опредѣленное меньшинство въ ея средѣ, держащее въ своихъ рукахъ балансъ силы во всемъ сенатѣ и способное диктовать свои условія почти по всякому общему законодательному вопросу, вліяющему на всю страну. Еще только десять лѣтъ тому назадъ такая раздвоенность, такъ сказать, была совершенно неизвѣстна въ національныхъ дѣлахъ американской политики.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

Новая книга проекта гражданскаго уложенія: наслѣдственное право.—Уравненіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ.—Разряды наслѣдниковъ; устраненіе дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону. — Расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга.—Постановленія новаго уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и о смутѣ.

Редакціонная коммиссія, составлявшая проектъ гражданскаго уложенія, окончила свою работу: не такъ давно вышли въ свѣтъ двѣ послѣднія ея части—книги: первая („Положенія общія") и четвертая („Наслѣдственное право"). Остановимся, покамѣстъ, на нѣкоторыхъ, особенно важныхъ нововведеніяхъ, вносимыхъ проектомъ въ наше наслѣдственное право.

Статья 15-ая четвертой книги гласитъ: „лица женскаго пола наслѣдуютъ наравнѣ съ лицами мужского пола". Въ этихъ немногихъ словахъ заключается цѣлый переворотъ—но онъ настолько справедливъ, настолько подготовленъ общественнымъ мнѣніемъ, что, по всей вѣроятности, не встрѣтитъ возраженій въ высшихъ законодательныхъ инстанціяхъ и безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій перейдетъ въ жизнь. Въ древней Россіи стремленіе духовенства уравнять наслѣдственныя права сыновей и дочерей, выразившееся въ уставѣ вел. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ, скоро было побѣждено другимъ, противоположнымъ. Судебники, какъ и болѣе ранніе законодательные памятники, допускали наслѣдованіе дочерей лишь при отсутствіи сыновей. Помѣстная система повлекла за собою выдѣлъ дочерямъ, „на прожитокъ", части изъ отцовскаго помѣстья. Указъ 17 марта 1731-го года, положившій конецъ различію между помѣстьями и вотчинами, создалъ тотъ порядокъ, который удержался до настоящаго времени: за дочерьми было признано право на $^1/_{14}$ часть недвижимаго и $^1/_8$ движимаго имущества. Въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ вовсе. Ненормальность такого порядка

сознана уже давно. Въ проектѣ гражданскаго уложенія, составленномъ Сперанскимъ, сестры при братьяхъ признавались наслѣдницами во всѣхъ линіяхъ, но въ меньшей долѣ. При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ десять членовъ (противъ 13) высказались за полное уравненіе наслѣдственныхъ правъ обоихъ половъ. Сорокъ лѣтъ спустя, главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи, гр. Д. Н. Блудовъ, представилъ императору Николаю всеподданнѣйшій докладъ объ общемъ пересмотрѣ узаконеній, опредѣляющихъ наслѣдственныя права женщинъ. Констатируя противорѣчіе между этими узаконеніями и распространенными въ обществѣ взглядами—противорѣчіе, ведущее къ постояннымъ обходамъ закона,—гр. Блудовъ склонялся, очевидно, къ полному уравненію обоихъ половъ; но его пугала мысль о „быстромъ переходѣ", который, касаясь „навыковъ и, такъ сказать, ежедневныхъ дѣйствій", „всегда производитъ нѣкоторое невыгодное для общественнаго богатства колебаніе не только въ умахъ, но и въ самомъ управленіи имуществъ". Равенство долей онъ полагалъ, поэтому, установить (при наслѣдованіи въ нисходящей линіи) только по отношенію къ движимому имуществу, а по отношенію къ недвижимости ограничиться увеличеніемъ долей, получаемыхъ дочерьми. Дальнѣйшаго хода эти предположенія не получили. Шестнадцать лѣтъ спустя, въ 1864 г., заглохшій, но не забытый вопросъ былъ поднятъ вновь ходатайствомъ смоленскаго дворянства, исходившимъ изъ убѣжденія, что дѣйствующій законъ о наслѣдованіи женщинъ представляется „неестественнымъ, несправедливымъ и неоправдываемымъ никакою государственною или общественною необходимостью". Министерство юстиціи, на разсмотрѣніе котораго поступило это ходатайство, нашло его вполнѣ основательнымъ, но усомнилось въ правѣ дворянства возбуждать вопросъ, касающійся общихъ нуждъ и пользъ государства [1]), и потому ограничилось сообщеніемъ своего взгляда главноуправляющему вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе почти сорока лѣтъ, дѣло не двинулось впередъ ни на одинъ шагъ, и законъ, оффиціально признанный устарѣвшимъ и несправедливымъ, до сихъ поръ остается безъ измѣненій. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ неподвижности, свойственной нашему гражданскому законодательству. Порядки, давно отжившіе свой вѣкъ, держатся силою инерціи, даже тогда, когда ни съ чьей стороны не встрѣчаютъ активной поддержки. Весьма вѣроятно, что еслибы не былъ предпринятъ общій пересмотръ гражданскихъ

---

[1]) Съ смоленскимъ ходатайствомъ совпалъ, на бѣду, извѣстный адресъ московскаго дворянства, вызвавшій, въ высшихъ сферахъ, стремленіе ограничить область дворянскихъ ходатайствъ.

законовъ, расширеніе наслѣдственныхъ правъ женщинъ до сихъ поръ не было бы поставлено на очередь. Между тѣмъ, необходимость реформы выяснена какъ нельзя лучше уже въ упомянутомъ нами отзывѣ министерства юстиціи. „Родственное расположеніе"—читаемъ мы здѣсь—„не различаетъ половъ; сынъ и дочь одинаково близки родителямъ, братья и сестры равно близки умершему. Поэтому, если правильно предположеніе, что умершій желалъ оставить имѣніе ближайшимъ родственникамъ (предположеніе—прибавимъ мы отъ себя,—составляющее одну изъ главныхъ основъ наслѣдованія по закону), то дѣти должны наслѣдовать ему въ равной долѣ, сестра должна быть допущена къ наслѣдству наравнѣ съ братомъ... Женщина перестала быть рабой и работницей; она сдѣлалась такимъ же полноправнымъ существомъ, какъ и мужчина; и съ этой точки зрѣнія, значитъ, постановленіе нашего законодательства о неравенствѣ наслѣдственныхъ правъ мужчины и женщины оказывается непослѣдовательнымъ". Основаніемъ къ удержанію этого неравенства не можетъ служить и обычай выдавать приданое: „выдача приданаго не составляетъ общаго правила, количество его не опредѣлено ни закономъ, ни обычаемъ, и слѣдовательно приданое не всегда уравниваетъ долю дочерей съ частями сыновей". Неосновательно и указаніе на возможность смягчить или устранить несправедливость, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, путемъ завѣщанія, такъ какъ—помимо запрещенія завѣщать родовыя имѣнія—завѣщаніе успѣваетъ составить далеко не всякій, да и малѣйшаго нарушенія формальностей достаточно для признанія его недѣйствительнымъ. Наслѣдственныя права мужчины и женщины уравнены даже тамъ, гдѣ женщина, въ глазахъ закона, всю жизнь является существомъ несамостоятельнымъ; тѣмъ болѣе они должны быть уравнены въ Россіи, гдѣ женщина, въ области имущественныхъ отношеній, стоитъ, вообще говоря, наряду съ мужчиной. Къ этимъ неопровержимымъ доводамъ министерства юстиціи слѣдуетъ прибавить, что въ настоящее время все больше и больше увеличивается число женщинъ, ищущихъ и достигающихъ, собственными усиліями, самостоятельнаго положенія. Лучшимъ подспорьемъ въ этомъ законномъ и симпатичномъ стремленіи будетъ служить признаніе за дочерьми и сестрами одинаковыхъ наслѣдственныхъ правъ съ сыновьями и братьями.

Не менѣе важнымъ нововведеніемъ представляется и система наслѣдованія, установляемая ст. 16—21 проекта. За силою статьи 16-ой родственники призываются къ наслѣдованію по закону въ порядкѣ слѣдующихъ шести разрядовъ: первый разрядъ составляютъ сыновья и дочери наслѣдодателя и ихъ нисходящіе; второй разрядъ—отецъ и мать наслѣдодателя и ихъ нисходящіе; третій—дѣды и бабки и ихъ нисходящіе; четвертый—прадѣды и прабабки и ихъ нисходящіе; пя-

тый—прапрадѣды и прапрабабки и ихъ нисходящіе; шестой—восходящіе пятой степени и ихъ нисходящіе. Родственники предъидущаго разряда исключаютъ родственниковъ послѣдующаго. Родственники, не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ разрядовъ, не имѣютъ права наслѣдованія по закону. По ст. 17-ой, между дѣтьми наслѣдодателя наслѣдство дѣлится по равнымъ частямъ; если же кто-либо изъ нихъ или всѣ они умерли, оставивъ нисходящихъ, то наслѣдство дѣлится поколѣнно, т.-е. въ степень каждаго изъ умершихъ вступаютъ его дѣти, между которыми полученная часть наслѣдства дѣлится поголовно. На томъ же основаніи наслѣдство дѣлится въ случаѣ смерти дальнѣйшихъ нисходящихъ. По ст. 18-ой, при наслѣдованіи родственниковъ второго разряда наслѣдство дѣлится пополамъ: одна половина предоставляется отцу наслѣдодателя, а въ случаѣ его смерти—его дѣтямъ (т.-е. роднымъ или единокровнымъ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя) или ихъ нисходящимъ; другая половина предоставляется матери наслѣдодателя, а въ случаѣ ея смерти — ея дѣтямъ (т.-е. роднымъ или единоутробнымъ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя) или ихъ нисходящимъ. Если нѣтъ родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія въ одной половинѣ, то все наслѣдство предоставляется родственникамъ, имѣющимъ право наслѣдованія въ другой половинѣ. По ст. 19-ой, при наслѣдованіи родственниковъ третьяго разряда наслѣдство дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна предоставляется дѣду и бабкѣ наслѣдодателя по отцу, а за ихъ смертью —ихъ нисходящимъ, другая—дѣду и бабкѣ наслѣдодателя по матери, а за ихъ смертью—ихъ нисходящимъ. Относительно дальнѣйшаго дѣлежа частей дѣйствуетъ порядокъ, установленный ст. 18-ою. По ст. 21-ой, при наслѣдованіи родственниковъ четвертаго, пятаго и шестого разрядовъ, родственникъ, къ наслѣдодателю ближайшій по степени, исключаетъ дальнѣйшаго [1]); родственники равныхъ степеней дѣлятъ между собою наслѣдство поголовно.

Приведенныя нами статьи проекта: 1) устраняютъ различіе между агнатами и когнатами, отмѣняя дѣйствующее теперь правило, въ силу котораго наслѣдство переходитъ непремѣнно въ *одинъ* родъ (родовое отцовское имущество—въ родъ отца, родовое материнское—въ родъ матери, благопріобрѣтенное — въ родъ отца); 2) значительно расши-

---

[1]) Пояснимъ это правило примѣромъ. Положимъ, что послѣ смерти лица А. остались только родственники четвертаго разряда, т.-е. имѣющіе съ нимъ общаго прадѣда или общую прабабку. Одинъ изъ нихъ Б.,—сынъ прадѣда по отцу (двоюродный дѣдъ А.), другой, В.—внукъ того же прадѣда (троюродный дядя А.). Первый состоитъ съ А. въ четвертой степени родства, второй—въ пятой; слѣдовательно, все наслѣдство долженъ получить Б. Еслибы кромѣ него былъ еще на лицо Г., сынъ прадѣда А. по матери, то Г. и Б. раздѣлили бы наслѣдство поровну.

ряютъ наслѣдственныя права восходящихъ родственниковъ и 3) отстраняютъ очень дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону. Первое изъ этихъ нововведеній, состоящее въ тѣсной связи съ проектируемымъ уничтоженіемъ различія между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, мы разсмотримъ въ другой разъ; теперь остановимся на двухъ послѣднихъ.

Дѣйствующее законодательство (ст. 1141 и 1142 т. X ч. I св. зак. гражд.) ставитъ наслѣдственныя права родителей въ очень тѣсныя рамки. Имущество, пріобрѣтенное дѣтьми, поступаетъ, въ случаѣ бездѣтной ихъ смерти, въ пожизненное владѣніе родителей; въ собственность каждаго изъ нихъ переходитъ—„не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ"—только то, что̀ было имъ уступлено сыну или дочери въ видѣ дара. Есть основаніе думать, что эти статьи введены въ сводъ законовъ вопреки историческимъ указаніямъ на родителей, какъ на наслѣдниковъ послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей [1]). Какъ бы то ни было, несправедливость исключенія родителей изъ числа наслѣдниковъ сознавалась уже давно. Въ проектѣ гражданскаго уложенія 1809-го года предполагалось признать за родителями право наслѣдованія послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей, и съ этимъ предположеніемъ согласилось громадное большинство государственнаго совѣта. Въ томъ же смыслѣ высказался и гр. Блудовъ, въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1848-го года. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отецъ и мать, по общему правилу, ближе, дороже братьевъ и сестеръ, и что въ огромномъ большинствѣ случаевъ именно первыхъ умирающій бездѣтно желалъ бы видѣть своими наслѣдниками. За наслѣдственное право родителей говоритъ и то, что послѣ смерти дѣтей они часто остаются старыми, слабыми, больными, неспособными зарабатывать себѣ средства къ жизни. Не менѣе симпатично и признаніе наслѣдственныхъ правъ за восходящими родственниками второй степени, по дѣйствующимъ законамъ вовсе отстраненными отъ наслѣдства. Дѣдъ или бабка, опять таки по общему правилу, ближе чѣмъ дядя или тетка и больше нуждаются въ имущественномъ обезпеченіи. Случаи перехода наслѣдства къ болѣе дальнимъ восходящимъ — будутъ, конечно, до крайности рѣдки.

Исключеніе дальнихъ родственниковъ изъ числа наслѣдниковъ по закону представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ раціональнымъ и справедливымъ. Мысль о немъ возникала въ законодательныхъ сферахъ, еще въ сороковыхъ годахъ, но не получила развитія именно вслѣдствіе той косности, которою такъ долго отличалось наше гражданское право. „Право наслѣдованія родственниковъ" — читаемъ мы

[1]) См. объясненія редакціонной коммиссіи къ книгѣ четвертой, стр. 43—45.

въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи, — „основывается на предполагаемомъ чувствѣ родственной связи между наслѣдодателемъ и лицомъ, призываемымъ къ наслѣдованію; родственная же связь между наслѣдодателемъ и родственниками отъ шестой и дальнѣйшихъ восходящихъ степеней представляется столь отдаленною, что въ обыденной жизни она едва ли принимается когда-либо въ разсчетъ. Казалось бы, что и закону нѣтъ надобности принимать въ разсчетъ то, что̀ не имѣетъ значенія въ дѣйствительности. Признавая права, обусловленныя столь отдаленною родственною связью, необходимо имѣть въ виду, что права окажутся ничтожными, если не будетъ гарантирована полная исправность метрическихъ записей на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій. Между тѣмъ, если такая гарантія и существуетъ для ближайшаго времени, то она едва ли возможна для временъ болѣе отдаленныхъ, — а при такомъ положеніи дѣлъ благоразумнѣе не возбуждать надеждъ отдаленныхъ родственниковъ на полученіе наслѣдства, чѣмъ, создавъ такія надежды, сдѣлать ихъ неосуществимыми вслѣдствіе отсутствія, потери или порчи метрическихъ книгъ". Подтвержденіемъ послѣдняго соображенія могутъ служить недавніе процессы о наслѣдствахъ, служившихъ предметомъ спора между различными категоріями дальнихъ родственниковъ наслѣдодателя, изъ которыхъ ни одной не удавалось съ достаточною ясностью доказать свое наслѣдственное право. Намъ кажется, что слѣдовало бы поставить вопросъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ предлагаетъ редакціонная коммиссія, и ограничить право наслѣдованія не первыми шестью, а первыми *четырьмя* или *пятью* разрядами родственниковъ, т.-е. не распространять его дальше восходящихъ третьей степени (прадѣдовъ и прабабокъ) или, въ крайнемъ случаѣ, четвертой (прапрадѣдовъ и прапрабабокъ), съ ихъ нисходящими. Совершенно немыслимо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы наслѣдникомъ явился самъ пращуръ (восходящій родственникъ пятой степени) или даже его сынъ (двоюродный прапрадѣдъ); весьма рѣдко это будетъ и внукъ пращура, а бо̀льшею частью—дальнѣйшіе его нисходящіе, т.-е. родственники наслѣдодателя въ восьмой, девятой, десятой, одиннадцатой, двѣнадцатой степени [1]). Нѣсколько ближе къ наслѣдодателю родственники пятаго разряда, но и здѣсь наиболѣе возможные наслѣдники (внуки прапрадѣда и ихъ нисходящіе) окажутся родственниками его въ шестой, седьмой, восьмой,

---

[1]) Потомокъ пращура, стоящій въ генеалогическомъ деревѣ на одной высотѣ съ наслѣдодателемъ, является родственникомъ послѣдняго въ десятой степени; но такъ какъ послѣдующіе бо̀льшею частью моложе наслѣдодателя, то вѣроятнѣе, что наслѣдниками выступятъ лица, въ генеалогическомъ деревѣ занимающія мѣсто *ниже наслѣдодателя*, т.-е. родственники его въ одиннадцатой или двѣнадцатой степени.

девятой, десятой степени [1]). Можно ли утверждать, что между родственниками, настолько отдаленными, существуетъ какая-нибудь реальная близость, оправдывающая наслѣдованіе однихъ изъ нихъ послѣ другихъ? Сплошь и рядомъ они даже вовсе не знаютъ другъ друга, и наслѣдственное право возникаетъ неожиданно для самого наслѣдника, вслѣдствіе случайности помѣшавшей наслѣдодателю заблаговременно распорядиться своимъ имуществомъ. Понятенъ, до извѣстной степени, такой переходъ наслѣдства только до тѣхъ поръ, пока существуютъ родовыя имѣнія: фикція давно исчезнувшаго родового единства требуетъ, чтобы имѣніе не выходило изъ рода, какъ бы далеко наслѣдодатель и его правопреемникъ ни отстояли другъ отъ друга, какъ бы ничтожна ни была внутренняя связь между ними. Вмѣстѣ съ различіемъ между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными должно пасть и наслѣдованіе въ отдаленныхъ степеняхъ родства, тѣмъ болѣе, что расширяемая свобода завѣщанія позволитъ собственнику дать своему имуществу именно то назначеніе, которое онъ считаетъ самымъ желательнымъ. Выморочность имущества, при отсутствіи близкихъ родственниковъ — исходъ наиболѣе цѣлесообразный, наиболѣе согласный съ интересами общества и государства.

Значительно отступаютъ отъ дѣйствующаго права и постановленія проекта о наслѣдованіи супруговъ. По ст. 28-й, переживающій супругъ наслѣдодателя получаетъ: 1) четвертую часть всего наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками перваго разряда; 2) половину наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками второго или третьяго разрядовъ (т.-е. съ отцомъ и матерью, братьями и сестрами, дѣдомъ и бабкой, дядьями и тетками наслѣдодателя) и 3) все наслѣдство, когда послѣ наслѣдодателя не осталось родственниковъ первыхъ трехъ разрядовъ. По ст. 29-й, пережившій супругъ, при наслѣдованіи совмѣстно съ родственниками второго или третьяго разрядовъ, получаетъ, сверхъ половины наслѣдства, всю относящуюся къ домашнему обиходу движимость. Такое расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга кажется намъ вполнѣ правильнымъ: есть полное основаніе предполагать, что, при отсутствіи нисходящихъ, переходъ значительной части наслѣдства къ пережившему супругу согласенъ съ волей супруга, умершаго безъ завѣщанія. Совершенно справедливо, по той же причинѣ, и предоставленіе пережившему супругу всего наслѣдства, разъ что послѣ умершаго остались только дальніе родственники (не ближе прадѣда, прабабки и ихъ нисходящихъ). Не вполнѣ удовлетворительнымъ кажется намъ только постановленіе

[1]) Потомокъ прапрадѣда, стоящій въ генеалогическомъ деревѣ на одной высотѣ съ наслѣдодателемъ—родственникъ послѣдняго въ восьмой степени, а наиболѣе вѣроятные, какъ объяснено выше, наслѣдники—въ девятой или десятой степени.

проекта (ст. 32), по которому супруги, бракъ которыхъ расторгнутъ или признанъ недѣйствительнымъ, не наслѣдуютъ другъ послѣ друга. Съ одной стороны, это постановленіе излишне, такъ какъ лица, бракъ которыхъ расторгнутъ или признанъ недѣйствительнымъ, больше не супруги, и слѣдовательно о наслѣдованіи ихъ въ этомъ качествѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, оно не полно, такъ какъ не предусматриваетъ случаевъ разлученія (раздѣльнаго жительства) супруговъ (допускаемаго проектомъ: см. въ книгѣ второй, семейственное право, ст. 141 и сл.). Если смерть одного изъ супруговъ воспослѣдовала во время ихъ разлученія, то едва ли справедливо предоставлять другому какое бы то ни было право наслѣдованія въ имуществѣ умершаго.

Возвращаясь къ разбору новаго уголовнаго уложенія [1]), остановимся, прежде всего, на постановленіяхъ, относящихся къ государственнымъ преступленіямъ. Въ проектѣ редакціонной коммиссіи они составляли три главы, озаглавленныя: 1) мятежъ, 2) измѣна и 3) оскорбленіе Величества и преступныя дѣянія противъ членовъ императорскаго Дома. Въ окончательномъ текстѣ уложенія двѣ изъ числа этихъ главъ (первая и послѣдняя) соединены въ одну (по порядку—третью): „о бунтѣ противъ верховной власти и о преступныхъ дѣяніяхъ противъ священной особы императора и членовъ императорскаго дома", а вторая (по порядку—четвертая) озаглавлена: „о государственной измѣнѣ". По своему содержанію эта часть новаго уложенія меньше другихъ расходится съ соотвѣтствующими постановленіями дѣйствующаго уложенія; между наказаніями, вообще весьма суровыми, выдающуюся роль играетъ смертная казнь, назначаемая какъ за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность священной особы царствующаго императора, императрицы или наслѣдника престола, или на низверженіе царствующаго императора съ престола, или на лишеніе его власти верховной, или на ограниченіе правъ ея (ст. 99), такъ и за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія или порядка престолонаслѣдія, или на отторженіе отъ Россіи какой-либо ея части (ст. 100). Есть, однако, и различія между обоими кодексами. Самое существенное изъ нихъ заключается въ томъ, что новое уложеніе и по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ остается вѣрнымъ общему воззрѣнію своему на соучастіе, не распространяя это понятіе на такъ называемую прикосновенность къ преступленію. По дѣйствующему уложенію (ст. 243 и 249) одному и

---

[1]) См. „Внутр. Обозр.", въ №№ 5, 6 и 7 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

тому же наказанію (смертной казни) подлежатъ, въ случаѣ злоумышленія или преступнаго дѣйствія противъ особы или правъ императора, или бунта противъ верховной власти, какъ сообщники, пособники и подстрекатели, такъ и попустители, укрыватели и недоносители. Новое уложеніе, вообще признающее соучастниками только непосредственныхъ совершителей преступленія, подстрекателей и пособниковъ, разсматриваетъ попустительство какъ злоупотребленіе по службѣ, укрывательство и недовесеніе—какъ противодѣйствіе правосудію [1]). Сообразно съ этимъ, попустители, укрыватели и недоносители въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ подлежатъ отвѣтственности не на основаніи правилъ, изложенныхъ въ третьей главѣ уложенія, а на основаніи постановленій, заключающихся въ главахъ 7-ой и 37-ой. Если государственное преступленіе принадлежитъ къ числу особенно тяжкихъ, то прикосновенность къ нему влечетъ за собою и болѣе тяжкую отвѣтственность. Такъ, напримѣръ, когда идетъ рѣчь о посягательствѣ, предусмотрѣнномъ статьею 99-ою, недоноситель подвергается, по ст. 163-ой, срочной каторгѣ, укрыватель, по ст. 166 и 168-ой—каторгѣ, на срокъ не свыше восьми лѣтъ, попуститель, по ст. 643-ей—каторгѣ срочной или на срокъ не свыше восьми лѣтъ (смотря по тому, совершилось ли посягательство или не совершилось.

Другое различіе, также весьма важное, касается пособниковъ. По общему правилу, выраженному въ ст. 51, наказаніе пособника, помощь котораго была несущественна, смягчается на основаніяхъ, ст. 53-ею установленныхъ (т.-е. смертная казнь замѣняется каторгой безъ срока или на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ). Изъ этого правила не сдѣлано никакого изъятія по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ; слѣдовательно, не-необходимые пособники этихъ преступленій не подлежатъ смертной казни. Третье различіе касается приготовленія къ государственному преступленію. По ст. 242-ой дѣйствующаго уложенія приготовленіемъ, влекущимъ за собою смертную казнь, считается, между прочимъ, словесное или письменное изъявленіе мыслей и предположеній, касающихся посягательства противъ особы императора. Ничего подобнаго новое уложеніе не устанавливаетъ; общее опредѣленіе, которое оно, въ ст. 50-ой, даетъ приготовленію (пріобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышленнаго преступнаго дѣянія почитается приготовленіемъ"), примѣнимо, за отсутствіемъ специальныхъ правилъ, и къ государственнымъ преступленіямъ, не исключая самыхъ тяжкихъ.

[1]) По ст. 170-ой недоноситель и укрыватель не подлежитъ наказанію, если преступленіе совершено членомъ его семьи. Такъ какъ изъ этого общаго правила не сдѣлано никакихъ изъятій, то и слѣдуетъ считать его примѣнимымъ и къ государственнымъ преступленіямъ.

Простое выраженіе умысла и въ этой сферѣ, слѣдовательно, наказанію не подлежитъ. Смягчена, въ большинствѣ случаевъ, и наказуемость приготовленія; смертная казнь сохранена для приготовленія къ посягательствамъ, предусмотрѣннымъ ст. 99-ою, но за приготовленіе къ бунту назначается каторга срочная или на срокъ не свыше десяти лѣтъ (смотря по степени опасности приготовленія; болѣе наказуемо оно тогда, когда виновный имѣлъ въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія). Изъ числа посягательствъ на членовъ императорскаго дома смертною казнью остаются обложенными лишь тѣ, которыя направлены противъ жизни. Всѣ эти отступленія отъ дѣйствующаго уложенія не только справедливы, но и цѣлесообразны. „Уравненіе умысла съ покушеніемъ и даже съ самымъ совершеніемъ"—читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи (т. II, стр. 19),—„приравненіе тягчайшихъ злодѣяній къ преступленіямъ меньшей важности, лишаютъ виновныхъ повода ограничить свою дѣятельность учиненіемъ болѣе легкаго преступленія, лишаютъ основанія остановиться и не идти далѣе по пути, однажды избранному, даютъ сильное орудіе главнымъ закоренѣлымъ злоумышленникамъ, пользующимся, какъ указываютъ судебныя данныя, этимъ безразличіемъ закона для терроризаціи вновь вступившихъ въ заговоръ, въ особенности юныхъ сочленовъ, указаніемъ на то, что для нихъ нѣтъ возврата, что они во всякомъ случаѣ не избѣгнутъ смертной казни".

Не совсѣмъ согласной съ общимъ строемъ третьей главы уложенія кажется намъ послѣдній отдѣлъ ст. 102-ой, относящейся къ преступнымъ сообществамъ. Въ первоначальномъ проектѣ редакціонной коммиссіи этой статьѣ соотвѣтствовала ст. 62-ая, конецъ которой былъ изложенъ такъ: „виновный въ подговорѣ кого-либо составить сообщество для учиненія мятежа или принять участіе въ такомъ сообществѣ наказывается поселеніемъ". Въ проектѣ, измѣненномъ министромъ юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи (ст. 86), передъ опредѣленіемъ наказанія (того же самаго) были вставлены слова: „буде онъ не подлежитъ наказанію какъ сообщникъ". Въ окончательной редакціи уложенія мы читаетъ слѣдующее: „виновный въ подговорѣ составить сообщество для учиненія тяжкаго преступленія, ст. 99 или 100 предусмотрѣннаго, или принять участіе въ такомъ сообществѣ, *если послѣднее не составилось*, наказывается: въ отношеніи сообщества для учиненія тяжкаго преступленія, ст. 100 предусмотрѣннаго—ссылкою на поселеніе; въ отношеніи сообщества для учиненія тяжкаго преступленія, статьею 99-ой предусмотрѣннаго—каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ". Перемѣна заключается здѣсь не только въ эвентуальномъ усиленіи наказанія, но и въ самомъ

опредѣленіи преступнаго дѣянія. По смыслу ст. 51-ой новаго уложенія подстрекательство наказуемо только тогда, когда преступное дѣяніе, служившее его предметомъ, дѣйствительно *учинено*. Въ текстѣ проекта, какъ первоначальнаго, такъ и измѣненнаго, не было ничего несовмѣстнаго съ этимъ общимъ правиломъ: предполагалось, очевидно, что подговоръ возъимѣлъ дѣйствіе, и подговорщикъ, поэтому, подлежитъ наказанію. Не то мы видимъ въ ст. 102-й уложенія: сообщество не состоялось, преступное дѣяніе не учинено, подговоръ остался безъ всякихъ послѣдствій—а между тѣмъ подговорщикъ подвергается наказанію. Наказуемымъ здѣсь является, слѣдовательно, *злой умыселъ*, вопреки общему началу, принятому составителями уложенія.

Едва ли послѣдовательна и другая перемѣна, внесенная въ текстъ уложенія послѣ того какъ оно вышло изъ рукъ редакціонной коммиссіи. Въ проектѣ, какъ первоначальномъ, такъ и измѣненномъ, строго различалось посягательство на особу императора, императрицы и наслѣдника престола (ст. 59 первоначальнаго проекта, ст. 83—измѣненнаго), отъ посягательства на образъ правленія, порядокъ престолонаслѣдія, права самодержавной власти и цѣлость имперіи (ст. 60 первоначальнаго проекта, ст. 84—измѣненнаго). Въ самомъ уложеніи посягательство на ограниченіе верховной власти перенесено въ статью (99-ую), предусматривающую посягательство на особу императора, между тѣмъ какъ оно ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ посягательства на образъ правленія, предусмотрѣннаго статьею 100-ою. Правда, наказаніе и тамъ, и тутъ одно и то же (смертная казнь): но только въ ст. 100-ой установлено его смягченіе, если посягательство обнаружено въ самомъ началѣ и не вызвало особыхъ мѣръ къ его подавленію, да и приготовленіе, недонесеніе, укрывательство, попустительство въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 100-ой, карается менѣе строго, чѣмъ въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 99-ой.

Глава четвертая новаго уложенія, посвященная государственной измѣнѣ, отличается, въ сравненіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ, значительнымъ смягченіемъ наказаній. Государственная измѣна, въ смыслѣ содѣйствія непріятелю въ его военныхъ или другихъ враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ, влечетъ за собою, по уложенію о наказаніяхъ, смертную казнь. Новое уложеніе грозитъ смертною казнью только за особо поименованные, важнѣйшіе случаи измѣны; въ первоначальномъ проектѣ (ст. 63) ихъ было указано пять, въ окончательной редакціи (ст. 108) прибавленъ еще шестой. Обыкновенное наказаніе за измѣну—срочная каторга, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину—безсрочная. Замѣнена каторгою смертная казнь и въ случаѣ вступленія русскаго подданнаго въ завѣдомо

непріятельское войско (ст. 109), и въ случаѣ возбужденія иностраннаго правительства къ военнымъ или инымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи (ст. 110). Точнѣе опредѣлены нѣкоторые другіе виды измѣны и вновь предусмотрѣны весьма важныя ея формы, ускользавшія до сихъ поръ отъ заслуженной кары. Ст. 114-ая грозитъ исправительнымъ домомъ тому, кто, исполняя договоръ или порученіе правительства о заготовленіи средствъ нападенія или защиты, или завѣдуя ихъ заготовленіемъ, завѣдомо допуститъ ихъ негодность и въ такомъ видѣ предъявитъ ихъ къ пріему [1]). Ст. 115-я назначаетъ аналогичное наказаніе за поставку завѣдомо вредныхъ или негодныхъ къ употребленію предметовъ довольствія для дѣйствующей арміи (или флота) или военныхъ (или морскихъ) госпиталей. Наравнѣ съ заготовляющимъ или сдающимъ отвѣчаетъ въ обоихъ случаяхъ тотъ, кто завѣдомо принимаетъ негодные предметы. Чтобы убѣдиться въ цѣлесообразности этихъ постановленій, стоитъ только припомнить вопіющія злоупотребленія, совершавшіяся при снабженіи нашихъ войскъ всѣмъ для нихъ необходимымъ, во время обѣихъ послѣднихъ восточныхъ войнъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что изъ числа наказаній за государственныя преступленія новое уложеніе совершенно исключаетъ конфискацію, до сихъ поръ удержавшуюся въ текстѣ дѣйствующаго уложенія (ст. 255), хотя давно уже не примѣнявшуюся на самомъ дѣлѣ.

Глава пятая новаго уложенія, озаглавленная: „о смутѣ“, обнимаетъ собою какъ нѣкоторыя изъ преступленій, въ дѣйствующемъ уложеніи именуемыхъ преступленіями противъ порядка управленія (напр. возстаніе противъ власти, противозаконныя сообщества), такъ и преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ другихъ отдѣлахъ (напр. возбужденіе къ неповиновенію верховной власти, дѣйствующимъ уложеніемъ относимое къ разряду государственныхъ преступленій). Признакомъ, объединяющимъ всѣ разновидности смуты, редакціонная коммиссія признаетъ *непосредственное* нарушеніе государственнаго спокойствія или государственной безопасности. Тѣ дѣянія, которыя нарушаютъ государственное спокойствіе лишь *посредственно*, создавая препятствія для правительственной дѣятельности вообще или въ ея отдѣльныхъ отрасляхъ, отнесены въ слѣдующія главы: шестую (о неповиновеніи власти) и седьмую (о противодѣйствіи правосудію). Провести намѣченную такимъ образомъ демаркаціонную черту было нелегко: слишкомъ близко соприкасаются между собою нѣкоторыя преступныя дѣянія, искусственно пріуроченныя къ различнымъ главамъ— напр. сопротивленіе, оказываемое скопищемъ (гл. 5, ст. 122 пун. 2),

---

[1]) Наказаніе повышается до срочной каторги, если негодные предметы были сданы при помощи особыхъ приспособленій или стачки съ пріемщикомъ.

и сопротивленіе, оказываемое нѣсколькими лицами (гл. 6, ст. 142 ч. 2), одинаково *непосредственно* нарушающія спокойствіе и безопасность. Это, впрочемъ, недостатокъ чисто внѣшній, не имѣющій существеннаго значенія. Обращаясь къ содержанію главы пятой и останавливаясь прежде всего на тѣхъ ея статьяхъ, которыя касаются разнаго рода *скопищъ*, мы считаемъ особенно важнымъ постановленіе ст. 121-ой, предусматривающей участіе въ такихъ публичныхъ скопищахъ, которыя имѣютъ цѣлью выразить неуваженіе верховной власти или порицаніе установленныхъ законами основными образа правленія или порядка наслѣдія престола, или заявить сочувствіе бунту, или измѣнѣ, или лицу, учинившему бунтовщическое или измѣнническое дѣяніе, или ученію, стремящемуся къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. До сихъ поръ къ участникамъ подобныхъ скопищъ примѣнялась обыкновенно ст. 252-ая уложенія о наказаніяхъ, назначающая наказаніе за произнесеніе публично рѣчей, въ коихъ, хотя и безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола. Такое явно распространительное толкованіе закона, объясняемое, но не оправдываемое отсутствіемъ спеціальныхъ, ad hoc изданныхъ правилъ, представляется особенно прискорбнымъ, въ виду тяжкаго наказанія, назначаемаго ст. 252-ою (каторжная работа на время отъ 4 до 6 лѣтъ). Новое уложеніе грозитъ участникамъ скопища, упомянутаго выше, заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ, а устроителю или руководителю скопища—заключеніемъ въ крѣпости [1]) или заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ. Болѣе строгое наказаніе (ссылка на поселеніе или заключеніе въ исправительномъ домѣ) опредѣлено для тѣхъ участниковъ скопища, которые не оставили его послѣ требованія разойтись, предъявленнаго въ присутствіи вооруженной силы. Не совсѣмъ понятно, почему въ послѣднемъ случаѣ допущено заключеніе въ исправительномъ домѣ. По общему правилу, принятому составителями уложенія, преступленія политическаго характера (если они не принадлежатъ ни къ числу самыхъ тяжкихъ, влекущихъ за собою смертную казнь или каторгу, ни къ числу наиболѣе легкихъ, за которыя назначается тюрьма или арестъ) караются ссылкой на поселеніе или заключеніемъ въ крѣпо-

[1]) Припомнимъ, что по новому уложенію опредѣленіе рода наказанія, безъ означенія максимальной его мѣры, даетъ суду право (при непризнаніи снисхожденія) довести наказаніе до высшаго предѣла, допускаемаго закономъ. Для заключенія въ крѣпости этотъ предѣлъ—шесть лѣтъ.

сти, но отнюдь не исправительнымъ домомъ. Свойство скопища, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не измѣняется, конечно, и послѣ прибытія вооруженной силы; не должно было, поэтому, измѣняться и свойство наказанія. Что введеніе въ послѣднюю часть ст. 121-ой заключенія въ исправительномъ домѣ нарушаетъ систему, проводимую уложеніемъ—это покажетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, что изъ двухъ осуждаемыхъ на основаніи вышеприведеннаго закона одинъ признается подлежащимъ болѣе тяжкой отвѣтственности, другой—менѣе тяжкой, но первому дается снисхожденіе. Исходной точкой для наказанія, опредѣляемаго первому, принимается ссылка на поселеніе, замѣняемая, за силою ст. 53-ей, заключеніемъ въ крѣпости; наказаніемъ второму служитъ заключеніе въ исправительномъ домѣ. Если и допустить, что срокъ заключенія будетъ назначенъ второму болѣе короткій, чѣмъ первому, то участь болѣе виновнаго все-таки окажется, de facto, болѣе легкой, чѣмъ участь менѣе виновнаго: громадное большинство предпочитаетъ провести два-три года въ крѣпости, чѣмъ годъ—въ исправительномъ домѣ, вмѣстѣ съ осужденными за преступленія противъ собственности и другія позорящія дѣянія. Въ обоихъ проектахъ, первоначальномъ (ст. 81) и измѣненномъ (ст. 105), наказаніе, въ данномъ случаѣ, назначалось только одно—поселеніе, отъ котораго возможенъ переходъ только къ заключенію въ крѣпости. Позднѣйшая вставка отнюдь, поэтому, не можетъ считаться перемѣной къ лучшему.

Кромѣ скопищъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, глава пятая уложенія предусматриваетъ съ одной стороны скопища менѣе преступныя, не стремившіяся прямо къ какой-либо противозаконной цѣли и не совершившія противозаконныхъ дѣйствій, но не исполнившія требованія разойтись (ст. 120; наказаніе, смотря по степени упорства участниковъ, арестъ или тюрьма), съ другой стороны—скопища болѣе преступныя, учинившія насиліе, сопротивленіе или принужденіе (ст. 122 и 123; наказаніе—исправительный домъ, а при особой опасности преслѣдуемыхъ цѣлей или употребленныхъ средствъ—срочная каторга). Намъ кажется, что участниковъ скопища, допустившаго, безъ отягчающихъ обстоятельствъ, только сопротивленіе власти (ст. 122 пун. 2 и ст. 145 ч. 1) правильнѣе было бы признать подлежащими *либо* заключенію въ исправительномъ домѣ, *либо* заключенію въ крѣпости, въ зависимости отъ свойства мотивовъ, вызвавшихъ сопротивленіе, и цѣлей, которыхъ имъ предполагалось достигнуть. Такая свобода въ выборѣ наказанія предоставлена суду, напримѣръ, ст. 125-ою уложенія, имѣющею въ виду сообщества, цѣлью дѣятельности которыхъ является возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или возбужденіе вражды между сословіями

или классами, или возбужденіе рабочихъ къ устройству или продолженію стачки.

Отъ непослѣдовательности въ родѣ той, которую мы замѣтили въ послѣдней части ст. 121-ой, несвободны также ст. 129-ая и 130-ая. Первая изъ нихъ имѣетъ въ виду произнесеніе или чтеніе публично рѣчи или сочиненія, или распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающихъ: 1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія, 2) къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, 3) къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти; 4) къ учиненію тяжкаго, кромѣ указанныхъ выше, преступленія. Наказаніе, въ случаяхъ первомъ и второмъ—ссылка на поселеніе, въ случаяхъ третьемъ и четвертомъ—заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Тѣ же самые случаи и тѣ же самыя наказанія мы встрѣчаемъ и въ ст. 130-ой, относящейся къ распространенію *непубличному*, но при условіяхъ особенно опасныхъ (напр. среди войска, рабочихъ или сельскаго населенія). Какъ уже было сказано выше, въ системѣ новаго уложенія ссылка на поселеніе, замѣняемая при снисхожденіи, заключеніемъ въ крѣпости, является наказаніемъ, спеціально предназначеннымъ для преступленій политическаго характера и вообще непозорящаго свойства. Политическій характеръ могутъ имѣть, безспорно, и дѣянія, предусмотрѣнныя въ пун. 3 и 4 ст. 129 и 130, наравнѣ съ предусмотрѣнными въ пун. 1-мъ и 2-мъ; почему же суду не предоставлено, по отношенію къ нимъ, право выбора между крѣпостью и исправительнымъ домомъ? Здѣсь возможна та же аномалія, на которую мы указали, говоря о ст. 121-ой: виновный въ болѣе тяжкомъ преступленіи можетъ быть присужденъ (при снисхожденіи) къ заключенію въ крѣпости, а виновный въ аналогичномъ, менѣе тяжкомъ преступленіи—къ заключенію въ исправительномъ домѣ. Свободный выборъ между обоими наказаніями былъ бы здѣсь столь же умѣстенъ, какъ и въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 125-ой. Скажемъ болѣе: рядомъ съ крѣпостью и исправительнымъ домомъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ въ пун. 3 ст. 129 и 130, поставить тюрьму, такъ какъ до крайности различна можетъ быть важность закона, обязательнаго постановленія или административнаго распоряженія, къ неповиновенію которымъ направлено возбужденіе. Правда, отъ исправительнаго дома можно перейти къ тюрьмѣ, но только въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія; между тѣмъ, самое преступленіе можетъ быть настолько маловажнымъ, что и при отсутствіи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, заключеніе въ исправи-

тельномъ домѣ являлось бы для него карой черезчуръ суровой? [1]). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣйствіе ст. 129-ой распространяется и на проступки печати, которые когда-нибудь должны же перейти изъ вѣдѣнія администраціи въ вѣдѣніе суда.

По ст. 132-ой виновный въ составленіи, размноженіи, храненіи или провозѣ изъ-за границы сочиненія или изображенія, статьями 128 и 129 указанныхъ [2]), съ цѣлью ихъ распространенія или публичнаго выставленія, если такое распространеніе или выставленіе *не послѣдовало*, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. То же самое наказаніе, при тѣхъ же условіяхъ, опредѣлено ст. 104-ою за составленіе, размноженіе, храненіе или провозъ изъ-за границы сочиненій или изображеній, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе или угрозу особѣ царствующаго императора, императрицы или наслѣдника престола. Между тѣмъ, *распространеніе* сочиненій и изображеній, предусмотрѣнныхъ ст. 104-ою, карается, на основаніи ст. 103-ей, гораздо строже (каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ), чѣмъ распространеніе сочиненій и изображеній, предусмотрѣнныхъ ст. 128-ою и 129-ою. Отсюда ясно, что всѣ дѣйствія, предшествующія распространенію послѣднихъ (составленіе, размноженіе, провозъ, храненіе), слѣдовало бы обложить наказаніемъ меньшимъ, чѣмъ опредѣленное ст. 104-ою: крайнимъ его предѣломъ могло бы служить, напримѣръ, заключеніе въ крѣпости на срокъ не свыше одного года. Содержаніе ст. 103 и 132 возбуждаетъ еще другія, болѣе важныя сомнѣнія, возникавшія уже въ средѣ редакціонной коммиссіи. Можно ли признавать наказуемыми такія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ даже признаковъ приготовленія къ преступленію? Кто размножаетъ сочиненіе, кто провозитъ изъ-за границы болѣе или менѣе значительное число его экземпляровъ, тотъ даетъ поводъ думать, что цѣль его — распространеніе сочиненія, и достаточно немногихъ данныхъ, чтобы возвести это предположеніе на степень доказаннаго факта; но какъ удостовѣрить наличность такой цѣли, если рѣчь идетъ о составленіи сочиненія или, тѣмъ болѣе, о храненіи или провозѣ его въ одномъ экземплярѣ? Не слѣдуетъ ли опасаться, что, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, достаточной уликой противъ обвиняемаго будетъ считаться самый фактъ состав-

---

[1]) Это замѣчаніе примѣнимо и къ ст. 125-ой, касающейся преступныхъ сообществъ.

[2]) По ст. 128-ой виновный въ оказаніи дерзостнаго неуваженія верховной власти или въ порицаніи установленныхъ законами основными образа правленія или порядка наслѣдія престола, произнесеніемъ или чтеніемъ, публично, рѣчи или сочиненія или распространеніемъ или публичнымъ выставленіемъ сочиненія или изображенія, наказывается ссылкою на поселеніе. Содержаніе ст. 129-ой изложено нами выше.

ленія, храненія или провоза, разъ что ему не дано удовлетворительнаго объясненія? Не сведется ли примѣненіе ст. 104-ой и 132-ой къ наказуемости умысла, еще не перешедшаго въ приготовленіе? Одинъ изъ членовъ редакціонной коммиссіи (И. Я. Фойницкій) предложилъ, въ измѣненіе текста, составленнаго большинствомъ, признать наказуемымъ „размноженіе, провозъ изъ-за границы, храненіе или передачу на храненіе въ мѣстахъ, предназначенныхъ или служащихъ для сбыта или оглашенія неопредѣленному числу людей" и уменьшить наказаніе до заточенія на срокъ не свыше одного года [1]). Находя, что эта редакція имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ принятою въ уложеніи, мы думаемъ, что для наказуемости храненія и провоза изъ-за границы необходимъ былъ бы еще одинъ добавочный признакъ: болѣе или менѣе значительное количество хранимыхъ или провозимыхъ экземпляровъ.

---

[1]) См. „Объясненія къ проекту редакціонной коммиссіи" т. II, стр. 121—122 и 216. Въ первоначальномъ проектѣ статьямъ 104 и 132 соотвѣтствуютъ статьи 76 и 91.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

Правительственныя сообщенія о македонскомъ вопросѣ.—Турція и великія державы, съ точки зрѣнія англійскихъ филантроповъ.—Письмо британскаго премьера.—Перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ и комбинаціяхъ.—Третейскій судъ во внѣшней политикѣ.—Манчжурскій вопросъ.—Новый франко-русскій журналъ въ Швейцаріи.

Какъ видно изъ „Правительственнаго Вѣстника" (отъ 22 сентября и 15 октября), статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ и графъ Голуховскій отправили 20 сентября россійскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополѣ нижеслѣдующую тождественную телеграмму:

„Въ послѣднее время вы были уполномочены сдѣлать заявленіе, что Россія и Австро-Венгрія неуклонно продолжаютъ предпринятое ими дѣло умиротворенія, придерживаясь выработанной въ началѣ года программы, несмотря на возникшія затрудненія къ ея осуществленію.

„Дѣйствительно, въ то время какъ, съ одной стороны, революціонные комитеты возбуждали безпорядки и препятствовали христіанскому населенію трехъ вилайетовъ оказать содѣйствіе къ выполненію реформъ, съ другой—органы Блистательной Порты, на коихъ возложено было примѣненіе таковыхъ, вообще не проявляли въ данномъ случаѣ желательнаго усердія и не прониклись истинными цѣлями, положенными въ основу этихъ мѣропріятій.

„Дабы явить доказательство ихъ твердой рѣшимости настоять на полномъ осуществленіи помянутыхъ реформъ, принятыхъ Портою и имѣющихъ цѣлью обезпечить общую безопасность, оба правительства условились относительно болѣе дѣйствительныхъ способовъ контроля и надзора. Вы безъ замедленія получите точныя указанія по сему предмету.

„Если съ одной стороны оба правительства вполнѣ признаютъ право и обязанность Блистательной Порты подавлять безпорядки, вызванные злоумышленною агитаціею комитетовъ, то съ другой—они не могутъ не сожалѣть, что это подавленіе сопровождалось насиліями и жестокостями, отъ которыхъ страдало мирное населеніе. Въ виду сего они считаютъ настоятельно необходимымъ придти на помощь жертвамъ этихъ прискорбныхъ событій, и вышеупомянутыя инструкціи вамъ укажутъ въ подробностяхъ на способы помочь лишеннымъ всякихъ средствъ къ существованію жителямъ, облегчить возвращеніе ихъ на мѣста и озаботиться возстановленіемъ сожженныхъ селеній, церквей и школъ.

„Правительства Россіи и Австро-Венгріи питаютъ твердую надежду, что ихъ непрестанныя усилія достигнутъ намѣченной цѣли прочнаго умиротворенія въ потерпѣвшихъ отъ смутъ областяхъ, и убѣж-

дены, что ихъ вполнѣ безпристрастные совѣты будутъ приняты всѣми, кого они касаются".

Предположенныя „точныя указанія", выработанныя затѣмъ обоими министрами иностранныхъ дѣлъ, получили форму нижеслѣдующей тождественной инструкціи, согласно которой представителями Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополѣ сдѣлано было Портѣ 9-го октября соотвѣтствующее представленіе.

„1. Для установленія контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ турецкихъ властей по приведенію въ исполненіе реформъ назначить при Хильми-пашѣ особыхъ гражданскихъ агентовъ отъ Россіи и Австро-Венгріи, которые будутъ обязаны всюду сопровождать главнаго инспектора, обращать его вниманіе на нужды христіанскаго населенія, указывать на злоупотребленія мѣстныхъ властей, передавать ему соотвѣтствующія представленія пословъ въ Константинополѣ и доносить своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ странѣ.

„Въ помощь этимъ агентамъ могли бы быть назначены секретари и драгоманы, которымъ будетъ поручено выполненіе ихъ приказаній и дано разрѣшеніе объѣзжать округа для опроса жителей христіанскихъ селеній, наблюденія за дѣятельностью мѣстныхъ властей и т. д.

„Въ виду того, что задача гражданскихъ агентовъ будетъ состоять въ наблюденіи за введеніемъ реформъ и умиротвореніемъ населенія, ихъ полномочія прекратятся черезъ два года послѣ назначенія.

„Высокая Порта должна предписать мѣстнымъ властямъ всячески облегчать этимъ агентамъ выполненіе порученной имъ задачи.

„2. Такъ какъ реорганизація турецкой жандармеріи и полиціи является одною изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ къ умиротворенію края, то необходимо немедленно же потребовать отъ Порты приведенія въ исполненіе этой реформы.

„Принимая, однако, во вниманіе, что приглашенные уже для этой цѣли нѣсколько шведскихъ и другихъ иностранныхъ офицеровъ, вслѣдствіе незнанія языка и мѣстныхъ условій, не могли принести соотвѣтственной пользы, то въ первоначальномъ проектѣ желательно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія:

„а) задача реорганизаціи жандармеріи въ трехъ вилайетахъ будетъ возложена на генерала иностранной національности на службѣ императорскаго оттоманскаго правительства, къ которому могли бы быть прикомандированы военные чины великихъ державъ; имъ будутъ поручены отдѣльные районы, на пространствѣ коихъ они будутъ дѣйствовать какъ контролеры, инструкторы и организаторы. Такимъ образомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи будутъ наблюдать за образомъ дѣйствій войскъ по отношенію къ населенію;

„б) эти офицеры могутъ, если это имъ представится необходимымъ, просить о прикомандированіи къ нимъ нѣкотораго числа иностранныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

„3. Какъ только обнаружено будетъ умиротвореніе страны, тотчасъ же потребовать отъ турецкаго правительства измѣненія территоріальнаго разграниченія административныхъ единицъ въ видахъ болѣе правильной группировки отдѣльныхъ народностей.

„4. Одновременно предъявить требованіе о преобразованіи административныхъ и судебныхъ учрежденій, въ каковыя желательно было бы открыть доступъ мѣстнымъ христіанамъ, содѣйствуя при этомъ развитію мѣстнаго самоуправленія.

„5. Немедленно учредить въ главныхъ центрахъ вилайетовъ смѣшанныя коммиссіи, образованныя изъ христіанскихъ и мусульманскихъ делегатовъ въ равномъ числѣ для разбора дѣлъ по политическимъ и инымъ преступленіямъ, совершеннымъ во время смутъ.

„Въ коммиссіяхъ этихъ должны участвовать консульскіе представители Россіи и Австро-Венгріи.

„6. Потребовать отъ турецкаго правительства ассигнованія особыхъ суммъ:

„а) для водворенія на мѣста ихъ прежняго жительства христіанскихъ семействъ, укрывшихся въ Болгаріи и въ другихъ мѣстностяхъ;

„б) на выдачу пособій христіанамъ, лишившимся крова и имущества;

„в) на возстановленіе жилищъ, храмовъ и школъ, разрушенныхъ турками во время возстанія.

„Коммиссіи, въ коихъ будутъ засѣдать видные представители христіанскаго населенія, будутъ завѣдывать распредѣленіемъ этихъ суммъ. Консулы Россіи и Австро-Венгріи будутъ наблюдать за ихъ расходованіемъ.

„7. Въ христіанскихъ селеніяхъ, выжженныхъ турецкими войсками и башибузуками, водворенные жители освобождаются въ теченіе года отъ уплаты всякихъ налоговъ.

„8. Оттоманское правительство возобновитъ обязательство безъ малѣйшаго замедленія ввести всѣ реформы, помянутыя въ проектѣ, выработанномъ въ февралѣ нынѣшняго года, такъ равно и тѣ, на настоятельность коихъ будетъ указано впослѣдствіи.

„9. Такъ какъ бо̀льшая часть насилій и жестокостей была совершаема илавэ (редифами второго разряда) и башибузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены и чтобы безусловно не было допускаемо образованіе шаекъ башибузуковъ".

Для того, чтобы эта дополненная и исправленная дипломатическая программа могла разсчитывать на практическое примѣненіе, необходимо согласіе и активное участіе самой Турціи, которая до сихъ поръ вообще не обнаруживала готовности подвергать себя иноземному контролю. А для успѣшнаго нравственнаго воздѣйствія на Порту въ данномъ направленіи было бы весьма важно полное единодушіе великихъ державъ относительно желательныхъ способовъ умиротворенія Балканскаго полуострова. Такое единодушіе, безъ сомнѣнія, существуетъ, насколько можно судить по формальнымъ заявленіямъ кабинетовъ. Австро-Венгрія и Россія дѣйствуютъ отъ имени всей Европы, и австро-русская программа турецкихъ реформъ оффиціально поддерживается Англіею, Франціею и Италіею, причемъ нѣтъ и рѣчи о скрытомъ принципіальномъ разладѣ, который въ былое время

служилъ главнымъ препятствіемъ цѣлесообразной совмѣстной политикѣ державъ на Востокѣ. Если замѣчаются разногласія въ настоящее время въ области балканскихъ дѣлъ, то скорѣе въ смыслѣ враждебномъ, чѣмъ благопріятномъ турецкому правительству; особенно рѣзко высказывается это настроеніе въ Англіи.

Англійская печать съ наибольшимъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями, происходящими въ Македоніи и въ другихъ провинціяхъ европейской Турціи; англійскіе общественные дѣятели и журналисты не скрываютъ своихъ чувствъ по отношенію къ турецкой системѣ управленія. Въ концѣ сентября собрался въ Лондонѣ многолюдный митингъ, подъ предсѣдательствомъ епископа ворчестерскаго, для обсужденія македонскаго вопроса; въ числѣ ораторовъ были членъ парламента Брайсъ, сэръ Фрей, лордъ Стэнморъ и пасторъ Кемпбелль. Собраніемъ принята была резолюція, въ которой заявляется, что непосредственная власть султана должна прекратиться въ Македоніи; что дѣйствія Великобританіи въ 1878 году и ея обязательства по берлинскому трактату возлагаютъ на нее настоятельный долгъ убѣждать другія державы въ преимуществахъ такой политики; и что слѣдуетъ организовать денежный фондъ для оказанія пособій македонскимъ бѣглецамъ. Въ общественномъ движеніи въ пользу македонцевъ участвуютъ главнымъ образомъ духовныя лица, во имя принциповъ христіанской религіи; лондонская „федерація свободной церкви“ устроила митингъ подобнаго рода, и видные англиканскіе епископы публично выражаютъ свои мнѣнія о туркахъ и туркофильской дипломатіи. Въ Манчестерѣ состоялось также народное собраніе для протеста противъ турокъ, по почину мѣстнаго лордъ-мэра. Епископъ гибралтарскій пишетъ, что македонская проблема представляетъ не болѣе трудностей, чѣмъ прежнія турецкія задачи, благополучно разрѣшенныя на островѣ Критѣ, въ Босніи и въ Восточной Румеліи. Архіепископъ кентерберійскій счелъ своею обязанностью сообщить главѣ британскаго правительства о „возростающей тревогѣ между служителями церкви въ виду непринятія мѣръ, могущихъ уменьшить страданія македонскаго населенія“. Первый министръ отвѣтилъ архіепископу пространнымъ письмомъ, которое было тотчасъ же оффиціально напечатано въ „Times“ и по англійскому обычаю подверглось свободной критикѣ въ той же газетѣ, равно какъ и въ другихъ изданіяхъ. Признавая вполнѣ естественнымъ негодованіе англичанъ по поводу бѣдствій турецкихъ христіанъ, м-ръ Артуръ Джемсъ Бальфуръ указываетъ на нѣкоторыя существенныя обстоятельства, слишкомъ часто забываемыя при оцѣнкѣ балканскихъ дѣлъ. Само христіанское населеніе Македоніи раздѣлено на враждебные между собою элементы, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на господство. „Приблизительно третья часть

населенія — магометане; изъ остальной массы жителей большинство состоитъ изъ болгаръ, подчиненныхъ въ религіозномъ отношеніи экзарху, и изъ грековъ, подвластныхъ патріарху. Всѣ страдаютъ отъ дурного турецкаго управленія; всѣ въ огромной степени выиграли бы отъ реформы. Но тогда какъ магометане приходятъ въ ужасъ отъ одной мысли о христіанскомъ владычествѣ, христіане-экзархисты жестоко преслѣдуютъ христіанъ-патріархистовъ, и греки скорѣе нашли бы покровительство для своей народности и религіи подъ властью султана, чѣмъ въ свободной борьбѣ съ болгарами при неограниченной мѣстной автономіи". Если еще къ этимъ внутреннимъ племеннымъ и религіознымъ распрямъ присоединить внѣшнее соперничество великихъ и малыхъ государствъ, заинтересованныхъ въ судьбѣ Македоніи, то станетъ очевиднымъ, что „Европѣ приходится здѣсь имѣть дѣло съ проблемою совершенно исключительною по характеру и по трудности". Лучшимъ способомъ дѣйствія въ этомъ случаѣ является, по мнѣнію Бальфура, „постоянная кооперація Австріи и Россіи, подкрѣпляемая помощью и совѣтами другихъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи берлинскаго трактата". Австрія и Россія уже „въ силу своего географическаго положенія обладаютъ ни съ чѣмъ несравнимымъ вліяніемъ на разнородные элементы Балканскаго полуострова; никакія другія націи не могутъ дѣйствовать тамъ столь успѣшно, и никакая другая нація или группа націй не могла бы тамъ ничего сдѣлать, еслибы Австрія и Россія относились къ дѣлу подозрительно или враждебно. Изъ этого слѣдуетъ,—говоритъ въ заключеніе Бальфуръ,—что мы должны теперь поддерживать обѣ державы ради улучшенія жизни Македоніи и для избѣжанія международныхъ замѣшательствъ. Конечно, за нами остается право предлагать извѣстныя поправки и измѣненія; мы это дѣлали и будемъ дѣлать и впредь, когда представится къ тому поводъ. Но было бы нелѣпо упускать изъ виду, что въ извѣстныхъ случаяхъ двѣ державы сильнѣе трехъ, для исполнительныхъ цѣлей, и что увеличеніе числа участниковъ сопровождалось бы соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ сплоченности и единства дѣйствій".

Обсуждая интересное письмо британскаго премьера, газеты напоминаютъ, что Англія болѣе всего способствовала расширенію первоначальной австро-русской программы, и что сдержанность тона Бальфура достаточно объясняется и оправдывается обстоятельствами. Спеціальный корреспондентъ „Times"'а, недавно возвратившійся изъ Македоніи, опровергаетъ, между прочимъ, замѣчаніе министра о мусульманахъ, относящихся, будто бы, отрицательно къ дѣлу реформъ; напротивъ, по словамъ корреспондента, турки не менѣе христіанъ страдаютъ отъ неурядицъ и жаждутъ установленія прочнаго законнаго

порядка. „Христіане могутъ по крайней мѣрѣ искать защиты у консуловъ, а намъ некому жаловаться“,—говорятъ нерѣдко туземные обыватели-магометане. Въ Салоникахъ къ сотруднику „Times“ обращались по секрету разные представители турецкаго населенія, въ томъ числѣ мусульманскіе землевладѣльцы, чиновники и даже муллы, съ цѣлью побудить иностранную печать вступиться и за мусульманскихъ жителей Турціи, которые также нуждаются въ гарантіяхъ личной и общественной безопасности, въ избавленіи отъ административныхъ насилій и произвола, хотя бы при помощи международнаго вмѣшательства. Безъ сомнѣнія, хорошая и честная администрація столь же необходима для турокъ, какъ и для христіанъ, и цѣлесообразныя реформы въ мѣстномъ правительственномъ строѣ оказались бы благодѣтельными и для мусульманскаго населенія; тѣмъ не менѣе мусульманскій элементъ, связанный съ правительствомъ единствомъ религіи и расы, пользуется все-таки привилегированнымъ положеніемъ сравнительно съ христіанами и не можетъ смотрѣть на иноземное вмѣшательство иначе, какъ враждебно. Тѣ турецкіе обыватели, которые ждутъ помощи отъ иностранныхъ державъ и отъ международнаго контроля, составляютъ вѣроятно ничтожное исключеніе въ массѣ мусульманскихъ патріотовъ и фанатиковъ, слѣпо подчиняющихся традиціямъ религіознаго и политическаго режима Турціи. Однако, какъ удостовѣряетъ „Times“, мѣстная автономія примирила бы мусульманъ съ новыми условіями быта, подъ ближайшимъ надзоромъ великихъ державъ, а въ ожиданіи этой будущей автономіи нужно желать успѣха предварительнымъ административнымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ, намѣченнымъ въ австро-русской программѣ.

Въ послѣднее время много говорится въ иностранной печати о перемѣнахъ въ группировкѣ великихъ державъ и о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ, призванныхъ нанести послѣдній ударъ устарѣлому тройственному союзу. Италія все болѣе сближается съ Франціею, и поѣздка короля Виктора-Эммануила III съ королевою Еленою въ Парижъ послужила поводомъ къ такимъ шумнымъ и искреннимъ народнымъ проявленіямъ франко-итальянскихъ симпатій, какихъ не ожидали, повидимому, сами правители обѣихъ странъ. Въ Италіи происходили многочисленныя манифестаціи въ честь французовъ и Франціи; страною внезапно овладѣла жажда французской дружбы, и эти порывы имѣли такой горячій, страстный характеръ, какъ будто въ нихъ выражалось раскаяніе за многіе годы холоднаго, недоброжелательнаго соперничества и недовѣрія. Итальянцы начинаютъ ясно сознавать, что политика Бисмарка и Криспи, создавшая атмосферу

вражды между двумя сосѣдними народами латинской расы, совершенно не соотвѣтствовала реальнымъ интересамъ, потребностямъ и стремленіямъ Италіи и вовлекла ее въ ненужныя разорительныя обязательства, ради обезпеченія политическаго преобладанія Германіи и Австро-Венгріи. Союзъ съ германскою имперіею не только не доставилъ итальянцамъ никакихъ выгодъ, но имѣлъ пагубное вліяніе на весь ходъ новѣйшаго развитія Италіи, направивъ ея заботы на путь односторонняго внѣшняго могущества и милитаризма въ ущербъ насущнымъ нуждамъ населенія. Національное самолюбіе на первыхъ порахъ удовлетворялось ролью великой державы, вполнѣ равноправной съ двумя первенствующими имперіями центральной Европы; Италія съ каждымъ годомъ увеличивала свои расходы на армію и флотъ, подъ предлогомъ возможныхъ, будто бы, столкновеній съ Франціею, и въ то же время гордилась своею принадлежностью къ тройственному союзу, имѣвшему своею задачею сохраненіе общаго европейскаго мира. Эпоха отрезвленія наступила уже довольно давно, и стѣснительные союзы продолжали существовать только потому, что отреченіе отъ нихъ могло бы повредить установившимся дружественнымъ связямъ между тремя правительствами. Чувства итальянцевъ къ Австріи и австрійцамъ всегда оставались въ сущности непріязненными, и многіе спорные вопросы австрійской политики вызывали понятное раздраженіе въ Италіи; вѣнскій кабинетъ не давалъ хода мѣстному итальянскому патріотизму въ предѣлахъ австро-итальянскихъ земель и систематически отстранялъ также притязанія Италіи на самостоятельные политическіе интересы въ Албаніи и въ другихъ областяхъ Балканскаго полуострова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австро-Венгрія, какъ католическая держава, слишкомъ часто напоминала о своихъ старинныхъ близкихъ отношеніяхъ къ Ватикану, и во имя этихъ отношеній откровенно нарушала принципъ взаимности относительно Италіи; итальянскіе патріоты до сихъ поръ не могутъ забыть, что императоръ Францъ-Іосифъ не отдалъ визита покойному королю Гумберту въ Римѣ, изъ опасенія возбудить неудовольствіе папы, для котораго Римъ есть по прежнему собственность святѣйшаго престола, незаконно захваченная савойской династіею. Нежеланіе вѣнскаго двора признать Римъ столицею итальянскаго королевства наглядно показало Европѣ, что Австро-Венгрія не примирилась еще съ совершившимся національнымъ объединеніемъ Италіи и что союзъ обѣихъ державъ есть только искусственная кабинетная комбинація, лишенная надежной почвы. Тѣмъ не менѣе, тройственная „лига мира" держится еще номинально, подъ заботливымъ руководствомъ Германіи; но и послѣдняя не обнаруживаетъ уже прежняго интереса къ излюбленному дипломатическому созданію князя Бисмарка. Союзъ, придуманный спеціально про-

тивъ Франціи и Россіи, утратилъ свой raison d'être, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ или смягчился антагонизмъ между Германіею и Россіею, и установились прочныя мирныя отношенія между французами и нѣмцами; боязнь войны изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи перестала волновать умы, и гарантіи европейскаго мира вышли уже изъ-подъ исключительной власти Берлина послѣ заключенія франко-русскаго союза.

Измѣнившееся международное положеніе въ Европѣ лучше всего характеризуется такими краснорѣчивыми фактами, какъ совмѣстныя дѣйствія Россіи и Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, дружественныя франко-итальянскія манифестаціи, оффиціальныя напоминанія о прошлыхъ совмѣстныхъ войнахъ для освобожденія Италіи, свиданія императоровъ въ Шенбруннѣ и въ Висбаденѣ. Правители великихъ державъ остаются какъ бы внѣ традиціонныхъ союзовъ, сближаются и расходятся свободно, безъ всякой связи съ старыми политическими комбинаціями, и даже какъ будто въ ущербъ этимъ комбинаціямъ, которыя фактически приходятъ постепенно въ забвеніе. Публика мало-по-малу привыкаетъ къ мысли, что миръ и безопасность Европы основываются вовсе не на союзахъ тройственномъ или двойственномъ, не на секретныхъ охранительныхъ трактатахъ, а на общихъ интересахъ спокойнаго культурно-политическаго развитія, интересахъ, одинаково близкихъ всѣмъ европейскимъ народамъ и государствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ пріобрѣтаетъ значеніе, какого она никогда еще не имѣла въ прежнія времена.

Англія и Франція заключили между собою формальный договоръ, которымъ обѣ державы обязываются „всѣ возникающія между ними разногласія юридическаго характера или вытекающія изъ толкованія трактатовъ передавать на разсмотрѣніе постояннаго третейскаго суда, учрежденнаго въ Гаагѣ на основаніи конвенціи 29 іюля 1899 года, если окажется невозможнымъ разрѣшить эти несогласія при помощи дипломатіи и если они по существу не затрогиваютъ жизненныхъ интересовъ, независимости или чести спорящихъ сторонъ, и также если они не касаются интересовъ какой-либо третьей державы". Съ перваго взгляда можетъ казаться, что оговорка насчетъ жизненныхъ интересовъ и чести сторонъ отнимаетъ отъ компетенціи третейскаго суда именно ту категорію спорныхъ вопросовъ, которая чаще всего служитъ источникомъ опасныхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, если третейскому разбирательству будутъ подлежать только споры юридическаго характера, не задѣвающіе ни національнаго достоинства, ни жизненныхъ интересовъ державъ, то сфера примѣненія принциповъ третейскаго суда нисколько не расширится, и возможность войнъ не перестанетъ угрожать культурному человѣчеству. Однако понятія о

жизненныхъ интересахъ и о національной чести крайне растяжимы и перемѣнчивы, и отъ практическихъ государственныхъ людей всегда будетъ зависѣть отнесеніе самыхъ щекотливыхъ вопросовъ къ разряду споровъ юридическаго характера или вытекающихъ изъ толкованія договоровъ,—точно также какъ и наоборотъ, вполнѣ безразличные или чисто формальные споры могутъ легко получить значеніе жгучихъ конфликтовъ, не допускающихъ спокойнаго обсужденія. При современныхъ условіяхъ политической жизни ни одно разумное правительство не возьметъ на себя тяжелой отвѣтственности за возбужденіе войны, пока существуетъ малѣйшая возможность уладить возникшій споръ мирнымъ путемъ, и можно заранѣе сказать, что культурныя государства въ своихъ взаимныхъ счетахъ будутъ все чаще и послѣдовательнѣе истолковывать возникающіе споры въ такомъ духѣ, чтобы мирное разрѣшеніе ихъ подразумѣвалось само собою. То, что̀ въ былое время считалось недоступнымъ безпристрастной судебной оцѣнкѣ и приводило обыкновенно къ кровавой расправѣ, не вызываетъ нынѣ никакихъ серьезныхъ затрудненій или замѣшательствъ, и вопросы, казавшіеся нѣкогда въ высшей степени трудными и скользкими, очень часто разрѣшаются теперь благополучно при содѣйствіи спеціальныхъ коммиссій или трибуналовъ, хотя бы дѣло шло о крупныхъ національныхъ интересахъ, связанныхъ съ соображеніями и чувствами патріотизма. Недавно смѣшанная коммиссія изъ трехъ американцевъ и трехъ англичанъ разрѣшила споръ о границѣ между территоріею Аляски и владѣніями Канады, и благодаря тому, что англійскій „лордъ-главный судья“, лордъ Эльверстонъ, убѣдился доводами американцевъ и высказался въ ихъ пользу, большинство трибунала оказалось на сторонѣ Соединенныхъ Штатовъ; значительная полоса земли, считавшаяся спорною, окончательно включена теперь въ американскія владѣнія, на основаніи подробнаго толкованія отдѣльныхъ статей договоровъ, опредѣлявшихъ права Россіи на Аляску до передачи этой области сѣвероамериканскому правительству. Споры о границахъ поземельныхъ владѣній между государствами принадлежатъ несомнѣнно къ числу очень серьезныхъ, затрогивающихъ и національную честь, и жизненные интересы населенія, и такого рода вопросы, какъ и многіе другіе, не менѣе важные, связанные съ толкованіемъ договоровъ, дѣлаются отнынѣ достояніемъ международнаго третейскаго суда, по иниціативѣ Англіи и Франціи. Съ этой точки зрѣнія новѣйшій англо-русскій трактатъ представляетъ крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ распространенія принциповъ международнаго арбитража въ современномъ культурномъ мірѣ.

Вопросъ о судьбѣ Манчжуріи также могъ бы быть предметомъ третейскаго суда согласно принципамъ англо-французскаго договора, ибо разгорѣвшійся споръ вытекаетъ изъ толкованія трактата, заключеннаго нами съ Китаемъ, и не затрогиваетъ непосредственно ни національной чести, ни жизненныхъ интересовъ Россіи. Національная честь наша вовсе не требуетъ, чтобы мы окончательно присоединили Манчжурію, которую раньше обѣщали очистить подъ извѣстными условіями, а жизненные интересы Россіи рѣшительно не дозволяютъ намъ брать на себя тяжелую обузу ежегодныхъ многомилліонныхъ затратъ на благоустройство китайской провинціи, плотно населенной чуждымъ намъ культурнымъ азіатскимъ племенемъ,—тѣмъ болѣе что принятіе на себя этой обузы испортило бы на многіе годы наши международныя отношенія на дальнемъ Востокѣ и заставило бы насъ постоянно держать тамъ наготовѣ огромныя вооруженныя силы, въ ущербъ европейскимъ интересамъ Россіи и нуждамъ ея коренного русскаго населенія. Трудность вопроса заключается только въ томъ, что насъ связываютъ съ Манчжуріею построенныя нами въ этой странѣ двѣ желѣзнодорожныя линіи, обошедшіяся круглымъ счетомъ около полумилліарда рублей; одна изъ этихъ дорогъ, соединяющая великій сибирскій путь съ Владивостокомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдана нами въ чужія руки, а другая, ведущая къ Портъ-Артуру, могла бы перейти въ завѣдываніе китайцевъ или иностранцевъ, еслибы мы рѣшились благоразумно отречься отъ широкихъ разорительныхъ плановъ и предпріятій на Квантунскомъ полуостровѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы сдѣлали крупную ошибку, увлекшись мыслью о соединеніи сибирской магистрали съ Тихимъ океаномъ черезъ китайскую территорію, не представляющую для насъ никакихъ гарантій безопасности; мы безъ всякой надобности создали себѣ источникъ хроническихъ затрудненій и тревогъ въ отдаленномъ краѣ, который для своего культурнаго развитія нуждается, прежде всего, въ прочномъ внѣшнемъ мирѣ и спокойствіи. Этотъ отдаленный край и безъ того поглощаетъ слишкомъ большія суммы изъ нашего государственнаго бюджета, питаемаго скудными средствами обѣднѣвшаго русскаго населенія; въ одно десятилѣтіе, съ 1888 по 1898 годъ, общая цифра ежегодныхъ приплатъ казны по Приморской области составляетъ болѣе 150 милліоновъ рублей, если не считать расходовъ по вѣдомствамъ военному и морскому. Русская торговля на дальнемъ Востокѣ совершенно ничтожна и не имѣетъ шансовъ успѣха и въ будущемъ, пока существуетъ у насъ покровительственная система, поддерживающая плохія качества товаровъ и страшную дороговизну всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія; мѣстные русскіе жители, не исключая и самыхъ суровыхъ патріотовъ, вынуждены пріобрѣтать

заграничные продукты, преимущественно американскіе, уплачивая за нихъ непомѣрно высокія пошлины. О какомъ-либо торговомъ соперничествѣ нашемъ съ англичанами, американцами и японцами въ Манчжуріи не можетъ быть и рѣчи, и полезная русская предпріимчивость не явится тамъ на смѣну иностранной, даже при полномъ вытѣсненіи послѣдней искусственными и насильственными мѣрами; явятся только многочисленные хищники, готовые смѣло распредѣлять и расходовать казенные милліоны подъ разными благовидными предлогами. Мы не видимъ основанія поощрять аппетиты этой новой хищной породы „манчжурцевъ", которые уже нашли себѣ усердныхъ союзниковъ въ такъ-называемой патріотической печати. Громкія слова о величіи и славѣ Россіи никого не введутъ въ заблужденіе, когда дѣло идетъ объ открытіи новыхъ неограниченныхъ путей къ быстрой и легкой наживѣ на счетъ россійской казны. Россія не нуждается въ доказательствѣ своего могущества посредствомъ новыхъ военныхъ подвиговъ; для нея война съ Японіею была бы совершенно безцѣльною тратою силъ, особенно пагубною для будущаго, въ виду враждебныхъ къ намъ отношеній Англіи и отчасти также Соединенныхъ Штатовъ. Такъ какъ за японцами стоятъ союзники ихъ, англичане, то нашъ флотъ въ Тихомъ океанѣ всегда подвергался бы опасности уничтоженія, и даже въ лучшемъ случаѣ наши побѣды были бы крайне непрочны и никогда не обезпечили бы намъ окончательнаго и надежнаго мира на дальнемъ Востокѣ; мы нажили бы себѣ вѣчнаго непримиримаго врага въ Японіи и должны были бы постоянно ограждать себя отъ безпокойнаго сосѣда, для котораго доступъ къ азіатскому материку есть вопросъ жизни. И все это только ради того, чтобы имѣть удовольствіе тратить десятки и сотни милліоновъ рублей на китайскую провинцію, гдѣ намъ въ сущности и дѣлать нечего, и не допускать туда дешевыхъ и хорошихъ иностранныхъ товаровъ во избѣжаніе соблазна для злополучныхъ обывателей пограничныхъ русскихъ владѣній! Газетные патріоты напрасно ссылаются на задорный, вызывающій тонъ японскахъ дѣятелей и журналистовъ: возбужденное общественное мнѣніе Японіи свидѣтельствуетъ только о томъ, что Россіи приписываются коварные завоевательные планы, направленные противъ жизненныхъ интересовъ японской націи,—планы, совершенно несовмѣстимые съ общимъ миролюбивымъ характеромъ нашей внѣшней политики. Истинныя основы этой политики еще недавно подтверждены въ высокознаменательномъ письмѣ Государя Императора къ президенту Лубѐ, и, безъ сомнѣнія, японцы тотчасъ успокоятся, когда убѣдятся въ ошибочности своихъ предположеній и опасеній. Въ томъ же духѣ правды и миролюбія долженъ разрѣшиться и манчжурскій

вопросъ для пользы Россіи, вопреки всѣмъ мнимо-патріотическимъ возгласамъ искателей казенныхъ милліоновъ.

Въ западной Европѣ существуетъ уже не мало періодическихъ изданій, основанныхъ на русскія деньги и имѣющихъ цѣлью ознакомленіе иностранной публики съ Россіею, съ ея экономическими и финансовыми дѣлами; потребность въ такихъ изданіяхъ вызывалась преимущественно усилившимся за послѣдніе годы распространеніемъ русскихъ процентныхъ бумагъ за границей, вслѣдствіе чего и самыя изданія имѣли отчасти спеціально-финансовый характеръ и наиболѣе внимательно обсуждали вопросы государственнаго кредита. Разъясняя иностранцамъ наши финансовые успѣхи, эти òрганы попутно изображали утѣшительныя картины нашего общаго политическаго положенія, говорили о благополучномъ процвѣтаніи народа и нерѣдко весьма краснорѣчиво отзывались о великихъ достоинствахъ и заслугахъ отдѣльныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Недостаткомъ этихъ изданій является пристрастіе ихъ къ высшей политикѣ и къ тонкой дипломатіи, чего не любятъ дѣловые иностранцы, и потому похвальное благонамѣренное усердіе часто вызываетъ лишь недовѣріе и подозрительность читателей. Отъ такого типа литературныхъ предпріятій рѣзко отличается скромный журналъ „La Russie“, издаваемый съ іюля настоящаго года въ Лозаннѣ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, который почти цѣлую четверть вѣка прожилъ за границей и стоитъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ партій. Насколько можно судить по вышедшимъ до сихъ поръ нумерамъ, журналъ ставитъ себѣ задачей слѣдить за русскою экономическою жизнью и литературою, знакомить съ ходомъ русскаго законодательства и съ положеніемъ нашихъ финансовъ. Такъ, въ полученномъ нами нумерѣ отъ 20 сентября разбирается прежде всего новый законъ о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи на фабрикахъ и заводахъ; затѣмъ помѣщены статьи о пользованіи водами въ Россіи, о внѣшней русской торговлѣ, о русскомъ искусствѣ, о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ связи съ бюджетомъ на 1903 годъ, переводъ разсказа Тургенева „Пѣвцы“, беллетристическій очеркъ г. Дорошевича и др. Общій спокойный тонъ журнала производитъ выгодное впечатлѣніе и можетъ доставить изданію успѣхъ среди той части заграничной публики, которая интересуется Россіею и ея дѣлами не съ точки зрѣнія политики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

I.

— Профессоръ А. Н. Гиляровъ. „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи". Кіевъ. 1902.

Подведеніе историческихъ, техническихъ и литературныхъ, въ широкомъ смыслѣ, итоговъ истекшаго столѣтія должно представлять громадную, хотя и весьма трудную работу. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса многочисленныхъ и разнородныхъ событій, открытій и явленій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія отдаленныхъ и, по большей части, непредвидѣнныхъ въ свое время послѣдствій, конечно, требуетъ гораздо болѣе вдумчивости и способности къ строгому анализу, чѣмъ логическое развитіе *возможностей*, дающее содержаніе систематическимъ очеркамъ *будущаго*. Вотъ почему существуетъ рядъ интересныхъ и даже блестящихъ очерковъ того, что̀ разовьется и будетъ существовать въ области человѣческой жизни чрезъ сто лѣтъ. Такова, напримѣръ, книга Шарля Ришэ „Dans cent ans". Сюда же можно отнести и книгу Уэльса „Предвидѣнія" (Москва, 1902 г.), представляющую до крайности оригинальное начертаніе—того пути, по которому совершится, по мнѣнію автора, въ наступившемъ столѣтіи развитіе обширныхъ городовъ и способовъ передвиженія,—измѣненія взглядовъ на войну и тѣ ея условія, которымъ предстоитъ преобладающая роль, а также той борьбы за существованіе, въ которую вступятъ между собою европейскіе языки. „Республика будущаго",—рисуемая Уэльсомъ, не безъ вліянія ученій Ницше,—обниметъ собою весь міръ, принимая въ свои граждане всѣхъ, способныхъ приносить пользу, безъ различія племени и религіи;—она внушитъ имъ, что самая жизнь есть привилегія, связанная съ отвѣтственностью, и что „міръ—не благотворительное учрежденіе", и будетъ, поэтому, во имя счастья здоровыхъ и

свободныхъ людей, безпощаденъ къ жалкимъ, безпомощнымъ и безполезнымъ, которые плодятся „по тупости и невоздержанію".

Съ другой стороны, мы до сихъ поръ имѣемъ весьма поверхностныя, лишь за очень небольшими исключеніями, попытки обрисовать итоги ушедшаго вѣка, ограничивающіяся лишь внѣшнимъ сравненіемъ послѣднихъ годовъ соприкасающихся столѣтій, какъ это сдѣлано, напр., Максомъ Ленцемъ въ его „Jahrhunderts-Ende vor hundert Jahren und jetzt". Быть можетъ, еще не настало время для серьезнаго труда въ этомъ отношеніи, и контрастъ яркихъ и темныхъ красокъ прошлаго вѣка еще лишаетъ наблюдателя возможности уловить общій и господствующій колоритъ картины. Быть можетъ, также, объективности взгляда мѣшаютъ завѣщанные прошлымъ вѣкомъ настоящему неразрѣшенные вопросы и находящіяся въ состояніи назрѣванія общественныя явленія, а разгадка смысла и значенія ихъ принадлежитъ будущему. Поэтому—для болѣе или менѣе вѣрнаго общаго итога или, вѣрнѣе, инвентаря наслѣдія XIX вѣка,—покуда можно лишь подводить отдѣльные, приблизительные итоги, захватывающіе по очереди человѣческую мысль и изобрѣтательность, условія и формы общежитія, техническое достояніе и политическіе идеалы—и притомъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ времени. Впослѣдствіи, изъ нихъ, какъ изъ кусочковъ мозаики, окажется возможнымъ составить одно цѣлое и, сгладивъ строгимъ анализомъ шероховатости частей, создать одну синтетическую картину.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать трудъ кіевскаго профессора А. Н. Гилярова и не отдать справедливости настойчивой и сложной работѣ, положенной имъ въ основаніе своего очерка міропониманія во Франціи конца XIX вѣка по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Множество ссылокъ и выписокъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ беллетристическихъ, публицистическихъ, историческихъ и философскихъ произведеній, искусно и безъ натяжекъ связанныхъ руководящею мыслью, указываетъ на размѣры этой работы. Умѣнье заставить самыхъ разнообразныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями для подтвержденія выводовъ составителя книги доказываетъ значительную долю самостоятельности, вложенную въ его трудъ. Стараясь, по собственному выраженію, быть лишь „передатчикомъ и истолкователемъ" созданій французской мысли и „оставаться въ тѣни",—профессоръ Гиляровъ, начертавъ строго обдуманную схему своего изслѣдованія, переноситъ центръ тяжести именно въ истолкованіе, которому и отдается съ широкой объективностью и спокойствіемъ, чуждымъ страстныхъ полемическихъ или публицистическихъ пріемовъ. Въ немъ, прежде всего, чувствуется вдумчивый созерцатель движенія человѣческой мысли, предъ кото-

рымъ ея *скитанія* и нерѣдкая ея безплодность не заслоняютъ глубокаго и подчасъ возвышеннаго смысла ея неустанной работы и вѣчнаго *исканія*. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на главу VIII-ой книги, посвященную почти всецѣло Ренану (стр. 215—332) и представляющую собою критическій трудъ, могущій быть выдѣленнымъ въ цѣлое самостоятельное сочиненіе; или на главу IX, главное мѣсто въ которой отведено Тэну, или, наконецъ, на главу XIV, содержащую въ себѣ цѣнный по своему безпристрастію очеркъ символизма и декадентства, одинаково чуждый и огульныхъ осужденій, и слѣпого восторга предъ лишенною нерѣдко всякаго содержанія формой.

Книга профессора Гилярова открывается указаніемъ на тотъ духовный переломъ, который переживала въ концѣ XIX в. (и переживаетъ до сихъ поръ) Франція, когда старые идеалы, построенные на завѣщанной XVIII-мъ вѣкомъ горячей вѣрѣ въ могущество разума и благородство человѣческой природы—продолжають жить лишь въ силу инерціи, но совершенно утратили свое животворящее значеніе. Франція, такъ долго видѣвшая панацею отъ всѣхъ золъ въ „великихъ принципахъ“ 1789 года, глаголетъ ихъ нынѣ устами, почти не ощущая ихъ въ сердцѣ. Она, повидимому, судя по мнѣніямъ, приводимымъ авторомъ, убѣдилась, что приложеніе отвлеченныхъ началъ „свободы и равенства“ не только не вызываетъ собою расцвѣта „братства“, но что, въ абсолютномъ своемъ видѣ, эти начала сами по себѣ почти неосуществимы, такъ какъ практическая жизнь, мѣняя свои формы какъ Протей, отрицаетъ ихъ въ рядѣ общественныхъ явленій и непреоборимыхъ личныхъ условій. *Внѣшняя* свобода, поставленная „во главу угла“ современнаго общественнаго зданія, не обновила и не улучшила *внутренняго* человѣка—и, неудовлетворенный ею, онъ подымается со страстнымъ и мрачнымъ протестомъ противъ всѣхъ устоевъ общественной жизни, въ которыхъ начало XIX вѣка видѣло обезпеченіе общаго блага всѣхъ и личнаго спокойствія каждаго.

Но протестъ тогда лишь не безплоденъ, когда онъ сопровождается яснымъ указаніемъ, на опредѣленныя и твердо сознанныя начала, которыми слѣдуетъ замѣнить то, что̀ кажется отжившею неправдою и старою ложью. Этихъ началъ представители французской мысли конца XIX вѣка, однако, не видятъ ни въ чемъ, уподобляясь врачу, который, вскрывъ и обнаживъ до сокровенной глубины болящую язву, останавливается предъ мыслью о способѣ излеченія въ нерѣшительности и скучающемъ, лѣнивомъ раздумьѣ, не вѣря въ терапію и убѣдившись на опытѣ, что всѣ средства—суть лишь палліативы.

Рядомъ интересныхъ цитатъ рисуетъ авторъ тоску пресыщенія и мученія скуки—этого, по словамъ Бодлэра, „самаго безобразнаго изъ

всѣхъ гадовъ, пресмыкающихся въ омерзительномъ звѣринцѣ нашего духа",—овладѣвшія эгоистически замкнувшимися въ себя грубыми въ душѣ и утонченными въ жизни эпикурейцами, выработанными современною интеллектуальною жизнью. Чувство, случайно вызвавшее у Гоголя восклицаніе: „все люди, люди!—хоть бы черти, что-ли, попадались!.."—составляетъ предметъ подробнаго и сочувственнаго анализа у многихъ современныхъ французскихъ писателей. Ихъ невыразимо „гнететъ тоскою — однозвучный жизни шумъ", но избавленія отъ этой тоски нѣкоторые изъ нихъ ищутъ, не стремясь духомъ кверху, а опускаясь книзу—въ область чисто животной жизни, среди которой не нужно ни мыслить, ни чувствовать, ни вѣрить, ни надѣяться.

„Стряхнуть съ себя,—говоритъ авторъ, передавая ихъ взгляды.—весь ненужный гнетъ европейской культуры, чтобы „жить, какъ скотъ", предаваясь нѣгѣ и лѣни, или прозябать какъ растеніе—вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшаго, смыслъ жизни. Это не возвращеніе къ природѣ, о которомъ грезили мечтатели восемнадцатаго вѣка, измученнаго такъ же, какъ девятнадцатый, сомнѣніями,—но мечта о животной жизни. У мечтателей конца восемнадцатаго вѣка человѣкъ не только не превращался въ животное, а наоборотъ, былъ человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, какъ носитель высшихъ идеаловъ разума. Призывъ возвратиться къ природѣ былъ тогда подсказанъ сильнымъ чувствомъ, рвавшимся изъ оковъ, въ которыя его заковала созданная культурой условность; современныя грёзы о нѣгѣ и лѣни свидѣтельствуютъ, напротивъ, объ усталости и поэтому слабости чувства, такъ какъ бодрое и сильное чувство мечтаетъ не о лѣни, а о дѣятельности. Изысканность чувства свойственна одинаково концу восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, но какая громадная разница между зноемъ страсти, палящимъ въ „Новой Элоизѣ" или въ „Полѣ и Виржиніи" - и истомой чувства, напримѣръ, у Мопассана" (стр. 40—41).

Видя въ этомъ направленіи французской мысли результатъ крайняго развитія раціонализма, подавившаго внушенія чувства, какъ неразумныя и безправныя,—и приведшаго къ одновременному господству безнадежнаго скептицизма и безвыходнаго пессимизма, проф. Гиляровъ даетъ краткій, но очень содержательный очеркъ послѣдовательнаго развитія и перерожденія ученія Декарта. Отправляясь отъ указанныхъ двухъ свойствъ умственнаго настроенія современной Франціи, онъ разсматриваетъ въ шести главахъ—по очереди—тѣ области, въ которыхъ мятущаяся мысль могла бы найти себѣ содержаніе и успокоеніе, не будь она отравлена всеразлагающимъ анализомъ. Любовь, искусство, умозрѣніе, общественные и политическіе идеалы, проявленія религіознаго и нравственнаго чувства въ сознаніи выдающихся

французскихъ писателей конца XIX в.—проходятъ предъ читателемъ разбитые и опустошенные, въ своего рода погребальномъ шествіи. Оказывается, что любовь принижена,—что работа мысли вноситъ отраву и въ безъ того печальное существованіе человѣчества,—что искусство, и само по себѣ, и какъ средство утѣшенія, тщетно,—что политика и общественные идеалы разбиты или распадаются сами собою—и что, наконецъ, нравственное и религіозное чувство подорваны въ самомъ корнѣ...

Любовь—есть единственная и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ причина всего сущаго. „Трудъ, слава, добро, которое можно сдѣлать,—говоритъ Родъ,—все это миражи, строимые воображеніемъ людей на горизонтѣ ихъ пустыни, такъ какъ они не могутъ распознать единственнаго источника жизни", который есть *любовь*. Но рядомъ съ этимъ источникомъ существуетъ ужасная, неотвратимая, безжалостная смерть, уничтожающая навсегда индивидуальное существованіе, вызванное къ жизни любовью. Трагизмъ любви усиливается именно тѣмъ, что она безсильна противъ смерти, которая *одна достовѣрна*. Притомъ любовь не только не оправдываетъ того, что̀ говорятъ о ней мечтатели и моралисты, но и какъ наслажденіе—она не имѣетъ никакой цѣны. По характерному мнѣнію Бурже́, въ его „Physiologie de l'amour moderne" —современная физическая любовь есть не что̀ иное, какъ „встрѣча двухъ пресыщеній и состязаніе двухъ развращенностей",—и съ нею скоро случится то же, что̀ дѣлается съ современнымъ „бордо̀", въ которомъ есть все—кромѣ вина. Такъ будетъ съ любовью, въ которой можно будетъ найти все... исключая любви. Поэтому цѣлый рядъ писателей, цитируемыхъ авторомъ, мечтаетъ, подобно Шопенгауэру, но далеко не съ его глубиною и широтою, побѣдить смерть умерщвленіемъ любви, принеся эту послѣднюю жертву человѣчества всепобѣждающей судьбѣ. „Когда,—говоритъ Родъ въ „La course à la mort",—чувствительность погибнетъ, убитая своимъ избыткомъ; когда потребности жизни размножатся и поработятъ людей тираническими привычками; когда для единенія половъ останется лишь пошлое плотское побужденіе,—почему бы мужчинамъ и женщинамъ, съ общаго согласія, не отказаться отъ этого мгновеннаго удовольствія, которое, не удовлетворяя ихъ слишкомъ сложнаго и разборчиваго желанія, повергаетъ въ пучину бытія новое существо? Тогда разумъ восторжествуетъ, наконецъ, надъ закономъ природы, надъ инстинктомъ; его превосходство возсіяетъ въ конечномъ отреченіи, и послѣдній мужчина и послѣдняя женщина угаснутъ въ ихъ дѣвственной старости; умрутъ въ той великой мысли, что сознательная жизнь исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, и что для того, чтобы пить лучи солнца или дрожать отъ холода, остались лишь безсознательные животныя и цвѣты.

При такомъ взглядѣ на „источникъ жизни"—какъ на исключительно физическій процессъ—тускнѣетъ духовная жизнь и слабѣетъ ея главнѣйшее выраженіе—чувство. Вмѣстѣ со способностью чувствовать слабѣетъ и воля, убиваемая мнительностью и нерѣшительностью. Современные французы касаются своимъ утонченнымъ умомъ всего, интересуются всѣмъ и все разлагаютъ своимъ анализомъ, тоскуя въ то же время о томъ, что идеалъ ускользаетъ и скрывается,—не имѣя достаточно *вѣры*, чтобы охранить этотъ идеалъ отъ гибели и вмѣстѣ не имѣя достаточно *воли*, чтобы отказаться навсегда отъ его исканія и ограничиться полусномъ повседневности. Къ нимъ, повидимому, примѣнимы слова Лермонтова: „и полюбить они не смѣютъ—и вовсе кинуть не умѣютъ"... Шестьдесятъ страницъ, посвященныхъ авторомъ „отравѣ чувства мыслью", принадлежатъ къ лучшимъ въ книгѣ.

Разборомъ взглядовъ выдающихся французскихъ писателей конца вѣка на задачи и пріемы искусства, профессоръ Гиляровъ доказываетъ, что крайній скептицизмъ проникъ и въ самый процессъ творчества, и приводитъ для сравненія слова представителя стараго поколѣнія—Виктора Гюго и представителя новаго—Зола̀, которыми они характеризуютъ поэзію и ея служителей. „Поэзія, по мысли Гюго — вселенскій гимнъ, а душа поэта—соборный колоколъ, призываемый Святымъ Духомъ къ благовѣсту, божественный глаголъ котораго отзывается во всѣхъ, внемлющихъ ему..."—„Современная поэзія,—говоритъ Зола̀,—ядовитая муха, собирающая заразу со всякой падали и вносящая, кружась, жужжа и блестя золотомъ своихъ крыльевъ, разложеніе всюду—и въ хижины, и въ дворцы". Менѣе строгъ, чѣмъ Зола̀, къ современной поэзіи Родъ („Le sens de la vie"), но и онъ заявляетъ, что поэты, мыслители и художники, которые прежде выражали общій идеалъ, трогали сердца массъ и руководили народами,—теперь играютъ фразами, звуками, риѳмами и красками, презирая толпу и гордясь своимъ уединеніемъ, если только не предпочитаютъ въ качествѣ любопытныхъ разсматривать у людей раны, полученныя во всеобщей борьбѣ, и трогать ихъ только для того, чтобы растравлять еще больше.

Переходя въ область политическихъ идей, профессоръ Гиляровъ отмѣчаетъ то, почти единодушное, недовольство, которое возбуждаетъ въ корифеяхъ французской литературы современная демократія съ ея всеобщею подачею голосовъ, т.-е. „съ глупою тиранніею числа и царствомъ силы въ наиболѣе слѣпой и несправедливой формѣ". Ихъ возмущаетъ то, что вмѣсто равенства, для установленія котораго были принесены такія страшныя жертвы, наступилъ „халифатъ конторъ, деспотизмъ банковъ и тираннія торговли съ продажными и узкими идеями, съ тщеславными и плутовскими инстинктами"; настало „огром-

ное, глубокое, неизмѣримо глупое и грубое господство финансиста и выскочки, возсіявшее надъ Франціею, словно отвратительное солнце" (Анатоль Франсъ, Гюисмансъ, Буржé). Не видя, однако, выхода къ лучшему въ широко разливающихся ученіяхъ соціализма, и отвращаясь отъ анархизма, современная французская литература ищетъ спасенія отъ затрудненій, роковымъ образомъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ одряхлѣвшее и извѣрившееся во все общество, въ созданіи ряда плановъ обновленія жизни на началахъ новаго „modus vivendi". Въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ и сильномъ очеркѣ разбираетъ профессоръ Гиляровъ эти пути обновленія, приходя къ выводу, что ни отреченіе отъ себя, ни сплоченіе всѣхъ для взаимной любви и помощи, вслѣдствіе признанія тщеты всего существующаго, ни трезвое отрѣшеніе отъ всѣхъ преданій и завѣтовъ старины, ни исканіе общественныхъ идеаловъ въ формахъ общежитія, выработанныхъ Новымъ Свѣтомъ, ни, наконецъ, величайшее напряженіе разума, вооруженнаго всѣми силами и открытіями новѣйшей техники,—не приведутъ къ желанной цѣли, если одновременно нельзя измѣнить въ человѣкѣ его природы и обновить его душевныя силы.

Десятая глава книги посвящена той „жаждѣ вѣры", которая проявилась въ послѣднее время у многихъ представителей мыслящей Франціи, вслѣдствіе того, что религіозное чувство продолжаетъ жить въ душѣ человѣка даже и тогда, когда самая религія уже утрачена. Авторъ подробно развиваетъ ту же мысль, которую нѣкогда, съ свойственной ему красотою слова, высказалъ Герценъ, написавъ въ „Быломъ и Думахъ":—„цѣлая пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ: сердце все еще плачетъ и прощается, когда умъ уже давно приговорилъ и казнитъ". Профессоръ Гиляровъ находитъ, что въ вопросѣ о религіи французское сознаніе въ послѣдніе два вѣка совершило полный кругъ: начавъ съ отрицанія религіозныхъ идеаловъ, какъ излишнихъ для жизни, оно теперь ихъ ищетъ, съ цѣлью встрѣтить въ нихъ для жизни опору. Это исканіе звучитъ даже въ стихахъ одного изъ виднѣйшихъ представителей безнадежности и разочарованія,—звучитъ въ замѣчательномъ произведеніи Бодлэра: „Благословеніе". Искусственно созданныя традиціи и непремѣнное желаніе „новаго" заставляютъ, однако, это сознаніе обходить, въ своемъ исканіи, христіанство, очищенное отъ наслоеній, созданныхъ римской церковью. Отсюда—проповѣдь браманизма и буддизма. Эти религіи, впрочемъ, ближе всего подходятъ къ современному настроенію со своими ученіями о призрачности всего сущаго и со своимъ пессимизмомъ. Посвятивъ много—быть можетъ, даже незаслуженно много—страницъ полу-научнымъ фантазіямъ Фламмаріона, стремящимся найти удовлетвореніе религіозному чувству вообще,—авторъ

даетъ интересный очеркъ даровитыхъ произведеній Леконта-де-Лиля, бывшаго „краснорѣчивымъ глашатаемъ" браманизма и буддизма, и знакомитъ съ политическими взглядами Жана Лагора (псевдонимъ), въ которыхъ проводятся идеи, проникающія эти двѣ религіи и приводящія къ успокоенію, давшему извѣстному критику Леметру основаніе сравнить сочиненія Лагора съ „Подражаніемъ Христу".

Послѣднія главы книги содержатъ очеркъ воззрѣній оккультистовъ, мистиковъ и символистовъ, приведенныхъ въ систему и разграниченныхъ умѣлою и знающею рукою, что̀ представляется далеко не легкимъ при неопредѣленности границъ этихъ воззрѣній и ихъ частомъ взаимномъ переплетеніи. Въ этихъ главахъ особенно выдѣляется все, посвященное Метерлинку, съ его стремленіемъ отдѣлить *разумъ* отъ *мудрости*, съ его преклоненіемъ предъ *безсознательнымъ*, съ его теоріей о томъ, что человѣческое несчастіе состоитъ въ жизни „вдалекѣ отъ своей души" и въ опасеніи ея малѣйшихъ движеній, т.-е. „въ жизни въ сторонѣ отъ истинной жизни",—съ его мнѣніемъ о томъ, что смыслъ жизни открывается въ *молчаніи*, а не въ суетѣ существованія, — съ его возвышеннымъ взглядомъ на поэзію, цѣль которой „держать открытыми великіе пути, ведущіе отъ зримаго къ незримому"... Метерлинкомъ авторъ занимается съ особой любовью, невольно прорывающеюся сквозь общій объективный тонъ книги,—и, конечно, никто изъ тѣхъ, кому знакомы произведенія этого тонкаго и глубокаго вызывателя *настроеній*, не поставитъ автору въ вину этотъ приливъ субъективности.

Книга заключается сводомъ причинъ, приведшихъ французское общество къ современному кризису мыслей и столкновенію требованій разума съ голосомъ чувства. „Средневѣковой культурный идеалъ,— говоритъ проф. Гиляровъ,—былъ весь проникнутъ чувствомъ, и всякій разъ, когда поднималъ голосъ раціонализмъ, отвѣтомъ ему былъ мистицизмъ. Во французскомъ просвѣтительномъ движеніи раціонализмъ взялъ надъ чувствомъ рѣшительный перевѣсъ; теперь послѣднее, послѣ долгаго порабощенія, снова собралось съ силами и вытѣсняетъ раціонализмъ". Рядомъ съ этимъ наступили послѣдствія чрезмѣрнаго гнета, налагаемаго европейской культурой на современнаго человѣка. Видя въ человѣкѣ существо по преимуществу разумное, эта культура, по мнѣнію автора, „ставитъ идеаломъ возможное освобожденіе человѣка для чисто духовной дѣятельности и, поскольку субъектъ противоположенъ объекту, духъ—природѣ, обособленіе человѣка отъ природы, подчиненіе всей жизни созданнымъ нашимъ разумомъ формамъ".—Къ этому присоединяется выработанное успѣхами культуры людское самомнѣніе. „Считая себя исключительными носителями разума, противополагая себѣ остальную природу, какъ неразумную,—говоритъ профессоръ Ги-

ляровъ,—мы воображаемъ себя царями міра и этимъ отдаемся во власть одному изъ самыхъ жалкихъ предразсудковъ, опровергаемыхъ ежедневнымъ наблюденіемъ окружающихъ насъ явленій".

Въ чемъ же выходъ изъ болѣзненнаго настроенія, порожденнаго этими причинами? Въ жизни, сообразной съ природой, — отвѣчаетъ авторъ. „Нужно,—говоритъ онъ,—не кичиться нашимъ мнимымъ царственнымъ положеніемъ во вселенной, не обольщать себя призракомъ безпредѣльности нашихъ способностей, не обособлять себя отъ природы, но понять наше мѣсто въ общемъ строѣ мірозданія, признать удостовѣренный опытомъ узкій предѣлъ нашихъ познавательныхъ силъ, сообразовать нашу жизнь съ природой. Таковъ завѣтъ всей истекшей нашей исторіи. Онъ не даетъ опоры ни для угнетеннаго настроенія, ни для ослабленія рвенія въ доступной намъ дѣятельности, ни для приниженія нашей жизни до скотской. Для мысли ясной и смѣлой нѣтъ высшей отрады, какъ бросить предразсудки и посмотрѣть въ лицо дѣйствительности прямо и трезво. Если ничтожно наше мѣсто въ безконечномъ, то мы можемъ достигнуть крупнаго въ конечномъ. Не дано намъ никакихъ знаній о сверхопытномъ, зато открыто для насъ широкое поле въ опытныхъ знаніяхъ, которое только еще начинаетъ воздѣлываться и уже приноситъ обильную жатву. Поэтому у насъ нѣтъ основаній оплакивать жизнь какъ поприще безъисходнаго мрака и сѣтовать на полное отсутствіе руководительныхъ образцовъ. Жизнь можетъ быть цѣнной лишь когда здорова, а такой она можетъ быть лишь когда естественна, т.-е. сообразна съ природой. Черты такой жизни можно считать въ общемъ и главномъ достаточно выясненными. Жить согласно съ природой значитъ искать руководства не въ отвлеченныхъ построеніяхъ мысли и не въ предразсудкахъ, порождаемыхъ невѣжествомъ, но въ тѣхъ взглядахъ, которые вырабатываются тѣснымъ любвеобильнымъ и любознательнымъ общеніемъ съ природой: развертывать, насколько возможно, всю полноту своего существа, давая свободу всѣмъ своимъ способностямъ и склонностямъ, не служащимъ въ ущербъ ни себѣ, ни другимъ; стремиться къ возможной простотѣ, отвергая всѣ несовмѣстимыя съ ней и не лежащія въ основѣ общежитія условности и формальности; идти къ достиженію намѣченныхъ цѣлей твердо, правдиво и искренно; быть постоянно дѣятельнымъ, избѣгая всякой праздности"...

Призывомъ къ пантеистическому альтруизму и къ культу искренняго чувства заканчиваетъ свою книгу профессоръ Гиляровъ:

„Стряхни съ себя все ненужное бремя, ветхій человѣкъ,—восклицаетъ онъ.—Найди въ себѣ силу выйти изъ моря лжи и условностей для вольной и естественной жизни. Не разумомъ только, но и любовью, постигни живую связь и единство всего сущаго; подобно великому

христіанскому святому (Франциску Ассизскому), съумѣй и въ солнцѣ, и въ землѣ, и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и въ вѣтрѣ, и въ водѣ, и въ огнѣ признать своихъ кровныхъ, въ каждомъ звѣрѣ—брата, въ каждой птицѣ—сестру, въ жизни каждой былинки—жизнь твоей однородную,—и радушно засіяетъ тебѣ солнце, привѣтливо защебечутъ птицы, любовно будутъ благоухать цвѣты. Не презирай чувства. Твердо помни, что въ сердцѣ лежатъ корни религіознаго, нравственнаго и поэтическаго міропониманія, что на его тревожномъ станкѣ сплетается тотъ уборъ, безъ котораго непригладной становится жизнь"...

Обширный трудъ, предпринятый авторомъ книги „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи"—уже въ виду своей сложности не можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, или, точнѣе говоря, недочетовъ, нисколько не умаляющихъ его общей цѣнности. Такъ, въ немъ бросается въ глаза несоразмѣрность частей. Помѣщая въ свое изслѣдованіе цѣлые трактаты, могущіе имѣть совершенно самостоятельное значеніе, авторъ, въ то же время, удѣляетъ начертанію и критикѣ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій первостепенной важности лишь нѣсколько словъ. То же допускаетъ онъ иногда и относительно глубокихъ философскихъ ученій, которыхъ правильнѣе вовсе не касаться, чѣмъ касаться мимоходомъ. Такъ, напр., изложенію и критикѣ идеаловъ „соціалистической грёзы", пріобрѣтающей, однако, съ каждымъ днемъ весьма осязательную реальность, посвящено не много болѣе двухъ страницъ; такъ, объ „Этикѣ" Спинозы, которую самъ авторъ называетъ „великолѣпнымъ и глубокомысленнымъ философскимъ твореніемъ", говорится съ краткостью, достойною лучшей цѣли, что „при всемъ его аппаратѣ аксіомъ, опредѣленій, положеній, доказательствъ, леммъ, схолій и проч. и при всей раздѣльности его содержанія, все-таки яснѣе всего то, что въ немъ весьма немногое ясно".

Затѣмъ авторъ, возражая противъ мысли, что литература портитъ общественные нравы и затемняетъ идеалы, и указывая, что наоборотъ, общество, своими приниженными и измельченными потребностями и запросами, создаетъ больную и гнилую литературу—вовсе не развиваетъ эту мысль съ желательною подробностью и не указываетъ на вліяніе, въ этомъ отношеніи, общественныхъ факторовъ, которые, безъ сомнѣнія, имѣютъ не меньшее значеніе для „скитанія" мысли, чѣмъ перерожденіе и вырожденіе раціонализма, какъ теоретическаго ученія.

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что профессоръ Гиляровъ, въ трудѣ котораго довольно часто попадаются литературныя оцѣнки того или другого произведенія цитируемыхъ имъ авторовъ, не пошелъ дальше и не коснулся измѣненія самыхъ пріемовъ творчества, характеризующаго конецъ XIX вѣка во Франціи. Тотъ *эготизмъ*, который

пропиталъ французское міропониманіе послѣднихъ лѣтъ и который далъ выразиться въ утонченной формѣ всей „душевной пустынѣ" беллетриста и поэта этихъ годовъ—выразился и въ пріемахъ творчества, сливъ ихъ съ содержаніемъ въ одно цѣлое. Старые мастера завѣщали указанія на необходимыя качества писателя, состоящія, между прочимъ, въ способности *создавать, а не срисовывать* образы,—въ способности придавать изображаемому житейскую правдивость (crédibilitè), — въ сознаніи важности и внутренняго смысла описываемаго,—въ умѣніи автора скрывать свою личность, т.-е., по совѣту Бальзака, творить все, быть вездѣ и не быть нигдѣ видимымъ, какъ Богъ, и т. п. Подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ взглядовъ Тэна на *личный* характеръ искусства, которое должно быть откровеніемъ личной души предъ сложной душою общества,—во многихъ современныхъ французскихъ литературныхъ произведеніяхъ авторъ почти постоянно выступаетъ на первый планъ со своими антипатіями, вкусами, наклонностями и даже пороками, обѣляемыми устами героевъ. Глубина изслѣдованія даже у такихъ большихъ авторовъ, какъ Золà, замѣняется его продолжительностью, и persistance d'analyse все болѣе и болѣе замѣняетъ puissance d'analyse. Развитіе характера дѣйствующихъ лицъ находится въ пренебреженіи, и вмѣсто созданія òбразовъ снимаются чуть-чуть ретушированныя фотографіи или рисуются при благосклонномъ соучастіи клеветы—каррикатуры, а нелѣпые вымыслы и чувственныя фантазіи не находятъ нужнымъ считаться съ искаженною ими дѣйствительностью. Художникъ нерѣдко знакомитъ читателя не съ тѣмъ, чтò важно для послѣдняго, а съ тѣмъ, чтò имѣетъ исключительный, иногда совершенно болѣзненный интересъ только для самого автора,—вполнѣ естественное въ искусствѣ описаніе *страстей* замѣняется изображеніемъ *пороковъ*;—подъ знаменемъ искусства все чаще и чаще начинаютъ сводиться личные счеты, и т. д., и т. д. Обширная начитанность автора разбираемой книги могла бы дать ему возможность представить поучительные образцы въ этомъ отношеніи, нисколько не отклонивъ его отъ главнаго пути въ его трудѣ. Быть можетъ, даже и прекрасная характеристика историко-политическихъ взглядовъ самого Тэна выиграла бы въ полнотѣ, еслибы авторъ далъ краткій анализъ пріемовъ его творчества, столь характерно выраженныхъ въ его „Origines de la France contemporaine", гдѣ, съ каждымъ томомъ, спокойное изложеніе изслѣдователя-патолога замѣняется все возрастающимъ гнѣвомъ запоздавшаго терапевта на своего больного... Наконецъ, намъ кажется, что взгляды выдающихся писателей, каковы Ренанъ и Тэнъ, въ значительной степени могли бы быть освѣщены и еще болѣе уяснены, еслибы авторъ воспользовался ихъ характерными отзывами о задачахъ искусства и

о различныхъ общественныхъ теченіяхъ, разбросанными во множествѣ въ журналахъ братьевъ Гонкуровъ. Въ замѣткахъ Гонкуровъ, записанныхъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, Ренанъ и, въ особенности, Тэнъ, встаютъ какъ живые, разсыпая, въ дружеской бесѣдѣ, искры своего міровоззрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать серьезнаго значенія за книгою профессора Гилярова. Просвѣтительное вліяніе французской литературы, по многимъ причинамъ, лежащимъ въ ней и внѣ ея, всегда сильно сказывалось на умственномъ и художественномъ развитіи русскаго общества. Поэтому трудъ, посвященный изображенію и анализу идеаловъ и чаяній современной французской мысли, имѣетъ для насъ серьезное значеніе. Онъ былъ бы полезенъ даже какъ простой сводъ взглядовъ, изложенныхъ систематически. И тогда онъ обогащалъ бы наше знаніе. Но онъ—не простой сводъ... Критическій элементъ, широко внесенный въ него, ставитъ его гораздо выше, выдвигая на первый планъ вопросы высшаго порядка. Анализъ произведеній, сдѣланный авторомъ, строго придерживающимся научнаго метода, и рядъ его *положеній* (напр., въ главѣ о Ренанѣ) облегчаютъ и вмѣстѣ направляютъ вызванную имъ къ работѣ мысль читателя. Спокойствіе этого анализа тѣсно связано съ его безпристрастіемъ, а вниманіе не разъ отдыхаетъ на поэтическихъ сравненіяхъ и образахъ. „Восхитительна поэзія молодой весны,—говоритъ профессоръ Гиляровъ, кончая XII главу, — съ ея благоуханіемъ, свѣжей зеленью, пѣснью соловьевъ; очаровательна поэзія лѣта съ его зрѣлостью, съ желтѣющими нивами, наливными плодами, сосредоточеннымъ молчаніемъ лѣсовъ; но есть своеобразная прелесть и въ осени, съ ея сѣрыми днями, съ наполовину обнаженными, наполовину одѣтыми въ разноцвѣтный нарядъ деревьями, съ ея вихрями, крутящими и бьющими желтые листья, съ ея блѣднымъ и трепетнымъ солнечнымъ лучомъ, скользящимъ по умирающему лѣсу, какъ „умирающей красавицы улыбка“. Поэзія конца девятнадцатаго вѣка—поэзія осени; безобразная въ рукахъ бездарности, въ рукахъ генія она неотразимо привлекательна“.

Наконецъ, эта книга — не одно тяжелое по выводамъ подтвержденіе упадка идеаловъ и усталости души „великаго народа“. Въ скитаніи мысли послѣдняго авторъ хочетъ видѣть лишь мучительную работу по выясненію будущаго идеала, который онъ и рисуетъ въ примирительныхъ и успокоительныхъ послѣднихъ аккордахъ своего труда.

II.

— М. Гюйо. „Стихи философа". Переводъ И. И. Тхоржевскаго. Спб. 1902.

Скончавшійся въ 1888 г., въ возрастѣ тридцати-трехъ лѣтъ, отъ издавна подтачивавшей его силы чахотки, Гюйо, сознавая скудость „судьбой отсчитанныхъ дней", наполнилъ ихъ неустаннымъ и разнообразнымъ трудомъ. Сочиненія его, вызвавшія рядъ толкованій и критическихъ очерковъ, между которыми особенно замѣчательны статьи Альфреда Фуллье, руководившаго юношескимъ воспитаніемъ покойнаго философа,—касаются глубочайшихъ вопросовъ личной и общественной нравственности (La Morale d'Epicure,—La Morale anglaise contemporaine,—Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction), задачъ искусства (Les Problèmes de l'Esthétique contemporaine,—L'Art au point de vue sociologique); вопросовъ воспитанія (Hérédité et Education) и метафизическихъ изслѣдованій (La Genèse de l'idée de Temps и L'Irréligion de l'Avenir). Всѣ они изложены блестящимъ и подчасъ увлекательнымъ языкомъ; всѣ они проникнуты оригинальностью и смѣлостью мысли, увѣренной въ своихъ силахъ и безбоязненной въ своемъ полетѣ къ жадно искомой правдѣ. Сильный интересъ, возбужденный трудами Гюйо повсюду, особенно въ Италіи и Англіи, создалъ ему почетную извѣстность, какъ мыслителю, который, принимая со стоическимъ спокойствіемъ неизбѣжность безповоротнаго уничтоженія *личнаго* существованія, радостно вѣритъ въ *безсмертіе* добра и истины, составляющихъ наслѣдіе человѣчества, пріобщить къ которому свою долю исполненнаго долга и осуществленной любви дано каждому человѣку. Поэтому и появленіе его стихотвореній, изданныхъ подъ названіемъ „Стиховъ философа", возбудило къ себѣ живѣйшее вниманіе. Подобно Вл. С. Соловьеву, но лишь систематичнѣе и въ болѣе широкихъ рамкахъ, онъ изложилъ свое философское міросозерцаніе въ поэтическихъ образахъ и картинахъ, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, доступнымъ и понятнымъ большему числу читателей.

„Стихи философа", раскрывая внутреннюю работу мысли автора, посвящаютъ читателя въ его задушевныя мечты, надежды и страданія и, безъ сомнѣнія, заставляютъ внимательнѣе вдуматься въ вопросы, стучащіеся въ душу современнаго человѣка и тревожащіе ее. Даже и не соглашаясь съ авторомъ, можно многому научиться отъ него въ смыслѣ ясной постановки и способа разрѣшенія такого рода вопросовъ. Гюйо не могъ не предвидѣть замѣчанія, что абстрактныя построенія философіи не созданы для языка стиховъ. Но это его не смущало. „Самый глубокій смыслъ, — говоритъ онъ, — принадлежитъ

часто самымъ простымъ словамъ". Философія нашего времени стремится разъяснить смыслъ человѣческаго бытія и назначенія,—но къ этому же постоянно стремилась и религія, которая всегда была однимъ изъ величайшихъ источниковъ поэзіи. Поэтому, отчего же поэзіи не быть выразительницею философскаго мышленія? Почему не пытаться отыскивать ту же истину—только подъ другой формой и другими путями, и при непремѣнномъ условіи настойчиваго стремленія къ вѣрности мышленія, искренности ощущенія, естественности и точности выраженія?..

„Стихи философа" распадаются на четыре книги: „Мысль", „Любовь", „Искусство", „Природа и человѣчество". Это раздѣленіе не выдержано, однако, вполнѣ, и стихи одной книги нерѣдко вплетаются въ другія книги, слѣдуя приливу и отливу мысли автора, возвращающейся къ одному и тому же вопросу и лишь освѣщающей его съ новой стороны. Исканіе правды, хотя бы эта правда и была куплена цѣною жизни, всегда связано у Гюйо съ сомнѣніемъ. „Сомнѣніе —говоритъ онъ—есть долгъ мыслящаго человѣка — le Devoir de Doute,—и оно останется въ моемъ мятежномъ сердцѣ, пока на землѣ будетъ существовать страданіе". Онъ рано начинаетъ вглядываться въ людскую скорбь и, несмотря на свою молодость, приходитъ въ ужасъ отъ того равнодушія, съ которымъ люди относятся къ чужому личному горю, причемъ, говоря словами Некрасова, „безъ слезъ имъ горе не понятно, безъ смѣха радость не видна". Вотъ какъ онъ описываетъ такое отношеніе къ личному горю:

Безъ цѣли я бродилъ въ саду, дыша весной,
Любуясь зеленью; вдали, передо мной,
Шла тихо женщина подъ темными вѣтвями—
Слегка дрожавшими, неровными шагами...
Что было съ ней?—какъ знать! лица я не видалъ.
Вдругъ рѣзкій трепетъ въ ней мгновенно пробѣжалъ;

Казалось, что она смѣется—нервно, сухо.
Ускорилъ я шаги; отрывисто и глухо
Вновь звуки хохота какъ будто донеслись;
Вокругъ все вмѣстѣ съ ней смѣялось, и лились
Рулады звонкія съ акацій и орѣха;
Закрыла пальцами лицо она отъ смѣха...

Я ближе подошелъ—и вдругъ увидѣлъ тутъ,
Что слезы у нея межъ пальцами текутъ...
Я понялъ: горькій плачъ былъ этимъ смѣхомъ страннымъ,
И эта женщина въ саду благоуханномъ
Шла съ кладбища.

Слеза, дрожащая въ очахъ,
Рыданіе, какъ смѣхъ, звенящее въ ушахъ,

И только—вотъ печаль! вотъ все, что намъ открыто
Тамъ, гдѣ, быть-можетъ, жизнь, гдѣ сердце, все разбито!

Лишь въ этихъ признакахъ на мигъ мы узнаемъ
То безконечное, что горемъ мы зовемъ!
Всю силу радости, всю глубину мученья
Намъ можетъ выразить лишь нервовъ сотрясенье;
Бездушный воздухъ намъ лишь звукъ передаетъ;
А что въ немъ вырвалось?—скорбь, радость... Онъ скользнетъ
И, неразгаданный, умолкнетъ, замирая.

Исчезла женщина въ аллеѣ,—все рыдая,
Рыдая безъ конца. Внушала ужасъ мнѣ
Живая эта скорбь! Я думалъ въ тишинѣ:
Вѣкъ одинокіе, хотя весь вѣкъ съ другими,

Какъ страшно сердцемъ мы привыкли быть глухими!
Всѣмъ, даже мнѣ чужда,—ушла она, скорбя...
Ушла!.. и съ грустью я почувствовалъ себя
Такимъ заброшеннымъ людьми и небесами,
Что и мои глаза наполнились слезами!

Постоянная борьба человѣка за существованіе, вѣчная жертва имъ собою за дневное пропитаніе—вызываютъ у Гюйо рядъ прекрасныхъ и прочувствованныхъ стихотвореній, между которыми особенно выдѣляется озаглавленное „Роскошь", описывающее красавицу, въ сонной грёзѣ постигающую мрачный контрастъ между блескомъ сапфировъ и жемчуговъ на ея груди и картиной физическихъ мученій, сопровождающихъ ихъ добываніе ради куска хлѣба, причемъ, когда она просыпается, каждый перлъ сорваннаго ею съ себя колье кажется ей *застывшею слезой*. Не менѣе отягощаетъ душу поэта и властно приковываетъ къ себѣ вниманіе безконечная цѣпь страданій, пережитыхъ и переживаемыхъ всѣмъ человѣчествомъ отъ ожесточенной борьбы политическихъ страстей и отъ войнъ. Отзывчивостью къ такимъ страданіямъ полны его четыре стихотворенія на извѣстныя группы Микель Анджело во Флоренціи. Вотъ одно изъ нихъ—„Вечеръ":

Нѣтъ силъ, онъ изнемогъ; напрасный конченъ бой.
Поникъ челомъ къ землѣ, безсильно свѣсивъ руки,
Поверженный герой,—разбитый, полный муки,—
И въ грудь усталую вползаетъ мракъ ночной.
Онъ преданъ! Гдѣ же Богъ,—Богъ истины святой!?
Не хочетъ вѣрить онъ... Но меркнутъ упованья.
Какъ небеса, предъ нимъ грядущее темно.
— И нѣтъ забвенія! и прошлыя страданья
Все ярче, все страшнѣй!.. Увы! такъ суждено:
Тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ надеждъ, насъ ждутъ воспоминанья.

Одно изъ такихъ воспоминаній о тяжкихъ для Франціи дняхъ войны 1870—71 гг., когда казалось, что „погибли навсегда отечество

и справедливость", заставляетъ Гюйо оплакивать живучесть ненависти и страшную плодовитость несправедливости и зла, рождающихъ себѣ подобныхъ. Онъ спрашиваетъ себя, когда же наступитъ вѣкъ, которому суждено разорвать этотъ роковой кругъ?

Когда, какой народъ откроетъ міру новый,
Широкій горизонтъ и остановитъ кровь?
Не знаю я; но все—мой трудъ, мою любовь—
Несу заранѣе великому народу.
О, будь благословенъ! ты призванъ міръ спасти,—
Ты долженъ знаменемъ взять Право и Свободу
И человѣчность къ намъ съ собою принести!
(„Война".)

Смущенная тѣмъ, что̀ приходится видѣть и вокругъ, и сквозь даль вѣковъ, увлекаемая „долгомъ сомнѣнія", мысль поэта ищетъ постоянно разрѣшенія своихъ тревогъ въ идеалахъ высшаго порядка, стоящихъ внѣ времени и пространства. Но она вступаетъ въ эту область не довѣрчиво и робко, а вооруженная все тѣмъ же сомнѣніемъ, ищущимъ „солнца правды" во что бы то ни стало. Это исканіе истины изображено Гюйо въ трогательномъ стихотвореніи:

I.

Капля росы пріютилась
Ночью подъ спящимъ листкомъ
И, съ пробудившимся днемъ,
Грустно безъ солнца томилась.

„О, если бъ только могла я
Видѣть сверкающій день"!
Капля шептала, вздыхая...
„Если бъ покинуть мнѣ тѣнь"!

Капля разсталася съ тѣнью;
Рвется она къ упоенью,
Къ солнцу, восторга полна,—

Солнце ей смерть посылаетъ,
И въ небеса улетаетъ
Струйкою пара она.

II.

Я, какъ росинка ночная,—
Хрупкій, дрожащій алмазъ,—
Страстно томлюсь, призывая:
Свѣтъ! заблести мнѣ хоть разъ!

Вѣчной измученъ я тьмою:
Правды я,—солнца хочу!
Жадно стремлюсь я душою
Вверхъ, къ золотому лучу.

Вѣра моя и святыня
Ты лишь, о Правда-богиня!
Дай же взглянуть на себя!

Знаю: приносишь ты горе...
Можетъ-быть, смерть въ этомъ взорѣ...
— Что жъ! Только бъ увидѣть тебя!
(„Сладкая смерть".)

Однако, поэтъ—„сынъ скептическаго вѣка", и поэтому изъ своего „трансцендентальнаго полета" онъ возвращается съ разбитыми надеждами.

Какъ лиственница—вдругъ, съ наставшею зимой
Вся, съ первымъ вечеромъ, уборъ листвы веселой
Роняетъ трепетно на землю подъ собой
И на зарѣ стоитъ уже нѣмой и голой,—
Такъ сразу всѣ мечты ребяческихъ годинъ,
Надежды, чаянья—передо мной смущеннымъ
Осыпалися вдругъ на сердцѣ потрясенномъ...
И я остался нагъ, покинутый, одинъ
Подъ небомъ сумрачнымъ, подъ вѣтромъ разъяреннымъ.
Но дерево стоитъ и, мужество храня,
Все съ той же силою стремится къ выси гордо...
Такъ продолжаю я смотрѣть на небо твердо,
Хоть небо пусто для меня...
(„Лиственница".)

Но лиственница, „смотря на небо твердо", все же корнями упирается въ землю. На землю приходится спуститься и поэту и на ней искать себѣ опоры. На землѣ, кромѣ личныхъ и человѣческихъ страданій, есть личное счастье, любовь, искусство, безмятежность созерцанія. Въ книгѣ, носящей названіе: „Любовь",—особенно сказывается нѣжная и тонкая душевная организація поэта. Не матеріальная, преходящая, хотя и яркая сторона любви привлекаетъ его мысль и чувство. *Единеніе* упорныхъ стремленій и горячихъ порывовъ, единеніе радостей и страданій, составляющее, съ теченіемъ времени, неразрываемую страницу воспоминаній, является предметомъ его мечты, а неосуществимость ея — причиной его скорби. Еще во вступленіи къ „Стихамъ философа" онъ пишетъ:

Сердце полно боязни, и сладкой и смутной;
Такъ влюбленный, раскрывши объятья свои,
Вдругъ смущается, полонъ тревоги минутной,
Видя цѣпи любви.

Но зачѣмъ этотъ страхъ? Или высшее счастье—
Не узнать на землѣ ни любви, ни цѣпей?
Нѣтъ! *гдѣ сердце у сердца встрѣчаетъ участье,*
Тамъ живется вольнѣй!
(„Servus Apollo".)

Въ рядѣ прелестныхъ стихотвореній (напр., „При отблескѣ очага", „Къ серебряной свадьбѣ", „Еще при отблескѣ очага") онъ рисуетъ теплыми красками тихія радости семейной жизни и неувядаемость красоты—при условіи неувядаемости чувства. Ему кажется, что „великая любовь увѣрена въ себѣ", что когда говорится „на вѣкъ!" и „все для тебя", то люди —

...входятъ въ жизнь довѣрчиво и нѣжно,
И распускается въ ихъ сердцѣ молодомъ
Безсмертная любовь безхитростнымъ цвѣткомъ,
Для нихъ грядущее какъ небеса безбрежно,
Какъ небеса свѣтло...

Спрашивая судьбу: удастся ли ему расцвѣсть измученной душой въ *такой гармоніи*,—Гюйо, въ своихъ грёзахъ, рисуетъ черты той, которая можетъ и должна дать ему счастье.

Любовь! вѣдь ты „сильна какъ пламя",
„Сильна какъ смерть",—въ глазахъ людей;
Какое жъ ты поднимешь знамя
Въ душѣ возлюбленной моей?

Зажжешь ли въ ней мои стремленья?
И, страстью насъ соединивъ,
Сольешь ли наши настроенья
Въ одинъ восторженный порывъ?

И, замечтавшися,—порою —
Мы съ нею будемъ ли вдвоемъ
Парить въ безбрежности душою,
И божество себѣ найдемъ?

—О, незнакомка дорогая,
Кому я грёзы эти шлю,
Кого люблю, еще не зная,
Дай мнѣ найти въ тебѣ, молю,

Духъ благородный и прекрасный,
Открытый истинѣ святой,
Какъ солнца лучъ—прямой и ясный
И столь же теплый и живой!
(„Лица и души".)

Проникнутыя сильнымъ субъективнымъ элементомъ, прекрасныя по формѣ и музыкальности, стихотворенія: „Близко и далеко" и „Подъ окномъ", написанныя во Флоренціи, указываютъ, что поэту показалось, что онъ нашелъ наконецъ ту, которую „любилъ—еще не зная". Онъ жалѣетъ, что нельзя пѣть, какъ когда-то, „*при всѣхъ*—тебя люблю я", и тоскуетъ, что „пора тревожиться, страдать—для ясныхъ глазокъ не настала";—онъ проситъ деревья, травы и сѣрыя скалы

разсказать *ей*, какъ онъ ввѣрялъ имъ наполнявшую его душу мечту любви къ ней:

О, блескъ природы необъятной,
Во всемъ глубокій и простой,—
Слети къ намъ лаской благодатной
И ей любовь мою открой!

Но наступаетъ горькая дѣйствительность... Оказывается, что въ изящныхъ формахъ нѣтъ идеи,—что не найти Пигмаліона, который вложилъ бы душу въ одну изъ многочисленныхъ „игрушекъ салона" и заставилъ бы ее стать женщиною. „Для бѣдной правды нѣтъ дороги—ни въ ваше сердце, ни въ вашъ храмъ!"—восклицаетъ Гюйо въ негодованіи:

О, хрупкая прелесть видѣнья,
Какъ быстро разбилася ты!
Одно роковое мгновенье—
И нѣтъ предо мной красоты!

И больно за эту потерю,
И рвется на части душа!
Гляжу на нее—и не вѣрю:
Она ли была хороша?

Отъ глазъ этихъ, нѣкогда милыхъ,
Въ испугѣ бѣжать я готовъ,
И вызвать опять я не въ силахъ
Созданія собственныхъ сновъ.

Я вижу, что въ жизни плачевной
Обманчиво все, какъ мечта..
Лишь нѣжности, силы душевной
Не лжетъ никогда красота!

О, если бъ душа въ ней сквозила!
Тогда бы, какъ солнечный свѣтъ,
Въ ней сразу любовь воскресила
Всю прелесть былую... но нѣтъ!

Въ душѣ ея пусто и нѣмо,
И взоръ любопытныхъ очей
Не вспыхнетъ, какъ счастья поэма,
Алмазами чудныхъ лучей!

О, гдѣ ты, моя дорогая?
Свиданья наступитъ ли часъ?
— Оставьте меня: вы—другая.
Искалъ и любилъ я не васъ!

(„Поэзія и дѣйствительность".)

Книга заканчивается проникнутымъ скорбью сравненіемъ:

Въ ручьѣ, словно пѣны клочокъ бѣлоснѣжный,
Мелькаетъ перо, колыхаясь въ волнахъ...
Остатокъ крыла,—окровавленный, нѣжный,—
Кто могъ тебя выронить тамъ, въ небесахъ?

Не знаю. Все ясно въ лазури пустынной;
Молчитъ и смѣется, блестя, небосклонъ...
— Что жъ грудь моя сжалась, въ тоскѣ безпричинной?
Какою утратой я втайнѣ смущенъ?

Умчалось, исчезло перо въ отдаленьи...
Бѣгите жъ и вы,—мои грёзы любви,
Всѣ старыя слезы, всѣ думы, стремленья,—
Вы тоже разбитыя крылья мои!
(„Разбитое крыло".)

На разбитыхъ крыльяхъ нельзя подниматься въ область мечтаній о личномъ счастіи, и поэтъ, оставляя ихъ навсегда, и не вглядываясь болѣе въ окружающую его жизнь, съ ея темными сторонами и роковыми загадками, подобно Фаусту во второй части трагедіи, ищетъ успокоенія въ искусствѣ:

Какъ мраченъ этотъ міръ для взоровъ мудреца!
Но для поэта онъ—какъ полонъ обаянья!
. . . .
На взглядъ прекрасенъ міръ; онъ словно сновидѣнье;
Все—даже горе въ немъ—артисту нѣжитъ глазъ;
Жизнь драма стройная;—а въ драмѣ наслажденье
И видъ пролитыхъ слезъ доставитъ намъ подчасъ...

Задачи художника и поэта представляются ему особенно привлекательными. Онъ обрисовываетъ ихъ смыслъ и значеніе въ стихотвореніи „Berceuse":

Несется громкій плачъ изъ дѣтской колыбели
Но прибѣгаетъ мать и, обласкавъ сынка,
Наивной пѣсенкой, простой, какъ звукъ свирѣли,
Безсвязно-нѣжною, какъ вздохи вѣтерка,
Баюкаетъ дитя, и плачъ его стихаетъ.
— Сердечко лишь дрожитъ, вздымая грудь слегка, —
И, улыбаясь ей, ребенокъ засыпаетъ.

О, дѣти бѣдныя! вы всѣ въ глухую ночь
О жизни плачетесь, и душатъ васъ рыданья, —
Кто жъ, какъ не мы, пѣвцы, съумѣетъ вамъ помочь?
Кто убаюкаетъ въ васъ горькое страданье?
Мы къ вамъ склоняемся, и голосъ нашъ звучитъ,
Какъ эхо дальнее, вамъ лаской неподдѣльной.
О, пѣснь поэзіи,—будь пѣснью колыбельной:

Она сердца людей такъ сладко усыпитъ!
Дай любящимъ тебя твой миръ, успокоенье,
И на дѣйствительность рѣсницы ихъ закрой!
— Одно искусство здѣсь, одно лишь вдохновенье,
Какъ смерть могучее, намъ можетъ дать забвенье
И улыбнуться намъ безсмертія мечтой!

Мысль о примиряющемъ значеніи искусства „свѣтлаго и великодушнаго“, однако, недолго врачуетъ душу поэта. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ неразгаданности будущаго, отъ тревогъ дѣйствительности и отъ горькихъ воспоминаній прошлаго. Цвѣты, выростающіе подъ вліяніемъ мимолетнаго вдохновенія, увядаютъ слишкомъ быстро—и *вчерашніе стихи* ничего уже не говорятъ сердцу, которое нѣмо *для вчерашнихъ чувствъ*. Не помогаетъ и обращеніе къ тихимъ радостямъ безмятежнаго созерцанія. Въ стихотвореніи „Спиноза“—чуткое и живое сердце Гюйо отказывается найти успокоеніе въ яркой, но холодной, какъ осеннее солнце, философіи этого мыслителя, ищущаго на землѣ „не явленій, а—причинъ“. Поэту хочется „вѣрить этому разумному покою“,—но,—заявляетъ онъ, —

Звучитъ во мнѣ сомнѣніе порою:
Тотъ, кто съумѣетъ все понять и все простить—
И кто негодованью чуждъ—тотъ можетъ ли любить?

Жизнь представляетъ слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ, и „difficile est satyram non scribere“. Поэтому и Гюйо отдаетъ сатирѣ свою дань, то облекая ее въ добродушный юморъ („Благодарность“), то—въ злую и бичующую иронію, направленную противъ людской глупости и рабской слѣпоты („Намордникъ“).

Примирившись съ недостижимостью личнаго счастья, поэтъ все болѣе и болѣе чувствуетъ свое родство со всѣми людьми и невозможность отмежевать свою жизнь отъ общей жизни природы и человѣчества. Спокойно наслаждаясь красотою первой и сливаясь съ послѣднимъ, Гюйо, въ порывѣ своего пантеистическаго альтруизма, говоритъ:

Принадлежать себѣ никто не въ состояньи;
Онъ безъ другихъ ничто. Въ природѣ всѣ равны,
Всѣ тайно связаны и въ цѣпь заключены;
Мы всѣ—ея одной, Всесильный, достоянье!
Я расцвѣтаю самъ съ довѣрчивымъ цвѣткомъ,
Я самъ надъ розой вьюсь съ влюбленнымъ мотылькомъ...
Быть можетъ, въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
Незримой общностью страданій и любви!
Мое—не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое!

Успокоивая свою неустанную въ анализѣ и исканіи мысль—созерцаніемъ природы и вѣрою въ постепенное совершенствованіе человѣчества, Гюйо повторяетъ иногда, въ формѣ стиховъ, возвышенныя страницы своего „Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction“.

Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній („Genetrix hominum deumque", „Въ пути на югъ", „Въ Провансѣ", „Овернскій пейзажъ", „Лунный свѣтъ" и т. д.) онъ наслаждается сіяньемъ „вѣчной красы — равнодушной природы", рисуя яркія картины:

Земля, раскаленная, дышетъ огнемъ;
Надъ нею струятся, дрожатъ испаренья;
За мыслью несвязной слѣжу я съ трудомъ:
Мнѣ голову кружитъ туманъ опьяненья;
Я пьянъ безъ вина—опьяненъ я тепломъ.

О, сколько здѣсь солнца! Горитъ, пламенѣетъ
Безоблачный сводъ,—ослѣпителенъ онъ!
А тамъ, въ отдаленьи, то море синѣетъ;
Тамъ, глубже, чѣмъ небо, другой небосклонъ
Застылъ, безпредѣльный, и густо темнѣетъ...
(„Въ Провансѣ".)

—

....А позади встаетъ изгибами вершины
Далекая гора, теряясь въ облакахъ,
Какъ завершеніе взволнованной долины,
Успокоеніе нашедшей въ небесахъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ этой категоріи онъ смотритъ на страданіе человѣка, какъ на школу, дающую знаніе, на страданіе человѣчества—какъ на долгую работу для будущаго счастія. Думая о вѣчныхъ трудовыхъ усиліяхъ людей, онъ описываетъ цвѣтокъ агавъ-алоэ, выростающій во всей красѣ, нежданно, изъ темной, грубой и огромной листвы. Подобно ему, должны найти себѣ осуществленіе лучшія мечты человѣчества.

О, человѣчество! вѣками
Пригвождено къ нагой скалѣ,
Ты втайнѣ бредишь небесами,
Ты все тоскуешь на землѣ.
. . . .
Ты ждешь, съ любовью молчаливой,
Скопляя соки въ тишинѣ;
Но идеалъ твой горделивый—
Вѣдь онъ взовьется въ вышинѣ?

Да! мы согнулись надъ землею,
Но для тебя,—цвѣтокъ мечты!
Чтобъ могъ раскрыться ты съ зарею
Во всемъ сіяньи красоты!

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе стихотворныхъ произведеній Гюйо, гармонически замыкающихъ, въ поэтическомъ синтезѣ,

кругъ его философскихъ трудовъ. Интересные сами по себѣ, они пріобрѣтаютъ особое значеніе для русскаго читателя тѣмъ, что въ отдѣльныхъ звеньяхъ ихъ цѣпи часто звучатъ тѣ же выраженія мысли, тѣ же наболѣвшіе вопросы, которые встрѣчаются во многихъ стихотвореніяхъ нашихъ выдающихся поэтовъ.

Г-нъ Тхоржевскій ознакомилъ своимъ переводомъ „Стиховъ философа" русскую читающую публику съ достойною вниманія и содержательною книгою, появленіе которой на нашемъ языкѣ можно привѣтствовать, какъ новый шагъ къ серьезному и вдумчивому мышленію и къ художественному наслажденію. Что касается до точности передачи содержанія „Стиховъ философа", то надо замѣтить, что вообще мысль автора въ каждомъ стихотвореніи передана вѣрно и притомъ съ необходимой, въ виду нѣкоторой отвлеченности текста, ясностью. Есть, однако, въ этомъ отношеніи и недостатки. Такъ, иногда, переводчикъ, передавая вполнѣ вѣрно смыслъ оригинала, уже слишкомъ отступаетъ отъ возможной точности въ передачѣ словъ автора. „Quel est donc ce caprice étrange, o, ma pensée... de venir ainsi palpitante et froissée — t'enfermer dans un vers?" — спрашиваетъ Гюйо въ „Servus Apollo". „Отчего это, мысль моя, прихотливо... къ тропинкѣ стиха приближаясь пугливо, робко просишь цѣпей?" — переводитъ г. Тхоржевскій. Еще болѣе сильное отступленіе отъ оригинала въ стихотвореніи „Близко и далеко", несмотря на прекрасную передачу настроенія автора. „Такъ близко мы—въ моемъ стремленьи—и далеко! Что сердца слабыя біенья! Въ груди сокрытымъ глубоко—имъ не внушить тебѣ волненья! И близко мы—въ одно мгновенье—и далеко!" — передаетъ переводчикъ слѣдующую мысль автора: „Que nous sommes loin l'un de l'autre—étant si près. Mon cœur bat à coté du vôtre: jusqu'à vous en vains je voudrais—enfler ses battements muets. Que nous sommes loin l'un de l'autre, étant si près...". Въ стихотвореніи „Сомнѣнье—долгъ" пропущена значительная по смыслу строка: „Heureux le cœur mobile où tout glisse et s'efface", хотя въ остальномъ переводъ безупреченъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается даже бо̀льшею силою, чѣмъ подлинникъ. Тѣмъ же свойствомъ, къ слову сказать, отличается и переводъ „Вечера" въ четырехъ флорентійскихъ группахъ. Въ „Горѣ поэта" авторъ говоритъ: „Lorsque je vois le beau,—je voudrai être deux", а въ переводѣ *прекрасное* замѣнено *искусствомъ* и говорится: „я наслаждаться имъ умѣю *лишь* вдвоемъ". Встрѣчается, затѣмъ, хотя и рѣдко, у г. Тхоржевскаго замѣна словъ, идущая въ разрѣзъ съ точною мыслью автора. Такъ, Justice—онъ переводитъ въ одномъ случаѣ *Правомъ*, въ другомъ—*Свободой*. Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что превосходный и почти совершенно точный переводъ Гюйо отвѣта Микель Анджело на эпиграмму Строцци,

обращенную къ статуѣ *Ночи*, у г. Тхоржевскаго, также какъ у покойнаго Соловьева, не отличается послѣднимъ свойствомъ.

Микель Анджело.

Grato m'è il dormir e più l'esser di sasso
Mentrè chè il danno e la vergogna dura;
Non veder, non sentir m'è gran ventura;
Però non mi destar: deh! parla basso.

Гюйо.

Il m'est doux de dormir, plus doux d'être de pierre,
Tant que dure ici bas l'opprobre et la misère;
Ne rien voir, ni sentir, quel bonheur! Parle bas,
Oh! ne m'éveille pas!

Соловьевъ.

Мнѣ сладокъ сонъ, и слаще камнемъ быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядѣть—одно *спасенье*...
Умолкни, чтобъ меня не разбудить.

Тхоржевскій.

Мнѣ сладко спать теперь, во времена паденья,
И слаще камнемъ быть. Какое наслажденье
Не знать, не чувствовать, не видѣть блеска дня!
О, не буди меня!

Въ нашей литературѣ есть, впрочемъ, еще переводъ, оригинальный тѣмъ, что четверостишіе Строцци начинается тѣмъ, чѣмъ оно кончается въ подлинникѣ. Это—переводъ Тютчева, въ которомъ, также какъ и у Соловьева, соблюденъ порядокъ риѳмъ:

Молчи, прошу, не смѣй меня будить!
О, въ этотъ вѣкъ жестокій и постыдный,
Не *жить*, не чувствовать—удѣлъ завидный;
Пріятно спать, пріятнѣй камнемъ быть!

А. К.

III.

— Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. Москва 1902 г. Разсказы. С.-Петербургъ. 1908 г.

Г-нъ Н. Телешовъ является не новичкомъ въ литературѣ. Его „повѣсти и разсказы“ выдерживаютъ третье изданіе. Кромѣ того существуетъ книга его разсказовъ, подъ заглавіемъ „На тройкахъ“ и очеркъ скитаній по Западной Сибири, носящій названіе: „За Уралъ“. Поэтому достоинства и недостатки этихъ сборниковъ можно считать не случайными проявленіями неуспѣвшихъ еще опредѣлиться и выразиться вполнѣ свойствъ и особенностей работы г. Телешова, а наоборотъ, такъ сказать, *органическими*. Отсюда вытекаетъ неминуемо и бо̀льшая строгость оцѣнки, побуждающая признать значительное преобладаніе въ нихъ недостатковъ надъ достоинствами. Къ послѣднимъ можетъ быть отнесена, прежде всего, человѣколюбивая основа разсказовъ. Авторъ рисуетъ—и вмѣстѣ будитъ въ читателѣ добрыя чувства. Всѣ его симпатіи—на сторонѣ слабыхъ, обиженныхъ, нуждающихся въ защитѣ. Онъ любитъ дѣтей и описываетъ ихъ съ нѣжностью,—и въ разсказахъ о дѣтяхъ всегда слышна у него искренность, чуждая простой подражательности Диккенсу или Достоевскому. Смерть, горе, разлука —обычные мотивы, звучащіе въ разсказахъ г. Телешова. Частое обращеніе къ нимъ можетъ развить у писателя, незамѣтно для него самого, впаданіе въ чувствительность, идущую въ разрѣзъ съ искренностью. Но этого у г. Телешова нѣтъ. При искусственности и явной придуманности фабулы бо̀льшей части разсказовъ, изложеніе наиболѣе выдающихся мѣстъ этихъ разсказовъ отличается спокойною трезвостью мысли и отсутствіемъ приподнятаго и неестественнаго тона. Къ достоинствамъ разсказовъ относится и ихъ *занимательность*, хотя и чисто внѣшняя. Не затрогивая душу читателя глубоко, не оставляя въ ней сколько-нибудь прочнаго впечатлѣнія, г. Телешовъ умѣетъ заинтересовать его вниманіе и поддержать его до конца живымъ языкомъ и быстрою смѣною картинъ своихъ разсказовъ.

Недостатки разсказовъ г. Телешова гораздо многочисленнѣе. За исключеніемъ двухъ-трехъ разсказовъ изъ быта переселенцевъ („Нужда“, „Елка Митрича“ и „Домой!“), весьма цѣнныхъ по сообщаемымъ въ нихъ даннымъ, почерпнутымъ очевидно изъ дѣйствительности,—на всѣхъ остальныхъ лежитъ яркая печать подражанія г. Чехову и отчасти гр. Л. Н. Толстому,—подражанія неудачнаго и чисто внѣшняго, состоящаго въ стремленіи облекать отрывочные и мимолетные эпизоды жизни въ форму законченныхъ по идеѣ разсказовъ, съ попытками на психологическій

анализъ. Но г. Телешовъ не проявляетъ способности къ серьезному анализу душевныхъ свойствъ, и у него нѣтъ той глубокой наблюдательности, которая поражаетъ въ Толстомъ, замѣняя ему нерѣдко то, что̀ принято называть психологическимъ анализомъ. Авторъ—не изслѣдователь и не наблюдатель. Онъ—хорошій запоминатель поверхностныхъ впечатлѣній—не болѣе. Поэтому въ разсказахъ его нѣтъ почти ни одной живой личности, о которой складывалось бы у читателя опредѣленное представленіе. Тщательно описаны лица и одежда, обстановка и ѣда, движенія и позы многочисленныхъ людей, проходящихъ предъ читателемъ,—и всѣ они, едва промелькнувъ, сливаются въ безформенную массу, изъ которой *индивидуально* никто не выдѣляется. Исключеніе можно сдѣлать лишь по отношенію къ чувашу Максимкѣ (въ разсказѣ „Сухая бѣда"), фигура котораго жизненнѣе всѣхъ прочихъ, быть можетъ, вслѣдствіе большой подмѣси къ ея изображенію данныхъ чисто этнографическаго характера. Эти безцвѣтные люди, очень разнородные по мнѣнію автора—и очень однообразные въ смыслѣ необъясненія ихъ душевныхъ движеній, дѣйствуютъ въ рамкахъ лишенныхъ внутренняго значеніе житейскихъ случаевъ или анекдотическихъ приключеній. Рамки эти раздвигаются, однако, г. Телешовымъ до крайности широко, вмѣщая въ себя множество ненужныхъ подробностей, затуманивающихъ и безъ того недостаточно ясную руководящую мысль разсказа. Получается впечатлѣніе растянутой поддѣлки подъ жизнь, для чего-то разыгрываемый поддѣльными людьми. При этомъ обыкновенно вовсе не соблюдается перспектива разсказа, въ которомъ *все* стоитъ на первомъ планѣ, такъ что маленькіе, не имѣющіе связи съ общимъ ходомъ разсказа, эпизоды или сценки, лишенные даже всякаго мѣстнаго колорита или оригинальности, протиснувшись впередъ, портятъ цѣльность и безъ того трудно воспринимаемаго настроенія. Кромѣ разсказовъ изъ быта переселенцевъ, этимъ недостаткомъ не страдаетъ разсказъ „*Дуэль*", навѣянный, очевидно, превосходными сценами Зудермана „Fritzchen", но построенный такъ, что впечатлѣніе, производимое трагическимъ положеніемъ офицера, пришедшаго объявить матери своего товарища, что ея сынъ убитъ на дуэли, къ концу разсказа, все умаляясь, смѣняется скукою, вызванной болтовнею не вѣдающей о своемъ несчастіи старой женщины.

Наиболѣе сильно отражающимъ на себѣ свойства творчества автора является самый большой изъ его разсказовъ—„*Маленькій романъ*". Это —исторія стараго зажиточнаго холостяка, которому навязываетъ дѣтей его сестры мужъ, покинутый ею,—и который, подъ вліяніемъ примиряющаго и облагораживающаго дѣтскаго вліянія, начинаетъ тяготиться своею пустою и развратною жизнью... Смерть дѣтей отъ дифтерита

наносить ему тяжкій ударъ. Увидѣвъ, за время ихъ болѣзни, въ доброй и распущенной своей знакомой, къ которой онъ привыкъ относиться лишь какъ къ наложницѣ, трогательныя общечеловѣческія черты, онъ уѣзжаетъ съ нею за границу, вступая, такимъ образомъ, на порогъ семейной жизни. Эту несложную, но благодарную тему авторъ излагаетъ почти на пяти печатныхъ листахъ, посвящая читателя въ массу скучныхъ и неимѣющихъ никакого значенія подробностей ухода за дѣтьми,—и совершенно не разработывая того внутренняго перелома, который происходитъ въ душѣ героя разсказа и его близкой пріятельницы, подъ вліяніемъ смерти и страданій сдѣлавшихся имъ близкими маленькихъ существъ. Точно китайскія тѣни, безъ характеристикъ, безъ житейской или бытовой окраски, проходятъ въ разсказѣ разные знакомые героя и героини—и остаются совершенно чужды читателю. Попытки автора изображать наружныя проявленія глубокихъ душевныхъ страданій также не достигаютъ цѣли. Вотъ какъ, напр., въ своей подражательной манерѣ, описываетъ онъ рѣшимость чуваша Максимки на самоубійство, подъ вліяніемъ оскорбленнаго за любимую дѣвушку чувства и съ цѣлью учинить обидчику „сухую бѣду“: „Въ стѣнѣ торчалъ большой черный гвоздь, который Максимка самъ вбивалъ въ прошломъ году для зеркала. Не спуская теперь съ него глазъ, онъ началъ шарить за пазухою и вытащилъ сырую, оттаявшую веревку. Вынувъ, онъ посмотрѣлъ на нее. Потомъ опять поглядѣлъ на гвоздь и опять на веревку... Потомъ намоталъ веревку на гвоздь и завязалъ узломъ. Попробовалъ потянуть—было крѣпко. Потомъ изъ веревки сдѣлалъ съ другого конца петлю, и снова попробовалъ руками. Было тоже прочно. Потомъ онъ задумался. Думалъ Максимка не долго. Онъ повернулся лицомъ къ окну и молча погрозилъ кулакомъ, а черезъ минуту висѣлъ уже въ петлѣ“. Не менѣе неудачны, въ своемъ стремленіи подражать Тургеневу и Толстому, описанія сновъ и предсмертнаго бреда. Рѣчь простыхъ людей у автора выходитъ часто поддѣлкою подъ народный говоръ, причемъ придуманность выраженій и оборотовъ рѣжетъ ухо. Таковы, напр. разговоры цѣловальника и хозяина постоялаго двора съ Максимкой, предлагающимъ играть на „шыбырѣ“ (волынкѣ) и встрѣчающимъ отказъ въ такихъ выраженіяхъ: „къ чорту-съ!“ и „нѣтъ! этакой *подлости* намъ не требуется“; таковы всѣ рѣчи Митрича въ разсказѣ „Елка Митрича“.

Въ разсказахъ своихъ г. Телешовъ не касается общественныхъ темъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ общихъ мѣстъ, вставляемыхъ имъ въ монологи и діалоги Березина, героя „Маленькаго романа“. У него есть, однако, цѣлый разсказъ на философскую тему, совершенно неправдоподобный въ психологическомъ отношеніи. Это — „Жертвы жизни“. Герой разсказа—Столяровскій—неудачникъ и несчастливецъ, вознена-

видѣвшій до смерти, до замысла на убійство, знатнаго, богатаго, красиваго и здороваго ребенка,—по странному душевному противорѣчію погибаетъ въ волнахъ, спасая жизнь этому самому ребенку. Онъ проповѣдуетъ особую, собственную теорію о „злой, насмѣшливой и ненасытной силѣ природы", рядомъ съ которою стоитъ другая сила, сглаживающая грубости первой, причемъ первую онъ называетъ *законодательною* („требующею себѣ жертвъ"), а послѣднюю—*исполнительною* („собирающею жертвы"). Длинныя и горячія разсужденія Столяровскаго обличаютъ въ авторѣ слишкомъ бѣглое знакомство съ уголовно-статистическими изслѣдованіями Вагнера и Кетле и самое поверхностное усвоеніе себѣ теоріи детерминистовъ.

Пріемы описанія у г. Телешова иногда грѣшатъ многословіемъ и въ то же время не даютъ реальныхъ образовъ (напр. „лицо его, молодое и неглупое, *не обезображенное порокомъ и нищетою*, выражало вульгарную веселость или даже насмѣшку, если только могли выражать что-нибудь эти тусклые, пьяные глаза съ опухшими вѣками..." („Ошибка барина"). Часто встрѣчаются у автора обороты и выраженія, изобличающіе пренебрежительное отношеніе къ русскому языку. Такъ, напр., у г. Телешова—арестанты *громыхаютъ* цѣпями, *колятъ нѣдры* Сибири; бѣгущій мальчикъ иногда *поспрашиваетъ*; Березинъ *прогуливается*, нетерпѣливо *прохаживаясь*,—лакей Сидоръ имѣетъ *ветшающее лицо*, въ стѣнахъ дома не раздается *старушачьихъ* пѣсенъ, мысли Максимки такъ и *кишатъ*, ржавая вывѣска называется ржавою *жельзкою*; усталая публика благотворительнаго базара, вдоволь *намявъ бока* (кому?) и туго *наколотивъ* карманы бездѣлушками изъ аллегри, разбредается; въ шахтѣ пахнетъ *испареніями* отъ камня или металла, городскіе часы издаютъ *безтолковые* звуки, жидкіе и *равнодушные*, и т. д. Какъ примѣръ странной конструкціи рѣчи можно привести слѣдующее мѣсто: „если нашу московскую Ивановскую колокольню считаютъ вышиною что-то около 38 саженъ и взобраться на нее считается чуть не подвигомъ, *то выбраться изъ шахты было втрое труднѣе*"; какъ на странный способъ цитатъ можно указать на то, что приводимыя авторомъ слова Мефистофеля цитируются не по творенію Гёте, а по либретто оперы Гуно. — Z.

IV.

— М. Помяловскій. Очерки русской исторіи. Элементарный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1903. (148 стр.).

При новой гимназической реформѣ, которая была начата нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но еще до сихъ поръ остается незавершенною, сдѣланъ былъ опытъ введенія преподаванія исторіи въ са-

мые младшіе классы гимназіи. Такъ какъ подходящихъ для этого учебниковъ не существовало, то нѣкоторые педагоги поспѣшили отвѣтить на возникшій спросъ соотвѣтственнымъ предложеніемъ. Дѣло было, конечно, трудное, и спѣшка при составленіи учебниковъ, для которыхъ, собственно говоря, не было подходящихъ образцовъ, не могла дать удовлетворительныхъ результатовъ. Легко было только написать, набрать, напечатать и пустить въ продажу, но хорошаго отсюда получалось мало: получались скороспѣлыя издѣлія, которыя потомъ достойнымъ образомъ и оцѣнивались серьезной педагогической критикой. Мы не знаемъ, является ли „курсъ" г. Помяловскаго предложеніемъ на упомянутый спросъ, — можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду учениковъ третьяго класса гимназій, гдѣ, исторія и прежде преподавалась,—но боимся, что критика—какъ спеціально-педагогическая, такъ и общая—доставитъ ему немало огорченій, и, быть можетъ, авторъ искренно пожалѣетъ, что поторопился выпустить въ свѣтъ свой учебникъ.

Каждое школьное руководство должно отличаться двумя главными качествами: научностью и педагогичностью. Если какая-либо,—скажемъ такъ, —научная теорія выше пониманія даже наиболѣе способныхъ учениковъ того возраста, для котораго предназначается руководство, то лучше совсѣмъ не касаться труднаго вопроса, чѣмъ приспособлять его къ пониманію учащихся, жертвуя научностью: это и ненаучно, и непедагогично. Между тѣмъ, многіе составители учебниковъ именно такъ и смотрятъ на свою задачу, чтобы дать нѣчто доступное дѣтскому пониманію, хотя бы и завѣдомо ненаучное, исходя изъ того положенія, что цѣль преподаванія заключается не въ сообщеніи вѣрныхъ знаній, а во внушеніи съ той или другой точки зрѣнія желательныхъ мыслей. Въ такомъ именно смыслѣ многіе и смотрятъ на задачу преподаванія исторіи, посредствомъ которой думаютъ утверждать воспитанниковъ въ благонравіи и народной гордости, принимаемой за любовь къ отечеству. Весь тонъ учебника г. Помяловскаго съ его слащавостью и замазываніемъ дурныхъ сторонъ нашего историческаго прошлаго обнаруживаетъ, что морально-патріотическія цѣли выдвигались въ его сознаніи на первый планъ, хотя бы съ ущербомъ для исторической правды.

Въ нашемъ прошломъ были и разинщина, и пугачевщина, о которыхъ лучше совсѣмъ не говорить дѣтямъ, чѣмъ сообщать то, что сообщаетъ г. Помяловскій. По его объясненію, бунтъ Стеньки Разина былъ вызванъ желаніемъ правительства, чтобы всѣ жили по закону, а пугачевщина—излишней добротой Екатерины II. Дѣло въ томъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ „много безпорядковъ происходило на Руси" по той причинѣ, что въ судебникѣ Ивана Грознаго не было сказано,

„какъ надо жить, какъ съ другими ладить, какъ государству служить, какъ тѣмъ или другимъ дѣломъ царевымъ управлять“ (стр. 79), и вотъ царь велѣлъ составить уложеніе. Но,—продолжаетъ г. Помяловскій,—„законы пишутся для того, чтобы ихъ исполнять: отнынѣ вся жизнь русскихъ людей должна была идти по закону; но были на Руси люди, привыкшіе жить безъ всякаго закона, привыкшіе къ своеволію“, и вотъ „для нихъ появленіе уложенія было невыгодно,—приходилось теперь жить не по своей волѣ, и потому они начинають бунтовать“ (стр. 80). Это—объясненіе бунта Разина, которое авторъ дополняетъ объясненіемъ пугачевщины. „Доброта государыни,—говоритъ г. Помяловскій,—позволила многимъ злоумышленникамъ думать, что ихъ преступленія останутся безнаказанными; когда же они увидѣли, что съ ними поступаютъ по всей строгости законовъ, они возмутились“ (стр. 109).

Къ числу мрачныхъ страницъ русской исторіи относится эпоха казней въ царствованіе Грознаго, и нужно имѣть много педагогическаго такта, чтобы объясненіе борьбы царя съ боярствомъ не было принято учащимися за оправданіе его жестокостей. Г. Помяловскій видимо старается выгородить Грознаго, жертвуя въ данномъ случаѣ моралью политикѣ. Во всемъ ненавистномъ виноваты опричники. Это они „обносили передъ царемъ и невинныхъ“, которыхъ царь тоже казнилъ, но за то, „узнавъ объ ошибкѣ, онъ потомъ каялся“ (стр. 68). Характеръ какого-то недоразумѣнія получаетъ въ изложеніи г. Помяловскаго и вся исторія съ митрополитомъ Филиппомъ. Грозный только „*согласился*“ назначить духовный судъ надъ Филиппомъ“; съ митрополита только „сняли санъ и отвезли въ уединенный монастырь“, а о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, о казняхъ близкихъ къ нему людей—ни слова; наконецъ, катастрофа въ Отрочьемъ монастырѣ разсказана такъ: „черезъ годъ Іоаннъ вспомнилъ о немъ и послалъ за благословеніемъ“, но посланный, „вмѣсто того, чтобы испросить, какъ это велѣлъ царь, благословеніе у Филиппа“, взялъ да и задушилъ его. Интересно, какъ будетъ понята дѣтьми эта странная исторія, и какія чувства пробудитъ въ ихъ юныхъ душахъ размышленіе г. Помяловскаго, напечатанное непосредственно вслѣдъ за разсказомъ о томъ, какъ „пострадалъ святой мученикъ Филиппъ“,—размышленіе именно такого рода: „хоть и *странной кажется* намъ борьба царя съ боярствомъ, но она *была необходима*: только сокрушивъ непокорныхъ, Іоаннъ высоко поставилъ самодержавіе; не будь этого, оставайся бояре въ силѣ, — они послѣ Грознаго царя погубили бы землю Русскую своими раздорами, корыстолюбіемъ, неправосудіемъ“ (стр. 69).

Да, интересно было бы знать, какъ все это уложится въ душѣ вдумчиваго и нравственно чуткаго мальчика.

Остановимся еще нѣсколько на борьбѣ Іоанна съ боярствомъ. Вѣрно ли, по крайней мѣрѣ, г. Помяловскій объясняетъ ея причину. И здѣсь, какъ въ разсказахъ о Разинѣ и о Пугачевѣ, сводится къ тому, что люди хотѣли своевольничать, а имъ этого не давали дѣлать: пока царь былъ ребенкомъ, некому было ихъ обуздывать, а потомъ „видятъ наиболѣе виновные бояре, что не забылъ царь ихъ преступленія, и, опасаясь праведнаго возмездія, стали бѣжать въ Польшу" (стр. 68).

Когда встрѣчаешь такія однородныя объясненія, но научной критики не выдерживающія, конечно, невольно заподозриваешь автора въ извѣстной тенденціи. Можетъ быть, ея и нѣтъ, т.-е., можетъ быть, все это происходитъ отъ неумѣлости автора, но „мораль басни" у г. Помяловскаго выходитъ вездѣ одна: всѣ бѣды—отъ своеволія, и одно спасеніе—въ „праведномъ возмездіи".

Если бы ученикъ по книжкѣ г. Помяловскаго желалъ прослѣдить исторію крѣпостного права въ Россіи, то онъ нашелъ бы, что тутъ все дѣлалось въ надлежащее время. Разсказавъ о прикрѣпленіи крестьянъ, онъ замѣчаетъ: „тогда оно было необходимо, и всѣ спасенные Годуновымъ, всѣ незначительные помѣщики были ему благодарны. Простой народъ,—оговаривается авторъ,—разумѣется, былъ недоволенъ, и много крестьянъ побѣжало на югъ въ казаки" (стр. 72); но казачество, по представленію г. Помяловскаго, и было порожденіе людей, „привыкшихъ жить безъ всякаго закона, привыкшихъ къ своеволію" (стр. 80). О вліяніи крѣпостного состоянія крестьянъ на крупныя народныя движенія XVII и XVIII вв., какъ мы видѣли, у него ни слова. Наоборотъ, вездѣ сильно преувеличиваются заботы власти о крестьянствѣ, вопреки даже оффиціальному признанію 19 февраля 1861 г. „Одни крестьяне,—говоритъ, напр., г. Помяловскій,—не получили никакихъ особенныхъ правъ и по прежнему остались подъ властью помѣщиковъ, но добрая, человѣколюбивая государыня постоянно заботилась о томъ, чтобы помѣщики обращались съ своими крестьянами какъ можно лучше" (стр. 108). Какъ бы забывая объ этомъ, въ разсказѣ о Павлѣ I авторъ, замѣтивъ, что при его матери „крестьяне до времени (?) остались въ прежнемъ положеніи", говоритъ, что этотъ императоръ первый обратилъ вниманіе на крестьянъ, ограничивъ власть помѣщиковъ надъ ихъ трудомъ (стр. 116). О томъ, какіе результаты въ дѣйствительной жизни все это имѣло, въ учебникѣ не говорится. Такіе вопросы, къ сожалѣнію, мало интересуютъ г. Помяловскаго, которому хочется только вездѣ показывать доброту и мудрость законодателей, не справляясь съ тѣмъ, какъ шла дѣйствительная жизнь. Да и тутъ очень ужъ проглядываетъ желаніе составителя изображать все такъ, чтобы никому не было обидно: про-

читавъ общую характеристику царствованія Павла I, ученикъ увидитъ, что оно было только продолженіемъ царствованія Екатерины II. Поэтому и весь застой въ крестьянскомъ дѣлѣ до середины XIX в. представляется г. Помяловскому какъ постепенное движеніе впередъ, хотя, напр., онъ и не объясняетъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ нѣсколькими законами Николая I, „подготовлявшими освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ (стр. 129). „Много сдѣлано было,— столь же неопредѣленно говоритъ онъ въ главѣ объ Александрѣ II,— много сдѣлано было для облегченія участи крестьянъ уже предшествующими государями“, и все зло крѣпостного права передъ 19 февраля 1861 г. заключалось для г. Помяловскаго только въ томъ, что у крестьянъ пропадала всякая охота къ труду, и что „немного дѣлали и помѣщики“, нравственная же сторона дѣла совсѣмъ даже и не затронута въ изложеніи г. Помяловскаго. Что касается до того, какъ принятъ былъ манифестъ 19 февраля, между прочимъ, и бывшими рабовладѣльцами, то и тутъ г. Помяловскому понадобилось заявить, что „всѣ, отъ мала до велика, отъ крестьянина до вельможи, съ восторгомъ узнали объ отмѣнѣ крѣпостничества“ (стр. 135). Лучше уже совсѣмъ не говорить объ извѣстныхъ вещахъ, чѣмъ говорить неправду.

А такой неправды слишкомъ ужъ много въ разсматриваемой книжкѣ. Вотъ примѣръ разныхъ категорій. Въ изложеніи судебной реформы Александра II (стр. 136), дореформенный судъ остался безъ характеристики, но за то ученикъ найдетъ ее нѣсколькими страницами выше (стр. 128), гдѣ сказано, что послѣ преобразованій Александра I, улучшившихъ нашъ судъ, „дѣла рѣшались по справедливости, обиженные всегда могли найти управу“. Чтобы не отходить далеко, отмѣтимъ и слѣдующую страницу гдѣ, о немилости, постигшей Сперанскаго, сказано такъ: онъ „умѣлъ оказать много услугъ своему благодѣтелю и Россіи, но въ началѣ 1812 г. долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ: онъ былъ сторонникомъ всего французскаго, и ему нельзя было править дѣлами, „когда съ Франціей шла война“ (стр. 127). Изъ дальнѣйшаго изложенія выходитъ, что какъ только окончилась война съ Наполеономъ, Сперанскому опять стало можно заниматься дѣлами правленія. Этотъ эпизодъ—прекрасный pendant къ эпизоду съ митрополитомъ Филиппомъ: очевидно, онъ считаетъ неудобнымъ говорить о несправедливости сильныхъ міра сего, хотя бы надъ ними уже давно былъ произнесенъ „судъ исторіи“. Имъ полагается всегда быть только мудрыми, добрыми, великодушными, и г. Помяловскій, подробно разсказавъ, напримѣръ, о мести княгини Ольги древлянамъ, все-таки не затруднился и ее назвать „доброй княгиней“ (стр. 10). Въ этомъ отношеніи стоитъ только прочесть одну за другою разныя характе-

ристики отдѣльныхъ лицъ, къ которымъ составитель учебника старается внушить особую любовь и почтеніе, чтобы увидѣть, сколько слащавой елейности было у него въ запасѣ, когда онъ писалъ свои характеристики.

Но оставимъ въ сторонѣ напускную елейность характеристикъ. примѣровъ которой можно привести немало. Посмотримъ еще, какъ г. Помяловскій учитъ понимать хотя бы факты внѣшней политики Россіи въ XIX в. Вотъ нѣсколько мѣстъ на удачу. При имп. Николаѣ I нѣкоторыя „войны произошли потому, что къ великодушному государю русскому обращались за помощью многіе притѣсненные и обиженные, и отказа никому не бывало“ (стр. 129). Конечно, въ числѣ притѣсненныхъ и обиженныхъ былъ и австрійскій императоръ, которому,—какъ объясняетъ г. Помяловскій событія 1849 г.,—русскій государь „уступилъ завоеванную его оружіемъ страну“ (стр. 131). Восточная война 1853 — 1856 г. изложена такъ, что читатель нисколько не будетъ удивленъ, когда прочтетъ, что, „видя успѣхи русскихъ, истомленные борьбой враги заговорили о мирѣ“ (стр. 133). Или вотъ еще: по словамъ г. Помяловскаго, если западныя державы при Александрѣ III „не смѣли нарушать мира“, то только потому, что „видѣли могущество России“ и „знали, что русскій царь готовъ обуздать всякаго зачинщика войны“ (стр. 141). Ученики могутъ подумать, что западныя державы рвались всѣ между собою передраться, и что лишь Россія помѣшала имъ это сдѣлать и тѣмъ „спасла всю Европу отъ ужасовъ войны“ (тамъ же).

Особенность разсматриваемаго учебника состоитъ еще въ томъ, что, составляя въ общемъ систематическій обзоръ русской исторіи, онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о многихъ событіяхъ, которыя давнымъ-давно вошли во всѣ систематическіе учебники (напр., событія 1762, 1825, 1830, 1863 гг.). Мѣстами автору приходится вводить въ изложеніе и западно-европейскія событія, но и тутъ онъ умѣетъ оберегать своихъ предполагаемыхъ питомцевъ отъ соблазна; о французской революціи сказано только, что это былъ „мятежъ противъ правительства“, во время котораго мятежники уничтожили королевскую власть и провозгласили у себя республику, т.-е. народоправство“ (стр. 116).

Въ заключеніе слѣдовало бы дать небольшой совѣтъ составителю книжки. Въ предисловіи онъ обѣщаетъ „исправлять и по мѣрѣ силъ совершенствовать свой трудъ“, но если при этомъ имѣется въ виду новое изданіе книги, то авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы изъялъ первое изданіе изъ обращенія и приступилъ къ составленію новаго изданія не ранѣе того, какъ и имъ самимъ, и другими основательно будетъ забытъ его первый опытъ. А пока „совершенство-

ваніе“ могло бы происходить только развѣ что въ еще бо̀льшемъ развитіи тѣхъ качествъ, которыя едва-ли соотвѣтствуютъ книжкѣ, предназначенной для обученія подростающихъ поколѣній. — Н—инъ.

V.

— Рейнъ: Іоганъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ.

Всякая новая книга о Финляндіи, написанная болѣе или менѣе объективно, представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего общества. Часть повременной печати у насъ, занимающаяся не столько Финляндіей, сколько травлей ея культурно-національныхъ учрежденій, мало, конечно, служитъ цѣли ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ вещей въ этой странѣ. Трудъ гельсингфорсскаго профессора Рейна, нынѣ переведенный со шведскаго на русскій языкъ, не принадлежитъ, конечно, къ категоріи писаній въ духѣ Мессароша и другихъ спеціалистовъ по финляндскому вопросу. Предметомъ своего весьма обширнаго изслѣдованія проф. Рейнъ избралъ, какъ будто, жизнь и дѣятельность Снельмана. Но, — справедливо указываетъ переводчикъ, — біографія Снельмана, въ теченіе болѣе трехъ-четвертей XIX вѣка принимавшаго выдающееся участіе въ политической и общественной жизни Финляндіи, обращается въ книгѣ проф. Рейна въ исторію края за соотвѣтствующій періодъ времени. Какъ историкъ, проф. Рейнъ, и по методу своего изслѣдованія, и по своимъ воззрѣніямъ, примыкаетъ къ той старой школѣ, которая ищетъ причины совершающихся событій въ стремленіяхъ и пожеланіяхъ отдѣльныхъ историческихъ личностей. Поэтому у пр. Рейна главнѣйшее вниманіе обращено, при описаніи событій, на личный элементъ исторіи. Измѣненія, совершающіяся въ массахъ народныхъ, причины общаго характера—мало интересуютъ его. Вслѣдствіе этого, объясненіе многихъ историческихъ явленій новѣйшей исторіи Финляндіи пріобрѣтаетъ у него односторонній характеръ. Мы не думаемъ, напр., чтобы тотъ благодѣтельный поворотъ, который пережила Финляндія въ началѣ 60-хъ годовъ, произошелъ только вслѣдствіе благопріятнаго настроенія тѣхъ или иныхъ представителей личнаго начала, которымъ съумѣли искусно воспользоваться финляндскіе государственные люди. А между тѣмъ проф. Рейнъ этому политическому искусству воспользоваться настроеніемъ, придаетъ первенствующее значеніе при изслѣдованіи хода реформъ, возродившихъ Финляндію къ новой жизни. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ дѣятельности лицъ и событій проф. Рейнъ высказываетъ свои политическіе взгляды, въ которыхъ опять-таки моменту такъ называемой „осторожной политической мудрости“

удѣляется слишкомъ много мѣста и значенія. Это, повидимому, объясняется тѣмъ, что трудъ Рейна (это мы узнаемъ изъ предисловія ко второму тому) писалъ до тѣхъ послѣднихъ событій, которыя создали для Финляндіи иное политическое положеніе. „Надо сознаться,—пишетъ самъ авторъ въ этомъ предисловіи:—„что при свѣтѣ совершившихся фактовъ многія сужденія, высказанныя въ этомъ трудѣ, должны показаться устарѣвшими и какъ бы сданными исторіей въ архивъ“.

Но, при всѣхъ своихъ теоретическихъ недостаткахъ, книга Рейна представляетъ крупный интересъ прежде всего по богатѣйшему фактическому матеріалу, освѣщающему всю почти исторію Финляндіи за послѣднее время. Матеріалъ этотъ не только для русскаго, но вѣроятно и для финляндскаго читателя представляется весьма цѣннымъ по своей новизнѣ, такъ какъ онъ взятъ въ значительной своей части изъ архивовъ, частной переписки и т. п. источниковъ. При обработкѣ матеріала, авторъ стремился сохранить объективность историка, и это ему удалось до нѣкоторой степени. Вся книга, со многими выводами которой, можетъ быть, и не согласятся представители финской передовой мысли, проникнута тѣмъ не менѣе горячей любовью къ родному краю и преданностью ея самостоятельнымъ политическимъ учрежденіямъ. Въ послѣднихъ авторъ видитъ залогъ благополучія Финляндіи, причину ея расцвѣта, начавшагося въ 60-ые годы, когда финскій народъ вновь активно былъ призванъ къ политической жизни. Этотъ взглядъ автора, проникающій все его изслѣдованіе и связанный съ соотвѣтствующимъ воззрѣніемъ о правово-политическомъ положеніи Финляндіи (проф. Рейнъ склоняется къ теоріи реальной уніи), заслуживаетъ особаго вниманія и потому, что сочиненіе Рейна напечатано на русскомъ языкѣ „по распоряженію министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго“, какъ это значится на самой книгѣ. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытно сопоставить сужденія нашихъ оффиціозовъ и полуоффиціозовъ, въ родѣ „Новаго Времени“, о послѣднихъ финляндскихъ событіяхъ съ послѣдними страницами изслѣдованія проф. Рейна.

Оцѣнивая въ общемъ личность Снельмана, авторъ указываетъ, что „конечной цѣлью его стремленій было: поднять финскій народъ на степень полноправнаго, самостоятельнаго народа съ особой культурной жизнью и потребностями. Въ этомъ видѣ едва ли хоть одинъ финляндецъ станетъ оспаривать вѣрность его программы...“ „Онъ (Снельманъ),—читаемъ мы тутъ же—добился того, что представители низшихъ слоевъ населенія уже не считаютъ себя пасынками своей родины и сдѣлались полноправными гражданами. Это уравненіе правъ всѣхъ слоевъ населенія настолько укрѣпило народное самосознаніе,

что возросла въ значительной степени стойкость націи. Если бы испытанія, угрожающія нашей національной самостоятельности, постигли насъ въ 1840 и 1850 гг., когда финны считались какими-то безправными паріями въ странѣ, то можно себѣ представить, каковъ долженъ былъ тогда быть результатъ. Нападки на нашу національную самобытность тогда были бы гораздо опаснѣе, нежели теперь, когда уже совершено сплоченіе и когда сознаніе необходимости встать на ея защиту успѣло проникнуть въ глубокіе слои населенія. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы *въ ту пору* удалось въ нѣсколько дней собрать болѣе полумилліона подписей подъ адресомъ въ защиту основного закона, и чтобы тогда крестьянское сословіе могло у насъ поступить такъ, какъ это имѣло мѣсто на сеймахъ 1899 и 1900 годовъ, когда крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, вступились грудью за политическія права родины... Если признать, что самостоятельность нашего народа тѣмъ болѣе обезпечивается, чѣмъ болѣе широкіе слои населенія получаютъ возможность принимать непосредственное участіе въ совмѣстной работѣ на пользу родному краю, то нельзя не воздать должное Снельману, всю свою жизнь стремившемуся именно къ этой цѣли".... Снельманъ вѣрилъ въ правильность этой теоріи (въ разумность естественнаго свободнаго хода развитія жизни), въ торжество правды и разума на землѣ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что человѣческими дѣлами руководитъ высшій порядокъ, что разумное, истинное и справедливое рано или поздно восторжествуетъ, несмотря на всѣ встрѣчающіяся препятствія и пораженія. Онъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ точку зрѣнія своего друга юности, поэта Л. Стенбека, такъ прекрасно выразившаго указанную мысль въ извѣстномъ стихотвореніи, посвященномъ когда-то Снельману и могущемъ, собственно говоря, служить девизомъ всей исполненной борьбы и заботъ жизни славнаго патріота:

„Путемъ труда, лишеній, муки
Борясь съ невѣжествомъ и тьмой,
Пройдешь подъ знаменемъ науки
Ты въ царство истины святой.
И пусть погибнемъ мы: за нами
Пойдетъ бойцовъ сильнѣйшихъ рать...
Друзья, вѣдь, правда надъ врагами
Должна побѣду одержать!.."

Читатели, слѣдившіе за тѣмъ, какъ обсуждались въ извѣстной части повременной печати событія послѣднихъ лѣтъ въ Финляндіи, сколько злобы, клеветы и неправды распространялось добровольцами „Нов. Вр." и „Моск. Вѣд.", вѣроятно не посѣтуютъ на насъ за длинную выписку изъ труда проф. Рейна.

Обращаемся къ обзору содержанія книги г. Рейна. Первый томъ обнимаетъ жизнь и дѣятельность Снельмана до 1855 г. и даетъ картину многихъ сторонъ политической и общественной жизни Финляндіи въ царствованіе Николая I. Край прозябалъ не только въ политическомъ, но и въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Народная самодѣятельность была подавлена, и это сказывалось во всемъ. Университетъ (сначала въ Або, потомъ въ Гельсингфорсѣ) былъ проникнутъ формализмомъ и боязнью свободной мысли. Академическіе „отцы" пуще всего боялись обвиненія университета со стороны высшей администраціи въ оппозиціонномъ духѣ, и всякая студенческая выходка принимала въ ихъ глазахъ опасный политическій характеръ. Преподаваніе подвергалось строгому контролю со стороны его правовѣрія. Когда Снельманъ, напр., въ самомъ еще началѣ своей преподавательской дѣятельности, объявилъ о своемъ намѣреніи прочесть серію лекцій „объ истинномъ значеніи и сущности академической свободы", то ректоръ, а потомъ и консисторія университета признали этотъ предметъ совершенно недопустимымъ. Въ дѣло вмѣшался и статсъ-секретарь графъ Ребиндеръ. „Желаніе магистра Снельмана,— писалъ графъ въ оффиціальной бумагѣ, — объяснить учащейся молодежи сущность академической свободы съ философской точки зрѣнія обнаруживаетъ легкомысліе, не подобающее академическому преподавателю, который болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ помнить, что университетскій уставъ и дисциплинарныя правила для студентовъ содержатъ всѣ необходимыя по этому поводу предписанія, и что эти предписанія требуютъ не какихъ-либо комментаріевъ, а безусловнаго повиновенія". Неудивительно, что при такихъ порядкахъ независимый Снельманъ, несмотря на крайнюю умѣренность своихъ политическихъ взглядовъ, не долго могъ продержаться въ университетѣ. Въ своемъ объясненіи по поводу инцидента, повлекшаго за собою удаленіе Снельмана, онъ писалъ между прочимъ: „меня выгоняютъ изъ университета, который даже несомнѣнные геніи признали себя вынужденными оставить, и въ которомъ люди, подобные имъ, только съ большимъ трудомъ могли завоевать себѣ положеніе. И разъ я коснулся судьбы этихъ людей, мнѣ стыдно прибавлять хоть одно слово въ свою защиту". Можетъ быть, и для Снельмана, и для Финляндіи, уходъ его изъ университета имѣлъ крайне благотворныя послѣдствія. Совершивъ значительныя путешествія по Европѣ, проживъ продолжительное время въ Швеціи, Снельманъ возвратился на родину съ солидной философской и общественной подготовкой для той дѣятельности, которая ему предстояла. Трактатъ о государствѣ, написанный имъ подъ сильнымъ вліяніемъ философіи Гегеля, доставилъ ему репутацію ученаго не только въ родной странѣ, но и далеко за предѣлами ея. Въ этомъ

сочиненіи Снельманъ обосновываетъ свою теорію о великомъ назначеніи національности, которой онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Поселившись въ маленькомъ тогда городкѣ Куопіо въ качествѣ ректора (завѣдующаго) элементарной школы, Снельманъ всецѣло почти погрузился въ журналистику, которая по условіямъ того времени была почти единственной ареной широкой общественной дѣятельности. Снельманъ сразу затѣялъ двѣ газеты, одну на финскомъ, другую на шведскомъ языкѣ. Особое значеніе пріобрѣла первая, выходившая подъ названіемъ „Сайма". Она сослужила великую службу финскому культурному движенію, поставивъ на первую очередь вопросъ о просвѣщеніи массъ. Для Снельмана этотъ вопросъ, какъ и многіе политическіе вопросы, сводился къ доставленію финскому языку не только равноправія со шведскимъ, но и господства во всей Финляндіи, во всѣхъ ея учрежденіяхъ. Такъ называемое „феннноманское" движеніе, направленное противъ шведовъ и ихъ языка, въ началѣ своего возникновенія носило скорѣе археологическій характеръ, выражавшійся въ собираніи пѣсенъ, изученіи сказаній и т. д. Но уже ко времени пребыванія Снельмана въ университетѣ „феннноманія" принимаетъ иную, болѣе общественную окраску; она становится движеніемъ демократическимъ, направленнымъ на поднятіе культурнаго уровня народныхъ массъ.

Въ этой эволюціи „феннноманскаго" движенія—„Сайма" Снельмана сыграла крупную роль. Страстная проповѣдь просвѣщенія, активности и самодѣятельности будила дремавшее финское общество. „Сайма" первая изъ финскихъ газетъ занималась всѣми текущими общественными вопросами и имѣла большой по тогдашнему времени успѣхъ. Это было нелегкимъ дѣломъ при томъ страшномъ цензурномъ гнетѣ, который господствовалъ тогда. Снельманъ въ своемъ боевомъ настроеніи не придавалъ первое время особаго значенія этому фактору. „Не можетъ быть,—писалъ онъ,—препятствій для послѣдовательной, выдержанной и смѣлой повременной печати. Слово—самое гибкое оружіе. Искусство обращаться съ нимъ пріобрѣтается въ борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами,—только бы имѣлись на лицо добрая воля и настойчивость". Но оптимизмъ Снельмана скоро оказался разрушеннымъ. Несмотря на скромность либерализма „Саймы", она вызывала противъ себя цѣлый рядъ цензурныхъ мѣропріятій. Тогда генералъ-губернаторъ кн. Меньшиковъ старался въ Финляндіи проводить ту же цензурную практику, которая господствовала въ Россіи. „Сайма" наконецъ была запрещена. Никакихъ сообщеній, разсужденій по поводу этого событія допущено не было, только одна финляндская газета „Morgonbladet" напечатала въ траурной рамкѣ извѣстіе о смерти скончавшейся тогда какъ разъ русской великой княгини, и въ

той же рамкѣ привела стихотвореніе, которое всѣ отнесли къ гибели „Саймы". Тамъ, между прочими, была такая строфа:

„И такъ благородному, доброму гибель—
То воля тѣхъ силъ, что надъ нами царятъ;
Лишь злу одному здѣсь свобода, раздолье,
А высшимъ порывамъ здѣсь смертью грозятъ..."

„Сайма" вызвала нападки и со стороны даже нѣкоторыхъ фенномановъ, которые обвиняли Снельмана въ томъ поворотѣ, который намѣтился тогда въ русской политикѣ по отношенію къ финскому движенію. Въ первое время его возникновенія императоръ Николай I даже поддерживалъ его, какъ средство отторженія финновъ отъ Швеціи. Но развитіе народной литературы, повидимому, сильно обезпокоило правительство. Въ 1850 г. сенату было сообщено, что „Его Императорское Величество, до свѣдѣнія котораго дошло, что въ Финляндіи намѣревались издать новыя сочиненія на финскомъ языкѣ, обратилъ вниманіе, что лица, владѣющія финскимъ языкомъ, принадлежатъ исключительно къ рабочему или земледѣльческому классу населенія, и соизволилъ придти къ заключенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ книги, не вредныя для образованнаго гражданина, могутъ быть невѣрно поняты необразованнымъ читателемъ изъ простонародья, причемъ безполезное чтеніе вообще отвлекаетъ рабочій и земледѣльческій классъ населенія отъ болѣе полезныхъ занятій".

Въ виду этого и предписано было совершенно запретить печатаніе на финскомъ языкѣ политическихъ извѣстій и произведеній изящной литературы. Повидимому, это постановленіе, равно какъ и другія, ограничивавшія дѣятельность „Финскаго литературнаго общества", были направлены противъ феннbманіи, не какъ противъ движенія національнаго, а какъ противъ теченія демократически-общественнаго. Это можно заключить изъ того, что одновременно съ указанными выше мѣропріятіями въ области цензурной правительство шло на встрѣчу желаніямъ фенномановъ въ смыслѣ предоставленія финскому языку оффиціальнаго положенія въ дѣлопроизводствѣ учрежденій правительственныхъ и общественныхъ.

Вообще, послѣдніе годы царствованія имп. Николая I были и для Финляндіи временемъ тяжелой реакціи. Проявленіемъ ея между прочимъ было уничтоженіе въ гельсингфорсскомъ университетѣ каѳедры философіи, въ которой, какъ извѣстно, императоръ Николай I видѣлъ главную причину безбожія и революціоннаго духа. Интересно, между прочимъ отмѣтить, что цѣлый рядъ нынѣ проектируемыхъ или уже практикуемыхъ мѣръ былъ уже тогда испробованъ. Каковъ былъ результатъ? Страна была слаба экономически, просвѣщеніе было мало

распространено, а въ смыслѣ скрѣпленія узъ съ Россіей эта система достигла того, что во время крымской войны *политическое* тяготѣніе къ Швеціи проявилось весьма сильно и ощутительно. Но это движеніе погасло сейчасъ же, какъ только Финляндіи были открыты пути къ самостоятельному національно-политическому развитію.

Второй томъ біографіи Снельмана проф. Рейнъ посвящаетъ новой эпохѣ, которая началась со вступленіемъ на престолъ Александра II. Прежде всего новыя вѣянія отразились на университетѣ. Были уничтожены многія стѣснительныя правила, была возстановлена—подъ названіемъ „этики и систематики наукъ"—каѳедра философіи, которую занялъ до того опальный Снельманъ. Одновременно съ преподавательской дѣятельностью, Снельманъ снова бросился въ публицистику и политику, которая впервые громко заявила о своемъ существованіи. Жизнь требовала осуществленія цѣлаго ряда реформъ, для которыхъ необходимы были средства, а послѣднія могли быть доставлены лишь путемъ обложенія народа, которое, въ виду основныхъ законовъ края, допускалось только съ согласія земскихъ чиновъ, созываемыхъ на сеймъ. А между тѣмъ сеймы почти полустолѣтіе не функціонировали и нерѣшительныя представленія тогдашняго статсъ-секретаря гр. Армфельта предъ Государемъ хотя и встрѣчали откликъ, но оставались безъ всякаго движенія. Къ этому именно моменту относится рѣчь проф. Шаумана, произнесенная имъ въ сентябрѣ 1856 г., на торжественномъ университетскомъ актѣ по случаю коронаціи. Главнѣйшія нужды края, о которыхъ до того времени можно было только думать про себя или говорить въ тѣсномъ кружкѣ, были высказаны открыто и прямо. Національная самостоятельность, созывъ представителей народа, расширеніе правъ финскаго языка и свобода печати—таковы были пункты выставленной программы. Представитель высшей административной власти въ краѣ, гр. Бергъ, былъ въ затрудненіи, не зная, какъ отнестись къ этой рѣчи. Кончилось дѣло тѣмъ, что рѣчь была представлена въ русскомъ переводѣ Государю, который выразилъ свое неудовольствіе по поводу того, что „неумѣстныя сужденія" были высказаны университетскимъ профессоромъ въ учрежденіи, исключительно посвященномъ научнымъ занятіямъ. Рѣчь была конфискована и перепечатка ея въ русскихъ изданіяхъ была воспрещена, но она не осталась безъ дѣйствія: въ обществѣ, сенатѣ и прессѣ заговорили снова о сеймѣ; самъ Государь нашелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи „полезныя мысли", какъ гласила резолюція. Снельманъ съ сочувствіемъ привѣтствовалъ рѣчь Шаумана въ редактируемомъ имъ „Литературномъ Листкѣ". Первые шаги Императора въ обновленіи строя Финляндіи утвердили Снельмана въ мысли, что лишь путемъ довѣрія къ благожелательности правительства возможно достигнуть

Финляндіи осуществленія важнѣйшихъ ея нуждъ. Отсюда его рѣзкая полемика съ „молодой“ Финляндіей и съ финляндскими эмигрантами, въ пропагандѣ которыхъ Снельманъ видѣлъ препятствіе къ реформамъ. Направленіе дѣятельности Снельмана приблизило его къ правящимъ сферамъ, и генералъ-губернаторъ графъ Бергъ неоднократно пользовался его совѣтами. Между тѣмъ, и въ сенатѣ при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ тоже былъ поставленъ запросъ о необходимости созыва сейма. Началась закулисная борьба: генералъ-губернаторъ графъ Бергъ, съ одной стороны, доносилъ о тревожномъ настроеніи умовъ, которое, по его мнѣнію, дѣлало невозможнымъ принять столь рѣшительную мѣру; а статсъ-секретарь гр. Армфельтъ и его товарищъ Шерваль-Валленъ указывали на двусмысленность поведенія гр. Берга и передавали жалобы, которыя вызывала его дѣятельность въ краѣ. Императоръ не рѣшался дать свое согласіе на созваніе земскихъ чиновъ Финляндіи, такъ какъ это могло вызвать преувеличенныя надежды на что-нибудь подобное и въ Россіи. Тогда Государь въ видѣ исхода, внявъ голосу своихъ финляндскихъ совѣтниковъ, издалъ манифестъ о созывѣ особой временной коммиссіи съ участіемъ представителей сословій. Функціи коммиссіи и составъ ея не стояли въ соотвѣтствіи съ основными законами края. Населеніе выражало опасеніе за цѣлость этихъ законовъ, въ сенатѣ образовалось меньшинство, которое обратилось съ ходатайствомъ о разъясненіи манифеста въ томъ смыслѣ, что коммиссія должна только выработать законопроекты, имѣющіе быть впослѣдствіи представленными на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ. Согласно этому ходатайству и былъ изданъ Высочайшій рескриптъ 12-го (24-го) апрѣля 1861 г. Это внесло успокоеніе; коммиссія дѣятельно стала разрабатывать матеріалы для сейма, который былъ открытъ лично императоромъ 14-го сентября 1863 г. Къ тому времени Снельманъ былъ уже сенаторомъ и, какъ видно изъ бумагъ, найденныхъ послѣ его смерти, имъ по порученію новаго генералъ-губернатора Рокассовскаго была составлена тронная рѣчь.

Нужно замѣтить, что тѣ главы сочиненія г. Рейна, которыя относятся къ событіямъ 1855—1863 годовъ, обработаны по совершенно до сихъ поръ неизвѣстнымъ матеріаламъ и потому сообщаютъ рядъ крайне интересныхъ и характерныхъ данныхъ. Дальнѣйшая исторія Финляндіи тѣсно связана съ дѣятельностью сеймовъ, въ работахъ которыхъ Снельманъ принималъ дѣятельное участіе. Въ качествѣ сенатора, онъ пріобрѣлъ особую благодарность страны за проведенную имъ мѣстную реформу и устройство финансовъ и принималъ участіе въ разработкѣ новой формы правленія, которая, однако, не была санкціонирована, и въ выработкѣ новаго сеймоваго устава, который былъ принятъ сеймомъ 1867 г. и получилъ силу закона. Въ рядѣ реформъ,

оживившихъ Финляндію, Снельманъ внесъ свою долю, какъ публицистъ и сеймовый депутатъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ, реорганизація церковнаго управленія, расширеніе сферы дѣйствія финскаго языка, школьная реформа, облегченія положенія печати, воинская повинность—всѣ эти вопросы, обсуждавшіеся на сеймахъ 1867, 1872, 1877 годовъ, такъ или иначе связаны съ дѣятельностью Снельмана, и потому г. Рейнъ даетъ подробную характеристику ихъ. Но личность Снельмана, въ изображеніи г. Рейна, не исчезаетъ въ той богатой рамѣ, которою онъ ее окружилъ; Снельманъ вездѣ выступаетъ рѣзко, рельефно, со всѣми своими крупными и мелкими чертами. Конечно, при оцѣнкѣ очень многихъ сторонъ этой крупной фигуры можно часто и не соглашаться съ ученымъ біографомъ, который самъ отчасти примыкаетъ, повидимому, къ тому политическому направленію, олицетвореніемъ котораго былъ Снельманъ, но зато авторъ вездѣ даетъ матеріалъ, добросовѣстно собранный и для иныхъ выводовъ.

Въ заключеніе, одна небольшая подробность: Снельманъ, въ общемъ настроенный весьма консервативно, всегда, какъ публицистъ, сенаторъ и депутатъ, стоялъ за свободу печати въ Финляндіи. Поэтому нѣкоторое значеніе имѣетъ тотъ отзывъ, который онъ далъ по поводу представленнаго, въ 60-хъ годахъ, на его заключеніе *русскаго* „Проекта устава о книгопечатаніи“. „Разсуждая принципіально“,—пишетъ Снельманъ въ своей запискѣ:—„едва ли возможно допустить свободу печати въ неограниченной монархіи. Ибо всякая критика общественныхъ порядковъ при такой системѣ, повидимому, въ концѣ-концовъ обращается на главу государства, что̀ не можетъ быть допущено. Но если желательно сдѣлать опытъ, то благоразумнѣе не останавливаться на полпути, а довести его до конца“,—и тутъ же Снельманъ доказываетъ нецѣлесообразность предположеній коммиссіи о сохраненіи предварительной цензуры, о системѣ предостереженій, о подчиненіи цензуры вѣдомству минист. вн. дѣлъ, о цензурныхъ карахъ и т. д.

На будущее Финляндіи Снельманъ смотрѣлъ съ надеждой, но далеко безъ оптимизма. „Нельзя забывать,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ публицистическихъ статей,—что національной самобытности небольшихъ народностей угрожаютъ многія опасности. Минуетъ ли Финляндію день испытанія? Увы, исторія не даетъ основанія лелѣять такую надежду. Да не наступитъ онъ только ранѣе, чѣмъ завершится великое преобразованіе, ранѣе чѣмъ его встрѣтитъ здѣсь единодушный народъ“. Онъ боялся всегда ассимилирующаго культурнаго вліянія, но опасности съ той стороны, съ какой она пришла, Снельманъ, какъ оптимистъ, повидимому не ждалъ. По мнѣнію проф. Рейна, Снельманъ „едва ли допускалъ возможность нарушенія того правового

строя, который былъ установленъ въ 1809 г., развѣ лишь въ томъ случаѣ, еслибы Россія сама стала монархіей конституціонной, при каковыхъ условіяхъ особый дарованный Финляндіи порядокъ могъ бы оказаться излишнимъ"...

VI.

— **Массальскій, В. И. О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности. М. 1908.**

Въ Москвѣ возникло недавно новое весьма симпатичное учрежденіе. При техническомъ обществѣ на частныя средства основанъ „Музей содѣйствія труду"; въ числѣ другихъ цѣлей онъ ставитъ себѣ задачей изученіе условій труда рабочихъ массъ и изысканіе средствъ къ улучшенію этихъ условій. Лежащая передъ нами книга представляетъ собою результатъ дѣятельности музея. Въ основаніе книги положенъ докладъ В. И. Массальскаго, прочитанный въ постоянной коммиссіи, функціонирующей при музеѣ; пренія къ этому докладу и нѣкоторыя другія данныя, присоединенныя къ нему, даютъ книгѣ извѣстную полноту и законченность.

Докладъ г. Массальскаго резюмируетъ цѣлый рядъ изслѣдованій Тезякова, Кудрявцева, Шаховского и др., которые изучили причину движенія нашихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ съ насиженныхъ мѣстъ на югъ, обстановку ихъ во время пути и условія ихъ труда. Картина получается крайне тяжелая. По приблизительному подсчету автора, количество уходившихъ на сельско-хозяйственныя работы доходило, въ 1900 г., до 3 милліоновъ человѣкъ. О причинахъ, гонящихъ эту человѣческую волну отъ родныхъ полей, имѣются свѣдѣнія, добытыя путемъ опроса самихъ рабочихъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются: малоземелье, неурожай, недостатокъ заработка на родинѣ и обремененіе населенія недоимками и долгами. Кромѣ этого, силой, заставляющей населеніе передвигаться, оказывается замѣтная разница въ заработной платѣ, существующей на мѣстахъ выхода и на мѣстахъ прихода рабочихъ. Авторъ разрабатываетъ далѣе въ своемъ докладѣ данныя о составѣ этой бродячей арміи въ отношеніи возраста, пола, семейнаго положенія, грамотности. Любопытно отмѣтить и тотъ выводъ изслѣдованія, который говоритъ, что въ Россіи несомнѣнно существуетъ постоянный контингентъ рабочихъ, *не случайно* ищущихъ заработка продажей своего труда въ сельско-хозяйственной промышленности. По регистраціи, произведенной на мѣстахъ найма, во врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, оказывается, что болѣе $^3/_4$ рабочихъ вышли на заработки не первый разъ.

Положеніе рабочихъ на пути крайне тяжелое: желѣзными дорогами и пароходами пользуется не болѣе 1/5 части рабочихъ; а если имъ возможно передвигаться этими усовершенствованными путями сообщенія, то это происходитъ при обстановкѣ, при которой путешествіе пѣшкомъ представляется даже болѣе гигіеничнымъ. Ужасны и тѣ условія, которыя окружаютъ пришлыхъ рабочихъ на рынкахъ найма. Процентъ заболѣваемости крайне высокъ. Заработная плата даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была сравнительно высока, начинаетъ понижаться съ увеличивающимся распространеніемъ машинной работы. Данныя о продолжительности рабочаго дня, о питаніи рабочихъ—дополняютъ общую картину.

Юридическое положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ по существующимъ законамъ—ненормальное; для нанимателя-хозяина созданы въ договорѣ значительныя преимущества; за нарушеніе договора найма законъ грозитъ рабочему уголовной карой—лишеніемъ свободы. Та законодательная охрана, которою пользуются фабричные рабочіе, совершенно отсутствуетъ въ этой сферѣ труда.

Общія мѣропріятія, намѣчаемыя въ докладѣ г. Массальскаго для улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сводятся къ слѣдующему: прежде всего необходимо изслѣдованіе условій труда ихъ, которое лучше всего поручить органамъ земскаго самоуправленія; далѣе, рабочій людъ долженъ получить возможность дешеваго и сноснаго передвиженія по усовершенствованнымъ путямъ сообщенія; учрежденіе врачебно-продовольственныхъ пунктовъ и справочныхъ бюро на мѣстахъ скопленія рабочихъ въ нѣкоторыхъ земствахъ проведено уже, но эта мѣра должна получить общій характеръ. Коренной пересмотръ „Положенія о наймѣ на сельскія работы", дополненіе его постановленіями о продолжительности рабочаго дня, о работѣ женщинъ и дѣтей, введеніе особой сельско-хозяйственной инспекціи—таковы другія пожеланія доклада г. Массальскаго.

Болѣе детально разработаны предложенія доклада въ приложеніяхъ, имѣющихся въ книгѣ. В. Ф. Ставровскій въ своей запискѣ даетъ цѣлый проектъ санитарныхъ мѣропріятій, необходимыхъ для улучшенія быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; В. Г. Виленцъ [1]) взялъ на себя задачу проанализировать дѣйствующія узаконенія о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и дѣлаетъ рядъ выводовъ о необходимости сблизить это Положеніе съ правилами о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы.

Не лишены интереса тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ во вве-

---

[1]) „Музей содѣйствія труду" много обязанъ энергіи этого общественнаго дѣятеля, недавно скончавшагося въ самомъ расцвѣтѣ силы и дѣятельности.

деніи къ книгѣ: они относятся къ освѣщенію вопроса въ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, работавшихъ въ 1902—1903 гг. Составъ комитетовъ, въ большинствѣ состоявшихъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія, въ *этомъ* вопросѣ проявилъ свое дѣйствіе. Интересы рабочихъ почти нигдѣ не были затронуты, почти вездѣ проглядываютъ заботы землевладѣльцевъ объ обузданіи рабочихъ. Можно указать рядъ ходатайствъ комитетовъ объ усиленіи каръ за нарушеніе со стороны рабочихъ договора, о предоставленіи земскимъ начальникамъ рѣшать подобнаго рода дѣла въ административномъ порядкѣ, и т. д., и т. д. Два комитета (галичскій и фатежскій) постановили даже ходатайствовать передъ правительствомъ о ввозѣ въ Россію дешевыхъ работниковъ-китайцевъ. „Въ китайцахъ,—мотивировалъ сѣверный помѣщикъ,—галичскіе землевладѣльцы найдутъ себѣ вѣрныхъ, исполнительныхъ и дешевыхъ работниковъ. Китайцы оживятъ нашъ затерянный въ лѣсныхъ дебряхъ край и современемъ найдутъ въ немъ себѣ новое отечество". Фатежскій землевладѣлецъ разработалъ эту идею болѣе основательно. Онъ проектируетъ учрежденіе особыхъ правительственныхъ агентовъ для заключенія съ китайцами долгосрочныхъ контрактовъ и для регулированія всего вообще дѣла. Въ числѣ подробностей предлагаемой организаціи заслуживаетъ вниманія система проектируемыхъ строгихъ взысканій. „Мѣра эта,—читаемъ мы въ запискѣ фатежскаго аграрія,—крайне необходима въ виду строгихъ карательныхъ наказаній, существующихъ въ китайскомъ государствѣ, и полной de facto безнаказанности у насъ по несоблюденію условій договора найма. Если отвѣтственность китайскихъ рабочихъ по несоблюденію договоровъ оставить по существующему у насъ законодательству, то отличающійся въ настоящее время своей честностью и добросовѣстностью китайскій рабочій, сразу попавъ подъ наши законы, при которыхъ самая тяжкая кара—мѣсячный арестъ въ бездѣльи нашей роскошной тюрьмы, покажется ему настолько соблазнительнымъ, что онъ всячески будетъ стараться этой кары достигнуть, и тогда китайскіе рабочіе станутъ еще бо̀льшими мошенниками, чѣмъ наши, а намъ, землевладѣльцамъ, придется только безвозвратно терять затраченныя нами по перевозкѣ и на задатки китайцамъ деньги, что̀ только ляжетъ еще болѣе тяжкимъ бременемъ на нашъ и безъ того уже истощенный бюджетъ". Конечно, *такія* мнѣнія были рѣдкостью и среди комитетовъ, но по существу—тенденціи, проглядывающія въ этихъ курьезныхъ сужденіяхъ, въ болѣе приличной формѣ, звучали въ очень многихъ работахъ и постановленіяхъ. Тѣмъ болѣе умѣстно появленіе книги, объективно и всесторонне выясняющей истинное положеніе дѣлъ въ настоящемъ вопросѣ. — М. Г—анъ.

Въ теченіе октября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, А. В.—Очерки Минусинскаго края. Томскъ. 904. Ц. 60 к.

Ачкасовъ, Ал.—Образцы изящной русской рѣчи. Для взрослыхъ. М. 903. Ц. 1 р.

Барацъ, Г. М. — Опытъ возстановленія текста и объясненіе древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Спб. 903.

Бертенсонъ, Сергѣй. — Опытъ библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы. Спб. 903.

Бехтеревъ, В.—Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. 1. Спб. 903.

Билимовичъ, А. Д. — Министерство финансовъ. 1802—1902. Историческій очеркъ. Кіевъ. 903.

Богдановичъ, К. И. — Ученіе о рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Курсъ, читанный въ Горномъ институтѣ. Вып. 1. Спб. 903. Ц. 1 р. 85 к.

Бородинъ, Н.—Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе. Спб. 903. Ц. 50 к.

Буренинъ, В.—Театръ. Т. I: Потонувшій колоколъ—Забава Путятишна—Ожерелье Афродиты—Женщина съ кинжаломъ—Мадонна Беатриче—Фьяметта. Спб. 904. Ц. 1 р.

Ведребисели, (Д. К. Мякіева). — „Нетронутый уголокъ". Грузинскіе разсказы. Т. I. Спб. 903. Ц. 1 р.

Воскресенскій, А. Е. — Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Ганото, Г.—Франція до Ришелье. Съ франц. С. П. Мельгуновъ. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Гейне. — Атта-Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Перев. и предисл. П. Коменова. М. 902. Ц. 1 р.

Грегоровіусъ, Ферд.—Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V-го до XVI-го столѣтія). Съ 4-го нѣм. изд., съ дополн. по новому (1900 г.) итальянскому переводу. Перев. М. Литвиновъ. Т. II. Съ планомъ г. Рима въ эпоху императоровъ и 33 иллюстраціями. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Долиновъ, Л. М.—Искатель истины. Спб. 903.

Драгановъ, П. Д.—Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный, и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей. Спб. 903. Ц. 75 к.

Дубовицкій, Д. Ив.—Опытъ изслѣдованія пензенской губерніи и юго-восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. II и III. Пенза. 903.

Елистратовъ, А.—О прикрѣпленіи женщины къ проституціи. Врачебно-полицейскій надзоръ. Каз. 903. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, К. — Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-ое изд. дополненное. Спб. 903. Ц. 1 р.

Зальсскій, В. Ф.—Лекціи энциклопедіи права. Каз. 903. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. — Русская критическая литература. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. О произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

——— О произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

——— О произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I. Изд. 2-ое. М. 903. Ц. 1 р.

——— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. III: 1874—1877. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

——— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II, ч. 1. Изд. 4-е. М. 903. Ц. 2 р.

——— Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Ч. III. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

——— Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

Зварницкій, Д. И. — Источники для исторіи запорожскихъ козаковъ. Въ 2-хъ том. Владим. губерн. 903. Ц. 6 р. за оба тома.

Зеландъ (Дубельтъ), Е. — Герцогъ Джаколо. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 903. Стр. 95. Ц. 1 р,

Зинченко, Н.—Театръ при Петрѣ Вел. Очеркъ. Спб. 904. Ц. 15 к.

Іона, архим. — Свѣтъ съ Востока. Письма настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ о церковныхъ дѣлахъ православнаго Востока. Вып. I. Спб. 903.

Иртеньевъ, Н. — Несовременные разсказы. Замѣтки и впечатлѣнія. Изд. О А. Корсакевичъ. Либава. 903. Ц. 2 р.

Казанскій, П., проф. — Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Од. 903.

Карпентеръ, Эд. — О бракѣ (Marriage). Съ англ. М. И. Брусянина. Спб. 904. Ц. 25 к.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Древней исторіи. Съ историческими картами. Изд. 3-ье. Второе—было допущено Учен. Ком. Мин. нар. просв. для старшихъ классовъ гимназій, и Учебн. Отдѣл. мин. финансовъ для коммерческихъ училищъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 20 к.

Компере.—Ж.-Ж. Руссо и его воспитаніе естественное. Перев. П. Первовъ. М. 903. Ц. 40 к.

Костомаровъ, Н. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II (продолженіе и окончаніе): Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Изд. 4-е. Спб. 903. Ц. 3 р.

Кюльпе, О. — Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Лекціи, читанныя для народныхъ учителей въ Вюрцбургѣ. Съ нѣм. М. Лембергъ, п. р. и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге М. 903. Ц. 80 к.

Лощиловъ, П. А.—О санитарныхъ условіяхъ кожевеннаго производства въ Нижегородской губерніи. Н.-Новг. 903.

Любичъ-Кошуровъ, I.—Брать человѣчества. М. 903. Ц. 75 к.

Мальбраншъ, Н. — Разысканіе истины. Съ франц. перев. Е. Смѣловой, п. р. Э. Радлова. Т. I. Спб. 903. Ц. 2 р.

Мартыновъ, С. В.—Современное положеніе русской деревни. Сарат. 903.

Молль, А.—Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Съ нѣм. перев. д-ръ мед. Я. Левенсонъ, съ прилож. статьи М. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р.

Ницше, Фр.—Такъ говорилъ Заратустра. Книга для всѣхъ и для никого. Съ нѣм. перев. Ю. М. Антоновскаго. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Т. и *П. Ш.* — Новыя законы о служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. М. 904. Ц. 25 к.

Пановъ, А. В.—Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Сарат. 903. Ц. 40 к.

Петрушевскій, А. — Краткій обзоръ Суворовской литературы, русской, французской и нѣмецкой—по 1903 годъ. Съ 3 прилож. Спб. 903. Ц. 2 р.

Пирожковъ, М. В. — Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для экзаменаторовъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Полетаевъ, Н. А.—Что такое философія и гдѣ ея предѣлы. Спб. 903.

Потапенко, И. Н. — Сочиненія. Томъ I. Счастье поневолѣ. Романъ.—Повѣсти и разсказы: Пѣшкомъ за славой.—До и послѣ.—Остроумно.—Небывалое дѣло. Стр. 542. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. На дѣйствительной службѣ. Деревенскій романъ и др. повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта. 3-е изд. А. Ф. Маркса. Спб. 903. Стр. 549. Ц. 1 р. 50 к.

Привислинецъ, Д. *Туткевичъ* и А. *Дружининъ*. — Россія и западная ея окраина. Кіевъ. 903. Ц. 1 р.

Прискорбный, Ѳома.—Самобытный отечественный „мыслитель". Еп. Ѳеофанъ въ письмахъ на общественныя темы. Страница изъ исторіи нашего умственнаго развитія. Спб. 903. Ц. 20 к.

Пругавинъ, А. С. — Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Пѣтуховъ, С. П. — Воронежская огнеупорная глина и примѣненіе ея въ промышленности. Спб. 903.

Рейнъ, Т.—Іоганъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ. Сокращенный перев. со шведскаго. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Риль, Ал. — Введеніе въ современную философію. 8 лекцій. Съ нѣм. Г. Котляръ. М. 903. Ц. 1 р.

Ройтманъ, Дм.—Курсъ космографіи. (Начальная астрономія). Спб. 903. Ц. 1 р. 10 к.

Сервантесъ Сааведра, Мигуель. — Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Перев. съ испанск., съ предисловіемъ, біографіей автора и примѣчаніями, сдѣлалъ Маркъ Басанинъ. Въ 4-хъ томахъ. Спб. 903. Ц. 2 р. 40 к.

Скаржинскій, А. Б. — Къ вопросу объ обезпеченіи рабочихъ отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ. Спб. 903.

Снегиревъ, Л. Ѳ.—Процессъ о злоупотребленіяхъ въ харьковскомъ земельномъ и торговомъ банкахъ: Судебное слѣдствіе — Приговоръ палаты — Кассаціонныя жалобы—Судебныя пренія. М. 903. Стр. 943+240+117. Ц. 3 р. 50 к.

Степовичъ, А. І.—Ежегодникъ коллегіи П. Галагана. 1902—1903. Годъ 3. Кіевъ. 903. Ц. 2 р.

Сыромятниковъ, С. Н. (Сигма). — Изъ жизни современнаго сердца. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тезяковъ, Н. И. — Матеріалы по изученію дѣтской смертности въ Воронежской губерніи. Ворон. 903.

——— Основы санитарной статистики. Спб. 903. Ц. 60 к.

Харузинъ, Николай. — Этнографія. Лекціи, читан. въ Имп. Москов. Университетѣ. Изданіе посмертное, п. р. В. Харузиной. Вып. III: Собственность и первобытное государство. Спб. 903. Ц. 2 р.

Хохловъ, Г. Т.—Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство". Съ предисловіемъ Влад. Короленко. Спб. 903.

Фальковскій, Ф.—Пробужденіе. Драма-сказка, въ 5 д. Спб. 903.

Челпановъ, Г., проф.—Мозгъ и Душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шарвинъ, В. В.—Химія на службѣ человѣку. М. 903.

Шерадамъ, А. — Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX столѣтія. Спб. 903.

Шепелевичъ, Д.—„Донъ-Кихотъ" Сервантеса. (Т. II: „Жизнь Сервантеса и его произведенія" 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Шиловскій, П.—Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шингаревъ, А. И. — Обще-губернская санитарная организація въ Воронежской губерніи. Ворон., 903.

Шнинеръ, Я. Б. — Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ съ 155 рис. и 19 отдѣльн. таблицами, печатанными красками и золотомъ. Спб. 903. Ц. 4 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Шопенгауеръ, Арт. — Изученіе человѣка по выраженію лица. Спб. 904. Ц. 15 к.

Шпилевскій, С. М.—Столѣтіе училища имени Демидова. Демидовскій юридическій лицей. Рѣчь директора лицея, 30 августа 1903 г. Ярославль. 903.

Щегловъ, В. Г.—Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Демидова, въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности (6 іюня 1803—1903 г.). Историческій очеркъ. Яросл. 903.

Myrian, A.—Le Système de Newton est faux. Tulle. 903.

— Библіотека армянскихъ писателей. № 1: Агароньянъ, А., Башб, перев. К. Мелихъ-Каракозовъ. Тифлисъ. 903. Ц. 20 к.

— Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Премія къ „Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія". П. р. С. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона. Ц. 2 р.

— Губернскіе съѣзды и совѣщанія земскихъ врачей и представителей земскихъ управъ Саратовской губерніи, съ 1876 г. по 1894 г. Составл. П. Калининымъ, п. р. Н. Тезякова. Сарат. 903.

— Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Сезонъ 1900—1901 г. Приложеніе 1-е и 2-е. Спб. 903.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. директора Института А. Позднѣева. Т. III: 1901—2 академич. годъ. Вып. II, IV, V. Т. II, 1902—3 акад. годъ. Владивостокъ. 903.

— Отчетъ Коммиссіи по народному образованію. Начальныя народныя училища. XXVI-й годъ. 1877—1903 г. Спб. 903.

— Отчетъ Одесской Городской Управы, за 1902 г., по народному образованію. Од. 903.

— Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества, состоящаго при Имп. Москов. Университетѣ, за 1901—1902 г. Годъ IV. М. 903.

— Отчеты изслѣдованія по кустарной промышленности. Т. VII. Спб. 903.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1902 годъ. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ Губернской Управы. Т. I и II. Новг. 903.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 годъ (годъ XII-ый). Вып. II. Виды на урожай въ 1903 г. Вятка. 903.

— Современные европейскіе беллетристы. Вып. VI: Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ 4 д. Маріи Делле-Граціе. Съ нѣм. перев. Э. Б. Харьк. 903. Ц. 50 к.

— Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1900 годъ. Вятка. 903.

— Статистическій Сборникъ С.-Петербургской губерніи. 1901 г. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1900—1901 сельско-хозяйственномъ году. Спб. 903.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской имперіи. Вып. 4 (данныя 1900 года). Ред. В. Фармаковскаго и Е. П. Ковалевскаго. Спб. 903.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елизаветградскому уѣзду Херсонской губерніи за 1902 годъ. Изд. Земской Управы. Елисаветгр., 903.

— Труды Общества больничныхъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902 г. П. р. Н. Кетчера. Годъ второй. Спб. 903.

— Тысяча-девятьсотъ-третій годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. II и III. Спб. 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Thomas Mann. „Der kleine Herr Friedemann".—„Tristan". Novellen. Berlin, 1903 (S. Fischer, Verlag).

Томасъ Маннъ—уроженецъ Любека. Онъ знаетъ жизнь портовыхъ городовъ сѣверной Германіи и изображаетъ ее чрезвычайно талантливо и живо въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ Германіи, гдѣ каждый городъ имѣетъ свою характерную физіономію и живетъ своей автономной жизнью, очень развился въ послѣдніе годы такъ называемый „областной романъ", т.-е. изображеніе отдѣльныхъ мѣстностей германской имперіи съ ихъ обособленными интересами, нравами и типами. Наиболѣе прославившійся „областной романъ"—„Іерне Уль" Густава Френсена, столь колоритно возсоздавшій жизнь тихаго уголка въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Теперь же на ряду съ нимъ ставятъ вышедшую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ книгу Томаса Манна—романъ „Buddenbrooks", очерки изъ котораго печатаются въ настоящее время въ „Вѣстникѣ Европы" [1]). Съ той же эпической пространностью и съ такимъ же вдумчивымъ проникновеніемъ въ смыслъ обыденныхъ жизненныхъ переживаній, съ какимъ Франсенъ описываетъ судьбу одного человѣка, Томасъ Маннъ повѣствуетъ о судьбахъ большой семьи въ теченіе нѣскольких поколѣній. Френсенъ придаетъ въ своемъ романѣ огромное значеніе личной иниціативѣ, видитъ въ трудѣ спасеніе отъ всѣхъ страданій и ударовъ судьбы, и въ общемъ относится примирительно къ жизни, хотя и описываетъ ея мрачныя стороны. Томасъ Маннъ, напротивъ того, пессимистъ въ своемъ пониманіи жизни, хотя часто останавливается и на свѣтлыхъ явленіяхъ дѣйствительности, и также обнаруживаетъ иногда добродушный юморъ въ отдѣльныхъ характеристикахъ. Близость Томаса Манна къ Френсену заключается такимъ образомъ не въ одинаковомъ пониманіи жизни, а скорѣе въ одинаковой манерѣ, въ неторопливомъ описаніи характерныхъ подробностей жизни, въ умѣньи углублять будничныя переживанія среднихъ людей. Въ „Іерне Уль" жизнь крестьянскаго сына изъ маленькой шлезвигской деревушки пріобрѣтаетъ общечело-

[1]) См. окт., 682 стр., и выше: стр. 287.

вѣческій интересъ заключенными въ ней страданіями, увлеченіями, ошибками и стремленіями; и точно также въ романѣ Томаса Манна исторія купеческой семьи со всѣми жизненными переживаніями ея многочисленныхъ членовъ становится въ правдивомъ и пластичномъ изложеніи Томаса Манна воплощеніемъ жизни и судьбы среднихъ людей.

Томасъ Маннъ—новый человѣкъ въ нѣмецкой литературѣ. Кромѣ романа „Buddenbrooks", онъ написалъ еще двѣ книги небольшихъ разсказовъ: „Der Kleine Herr Friedemann" и „Tristan". Это—рядъ психологическихъ этюдовъ, составляющихъ до нѣкоторой степени подготовленіе къ большому роману: дѣйствующія лица разсказовъ принадлежатъ къ тому же буржуазному кругу, какъ и семья хлѣботорговцевъ Будденброковъ, и во многихъ разсказахъ выступаютъ даже лица, болѣе пространно описанныя въ романѣ „Buddenbrooks". Въ разсказахъ Манна намѣчаются уже всѣ особенности его писательской манеры: выдержанный реализмъ, сказывающійся въ изобиліи яркихъ и характерныхъ подробностей, а также большая пластичность типовъ и характеровъ. Основной мотивъ разсказовъ—тотъ же, который разрабатывается болѣе пространно и убѣдительно въ большомъ романѣ: Маннъ изображаетъ печальные контрасты жизни, невозможность сочетать болѣе возвышенныя и утонченныя потребности духа съ условіями житейскаго благополучія, трагизмъ столкновеній между „правдой души" и „правдой жизни". Герои и героини разсказовъ не принадлежатъ къ числу сильныхъ, преуспѣвающихъ натуръ. Это, напротивъ того, большей частью неудачники съ сосредоточенной внутренней жизнью, люди съ тонкими эмоціями—и печальной судьбой. Содержаніе разсказовъ заключается въ изложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ, переживаній, въ которыхъ сказывается и весь душевный складъ, и опредѣляющаяся имъ судьба человѣка. Развязка всѣхъ разсказовъ Манна трагическая—въ нихъ говорится всегда о гибели возвышенныхъ, чистыхъ натуръ, не выносящихъ грубости и жестокости жизни. Въ противоположность реалистамъ школы Зола̀, Маннъ не развѣнчиваетъ человѣка,—какъ психологъ, онъ скорѣе идеалистъ и умѣетъ находить удивительно тонкія душевныя движенія у простыхъ, безхитростныхъ людей, но его пессимизмъ обращенъ къ жизни, и онъ со скорбной убѣжденностью и убѣдительностью разсказываетъ о жестокихъ насмѣшкахъ судьбы надъ людьми съ тонкой, впечатлительной душой. Чѣмъ богаче душевный міръ человѣка, чѣмъ сильнѣе и нѣжнѣе его чувства, тѣмъ болѣе онъ во власти торжествующихъ въ жизни грубыхъ натуръ, тѣмъ вѣрнѣе онъ идетъ къ гибели. „Маленькій господинъ Фридеманъ" обреченъ на грустную жизнь съ дѣтства. Онъ родился здоровымъ ребенкомъ, но его уронила нянька, и онъ выросъ хилымъ гор-

буномъ, но съ красивымъ грустнымъ лицомъ. Болѣзненность и слабость, однако, не озлобили его; сильная и сосредоточенная внутренняя жизнь его съ юности направлена на то, чтобы примириться съ лишеніями, на которыя его обрекла судьба, и чтобы найти утѣшеніе и радость въ мирномъ созерцательномъ существованіи. Первое наивное увлеченіе хорошенькой дѣвочкой, сестрой школьнаго товарища, и ея предпочтеніе другому, здоровому и веселому мальчику, научаетъ Фридемана отказаться отъ надеждъ на счастливую любовь. Онъ убѣждается разъ навсегда, что всѣ эти бурныя радости, о которыхъ ему съ увлеченіемъ разсказываютъ товарищи,—„не для него". Онъ съ этимъ мирится и замыкается въ своемъ внутреннемъ мірѣ, испытывая радости, недоступныя другимъ. У него развивается особая блаженная любовь къ природѣ, особое отношеніе ко всѣмъ впечатлѣніямъ извнѣ: и удовольствія, и грусть составляютъ для него источникъ глубокихъ ощущеній, и все существо его преисполняется чувствомъ тихой гармоніи, примиренностью со всѣмъ, что приноситъ жизнь. Такъ проходятъ долгіе тихіе годы; Фридеманъ живетъ незамѣтной для другихъ богатой внутренней жизнью, внѣшнее же его существованіе—самое обыденное и скромное. Онъ служитъ въ экспортной конторѣ, у него есть, кромѣ того, небольшія личныя средства, и онъ живетъ тихо въ обществѣ трехъ своихъ сестеръ, старыхъ дѣвъ, окружающихъ его нѣжными попеченіями. Но, доживъ мирно до тридцати лѣтъ, „маленькій господинъ Фридеманъ", встрѣчаетъ женщину, которая нарушаетъ его мудрое душевное спокойствіе, и минутная мечта о счастьѣ любви, т.-е. о томъ, что „не для него", губитъ его. Женщина, въ которую онъ влюбляется, принадлежитъ къ разряду „жестокихъ красавицъ", наслаждающихся своей властью надъ сердцами. Ей пріятно наивное обожаніе маленькаго горбуна, она побѣждаетъ его инстинктивную замкнутость, заставляетъ его забыть обычную сдержанность, дать волю охватившему его чувству. Она его мучитъ своимъ жестокимъ любопытствомъ, разспрашиваетъ о причинахъ его горба, но вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ его въ обманъ своимъ нѣжнымъ вниманіемъ. И только тогда, когда онъ, забывъ свое обычное оборонительное отношеніе къ жизни, начинаетъ страстно говорить ей о любви, она съ оскорбительнымъ презрѣніемъ и насмѣшкой отталкиваетъ его и уходитъ; онъ остается одинъ въ уединенной аллеѣ сада, куда она сама завлекла его,—и это внезапное пробужденіе къ печальной дѣйствительности послѣ минутной грезы о счастьѣ такъ трагично, что Фридеманъ, пройдя нѣсколько шаговъ до находящагося по близости пруда, бросается въ воду. Правда жизни открылась ему во всей своей жестокости,—онъ почувствовалъ несправедливое торжество жизненныхъ удачниковъ надъ

обиженными судьбой, какъ бы искренни и глубоки ни были чувства послѣднихъ, и не можетъ пережить неожиданнаго удара.

Болѣе сложное столкновеніе между торжествующей пошлостью, которая безсознательно давитъ слабыя души, смутно и безсильно тянущіяся къ свѣту и красотѣ, изображено въ лучшей повѣсти Манна— „Tristan“: въ санаторію для легочныхъ больныхъ (саркастическое описаніе санаторіи, шарлатанскихъ пріемовъ врачей, разныхъ типовъ паціентовъ сдѣлано очень живо, правдиво и остроумно) богатый коммерсантъ привозитъ свою жену, блѣдную, кроткую молодую женщину. Мужъ—очень здоровый и плотный, очень шумный и самодовольный человѣкъ; онъ всѣмъ разсказываетъ и о своемъ крупномъ дѣлѣ, которое требуетъ его присутствія и не позволяетъ ему остаться дольше одного дня при больной женѣ, и о своемъ необычайно здоровомъ, увѣсистомъ ребенкѣ, рожденіе котораго и было причиной болѣзни матери. Къ женѣ онъ относится съ преувеличенной заботливостью, съ обиліемъ нѣжныхъ словъ,—причемъ за всѣмъ этимъ чувствуется сухость сердца и мелкій эгоизмъ. Ея болѣзнь—чахотка, но онъ предпочитаетъ называть ее катарромъ легкихъ, чтобы имѣть нравственное право не тревожиться. Молодая женщина, оставшись одна въ лечебницѣ, сторонится отъ большинства паціентовъ, любящихъ говорить безъ конца о своемъ здоровьи. Съ нею сближается только одинъ изъ пансіонеровъ санаторіи—писатель, котораго всѣ считаютъ чудакомъ. Ему нравится молчаливая блѣдная женщина, онъ часто бесѣдуетъ съ ней, узнаетъ ея жизнь—и угадываетъ интимную драму, отъ которой она гибнетъ, сама не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Она —нѣжное, чуткое существо, рожденное для поэтической любви и красоты; дѣвушкой она жила среди какихъ-то сказочныхъ мечтаній, вдали отъ реальнаго міра, чуждая ему,—и все, что было дорого и близко ея душѣ, она умѣла выразить только въ музыкѣ. Явился „претендентъ на ея руку“, дѣловой человѣкъ, имѣвшій въ виду породниться съ ея богатымъ отцомъ и, кромѣ того, дѣйствительно полюбившій тихую, красивую дѣвушку. Она охотно пошла за него замужъ,—не зная жизни, не понимая людей, не чувствуя, что губитъ свою душу. Но постепенно пошлое благополучіе мужа стало ее заѣдать—чѣмъ болѣе онъ расцвѣталъ въ своемъ эгоистическомъ, грубомъ жизненномъ довольствѣ, тѣмъ болѣе печальной и одинокой становилась она, хирѣя и страдая отъ сѣрости и будничности жизни. Остатокъ ея силъ ушелъ на рожденіе сына—унаслѣдовавшаго плотскую натуру отца. Она заболѣваетъ острой легочной болѣзнью—и рада уединиться въ санаторіи, вдали отъ шумно-жизнерадостнаго мужа, отъ чуждаго ей по духу ребенка. Въ частыхъ и долгихъ бесѣдахъ съ ней писатель глубоко заглядываетъ въ эту „оскорбленную грубостью жизни душу“

и нѣжно привязывается къ ней. Однажды, когда всѣ пансіонеры отправляются вмѣстѣ съ докторомъ кататься на саняхъ, пользуясь солнечнымъ морознымъ днемъ, писатель остается наединѣ съ своей пріятельницей (она отказалась отъ прогулки въ шумномъ обществѣ) въ опустѣвшей гостиной и заставляетъ ее сѣсть за рояль. Она сначала отказывается, ссылаясь на слабость и на то, что она долго не упражнялась въ игрѣ, но, наконецъ, уступаетъ его просьбѣ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вещей, она воодушевляется и играетъ „Isolden's Liebestod“ Вагнера; въ этой бурной трагической пѣсни любви и смерти выливается вся изстрадавшаяся душа молодой женщины; когда она кончаетъ играть, писатель болѣе чѣмъ когда-либо убѣждается въ непростительномъ преступленіи, совершенномъ надъ чистой. стремившейся къ духовнымъ высотамъ женщиной. Ея мужъ кажется ему убійцей, загубившимъ красоту и молодость жены, душевныя потребности которой такъ противоположны его жизненнымъ идеаламъ. Страстная игра на роялѣ—послѣднее проявленіе жизненной энергіи у молодой женщины. Ей становится хуже,—и докторъ быстро вызываетъ мужа, чтобы убѣдить его увезти больную; въ санаторіяхъ не любятъ, чтобы смертные случаи портили статистику выздоравливаній. Когда пріѣзжаетъ шумный коммерсантъ въ сопровожденіи своего цвѣтущаго младенца и разряженной мамки,—писатель проникается ненавистью къ этому зрѣлищу торжествующей пошлости, запирается у себя въ комнатѣ и пишетъ пространное письмо этому совершенно незнакомому ему человѣку, выясняя ему его преступленіе, доказывая ему, что онъ не имѣлъ права „сорвать вѣнецъ съ головы сказочной принцессы“ и избрать ее въ подруги своей мелкой жизни. Получивъ письмо за полной подписью писателя, возмущенный и въ сущности ничего не понимающій „честный буржуа“ отправляется къ своему обидчику для объясненій и говоритъ ему рѣзкости въ полномъ сознаніи своей правоты и безупречности. Ихъ бурное объясненіе, за которымъ долженъ былъ бы послѣдовать вызовъ, внезапно обрывается —приходятъ сказать, что больная умираетъ, и мужъ ея спѣшитъ къ ней. Опять торжествуетъ трагическая „правда жизни“, и возвышенное, прекрасное существо становится жертвой благоденствующей пошлости.

Жестокость жизни служитъ темой еще одного разсказа Манна, очень характернаго для его міросозерцанія. Разсказъ носитъ заглавіе: „Luischen“ и изображаетъ мучительную власть красивой, но безсердечной жены надъ ея мужемъ, уродливымъ человѣкомъ съ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ. Онъ какъ бы чувствуетъ себя виновнымъ предъ нею за свою внѣшнюю непривлекательность и терпѣливо выноситъ всѣ ея капризы, моля ее только о томъ, чтобы она никогда не обма-

нывала его. Сразу чувствуется, что изъ этихъ двухъ связанныхъ другъ съ другомъ, по какой-то злой ироніи судьбы, людей духовное превосходство—на сторонѣ смѣшного для постороннихъ, непривлекательнаго, не умѣющаго держать себя въ обществѣ, ненаходчиваго мужа, а не на сторонѣ блестящей красавицы жены, вызывающей общее участіе своимъ неудачнымъ по видимости бракомъ. Она—очень чувственная натура и при этомъ сухая, жестокая эгоистка. Ей пріятно мучить и унижать мужа. Не довольствуясь тѣмъ, что она измѣняетъ ему, она придумываетъ вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ, пустымъ, но красивымъ свѣтскимъ фатомъ, злую шутку надъ беззащитнымъ въ своей безконечной добротѣ и кротости мужемъ. Она уговариваетъ его устроить вечеръ съ различными увеселеніями и зрѣлищами для гостей—и „гвоздемъ" спектакля долженъ быть танецъ съ куплетами, исполненный хозяиномъ въ костюмѣ пейзанки. Несчастный мужъ красавицы умоляетъ избавить его отъ шутовской роли, но долженъ уступить женѣ, у которой разгорается инстинктъ жестокости. Вечеръ наступаетъ, и послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ представленій передъ зрителями появляется въ пестромъ женскомъ нарядѣ хозяинъ дома, возбуждая даже не смѣхъ, а ужасъ своимъ уродствомъ, и съ искаженнымъ лицомъ начинаетъ пѣть веселую пѣсенку „Луисхенъ" о томъ, какъ она плѣняетъ всѣ сердца. Пѣніе сопровождается ужимками и танцами—подъ музыку, сочиненную пріятелемъ хозяйки; композиторъ и хозяйка аккомпанируютъ куплетамъ на роялѣ въ четыре руки. Всѣмъ становится почти страшно отъ трагическаго уродства этой сцены, и мучительность зрѣлища усугубляется еще странностью музыки, сочетающей мотивы банальнаго вальса съ болѣзненно дѣйствующими, грустными диссонансами. Одинъ изъ этихъ диссонансовъ заставляетъ несчастнаго исполнителя „Luischen" обернуться къ роялю, и онъ вдругъ останавливается, прерывая свой шутовской танецъ: глядя на увлеченную игрой, разгорѣвшуюся отъ жестокаго наслажденія жену, онъ сразу все понимаетъ, и, охваченный смертельнымъ ужасомъ, падаетъ. Его поднимаютъ уже мертвымъ.

Подобные диссонансы жизни, трагизмъ глубокихъ чувствъ, не уживающихся съ пошлостью и практическими условіями жизненнаго успѣха, составляютъ содержаніе и всѣхъ остальныхъ разсказовъ Манна, отличающихся драматизмомъ изложенія, тонкостью психологическаго анализа и яркимъ реализмомъ въ описаніи житейскихъ подробностей.

II.

Ellen Key. Menschen. Charakterstudien. Стр. 330 (Berlin, S. Fischer, Verlag).

Въ своей новой книгѣ критическихъ этюдовъ, озаглавленной „Люди", извѣстная шведская эссеистка, Элленъ Ки, даетъ очень интересныя характеристики жизни и творчества двухъ великихъ писателей истекшаго XIX-го вѣка, шведскаго поэта Альмквиста и англійскаго Роберта Броунинга, присоединяя ко второму очерку біографію и разборъ произведеній жены Броунинга, поэтессы Елизаветы Баретъ-Броунингъ. Интересъ этихъ трехъ очерковъ заключается въ томъ, что, кромѣ эстетической оцѣнки названныхъ поэтовъ, Элленъ Ки выясняетъ ихъ значеніе для нашего времени, указывая на связь ихъ міросозерцанія и ихъ художественной манеры съ идейными задачами конца XIX-го и начала XX-го вѣка.

Имя Альмквиста, которому посвящена первая половина книги Элленъ Ки, извѣстна и за предѣлами его родины. Его знаютъ какъ автора символической „Книги о шиповникѣ" и какъ борца противъ общественныхъ предразсудковъ и условной морали, но яснаго представленія объ Альмквистѣ, какъ писателѣ и человѣкѣ, нѣтъ внѣ его родины; онъ не вошелъ въ общую европейскую литературу, какъ вошелъ въ нее, напримѣръ, изъ старыхъ шведскихъ писателей Тегнеръ, а изъ новѣйшихъ Стринбергъ, и поэтому обстоятельный и убѣдительный очеркъ Элленъ Ки въ ея книгѣ, появившійся теперь въ нѣмецкомъ переводѣ, является чрезвычайно цѣннымъ.

Элленъ Ки особенно настаиваетъ на томъ, что Альмквистъ—„самый современный шведскій поэтъ"; по своимъ же стремленіямъ, также какъ и по своей художественной манерѣ,—доказываетъ она,—онъ прямой предвозвѣстникъ задачъ, выдвинутыхъ концомъ XIX-го вѣка,—стремленія къ синтезу, къ объединенію искусства и жизни; кромѣ того, при всемъ своемъ реализмѣ, при пламенномъ желаніи поднять нравственный уровень въ своей странѣ, искоренить пагубные предразсудки, Альмквистъ въ своихъ художественныхъ пріемахъ имѣетъ много общаго съ лучшими представителями новѣйшаго символизма. Какъ Блэкъ, жившій въ началѣ XIX-го вѣка и не понятый своими современниками, является прародителемъ англійскихъ прерафаэлитовъ, такъ и Альмквистъ, романтикъ начала XIX-го вѣка, тоже не понятый своимъ временемъ и испытавшій много преслѣдованій въ жизни,—предвозвѣстникъ нео-романтизма нашихъ дней.

Разсказывая жизнь шведскаго поэта, Элленъ Ки говоритъ, что она представляетъ рѣдкій примѣръ полной гармоніи между словами

и дѣломъ писателя по своему неуклонному слѣдованію философскимъ и нравственнымъ идеаламъ, по той ясности души, съ которой Альмквистъ выносилъ всѣ выпавшія на его долю страданія, сохранивъ до старости обаятельную мягкость характера и улыбку просвѣтленнаго мудреца. Въ теченіе своей долгой жизни Альмквистъ выдвигался на очень разнообразныхъ поприщахъ. Воспитанный своимъ дѣдомъ, ученымъ библіотекаремъ Гервелемъ, онъ въ дѣтствѣ увлекался старинными книгами и рукописями, подавая надежду стать кабинетнымъ ученымъ - такимъ же археологомъ, какъ его дѣдъ. Но ученость, увлекавшая его въ первой юности, не стала единственной цѣлью его жизни. Въ 20-хъ годахъ XIX-го вѣка Альмквистъ женился и поселился со своей молодой женой въ деревнѣ, занимаясь полевыми работами и литературнымъ творчествомъ. Удрученный и устрашенный условностью городской жизни, онъ уединился на лонѣ природы для болѣе спокойной и плодотворной дѣятельности. Но черезъ десять лѣтъ жизнь Альмквиста круто измѣнилась; онъ сталъ ректоромъ новой реформированной школы въ Стокгольмѣ, извѣстнымъ педагогомъ, окруженнымъ почетомъ и любовью своихъ учениковъ, а также прославленнымъ поэтомъ. Въ 40-хъ годахъ наступаетъ новая перемѣна. Альмквистъ принужденъ отказаться отъ ректорства и предается исключительно литературному труду, публицистической дѣятельности въ газетѣ „Aftonbladet“, и кромѣ того пишетъ много беллетристическихъ произведеній, а также заваленъ всякаго рода ремесленнымъ трудомъ— перепиской нотъ, корректорствомъ, чертежами картъ и т. д. Это годы тяжелой жизненной борьбы, непосильнаго труда для прокормленія себя, жены и дѣтей. Художественное творчество его въ это время затруднялось тяжелыми житейскими условіями, и нѣкоторое облегченіе наступило лишь тогда, когда, по ходатайству одного епископа, родственника Альмквиста, король Оскаръ пришелъ на помощь голодающему знаменитому поэту и назначилъ его на должность полкового пастора. Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ лѣтомъ 1851-го года Альмквистъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ рыбацкой лодкѣ изъ своей родины, преслѣдуемый и правительствомъ, и буржуазнымъ обществомъ за смѣлую проповѣдь свободы личности. Онъ бѣжалъ въ Америку и долго жилъ тамъ въ городахъ и въ лѣсахъ, ведя тяжкую жизнь эмигранта, тяжело работая на разныхъ поприщахъ, чтобы добыть себѣ скудный заработокъ. И только въ срединѣ 60-хъ годовъ онъ вернулся въ Европу утомленнымъ сѣдымъ старикомъ, сохранившимъ, однако, неувядаемую ясность души, поселился въ Бременѣ и жилъ тамъ уединенной жизнью среди своихъ книгъ и бумагъ. Когда онъ заболѣлъ, его перевели въ больницу, занеся его въ списки подъ именемъ профессора Вестермана; а когда онъ умеръ, его похо-

ронили на кладбищѣ для бѣдныхъ. Только гораздо позже останки его перевезены были въ Швецію и преданы торжественному погребенію.

Въ этой жизни, столь полной переходовъ отъ одиночества къ лихорадочной дѣятельности среди людей, отъ короткихъ моментовъ славы къ долгимъ годамъ одинокаго скитанія среди чужихъ, полной неожиданностей перемѣнъ судьбы, есть однако глубокая внутренняя цѣльность: Альмквистъ оставался вѣренъ себѣ, сохранялъ всегда ясность души, и всегда стремился объединить жизнь съ искусствомъ, превратить жизнь въ своего рода богослуженіе. Въ своемъ главномъ произведеніи, въ „Книгѣ о шиповникѣ", онъ высказываетъ надежду на то, что въ грядущемъ свѣтломъ будущемъ отношеніе къ искусству будетъ такимъ же, какъ къ религіи. Всѣ святыя проявленія жизни, трудъ, красота и любовь,—лепестки мистической міровой розы. Вся жизнь Альмквиста осуществляетъ на дѣлѣ его пониманіе жизни какъ священнодѣйствія, и то, что̀ онъ чувствовалъ и къ чему стремился въ дѣйствительности, выражено символически въ „Книгѣ о шиповникѣ", гдѣ говорится объ идеалѣ жизни, сливающейся съ искусствомъ путемъ тѣснаго единенія съ природой. Не нужно творить, чтобы быть художникомъ, нужно только „созерцать жизнь взорами невинности",—тогда человѣкъ живетъ въ сліяніи со всей міровой жизнью, а это и есть истинное богослуженіе, приношеніе на алтарь Господень—„розъ міровой любви". Въ этой проповѣди сліянія жизни съ искусствомъ и религіей" заключается основная идея Альмквиста, его протестъ противъ раздвоенности, противъ отдѣленія внутреннихъ потребностей души отъ служенія непосредственнымъ житейскимъ цѣлямъ.

Стремленіе къ слитной міровой жизни, выражающейся не только въ безплодныхъ мечтаніяхъ, но въ любви и трудѣ на пользу общаго просвѣтленія, приближаетъ романтика Альмквиста, борца противъ переживаній XVIII-го вѣка, къ нашему времени. Современники Альмквиста не понимали его, но онъ нашелъ единомышленниковъ и продолжателей своей проповѣди въ Рёскинѣ и въ движеніи, созданномъ во всей Европѣ англійскими пре-рафаэлитами. На примѣрѣ Альмквиста ясно видна преемственность между романтизмомъ начала XIX-го вѣка и литературой нашихъ дней. Романтики стремились инстинктивно къ тому, что̀ современная намъ философія старается совершить сознательно, т.-е. къ тому, чтобы разбить—конечно, не въ дѣйствительности, а въ познаваніи—границы между тѣломъ и душой, между жизнью и смертью, между нормальнымъ и ненормальнымъ, между язычествомъ и христіанствомъ. Измученное дуализмомъ, человѣческое сознаніе ищетъ исхода въ монизмѣ, стремится къ синтетическому объединенному пониманію міра,—и то же стремленіе ярко проявляется во всемъ творчествѣ Альмквиста, пріобщая его къ нашему времени.

Не только общностью внутренняго содержанія, но и внѣшней формой, т.-е. особенностями своей художественной манеры, Альмквистъ близокъ къ поэтамъ конца XIX и начала XX в.. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ сливаетъ границы между опредѣленными литературными формами, эпосомъ, лирикой и драмой, и стремится создать новыя свободныя рамки для выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Онъ вводитъ свободный стихъ въ свою лирику, пишетъ стихотворенія въ прозѣ, а въ его драмахъ анализъ ощущеній и внутреннихъ переживаній преобладаетъ надъ дѣйствіемъ. Альмквистъ безконечно разнообразитъ свой стиль, заботясь только о соотвѣтствіи содержанія съ формой, въ которую оно воплощено. Выдержанность настроенія, искренность тона кажутся ему болѣе существенными признаками истинно художественнаго произведенія, чѣмъ строгое слѣдованіе законамъ лирики или драмы. Онъ признаетъ единственнымъ закономъ художественнаго творчества — слѣдованіе интуитивному чувству, стихійному вдохновенію; интуицію Альмквистъ ставитъ выше разсудочности, ограничивающей чувство связи съ міровой жизнью. Сущность поэзіи онъ видитъ въ откровеніяхъ души поэта, примыкая тѣмъ самымъ къ поэзіи настроеній нашего времени. Поэтическая манера Альмквиста тоже сильно отличается отъ языка романтиковъ съ ихъ любовью къ яркимъ краскамъ и фантастическимъ образамъ. Задолго до Бодлэра онъ почувствовалъ соотвѣтствіе между всѣми проявленіями жизни въ природѣ, между звуками, запахами, красками, и подобно современнымъ символистамъ передаетъ свои ощущенія сопоставленіями впечатлѣній зрѣнія, слуха и обонянія, характеризуя звуки красками, запахи звуками и т. д., и находя въ этомъ символъ единства міровой жизни.

Изъ произведеній Альмквиста, очень многочисленныхъ и разнообразныхъ, наиболѣе знаменита его „Книга о шиповникѣ“: въ формѣ бесѣдъ общества, собравшагося въ охотничьемъ замкѣ для чтенія и обсужденія стиховъ чудака Рикарда Фурумо, Альмквистъ излагаетъ свое міросозерцаніе, говоритъ о сліянности всего существующаго. Въ эту книгу онъ хотѣлъ включить всю жизнь, показать единство въ многообразіи, и многообразіе въ единствѣ, разбить границы между самыми различными проявленіями жизни, отразить весь міръ, краски и запахи внѣшнихъ предметовъ, чувства, выражающіяся въ слезахъ и смѣхѣ, поэзію, религію и философію. Пользуясь мотивами изъ жизни и поэтическихъ преданій всѣхъ странъ, онъ съумѣлъ дѣйствительно глубоко заглянуть въ единую сущность всего разнообразія міра, и символическая книга о „Міровой розѣ“, проникнутая глубокимъ чувствомъ гармоніи и преисполненная неувядаемыхъ поэтическихъ красотъ, составляетъ вѣнецъ творчества Альмквиста. По своему основ-

ному настроенію, по сосредоточенности и глубинѣ гармоничнаго, примиреннаго отношенія къ бытію какъ къ цѣлому, книга Альмквиста глубоко родственна философскимъ идеаламъ нашего времени.

Но другія произведенія Альмквиста показываютъ, что онъ не всегда былъ преисполненъ цѣльнаго гармоничнаго отношенія къ жизни. Въ его творчествѣ отразилась внутренняя борьба противъ глубоко терзавшаго его дуализма, противъ мучительнаго сознанія разорванности въ мірѣ, противъ невозможности примириться съ страданіями и зломъ. Онъ самъ объяснялъ двойственность своей натуры тѣмъ, что унаслѣдовалъ различные темпераменты своихъ родителей; мать его была нѣжной мечтательницей, любившей природу и увлекавшейся Руссо; отецъ, военный коммиссаръ Альмквистъ—умный человѣкъ, исключительно занятый практическими интересами; бракъ родителей Альмквиста былъ несчастный, и противоположности ихъ натуръ, не сглаженныя любовью, отразились на сынѣ. Онъ самъ говоритъ, что иногда въ немъ пробуждалась „чиновничья душа" отца, иногда сказывалась поэтическая натура матери. Поэтому его такъ мучила раздвоенность въ природѣ, въ общественной жизни и въ христіанствѣ: его пугалъ Христосъ съ Его требованіемъ „всего или ничего", заграждая ему путь къ наслажденію жизнью, къ полнотѣ индивидуальнаго развитія. Альмквисту удалось впослѣдствіи достигнуть внутренняго примиренія и побороть ужасъ передъ контрастами жизни. Онъ нашелъ успокоеніе въ чувствѣ непосредственнаго благоговѣнія передъ неразгаданностью міра, въ любви ко всему живущему. „Любовь не спрашиваетъ, а своимъ присутствіемъ все объясняетъ", писалъ онъ.

Но прежде, чѣмъ достигнуть этой гармоніи, Альмквистъ пережилъ долгій періодъ борьбы, омрачившей для него радость жизни, и всѣ произведенія этой поры обращены на темныя стороны жизни, главнымъ образомъ на мучительные вопросы о безуміи и преступленіи, которые врываются въ жизнь и мутятъ ея источники. Вопросу о преступленіи посвящена его книга „Аморина", написанная въ юности. Въ ней онъ высказываетъ мысль, ставшую теперь общепризнанной истиной, о томъ, что преступленіе является часто слѣдствіемъ унаслѣдованныхъ инстинктовъ или психическихъ болѣзней, и что къ преступникамъ надо относиться какъ къ больнымъ, превращая тюрьмы въ больницы. Герой книги—предвозвѣстникъ Нитцшевскаго „сверхъчеловѣка"; онъ унаслѣдовалъ отъ родителей преступные инстинкты, заставляющіе его вѣчно жаждать крови. Изображая его жертвой своего безумія, Альмквистъ ополчается противъ теоріи о свободѣ воли и показываетъ безпомощность человѣка передъ рокомъ. Изъ охватывающаго его отъ этого сознанія отчаянія Альмквистъ находитъ исходъ въ непосредственномъ чувствѣ единенія съ природой. Свѣтъ правды

заключенъ для него въ прозрѣніяхъ созерцательныхъ чувствъ—это довѣріе къ безсознательному, скрытому въ душѣ, сближаетъ Альмквиста съ Метерлинкомъ. Слова Альмквиста о томъ, что самая высокая жизнь—безсознательная, такая, когда человѣкъ становится какъ бы лирой, струнъ которой касается Богъ (этотъ идеалъ воплощенъ въ героинѣ его книги, Аморинѣ), звучатъ какъ цитата изъ драмъ Метерлинка.

Мысли о безуміи и преступности занимаютъ Альмквиста и въ другихъ его произведеніяхъ, въ сатирѣ „Ормуздъ и Ариманъ“ и въ „Часовнѣ“. Тотъ фактъ, что въ жизни людей такъ много страданій, кажется ему неразрѣшимой загадкой, затемняющей вѣру въ благость мірозданія. Сравнивая человѣческую природу съ узорчатой тканью камчатнаго полотна, онъ восклицаетъ: „Господь соткалъ эту ткань. Но не спрашивай, какъ вотканы въ узоры цвѣтовъ нити преступленій. На этотъ вопросъ ты не получишь отвѣта“. Единственный исходъ изъ сомнѣній — отказаться отъ искушенія постигнуть тайну добра и зла и, слѣдуя внутреннему инстинкту, вѣрить, любить и помогать другъ другу, ибо просвѣтить другъ друга мы не можемъ“. „Изъ этого жизненнаго принципа исходятъ всѣ стремленія Альмквиста къ воздѣйствію на людей, къ проповѣди жизни, построенной на правдѣ и любви,—вся его упорная борьба противъ общественныхъ предразсудковъ и условной морали. Согласно своему основному убѣжденію, онъ гораздо менѣе довѣряетъ государственнымъ и общественнымъ мѣропріятіямъ, чѣмъ внутреннему нравственному чутью отдѣльныхъ людей. Въ „Ормуздѣ и Ариманѣ“ изображена въ сатирическомъ видѣ заботливость Ормузда, который точнѣйшимъ образомъ регламентируетъ устройство государства и семьи, искусства и природы, и доходитъ въ своемъ отеческомъ попеченіи до того, что опредѣляетъ, какія породы розъ должны рости въ садахъ, и въ какихъ лѣсахъ соловьи — подъ страхомъ грозы и ливня за ослушаніе—должны пѣть, услаждая слухъ людей. Но цвѣты, животныя и люди почтительно пользуются благодѣніями Ормузда лишь днемъ,—ночью же по землѣ проносится таинственное существо, дѣйствующее безъ плана и порядка, и разрушающее вліяніе Ормузда на тѣла и на души. Благодаря ему, раскрывается внутреннее очарованіе природы въ небывалой прелести—и тамъ, гдѣ показывается таинственный духъ, пробуждается сущность вещей“. Ормуздъ, обезпокоенный разрушителемъ своихъ благихъ намѣреній, называетъ его „подозрительной личностью“, но люди полюбили этого врага Ормузда, потому что подъ властью послѣдняго они не чувствовали себя счастливыми. „Люди были бы радостнѣе, если бы имъ не навязывали опредѣленныхъ путей для добра, а довѣряли ихъ внутреннему чутью, если бы имъ дали возможность свободно

пользоваться плодами разума, силы и добра, для того, чтобы идти къ свѣту".

Высказавъ въ сатирической формѣ свой взглядъ на первенствующее значеніе свободнаго внутренняго влеченія человѣка къ добру, Альмквистъ еще болѣе рѣзко и опредѣленно высказывается объ антагонизмѣ свободы личности и ограничивающихъ рамокъ законности въ „Трехъ женщинахъ изъ Смолета". Тамъ онъ говоритъ о тайнѣ преступленія словами, напоминающими Ницше: „Преступленія,—говоритъ онъ, — путь, по которому человѣчество идетъ впередъ, и каждый новый культурный періодъ воплощаетъ то, что предшествующій считалъ смертельнымъ грѣхомъ и противъ чего боролся всѣмъ своимъ могуществомъ, всей своей мудростью и всѣми своими законами, по той простой причинѣ, что каждая ступень культуры охраняетъ свою жизнь, оберегаетъ себя отъ смерти. Пороки двигаютъ человѣчество впередъ, и только благодаря имъ создается въ жизни дѣйствительно важное; вотъ послѣдняя истина, которую можетъ выразить человѣческій языкъ, потому что послѣ нея мало что остается сказать. Я говорю вовсе не о всѣхъ порокахъ, даже не о большинствѣ ихъ,—не о мелкихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, а о самомъ большомъ, о смертномъ грѣхѣ каждаго столѣтія, о томъ, передъ которымъ вся культура даннаго періода содрогается, какъ передъ угрозой своей смерти. Этотъ грѣхъ раскрываетъ двери для новаго круга понятій, ведетъ вверхъ на болѣе высокую культурную ступень... Потому и Христосъ былъ распятъ, что Его проповѣдь расширяла культурныя понятія ветхозавѣтнаго міра". Нельзя не изумиться смѣлости мысли, высказанной Альмквистомъ въ этихъ словахъ,—высказанной задолго до нашего времени, когда смѣлость разрушительныхъ и назидательныхъ взглядовъ стала всеобщимъ лозунгомъ и залогомъ успѣха.

То, что Альмквистъ называетъ „ведущимъ впередъ человѣчество смертнымъ грѣхомъ", означаетъ, конечно, борьбу за свободу, борьбу противъ общественныхъ предразсудковъ и переживаній въ области нравственности во имя нарождающихся въ свободной душѣ новыхъ и болѣе высокихъ представленій о добрѣ. Эту борьбу Альмквистъ велъ не только словомъ, но и дѣломъ, и испыталъ тяжкія гоненія, возбудилъ величайшее озлобленіе противъ себя въ обществѣ, устрашенномъ его разрушительными теоріями, и долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ обрушился на самое больное мѣсто въ общественномъ устройствѣ, на ложь, лежащую въ основѣ буржуазной семьи, смѣло заговоривъ о безнравственности браковъ, построенныхъ не на любви. Въ настоящее время его мысли не кажутся неслыханно смѣлыми, хотя зло, на которое онъ ополчился, далеко не устранено; проповѣдь, за которую онъ поплатился благополучіемъ всей жизни,

возобновлена его соотечественникомъ Стриндбергомъ и другимъ скандинавскимъ писателемъ Бьернсономъ, не говоря о множествѣ писателей другихъ странъ. Но теперь обличителей лжи въ области семейныхъ отношеній не постигаетъ месть встревоженнаго общества, а напротивъ того, они вызываютъ сочувствіе; Альмквистъ же дѣйствительно очутился въ положеніи человѣка, совершившаго смертный грѣхъ относительно своихъ современниковъ, когда открылъ имъ двери къ новому пониманію одного изъ основныхъ вопросовъ общественной жизни, когда во всеуслышаніе уподобилъ людей, живущихъ въ бракѣ безъ любви, фальшивымъ монетчикамъ. Альмквистъ по личному опыту убѣдился въ безотрадности и пагубности семьи, въ которой нѣтъ любви между мужемъ и женой. Ребенкомъ онъ страдалъ отъ несогласія между родителями, а потомъ былъ самъ несчастливъ въ бракѣ съ чуждой ему по духу женой. Цѣлый рядъ повѣстей, теоретическихъ статей и брошюръ посвящены Альмквистомъ вопросу о бракѣ; наибольшую бурю вызвала его повѣсть „Обойдется“ (Es geht an), въ которой проповѣдуется бракъ, основанный на любви и равноправности супруговъ, на производительномъ трудѣ, и обличается ложь и уродство несвободной, связанной разными предразсудками семьи. Почти одновременно съ этой повѣстью, Альмквистъ издалъ трактатъ „О причинахъ общаго недовольства въ Европѣ“, гдѣ, ссылаясь на разные церковные авторитеты, доказывалъ, что церковь должна освящать только истинный, построенный на любви бракъ, и что теперешній бракъ создаетъ только путы, умножающія ложь жизни. Эти книги, также какъ и другія публицистическія работы Альмквиста, посвященныя вопросамъ о реформѣ образованія, объ улучшеніи быта рабочихъ, и были причиной всеобщаго негодованія противъ Альмквиста, и заставили его спасаться отъ преслѣдованій бѣгствомъ въ Америку.

Такова жизнь и дѣятельность замѣчательнаго шведскаго поэта, соединявшаго мистицизмъ въ искусствѣ съ проповѣдью практическаго индивидуализма въ жизни и предугадавшаго въ началѣ XIX-го вѣка идеи, ставшія общимъ достояніемъ лишь въ наше время.

Статьи о Робертѣ Броунингѣ и его женѣ, составляющія вторую половину книги Элленъ Ки, написаны очень интересно и обстоятельно, но представляютъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что̀ извѣстно объ этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ четѣ первоклассныхъ англійскихъ поэтовъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1903.

Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей.—Отдѣльные цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ. — Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о религіозно-философскихъ собраніяхъ, два года сряду происходящихъ въ Петербургѣ. Пользуясь отчетами объ этихъ собраніяхъ, печатаемыми въ журналѣ „Новый Путь“, мы остановились на одной изъ затронутыхъ ими темъ (свободѣ совѣсти) и старались выставить на видъ своеобразный интересъ преній, въ которыхъ участвуютъ представители различныхъ, рѣдко сходящихся между собою слоевъ нашего общества. Не менѣе любопытенъ и обмѣнъ мыслей, вызванный докладомъ Д. С. Мережковскаго: „Левъ Толстой и русская церковь“ [1]). Отправляясь отъ извѣстнаго опредѣленія св. синода, которымъ Л. Толстой признанъ не принадлежащимъ болѣе къ православной церкви, докладчикъ поставилъ, между прочимъ, вопросъ: „есть ли св. синодъ полноправный представитель вселенской церкви Христовой“? Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ получилъ въ собраніи полное всестороннее освѣщеніе; чаще и больше шла рѣчь о личности и дѣятельности Толстого, о значеніи произнесеннаго надъ нимъ приговора. Два различные взгляда на нашу церковную организацію выразились, однако, съ достаточною ясностью. Самъ докладчикъ напомнилъ слова Достоевскаго: „русская церковь въ параличѣ съ Петра Великаго“. Духовнымъ регламентомъ,—говоритъ г. Мережковскій,—„Петръ подчинилъ церковь государству. Съ тѣхъ поръ дѣятельность церкви стала лишь *духовною политикою*, частью болѣе обширной и важной политики государственной. Петръ соединилъ въ себѣ власть русскаго царя съ властью русскаго патріарха, *кесарево*—съ *божьимъ*“. „Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!“—восклицаетъ о немъ Ломоносовъ; Ѳеофанъ Прокоповичъ еще при жизни Петра называетъ его „христомъ“ (въ смыслѣ помазанника Божьяго). Съ другой стороны, раскольничья легенда провозглашаетъ Петра антихристомъ—„и въ этой чудовищной легендѣ народная мистика выражаетъ свой самый глубокій, испытующій вопросъ объ отношеніи

---

[1]) См. № 2 „Новаго Пути“. Докладъ г. Мережковскаго представляетъ собою часть предисловія ко второму тому его книги: „Л. Толстой и Достоевскій“.

русскаго самодержавія къ русскому православію, идеи человѣкобога къ идеѣ Богочеловѣка"... „Съ Петра Великаго"—читаемъ мы дальше— „за церковью стоитъ государство, за жезломъ духовнымъ—мечъ гражданскій. Надо быть исторически справедливымъ къ русскому образованному обществу; нельзя обвинять его за этотъ слишкомъ естественный вопросъ, который шевелится въ умѣ: въ данномъ случаѣ, относительно Л. Толстого, у котораго бунтъ противъ церкви такъ неразрывно связанъ съ бунтомъ противъ государства—насколько и само дѣйствіе церкви независимо отъ внушеній государственныхъ"? Въ вопросѣ, такимъ образомъ поставленномъ, заключается уже, собственно говоря, и отвѣтъ нѣкоторымъ изъ участниковъ преній, вызванныхъ докладомъ, данный въ болѣе прямой и ясной формѣ. „Церковь"— сказалъ Е. А. Егоровъ—„учреждена Христомъ, а правительствующій синодъ—Петромъ Великимъ. Церковь вѣчна, и самыя врата адовы не одолѣютъ ее; а синоду нѣтъ и двухсотъ лѣтъ, и бытію его могутъ положить конецъ три слова царствующаго императора. Церковь учреждена для цѣлей спасенія; синодъ учрежденъ ради цѣлей духовной политики. Будучи, въ силу ст. 43-ей законовъ основныхъ, органомъ верховной власти, учрежденнымъ ради цѣлей церковнаго управленія, синодъ есть именно административный органъ свѣтской власти. Поскольку синодъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ полномочій, данныхъ ему волей россійскихъ монарховъ, постольку его опредѣленія авторитетны. Попытки придать ему значеніе чего-то самосущаго, стоящаго внѣ зависимости отъ преходящей воли земной власти, встрѣчаютъ неодолимую преграду въ вышеупомянутомъ учредительномъ законѣ. Пробуютъ намекать, что синодъ—церковный соборъ; но церковный соборъ дѣйствуетъ не въ силу внѣшняго повелѣнія, а по непосредственно ему принадлежащей власти. Устами православной власти св. синодъ не можетъ быть признанъ и потому, что синодовъ много... Вообразите себѣ только на одну минуту, напр., хоть Никейскій соборъ: отцы собора составили исповѣданіе вѣры, а протонотарій или куропалатъ византійскаго вазилевса положилъ этотъ символъ единой истинной вѣры подъ сукно—можете вы вообразить такое положеніе вещей? Конечно, нѣтъ, ибо каноны соборовъ дѣйственны внѣ всякой зависимости отъ усмотрѣнія агентовъ политической власти. Между тѣмъ, всякое опредѣленіе правительствующаго синода получаетъ силу только подъ условіемъ одобренія его свѣтскимъ чиновникомъ. Не поставитъ онъ своего *читалъ* (за которымъ подразумѣвается: „и содержаніе онаго одобрилъ") —и опредѣленіе отцовъ тѣмъ самымъ уравнивается нулю. Само собою разумѣется, что никакой чиновникъ не въ состояніи заградить уста вселенской апостольской церкви и былъ бы безсиленъ въ равной мѣрѣ передъ опредѣленіями синода, еслибы синодъ былъ церковью, а не

однимъ изъ высшихъ административныхъ органовъ, существующихъ исключительно въ силу повелѣнія россійскихъ государей"... Ту же самую мысль выразилъ и В. В. Розановъ. „Синодъ"--замѣтилъ онъ—„не соборъ, даже не церковное учрежденіе. Если туда придетъ сектантъ со своими сомнѣніями—развѣ съ нимъ станутъ тамъ говорить? Въ синодѣ сидятъ ученые и администраторы, туда не зовутъ простыхъ умомъ и сердцемъ... Нужно всмотрѣться во все учрежденіе синода, въ рожденіе его и исторію, въ механизмъ его устройства, въ смыслъ вызова епископовъ засѣдающихъ и въ самый процессъ засѣданія, и наконецъ въ постоянныя двухвѣковыя темы его сужденій, чтобы понять, что это есть строгое, точное, такъ сказать алгебраическое учрежденіе, безъ собственной личной въ немъ души, ея волненій, ея свободы, мученій совѣсти. Синодъ не имѣетъ ни традицій, ни формъ судить явленіе чисто личной религіозной жизни... Въ одной части онъ административное учрежденіе, въ другой—философская академія". „На апостольскомъ соборѣ"—сказалъ А. В. Карташевъ—„не было цезаря, а въ духовномъ регламентѣ говорится, что учреждаемая коллегія крайняго своего судію имѣетъ самого самодержавнаго монарха".

Не меньше сторонниковъ нашло въ собраніи и противоположное мнѣніе. В. А. Терновцевъ, возражая Е. А. Егорову, доказывалъ, прежде всего, что русская церковь ничего не потеряла съ замѣной патріарха синодомъ [1]). „Патріаршерство было отмѣнено не по прихоти Петра. Передъ отмѣной оно сдѣлалось центромъ реакціи. Оно могло существовать только до тѣхъ поръ, пока государство русское было движимо однимъ лишь загробнымъ идеаломъ. Явилось патріаршество въ исторіи по настояніямъ той же свѣтской власти и въ такой же мѣрѣ, какъ и синодъ". Когда послѣ смерти Петра Великаго все сдѣланное имъ висѣло на волоскѣ, ничто не мѣшало возстановленію патріаршества; но „о немъ забыла Россія—и это вѣрный признакъ того, что оно ей не было нужно. Синодъ созывается свѣтскою властью: но и вселенскіе соборы также созывались свѣтскою властью, и отцы собора считали это законнымъ". Признавая, что „синодъ—не соборъ", г. Терновцевъ восклицаетъ: „синодъ есть синодъ—и для рѣшенія вопроса о Толстомъ ему этого достаточно". Дальше г. Терновцева пошелъ г. Скворцовъ (редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія"). По его словамъ „синодъ въ Россіи есть форма и организація самая совершенная. Онъ не учрежденіе свѣтской власти, а соборъ... Синодъ есть форма собора—начало истинно апостольское и православное. Русская

---

[1]) Е. А. Егоровъ замѣтилъ на это, что онъ вовсе не говорилъ о возстановленіи патріаршества, и что г. Тернавцевъ приписалъ ему такія надежды, которыхъ онъ никогда не питалъ и не питаетъ.

церковь вмѣстѣ съ нимъ скажетъ міру новое слово". „Для меня",— сказалъ архимандритъ Сергій,—„синодъ—уста русской церкви. Для меня нѣтъ разницы въ словахъ: синодъ или церковь". Всего подробнѣе и опредѣленнѣе, однако, эта сторона вопроса разработана не въ рѣчахъ ораторовъ, а въ такъ называемомъ „supplementum"—въ мнѣніи духовнаго цензора, архимандрита Антонина, помѣщенномъ въ „Новомъ Пути" непосредственно послѣ изложенія рѣчи г. Егорова. „Императоръ Петръ I-ый"—читаемъ мы здѣсь—„учрежденіемъ синода не привнесъ сторонняго элемента въ созидательную организацію церкви. Святыня божественнаго авторитета и власть епископская, какъ средоточіе жизнетворнаго бытія въ церкви, остались цѣлы и нетронуты... Правда, можетъ быть свѣтская власть при синодальной формѣ правленія получила возможность болѣе или менѣе напряженнаго своего проявленія; однако же верховная власть—не единственная и не коренная основа авторитета синода. Одни полномочія синода, какъ епископата—благодатнаго достоинства, по хиротоніи священства, а другія, церковно-каноническія — какъ органа власти въ духовныхъ нуждахъ и интересахъ, слоящихся въ порядкахъ церковно-гражданскаго уложенія... Актъ синодальнаго удостовѣренія объ отпаденіи Льва Толстого отъ церкви состоялся не только безъ участія свѣтской власти, но и безъ авторизаціи съ этой стороны... Съ очень недавняго времени и присяга для членовъ синода, съ словами: „исповѣдую съ клятвою крайняго судію духовныя коллегіи быти самого всероссійскаго монарха", отмѣнена. Въ самомъ же духовномъ регламентѣ эти слова вызваны не цезаре-папистической тенденціей, а уравнительно ранговой относительно сената и синода, такъ какъ сенатъ при Петрѣ обнаруживалъ намѣреніе поставить синодъ къ себѣ въ отношеніе субординаціи... По смыслу регламента оберъ-прокуроръ синода долженъ наблюдать за правильностью и аккуратностью дѣлопроизводства въ синодѣ съ формальной стороны и со стороны дѣйствующихъ нормъ русскаго права. Съ точки зрѣнія канцелярской механики онъ „долженъ инстиговать бумаги, чтобы по нихъ исполнено было". Такимъ образомъ его отмѣтки: *читалъ* и *исполнить* относятся не къ законодательной функціи утвержденія. а къ выполненію „смотрѣнія, чтобы въ синодѣ не на столѣ только вершились, но самымъ дѣломъ исполнялись".

На чьей сторонѣ въ приведенномъ нами спорѣ право и правда— предоставляемъ судить читателямъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: вопросъ, затронутый религіозно-философскимъ собраніемъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые какъ-то сами собою остаются, обыкновенно, внѣ обсужденія. Заслугой, поэтому, является самая его постановка. Всѣ духовные ораторы, принимавшіе участіе въ преніяхъ, говорили, болѣе или менѣе опредѣленно, противъ сопричисленія св.

синода къ присутственнымъ мѣстамъ, существующимъ въ силу велѣнія свѣтской власти; но въ другихъ случаяхъ—напр., при разсмотрѣніи вопроса о свободѣ совѣсти [1])—и въ ихъ рѣчахъ слышалось нѣчто въ родѣ сожалѣнія объ избыткѣ зависимости, тяготѣющей надъ духовенствомъ. Характерны, съ этой точки зрѣнія, и слова „supplementum“: „свѣтская власть при синодальной формѣ правленія получила возможность болѣе или менѣе напряженнаго своего проявленія“. Едва ли эта повышенная напряженность выражается только въ наблюденіи за правильностью и аккуратностью синодальнаго дѣлопроизводства. Изъ числа двухъ формулъ, о которыхъ шла рѣчь во время преній, въ смыслѣ „смотрѣнія, чтобы дѣла не на столѣ только вершились“,—можетъ быть истолкована развѣ вторая („исполнить“), но отнюдь не первая („читалъ“), заключающая въ себѣ, по справедливому замѣчанію г. Егорова, одобреніе самаго существа рѣшенія. Кто въ правѣ одобрить, тотъ можетъ и отказать въ одобреніи, необходимомъ для окончательной силы тѣхъ или другихъ мѣропріятій.

Кстати о свободѣ совѣсти: чѣмъ рѣже встрѣчается на практикѣ ея оффиціальное признаніе, тѣмъ бо̀льшаго вниманія заслуживаетъ каждый случай этого рода. Въ сѣверной части саратовской губерніи (въ уѣздахъ: кузнецкомъ, петровскомъ и хвалынскомъ) значительную часть населенія составляютъ инородцы—татары, мордва и чуваши. Татары твердо держатся магометанства; мордва и чуваши уже давно числятся православными. Убѣжденными членами православной церкви они, однако—по словамъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 211),—считаться не могутъ. Въ былое время инородцевъ заставляли переходить въ православіе: упорствовавшихъ наказывали, соглашавшихся награждали, и дѣло оффиціальнаго обращенія шло, повидимому, весьма успѣшно. Но на самомъ дѣлѣ многіе изъ обращенныхъ вернулись къ прежнимъ богамъ, другіе перешли въ расколъ, нѣкоторые—въ магометанство. Особенно усилилась, въ послѣднее время, тяга къ магометанству между чувашами. Къ татарамъ являются изъ Мекки пилигримы, которыхъ они считаютъ святыми. Эти пилигримы обращаются съ проповѣдью не только къ своимъ единовѣрцамъ, но и къ православнымъ чувашамъ, на которыхъ она дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что проповѣдники ведутъ суровую, аскетическую жизнь и все, чего требуютъ отъ другихъ, исполняютъ сами. Усилія православныхъ священниковъ и миссіонеровъ противодѣйствовать вліянію пилигримовъ остаются тщетными. Въ виду этого мѣстные миссіонеры обратились въ епархіальный миссіонерскій комитетъ съ просьбою выработать мѣры для борьбы съ проповѣдью магометанскихъ пилигримовъ и при-

---

[1]) См. „Общественную Хронику“ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

мѣнить особыя наказанія и административныя воздѣйствія какъ къ проповѣдникамъ, такъ и къ соблазняемымъ ими чувашамъ. Въ миссіонерскомъ комитетѣ вопросъ этотъ долго и горячо обсуждался. Одни члены комитета—преимущественно пожилые священники—настойчиво доказывали, что безъ репрессій въ миссіонерскомъ дѣлѣ обойтись нельзя, что отказаться отъ нихъ значило бы ослабить поступательный ходъ православія, и что въ частности съ чувашами и проповѣдниками-пилигримами нужно поступать возможно строже, для чего необходимо ходатайствовать объ административномъ воздѣйствіи. Другіе члены комитета—главнымъ образомъ, молодые священники — горячо и убѣжденно доказывали неумѣстность и вредъ репрессіи въ религіозномъ дѣлѣ. Они напоминали о плодахъ этого способа дѣйствій, прежде практиковавшагося въ широкихъ размѣрахъ, и утверждали, что со стороны миссіонеровъ даже неудобно предлагать подобныя мѣры: призывать репрессію—значитъ принижать свое дѣло и сознаваться въ недостаточности своихъ силъ. На сторону этого послѣдняго мнѣнія склонилось, въ концѣ-концовъ, большинство комитета: просьба о репрессивномъ воздѣйствіи на татаръ и чувашей была отклонена, проповѣдь православія рекомендовано вести въ гуманномъ духѣ, безъ всякихъ мѣръ принужденія. Что такое рѣшеніе не только справедливо, но и разумно — въ этомъ можетъ сомнѣваться одна лишь реакціонная печать, поспѣшившая заявить протестъ противъ опасной мягкости саратовскаго миссіонерскаго комитета. Поклонники административнаго воздѣйствія крайне недовольны тѣмъ, что для примѣненія его упущенъ столь удобный случай. Забывая или не желая знать, что *совращеннымъ* нашъ законъ не грозитъ никакой карой, они желали бы преслѣдованія ихъ если не тѣмъ путемъ, такъ другимъ, наказанія ихъ если не по суду, то безъ суда, въ предѣлахъ и формахъ, установленныхъ „усмотрѣніемъ". По истинѣ удивительна эта вѣрность традиціоннымъ пріемамъ, несостоятельность которыхъ доказана вѣковымъ опытомъ и постоянно доказывается вновь, неотразимою силою очевидности. Не ясно ли, что податливость чувашей на проповѣдь мусульманскихъ пилигримовъ объясняется именно шаткостью вѣрованій, не столько усвоенныхъ, сколько навязанныхъ? Не ясно ли, что новое обращеніе, достигнутое старымъ способомъ, легко могло бы оказаться столь же непрочнымъ, какъ и прежнее? Не ясно ли, что проповѣди съ успѣхомъ можетъ быть противопоставлена только проповѣдь, убѣжденію—убѣжденіе, примѣру—примѣръ?.. Если бы взглядъ, восторжествовавшій въ саратовскомъ миссіонерскомъ комитетѣ, былъ принятъ повсемѣстно, это доставило бы православному духовенству такую силу, которой оно до сихъ поръ напрасно искало въ поддержкѣ „свѣтскаго меча".

До какой степени ненормально положеніе нашей провинціальной печати—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по тому, что перемѣной къ лучшему кажется даже назначеніе отдѣльныхъ цензоровъ, въ такихъ городахъ, гдѣ цензурныя функціи исполнялись до сихъ поръ должностными лицами изъ среды мѣстной губернской администраціи [1]). Мы говоримъ: *кажется*, такъ какъ на самомъ дѣлѣ значеніе подобной перемѣны зависитъ всецѣло отъ случайныхъ условій. Гдѣ вице-губернаторъ или совѣтникъ губернскаго правленія, облеченный цензорскою властью, не употреблялъ ее во зло, не налагалъ систематическаго veto на все касающееся мѣстнаго управленія и мѣстной жизни, тамъ назначеніе отдѣльнаго цензора можетъ значительно ухудшить судьбу газеты: вѣдь чиновнику, исправлявшему цензорскія обязанности только между прочимъ и не съумѣвшему справиться съ ними, не грозитъ ничего другого, кромѣ освобожденія отъ непріятнаго порученія,—а отдѣльный цензоръ, возбудившій противъ себя неудовольствіе начальства, рискуетъ удаленіемъ отъ должности, иногда равносильнымъ потерѣ средствъ къ существованію. Возможна, конечно, и обратная комбинація—возможна замѣна придирчивой, неустойчивой, капризной мѣстной опеки болѣе уравновѣшеннымъ и сдержаннымъ спеціальнымъ надзоромъ; но особенно вѣроятной такую комбинацію признать нельзя, въ виду свойственной большинству должностныхъ лицъ заботливости о сохраненіи и улучшеніи своего служебнаго положенія. Нѣкоторымъ выигрышемъ для провинціальной печати будетъ развѣ признаніе обязанностей отдѣльнаго цензора несовмѣстимыми съ обязанностями редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Когда редактированіе послѣднихъ возлагалось на то же самое административное должностное лицо, которое несло на себѣ цензорскія функціи, это нерѣдко отзывалось крайне неблагопріятно на частныхъ изданіяхъ, въ которыхъ цензоръ-редакторъ усматривалъ соперниковъ оффиціальной газеты. Вотъ, напримѣръ, что̀ мы прочли недавно въ пермской корреспонденціи „Восточнаго Обозрѣнія". Много лѣтъ сряду для населенія пермской губерніи признавалось достаточнымъ существованіе одного о̀ргана печати—„Губернскихъ Вѣдомостей"; ходатайства частныхъ лицъ объ изданіи газеты встрѣчали систематическій отказъ. Наконецъ, два года тому назадъ, основанъ былъ „Пермскій Край", заручившійся хорошей редакціей и хорошими сотрудниками. „Пока цензоромъ былъ покойный вице-губернаторъ Богдановичъ и

---

[1]) Закономъ 8-го іюня нынѣшняго года къ отдѣльнымъ цензорамъ, существовавшимъ уже раньше въ Ригѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани, прибавлены еще семь: въ Владивостокѣ, Екатеринославѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ, Томскѣ и Харьковѣ.

совѣтникъ губернскаго правленія Токаревъ, газета встала на ноги, завоевавъ обширныя симпатіи. Затѣмъ произошли смѣна цензоровъ и уходъ наилучшихъ сотрудниковъ; газета начала падать въ тиражѣ, хотя безусловно находилась все-таки въ рукахъ опытныхъ и надежныхъ. Подписчики поражались скудостью матеріала, дошедшаго до голыхъ перепечатокъ изъ другихъ газетъ. Наконецъ, передъ объявленіемъ подписки на 1904 годъ, „Пермскій Край" (№№ 736, 737 и 738) началъ печататься въ сокращенномъ до-нельзя объемѣ, и подписчики только изъ № 738 узнали, что причины эти вызваны независящими отъ редакціи обстоятельствами. Цензоромъ газеты является совѣтникъ губернскаго правленія Суслинъ, онъ же редакторъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей". Конечно, редакція возбуждаетъ ходатайство о невозможности существованія газеты въ сказанныхъ условіяхъ, но пока что̀ будетъ, а въ предподписочное время тиражъ „Пермскаго Края" падетъ, и разоренной газетѣ дальнѣйшее существованіе сдѣлается невозможнымъ"... Пермь не принадлежитъ къ числу городовъ, куда назначены отдѣльные цензора; ничто, слѣдовательно, не мѣшаетъ тамъ продолженію прискорбныхъ порядковъ, описанныхъ въ только-что приведенной корреспонденціи. Возможны они, впрочемъ, и при существованіи отдѣльныхъ цензоровъ—возможны до тѣхъ поръ, пока отъ усмотрѣнія администраціи зависитъ оставить большой губернскій городъ безъ частной, т.-е. независимой газеты или, допустивъ ея основаніе, создать для нея такія условія, при которыхъ фактически немыслимо ея продолженіе.

Въ сѣверо-западномъ краѣ вводятся земскіе начальники. Существуетъ, повидимому, предположеніе установить, при замѣщеніи новыхъ должностей, извѣстное процентное отношеніе между лицами русскаго и польскаго происхожденія, т.-е. предоставить извѣстное (сравнительно меньшее) число мѣстъ полякамъ-землевладѣльцамъ сѣверо-западныхъ губерній. Казалось бы, что противъ такого способа дѣйствій возможно было бы только одно возраженіе, основанное на заранѣе предрѣшенномъ нарушеніи равновѣсія—и нарушеніи его, притомъ, во вредъ тому элементу, къ которому принадлежитъ большинство мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ основаніе института земскихъ начальниковъ положена географическая, если можно такъ выразиться, связь между этими должностными лицами и мѣстностью, подчиняемою ихъ власти. Отступленіе отъ этого начала, не вызываемое крайнею необходимостью, въ самомъ корнѣ подрываетъ учрежденіе, безъ того уже имѣющее слишкомъ мало raisons d'être. Систематически съуживать кругъ мѣстныхъ людей, изъ которыхъ могутъ быть назначаемы

земскіе начальники, значитъ идти прямо въ разрѣзъ съ намѣреніями законодателя. Въ реакціонной печати, однако, предположеніе, упомянутое нами выше, встрѣчаетъ возраженія совершенно другого рода. Ошибкой признается не ограниченіе числа поляковъ, допускаемыхъ къ занятію должности земскаго начальника, а самое ихъ допущеніе, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ. „Земскіе начальники"—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—„даже не происходя изъ мѣстной среды, вводятся въ нее какъ люди *свои* (курсивъ въ подлинникѣ) и, по идеѣ учрежденія, должны становиться для населенія возможно болѣе *своими* людьми, близкими всѣмъ его радостямъ и печалямъ. Чѣмъ болѣе эта цѣль будетъ достигнута въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣмъ сильнѣе будетъ вліять на народъ со стороны земскихъ начальниковъ примѣръ любви къ Россіи, вѣра въ ея духъ, убѣжденіе въ несокрушимой незыблемости ея силы, пониманіе всеобъемлемости русской идеи, охватывающей всѣхъ подданныхъ имперіи не только русскаго, но точно также польскаго или литовскаго племени... Земскій начальникъ, именно по своей нравственной близости къ населенію, неизбѣжно такъ или иначе будетъ вліять на его чувства въ чисто-національномъ смыслѣ. Облекать такою миссіею поляка—значитъ давать новую тонкую силу не-русскимъ и даже анти-русскимъ вліяніямъ... Зачѣмъ же создавать самимъ себѣ затрудненія, съ которыми потомъ неизбѣжно придется бороться? Не лучше ли съ самаго начала введенія новаго института поставить его на чисто-русскую почву"?

Исходя изъ искусственно придуманныхъ, безусловно невѣрныхъ основаній, нельзя не придти къ совершенно ошибочному выводу. *Своими* для мѣстнаго населенія—„своими", бо̀льшею частью, только внѣшнимъ образомъ—земскіе начальники могутъ считаться только тогда, когда они и раньше жили и дѣйствовали въ его средѣ или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ кое-что общее съ нимъ въ качествѣ землевладѣльцевъ. Разъ что этого нѣтъ, земскій начальникъ столь же чуждъ населенію, какъ и всякій другой пришлый чиновникъ, и, наравнѣ съ послѣднимъ, можетъ перестать быть чуждымъ только съ теченіемъ времени, при совокупности условій, слишкомъ рѣдко встрѣчающихся въ дѣйствительности. Нѣтъ такой должности, которая сама по себѣ дѣлала бы чужого—*своимъ*, и меньше всего подобной чудотворной силой обладаетъ должность земскаго начальника. Опытъ давно уже показалъ съ достаточною ясностью, что земскій начальникъ—даже если онъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—не воспитатель народа, не живое олицетвореніе патріотическихъ доблестей, а просто чиновникъ, исполнитель начальническихъ приказаній, дѣйствующій не примѣромъ, а силою власти. Болѣе чѣмъ странно ожидать или требовать отъ него, чтобы онъ распространялъ въ народѣ

вѣру въ Россію, пониманіе „русской идеи". Это не входитъ въ составъ его задачи, его призванія; для этого у него нѣтъ ни средствъ, ни данныхъ. Пускай онъ добросовѣстно и умѣло исполняетъ свои административно-судейскія функціи, не задаваясь цѣлями, стремленіе къ которымъ слишкомъ легко можетъ привести къ противоположному результату. Проповѣдь патріотизма, опирающаяся на дискреціонную власть, лишена убѣдительной силы; самый обыкновенный ея продуктъ—лицемѣріе, воспитываемое страхомъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества".

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступными для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго

Женскаго Патріотическаго Общества, Фридриха Борисовича Бер-штейна, С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ 23; за пересылку вз-мается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Русское государственное право. Н. М. Коркунова, б. проф. госуд. права. Т. I. Изд. 5-е. Спб. 904. Ц. 3 р.

Вышедшій нынѣ пятымъ изданіемъ, безъ перемѣнъ, томъ первый извѣстнаго труда Н. М. Коркунова состоитъ, какъ то было и въ предыдущихъ изданіяхъ, изъ введенія и общей части. Введеніе посвящено разсмотрѣнію различныхъ и въ то же время спорныхъ опредѣленій понятія государства, юридической его природы, цѣлей и происхожденія. Сравнивая всѣ такія новѣйшія опредѣленія, авторъ замѣчаетъ, „что рѣшительное большинство ихъ сходится въ одномъ: въ признаніи однимъ изъ отличительныхъ признаковъ государства—принадлежности ему принудительнаго властвованія“; „существенное же свойство государственнаго порядка заключается въ примѣненіи запрещенія принужденія частными лицами, въ монополизаціи принудительнаго властвованія государствомъ“. Въ томъ же введеніи разсматриваются различныя формы государства и ихъ соединенія, какъ Сѣв.-Амер. Штаты, Швейцарія, Германія. Общая часть посвящена русскому государственному праву и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: государственный строй Россіи; субъектъ государственнаго права: монархъ, подданные и иностранцы; субъектъ государственнаго права властвованія и его предметы: территорія, гражданская свобода, личная, свобода печати, религіозная свобода и т. д. Послѣдній отдѣлъ посвященъ содержанію государственнаго отношенія, причемъ разсматриваются особо права монарха, права и обязанности подданныхъ, и воинская повинность.

Земская медицина въ Тверской губерніи. С. К. Карженевскаго. Тв. 903.

Какъ извѣстно, только въ половинѣ 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, заботы о „народномъ здравіи“ были возложены на земство, какъ „повинность необязательная“. Хотя авторъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи исторіею земской медицины въ тверской губерніи, но по этому очерку можно вообще заключить, какъ много сдѣлано земствомъ, всего за какихъ-нибудь 40 лѣтъ, особенно если сравнить современное состояніе дѣла о народномъ здравіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ оно находилось при пріемѣ его земствомъ отъ „Приказа общественнаго призрѣнія“; а онъ „пекся“ о народномъ здравіи до самаго 1865 года. Врачебную помощь можно было найти тогда только въ городахъ, а о даровой помощи не было еще и понятія: „сельское населеніе“ не имѣло никакой возможности пользоваться помощью врачей. На земляхъ удѣльнаго вѣдомства или государственныхъ имуществъ еще были пріемные покои съ фельдшерами: около 20 пунктовъ во всей губерніи. Больницы, существовавшія только въ городахъ, были малы, дороги для крестьянскаго населенія (7 р. 50 к. въ мѣсяцъ), а средства, отпускаемыя на нихъ, крайне скудны: въ лучшей изъ нихъ, новоторжской, на медикаменты отпускалось 140 р. въ годъ. При пріемѣ, въ 1866 г., земствомъ вышневолоцкой больницы, оказалось, что „въ больницѣ нѣтъ ни самовара, ни чайника, ни стакана, ни рюмки, и больнымъ негдѣ получить горячей воды, чтобы напиться чаю или какой-нибудь травы“; а на медикаменты въ 1868 г. было ассигновано—21 рубль. По справедливому замѣчанію автора, до 1865 г. „больницы были не лечебными заведеніями, а казематами, куда могли загнать человѣка лишь крайняя нужда и безысходность“. Въ какой степени все измѣнилось со времени принятія земствомъ врачебной помощи въ деревняхъ, это можно видѣть изъ ея роста, начиная съ 1865 года, когда такая помощь вовсе отсутствовала внѣ городовъ: уже въ 1871 году, въ уѣздахъ тверской губерніи было 16 амбулаторныхъ пунктовъ; въ 1881 г. число ихъ удвоилось; въ 1891 г. оно достигло почти 50, а въ 1901 г., въ тверской губерніи было 68 пунктовъ врачебной помощи, въ среднемъ, одинъ пунктъ приходился въ 1901 г. на 28.000 сельскихъ жителей, въ 1891 г.—на 34.000; въ 1881 г.—на 50.000, и въ 1871 г.—на 90.000 сельскихъ обывателей. Въ среднемъ, площадь врачебнаго участка, за 30 лѣтъ, съ 3.425 квадр. верстъ уменьшилась до 616, а радіусъ его—съ 33 до 16 верстъ. Если въ послѣднее время ростъ земской медицины пріостановился, то авторъ объясняетъ это вліяніемъ закона 12 іюня 1900 г., которымъ установлены навсегда нормы земскаго обложенія, а слѣдовательно и смѣтъ; „такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—земское хозяйство укладывается на своего рода Прокрустово ложе“—и земскія смѣты не могутъ потому служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей населенія.

Альберъ Метэнъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи. Перев. Л. Никифорова. М. 903. Стр. 139. Ц. 1 р. 50 к.

Обширныя британскія колоніи въ Австраліи и Новой Зеландіи значительно опередили старую Европу во многихъ отношеніяхъ, особенно въ области общественнаго благоустройства и соціальнаго законодательства; въ этихъ далекихъ краяхъ государство устранило излишества и злоупотребленія права собственности, установило восьмичасовой рабочій день, минимумъ заработной платы, обязательное посредничество между хозяевами и рабочими и „цѣлый рядъ другихъ мѣръ, благодаря которымъ англійскія колоніи нашихъ антиподовъ прослыли за рай рабочаго класса“. Французскій авторъ, Альберъ Метэнъ, объѣздилъ эти страны и основательно изучилъ ихъ общественный бытъ и экономическія условія; результаты этого изученія и изложены имъ въ книгѣ, написанной довольно живо и занимательно. Собранныя авторомъ свѣдѣнія, взятыя изъ первыхъ рукъ, представляютъ несомнѣнный общій интересъ и заслуживаютъ вниманія также и со стороны русской публики.

А. В. Кругловъ. Стихотворенія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изд. второе. М. 903. Стр. 334. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящее изданіе, какъ видно изъ предисловія, вошли лишь немногія стихотворенія изъ сборника для дѣтей („Дѣтямъ“), а также нѣкоторые стихи религіознаго характера, изданные отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Любовь и истина“. Весь матеріалъ расположенъ въ книгѣ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1878 г.—за тридцать лѣтъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1904 г.

(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	[illegible]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	[illegible]

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [illegible] и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. [illegible]басникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Билеты на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

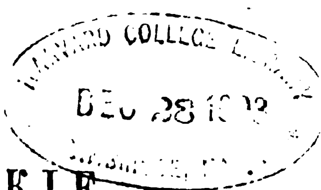
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1903.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ВОПРОСЫ

Окончаніе.

VII *).

Начнемъ съ реорганизаціи университетскаго управленія.

Функціи по управленію университетами распредѣляются издавна между четырьмя учрежденіями: совѣтомъ, факультетами, правленіемъ и университетскимъ судомъ, и въ этомъ отношеніи едва ли желательно какое-либо измѣненіе, кромѣ возстановленія суда, упраздненнаго уставомъ 1884 г.; но при реформѣ нашихъ университетовъ желательно было бы обратить особое вниманіе на болѣе правильное, чѣмъ то было до сихъ поръ, распредѣленіе предметовъ вѣдомства каждаго изъ этихъ учрежденій.

Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на нѣкоторые недостатки этого распредѣленія при дѣйствіи уставовъ какъ 1863, такъ и 1884 годовъ. Желательно при изданіи новаго устава устранить эти недостатки и не допустить крайности, въ которыя—въ противоположныхъ направленіяхъ—впадали оба вышеуказанные прежніе устава.

Уставъ 1863 г., какъ мы уже говорили, возлагалъ на со... язанности по непосредственному администрированію всѣми ...ми университетскаго хозяйства и обращалъ его даже въ ...іонную инстанцію по отношенію къ университетскому

---

*) ...к. выше: нояб., стр. 167.

суду. Между тѣмъ, совѣтъ по разнообразію и въ особенности по многолюдству своего состава (въ большей части университетовъ свыше ста членовъ) не могъ быть ни непосредственнымъ администраторомъ, ни хозяйственнымъ органомъ, ни судьею. Мы лично, занимая должность попечителя при дѣйствіи устава 1863 г. около пяти лѣтъ, были свидѣтелями нецѣлесообразности такого порядка вообще и вытекающей изъ него явной безхозяйственности и нераспорядительности. Поэтому мы полагаемъ, что положеніе совѣта должно принципіально быть иное, чѣмъ то, которое было дано ему уставомъ 1863 г.

Совѣтъ долженъ быть высшимъ и руководящимъ учрежденіемъ въ университетѣ, но не въ смыслѣ начальства надъ прочими органами университета, а въ смыслѣ направленій дѣятельности этихъ органовъ и контроля надъ ними, причемъ, однако, каждому университетскому учрежденію должна быть указана область, въ которой оно дѣйствуетъ самостоятельно, руководствуясь, однако, общими высшими указаніями совѣта, имѣющаго право давать инструкціи всѣмъ органамъ университета и провѣрять ихъ дѣятельность, но не такъ, чтобы распоряжаться непосредственно отъ себя.

Правленіе является главнымъ хозяйственнымъ органомъ университета. Въ немъ сосредоточены всѣ хозяйственныя дѣла, причемъ для успѣшнаго ихъ веденія и въ интересахъ университета не слѣдуетъ обращать его въ счетное отдѣленіе, пишущее исполнительныя бумаги и ассигновки во исполненіе рѣшеній совѣта, какъ то часто бывало при дѣйствіи устава 1863 г., если не въ силу постановленій самаго устава, то въ силу практики и примѣненія ихъ на дѣлѣ. Желательно, чтобы въ новомъ уставѣ или въ мотивахъ къ нему ясно была выражена мысль, что правленіе должно быть не простымъ исполнителемъ велѣній другихъ учрежденій (хотя бы совѣта), а дѣйствительнымъ распорядителемъ хозяйственною частью университета, и должно обладать значительною самостоятельностью. Совѣтъ же можетъ только регулировать дѣятельность правленія общими руководящими указаніями и инструкціями, обязательными для правленія. Ибо практика указала, что совѣтъ не въ состояніи, въ виду многочисленности своего состава, достаточно вникнуть въ подробности хозяйства, достаточно выяснить и обсудить ихъ, почему и не долженъ дѣлать непосредственныхъ распоряженій. Попытки держаться этого послѣдняго порядка на дѣлѣ вели всегда къ безхозяйственности, тяжело отзывавшейся на университетахъ, такъ какъ едва ли не $^3/_4$ хозяйственныхъ дѣлъ университета тѣсно

связаны съ учебною частью, на которой безхозяйственность отзывается самымъ невыгоднымъ образомъ.

Факультеты вѣдаютъ дѣла научныя и учебныя, въ которыхъ имъ и должна быть предоставлена возможно бо̀льшая свобода и самостоятельность, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ и вопросахъ они являются въ университетѣ наиболѣе компетентными учрежденіями.

Совѣтъ и по этимъ дѣламъ долженъ быть вполнѣ освѣдомленъ и долженъ имѣть право давать общія руководящія указанія и инструкціи, но не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ дѣла факультетовъ и отнюдь не долженъ принимать на себя ихъ обязанности. Состоя изъ нѣсколькихъ факультетовъ, изъ коихъ каждый компетентенъ только въ извѣстной группѣ вопросовъ и дѣлъ, совѣтъ въ общемъ своемъ составѣ не въ состояніи цѣлесообразно дѣйствовать по дѣламъ и вопросамъ всѣхъ факультетовъ.

Свобода и самостоятельность факультетовъ являются въ нашихъ глазахъ краеугольнымъ камнемъ благоустройства университета, а потому эта свобода должна быть развита до возможно крайнихъ предѣловъ, причемъ необходимо предоставить факультетамъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ замѣщенія каѳедръ, такъ какъ каждый факультетъ является учрежденіемъ наиболѣе компетентнымъ въ оцѣнкѣ и въ разрѣшеніи вопроса о пригодности того или другого лица отвѣчать требованіямъ данной каѳедры, входящей въ составъ даннаго факультета. Поэтому, предварительно избранія профессора на ту или другую каѳедру, онъ долженъ быть избранъ сначала факультетомъ или рекомендованъ имъ совѣту.

Что касается до личнаго состава совѣта, факультетовъ и правленія, то онъ можетъ остаться такимъ же, какимъ онъ былъ при дѣйствіи всѣхъ уставовъ, издававшихся для нашихъ университетовъ. Совѣтъ долженъ состоять изъ всѣхъ профессоровъ университета (ординарныхъ и экстраординарныхъ). Вопросъ о допущеніи въ совѣтъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, приватъ доцентовъ—мы разрѣшили бы въ отрицательномъ смыслѣ, находя, что приватъ-доценты, во-первыхъ, находятся въ недостаточно прочной связи съ университетомъ, во-вторыхъ, часто недостаточно опытны по университетскимъ дѣламъ и вопросамъ, и въ-третьихъ, въ виду того, что это безгранично расширило бы составъ совѣта, увеличивая число его членовъ, которое и безъ того очень велико, между тѣмъ число приватъ-доцентовъ въ университетѣ не можетъ быть ничѣмъ ни

опредѣлено, ни ограничено. Предсѣдателемъ совѣта, но безъ особыхъ прерогативъ, кромѣ тѣхъ, которыя всегда присущи предсѣдателю всякаго собранія, является ректоръ, избираемый совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Такой порядокъ замѣщенія должности ректора существовалъ при дѣйствіи всѣхъ уставовъ нашихъ университетовъ, за исключеніемъ періода отъ 1849 до 1863 года, когда ректоръ назначался отъ правительства, и кромѣ времени дѣйствія устава 1884 года, изгнавшаго вообще выборное начало изъ нашихъ университетовъ. Но ни опытъ 1849 года, ни опытъ примѣненія устава 1884 г., нельзя назвать удачнымъ и измѣненіе порядка замѣщенія должности ректора не принесло никакой пользы университетамъ и не облегчило задачи правительства и его представителей при университетахъ.

Правленіе должно состоять, какъ и нынѣ, изъ ректора и всѣхъ декановъ. Участіе въ правленіи инспектора *по всѣмъ* дѣламъ я считаю излишнимъ, такъ какъ многія изъ нихъ инспекціи не касаются. Нужно его участіе только по дѣламъ, непосредственно касающимся инспекціи, какъ, напримѣръ, предоставленіе студентамъ стипендій или иныхъ льготъ. Въ этомъ отношеніи опредѣленія устава 1884 г., касающіяся правленія, должны быть измѣнены.

Факультеты являются собраніемъ всѣхъ профессоровъ даннаго факультета, подъ предсѣдательствомъ декановъ, причемъ деканы должны быть выборными, точно также какъ и ректоръ, что̀ и было при уставѣ 1835 и 1863 гг., но позже измѣнено во всѣхъ отношеніяхъ неудачными мѣропріятіями 1849 г. и столь же неудачнымъ уставомъ 1884 года.

Что касается до *университетскаго суда,* то возстановленіе его необходимо, ибо перенесеніе судебныхъ обязанностей на правленіе, по уставу 1884 г., оказалось безусловно нецѣлесообразнымъ и несостоятельнымъ, ибо судебныя функціи совершенно не соотвѣтствуютъ характеру правленія, какъ учрежденія преимущественно хозяйственнаго, въ виду чего исполненіе этихъ функцій правленіемъ являлось случайнымъ, безформеннымъ и потому неудовлетворительнымъ какъ въ интересахъ студентовъ, такъ и университета.

О цѣляхъ и задачахъ суда много писалось и говорилось; между прочимъ, намъ извѣстно мнѣніе одного изъ университетовъ, которое главною задачею университетскаго суда ставитъ огражденіе студентовъ при столкновеніяхъ съ должностными лицами въ университетѣ и внѣ его; хотя и не говорится о томъ,

какія должностныя лица имѣются въ виду, но надо полагать, что имѣются въ виду должностныя лица университета, такъ какъ съ внѣ-университетскими властями студенты, за рѣдкими исключеніями, столкновеній въ стѣнахъ университета имѣть не могутъ. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ оказывается, что это мнѣніе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ ограждать студентовъ отъ самого университета,—о проступкахъ же студентовъ противъ университета въ мнѣніи даже не упоминается. Въ этихъ видахъ, для большей авторитетности суда, предполагалось составить его преимущественно изъ лицъ судебнаго вѣдомства, избираемыхъ судебными учрежденіями (судебной палатой, мировымъ съѣздомъ). Большинство членовъ должно было бы принадлежать судебному вѣдомству и изъ этихъ лицъ долженъ былъ бы избираться предсѣдатель. Затѣмъ, нѣкоторое число профессоровъ должно было бы входить въ составъ суда въ качествѣ засѣдателей или экспертовъ по университетскимъ дѣламъ.

Такое мнѣніе мы считаемъ совершенно ошибочнымъ.

Если не признавать университетскій судъ судомъ спеціальнымъ, т.-е. касающимся не однихъ университетскихъ дѣлъ и интересовъ, то онъ вовсе не нуженъ,—въ такомъ случаѣ проще распространить на университеты дѣйствіе общаго суда. Если же этотъ судъ долженъ вѣдать дѣла спеціально университетскія, то не только преобладаніе, но даже присутствіе въ этомъ судѣ элементовъ совершенно постороннихъ,—хотя бы то были опытные юристы-теоретики или судебные практики,—не находитъ себѣ оправданія, ибо въ этомъ судѣ важно знаніе университетской жизни и опытъ въ университетскихъ дѣлахъ, а не опытъ и знаніе практика общихъ судебныхъ мѣстъ.

Намъ извѣстно еще другое мнѣніе одного изъ попечителей учебныхъ округовъ, которое широко толкуетъ компетенцію суда надъ студентами и желаетъ, чтобы этотъ судъ состоялъ при учебномъ округѣ, совершенно внѣ университета. Съ такимъ мнѣніемъ мы точно также не согласны.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что университетскій судъ долженъ быть только университетскимъ. Онъ долженъ вѣдать дѣла студентовъ и о студентахъ, но именно въ силу ихъ принадлежности къ университету. Причемъ, однако, проступки студентовъ или гражданскія дѣла, предусмотрѣнныя общими законами гражданскими и уголовными, должны вѣдаться общимъ судомъ, а университетскому суду должны подлежать только дѣла о студентахъ, вытекающія изъ отношеній ихъ къ университету.

При этомъ само собою понятно, что судъ этотъ долженъ заключать въ себѣ гарантіи правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія дѣлъ по отношенію къ студентамъ, но главная задача его не можетъ заключаться въ защитѣ студентовъ противъ должностныхъ лицъ особенно университетскихъ, такъ какъ самую мысль о защитѣ студентовъ отъ университета мы считаемъ ни съ чѣмъ несообразною и нелѣпою. Задачей суда прежде всего должны быть защита и обезпеченіе университета отъ всякаго нарушенія его правъ и огражденіе нормальнаго теченія его жизни. А для этого нужно, чтобы члены суда знали университетъ, были тѣсно связаны съ нимъ и имѣли знаніе и опытъ университетской жизни. Очевидно, такими судьями могутъ быть только профессора.

Такъ это было и при уставѣ 1863 г., но по этому уставу судъ являлся учрежденіемъ временнымъ, безъ опредѣленно поставленнаго дѣлопроизводства и собирающимся по мѣрѣ надобности. Мы полагаемъ, что университетскому суду должна быть дана болѣе прочная, постоянная организація. Составъ суда долженъ, по нашему мнѣнію, состоять исключительно изъ профессоровъ. Предсѣдатель долженъ избираться самимъ судомъ на опредѣленное время. Члены суда должны избираться совѣтомъ на опредѣленный срокъ,—напримѣръ, на четыре года, т.-е. срокъ, положенный для большей части университетскихъ должностей. Желательно, чтобы половина членовъ избиралась изъ числа профессоровъ-юристовъ. Предсѣдателемъ можетъ быть профессоръ любого университетскаго факультета. Мы полагаемъ, что для состава суда недостаточно избраніе предсѣдателя и четырехъ членовъ. Совѣтъ, кромѣ членовъ суда, долженъ избирать столько же кандидатовъ къ нимъ, которые замѣняли бы членовъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и вообще невозможности засѣдать въ судѣ по уважительнымъ причинамъ. Судъ долженъ руководствоваться инструкціей, даваемою совѣтомъ. Эта инструкція должна опредѣлять порядокъ дѣлопроизводства, формы, которыя судъ долженъ соблюдать, а затѣмъ перечень наказуемыхъ проступковъ студентовъ и лѣстницу наказаній, которыя судъ можетъ налагать. Все это должно быть предоставлено совѣту, ибо никто иной не можетъ быть болѣе компетентенъ въ согласованіи всѣхъ этихъ вопросовъ съ условіями жизни и интересами университета,—интересами, которымъ судъ собственно и призванъ служить. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ внѣ-университетскою властью, хотя бы министерствомъ, мы признавали бы нежелательнымъ, такъ какъ всѣ эти власти недостаточно близки къ университету,

и устанавливаемыя ими нормы всегда будутъ грѣшить недостаточною подвижностью и жизненностью.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда суду пришлось бы имѣть дѣло съ очень большимъ числомъ обвиняемыхъ, напримѣръ во время безпорядковъ и общихъ волненій, когда требуется масса допросовъ, составленія протоколовъ и т. п., судъ слѣдовало бы значительно усиливать временными членами, которые тоже должны избираться совѣтомъ, въ числѣ, какое онъ признаетъ нужнымъ.

Эти временные члены могутъ быть избраны совѣтомъ заранѣе или могутъ быть избираемы ad hoc, когда того потребуютъ обстоятельства. Временные члены участвуютъ въ судѣ наравнѣ съ постоянными и на одинаковыхъ правахъ.

Всѣ вопросы, касающіеся судопроизводства, т.-е. приготовленіе дѣлъ къ суду, порядокъ изслѣдованія и повѣрки обстоятельствъ дѣла и порядокъ рѣшенія ихъ устанавливаются совѣтомъ, причемъ, намъ кажется, судъ можетъ возлагать отдѣльныя порученія на членовъ суда, но можетъ давать порученія и чинамъ инспекціи, которые, дѣйствуя по инструкціи, даваемой совѣтомъ, обязаны исполнять порученія суда, подчиняясь его указаніямъ и разъясненіямъ.

Рѣшенія суда должны быть окончательными и не могутъ быть ни измѣняемы, ни дополняемы никакими властями, не исключая и власти министра. Перенесеніе дѣлъ изъ суда въ совѣтъ мы признаемъ нецѣлесообразнымъ и ненужнымъ, ибо совѣтъ достаточно участвуетъ въ самомъ рѣшеніи, имѣя право пополнять судъ временными членами изъ своей среды въ значительномъ числѣ. Инспекціи—будь то профессоръ или инспекторъ и ихъ помощники—въ судѣ не участвуютъ и не могутъ состоять членами суда.

Что касается до взысканій, которыя могутъ быть налагаемы на студентовъ, то и этотъ вопросъ долженъ быть рѣшаемъ совѣтомъ. Мы лично полагаемъ, что эти взысканія могутъ заключаться:

1) въ замѣчаніи; 2) выговорѣ,—то и другое можетъ быть сдѣлано письменно или устно и, въ важныхъ случаяхъ, публично; 3) арестѣ въ карцерѣ; 4) увольненіи; 5) исключеніи, съ правомъ обратнаго поступленія или безъ этого права; 6) исключеніе можетъ сопровождаться воспрещеніемъ на срокъ житья въ университетскомъ городѣ.

Эта послѣдняя мѣра наказанія до сихъ поръ не практиковалась въ нашихъ университетахъ, а вмѣсто того исключенныхъ студентовъ высылали административнымъ порядкомъ изъ универ-

ситетскаго города, а иногда и въ опредѣленное мѣсто, причемъ эта послѣдняя мѣра принималась независимо отъ университета и являлась какъ бы вторымъ наказаніемъ, сверхъ того, которому студентъ уже подвергнутъ университетомъ.

Мы придаемъ огромное значеніе различію воспрещенія жительства въ университетскомъ городѣ самимъ университетомъ отъ административной высылки въ порядкѣ политическихъ дѣлъ или признанія общей неблагонадежности. Существенное различіе этихъ двухъ порядковъ удаленія студента изъ университетскаго города мы видимъ въ слѣдующемъ:

1) Главное отличіе предполагаемой нами мѣры взысканія отъ нынѣ практикуемой административной высылки заключается въ различіи положенія, создаваемаго лицу, подвергнутому этимъ взысканіямъ, и различіи послѣдствій ихъ примѣненія: административная высылка накладываетъ на высланнаго печать признанія его общей неблагонадежности, причемъ высланный студентъ, водворяясь гдѣ-либо послѣ высылки, является въ глазахъ мѣстнаго начальства и вообще всѣхъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, лицомъ вреднымъ или опаснымъ, что̀ создаетъ ему, во-первыхъ, положеніе крайне стѣснительное и затрудняющее пріисканіе какихъ-либо занятій или избранія рода жизни, обезпечивающей или облегчающей существованіе; во-вторыхъ, это приравниваетъ его къ лицамъ дѣйствительно вреднымъ и опаснымъ и неизбѣжно сближаетъ съ ними, если они имѣются въ мѣстѣ водворенія.

2) Благодаря вышеизложенному, особенно въ небольшихъ городахъ, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ дѣйствительно политически неблагонадежныхъ лицъ, къ которымъ, такъ сказать, въ силу своей высылки, eo ipso примыкаютъ удаленные студенты, хотя бы они въ дѣйствительности и не были еще неблагонадежными и не предавались противоправительственнымъ замысламъ, образуется болѣе значительный центръ, вредно вліяющій на общество и мѣстную общественную среду. Вредъ подобнаго усиленія дѣйствительно вредныхъ или неблагонадежныхъ элементовъ въ нашей провинціи, благодаря искусственному присоединенію къ нимъ, такъ сказать, мѣрами начальства, высланныхъ студентовъ, уже сознается въ настоящее время многими, и, повидимому, чувствуется уже необходимость измѣненія подобнаго порядка вещей и заботятся объ его измѣненіи.

3) Такимъ образомъ, приравненіе всякаго студента, подвергнутаго университетскому взысканію, къ числу политически неблагонамѣренныхъ или вредныхъ лицъ безъ нужды отягощаетъ

участь и положеніе уволеннаго студента и въ то же время приноситъ явный вредъ обществу, въ особенности нашей глухой провинціи; оно создаетъ совершенно излишнія затрудненія правительству, а мѣстныя власти отягощаетъ безполезными обязанностями (въ видѣ надзора за большимъ числомъ ссылаемыхъ и т. п.).

Простое удаленіе изъ университетскаго города студента, неудобнаго для университета, не имѣетъ всѣхъ этихъ послѣдствій. Оно не приравниваетъ его къ опаснымъ или вреднымъ дѣятелямъ и не отождествляетъ его съ ними; студентъ въ глазахъ всѣхъ, да и въ собственныхъ глазахъ, остается учащимся юношей, провинившимся собственно противъ учебнаго заведенія и только удаленнымъ изъ мѣста нахожденія этого заведенія. Учреждать надъ нимъ надзоръ въ мѣстѣ его нахожденія совершенно излишне; онъ можетъ проживать и заниматься чѣмъ угодно всюду, кромѣ одного университетскаго города, изъ коего онъ удаленъ университетомъ.

Наконецъ, важное значеніе имѣетъ то, что учащійся, удаленный изъ города по постановленію учебнаго заведенія, подвергается этому взысканію по приговору суда, который во всякомъ случаѣ представляетъ болѣе гарантіи безпристрастія и обоснованности взысканія, чѣмъ административное усмотрѣніе.

Право удаленія исключаемыхъ студентовъ не было повсемѣстно предоставлено нашимъ университетамъ, но эта мѣра вовсе не нова и не измышлена нами, — она практикуется во всѣхъ германскихъ университетахъ (consilium abeundi) и практиковалась и у насъ, до 80-хъ годовъ, въ дерптскомъ университетѣ.

Эта мѣра, не страдая тѣми вредными недостатками, которые связаны съ административной высылкой, достигаетъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ цѣли, которая преслѣдуется при удаленіи изъ города студента, вреднаго для университета; она является мѣрою менѣе тягостною, чѣмъ административная высылка, и освобождаетъ администрацію и правительство отъ множества излишнихъ затрудненій. Различіе значенія этихъ двухъ видовъ высылки мы имѣли случай не разъ наблюдать на практикѣ и у насъ, и за границей. Что касается до подобнаго взысканія въ германскихъ университетахъ, то я могу говорить по личному опыту, такъ какъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ былъ студентомъ, я подвергся подобнаго рода удаленію на годъ (consilium abeundi), благодаря чему я оставилъ Германію, такъ какъ между нѣмецкими университетами существуетъ Cartel, и дѣйствіе взысканія, наложеннаго однимъ университетомъ, распространяется на всѣ университеты Германіи. Но затѣмъ, когда мнѣ пришлось вернуться въ нее, на обратномъ

пути въ Россію, то я никакимъ стѣсненіямъ не подвергался. Правда, въ Берлинѣ, на другое утро послѣ моего пріѣзда, въ гостинницу явился полицейскій коммиссаръ [1]) и заявилъ мнѣ, что такъ какъ Берлинъ—университетскій городъ, то я, какъ „консиліированный“ студентъ, не могу оставаться въ Берлинѣ болѣе трехъ дней. На что я объяснилъ ему, что предполагаю уѣхать на другой день. Никакихъ иныхъ затрудненій я не испыталъ, мой паспортъ былъ визированъ безъ всякаго промедленія, и я спокойно вернулся въ Россію. Затѣмъ я не разъ имѣлъ случай ознакомиться съ положеніемъ студентовъ, удаленныхъ изъ Дерпта по приговору университета: положеніе ихъ вовсе не походило на положеніе студентовъ прочихъ нашихъ университетовъ, подвергнутыхъ высылкѣ въ административномъ порядкѣ; дерптскіе студенты, удаленные университетомъ, жили гдѣ угодно, занимались чѣмъ угодно, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, и обыкновенно легко устроивали свое существованіе очень недурно. Въ то же время мы не разъ имѣли случай наблюдать болѣе чѣмъ печальное положеніе, въ которомъ находится большинство административныхъ ссыльныхъ.

Вотъ тѣ соображенія и факты, въ силу коихъ можно утверждать, что предлагаемая нами мѣра имѣетъ огромныя преимущества передъ практикуемою нынѣ системою административной высылки уволенныхъ студентовъ.

Мы предвидимъ и вполнѣ сознаемъ, что многіе, быть можетъ, возразятъ намъ, что предлагаемая нами мѣра излишня, ибо нѣтъ вообще надобности удалять изъ города уволенныхъ студентовъ. Но съ этимъ взглядомъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ, на основаніи столько же принципіальныхъ соображеній, какъ и практическихъ наблюденій и опыта, мы, напротивъ, убѣждены, что бываютъ случаи, и нерѣдко, когда удаленіе уволенныхъ студентовъ изъ университетскаго города безусловно необходимо, но не въ видахъ огражденія государственной или общественной безопасности, а въ силу вполнѣ уважительныхъ интересовъ самого университета, имѣющаго полное право на огражденіе.

Въ случаѣ грубаго и дерзкаго неуваженія университета и его законовъ, когда въ это вовлекается притомъ масса студентовъ,—оставить виновныхъ или виновнаго въ городѣ въ непосредственной близости и соприкосновеніи съ бывшими товарищами—значитъ оставить въ университетѣ элементъ, поддерживаю-

---

[1]) Списки удаленныхъ гдѣ-либо студентовъ имѣются у полиціи всѣхъ университетскихъ городовъ Германіи.

щій и развивающій броженіе въ средѣ молодежи, что вредно, а часто прямо недопустимо въ интересахъ какъ университета, такъ и самой массы студентовъ, а равно и общаго порядка. Удаленіе подобнаго уволеннаго студента или студентовъ, часто—какъ я не разъ лично испыталъ на дѣлѣ—является *необходимостью* и требуется благоразуміемъ.

Съ другой стороны, если нарушителей порядка, а затѣмъ и уволенныхъ—много, то удаленіе изъ города является единственнымъ средствомъ огражденія отъ нихъ университета, такъ какъ университетъ помимо этого не имѣетъ просто физической возможности и способовъ охранять себя отъ безпорядковъ, и даже не имѣетъ способовъ фактически возбранить уволеннымъ,—особенно если они многочисленны,—проникать въ университетъ и продолжать поддерживать волненія и даже повторять тѣ самыя дѣйствія, за которыя они уже уволены изъ числа студентовъ.

Само собою разумѣется, предлагаемая нами мѣра могла бы получить цѣлесообразное осуществленіе только въ томъ случаѣ, еслибы уволенные и удаленные университетомъ были гарантированы отъ того, чтобы, помимо наложеннаго имъ въ силу закона взысканія университетомъ, на нихъ не были произвольно налагаемы по административному усмотрѣнію дополнительныя кары или стѣсненія. Только при этомъ условіи справедливо и возможно предоставить университету не только уволить студента, но воспретить ему жительство въ университетскомъ городѣ. И это условіе должно быть оговорено въ самомъ законѣ и притомъ настолько опредѣленно, чтобы не допустить никакихъ изъятій и отступленій.

Такимъ образомъ, университетскій судъ представляется намъ учрежденіемъ чисто университетскимъ, вѣдающимъ чисто и исключительно только университетскія дѣла; онъ предназначенъ прежде всего защищать интересы университета и карать нарушеніе этихъ интересовъ. Компетенція его распространяется только на дѣйствія, происходящія въ самомъ университетѣ. Подлежатъ этому суду только лица, принадлежащія къ университету, а потому прежде всего студенты. Весь порядокъ дѣйствія суда, его дѣлопроизводство, а равно опредѣленіе наказуемости тѣхъ или другихъ дѣяній и опредѣленіе соотвѣтствія размѣра наказаній со свойствомъ дѣянія, т.-е. опредѣленіе наказуемыхъ проступковъ и соотвѣтствующей лѣстницы наказаній, должно быть предоставлено совѣту и опредѣляться правилами и инструкціями, издаваемыми совѣтомъ. Изданіе же устава или уложенія, перечисляющаго всѣ наказуемые университетскіе проступки и опредѣляющаго за

каждый изъ нихъ наказаніе и санкцію такого сборника высшей властью мы считаемъ нецѣлесообразнымъ и даже невозможнымъ. Университетская жизнь слишкомъ подвижна, и ее нельзя уложить въ подобныя рамки. Все, что можно требовать, это—чтобы совѣтъ опредѣлилъ наказуемость дѣяній и мѣру налагаемаго за него наказанія, прежде чѣмъ кто-либо привлеченъ за подобное дѣйствіе къ суду.

Характеръ проступковъ и наказуемыхъ дѣяній въ учебномъ заведеніи постоянно мѣняется, и то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ является маловажнымъ упущеніемъ, можетъ при другихъ обстоятельствахъ стать важнѣйшимъ проступкомъ, требующимъ строжайшаго наказанія. Такъ, напримѣръ, непосѣщеніе въ обыкновенное время студентами лекцій представляетъ собою нежелательное явленіе и можетъ признаваться упущеніемъ, но никакъ не можетъ быть характеризовано какъ важный проступокъ; но если это непосѣщеніе принимаетъ видъ забастовки, а тѣмъ болѣе обструкціи, то это важнѣйшій проступокъ, ибо студентъ или ученикъ высшаго учебнаго заведенія, содѣйствующій забастовкѣ и тѣмъ болѣе обструкціи, тѣмъ самымъ отвергаетъ ученье, т.-е. самую сущность заведенія, и какъ бы самъ себя исключаетъ изъ него.

На этомъ мы закончимъ наши сужденія объ университетскомъ судѣ и добавимъ только, что мы не сторонники порученія судебныхъ функцій въ университетѣ единоличному судьѣ, хотя бы назначаемому правительствомъ по избранію университета, во-первыхъ, потому, что университеты наши не настолько богаты, чтобы дать содержаніе, могущее привлечь на эту въ высшей степени трудную должность вполнѣ достойныхъ, знающихъ и опытныхъ людей, и во-вторыхъ, въ виду того, что такой единоличный судья болѣе чѣмъ вѣроятно никогда не будетъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, который будетъ имѣть коллегіальный судъ, состоящій изъ профессоровъ. Между тѣмъ, созданіе и усиленіе авторитета въ университетѣ должно всегда и прежде всего имѣться въ виду при организаціи всѣхъ отраслей университетскаго управленія и всѣхъ принадлежащихъ къ нему учрежденій.

Не можемъ только не упомянуть о мнѣніи, о которомъ въ послѣдніе годы много говорилось и писалось по поводу университетскаго суда, а именно, о возможности, вмѣсто университетскаго суда, создать изъ среды студентовъ общеуниверситетскій судъ чести. Такого рода учрежденіе мы съ своей стороны находимъ совершенно невозможнымъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Для того, чтобы въ какой-либо средѣ былъ возможенъ и

могъ дѣйствовать судъ чести, необходима наличность цѣлаго ряда условій, безъ коихъ самое существованіе суда чести немыслимо. Прежде всего необходимо, чтобы среда, въ которой призванъ дѣйствовать судъ чести, была высоко культурна, чтобы въ ней господствовали неоспоримо признанные общіе принципы нравственности и чести и существовали въ этой области твердо установившіеся обычаи и взгляды, безъ чего судъ чести можетъ обратиться въ худшее орудіе произвола и нравственнаго насилія, такъ какъ, за отсутствіемъ твердо установленныхъ нормъ и общепризнанныхъ основъ, онъ станетъ выразителемъ не справедливости и учрежденіемъ воспитывающимъ и проводящимъ въ среду, въ коей онъ дѣйствуетъ, здоровые принципы общественной жизни, а явится только выразителемъ личнаго мнѣнія судей или какой-либо группы лицъ, подчиняться коимъ и признавать авторитетъ коихъ никто не обязанъ. При этомъ нельзя забывать, что приговоры суда чести, затрогивая самыя чувствительныя стороны внутренней, нравственной жизни, могутъ часто оказаться болѣе тягостными, а послѣдствія ихъ—болѣе неисправимыми, чѣмъ послѣдствія хотя бы самаго жестокаго наказанія, наложеннаго общимъ судомъ. Судъ чести и его приговоръ, если онъ не вытекаетъ изъ ясно сознанныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ —и притомъ всѣми, не исключая и самого подсудимаго—признаваемыхъ основъ чести и понятій о дозволенномъ и недозволенномъ, о доблестномъ и похвальномъ, съ одной стороны, и предосудительномъ—съ другой, обращается въ страшный гнетъ и насиліе надъ всей средой, на которую распространяется его дѣйствіе.

Между тѣмъ, этой ясности и твердости общепринятыхъ принциповъ даже въ нашемъ обществѣ въ настоящее время вообще нѣтъ, а въ средѣ учащейся молодежи это необходимѣйшее условіе сколько-нибудь правильнаго суда чести, къ несчастію, совершенно отсутствуетъ.

Путаница въ простѣйшихъ этическихъ понятіяхъ, грубое непониманіе своего положенія и значенія, а равно легкость отношенія къ правамъ и достоинству другихъ, отсутствіе правдивости и нетерпимость ко всему, что не совпадаетъ съ собственнымъ мнѣніемъ, составляютъ къ сожалѣнію характерныя черты нашей современной учащейся молодежи, въ чемъ убѣждаются всѣ, кто имѣлъ дѣло съ нею, въ особенности за послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ.

Всѣ эти мрачныя стороны, доказывающія некультурность нашего общества вообще и учащейся молодежи въ особенности, вы-

ступаютъ особенно рѣзко во времена волненій въ учебныхъ заведеніяхъ.

Какой ясности нравственнаго понятія можно ожидать отъ учащихся, въ средѣ которыхъ забастовка, т.-е. отрицаніе ученья, этой сущности всякаго учебнаго заведенія, возводится въ принципъ и выставляется какъ закономѣрное средство дѣйствія, какъ скоро что-либо въ заведеніи не нравится или не одобряется учащимися.

Мы не говоримъ уже объ обструкціи, т.-е. о дѣйствіяхъ направленныхъ къ тому, чтобы путемъ насилія осуществить забастовку и подчинить себѣ всѣхъ, кто ей противится, т.-е. насиловать всѣхъ, кто не раздѣляетъ вашихъ взглядовъ, мнѣній и желаній.

Какого суда чести можно ожидать отъ тѣхъ, кто не сознаетъ, что, отрицая сущность учрежденія, къ которому они принадлежатъ, они отрицаютъ самихъ себя, отвергаютъ то положеніе и званіе, во имя котораго они требуютъ къ себѣ вниманія и уваженія, и которое даетъ имъ право занять первенствующее мѣсто въ наиболѣя культурной части своихъ согражданъ.

Но, независимо отъ этихъ общихъ соображеній, дѣлающихъ невозможнымъ установленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ суда чести, противъ такого суда у насъ говорятъ еще слѣдующія соображенія.

Въ составъ нашего студенчества входятъ столь разнообразные элементы, которые по вопросамъ нравственности и чести держатся столь различнаго міровоззрѣнія, что они другъ друга понимать не могутъ, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, говорятъ на разныхъ языкахъ. Возьмемъ, напримѣръ, поляковъ, нѣмцевъ, великороссовъ и такъ называемыхъ нашихъ „восточныхъ человѣковъ“. Всѣ эти группы имѣютъ столь различные взгляды на вопросы чести и порядочности, по вопросамъ о дозволенномъ и непозволительномъ, да наконецъ просто о добрѣ и злѣ и о честномъ и безчестномъ, что привести ихъ къ общему знаменателю невозможно. Подчинить же одну группу міровоззрѣніямъ и нравственному кодексу другой было бы возмутительнымъ нравственнымъ насиліемъ и тираніей, чего нельзя ни допустить, ни желать.

Иное дѣло—въ группахъ и ассоціаціяхъ, въ которыя студенты поступаютъ по свободному выбору и желанію, а не въ силу одного зачисленія въ студенты. Здѣсь судъ чести возможенъ и умѣстенъ: тотъ, кто избираетъ общество и поступаетъ въ него добровольно, тѣмъ самымъ подчиняется столь же добро-

вольно всѣмъ существующимъ въ обществѣ порядкамъ. Онъ можетъ и долженъ разобраться и подумать о томъ, куда онъ поступаетъ и на что идетъ, и отказывается добровольно отъ возраженій противъ этихъ порядковъ и въ силу собственной воли, свободно выраженной, обязанъ подчиниться авторитету общества или кружка, ибо никто и ничто не принуждаетъ его къ поступленію въ него.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ одно поступленіе въ университетъ. Тутъ поступленіе въ число студентовъ имѣетъ главною цѣлью поступленіе въ эту среду не ради товарищества, какое бы важное или благое значеніе мы ни придавали товариществу, ибо главная цѣль поступленія въ университетъ или иное учебное заведеніе все-таки всегда была и будетъ полученіе образованія, т.-е. наука. А товарищество является лишь полезнымъ, пожалуй даже необходимымъ его придаткомъ, отступающимъ на второй планъ, а потому обязанности студента къ университету должны идти впереди обязанностей къ другимъ студентамъ, какъ товарищамъ.

Наконецъ, судъ чести, если бы даже онъ былъ возможенъ и хотя бы онъ удовлетворялъ нуждамъ и потребностямъ студентовъ, никогда не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ и требованіямъ *университета*, а потому и замѣна университетскаго суда товарищескимъ судомъ студентовъ не можетъ быть, по нашему мнѣнію, допускаема.

Нельзя забывать при этомъ, что хотя студенты необходимы для полноты понятія объ университетѣ, но, тѣмъ не менѣе, они находятся въ университетѣ, *проходятъ* его въ качествѣ временнаго элемента, но вовсе *не составляютъ самого университета*, который, будучи прежде всего центромъ науки, состоитъ, по самому своему существу, изъ представителей науки, а не изъ ищущихъ ея и только еще готовящихся къ ней и изучающихъ ея элементы.

Такъ всегда всюду смотрѣли на университетъ, и потому всюду студенты подчинялись университету и никакого участія въ его управленіи не принимали и принимать не могли, а могли только заявлять университету о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, ходатайствуя передъ университетомъ объ ихъ удовлетвореніи.

„Университетъ для науки“ —вотъ девизъ, который долженъ стать общимъ для всѣхъ студентовъ, и только тогда они будутъ вполнѣ гражданами университета, который приготовитъ ихъ быть затѣмъ полноправными гражданами государства и, когда представится надобность и случай, защититъ ихъ индивидуальный и общественный строй жизни. Но чтобы достичь этого, учащимся необходимо прежде всего развить въ себѣ уваженіе къ учрежденію, къ ко-

торому они принадлежатъ, которое даетъ имъ неоцѣненное благо и преимущества передъ некультурною толпою,—преимущества умственныя, нравственныя и соціальныя, которыя возвышаютъ ихъ положеніе и значеніе въ глазахъ общества и въ массѣ согражданъ. Для полученія и достиженія такихъ правъ и значенія нуженъ трудъ и единеніе съ учрежденіемъ, которое даеть пищу этому труду и направляетъ его. А потому мы не можемъ не признать абсурдомъ такія проявленія, какъ забастовки учащихся, а тѣмъ болѣе обструкцію, т.-е. насильственное подчиненіе ей другихъ студентовъ и даже всего университета. Все это имѣетъ, намъ думается, своимъ источникомъ смѣшеніе понятія о распущенности со свободою, такъ характерно выражающееся въ извѣстныхъ словахъ Тита Титыча: „моему ндраву не препятствуй", и въ крайнемъ неразвитіи чувства долга и законности, — неразвитіи, которое, къ несчастію, господствуетъ у насъ чуть ли не во всѣхъ сферахъ, не исключая и высшихъ, и постоянно причиняетъ столько вреда нашему отечеству, его развитію и культурѣ.

Все сказанное нами приводитъ насъ къ убѣжденію, что наша учащаяся молодежь еще очень некультурна и мало способна къ общественности, въ истинномъ значеніи этого слова. Но тѣмъ не менѣе, благодаря продолжительному общенію съ молодежью и знакомству съ ея бытомъ, мы вовсе не отчаяваемся въ ней и твердо вѣримъ, что она заключаетъ въ себѣ много здоровыхъ и прекрасныхъ элементовъ, и мы твердо вѣримъ, что если юношеству будетъ предоставлена свобода общенія и организаціи въ своей собственной средѣ, то на этой почвѣ разовьется у нея и чувство долга, и сознаніе своего и чужого достоинства, и уваженіе къ закону, и другія качества, составляющія основу всякаго общенія людей и общежитія, въ чемъ должна заключаться главная воспитательная задача всякаго учебнаго заведенія,—задача, которая среди студентовъ можетъ быть выполнена путемъ самовоспитанія скорѣе и лучше, чѣмъ какими бы то ни было иными способами. Вотъ почему мы придаемъ столь важное значеніе организаціи студенчества, къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ, коснувшись прежде вопроса о значеніи и роли въ университетѣ двухъ учрежденій, имѣющихъ постоянное соприкосновеніе съ университетскою жизнью, а именно—о значеніи въ университетѣ попечителя и инспекціи.

VIII.

Изъ газетъ и по слухамъ намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ университетахъ возбуждался вопросъ о прекращеніи всякихъ отношеній попечителей къ университетамъ и о совершенномъ упраздненіи инспекціи.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ взглядомъ мы лично согласиться не можемъ, хотя и признаемъ, что въ настоящее время постановка дѣла неудовлетворительна и ненормальна.

Не имѣвъ случая ознакомиться въ подлинникѣ съ заключеніями и мнѣніемъ университетовъ, высказавшихся за устраненіе попечителей и за подчиненіе университетовъ непосредственно министру, мы позволимъ себѣ сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что̀ намъ извѣстно по слухамъ о мотивахъ, приведшихъ нѣкоторые университеты къ такому рѣшенію.

Повидимому, въ основаніи такого желанія лежало мнѣніе, будто съ устраненіемъ отъ университетовъ попечителей и съ подчиненіемъ ихъ прямо министру университеты станутъ самостоятельнѣе и значеніе ихъ возвысится какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и на самомъ дѣлѣ.

Но мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ такомъ взглядѣ кроется серьезное недоразумѣніе. Министръ несетъ столь разнообразныя и сложныя обязанности, отъ которыхъ онъ устранить себя не можетъ, что никогда не будетъ въ состояніи всецѣло посвятить себя завѣдыванію университетами. Въ виду того, что университетъ не одинъ,—министру трудно будетъ заниматься всѣми университетами въ одинаковой мѣрѣ, а потому интересы нѣкоторыхъ изъ нихъ неизбѣжно будутъ страдать. При громадности разстояній и отдаленности большей части изъ нихъ отъ Петербурга, сосредоточеніе въ рукахъ министра всѣхъ дѣлъ по всѣмъ университетамъ только усложнитъ дѣло, поведетъ къ задержкамъ и недоразумѣніямъ.

Мы убѣждены такимъ образомъ, что подчиненіе *лично* министру будетъ только номинальное, въ дѣйствительности же университеты окажутся въ прямомъ подчиненіи не министру, даже не его товарищу или директору департамента, а чинамъ канцеляріи департамента, завѣдывающимъ отдѣленіями или отдѣлами. Сомнѣваемся, чтобы такое положеніе возвысило значеніе университетовъ или послужило имъ на пользу. Напротивъ, всякому, кто знако̀мъ съ ходомъ нашего государственнаго механизма, извѣстно,

какъ тяжела бываетъ для мѣстныхъ учрежденій подобная зависимость отъ центральныхъ органовъ.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что сохраненіе самыхъ тѣсныхъ отношеній попечителя къ университету можетъ только послужить на пользу послѣдняго и соотвѣтствуетъ его интересамъ. Разумѣется, необходимо, чтобы отношенія университета и попечителя были опредѣлены и разъяснены *разумно* и *правильно*, что̀ должно быть сдѣлано въ самомъ уставѣ или по крайней мѣрѣ въ объясненіяхъ къ нему. Въ нашихъ глазахъ, попечитель долженъ быть поставленъ въ положеніе члена университета. Въ совѣтѣ, въ правленіи и факультетахъ всѣ дѣла университета должны быть ему открыты; онъ долженъ имѣть право непосредственно участвовать въ качествѣ делегата правительства, что̀ вѣдь бываетъ въ самыхъ разнообразныхъ собраніяхъ, нисколько не нарушая ихъ самостоятельности и автономіи. Такое участіе *необходимо* для того, чтобы онъ могъ чувствовать себя солидарнымъ съ университетомъ, а не быть начальникомъ или почетнымъ генераломъ, которому представляются на усмотрѣніе или утвержденіе уже разсмотрѣнныя дѣла. Попечитель не долженъ быть приставленъ къ университету съ боку-припёку, а долженъ — mitten drein sitzen, какъ сказали бы нѣмцы, и какъ то было по уставу 1835 г., ст. 52 и 58. Только при этомъ условіи онъ и можетъ быть настоящимъ попечителемъ, т.-е. посредникомъ между университетомъ и правительствомъ, ходатаемъ и защитникомъ университета въ необходимыхъ случаяхъ, а иной разъ юрисконсультомъ университета, такъ какъ ему могутъ быть ближе извѣстны предположенія и виды правительства, безъ знанія коихъ бываетъ трудно дѣйствовать и рѣшать вопросы въ университетѣ, ибо это возможно только когда попечитель живетъ жизнью университета, когда всѣ подробности, весь ходъ дѣлъ и ихъ мотивировка, а равно значеніе, которое имъ придаетъ университетъ, извѣстны со всѣми оттѣнками [1]). Во всѣхъ указанныхъ собраніяхъ попечитель, занимая — почета ради — предсѣдательское мѣсто, но не предсѣдательствуя обязательно, долженъ имѣть право голоса наравнѣ съ прочими. По дѣламъ же, *которыя требуютъ утвержденія*, попечитель вмѣсто этого долженъ имѣть только право *пріостановить* исполненіе рѣшенія, въ какомъ случаѣ оно, съ мнѣніемъ большинства, или меньшинства, или попечителя, идетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе министра.

---

[1]) Только при такихъ условіяхъ возможны были такіе попечители, какъ графъ Строгановъ и Пироговъ, время службы коихъ составляло свѣтлую эпоху въ жизни университетовъ.

Затѣмъ, собственно начальнической власти надъ отдѣльными органами университета попечителю не нужно. Ни надъ ректоромъ, ни надъ инспекціею (которая, по нашему мнѣнію, должна дѣйствовать на основаніи инструкцій, даваемыхъ совѣтомъ, и должна быть подчинена ректору), такой власти попечителю предоставлять нѣтъ надобности. Еще менѣе, само собою разумѣется, можетъ быть рѣчь о подчиненіи попечителю правленія или совѣта. Онъ долженъ только имѣть право возбуждать дѣла и вопросы и давать въ этомъ смыслѣ предложенія, участвовать въ разсмотрѣніи дѣлъ, когда сочтетъ то нужнымъ, и въ указанномъ выше случаѣ *по нѣкоторымъ* дѣламъ долженъ имѣть право пріостанавливать исполненіе рѣшенія и переносить дѣло на разсмотрѣніе министра.

Власть попечителя является въ университетѣ силою, такъ сказать, внѣшнею, которою ему часто бываетъ полезно воспользоваться (и на нее опереться), точно также какъ нравственный авторитетъ университета является опорою, безъ которой никакой попечитель, понимающій свое положеніе, не можетъ обойтись.

Эта сила и авторитетъ должны всегда быть солидарны и постоянно взаимодѣйствовать другъ на друга, безъ чего успѣхъ ни для попечителя, ни для университета, т.-е. для каждаго порознь, немыслимъ. Необходимость солидарности попечителя и университета доказывается множествомъ примѣровъ изъ исторіи университетовъ, изъ которыхъ я могу привести нѣсколько, касающихся московскаго университета, дѣла коего я имѣлъ возможность изучить. Нашъ личный опытъ еще болѣе укрѣпилъ насъ въ убѣжденіи о необходимости такой солидарности.

Прежде всего я укажу на 1861 г., когда крупныя волненія разгорѣлись въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Эта эпоха извѣстна мнѣ, какъ студенту того времени, а затѣмъ по дѣламъ правленія и совѣта московскаго университета.

Волненія 1861 года начались, какъ извѣстно, въ Москвѣ по поводу изданія министерствомъ правилъ о матрикулахъ и вообще правилъ для студентовъ, которыя были встрѣчены враждебно молодежью и которымъ не сочувствовало большинство членовъ университетскихъ коллегій. Въ связи съ этимъ, волненія эти 1861 года въ Москвѣ распадались на два періода. Въ первомъ періодѣ преобладали личныя распоряженія управляющаго округомъ (попечитель отсутствовалъ) ректора, въ то время назначавшагося правительствомъ, и инспектора; университетская же коллегія относилась къ безпорядкамъ почти пассивно. Весь этотъ періодъ указываетъ на полное безсиліе дѣйствовавшихъ

властей и на безрезультатность дѣлаемыхъ ими распоряженій. Точно также неудачною оказалась попытка попечителя (по возвращеніи изъ отпуска) лично оказать воздѣйствіе на волнующуюся молодежь,—попытка, поставившая попечителя въ положеніе, которое чуть не стало критическимъ и изъ котораго его выручило вмѣшательство нѣсколькихъ профессоровъ. Послѣ этого наступилъ второй періодъ, во время коего дѣятельность университетской коллегіи, сплотившейся вокругъ попечителя, выступила на первый планъ. Картина быстро перемѣнилась, и очень скоро удалось не только совладать съ волненіемъ, но и возстановить порядокъ, продолжавшійся затѣмъ много лѣтъ и при дѣйствіи вновь изданнаго устава 1863 года: вліяніе и значеніе университетскихъ властей, ректора и инспектора, опираясь, съ одной стороны, на нравственный авторитетъ университетской коллегіи, а съ другой—на власть попечителя, настолько упрочились, что сохранили силу даже въ то время, когда мѣсто ректора занималъ С. И. Баршевъ, всѣмъ извѣстный, какъ личность самая ничтожная, и когда инспекторомъ сталъ не менѣе ничтожный И. И. Красовскій. Результаты эти были достигнуты, по глубокому моему убѣжденію, именно только благодаря вполнѣ солидарной и совмѣстной дѣятельности университетской коллегіи и попечителя, несмотря на то, что обстоятельства весьма усложнились крайне неудачнымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло генералъ-губернатора, и несмотря на то, что принципы, выдвинутые на первый планъ университетской коллегіей, далеко не совпадали съ вѣяніями, господствовавшими въ то время въ обществѣ.

Обратную картину, но точно также доказывающую необходимость единенія власти попечителя съ авторитетомъ университетской коллегіи, представили волненія 1880—1881 года. Въ этомъ случаѣ, университетъ, т.-е. совѣтъ, выборный ректоръ и проректоръ дѣйствовали, особенно въ первую половину безпорядковъ, совершенно независимо; ничто не стѣсняло и не ограничивало безусловной свободы ихъ дѣйствій. Сперва попечитель кн. Мещерскій устранился, потомъ оставилъ должность, такъ что нѣкоторое время попечителя вовсе не было. Я, будучи назначенъ попечителемъ, вступили въ должность въ самый разгаръ безпорядковъ, въ то время, когда они продолжались уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, причемъ застали полнѣйшій хаосъ: выборный ректоръ настолько потерялъ всякій авторитетъ, что чуть не прятался отъ студентовъ. Проректоръ продолжительное время уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей и затѣмъ

сложилъ съ себя должность. Совѣтъ долго, даже послѣ нашихъ настояній, не избиралъ новаго проректора. Такимъ образомъ, университетъ былъ фактически безъ ректора и безъ инспекціи, такъ какъ помощники проректора, оставаясь безъ руководства, не могли ничего дѣлать. Попечитель же вынужденъ былъ дѣйствовать при помощи проректора, котораго, наконецъ, выбрали, но которому не довѣряли ни университетъ, ни студенты, а менѣе всѣхъ —самъ попечитель.

При такихъ обстоятельствахъ о совмѣстной дѣятельности попечителя съ университетомъ не могло быть рѣчи,—дѣйствовать было не съ кѣмъ. Совѣтъ собирался, что-то обсуждалъ, но изъ этого ничего не выходило, а рядомъ съ этимъ шли частныя совѣщанія профессоровъ, которые осуждали другъ друга, проректора (ими же избраннаго уже во время безпорядковъ), ректора и, разумѣется, прежде всего попечителя; а я былъ homo novus и къ тому же явился изъ другого вѣдомства, со стороны. Легальной возможности войти въ непосредственную связь съ университетомъ и дѣйствовать совмѣстно попечитель не имѣлъ, тѣмъ болѣе, что уставъ 1863 года хотя и говорилъ о власти попечителя въ довольно широкихъ выраженіяхъ, но въ дѣйствительности не привлекалъ его къ участію въ университетскихъ дѣлахъ и ставилъ его, если онъ желалъ быть корректнымъ, въ положеніе почетной декораціи; если же онъ хотѣлъ что-либо дѣлать, то вынуждался основывать свою дѣятельность исключительно на личныхъ отношеніяхъ съ отдѣльными профессорами и съ университетскими властями; или, въ противномъ случаѣ—онъ былъ вынужденъ стать въ положеніе фискала министерства (чѣмъ собственно въ дѣйствительности нерѣдко бывали попечители). Между тѣмъ, въ результатѣ, при отсутствіи власти попечителя, солидарной съ совѣтомъ и прочими университетскими властями, эти послѣднія доказали полную несостоятельность разрозненной дѣятельности, а потому въ 1880 году безпорядки длились почти полгода и кончились увольненіемъ совѣтомъ нѣсколькихъ сотъ студентовъ безъ всякаго разбора и даже безъ опроса кого-либо. Затѣмъ, уже только благодаря веснѣ, экзаменамъ и каникуламъ, наступило спокойствіе. Едва ли когда-либо въ университетѣ былъ такой хаосъ и такая полнѣйшая дезорганизація власти, какъ въ академическій 1880—1881 годъ.

Мы, съ своей стороны, и видимъ въ этомъ доказательство полнаго безсилія университета, когда онъ хочетъ дѣйствовать, не опираясь на власть попечителя,—какъ и безсилія попечителя,

дѣйствующаго, не опираясь на высшій нравственный авторитетъ университета.

Всѣ позднѣйшія наши многолѣтнія наблюденія только укрѣпляли насъ въ этомъ убѣжденіи. Съ введеніемъ устава 1884 года, мы еще болѣе убѣдились въ томъ, что власть попечителя, поставленная внѣ университета, исключительно какъ начальство, безсильна, безрезультатна и безплодна, какъ бы власть эта ни была велика. Оба устава—и 1863 года, и 1884 года—въ этомъ отношеніи грѣшили, хотя послѣдній—неизмѣримо болѣе перваго. Уставъ 1863 года, опредѣливъ въ общихъ своихъ основахъ правильно функціи и права коллегіи, поставилъ попечителя въ совершенно ложное положеніе. До него доходила масса дѣлъ или, вѣрнѣе, бумагъ, въ сущности неизвѣстно зачѣмъ, такъ какъ по большей части онъ не зналъ и не могъ знать хода дѣлъ, обстоятельствъ, при которыхъ они возникали; иногда только кто-нибудь изъ любезности, а иногда и съ цѣлью заискиванія, сообщалъ ему о томъ, что̀ происходило въ университетскихъ учрежденіяхъ. За порядокъ въ университетѣ, de jure, онъ въ сущности долженъ былъ отвѣтствовать, но никакихъ о̀рГановъ для дѣйствія не имѣлъ и въ обсужденіи вопросовъ, касающихся порядка, не участвовалъ. Дѣла совѣта и правленія были отъ него скрыты [1]). Онъ получалъ бумагу о рѣшеніи дѣла, требовавшаго нерѣдко его утвержденія, но ни о мнѣніяхъ, высказанныхъ въ правленіи или совѣтѣ, а слѣдовательно и о мотивахъ, онъ по большей части освѣдомленъ не былъ, если ему не сообщали объ этомъ *изъ любезности*. Положеніе было таково, что попечитель долженъ былъ или воевать съ университетомъ, или совершенно бездѣйствовать, а въ случаѣ дѣятельности—основывать ее на любезныхъ личныхъ отношеніяхъ, и только этимъ путемъ и въ зависимости отъ этихъ отношеній и разныхъ случайностей онъ имѣлъ возможность дѣлать то, что̀ составляло его долгъ. Положеніе было, очевидно, ненормальное, и при волненіяхъ это особенно ярко давало себя чувствовать.

Уставъ 1884 года ухудшилъ положеніе, создавъ обратный, еще болѣе неудачный порядокъ. Онъ перенесъ центръ тяжести дѣйствія изъ университета на попечителя, ректора и правленіе, совершенно оторванныхъ при томъ отъ коллегіи, т.-е. создалъ обратный, совершенно безобразный порядокъ, при которомъ коллегія, — на нравственную отвѣтственность которой правительство

[1]) При моемъ предмѣстникѣ была цѣлая переписка по поводу отказа ректора прислать попечителю дѣло правленія, съ которымъ онъ хотѣлъ ознакомиться.

не переставало настойчиво указывать,—была, de jure, совершенно устранена отъ университетскихъ дѣлъ и допускалась къ нимъ изъ милости или любезности, въ томъ случаѣ, если это заблагоразсудится начальству. Очевидно, этому послѣднему порядку долженъ быть положенъ конецъ, но едва ли желательно возвращаться къ уставу 1863 года безъ измѣненій.

Мы на дѣлѣ испытали положеніе попечителя при дѣйствіи обоихъ уставовъ и находимъ, что при уставѣ 1863 года положеніе дѣлъ было несравненно лучше, несмотря на всѣ признанныя нами выше ненормальности. Что касается до устава 1884 года, то онъ создалъ положеніе совершенно невозможное. Власть попечителя, казавшаяся чуть ли не безграничною, въ сущности была безсильна. Она, не опираясь на нравственный авторитетъ университета, сама этого авторитета имѣть не могла и только подрывала авторитетъ другихъ властей. Въ сущности, одна грубая сила или насиліе, которыми ни въ какомъ учебномъ заведеніи править не слѣдуетъ,—составляли все, чѣмъ могъ располагать попечитель. Помимо этого, попечитель могъ разсчитывать только на случайную готовность отдѣльныхъ лицъ помочь и содѣйствовать ему, а потому, въ особенности во время студенческихъ волненій, находился въ безъисходномъ и безпомощномъ положеніи, доходящемъ до трагизма.

И при дѣйствіи устава 1884 года я лично испыталъ, насколько драгоцѣненъ и необходимъ нравственный авторитетъ коллегіи, если по счастливому, можно сказать, случайному стеченію обстоятельствъ представлялась возможность опереться на него. Сошлемся въ подтвержденіе этого на характерный случай изъ нашей практики, касавшійся вопроса объ открытіи университета послѣ временнаго закрытія его по поводу безпорядковъ. Вслѣдствіе крайне бурныхъ безпорядковъ, сдѣлавшихъ абсолютно невозможнымъ продолженіе какихъ-либо учебныхъ занятій, по моей иниціативѣ было рѣшено закрыть университетъ незадолго до рождественскихъ вакацій. Къ концу этихъ вакацій естественно возникъ вопросъ, какъ быть дальше, а именно вопросъ о возможности открыть университетъ, такъ какъ всѣ признаки (прокламаціи, подмётныя письма, безпрестанныя тайныя сходки, о которыхъ получались свѣдѣнія) указывали на то, что броженіе продолжается, и что сильная агитація поддерживаетъ его. Я вполнѣ ясно сознавалъ, что если университетъ будетъ открытъ собственно моею властью или распоряженіемъ министра, то волненія возобновятся, такъ какъ между студентами господствовала увѣренность, что большинство профессоровъ, будто бы, на ихъ

сторонѣ. Въ виду того я считалъ необходимымъ связать мои дѣйствія съ совѣтомъ и, открывъ университетъ съ его согласія и его санкціи, показать студентамъ, что университетская коллегія желаетъ и настаиваетъ на возобновленіи занятій, возможныхъ, разумѣется, только при возстановленіи порядка. Поэтому я рѣшился созвать совѣтъ и, пользуясь параграфомъ устава, гдѣ говорится, что совѣтъ разсматриваетъ вопросы, предлагаемые попечителемъ, поставилъ на рѣшеніе совѣта вопросъ о томъ, находитъ ли онъ возможнымъ при данныхъ обстоятельствахъ открыть университѐтъ и полагаетъ ли возможнымъ разсчитывать на возстановленіе порядка. Министру я донесъ о созывѣ совѣта, когда предложеніе уже было дано ректору, на что̀ я не испрашивалъ (да это и не было нужно) разрѣшенія министра, и получилъ въ отвѣтъ бумагу, не одобряющую созывъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я получилъ двѣ другія бумаги: первое собственноручное, *довѣрительное* письмо графа Делянова, выражающаго мнѣ порицаніе за то, что я обратился къ совѣту, а не сдѣлалъ распоряженія отъ себя или не обратился за разрѣшеніемъ къ министру. При этомъ графъ Деляновъ категорически требовалъ, чтобы совѣту былъ предложенъ вопросъ только объ открытіи университета, и чтобы не были допущены не только какія-нибудь его постановленія, но даже и пренія объ общемъ положеніи университета и объ измѣненіи существующихъ порядковъ, такъ какъ подобные вопросы выходятъ изъ компетенціи совѣта (что̀, надо сказать, вполнѣ согласно съ уставомъ 1884 года). Сверхъ того, я получилъ оффиціальное, но строго конфиденціальное письмо, въ которомъ министръ сообщалъ мнѣ, что въ случаѣ если совѣтъ не выскажется за открытіе университета, то по отношенію лично къ профессорамъ и ко всему университету будутъ приняты суровыя репрессивныя мѣры.

Положеніе мое, по полученіи этихъ писемъ, было критическое. Совѣтъ былъ уже созванъ; я зналъ, что на предварительныхъ факультетскихъ засѣданіяхъ были сдѣланы предложенія въ томъ смыслѣ, чтобы признать возможнымъ открытіе университета только въ томъ случаѣ, если совѣту будетъ предоставлено обсудить вопросъ объ измѣненіи устава и о реорганизаціи университета. Я зналъ также, что филологическій факультетъ единогласно принялъ подобную резолюцію (по редакціи, впрочемъ, умѣренную), и, естественно, могъ опасаться, что совѣтъ не выскажется за открытіе, если не допустить обсужденія общихъ вопросовъ, а допустить ихъ я не могъ, такъ какъ министръ въ этомъ отношеніи предъявлялъ категорическое требованіе, основанное на

законѣ. Между тѣмъ, въ случаѣ неоткрытія университета, совѣту грозилъ чуть ли не полный разгромъ и настоящая катастрофа, которая поставила бы на карту самое существованіе университета. Предупредить профессоровъ о полученномъ мною конфиденціальномъ сообщеніи и, слѣдовательно, пригрозить имъ тяжкими матеріальными послѣдствіями въ случаѣ ихъ несогласія со мною, я считалъ невозможнымъ какъ для себя лично, такъ и для достоинства профессоровъ. Отмѣнить совѣтъ—значило бы, не безъ основанія, поставить на дыбы профессоровъ и во многихъ изъ нихъ, быть можетъ, даже возбудить сочувствіе къ волненіямъ. Слѣдовательно, оставалось одно: дать совѣту состояться, не сообщать никому о полученныхъ мною конфиденціально свѣдѣніяхъ, не допускать преній, выходящихъ изъ предѣловъ вопроса объ открытіи университета, и добиться постановленія совѣта, которое высказалось бы за открытіе и выразило увѣренность, что студенты поймутъ, что это открытіе обусловливается сохраненіемъ порядка, котораго и требуетъ отъ нихъ профессорская коллегія. Въ этомъ смыслѣ я отвѣтилъ гр. Делянову, высказавъ, что рѣшительно не нахожу возможнымъ воспользоваться его конфиденціальнымъ письмомъ для давленія на профессоровъ, а потому сохраню безусловное молчаніе и тайну относительно этого письма, и только если получу оффиціальное и категорическое приказаніе объявить о немъ—подчинюсь этому и сдѣлаю это гласно и открыто. Отвѣтственности же за послѣдствія такого объявленія я на себя не приму. Предложенія объявить письмо и вообще отвѣта я вовсе не получилъ, но когда позднѣе заговорилъ съ гр. Деляновымъ по этому предмету, въ бытность мою въ Петербургѣ, онъ только сказалъ, что, пожалуй, я поступилъ благоразумно. О письмѣ я никому не говорилъ, и только много позднѣе, когда оно потеряло всякое значеніе, я передалъ ректору о его содержаніи. Совѣтъ собрался и былъ очень бурный. Филологическій факультетъ, какъ одинъ человѣкъ, настаивалъ на своемъ предложеніи о постановкѣ вопроса объ общемъ положеніи университета. Многіе примыкали къ нему. Я же употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить совѣтъ отклонить подобное предложеніе. Совѣтъ съ восьми часовъ вечера длился до поздней ночи. Когда стало замѣтно, что большинство поколебалось и стало склоняться на мою сторону, одинъ изъ профессоровъ сдѣлалъ предложеніе прервать засѣданіе и затѣмъ уже баллотировать поставленный мною вопросъ, а равно предложеніе историко-филологическаго факультета закрытой баллотировкою. Я заявилъ, что если члены совѣта считаютъ возможнымъ приступить къ баллотировкѣ,

признавая вопросъ выясненнымъ, то перерывъ не нуженъ, а частные переговоры и уговоры излишни, такъ какъ всѣ могли высказаться открыто въ самомъ засѣданіи; и что закрытой баллотировки я допустить не могу, такъ какъ предлагаемые вопросы требуютъ мотивированнаго отвѣта, причемъ мотивы не менѣе важны, чѣмъ самое рѣшеніе, закрытая же баллотировка исключаетъ возможность мотивировки. Въ концѣ-концовъ, вопросъ объ открытіи университета былъ рѣшенъ довольно значительнымъ большинствомъ, при чемъ совѣтъ призывалъ студентовъ къ порядку. Затѣмъ, постановленіе совѣта было вывѣшено во всѣхъ помѣщеніяхъ университета, и университетъ былъ открытъ, причемъ порядокъ нарушенъ не былъ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ такъ подробно потому, что считаемъ его весьма характернымъ и доказывающимъ, какъ важно было, даже при дѣйствіи устава 1884 года, опереться на авторитетъ совѣта, хотя по закону онъ былъ лишенъ всякихъ правъ и значенія.

Что касается до инспекціи, то хотя мы не думаемъ, чтобы она, при какомъ бы то ни было устройствѣ, могла имѣть въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нравственно-воспитательное значеніе, но въ то же время мы полагаемъ, что совершенное ея упраздненіе въ настоящее время едва ли было бы благоразумно. Ректоръ, профессора, правленіе и совѣтъ—сами не могутъ имѣть возможности наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что̀ происходитъ иногда на довольно обширной территоріи университета, между тѣмъ необходимо, чтобы они всегда были освѣдомлены обо всемъ, для чего имъ необходимы особые органы, какими и должны являться чины инспекціи, которые, такимъ образомъ, представляютъ собою, такъ сказать, наружную полицію университета и могутъ нести обязанности наблюдательныя и исполнительныя, но никакъ не самостоятельно распорядительныя.

Дѣятельность инспекціи должна, намъ кажется, ограничиваться территоріей университета или учебнаго заведенія. Внѣ же заведенія учащіеся должны подлежать вѣдѣнію общей полиціи и безусловно на общемъ основаніи. При этомъ желательно, чтобы не дѣлалось никакого различія между учащимися и прочими обывателями, что̀ къ общему вреду, въ настоящее время, бываетъ часто не такъ, ибо нерѣдко полиція и администрація, въ обыкновенное, спокойное время, весьма часто склонны смотрѣть сквозь пальцы на поведеніе учащихся, допуская дѣйствія, которыя не дозволяются другимъ, и не привлекаютъ учащихся къ отвѣтственности наравнѣ съ другими обывателями. При малѣйшемъ же волненіи и наступленіи сколько-нибудь тревожнаго времени происходитъ

обратное: за малѣйшее нарушеніе, вмѣсто привлеченія къ отвѣтственности, противъ учащихся принимаются экстренныя и часто огульныя мѣры, которыя затѣмъ тяжело отзываются на нихъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, образъ дѣйствій администраціи нельзя признавать правильнымъ. Во-первыхъ, отъ этого нерѣдко серьезно страдаетъ общій порядокъ и благочиніе въ городѣ, а во-вторыхъ, нарушается справедливость, причемъ какъ молодежь, такъ и общество, привыкаютъ смотрѣть на учащихся какъ на какой-то классъ людей, къ которымъ непримѣнимы общіе законы и права̀,—а этимъ колеблется и расшатывается чувство законности и уваженія къ порядку и праву, чувство и безъ того слабо развитое въ средѣ какъ администраціи, такъ и общества, и въ особенности—нашей учащейся молодежи. Что касается до экстренныхъ мѣръ, принимаемыхъ относительно молодежи при малѣйшихъ признакахъ волненія, то и эти мѣры, ставя студентовъ въ исключительное положеніе, несправедливы и вредны, какъ мы то подробно объяснили выше. Внѣ учебнаго заведенія учащійся ничѣмъ не долженъ отличаться отъ всякаго иного обывателя, за исключеніемъ указанныхъ закономъ случаевъ, когда учащійся подлежитъ дисциплинарному суду учебнаго заведенія, въ то время какъ другія лица подлежатъ общему суду. Но нужно строго соблюдать правило: что̀ дозволено всѣмъ,—дозволено и учащимся; что̀ запрещено всѣмъ, то точно также запрещено и учащейся молодежи. Различіе можетъ быть только въ томъ, кому на кого *по закону* надлежитъ налагать взысканіе.

Но, сохраняя инспекцію, нужно измѣнить положеніе, въ которое она нынѣ поставлена вообще, и въ университетахъ нужно, чтобы, по отношенію къ порядку назначенія, инспекторъ избирался совѣтомъ и утверждался министромъ, а помощники инспектора избирались совѣтомъ и утверждались попечителемъ,—чѣмъ законъ подчеркнулъ бы то, что всѣ чины инспекціи суть о̀рганы университета и подчинены ему. Необходимо упразднить существующую нынѣ двойственность подчиненія инспекціи, и надлежитъ подчинить ее исключительно университету, т.-е. подчинить ея дѣйствія ректору, а совѣту предоставить издавать для инспекціи инструкціи и вообще давать ей обязательныя указанія и тѣмъ регулировать ея дѣятельность и тѣсно связать ее съ университетомъ, черезъ что̀ несомнѣнно авторитетъ инспекціи возвысится и укрѣпится.

Этими сравнительно краткими и общими замѣчаніями мы закончимъ наши сужденія объ организаціи управленія универси-

тетами и перейдемъ къ болѣе подробному обсужденію затронутаго нами вопроса объ организаціи студенчества.

Мы уже высказали, что отдаемъ рѣшительное предпочтеніе организаціи отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою кружковъ или обществъ студентовъ передъ такъ-называемой общестуденческой организаціею, и такое наше мнѣніе мы подкрѣпили ссылкою на имѣющійся уже опытъ нашихъ университетовъ. Но въ нашемъ убѣжденіи насъ еще укрѣпляетъ то соображеніе, что мы нигдѣ не находимъ, а потому и не можемъ себѣ представить той формы, въ которую могла бы цѣлесообразно и правильно вылиться общестуденческая организація, охватывающая весь составъ студенчества и обязывающая всякаго, кто желаетъ получить высшее образованіе—въ силу одного этого желанія—стать безъ всякаго разбора товарищемъ и участникомъ организаціи, состоящей изъ всѣхъ, кто бы ни возъимѣлъ одновременно съ нимъ подобное же желаніе.

Такія общестуденческія организаціи, основанныя не на дѣйствительномъ сближеніи людей, а на отвлеченномъ только представленіи о фиктивной солидарности, не создавая никакой реальной связи между участниками организаціи, не имѣютъ почвы подъ собою и не могутъ упрочиться. Это доказываетъ опытъ нашихъ университетовъ,—на чтò мы уже указывали,—а равно подтверждаетъ то же и опытъ другихъ странъ.

Мысль соединить въ общую организацію студенчество цѣлаго университета или даже всѣхъ университетовъ не разъ возникала въ Германіи. Но въ этой колыбели всякихъ студенческихъ корпорацій и ассоціацій, гдѣ склонность и умѣнье образовывать кружки, общества и т. п. вошла въ плоть и кровь всего народа, подобныя попытки не удавались и не удаются.

Первоначально мысль объ общей организаціи студенчества въ Германіи возникла въ началѣ XIX-го столѣтія въ формѣ „Burschenschaft“, союза всѣхъ буршей, т.-е. настоящихъ, полноправныхъ студентовъ. Мысль эта явилась вскорѣ послѣ войны за освобожденіе, и союзъ являлся представителемъ идеи культурнаго и государственнаго единства Германіи; такимъ образомъ, имѣя въ своей основѣ идею весьма популярную и воодушевлявшую въ то время большинство германскаго народа, онъ имѣлъ, казалось, всѣ шансы на успѣхъ. Но хотя появились „буршеншафты“, принявшіе наименованіе общегерманскихъ, „Allgemeine deutsche Burschenschaft“, но они никогда не были въ состояніи соединить въ общую

организацію не только всю учащуюся молодежь Германіи, но даже все студенчество какого-либо университета. Постепенно они переродились въ обыкновенныя корпораціи старыхъ типовъ. Въ самое послѣднее время мысль объ устройствѣ общестуденческой организаціи возникла въ Лейпцигѣ въ 1896 г. подъ наименованіемъ „Finkenschaftbewegung“, имѣющей цѣлью образовать свободный союзъ германскаго студенчества. „Финкеншафты“ имѣли цѣлью сплотить и дать общую организацію всѣмъ такъ-называемымъ „дикимъ“ студентамъ (Wilde), т.-е. всѣмъ студентамъ, не принадлежащимъ къ старымъ, давно существующимъ корпораціямъ (Corps), союзамъ (Verbindungen), землячествамъ (Landsmanschaft) и т. п. [1]).

Но и „финкеншафтамъ“ достиженіе цѣли удалось, пожалуй, меньше, чѣмъ „буршеншафтамъ“. Они не оказались въ состояніи соединить массу „дикихъ“, и въ концѣ-концовъ оказались немного видоизмѣненнымъ, но по существу однороднымъ видомъ прежнихъ корпорацій. Можно сказать, что возникновеніе „финкеншафтовъ“ не вышло за предѣлы слабой попытки. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и лучшихъ знатоковъ университетскаго и въ особенности студенческаго быта въ Германіи, профессоръ Циглеръ,— авторъ весьма поучительной книги: „Der deutsche Student“, выдержавшей уже восемь изданій, на котораго мы только-что ссылались, видитъ причину столь слабаго успѣха „финкеншафтовъ“ въ самомъ ихъ существѣ, которое, задаваясь слишкомъ широкой задачей, не въ состояніи ассимилировать и прочно связать массу студенчества, а потому остается утопіей, хотя и возбуждаетъ во многихъ сочувствіе и симпатію.

Такимъ образомъ, и въ самой Германіи мысль о созданіи общестуденческой организаціи, содержа въ самой своей основѣ зародышъ неустойчивости и разложенія, оказалась неосуществимою, а организаціи, основанныя на этой идеѣ, нежизнеспособными.

Независимо отъ этого, „финкенштафты“ скоро стали въ противорѣчіе съ общими высшими задачами самихъ университетовъ, и мы уже имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ университетахъ Германіи разрѣшенныя подобныя общества (Finkenschaften) были закрыты самими университетами въ 1900, 1901 и 1902 годахъ.

Вотъ мотивы, по коимъ мы рѣшительно возстаемъ противъ всякихъ попытокъ общестуденческихъ организацій, тѣмъ болѣе, что опытъ уже достаточно доказалъ, что подобныя попытки, въ

---

[1]) „Der deutsche Student, von Theobald Ziegler“. 8-te Auflage, 1902 г., стр. 251, 252.

концѣ-концовъ, находятъ себѣ выраженіе только въ безпорядочныхъ сходкахъ и сходбищахъ, которыя поощряютъ и развиваютъ тенденцію одной части студенчества господствовать надъ другою, застращивать и тиранизировать, будто бы, во имя общаго блага,— въ дѣйствительности же почти всегда во имя собственныхъ партійныхъ интересовъ.

По глубокому нашему убѣжденію, студенчество должно и можетъ быть правильно организовано только путемъ разрѣшенія устроивать отдѣльные кружки и союзы, въ которые студентъ поступаетъ по свободному выбору и желанію, причемъ этимъ отдѣльнымъ и независимымъ другъ отъ друга ассоціаціямъ должна быть дана возможность сближаться между собою и вырабатывать форму совмѣстной жизни и дѣятельности.

Условіями существованія такихъ ассоціацій мы поставили бы слѣдующее.

Онѣ должны быть вполнѣ университетскія и должны быть подвѣдомственны университету, но не въ смыслѣ возложенія на университеты полицейскаго надзора за ассоціаціями, такъ какъ такая обязанность университетами выполнена быть не можетъ и не соотвѣтствуетъ ихъ задачамъ по общему характеру,—а въ томъ смыслѣ, что условія образованія ассоціаціи студентовъ должны быть установлены самимъ университетомъ, который, въ случаѣ нарушенія этихъ условій, имѣетъ право прекратить существованіе ассоціаціи. Такимъ образомъ, все—цѣль общества, его организація, порядокъ, контроль, отчетность и вообще всѣ условія его существованія—опредѣляются уставомъ или правилами, проектированными студентами, но утвержденными университетомъ, т.-е. его совѣтомъ, который затѣмъ имѣетъ право провѣрять и ревизовать дѣятельность и всѣ документы общества, черезъ особо назначенныхъ имъ для сего лицъ.

Желая самаго широкаго о свободнаго развитія студенческихъ ассоціацій и кружковъ и отдавая имъ рѣшительное преимущество передъ общею университетскою организаціею студенчества (въ составъ коей всякій студентъ обязательно входитъ помимо своего выбора и желанія, въ силу одного факта своего поступленія въ университетъ), сверхъ доводовъ, которые приведены нами выше, мы считаемъ долгомъ указать, что подобная общеуниверситетская—*обязательная для всѣхъ*—организація нежелательна, главнымъ образомъ, уже по одному тому, что она въ самомъ корнѣ нарушаетъ тотъ принципъ индивидуальной свободы и независимости, который долженъ составлять неотъемлемое право всѣхъ лицъ и учрежденій, входящихъ въ составъ университета; этимъ принци-

помъ должна быть проникнута сверху до низу академическая жизнь, такъ какъ свобода преподаванія и ученья являются лишь развитіемъ и послѣдствіемъ этого принципа. А такъ какъ обязательная общеуниверситетская организація студентовъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе этого основного принципа, то она, уже по этому самому, принципіально недопустима, тѣмъ болѣе, что на практикѣ такая организація, отдавая всякую отдѣльную личность въ распоряженіе всей массы студентовъ (вѣдь всякая организація неизбѣжно предполагаетъ подчиненіе ей всѣхъ, кто въ нее входитъ), породитъ лишь гнетъ и часто невыносимую нравственную тиранію большинства данной минуты надъ меньшинствомъ и надъ каждымъ отдѣльнымъ студентомъ. Подобное явленіе замѣчается и нынѣ между сторонниками общихъ сходокъ, желающихъ подчинить себѣ всѣхъ прочихъ студентовъ и получить возможность сломить каждаго, кто съ ними не согласенъ.

Желательно даже, чтобы общества были возможно разнообразны, дабы они могли соотвѣтствовать и удовлетворять всѣ нужды студенчества. Соотвѣтственно тому и цѣли организаціи обществъ могутъ быть весьма различны и далеко не тождественны въ разныхъ университетахъ. Выработку нормальныхъ уставовъ студенческихъ обществъ или иныхъ шаблоновъ мы считали бы безусловно вредною; это лишило бы общества всякой жизненности и сразу убило бы ихъ.

Соблюденіе устава должно лежать на отвѣтственности тѣхъ органовъ управленія, которые будутъ установлены для даннаго общества.

Участіе профессоровъ въ обществахъ можетъ быть желательно, но мы не считаемъ его необходимымъ, за исключеніемъ обществъ, преслѣдующихъ чисто научныя цѣли,—въ этомъ случаѣ руководство профессоровъ является необходимымъ по самому существу общества.

Мы не опасаемся предоставить, такимъ образомъ, студенческія общества самимъ себѣ. Еслибы и встрѣтились ничтожныя нарушенія, то уже по одному тому и значенія они имѣть не могутъ; никакое же важное нарушеніе не останется необнаруженнымъ. Лучшею гарантіею служитъ то, что студенты поступаютъ въ общества по свободному желанію, зная цѣли организаціи общества, а такіе добровольные сторонники его порядковъ и устава менѣе кого-либо другого допустятъ или потерпятъ несоблюденія правилъ и порядковъ, на которые они согласились и которые они будутъ считать своими. Опыты, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, обществъ, существующихъ на осно-

ванія согласія своихъ членовъ, всегда это доказывали. Въ Германіи, и въ прежнее время у насъ въ Дерптѣ, такое явленіе всегда наблюдалось. Да и мы лично наблюдали то же самое и въ качествѣ студента, и въ качествѣ попечителя округа,—въ землячествахъ, въ томъ видѣ, какъ они существовали первоначально (не менѣе, однако, 20—25 лѣтъ послѣ ихъ возникновенія), до тѣхъ поръ, пока характеръ ихъ не измѣнился подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и преслѣдованій,—о чемъ мы уже подробно говорили выше.

Мы убѣждены, что въ этомъ отношеніи свобода и довѣріе представляютъ гораздо бо́льшую и болѣе вѣрную гарантію, чѣмъ опека или самое тщательное наблюденіе свыше, и *только* такія самостоятельныя общества, по нашему глубокому убѣжденію, могутъ принести дѣйствительную пользу, повліять на улучшеніе нравовъ студентовъ и не только пріучить, но и привязать ихъ къ порядку, отъ котораго будетъ зависѣть самое существованіе обществъ. Только при такихъ условіяхъ студенты будутъ дорожить своими обществами и кружками и чувствовать солидарность съ университетомъ. Такія общества одни могутъ служить средствомъ самовоспитанія студентовъ и достичь въ этомъ отношеніи воспитательныхъ цѣлей, которыхъ никогда не достигнетъ никакая инспекція, и не одна инспекція, а даже и обязательный надзоръ. Всѣ знакомые съ бытомъ университетовъ и съ естественными свойствами юношества признаютъ, мы увѣрены, что принципы, которые мы только-что высказали, соотвѣтствуютъ природѣ вещей; они—in natura rerum, а потому и представляютъ болѣе гарантій успѣха и порядка, чѣмъ всякія искусственныя ограниченія и мѣры внѣшняго надзора, какъ бы остроумно ни старались ихъ придумать и устроить.

Мы увѣрены, что еслибы у насъ не существовало такой погони за неосуществимымъ надзоромъ и опекой, то давно бы и у насъ выработалась кружковая организація студенчества, обезпечивающая уваженіе къ университету, а тѣмъ самымъ и истинный, а не только полицейско-внѣшній порядокъ.

Во всякомъ случаѣ, по пути опеки, стѣсненія и репрессіи идти некуда, мы давно миновали геркулесовы столбы, и продолжать этотъ злополучный путь, причинившій уже столько бѣдъ и несчастій учебнымъ заведеніямъ, множеству отдѣльныхъ лицъ, обществу и государству, совершенно невозможно; измѣнить политику и пойти по иной дорогѣ необходимо,—это сознаютъ всѣ, и друзья, и враги просвѣщенія,—и другого пути, кромѣ свободы и довѣрія, намъ кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчали

разумнаго указанія на иную дорогу во всемъ томъ, что теперь нѣсколько лѣтъ сряду говорилось, писалось и обсуждалось въ литературѣ, въ обществѣ и во всевозможныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, коммиссіяхъ и т. п.

Чтобы вступить на указываемый нами путь, нужна и нѣкоторая рѣшимость, даже смѣлость, но безъ того и другого ничего ни сдѣлать, ни достичь невозможно, а потому нужно вооружиться этими качествами и испытать средства, къ которымъ еще не прибѣгали, но которыя одни могутъ обѣщать успѣхъ. Притомъ, кромѣ рѣшимости и смѣлости, нужно вооружиться и терпѣніемъ, такъ какъ ни отъ какихъ мѣръ нельзя ожидать моментальныхъ результатовъ, и нельзя надѣяться исправить и укрѣпить въ короткое время то, что портилось въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, по отношенію къ авторитету и самодѣятельности учебныхъ заведеній и по отношенію къ высшему внутреннему, можно сказать, идейному порядку въ нихъ, причемъ самое представленіе о *такомъ порядкѣ* извратилось и почти исчезло, столько же въ самихъ заведеніяхъ, сколько—да пожалуй и больше—въ административныхъ сферахъ.

Заканчивая разсмотрѣніе вопросовъ о реорганизаціи и управленіи университетами и объ организаціи студенчества, мы считаемъ не лишнимъ резюмировать въ краткихъ словахъ сказанное нами. Оно сводится къ слѣдующимъ пожеланіямъ.

Во-первыхъ, необходима переработка уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній на основаніи принципа самоуправленія, т.-е. управленія учебными заведеніями черезъ нихъ самихъ, съ предоставленіемъ составу этихъ заведеній возможно большей самостоятельности.

Во-вторыхъ, рядомъ съ такою реорганизаціею самихъ высшихъ заведеній—и въ особенности университетовъ—мы желали бы, чтобы и учащемуся юношеству была дана возможность правильно и возможно свободно организоваться, избѣгая при этомъ давленія въ пользу какихъ-либо заранѣе опредѣленныхъ формъ этой организаціи. Этимъ путемъ мы надѣемся не вдругъ, но вѣрно, хотя и медленно, развить въ молодежи стремленіе къ самовоспитанію, посѣять въ ея средѣ зачатки самодѣятельности и всесторонняго самоусовершенствованія во всѣхъ направленіяхъ: умственномъ, нравственномъ и общественномъ.

Но, считая необходимымъ полную реорганизацію въ этихъ двухъ областяхъ, мы высказываемъ убѣжденіе, что никакія ре-

формы не достигнутъ цѣли, если не измѣнится политика по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, т.-е. пока не измѣнится взглядъ на нихъ и отношеніе къ нимъ—общества, правительства и всѣхъ властей. Причемъ, прежде всего, необходимо, чтобы установился правильный взглядъ на то, въ чемъ заключается суть порядка во всякомъ учебномъ заведеніи, на чемъ онъ долженъ быть основанъ и въ чемъ долженъ заключаться.

Прежде всего необходимо, чтобы всѣ, кто только приходитъ въ соприкосновеніе съ учебными заведеніями, прониклись мыслью, что въ учебномъ заведеніи недостаточно установить одинъ внѣшній порядокъ, и что поддерживать даже этотъ порядокъ путемъ однѣхъ полицейскихъ и репрессивныхъ мѣръ, или вообще при помощи внѣшней регламентаціи, совершенно невозможно, такъ какъ то, что̀ составляетъ истинный порядокъ, вытекаетъ изъ авторитета и опирается на внутренній, преимущественно нравственный авторитетъ самого учебнаго заведенія, которое въ свою очередь можетъ пріобрѣсть эти качества—*только* если ему предоставлена широкая самодѣятельность и самостоятельность, безъ вмѣшательства съ чьей бы то ни было стороны въ его внутреннюю жизнь и распорядки.

Неправильныя воззрѣнія въ этомъ отношеніи и проистекающая изъ того ложная политика, относительно просвѣщенія вообще и учебныхъ заведеній въ частности, давно ложатся тяжелымъ гнетомъ и служатъ тормазомъ для развитія просвѣщенія нашего отечества. Это, кажется, теперь уже сознается всѣми; а потому пора покончить съ этимъ положеніемъ и хотя бы попытаться стать на иной, болѣе свободный и чистый путь, безъ чего разсчитывать на успѣхъ и упорядоченіе нашего высшаго образованія совершенно невозможно.

До сихъ поръ мы не касались одной особенно важной стороны жизни университетовъ, а именно ихъ учебнаго строя. Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этого вопроса, мы считаемъ долгомъ оговориться, что сколько-нибудь основательное рѣшеніе этого труднѣйшаго и сложнѣйшаго вопроса доступно только совокупности университетскихъ коллегій, для отдѣльнаго же лица это—задача непосильная, и себя лично мы считаемъ некомпетентными и неподготовленными рѣшать эту задачу. А потому, не входя ни въ какія подробности, мы скажемъ только нѣсколько словъ о двухъ основныхъ принципахъ, которые должны, по нашему личному убѣжденію, служить краеугольнымъ камнемъ всей

учебной организаціи университетовъ и безъ которыхъ истинный прогрессъ науки и просвѣщенія немыслимъ. А именно, мы коснемся принциповъ свободы преподаванія и свободы ученья (Lehr- und Lehrnfreiheit).

Первый принципъ (свобода преподаванія) вытекаетъ изъ самаго существа и изъ самаго понятія объ университетѣ. Университетъ, какъ мы уже говорили выше, есть не только учебное заведеніе, но вмѣстѣ и разсадникъ науки, центръ научной жизни; онъ не только учитъ, *онъ обязанъ* разработывать и *двигать науку*; при томъ, эти двѣ функціи, безъ которыхъ университетъ перестаетъ быть университетомъ, сливаются въ одинъ нераздѣльный моментъ. Профессоръ обязанъ работать надъ наукой и въ то же время долженъ *учить*, причемъ обязанъ дѣлиться со своими слушателями своими знаніями безъ остатка. Эти двѣ обязанности нерасторжимы, и неисполненіе которой-либо изъ нихъ противно самому существу и понятію объ университетскомъ преподаваніи. Въ виду того для университетскаго преподаванія требуются всѣ тѣ же условія, которыя необходимы для разработки науки и для всякой научной работы.

Между тѣмъ, возможно ли научно работать, если работающій не свободенъ и не полный и не безусловно свободный хозяинъ своихъ дѣйствій? Отвѣтъ, очевидно, можетъ быть только одинъ: разумѣется, нѣтъ. Разработка науки требуетъ неограниченной свободы изысканія; эта свобода есть воздухъ, безъ котораго научная работа заглохнетъ и задохнется, а творчество, столь существенное для научнаго движенія, изсякнетъ. А разъ полная свобода необходима для всякаго научнаго труда, то она необходима и для университетскаго преподаванія, такъ какъ то и другое, какъ мы уже указывали выше, неразрывно связано одно съ другимъ до такой степени, что оба понятія *должны* сливаться въ одно тождественное представленіе.

Правда, при безусловной свободѣ и въ научной работѣ, и въ преподаваніи могутъ встрѣтиться—и, болѣе чѣмъ вѣроятно, встрѣтятся ошибки и заблужденія; но вѣдь наука есть исканіе истины,—а возможно ли найти истину, не впадая въ ошибки и не преодолѣвъ ихъ? Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ [1]). Слѣдовательно, оградить не только университетскую науку, но и университетское преподаваніе отъ всякихъ ошибокъ и заблужденій совершенно невозможно,—нѣтъ ни кон-

[1]) Не можемъ не сослаться на мудрое изреченіе Гёте: „Suchen und Irren ist gut, denn durch Suchen und Irren lernt man und zwar nicht nur die Sache selbst, sondern den ganzen Umfang“.

троля, ни вообще мѣръ, которыя могли бы обезпечить противъ этого; а потому стремленіе достичь этой недостижимой цѣли представляется на дѣлѣ безполезною и часто вредною погонею за химерою, разслабляетъ внутреннюю дѣятельность университетовъ, *на дѣлѣ* никому, ни обществу, ни государству, пользы не приноситъ, вредъ же можетъ принести безконечный всѣмъ и всему, и, разумѣется, прежде всего наукѣ и просвѣщенію.

Германскіе университеты представляютъ собою блестящій примѣръ благотворнаго дѣйствія примѣненія къ нимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципа свободы преподаванія. Нѣмцы считаютъ этотъ принципъ самою драгоцѣнною жемчужиною германской культуры и сознаютъ, что, главнымъ образомъ, благодаря этому принципу германскіе университеты и науки пріобрѣли то міровое значеніе, при помощи котораго они оказываютъ вліяніе на весь культурный міръ, безъ различія племенъ и народностей,—вліяніе, которому Германія обязана своимъ величіемъ.

Второй принципъ—свобода ученья (Lehrnfreiheit)—хотя не имѣетъ столь громаднаго значенія, какъ первый, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важенъ и представляетъ собою одно изъ главныхъ отличій университета отъ какой бы то ни было школы.

Отличіе учебнаго плана университета и его цѣлей отъ цѣлей и учебныхъ плановъ школы заключается въ томъ, что учебный планъ школы указываетъ тотъ матеріалъ, который *школа обязана*, такъ сказать, одолѣть и которому *обязана обучить* всѣхъ своихъ питомцевъ. Учебный же планъ университета объемлетъ учебный матеріалъ, который онъ предлагаетъ своимъ питомцамъ и которому они *могутъ научиться*. Школа только обучаетъ и въ ней по преимуществу *учатъ*, въ университетѣ же по преимуществу *учатся*. Студентъ—учится свободно, причемъ стимуломъ къ ученью служатъ требованія, предъявляемыя жизнью и обстоятельствами, въ то время какъ школа обучаетъ всѣхъ учениковъ обязательно и должна даже принуждать учиться всему, чему она учитъ.

Не будь этого различія, не было бы различія между школою и университетомъ, не было бы самого университета, а потому свобода вообще и въ особенности свобода выбора занятій и предметовъ ученья составляютъ характерную и типичную особенность университетскаго образованія [1].

---

[1]) Можно сказать болѣе,—эта свобода практически необходима, ибо опытъ доказалъ невозможность осуществленія на дѣлѣ принципа обязательности и принудительности университетскихъ занятій; по этому вопросу въ Германіи имѣется обширная литература. Для примѣра сошлемся на работы Шмоллера: „Jahrbücher für Ge-

Что примѣненіе принципа свободы ученья на практикѣ не представляетъ опасности и не понижаетъ уровня образованія— лучше всего доказываютъ нѣмецкіе университеты, въ которыхъ этотъ принципъ свободы ученья дѣйствуетъ въ полной силѣ въ теченіе столѣтій, причемъ общее образованіе, даваемое германскими университетами, отнюдь не ниже, а скорѣе выше, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ.

Мы вполнѣ сознаемъ, однако, что принципы свободы преподаванія и ученья, несмотря на очевидную ихъ необходимость и безспорную правильность, встрѣтятъ у насъ столько возраженій, затрудненій, что не скоро получатъ право гражданства; мы и не разсчитываемъ на это, но почитали бы за счастье для нашего просвѣщенія, а слѣдовательно и для нашего отечества, если бы они получили хотя бы признаніе въ теоріи, а затѣмъ мы бы всей душой радовались всякому шагу, хотя бы незначительному и робкому, который въ будущемъ будетъ сдѣланъ на пути къ ихъ осуществленію, если бы имѣли счастье дожить до этого.

Само собою разумѣется, что признаніе принципа свободы занятій студентовъ, или, какъ у насъ принято выражаться, свободы слушанія лекцій, должно существенно измѣнить весь учебный строй университетовъ. Прежде всего, упраздняется при этомъ принципъ обязательнаго, а *тѣмъ болѣе принудительнаго слушанія лекцій*, падаетъ само собою дѣленіе на курсы времени пребыванія студентовъ въ университетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна измѣниться система экзаменовъ.

Въ странахъ, гдѣ существуетъ свобода ученья, обыкновенно въ университетахъ экзаменовъ вовсе нѣтъ, а существуютъ одни

setzgebung 1886 года"; труды Бернгейма 1898—1901 годовъ и многіе другіе. Никому не удалось, однако, изобрѣсти *дѣйствительные способы* осуществленій вышеуказаннаго принципа. Еще болѣе разительнымъ примѣромъ могутъ служить распоряженія, касающіяся австрійскихъ университетовъ. Передъ нами два большихъ тома этихъ распоряженій, большая половина которыхъ посвящена изысканію способовъ контроля за посѣщеніемъ лекцій и мѣрамъ, направленнымъ къ тому, чтобы сдѣлать это посѣщеніе для студентовъ обязательнымъ; всѣ эти распоряженія свидѣтельствуютъ, однако, о безуспѣшности всѣхъ принятыхъ мѣръ. У насъ, вмѣстѣ со введеніемъ въ дѣйствіе устава 1884 года, были сдѣланы попытки повѣрки посѣщенія студентами лекцій, въ видахъ принужденія къ этому посѣщенію, но эти мѣры, какъ всѣмъ извѣстно, не достигли цѣли, а между тѣмъ вызвали массу столкновеній и имѣли своимъ послѣдствіемъ одно лишь только развращеніе нижнихъ служителей инспекціи. Подобныя же попытки дѣлались и въ Баваріи, но были признаны безполезными и оставлены при реформѣ мюнхенскаго университета; наконецъ, та же участь постигла подобныя же попытки въ университетѣ въ Эрлангенѣ. Въ виду всего этого и мы считаемъ подобныя попытки достичь недостижимаго совершенно нецѣлесообразными и полагаемъ благоразумнымъ отъ нихъ вовсе отказаться.

лишь государственные или, вѣрнѣе, служебные экзамены, не пріуроченные непосредственно къ университетскому преподаванію, а соотвѣтствующіе требованіямъ государства въ видахъ предоставленія мѣста ищущимъ тѣхъ или другихъ должностей. *Пребываніе же* въ университетѣ въ теченіе опредѣленнаго срока является лишь *однимъ изъ условій допущенія* къ государственному экзамену.

У насъ въ послѣдніе годы вошло въ обычай называть государственнымъ экзаменомъ испытанія въ коммиссіяхъ, установленныхъ уставомъ 1884 г., при университетахъ. Но такое наименованіе совершенно ошибочно, ибо, во-первыхъ, эти испытанія установлены для одного только заведенія (университета, исключительно для студентовъ этого университета), и во-вторыхъ, испытанія пріурочены не къ требованіямъ службы, а непосредственно къ курсу, т.-е. къ лекціямъ даннаго университета. Причемъ никакое вѣдомство, въ которое студенты затѣмъ поступаютъ, не принимаетъ никакого участія ни въ испытаніяхъ, ни въ опредѣленіи условій экзаменовъ. Эти испытанія въ дѣйствительности суть тѣ же выпускные экзамены университета и мало чѣмъ отличаются отъ прежнихъ, чисто университетскихъ экзаменовъ послѣдняго курса. Такимъ образомъ, государственныхъ экзаменовъ у насъ собственно вовсе нѣтъ, и законъ этого термина даже не знаетъ, и самый уставъ не именуетъ такъ экзамены въ коммиссіяхъ, которымъ это наименованіе, совершенно не соотвѣтствующее существу дѣла, присвоено только по обычаю, вслѣдствіе непониманія того, что̀ такое собственно представляетъ собою „государственный экзаменъ“.

Вѣроятно и у насъ когда-нибудь такіе экзамены будутъ установлены, но въ настоящее время ихъ еще нѣтъ (кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и отчасти министерства юстиціи: кандидатское испытаніе), и по нашему убѣжденію—государственнаго экзамена у насъ и быть не можетъ,—и вотъ почему.

Во-первыхъ, и это главное, мы такъ бѣдны научными силами, что, внѣ университетовъ, экзаменаціонныхъ коммиссій даже и образовать невозможно; во-вторыхъ, при обширности нашего отечества и маломъ числѣ пунктовъ, въ коихъ возможно было бы установить государственныя или служебныя экзаменаціонныя коммиссіи, введеніе служебныхъ испытаній явилось бы ничѣмъ не оправдываемой тяготою и затрудненіемъ для отдѣльныхъ лицъ и для правительства. Въ-третьихъ, введеніе служебныхъ экзаменовъ перевернуло бы вверхъ дномъ всѣ существующіе служебные порядки и обычаи, что̀ не такъ легко осуществимо, и что̀

можно сдѣлать съ пользою только послѣ серьезнаго и всесторонняго соображенія и обсужденія.

Въ виду такихъ соображеній, мы полагаемъ, что экзамены *по необходимости* нужно оставить въ университетахъ, какъ единственныхъ учрежденіяхъ, способныхъ производить сколько-нибудь серьезныя и научныя испытанія [1]). Но организацію этихъ испытаній нужно кореннымъ образомъ измѣнить, сдѣлавъ первый шагъ къ сближенію ихъ съ тѣмъ, что̀ въ будущемъ можетъ стать дѣйствительно государственнымъ служебнымъ экзаменомъ. Для этого, намъ думается, что испытанія въ университетахъ надлежитъ раздѣлить на двѣ категоріи, причемъ первую категорію должны составлять чисто научныя испытапія на низшую ученую степень кандидата (въ магистры), какъ на низшую ученую университетскую степень, которая являлась бы необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго экзамена на степень магистра или доктора (еслибы степень магистра была упразднена). Очевидно, что университетъ имѣетъ право и даже обязанъ руководить занятіями студентовъ на степень кандидата и можетъ издавать для ихъ руководства и облегченія ихъ занятій учебные планы, программы экзаменовъ и т. п., что̀, однако, далеко не тождественно съ нынѣшнимъ понятіемъ обязательнаго слушанія лекцій, непремѣнно по курсамъ, и связаннымъ съ оставленіемъ на курсѣ, въ случаѣ неуспѣха по какому-либо предмету. Званіе кандидата, полученное какъ ученая степень, не должно было бы давать какихъ-либо правъ, кромѣ права получить затѣмъ и высшую ученую степень—магистра.

Вторую категорію экзаменовъ должны были бы составить *испытанія по отдѣльнымъ предметамъ.* Каждый студентъ долженъ имѣть право и возможность явиться на экзаменъ по любому предмету и, по повѣркѣ своего знанія путемъ экзамена, получить удостовѣреніе, что онъ оказалъ въ такомъ-то предметѣ тѣ или другіе успѣхи. Эти экзамены могли бы производиться или въ извѣстные сроки нѣсколько разъ въ году, или въ извѣстные дни въ теченіе всего года [2]), по программамъ, утвержденнымъ университетомъ. Само собою разумѣется, что эти экзамены требуютъ особой организаціи, дабы они не нарушали учебнаго строя университетскаго преподаванія,

[1]) Хотя служебные экзамены должны преслѣдовать не однѣ научныя, но и практическія цѣли, но отнять у нихъ всякій научный характеръ—значило бы сразу понизить ихъ уровень и умалить ихъ значеніе.

[2]) Какъ то установлено, напр., для испытательныхъ комитетовъ при округахъ для испытанія на званіе учителей и учительницъ.

не обременяли профессоровъ и т. п. Для этого можно было бы требовать, чтобы желающій экзаменоваться заявлялъ о своемъ желаніи за нѣкоторое время до экзамена, и чтобы затѣмъ экзамены производились по группамъ, сообразно съ тѣмъ, сколько лицъ профессоръ или коммиссія въ состояніи были бы проэкзаменовать, причемъ студенты могли бы распредѣляться по группамъ, по очереди, по мѣрѣ подачи заявленій; затѣмъ, возможно установить правило, чтобы студенты, заявившіе о своемъ желаніи экзаменоваться, но не явившіеся на экзамены или не выдержавшіе ихъ, могли вновь просить о допущеніи къ экзамену только съ согласія экзаменаторовъ или съ тѣмъ условіемъ, чтобы они вносились въ болѣе отдаленную очередь, дабы не задерживать экзаменовъ студентовъ, уже занесенныхъ въ группы, и т. п. Повторяемъ, подобные экзамены требуютъ особой организаціи, которую слѣдуетъ тщательно обдумать и разработать, но намъ кажется, что устроить ихъ вполнѣ возможно.

Затѣмъ, удостовѣренія о выдержаніи испытанія по отдѣльнымъ предметамъ тоже не должны сами по себѣ давать какихъ-либо правъ, но слѣдуетъ установить порядокъ, въ силу коего каждое вѣдомство или учрежденіе обязано было бы установить и объявить, знаніе какихъ предметовъ оно считаетъ необходимымъ для пріема къ себѣ на службу. Тогда студенты, желающіе поступать въ то или другое вѣдомство и учрежденіе сообразно съ собственнымъ желаніемъ, могли бы озаботиться полученіемъ удостовѣреній о знаніи требуемыхъ предметовъ и могли бы по своему усмотрѣнію сдавать испытанія по группамъ предметовъ, требуемыхъ однимъ или нѣсколькими вѣдомствами и учрежденіями. Такой порядокъ былъ бы, намъ кажется, совмѣстимъ съ свободнымъ слушаніемъ лекцій и удовлетворялъ бы нуждамъ вѣдомствъ и учрежденій больше, чѣмъ quasi-государственный экзаменъ, для сколько-нибудь правильной организаціи котораго у насъ нѣтъ элементовъ и научныхъ силъ. Въ то же время экзаменъ остается въ университетѣ, который *въ настоящее время* является *у насъ единственнымъ* компетентнымъ учрежденіемъ, могущимъ произвести испытаніе, имѣющее сколько-нибудь научное или хотя бы просто образовательное значеніе.

Впрочемъ, свободному слушанію лекцій мы вполнѣ сочувствуемъ только тогда, если понимать его въ смыслѣ предоставленія всякому студенту возможности *дѣйствительно заниматься какою угодно наукою* по собственному выбору, влеченію и желанію, безъ всякаго принужденія. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ наше студенчество понимаетъ свободу слушанія

лекцій въ совершенно иномъ смыслѣ и видитъ осуществленіе этой свободы не въ свободѣ научныхъ занятій, *а въ свободномъ шатаньи по университетскимъ аудиторіямъ*, въ видѣ развлеченія и пріятнаго препровожденія времени, въ основѣ котораго часто лежитъ вовсе не вкусъ къ наукѣ и даже не простая любознательность, а напротивъ, отсутствіе того и другого и желаніе убить время, и въ то же время „*казаться ревнителемъ просвѣщенія*". Источникъ такого явленія кроется въ томъ смѣшеніи понятія о свободѣ съ распущенностью, характерно выражающеюся въ словахъ: „ндраву моему не препятствуй", которое такъ часто встрѣчается въ нашемъ обществѣ.

Подобную свободу, или, вѣрнѣе, праздношатаніе по аудиторіямъ, благодаря чему онѣ наполняются сегодня одними, завтра другими, а послѣ-завтра третьими слушателями, изъ которыхъ никто ничего не пріобрѣтаетъ,—поощрять вовсе не желательно, особенно въ университетахъ, нуждающихся въ помѣщеніяхъ. Свобода ученья не исключаетъ необходимости въ порядкѣ, и эта аксіома должна быть прилагаема и къ свободному слушанію лекцій. А потому желательно установить порядокъ, при которомъ „случайное посѣщеніе лекцій" не возводилось бы въ принципъ и при которомъ постоянные слушатели и работающіе студенты всегда имѣли бы преимущество предъ тѣми, кто случайно забредетъ въ аудиторію. То, что̀ нѣмцы называютъ „госпитированіемъ" [1]), должно и у насъ быть поставлено въ извѣстныя границы, хотя, быть можетъ, болѣе широкія, чѣмъ въ Германіи.

IX.

На всемъ вышеизложенномъ нами мы предполагали остановиться и на томъ покончить нашу небольшую работу, которая, само собою разумѣется, далеко не охватываетъ всѣхъ университетскихъ вопросовъ во всей ихъ полнотѣ; но пока мы были заняты настоящимъ нашимъ трудомъ, въ газетахъ появилась статья г. Демчинскаго—„Децентрализація высшихъ учебныхъ заведеній". Статью эту мы не можемъ пройти молчаніемъ: въ ней ясно звучитъ знакомая намъ нотка, которую мы, къ сожалѣнію, уже не разъ слышали въ сферахъ, съ которыми нельзя будетъ не считаться при рѣшеніи учебныхъ вопросовъ, и которая проникла,—къ счастью пока, слава Богу, въ видѣ исключенія,—даже въ уни-

[1]) Hospitiren—гостить.

верситетскую среду. Вотъ потому мы находимъ нужнымъ вернуться къ части вопросовъ, уже затронутыхъ въ самомъ началѣ нашей работы, и вкратцѣ разобрать статью г. Демчинскаго.

Г-нъ Демчинскій подъ децентрализаціею учебныхъ заведеній разумѣетъ не одно разселеніе—въ болѣе мелкіе города—университетовъ и говоритъ объ избраніи такихъ городовъ для учрежденія университетовъ, о чемъ, впрочемъ, уже много говорилось и писалось. Онъ идетъ гораздо дальше и гребуетъ помѣщенія учебныхъ заведеній, такъ сказать, на лонѣ природы, и сверхъ того требуетъ не болѣе и не менѣе, какъ полнаго упраздненія университетовъ вообще. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ аргументаціи изумительной по своей смѣлости и по той развязности, съ которою онъ опрокидываетъ все, чтò до сихъ поръ считалось основой культуры и необходимымъ условіемъ ея развитія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Оказывается, что при такомъ положеніи вещей (т.-е. при недостижимости универсальнаго образованія) соединеніе подъ одной кровлею юристовъ съ математиками или философовъ съ медиками есть соединеніе будто ненужное, *а съ точки зрѣнія* государственной жизни и *науки* просто-таки вредное...

Признаемся, что, несмотря на довольно близкое знакомство съ вопросами о постановкѣ образованія и довольно значительной начитанности по этому предмету, мы впервые встрѣчаемъ подобное разсужденіе.

Г-нъ Демчинскій утверждаетъ, что серьезныя научныя занятія какъ студентовъ, такъ и профессоровъ, возможны только тогда, когда они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ природою и будутъ вынуждены всею обстановкою своей жизни сосредоточиться главнымъ образомъ на ея созерцаніи. Это г. Демчинскій выставляетъ неоспоримою аксіомою и на этомъ строитъ всѣ свои соображенія. Между тѣмъ, это разсужденіе—совершенно ложное, а потому и всѣ дальнѣйшіе выводы г. Демчинскаго совершенно фальшивы. Онъ забываетъ то существенное обстоятельство, что людей, жизнь которыхъ протекаетъ всецѣло „на лонѣ природы", очень мало, и притомъ не случайно, а потому, что человѣкъ по самой природѣ своей чувствуетъ необходимость жить не только съ глазу на глазъ съ природою, но еще болѣе съ себѣ подобными, т.-е. съ людьми и въ ихъ обществѣ. Общеніе съ людьми и есть условіе, необходимое для ихъ развитія, не менѣе важное, чѣмъ созерцаніе природы. Едва ли рѣшится отрицать это и самъ г. Демчинскій, если онъ сколько-нибудь серьезнѣе вдумается въ поднятый имъ вопросъ. А потому мысль о разсѣя-

нія высшихъ учебныхъ заведеній даже не въ мелкіе города и тому подобные некрупные центры, а въ совершенное уединеніе, въ лѣсныя дебри или болота на берегахъ Ильменя, Пейпуса или рѣки Волхова, представляется намъ—просимъ простить рѣзкость выраженія—совершенною нелѣпостью. Подобная мѣра,—которую, впрочемъ, надѣемся никому и въ голову не придетъ осуществлять,—приведетъ не къ поднятію, а къ одичанію и совершенному умственному банкротству прежде всего учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего нашего отечества.

Менѣе несообразнымъ и на первый взглядъ какъ бы разумнымъ представляется сродное, но не тождественное съ желаніями г. Демчинскаго предположеніе объ избраніи для высшихъ учебныхъ заведеній болѣе мелкихъ городовъ и въ особенности не столицъ. Сторонники этого мнѣнія обыкновенно ссылаются на примѣръ германскихъ университетовъ въ небольшихъ городахъ. Но въ этомъ примѣрѣ кроется большое недоразумѣніе, а затѣмъ и самое мнѣніе не выдерживаетъ серьезной критики.

Что касается до германскихъ университетовъ въ небольшихъ городахъ, то учрежденіе ихъ тамъ, а не въ другихъ центрахъ, произошло вовсе не потому, чтобы въ Германіи считали мелкіе города болѣе соотвѣтствующими интересамъ университетовъ. Они размѣстились въ Германіи безъ чьего-либо плана или общаго предначертанія, а, такъ сказать, сами собою, въ силу положенія, въ которомъ въ теченіе столѣтій находилась Германія. Никто не думалъ тамъ расселять университеты по мелкимъ городамъ, а помѣстились они такъ вслѣдствіе того, что сама Германія распадалась тогда на множество небольшихъ государствъ, причемъ каждое такое государство желало и считало долгомъ и вопросомъ своего достоинства имѣть *свой* университетъ. Но затѣмъ правители этихъ небольшихъ государствъ вовсе не старались избирать для учрежденія университетовъ самыя глухія или незначительныя мѣстности. Напротивъ, университеты обыкновенно учреждались въ мѣстахъ, имѣвшихъ въ этихъ малыхъ государствахъ какое-либо серьезное значеніе или гдѣ уже имѣлись зачатки интеллектуальнаго центра... Пока понятіе о церкви и просвѣщеніи представлялось почти тождественнымъ, университеты учреждались въ центрахъ, имѣвшихъ церковное значеніе. Позднѣе избирались центры административные или города, въ которыхъ проживали уже извѣстные ученые и т. п. Никогда вопросъ объ организаціи университетовъ не имѣлъ въ видахъ помѣстить ихъ подальше отъ какихъ-либо центровъ и подальше отъ людей...

Такимъ образомъ, наличность въ Германіи множества универ-

ситетовъ и притомъ въ небольшихъ городахъ вовсе не имѣла своею основою идею, которую нынѣ принято называть разселеніемъ университетовъ въ мелкіе центры или децентрализаціею высшихъ учебныхъ заведеній.

Затѣмъ, процвѣтаніе германскихъ университетовъ вовсе не зависѣло отъ того, что они помѣщались въ небольшихъ городахъ. Въ настоящее же время подобное утвержденіе прямо противорѣчитъ дѣйствительности, ибо всѣмъ извѣстно, что теперь даже самые выдающіеся изъ мелкихъ нѣмецкихъ университетовъ, въ свое время прославившихся тѣмъ, что въ нихъ развились и изъ нихъ вышли новыя научныя направленія и новыя научныя школы, давно уже начали уступать первенство университетамъ въ крупныхъ центрахъ, какъ Берлинъ, Лейпцигъ и Вѣна. Эти крупные университеты, а вовсе не мелкіе, главенствуютъ теперь въ германскомъ просвѣщеніи, и съ ними мелкіе университеты конкуррировать уже не въ состояніи, причемъ процвѣтанію этихъ крупныхъ университетовъ не мѣшаетъ ни то, что они помѣщаются въ самыхъ значительныхъ и людныхъ городахъ, ни то, что число студентовъ превышаетъ въ нихъ даже многолюдство нашихъ университетовъ, колеблясь между 4 и 6 тысячами. Это обстоятельство само по себѣ краснорѣчиво опровергаетъ тѣ указанія, которыя дѣлаются обыкновенно у насъ на то, что неудовлетворительность нашихъ университетовъ зависитъ, будто бы, отъ того, что они помѣщаются въ большихъ городахъ и слишкомъ переполнены студентами. Все вышеизложенное доказываетъ противное, т.-е. то, что процвѣтать и первенствовать въ научномъ отношеніи могутъ и очень крупные университеты, и притомъ въ многолюдныхъ городахъ, если только сами университеты поставлены въ благопріятныя и правильныя условія... Мы уже старались указать на нѣкоторыя условія, особо неблагопріятно дѣйствующія у насъ на высшее образованіе, причемъ мы придавали особое значеніе отсутствію въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должной свободы, самостоятельности и самоуправленія, свободы науки и ученья, а равно свободы общенія между собою тѣхъ, кто входитъ въ составъ университета. Наконецъ, мы указывали на неправильное отношеніе къ университетамъ общества и властей. Вообще, свобода составляетъ атмосферу, безъ которой немыслимо процвѣтаніе университетовъ и просвѣщенія вообще,—у насъ же самое слово: „свобода“ во многихъ порождаетъ чуть ли не паническій страхъ. Вотъ тѣ условія, которыя тормазятъ главнымъ образомъ развитіе нашего просвѣщенія, и которыя способствуютъ той безпорядочности и неустройству,

отъ которыхъ, особенно въ послѣдніе годы, чуть не гибнутъ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія.

Къ искорененію этихъ основныхъ недуговъ нашего просвѣщенія должны быть направлены всѣ усилія его друзей, а равно правительства, и тогда учебныя заведенія будутъ процвѣтать всюду, и въ крупныхъ, и въ мелкихъ центрахъ, въ которыхъ, при обширности нашего отечества, разумѣется, тоже желательно увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній, хотя бы на счетъ столицъ и другихъ крупнѣйшихъ городовъ.

Въ одномъ мы почти, *но только почти*, согласны съ г. Демчинскимъ,—это въ томъ, что для спасенія нашего просвѣщенія нельзя возлагать единственную надежду на изданіе новыхъ законовъ и уставовъ. Всѣмъ, что̀ изложено нами выше, мы старались доказать именно то, что не въ однихъ уставахъ—дѣло, и что одновременно съ уставами нужно перемѣнить и многое другое. Но, соглашаясь съ тѣмъ, что не одними писанными законами живутъ люди, и что жизнь часто пролагаетъ себѣ пути и безъ нихъ или помимо ихъ,—мы никакъ не можемъ понять тѣхъ крайнихъ сужденій по этому предмету г. Демчинскаго, развитіе которыхъ, разсуждая послѣдовательно, привело бы къ заключенію, будто законы вообще ничего не значатъ, для жизни людей не важны, и что потому ихъ пожалуй вовсе и издавать не слѣдовало бы.

Мы — думается намъ, вмѣстѣ съ большинствомъ здравомыслящихъ людей — полагаемъ, что хотя въ законахъ не все заключается, но все-же очень многое, и законы хотя не исчерпываютъ всей жизни людей, но тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ *оказываютъ вліяніе на нихъ*, причемъ различіе между хорошими и дурными законами заключается главнымъ образомъ въ томъ, что *хорошіе* законы хотя не создаютъ сами по себѣ жизни людей и народовъ, но могущественнымъ образомъ *способствуютъ ихъ развитію*, а дурные законы тормазятъ и препятствуютъ нормальному развитію людей и часто непоправимо вредятъ имъ и государству. Съ этой точки зрѣнія и *замѣна неудачныхъ уставовъ* учебныхъ заведеній *лучшими* вовсе не безразлична и можетъ оказать серьезное вліяніе на жизнь.

Особенно непонятно, какъ г. Демчинскій миритъ такое отрицаніе всякаго значенія закона съ своимъ желаніемъ достичь необходимаго, по его словамъ, развитія въ юношествѣ чувства законности и уваженія къ закону вообще.

Мы, при всемъ нашемъ уваженіи и любви къ природѣ, не только предполагаемъ, но увѣрены, что водвореніе учебныхъ заведеній „на лонѣ природы“, какъ то рекомендуетъ г. Демчинскій,

поведетъ въ концѣ концовъ къ ихъ гибели, а на первыхъ же порахъ оно имѣло бы своимъ послѣдствіемъ огрубѣніе и дикость нравовъ, еще большую, чѣмъ ту, которую мы, къ несчастью, видимъ въ настоящее время въ средѣ нашей учащейся молодежи.

Впрочемъ, подобное бѣдствіе даже г. Демчинскій не можетъ накликать на наше просвѣщеніе, и его пророчества въ этомъ отношеніи окажутся еще менѣе удачными, чѣмъ его метеорологическія наблюденія и предсказанія.

Разселеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній хотя бы въ города, но меньшіе, чѣмъ теперь, представляется намъ не только труднымъ, но едва ли возможнымъ и желательнымъ. Первое затрудненіе, которое и правительство устранить не можетъ, это—крайняя некультурность нашей провинціи, въ которой нѣтъ той умственной жизни и тѣхъ общественныхъ условій, которыя способствуютъ научному развитію и которыя необходимы учебному заведенію, какъ человѣку—воздухъ для дыханія. Попытки помѣстить учебныя заведенія внѣ городовъ или въ малыхъ городахъ дѣлались вѣдь у насъ не разъ—и всегда неудачно. Долго ли просуществовалъ Александровскій лицей въ Царскомъ-Селѣ? Почему онъ былъ перемѣщенъ въ Петербургъ? Неужели случайно или по прихоти? Думаемъ, что—нѣтъ, а потому, что даже Царское-Село оказалось слишкомъ глухимъ мѣстомъ для лицея, и что дальнѣйшее его существованіе тамъ оказалось невозможнымъ. Учрежденіе Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ—были тоже неудачны. Устройство этихъ заведеній въ малыхъ городахъ имѣло послѣдствіемъ пониженіе общаго уровня преподавателей по сравненію съ профессорами въ большихъ городахъ. Независимо отъ этого, въ этихъ заведеніяхъ очень скоро стала замѣчаться особая грубость нравовъ среди учащихся, и дисциплинарный и нравственный уровень оказался гораздо ниже, чѣмъ въ университетахъ.

Разумѣется, если числу нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній суждено увеличиться,—чему мы первые бы радовались,—то желательно, чтобы предпочтеніе было даваемо не однимъ столицамъ и нынѣшнимъ университетскимъ городамъ, а чтобы были избираемы и другія мѣста, но въ то же время были приняты во вниманіе культурныя и иныя условія жизни мѣстъ. Что же касается до существующихъ уже высшихъ учебныхъ заведеній, то мы думаемъ, что въ интересахъ просвѣщенія лучше оставить ихъ тамъ, гдѣ они есть, и гдѣ они такъ или иначе уже пустили корни. Учебное заведеніе, подобно

растенію, нельзя пересаживать, куда и когда угодно, по прихоти или желанію,—и легко можно такимъ образомъ погубить его.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ еще одного пожеланія г. Демчинскаго, такъ какъ это пожеланіе повторяется часто не имъ однимъ, а именно—указаніе на желательность сокращенія числа учащихся.

X.

Мы не отрицаемъ, что на научной успѣшности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній часто вредно отзывается то обстоятельство, что бо̀льшая часть учащихся принадлежитъ къ числу людей не только недостаточныхъ, но можно даже сказать прямо—бѣдствующихъ. Это—явленіе прискорбное и ненормальное, но исправить его нельзя путемъ открытія доступа къ высшему образованію однимъ людямъ съ хорошимъ достаткомъ. Такая мѣра настолько противорѣчила бы современному теченію общественнаго сознанія и совѣсти, что уже по этому одному она неосуществима, или ее окажется невозможнымъ осуществить: на другой же день послѣ такого осуществленія жизнь пробьетъ себѣ путь, минуя законъ, и легко найдутся способы къ его обходу. Съ такимъ положеніемъ нельзя не считаться. Къ тому же такая мѣра могла бы оказаться очень рискованною, и государство могло бы очутиться вовсе безъ людей съ высшимъ образованіемъ, безъ которыхъ оно, однако, обойтись не можетъ. Нельзя забывать, что громадное число неимущихъ учащихся зависитъ не отъ учебныхъ заведеній и ихъ организаціи, а представляется печальнымъ результатомъ общаго экономическаго положенія страны. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ Россіи нѣтъ ни одного класса населенія, который бы насчитывалъ въ своей средѣ сколько-нибудь значительное число людей съ достаткомъ, могущимъ обезпечить образованіе своихъ дѣтей [1]).

Помочь такому положенію никакія мѣры, касающіяся учебныхъ заведеній, не могутъ. Это прискорбное явленіе можетъ само собою исчезнуть, если когда-нибудь экономическому состоянію нашего отечества суждено подняться до уровня другихъ куль-

[1]) Дворянство не составляетъ исключенія, и намъ лично, по должности попечителя и по должности предсѣдателя „Общества для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ", которую мы занимали много лѣтъ, извѣстны частые случаи, когда приходилось оказывать пособіе студентамъ изъ дворянъ (иногда даже титулованнымъ), находившимся въ безвыходно-бѣдственномъ положеніи.

турныхъ странъ. Пока же съ этимъ явленіемъ приходится считаться, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ.

Жизнь развиваетъ спросъ на образованіе, и никакія искусственныя мѣры, направленныя къ сокращенію числа учащихся, не въ состояніи удержать развитія этой потребности. Какія бы преграды ни ставились на его пути, потокъ жизни сломитъ ихъ и снесетъ ихъ до конца, но пожалуй снесетъ при этомъ гораздо больше, чѣмъ въ настоящую минуту возможно предвидѣть, а потому мы признаемъ всякія мѣры, направленныя къ уменьшенію числа учащихся, во-первыхъ, не могущими достичь цѣли, а во-вторыхъ, безусловно вредными—и притомъ прежде всего для государства.

Эти мѣры тѣмъ болѣе безцѣльны, что многолюдство нашихъ заведеній является далеко не главной причиной неурядицы, господствующей въ средѣ нашей учащейся молодежи. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, то, что въ малолюдныхъ нашихъ заведеніяхъ порядокъ не лучше, чѣмъ въ многолюдныхъ, на что мы уже указали выше, и, во-вторыхъ, примѣръ заграничныхъ заведеній, даже болѣе многолюдныхъ, чѣмъ наши, подтверждаетъ то же самое.

Мы думаемъ, что разумное преобразованіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній и болѣе разумное отношеніе къ нимъ окажутъ могущественное содѣйствіе къ упорядоченію нашего высшаго образованія и *постепенно* приведутъ самую молодежь къ болѣе правильному пониманію и уразумѣнію собственнаго своего положенія и значенія въ обществѣ и отношеній своихъ къ государству. Положеніе же это опредѣляется тѣмъ, что студентъ пока только еще гражданинъ академіи (akademischer Bürger) и только готовится стать въ будущемъ гражданиномъ государства (Staats-Bürger). Для этого онъ учится, къ этой цѣли должны быть направлены всѣ его помыслы. Безцѣльно было бы поэтому требовать, чтобы студенты не интересовались и не волновались всяческими вопросами, которые волнуютъ общество и которыми поглощены ихъ отцы, братья и вообще всѣ взрослые люди, стоящіе, такъ сказать, уже у дѣлъ. Молодые люди, которые оставались бы ко всему этому совершенно равнодушны, были бы не молодые люди, а преждевременные старцы, которые никогда и въ будущемъ никому и ничему не принесутъ пользы, и менѣе всего государству. Равнодушіе неумѣстно еще и потому, что многіе предметы, которые они обязаны изучать, близко соприкасаются со сферою политическихъ и соціальныхъ научныхъ вопросовъ. Со-

шлемся на прекрасныя слова профессора Циглера въ его книгѣ: „Der deutsche Student", на которую мы уже ссылались [1]):

„Прошу васъ не думать, что въ послѣдней бесѣдѣ, высказывая мысль о нежелательности, чтобы въ основу студенческихъ ассоціацій легли чисто спеціальные интересы или окончательно принятыя политическія мнѣнія, я имѣлъ въ виду исключить изъ кругозора студентовъ всѣ важные принципы, всякое участіе и отношеніе студенчества къ серьезнымъ вопросамъ времени и жизни. Конечно—нѣтъ. И прежде всего я долженъ коснуться вопроса о политикѣ.

„При этомъ словѣ тотчасъ же приходитъ на память студенческій союзъ (Burschenschaft), его лучшая пора, и вообще вспоминается, что въ средѣ академической молодежи эпохи 1815—1870 гг., ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и живо поддерживалась и культивировалась идея германскаго единства, германской имперіи и императора, пока, благодаря Бисмарку, эта идея не перешла изъ области мечты въ дѣйствительность. Но, конечно, исторія студенческаго союза въ то же время указываетъ на необходимость сдержанности и осторожности. Поскольку рѣшительному осужденію подлежали правительства за то, что они принимали съ недовѣріемъ благородныя и идеальныя стремленія молодежи и отвѣчали на нихъ репрессіями,—постольку нельзя не признать и того, что поступки, въ родѣ убійства Зандомъ Коцебу и франкфуртской вспышки 1833 г., съ извѣстной необходимостью вытекали изъ прямого вмѣшательства студенчества въ политику и имѣли своими прискорбными, но необходимыми послѣдствіями несчастныя контръ-революціонныя „карлсбадскія постановленія" и преслѣдованія демагоговъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Сначала студенческій союзъ имѣлъ только въ виду *развить и подготовить* идею единства Германіи; въ рукахъ же партіи непримиримыхъ (der Unbedingten) это желаніе обратилось въ стремленіе осуществить это единство собственными средствами, что̀ и *должно было повести къ неудачѣ*, ибо молодежь страстна, нетерпѣлива, слишкомъ прямолинейно послѣдовательна, легко становится фанатичной и потому не считается съ историческими данными, съ тѣмъ, что̀ возможно или невозможно. А это именно тѣ свойства,—великій реалистъ Бисмаркъ научилъ насъ этому,— которыя менѣе всего пригодны въ политикѣ; поэтому правъ былъ Трейчке, утверждая, что лучше всего заниматься политикой и управлять міромъ могутъ люди въ возрастѣ между пятьюдесятью и шестью-

---

[1]) „Der deutsche Student", 9-te Vorlesung, стр. 117.

десятью годами; на этомъ основаніи студентъ не долженъ стремиться принимать въ политикѣ активное участіе.

„И то, что̀ было невозможно и безрезультатно въ эпоху „бури и натиска“ (Sturm und Drang), когда дѣло шло объ основаніи и созданіи единаго нѣмецкаго государства, еще менѣе возможно и приложимо теперь, когда наша политика направлена на сохраненіе и расширеніе уже пріобрѣтеннаго: активное участіе студентовъ въ политической жизни не желательно. Значитъ ли это, однако, что студентовъ вообще слѣдуетъ устранить отъ политики и держать въ сторонѣ отъ нея? Совсѣмъ нѣтъ. Студентъ, конечно, имѣетъ въ этомъ отношеніи полную свободу и право, онъ можетъ держаться совсѣмъ въ сторонѣ отъ политическихъ вопросовъ и ничуть не заботиться о нихъ. Но я не соглашусь, чтобы такое отношеніе было правильно, такъ какъ для такого утвержденія я самъ съ ранней молодости былъ слишкомъ— ζῷον πολιτικόν.

„Студентъ—сынъ своего народа и съ гордостью, вполнѣ естественной въ юномъ возрастѣ, сознаетъ себя такимъ; непосредственно со школьной скамьи онъ становится маленькимъ колесомъ въ большомъ государственномъ механизмѣ. Къ этому-то ему и слѣдуетъ подготовлять себя, т.-е. вырабатывать опредѣленное политическое убѣжденіе.

„Что такое соціальный вопросъ и какое многообразіе охватываетъ это, повидимому, простое слово, разъяснить вамъ подробно я вообще не могу, да и въ данномъ случаѣ меня это не касается. Для меня соціальный вопросъ по существу является въ то же самое время и нравственнымъ, и, какъ такой, подлежитъ особенно разсмотрѣнію именно въ настоящемъ случаѣ. Это—вопросъ нашего времени: и отъ студента можно требовать только, чтобы онъ „nihil humani a se alienum putet“;—„ничто человѣческое не считалъ для себя чуждымъ“, и какъ всѣ мы интересуемся соціальнымъ вопросомъ, такъ и онъ интересуется имъ и *старается оріентироваться* въ тѣхъ роковыхъ противорѣчіяхъ, какія обнажаетъ соціальный вопросъ. *Но только оріентироваться*,—ибо занять окончательно позицію и *начать дѣйствовать было бы, какъ и въ политикѣ, такъ и здѣсь, для студента слишкомъ преждевременнымъ*: въ студентѣ все должно быть только въ движеніи, т.-е. въ фазисѣ развитія, и поддерживаться въ одномъ движеніи; а потому ему вовсе не надлежитъ еще стремиться примкнуть къ какой-нибудь партіи и стать партійнымъ человѣкомъ“.

Умѣнье терпѣливо готовиться къ будущей работѣ на поприщѣ

общественномъ или государственномъ и пониманіе, что юношѣ нужна такая подготовка для того, чтобы при вступленіи въ жизнь воспользоваться всѣмъ, что пріобрѣтено путемъ этой подготовки — вотъ что доказываетъ дѣйствительную зрѣлость молодого человѣка и чѣмъ отличается германскій студентъ отъ нашего, русскаго, который чуть ли не съ перваго курса, когда онъ ничего еще не пріобрѣлъ, готовъ по всякому поводу затратить зря и безъ пользы всѣ свои силы и энергію на дѣло, котораго онъ еще хорошенько не понялъ, и воображать себѣ, что съ минуты, когда онъ впервые переступилъ порогъ университета, онъ уже, безъ дальнѣйшей подготовки, труда и работы, готовъ и призванъ руководить обществомъ и чуть ли не управлять государствомъ. Этимъ легкомысліемъ, поспѣшностью и отсутствіемъ выдержки въ подготовкѣ объясняется главнымъ образомъ та неустойчивость, которою отличается наша учащаяся молодежь, и легкость, съ которою она нарушаетъ строй того заведенія, къ которому принадлежитъ и которое даетъ ей столько благъ и преимуществъ, какъ нравственныхъ, такъ и житейскихъ.

Это явленіе — крайне печальное, надъ которымъ полезно было бы призадуматься самой молодежи; не желая того, она ставитъ на карту судьбу нашего высшаго образованія.

Намъ не разъ доводилось слышать отъ учащихся молодыхъ людей, въ видѣ оправданія своего легкомысленнаго и самонадѣяннаго образа дѣйствій, ссылку на то, что молодежь всюду — одна и та же, и что она и въ иностранныхъ университетахъ всегда принимала активное участіе во всѣхъ политическихъ событіяхъ и волненіяхъ. Причемъ нѣкоторые, даже не-студенты, утверждали, будто всѣ перевороты 1848 года (особенно въ Германіи) совершены премущественно студентами. Между тѣмъ это совершенно невѣрно.

Дѣйствительно, университеты, особенно въ Германіи, играли въ теченіе всего XIX-го столѣтія выдающуюся роль во всѣхъ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ, но вовсе не тѣмъ, что студенчество вообще или отдѣльныя лица изъ его среды примыкали къ нимъ. Эта роль университетовъ въ политической жизни Германіи всегда была минимальная. Значеніе же ихъ въ дѣйствительности было совершенно иное и болѣе глубокое.

Дѣло въ томъ, что XIX-е столѣтіе является эпохою возникновенія цѣлаго ряда новыхъ силъ и новыхъ организацій, могущественнѣйшимъ образомъ вліявшихъ и вліяющихъ на судьбы народовъ и государствъ. Оно является, съ одной стороны, эпохою развитія и организаціи военныхъ и другихъ государственныхъ

силъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ въ прежнія времена и помышлять не дерзали. Но рядомъ съ этимъ возникли организаціи народныхъ массъ во имя соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, которыя въ прежнее время были немыслимы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народилась и развилась третья сила, къ которой даже двѣ вышеуказанныя силы стали какъ бы въ служебное положеніе, а именно, сила и вліяніе на общество и государство идей. Эта сила идей обнаружилась еще въ концѣ XVIII-го столѣтія, причемъ едва ли кто-либо станетъ отрицать, что въ этой силѣ заключалось главное значеніе большой французской революціи, и благодаря именно этому значенію, пріобрѣтенному силою идей, объясняется то, что въ теченіе всего XIX вѣка весь культурный міръ жилъ, да и теперь до извѣстной степени живетъ, идеями конца XVIII-го вѣка, хотя самая эта эпоха давно миновала и непосредственно вызванные ею перевороты давно пережиты, и не ими живетъ теперь міръ, а именно идеями, которыя эти перевороты знаменовали. Въ Германіи это значеніе развитія идей и разработки ихъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Вся жизнь Германіи болѣе ста лѣтъ проникнута и подчинена развившимся въ эту эпоху идеямъ.

Самое объединеніе Германіи и возникновеніе могущественнѣйшей имперіи является продуктомъ идейной работы германскаго народа. И вотъ въ этомъ отношеніи, т.-е. въ идейномъ, германскіе университеты дѣйствительно первенствуютъ. Въ нихъ возникли, развились и созрѣли идеи (не исключая и идеи о національномъ единствѣ и о единомъ германскомъ государствѣ), которыя воодушевили Германію и создали ея силу и могущество. Заслуга германскихъ университетовъ заключается именно въ томъ, что они явились вполнѣ выразителями народныхъ стремленій и идеаловъ и развили и укрѣпили эти идеалы. Но эта работа совершена, разумѣется, не учащимся юношествомъ; правда, оно всегда было чутко ко всѣмъ этимъ движеніямъ мысли и, примыкая къ нимъ, увеличивало массу ихъ адептовъ и являлось могущественнымъ проводникомъ ихъ далеко за предѣлами университета. Но никогда германская учащаяся молодежь не присвоивала себѣ первенствующей и активной роли въ этой общегерманской работѣ; она всегда сознавала, что пока она на школьной (хотя бы и университетской) скамьѣ,—для активнаго дѣла и для руководящей роли въ обществѣ и государствѣ, еще не наступила ея минута, и что ей нужно умственно работать, т.-е. учиться и пользоваться тѣмъ, что ей даетъ университетъ, дабы быть готовою во всеоружіи знанія и опыта (хотя бы теоре-

тическаго), когда очередь дойдетъ до нея. Въ этомъ смыслѣ германскіе студенты совершенно согласны съ тѣмъ, что̀ высказываютъ, какъ мы указывали выше, профессоры Паульсенъ и Циглеръ въ своихъ превосходныхъ книгахъ, и студенчество всегда держалось и держится въ сторонѣ отъ того, что̀ у насъ называютъ (не всегда вѣрно) политикою, и считало, что его долгъ—работать и готовиться, путемъ науки и образованія, къ активной дѣятельности въ обществѣ и государствѣ, а не хвататься, еще въ стѣнахъ университета, за дѣло, къ которому оно еще не готово и для котораго оно еще не созрѣло.

О такомъ настроеніи германской учащейся молодежи (за рѣдкими исключеніями, обыкновенно осуждаемыми самою молодежью) свидѣтельствуютъ всѣ, кто изучалъ германскіе университеты, и въ этомъ заключается доблесть германскаго юношества и тѣхъ, кто уже вышелъ изъ ея среды и стоитъ у кормила общественныхъ народныхъ и государственныхъ дѣлъ.

Мы надѣемся, что наступитъ время, когда разсудительность возьметъ верхъ надъ этимъ легкомысліемъ, и когда кончатся тѣ безобразныя явленія въ видѣ забастовокъ, обструкцій и безцѣльныхъ уличныхъ выходовъ толпы, которыя теперь такъ часто компрометтируютъ нашу учащуюся молодежь и подрываютъ существованіе высшихъ учебныхъ заведеній въ самой ихъ основѣ.

Многое, какъ мы старались убѣдить, объясняется ненормальной организаціей нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но тѣмъ не менѣе за многое отвѣтственна и сама учащаяся молодежь. Долгъ нашъ, болѣе зрѣлыхъ и опытныхъ людей, показать, что мы понимаемъ суть явленій, и, призывая юношество къ порядку и въ особенности къ уваженію къ учебнымъ заведеніямъ, которымъ оно обязано столькими высшими благами, даваемыми образованіемъ,—въ свою очередь сознать и свои грѣхи; но мы должны указать и тѣ погрѣшности и недостатки, которые зависятъ уже не отъ учащихся, а отъ правящихъ учрежденій и классовъ, и взывать къ искорененію этихъ, пожалуй худшихъ непорядковъ столь же искренно и громко, какъ мы взываемъ къ учащемуся юношеству, доказывая ему, что внутренняя дисциплина и порядокъ въ заведеніи отвѣчаютъ прежде всего его собственнымъ потребностямъ и нуждамъ, а потому необходимы для ученья; безъ этого, терминъ: „учащаяся молодежь"—теряетъ смыслъ и право на существованіе.

Университетъ—для науки, т.-е. для подготовки путемъ ея къ дѣятельности въ обществѣ и государствѣ, — остальное же, при трудѣ, выдержкѣ и терпѣніи—само собой приложится.—Вотъ возгласъ, съ которымъ мы должны обращаться къ учащимся, говоря

имъ:—друзья наши! помните, что безъ порядка немыслима ваша собственная подготовка, а потому убѣждаемъ васъ не вредить себѣ и учрежденіямъ, къ которымъ вы принадлежите, и не губить наше просвѣщеніе!—Но мы также обращаемся и къ власть имѣющимъ и просимъ:—болѣе свободы, болѣе свѣта, болѣе вѣры въ силу, пользу и необходимость самодѣятельности и самостоятельности! Это необходимо для общаго нашего блага; это нужно во имя нашихъ собственныхъ интересовъ, дабы дать самой власти ту нравственную точку опоры, безъ которой никакая сила, какъ бы велика она ни была, не обезпечиваетъ еще сама по себѣ успѣха нашей дѣятельности...

На этомъ мы остановимся, хотя и вполнѣ сознаемъ, что далеко еще не исчерпаны нами всѣ сложные и важные вопросы, затронутые у насъ. Но, быть можетъ, мы когда-нибудь еще и вернемся къ тому же предмету.

Графъ Павелъ Капнистъ.

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXI *).

Около шести недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ирина Львовна видѣлась съ адвокатомъ; въ теченіе этого времени ничего не измѣнилось въ ея жизни, если не считать возобновившейся болѣзни, приступъ которой вскорѣ, впрочемъ, прошелъ.

Она уже знала по прежнему опыту, что̀ надо дѣлать, и пользовалась прежними лекарствами, не призывая Карелинова, чтобы не давать лишняго повода къ сплетнямъ и не причинять ему непріятностей.

Съ своимъ горемъ она уже начинала сживаться. Жизнь казалась ей чьей-то шуткой, неумѣстной и продолжительной, въ родѣ тѣхъ шутливыхъ и неостроумныхъ анекдотовъ, которые разсказываютъ иногда не особенно умные люди, желая развлечь скучающее общество. И эти анекдоты вызываютъ, обыкновенно, въ слушателяхъ насильственную улыбку или болѣзненную зѣвоту.

Володя не могъ наполнить ея существованія, утишить ея жажду личной жизни, личнаго счастья.

Наступило лѣто, прекрасное, жаркое лѣто съ его южнымъ, голубымъ небомъ, серебряными облаками и золотыми лучами солнца. И Володя широко пользовался этимъ лѣтомъ, пребывая большую часть дня въ саду, копая грядки, сажая деревца, устроивая изъ песку крѣпости.

---

*) См. выше: нояб., стр. 5.

Она видѣла его только по утрамъ и вечерамъ, да во время стола. Она не хотѣла, ради эгоистическихъ цѣлей, лишать его воздуха и солнца, отнять у него хотя часъ времени для себя.

Она отпускала его одного по городу, въ городской садъ, на Продольную улицу, усаженную по сторонамъ липами. Въ саду онъ встрѣчался съ Карелиновымъ, и дружескія отношенія ихъ продолжались, хотя, вслѣдствіе сравнительной рѣдкости этихъ свиданій, Володя, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту эгоизмомъ, уже сталъ охладѣвать къ „дядѣ Мишѣ".

Но еслибы не было Володи, Иринѣ Львовнѣ жизнь показалась бы невыносимой.

Недавно она получила письмо отъ Екатерины Васильевны; тетка писала рѣдко, потому что ей была трудна процедура писанья.

Но на этотъ разъ она разразилась длиннымъ письмомъ, написаннымъ крупнымъ, круглымъ и—увы!—уже неровнымъ, старческимъ почеркомъ.

Она только-что узнала о разводѣ, затѣянномъ Владиміромъ Викторовичемъ, котораго по прежнему называла: „твой подлецъ". Освѣдомлялась о Ермолинѣ и въ строкахъ, посвященныхъ ему, сквозило теплое чувство. „Слыхала, что боленъ онъ; дознайся—чѣмъ. Опасенъ ли? Пусть никого не зоветъ кромѣ Миши, потому что Миша и хорошій врачъ, и хорошій человѣкъ. Побывай у Ефима Ивановича, онъ человѣкъ старый, и никто съ тебя за это не взыщетъ, а ему будетъ лестно".

Далѣе справлялась она, бываетъ ли у нея Миша, совѣтовала приглядѣться къ нему повнимательнѣе; радовалась разводу, который ей наконецъ развяжетъ руки и она получитъ свободу выбора... Очевидно, она намекала на Карелинова.

Ирина Львовна усмѣхнулась и продолжала чтеніе, которое ее, въ концѣ концовъ, разстроило. Тетка хотѣла имѣть свѣдѣнія о своихъ старыхъ знакомыхъ—Житецкихъ, Казицыной и другихъ; Ирина Львовна скрыла отъ нея настоящія отношенія къ ней городского общества, и потому всегда, въ своихъ отвѣтахъ, умалчивала объ этомъ, что̀ не мало удивляло тетку.

Въ концѣ письма было нѣсколько словъ о Володѣ и надежда на пріѣздъ въ серединѣ августа.

Получала Ирина Львовна и письма Терехова, ставившаго ее au courant дѣла, которое пошло сразу. блестяще, и адвокаты были уже вызваны на судоговореніе въ консисторію. На дняхъ должно состояться окончательное засѣданіе и постановленіе рѣшенія. „Теперь это упрощено и ускорено, какъ видите, — пи-

салъ онъ ей,—и въ концѣ августа или началѣ сентября думаемъ возложить на вашего ех-супруга новыя, но уже тяжелыя цѣпи Гименея".

Иринѣ Львовнѣ было теперь рѣшительно все равно; она не интересовалась дальнѣйшей судьбой Владиміра Викторовича. Иногда, впрочемъ,—что̀ съ ней бывало и раньше,—передъ ея воображеніемъ всплывала, точно отдаленное марево въ пустынѣ, картина ея прежней жизни или даже просто одинъ какой-нибудь цвѣтокъ на обивкѣ мебели ея комнаты, и ей становилось до тошноты грустно.

Городъ пустѣлъ. Всѣ разъѣхались по деревнямъ, помѣстьямъ и дачамъ. Городъ, утопавшій въ зелени, и самъ походилъ на дачное мѣсто, и Ирина Львовна не находила нужнымъ куда-нибудь уѣзжать.

Рано утромъ ходила она съ Володей въ городской садъ, обыкновенно безлюдный въ этотъ часъ, а теперь и совсѣмъ пустынный.

Здѣсь она познакомилась съ Мышецкой и Декановой.

Онѣ, очевидно, искали этого знакомства и, заговоривъ съ Володей, перешли на разговоръ съ Ириной Львовной.

Но Ирина Львовна совершенно отвыкла отъ разговоровъ съ дамами. Ей было какъ-то неловко, и она конфузилась, словно сама за это время успѣла убѣдиться въ томъ, что ей не мѣсто въ обществѣ.

Поэтому разговоры эти не клеились и падали сами собой.

Да и ни Мышецкая, ни Деканова ей не понравились.

Въ обѣихъ чувствовалось какъ бы сознаніе подвига въ томъ, что онѣ снизошли до разговора съ нею. Быть можетъ, этого и не было на самомъ дѣлѣ, но такъ казалось Иринѣ Львовнѣ, и она не могла этого переносить.

Да и познакомились онѣ, можетъ быть, оттого, что въ городѣ не было уже ни Житецкихъ, ни Казицыной, ни другихъ ея принципіальныхъ враговъ, такъ что бояться рѣшительно было некого.

Это сознаніе способно было отравить удовольствіе, еслибы она таковое даже испытывала.

Но Ирина Львовна его не испытывала. Деканова, съ какимъ-то нарочито-двусмысленнымъ подчеркиваньемъ, восхваляла „флёртъ" и не находила въ немъ ничего позорнаго. Въ ея словахъ звучало какъ бы оправданіе Ирины Львовны въ поступкахъ, которыхъ за ней не было. Мышецкая не показалась ей оригинальной. Вся ея репутація enfant terrible утверждалась на томъ, что Мышецкая взяла себѣ за правило, основательно или

безъ всякихъ мотивовъ, отрицать то, что̀ признавалось другими. Это была все та же игра словами: добро, зло, уваженіе, любовь... A la longue, это показалось скучно Иринѣ Львовнѣ, и она, къ тому же, вовсе не была расположена къ этой невинной забавѣ губернской барышни.

Поэтому, простившись съ ними, она ушла съ Володей, не пригласивъ ихъ къ себѣ.

Деканова скоро уѣхала въ лагерь къ мужу, совсѣмъ больная. Ея корнетъ, дѣйствительно, подалъ рапортъ о женитьбѣ съ представленіемъ реверса, и въ мужелюбивой душѣ командирши оказалась вакансія, которую она надѣялась, впрочемъ, къ осени заполнить. Мышецкая, оставивъ бабушку въ городѣ, уѣхала за границу—набираться новаго остроумія и словечекъ для устрашенія наивныхъ и добродѣтельныхъ губернскихъ душъ въ новомъ сезонѣ.

Карелиновъ, очевидно, дулся на Ирину Львовну и рѣдко, рѣдко навѣщалъ ее.

Такъ шла жизнь ея.

Тоскливо и однообразно текли дни за днями, безконечной чередою пóлзли часы. Музыка, чтеніе и Володя наполняли эти категоріи времени, образуемыя часами завтраковъ и обѣдовъ.

XXII.

Вспомнивъ порученіе Екатерины Васильевны, Ирина Львовна захотѣла узнать подробности о здоровьѣ Ермолина.

Онъ давно не былъ у нея, этотъ единственный человѣкъ, съ которымъ она себя чувствовала легко и свободно.

Тетушкѣ легко было сказать въ письмѣ: „навѣсти его“; но Ирина Львовна, хотя и не боялась сплетенъ, не хотѣла, все-таки, давать имъ лишней пищи. Тамъ, въ Петербургѣ, посѣтить больного старика считалось бы дѣломъ вполнѣ естественнымъ; здѣсь изъ такого естественнаго поступка непремѣнно сдѣлали бы цѣлое событіе.

Поэтому она рѣшила, однажды, пойти въ городской садъ, въ тотъ часъ, когда тамъ бывалъ Карелиновъ.

— А вотъ и дядя Миша! — вскрикнулъ Володя и бросился къ нему на встрѣчу.

Карелиновъ приласкалъ мальчика, поздоровался съ его матерью.

Видъ у него былъ утомленный, вялый, какъ, впрочемъ, всегда за послѣднее время.

Это такъ не шло къ его здоровой, сильной фигурѣ.

— Вамъ что-то не по себѣ,—сказала ему Ирина Львовна.

— Да, мнѣ не по себѣ,—отвѣтилъ онъ мрачно.—И вы мнѣ это говорите при каждой встрѣчѣ.

— Чтò съ вами?

— Усталъ. Даже я усталъ. Прежде меня не утомляли безсонныя ночи. У меня была большая практика. Теперь отъ нея осталось воспоминаніе. И зимой она уменьшилась очень замѣтно, а теперь, лѣтомъ, и совсѣмъ ея нѣтъ. И странно, когда была большая практика, я ничуть не утомлялся, несмотря на непосильную иногда работу. А теперь какая-нибудь одна ночь безъ сна дѣйствуетъ уже утомительно на мой организмъ.

— Вы были у нашего больного?

Онъ началъ свой разговоръ неохотно, вяло; но Ирина Львовна всегда дѣйствовала на него оживляющимъ образомъ. И когда Володя кинулся на лужайку за какой-то заинтересовавшей его бабочкой, Карелиновъ, въ прежнемъ дружескомъ тонѣ, изложилъ ей свою жалобу.

Теперь онъ отвѣтилъ на ея вопросъ:

— У больного? У Ермолина?

— Именно о немъ я и хотѣла спросить у васъ. Тетя требуетъ подробныхъ свѣдѣній о его болѣзни. Развѣ онъ такъ боленъ?

— Боюсь быть пророкомъ. Но думаю, что не дотянетъ до осени.

— Да чтò вы?!—вздрогнувъ, прошептала она.

— Напишите тетѣ Катѣ, что онъ плохъ, очень плохъ. Вы должны написать это. Они когда-то были очень близки, и Ефимъ Ивановичъ дѣлалъ ей предложеніе.

— Чтò вы говорите! — опять удивилась Ирина Львовна.— Такъ это цѣлый романъ?

— Неужели вы этого не знали?

— Тетя никогда мнѣ не говорила объ этомъ. Да чѣмъ же онъ, наконецъ, боленъ?

Карелиновъ не отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Отчего вы къ нему не зайдете?—сказалъ онъ.—Старикъ очень бы хотѣлъ васъ видѣть. Я провозился съ нимъ всю ночь; теперь онъ можетъ говорить. Хотите, я васъ провожу къ нему, а Володю отведу домой и побуду съ нимъ часокъ?

Они пошли.

Ермолинъ занималъ домъ-особнякъ въ восточной части города, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи; благодаря этому обстоятельству, это былъ единственный домъ, освѣщавшійся электричествомъ, въ то время какъ весь городъ тонулъ во мракѣ муниципальнаго освѣщенія керосиномъ.

За домомъ былъ садъ въ англійскомъ вкусѣ, хорошо содержимый. И весь домъ былъ въ стилѣ барскихъ затѣй „добраго стараго времени", въ томъ псевдо-греческомъ стилѣ, которымъ удовлетворяли свои художественныя потребности до-реформенные помѣщики.

Домъ походилъ на усадебное зданіе, перенесенное цѣликомъ, съ садомъ, на городскую почву.

И комнаты были обставлены по старомодному, что̀ придавало имъ особую прелесть забытой старины.

Ирина Львовна прошла никѣмъ не замѣченной въ двери. Она спросила уже въ передней, у попавшагося ей на глаза лакея, о Ермолинѣ. Старый лакей, во фракѣ, молча указалъ ей на двери кабинета, а потомъ шопотомъ прибавилъ:

— Пожалуйте.

Онъ зналъ, что его баринъ терпѣть не могъ докладовъ и визитныхъ карточекъ. „Кому нужно, пусть идетъ. Я всегда одѣтъ и фальшивой монеты не дѣлаю. Скрывать мнѣ нечего".

Дверь беззвучно отворилась, и Ирина Львовна неслышно вошла въ кабинетъ.

Ермолинъ сидѣлъ у окна, и красные лучи заката падали на него, освѣщая его сильно осунувшееся, какое-то мертвенное лицо своими красками.

— Здравствуйте, Ефимъ Ивановичъ,—сказала Ирина Львовна въ полголоса, чтобы не испугать его.

Старикъ взглянулъ на нее мутнымъ взглядомъ.

— Кто это? — невнятно спросилъ онъ. — Это вы, Ирина Львовна?

Онъ говорилъ тяжело, съ трудомъ выговаривая слова.

Она угадала въ этихъ затрудненныхъ словахъ то его состояніе, подъ вліяніемъ котораго онъ часто торопливо уходилъ отъ нея.

Но теперь это состояніе, видимо, дошло до высшей точки.

— Это я,—сказала она.—Пожалуйста сидите, не безпокойтесь, я пришла узнать о вашемъ здоровьѣ, — торопливо проговорила она, видя, что онъ закопошился рукою по столику, стоявшему около его кресла.

— Сейчасъ,—сказалъ онъ,—одну минутку...

— Боже мой, что вы дѣлаете?! — съ испугомъ вскрикнула она, увидя его движенія.

Но онъ молча обнажилъ свою руку, всю въ какихъ-то красноватыхъ плѣшкахъ, и въ мясистую часть ея, близъ локтя, всадилъ иглу правацовскаго шприца, наполненнаго бѣлой, прозрачной жидкостью.

Прошло немного времени; Ирина Львовна смотрѣла на старика съ ужасомъ. Передъ ея глазами совершалась удивительная метаморфоза: глаза Ермолина оживились и заблестѣли, цвѣтъ лица потерялъ свой землистый оттѣнокъ, и прежнее выраженіе бодрости появилось въ немъ.

— Что это?—спросила она, задрожавъ.

— Кокаинъ,—весело отвѣтилъ онъ.

— И это вамъ прописалъ Карелиновъ?

Ермолинъ засмѣялся.

— Нѣтъ! О, нѣтъ! Это я прописалъ самъ себѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Карелиновъ мнѣ это запретилъ. А я его не слушаю, потому что Карелиновъ—врачъ-буржуа. А всякій врачъ-буржуа воображаетъ, что прелесть жизни есть ея продолжительность, и считаетъ своей священной обязанностью тянуть, елико возможно, эту мучительную канитель, которая называется жизнью...

Ирина Львовна все поняла.

Такъ вотъ въ чемъ его болѣзнь!

— Развѣ жизнь не стоитъ того, чтобы о ней заботиться?— робкимъ голосомъ спросила она, не зная, что придумать сказать ему.

— Жизнь дорога не продолжительностью, — отвѣтилъ онъ съ прежнимъ увлеченіемъ,—а интенсивностью. Я всегда хотѣлъ короткой жизни, но квинтэссенціи ея; я всегда думалъ съ ужасомъ о продолжительной жизни, разведенной водицей буржуазнаго счастья. И вотъ, я началъ впрыскивать въ себя квинтэссенцію жизни. Вы думаете кокаинъ—ядъ? Ничуть. Это—сконцентрированное ощущеніе жизни, заключенное въ банку; таковою жизнь должна была бы существовать у человѣчества. Я удивляюсь, какъ живутъ у насъ люди безъ кокаина? Я не могу жить безъ мысли. А мысль приводитъ къ дѣйствію. Но намъ запрещено дѣйствіе, намъ предоставлено подчиненіе дѣйствіямъ другихъ. Я находилъ всегда это унизительнымъ, недостойнымъ для полноправнаго человѣка...

— Но, однако...

— Ничего не „однако“, милая Ирина Львовна. Что же дѣ-

лать, когда человѣкъ обреченъ на бездѣйствіе? Когда никто тебя ни къ чему не зоветъ, когда никто не нуждается въ твоихъ силахъ и способностяхъ, когда ты не можешь свободно высказать того, что̀ разрываетъ тебѣ грудь? Вотъ и сидишь у окна, и смотришь на это голубое небо. Когда перевалитъ за̀ полдень, оно темнѣетъ, становится почти синимъ. Потомъ оно застроивается воздушными за̀мками изъ серебряныхъ облаковъ, и ни одинъ архитекторъ въ мірѣ—даже вашъ ex-супругъ—не придумаетъ такихъ причудливыхъ фасадовъ. А что̀ за ними? Неизвѣстно. А что̀ за внѣшнимъ видомъ, въ душѣ у человѣка? Неизвѣстно. Ну, къ вечеру, вотъ, появляется эта красная заря, и грязный вокзалъ, который виденъ изъ этого окна, становится совсѣмъ чернымъ, отвратительнымъ по своей нелѣпой архитектурѣ... Я говорю, кажется, много, но это ничего. Дайте наговориться. Я долго молчалъ. Можетъ быть, я говорю нелѣпо, и можетъ быть даже, это не я говорю, а тотъ элементъ жизни, который вошелъ въ меня черезъ шприцъ. Но лучше говорить нелѣпости, чѣмъ... чѣмъ... Постойте, вотъ мысль убѣжала куда-то.

Въ его взорѣ, въ его словахъ было возбужденіе, взвинченность, взволнованность, опьяненіе.

Съ душевной болью Ирина Львовна слушала его, не прерывая, не желая прерывать,—до того жгуче любопытно было для нея это новое зрѣлище.

— Силы есть, желаніе работать есть, а примѣнить ихъ не къ чему,—продолжалъ онъ.—Избытокъ силъ накопляется, ищетъ выхода. Если ему не найти выхода, онъ все равно вырвется и причинитъ разрушеніе человѣку и другимъ людямъ. Недальновидны тѣ политики, которые не видятъ необходимости въ предохранительныхъ клапанахъ жизни... Жизнь стала тоскливой, сѣрой, пошлой... людишки пошли мелкіе, маленькіе людишки, какъ раки, которыхъ берутъ для супа, и дѣлишки этихъ людишекъ—исполнительныя, а не созидательныя. Ну, они и могутъ жить. Рабочій можетъ жить: работа для него—тотъ же кокаинъ. И мужикъ можетъ жить—голодъ его возбуждаетъ къ жизни. А я? Я не могу жить. Я богатъ. Силъ и способностей своихъ примѣнить некуда. И вотъ почему у насъ много гибнетъ способныхъ людей, не съумѣвшихъ, да и не имѣющихъ возможности приспособиться къ жизни. Царство неприспособленныхъ! Что же, такъ вотъ, вѣчно смотрѣть на воздушные за̀мки въ небѣ и на угасающую въ окнѣ зарю?...

Она боялась, что Ермолинъ утомитъ себя этими длинными монологами, и прервала его:

— Я зашла по порученію тети,—сказала она.—Тетя слыхала о вашей болѣзни и безпокоится...

Онъ внимательно выслушалъ ее, какъ будто ея слова долетали до его слуха издалека, изъ чужого ему міра, и ложились съ трудомъ въ его омраченное ядомъ сознаніе.

— Тетя?.. Ахъ, да, тетя Екатерина Васильевна! Спасибо ей, не забыла... И я не забылъ ее. Она была красавица.

— Тетя Катя?!

— Да, тетя Катя. Вамъ, молодежи, всегда это непонятно, когда говорятъ о старикахъ, что они были красивы. Вы не умѣете узнавать прекрасное въ полуразрушенномъ фасадѣ. Но она была прекрасна, и я любилъ ее...

— Я это слышала. Отчего вы не женились на ней? Можетъ быть, съ вами бы не было теперь того, что̀ есть...

Онъ опять внимательно прислушался, точно соображая отвѣтъ.

— Если вы думаете, что вотъ это...—онъ указалъ на кокаинъ,—коррективъ къ неудачной любви,—ошибаетесь. У каждаго изъ насъ есть что-нибудь дорогое, святое и завѣтное, кромѣ женщины. Я былъ слабѣе ея. Я хотѣлъ жениться на ней, она меня отговорила. Она тогда держалась другихъ взглядовъ и возлагала на меня большія надежды. Она не хотѣла меня связывать. Женатый человѣкъ всегда рабъ своей семьи. Или рабъ, или деспотъ. Мы оба любили свободу... всегда вѣдь любишь то, чего не хватаетъ въ жизни. И мы оба съумѣли бы ею воспользоваться, отказавшись отъ брачныхъ цѣпей... Но гдѣ же у насъ была свобода мысли и дѣйствій? Ея не было... И вотъ мы оба остались неприспособленными. Скажите ей, что умираю. Да, да... Я видѣлъ это въ глазахъ Карелинова. Не выходите за Карелинова. Онъ васъ согнетъ. У васъ есть ребенокъ — довольно съ васъ и этого рабства. Онъ просилъ меня повліять на васъ, чтобы вы вышли за него замужъ. Но не могу... Онъ хочетъ счастья, вы хотите счастья... Но вѣдь вы хотите того, чего не существуетъ на свѣтѣ...

— Какъ же не существуетъ!—запротестовала Ирина Львовна.

— Не существуетъ. Счастье—сказка, придуманная умными людьми для утѣшенія глупыхъ. Каждый понимаетъ его узко по своему. И нѣтъ двухъ человѣкъ, которые его понимали бы одинаково. И вотъ такіе разные люди сходятся и воображаютъ, что могутъ быть счастливы. Я богатъ, и многіе видятъ въ этомъ счастье. А я вижу въ этомъ несчастье. Потому что у каждаго нуждающагося человѣка скорбь въ глазахъ, даже когда онъ не проситъ. Я не могу помочь всѣмъ нуждающимся, мнѣ больно

это сознаніе, и оно—несчастье моей жизни. Нѣтъ счастья! Нельзя быть счастливымъ, потому что каждый понимаетъ счастье въ томъ, чтобы быть не только счастливымъ, но *счастливѣе* другого. А всѣ „счастливые“ люди кажутся болѣе счастливыми, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ... Заря погасла... Скоро наступитъ ночь, засвѣтятъ звѣзды на черномъ небѣ. А люди все будутъ жить и къ чему-то стремиться. И все будутъ обманывать себя и другихъ... Нѣтъ, что же, Катя... А я вотъ одинъ, а заря погасла...

Онъ началъ заговариваться.

Дѣйствіе яда проходило... какъ скоро!

Ирина Львовна дрожала. Ей сдѣлалось жутко въ этой темной, мрачной комнатѣ, вдвоемъ съ полумертвымъ старикомъ, съ этимъ чернымъ вокзаломъ, рисовавшимся въ окнѣ на мѣдно-красномъ фонѣ неба.

Ей хотѣлось бѣжать.

Нижняя челюсть отвисла у несчастнаго старика; глаза его помутнѣли, блѣдность смерти разлилась по его впалымъ щекамъ.

Она хотѣла крикнуть. Ей стало страшно. Она чувствовала себя лицомъ къ лицу со смертью. Надвигался вечеръ. Небо темнѣло быстро; въ комнатѣ уже трудно было различать предметы. Прямо передъ ней, на темномъ квадратѣ открытаго окна, тяжелой, еще болѣе темной массой выдѣлялся силуэтъ Ермолина, превратившійся во что-то низкое, безформенное. Ей казалось, что ее заключили въ подземелье, въ склепъ, съ этимъ трупомъ.

Она вздрогнула.

Со стороны вокзала раздался протяжный свистъ паровоза; вдали замелькалъ рядъ освѣщенныхъ оконъ вагоновъ, тянувшихся въ темнотѣ вечера по невидимой насыпи, словно гигантское животное, медленно подползавшее къ своему логовищу. Послышались звонки, крики... Это были голоса жизни. И они вернули ее къ сознанію дѣйствительности.

Очнулся вдругъ и Ермолинъ.

На короткое время къ нему вернулась бодрость.

Онъ снова заговорилъ, но уже глухимъ, потухшимъ, слабымъ голосомъ:

— Откуда они ѣдутъ? Куда они ѣдутъ? Зачѣмъ они ѣдутъ? Это—жизнь. Изъ невѣдомой дали выходитъ поѣздъ и исчезаетъ въ темную, невѣдомую даль. По дорогѣ останавливается, и люди съ любопытствомъ смотрятъ на нашъ жалкій городъ изъ своихъ оконъ, заключенные сами въ узенькомъ вагонѣ. И имъ кажется, что они свободны, потому что двигаются, будто бы по своему жела-

вію, и каждому кажется, что онъ имѣетъ право на мѣсто, потому что заплатилъ за него. И еще кажется, что это узкое, грязное мѣсто—временное, и что онъ ѣдетъ къ болѣе свободному и широкому мѣсту... Кто здѣсь? Съ кѣмъ я говорю? Брежу ли я, или говорю съ кѣмъ-нибудь?

— Это я здѣсь... Ирина.

— Ирина... ахъ, да. Помню въ лѣсу маленькую муравьиную кучку. Бѣгаютъ муравьи, суетятся, строятъ себѣ прочное жилище, чтобы надолго поселиться въ немъ. Каждый кустикъ имъ кажется большимъ, а толстое дерево—гигантскимъ, какъ намъ какія-нибудь Гималаи. Муравьи плодятся, ссорятся, дерутся—живутъ. Вдругъ что-то темное застилаетъ имъ свѣтъ. Ниже и ниже, воздуха мало, дышать нечѣмъ. Ими овладѣваетъ волненіе... Что-то темное сразу надвигается на нихъ—отъ муравьевъ нѣтъ слѣда. И отъ ихъ трудовъ, и отъ ихъ дѣлъ, и отъ ихъ тѣлъ. Это темное—каблукъ проходившаго мужика. Зачѣмъ онъ шелъ и именно ступилъ на ихъ городокъ? Если бы прошелъ стороною, они остались бы жить, но зато погибли бы какія-нибудь божьи коровки... Сколько такихъ мужиковъ ходитъ по лѣсу и уничтожаетъ жизнь? И все въ разныхъ направленіяхъ, и на каждую жизнь находится такой каблукъ. И надъ мужикомъ есть такой каблукъ, который вдругъ надавитъ на него и раздавитъ. Это—жизнь. Старо и глупо? Нѣтъ, другъ мой, Карелиновъ: старо, но не глупо. Нѣтъ другого объясненія. Безсмысленность—вотъ что̀ управляетъ міромъ. Ты говоришь: старо? А что—ново? Новыя слова всѣ сказаны: и весь-то ихъ запасъ небольшой. Дай мнѣ еще кокаину. Онъ приближаетъ меня къ Безсмысленности... Ага, вспрыснулъ-таки... Нѣтъ, братъ, врешь, это не кокаинъ, а вода... Дай-ко, я самъ...

— Ефимъ Ивановичъ! — вскрикнула Ирина. — Довольно, умоляю васъ...

Онъ трепетно шарилъ сгорбленными, трисущимися пальцами по столу, пошатнулъ его, и столъ упалъ.

Вбѣжалъ на шумъ старикъ лакей и на ходу повернулъ кнопку. Комнату затопилъ яркій потокъ электрическаго свѣта.

То, что̀ увидѣла передъ собою Ирина Львовна, было такъ ужасно, что она, молча стиснувъ губы, чтобы не крикнуть, какъ сумасшедшая выбѣжала изъ комнаты.

Старикъ лежалъ въ судорожно-скрюченной позѣ, голова его откинулась, глаза съ широкими зрачками остеклянѣли.

— Ничего, отойдутъ,—успокоительно сказалъ ей въ догонку лакей и принялся возиться около барина.

Не помня себя, бѣжала Ирина Львовна домой.

Володя спалъ, Карелинова уже не было.

Она послала за нимъ горничную, чтобы та направила его къ Ермолину.

Поздно вечеромъ Карелиновъ зашелъ къ ней.

— Ну, что? — съ тревожно-бьющимся сердцемъ, спросила она его.

— Вы напрасно присылали горничную. За мной всегда присылаютъ оттуда сами...

— Что съ нимъ? Что?

Карелиновъ равнодушно пожалъ плечами.

— Да ничего. Отошелъ, какъ всегда.

— Господи! Да что же вы ему не поможете? Что же вы ничего не сдѣлаете, чтобы помочь ему?

— Мы—не боги. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ можно помочь человѣку, который сознательно хочетъ себя погубить? Если знаете способъ — скажите. Это будетъ большое открытіе.

— Я не знаю такого способа.

— И я не знаю.

— Но вѣдь это же ужасно...

— Ужаснаго много на свѣтѣ.

XXIII.

Дождь только-что кончился. Намокшія вѣтви деревьевъ печально поникли въ саду и роняли съ пожелтѣвшихъ листьевъ крупныя капли. Лѣто прошло. Начиналась тоскливая осень, слезливая, какъ недужная старость.

Иринѣ Львовнѣ больше было по душѣ это унылое время года; въ немъ было что-то печальное, какая-то минорная нота, которая звенѣла и въ ея наболѣвшей душѣ.

Яркія краски стали блѣднѣе, пріятнѣе для утомленнаго глаза; не такъ рѣзко свѣтило солнце, не такъ сине было небо, часто заволакивавшееся тучами, и зеленый покровъ сада смѣнился желтымъ во всей пестротѣ его осенней расцвѣтки.

Володя хмурился, потому что ему чаще приходилось сидѣть дома; онъ чуточку поблѣднѣлъ, но это не смущало его мать, потому что она знала, что онъ надолго запасся здоровьемъ за лѣто; никогда ему не удавалось впитать въ себя столько солнца, такъ надышаться воздухомъ на петербургскихъ сырыхъ и промозглыхъ дачахъ.

Ирина Львовна не рѣшилась еще отдавать его въ провинціальную гимназію; торопиться было некуда, и Карелиновъ совѣтовалъ дать мальчику годъ антракта для полнаго укрѣпленія силъ; но главное, она какъ-то не могла убѣдить себя, что останется здѣсь надолго.

А давно ли еще она мечтала объ этомъ тихомъ углѣ, о томъ, что она окончательно поселится здѣсь и проживетъ здѣсь до конца жизни.

Все, все опостылѣло ей въ этомъ скверномъ и лицемѣрномъ городишкѣ!

Несмотря на обѣщаніе, Екатерина Васильевна не пріѣхала и осенью. Карелиновъ былъ правъ, когда предсказывалъ смерть Ермолина. Ефимъ Ивановичъ, дѣйствительно, умеръ въ началѣ августа мѣсяца. Теперь былъ уже конецъ сентября.

Ирина Львовна писала о смерти Ермолина Екатеринѣ Васильевнѣ, и ту это извѣстіе такъ поразило, что она вторично захворала и очень серьезно.

Сентябрь былъ дождливый, тяжелый, хмурый. Говорили, что октябрь въ этихъ краяхъ бываетъ всегда прекрасный, но это уже мало интересовало Ирину Львовну; она рѣшила покинуть городъ. Она не рѣшила еще, куда поѣдетъ, но оставаться здѣсь было бы для нея настоящей пыткой.

Она даже рѣшила бо́льшее: продать домъ и участокъ земли, лежавшій рядомъ съ нимъ, еще незастроенный.

Горюновъ,—тотъ самый, который когда-то купилъ имѣніе ея матери и который, несмотря на петербургскаго адвоката Льговскихъ, выигралъ свой процессъ съ ними въ послѣдней инстанціи, былъ теперь въ радужномъ настроеніи и силѣ.

Карелиновъ взялся устроить Иринѣ Львовнѣ это дѣло, потому что Горюновъ былъ его паціентомъ и притомъ благодарнымъ паціентомъ: врачъ успѣшно лечилъ его отъ одышки и ожирѣнія.

Карелиновъ нашелъ Ирину Львовну въ саду.

— Я искалъ васъ въ домѣ,—никакъ не думалъ, что вы выйдете въ такую сырую погоду.

— Я тепло одѣта и не боюсь простуды.

Она задѣла зонтикомъ вѣтку, съ которой посыпался градъ тяжелыхъ дождевыхъ капель.

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ долгой борьбы она рѣшилась, наконецъ, разстаться съ ненавистнымъ ей городомъ, она повеселѣла, умиротворилась душой; даже извѣстіе Терехова о томъ, что Владиміръ Викторовичъ уже женился, и бракъ его, послѣ

нѣкоторыхъ препятствій, былъ признанъ и легализированъ, какъ-то мало ее тронуло.

Вся возмущенная гордость, давно уже притихшая въ ней, вдругъ сразу поднялась въ ея душѣ и громко заговорила. И вотъ почему она не пролила ни слезинки при этомъ извѣстіи о разрушенномъ и погребенномъ счастьи.

И ей всегда вспоминались рѣчи безумнаго Ермолина о несуществующей на свѣтѣ фикціи, которую люди называютъ, по издавна усвоенной глупой традиціи, счастьемъ. И надъ ея жизнью поднялся чей-то нелѣпый каблукъ и, опустившись надъ нею, чуть не раздавилъ ее; но она успѣла уклониться въ сторону. Зачѣмъ? По теоріи Ермолина, все вѣдь равно, опустится на нее какой-нибудь другой каблукъ, который нелѣпо и безпричинно прикончитъ ея нелѣпое и безпричинное существованіе...

Эти мысли являлись къ ней каждый разъ, когда передъ нею являлся Карелиновъ. Онъ былъ по прежнему уже бодръ, здоровъ и силенъ духомъ.

„Этотъ не раскиснетъ,—думала она,—потому что не боится жизни. Подъ ея тяжелый молотъ попадаютъ тѣ, кто боится ея; онъ силенъ, онъ можетъ бороться"...

Но прежняя жизнерадостность прошла и у Карелинова; онъ былъ теперь все-таки еще часто хмуръ, и чувствовалось, что его сердце удручено тяжелой обидой.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу,—сказалъ онъ.—Я видѣлся съ Горюновымъ въ третій, окончательный разъ.

— И?..

— Онъ согласенъ. Осматривать дома онъ не будетъ. Онъ хорошо его знаетъ, какъ и ваше порожнее мѣсто у дома.

— Я очень, очень рада и благодарю васъ.

— Право не стоитъ. Цѣна не маленькая, и Горюновъ никогда раньше не далъ бы ея.

— Я обязана этимъ вашей протекціи.

— Ничуть!—энергично запротестовалъ онъ.—Для Горюнова въ денежныхъ и дѣловыхъ отношеніяхъ не существуетъ ни протекціи, ни знакомства, ни дружбы, ни родства...

— Тогда что же? Какъ объяснить... я не понимаю.

— Я-то понимаю, зато. Нюхъ у него. Слышно, что желѣзная дорога переноситъ свой неуклюжій вокзалъ на другое мѣсто, ближе къ окраинѣ города. Не въ этомъ ли причина? Я допытывался у него, не будетъ ли онъ самъ жить въ вашемъ домѣ. Но кулакъ упорно молчитъ. Разъ только проговорился, что сне-

сетъ домъ, и тогда я все понялъ. Но вѣдь все это вамъ неинтересно...

— Да, конечно, не все ли мнѣ равно? Мнѣ важно получить деньги. Скоро это можно будетъ сдѣлать?

— Ну... мѣсяцъ пройдетъ во всякомъ случаѣ.

Они вошли въ домъ.

Володя сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ книжку.

Имъ подали чай.

— Вотъ что,—сказалъ Карелиновъ:—если вы хотите уѣхать, то можете сдѣлать это теперь же. Оставьте мнѣ полную довѣренность, я все это сдѣлаю за васъ.

— Милый Михаилъ Ниловичъ, зачѣмъ же я буду еще утруждать васъ? Вы и такъ ужъ много для меня сдѣлали; мнѣ совѣстно. Вы поступили какъ истинный другъ, какъ настоящій другъ дѣтства. Я очень цѣню это. Послѣ того...

Она сконфуженно замолчала, неосторожно коснувшись раны, которая, можетъ быть, еще болѣла у него.

— Послѣ того, что произошло между нами,—докончилъ онъ, печально улыбнувшись,—вы думали, что я измѣню нашимъ простымъ дружественнымъ отношеніямъ. Къ чему? Я рѣже сталъ бывать у васъ... но я думалъ, что это удобнѣе было для васъ... и для меня.

— Благодарю васъ,—тихо сказала она, оцѣнивъ его деликатность, о которой до сихъ поръ не догадывалась.

— Такъ, значитъ, даете довѣренность?

— Нѣтъ... я не разсчитываю уѣхать раньше октября.

— И рѣшили, какъ мы говорили?

— Да, я поселюсь въ Больѐ, сначала въ отелѣ, потомъ, можетъ быть, куплю виллу, если найдется гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ и не будетъ дорого стоить. Володя будетъ учиться во французской школѣ, а когда настанетъ время серьезно ему заниматься... ну, да еще будетъ время подумать. Знакомство съ Ермолинымъ принесло мнѣ пользу: я уже не строю плановъ на далекое будущее и не загадываю впередъ.

— Знакомство съ Ермолинымъ могло приносить только вредъ, а не пользу,—строго сказалъ Карелиновъ.—Въ его взглядахъ было что-то разлагающее, ядовитое, опасное для слабаго душевнаго организма. Ужъ эта философія! Не вѣрю я ей; въ особенности не вѣрю тѣмъ, кто философствуетъ на словахъ.

— Однако, онъ сознательно и фактически уморилъ себя, и не на словахъ вѣдь, а на дѣлѣ.

— Онъ дожилъ до старости. Зачѣмъ было изводить себя

мучительной и продолжительной болѣзнью? Если онъ ненавидѣлъ жизнь, отчего было не кончить сразу?

Ирина Львовна задумалась.

— Да,—сказала она,—я этого не понимаю.

— Онъ хотѣлъ доказать, что воленъ играть жизнью и смертью; онъ испытывалъ свою волю. Но я думаю, что „свободная воля"—недоразумѣніе; мнѣ кажется, что кто-то, создавшій вселенную и человѣка, надѣлилъ его волей, какъ ребенка надѣляютъ погремушкой для его утѣхи, а въ концѣ концовъ все въ жизни дѣлается безъ участія этой „свободной" воли человѣка; дѣлается тѣмъ, кто сильнѣе его и дѣйствительно воленъ въ жизни и смерти. Ермолинъ презиралъ жизнь, но не имѣлъ воли умереть; онъ все только задорно подходилъ къ смерти и заигрывалъ съ ней, потому что дѣйствительная, а не человѣческая воля, не ея призракъ, почему-либо, намъ невѣдомому, считала его смерть преждевременной и опредѣлила ему эту мучительную жизнь...

— Мнѣ грустно,—прервала его Ирина Львовна,—грустно, что *вы* говорите такъ. Я думала, что вы сильный, и всѣ васъ считаютъ такимъ. Я думала, что у васъ большой запасъ воли.

Онъ тряхнулъ головой.

— Я самъ такъ думалъ. Я разубѣдился въ этомъ. Воля, которая не имѣетъ силы повернуть теченіе жизни по ея желанію,—не сила, а фикція. Ирина Львовна, милая, хорошая Ирина Львовна... вы скоро уѣзжаете, и я могу, я долженъ сказать вамъ еще разъ то, что̀ вы знаете. Я никогда не былъ героемъ романа,—кажется, неспособенъ имъ быть... но я люблю васъ, люблю вашего ребенка. Всею волею своей души я бы желалъ себѣ устроить теплое гнѣздо съ любимой мною женщиной и ребенкомъ. Не дѣлайте такого печальнаго, безпомощнаго лица—вы въ этомъ не виноваты. И вотъ, несмотря на это горячее желаніе моей воли, я ничего не могу сдѣлать: кто-то противъ этого, тотъ, кто безъ нашего вѣдома указываетъ намъ пути, по которымъ мы не хотимъ идти, но должны идти, скрипя зубами отъ боли и обиды. Это не любовное объясненіе; я даже не знаю, какъ нужно высказывать свою любовь. Это—крикъ моей наболѣвшей души... Простите, если я обидѣлъ или надоѣлъ вамъ.

Она положила свою руку на его руку.

Смущеннымъ, дрогнувшимъ голосомъ она заговорила, и въ ея словахъ было много чувства, много трогательнаго.

— Милый Миша,—сказала она, въ первый разъ назвавъ его этимъ именемъ,—за что̀ мнѣ обижаться? Я горячо благо-

дарна вамъ за все, что вы мнѣ сказали. Я знаю, вы меня любите, знаю—любите и Володю. Я одна на свѣтѣ, и у Володи нѣтъ болѣе отца. Конечно, разсуждая здраво, я должна была бы дать ему отца, и вы были бы, конечно, болѣе отцомъ ему по духу, чѣмъ тотъ, настоящій... Но, видите ли, что-то во мнѣ протестуетъ противъ этого, какъ будто не все еще кончено изъ прежней моей жизни... Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, я вовсе не хочу сказать, что во мнѣ живутъ еще прежнія чувства къ нему... Но что-то живетъ, трепещетъ, мѣшаетъ мнѣ жить по новому—можетъ быть, не остывшія еще воспоминанія. Какъ вы думаете?

— Не знаю. Я плохой психологъ,—печально отвѣтилъ онъ.

— И я не знаю. Вы думаете, я не люблю васъ? Если вы такъ думаете, то ошибаетесь. Но какъ люблю? И на это я не умѣю отвѣтить. Если любить—значитъ думать о человѣкѣ хорошо, чувствовать его доброе сердце, отвѣчать думой на его думы, чувствовать себя съ нимъ уютно, хорошо, спокойно, то я люблю васъ. Если любить—значитъ считать потерянной каждую минуту, проведенную безъ любимаго человѣка, если ночью и днемъ мечтать только о немъ одномъ, если его недостаетъ душѣ, какъ воздуха дыханію... то я не люблю васъ. Такой любви во мнѣ нѣтъ...

— Вы говорите о страсти. Это ужъ не любовь, а страсть.

— Ну да, страсть, увлеченіе... Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ увлеченія; оно будетъ мертвымъ. И связать свою жизнь съ чужою жизнью можно только по увлеченію, по страсти. Иначе выйдетъ мертвый союзъ...

— Страсть—эѳиръ,—улыбнулся онъ.—Эѳиръ опьяняетъ, но скоро улетучивается; мы, врачи, это знаемъ.

— И любовь улетучивается быстро, если къ ней не примѣшаны страданія. Страданіе, горе—это, кажется, необходимый цементъ для прочности счастья. Это тотъ огонь, въ которомъ обжигаются и закаляются кирпичи, идущіе на постройку зàмка счастья...

И она вдругъ разсмѣялась.

— Миша, милый,—сказала она.—Ну, посудите сами, голубчикъ, развѣ мы похожи на любовниковъ? Вѣдь еслибы мы, дѣйствительно, страстно, пылко, горячо любили другъ друга, мы бы просто бросились другъ другу въ объятія и, забывъ весь міръ, восклицали бы: „Миша! Ирина!“, захлебываясь отъ счастья. И всякій, подглядѣвшій за нами, сказалъ бы: „вотъ эти любятъ другъ друга“. А мы что дѣлаемъ? Сидимъ vis-à-vis и говоримъ

Богъ знаетъ что̀, разсуждаемъ о всякихъ отвлеченностяхъ. Знаете что̀? Я уѣду, вы оставайтесь. Испытаемъ другъ друга. Если во мнѣ заговоритъ чувство, если заглохнутъ окончательно воспоминанія минувшаго, и если вы съумѣете сохранить въ себѣ то, что̀ вы считаете любовью, то разстояніе не удержитъ насъ. Почувствовавъ, что мы не можемъ жить другъ безъ друга, мы встрѣтимся и бросимся другъ другу въ объятія. Хотите? Хорошо?

Онъ протянулъ ей руку.

— Хорошо. Но только этого никогда не будетъ, Ирина.

— Почему?

— Потому что это Соломоново рѣшеніе, по вашей же теоріи,—голосъ разума, а не чувства. Оно слишкомъ мудро и осторожно.

— Ну, я не знаю,—уныло сказала она.—Вы, можетъ быть, правы. Это—тайны любви. Никто ихъ не разгадалъ до сихъ поръ, хотя занимаются ими вѣчно.

Они замолчали.

Тучи за окномъ низко нависли надъ землею и стали индиговаго цвѣта. Зашелестѣли желтые листья на деревьяхъ промокшаго сада. Забарабанилъ дождь, обрывая съ вѣтвей ослабѣвшіе листья, и вѣтеръ медленно кружилъ ихъ въ воздухѣ, повергая на землю. И опечаленной Иринѣ Львовнѣ показалось, что уже навсегда миновали красные дни лѣта, и что для нея настала продолжительная и печальная осень жизни.

Она глубоко вздохнула.

— Небо плачетъ,—сказала она, указывая въ окно,—плачутъ золотыми слезами и эти деревья. И что-то плачетъ глухо, надорванно въ моей душѣ. Я устала. Устала думать, устала говорить, устала чувствовать...

Карелиновъ тревожно взглянулъ на ея осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо, закрытыя вѣки, складку горя, лежавшаго вокругъ ея губъ.

„Ужъ не возвращается ли къ ней та опасная болѣзнь?“—съ испугомъ подумалъ онъ.

— Вы больны, Ирина?—нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ спросилъ онъ.—Я васъ разстроилъ, и это—большой грѣхъ для врача. Вы больны. И вы правы—прежде всего вамъ надо уѣхать, уѣхать скорѣе, надолго. Отдохнуть тѣломъ и душою. Это все, что̀ вамъ нужно пока.

— Я уѣду,—съ утомленіемъ сказала она.

— И уѣзжайте-ка вы въ концѣ этой недѣли, какъ только

управитесь съ мелочами. Остальное я все за васъ сдѣлаю. Ну, скажите, что согласны?

— Хорошо,—проговорила она.

XXIV.

Поѣздъ уходилъ въ восемь часовъ вечера.

Цѣлый день лилъ дождь, то крупный и громко шумящій, словно раздраженный какой-то, то мелкій, неслышный, ехидный.

Насквозь промокшій городъ имѣлъ безнадежно унылый видъ; на улицахъ никого не было; рѣдкіе и безъ того извозчики совсѣмъ не выѣзжали, не желая себя безпокоить въ такую погоду или же не разсчитывая никого встрѣтить на улицѣ—неизвѣстно.

Ирина Львовна собралась уже съ утра. Все было уложено, приготовлено къ сдачѣ въ багажъ; всѣ мелкія вещи собраны.

Безотчетная грусть овладѣла ею. Ничто не привязывало ее къ городу, но грустно, все-таки, было. Эту грусть она чувствовала всегда, когда приходилось куда-нибудь уѣзжать, когда квартира принимала видъ разореннаго лагеря.

Горюновъ выдалъ порядочную сумму денегъ подъ задаточную росписку у нотаріуса; заграничный паспортъ выдали безъ хлопотъ изъ губернаторской канцеляріи. Все это устроилъ Карелиновъ, проводившій дни въ хлопотахъ, съ озабоченнымъ и опечаленнымъ лицомъ.

Но если Иринѣ Львовнѣ было грустно, то Володя, напротивъ, радовался, какъ козленокъ, и прыгалъ по опустѣвшимъ комнатамъ, какъ одержимый. Имъ тоже всегда овладѣвало такое настроеніе, когда предвидѣлся отъѣздъ. Онъ обожалъ вагоны, рельсы, кондукторовъ, но больше всего паровозъ, которымъ интересовался до безконечности.

Карелиновъ хотѣлъ провести остатокъ дня съ Ириной Львовной; на душѣ у него было скверно. Ему казалось, что онъ прощается съ нею навсегда, что никогда ее не увидитъ.

Здѣсь, въ его родномъ городѣ, она, очевидно, навсегда ликвидировала свое существованіе; въ Петербургѣ, гдѣ у нея столько тяжелыхъ воспоминаній, она жить, конечно, не станетъ; можетъ быть, навсегда останется за границей и дастъ тамъ образованіе своему сыну. Но за границу онъ, Карелиновъ, врядъ-ли поѣдетъ; ни средства, ни дѣла не позволятъ ему этого. Ну, и выходитъ, что онъ долженъ проститься сегодня съ ней на вѣки.

Какое страшное слово, и сколько въ немъ заключается трагическаго смысла! И какъ больно ноетъ и щемитъ сердце, когда это слово, во всемъ своемъ грозномъ величіи, встанетъ въ сознаніи человѣка!

Потомъ онъ перешелъ къ мыслямъ о Житецкихъ.

Они все еще въ деревнѣ. Но Житецкая, узнавъ о продажѣ дома Ирины Львовны, заманила къ себѣ Горюнова, котораго презирала и не могла его раньше видѣть; обласкала его, угостила, наговорила много любезностей, даже поздравила съ выигрышемъ процесса у Льговскихъ и, въ концѣ концовъ, коснулась вопроса о предполагаемой покупкѣ дома Загоровской. Совѣтовала осторожность, говорила о томъ, что домъ и половины не стòитъ того, чтò этотъ лекаришко, фактотумъ авантюристки, проситъ отъ ея имени. „Смотрите,—говорила она,—этотъ медикъ на ней женится, и, естественно, готовитъ себѣ ея приданое; потому такъ и запрашиваетъ“.

Сколько злобы и ненависти въ этой женщинѣ! И все только за то, что онъ, Карелиновъ, не хочетъ жениться на ея малокровной и малоумной институткѣ. И откуда они взяли это? Правда, онъ самъ виноватъ: до своей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ, послѣ долгихъ лѣтъ, увидался съ Ириной, онъ ужъ очень часто бывалъ у Житецкихъ и сдѣлался совсѣмъ другомъ ихъ дома.

Онъ не такъ глупъ, чтобы не видѣть, что его ловятъ въ женихи. Онъ и видѣлъ это, но какъ-то не придавалъ этому значенія, не обращалъ особеннаго вниманія. Онъ допускалъ и ухаживанье за нимъ родителей институтки, и ея кокетство, похожее на пресловутое обожаніе учителя, и всякіе авансы.

Конечно, онъ былъ неправъ, допуская все это и какъ бы помогая своимъ поведеніемъ развиваться ихъ сладкимъ надеждамъ.

Но вотъ и расплата.

Хорошо, что Горюновъ не обратилъ вниманія на всѣ эти разглагольствованія Житецкой, потому что самъ былъ прехитрой лисицей, съ той хитровато-насмѣшливой подозрительностью и съ тѣмъ лукаво-добродушнымъ недовѣріемъ къ „интеллигентному“ человѣку, которыми отличаются обыкновенно русскіе практическіе „простачки“.

Въ горячей убѣжденности Житецкой онъ тотчасъ же заподозрилъ необъяснимое для него недоброжелательство помѣщицы къ петербургской дамѣ; во-вторыхъ, онъ зналъ, чего Житецкая, по всей вѣроятности, еще знать не могла: что цѣна земли воз-

ростетъ съ предположенными измѣненіями мѣстонахожденія вокзала.

И чѣмъ больше надсѣдалась Житецкая, отговаривая его отъ покупки, тѣмъ больше убѣждался онъ въ необходимости пріобрѣсти домъ и участокъ земли: „а то, чего недобраго, эта самая помѣщица самолично урветъ этотъ кусокъ отъ него. Не для того ли и распинается“?

И онъ сдѣлался молчаливымъ, сдержаннымъ, равнодушнымъ. А потомъ все это разсказалъ, въ юмористическомъ видѣ, Карелинову.

Такъ раздумывая о послѣднихъ событіяхъ, Карелиновъ собирался ѣхать обѣдать къ Иринѣ Львовнѣ. Но и тутъ ему не повезло. Къ нему пріѣхали звать его къ больному.

Отдѣлаться было нельзя ни подъ какимъ видомъ, и Ирина Львовна тщетно прождала его къ обѣду.

Онъ поспѣлъ только на вокзалъ.

Она ему очень обрадовалась.

— Милый, я ждала васъ... Пришлось обѣдать вдвоемъ съ Володей, но онъ ничего не ѣлъ отъ волненія...

— Меня задержали, я не могъ вырваться...

Ему хотѣлось остаться съ ней вдвоемъ, и, какъ всегда, въ послѣднюю минуту отъѣзда, накопилось многое, что̀ ему хотѣлось сказать ей. Но пришлось возиться съ сдачей багажа, съ билетами, съ переговорами относительно отдѣльнаго купѐ.

Онъ вернулся къ ней только ко второму звонку, и то многое, что̀ онъ хотѣлъ сказать ей, вдругъ безслѣдно куда-то исчезло. Вмѣсто этого важнаго говорились банальныя фразы, ни къ чему ненужныя слова, избитыя, истрепанныя формулы прощанья...

Поѣздъ тронулся.

Въ окнѣ вагона видѣлъ Карелиновъ милое лицо Ирины Львовны и радостное лицо Володи. Оба кивали ему головами, и ему показалось, что въ глазахъ Ирины Львовны стояли слезы. Володя, повидимому, не испытывалъ печали, разставаясь съ своимъ другомъ. Настоящее было слишкомъ радостно для него, чтобы вспоминать о прошломъ, да онъ былъ и очень молодъ для того, чтобы прошлое имѣло для него какое-либо значеніе.

Карелиновъ жадно ловилъ взоромъ эти уходящія отъ него въ даль любимыя лица.

Поѣздъ исчезъ за поворотомъ, оставивъ за собой клочки разорваннаго дыма, вскорѣ разсѣявшіеся въ воздухѣ.

XXV.

Лунный вечеръ. Темное, звѣздное небо. Лѣниво дремлющее море словно бредитъ во снѣ тихими всплесками волнъ о берега бухты.

Небольшая, но красивая по архитектурѣ вилла на шоссейной дорогѣ, идущей, на нѣкоторой высотѣ, вдоль берега, окружена миніатюрнымъ садомъ, обнесеннымъ чугунной рѣшеткой.

Въ этомъ саду—двѣ небольшія пальмы, нѣсколько клумбъ съ цвѣтами, скамейка и дорожки, усыпанныя мелкимъ камнемъ. Густо и приторно пахнетъ геліотропомъ и бѣлой датурой, когда легкій вѣтерокъ пронесется по саду и всколыхнетъ на клумбахъ цвѣты.

Уродливые, сѣрые кактусы, похожіе на причудливо искалѣченныхъ карликовъ, ростутъ вдоль ограды, колючіе и злые, словно вставшіе на стражѣ у входа.

Листья пальмъ нервно дрожатъ на легкомъ вѣтеркѣ, въ которомъ чувствуется дыханіе новой весны.

И по всему берегу разсыпаны щедрой рукой виллы, большія и малыя, богатыя и скромныя, и всѣ онѣ точно соединены между собой цѣпью непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ садовъ соотвѣтствующихъ размѣровъ.

По всему берегу ростутъ олеандры, гранаты, апельсинныя и померанцовыя деревья...

Это—уголокъ возможнаго еще для человѣка, модернизированнаго рая, на берегу лазурной Ривьеры.

Ирина Львовна уже прожила здѣсь зиму.

Шумный зимній сезонъ подходилъ къ концу. Начинался апрѣль—чудный мѣсяцъ ранней весны, съ ея начинающимъ грѣть солнцемъ, съ ея бирюзовымъ небомъ и синимъ моремъ, съ ея благоуханіями всевозможныхъ цвѣтовъ.

Но публика, покорная властной модѣ, неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего установленной, именно въ это чудное время, массами покидаетъ Ривьеру.

Ирина Львовна не жаловалась на это.

Она никогда не любила толпы, и въ особенности этой международной, скучающей, богатой и праздной толпы, которая поэтичной Ниццѣ и Ривьерѣ заслужила непоэтичное, грубое прозвище: „le crachoir de l'Europe".

Проживъ нѣсколько дней въ гостинницѣ, она наняла себѣ виллу на цѣлый годъ. Вилла была уютная, маленькая, но совершенно достаточная для нея, Володи и бонны-швейцарки, которую Ирина взяла для мальчика.

Она подумывала купить эту виллу, но хозяинъ, парижскій коммерсантъ, за всю зиму ни разу не посѣтилъ Ривьеры, да и она не торопилась, все еще не ощущая того чувства, которое даетъ человѣку твердую увѣренность въ осѣдлости.

Правда, въ эти семь-восемь мѣсяцевъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ она сюда переселилась, ее никуда не тянуло изъ этого поэтичнаго уголка. Раза три она была въ Ниццѣ по дѣламъ, такъ какъ домъ ея былъ проданъ, и нужно было получить деньги по переводу въ „Crédit Lyonnais"; затѣмъ надо было запастись кое-чѣмъ. Была она и въ Монте-Карло, и даже попробовала играть; но рулетка и публика, наполнявшая казинò, не заинтересовали ее.

Остальное время она провела на виллѣ, совершая прогулки, въ обществѣ бонны и сына.

Она чувствовала себя одинокой и забытой, словно переселившейся на необитаемый островъ. Но развѣ не одиночества и забвенія искала она, когда сюда пріѣхала?

Она была отрѣзана отъ того міра, который ее интересовалъ когда-то, въ которомъ она жила, съ которымъ имѣла связи и общеніе.

И лишь изрѣдка, какъ отдаленное эхо, доносились до нея отзвуки прошлаго, въ видѣ дѣловыхъ писемъ Карелинова и все болѣе и болѣе унылыхъ писемъ Екатерины Васильевны.

Карелиновъ писалъ о порученныхъ ему дѣлахъ—и ни о чемъ болѣе. Ни разу не заговорилъ онъ ни о прошломъ Ирины Львовны, ни о загадочномъ будущемъ, о которомъ они условились молчать до поры до времени. И она была благодарна ему за этотъ тактъ и деликатность; прежде она не замѣчала въ немъ этого.

Екатерина Васильевна наполняла свои письма безконечными воспоминаньями о Ермолинѣ. Читая эти письма, Иринѣ Львовнѣ становилось грустно и начинало казаться, что образъ Ермолина воочію встаетъ передъ нею, является къ ней изъ того безконечно далекаго, невѣдомаго міра, куда переселилась его душа. И она поняла, что Екатерина Васильевна слилась съ его душою, грезитъ о немъ, полна только имъ. И ей было глубоко непонятно, почему эти странные люди, очевидно нѣжно любив-

шіе другъ друга, всю жизнь прожили порознь, и каждый изъ нихъ проходилъ свой жизненный путь уныло и одиноко.

Ни разу имя Владиміра Викторовича не смутило зрѣнія Ирины Львовны. Никто изъ ея корреспондентовъ не упоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ. Они какъ будто похоронили его и забыли о немъ безвозвратно...

Такъ и прожила Ирина Львовна среди своихъ одинокихъ печалей и думъ.

И вчера, вдругъ, событіе!

Послѣ обѣда, когда она сидѣла въ своемъ садикѣ, а Володя съ бонной ушли внизъ, къ берегу моря, калитка чугунной рѣшетки раскрылась и показалась въ ней элегантная дама въ модномъ платьѣ и огромной шляпѣ съ цвѣтами.

Ирина Львовна думала, что дама эта ошиблась виллой, и встала ей на встрѣчу.

Но это была Мышецкая.

Ирина Львовна была удивлена; насколько было возможно, скрыла это удивленіе, поздоровалась, просила садиться.

Мышецкая была все та же. Только тонъ ея сталъ развязнѣе, и она сдѣлалась еще болтливѣе. Набралась много словечекъ, и сыпала ими щедро, перемѣшивая рѣчь французскими фразами.

— Вы, конечно, удивлены, Ирина Львовна... Мы съ вами едва успѣли познакомиться тогда, весной, помните, въ нашей богоспасаемой дырѣ... Не знаю—какъ я вамъ, а вы мнѣ пришлись по душѣ. Я прожила долго за границей, лѣтомъ—въ Виши, осень—въ Парижѣ, гдѣ дѣлала себѣ туалеты, чтобы ими убить нашихъ губернскихъ модницъ; но потомъ меня потянуло въ Ниццу, и я прожила зиму здѣсь... Бабушка прозябаетъ тамъ одна. Я—вольный казакъ и люблю разъѣзжать самостоятельно. Ничего, наши „кумы" мнѣ это прощаютъ, et puis je m'en fiche, vous savez. Теперь ѣду къ роднымъ пенатамъ. Пишутъ,—бабушка приготовляется ad patres. А вы? Бѣжали?..

Она хитро подмигнула и тихо засмѣялась.

— Нѣтъ, я просто уѣхала. Мнѣ было тамъ скучно.

— И вы сдѣлали очень умно. Что̀ такое наше провинціальное общество? Собраніе тошныхъ людей, разрѣшающихъ себѣ *все* и осуждающихъ другихъ за то, что̀ они сами себѣ разрѣшаютъ. Я никогда не отличалась этимъ провинціализмомъ. Я никогда и никого не осуждаю, и себя—въ томъ числѣ. По моему—въ жизни нѣтъ ни великаго, ни малаго, ни хорошаго, ни дурного...

Это было все то же.

Иринѣ Львовнѣ сдѣлалось вдругъ ужасно скучно, какъ будто вся скука губернскаго города, изъ котораго она, по выраженію Мышецкой, „бѣжала“, догнала ее и, настигнувъ вплотную, крѣпко насѣла на нее.

— Почему? — вяло спросила она, чтобы, изъ вѣжливости, подать реплику.

— Потому что всѣ эти понятія относительны. А абсолютной морали нѣтъ. Французы говорятъ: „la vraie morale se moque de la morale“. И я—тоже. Но что же я не спрошу, какъ вы поживаете?—И, не дожидаясь отвѣта,—продолжала:—Ницца пустѣетъ съ каждымъ днемъ. Поѣзда увозятъ десятки русскихъ. Я прочитала только на дняхъ, случайно, въ спискѣ пріѣзжихъ—въ старомъ нумерѣ—вашу фамилію... Васъ нигдѣ не было видно зимой. Вы никуда не выходите? Отчего? Здѣсь вѣдь не львиный ровъ. Въ Ниццѣ скучно становится. Послѣ завтра я уѣзжаю— io parto! — пропѣла она. — Знаете что? Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. У васъ тутъ, въ Больё, говорятъ, есть ресторанъ „La Réserve“. Никто изъ моихъ знакомыхъ мужчинъ не повезъ меня туда зимою. Онъ еще дѣйствуетъ. Я за вами зайду завтра вечеромъ, и мы пойдемъ туда. Это ничего, что вдвоемъ. Теперь мало народу, et qu'est-ce que ça nous fiche? Идетъ?..

Ирина Львовна отрицательно покачала головой.

— О, нѣтъ,—сказала она.—Я не была тамъ ни разу.

— И вы неправы. Тамъ поютъ итальянцы и французы. И поютъ иногда наши цыганскіе романсы. Изумительно поютъ „Очи черныя“. J'en raffole de цыганскіе романсы. Одной—неловко. Ну, душечка, миленькая, я заѣду завтра? Хорошо? Ну, сдѣлайте мнѣ эту уступку! Хорошо?

Она начала ластиться къ Иринѣ Львовнѣ, какъ кошечка. Сама не зная какъ, только чтобы отдѣлаться отъ Мышецкой, Ирина Львовна согласилась.

И вотъ, теперь, сидя въ саду, вдыхая благоухающій воздухъ, любуясь полнымъ свѣтомъ луны, она поджидала свою непрошенную гостью—единственную ноту изъ скучной мелодіи прошлаго, ворвавшуюся неожиданно въ ея одиночно-добровольное заключеніе.

„Авось, забудетъ или отвлечется чѣмъ-нибудь другимъ“,— подумала Ирина Львовна.

Но Мышецкая явилась во-время.

XXVI.

Вся изъ желѣза и стекла, выдвинутая въ море терраса ресторана „La Réserve de Beaulieu“, очень красива и уютна, какъ все красиво въ этомъ миніатюрномъ Больё, улегшемся на берегу голубой бухты у подножья скалъ, защищающихъ мѣстечко отъ дыханія мистраля.

Терраса была уставлена столиками, но за ними, какъ вѣрно предсказывала Мышецкая, было мало публики въ эту пору года.

Ирина Львовна чувствовала себя нехорошо. Скрѣпя сердце и уступая новымъ настойчивымъ просьбамъ своей спутницы, она согласилась явиться сюда, въ эту чуждую и непривлекательную для нея обстановку моднаго ресторана.

Мышецкая пробовала представлять ей всевозможные доводы: русскіе всегда и всюду носятъ свою тоску съ собою, какъ портмоне въ карманѣ; зачѣмъ и жить, если не развлекаться? Она долго не встрѣчала русскихъ и такъ обрадовалась Иринѣ Львовнѣ, а та, вдругъ не хочетъ; наконецъ, это вѣдь не ихъ дыра, гдѣ ихъ непремѣнно бы осудили. Здѣсь онѣ вольны дѣлать что хотятъ; а свобода воли—дѣло великое; она ведетъ ко всевозможнымъ свободнымъ поступкамъ; только въ свободныхъ поступкахъ и сказывается душа женщины. И когда умретъ ея бабушка, и цѣпи, приковывающія ее къ провинціальной трущобѣ, окончательно порвутся, она уѣдетъ изъ города навсегда. Вотъ какъ Ирина Львовна; и она даже, можетъ быть, поселится здѣсь. Онѣ тогда навѣрное сойдутся: „deux femmes libérées, vous—d'un malheureux mariage, а я—отъ непрошеной опеки столповъ общества“. А потомъ она сдѣлается цыганской пѣвицей или demi-mondaine, на какой-то особой, независимой и оригинальной почвѣ. Не все ли равно, какую профессію избрать? Талантливый человѣкъ думаетъ выдѣлить себя на всякомъ поприщѣ, и она чувствуетъ приближеніе времени, когда въ обществѣ двадцатаго вѣка профессія „demi-mondaine“'ки будетъ пользоваться такимъ же почетомъ, какъ въ древнихъ Аѳинахъ—профессія гетэръ. Все указываетъ на это. Женщины понемногу, но настойчиво освобождаются отъ ига мужчинъ и „терема“; браки становятся рѣже, разводы чаще. „Pourquoi vous vous êtes mariée, si vous ne l'aimiez pas?—Pour avoir le plaisir de divorcer“,—это она слышала въ одной пьесѣ въ Парижѣ. Но она никогда не выйдетъ замужъ даже pour les délices du divorce, потому что les délices d'une demi-vierge гораздо болѣе высшаго и тонкаго порядка.

И все въ этомъ родѣ.

Ирина Львовна устала слушать эти разглагольствованія эмансипированной провинціалки, желающей, во что бы то ни стало, прослыть необыкновенно умной и дерзкой.

У нея стала кружиться голова отъ этого дождя словъ и фразъ, произносимыхъ ровнымъ, ничуть не убѣжденнымъ голосомъ, и ей стало казаться, что за окномъ пошелъ скверный осенній мелкій дождь, который, собираясь въ крупныя капли, капаетъ, капаетъ безъ конца, съ удручающей ритмичностью, съ тоскливымъ однообразіемъ.

— Tout oser, c'est tout comprendre, et tout comprendre— tout pardonner. Donc, qui ose tout, est déjà pardonné...

Боже мой! И весь вечеръ ей придется выслушивать дождь этихъ афоризмовъ!

Но дѣлать нечего, надо идти. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Раньше можно будетъ отдѣлаться.

Ирина Львовна уложила сына, перекрестила его; тоскливое чувство вдругъ закралось въ ея сердце.

Выбравъ столикъ у самой рѣшетки террасы, Ирина Львовна устало опустилась на стулъ.

Мышецкая потребовала карточку и шампанскаго. Видимо рисуясь опытностью, она стала заказывать ужинъ. Во всѣхъ ея жестахъ, манерахъ, голосѣ и движеніяхъ было что-то нарочнто ухарское, нарочно привитое, тщательно культивированное и чрезвычайно противное душѣ Ирины Львовны.

Заиграла музыка. Запѣли итальянцы. Все то же, что она слышала уже десятки разъ подъ окнами своей виллы: „Santa Lucia", „Addio, bella Napoli", и еще что-то.

Кто-то потребовалъ, чтобы спѣли „Очи черныя", и итальянцы, подъ звуки мандолины, ломаннымъ русскимъ языкомъ, запѣли этотъ романсъ.

Мышецкая громко и радостно захлопала въ ладоши.

Ирина Львовна была довольна, когда пѣлъ хоръ. По крайней мѣрѣ она не была обречена слушать невыносимую трескотню Мышецкой.

И въ такія минуты она даже была довольна, что пришла сюда. Прямо передъ ея глазами, за бухточкой, залитой яркимъ свѣтомъ луны, лежало черное, мрачное море, и по немъ трепетала широкая полоса луннаго блеска, словно вымощенная серебромъ дорога, терявшаяся въ безконечной дали... И эти на-

дорванные звуки грустнаго романса уносились вѣтеркомъ за рѣшетку террасы въ ту же безконечную даль... А воздухъ ранней весны? А эти ароматы цвѣтовъ? А эти вечерніе огоньки, тамъ, на горахъ, на Корнишѣ? Какъ все это красиво! Вотъ еслибы не эта ресторанная обстановка, не эти столики съ бѣлыми скатертями, не эти цвѣтные колпачки на этихъ лампочкахъ...

И вдругъ ее словно что-то толкнуло.

Съ прежней силой забилось, потомъ замерло сердце.

Ей чуть не сдѣлалось дурно. Хорошо, что Мышецкая, увлеченная пѣніемъ блондина-итальянца, закатывавшаго глаза къ небу, не обращала на нее никакого вниманія...

За послѣднимъ столикомъ, на другомъ концѣ террасы, сидѣлъ въ одиночествѣ мужчина. Красный абажурчикъ лампы скрывалъ верхнюю часть его лица. Но вотъ онъ всталъ, взялъ свою шляпу и направился къ выходу, мимо столика Ирины Львовны.

„Да вѣдь это же онъ! Владиміръ Викторовичъ!"—прозвучало у нея на душѣ, и она схватилась за сердце.

Когда онъ сидѣлъ за столикомъ, она видѣла его губы, усы и бородку, и уже тогда какое-то смутное воспоминаніе заговорило въ ней. А теперь она видитъ его лицо, его фигуру. Сомнѣній быть не можетъ... Это онъ!

Виски Владиміра Викторовича сдѣлались совсѣмъ серебряными; много новыхъ „чертъ жизни", которыя называются морщинами, легло на его красивомъ лбу, вокругъ его красивыхъ глазъ; скорбное, удрученное выраженіе отпечатлѣлось на его лицѣ.

Какъ онъ постарѣлъ, какъ онъ ужасно постарѣлъ!

Онъ прошелъ мимо нея, задержался на минуту, получая сдачу отъ гарсона, машинально и устало взглянулъ на столикъ, поднялъ глаза и вдругъ вздрогнулъ.

Быстро онъ сдѣлалъ шагъ къ Иринѣ Львовнѣ, но, увидѣвъ ее въ обществѣ другой дамы, употребилъ усиліе воли, остановился какъ прикованный къ мѣсту, медленнымъ движеніемъ руки снялъ шляпу и поклонился.

Кровь прилила къ ея лицу.

Она отвѣтила на его поклонъ и отвернулась.

Тамъ, впереди, подъ лучами луны, спокойно дремало море, безконечное, таинственное и необъятное какъ жизнь. Ирина Львовна не видѣла теперь ни этой грандіозной картины, ни луннаго блеска; она не слышала ни звуковъ музыки, ни тихаго всплескиванья волнъ, ни словъ, которыя ей говорила Мышецкая.

Что-то новое, огромное и печальное, властно вступило ей въ

душу, словно родившееся въ этой необъятной безконечности, въ этой темной, невѣдомой дали.

— Кто это?—въ третій разъ спросила Мышецкая.—Вы меня не слышите? Что съ вами, Ирина Львовна? Вы блѣдны какъ смерть и глаза ваши горятъ лихорадочнымъ блескомъ. Вы больны? Не простудились ли?

— Мнѣ нездоровится,—съ усиліемъ сказала Ирина Львовна. —Я хочу домой.

— Ну, чуточку посидите. Всѣ расходятся, сейчасъ итальянцы споютъ „Io parto“. Но кто же этотъ господинъ?

— Это... это мой мужъ... бывшій мужъ.

Глаза Мышецкой радостно заблистали. Такого приключенія она не ожидала.

— Загоровскій? Онъ? Онъ здѣсь?

— Да.

— Ахъ, отчего вы мнѣ не сказали раньше? Я его не успѣла разглядѣть. Вы взволновались? Да? Ахъ, это ужасно интересно...

Но Ирина Львовна не имѣла силъ слушать ея болтовню.

— Простите меня, мнѣ нездоровится. Я уйду.

— Васъ проводить?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—живо сказала Ирина Львовна, страстно желая остаться одна.—Пожалуйста, не провожайте!

Итальянцы начали пѣть.

— Вотъ „Io parto“...—проговорила Ирина Львовна.—Послушайте ихъ. До свиданія, благодарю васъ...

— Ну, какъ хотите, душечка. Прощайте. Мнѣ хочется поцѣловать васъ,—можно? Вѣдь—io parto тоже завтра. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Прощайте...

Ирина Львовна почувствовала слабость въ ногахъ, но имѣла силы чуть не выбѣжать изъ ресторана...

XXVII.

Она шла быстро, взбираясь крутыми улицами на верхнюю дорогу.

Больё спало мирнымъ сномъ; въ душѣ Ирины Львовны поднимались смутныя тѣни прошлаго, призраки безъ лицъ, картины безъ очертаній; небо горѣло звѣздами, блѣдными вблизи луны и яркими вдали отъ нея. „Онъ здѣсь, онъ здѣсь!“—пѣло въ ея душѣ. Ирина Львовна обернулась: ей показалось, что кто-то идетъ по ея стопамъ. Но сзади дремало темное море и бухта

мѣстечка засвѣтилась вечерними огнями стоявшихъ въ ней суденышекъ. „Одинъ ли онъ?"—спрашивала себя Ирина. По краямъ дороги росли причудливые карлики-кактусы, искалѣченные и искривленные, какъ ея обливавшееся кровью сердце. И новое чувство, смутное, неопредѣленное, горькое и счастливое, росло въ ней. Не идетъ ли онъ за нею? Нѣтъ! Кругомъ пустынно и печально, какъ всегда бываетъ печально въ первые дни роскошной весны на душѣ у человѣка, который думаетъ, что покончилъ всѣ счеты съ жизнью, и котораго привязываетъ къ ней лишь сознаніе обязанностей и долга. Изъ „Резерва" доносились, заглушенные разстояніемъ, звуки ухарской пѣсни...

Придя домой, Ирина Львовна быстро прошла въ комнату Володи и опустилась на колѣни передъ его кроваткой.

Порывистымъ, судорожнымъ движеніемъ руки она перекрестила его нѣсколько разъ.

„Мальчикъ мой!"—шептала она нервно.—„Мальчикъ мой! Еслибы не ты, мой родной, меня не было бы уже на свѣтѣ. Ты одинъ у меня, одинъ на всемъ свѣтѣ. Ради тебя я живу и страдаю. И буду, и буду страдать, и когда ты выростешь, ты скажешь, что я исполнила свой долгъ, но не оцѣнишь моихъ мученій"...

Она нагнулась къ нему, поцѣловала его такъ осторожно, что онъ не проснулся. Набѣгавшись за день, онъ всегда спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ ребенка.

Ирина Львовна не могла спать; она вышла въ садъ, сѣла на ступенькахъ лѣстницы, ведшей въ виллу; ясная весенняя ночь охватила ее своимъ тихимъ покоемъ; благоухали геліотропы и розы, кружа ея голову.

И мысли рождались въ ея головѣ, одна за другой, тѣ мысли, которыя остаются непроизнесенными, потому что онѣ—тайные, никѣмъ неизслѣдованные еще элементы души. И еслибы произнести ихъ громко, отдать на судъ людей, то онѣ показались бы дикими этимъ людямъ.

Бѣдное, бѣдное женское сердце! Ни одинъ мужчина не въ состояніи понять его силы и слабости. Это—сфинксъ, тщетно разгадываемый въ теченіе вѣковъ поэтами и психологами и ни однимъ изъ нихъ неразгаданный. Чѣмъ живетъ оно, чего оно жаждетъ? Оно живетъ любовью, жаждетъ любви, тоскуетъ, плачетъ о ней. Оно требуетъ любви беззавѣтной, героической, нераздѣльной; кто можетъ дать такую любовь? „У каждаго муж-

чина есть что-нибудь болѣе святое, чѣмъ любовь къ женщинѣ“, сказалъ когда-то Ермолинъ. Но у женщины нѣтъ ничего болѣе святого, чѣмъ любовь того, кого она глубоко полюбила. А сынъ? Развѣ она не любитъ Володи? О, да, да, она его любитъ, она готова принести ему всевозможныя жертвы. И она приноситъ уже эту жертву, потому что живетъ.

Но въ этой любви, которой не можетъ понять ни одинъ мужчина во всѣхъ ея тончайшихъ и мельчайшихъ подробностяхъ, во всѣхъ ея тайнахъ, во всей ея таинственной глубинѣ, есть что-то... чуть-чуть эгоистичное, какъ любовь къ самому себѣ, потому что ребенокъ есть часть ея тѣла, ея души. Она много страдала, когда рождала его, и онъ плоть отъ плоти ея...

Но эта любовь, кто бы что̀ ни утверждалъ, не наполняетъ до краевъ женской души; въ этой душѣ всегда остается пустое мѣсто, тупо ноющее, болящее, если оно не заполнено мужскою любовью, узкой, личной, ей одной принадлежащей... Любовь — жизнь женскаго сердца, а для мужского—только одинъ изъ элементовъ жизни. И съ тѣхъ поръ какъ она разсталась навсегда съ Владиміромъ, съ тѣхъ поръ какъ она, честно и серьезно, отрицательно отвѣтила себѣ на мучившій ее вопросъ, любитъ ли она еще его, въ ея душѣ вдругъ образовалась пустота и сердце ея не переставало обливаться кровью.

Но если она не любитъ больше Владиміра? Зачѣмъ же страдаетъ и тоскуетъ ея душа? Зачѣмъ эти безконечныя воспоминанія, всплывающія со дна этой души? Зачѣмъ, зачѣмъ все это?..

Она зажала голову обѣими руками и, медленно раскачиваясь, словно отъ ноющей, мучительной боли, продолжала думать, думать безъ конца.

Одна любовь къ мужу, или одна любовь къ ребенку, не въ состояніи удовлетворить женскаго сердца. Необходимо двѣ этихъ любви, различныхъ по своей сущности; нужно взаимодѣйствіе ихъ, чтобы получился полный, звучный аккордъ счастливаго чувства жизни...

Звѣзды гасли на небѣ; предутреннія сумерки смѣнили ночь; свѣтлѣло въ воздухѣ и цвѣты сада благоухали меньше; въ розовыхъ краскахъ рождавшагося дня куртины сада заблестѣли своими пестрыми тонами. Ирина Львовна провела безсонную ночь. Только когда окончательно разсвѣло, она ушла въ спальню.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись на ея виллѣ, ее потянуло въ садъ.

Мышецкая, конечно, уѣхала, потому что поѣздъ изъ Ниццы отходитъ въ полдень.

Теперь она одна; никто не ворвется въ ея одиночество, никто такъ грубо не смутитъ ея покоя.

Она можетъ теперь предаваться своимъ мечтамъ, своему тяжелому горю.

И какъ только она спустилась со ступенекъ виллы, ее потянуло къ калиткѣ.

Теперь ужъ она знала навѣрное, что то новое, что̀ разрослось въ ея душѣ, за эту безсонную ночь и за этотъ тоскливо проведенный день, должно чѣмъ-нибудь разрѣшиться.

На Ривьерѣ есть еще одна живая душа, которая ей была такъ близка когда-то. Все ли, дѣйствительно, кончено между ними? И почему она думаетъ, что не все еще кончено? Не прочла ли она въ глазахъ этого человѣка, вчера, на террасѣ, что душа его убита горемъ?

И когда она подошла къ калиткѣ, то увидала темный силуэтъ человѣка, стоявшаго за рѣшеткой.

Она почти не удивилась этому.

— Вы?—сказала она ему, сдвинувъ брови. — Зачѣмъ вы здѣсь?

— Ирина...—чуть слышно произнесъ онъ.—Ирина... Позволь мнѣ войти къ тебѣ... Мнѣ это нужно, пойми, нужно. Я не могу обойтись безъ этого. Еслибы я могъ обойтись... я бы не пришелъ сюда. Ты это понимаешь...

Она отступила въ глубь сада.

Онъ вошелъ въ калитку.

— Вы имѣете право войти, — сказала она все тѣмъ же жесткимъ тономъ, котораго не узнавала теперь. — Здѣсь вашъ сынъ.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Да, Ирина, здѣсь *нашъ* сынъ. Сынъ, Володя, милый, родной мальчикъ, къ которому я такъ относился равнодушно... непростительно равнодушно, и который сдѣлался мнѣ такъ дорогъ, когда его не стало со мною!..

Что-то больно кольнуло ее въ сердце.

Такъ, значитъ, онъ *не для нея* пришелъ? Для сына?

Это было и радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько-обидно.

Она усмѣхнулась.

— Неужели?—проговорила она.—Это немножко поздно. Да и время вы выбрали неудачное. Володя спитъ, и я не стану будить его для вашего удовольствія или каприза.

Онъ подошелъ къ ней, желая взять ее за руку, но самъ испугался этого движенія, и руки его безсильно опустились.

Она поспѣшно отступила, вопросительно взглянула на него, и въ ея взорѣ было столько строгости, что онъ смутился.

— Ирина, прошу тебя, не говори со мною такъ, и не смотри такъ на меня... Я пришелъ не какъ врагъ твой. И я ничего, ничего не требую отъ тебя...

— Полагаю,—сказала она сухо и съ насмѣшкой, но волна горячей крови облила ея сердце.—Вы ничего не можете требовать отъ меня. Но тогда для чего же вы пришли? Если вы хотите видѣть сына, придите завтра, днемъ...

— Я не могу его видѣть при тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нами.

— Я васъ не понимаю,—гордо сказала она:—какія же другія отношенія могутъ существовать между нами, послѣ всего, что произошло? О,—поспѣшила она прибавить съ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ,—я васъ ни въ чемъ не упрекаю, ни на что не жалуюсь...

— Я хотѣлъ просить тебя...,—уныло проговорилъ онъ.

— Вамъ не о чемъ меня просить. Я отдала вамъ все, что вы у меня просили. Вы просили моей руки, я пошла за васъ замужъ; вы просили моей любви, я *любила* васъ; вы просили у меня развода, я дала его вамъ. Вы просите у меня свиданія съ сыномъ. Я не отказываю вамъ и въ этомъ. Что вамъ еще нужно отъ меня?

— Ты говоришь со мною какъ врагъ, какъ ужасный, непримиримый врагъ...

Она засмѣялась. И смѣхъ этотъ словно ножомъ рѣзнулъ по сердцу Владиміра Викторовича.

— А вы хотѣли бы, чтобы я говорила съ вами какъ съ другомъ? Смѣшная претензія! Не дружбы ли моей вы пришли просить?.. Но вѣдь это походило бы на издѣвательство! Я не могу вамъ дать больше того, что дала. У васъ была и моя дружба, и мое уваженіе, и моя любовь. Вы все это своими руками выбросили за бортъ вашей жизни... Впрочемъ, это похоже на упреки. Я не хочу упрековъ, не хочу. Но я васъ считала деликатнѣе, я не считала васъ способнымъ придти ко мнѣ, чтобы вызвать меня на такой, во всякомъ случаѣ, непріятный разговоръ. Если вы просите у меня худого мира, вмѣсто хорошей ссоры, то я отказываю вамъ въ этомъ. И... если вы еще думаете долго говорить со мной—о чемъ?—не могу догадаться, то я предпочитаю сѣсть. Вотъ скамейка.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ; съ хорошо разыграннымъ, брезгливымъ чувствомъ, она отодвинулась отъ него, чтобы увеличить даже матеріальное разстояніе между ними.

Она смотрѣла на него, этого сильно постарѣвшаго, очень измѣнившагося, повидимому глубоко несчастнаго человѣка, и въ душѣ ея накипали слезы.

Но брови ея все еще были плотно сдвинуты и губы сурово сжаты. И черезъ этотъ внѣшній фасадъ ея души онъ не могъ проникнуть пониманьемъ въ то, что̀ дѣлалось за этимъ фасадомъ.

„Отчего онъ такъ измѣнился?—задавала она себѣ вопросъ за вопросомъ.—Что̀ стряслось съ нимъ? Какое тяжелое горе такъ пригнело его"?

Теперь оба молчали.

Очевидно, оба переживали воспоминанія прошлаго.

Онъ тоже находилъ, что она измѣнилась. Она похудѣла и поблѣднѣла. Ея глаза, ея волосы были все такъ же красивы, а сама она вся походила на дѣвушку, и во всей ея фигурѣ было что-то воздушное и прозрачное.

Не можетъ быть, чтобы измѣнилась ея теплая, хорошая душа! Не можетъ быть, чтобы ея сердце оковалось льдомъ, какъ стараются увѣрить ея холодно смотрящіе на него глаза...

„Не можетъ быть, — думала она, — чтобы новая брачная жизнь съ этой... Таисой его такъ измѣнила. Такъ измѣниться можно только послѣ тяжелой болѣзни или гнетущаго горя. Но вѣдь онъ самъ хотѣлъ этого, самъ создалъ себѣ это новое счастье. Развѣ отъ счастья такъ измѣняются"?

— Итакъ, вамъ нечего больше сказать мнѣ? — послѣ тягостнаго молчанія, спросила она, чувствуя настоятельную потребность услышать звукъ его голоса.

И надорваннымъ, уставшимъ голосомъ, такимъ, какого она никогда не слыхала у него, когда была за нимъ замужемъ, онъ проговорилъ:

— Я не могу... не могу такъ...

— Что̀—такъ?

— Я не могу говорить въ такомъ тонѣ съ тобою, Ирина, моя Ирина...

— *Ваша* Ирина?—съ удивленіемъ вскрикнула она.

— Да, моя, моя, несмотря на то, что̀ произошло. Ты всегда была моею, всегда, и теперь вотъ, холодная, далекая, ты—моя. Господи!—страстно, въ какомъ-то порывѣ надежды и отчаянія, весь охваченный трепетомъ, весь охваченный страхомъ за исходъ этого свиданія, проговорилъ онъ,—да взгляни же ты

на меня, ради Бога! Да всмотрись же ты въ мое лицо, въ мои глаза! Развѣ ты не видишь, какъ я страдаю, какъ я мучительно страдаю?..

И что-то властное, будто чужое, помимо ея воли, сорвало съ устъ ея одно слово:

— Вижу.

Онъ вздрогнулъ, заслышавъ этотъ звукъ ея голоса. Какъ онъ былъ не похожъ на тѣ, которыми она до сихъ поръ говорила, стараясь замаскировать то, что̀ совершалось въ ея душѣ!

Душа ея ныла отъ боли, и въ глубинѣ ея начиналъ волноваться и закипать родникъ слезъ. А она-то думала, что давно утеряла драгоцѣнный, всеисцѣляющій даръ слезъ...

Но она сдержала себя еще разъ; отвернулась, чтобы не видѣть его скорбнаго, бѣднаго лица.

— Ты видишь! — радостно заговорилъ онъ.—Ты видишь! Слѣпой этого не увидитъ! Я страдаю, страдаю ужасно...,—повторялъ онъ, какъ будто эти слова, отъ которыхъ ему самому себя становилось жалко, приносили ему утѣшеніе.—Я зналъ, что ты увидишь это, что ты поймешь это, Ира, голубушка... Я могъ бы придти и стать передъ тобою, и не сказать ни слова, и ты все-таки увидѣла бы это, ты поняла бы меня.

Она отрицательно покачала головой.

— Я это вижу, но не понимаю.

— Ахъ, Ира, да отбрось же ты хотя на минуту этотъ тонъ! Зачѣмъ тебѣ лицемѣрить передо мною? Зачѣмъ? Будемъ говорить просто, ну, какъ говоритъ съ тобою Володя.

— Я не понимаю, — упрямо повторила она. — Вы любите Таису. Вы женились на ней. Такъ въ чемъ же дѣло? Я рѣшительно не понимаю, клянусь вамъ, не понимаю! Я убѣждена была, что вы счастливы.

Онъ желчно разсмѣялся.

— Я люблю Таису?!—онъ всталъ съ своего мѣста, весь отдавшись волненію, захватившему его.—Я счастливъ?! Я ненавижу ее, понимаешь ли ты, ненавижу, ненавижу ее!—пылко и страстно говорилъ онъ, и это слово, повторенное имъ нѣсколько разъ, доставляло ему новое облегченіе, а въ душѣ Ирины Львовны произвело настоящій переворотъ: что-то свѣтлое, какъ яркая золотая заря лѣтняго утра, что-то радостное, торжествующее и ликующее освѣтило ее. — Я ненавижу эту женщину! — продолжалъ онъ порывисто.—Понимаешь ты, что̀ значитъ ненавидѣть? Нѣтъ, ты не можешь этого понять! Это можетъ понять мужчина, когда-то сильный своей волей, у котораго обманомъ и

коварствомъ вырвали изъ рукъ самое драгоцѣнное его сокровище. Это можетъ понять тотъ, кто самъ жестоко презираетъ себя за то, что поймался въ разставленныя ему сѣти... Ахъ, да я не знаю, что говорю! Промѣнять тебя на нее! Надо было быть слѣпымъ и безумнымъ, и я былъ слѣпымъ и безумнымъ... И я сдѣлалъ эту пошлую, грубую ошибку. Кто не дѣлаетъ ошибокъ, и всѣ исправляютъ ихъ, всѣмъ онѣ прощаются. Но не мнѣ!

Онъ задыхался отъ страшнаго волненія.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты допустила это? Зачѣмъ, видя, какъ я тону, ты не подала мнѣ руку помощи, не притянула меня къ себѣ, а жестоко оттолкнула отъ себя?.. Я не знаю—какъ, не знаю—чѣмъ она взяла меня... Стыдно говорить это. Но я готовъ повѣрить въ колдовство! Пошлое, мелкое самолюбьице мужчины, у котораго давно не было нелегальнаго романа. Какъ же! Быть вѣрнымъ своей женѣ! Это такъ смѣшно, такъ пошло, такъ буржуазно... Теперь пошли натуры сильныя, свободныя; надо было завести романъ, вульгарный романъ съ этой странной госпожой... Это позируетъ. Надо было разбить свой алтарь, разорить свое гнѣздо, вылетѣть на „свободу". Прелесть сильнаго! Ахъ, я несчастный!.. Я все говорю не то; не то я хочу сказать! Но мнѣ такъ много хочется сказать... и я не знаю, какъ приступить къ этому...

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Она не ожидала такой страстной вспышки, такого страстнаго самообвиненія.

Весело и радостно перекликались на ея душѣ голоса надежды и уже предчувствуемаго счастья.

— Говорите спокойно, — почти нѣжно сказала она, наконецъ,—не волнуйтесь, говорите все, что вздумается. Я буду васъ слушать...

Онъ слишкомъ былъ занятъ самимъ собою, чтобы обратить вниманіе на нѣжный тонъ ея словъ.

Онъ прошелся по саду, потомъ сѣлъ рядомъ съ нею.

XXVIII.

— Благодарю тебя, Ирина. Такъ слушай же. Я испыталъ первое, большое горе, когда ты уѣхала отъ меня. Я не знаю, какъ я отпустилъ тебя, что со мною сдѣлалось тогда. Можетъ быть, это была болѣзнь духа, болѣзнь воли... Я шелъ домой нравственно и физически разбитымъ. Слезы душили меня, а въ

груди было такъ ужасно пусто. Та женщина подстерегла меня у самаго поворота къ отчаянію или раскаянію, я не знаю. И она далеко отвела меня въ сторону. Она не давала мнѣ съ тѣхъ поръ ни минуты остаться одному съ своими думами, съ своимъ горемъ. Она играла на моемъ самолюбіи, на моихъ мужскихъ страстишкахъ, играла какъ виртуозъ на послушномъ въ его рукахъ инструментѣ. Почему, я тебя спрашиваю? Вѣдь я же знаю, что она глупа. Какъ могла она провести все это такъ ловко, такъ умѣло?.. Но это все равно: во мнѣ говорило желаніе мести, мести тебѣ, что ты такъ легко сдалась, что ты, словно изъ презрѣнія къ такому ничтожеству, какъ я, не хотѣла защищать наше счастье.

Онъ опять замолчалъ, точно ожидая отъ нея реплики, согласія, опроверженія, чего-нибудь.

Но она ничего не сказала.

— Однако, она видѣла, что романъ нашъ близится къ концу,—что я положительно не выношу ее, что я окончательно охладѣлъ къ ней. И она, опять-таки, несмотря на свою глупость, нашла ловкій выходъ. Она стала меня увѣрять, что ты сама все это затѣяла для того, чтобы, подъ приличнымъ предлогомъ, разстаться со мной... что у тебя давно уже чувство къ Карелинову, что она нѣсколько разъ видѣла тебя съ нимъ на улицѣ, что вы встрѣчаетесь съ нимъ у тетушки, которая тебѣ протежируетъ въ этомъ отношеніи, изъ ненависти ко мнѣ; что она мнѣ не говорила объ этомъ, потому что нечестно выдавать свою подругу. Она знаетъ тебя давно, со школьной скамьи, и созналась мнѣ—по глупости или неосторожности,—что всегда ненавидѣла тебя...

— За что̀?—вскрикнула Ирина Львовна.

— За то, что тебя всѣ любили, а ее нѣтъ; за то, что ты была красива, а ее считали дурнушкой; за то, что ты хорошо училась, а она была чуть не послѣдней въ классѣ. И за то, что ты была богата, и за то, что ты была изъ хорошей семьи, и я не знаю, за что еще...

— Но я всегда относилась къ ней по-дружески...

— Не знаю. Знаю только, что тогда же я долженъ былъ понять многое во всемъ ея поведеніи. Но я былъ слѣпъ, глухъ и безуменъ. Она говорила мнѣ какими-то темными полунамеками, что чуть ли не съ твоего согласія начала завлекать меня, чтобы тебѣ развязать руки. И вотъ, ты уѣхала туда, къ Карелинову...

— И ты... и вы повѣрили этому?

Владиміръ Викторовичъ схватилъ ее за руки.

— О, ради Бога, скажи мнѣ хоть разъ, по прежнему, „ты"!..

Не съ прежней стремительностью, а какъ бы нѐхотя, она, все-таки, медленно высвободила свои руки изъ его рукъ.

— Что же дальше?—принудила она себя сказать, горя жгучимъ любопытствомъ дослушать до конца эту повѣсть.

— Я... сначала не повѣрилъ; убѣждалъ ее оставить тебя въ покоѣ въ нашихъ разговорахъ; просилъ ее не вспоминать о прошломъ. Она, конечно, поняла, что я страдаю по тебѣ, что я желаю тебя, что я опять люблю тебя. Ея узенькіе глазки сверкали какъ у змѣи и вся она дѣлалась желтою какъ лимонъ.

— Но... какъ же вы рѣшились жениться?..

— Вотъ. Я и хочу сказать тебѣ. Какъ разъ въ это время, когда она уже подготовила во мнѣ сомнѣнія о Карелиновѣ, я получаю изъ твоего этого городишка письмо—анонимное, конечно, письмо,—но я не могъ отказать себѣ въ любопытствѣ прочитать его до конца.

— Ахъ, милый городишко!—сказала Ирина Львовна съ горечью:—я узнаю его! Какая-нибудь Казицына, по тонкому совѣту Житецкой или, можетъ быть, той же Мышецкой, написала пасквиль...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Владиміръ Викторовичъ.—Пасквиля не было, въ прямомъ значеніи слова. Были факты. Одни факты.

— Какіе?

— Карелиновъ часто бывалъ у тебя. Правда это?

— Правда. Вначалѣ часто.

— Ну вотъ. Все общество было этимъ шокировано.

— Потомъ?

— Потомъ ты внесла раздоръ въ семью какихъ-то Житовскихъ...

— Житецкихъ,—поправила она.

— Да, именно, Житецкихъ. Карелиновъ считался тамъ женихомъ дочери. Ты отняла его у этой барышни, и тогда все общество отвернулось отъ тебя съ „понятнымъ и заслуженнымъ презрѣніемъ". Это—слова письма. Что ты выходишь за него замужъ и будешь требовать развода со мной. Я не могу сказать, что̀ сдѣлалось тогда со мною... Отчаянье овладѣло мною; безсильная, тупая злоба; мнѣ захотѣлось отмстить, оскорбить тебя... И тогда именно я прислалъ тебѣ нашего Терехова съ предложеніемъ развода. Все-таки я предупредилъ тебя, и я радовался этому. И чтобы мнѣ невозможно было уже отступленіе, я сдѣлалъ предложеніе Ищерской. Затѣмъ всякія вѣсти о тебѣ пре-

кратились. Я утвердился въ своемъ мнѣніи, что ты увлечена Карелиновымъ, и злоба душила меня. Я торопилъ Терехова съ разводомъ, къ осени былъ разведенъ и скоро женился. Я не помню, какъ прошло все это время; я чувствовалъ, что сжигаю свои корабли, что тону, что гибну окончательно. Я закрылъ глаза и отдался своей судьбѣ...

Голосъ его дрогнулъ; онъ и теперь закрылъ глаза рукою и тяжело вздыхалъ.

Такъ какъ она сидѣла убитая, подавленная, видимо взволнованная, то онъ продолжалъ, удивляясь, что она ни словомъ, ни взглядомъ не поддерживаетъ его въ эту трудную минуту.

— Отъ тебя не было ни звука, какъ будто ты не существовала на свѣтѣ; ты легко согласилась на разводъ, значитъ, онъ и тебѣ былъ нуженъ, и ты передъ нашей разлукой такъ часто повторяла мнѣ, что не любишь меня... Впрочемъ, что̀ говорить объ этомъ! И вотъ я сталъ мужемъ прелестной Таисы. Я не знаю, многіе ли испытали то, что̀ испыталъ я за эти семь мѣсяцевъ брачной жизни! Я ненавидѣлъ ее всѣми силами, какія остались еще въ моей измученной душѣ. Ненавидѣлъ ее физически, ненавидѣлъ духовно... Я не нашелъ въ ней ни интересной женщины, ни человѣка. Я понялъ, по нѣкоторымъ признакамъ, что „добрые знакомые“ въ душѣ смѣялись надо мной: „нечего сказать, убилъ бобра“!..

— Но гдѣ же она теперь?—вдругъ спросила Ирина Львовна.

— Тамъ, въ Петербургѣ... Я пріѣхалъ сюда нѣсколько дней тому назадъ, насилу вырвавшись оттуда, чтобы отдохнуть душою. Я узналъ, что ты здѣсь, одна, никакихъ признаковъ Карелинова не было... Я рѣшился увидѣться съ тобою... когда вдругъ вчера встрѣтилъ тебя въ ресторанѣ съ дамой. Вотъ моя исповѣдь, Ирина... Я все сказалъ, что̀ у меня было на душѣ, и мнѣ стало легче.

— Зачѣмъ же вы хотѣли видѣться со мною?—спросила она.

— Ахъ, развѣ я знаю зачѣмъ? Развѣ душа, которая наболѣла, справляется съ разумомъ? Она идетъ туда, гдѣ чувствуетъ, что найдетъ себѣ облегченіе.

— Какое же облегченіе я могу... дать?

— И этого не знаю. Знаю, что видѣть тебя, мою славную, бѣдную Ирину—уже облегченіе, слышать твой милый, дорогой голосъ—уже облегченіе, чувствовать тебя около себя, дышать съ тобой однимъ воздухомъ — счастье. И ты сама необходима мнѣ какъ воздухъ.

Голосъ его вдругъ оборвался, и короткое, глухое рыданіе вырвалось изъ его груди.

И Ирина Львовна вся какъ-то сразу сдалась.

Голосъ ея зазвучалъ мягко, проникновенно; въ ея тонѣ уже не было прежней жесткости; и изъ глазъ ея исчезло суровое выраженіе, и брови ея распрямились, и губы разжались.

— Владиміръ! — сказала она одно слово, но онъ уже все понялъ.

Теперь онъ бросился на колѣни, поникъ головой на ея сложенныя руки и сладостно, долго плакалъ, давъ волю слезамъ.

И на омраченной душѣ его становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе, и съ каждымъ новымъ порывомъ слезъ ему казалось, что счастье уже близко, уже не за горами.

Онъ ничего больше не говорилъ; молчала и она, перебирая пальцами серебряные волосы его склоненной головы.

Ей казалось, что она переживаетъ сонъ. Что этотъ волшебный садъ съ его густыми ароматами, съ его пальмами и цвѣтами, что это темное небо съ яркой луной, что эта изумительная тишина весенней ночи, что вотъ этотъ, убитый горемъ человѣкъ, что весь его мучительный и длинный разсказъ—все это грёза ея помутившагося воображенія.

Откуда все это такъ внезапно свалилось на нее, точно въ волшебной сказкѣ?.. И что̀, если это сонъ? Промчится скоро ночь, настанетъ новый день а съ нимъ вмѣстѣ—холодное, суровое пробужденіе къ дѣйствительности?

И при этой мысли слезы закапали изъ ея глазъ. Давно, давно она уже не плакала, и вотъ, въ этихъ безпомощныхъ, безсильныхъ слезахъ она находитъ теперь облегченіе.

Не сонъ это, не мимолетная грёза, потому что она плачетъ и ея слезы мѣшаются съ его слезами. Его слезы обжигаютъ ей руки; ея слезы скатываются какъ жемчугъ въ серебро его волосъ.

Онъ вздрогнулъ, приподнялъ голову.

Говорить онъ не могъ; съ нѣмымъ восторгомъ онъ глядѣлъ ей въ глаза, и она уже больше не отворачивалась отъ него, и въ этихъ глазахъ онъ не читалъ больше суроваго приговора себѣ.

Что-то огромное, свѣтлое, какъ облако, освѣщенное солнцемъ, осѣнило его душу, и онъ захлебывался отъ радости.

Вторая безсонная ночь приходила къ концу для Ирины. Но какая разница съ первой!

XXIX.

— Ты плакала, Ира,—точно очнувшись отъ сна, проговорилъ Владиміръ Викторовичъ. — Спасибо тебѣ, моя родная. О, не говори пока ни слова... Я боюсь проснуться, боюсь, что ты съумѣешь какъ-нибудь иначе объяснить свои слезы.

Но она взяла его за руку.

— Не бойся ничего, Володя...—сказала она печально.—Я женщина. Больная, слабая женщина. Ты знаешь, что я любила тебя... всегда любила тебя. Я никогда не говорила тебѣ объ этой любви изъ какой-то странной гордости, замкнутости... Что̀ же скрывать теперь, когда для насъ все кончено?

Она почувствовала, какъ онъ вздрогнулъ.

— Теперь я могу сказать тебѣ: ни одного дня я не переставала любить тебя. Сердце мое разрывалось на части, когда я уѣзжала; я любила тебя тогда, любила, когда жила въ этомъ скверномъ городишкѣ, окруженная скверными людьми. Къ Карелинову я была и осталась равнодушной, какъ онъ ни добивался моей любви. И ты могъ повѣрить сплетнѣ? Не захотѣлъ провѣрить слуховъ? Боже мой, Володя, какъ легко обойти васъ, мужчинъ!..

Онъ молча слушалъ эти слова, какъ слушаетъ дивную мелодію душа, жаждущая звуковъ, стосковавшаяся по музыкѣ. Счастливая улыбка бродила на его губахъ и въ глазахъ его стояло выраженіе блаженства.

Ирина Львовна задыхалась отъ своей взволнованной рѣчи.

— Говори, говори!—прошепталъ онъ, когда она на минуту остановилась.—Ахъ, еслибы ты раньше со мной такъ говорила!..

— Я не могла такъ говорить раньше, потому что не страдала...

— Да, счастливые не такъ говорятъ...

Они замолчали.

Неудержимо влекло ихъ теперь другъ къ другу. Владиміръ Викторовичъ порывисто обнялъ свою бывшую жену и сильно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Я люблю тебя, люблю, моя Ирина,—шепталъ онъ.—Я не такъ любилъ тебя, когда женился на тебѣ. Я люблю тебя, и мнѣ кажется, что это—моя первая любовь...

Онъ покрывалъ ея лицо, шею, руки своими горячими поцѣлуями, и она, блаженная и радостная, отдавалась этимъ ласкамъ, которыхъ смутно, давно ожидало ея сердце.

„Какъ хорошо, какъ хорошо!—мелькало въ ея сознаніи.— Кончился скверный сонъ, прошли, прошли тоскливые, одинокіе дни“.

А онъ продолжалъ шептать ей, приложивъ свои губы къ ея маленькому розовому уху:

— Люблю, люблю тебя, Ира... я хотѣлъ бы, чтобы ты поняла, какъ я тебя люблю, но ты не поймешь этого, моя маленькая, моя слабенькая...

Она вдругъ высвободилась изъ его объятій.

— Владиміръ, оставь меня!—проговорила она, и прежняя печаль зазвенѣла въ ея голосѣ. — Опомнись! Что̀ мы дѣлаемъ! Вѣдь я—не жена тебѣ больше, и ты мнѣ не мужъ. Я—свободна, но у тебя есть жена... Мы—чужіе, навсегда чужіе другъ другу.

Онъ задрожалъ съ головы до ногъ.

Онъ совершенно, совершенно забылъ объ этомъ въ минуту страсти и любви. Зачѣмъ она напомнила ему объ этомъ? Зачѣмъ?

— Это жестоко, что̀ ты говоришь,—прошепталъ онъ.

— Но это есть, и этого не уничтожишь...

— Зачѣмъ ты мнѣ напомнила о ней?..

— Она существуетъ, она—твоя жена, она глухой стѣной стала между нами...

Владиміръ Викторовичъ не зналъ, что̀ отвѣтить. Подавленный и растерянный стоялъ онъ передъ Ириной въ отчаяніи.

— Будемъ говорить о любви, о нашей любви, — наконецъ проговорилъ онъ. — Дай мнѣ до̀-сыта наговориться о нашей любви. Какое мнѣ дѣло до того, что гдѣ-то есть кто-то, кому даны какія-то случайныя права? Она для меня не существуетъ и никогда, кажется, не существовала. Любовь имѣетъ свои права, свои законы .. Ира, милая,—садясь опять рядомъ съ нею, заговорилъ онъ серьезно и нѣжно,—кто имѣетъ все, тотъ ничего не имѣетъ. Ты была моя, вся моя, моя жена. И тогда мнѣ казалось, что чего-то не хватаетъ... Я пережилъ страшное горе, и оно мнѣ многое выяснило. Любви необходимо горе: пройдя черезъ его горнило, она блеститъ какъ ограненный искуснымъ рѣзцомъ алмазъ и пріобрѣтаетъ особую чистоту и умноженную цѣнность.

Она съ наслажденіемъ слушала теперь его рѣчь, уже спокойную и плавную, но всю проникнутую глубокимъ чувствомъ. И ей вспомнилось объясненіе ей въ любви Карелинова.

Карелиновъ тоже говорилъ ей много, убѣдительно и разумно, но его слова ни разу не всколыхнули ее, ни разу не задѣли струнъ ея души, которыя тоскливо молчали. И они не бросились другъ другу въ объятія, потому что все молчало въ глубинѣ ихъ.

Теперь—другое. Она наслаждается словами Владиміра, звукомъ его голоса, интонаціями, которыя онъ придаетъ своимъ словамъ. А слова! Не все ли равно тѣ или другія? Еслибы онъ и ничего не говорилъ,—она, все равно, слушала бы и слышала тайный голосъ его души.

Они разстались, когда, подъ дуновеніемъ утренняго вѣтерка, проснулись деревья, когда таинственно дремавшій садъ, въ которомъ зарождались благоухающія грёзы ночи, сталъ готовиться къ пробужденію.

Роскошное, блещущее всѣми красками утро разгоралось надъ лазурнымъ моремъ, надъ зеленой Ривьерой.

Ирина Львовна проснулась рано.

Счастливое чувство вселилось въ ея сердце и точно поднимало ее на воздухъ.

— Mais madame va très bien ce matin!!—проговорила изумленная швейцарка, привыкшая видѣть ее всегда придавленной, вялой и скучной.

— A merveille, mademoiselle.

— C'est le grand air du printemps!

„Du printemps de l'amour“, — мысленно сдѣлала поправку Ирина Львовна и улыбнулась.

Володя готовился въ экскурсію въ горы.

— Володя!—сказала ему Ирина Львовна:—сейчасъ придетъ твой папа... хочешь его видѣть? Онъ пріѣхалъ сюда.

— А не дядя Миша?

— Нѣтъ, нѣтъ, твой папа. Развѣ ты забылъ его?

Мальчикъ нахмурился, что-то вспомнилъ.

— А-а!—довольно равнодушно протянулъ онъ.—Папа развѣ вернулся изъ путешествія? Ты, кажется, говорила, что онъ уѣхалъ въ Америку, и мы его никогда не увидимъ.

— А вотъ онъ вернулся... вернулся. Повидайся съ нимъ, и тогда пойдешь гулять.

— А я не опоздаю?—недовольнымъ тономъ спросилъ Володя.

Она ничего не отвѣтила, но на душѣ ея стало безпокойно.

Владиміръ Викторовичъ пришелъ въ назначенный часъ и, увидя сына, бросился къ нему, поднялъ его съ полу, прижалъ къ себѣ и цѣловалъ безъ конца. И опять слезы затуманили его глаза.

— Какой ты у меня большой выросъ! Какой красивый! Здравствуй, родной мой сынишка! Какъ давно, давно мы не видались съ тобою... Ахъ, Боже мой! Счастливый ты,—ты жилъ все время съ мамой. Любилъ ли ты ее?

— Конечно, любилъ.

— А обо мнѣ не вспоминалъ?

— Вспоминалъ, — вяло отвѣтилъ мальчикъ, и сердце отца сжалось отъ этого тона.

Онъ печально поставилъ Володю на полъ.

— Володя, голубчикъ, — проговорилъ онъ,—я знаю, ты не любишь меня, да я и не могу требовать твоей любви... Я былъ такъ далеко отъ тебя! Но я знаю, ты меня полюбишь, ты непремѣнно полюбишь меня...

— Владиміръ! — остановила его Ирина.—Ну, ступай, Володя, поцѣлуй папу и ступай!

Володя чувствовалъ необходимость сказать что-нибудь передъ уходомъ.

— Ты ужъ больше не уѣдешь отъ насъ?—спросилъ онъ, но въ это время въ комнату вошла бонна, и мальчикъ кинулся къ ней, не дождавшись отвѣта.

— Mon ancien mari, — представила Ирина Львовна боннѣ Владиміра Викторовича.

Она это сказала просто, зная о томъ, что боннѣ извѣстно ея прошлое, такъ какъ, договариваясь съ нею, она считала необходимымъ, въ краткихъ словахъ, посвятить ее въ свое семейное положеніе.

— Ah... — протянула нѣсколько изумленная швейцарка.— Charmée, monsieur, de faire votre connaissance...

И, взявъ Володю, она поспѣшила уйти съ нимъ.

Владиміръ Викторовичъ грустнымъ взоромъ проводилъ сына.

„Онъ вернется ко мнѣ!—подумалъ онъ.—Я сдѣлаю, что онъ вернется, потому что я люблю его“.

Онъ провелъ день въ обществѣ Ирины и сына. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, радостнымъ, гордымъ, какъ будто онъ побѣдилъ кого-то и завоевалъ что-то.

Да, онъ побѣдилъ! Онъ побѣдилъ то темное, грозное и непрошенное, которое невѣдомыми путями врывается въ чужую жизнь, въ ту почву, которая уже достаточно взрыхлена и подготовлена неизбѣжными ошибками жизни.

Да, онъ завоевалъ! Завоевалъ новое счастье! Новое—потому что онъ считалъ его окончательно утеряннымъ.

Для юноши —будущее всегда заманчивѣе прошлаго. Жизненный путь еще длиненъ, силъ много, надеждъ еще больше, и міръ рисуется такимъ загадочнымъ, такимъ богатымъ событіями, что кажется волшебной страной, обѣтованной землей, которую надо еще покорить.

Но онъ уже не юноша. Прошлое, для человѣка, прожившаго большую половину жизни, дороже неизвѣстнаго будущаго. Тысячи невидимыхъ связей привязываютъ его къ прошлому. Оно ближе его душѣ, чѣмъ таинственная даль неизвѣстности...

Весь день они проговорили.

Они ни о чемъ не могли говорить больше, какъ о своей любви, какъ о возвратѣ счастья. Говорили оба, торопясь высказать другъ другу чувства, волновавшія ихъ. Часто они перебивали другъ друга, не слушали одинъ другого, возвращались по нѣскольку разъ къ одному и тому же.

Имъ было весело, какъ дѣтямъ, вырвавшимся послѣ долгой зимы на свѣжій воздухъ зеленой лужайки.

Они смѣялись беззаботно, безпричинно...

Сегодня она говорила больше, чѣмъ онъ. За это долгое время молчанія и одиночества много думъ накопилось у нея, которыя ей хотѣлось высказать.

— Милый,—говорила она,—какъ странно у насъ сложилась жизнь... Покойный Ермолинъ, въ дни моего одиночества, говорилъ мнѣ часто о жизни. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на какую-то нелѣпость; онъ говорилъ, что Нѣчто, кого никто не знаетъ и въ кого почему-то всѣ вѣрятъ, переставляетъ людей съ квадрата на квадратъ, какъ пѣшекъ. Пѣшкамъ неизвѣстно, почему именно ихъ двигаютъ такъ или иначе, но играющимъ это, конечно, извѣстно. И два игрока—одинъ Добрый, другой Злой, двигаютъ людьми по великой доскѣ жизни, и среди людей есть короли и королевы, и простыя пѣшки, не считая среднихъ между ними фигуръ. Добрый и Злой стараются обыграть другъ друга, и вотъ почему въ жертву приносятся эти маленькія фигурки. И намъ кто-то поставилъ шахъ и даже шахъ-и-матъ, потому что передъ нами—глухая стѣна. Ермолинъ былъ умный человѣкъ, котораго ты не зналъ, и такова была его теорія жизни.

— И онъ удовлетворялся ею?

— Нѣтъ, милый. Но онъ говорилъ, что надо же себѣ какъ-нибудь разумно объяснить нелѣпость жизни. Очевидно, есть какіе-нибудь законы, по которымъ она двигается, только эти законы скрыты отъ насъ. Чья-то воля играетъ нами, а у насъ нѣтъ настоящей воли, и то, что̀ мы принимаемъ за волю—жалкая погремушка... Вотъ ты поступалъ по своей волѣ, когда... и я ушла отъ тебя по своей волѣ. И оба мы были горды сознаніемъ, что, какъ это ни горько было для обоихъ, но мы сдѣлали какъ хотѣли. Но кто-то вдругъ взялъ и измѣнилъ наши два хода...

— Добрый или Злой?—улыбнувшись, спросилъ онъ.

— О, конечно, Добрый.

Они разсмѣялись.

— Нѣтъ, Ирина, я думаю, это не то.

— А что же?

— Въ нашей жизни слишкомъ много цѣпей, наложенныхъ на насъ традиціями и бытомъ, и которыхъ мы не замѣчаемъ отъ долгой привычки, и которыя мы носимъ покорно. Но свободный духъ,—въ который я, по крайней мѣрѣ, вѣрю,—иногда возмущается въ насъ, и тогда мы стараемся дерзко порвать эти ни къ чему ненужныя цѣпи. Мы женились съ тобой и были закованы въ цѣпи обязательной, законной любви. И любовь—этотъ свободный духъ—возмутился. Мы стали относиться холодно и равнодушно другъ къ другу...

— Говори за себя.

— Пожалуй. Я сталъ относиться равнодушно къ тебѣ, потому что человѣкъ съ трудомъ привыкаетъ къ обязательному, къ тому, что ему предписывается. Я зналъ, что ты у меня есть, что мы связаны навсегда, что ты не уйдешь отъ меня, потому что цѣпи брака приковали насъ другъ къ другу.

— Не очень-то крѣпко...—перебила она его.

— Ну, да, это все равно! Но это были цѣпи. А какъ только я своей рукой разорвалъ ихъ, такъ сейчасъ же, закованная узами брака, замороженная холодомъ обязательности, любовь освободилась и властно заговорила. И я пришелъ къ тебѣ самъ, и почувствовалъ, понялъ, что я люблю тебя не по долгу, не по обязанности, не законной любовью, а свободной, исходящей изъ моего сердца, изъ моей души...

— Не помню,—прервала она его изліянія,—говорила ли я тебѣ о замкѣ счастья... Сколько этихъ замковъ рушилось на моихъ глазахъ! Вотъ строила себѣ такой замокъ Таиса, и онъ рухнулъ, когда, казалось, былъ совсѣмъ уже готовъ; строилъ свой замокъ Карелиновъ, даже одинъ за другимъ, и оба рухнули... И нашъ, простоявшій десять лѣтъ, разсыпался.

Владиміръ Викторовичъ обнялъ Ирину и заговорилъ:

— Родная моя, давай, построимъ вмѣстѣ новый; хочешь? Я принесъ тебѣ новый фундаментъ для него. Этотъ новый фундаментъ—свободная любовь...

Какая-то печаль тѣнью легла на ея лицо.

— Ты говоришь какъ архитекторъ, — грустно улыбнулась она:—свободную любовь положить въ основаніе новаго счастья? Свободную—да, но увы!—уже незаконную. Общество никогда не утвердитъ нашего плана, говоря твоимъ языкомъ. Мы подошли къ глухой стѣнѣ, и не нашимъ силамъ снести ее.

— Ты не вѣришь въ наше новое счастье? Глухая стѣна буржуазной морали, бытовыхъ предразсудковъ... Мы не будемъ даже пытаться сносить ее. Мы выстроимъ за̀мокъ по другую сторону этой стѣны...

Послѣ обѣда они вышли на берегъ моря.

Полное прелести и грацiи Больё приготовлялось къ ночному отдыху; замелькали огоньки въ скромныхъ домикахъ, прiютившихся у скалъ. Спустившись съ Grande Corniche, по вьющейся между скалами тропѣ, къ каменоломнѣ Quatre-Chemins, они увидѣли волшебный видъ: вдали—темныя очертанiя Эстереля, лиловыя горы Грасса и цѣпь Приморскихъ-Альпъ, а внизу — бѣлыя виллы въ зеленыхъ рощахъ, а еще дальше—пестрые паруса рыбачьихъ судовъ на синемъ фонѣ моря. Днемъ, въ хорошую, ясную погоду, на дальнемъ горизонтѣ, туманнымъ миражемъ, скорѣе угадываемымъ, чѣмъ видимымъ, рисовалась иногда Корсика; но теперь тьма надвигалась на море, и края его сливались съ небомъ...

На уличкахъ Больё было пустынно. Какой-то итальянецъ показывалъ на шарманкѣ дрессированную обезьянку съ ружьемъ, одѣтую въ цилиндръ и красный фракъ, но это зрѣлище не привлекло никого, если не считать двухъ-трехъ черномазыхъ мальчишекъ, стоявшихъ передъ итальянцемъ и обезьяной, съ разинутыми ртами.

Ирина съ Владимiромъ Викторовичемъ сѣли на самомъ берегу моря; позади нихъ затихали звуки дневной жизни; впереди —лежало море съ его просторомъ, таинственностью и безконечностью.

Иринѣ стало жутко передъ этой таинственностью, которая ей казалась символомъ жизни.

— Мы съ тобою много говорили сегодня, — началъ Владимiръ Викторовичъ,—все говорили такiя умныя вещи, словно мы не любимъ другъ друга. Но это-то я и люблю въ тебѣ, моя Ирина. Люди, которые въ теченiе десятка лѣтъ совмѣстной жизни находятъ что̀ говорить... такiе люди могутъ быть увѣрены, что не надоѣдятъ другъ другу, что не потеряютъ интереса одинъ къ другому. Ты всегда была умницей, ты мало похожа на другихъ женщинъ по складу ума. Ничего нѣтъ хуже, когда женщина старается быть умной, и ничего нѣтъ лучше, когда она естественно умна... Съ той... съ другой, я рѣшительно не находилъ, о чемъ говорить. Только о туалетахъ, о портнихахъ, да о ея заграничныхъ успѣхахъ у мужчинъ... въ этихъ успѣхахъ я сильно

сомнѣвался. Я слушалъ и молчалъ, но никогда не говорилъ. Мы сидѣли съ ней эту зиму другъ противъ друга и молчали; я жаловался на скуку, и она называла меня „нытикомъ", и столько презрѣнія вкладывала въ это слово! И она стала мнѣ противна, и я сталъ ненавидѣть ее, всю ненавидѣть; ты не знаешь, какое это горькое, тяжелое чувство ненавидѣть то, къ чему тебя когда-то влекло... Все это вышло глупѣе глупаго, вся эта исторія, эта женитьба... для чего? Чтобы вернуться къ прежнему...

— Зачѣмъ ты вспоминаешь о ней?—съ упрекомъ проговорила Ирина Львовна.—Намъ обоимъ тяжело это.

— Ты права. Будемъ говорить о насъ...

— Да, пора поговорить серьезно. Поговоримъ о томъ, что̀ будетъ дальше. Не увлекаемся ли мы?.. Жениться на мнѣ вновь ты не можешь... Ахъ, что̀ ты надѣлалъ, что̀ надѣлалъ!..

— Жениться не могу...—отвѣтилъ онъ, грустно поникнувъ головою. — Но кто можетъ мнѣ помѣшать жить для тебя, и съ тобою, и любить тебя? Знаешь что̀? Я брошу службу,—слава Богу, намъ есть чѣмъ жить скромно... Ты продала свой домъ. Ничто уже не привязываетъ насъ къ Россіи. Будемъ жить здѣсь, въ этомъ райскомъ уголкѣ, гдѣ для насъ расцвѣло новое счастье. Потомъ, когда̀ подростетъ Володя, когда мы соскучимся по родинѣ, когда наша странная исторія забудется, мы вернемся. Если общество захочетъ помириться съ нашимъ необыкновеннымъ, нелегальнымъ положеніемъ - тѣмъ лучше. Я найду себѣ тогда занятія и дѣло... Если нѣтъ—можетъ быть, обойдемся и безъ общества. Небольшой кружокъ истинныхъ друзей всегда вѣдь найдется... Володя ничего не проиграетъ отъ нашего незаконнаго союза. Я вѣдь его отецъ, и онъ—законный мой сынъ... Моя ошибка ничѣмъ не отразится на немъ.

Онъ замолчалъ, перевелъ духъ, задумчиво взглянулъ на Ирину, какъ бы желая задать ей вопросъ, который его сильно смущалъ.

— Но на тебѣ, Ира моя? — наконецъ рѣшился онъ.—Подумай, тебѣ будетъ тяжело, очень тяжело изъ законной жены превратиться въ...

Слово не шло съ его губъ.

Она нагнулась къ нему, зажала его ротъ рукою.

— Молчи!—тихо сказала она.—Такъ что же, что тяжело? Жизнь — не легкая вещь. Надо жить! Надо имѣть мужество жить какъ нужно, а не такъ, какъ велятъ тѣ, которые не имѣютъ права приказывать...

Валер. Свѣтловъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Окончаніе.

III.—Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу. 1847—1861 *).

По смерти Некрасова, въ 1877 г., у меня была мысль—если не составить его біографію, то, по крайней мѣрѣ, собрать, сколько было бы можно, матеріалы для его біографіи,—кромѣ личныхъ воспоминаній — письма, воспоминанія другихъ лицъ, и т. д. Я зналъ Некрасова давно; очень близокъ съ нимъ я и не могъ быть,—слишкомъ велика была уже разность поколѣній, — но я довольно близко его видѣлъ, по дѣламъ журнальнымъ. Не все мнѣ было симпатично въ этомъ характерѣ; но большой умъ, многія черты поэзіи, тонкій литературный вкусъ были привлекательны,—во всякомъ случаѣ это было замѣчательное лицо, о которомъ должна быть сохранена историческая память. Собирая матеріалы, я считалъ важнымъ обратиться особенно къ Тургеневу: въ пятидесятыхъ годахъ я еще засталъ ихъ дружескія отношенія; потомъ пробывши долго, въ 1858—59 гг., за границей, я непосредственно не зналъ, но услышалъ о раздорѣ Тургенева съ Некрасовымъ и вообще редакціей „Современника"; зналъ, наконецъ, о совершенномъ разрывѣ;—потомъ, многіе годы спустя, я слышалъ, въ послѣднія минуты жизни Некрасова—о нѣкоторомъ примиреніи... Я думалъ, что старая непріязнь (длившаяся десятки лѣтъ) не уничтожитъ все-таки у Тургенева доброй памяти о лучшихъ временахъ, и что интересъ историческій ему не останется чуждъ. Я не ошибся. На мой вопросъ къ нему, когда онъ былъ въ Петербургѣ, онъ отвѣтилъ мнѣ полной го-

*) См. выше: ноябрь, стр. 64.

товностью сообщить мнѣ матеріалъ, который у него былъ— именно письма Некрасова. Но бумаги были въ Парижѣ; пересылать ихъ почтой онъ опасался, — да и я этимъ не желалъ рисковать; онъ обѣщалъ привезти ихъ самъ, въ другой разъ. Дѣйствительно, въ послѣдній пріѣздъ его въ Россію, и въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою пачку писемъ Некрасова и еще нѣчто другое, и предоставилъ ихъ въ мою собственность и полное распоряженіе.

Разныя обстоятельства,—между прочимъ, ожиданіе найти еще новые матеріалы, а также мои другія, необходимыя работы,— отвлекли меня отъ предположеннаго труда. Наконецъ, недавнія поминки о Некрасовѣ побудили меня вернуться къ своему намѣренію, и нѣкоторый досугъ позволилъ его исполнить, хотя до нѣкоторой степени.

Письма Некрасова были переданы мнѣ Тургеневымъ, сколько я думаю, не только изъ личнаго довѣрія къ моимъ трудамъ, но, можетъ быть, опять съ примирительной памятью о человѣкѣ, съ которымъ въ послѣдніе годы дѣлила его раздражительная вражда, но который нѣкогда былъ близкимъ его другомъ. Изданіемъ писемъ должно почтить память обоихъ писателей: оба принадлежали къ числу наиболѣе замѣчательныхъ питомцевъ и свидѣтелей сороковыхъ годовъ.

Письма очень любопытны для характеристики того броженія, которымъ отмѣченъ конецъ сороковыхъ годовъ и начало новаго литературнаго направленія, во многомъ именно совпадавшаго съ „эпохой великихъ реформъ". Въ приведенныхъ историческихъ справкахъ мы видѣли, какое колебаніе овладѣло кружкомъ друзей старой редакціи журнала: иные, какъ Боткинъ, Фетъ (иногда самъ Тургеневъ—въ раздражительную минуту) не понимали новаго направленія, которое было отголоскомъ цѣлаго общественнаго возбужденія эпохи; считая себя хранителями преданія сороковыхъ годовъ и учениками Бѣлинскаго, они, не однажды, не сознавали, что болѣе и болѣе становятся чуждыми этому преданію. У Тургенева, въ письмахъ Дружинину, мелькаетъ болѣе вѣрное пониманіе той связи, которая несомнѣнно установляла преемство отъ сороковыхъ годовъ къ новому направленію идей общественныхъ и литературныхъ; впослѣдствіи Тургеневъ долженъ былъ разочароваться даже въ своемъ ожиданіи, что Дружининъ съумѣетъ понять правильно Бѣлинскаго. Остальные друзья, Боткинъ и Фетъ, были окончательно „закрѣпощены" Катковымъ, по выраженію Тургенева; иные, какъ Григоровичъ, были поверхностны до потери всякой памяти о своихъ прежнихъ влеченіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ письма Некрасова получаютъ особенное значеніе: среди колебаній, и наконецъ вражды прежнихъ друзей, онъ ясно понималъ упомянутое историческое преемство двухъ поколѣній, и защищалъ новое направленіе не изъ „коммерческихъ“ разсчетовъ, въ которыхъ его любили обвинять, а именно потому, что понималъ ясно его общественное значеніе. Онъ совершенно опредѣленно утверждалъ то, въ чемъ Тургеневъ еще нѣсколько колебался, и въ тогдашней ихъ дружеской, иногда очень рѣзкой манерѣ, указывалъ слабыя стороны въ понятіяхъ кружка, и указывалъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ именно продолжается преданіе ихъ стараго учителя. Тургеневъ и его пріятели, какъ Фетъ и Боткинъ, не могли понять новаго направленія; для Некрасова историческая связь двухъ поколѣній была совершенно ясна.

Даты писемъ не всегда обозначены, и хотя въ пачкѣ Тургенева письма были сложены повидимому въ хронологическомъ порядкѣ, но остаются нѣкоторыя неясности.—А. П.

1.

[Въ началѣ 1847 г.].

Любезный Тургеневъ. Спасибо вамъ и за память объ насъ и за память о „Современникѣ“. Разсказъ вашъ я прочелъ—онъ очень хорошъ, безъ преувеличенья: простъ и оригиналенъ. Завтра дамъ его Бѣлинскому—онъ вѣрно скажетъ тоже. Кстати о Бѣлинскомъ; здоровье его также неровно какъ при васъ: то плохо, то какъ будто и ничего. Впрочемъ, докторъ завѣряетъ, что рѣшительной опасности нѣтъ. Весной вѣроятно онъ поѣдетъ на воды (въ Силезію)—докторъ говоритъ, что это для него будетъ очень хорошо. Объ этомъ да объ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ у насъ на дняхъ положительный разговоръ. Я было предложилъ ему условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ дѣлъ журнала, кромѣ жалованья до 5/т. асс. ежегодно во все продолженіе времени, пока издается нами журналъ, хоть бы почему либо онъ и оставилъ у насъ работу. Но онъ странный человѣкъ—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили. Впрочемъ, скажу вамъ, что при этомъ онъ не обнаруживалъ и тѣни неудовольствія и вообще, кажется, по этой части онъ теперь спокоенъ. На поѣздку за границу онъ рѣшился, когда я объявилъ ему, что жалованье за тѣ года, которые онъ проѣздитъ, все-таки будетъ выдано ему—и въ самомъ дѣлѣ безъ этого онъ не могъ бы ѣхать. Теперь эта мысль его

занимаетъ. Тютчевъ [1]) и К° здоровы; контора ихъ идетъ недурно. „Современникъ" продалъ уже слишкомъ сто экз. новаго изданія, и есть надежда, продастъ и еще штукъ двѣсти. Кстати: „Современникъ" №№ 1-й и 2-й вамъ высланы и прочіе будутъ высылаться ежемѣсячно. Вашъ разсказъ („Каратаевъ") напечатанъ во 2-й книжкѣ: онъ всѣмъ понравился очень, Бѣлинскому тоже; два-три мѣста досадно (хоть и небольшія) выкинуты, да что жь дѣлать! еслибъ и весь уничтожили, такъ нечему бы удивляться. Рабойтайте коли работается, дѣло хорошее; дѣлаешь ли что, не дѣлаешь ли — время все равно пройдетъ, только какъ ничего не сдѣлалъ, такъ оглянуться назадъ совѣстно; говорю по опыту—мнѣ вотъ все оглядываться совѣстно. Статья объ Нѣмецк. лит. къ 4-му № намъ будетъ крайне нужна; письмо о Берлинѣ—очень бы хорошо; Радилова я буду ждать съ нетерпѣніемъ; мнѣ эти ваши разсказы по сердцу пришлись. Собственно я прошу у васъ еще стиховъ—поторопитесь съ „Маскарадомъ"—безъ стиховъ мнѣ куда не хочется выпускать книжекъ, своихъ мало, а за Огарева на дняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ—„монологи" погибли для свѣта! Прощайте. Мнѣ весело. Очень преданный вамъ—Н. Некрасовъ.

Пишу 15-го вечеромъ, пошлю завтра.

Если Герценъ еще не уѣхалъ изъ Берлина, отвѣсьте ему три поклона.

[Приписка на оборотѣ неизвѣстной мнѣ рукой: 17 февраля стар. штиль отправлены № 1 и 2 „Современника" вмѣстѣ съ романомъ *Кто виноватъ?*]

„Мой сосѣдъ Радиловъ"—одинъ разсказъ изъ „Записокъ Охотника"; былъ помѣщенъ вскорѣ въ 5-й книгѣ „Современника" 1847.

„Записки Охотника" начались, какъ извѣстно, съ первыхъ книгъ „Современника",—„Хорь и Калинычъ" былъ помѣщенъ въ „Смѣси"; послѣдующіе разсказы — уже въ текстѣ журнала. Помѣщеніе въ „Смѣси" нѣкоторые ставили потомъ въ укоръ Некрасову, видя въ этомъ признакъ того, что онъ не умѣлъ оцѣнить произведенія Тургенева. Дѣло объясняется проще: Некрасовъ, а можетъ быть и Тургеневъ, не предвидѣлъ, что это будетъ начало цѣлой обширной серіи, а не отдѣльный случайный эпизодъ; а такіе небольшіе разсказы нерѣдко помѣщались въ „Смѣси". По тогдашнему журнальному плану „Смѣсь" часто бывала дополненіемъ къ литературному отдѣлу, и русскому, и иностранному: здѣсь помѣщались небольшіе отдѣльные очерки, и такія переводныя вещи, не только какъ небольшіе разсказы Диккенса, но даже какъ „Правда и поэзія" Гёте, „Исторія моей жизни" Жоржа Занда и т. под.—А. П.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Н. Н. Тютчевѣ.—А. П.

2.

[1847]. Спб. 28 окт.

Господа Тургеневъ и Аненковъ. Я получилъ письмо Тургенева; вопросъ о деньгахъ кажется ужъ для васъ, любезный Иванъ Сергѣичъ, долженъ быть рѣшенъ. Я недѣли три назадъ встрѣтилъ вашего брата, который мнѣ сказалъ, что отправилъ вамъ около трехъ тысячъ франковъ.

Я получилъ Аненкова письмо для печати—письмо превосходное и———написано прекраснымъ языкомъ!

Если хотите быть полезны „Современнику" въ Парижѣ, какъ пишетъ Тургеневъ, то прежде всего напишите (кто изъ васъ хочетъ) такую статью, которую можно было бы иллюстрировать въ Парижѣ и закажите политипажи или выберите себѣ готовые политипажи изъ французскихъ изданій, придѣлайте къ нимъ текстъ, а съ политипажей закажите такъ называемые клише и пришлите вмѣстѣ съ статьей. Все это нужно бы къ 1-мъ числамъ декабря, не позже. Тургеневъ! Вы можете подъ такого рода статьей и не подписаться; стало быть, статья можетъ быть и средней руки... Скучно писать по заказу. Знаю, да вѣдь этимъ вы меня по гробъ жизни обяжете... Нельзя ли соблазнить васъ деньгами? Что касается до нихъ, то, если будете работать, можете разсчитывать на полученіе отъ меня въ декабрѣ мѣсяцѣ и *гораздо больше*, чѣмъ вы назначили въ своемъ письмѣ: стало быть, можете дольше жить въ Парижѣ, если вамъ тамъ нравится. А „Маскарадъ"? Я вамъ скажу вѣсть, можетъ быть пріятную: я хочу издавать и на дняхъ начну: *Библіотеку русскихъ романовъ, повѣстей, записокъ и путешествій*—начну съ *Кто виноватъ*, потомъ *Обыкн. Исторія*, а потомъ, думаю я *Записки Охотника*—ужъ наберется томикъ порядочный, а когда наберется другой—и другой напечатаемъ. Какъ вамъ это нравится и согласны ли вы на это? Думаю, что *да*, а условія изданія для васъ не объясняю—некогда, да и знаю, что вы будете согласны на тѣ условія, какія съ другими. А разсказы ваши такъ хороши и такой производятъ эффектъ, что затеряться имъ въ журналѣ не слѣдуетъ.

Прощайте, господа, послѣ 1-го числа напишу больше, а теперь страшно некогда, клянусь вамъ, я въ судорожныхъ хлопотахъ, и взялся за перо съ тѣмъ, чтобъ только въ двухъ словахъ увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ. Бѣлинскій здоровъ и дописываетъ большую статью для 11-ой книжки. Въ этой книжкѣ между прочимъ Тургенева „Жидъ", безъ подписи его имени. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

Въ 11-й книгѣ „Современника“ 1847, стр. 138—154, разсказъ Тургенева съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи.—А. П.

3.

[1847, декабрь].

Любезнѣйшій Тургеневъ. Прежде всего да будетъ вамъ извѣстно, что сего числа (11 дек. ст. ст.)—посланы вамъ триста рублей серебромъ. Затѣмъ, весь разсказъ вашъ уже у меня,—на дняхъ увижу, будетъ ли возможность помѣстить ихъ въ 1-ую книжку, ибо я отъ васъ 4-й разсказъ и желаніе о помѣщеніи ихъ въ 1-мъ № получилъ только седьмаго числа, а тогда уже были назначены и отданы (съ 1-го числа) для первой книжки повѣсть Гончарова и повѣсть Даля; скоро ихъ кончатъ наборомъ и увижу, сколько изъ нихъ выйдетъ [1]).

Радуюсь, что вы работаете, только, пожалуйста, не ослабѣвайте—право, я радъ за васъ и за „Современникъ“,—на такую отличную дорогу вы попали; очевидно вы начинаете привыкать къ труду и любить его — это, другъ мой, великое счастье! Ну, а затѣмъ за таковой тонъ извините. Вотъ что не забыть бы: нашъ альманахъ скоро начнетъ печататься и къ 1-му декабрю долженъ вытти — итакъ давайте *Маскарадъ*, пожалуйста! А ужь на парижскіе политипажи я отложилъ всякую надежду; видно не видать намъ ихъ какъ ушей своихъ,—мы завербовали себѣ Степанова (что дѣлалъ статуэтки) и онъ нарисовалъ намъ нѣсколько по истинѣ отличныхъ каррикатуръ. Текстъ тоже не дуренъ; пожалуйста, давайте *Маскарадъ*, — даже если не будете имъ довольны, найдете неудачнымъ, — все таки присылайте; въ такомъ случаѣ можно напечатать безъ подписи, а онъ все таки вѣрно на столько будетъ хорошъ, что Альманаху сдѣлаетъ пользу.

Вашихъ новыхъ разсказовъ я еще не читалъ и потому ничего не могу сказать о нихъ, Аксакова повѣсти тоже еще не читалъ,—на дняхъ все прочту—и буду писать къ Аненкову, которому кланяйтесь и скажите слѣдующее: я отъ Ник. Боткина узналъ, что каждый № „Соврем.“ обходится ему въ Парижѣ 12-ть франк. и большихъ хлопотъ. Это меня огорчило и озлило, потому что пересылка стоитъ около 20-ти руб. сер. въ годъ— и съ слѣдующей 1-й книжкой 1848 года мы ужь не будемъ посылать ему черезъ брата, а прямо, — зачѣмъ онъ самъ не образумилъ насъ раньше, — что за неумѣренная деликатность! Ну, пусть извинитъ, а впредь *Соврем.* не будетъ ему стоить ни

[1]) Противъ всего этого отмѣтка на полѣ рукой Н. Н. Тютчева: „*вѣроятно*, будетъ напечатано“.—А. П.

денегъ, ни хлопотъ. А если и вы пожелаете получать себѣ экз., то мы будемъ высылать, только пересылку поставимъ на счетъ.

А о себѣ скажу, что похвалы, которыми обременили вы мои послѣдніе стихи въ письмѣ къ Бѣлинскому, — нагнали на меня страшную тоску, я съ каждымъ днемъ одурѣваю болѣе, рѣже и рѣже вспоминаю о томъ, что мнѣ слѣдуетъ писать стихи и таковыхъ ужь давно не пишу. Мнѣ это подъ часъ и больно, да дѣлать нечего. Но за исключеніемъ сего живу изрядно и хотя работы много и поводовъ злиться еще больше—однако-жь привыкъ и ничего.

Читайте въ 12 № „Совр." *Полиньку Саксъ*, авторъ небывалый прежде, а каковъ увидите [1]).

Пишите намъ, долго ли вы и Аненковъ пробудете въ Парижѣ, и куда выѣдете, а послѣдняго просите писать письма въ „Современникъ" отвсюду, куда бы онъ ни заѣхалъ. Если наша подписка въ 1848 году будетъ хороша, то я самъ предложу ему за письма деньги, а если не хороша, то терпѣливо буду ждать такого предложенія съ его стороны. Я вижу, деликатенъ.

Кстати о деньгахъ! Такъ какъ я желаю, чтобъ хоть вы (на котораго мы менѣе всего надѣялись) остались исключительнымъ сотрудникомъ „Современника", то если хотите—я теперь охотно заплачу за васъ долгъ Краевскому,—напишите, сколько, и приложите письмо къ нему.—Вашему портному я заплатилъ въ свое время сполна. Прощайте, господа. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

11 Дек. ст. ст. 1847. Спб.

[Приписка карандашомъ рукой Н. Н. Тютчева: „Всѣ наши вамъ очень кланяются. Жму вамъ руку—Вашъ Т."].

4.

[1848, 12 сент.]

Любезнѣйшій Тургеневъ. Третьяго дня Аненковъ читалъ у насъ вечеромъ вашу комедію *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*. Безъ преувеличенія скажу вамъ, что вещицы болѣе граціозной и художественной въ нынѣшней русской литературѣ врядъ ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено,—выдержано до послѣдняго слова. Это мнѣніе не одного меня, но всѣхъ, которые слушали эту комедію, а ихъ было человѣкъ десять, между прочимъ Дружининъ, котораго я знакомилъ съ Аненковымъ.

Замѣтилъ я (и всѣ со мной тотчасъ согласились), что не-

---

[1]) Дружининъ.—А. П.

много неловка сказка о куклахъ, ибо почтеннѣйшая публика можетъ принять все это мѣсто въ самую ярыжную сторону и разразиться жеребячьимъ хохотомъ. Приведите себѣ на память это мѣсто, взгляните на него съ этой точки,—можетъ быть, вы найдете это замѣчаніе достойнымъ вниманія и сочтете нужнымъ замѣнить то мѣсто. Съ этой цѣлію я и сообщаю вамъ его.

Недавно (въ IX №) напечатали мы вашу повѣсть *Пѣтушковъ*; повѣсть эта хороша и отличается строгой выдержанностью—это мнѣніе всѣхъ, съ кѣмъ я о ней говорилъ. Мнѣ она и прежде очень нравилась, и я очень радъ, что не ошибся въ ней.

Ваши два послѣдніе присланные разсказа принадлежатъ къ удачнѣйшимъ въ запискахъ охотника. Вообще, другъ мой, говоря о вашихъ послѣднихъ трудахъ приходится только хвалить и дивиться вашимъ успѣхамъ (и трудолюбію), и я умолкаю только потому, что неловко распространяться. Скажу въ кратцѣ: Вы и Дружининъ теперь два лица наиболѣе читаемые, хвалимые и любимые публикой и дѣйствительно наиболѣе замѣтные въ русской литературѣ. Герценъ и Гончаровъ, которые могли бы тягаться съ вами въ этомъ случаѣ, ничего давно не пишутъ (т.-е. первый не печатаетъ, а второй такъ заплылъ жиромъ, что точно ничего не пишетъ.).

Эту часть письма мнѣ было написать легко, но теперь наступаетъ трудная. Я догадываюсь, и по одному намеку Анненкова убѣжденъ, что вы на меня сердитесь, но, другъ мой, если бы вы все знали!! Когда писать и что писать?.. О смерти Бѣлинскаго взялась написать вамъ А. П. Тютчева. Что касается до Записокъ Охотника, то въ пользу семейства Бѣлинскаго ихъ печатать нельзя: *Обыкн. Истор.* Гончарова имѣла не менѣе успѣха, но я напечаталъ ее отдѣльно и въ 8 мѣсяцовъ продалось только двѣсти экземпляровъ. Вотъ почему я молчалъ: чего-нибудь особенно важнаго написать не было, а свои ближайшія дѣла горой лежали на плечахъ. Притомъ вы знаете мою безалаберность, такъ не сердитесь же.

Теперь о нашихъ счетахъ. Денегъ у меня теперь нѣтъ и до декабря не будетъ. Но если вамъ нужно раньше—напишите, я достану и пришлю. Напишите также, вышлете вы или нѣтъ намъ до декабря еще что-нибудь изъ своихъ повѣстей,—это нужно для того, чтобъ знать, какъ распорядиться. У меня теперь два ваши разсказа и комедія. Что оставить на первый № и что напечатать въ 11 книжкѣ, которая имѣетъ для насъ тоже великую важность. Если пришлете еще разсказовъ, то я напечаталъ бы комедію въ 11 №, а разсказы всѣ, сколько ихъ будетъ, оста-

вилъ бы на первый №. Напишите, какъ вамъ хочется. Если комедію на 11 №, то поторопитесь съ поправкой (разумѣется, если думаете сдѣлать ее).

У насъ особеннаго ничего нѣтъ. Кавелинъ перебрался теперь сюда на службу и усердно работаетъ для „Совр.". Кстати, знаете ли вы, что редакторъ „Совр." нынѣ уже не Никитенко, а *Панаевъ*? Впрочемъ, вы все увидите: вмѣстѣ съ симъ посылается вамъ (на имя Герцена) „Современникъ" (всѣ IX книгъ) и будетъ высылаться впредь—это потому мы рѣшились сдѣлать, что Аненковъ завѣрилъ насъ, что вамъ будетъ теперь интересенъ „Совр.", чего мы, признаться, не думали.

Языковъ и Тютчевъ преуспѣваютъ понемногу съ конторой. Мы трепещемъ за наступающую подписку, ибо многія книжки журнала съ ряду были плохи и альманахъ до сей поры не вышелъ. Масловъ здоровъ и все также то появляется, то исчезаетъ. Аненковъ теперь насъ всѣхъ соединилъ и оживилъ. Дружининъ малой очень милой и не то что Иванъ Александрычъ [1]): все читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ и умно говоритъ. Росту онъ высокаго, тощь, русъ и волосы рѣдки, лицо продолговатое, не очень красивое, но пріятное; глаза какъ у поросенка. Вотъ вамъ—коли интересно. Если интересно также, то узнайте, что я пустился въ легкую беллетристику и произвелъ, вмѣстѣ съ однимъ сотрудникомъ,—романъ въ 8-мь частей и 60 печатныхъ листовъ, который и печатается уже въ X книжкѣ. Вотъ по причинѣ этой-то работы мнѣ и некогда было написать къ вамъ письма. Не шутя, Тургеневъ, не сердитесь пожалуйста! Вы знаете, какъ естественно и просто дѣлаются подобныя вещи, хоть издали и могутъ принять характеръ важный и непростительный.

Напишите мнѣ пожалуйста поскорѣе. Герцену поклонъ. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакалъ читая послѣ грозы,—это чертовски хватаетъ за душу.

Будьте здоровы. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

Сентября 12, 1848. Спб.

Комедія „Гдѣ тонко, тамъ и рвется" напечатана была въ 11-й книгѣ „Современника" 1848.—А. П.

5.

[1848, 17 декабря].

Здравствуйте, любезный Тургеневъ! Послѣдній вашъ маленькій разсказъ полученъ. Онъ и два прежніе будутъ помѣщены

[1]) Гончаровъ.—А. П.

во 2-мъ № „Совр.“ на 1849 годъ. Три послѣдніе №№ „Современника“ выслалъ въ Парижъ всѣ вмѣстѣ въ началѣ декабря; вы ихъ, вѣроятно, ужь видѣли. Изъ комедіи вашей вымарали сказку и я замѣнилъ это мѣсто точками; дѣлать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно. Черезъ десять дней послѣ этого письма будетъ выслано Вамъ 300 р. сер., и подробный счетъ. Вамъ хочется знать, кто у насъ кому долженъ? Кажется, въ настоящую минуту никто никому, впрочемъ навѣрно не знаю; вотъ на дняхъ сочту. Знаю только, что уѣзжая вы остались мнѣ должны слишкомъ 1200 р. асс., потомъ выслано Вамъ 1050, да портному заплачено 210, и напечатано вашихъ статей покуда до 15-ти листовъ—вотъ и разсчитывайте.

Напишите, какъ называется вашъ романъ, чтобы можно было объявить, если хотите дать его намъ, на что я и надѣюсь. Подписка идетъ у насъ хуже прошлаго года, чему вы конечно и не удивляетесь, видя, какъ плохъ сталъ нашъ журналъ сравнительно съ прошлымъ годомъ. А отчего плохъ? узнаете, какъ сюда пріѣдете. Мы печатали что̀ могли. Если увидите мой романъ, не судите его строго: онъ писанъ съ тѣмъ и такъ, чтобъ было что̀ печатать въ журналѣ—вотъ единственная причина, породившая его на свѣтъ.

Комедіи вашей для Щепкина не читалъ, но слышалъ про нее. Спасибо вамъ, что не забываете „Современника“.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

17 Декабря 1848. Спбургъ.

6.

[1849, 27 марта].

Любезный Тургеневъ! Я сейчасъ прочелъ ваше письмо со счетами. Сегодня у *насъ* 27 марта—я очень занятъ; черезъ пять дней пошлю вамъ всего чего Вы желаете и что будетъ нужно послать, а теперь вотъ что скажу вамъ. По тону вашего письма видно, что вы сердитесь—за что? неизвѣстно! Думаю, за то, что деньги вамъ высланы 10-ью или 15-ью днями позже чѣмъ вы ожидали. На это долженъ я вамъ сказать, что 1) у насъ запасныхъ денегъ нѣтъ, 2) что мы имѣемъ долги, 3) что если вы позволяли себѣ быть иногда должнымъ мнѣ, то почему же я не могъ позволить себѣ въ нуждѣ и въ крайности отсрочить высылку вамъ денегъ двумя недѣлями? и наконецъ 4) тотчасъ по полученіи вашего письма о деньгахъ, было мною сдѣлано распоряженіе, чтобы контора Вамъ послала эти деньги при первой возможности—это можетъ Вамъ засвидѣтельствовать Тютчевъ, и

если они немного опоздали, значитъ иначе было невозможно. Вы можетъ быть скажете, что это было въ такое время, когда у насъ не могло не быть денегъ. Точно. Но во 1-хъ, уплачивались долги по документамъ, а 2-хъ, въ нынѣшнемъ году у насъ подписка на всѣ журналы хуже, вслѣдствіе того, что газеты политическія въ интересѣ повысились, а журналы по нѣкоторымъ причинамъ стали скучны и пошлы до крайности. Такъ у Библіот. для Чт. убыло 900 подп., у Краевск. 500, у насъ 700. Дѣла наши не очень блистательны.

Вы пишете, что не знаете, нужны ли намъ ваши статьи. Это можетъ спрашивать только человѣкъ разсерженный. Еще пишете вы, что не можете ничего намъ прислать, пока мы не вышлемъ должныхъ вамъ денегъ, и съ легкимъ упрекомъ намекаете, что Краевск. далъ Вамъ впередъ! О, Тургеневъ! За что Вы такъ меня обижаете? Повѣрьте, что еслибъ Вамъ слѣдовали деньги, то я выслалъ бы ихъ безъ вашихъ напоминаній, зная до нѣкоторой степени, что Вы деньгами за границей не должны быть богаты. Но дѣло въ томъ, что вы въ своемъ счетѣ, который теперь у меня въ рукахъ, позабыли 300 р. серебр., посланные вамъ за границу въ *январѣ прошлаго года*,—такъ что всѣхъ денегъ забрано вами не 2.500 асс., но 3.500! *Жидъ* также въ счетъ не идетъ, ибо онъ достался мнѣ по прежнимъ счетамъ. Вамъ ничего не слѣдуетъ, что ясно увидите, получивъ отъ меня черезъ пять дней послѣ этого письма подробный счетъ.

Еще замѣчаніе. Вы считаете по 50 р. сер. за листъ—я противъ этого ни слова, и готовъ на будущее время платить вамъ больше, если вы пожелаете; но берите же и съ Краевскаго по крайней мѣрѣ хоть *не меньше* чѣмъ съ насъ, ибо *онъ богаче насъ*; по отношенію листа „Отеч. Зап.“ къ листу „Совр.“ вамъ, получая съ насъ 175 р. асс. за листъ, слѣдуетъ брать съ листа „Отеч. Зап.“ по 225 р. асс. Это замѣчаніе дѣлаю я для вашей пользы, такъ какъ вы даете знать въ вашемъ письмѣ, что хотите работать Краевскому.

Что касается до вопроса—нужны ли намъ ваши статьи, то кажется нечего отвѣчать вамъ на него. Очень нужны, если только Вы еще не такъ разсердились, чтобъ имѣть желаніе не давать намъ своихъ трудовъ и сдѣлать такимъ образомъ вредъ нашему журналу...

Касательно денегъ скажу вамъ, что если, ошибшись въ счетѣ, вы ждете отъ меня высылки денегъ и разсчитываете на нихъ,—то я могу выслать вамъ 200 р. сер. впередъ (не ранѣе впрочемъ нашихъ первыхъ чиселъ мая) не потому, чтобъ желалъ въ

этомъ случаѣ слѣдовать примѣру Краевскаго, а потому, что я всегда за особенное удовольствіе почиталъ сдѣлать что-нибудь для васъ при малѣйшей возможности,—зная, что и Вы съ своей стороны были мнѣ полезны и можете быть полезны впредь (хоть ужъ поэтому!).

Ничего особенно новаго и пріятнаго у насъ не имѣется. Мы наконецъ выпустили второй *Иллюстр. Альманахъ*, и разсчитываемъ, что онъ поддержитъ подписку. Покуда у насъ подписчиковъ 2400 (въ прошломъ году было 3100). Разсказы ваши (изъ „Зап. Ох.") напечатаны во 2 книжкѣ; они изрядно общипаны, но все еще весьма понравились публикѣ. „Нахлѣбникъ" вашъ *не пошелъ*—этого бы не случилось, еслибъ онъ попалъ къ намъ, а теперь онъ погибъ невозвратно. Если вздумаете намъ дать что-нибудь, увѣдомьте, къ какому времени и что именно—это меня очень интересуетъ. Прощайте! Поклонитесь Герцену.

Жду вашего отвѣта на счетъ денегъ. Не ожесточайтесь противъ стараго своего пріятеля Некрасова, который привыкъ видѣть въ васъ человѣка добра ему желающаго и самъ всегда былъ вамъ крѣпко преданъ. Ваше письмо меня огорчило не столько съ точки зрѣнія журнальныхъ дрязгъ, къ которымъ я наконецъ привыкъ, сколько съ другой. —Н. Некрасовъ.

27 марта 1849. Спбургъ.

„Современникъ" будетъ вамъ посланъ. Брату вашему 80 р. отдали. Онъ еще не былъ у меня. Н.

[Дальше, кажется, пишетъ Н. Н. Тютчевъ:]

Хр. воскресе.

Любезнѣйшій Ив. Серг. Я такъ долго задержалъ письмо Некрасова, чтобы имѣть право написать Вамъ, что къ Вамъ отправлено все вышедшее изъ редакціи Современника за 1849 годъ.

Прежде журналы пересылала Газ. Эксп., и тогда они могли быть отправлены ежемѣсячно, но теперь это дѣлается черезъ Таможню и поэтому мы будемъ, избѣгая излишнихъ хлопотъ, высылать вамъ журналъ мѣсяца за 3.

Жена моя вамъ очень кланяется, но у нея болятъ глаза, и это лишаетъ ее удовольствія писать къ вамъ.

Въ маѣ мы ѣдемъ въ деревню на лѣто. Адресъ къ намъ будетъ—Тверск. губ. въ Кашинъ. Всѣ вамъ очень кланяются.

[подпись трудно разобрать]...

Зиновьевъ пріѣзжалъ сюда на праздники и хвасталъ успѣхами своего д. суда.

21 апрѣля.

7.

[1849, 14 сент.].

Любезный Тургеневъ, крайне я радуюсь, что Вы наконецъ вразумились, что никакого поползновенія поступить съ Вами въ чемъ-нибудь непохвально я не имѣлъ, и стало быть, перестали питать ко мнѣ неблагопріятныя чувствованія. Вашъ *Завтракъ у Предв.* на дняхъ получилъ отъ пріѣхавшаго сюда Щепкина—и отдалъ въ наборъ для 10 № „Совр.“; вещь хорошая, но ваша комедія *Холостякъ* въ IX № „От. Зап.“—просто удивительно хороша, особенно первый актъ. Будьте другъ, сжальтесь надъ „Современ.“ и пришлите намъ еще Вашей работы да побольше, а мы всегдашніе ваши плательщики. Ужасно мнѣ досадно, что Вы думаете, будто „Современ.“ не получается Вами по моей безпечности! Не одинъ разъ, а двадцать разъ дѣлалъ я по этому случаю распоряженія и имѣю отъ Тютчева письменныя удостовѣренія, что къ Вамъ (или правильнѣе Герцену, *на Ротшильда*) посылается „Современникъ“.

Обратитесь же при случаѣ къ Тютчеву съ вопросомъ объ этомъ и увѣрьте его, что Вы ничего не получаете.

Покуда прощайте. Мы ждемъ Васъ сюда зимой. Признаться, пріятно было бы свидѣться. Кланяется Вамъ Панаевъ. Будьте здоровы. Душевно Вамъ преданный—Н. Некрасовъ.

14-е сентября нашего стиля. 1849. Спб.

8.

[1851].

Любезный Иванъ Сергѣичъ!

Хотя я и мало надѣюсь, чтобъ Вы уважили мою просьбу, но такъ какъ къ ней присоединяется и Ваше обѣщаніе, то и рѣшаюсь напомнить Вамъ о „Современникѣ“. Сей журналъ составляетъ единственную, хотя и слабую и весьма непрочную, но тѣмъ не менѣе единственную опору моего существованія,—потому не удивитесь, что я уже приставалъ часто и нынѣ пристаю къ вамъ съ новою просьбою не забыть прислать намъ что̀ у васъ написано (не смѣю прибавить: или написать что нибудь, буде ничего не написано) и поскорѣе: вѣрите ли, что на XI книжку у насъ нѣтъ ни строки ничего—ибо даже уже и „М. Оз.“ [„Мертвое Озеро“] изсякло. Знаю, что скучно получать такія просьбы, но еще тяжелѣе приставать съ ними къ человѣку, съ которымъ желалъ-бы совсѣмъ иначе разговаривать, но дѣлать нечего—необходимость извиняетъ меня. Я и такъ долго крѣпился и молчалъ, а теперь пришла крайняя нужда.

Я надѣюсь на вашу доброту и не прибавлю ничего болѣе.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

15 сентября. Спбургъ.

P. S. Я даю вамъ обѣщаніе не печатать вашей статьи, если много вымараютъ, и продержать корректуру съ необыкновенной тщательностію.

P. S. Знаете ли, что нынѣшнее лѣто и осень около Петерб. прекрасная охота. Я между прочимъ очень много бью сѣрыхъ куропатокъ, которыхъ открылось множество за Ораніенбаумомъ, верстахъ въ 20-ти. А какъ идетъ ваша охота? И какъ вообще вы поживаете? Полагаю, что получше моего!

Романъ „Мертвое Озеро", Некрасова и Станицкаго (псевдонимъ А. Я. Панаевой), печатался съ января 1851-го и кончился, пятнадцатой частью, въ сентябрѣ того года.—А. П.

9.

[1851 ?]

8 Ноября нашего стиля.

Любезный Тургеневъ. Душевно я желалъ бы послать вамъ тотчасъ всѣ 300 р. сер., но у меня ихъ теперь нѣтъ. Вижу по письму вашему, что Вамъ не безполезны будутъ покуда и 100 р. сер. и потому посылаю ихъ; въ слѣд. мѣсяцѣ или въ два срока или разомъ вышлю остальныя.

Ваши коммисіи исполнятся на дняхъ—они замѣшкались потому, что нужно было нѣкоторыя книги выписать изъ Москвы. У меня начато къ Вамъ большое письмо о бывшемъ недавно представленіи „Холостяка"—если параличъ не хватитъ мнѣ правую руку, то клянусь честью, я его допишу и пошлю на дняхъ къ Вамъ.

Ради Бога поторопитесь съ комедіей и вышлите ее на 1-ую книжку—этимъ по гробъ обяжете, а если ужь нельзя, то не позднѣе второй. Крайне нужно! Вашъ *Завтр. у предв.* [„Завтракъ у предводителя"] подвергался сомнѣнію (ибо въ немъ дѣйствуютъ помѣщики), но теперь его позволили для сцены, и стало быть онъ попадетъ и въ печать.

Не сердитесь, что мало денегъ. Наши денежныя дѣла плохи—ждемъ поправки отъ слѣдующаго года. Помогите, другъ! Денегъ вышлю, какъ скоро будутъ.

Третій актъ вашего „Холостяка" имѣлъ огромный успѣхъ, первый былъ принятъ хорошо, второй сухо. Прощайте.

Некрасовъ.

О „Холостякѣ" Тургенева на сценѣ, см. „Современникъ" 1849, ноябрь, стр. 139—142. „Завтракъ у предводителя" напечатанъ много позднѣе, въ „Совр." 1856, августъ.—А. П.

10.

[1852]. 16 мая.

Любезный и милый Тургеневъ. Мы здѣсь съ Масловымъ поговорили-таки о тебѣ и теперь пишемъ къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты будешь такъ добръ на досугѣ забросить къ намъ нѣсколько словечекъ о себѣ изъ Петербурга или изъ деревни. Я здѣсь оживаю, хотя дорога меня и измучила порядочно; охота здѣсь кажется будетъ чудесная [1]). Я еще отдыхаю и былъ только два раза неподалеку на тягѣ вальшнеповъ—оба раза было что стрѣлять, и я стрѣлялъ, да все мимо; видно, послѣ 9-мѣсячной отвычки отъ ружья благоразумнѣе начинать съ воронъ, чѣмъ съ вальшнеповъ; сегодня ѣду верстъ за десять и проведу ночь на охотѣ—мнѣ обѣщали показать токъ тетеревей. ... ... во всей красѣ и въ большомъ размѣрѣ. Мы съ Масловымъ перечитываемъ здѣсь книгу Аксакова, и я въ новомъ отъ нея восхищеніи. Дорогой я выдумалъ два стихотворенія, изъ коихъ одно будетъ кажется хорошо—а тебѣ его пришлю какъ кончу...

Прощай. Масловъ тебѣ еще припишетъ. Напиши намъ, не полѣнись. Ѣду сейчасъ на охоту.

[Письмо Маслова:]

Еще за недѣлю до пріѣзда Некрасова дошли ко мнѣ слухи о непріятности, подъѣвшей тебя, милый Тургеневъ! Не зная подробностей дѣла, я сильно безпокоился за тебя и хотя, услышавъ отъ Некрасова, какъ и что было, нѣсколько успокоился, но все-таки душевно сожалѣю, что тебя постигъ этотъ казусъ. Сегодня день твоего выхода и мы, ради этого счастливаго событія, осушили бутылочку.

Пріѣздъ Некрасова доставилъ мнѣ невыразимое удовольствіе. —Ты, вѣчно странствующій, не можешь постигнуть, что значитъ свиданіе съ пріятелемъ въ глуши, въ которой полгода прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ, и еще съ пріятелемъ изъ П—бурга, гдѣ все и всѣ меня интересуютъ! Я закидалъ его вопросами и вѣрно не далъ бы ему уснуть цѣлую ночь, еслибы онъ не былъ такой хворой. Теперь онъ вошелъ въ азартъ на счетъ охоты, мѣстами для которой остался очень доволенъ и если возвращался

[1]) Жаль только, что теперь вся дичь на гнѣздахъ, остались одни закадычные холостяки, какъ говоритъ Овчинниковъ. [Прим. въ письмѣ].

всегда съ пустою сумкою, то въ этомъ можетъ винить себя.— Надѣюсь, что проживя у меня, онъ поправится въ своихъ силахъ и явится на страницахъ Современника свѣжимъ и юнымъ.

Поклонись отъ меня всѣмъ, Якушкину, Языкову, Панаеву, Мухортову, Лонгинову, однимъ словомъ, всѣмъ. — Вотъ еслибы кто-нибудь изъ нихъ посѣтилъ Осьмино!

Прощай.—Весь твой Масловъ.

Напиши къ намъ, адресуя такъ: въ городъ Ямбургъ, въ имѣніе Ея Величества.

11.

[1852, 21 октября].

Любезный Тургеневъ. Спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня; еще болѣе спасибо за подробныя извѣстія о твоей охотѣ нынѣшнимъ лѣтомъ; дичи этотъ годъ вездѣ мало—около Петербурга вовсе не было бекасовъ и очень мало дупелей—но все-таки ты поохотился, какъ видно, весьма хорошо. Я охотился по желѣзной дорогѣ—эта дорога какъ будто нарочно пролегаетъ черезъ такія мѣста, которыя нужны только охотникамъ и болѣе никому; благословенные моховички съ жидкимъ ельникомъ, подгнивающимъ при самомъ рожденіи, идутъ на цѣлыя сотни верстъ—и тутъ-то раздолье бѣлымъ куропаткамъ! Есть въ этой сторонѣ и тетеревъ преимущественно мошникъ, довольно сѣрыхъ куропатокъ, но вальшнепа нѣтъ и признаковъ; бекасъ и дупель попадаются только изрѣдка. Въ три мои поѣздки туда убилъ я поболѣе сотни бѣлыхъ и сѣрыхъ куропатокъ и глухарей, не считая зайцевъ—и услыхалъ одно новое словечко, которое мнѣ очень понравилось—*пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это—мелкій, мелкій, нерѣшительный дождь, сѣющій какъ сквозь сито и бывающій лѣтомъ. Онъ зовется пáморхой въ отличіе отъ *изморози*, идущей въ пору болѣе холодную. Это словцо Новг. Губ. Унылая сторона, населенная на половину корелами, бѣдная и невѣроятно дикая—но тѣмъ лучше для нашего брата-охотника; изобрѣтеніе пороху еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здѣсь—это на утокъ, посредствомъ брюха. Мужикъ идетъ по болоту и завидѣвъ молодую утку, старается упасть на нее брюхомъ, что иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это самъ видѣлъ. Къ охотникамъ съ ружьемъ здѣсь даже оказывается явное нерасположеніе и вотъ что со мной случилось. Разъ я заблудился въ нескончаемомъ моховичкѣ съ моимъ егеремъ (здѣсь не всегда найдешь проводника); долго мы не встрѣчали ни души чтобы спросить, какъ пройти въ ближайшую деревню Борки. Я усталъ, проголодался, взмокъ отъ поту и брелъ

въ тупомъ озлобленіи на удачу—наконецъ завидѣлъ человѣческій задъ и очень обрадованный побѣжалъ къ нему. Это была баба, сбиравшая гнилые масляники (кромѣ этихъ грибовъ здѣсь другихъ не водится). Я обратился къ ней съ вопросомъ и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

Скинь портки,
Такъ и дойдешь въ Борки.

И больше я ничего не могъ добиться отъ этой бабы, глядѣвшей на меня съ невѣроятнымъ озлобленіемъ.

Частію, мои отлучки на охоту, а болѣе—другія неблагопріятныя обстоятельства были причиною, что журналъ нашъ такъ запаздывалъ. Впрочемъ, мы это надѣемся наверстать въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Спасибо тебѣ, что не полѣнился написать намъ свое мнѣніе о нашемъ журналѣ—мы согласны съ нимъ; дѣлай это и впредь; если не будетъ лѣнь, обрати вниманіе на повѣсть Дѣтство въ IX №—это талантъ новый и, кажется, надежный. Настоящее имя его—графъ Ник. Ник. Толстой—офицеръ, служащій на Кавказѣ. Что ты думаешь объ авторѣ Ульяны Терентьевны и Якова Яковлича? Батмановъ (особенно первая половина) очень хорошъ, но какое грубое существо этотъ господинъ (т.-е. авторъ)! Я думаю, ты уже прочелъ 2 часть Батманова; эта часть поразила меня своею грубостію; сцена съ фракомъ, львица—*княгиня*, которая все толкаетъ мужчинъ; письмо Наумовой о пощечинахъ, съ подписью: *женщина*, которой очень хотѣлось за васъ замужъ—какъ все это нѣжно! Удивительно еще, какъ мало авторъ затрудняется въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ. Послѣ этой повѣсти . . . . онъ мнѣ иначе не представляется какъ *литературнымъ городовымъ*, разрѣшающимъ всѣ вопросы жизни и сердца палкой! Впрочемъ, потому все это и досадно, что таланту много. Присылай свою статью о книгѣ Аксакова. Мы спрашивали о тебѣ и намъ сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крыловъ (это ужь онъ для себя) замѣтилъ, что лучше, если ты будешь представлять свои произведенія *въ цѣломъ*, чтобъ можно было видѣть—идею сочиненія. Еслибъ ты намъ прислалъ разсказъ (напр. *Переписку*)—это теперь намъ принесло бы болѣе пользы, чѣмъ цѣлый романъ другого автора.

Прощай. Я скоро буду тебѣ еще писать и пришлю тебѣ свои стихи, которые думаю помѣстить въ 1-й № „Совр." Панаевъ и Авдотья Яковлевна тебѣ кланяются. Здѣсь теперь Васинька. О немъ тоже напишу послѣ.—Весь твой Н. Некр.

21 октября 1852. Спб.

Пиши, голубчикъ.

Выше, очевидна ошибка съ именемъ автора „Дѣтства“; дѣло въ томъ, что въ это же время стало въ первый разъ извѣстно и имя гр. Николая Ник. Толстого, какъ писателя.

12.

[1852].

Милый Тургеневъ. Получилъ я твое письмо. Я радъ иногда писать къ тебѣ, но я нахожусь почти постоянно въ такомъ мрачномъ состояніи духа, что врядъ ли мои письма доставятъ тебѣ удовольствіе. Вотъ и теперь мнѣ такъ и хочется прежде всего написать тебѣ, что я золъ, что у меня въ груди кипитъ чортъ знаетъ что̀ такое, а какое тебѣ дѣло до этого. Для полноты и ясности прибавлю однакожъ, что здоровье мое необыкновенно скверно. Чтобъ не продолжать въ этомъ родѣ, выписываю тебѣ мои стихи, которые я думаю напечатать въ 1 № „Современника“ на 1853.

Муза.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной... [1])

. . . .

Замѣчу, что нѣкоторые стихи здѣсь измѣнены—потому, что манускриптъ я затерялъ, а память не все сохранила. Напиши, какъ тебѣ понравятся, да не замѣтишь ли чего нехорошаго? Я знаю, какъ у тебя тонокъ глазъ на эти вещи. Напиши, я успѣю еще до печати передѣлать. Сегодня выходитъ XI № „Современн.“, въ немъ ты найдешь недурную комедію въ стихахъ А. Жемчужникова и „Снобсовъ“ Теккерея; ты конечно не будешь ими доволенъ, но мы въ восторгѣ. Масловъ живетъ въ Осьминѣ и усердно служитъ. Языковъ, Панаевъ и всѣ твои друзья тебѣ кланяются. Въ Англійскомъ клубѣ вижусь съ Алединскимъ [2])—

---

[1]) Какъ въ извѣстномъ текстѣ, изд. 1882, стр. 19—20; укажемъ только варіанты:

...Но рано *надъ собой почувствовалъ я* узы
Другой, не ласковой и не любимой Музы—
...Рожденныхъ для *заботъ, несчастья и трудовъ*...
...И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты
По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которымъ никогда
Свершиться не дано—и вѣрная бѣда;
Погибшая любовь, и пр.
...Играла бѣшено моею колыбелью,
Смѣялась, плакала... и буйнымъ языкомъ
На головы враговъ звала Господень громъ!..
Чрезъ бездны темныя *Отчаянья и Зла.*

[2]) Это конечно Альбединскій.—А. П.

онъ говоритъ, что убилъ въ нынѣшнемъ году въ 6 недѣль 530 штукъ дичи. Ты его знаешь болѣе—вретъ онъ или нѣтъ? Мнѣ кажется онъ пріятный господинъ—насколько можно быть таковымъ съ такой непоколебимой наклонностью къ гримасамъ. О Щербинѣ я съ тобой совершенно согласенъ. Прощай до слѣдующаго письма, которымъ я не замедлю.—Твой Некр.

Читай въ „Совр." статью объ Японіи—я рѣдко надъ чѣмъ такъ смѣялся, какъ надъ нѣкоторыми чертами этого милаго народа.

[Въ „Современникѣ" 1852, ноябрь, помѣщена была комедія въ стихахъ „Сумасшедшій", Алексѣя Жемчужникова.

Тамъ же, въ книжкахъ сентября—декабря, помѣщена была статья Евг. Корша: „Японія и японцы".

О стихотвореніи Некрасова Тургеневъ отозвался вообще благопріятно—въ письмѣ къ Некрасову отъ 18 ноября 1852 („Р. Мысль", 1902, стр. 117—118). Тамъ же,—ему чрезвычайно понравилась статья объ Японіи; но съ нѣкоторымъ ужасомъ онъ говоритъ о статьѣ Аѳанасьева. „Статью Аѳанасьева я не прочелъ; можетъ быть, она очень хороша, но у меня почему-то отъ зооморфизма и зооморфическихъ божествъ животъ подводитъ, а это нездорово въ нынѣшнее холерное время"...]

13.

['853].

Любезный Тургеневъ. Я очень давно не писалъ къ тебѣ—извини. Во-первыхъ, я ѣздилъ въ Москву, во-2-хъ—хворалъ, въ 3-хъ былъ занятъ 1 кн. „Соврем.". Теперь надѣюсь быть аккуратнѣе и писать раза два въ мѣсяцъ непремѣнно.

Прежде всего спасибо тебѣ за твою статью, которую я нашелъ легкою и живою насколько подобаетъ статейкѣ такого рода, а другіе находятъ даже прекрасною во всѣхъ отношеніяхъ, выражаясь такъ, что-де за что Тургеневъ ни возьмется, непремѣнно выйдетъ отличная вещь,—и это многіе.

Ты замѣтишь мѣсто, вылетѣвшее изъ статьи—я сохранилъ оригиналъ.

Получилъ ты 1 № „Совр." и вѣрно имъ недоволенъ, а я такъ и очень. Давно не выпускали мы такой мрачной книги. Что ты думаешь о комедіи Писемскаго? Объ остальномъ не стóитъ ни спрашивать, ни говорить. Во 2-мъ № прочти повѣсть *Рыженькая*. Новый авторъ. Не то, чтобы очень даровито, но исполнено простоты и истины, притомъ лица, при всей ихъ обыкновенности, какъ-то съ особеннымъ тактомъ очерчены. Интересно, что ты скажешь. Съ 3 книги начнемъ романъ Григоровича *Рыбаки*; кажется, романъ будетъ хорошъ. — Григоровичъ

былъ здѣсь и, кажется, на дняхъ уѣхалъ. Въ замѣнъ его прибылъ Анненковъ—съ оконченной біографіей Пушкина—ничего еще о ней не знаю. Аненковъ похваляется, что Пушкинъ выйдетъ непремѣнно въ нынѣшнемъ году, но я этому рѣшительно не вѣрю. Кстати о біографахъ. Гаевскій написалъ прекрасную статью о Дельвигѣ. А затѣмъ литер. новости—всѣ.

[Письмо Панаева:]
20 янв.

Другъ милый Иванъ Сергѣевичъ, цѣлую тебя—спасибо за статью объ Аксаковѣ, она всѣмъ нравится—пиши и присылай еще чего-нибудь. 1 № Совр.—мраченъ, да дѣлать было нечего; 2-й будетъ лучше.—Eudoxie и всѣ наши тебѣ кланяются. M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петерб.,—когда она поетъ—нѣтъ мѣстъ.

Въ „О. З.“ Галаховъ и Дудышкинъ *по заказу* Краевскаго пустили въ меня всю свою артиллерію. Прочти и помни, что не смотря на это еще живъ твой—Панаевъ.

(„Рыбаки“ Григоровича печатались въ „Совр.“, 1853, съ первыхъ книжекъ до сентября.)

14.

[1853, іюль].

Любезный Тургеневъ, Я часто вспоминаю о тебѣ, а сегодня наконецъ почувствовалъ желаніе, даже потребность писать къ тебѣ. Мы такъ давно не писали другъ къ другу, что я буду писать о себѣ и прошу тебя въ своемъ отвѣтѣ сдѣлать тоже. Живу я съ конца апрѣля въ маленькомъ имѣньишкѣ моего отца, которое онъ передалъ мнѣ, близъ города Мурома; деревенской жизнію не тягощусь; хотя весенняя охота вездѣ бѣдна, однакожъ здѣсь дичи такъ много, что не было дня, чтобъ я не убилъ нѣсколько бекасовъ и дупелей, не говоря уже объ уткахъ, которыхъ я уже и бить пересталъ; въ маѣ мѣсяцѣ убито мною 163 штуки красной дичи, въ томъ числѣ дупелей, бекасовъ, вальшнеповъ и гаршнеповъ 91 штука. Съ 15 іюля появились молодые бекасы и дупеля, но такіе стоятъ жары и столько комара и мошки, что охотиться нѣтъ возможности; противъ самаго моего дому между моимъ озеркомъ и Окой версты на двѣ въ ширину тянется лугъ, и теперь я только поколачиваю на этомъ лугу по вечерамъ перепеловъ: до нынѣшняго лѣта я въ глаза не видалъ перепела, и эта охота меня занимаетъ. Вчера вечеромъ рискнулъ пойти на болото, но былъ совершенно изъѣденъ

комарами; убилъ (не съ большимъ въ часъ) 8 бекасовъ и 3-хъ дупелей. Къ выводкамъ тетеревей и куропатокъ еще не приступалъ, но говорятъ, тетеревята у насъ уже въ пол-матки. Стрѣляю я изъ отличнаго англійскаго ружья (Пӧрдэя), за которое заплатилъ несмѣтныя суммы, выигранныя впрочемъ въ одинъ вечеръ. Кстати, до тебя, кажется, дошли слухи о моихъ клубныхъ подвигахъ,—дѣйствительно, я вы(игралъ) до 9 т. сер. и еслибъ не былъ трусоватъ въ игрѣ, то могъ бы выиграть состояніе—такое везло счастье цѣлый мѣсяцъ неизмѣнно! Для полноты свѣдѣній прибавлю, что я отъ этого не разбогатѣлъ, а только легче вздохнулъ: было у меня долгу 15 т., а теперь осталось 7-мь. Впрочемъ, это въ сторону. Первая половина этого письма проваляласъ дня три и теперь дописывая его, я могу сказать, что дѣйствительно у насъ молодой тетеревъ уже крупенъ, ибо вчера я поднялъ четыре выводка. Но вотъ бѣда! превосходнаго моего кобеля и друга Раппо разрѣшило на задъ—и я уже не нахожу такого удовольствія въ охотѣ—нá лѣсную дичь особенно—какъ прежде, ибо въ сученкѣ Діанѣ, съ которою теперь охочусь, при многихъ добрыхъ качествахъ, вовсе нѣтъ вѣжливости, столь необходимой когда собака подводитъ къ выводку. Впрочемъ, не будетъ ли объ охотѣ, развѣ попросить тебя не дивиться, что я не щадилъ весенней дичи—я пріѣхалъ съ долговременнаго голода. Отвѣчай мнѣ пожалуйста. Меня интересуетъ, что ты дѣлаешь—какъ стрѣляешь, пишешь, скучаешь, веселишься, въ какомъ духѣ обрѣтаешься. Адресуй: въ *Муромъ* на мое имя.—Твой Некрасовъ.

9-го іюля 1853. Сельцо Алешунино.

15.

[1853, сентябрь].

[Письмо Панаева:]

Любезный другъ Иванъ Сергѣевичъ,

Мы всѣ смертельно соскучились по тебѣ. А я не имѣю отъ тебя Богъ знаетъ сколько времени ни слуху, ни духу. Слышалъ о твоемъ романѣ отъ Арапетова и Корша, я очень бы желалъ прочесть его, но говорятъ, онъ былъ присланъ на короткое время и исчезъ изъ Пбурга.—Что ты и какъ ты? Не пишешь ли чего-нибудь другого?—Присылай, если что-нибудь есть, въ *Современникъ*—теперь, скажу по секрету—у меня цензоръ отличный, умный и благородный. Это можетъ оживить журналъ. Крыловъ умеръ отъ холеры, а послѣ его цензоровалъ Фрейгангъ два но-

мера и исказилъ ихъ немилосердно. Всѣ *наши* тебѣ очень, очень кланяются.

Пиши къ намъ, каждая вѣсть о тебѣ намъ пріятна.—Твой И. Панаевъ.

22 сентября.

[Письмо Некрасова:]

Милый Тургеневъ, я получилъ твое письмо и душевно тебѣ за него благодаренъ. Отвѣчать на него не успѣлъ, потому что уѣхалъ изъ Владимірской деревни въ Ярославскую, къ отцу. Поохотившись тамъ (и очень пріятно) нынѣ я возвратился черезъ Москву въ Стпетербургъ и принимаюсь за свои обычныя дѣла. „Современникъ" не то чтобы былъ хорошъ—ты вѣрно это замѣтилъ,—но авось теперь будетъ лучше: по крайней мѣрѣ есть возможность—и полная—его улучшить. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ на досугѣ подробнѣе; теперь много писать некогда.

Вотъ что мнѣ хотѣлось тебѣ сообщить. Въ проѣздъ мой черезъ Москву, слышалъ я отъ В(асилія) Ботк(ина) и Н. Кетч(ера) ругательства твоему роману. Эти люди таковы, что коли ругать, такъ ругать, а хвалить такъ хвалить,—и меня не удивила рѣзкость ихъ отзывовъ; но меня удивилъ выборъ судей съ твоей стороны. Какъ Б., такъ и К. очень мало понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. Если ты разсчитывалъ, что они дадутъ прочесть твой романъ кому-нибудь, имѣющему поболѣе вкусу, то очень ошибся; никто кромѣ ихъ его не читалъ, и рѣшеніе надъ нимъ состоялось по приговору этихъ двухъ лицъ, и теперь, я увѣренъ, нѣтъ въ Москвѣ грамотнаго человѣка, который бы не зналъ уже и не повторялъ, что Тургеневъ написалъ плохой романъ. Это, конечно, не важность для тебя, но еще вопросъ, правы ли эти господа, и я прошу тебя, не какъ журналистъ, а какъ твой пріятель—пришли мнѣ этотъ романъ для прочтенія. Я не хочу этимъ сказать, что у меня больше вкусу, но мнѣ любопытно прочесть этотъ романъ, и если хочешь, я потомъ напишу тебѣ о немъ свое правдивое мнѣніе. Само собою разумѣется, что я не имѣю тутъ никакихъ журнальныхъ соображеній. Будь здоровъ. Я напишу тебѣ на дняхъ больше.—Весь твой Н. Некрасовъ.

26 сентября.

[Цензоръ, смѣнившій въ „Современникѣ" Крылова и Фрейганга, былъ В. Н. Бекетовъ.]

16.

17 Ноября, 1853.

Милый Тургеневъ, какъ ни люблю я тебя и какъ ни желаю

почаще имѣть о тебѣ извѣстія, однакожь мнѣ рѣдко удается писать къ тебѣ—и это не потому, чтобъ я былъ занятъ, а нахожусь почти постоянно въ такомъ негодномъ духѣ, что самому скверно. Кажется, приближается для меня нехорошее время: съ весны заболѣло горло и до сей поры кашляю и хриплю—и нѣтъ перемѣны къ лучшему, грудь болитъ постоянно и не на шутку; къ этому нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцуетъ въ моемъ тѣлѣ, какъ будто у нихъ вѣчный праздникъ, и мнѣ отъ этого совсѣмъ не весело, каждая мелочь выростаетъ въ моихъ глазахъ до трагедіи—и вдобавокъ—стихи одолѣли—т.-е. чуть ничего не болитъ и на душѣ спокойно, приходитъ *Муза* и выворачиваетъ все вверхъ дномъ; и добро бы съ какой-нибудь пользой, а то безъ толку,—начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности—и прежде чѣмъ успѣю овладѣть мыслью, а тѣмъ паче хорошо выразить ее,—катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу—и такъ пока не угомонится сверлящая мысль. На этомъ основаніи я себя сравниваю съ караульней, подымающей стукотню всякій разъ, какъ проѣдетъ генералъ. Зато началъ много, да что толку. Посылаю тебѣ „Филантропа"—скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дѣльною,—можетъ быть, въ деревенскомъ единообразіи чтеніе ея доставитъ тебѣ и нѣкоторое удовольствіе хоть тѣмъ, что напомнитъ старое,—по крайней мѣрѣ я теперь вдругъ вспомнилъ наши давніе литературные толки, ту охоту, съ которою я прочитывалъ тебѣ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ. Давнія времена! Мнѣ теперь ихъ жаль!

По истинѣ, мнѣ становится грустно, какъ подумаю о скукѣ, которую ты претерпѣваешь. Предъидущее письмо мое вызвала досада на людей, которые, можетъ быть, охолодили въ тебѣ даже охоту къ труду, разругавъ тебѣ твой романъ,—и я увѣренъ, несправедливо: въ романѣ твоемъ можетъ недоставать соразмѣрности въ построеніи, допускаю даже, что въ немъ проскользнуло что-нибудь фальшивое, но чтобъ ты могъ написать томъ дряни, этому повѣрю развѣ тогда, когда лишусь здраваго смысла—увѣренъ, что тамъ есть даже отличныя вещи—жаль, что мнѣ не удалось его прочесть. Въ Москвѣ я читалъ твой „Постоялый дворъ"—вещь прекрасная, но выполненіе слабѣе, чѣмъ въ другихъ твоихъ разсказахъ,—какъ-то блѣдновато, думаю, потому, что ты не имѣлъ цѣли окончательно его отдѣлывать. Читалъ я *Чувства души въ высокоторж. праздникъ.* Кому бы ни принадлежали эти стихи—они превосходны. Это мое мнѣніе

послѣ троекратнаго ихъ прочтенія, съ значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали ихъ, даже прошу объ этомъ. Вотъ тебѣ литературная новость: Майковъ написалъ небольшую поэму Дуня-Дурочка—это рѣшительно лучше всего, что онъ писалъ. Прощай. Напиши ко мнѣ пожалуйста поскорѣе. Будь здоровъ.—Весь твой Н. Некр.

„Филантропа"—не успѣлъ переписать, пришлю послѣ.

Не сдѣлаешь ли чего для 1 книжки „Современника"? Что твой разсказъ *Переписка*?

17.

[1854].

Середа, утромъ 9 часовъ.—Сверхъ ожиданія доѣхалъ я до Москвы хорошо, то-есть столько имѣлъ крѣпости, что нигдѣ не останавливался и проѣхалъ всю дорогу залпомъ—въ 27 часовъ, т.-е. прибылъ въ Москву во 2-мъ часу во вторникъ. На предпослѣдней станціи обогналъ меня ѣдущій курьеромъ сынъ кн. Меншикова—генералъ; это и заставляетъ меня писать къ тебѣ. Впрочемъ, вотъ все что я узналъ. Меншиковъ, прискакавъ въ Подольскъ, пока ему запрягали лошадей, вызвалъ смотрителя и сказалъ ему: „Скажи графу (Закревскому, котораго дача Ивановское находится въ 4-хъ верстахъ отъ Подольска), что я потому не заѣхалъ къ нему, что надѣюсь поспѣть прямо къ желѣзной дорогѣ. Впрочемъ скажи, что все благополучно, слава Богу,—и новаго ничего нѣтъ". Онъ поѣхалъ, но черезъ минуту ямщики вбѣжали къ смотрителю съ криками: „воротился! воротился!" Смотритель выбѣжалъ (и я тоже), Мен. точно воротился; онъ сказалъ, смотря на часы: „Нѣтъ, я никакъ не успѣю къ машинѣ—и потому поѣду самъ къ графу". Поѣхалъ, а я пошелъ пить чай. Только что я напился и сошелъ внизъ, а ужь Мен. тутъ (успѣлъ съѣздить), ему впрягли свѣжихъ лошадей и онъ ускакалъ—на слѣдующей станціи (послѣдней къ Москвѣ) я узналъ, что онъ велѣлъ везти себя прямо на машину, разсчитывая, что ему дадутъ особый поѣздъ.—Вотъ какія новости. Судя по тому, что черезъ смотрителя никто не сталъ бы передавать важныхъ новостей, еслибъ они и были, и по тому, что кн. Меншиковъ едвали бы послалъ своего сына съ пустымъ или съ печальнымъ извѣстіемъ—я думаю, что Всемогущій послалъ новую побѣду русскому оружію и радуюсь. Впрочемъ, ты на досугѣ въ деревнѣ можешь эти факты обдумать хорошенько—нечего покуда къ нимъ прибавить—въ Москвѣ знаютъ столько же, сколько знали мы съ тобой въ Спасскомъ.

Видно мнѣ не судьба видѣть Лонгинова. Сдѣлавъ свои дѣла, я вчера заѣхалъ во всѣ клубы—оказалось, что главный обѣдъ въ Моск. Куп. Клубѣ, по случаю новаго повара,—всѣ были убѣждены, что Лонгиновъ будетъ и я остался тутъ обѣдать,—но Лонгиновъ не явился. Бартеневъ сказалъ мнѣ, что Лонгиновъ у Шевалье, я туда—только-что уѣхалъ въ театръ, а вечеромъ-де будетъ въ Аглиц. клубѣ. Я поѣхалъ въ свой нумеръ и легъ спать, приказавъ себя разбудить въ 9-ть часовъ (чтобъ ѣхать въ клубъ). Весь трактиръ Мореля и даже мой извощикъ будили меня, говорятъ; но видно Лонгинову не суждено было услышать знаменитое посланіе, которое, кажется, уже всѣ знаютъ, кромѣ того, къ кому оно писано.—Что еще сказать тебѣ? За этою фразою обыкновенно въ письмахъ слѣдуетъ что-нибудь болѣе или менѣе нѣжное—интимное—и я не отстану. Мой голосъ ставитъ меня часто въ очень комическія или странныя положенія. Просыпаюсь сегодня—звоню, колокольчикъ оборвался, кричу—въ томъ-то и бѣда, что кричать не могу . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Все ужъ у меня уложено, а еще есть полчаса времени. Гляжу въ окно—мокро и дождь идетъ—и вспомнилъ нашу охоту. Не мудрено, что послѣ морозовъ у васъ теперь *отпустило*—прилетѣли вальдшнепы, и ты сегодня отправился ихъ бить, а я! Добрый годикъ вышелъ мнѣ нынче, какъ бы чортъ его скорѣе взялъ! Боюсь, что онъ меня дорѣжетъ, а впрочемъ все вздоръ:

> Ничего! гони во всѣ лопатки,
> Труденъ путь, да легокъ конь,
> Дожигай послѣдніе остатки
> Жизни, брошенной въ огонь!

Это я сочинилъ дорогой—въ утѣшеніе себѣ.—Прощай и будь здоровъ.

Тарантасъ твой, человѣкъ и подушка отправлены къ твоему брату, за все спасибо.—Твой Некр.

5 окт.

18.

9-го окт. пятн. [1854].

Я уже третій день дома.—Ничего нѣтъ новаго. Меншик. точно не привезъ никакихъ особенныхъ извѣстій. Сент-Арно умеръ, да ты это вѣрно знаешь изъ газетъ [1]).—Это политика.

---

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно умеръ 29 сент. 1854, по дорогѣ въ Константинополь изъ-подъ Севастополя.—А. П.

Теперь пойдетъ литература. Ты вѣрно получилъ X № „Совр.". Онъ вышелъ здѣсь 2-го числа. Но въ немъ новаго для тебя немного. Меня очень смѣшитъ мѣстами повѣсть о майорѣ Гагаганѣ, хотя въ ней есть скучныя длинноты, и вообще непостижимо терпѣніе автора, который заставляетъ лгать своего героя сто страницъ слишкомъ. Это производитъ такое же впечатлѣніе какъ лгуны въ натурѣ, но отъ лгуновъ въ жизни можно бѣжать или прогнать ихъ въ шею, а съ книжнымъ не раздѣлаешься, пока не дочтешь его вранья. Вотъ то, что Друж. именуетъ чернокнижіемъ, но нашему чернокнижію далеко до Теккереевскаго.—Проѣздомъ черезъ Москву увидалъ я у Базунова толстѣйшую книжищу съ названіемъ *Пѣсни разныхъ народовъ, пер. Берга.* Еслибъ этотъ Бергъ былъ даже . . . .
то все-таки книга его доставила мнѣ на цѣлый день (въ дорогѣ) интересное чтеніе—и я ему благодаренъ. Этого мало: я стою на томъ, что книга хороша и можетъ занять даже и не въ дорогѣ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пошлю записку къ московскому Базунову, чтобъ онъ тебѣ ее выслалъ. Изъ нея ты узнаешь—впрочемъ мнѣ некогда много писать, но ты самъ увидишь, что кромѣ дѣльности книга имѣетъ большое литературное достоинство—въ ней встрѣчаются настоящіе перлы поэзіи. Выпишу тебѣ одну пѣсенку, самую коротенькую—*мадьярскую.*

Два милыхъ было у меня
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ—
И померли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другаго я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полью въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полью дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

Мнѣ это кажется удивительно хорошо. Будь здоровъ.

Твой Некр.

[О книгѣ Берга Тургеневъ въ письмѣ къ Некрасову, отъ 15 октября 1854, изъ Спасскаго, говоритъ: „Было время, что я съ ума сходилъ отъ народныхъ пѣсенъ, и у меня есть различные переводы сербскихъ, мадьярскихъ, финскихъ и другихъ пѣсенъ. Это предпріятіе Берга очень полезно и хорошо, вотъ гдѣ бьютъ родники истинной поэзіи. Я тебѣ благодаренъ за мысль выслать мнѣ эту книгу"...

Но ужъ черезъ недѣлю, ближе познакомившись съ книгой, Турге-

невъ въ письмѣ отъ 22 окт. 1854 очень сурово отзывается объ исполненіи... „За книгу Берга очень благодарю, хотя выборъ пьесъ сдѣланъ очень дурно, и переводъ большею частію вялъ и плохъ и даже, какъ я могу судить, невѣренъ. Французскія, наприм., пѣсни—столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова. Это вздоръ, сочиненный очень недавно, между тѣмъ, какъ у нихъ есть славныя, старинныя пѣсни. Испанскія тоже прегадко выбраны; мнѣ кажется, Бергъ болѣе желалъ пощеголять знаніемъ всякихъ языковъ. Но мысль хороша и дѣльна и заслуживала лучшаго исполненія“...]

19.

16 окт. Спб. [1854].

Получилъ вчера твое письмо.—Гдѣ это могли оказаться у тебя гаршнепы? Все таки вы воротились домой не съ пустомъ. Видѣлъ нашего добраго [1]): каталогъ у него былъ, да кто-то взялъ и проч., т.-е. каталога нѣтъ. Онъ жизнію доволенъ—Пушкина получилъ и на слѣдующей недѣлѣ приступаетъ къ печатанію. Я не буду много писать, потому что голова моя занята шутовскимъ сочиненіемъ, которое мнѣ хочется написать для Ералаша. 10 № „Совр.“ ты имѣешь, а XI идетъ хорошо—„Хлыщей“ Панаева пропустили безъ измѣненій и выпусковъ—пришлю тебѣ XI № какъ и X, т.-е. ты его получишь на 6-ой день послѣ выхода здѣсь. Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ извѣстныхъ тебѣ по газетамъ.—Здѣсь стоитъ сырая погода и можно бы еще охотиться—по улицамъ таскаютъ бекасовъ и утокъ, да мнѣ не до того. Смерть хотѣлось бы уѣхать за границу, да выросло новое препятствіе, съ которымъ не знаю справлюсь ли.—Кланяюсь Порфирію и радъ, что ему досталась хорошая жена. Посовѣтуй ему вывести скверный запахъ изъ первой его комнаты, а то мнѣ отсюда видится, какъ морщится его жена, входя въ эту комнату. Будь здоровъ. Я здѣсь немедленно по уши въѣхалъ въ хлопоты, но выношу всякія гадости съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ отъ себя ожидалъ. Ни мало не раскаиваюсь, что съѣздилъ къ тебѣ, хотя и плохо поохотился—это, кажется, укрѣпило меня. Жаль только, что мало пробылъ—даже не успѣлъ порядкомъ войти въ эту жизнь, для которой я, кажется, сотворенъ. Получилъ ли Сборникъ пѣсенъ? Не правда ли—стоитъ въ немъ порыться на досугѣ.—Некр.

[Рѣчь идетъ опять о книгѣ Н. В. Берга: „Пѣсни разныхъ народовъ“. М. 1854. Этой книгѣ посвящена была большая статья въ „Современникѣ“.]

---

[1]) Подразумѣвается П. В. Анненковъ.—А. П.

20.

[1854].

Получилъ твое письмо—хорошо дѣлаешь, что работаешь; Григоровичъ занятъ большимъ романомъ—на него нѣтъ вѣрной надежды, и теперь уже я слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку „Современника" разсказъ хоть небольшой или что ты хочешь да чтобъ было твое имя. А то чѣмъ же мы начнемъ годъ—Дружининымъ? Это самое блестящее изъ всего, что есть—Писемскимъ? но онъ наворотилъ исполинскій романъ, который на авось начать печатать страшно—надо бы весь посмотрѣть. Это неряха, на которомъ не худо оглядывать каждую пуговку, а то подъ застегнутымъ сертукомъ какъ разъ окажутся штаны съ дырой . . . .

. . . . Получилъ разсказъ Основскаго. Штука обыкновенная, но тамъ есть черта (должно быть, услышанный анекдотъ) мольеровская. Какой-то подлецъ позвалъ обѣдать губернатора—тотъ явился, и положилъ свою каску на окно. „Ва— Пр—во! здѣсь дуетъ!" закричалъ подлецъ и переложилъ каску. Изъ сего слѣдуетъ, что подлость также размягчаетъ сердца, какъ и добродѣтель. Напечатаю Основскаго въ XII кн. и вышлю ему деньги (не болѣе 25 р. сер. за листъ).—*Нашъ добрый* въ сильной дѣятельности, но что это за кулацкое безвкусіе!—я ему помогаю въ выборѣ бумаги, но не я буду виноватъ, если форматъ новаго Пушкина будетъ уродливъ и шрифтъ гадокъ—ужь эти статьи онъ рѣшилъ! Шрифтъ (тонкій и узкій) особенно для стиховъ мнѣ рѣшительно не нравится. Изданіе скоро начнется.—Кланяйся бубулькѣ. Кстати. Я увѣренъ, что эта смѣтливая сучка теперь съ гордостью думаетъ: „Наконецъ *онъ* такъ привязался ко мнѣ, что и на зиму остался *со мной* въ деревнѣ" или что-нибудь подобное.—Твой Некр.

22 окт.

21.

6 ноября [1854].

Захлопотавшись съ XI № „Совр." (я тебѣ его вчера послалъ по легкой почтѣ), давно я тебѣ не писалъ. Во 1-хъ, я привелъ свои дѣла въ такое положеніе, что могу ѣхать за границу, хоть завтра, если будетъ можно. Во 2-хъ, въ чаяніи собрать нѣсколько денегъ къ отъѣзду, началъ я изрѣдко поигрывать въ картишки—и пока съ успѣхомъ; въ 3-хъ, получили письмо отъ Вас. Петр. Боткина, который говоритъ, что Баратынскій былъ пьяница, стиховъ котораго печатать не стоило, а по поводу „Отрочества" замѣчаетъ, что таланты бываютъ благородные и

неблагородные и еще что-то, такъ что по этой классификаціи выходитъ, что Гоголь-писатель былъ подлецъ, а Влад. Ив. Панаевъ благороднѣйшій дѣятель литературы. Какъ это все свѣжо! Къ этимъ литературнымъ аристократамъ причисляетъ онъ и Толстого, которымъ очень восхищается. Ты хочешь знать объ „Отрочествѣ"—конечно, всѣ его хвалятъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить, но видятъ настоящую его цѣну немногіе—вѣдь Дружининъ не дуракъ, а что онъ найдетъ для себя въ „Отрочествѣ"? Такихъ много и въ публикѣ; впрочемъ мнѣ случалось встрѣчать круглыхъ скотовъ, о коихъ я думалъ, что они ничего не читаютъ,—они заговаривали со мной объ „Отрочествѣ",—по моему: это вѣрный признакъ успѣха, когда дураки считаютъ долгомъ говорить о томъ, до чего имъ дѣла нѣтъ. Хорошо, что ты мнѣ написалъ адресъ Толстого,—я не зналъ, куда ему послать деньги за „Отр." и послалъ теперь ему запросъ.—Прибылъ сюда Авдѣевъ—и первый визитъ сдѣлалъ намъ! Будетъ сюда Писемскій. Пріѣзжай и ты.—Весь твой Некр.

[См. къ этому отзывъ о характерѣ и идеяхъ В. П. Боткина у Герцена, въ „Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену". 1892, стр. 189.]

22.

[1855?]

Любезный Тургеневъ. Я въ городѣ Ярославлѣ, и завтра буду въ деревнѣ. Пишу къ тебѣ только въ надеждѣ, что ты ко мнѣ напишешь, а самъ покуда ничего, кажется, не напишу. Простившись съ тобою я уѣхалъ—и скоро мнѣ дали знать, что бѣдному мальчику худо. Я воротился. Былъ на серединѣ дороги у Панаевыхъ [1]), потомъ былъ въ Петербургѣ. Бѣдный мальчикъ умеръ. Должно быть, отъ болѣзни что ли, на меня это такъ подѣйствовало, какъ я не ожидалъ. До сей поры не могу справиться съ собой. Надо же, чтобъ при моей болѣзненности еще со мной случались такія оказіи, какія со мной все случаются. Кланяйся Колбасину. Я еще къ тебѣ напишу—на дняхъ.—Твой Некр.

19 апрѣля.

Мой адресъ: въ Яросл. по Дворянской, д. Хомутова.

23.

[1855, 30 іюня].

Здравствуй, милый Тургеневъ — ты, о комъ думаю часто,

---

[1]) Вѣроятно, въ имѣньѣ Кр. Ал. Панаева. — А. П.

всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ. Не писалъ я къ тебѣ долго потому, что нахожусь въ какомъ-то туповатомъ и благодатномъ спокойствіи—даже лѣнь взять въ руки перо. Я занимаюсь здѣсь, по совѣту Иноземцова, питіемъ какой-то минеральной воды—впрочемъ безъ всякой вѣры въ ея цѣлебность для меня—и пью эту воду уже цѣлый мѣсяцъ. Кажется, скоро можно будетъ бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ѣхать въ Севастополь. Ты надъ этимъ не смѣйся. Это желаніе во мнѣ сильно и серьезно—боюсь, не поздно ли уже будетъ? А что до здоровья, то ему ничто не помѣшаетъ быть столько же гнуснымъ въ Севастополѣ, какъ оно гнусно здѣсь. А оно крайне худо—и право, братъ, безъ фразы могу сказать, что едва ли не всего кислѣе въ жизни и смерти—это медленное умираніе, въ которомъ я маюсь. Болѣзнь моя сдѣлала замѣтные шаги впередъ—я кашляю, особенно по ночамъ, какимъ-то сквернѣйшимъ, сухимъ и звѣнящимъ кашлемъ и бѣшусь, что у моей груди, какъ на смѣхъ, только и осталось силы для произведенія этихъ противныхъ звуковъ! Куда теперь и подумать на охоту! пройду полверсты—и едва отдышусь. Это не то, что прошлаго года, когда еще по цѣлымъ днямъ я плелся за тобой, дѣлая два шага за твой одинъ. Правда я уходилъ весь въ ноги—и никуда негодно стрѣлялъ, но все-же ходить-то хоть могъ.—Однакожъ объ этомъ будетъ. Хочу тебѣ сказать нѣсколько словъ о своихъ занятіяхъ. Помнишь, на охотѣ какъ *прошепталъ* я тебѣ начало разсказа въ стихахъ—оно тебѣ понравилось; весной нынче въ Ярославлѣ я этотъ разсказъ написалъ, и такъ какъ это сдѣлано единственно по твоему желанію, то и посвятить его желаю тебѣ [1]) съ условіемъ: вышли мнѣ о немъ свое искреннее мнѣніе; на дняхъ ты его получишь. Я уже началъ переписывать его.—Весной нынче я столько писалъ стиховъ, какъ никогда, и признаюсь, въ первый разъ въ жизни сказалъ спасибо судьбѣ за эту способность: она меня выручила въ самое горькое и трудное время. Но хорошаго написалось мало. Стихи впрочемъ слишкомъ расшатываютъ мои нервы и я теперь придумалъ для себя работу полегче, и хочу по этому поводу спросить твоего совѣта. Мнѣ пришло въ голову писать [2]) свою біографію—то есть нѣчто въ родѣ признаній или записокъ о моей жизни—въ довольно обширномъ размѣрѣ.—Скажи: не слишкомъ ли это—такъ сказать—самолюбиво? Впрочемъ, я думаю при-

[1]) Кстати о посвященіяхъ: Толстой посвятилъ тебѣ повѣсть *Юнкеръ*, которую прислалъ въ „Современникъ". (Н. Н.).

[2]) Для печати, но не при жизни моей. (Н. Н.).

слать тебѣ начало: тогда ты лучше увидишь, можетъ ли это быть пригодно; главное въ томъ, что эта работа для меня легка и что только увлекшись какимъ-нибудь продолжительнымъ трудомъ, буду я въ состояніи не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существованія, которое болѣе плачевно, чѣмъ я объ этомъ говорю. И вотъ еще къ тебѣ просьба: у меня явилось какое-то болѣзненное желаніе познакомиться хоть немного съ Бёрнсомъ: ты когда-то имъ занимался, даже хотѣлъ писать о немъ: вѣроятно, тебѣ не трудно будетъ перевесть для меня одну или двѣ пьесы прозой (по своему выбору)—приложи и размѣръ подлинника, означивъ его какимъ-нибудь русскимъ стихомъ (ибо я далѣе ямба въ размѣрахъ ничего не понимаю)—я, можетъ быть, попробую переложить въ стихи. Пожалуйста потѣшь меня, хоть страничку пришли на первый разъ. Я вообще азартно предаюсь чтенію и обуреваемъ съ нѣкотораго времени жаждой узнать и того и другого—да на русскомъ ничего нѣтъ, особенно поэтовъ; а если и есть, то 20—30-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи литература русская 20 лѣтъ назадъ была дѣльнѣе. Перечелъ всего Жуковскаго—чудо переводчикъ, и ужасно бѣденъ какъ поэтъ; воетъ, воетъ, воетъ—и не наткнешься ни на одинъ стихъ, въ которомъ мелькнула бы грація скорби—о другомъ о чемъ-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпѣнію, которое пригодилось ему какъ переводчику, обязанъ онъ своими оригинальными произведеніями, въ которыхъ только одно это терпѣніе и удивительно. Странно, какъ онъ—такой мастеръ переводить—не чувствовалъ слабости собственныхъ своихъ произведеній! Впрочемъ, вкусъ-то у него не совсѣмъ былъ ясенъ: сколько онъ и дряни перевелъ на ряду съ отличными вещами! Однако, нельзя не замѣтить, что многія посланія и нѣкоторыя Лицейскія годовщины Пушкина вышли прямо изъ посланій Жуковскаго; Пушкинъ бралъ у него — иную мысль, мотивъ и даже иногда выраженіе!

Слышалъ я отъ Боткина и другихъ друзей—какъ они славно провели у тебя въ деревнѣ время. Я тоже порывался къ вамъ, да былъ въ такой хандрѣ, что могъ только испортить общее веселье. И піеса, которую вы сочинили и сыграли, мнѣ пересказана. Этотъ веселый вздоръ всего лучше свидѣтельствуетъ, что вы находились въ отличномъ состояніи духа—счастливцы! Еще я слышалъ, что ты находишься, какъ говорилось лѣтъ 15-ть тому назадъ, въ „моментѣ распаденія“—то есть, считаешь свое писательское поприще конченымъ и себя выдохшимся!.. Стыдись, любезный другъ! Не тебѣ обижать природу или судьбу со-

мнѣніемъ въ своихъ силахъ и способностяхъ! Это ты не лѣнь ли свою прикрываешь, съ которой не надѣешься справиться? Хочешь знать мое мнѣніе? Изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей ты, какъ бы сказать, обязанъ сдѣлать наиболѣе, и сложить теперь руки было бы верхъ стыдовища. Я усталъ, а то много бы хотѣлось сказать по этому случаю. Знай, что изъ всѣхъ въ Россіи писателей и читателей только одинъ человѣкъ думаетъ, что твое поприще кончено—и этотъ одинъ самъ ты. Вѣрь въ себя и пиши—вотъ въ короткихъ словахъ то, что я готовъ былъ бы доказывать на цѣлой страницѣ, еслибъ рука служила. Будь здоровъ. Желаю тебѣ хорошо охотиться. Кстати объ охотѣ: можетъ бы, отложа въ сторону Севастополь, послѣ водъ т. е. недѣли черезъ полторы я отправлюсь въ деревню въ 20 верстъ отъ Ярославля; тамъ нѣтъ холеры—и такъ если у васъ она еще продолжается, то пріѣзжай сюда, поживи съ нами нѣсколько дней на дачѣ и поѣдемъ въ деревню вмѣстѣ; 240 верстъ отъ Москвы по шоссе. Охота тамъ отличная, домъ просторный—всѣ удобства имѣются, ради будутъ тебѣ сильно—хорошій мой пріятель, Долго-Сабуровъ, страстный охотникъ (Ярославскій исправникъ) жаждетъ съ тобой познакомиться и по-охотиться. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ еще весной. Напиши мнѣ—если тебѣ понравится этотъ планъ, то онъ легко можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Будь здоровъ.—Твой Н. Некр.

PS. Колбасину кланяйся. Покуда ни у меня, ни въ Петербургѣ, нѣтъ денегъ. Въ Августѣ я буду въ Петербургѣ—и тогда добуду для него.

30 іюня, 1855.

Петровскій паркъ.

Скажи, понравятся ли тебѣ эти стихи:

Къ **.

Давно,—отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ [и т. д.] [1]).

Это тоже ярославское произведеніе. Прощай.

31 іюня [2]).

[Приписка на полѣ:]

Подумай не шутя о поѣздкѣ ко мнѣ. Я тебѣ обѣщаю превосходную охоту. Ты знаешь, что Ярославская губернія этимъ не бѣдна.—А жизнь *какъ дома.* Только вези Степана.

---

[1]) Такъ, какъ въ печатномъ текстѣ (изд. 1882, стр. 40), съ варіантомъ только въ 8-мъ стихѣ: „И тайный страхъ меня смутилъ!..“ — А. П.

[2]) Должно быть, 1-е іюля. — А. П.

[Выше идетъ рѣчь, конечно, о „Рубкѣ лѣса (разсказъ юнкера)“, гр. Л. Н. Толстого. Разсказъ, посвященный Тургеневу, напечатанъ былъ въ „Совр.“ 1855, сентябрь.]

24.

18 августа. Спб. [1855].

Въ этомъ же конвертѣ ты найдешь другое письмо; я его писалъ еще въ Москвѣ и забылъ послать, захворавъ лихорадкой. Лихорадка эта измѣнила мой маршрутъ—въ Ярославль я не поѣхалъ, а поскорѣй въ Петербургъ, чтобъ хоть быть на мѣстѣ. Ахъ, любезный другъ! ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлаютъ лекаря! Вообрази только себѣ, что горло у меня болитъ уже *два года*, что въ теченіи этого времени это несчастное горло разсматривали по нѣскольку разъ доктора: Пироговъ, Эккъ, Шипулинскій, Иноземцевъ съ десятью своими помощниками... и что же? Пріѣзжаю на дняхъ въ Петербуръ—зову Шипулинскаго—онъ посмотрѣлъ мнѣ въ горло—и объявилъ съ торжествомъ и радостію, что у меня .... [1]). Это меня не обрадовало, а озлило, ибо чего-же они смотрѣли два года, что̀ я въ эти два года вытерпѣлъ, а главное, за что погибли мои легкія, которыхъ бы мнѣ хватило еще на 20 лѣтъ! А что они погибли—это трудно отрицать; ты помнишь меня осенью прошлаго года: я еще могъ ходить на охоту даже при легкомъ морозѣ, а нынѣ малѣйшая сырость меня уничтожаетъ. Шипулинскій впрочемъ возъимѣлъ надежду меня вылечить, но этой надежды я не раздѣляю ни мало.

Перейдемъ однакожъ къ дѣлу. Скажу тебѣ коротко и ясно: „Современникъ“ въ плачевномъ положеніи (не въ денежномъ отношеніи—напротивъ, эта часть устроилась, и я спокоенъ; при случаѣ разскажу—ка̀къ, но теперь же спѣшу сказать, что Вас. Боткинъ] явилъ себя при этомъ случаѣ въ чудномъ и невѣроятномъ блескѣ)! *Матеріалу нѣтъ!* Толстой прислалъ статью о Севастополѣ—но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущія его статьи объ Сев. нельзя разсчитывать, хотя онъ и будетъ присылать ихъ: ибо врядъ ли онъ способенъ (т. е. навѣрное неспособенъ) измѣнить взглядъ.—А Писемскій романъ свой—проданный намъ—продалъ за лишнюю тысячу Краевскому, даже не предупредивши насъ и не спрося: что-де и вы не дадите ли *столько же?*—Все это еще ничего, если ты не измѣнишь „Современнику“,

[1]) Совсѣмъ другая болѣзнь.—А. П.

но признаюсь, еслибъ не ты—то хоть закрывай лавочку—ибо съ Мих., съ Полонск. и т. под. какъ-то не совсѣмъ безопасно, да и не лестно было бы пускаться въ дальнѣйшее плаваніе. Итакъ, безъ преувеличенія—явись—во имя тѣхъ 2849 человѣкъ, которые еще подписываются на „Современникъ",—явись спасителемъ „Современника"! Любезный другъ, для этого намъ нужны двѣ твои вещи: одна на конецъ года (т.-е. въ X или XI кн.), другая на начало (т.-е. на I-ую книжку). Это, разумѣется, *меньше чего нельзя*, а если можно больше, то тѣмъ лучше. Пиши мнѣ объ этомъ и смотри на это сурьезно, какъ на одно изъ важныхъ условій поддержки „Совр." въ нынѣшнее трудное время.

Въ IX № „Совр." печатается посвященный тебѣ разсказъ юнкера: *Рубка лѣсу*. Знаешь ли, что это такое? Это очеркъ разнообразныхъ солдатскихъ типовъ (и отчасти офицерскихъ), то есть вещь донынѣ небывалая въ русской литературѣ. И какъ хорошо! Форма въ этихъ очеркахъ совершенно твоя, даже есть выраженія, сравненія, напоминающія „З. Ох."—а одинъ офицеръ такъ просто Гамлетъ Щ. [Щигровскаго] уѣзда въ армейскомъ мундирѣ. Но все это далеко отъ подражанія, схватывающаго одну внѣшность. — Однако у меня такая боль въ плечѣ, что не могу продолжать.—Твой Н.

25.

[1855].

Любезный Тургеневъ. Получилъ я твое письмо и обрадовался, что ты скоро пріѣдешь. Я воображалъ не увидать тебя ранѣе декабря. Ты такъ расхваливалъ *Артель* Писемскаго, что эта вещь никого не удовлетворила, въ томъ числѣ и меня. Впрочемъ, я не думаю, что на меня подѣйствовали преувеличенныя ожиданія или—что также можетъ тебѣ притти въ голову—журнальныя отношенія; по крайней мѣрѣ я старался вооружиться всѣмъ безпристрастіемъ, къ какому только способенъ. Мужики точно очень хороши, но какъ тяжело читается эта вещь. Она *скучна*. Безвкусіе и претензія такъ въ ней грубо высунулись и заняли большую часть страницъ. Длиннѣйшій и ненужный *приступъ*, а потомъ предлинная—и еще еще менѣе нужная—*развязка*, съ попами, попадьями, убійствомъ и пошлыми деревенскими бѣдными барышнями, заслуживающими болѣе сожалѣнія и теплаго слова, чѣмъ презрѣнія, которымъ такъ самодовольно обременялъ ихъ авторъ. Но все-таки мужики отличные—вещь замѣчательная, и жаль, что хорошее въ ней перемѣшано съ мусоромъ.

Хорошо ты дѣлаешь, что везешь намъ повѣсть. „Современ-

никъ" вообще не совсѣмъ еще покинутъ счастьемъ; нечего было печатать въ X № (ибо Григоровичъ надулъ—не поспѣлъ); на дняхъ приходитъ ко мнѣ незнакомый юноша—изъ Одессы—съ тетрадкой солдатскихъ разсказовъ, которые онъ записалъ со словъ солдатъ раненыхъ, безпрестанно привозимыхъ въ Одессу.—Въ числѣ этихъ разсказовъ одинъ оказался удивительный. Юноша-то бездаренъ (что видно по другимъ разсказамъ), но солдатъ (Таторскій по фамиліи), разсказавшій ему о своемъ восьмимѣсячномъ плѣнѣ у французовъ (послѣ Альмы), должно быть, человѣкъ съ большимъ талантомъ—наблюдательность, юморъ, мѣткость—и бездна *русскаго*. Я въ восторгѣ. Получилъ огромную повѣсть Нарской—*Все къ лучшему*; читаю, начало хорошо.

Посылаю тебѣ мои стихи—хотя они и набраны, но врядъ ли будутъ напечатаны. Какъ-то вспомнилъ старину—просидѣлъ всю ночь и страшно потомъ жалѣлъ,—здоровья-то больше ухлопалъ, чѣмъ толку вышло. Тутъ есть дурные стихи—когда-нибудь поправлю ихъ, а мнѣ все-таки любопытно знать твое мнѣніе объ этой вещи. Прочитавъ, перешли лоскутокъ братьямъ Карповымъ.

Новая метода леченія моего попадаетъ прямо въ цѣль, но болѣзнь страшно медленно уступаетъ и уступитъ ли—Богъ вѣсть.

Будь здоровъ.—Твой Некр.

17 Сентября. Спб.

Поклонъ Колбасину. Сочинилъ ли онъ что-нибудь для „Современника"?

26.

[1856, 24 мая].

Милѣйшій Тургеневъ, Вчера я видѣлъ Красновутскаго, который мнѣ сказалъ, что ты можешь явиться или прислать кого-нибудь за полученіемъ заграничнаго паспорта. Мой паспортъ тоже готовъ, но я не ѣду покуда: два мои доктора совѣтуютъ залечить здѣсь горло, которое подается къ излеченію болѣе, чѣмъ когда-либо.—Для этого переѣзжаю на дачу—около Петергофа. Ковалевскій будетъ кажется моимъ сожителемъ. Этотъ милѣйшій генералъ ходитъ по комнатѣ потупя голову и говоритъ убѣдительнымъ голосомъ: повѣрьте мнѣ, увѣряю васъ честью, худо, очень худо жить, — а я подумываю про себя: погубилъ я свою молодость, и поглядываю на потолочные крючки.

Въ карты играю—такъ, ни хорошо, ни худо; однако попродулся съ твоего отъѣзда, да вотъ скоро перестану.

Я думаю, мы выѣдемъ съ тобой за границу въ одинъ день. Напиши мнѣ, на какое именно число взялъ ты билетъ. Ты не смотри, что я не пишу, и самъ иногда напиши ко мнѣ. Вѣдь

правъ Ковалевскій: очень худо жить. Я таки хандрю. Фетъ еще выручаетъ иногда безконечнымъ и плѣнительнымъ враньемъ, къ которому онъ такъ способенъ. Только не мѣшай ему,—такого наговоритъ, что любо слушать.—Онъ написалъ поэму Липки, по моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нѣтъ, поэмы не его дѣло.

Еслибъ Фетъ былъ немного меньше хорошъ и наивенъ, онъ бы меня бѣсилъ страшно; да, ненадломленный!

Скажи Толстому, что его послѣдняя повѣсть нравится,—мы съ Ковал. слышали много хорошихъ о ней отзывовъ. Но Теофилъ Толстой *не могъ ее дочитать далѣе половины*—его собственныя слова. Кланяйся Толстому. Я простился съ нимъ подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ—я замѣтилъ въ немъ весьма скрытое, но несомнѣнное участіе ко мнѣ: за это ему спасибо, а какъ журналисту онъ мнѣ усладилъ сердце въ послѣднее время много разъ.

Журналъ идетъ хорошо. Менѣе сотни осталось отъ 3400 экз. Вульфъ перенялъ твое выраженіе и, принося повѣстки, всегда говоритъ: нѣтъ, послѣдній подписчикъ еще не прозвенѣлъ. 6-я книжка не будетъ такъ плоха, какъ ты ожидаешь, хотя комедію твою я спряталъ. Боюсь, если ты лѣтомъ ничего не сдѣлаешь, то „Совр.“ долго не видать твоего имени. За границей ты врядъ ли будешь работать.

Чудеса! Генералъ Пушкинъ на прощанье мои стихи безъ помѣтокъ сплошь велѣлъ племяннику подмахнуть. И тотъ подмахнулъ [1]).

Портретъ мой въ хорошей рамкѣ посылается на дняхъ графинѣ Толстой.

Въ Москву я врядъ ли поѣду. Идетъ леченье изрядно, такъ прерывать его нѣтъ смыслу. Отъ гнусной красноты въ горлѣ остались едва замѣтные признаки. Кабы эта гадость прошла. Пиши, будь другъ.—Некр.

24 мая 1856. Спб.

27.

[1856].

Пять дней какъ на дачѣ, подъ Рамбовымъ. Смертельно стали гадки карты — проигралъ было почти весь выигрышъ, потомъ пошло опять ладно,—въ одинъ вечеръ выигралъ болѣе тысячи рубл. — и кончилъ. Не мни, что я раздуваю въ себѣ хандру, нѣтъ; а донимаетъ она меня изрядно. Главная бѣда—нѣтъ ре-

---

[1]) Подразумѣваются М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и Вл. Н. Бекетовъ.—А. П.

нія ни къ чему, а безъ него жить плохо, я не умѣю или не люблю. Чтобы покончить эту статью, скажу тебѣ о своемъ здоровьѣ. Горло зажило—надолго ли, не знаю; осталась какая-то неловкость въ невидимой части, въ зѣвѣ; силами не крѣпокъ по прежнему; голосъ тотъ же, т.-е. не совсѣмъ возстановившійся и по временамъ измѣняющій. — Лекарство продолжаю истреблять.

Радехоненъ былъ, какъ получилъ твое письмо. „Уписывай, голубчикъ!" вотъ была моя мысль при извѣстіи о подвигахъ твоего желудка. За границу ѣдемъ, но думая о тебѣ, что-то невольно вспоминаю стихи:

> Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури
> Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
> А онъ мятежный проситъ бури,
> Какъ будто въ буряхъ есть покой.

Эхъ, голубчикъ! Мало что ли тебя поломало? И каково будетъ уѣзжать? Ну да это не мое дѣло. Ничего не смѣю говорить, потому что самъ бы на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ.

Хотѣлъ бы тебѣ еще чего нибудь написать, да не принуждать же себя, когда вдругъ стало лѣнь. Прощай. Пиши мнѣ. Я также радъ твоимъ письмамъ, какъ зимой нынче радъ былъ твоимъ посѣщеньямъ. Спасибо тебѣ.

Черезъ два дня.

Побывалъ въ городѣ. Видѣлъ въ клубѣ Теофила Толстого, который болталъ, что записки твои на дняхъ будутъ доложены государю, что ихъ непремѣнно дозволятъ. Но это я слышу уже два мѣсяца.

Видѣлся съ докторомъ. Что мнѣ дѣлать? Я сталъ рабомъ этихъ господъ. Я сказалъ ему, что беру билетъ на 21-е Іюля, а онъ мнѣ: что я ранѣе 15-го Августа не долженъ прекращать пріема пилюль и сыропу, которые-де приносятъ видимую пользу, т.-е. не могу ѣхать ранѣе 15 Августа. Кажется, должно такъ и сдѣлать, хоть очень хотѣлось бы ѣхать съ тобой. У меня припадки такой хандры бываютъ, что боюсь брошусь въ море, коли одинъ поѣду да лихая минута застигнетъ. Этакая штука была съ однимъ моимъ пріятелемъ, который и болѣнъ-то былъ въ родѣ моего. Его звали Ферморомъ.

Хотѣлъ тебѣ послать стиховъ, что написалъ въ послѣднее время, да лучше пошлю Толстому—я его сестрѣ давно обѣщалъ послать. Ты пробѣжишь у нихъ. Голубчикъ мой, очень тошно! Злюсь на себя за малодушіе, но это не помогаетъ. Погода здѣсь скверная. На дачѣ у меня холодно.

Пріѣхалъ Григоровичъ и привезъ коробъ скверныхъ спле-

тенъ. Гадко было слушать, до сей поры отплевываюсь.—Для „Современника“ я получилъ отличную статью отъ Берга, изъ Крыма. Плохъ и Вульфъ! Я 50 рубл. ему въ мѣсяцъ плачу именно за то, чтобъ журналъ высылался аккуратнѣе, а дѣло видно идетъ все по старому. Досада. У насъ отъ 3400 экз. осталось менѣе ста. Это значитъ, что прибыло противъ прошлаго года *500 подписчиковъ*! Пиши мнѣ. Я опять усердно занимаюсь журналомъ. Думаю при себѣ еще составить 9-ую книжку—и написать объявленіе о подпискѣ на 1857 годъ, которое обсудимъ съ тобой вмѣстѣ. Прощай. Поклонись отъ меня Аѳанасью и дай ему цѣлковый.—Твой Некр.

PS. У меня до тебя вотъ какое дѣло: позволь мнѣ въ „Легк. Чт.“ напечатать *Гдѣ тонко тамъ рвется*? Это, кажется, не можетъ повредить отдѣльному изданію твоихъ драм. сочиненій, да притомъ вѣдь это изданіе ты предоставляешь мнѣ?

Еще: если будешь писать къ Ивану Аксакову, спроси его, не хочетъ ли онъ дозволить мнѣ перепечатать изъ разныхъ *Московскихъ Сборниковъ* его стихотворенія?

[„Отличная статья“ Берга есть статья „Изъ Крымскихъ замѣтокъ“ („поѣздка въ Симферополь“ и пр., черты изъ жизни нашихъ бывшихъ непріятелей въ ихъ лагеряхъ и городкахъ на русской землѣ“); она была потомъ напечатана въ „Современникѣ“ 1856, августъ.]

28.

Середа, 27 [1856].

Въ субботу я проводилъ Фета за границу. У меня есть до тебя предложеніе на всякой случай. Если тебѣ все равно ѣхать тремя недѣлями позже за границу, то я—по полученіи твоего отвѣта—тотчасъ бы взялъ два билета ни 12-е или 15-е Августа для себя и тебя, а твой взятый на 21-е Іюля я могъ бы сдать, что̀ очень легко, и во всякомъ случаѣ взялъ бы на свою отвѣтственность.—Но это такъ на всякій случай я тебѣ предлагаю и ты конечно не станешь стѣсняться въ отвѣтѣ.

Наконецъ стало тепло. На дачѣ теперь живется съ апетитомъ. Не воображай, Бога ради, что я игралъ въ карты до одурѣлости—а теперь и вовсе не играю. Пишу длинные стишищи и усталъ. Хочу лечь спать. На дняхъ чортъ меня занесъ къ Одоевскому (живущ. въ Ораніенбаумѣ). Между прочимъ, онъ объявилъ, что получилъ отъ тебя письмо, и зачѣмъ-то вынесъ это письмо. Я какъ увидалъ руку, тотчасъ объявилъ, что рука не твоя, и тутъ только милый князь догадался, что письмо отъ стараго Вьельгорскаго (оно было безъ подписи). Дѣло же шло

въ немъ о какомъ-то рыбномъ садкѣ. Но однакожь не кончилось и безъ твоего письма. Пришла княгиня и объявила, что она недавно получила отъ тебя письмо... *Прелесть какое письмо*! (ея соб. слова)... О чудачина Тургеневъ! Зачѣмъ ты писалъ .....? Будь здоровъ. Да пиши же мнѣ.

У меня на дачѣ славно. Еслибъ ты пріѣхалъ за нѣсколько дней до 21-го Іюля и пожилъ хоть день или два со мной?

[Адресовано въ Мценскъ, Орловск. губерніи. Почтовый штемпель—петербургскій: 29 іюня, 1856.]

29.

[1856].

Отъ тебя нѣтъ письма изъ Берлина, но ты еще успѣешь отвѣтить мнѣ изъ Парижа на это письмо. Что Видертъ?

Я выѣзжаю 18 Авг. нашего стиля, если живъ буду. Худо то, что простудился и два дни чувствую легкую лихорадку.

Если промедлишь написать въ Петербургъ, то будь другъ пиши въ Венецію, на мое имя poste restante—и свой адресъ напиши и какъ поживаешь напиши?

Я начинаю подумывать, что осенью попаду въ Парижъ недѣли на двѣ, а ужь оттуда на зиму заберусь въ Римъ.

И вообще не знаю еще, какой теперь меня тянетъ въ Венецію, а если неловко мнѣ будетъ—такъ одна надежда на тебя—уцѣплюсь обѣими руками.

Послѣ тебя ничего особеннаго не случилось. Погода скверная. Сижу одинъ на дачѣ и даже не выхожу изъ комнаты, трусость напала, какъ бы не расхвораться. Вчера сложилъ стихи, которые по краткости прилагаю.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ.

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь—
Благослови—и не забудь!

Что это—изрядно или плохо? По совѣсти не умѣю опредѣлить. Будь здоровъ.—Твой Некрасовъ.

PS. „Современникъ“ получилъ новое подкрѣпленіе въ Далѣ: въ слѣдствіе моего письма онъ выслалъ *20 повѣстушекъ*, такъ онъ выражается въ письмѣ, а самыя повѣстушки еще не взяты съ почты.

30 іюля. Рамбовъ.

См. на оборотъ.

Вульфъ мнѣ объявилъ, что есть только одно средство получать „Современникъ“ тебѣ: зайди въ Париж. почтамтъ и подпишись тамъ, чтобы сюда прислали требованіе.—Впрочемъ я еще самъ съѣзжу въ Экспедицію, ибо хочу устроить, чтобы и мнѣ высылали журналъ.

30.

Берлинъ, 16/28 авг. [1856].

Милой Тургеневъ, Вотъ и я наконецъ поѣхалъ. Больше пока ничего не могу тебѣ сказать. Къ сожалѣнію у Видерта (который тебѣ кланяется) лихорадка и завтра я безъ него пускаюсь до Вѣны. Нечего дѣлать!—Отъ унынія я далекъ, здоровье хорошо, а что будетъ впередъ, увидимъ. Напиши мнѣ въ Вѣну. Я тамъ пробуду дней 10-ть или 8-мь. Куда тебѣ писать?

Твой Некрасовъ.

31.

Римъ, 3 октября. [1856].

Милый Тургеневъ, Я писалъ изъ Вѣны къ Фету—вѣроятно, онъ тебѣ сказывалъ: желалъ бы я отъ тебя получить вѣсточку. Гдѣ ты будешь зимой? Хорошо ли живешь? Я цѣлые 8-мь дней былъ доволенъ своей судьбой—это такъ много, что я и не ожидалъ. Девятый валъ меня немного подшибъ,—но въ этомъ кромѣ моей хандрящей натуры никто не виноватъ. Полагаю, что если при гнусныхъ условіяхъ петербургской жизни лѣтъ семь я могъ быть влюбленъ и счастливъ, то подъ хорошимъ небомъ, при условіяхъ свободы и безпечности, этого чувства хватило бы на 21 годъ по крайней мѣрѣ. А. Я. теперь здорова, а когда она здорова, тогда трудно пріискать лучшаго товарища для безпечной, бродячей жизни. Я не думалъ и не ожидалъ, чтобъ кто нибудь могъ мнѣ такъ обрадоваться, какъ обрадовалъ я эту женщину своимъ появленіемъ. Должно быть, ей было очень тутъ солоно, или она точно меня любитъ больше, чѣмъ я думалъ. Она теперь поетъ и попрыгиваетъ какъ птица, и мнѣ весело видѣть на этомъ лицѣ выраженіе постояннаго довольства—выраженіе, котораго я очень давно на немъ не видалъ. Все это наскучитъ ли мнѣ или нѣтъ, и скоро-ли—не знаю, но покуда ничего—живется. Вотъ тебѣ очень откровенное, хоть можетъ быть и не очень поэтическое рѣшеніе того вопроса, который меня занималъ, когда мы съ тобой прощались.

О путешествіи не умѣю ничего сказать. Не потому впрочемъ, чтобъ ровно ничего не замѣтилъ, а потому, что какъ-то самъ еще плохо довѣряю впечатлѣніямъ, которыя испытываю,

и мыслямъ, которыя приходятъ въ голову. Одно вѣрно, что кромѣ природы все остальное производитъ на меня скорѣе тяжелое, нежели отрадное впечатлѣніе. Въ Феррарѣ забрелъ я въ клѣтку, гдѣ держали Тасса, и цѣлый день потомъ было мнѣ очень гадко. Вся стѣна изцарапана именами приходившихъ взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему отъ этого радости!). Я не посмѣлъ нацарапать своего имени тамъ, гдѣ между прочимъ прочелъ имя Байрона, а хотѣлось.

Мнѣ очень понравилась Венеція. Тамъ я прожилъ 8 дней. Въ Римѣ я всего второй день. Сейчасъ ѣдемъ въ Фраскати. Погода удивительная, хочется зелени—думаю тамъ нанять на мѣсяцъ нѣчто въ родѣ дачи—рано еще забиваться въ городѣ въ четырехъ стѣнахъ. Впрочемъ, хорошенько не знаю еще, что сдѣлаю: можетъ быть, поживъ недѣлю или двѣ въ Римѣ—поѣду въ Неаполь—поживу тамъ, и тогда уже рѣшу—въ Римѣ или Неаполѣ просидѣть зиму. Скажи это Фету, котораго я цалую, обнимаю и жажду видѣть. Я его письмецо въ Венецію получилъ. Если ему нечего дѣлать въ Парижѣ, пусть ѣдетъ къ намъ—нечего и говорить, что мы будемъ ему ради не менѣе, чѣмъ онъ намъ. А ты? Я бы тебѣ совѣтовалъ на зимніе мѣсяца два-три пріѣхать въ Италію. Право, прожили бы ихъ недурно,—и, можетъ быть, что нибудь сдѣлали бы. Пиши мнѣ тотчасъ отвѣтъ (и Фета о томъ же прошу). Я если и рѣшусь ѣхать въ Неаполь, то дождусь здѣсь вашего отвѣта.—Послалъ ли ты *Фауста* въ Петербургъ?—Да и съ комедіями не мѣшкай. Будь здоровъ.—Твой Н. Некрасовъ.

Адресуй въ Римъ, poste restante.

32.

Римъ, 21 октября [1856].

Спасибо тебѣ за письмо, за добрыя вѣсти и за твое радѣніе о „Современникѣ". Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ 2 письма—одно отъ Вульфа, другое отъ Ч—скаго; оба они воздаютъ хвалу твоей аккуратности, жалуясь въ тоже время на всѣхъ остальныхъ: и на Островскаго, и на Толстого, и на Григоровича, которые по разнымъ причинамъ или безъ всякихъ причинъ не исполнили своихъ обѣщаній. Но вотъ что они сдѣлали: рядомъ съ твоимъ „Фаустомъ" въ X № „Совр." они помѣстили „Фауста" въ переводѣ Струговщикова,—понравится ли тебѣ это; кажется, ничего; а переводъ Стр. довольно хорошъ, и авось русскій читатель прочтетъ его на этотъ разъ, заинтересованный твоей по-

вѣстью, которую навѣрно прочтетъ [1]). Ч—скій оправдывается въ помѣщеніи двухъ Фаустовъ тѣмъ, что нечего было печатать, и очень боится, чтобъ ты не разсердился.

Я живу такъ себѣ, ни худо ни хорошо—или вѣрнѣе, то хорошо, то худо—полосами. Совѣтъ твой жить со дня на день очень хорошъ, но я какъ-то лишенъ способности наладиться на такую жизнь: день два идетъ хорошо, а тамъ смотришь—тоска, хандра, недовольство, злость... Всему этому и есть причины и пожалуй, нѣтъ... Писать объ этомъ больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ—и я твержу про себя припѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ—

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,—въ комъ есть что нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣнія, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ подобнымъ мнѣ, лучше вовсе не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо—и злишься, что столько лѣтъ висъ въ болотѣ—и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ,—вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось въ русской жизни, даже манера уѣзжать за границу износивши душу и тѣло. Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!

Чтобъ больше жизни стало жаль...

По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниковъ человѣческаго безумія, которые вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель (или найди получше слово) и тысячи тысячъ разъ увѣнчанное зло—плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполъ св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ божій—это очень пошлый фарсъ—посмѣйся. Во мнѣ

---

[1]) Дальше идутъ другія чернила,—конечно, другой присѣстъ.

мало здоровой крови. Жить для себя не всякій день хочется и стоитъ (съ какой ноги встанешь съ постели)—и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобъ хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: „наше послѣднее слово еще не сказано"—не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь что-нибудь.

Я поджидаю Фета; сегодня ужь 29 октября (письмо это начато давно), а его что-то нѣтъ. Если и поѣду въ Неаполь, то не надолго. Жить зиму буду въ Римѣ; теперешняя моя квартира не на солнцѣ; ищу другую—и возьму такую, чтобъ была лишняя комната для тебя, коли ты найдешь удобнымъ у меня поселиться. Нечего и говорить, что я обрадовался ужасно надеждѣ пожить съ тобой въ Римѣ. Не измѣняй плана, развѣ въ такомъ случаѣ, если жаль будетъ покидать m-me В. Ну тогда Богъ съ тобою—увидимся въ февралѣ—я думаю въ февралѣ быть въ Парижѣ. Здоровье мое изрядно, т.-е. я таковъ, каковъ былъ до потери голоса. — А. Я. тебя благодаритъ и кланяется. Прощай.—Твой Некр.

29 окт.

33.

7 декабря. Римъ [1856].

Я не писалъ къ тебѣ потому, что работалъ. 24 дня ни о чемъ не думалъ я, кромѣ того, что писалъ. Это случилось въ первый разъ въ моей жизни—обыкновенно мнѣ не приходилось и 24 часовъ останавливаться на одной мысли. Что вышло, не знаю—мучительно желалъ бы показать тебѣ,—даже, кажется, превозмогу лѣнь, перепишу и отправлю къ тебѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ пожалуйста правду. Это для меня важно. Право, для меня прошло время писать изъ любви къ процессу писанія—хочу знать, надо ли и стоитъ ли продолжать?—потому что впереди еще очень много труда—было бы изъ чего *убиваться*, говоря словомъ Фета. Онъ мою вещь очень хвалитъ, но кромѣ тебя я никому не повѣрю.—Я—ты не откажешь мнѣ въ этомъ—дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную мою правду о тебѣ. Заплати мнѣ тѣмъ же. Пусть не стоитъ передъ тобой призракомъ моя нетерпимость и раздражительность, которую я иногда обнаружи-

валъ при твоихъ замѣчаніяхъ. Правда, я не легко отказываюсь отъ того, что признавалъ истиннымъ и хорошимъ, но это не отъ слѣпоты самолюбія—дѣльное слово гвоздемъ забивается въ мою голову—но мнѣ надо убѣдиться, чтобъ отказаться отъ своего. То, что я тебѣ пошлю, только шестая доля всей поэмы, но отрывокъ имѣетъ цѣльность, и по немъ ты будешь въ состояніи судить. Завтра или послѣ завтра пошлю его тебѣ.

Прискорбно мнѣ было читать извѣстіе о твоемъ пузырѣ, но авось онъ уже тебя не мучитъ—ты веселъ и работаешь? Еслибъ ты зналъ, какъ мы съ Фетомъ ждемъ тебя! У насъ только и рѣчи, что о тебѣ. Смотри же, не надуй.—Ты получаешь „Современникъ", а я до сей поры нѣтъ. Мнѣ пишутъ, что Фаустъ сильно гремитъ—въ этомъ я былъ увѣренъ. Надѣюсь, что мнѣ скоро пришлютъ „Современникъ", и какъ я радъ буду перечитать эту повѣсть. Столько поэзіи, страсти и свѣту еще не бывало въ русской повѣсти. „Современникъ", кажется, идетъ хорошо. Ч—скій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будущій русскій журналистъ почище меня грѣшнаго и т. п. Напиши Панаеву, что не одинъ я бѣшусь, зачѣмъ онъ пачкаетъ „Современникъ" стишонками Гербеля и Грекова, за что я ему написалъ на дняхъ ругательство.—Говорятъ, вышли мои стихи, и мнѣ пишутъ, будто 500 экз., присланные въ Петербургъ съ первымъ транспортомъ, разошлись въ два дня—это похоже на пуфъ. Вульфъ, вѣрно, уже прислалъ тебѣ мою книгу. Когда ты будешь ее перелистывать, то увидишь, что я не поправилъ ничего, что ты мнѣ замѣтилъ. Это произошло оттого, что мнѣ опротивѣла рукопись, и я торопился ее сбыть.

Въ Парижѣ есть г. Делаво̀, желающій писать въ „Современникѣ". Закажи ему статью—нѣчто въ родѣ о современномъ состояніи французской литературы (и журналистики, пожалуй). По первой увидимъ, будетъ ли стоить печатать его статьи. Предложи ему по сту франковъ за листъ или немного болѣе—вѣдь нужно еще будетъ платить за переводъ.

Здоровье мое плоховато,—то-есть не становится лучше. Общее состояніе, кажется, даже слабѣе чѣмъ было, но мѣстныхъ гадостей нѣтъ никакихъ, кромѣ довольно большого отдѣленія мокроты. Погода здѣсь какъ у насъ въ сухую и ясную осень; бываютъ дни чисто лѣтніе. Мы съ Фетомъ отправились было на охоту, но попали неудачно—вылетъ вальшнеповъ былъ самый ничтожный, нашли всего четырехъ—убили одного. Оно и хорошо, а то бы я разлакомился. Нѣтъ, ужь лучше подожду. Природа около Рима гадость (мы доѣзжали до самаго моря).

Ч—скій проситъ меня поблагодарить тебя за нѣсколько ободрительныхъ словъ твоихъ о немъ въ письмѣ къ Колбасину. Что это однакожь за господинъ!... Хотѣлъ бы я тебѣ показать, что онъ написалъ мнѣ по поводу выхода моей книги.

Не имѣешь *ли* ты извѣстія отъ Толстого. Я отвѣчалъ на его письмо, и съ тѣхъ поръ отъ него не имѣю извѣстія.—Боткинъ наконецъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ. Никто не умѣетъ быть такъ неумолимо уменъ, какъ онъ, когда захочетъ, т.-е. когда найдетъ на него охота говорить правду. И такъ какъ его письмо не было слѣдствіемъ раздражительности, а, кажется, любви—то это злое письмо не пробудило во мнѣ ничего, кромѣ благодарнаго чувства. На закуску вотъ тебѣ прелестнѣйшее стихотвореніе Фета, какими и онъ не часто обмолвливается:

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ,
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаютъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей ненужно
Всего, чего глубоко жаль.

Прощай, милый Тургеневъ. Будь здоровъ. Пиши.—Некрасовъ.

34.

Римъ, 18 Декабря 1856.

Письмо твое застигло меня въ самомъ разгарѣ работы и какъ варомъ обдало (Изъ Петербурга мнѣ объ этомъ не пишутъ). Не знаю, буду *ли* въ состояніи кончить работу, въ которую думалъ вылить всю мою душу,—безъ первой половины то, что я послалъ тебѣ, не имѣетъ того значенія, какое, я надѣюсь, получитъ вещь въ цѣломъ. Признаюсь, она мнѣ нравится. Глупый человѣкъ! Я воображалъ, что можно будетъ напечатать ее. О, Тургеневъ! Зачѣмъ же жить,—то-есть мнѣ, котораго жизнь медленное, трудное умиранье. Впрочемъ, къ чёрту хандра и скуленіе. Хоть для тебя—кончу. Панаевъ неисправимъ, это я зналъ. Гроза могла миновать „Современникъ“, будь хоть ты тамъ. Такіе

люди, какъ онъ, и трусятъ и храбрятся—все не къ стати. Я не меньше люблю „Современникъ“ и себя или мою извѣстность,— не даромъ же я не рѣшился помѣстить „Поэтъ и Гражд.“ въ „Современникѣ“? Такъ нѣтъ! надо было похрабриться. Впрочемъ Панаева винить смѣшно: не гнилой мостъ виноватъ, когда мы проваливаемся!

О книгѣ моей пишутъ чудеса,—голова могла бы закружиться. Когда я писалъ къ тебѣ, я имѣлъ извѣстіе только отъ Вульфа и Ч—скаго,—чего только не было тамъ,—я даже разсердился, —но пришло письмо Панаева (къ Ав. Як.) и въ немъ тоже.— Неслыханная популярность, успѣхъ, какого не имѣлъ и Гоголь (!), —*приличный* Панаевъ, дозволившій себѣ такія выраженія, заслуживалъ хоть въ половину довѣрія, и я порадовался. Твои слова много позолотили пилюлю, которую я проглотилъ въ твоемъ письмѣ. Впрочемъ, хорошо, что ты написалъ. Я уже хотѣлъ посылать на дняхъ (до конца недалеко) мою поэму въ Петербургъ на 1 книжку.—Кончивши, начну ее портить; можетъ, и пройдетъ, если вставить нѣсколько . . . . стиховъ.

Другъ мой Тургеневъ, въ твоихъ жалобахъ на пузырь послышалась мнѣ и кольнула сердце неувѣренность, что ты пріѣдешь въ Римъ. Не сомнѣваюсь, что пузырь болитъ, но подумай окончательно, пріѣдешь ли ты? а то я пріѣду въ Парижъ,— это намѣреніе у меня было, да я оставилъ его въ надеждѣ, что ты сюда будешь. Здѣсь воздухъ чудо—тепло какъ лѣтомъ большую часть дней (кромѣ ноября, который былъ дуренъ и холоденъ), но врядъ ли полезенъ мнѣ римскій воздухъ,—какъ подуетъ *широко*, такъ отъ волненія грудь тѣснитъ. Говорятъ, это признакъ хорошій въ больномъ, но вообще я чувствую себя слабѣе, чѣмъ когда либо,—и это, говорятъ, хорошій признакъ для начала; можетъ быть! а я все-тати подсыхаю замѣтно. Работа доводитъ до изнеможенія, да ужь не брошу, не кончивъ.—Пиши мнѣ, что ты посовѣтуешь дѣлать мнѣ съ моей вещью (я пришлю тебѣ на дняхъ остальное) при теперешнихъ ценс. обстоятельствахъ. Панаевъ ничего не пишетъ и только проситъ настойчиво моихъ стиховъ для № 1-го. Будь я самъ на мѣстѣ, я бы зналъ, надолго ли подулъ tramontano и что̀ дѣлать.

Спасибо тебѣ за разныя твои извѣстія, но что не пишешь, какъ идетъ твоя работа?—Зачѣмъ у меня нѣтъ твоихъ сочиненій!—Чортъ знаетъ, что дѣлаетъ Вульфъ! Привези ихъ въ Римъ —да и „Современникъ“. Мнѣ и видѣть его хочется и читать нечего. Пропоролъ слишкомъ 1000 страницъ „Ньюкомовъ“. Люблю Теккерея. Послѣ тебя, это любимый мой современный писатель.

Хотѣлъ вычеркнуть *послѣ тебя*, но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобъ говорить любезности. Это сорвалось—и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроенъ,—когда твоя, всегда милая для меня личность со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣнить насъ поколѣніе стоитъ передъ мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ-бы тебѣ много, а станешь говорить или писать—того гляди слетитъ съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается.

Ну, прощай! За этимъ письмомъ я развлекся отъ мыслей, которыя нагнало на меня извѣстіе твое. Не хотѣлъ бы воротиться къ нимъ—но и къ поэмѣ подойти дико. Нѣтъ! и мудрый Теккерей не все еще знаетъ,—онъ не бывалъ въ душѣ русскаго писателя.

Фетъ тебѣ кланяется; онъ сегодня у меня обѣдаетъ. Жаль, онъ хочетъ уѣхать 18 января; а я одинъ буду тебѣ плохой собесѣдникъ, какимъ всегда былъ,—да не испугаетъ тебя это. Здѣсь есть еще два, три человѣка. Желаю, чтобъ твое леченье шло хорошо. Дѣла сердечныя—Богъ съ ними! Когда же мы угомонимъ сердечныя тревоги? Вѣдь ты ужъ сѣдъ, а я плѣшивъ!

Плещеть меня не поразило. Ав. Як. тебѣ кланяется, я тебя цалую и глажу.—Твой Некрасовъ.

Пиши мнѣ чаще—объ этомъ очень прошу.

35.

30 Декабря, 1856. Римъ.

Получилъ твое письмо. Спасибо за доброе мнѣніе о „Кротѣ" и за замѣчанія на него—всѣ они дѣльны и вѣрны. Писать буду, хоть, кажется, мнѣ грозитъ что-то не совсѣмъ хорошее по возвращеніи въ Россію. Напиши—не знаешь ли ты—откуда вышла буря: отъ министерства [1]) или докладывалось выше? А можетъ, и такъ пронесетъ [2]). Мы видывали цензурныя бури и пострашнѣе—при...—да пережили. Я такъ думаю, что со стороны цензуры „Современникъ" отъ этого не потерпитъ,—къ прежней дичи все же нельзя вернуться. Иное дѣло со стороны литературной. За наступающій годъ нельзя опасаться—покуда есть въ виду и въ рукахъ хорошіе матеріалы, а что до подписки, то она будетъ несомнѣнно хороша, но жаль, если союзъ пойдетъ на разладъ [3]). ..... При нынѣшнихъ обстоятельствахъ естественно

[1]) Т.-е. министерства просвѣщенія, въ которомъ тогда была цензура.—А. П.

[2]) Это были вѣроятно опасенія за стихотвореніе „Поэтъ и Гражданинъ".—*А. П.*

[3]) Рѣчь идетъ о планѣ Некрасова—предложить своимъ главнымъ сотрудникамъ-беллетристамъ долю въ доходахъ журнала, т.-е. сдѣлать ихъ пайщиками, на условіи

литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина... Какого *новаго* направленія они хотятъ? Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что „Современникъ“—въ лицѣ Ч—скаго—будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло—можетъ быть, Ч—й недостаточно хорошо ведетъ дѣло,—такъ дайте намъ человѣка или пишите сами. Больно видѣть, что личное свое нерасположеніе . . . . , поддерживаемое Дружининымъ и Григоровичемъ, переносятъ на направленіе, которому сами донынѣ служили и которому служитъ всякій честный человѣкъ въ Россіи...

. . . . . О Дружининѣ ты думаешь вѣрно—своя рубашка къ тѣлу ближе...

И такъ, если ты не пріѣдешь сюда—я ѣду въ Парижъ. Жду твоего письма. Напиши, однако, сколько ты думаешь еще пробыть въ Парижѣ и вообще за границей? Чтобъ я могъ сообразить свой выѣздъ. Я все-таки желалъ бы тронуться не ранѣе февраля.—А то я было думалъ пріѣхать въ Парижъ весной—сдѣлать консиліумъ—и оттуда въ Ахенъ брать желѣзныя и сѣрныя ванны—а въ іюнѣ въ Россію.

Жаль мнѣ тебя, Тургеневъ, но посовѣтовать ничего не умѣю. Знаю я, что значитъ взволнованное бездѣйствіе—все понимаю. Оба мы равно жалки въ этомъ отношеніи.

Письмо меня утомило. Напишу еще на дняхъ. Пожалуйста не забрасывай журналовъ—хоть у тебя ихъ прочту, а мнѣ не высылаютъ, книги моей тоже.

Будь здоровъ, голубчикъ. Обнимаю тебя.—Н. Некрасовъ.

Не надо ли денегъ? У меня есть. Ав. Як. тебѣ очень кланяется.

При одномъ изъ декабрьскихъ писемъ, 1856, изъ Рима, послана была пьеса, подъ заглавіемъ „Кротъ“ — за отзывъ объ этомъ стихотвореніи Некрасовъ благодаритъ Тургенева въ письмѣ, отъ 30-го декабря 1856. Это — отрывокъ изъ напечатанной впослѣдствіи поэмы

только, что ихъ новыя произведенія будутъ помѣщаться только въ „Современникѣ“. „Союзъ“ и былъ заключенъ, но продержался недолго, какъ и опасался Некрасовъ... Между прочимъ, союзники оговорили себѣ право—исполнить обѣщанія, данныя *раньше* другимъ журналамъ, и изъ этого вышло, что тотчасъ по заключеніи союза, которое было указано въ объявленіяхъ „Современника“, произведенія союзниковъ посыпались въ другихъ журналахъ (по „обѣщаніямъ“), но отсутствовали пока въ самомъ „Современникѣ“.

Опускаемъ дальше нѣсколько строкъ, занятыхъ замѣчаніями личнаго свойства. *А. П.*

„Несчастные“ (въ изд. 1882, стр. 64—70). 1-й стихъ отрывка: „Межъ нами былъ одинъ; его“...; послѣдній: „Мѣшаетъ вѣчная зима“..

Въ началѣ замѣтка:

Въ предъидущей главѣ разсказывающій излагаетъ, за что онъ попалъ въ Сибирь. Глава оканчивается тѣмъ, что онъ—вмѣстѣ съ другими, потерялъ всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя въ себѣ всякое человѣческое движеніе.

Варіанты, противъ изданія 1882:

...Обросъ онъ скоро волосами,
Сутулъ, не видѣнъ былъ лицомъ
Но и подъ *сѣрымъ* армякомъ...
...И покачаетъ головой.
Терпѣнья было въ немъ не мало,
Но не былъ робокъ онъ душой...
Былъ вечеръ, *время наступало*
Ложиться,—но стоналъ больной.
Куда дѣваться въ подземельи?
Кричимъ: „*умри,* мѣшаешь спать!..“
И стали въ бѣшеномъ весельи
Его мы хоромъ отпѣвать...
...Но въ комъ какъ подъ золою пламень
Таились вѣра и любовь—
Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
Съ душой *очиститься* готовой...
...Доступнаго душѣ *простой.*
...Покажетъ Русь, *какіе люди*
Подъ бурей народились въ ней
...И смолкли вдругъ работы дня,
Улегся пахарь безъ огня...
...*Понуривъ* голову, шажкомъ,
...Воркуетъ сладко въ тишинѣ.
Да—чу! шумитъ въ концѣ селенья
Столѣтній вязъ; какъ часовой—
Старикъ не дремлетъ. Поколѣнья
Предъ нимъ проходятъ чередой—
...Любовь народная *щадитъ...*
...Нашъ братъ, *гремя* цѣпями, ссыльный...
...*Чу! гдѣ-то скрыпнули* вороты
При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
...Слѣпой народъ *упрекъ* почуетъ...
...Бросаетъ поздніе цвѣты...
Но спитъ народъ подъ тяжкимъ игомъ,
Боится пуль, не внемлетъ книгамъ.—
О Русь! когда-жъ проснешься ты
И міръ, на мѣстѣ беззаконныхъ
Кумировъ рабской слѣпоты,
Увидитъ честныя черты
Твоихъ героевъ безъименныхъ?..
О ней, о родинѣ державной,

Онъ говорить не уставалъ...
...Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Подъ каждымъ деревомъ добра.
...Чтобъ Трудолюбецъ Вѣнценосный
Не посмѣялся въ небесахъ!..

При письмахъ этого времени вложена корректура — письма Тургенева въ редакцію „Современника“ въ отвѣтъ на обвиненіе со стороны Каткова по поводу „Фауста“ — и замѣтки редакціи „Современника“. Въ корректурѣ поправки Некрасова заключаются въ смягченіи и удаленіи нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій.—А. П.

36.

7-го января, 1857. Римъ.

Такъ какъ тебѣ нравятся мои описанія, то вотъ тебѣ и еще одно. Такъ какъ оно составляетъ самой невинный отрывокъ изъ моей поэмы, то хочу его напечатать, если ты одобришь. Итакъ, буде оно изрядно, то отошли его къ Анненкову, чтобъ передалъ въ редакцію „Современника“. Сдѣлай это поскорѣй, чтобъ попало во 2 № „Современ.“, который проситъ моихъ стиховъ. Да скажи и мнѣ свое мнѣніе объ отрывкѣ — не пѣняй на эту докучливость; съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что въ твоей головѣ больше толку и вкусу, чѣмъ въ моей, какъ-то неловко печатать, не показавши тебѣ. Поэма моя засѣла, то-есть я ее кончилъ, скомкавъ и не сдѣлавъ половины того, что думалъ. Когда соберусь съ силами -- перепишу и пришлю, т.-е. въ такомъ случаѣ, если не скоро увидимся. А что же—о нашемъ свиданіи? Я это время много думалъ о тебѣ, и нахожу, что тебѣ бы лучше пріѣхать въ Римъ. Это не значитъ, что мнѣ не хочется ѣхать въ Парижъ, нѣтъ, пріѣду — но вѣдь надо-же, братъ, тебѣ будетъ уѣзжать изъ Парижа. Подумай объ этомъ. Прибавлю еще, что благодѣтельная сила этого неба и воздуха точно *не фраза*. Я самъ, чортъ знаетъ, въ какой ломкѣ былъ, и теперь еще не совсѣмъ угомонился—и если держусь, то убѣжденъ, что держитъ меня благодать воздуха и пр. Впрочемъ, я ужь знаю, что сдѣлаю; совѣтую тебѣ выяснить и рѣшить—легче будетъ.

Въ февралѣ будетъ карнавалъ—конечно, этимъ тебя не заманишь, но отчего бы тебѣ не провѣтриться—пожилъ бы здѣсь со мною мѣсяцъ, а тамъ пожалуй опять въ Парижъ, мнѣ же его не миновать. Подумай и помни, что всякая такого рода неопредѣленность изнурительна и въ результатѣ влечетъ новую бѣду — нездоровье, съ которымъ всякое душевное горе переносится еще труднѣе и мучитъ больше.

Денегъ у меня будетъ теперь довольно, и потому въ этомъ

отношеніи стоитъ тебѣ только написать слово, если тебѣ своихъ не прислали. Прощай. Я все еще не получилъ ни моей книги, ни журналовъ. А какъ милъ Панаевъ! Наконецъ, на дняхъ онъ увѣдомилъ меня—вмѣсто того, чтобъ сказать въ чемъ дѣло,—что онъ ходатайствовалъ за меня у Норова... Ну, я теперь спокоенъ!..... Это ужь меня разсердило.

37.

Римъ. 18 янв. 1857.

Милый Тургеневъ, что-то давненько нѣтъ отъ тебя вѣсти. Пиши; еслибъ ты зналъ, какъ радуютъ меня твои письма! Впрочемъ, я говорю—пиши, а самъ собираюсь къ тебѣ. Очень можетъ быть, что выѣду въ четвергъ 22 января. Хочу ѣхать одинъ. Передъ выѣздомъ напишу. Если раздумаю, тоже напишу, а теперь о дѣлѣ. Мнѣ прислали перечень того, что будетъ въ № 1 „Совр."—„Юность" и стихи Фета, этого бы и довольно, но чтобъ изгадить книжку подмѣшано тамъ стиховъ.... Что станешь дѣлать ....! Онъ не понимаетъ, что лучше выпустить въ годъ двѣ-три книжки пошлыя съ первой до послѣдней страницы, чѣмъ подмѣшивать пошлости въ каждую. Но и это не то, а вотъ что главное: какъ видно, ни Островскій, ни Григоровичъ, все-таки ничего не сдѣлали, и я умоляю тебя выслать на 2 № „Нахлѣбника" или твою статью о Гамлетѣ. Да и вообще пора отправить драматическія сочиненія для печатанія къ Колбасину, а то выходъ затянется до лѣта и продажа пойдетъ хуже. Впрочемъ, надѣюсь объ этомъ поговорить при свиданіи. Фетъ отсюда завтра уѣзжаетъ. Скука усилится... да, уѣду. Будь здоровъ.—Весь твой Н. Некрасовъ.

38.

Римъ, ... февраля. Воскресенье [1857].

Я только третьяго дня добрался до Рима. Съ твоей точки зрѣнія, свѣтло и кротко любящей, я долженъ быть счастливъ, да признаться, и съ своей очень доволенъ. Вчера гулялъ на лугу, свѣжо зеленѣющемъ, въ виллѣ Боргезе и сбиралъ первые цвѣты! На душѣ хорошо. Справедливость однако заставляетъ сказать, что уже подъѣзжая къ Марселю, прошло у меня то тревожное и душное состояніе, въ которомъ ты меня видѣлъ послѣдніе дни, изъ чего и заключаю, что не малую роль въ находящей по временамъ на меня дури играютъ физическія причины—отъ этого однако не легче бываетъ, когда дурь найдетъ. Чувствую, я въ такіе дни могу убиться, если мысль приметъ

это направленіе. — Путешествіе мое было скверно. Отъѣхавъ 6 часовъ отъ Марселя, пароходъ сталъ на якорь, буря была страшная, ровно двои сутки стояли мы на якорѣ у Ерскихъ острововъ, начало страшно. Кажется, ничего злѣе нельзя было придумать въ моемъ положеніи—однако я надулъ свою судьбу, и когда она приготовила мнѣ этотъ сюрпризъ, я уже былъ тихъ и терпѣливъ. До сей поры голова кружится—словно все еще я на пароходѣ. Ав. Як. тебѣ очень кланяется и сильно благодаритъ за депешу. Предъидущій пароходъ изъ Чивита-Веккіи стоялъ у Корсики 5-ть дней—вотъ должно быть отчего не было писемъ. Это самый скверный мѣсяцъ на Средиземномъ морѣ. Ни одинъ рейсъ не обходится безъ приключенія, но несчастный Жиметъ тоже испыталъ разныя бѣдствія и прибылъ однимъ только днемъ ранѣе меня.—Я очень обрадовалъ А. Я., которая, кажется, догадалась, что я имѣлъ мысль отъ нея удрать. Нѣтъ, сердцу нельзя и не должно воевать противъ женщины, съ которой столько изжито, особенно когда она бѣдная говоритъ *пардонъ*. Я по крайней мѣрѣ не умѣю, и впредь отъ такихъ поползновеній отказываюсь. И не изъ чего и не для чего! Что мнѣ дѣлать изъ себя, куда, кому я нуженъ? Хорошо и то, что хоть для нея нуженъ. Да, начинать снова жить поздно, но жить мнѣ еще можно—вотъ на чемъ я остановился.

Милый Тургеневъ, право я тебя очень люблю—въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ. Твое положеніе теперешнее не хорошо — по послѣдствіямъ, которыя можетъ оно привесть. Живя въ Парижѣ, ты разстроиваешь себя физически; смотри, какъ бы болѣзнь не укоренилась такъ, что потомъ и уѣхавъ не вдругъ отъ нея избавишься. Вотъ главная и существенная точка зрѣнія, съ которой ты долженъ смотрѣть на вопросъ: оставаться тебѣ или нѣтъ въ Парижѣ? И ты таки подумай объ этомъ. По крайней мѣрѣ приведи въ исполненіе покуда свою мысль—съѣзди на недѣлю въ Дижонъ или куда-нибудь; это ничего не испортитъ, а можетъ помочь, да и нервы отдохнутъ и придутъ въ порядокъ. За душевную силу твою я не боюсь—ты встрепенешься! но не шути здоровьемъ. И вслѣдъ за этимъ мнѣ пришла мысль, что ты въ самомъ дѣлѣ изрядно мнителенъ, и не глупо ли я дѣлаю, что пишу это. Но вѣдь ты самъ знаешь, что твое здоровье еще неиспорчено и я хлопочу о томъ, чтобъ ты его не испортилъ.

Ав. Як. проситъ тебѣ сказать, что ей очень помогала въ нервной боли щеки (отъ которой по сочувствію болѣло у нея все лицо) электро-магнитическая машина—всякій лекарь знаетъ,

какъ ее употреблять; послѣ нѣсколькихъ опытовъ у нея тогда боль унялась на цѣлый годъ. Прощай. Цалую тебя. Поклонись Толстому и Орлову. Напиши на дняхъ, а теперь просто не могу—голова кругомъ заходила.—Некр.

PS. Я забылъ въ моемъ шкафѣ коробочку, гдѣ были 4 запонки, отъ рукавовъ 2 и отъ ман. 2, римскія—ты ихъ видалъ. Поищи ихъ, если не поздно, и спрячь. Они стоили 16 скудъ.

Письма мнѣ перешли.

Грибчикъ очень милъ, все его интересуетъ. Онъ легко знакомится и—видимо нравится людямъ, не думая о томъ. Даже агличанина какого-то пробралъ, тотъ звалъ его къ себѣ въ Лондонъ и обѣщалъ ему подарить собаку.

Здѣсь благодать—солнышко грѣетъ какъ разъ въ мѣру, тихо, тепло, свѣтло, кротко, младенчески молодое что-то въ воздухѣ—идетъ весна!

39.

Римъ, 7 апрѣля. [1857].

Я вчера воротился въ Римъ, хочу здѣсь посмотрѣть Пасху и поѣду въ Парижъ. Въ Неаполѣ прожилъ я три недѣли очень хорошо, вездѣ былъ, даже влѣзалъ на Везувій и спускался въ самый кратеръ (съ Грибчикомъ, который тебѣ кланяется, — все это время онъ былъ неразлученъ съ нами, и только третьяго дня мы разстались—онъ уѣхалъ моремъ во Флоренцію). Погода въ Неаполѣ стояла отличная—поѣздки наши (не безъ средствъ *противъ* желудка) какъ-то всѣ удавались, природа чудо (особенно Соренто)—да ты все это самъ видѣлъ; сущность въ томъ, что я провелъ время хорошо. Когда нѣтъ душевной истины и свободы, такая жизнь только и возможна, — какъ гдѣ засидишься, такъ и хуже. О работѣ я забылъ и думать—безъ выписанныхъ элементовъ это самый безжалостный родъ насилія изъ всѣхъ, какія мнѣ доводилось дѣлать надъ собою. А ты что? Я не писалъ тебѣ долго частію отъ лѣни, частію потому, что надоѣлъ чай тебѣ и такъ въ послѣднее время моимъ скуленьемъ, но о тебѣ хотѣлось бы знать больше. Получилъ въ Неаполѣ твое письмо, говорятъ, было и другое, да отослали въ Неаполь—а я уѣхалъ сюда. Надѣюсь, мнѣ его оттуда пришлютъ на дняхъ. Дѣла въ „Современникѣ“ поправляются—третья книжка вышла лучше двухъ 1-хъ; подписка хороша, но впрочемъ—не все ли равно? повторю и я вслѣдъ за тобою. Мало, очень мало сталъ я надѣяться на себя. Бродячая жизнь—не по моему характеру, а врядъ ли не умнѣе ли бы мнѣ было оставаться за

границей какъ можно долѣе—что-то говоритъ сердцу, что тамъ будетъ еще хуже. Посмотримъ.

...Живя, умѣй все пережить.

Ворочусь, попробую, авось и съумѣю!

Въ концѣ этого мѣсяца я буду въ Парижѣ—тебя тамъ не застану, но вѣдь ты опять хоть на короткое время будешь-же въ Парижѣ? Напиши мнѣ въ Парижъ изъ Лондона poste restante хоть два слова объ этомъ. Я бы прислалъ тебѣ денегъ, для покупки мнѣ собаки и ружья. Въ Россію поѣду въ концѣ іюля. Право бы намъ съѣздить на охоту въ мою деревнишку, Влад. Губ.,—тамъ дичи-то, дичи! Кланяюсь Толстому и Орлову. Послѣдній такъ часто припоминается мнѣ съ своимъ одинокимъ, добрымъ глазомъ, что написалъ бы ему, кабы не былъ онъ князь да—и пр. Впрочемъ, въ томъ что онъ князь — онъ слава Богу не виноватъ, а натура его дѣлаетъ все, что можетъ; онъ конфузится въ салонахъ, зато я увѣренъ, онъ былъ бы какъ дома за нашими обѣдами въ домѣ Степанова или Имзена — больше нельзя требовать отъ человѣка!—Застану ли я его въ Парижѣ? А Толстой? Гдѣ онъ — теперь бы ему самое время въ Италію, позже будетъ нестерпимо жарко, и теперь ужь часто душно.— Пожалуйста увидайся съ Плетневымъ и извини меня чѣмъ нибудь въ родѣ того, что въ Римъ я уѣхалъ внезапно по причинѣ какой-нибудь сверхъестественно важной. — Я обдѣлалъ стихи 30 апрѣля, вышли плохи—въ Россію пошлю, а тебѣ посылать не стоитъ. Будь здоровъ. Цалую тебя.—Некр.

PS. Я буду тебѣ писать время отъ времени, а ты вели пересылать письма въ Лондонъ.

PS. Я читалъ недавно кое-что изъ твоихъ повѣстей. Фаустъ точно хорошъ. Еще мнѣ понравился весь *Яковъ Пасынковъ* и многія страницы *Трехъ встрѣчъ*. Тонъ ихъ удивителенъ—какой-то страстной, глубокой грусти. Я вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ. И ты одинъ изъ новыхъ владѣешь формой — другіе даютъ читателю сырой матеріалъ, гдѣ надо умѣть брать поэзію. Написать бы тебѣ объ этомъ больше, но опять проклятая мысль— не принялъ бы ты этого за пустую любезность! Но прошу тебя —перечти „Три встрѣчи", — уйди въ себя, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски — и напиши что-нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки польются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько

жившаго, какъ твое, любовью, страданьемъ и всякой идеальностью. Нѣтъ, просто мнѣ надо написать статью о твоихъ повѣстяхъ,—тогда я буду свободнѣе, я буду писать не для тебя, а для публики, и можетъ быть скажу что-нибудь, что — тебѣ раскроетъ самого себя какъ писателя: это самое важное дѣло критики, да гдѣ мастеръ на него? Съумѣю ли, не знаю, даже не увѣренъ, что напишу статью.

А. Я. тебѣ кланяется.

40.

22 апр. 1857.

Милый Тургеневъ. Завтра утромъ я выѣзжаю во Флоренцію и недѣли черезъ полторы буду въ Парижѣ. Очень хотѣлъ бы тебя застать. Твое письмо послѣднее только сегодня получилъ изъ Неаполя. Панаевъ, кажется, уже поправился. Я здѣсь у Оболенскаго . . . .
разсказы объ охотѣ на Кавказѣ—Н. Толстого. Авторъ не виноватъ, что это не повѣсть, но задачу, которую онъ себѣ задалъ, онъ выполнилъ мастерски и кромѣ того обнаружилъ себя поэтомъ. Некогда писать, а то я бы указалъ въ этой статьѣ на нѣсколько чертъ до того поэтическихъ и свѣжихъ, что ай-ай! Поэзія тутъ на мѣстѣ и мимоходомъ выскакиваетъ сама собою; неизвѣстно, есть ли у автора творческій талантъ, но талантъ наблюденія и описанія, по моему, огромный—фигура стараго козака въ началѣ чуть тронута, но что важно, не обмельчена, любовь видна къ самой природѣ и птицѣ, а не къ описанію той и другой. Это вещь хорошая. Не знаю, насколько Левъ Н. поправилъ слогъ, но мнѣ показалось, что эта рука тверже владѣетъ языкомъ, чѣмъ самъ Л. Н. Далекость отъ литературныхъ кружковъ имѣетъ также свои достоинства. Я увѣренъ, что авторъ не созналъ, когда писалъ, многихъ чертъ, которыми я любовался, какъ читатель, а это не часто встрѣчаешь.

Я здѣсь часто видаюсь съ Сальясъ и Кудрявцевымъ. Послѣдній понесъ тяжелую потерю: у него во Флоренціи уморили въ нѣсколько дней здоровую, веселую и любимую жену. Жаль его бѣднаго очень—хорошій онъ человѣкъ, да горе совсѣмъ его сломило. Больно видѣть его.—Грановская совсѣмъ умираетъ. Вотъ наши римскія новости.—О себѣ нечего сказать: я теперь доволенъ однимъ открытіемъ, которое сдѣлалъ въ Неаполѣ: докторъ Циммерманъ объявилъ, что у меня разстроена печень. Итакъ, я дурю отъ разстроенной печенки! Слава Богу—хоть причина нашлась.

Будь здоровъ. Цалую тебя и кланяюсь Толстому.—Некрасовъ.

41.

27 мая 1857. Парижъ.

Вчера получилъ твое письмо. Сейчасъ видѣлъ Орлова—онъ завтра уѣзжаетъ, обѣщалъ прислать мнѣ всѣ журналы, какіе успѣетъ собрать,—со Щепкинымъ пришлю. Видѣлъ я Леметра, вотъ это столько же *то*, сколько не то Ристори. Въ немъ мало француза и много человѣка—великое достоинство! Получилъ письмо отъ Толстого—очень умное, теплое и серьезное. Онъ проситъ тебѣ сказать, что если нельзя четыре собаки, то купи двѣ, самыя нужныя ему: борзая и гончая выжловка.

Лекарство я пью исправно и намѣренъ пить до 15-го іюня. На дняхъ пришлю тебѣ деньги на ружье и напишу больше. Будь здоровъ и духомъ бодръ. Цалую тебя. А. Я. тебѣ кланяется. — Н. Некрасовъ.

42.

31 мая. Воскр. [1857].

Посылаю тебѣ тысячу франковъ на ружье (съ М. Ѳ. Коршъ) и еще сто франковъ; не полѣнись пожалуйста, поищи, нѣтъ ли какихъ новыхъ и хорошихъ принадлежностей для охоты ружейной и особенно псовой (съ борзыми и гончими), именно: по части роговъ, сворокъ, арапниковъ, кинжаловъ для прикалыванія звѣря и т. под. Купи на эти сто франковъ—это для моего отца, которому я долженъ привезти подарокъ; если останется денегъ, то пріобрѣти усовершенствованные дробовикъ, пороховницу и пистонницу. Можетъ случиться, что я пріѣду на дняхъ въ Лондонъ, теперь у меня есть товарищъ для путешествія туда—Логинъ Лихачовъ, на дняхъ сюда прибывшій. Но это только *можетъ быть*. Лекарство мнѣ сильно испортило желудокъ и повергло меня въ физическую немочь—не знаю еще, на что рѣшусь—пойду на дняхъ къ Райе. Книгъ посылаю сколько могъ собрать Орловъ, который уже уѣхалъ отсюда. Статью Пинто, разумѣется, возьму съ удовольствіемъ. Будь здоровъ. Я дѣлаю, что дѣлалъ и что мнѣ предстоитъ до конца дней—*кое-какъ перемогаюсь*. — Некр.

43.

[1857].

Милый Тургеневъ, Пожалуйста напиши опредѣлительно, долго ли ты пробудешь въ Лондонѣ и заѣдешь ли навѣрное въ Парижъ? Здѣсь появился Е. П. Ковалевскій—онъ говоритъ, что готовъ недѣлю или двѣ прожить лишнія, лишь бы тебя увидѣть въ Парижѣ. А я совѣтую ему ѣхать съ нами въ Лондонъ, на что онъ въ крайнемъ случаѣ тоже кажется подастся; онъ былъ очень

веселъ въ Парижѣ, да увидалъ сонъ, предсказывающій ему смерть—и на немъ лица нѣтъ—„пусть-де Тургеневъ пріѣдетъ со мной проститься—умру скоро!—вы такъ ему и напишите!“

(Далѣе писано Е. П. Ковалевскимъ:)

Мнѣ снился такой сонъ, что я скоро умру: пріѣзжайте пожалуйста. Мнѣ очень, очень хочется васъ видѣть до смерти. Пробуду я здѣсь, если до тѣхъ поръ не умру, недѣли двѣ.

Весь и навсегда вашъ—Е. Ковалевскій.

М-me Миллеръ здѣсь и также хочетъ васъ видѣть.

Я сейчасъ только вспомнилъ, что нужно послать тебѣ мѣрку на ружье. Завтра объ этомъ похлопочу. Впрочемъ, обыкновенный размѣръ англійскихъ ложъ мнѣ удобенъ. Будь веселъ, голубчикъ, глажу тебя по сѣдой головкѣ. Безъ тебя, братъ, какъ-то хуже живется. Напиши же—ѣхать къ тебѣ въ Лондонъ или ты самъ сюда будешь.—Некр.

2 іюня.

44.

[1857].

Вчера получилъ твое письмо. Въ Лондонъ едва-ли поѣду, хотя все еще окончательно не рѣшился не ѣхать. Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была увидѣть Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ—чѣмъ не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревск. дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который кромѣ того когда-то оказалъ мнѣ личную помощь, который былъ первый послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшій добрымъ словомъ мои стихи (я его записочку ко мнѣ, по выходѣ Петерб. Сборника, до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ не хорошо обо мнѣ думаетъ. Скажи ему это (если найдешь удобнымъ и нужнымъ—ты лучше знаешь нынѣшняго Герцена) и прибавь къ этому, что если онъ на десять минутъ обѣщаетъ зайти ко мнѣ въ гостинницу (къ нему мнѣ итти неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мнѣ), то я ни минуты не колеблясь. пріѣду къ 11-му числу, чтобы 16-го вмѣстѣ съ тобою уѣхать обратно.—Кланяется тебѣ Ковалевскій и ждетъ нетерпѣливо. . . . . освобожденіе Баку-

нина дѣло нашего милаго генерала. Вотъ въ короткихъ словахъ его ходъ. Сначала о прощеніи его докладывалъ Долгорукій, по просьбѣ родныхъ. Государь наотрѣзъ отказалъ, послѣ многихъ совѣщаній и раздумья. Прошло мѣсяца три. Ковалевскій тѣмъ временемъ дѣйствовалъ на Горчакова, выписалъ сестру Бакунина (бывшую сестрой милосердія при Севастополѣ), повелъ ее къ Горчакову, общими силами они разжалобили его, и онъ рѣшился вновь доложить государю, опираясь на то, что поступокъ Бакунина имѣлъ отношеніе къ иностр. министерству. Государь и тутъ отказалъ, сказавъ, что не видитъ со стороны Бак. раскаянья. Тогда убѣдили Бакунина написать письмо къ Горчакову. Горчаковъ это письмо показалъ государю—и государь простилъ. Резолюція: Бак. освободить, жить ему въ Омскѣ, съ дозволеніемъ прожить до излеченія въ деревнѣ у матери въ Тамб. губ. и съ правомъ поступить на службу. Ковалевскій говоритъ, что изъ Омска теперь легко и скоро можно будетъ передвинуть Бакунина.—Достоевскій и проч. прощены навѣрно—и даже Спѣшневъ. Будь здоровъ. Весь твой — Некр.

[Письмо не лишено важности для объясненія „огаревскаго дѣла". Въ чемъ именно состояло это дѣло, не знаю; но противъ Некрасова выставлено было тяжелое обвиненіе въ присвоеніи и растратѣ чужихъ денегъ. Біографы приводили, въ связи съ этимъ дѣломъ, напримѣръ, цитату изъ воспоминаній П. В. Анненкова („Анн. и его друзья", стр. 116): цитата съ упоминаніемъ имени Грановскаго, очень ядовитая, но очень темная. Въ настоящемъ письмѣ любопытна ссылка Некрасова на самого Тургенева. Въ запискахъ г-жи Панаевой-Головачевой обвиненіе Некрасова по этому дѣлу съ негодованіемъ отвергается (стр. 326).]

45.

30 іюня 1857. Дача близь Петергофа.

Я прибылъ на дачу близь Петергофа (нанятую для меня Васильемъ) 28 іюня рус. стиля. Ѣхалъ я отъ Кенигсберга дней восемь—оттого не очень усталъ, но собака, въ свою очередь, и меня состарила; денегъ на нее вышло очень много—мошенники рус. кондукторы разыгрывали со мною сцены въ родѣ слѣдующей: „Собака! Какъ у васъ собака!!..."—Да.—Вы хотите ее везти въ казенномъ экипажѣ.—Да!—Да знаете ли вы, что это запрещено... что я лишусь мѣста и пущу по міру жену и дѣтей...—Полноте, я вамъ заплачу—я всегда возилъ.—„Кто васъ возилъ съ собакой, у того видно было двѣ головы, а у меня одна". Я вамъ дамъ 5-ть цѣлк...—Ну, сажайте.—Такъ въ Тильзитѣ, въ Ригѣ, въ Дерптѣ и Нарвѣ, а въ Кенигсбергѣ честные

нѣмцы одули съ меня за собаку и еще больше, заставивъ взять особый экипажъ. Тутъ еще случилось горе. На одной станціи намъ дали открытую таратайку. Я положилъ цѣпь себѣ подъ сидѣнье,—и задремалъ, собака вздумала выскочить и ободрала себѣ заднюю ногу, а переднюю ушибла. И так я всю дорогу имѣлъ удовольствіе время отъ времени выносить ее на рукахъ и любоваться, какъ она погуливала на двухъ ногахъ (лѣвой задней и лѣвой передней)... Надо впрочемъ отдать ей справедливость: ...она вообще умна, терпѣлива, привязчива и спокойна. Въ Дерптѣ я ее возилъ въ скотоврач. клинику—тамъ ее перевязали, дали мнѣ лекарство мочить ей ноги—и теперь она поправляется; черезъ недѣлю будетъ здорова. Славный характеръ у собаки, нельзя ее не полюбить; жаль будетъ, если изъ нея ничего не выдетъ... Теперь тоже не хорошо, надо работать, а руки опускаются, точитъ меня червь, точитъ. Въ день двадцать разъ приходитъ мнѣ на умъ пистолетъ и тотчасъ дѣлается при этой мысли легче. Я сообщаю тебѣ это потому, что это фактъ, а не потому, чтобъ я имѣлъ намѣреніе это сдѣлать,—надѣюсь, никогда этого не сдѣлаю. Но нехорошо, когда человѣку съ отрадной точки зрѣнія поминутно представляется это орудіе. Правда, оно все примиритъ и разрѣшитъ, да не хочу я этого разрѣшенія. Я поселился на дачѣ... съ Панаевымъ, котораго болѣзнь подломила. Не знаю, такъ ли въ самомъ дѣлѣ, но онъ мнѣ кажется лучше... Разсказовъ-то, разсказовъ—Господи! Но вдругъ не разскажешь. Мнѣ понравился покуда одинъ. Гр. Р—на написала доносецъ въ стихахъ. Фельетонистъ С. П. Вѣд., говоря о ней, замѣчаетъ, что дѣятельность ея раздѣляется на три отдѣленія, въ 1-мъ она дѣлала то и то, во 2-мъ то и то, а нынѣ гр. Р. вступила въ третье отдѣленіе. Этимъ кончается статейка... Бѣда допускать людей до денегъ! [1] И не радъ бы, а надо будетъ посмотрѣть... Вся литература, и публика за нею (сколько могъ замѣтить по Вульфу [2]) и Панаеву), круто повернула въ сторону затрогиванія обществ. вопросовъ и т. под. На Панаевѣ это можно видѣть очень ясно,—въ каждомъ его сужденіи такъ и видишь, подъ какимъ вѣтромъ эта голова стояла цѣлый годъ. Но собственно все тоже идетъ въ отношеніи цензуры и даже начало нѣсколько поворачивать вспять. Уже задерживаются статьи—за мрачное впечатлѣніе и т. п., то есть произволъ личности опять входитъ въ свои права. Про Г—ва какія гадости я узналъ! На-

---

[1]) Рѣчь пошла дальше о конторскихъ дѣлахъ журнала.—А. П.

[2]) Вульфъ—владѣтель типографіи, гдѣ печатался „Современникъ“.—А. П.

пишу завтра еще письмо, побывавъ въ городѣ, куда поѣду утромъ. Въ 6 № „Совр." Ч. написалъ отличную статью по поводу Щедрина и „Замѣтки" тоже очень умныя... Матеріаловъ для „Совр." нѣтъ. Я тебя прошу—для меня, для самого себя и для чести дѣла, къ 9-й кн. „Совр." напиши статью Гамлетъ и д.-Кихотъ и увѣдомь сейчасъ Толстого, чтобы къ этой книжкѣ онъ приготовилъ повѣсть. Это, господа, необходимо. Черезъ мѣсяцъ отъ этого письма рукописи ваши должны быть здѣсь.—Я ужасно радъ, что ты чувствуешь желаніе работать, радъ за тебя. Но смотри—обдумай, ѣхать ли тебѣ въ Парижъ. Вспомни, какъ ты трудно отрывался, и знай еще, что есть предѣлъ всякой силѣ. Право, и у меня ея было довольно. Никогда я не думалъ, что такъ сломлюсь душевно, а сломился. Не желаю тебѣ ничего подобнаго. Конечно, ты отъ этого далекъ, но все не худо—во время взяться за умъ. Горе, стыдъ, тьма и безуміе—этими словами я еще не совсѣмъ полно обозначу мое душевное состояніе, а какъ я его себѣ устроилъ? Я вздумалъ шутить съ огнемъ и пошутилъ черезъ мѣру. Годъ тому назадъ было еще ничего—я могъ спастись, а теперь... — Пріѣзжай сюда, не заѣзжая въ Парижъ. Цалую тебя. — Некр.

46.

20 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ. Письмо твое (о деньгахъ) огорчило меня больше, чѣмъ бы слѣдовало огорчаться такими вещами. Зачѣмъ тебѣ Гер. написалъ, что я жалуюсь на тебя и проч.—я не понимаю [1]), а писалъ я ему вотъ что: „Причиною, что долгъ мой вамъ до сей поры не уплаченъ—неудобность сношеній съ вами, а главное:—моя непростительная безпечность, которая поддерживалась сначала надеждою на Вашу снисходительность, а въ 1850 году Тург. передалъ мнѣ вашу записку, чтобъ деньги, должныя Вамъ, отдать ему. Признаюсь, съ этого времени я мало думалъ объ этомъ долгѣ, потому что съ Тургеневымъ я довольно близокъ и имѣлъ съ нимъ постоянные счеты". Затѣмъ я извѣщалъ его, что деньги ему пришлю изъ Россіи.

[1]) Сейчасъ я перечелъ твое письмо и увѣряю тебя честью, что о томъ, что *ты* заплатишь Герц. изъ денегъ, *которыя долженъ мнѣ*—въ моемъ письмѣ къ Гер. и рѣчи не было! Странно, что Гер. написалъ это, менѣе странно, что ты повѣрилъ этому и разсердился, но я повторяю: о томъ, будто бы ты заплатишь Герц. изъ денегъ, должныхъ будто бы мнѣ — *въ моемъ письмѣ нѣтъ ни слова, даже какого либо намека*. Это сущая выдумка — попроси Гер., пусть онъ пришлетъ тебѣ мое письмо! [Приписка Некр.]

Теперь вижу, что лучше бы мнѣ вовсе не упоминать о тебѣ, но любезный другъ, когда на человѣка падаетъ обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности, неужели ему не позволительно сослаться на фактъ, въ которомъ по моему мнѣнію нѣтъ ничего предосудительнаго для тебя? Мнѣ ужасно бы хотѣлось, чтобъ ты прочелъ то мое письмо къ Гер.,—ты увидѣлъ бы, что я всю вину бралъ прямо на себя, и у меня было только одно невинное желаніе сказать, что я менѣе виноватъ передъ Гер., чѣмъ онъ думаетъ, что не умышленное посягательство на чужое добро, а причины менѣе гадкія затянули уплату. Въ нашихъ дѣловыхъ отношеніяхъ я гораздо болѣе обязанъ тебѣ, чѣмъ ты мнѣ (кто этого не знаетъ?), но неужели ты отрицаешь у меня право сказать, что долгъ, переведенный на Тургенева, меня не безпокоитъ, что онъ подождетъ за мной, какъ иногда ждалъ я за нимъ и т. под.? Или находишь въ этомъ что-нибудь обидное для себя?.. Помѣщикъ 2 т. душъ! конечно ты щекотливъ въ такихъ дѣлахъ, но позволь и бѣдняку имѣть эту щекотливость и извини меня (чистосердечно), что желаніе сколько нибудь оправдаться передъ Гер. заставило меня употребить твое имя въ этомъ дѣлѣ. Скажу прямо, ты меня больно ударилъ по сердцу своимъ распоряженіемъ къ дядѣ о присылкѣ мнѣ денегъ. Ты видно не шутя раздражился, но подумай хладнокровно—слѣдуетъ ли такъ поступать... Нѣтъ, это похоже на упрекъ. При этомъ найдешь записку, которую отошли къ Г., если найдешь нужнымъ. Что касается до „З. О.", то—хоть я говорилъ и имѣлъ намѣреніе отдать тебѣ половину барыша,—дѣло это и въ такомъ случаѣ еще такъ выгодно, что отстаивать его за собою—мнѣ неудобно—рѣшай самъ какъ знаешь. Всего лучше я думаю такъ: напечатаю я (во избѣжаніе сплетенъ, такъ какъ всѣмъ уже извѣстно, что ты мнѣ ихъ отдалъ), а деньги возьмешь ты—или еще лучше: отдадимъ ихъ дочери Бѣлинскаго.—Вопросъ о дозволеніи ихъ въ томъ же положеніи, какъ и былъ,—но дозволеніе вѣроятно.

Я хотѣлъ запечатать письмо, но не выдержалъ, чтобъ не приписать, что сердце у меня не на мѣстѣ. Я тогда только успокоюсь, когда ты мнѣ напишешь, что эта исторія ничего въ тебѣ не измѣнила относительно меня (разумѣется, если оно такъ на самомъ дѣлѣ).

Дядя твой не отличается, кажется, быстротою въ исполненіи твоихъ порученій, поэтому прошу тебя написать ему, чтобъ онъ не трудился высылать мнѣ деньги. Неужели ты думаешь, что я придаю этому важность и не знаю очень хорошо, что ты богаче меня и можешь имѣть деньги мимо меня?—Я всегда такъ дово-

ленъ былъ, когда могъ кстати дать тебѣ мои 50 или 100 руб.— Зачѣмъ лишать меня этого удовольствія?

[Сюда относится нижеслѣдующее письмо къ Герцену.
Къ этому и другимъ письмамъ, гдѣ говорится о денежныхъ счетахъ, относится письмо Тургенева отъ 24—12 августа 1857, изъ Куртавнеля. „Р. Мысль", тамъ же, стр. 121—122.]

[1857].

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ,

Въ письмѣ посланномъ Вамъ недавно изъ Парижа, я вовсе не думалъ обвинять Тургенева въ неуплатѣ Вамъ моего долга; я прямо винилъ свою безпечность и говорилъ только, что съ той поры, какъ получилъ Вашу записку объ отдачѣ этихъ денегъ Тург.—я мало думалъ объ этомъ долгѣ, имѣя съ Тург. постоянные счеты.

Я не сказалъ въ моемъ письмѣ, будто этотъ долгъ въ настоящее время числю за Тургеневымъ; я *не писалъ* (не писалъ!) Вамъ, что эти деньги заплатитъ Вамъ Тургеневъ, изъ денегъ, которыя онъ будто въ настоящее время мнѣ долженъ. Напротивъ, я писалъ прямо, что деньги вышлю вамъ *я*, по возвращеніи въ Россію.

Письмо мое однакоже послужило источникомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя заставляютъ меня просить васъ 1) считать виновникомъ въ этомъ дѣлѣ единственно меня, а не Тургенева, который виноватъ передъ Вами развѣ въ томъ, что не взыскалъ съ меня этого долга посредствомъ полицейскихъ мѣръ; 2) послать Тург. или показать ему при случаѣ мое письмо къ Вамъ, писанное изъ Парижа; 3) извинить меня, что я вторично Васъ безпокою по дѣлу, въ которомъ непростительно виноватъ и которое въ весьма скоромъ времени наконецъ кончу высылкою Вамъ денегъ.—Н. Некрасовъ.

20 іюля с. с.

47.

21 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ, на дняхъ я тебѣ написалъ письмо на тему въ родѣ: пожалуйста не вѣрь, что я таскаю платки изъ чужихъ кармановъ. Тамъ я вложилъ письмо къ Г., котораго не посылай, а пошли прилагаемое при семъ, ибо, къ счастію, мнѣ удалось добыть денегъ и такимъ образомъ дѣло это будетъ разомъ покончено, т.-е. вмѣстѣ съ деньгами отправь письмо —и конецъ!

Рекселя на 3000 фр. написаны на твое имя, ты можешь сдѣлать на нихъ надпись и отослать по принадлежности [1]).

Говорятъ, пора ѣхать мнѣ на пароходъ. Письма къ Г. написать нѣкогда, пошли то, или не посылай никакого, или лучше вотъ что: у меня начато на дачѣ къ тебѣ письмо о разныхъ разностяхъ—я его допишу и въ него вложу и записку къ Г., гдѣ нужно будетъ между прочимъ приложить разсчетъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ противно все это дѣло. Будь здоровъ. Обнимаю тебя.—Твой Н. Некр.

48.

27 іюля, с. с. 1857. Петергофъ.

Любезный Тургеневъ. Я получилъ твою записочку, но Дружинина еще не видалъ; мнѣ больно было узнать, что тебѣ не хорошо. Вчера я видѣлъ Шипулинскаго, разговоръ зашелъ о тебѣ; онъ говоритъ, что у тебя невральгія—вещь, съ которой можно прожить сто лѣтъ . . . .

. . . .

Онъ говоритъ, что ты очень нервенъ и мнителенъ—вотъ твои болѣзни—и совѣтуетъ тебѣ поскорѣй воротиться домой и жить спокойнѣе, такъ какъ для твоего здоровья теплый климатъ не составляетъ необходимаго условія. Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ужь ее хорошо знаешь и съумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобъ начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! глупо, дико, глухо—и почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ „родныхъ полей“ и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я сложилъ вскорѣ по пріѣздѣ:

Въ столицѣ шумъ—гремятъ витіи
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цалуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ... [2]).

---

[1]) Послѣднія два слова написаны вмѣсто зачеркнутаго, кажется—„въ Лондонъ“.—А. П.

[2]) Варіантъ извѣстнаго стихотворенія.

Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянь,— дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь,—дрянью, о которой не стоитъ много думать.

Въ литературѣ движеніе самое слабое. Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи, сущій пуфъ. Эти Водовозовы и пр. едва умѣютъ писать порусски. Геній эпохи— Щедринъ... Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя! Противно раскрывать журналы—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ,—однообразно и бездарно! Въ „Русск. Вѣстн." впрочемъ появилась большая повѣсть Печерскаго „Старые годы"— тоже таланта немного, но интересъ сильный и смѣлость небывалая. Выведенъ крупный русскій баринъ во всей ширинѣ и безобразіи старой русской жизни—злодѣйствующій надъ своими подвластными, закладывающій въ стѣну людей – личность, передъ которою Стенька Разинъ—герой добродѣтели, а разница та, что Стеньку преслѣдовали, а этотъ всю жизнь пользовался покровительствомъ законовъ и достигъ „степеней извѣстныхъ". Еслибъ у автора побольше таланта—вышла-бы вальтеръ-скоттовская вещь. Я до сей поры еще не рѣшилъ, что дѣлать съ „Современникомъ". Не могу повѣрить, чтобъ набивая журналъ каждый годъ повѣстьми о взяткахъ, можно было не огадить его для публики, а другихъ повѣстей нѣтъ. Современное обозрѣніе, по плану, о которомъ мы съ тобой говорили, начнется съ 9 №.—Ч—скій малой дѣльный и полезный, но крайне односторонній,—что-то въ родѣ если не ненависти, то презрѣнія питаетъ онъ къ легкой литературѣ и успѣлъ въ теченіи года наложить на журналъ печать однообразія и односторонности. Бездна выходитъ книгъ, книжонокъ, новыхъ журналовъ, спекулирующихъ на публику—обо всемъ этомъ не говорится въ журналѣ ни слова! Не думаю, чтобъ это было хорошо. Вѣдь публика едва ли много поумнѣла со временъ Бѣл(инскаго), который умѣлъ ее учить и вразумлять, по поводу пустой брошюры. И много такихъ упущеній, обмертвившихъ журналъ. Пріѣзжай поскорѣе—надо подумать общими силами. Безъ тебя толку не будетъ. Говорю это не шутя. Только ты одинъ умѣешь и можешь навести меня на разумъ и заставить работать.—На дняхъ ты получишь нѣчто въ родѣ циркуляра, какъ „участникъ"; къ тебѣ можно бы и не посылать, но я пошлю для формы. Другіе „участники", не имѣющіе къ бездѣйствію такихъ уважительныхъ причинъ какъ ты, — тѣмъ не менѣе ничего не дѣлаютъ; девятая книжка (при которой

должно выдать объявленіе о подпискѣ) на носу, а ни отъ одного мы не имѣемъ ни строки.—Толстой вытребовалъ изъ Бадена денегъ по телеграфу, проигравшись тамъ—вотъ послѣднее отъ него извѣстіе. Островскій прислалъ подобное требованіе изъ Ярославля. Григоровичъ въ деревнѣ и не даетъ вѣсти о себѣ. Всѣ наши сѣтованія на участниковъ—минуютъ тебя, ты и такъ много сдѣлалъ для „Совр.", но все-таки, еслибъ ты теперь сдѣлалъ что-нибудь, то было бы лучше для тебя, а ужъ о журналѣ и говорить нечего.—На дняхъ воротились изъ Одессы братья Колбасины. Анненковъ въ Симбирскѣ. Гончаровъ гдѣ-то въ Германіи на водахъ.—Поклонись, если будешь писать, отъ меня Орлову. Будь здоровъ. Напиши мнѣ. Собаку еще не пробовалъ на охотѣ, но думаю, что она будетъ не дурна. Она собака умная, догадливая и не упрямая.—Твой Н. Некр.

[По поводу упоминанія объ Орловѣ (кн. Н. А.), Тургеневъ говоритъ въ письмѣ отъ 9—21 сентября 1857:... „Я видѣлъ Орлова, который велитъ тебѣ кланяться. Вообрази, онъ много стиховъ твоихъ знаетъ наизусть" („Р. Мысль", тамъ же, стр. 122).]

[Циркуляры:]

„Господину участнику Современника, Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

„Милостивый Государь!

„Редакція Современника имѣетъ честь представить Вамъ къ свѣдѣнію вѣдомость о числѣ подписчиковъ на Современникъ въ 1857 году и вмѣстѣ съ симъ считаетъ нужнымъ сообщить Вамъ слѣдующее:

„Значительное приращеніе подписчиковъ, происшедшее, какъ не сомнѣвается Редакція, преимущественно въ слѣдствіе объявленія объ исключительномъ участіи въ журналѣ четырехъ любимыхъ публикою писателей, налагаетъ на нихъ обязанность о поддержаніи и оправданіи этого довѣрія. Между тѣмъ дѣятельность гг. участниковъ до настоящаго времени весьма мало оправдывала ожиданія публики, слѣдствіемъ чего было:

а) Безчисленные толки въ публикѣ, неблагопріятные какъ для гг. участниковъ, такъ и для журнала.

б) Охлажденіе къ журналу.

в) Бѣдность беллетристическаго отдѣла въ журналѣ, сравнительно съ прежними его годами,—

„Что все вмѣстѣ можетъ привести журналъ къ паденію и потерѣ подписчиковъ, если настоящее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то-есть: если гг. участники соединенными силами и не теряя времени не исправятъ 1-го отдѣла журнала и не докажутъ тѣмъ публикѣ, что недѣятельность ихъ была случайная, не угрожающая продолжаться постоянно, какъ теперь публика начинаетъ думать это.

„Въ настоящее время, когда скоро необходимо будетъ выпускать въ свѣтъ объявленія объ изданіи журнала въ слѣдующемъ году—время, когда публика издавна привыкла встрѣчать въ немъ произведенія любимыхъ своихъ писателей, редакція не имѣетъ не только

ни строки ни отъ одного изъ господъ участниковъ, но даже ни одного вѣрнаго и срочнаго обѣщанія, на которое могла бы прочно разсчитывать. При увеличеніи числа журналовъ и мѣрахъ, принимаемыхъ другими редакціями къ обезпеченію себя, нынѣ невозможно, несмотря на готовность редакціи къ большимъ пожертвованіямъ, достать что-либо хорошее у другихъ интересующихъ публику писателей. Т. обр. журналъ въ виду приближающейся подписки находится въ самомъ жалкомъ положеніи. При недѣятельности гг. участниковъ онъ будетъ въ необходимости довольствоваться посредственными матеріалами и окончательно убѣдитъ публику во мнѣніи, что онъ лишился возможности поддерживать свое достоинство, утвержденное за нимъ многими годами.

„Для предупрежденія этого необходимы мѣры рѣшительныя и немедленныя, и эти мѣры находятся въ рукахъ гг. участниковъ. Редакціи необходимы для четырехъ послѣднихъ книжекъ нынѣшняго года и четырехъ первыхъ слѣдующаго *восемь* произведеній гг. участниковъ, т.-е. по два отъ каждаго, и въ такіе сроки, чтобъ эти произведенія непрерывно одно за другимъ являлись въ журналѣ, начиная съ сентябрской книжки.

„Извѣщая о семъ редакція покорнѣйше проситъ гг. участниковъ:

1) Немедленно доставить то что у нихъ изготовлено.

2) Опредѣлить точнѣе сроки доставленія своихъ дальнѣйшихъ произведеній.

„Употребляя съ своей стороны всѣ возможныя старанія къ поддержанію журнала, дѣлая значительныя и непредвидѣнныя (при заключеніи условій съ гг. участниками) издержки на улучшеніе другихъ его отдѣловъ, редакція надѣется, что и гг. участники съ своей стороны позаботятся о поддержаніи журнала, съ достоинствомъ котораго, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, связана ихъ собственная добрая слава, какъ людей, печатно обязавшихся передъ публикой содѣйствовать его успѣху".—Подписали: Иванъ Панаевъ. Ник. Некрасовъ.

С.-Петербургъ, іюля 30 дня 1857.

49.

[1857?].

Въ пятницу 18-го іюля высланы тебѣ двѣ пары сапоговъ—при нихъ мазь. Цѣна всему 39 р. 50, съ ящикомъ.

Василій проситъ написать, что ранѣе не могли быть высланы сапоги, ибо у Пеля всего одинъ работникъ.

Желаю тебѣ хорошо охотиться. Я пріѣхалъ въ городъ, чтобъ ѣхать (сегодня) въ Тверь, а оттуда на пароходѣ въ Ярославль. Я потомъ поѣду въ Москву, оттуда въ свою Владимір. деревню, а оттуда въ Нижній. На тебя надежды не имѣю, но если у васъ охота окажется изъ рукъ вонъ плоха, то можемъ съѣхаться въ Москвѣ и пред(примемъ) поѣздку вмѣстѣ.

Пиши, если вздумаешь, на мое имя въ Ярославль.—Твой Некр.

50.

[Письмо Панаева:]

Петергофъ. 14/26 Іюля. [1857].

Любезный другъ Тургеневъ,—я уже писалъ тебѣ о пріѣздѣ Некрасова и о полученіи твоего Грёза. Дай Богъ тебѣ силы для окончанія повѣсти,—а изъ четырехъ обязательныхъ до сихъ поръ никто ничего не прислалъ, и только время отъ времени получаются письма съ требованіемъ денегъ. Таковое получено мною сейчасъ отъ Островскаго, который упоминаетъ глухо, что пришлетъ *скоро*. Деньги тебѣ высланы Некрасовымъ 2 Іюля с. с.

При семъ прилагается вѣдомость о числѣ подписчиковъ на „Совр." по 30 іюня.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣй.—Твой П.

[Письмо Некрасова:]

Дѣла „Современника", любезный другъ, въ самомъ дѣлѣ не хороши. „Участники" уже поставили себя передъ публикою въ комическое положеніе, а журналъ въ трагическое. Клятвопреступный Григоровичъ продолжаетъ врать и ничего не дѣлать, остальные отличаются отъ него только тѣмъ, что меньше врутъ. Пиши Толстому, чтобъ присылалъ что-нибудь; въ тебѣ я не сомнѣваюсь; если не заѣдешь въ Парижъ, то сдѣлаешь что нибудь, а если заѣдешь, то сдѣлаешь великую глупость. Я тебѣ на дняхъ напишу побольше. Собака поправилась, гуляетъ со мною по парку. Я хочу на дняхъ уѣхать куда нибудь на охоту. Будь здоровъ.— Некрасовъ.

ВѢДОМОСТЬ №

о числѣ подписчиковъ на „Современникъ" 185 г. до 30 іюня 1857 года до 13-го іюля [1]).

		Экземп.	Руб.	коп.
1431	Иногородные, по пакетамъ	1701	—	—
	По книгѣ конторы:			
218	Съ пересылкою безъ уступки . . .	256	—	—
319	съ уступкою . . .	470	—	—
143	Безъ пересылки, безъ уступки . .	207	—	—
280	съ уступкою . . .	415	—	—
2391	Итого	3049	—	—
7	Въ кредитъ: по пакетамъ	6	—	—
55	разнымъ лицамъ	5	—	—
157	По требованію Газетной экспедиціи	134	—	—

[1]) Эти отмѣтки на полѣ сдѣланы рукой того же Вульфа на другомъ экз. „Вѣдомости", помѣченномъ № 13,—съ тѣми же цифрами въ рубрикахъ направо.—Этотъ второй экземпляръ подписанъ: К. Вульфъ.

		Экземп.	Руб.	коп.
146	По спискамъ Московской Конторы	219	—	—
407	Московской Конторы „Современника“ . . .	500	—	—
	Даровые:			
58	Съ доставкою	46	—	—
44	Безъ доставки	33	—	—
3,268	Всего	3992	—	—

51.

[1857].

Любезный Тургеневъ, наконецъ я получилъ твое письмо и очень тебѣ благодаренъ. Я хлопочу съ журналомъ, съ квартирой и ѣзжу на охоту, возвращаюсь домой только отсыпаться и наѣдаться,—поэтому нахожусь постоянно въ недосужномъ и нѣсколько усталомъ положеніи,—писать много нѣкогда. Поздравь Фета, поклонись В. Боткину и будь самъ здоровъ и спокоенъ.

Деньги отъ твоего дяди я получилъ.

Нелли имѣетъ отличное чутье, но непослушна и вообще не воспитана—я охочусь съ другой собакой; ружье твое употребляю бережно; оно убиваетъ на поваль на 80 аршинъ.—Пріѣхалъ П. Анненковъ. Третьяго дня я убилъ: 4 дупеля, 3 сѣр. кур., одного бекаса, 1 вальшнепа и чорнаго тетерева. Это впрочемъ самая удачная изъ моихъ охотъ нынѣшній годъ. Дупелей вообще очень мало, а завтра ужь Александровъ день! Видно, и не будетъ.

Я продолжаю бояться, что ты застрянешь въ Парижѣ. Не совѣтую, милый человѣкъ; не шути съ своими нервами и дѣйствуй рѣшительно, пока они въ порядкѣ; если развинтишь ихъ до той степени, какъ они были развинчены прошлой зимой—такъ опять не уѣдешь.

По совѣсти однакожь говоря, здѣсь въ своемъ родѣ ужасно противно.

Будь же здоровъ и доволенъ жизнію.—Твой Н. Некрасовъ.

29 с. с. Авг. Спб.

52.

[1857?].

Любезный Тургеневъ. Мнѣ совѣстно, что мы такъ давно къ тебѣ не писали и хоть въ сію минуту нѣкогда—однако напишу хоть нѣсколько строкъ. Во 1-хъ, спасибо тебѣ за твое письмо. Во 2-хъ, ради мы съ Боткинымъ, что ты повѣсть кончилъ, и нетерпѣливо желали бы ее прочесть поскорѣе (кстати: если нѣтъ особыхъ причинъ къ замедленію съ печатаніемъ, то 10 № „Современника“ жаждетъ принять ее въ свои объятія, или XI-ый)—

но вотъ въ чемъ дѣло—мы въ сію минуту всѣ разъѣзжаемся: Боткинъ въ Нижній, я въ Ярославль; итакъ, если прежде печатанія вздумаешь прислать кому изъ насъ повѣсть на прочтеніе, то Боткина не найдешь въ Москвѣ ранѣе 1-ыхъ чиселъ сентября, я же къ 20 августа буду въ Петербургѣ. Рѣшительно не знаю, что съ собой дѣлать касательно поѣздки. Мнѣ предстоитъ или уѣхать какъ можно скорѣе за границу или на 8 мѣсяцевъ запереться въ четырехъ стѣнахъ. На дняхъ на что нибудь рѣшусь, и тебѣ напишу.—Если вздумаешь прислать мнѣ свою повѣсть лишь для прочтенія, то я съумѣю обуздать въ себѣ рвеніе журналиста и спишусь съ тобой и даже—если велишь—рукопись обратно вышлю.

Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлѣбника"—да и „Постоялый Дворъ",—а романъ-то твой? Ты, кажется, о немъ не думаешь, а я рѣшительно утверждаю, что первыя его четыре главы превосходны и носятъ на себѣ характеръ той благородной дѣльности, отъ которой къ прискорбію такъ далеко отошла русская литература. Я велѣлъ Базунову отослать тебѣ 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ". Вотъ честный-то сынъ своей земли! Больно подумать, что частныя уродливости этого характера для многихъ служатъ помѣхою оцѣнить этого человѣка, который писалъ не то, что могло бы болѣе нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считалъ полезнѣйшимъ для своего отечества. И ложь въ этой борьбѣ, и талантъ, положимъ, свой во многомъ изнасиловалъ, но каково самоотверженіе! Какъ ни озлобляетъ противъ Гоголя все, что намъ извѣстно изъ закулиснаго и даже кой-что изъ его печатнаго, а все-таки въ результатѣ это благородная и въ русскомъ мірѣ самая гуманная личность—надо желать, чтобъ по стопамъ его шли молодые писатели въ Россіи. А молодые-то наши писатели болѣе наклонны итти по стопамъ Авдѣева. Грустно! И нѣтъ человѣка во всей литературѣ, нѣтъ критика, который хоть немного растолковалъ [бы], куда ведетъ путь, проложенный Авдѣевымъ и т. под.

Прощай, некогда... На дняхъ Бёрнса тебѣ послалъ.—Твой Н. Некр.

[Приписка Василія Боткина:]

12 Августа. Утро.

Сію минуту получилъ твое письмо,—а черезъ $^1/_2$ часа я ѣду въ Нижній—слѣд(овательно,) комисій твоихъ выполнить я теперь не въ состояніи. Я ворочусь въ Москву къ 1-му Сентября—и тогда все исполню и чай вышлю. Если тебѣ время не терпитъ, то

ради Бога извини меня—и потерпи; а теперь же притомъ и пробнаго чаю нѣтъ. Я нѣсколько дней назадъ послалъ тебѣ письмо съ квитанціей Бѣлинской. Получилъ ли ты его?—Весь твой В. Б.

53.

[1857, 10 сентября].

Милый Тургеневъ, Жизнь моя въѣхала въ обыкновенную колею, — цѣлый день чѣмъ-нибудь полонъ — хандрить некогда. Журналистика однакожъ мало меня занимаетъ, при теперешнихъ требованіяхъ я и не могу быть хорошимъ журналистомъ; однако, дѣлать что нибудь мнѣ необходимо; главнымъ образомъ изъ этого, признаюсь, вытекло мое намѣреніе, которое прочтешь въ прилагаемомъ письмѣ и которое, не сомнѣваюсь, одобришь. Дочери Бѣлинскаго уже 15 лѣтъ, у ней и у матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи; намъ такъ легко сдѣлать что нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже обѣщаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе. Если ты желаешь, то, для усиленія довѣрія въ литераторахъ и публикѣ къ предпріятію, можно присоединить твое имя; во всякомъ случаѣ я избираю тебя контролеромъ моимъ по этому дѣлу. Пиши мнѣ въ свое мнѣніе, увѣдомь Боткина (куда къ нему писать?), Васинька вѣрно напишетъ, скажи также Фету. Въ твоемъ содѣйствіи я не сомнѣваюсь. Знаешь ли, если книжка будетъ изрядная, то можно выручить въ приданное дѣвицѣ тысячъ десять серебромъ! Боюсь только, какъ бы не умереть, не сдѣлавши этого дѣла—тогда ты его докончишь, правда?—Я въ этомъ сборникѣ напечатаю извѣстную тебѣ мою поэму [1]). Я былъ у Вяземскаго—онъ меня увѣрялъ, что 2-е изданіе моей книги будетъ позволено и что меня не будутъ притѣснять. Посмотримъ!

До насъ въ Парижѣ доходили слухи, что твои повѣсти тихо идутъ. Это пустяки—осталось отъ 3000 всего 300 экз.!

Коршъ разошелся съ Катковымъ и будетъ издавать свою газету еженед. *Атеней*. Чичеринъ и нѣкоторые другіе сотрудники Рус. В. переходятъ къ нему; вина размолвки, по общему отзыву, лежитъ на Катковѣ.

Нашъ добрый все также милъ и мнѣ удалось подмѣтить, что долгая разлука развила въ немъ что-то въ родѣ нѣжности къ тебѣ.

Не увидишь-ли Орлова? Поклонись и скажи, что я бы на-

---

[1]) А какъ названіе? Еслибъ можно *Памяти Бѣлин.*, Собр. соч. р. и. и пр. [Замѣтка на полѣ письма. Некр.].

писалъ ему, да не знаю, куда. За свѣдѣнія, присланныя имъ мнѣ черезъ Эшмана я ему въ поясъ кланяюсь. Это будетъ мнѣ очень полезно.

Изъ опасенія чтобъ тебѣ не наняли сырую квартиру, мы съ Колбасинымъ рѣшились оставить за собою квартиру Панаева. въ Конюшенной—550 р.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣе.—Весь твой Некр.

10 сент. 1857 (утромъ снѣгъ). Спб.

Послѣдняя охота: утромъ 7 дупелей и коростель, вечеромъ 4 сѣр. куроп.—Сѣлъ на ноги!

---

10 сент. 1857.

Милостивый государь,

Нижеподписавшійся, лично обязанный весьма многимъ Бѣлинскому и убѣжденный, что никто изъ знавшихъ покойнаго не откажется доказать свою память о немъ чѣмъ возможно въ настоящее время,—предпринялъ изданіе сборника въ пользу семейства Бѣлинскаго и обращается къ Вамъ съ просьбою прислать статью для означеннаго Сборника.

Въ составъ Сборника войдутъ—статьи ученыя и беллетристическія, стихотворенія и замѣтки о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго.—Къ изданію будетъ приложенъ портретъ Бѣлинскаго, его факсимиле и снимокъ съ его почерка.

Всѣ деньги, которыя выручатся, за исключеніемъ необходимыхъ на печать, бумагу и переплетъ, будутъ предоставлены дочери Бѣлинскаго. По окончаніи о распродажѣ изданія участникамъ будетъ доставлено свѣдѣніе о расходахъ и вырученной суммѣ [1]).—Ник. Некрасовъ.

54.

25 дек. 1857. Спб.

Милый Тургеневъ. Авось ты не сердишься, что я не писалъ тебѣ столько времени. Начать писать къ тебѣ для меня значило бы вывести себя изъ усыпленія, въ которое мнѣ удалось погрузиться, по крайней мѣрѣ я этого боялся, поэтому же единственно не писалъ я и В. Боткину. Пьяницѣ лиха бѣда подойти къ бутылкѣ! О, Италія! ты чуть меня не погубила! Ты разбудила во мнѣ идеальныя требованія отъ жизни, отъ себя, отъ—. Совсѣмъ плохо приходилось. То ли дѣло здѣсь? Сплю и играю—и здоровѣю. Миръ вамъ, поздніе отзывы моло-

---

[1]) Послѣднимъ срокомъ доставленія статей назначается—1 янв. 1858 года; срокомъ выхода книги—конецъ февр. 1858.

дости! Благо вы заснули, спите же мертвымъ сномъ—никогда больше не поѣду въ Италію. Ты не сѣтуй на меня за бездѣйствіе: оно мнѣ физически полезно. Играю безъ страсти, оттого въ хорошемъ выигрышѣ.

Обнимаю тебя за повѣсть и за то, что она прелесть какъ хороша. Отъ нея вѣетъ душевной молодостью, вѣдь она—чистое золото поэзіи. Безъ натяжки пришлась эта прекрасная обстановка къ поэтическому сюжету и вышло что-то небывалое у насъ по красотѣ и чистотѣ. Даже Ч—скій въ *искреннемъ* восторгѣ отъ этой повѣсти. Замѣчаніе одно, лично мое, и то не важное: въ сценѣ свиданія. . . . . герой неожиданно выказалъ ненужную грубость натуры, которой отъ него не ждешь, разразившись упреками: ихъ бы надо смягчить и поубавить, я и хотѣлъ, да не посмѣлъ, тѣмъ болѣе, что Анн. противъ этого.

О журналѣ скажу, что серьезная часть въ немъ недурна и нравится, но съ повѣстями бѣда. Нѣтъ ихъ. Островскій послѣ долгаго бездѣйствія прислалъ слабую вещь, а Толстой такую, что пришлось ему ее возвратить! Подписка пошла было плохо; чтобъ поддержать ее, изобрѣли мы Историч. Библіотеку. Вслѣдъ затѣмъ открылась возможность перевесть *Дядю Тома*. Я рѣшился еще на чрезвычайный расходъ—выдаю этотъ романъ даромъ при 1-мъ №. Какъ скоро было это объявлено, подписка поднялась. Надо замѣтить, что это пришлось очень кстати: вопросъ этотъ у насъ теперь въ сильномъ ходу, относительно нашихъ домашнихъ негровъ. Долженъ я тебѣ сказать, что обязат. союзъ меня начинаетъ тяготить, связывая мнѣ руки: всякій чрезвычайный расходъ обращается въ выгоду обязательныхъ и въ неизбѣжный убытокъ мнѣ. А теперь эти чрезвычайные расходы неизбѣжны, и избѣгать ихъ—лучшій способъ зарѣзать журналъ. Рѣшаюсь ждать тебя и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь устроить такъ, чтобъ журналъ не кувырнулся окончательно. Читай въ „Совр". критику, Библіогр., Совр. Обозр. Ты тамъ найдешь мѣстами страницы умныя и даже блестящія: они принадлежатъ Добролюбову, человѣкъ очень даровитый.

„Русскій Вѣстн." продолжаетъ шумѣть, хотя менѣе. „От. Зап." продолжаютъ падать—все быстрѣе и быстрѣе—подписка на нихъ очень плоха. Дружининъ болѣнъ—онъ представляетъ нѣчто похожее на меня, года два тому назадъ. Очень его жаль.

Нашъ добрый здоровъ, но вотъ чудо! Изъ-за обѣда въ клубѣ онъ нынѣ постоянно выскакиваетъ послѣ третьяго блюда, желудокъ ему измѣнилъ.

Послѣ (вѣроятно, извѣстнаго тебѣ) указа о трехъ губерніяхъ,

нѣтъ, говорятъ, сомнѣнія, что „Зап. Ох." будутъ дозволены. Послѣ новаго года, Щербатовъ обѣщалъ поднять вопросъ о нихъ. Кстати разскажу тебѣ быль, изъ коей ты усмотришь, что благонамѣренность всегда пожнетъ плоды свои. По возвр. изъ-за границы тиснулъ я *Тишину*, а спустя мѣсяцъ мнѣ объявлено было, чтобъ я представлялъ свою книгу на 2-е изданіе. Но я до сей поры этого не собрался сдѣлать, за недосугомъ.

Пожалуйста поцалуй за меня Боткина. Я ему хочу писать.— Весь твой Некрасовъ.

PS. Отнынѣ безъ твоего разрѣшенія конечно не буду печатать ничего твоего въ „Легк. Чт.". Но „Помѣщ." („Помѣщика") ты мнѣ дозволилъ самъ, а что до „Провинціалки", то ты одно время предоставлялъ мнѣ всѣ свои драм. соч., и вотъ почему я счелъ себя въ правѣ ее тиснуть. За каждую изъ твоихъ вещей, тиснутыхъ въ „Л. Ч.", слѣдуетъ тебѣ по 300 р., которые ты можешь вытребовать, когда тебѣ угодно.

55.

17 марта. [1858].

Тотчасъ по полученіи твоего письма, любезный Тургеневъ, высылаю тебѣ 2.500 фр. Счетъ твой сдѣлаемъ завтра и пришлемъ. *Асю* посылаю съ этой-же почтой. Я такъ, должно быть, опустился, что даже Вульфъ меня не слушается—я своеручно вырѣзалъ и далъ ему отправить полтора мѣсяца тому назадъ экз. *Аси*, но оказывается, что онъ этого не сдѣлалъ—и ссылается на то, что онъ отправилъ тебѣ 1-ую книжку „Совр." и полагалъ, что Ася давно уже у тебя въ рукахъ. „Соврем." точно отправленъ къ тебѣ около 10-го января въ Римъ, и Богъ знаетъ, отчего ты его не получилъ.—На дняхъ выѣхалъ отсюда Анненковъ, сокрушавшійся, гдѣ-то онъ тебя отъищетъ; теперь ему дано знать о твоемъ маршрутѣ. Онъ можетъ быть тебя удержитъ еще на мѣсяцъ за границей, но ты хоть къ охотѣ да пріѣзжай непремѣнно. Очень пора.

О себѣ говорить не хочется, скажу только, что спокойствіе душевное и здоровье тѣлесное у меня одинаково ненадежны; въ сущности мнѣ было, есть и будетъ кисло; я не слишкомъ нравлюсь самому себѣ, а при постоянствѣ этого чувства хорошо не живется.—Дѣла идутъ недурно, карты я бросилъ (не проигравшись), подписка на „Современникъ" обѣщаетъ быть сотни на двѣ на три лучше прошлогодней,—это значитъ, что „Современникъ" въ слѣдующемъ году освободится отъ долговъ и будетъ приносить (при самыхъ широкихъ расходахъ) до 15/т. дохода. По-

жалуйста не думай, что корыстные разсчеты побудили меня къ уничтоженію обяз. соглашенія. Правда, и денежныя соображенія тутъ были, но такія, пренебречь которыми было бы неблагоразумно для самого дѣла: ты это увидишь изъ посылаемаго при *Асѣ* обращенія къ обязательнымъ сотрудникамъ. Толстой и Григоровичъ признали его справедливымъ, отъ Островскаго не имѣю отвѣта, въ тебѣ я не сомнѣвался, ибо зналъ, что ты хлопоталъ не для себя, а для меня и „Современника". Время покажетъ, что я не изъ жадности такъ распорядился, а изъ того, чтобъ заставить обяз. сотр. работать—и себѣ развязать руки. Прощай, будь здоровъ. Я тебѣ еще напишу въ Вѣну, на дняхъ.—Некр.

56.

[1858?].

Любезный Тургеневъ, я долго не писалъ тебѣ отвѣта, это оттого, что написалъ было, да слишкомъ много, взяло раздумье, изорвалъ. „Не нужно придавать ничему большой важности"— ты правъ. Я на этомъ останавливаюсь, оставаясь по прежнему любящимъ тебя человѣкомъ, благодарнымъ тебѣ за многое. Само собою разумѣется, что это ни къ чему тебя не обязываетъ. Будь здоровъ. Пред. тебѣ—Н. Некр.

5 апрѣля.

PS. Не попадешь ли въ Лондонъ, или нѣтъ ли въ Парижѣ готоваго ружья Ланкастера или Пёрдей, заряжаемаго сзади по новой системѣ. Если есть, я бы сейчасъ выслалъ тебѣ деньги, а дать знать можешь по телеграфу. Въ цѣнѣ можешь итти до 500 р. сер. Калиберъ побольше (12-й), тяжесть, длина ложи— все это такое, какое нужно для тебя самого. При этихъ ружьяхъ даютъ все, что нужно для дѣланія патроновъ. Если не полѣнишься исполнить эту просьбу, то очень обяжешь.

У насъ теперь время любопытное — но самое дѣло и вся судьба его впереди.

Обрати въ „Совр." вниманіе на романъ Потанина, прошу тебя объ этомъ, и на повѣсть Помяловскаго.

Писем. написалъ въ „Б. д. Ч." ужасную гадость, которая кабы касалась меня одного, такъ ничего бы. Объясняй и это какъ хочешь, но я и эту исторію оставилъ безъ послѣдствій. По моему всякая исторія, увеличивающая гласность дѣла, гдѣ замѣшана женщина, глупа и безсовѣстна. Но не всегда впрочемъ человѣкъ можетъ разсуждать такъ хладнокровно, и если онъ повторитъ что-нибудь подобное, не знаю, что будетъ. Я хотѣлъ сообщить это ему, но давать въ руки этого человѣка

документъ, касающійся не мѣня одного, дѣло рискованное. Вотъ тебѣ наши литературныя новости. Изорви это письмо.

57.

[1858?].

Спѣшу тебѣ написать, что на предложеніе твое я согласенъ, даже съ радостію, ибо никогда не гнался за барышомъ отъ „Зап. Ох.", о чемъ и тебѣ говорилъ.

Итакъ, я отступаюсь отъ права на „Зап. Охот.", но если въ повѣсти до 10-ти листовъ, то ты долженъ получить больше, чѣмъ получилъ за „Зап. Ох.", именно по 200 р. за листъ— цѣна, за которую продалъ свой романъ Гончаровъ *для журнала.*

Будь здоровъ и пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Здѣсь все еще продолжаются хлопоты о твоей квартирѣ, въ коихъ и я принимаю участіе. Квартиру ты будешь имѣть въ Б. Конюшенной.

Весь твой—Н. Некр.

58.

Воротившись недавно, я нашелъ у себя на столѣ письмо, которое при семъ посылаю. Я охотился хорошо, однако еще не наохотился досыта. Думалъ застать здѣсь дупелей, анъ нѣтъ— сегодня уже 27 августа—хоть бы одинъ дупель гдѣ показался. Видно, совсѣмъ не будетъ. Меня сильно разбираетъ еще пошляться прежде чѣмъ засяду на зиму—да не знаю куда кинуться. Напиши пожалуйста, пробудешь ли ты вальшнепное время у себя и около какого именно времени надо пріѣхать на вальшнеповъ. Я бы пріѣхалъ. Ну, будь здоровъ. Твой—Некрасовъ.

27 авг. 1858. Спб.

59.

[1858].

Я получилъ твое письмо и очень обрадовался тому, что ты работаешь. А я, грѣшный человѣкъ, подозрѣвалъ, что ты ничего не дѣлаешь, подобно мнѣ безпутному. Впрочемъ, я лѣтомъ немного написалъ, но поощренія со стороны цензуры не встрѣтилъ.

На дняхъ я обѣдалъ съ недавно вернувшимися изъ-за границы Боткинымъ и Анненковымъ—новаго отъ нихъ ничего не узналъ, да и имъ не сообщилъ. Кажется, и точно ничего нѣтъ новаго на свѣтѣ и отнынѣ не будетъ.

Воротился еще Дружининъ — онъ нѣсколько поправился, брюшко опять наклевывается.

Елисей Колбасинъ не ѣдетъ—и не имѣется отъ него никакихъ извѣстій.

Милый Полонскій въ Петербургѣ—съ женой. Онъ зацѣпилъ ее въ Парижѣ, — прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонскій, сватаясь, спрашивалъ ее, въ состояніи ли она будетъ жить на чердакѣ и питаться однимъ хлѣбомъ. Она отвѣчала: въ состояніи—и вѣрно не солгала. Въ настоящее время Полонскій готовится быть редакторомъ Кушелевскаго журнала,—журнала безъ сотрудниковъ, безъ матеріаловъ и безъ денегъ. Послѣднее всего страннѣе, но *вѣрно*. Такъ Кушелевъ хотѣлъ купить романъ Гончарова, но скромный нашъ капиталистъ Краевскій внесъ наличныя деньги, и романъ остался за нимъ.

Кстати—романъ этотъ проданъ за адскую сумму 7-мь т. отъ Краевскаго за помѣщеніе въ журналѣ и 3 за отдѣльное изданіе,—всего 10-ть! Пишу объ этомъ для того, чтобъ сказать между прочимъ, что если ты будешь столь многомилостивъ, что отдашь намъ свое новое произведеніе, то назначеніе цѣны будетъ зависѣть отъ тебя.—Деньги у насъ есть, и во всякомъ случаѣ ты долженъ получить съ листа не менѣе Гончаровскаго, даже бы надо прибавить, принимая въ соображеніе, что ты не занимаешь должности, которая едва-ли можетъ усилить интересъ романа въ глазахъ публики. Такъ, прелестнѣйшій обѣдъ въ тюремномъ замкѣ, я думаю, долженъ нѣсколько потерять. Сказать между нами, это была одна изъ главныхъ причинъ, почему я не гнался за этимъ романомъ, да и вообще молодому поколѣнію не много можетъ дать Гончаровъ, хоть и не сомнѣваюсь, что романъ будетъ хорошъ. Не нужно-ли тебѣ денегъ — я наигралъ въ послѣднюю недѣлю тысячи четыре и половину могъ бы тебѣ дать.

Играю я впрочемъ мало, т. е. стараюсь возвращаться домой къ 12-ти часамъ—и не всякій день ѣзжу.

Журналъ нашъ идетъ относительно подписки отлично—во весь годъ подписка продолжалась, и мы теперь имѣемъ до 4.700 подп. Думаю, что много въ этомъ „Современникъ“ обязанъ Ч—скому. *Валленрода* я тиснулъ, соблазнившись открывшеюся возможностію печатать Мицкевича, а переводъ дубовый—точно. Но *Мазепу* хвалятъ, по крайней мѣрѣ русскій стихъ хорошъ.

Послѣдними книжками „С.“, 9 и 10, надѣюсь, ты будешь доволенъ.

Прощай. Будь здоровъ и, окончивъ повѣсть, пріѣзжай къ намъ. Мнѣ кажется, съ твоимъ пріѣздомъ я брошу подлыя карты, которыя губятъ мое здоровье. Весь твой—Некрасовъ.

60.

[1861].

Любезный Тургеневъ, желаніе услышать отъ тебя слово, писать къ тебѣ у меня наконецъ дошло до тоски. Сначала я не писалъ потому, что не хотѣлось; потомъ потому, что думалъ, что ты сердишься; потомъ потому, чтобъ ты не принялъ моего писанія за желаніе навязываться на дружбу и т. д. Нѣтъ, ты этого не бойся—эти времена прошли, но все-таки выяснить дѣло не худо, чтобъ я могъ считать его порѣшеннымъ, а то мнѣ тысячу разъ ты приходилъ въ голову и всякій разъ неловкость положенія останавливала меня отъ писанія къ тебѣ. Передъ отъѣздомъ ты не нашелъ времени заѣхать ко мнѣ; сначала я приписалъ это случайности, а потомъ пришло въ голову, что ты сердишься. За что? Я никогда ничего не имѣлъ противъ тебя, не имѣю и не могу имѣть, развѣ припомнить то, что нѣкогда любовь моя къ тебѣ доходила до того, что я злился и былъ съ тобою грубъ. Это было очень давно и ты, кажется, понялъ это. Не могу думать, чтобъ ты сердился *на меня* за то, что въ „Современникѣ" появлялись вещи, которыя могли тебѣ не нравиться. То-есть не то, что относится такъ лично тебѣ—увѣренъ, что тебя не развели бы съ „Соврем." и вещи болѣе рѣзкія о *тебѣ собственно.* Но ты могъ разсердиться за пріятелей и, можетъ быть, иногда за принципъ—и это чувство, скажу откровенно, могло быть нѣсколько поддержано и усилено иными изъ друзей,—чтожь, ты, можетъ быть, и правъ. Но я тутъ не виноватъ; поставь себя на мое мѣсто, ты увидишь, что съ такими людьми, какъ Черн. и Добр. (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думалъ и какъ бы сами они иногда ни промахивались)—самъ бы ты также дѣйствовалъ, т. е. давалъ бы имъ свободу высказываться на ихъ собственный страхъ. Итакъ, мнѣ думается, что и не за это ты отвернулся отъ меня. Прошу тебя думать, что въ сію минуту хлопочу не о „Соврем." и не изъ желанія достать для него твою повѣсть—это, какъ ты хочешь—я хочу нѣкотораго свѣта относительно самого себя, и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебѣ. Это тебя насмѣшитъ, но ты мнѣ въ послѣднія нѣсколько ночей снишься во снѣ.

Чтобъ не ставить тебя въ неловкое положеніе, я предлагаю вотъ что: если я черезъ мѣсяцъ отъ этого письма не получу отъ тебя отвѣта,—то буду знать, что думать.

Будь здоровъ.—Твой Некрасовъ.

15 января 1861. Спб.

А. Н. Пыпинъ.

СОНЕТЫ

I.

Завѣтное сбылось. Я одинокъ.
Переболѣлъ и дружбой, и любовью,
Забылъ—и радъ забвенью, какъ здоровью,
И новымъ днемъ окрашенъ мой востокъ.

Заря! заря! Проснувшійся потокъ
Мнѣ шлетъ привѣтъ, подобный славословью;
Лазурь небесъ простерлась вѣчной новью,
И солнце въ ней единственный цвѣтокъ.

Сегодня праздникъ. Примиренный духъ
Прощается съ пережитой невзгодой.

Сегодня праздникъ. Просвѣтленный духъ
Встрѣчается съ постигнутой природой.

Сегодня праздникъ. Возрожденный духъ
Вѣнчается съ небесною свободой.

II.

Какъ ждутъ грозы засохшія поля,
Такъ сердце ждетъ страданій добровольныхъ,
Томящихъ пѣсенъ, жалобъ, словъ раздольныхъ,
Всего, что̀ душу мучитъ, веселя.

Средь вихря чувствъ кружиться безъ руля,
Молиться въ тѣсныхъ келіяхъ подпольныхъ,
Уплыть на крыльяхъ звоновъ колокольныхъ
И позабыть, что есть еще земля.

Но день насталъ—и съ робостью позорной
Спѣшу надѣть обычное ярмо:
Рабовъ, какъ я, увижу строй покорный,
И на душѣ у каждаго клеймо,

Ненужный трудъ, докучное веселье,—
И тайная мечта о темной кельѣ...

* * *

Мои друзья, когда умру я,
И жить начнетъ моя судьба,
Молитесь за меня, молю я,
Не какъ за божьяго раба.

Рабомъ я не былъ даже Бога,
Возмездья и наградъ не ждалъ.
Себя и міръ судилъ я строго
И лишь свободой оправдалъ.

Мои друзья, когда умру я,
Чтобъ жить межъ вами безъ конца,
Любите въ Богѣ, какъ люблю я,
Свободы вѣчнаго творца.

Н. Минскій.

ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ГААЗЪ

По новымъ матеріаламъ.

Напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ (янв., февр. 1897 г.) и дважды, затѣмъ, изданный отдѣльно, очеркъ жизни и дѣятельности Ѳедора Петровича Гааза вызвалъ полученіе авторомъ нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ перепискѣ князя Вяземскаго, въ чрезвычайно интересномъ собраніи различныхъ бумагъ, принадлежащихъ П. И. Щукину въ Москвѣ, и въ дѣлахъ московскаго тюремнаго комитета — оказались данныя, довольно ярко обрисовывающія какъ самого „святого доктора“ и его ближайшихъ сотрудниковъ, такъ и обстановку и среду, въ которыхъ онъ началъ и продолжалъ свое человѣколюбивое служеніе. Значительная часть этихъ данныхъ и свѣдѣній послужила матеріаломъ для настоящей статьи и является *первымъ* дополненіемъ къ первоначальной біографіи доктора Гааза. Въ составъ *второго* дополненія должно, со временемъ, войти подробное изслѣдованіе отношенія къ тюремному дѣлу въ Москвѣ двухъ замѣчательныхъ вице-президентовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества—князя Д. В. Голицына и митрополита Филарета, а также очеркъ дѣятельности современника Гааза—товарища его по тюремному комитету—А. Н. Львова.

I.

Открытіе въ Москвѣ, въ 1829 году, комитета попечительнаго о тюрьмахъ общества, въ составъ котораго московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ былъ призванъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, имѣло огромное вліяніе на всю жизнь и дѣятельность послѣдняго. Предавшись заботѣ объ участи арестантовъ съ неизсякающею любовью и неустанною энергіею, Гаазъ постепенно оставилъ свою врачебную практику, роздалъ свои средства и, совершенно забывая себя, отдалъ все свое время и всѣ свои силы на служеніе „несчастнымъ", сходясь во взглядѣ на нихъ съ воззрѣніемъ простого русскаго человѣка.

Состояніе тюремнаго дѣла въ Россіи, предъ введеніемъ тюремныхъ комитетовъ, было самое печальное. Даже въ столицахъ —полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами, безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось рѣдко и не серьезно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собою ослабѣвшихъ въ пути, больныхъ и даже мертвыхъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ...

Приводимыя ниже данныя даютъ возможность нарисовать себѣ вѣрную картину того, чѣмъ были въ Москвѣ, предъ выступленіемъ на поле тюремной дѣятельности доктора Гааза, московскія арестантскія помѣщенія—и какія задачи выдвигались на первый планъ представителями мѣстнаго тюремнаго начальства. Изъ нихъ видно также, какъ медленно, съ остановками и по временамъ даже съ обращеніями вспять, двигалось у насъ, не взирая на насущныя требованія жизни, науки и человѣчности—

дѣло тюремнаго устройства въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошлаго вѣка.

Однимъ изъ выдающихся эпизодовъ пребыванія императора Александра I въ Лондонѣ, въ 1814 году, было знакомство его съ квакерами: французомъ Грелле де-Мобилье и англичаниномъ Алленомъ. Связанные общностью взглядовъ и исповѣдуемаго ученія, строгіе и вмѣстѣ трогательные въ своей простотѣ и правдивости—„друзья" были замѣчательными людьми. Первый, по выраженію А. Н. Пыпина, былъ „настоящимъ странствующимъ рыцаремъ религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія",—за второго говоритъ уже то, что онъ былъ помощникомъ и товарищемъ Роберта Оуэна въ основанной на довѣріи къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы организаціи знаменитой нью-ланаркской колоніи. Квакеры нерѣдко искали свиданій съ монархами, стараясь найти наиболѣе надежный путь къ осуществленію „на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія". Они видѣлись съ Петромъ Великимъ, въ которомъ, по выраженію историка квакерства Кеннингема, „высочайшій геній привился удивительнымъ образомъ къ самому дикому корню",—но не понравились ему тѣмъ, что, по своимъ правиламъ, не обнажили предъ нимъ головы и даже вызвали въ немъ сомнѣніе—не іезуиты ли они? Грелле и Алленъ желали изложить свои мечты о мирѣ побѣдителямъ Наполеона. Встрѣченные категорическимъ заявленіемъ прусскаго короля, что лучшее средство для достиженія мира есть война,—„друзья" нашли гораздо болѣе теплый и внимательный пріемъ у русскаго императора. Онъ бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ вопросахъ, о „внутреннемъ богомысліи" и о желательности прекратить войну. Со свойственной квакерамъ искренностью, Грелле говорилъ ему о чрезвычайной отвѣтственности предъ Богомъ неограниченнаго монарха огромной страны—и вызвалъ этимъ слезы у Александра, который, взявъ обѣими руками его руку, сказалъ ему въ отвѣтъ: „Эти слова ваши надолго останутся въ моемъ сердцѣ".

Приглашенные посѣтить Россію и явиться прямо къ императору, какъ къ „другу и брату"—Алленъ и Грелле пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ 1818 г. Наивно и довѣрчиво очарованные „открытымъ сердцемъ" министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, они были дважды приняты императоромъ. Онъ много говорилъ съ ними о религіозно-нравственномъ воспитаніи, обѣщалъ, что видѣнные ими въ русскихъ тюрьмахъ безпорядки и жестокости *не повторятся* болѣе, стоялъ съ ними

на колѣняхъ во время молчаливой молитвы, отпустилъ ихъ со слезами и объятіями и даже, если вѣрить Кеннингему, поцѣловалъ у Аллена руку.

Свиданіе это отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, на пріемѣ, оказанномъ имъ въ Москвѣ, которому предшествовала особая рекомендація ихъ московскому военному генералъ-губернатору графу Тормасову († 13 ноября 1819) со стороны министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Такія рекомендаціи обыкновенно предшествовали появленію въ Москвѣ лицъ, которыхъ принято называть „étrangers de distinction". Такъ, еще въ 1803 году московскій оберъ-полиціймейстеръ, бригадиръ Спиридовъ, писалъ завѣдывавшему дворцами въ Москвѣ, Кожину, что „его сіятельство начальствующій въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ предписать мнѣ изволилъ, чтобъ прибывшему въ сію столицу изъ Америки г-ну Шмиту по знаніямъ и отличностямъ своимъ удостоеннаго благосклоннѣйшаго пріема отъ всего высочайшаго двора, въ бытность ево сдѣсь оказывать нужное способствованіе, что вояжиру сему въ видѣ выгодъ или удовлетворенія любопытству его полѣзно быть можетъ", и потому „за долгъ себѣ поставлялъ просить сему вояжиру показать редкости оружейной палаты", обѣщая „когда онъ расположенъ будетъ для смотренія, о томъ наканунѣ чрезъ нарочно посланнаго не преминуть известить".—„По качествамъ своимъ,—писалъ въ 1819 году кн. А. Н. Голицынъ Тормасову, —г.г. Алленъ и Греллетъ, лично извѣстные Государю Императору, суть весьма почтенныя особы и по благотворнымъ предпріятіямъ повсюду уважаемые". Со своей стороны, Тормасовъ, предписывая оберъ-полиціймейстеру Шульгину оказывать прибывшимъ квакерамъ всякое содѣйствіе, озаботился устранить могущія возникнуть при встрѣчѣ ихъ съ „начальствомъ" недоразумѣнія и ихъ возможныя непріятныя и едва ли привычныя, для „уважаемыхъ по своимъ предпріятіямъ особъ, послѣдствія". „За нужное считаю дать Вамъ знать,—разъяснялъ онъ Шульгину,—что по обыкновенію, въ обществѣ квакеровъ принятому, члены этого не снимаютъ ни въ какомъ мѣстѣ и ни предъ кѣмъ шляпъ, кромѣ того, когда сами заблагоразсудятъ;—о семъ обычаѣ ихъ нужно напередъ давать знать во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, кои они посѣщать будутъ"...

Квакеры проявили въ Москвѣ чрезвычайную дѣятельность. По ежедневнымъ рапортамъ полиціймейстера Ровинскаго и по донесеніямъ частныхъ приставовъ, можно прослѣдить ихъ пребываніе въ Москвѣ въ теченіе мѣсяца день за днемъ. Своего

рода почтительный присмотръ, подъ которымъ они находились, даетъ возможность узнать не только, гдѣ они побывали, чтò покупали и кто бывалъ у нихъ, но и нѣкоторыя мелкія подробности ихъ жизни въ Москвѣ. Такъ, мы узнаемъ, что 30 марта Д. Н. Лопухина, училище которой они посѣтили, подарила одному изъ нихъ вышитый мѣшечекъ для часовъ, другому—шитый коврикъ по канвѣ, а гражданскому губернатору — шнурочекъ для часовъ. Почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, квакеры приступили къ интересующимъ ихъ осмотрамъ, такъ что предписаніе Тормасова, отъ 18 марта, еще, вѣроятно, не успѣло обычнымъ порядкомъ дойти до Шульгина, когда въ часъ дня, 18-го же марта, они уже прибыли въ губернскій тюремный замокъ, а затѣмъ посѣтили Сущевскую, Мѣщанскую и Срѣтенскую части, а на другой день были еще въ четырнадцати частяхъ (всѣхъ частей въ Москвѣ было двадцать) и въ арестантскомъ помѣщеніи при управѣ благочинія. Благодаря такой недремлющей любознательности, имъ удалось увидѣть арестантскія помѣщенія Москвы въ *ихъ настоящемъ видѣ*, о чемъ они сами, судя по рапорту Ровинскаго отъ 26 марта, засвидѣтельствовали, посѣтивъ Екатерининскій и Александровскій институты и Маріинскую больницу, и „оставшись довольны чистотою, но только сказавъ, что имъ бы желалось, чтобы они вездѣ могли такъ быть, какъ осматривали полицію, — *въ какомъ видѣ есть*, а не такъ, какъ въ прочихъ, вездѣ ихъ ожидаютъ и къ ихъ осмотру приготовляются“.

Поэтому, донесенія приставовъ и рапорты Ровинскаго о томъ, чтò нашли и чтò сказали въ тюремныхъ помѣщеніяхъ „американскіе вояжеры“, какъ ихъ назвалъ рогожскій частный приставъ —могутъ считаться цѣннымъ свидѣтельствомъ о состояніи этихъ помѣщеній—и свидѣтельствомъ притомъ достовѣрнымъ, хотя, вѣроятно, даннымъ неохотно. Недаромъ Ровинскій отмѣчаетъ, что американскіе *чиновники* (sic!) все записывали „по-англински“ въ записную книжку. Оказывается, что квакеровъ, прежде всего поразило содержаніе въ одномъ общемъ помѣщеніи мужчинъ и женщинъ. Такъ, при осмотрѣ „сибирокъ“, при Мѣщанской и Срѣтенской частяхъ—имъ *не понравилось*, что мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ; при посѣщеніи сибирокъ въ Тверской части они указали на необходимость запирать дверь изъ мужской въ женскую сибирку, а содержаніе въ Рогожской сибиркѣ трехъ женщинъ вмѣстѣ съ шестнадцатью мужчинами нашли *непристойнымъ* и, наконецъ, выразили *неудовольствіе*, найдя въ Хамовнической части спящую женщину и съ нею одного арестанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ поразила грязь во многихъ помѣщеніяхъ,

отсутствіе необходимѣйшихъ приспособленій для отдыха и для сна и полное отсутствіе заботы о чистомъ воздухѣ. Такъ, напримѣръ, про Яузскую часть Ровинскій пишетъ: „оная имъ *показалась*; только сибирка очень мала и тѣмъ недовольны, что воздухъ въ оную *ни откуда не проходитъ* и нѣтъ въ оной наръ". Впрочемъ, нечистота, повидимому, была обычнымъ явленіемъ въ тогдашней Москвѣ. Въ военно-сиротскомъ отдѣленіи квакеры были довольны обученію дѣтей, но были изумлены нечистотою, о степени которой можно судить уже потому, что они отдавали въ этомъ отношеніи громадное преимущество даже губернскому тюремному замку, съ его неподвижными нарами, парашами и т. п. Точно также нашли они большую нечистоту въ содержаніи и помѣщеніи воспитанниковъ въ гимназіи Ланга на Кисловкѣ.

Въ лаконическихъ рапортахъ Ровинскаго есть одна характерная для него лично черта. Тогдашній московскій оберъ-полицій-мейстеръ Шульгинъ, былъ, по отзыву графа Н. Н. Муравьева-Карскаго, „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, большой крикунъ, хлопотунъ, любившій разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда собственноручно поколотить"...

Нѣкоторые оффиціальные документы средины двадцатыхъ годовъ подтверждаютъ эту характеристику Шульгина, рисуя взгляды и натянутыя отношенія съ русскимъ правописаніемъ этого типическаго представителя администраціи того времени. Такъ имѣется его собственноручное утвержденіе на объявленіи „Кабинета восковыхъ фигуръ господина Серазнини въ двухъ исторіяхъ", причемъ во второй „исторіи" (римской) значатся слѣдующіе пункты, касающіеся Лукреціи и Тарквинія: 1) „Люгриссія Римская и Императоръ Тарквиніо хотѣлъ влюбится въ Люгриссію насильно; такъ она не захотѣла его любить и ударила себя въ грудь кинжаломъ", и 4) „первый сенаторъ римской Кулятино узналъ, что Люгриссія закололася, такъ онъ разсердился на Тарквиніо и хочетъ на него итти сраженіемъ, что онъ худо вдѣлалъ".

Впрочемъ, нѣкоторыя его соображенія бывали хотя и „недальни", но своеобразны. Такъ напр., на отношеніи директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, о содѣйствіи къ раздачѣ билетовъ на концертъ въ пользу инвалидовъ, онъ написалъ 15 марта 1823 г.: „Отвѣчать повѣстить полиція можетъ а к продажѣ билетовъ приступить не можетъ! Нейдіотъ ей онымъ занятся. Просить и потвердить обыватѣлямъ что с моей стороны возможно будетъ употреблю стараніе".—22 августа того же года, онъ

пишетъ московскому генералъ-губернатору на предписаніе съ препровожденіемъ прошенія мѣщанина Аверкіева о дозволеніи ему построить амфитеатръ для травли звѣрей близь Калужской заставы:—„честь имѣю донести, что какъ таковое заведеніе уже существуетъ за Тверскою заставою, то устроивать другое щитаю я излишнимъ; ибо вопервыхъ: занятье сего рода не представляетъ для глазъ благомыслящихъ людей пріятнаго зрѣлища и никакого не приноситъ удовольствія,—а вовторыхъ при бываемомъ въ таковыхъ случаяхъ стеченіи чернаго народа, пріобыкшаго большею частію смотрѣть съ хладнокровіемъ, и даже съ восхищеніемъ на травлю звѣрей, долженъ имѣться неослабный надзоръ, чтобъ не произошло чего-либо непріятнаго отъ случающаго обыкновенно при семъ зрѣлищѣ народа пьянаго. По симъ обстоятельствамъ я полагаю достаточнымъ одного Амфитеатра, нынѣ за Тверскою заставою существующаго, гдѣ безъ того требуется уже неослабное наблюденіе за порядкомъ. Аверкіевъ же единственно имѣетъ въ предметѣ то, чтобъ воспользоваться выгодою для себя устроивъ таковое заведеніе, которое впрочемъ не приноситъ никакой пользы".

Отдалъ Шульгинъ свою дань и заботамъ о „благопристойной наружности" обывателей, рекомендуя, въ іюнѣ того же года, полиціймейстеру Обрезкову сдѣлать распоряженіе объ объявленіи „всѣмъ неслужащимъ чиновникамъ, но и служащимъ по Статской службѣ, въ особенности же *молодымъ вертопрахамъ* изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, чтобы они усовъ отнюдь не носили, тѣмъ же изъ нихъ кто оныя имѣютъ приказать выбрить подтвердивъ имъ притомъ что если кто послѣ сего замѣченъ будетъ въ Усахъ то полиція заставитъ непослушнаго оныя сбрить противъ его желанія".

Допуская въ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ всяческую гигіеническую и моральную „непристойность", Шульгинъ съ горячею любовью относился къ устройству пожарной части въ Москвѣ, къ развитію, въ отношеніи дѣятельности пожарной команды, въ чинахъ полиціи особой распорядительности и вниманія. Повидимому, эта сторона при его предшественникахъ была въ небреженіи, такъ какъ еще въ концѣ XVIII вѣка московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, издалъ по полиціи дидактическій приказъ, въ которомъ, къ сожалѣнію своему, „примѣтить былъ долженъ, что не только офицеры, квартальные и помощники, но и частные нѣкоторые приставы, какъ скоро начальникъ отойдетъ, то оныя начнутъ разговаривать между собою, и люди стоя никто не работаетъ, тогда какъ уже до-

вольно изъяснено что офицеръ и по одному благородному званію не тогда долженъ быть исправенъ, когда начальники видятъ, и въ то время кричатъ работай, послѣднѣе доказуетъ только *подлость духа*; но офицеръ для того здѣланъ, чтобъ онъ былъ гласъ начальства своего, и гдѣ онаго нѣтъ занималъ бы его мѣсто, а тѣмъ самымъ и достигать можно до вышнихъ мѣстъ, *благородство сопряжено быть должно съ амбиціею или честолюбіемъ*, которое повелѣваетъ, какую бъ на кого коммисію ни возложили, хотя бъ самую ничтожную, исполнить стараться лучше всѣхъ при таковой бывшихъ, и сей неложной заслуживаетъ званіе благородняго человѣка, а противной тому онаго недостоинъ".

Недаромъ современная Шульгину лубочная картинка, съ подписью: „Действіе московской пожарной команды во время пожара", изображала его залихватски стоящимъ на своеобразныхъ дрожкахъ-калиберѣ, влекомыхъ несущеюся парою съ пристяжкою и сопровождаемыхъ казакомъ и жандармомъ. Подъ эту любовь поддѣлывался и полиціймейстеръ Ровинскій, а быть можетъ и искренно раздѣлялъ ее. Поэтому онъ не воздержался, чтобы не похвастать предъ квакерами пожарнымъ обозомъ и лошадьми, несмотря на то, что такое обозрѣніе не входило вовсе въ ихъ задачу и даже могло ихъ навести на нѣкоторые грустные сравнительные выводы. Въ первый же день осмотровъ—онъ завезъ ихъ въ пожарное депо, „гдѣ обозъ былъ заложенъ въ $3^1/_2$ минуты, что очень понравилось"; на слѣдующій день, въ Пречистенской части имъ пришлось „смотрѣть, гдѣ стоятъ пожарныя лошади, а потомъ—гдѣ канцелярія". Въ тотъ же день, Ровинскій, очевидно не безъ досады, отмѣчаетъ: „гдѣ теперь пожарная команда въ Басманной части — не пожелали видѣть, а сибирка за *необширностію* имъ не понравилась"...

Свой взглядъ на „предметы, требующіе неукоснительнаго исправленія", Алленъ и Греллетъ, изложили въ запискѣ, представленной ими управляющему министерствомъ полиціи и касающейся арестантскихъ помѣщеній въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Твери. Вотъ эти „предметы":

„1) Худое состояніе и слабость многихъ тюремъ, колодничьихъ, арестантскихъ, что заставляетъ тюремщиковъ на съѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты привязываются къ большимъ колодамъ, сверхъ того для лучшей безопасности часовые поставлены внутри арестантской и такимъ образомъ находятся между самыми развращенными людьми, между тѣмъ какъ за небольшія издержки сіи арестантскія могутъ быть

сдѣланы безопаснѣе, и часовые, находясь внѣ оныхъ, не имѣли бы сообщенія съ арестантами.

2) Нераздѣленіе содержащихся по однимъ подозрѣніямъ, или за легкія вины, или такихъ, которые еще слишкомъ молоды, отъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

3) Нераздѣленіе женщинъ отъ мущинъ, хотя жъ въ иныхъ съѣзжихъ дворахъ женщины и отдѣлены отъ мущинъ, но часовые находятся съ ними здѣсь и ночь.

4) Многія изъ сихъ арестантскихъ слишкомъ малы, а въ нихъ содержатся множество арестантовъ.

5) Нечистота и дурной запахъ во многихъ арестантскихъ, коихъ стѣны, кажется, очень уже давно не были выбѣлены и кои во многихъ мѣстахъ покрыты клопами.

6) Худой порядокъ въ отхожихъ мѣстахъ, куда мущинъ и женщинъ водятъ солдаты.

7). Долговременное заключеніе арестантовъ до рѣшенія ихъ дѣла".

Записка квакеровъ была, между прочимъ, препровождена и къ графу Тормасову, который предписалъ Шульгину сдѣлать по указаніямъ квакеровъ „надлежащія распоряженія" и отъ себя прибавилъ о „взятіи строгихъ и точныхъ мѣръ, чтобы всѣ арестанты имѣли какое-либо занятіе или работу, и ни одинъ праздно не сидѣлъ". На отдѣленіе женщинъ отъ мужчинъ не было, однако, обращено особаго вниманія, и во многихъ мѣстахъ продолжался, какъ мы упомянемъ ниже, прежній порядокъ, несмотря на то, что изъ Полнаго Собранія законовъ видно, что еще въ 1744 году св. сѵнодъ сообщалъ сенату о дьяконовомъ сынѣ Марковѣ, который содержался въ Новгородѣ, скованный съ чужою женою по ногѣ, а его жена, въ другой камерѣ, была скована съ постороннимъ мужчиной—и что уже въ 1787 г., въ собственноручномъ проектѣ Екатерины II, въ п.п. 4 и 22, проведено строгое раздѣленіе половъ и въ губернской тюрьмѣ признано необходимымъ устроить четыре казармы: для *шельмованныхъ*, для скованныхъ, для нешельмованныхъ и для нескованныхъ мужчинъ—и особую для *женщинъ*.

Какъ и слѣдовало ожидать, распоряженія эти были приняты въ значительной своей части лишь „къ свѣдѣнію"—и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ „къ исполненію". Вниманіе московской администраціи было обращено на другіе, болѣе важные, по ея мнѣнію, предметы. Тормасовъ вскорѣ умеръ, а Шульгинъ, находя, что посѣщеніе квакеровъ относится уже къ прошедшему, а возможность пожаровъ—къ настоящему, не очень торопился поста-

вить заботу объ арестантскихъ помѣщеніяхъ на равную степень съ заботою о блестящемъ положеніи пожарнаго обоза. Это видно изъ того, что почти чрезъ десять лѣтъ въ 1828 году, въ Москвѣ, княземъ Голицынымъ обнаружено совмѣстное содержаніе въ одномъ и томъ же арестантскомъ помѣщеніи—людей идущихъ въ ссылку съ больными заразными недугами и съ привезенными съ исполосованными спинами послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія,—а при полицейскихъ частяхъ найдены тѣсныя, темныя и загаженныя „секретныя", куда сажали арестантовъ на цѣлыя недѣли по три человѣка сразу. Это существовало и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ посѣщенія Москвы „американскими вояжерами". Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Д. А. Ровинскій, сынъ полицейскаго Виргилія, водившаго нѣкогда иностранныхъ Дантовъ по „сибиркамъ", долженъ былъ, въ качествѣ губернскаго прокурора, энергически настаивать на уничтоженіи въ Басманной части семи подвальныхъ темницъ, называвшихся „могилами" и убивавшихъ зрѣніе людей, „числившихся за частнымъ приставомъ" —и на упраздненіи при другихъ частяхъ „клоповниковъ" со всѣми, вытекающими изъ ихъ названія, принадлежностями. Даже до шестидесятыхъ годовъ московскіе частные полицейскіе дома не гонялись за славою мало-мальски порядочныхъ арестантскихъ помѣщеній при своихъ „съѣзжихъ".

Если, во времена Ровинскаго-отца, своимъ обозомъ и лошадьми особенно славились Пречистенская и Басманная части, то во времена Ровинскаго-сына—Тверская и Городская части по справедливости славились мастерскимъ производствомъ въ нихъ „сѣкуцій". „Въ доброе старое время,—писалъ Д. А. Ровинскій въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, оглядываясь на свою старую прокурорскую службу,—экзекуція производилась въ Частныхъ Домахъ по утрамъ;—части Городская и Тверская славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во время барынину собачку—всыплютъ сотню,— и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки,—и той всыплютъ сотню,—барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже кто въ чемъ виноватъ,—присланъ *поучить*, ну значитъ и виноватъ. Хорошее было время: стонъ и крикъ стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки".

Едва ли въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, кромѣ, быть можетъ, Петербурга, указанія квакеровъ вызвали серьезныя и искреннія мѣры. Доказательствомъ тому, какъ далека была отъ своего

практическаго осуществленія программа квакеровъ, основаніемъ которой служила необходимость разъединенія арестантовъ, служатъ позднѣйшія законодательныя распоряженія по тюремной части. Такъ, лишь 4 октября 1826 года предписано отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ и малолѣтнихъ отъ взрослыхъ и лишь 18 ноября 1828 года установлено отдѣленіе подслѣдственныхъ арестантовъ отъ срочныхъ, при чемъ это распоряженіе такъ плохо соблюдалось, что его пришлось подтвердить въ 1832, въ 1845 и въ 1851 годахъ — и несмотря на это еще въ 1863 году владимірское губернское начальство указывало на вредныя послѣдствія отъ содержанія въ тюрьмахъ владимірской губерніи, въ одной камерѣ—грабителей, убійцъ и обыкновенныхъ воровъ, — подсудимыхъ и слѣдственныхъ вмѣстѣ. Такъ, болѣе чѣмъ чрезъ 45 лѣтъ послѣ отъѣзда гг. Аллена и Греллета изъ Россіи, въ 1863 г. бессарабскій губернаторъ доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о тюрьмахъ ввѣренной его управленію области, что достаточно войти въ нихъ, чтобы придти въ ужасъ отъ сырости и гнилого воздуха, отъ полнѣйшей праздности арестантовъ, отъ совершеннаго отсутствія всего, чѣмъ только можетъ обусловливаться нравственное преобразованіе заключенныхъ, среди которыхъ хорошему человѣку достаточно пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться, почему неудивительно, что острогъ у насъ называется „школою разврата", и, очевидно, ничѣмъ инымъ и быть не можетъ. Въ подобныхъ же отзывахъ губернаторовъ—вологодского и калужскаго—указывается на то, что неимѣніе арестантами никакихъ занятій вызываетъ такое растлѣніе тюремнаго населенія, что рѣдкій, попавшій въ тюрьму хотя бы и случайно, возвращается въ общество не вполнѣ развращеннымъ, ибо тюрьмы въ этихъ двухъ губерніяхъ сдѣлались не мѣстами исправленія, а разсадниками преступленій.

При такомъ положеніи вещей въ Европейской Россіи, трудно было ожидать чего-либо лучшаго въ лишенной постояннаго и дѣйствительнаго надзора странѣ, про которую одинъ изъ героевъ комедій Островскаго („Свои люди—сочтемся") говоритъ: „что Сибирь!.. *далеко* Сибирь!.." Достаточно, въ этомъ отношенія, привести описаніе усть-карійской тюрьмы въ запискѣ, составленной въ 1874 году генералъ-адъютантомъ Посьетомъ, сопровождавшимъ въ путешествіи по Сибири великаго князя Алексѣя Александровича. „Въ камерахъ тюрьмы, въ которыхъ по обыкновенному казарменному распредѣленію было бы помѣщено человѣкъ двадцать-пять, арестантовъ набито до восьмидесяти, и въ нѣкоторыхъ

женщины помѣщены вмѣстѣ съ мужчинами. Сама тюрьма такъ ветха, что едва держится, и какъ въ ней, такъ и въ госпиталѣ, зимой, по свидѣтельству арестантовъ, которое не опровергалось ближайшимъ начальствомъ, часто бываетъ не больше 5⁰ тепла. Госпиталь, въ полномъ смыслѣ, набитъ больными, почти исключительно цынготными; ихъ положено въ каждой палатѣ двойное и тройное число противъ числа, которое бы могло помѣститься. Больные лежатъ въ кроватяхъ и на полу, и для прохода по палатамъ оставлена только узкая дорожка между больными, почти сплошь покрывающими полъ госпиталя. Докторъ (единственный для трехъ пріисковъ, расположенныхъ на протяженіи двадцати пяти верстъ) самъ въ цынгѣ и ходитъ на костыляхъ". Переполненіе тюремъ, на которое указывалъ адмиралъ Посьетъ, было явленіемъ всеобщимъ и, такъ сказать, органическимъ. Въ 1872 году, по переписи арестантовъ, произведенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ Европейской Россіи и привислянскомъ краѣ оказалось 70.500 арестантовъ, на *семь тысячъ* больше, чѣмъ можетъ ихъ, согласно самому скупому разсчету, по кубическому количеству воздуха, помѣститься. Крайне осторожныя статистическія данныя того же министерства содержатъ указаніе на то, что въ шестидесятыхъ годахъ тюремныя помѣщенія составляли только около 22% дѣйствительной потребности, причемъ скученное населеніе *карательныхъ* тюремъ превышало размѣры помѣщеній на 37%.

II.

Въ замѣчательномъ проектѣ, выработанномъ и собственноручно писанномъ Екатериною II, уже звучатъ, ясно и опредѣленно, звуки того человѣколюбія, слѣдовъ котораго не находили, однако, въ нашихъ тюрьмахъ ни квакеры, ни Венингъ, ни первые дѣятели попечительнаго о тюрьмахъ Общества, ни, въ особенности, докторъ Гаазъ, постоянно поставляемый горькою дѣйствительностью въ необходимость „вымаливать" у начальства лучшее обращеніе съ арестантами или грозить ему „ангеломъ Господнимъ, ведущимъ *свой* статейный списокъ"... „Съ тюремными вообще обходиться человѣколюбиво... Содержаніемъ да не отягчится судьба осужденнаго, но да устережется *во время покаянія* единственно отъ ухода и вреда"...—пишетъ великая государыня, разрѣшая даже „*вѣчнымъ* тюремнымъ (т.-е. пожизненно заключеннымъ) получать *малыя выгоды*, отъ коихъ ни имъ,

ни обществу вредъ учиниться не можетъ,—какъ-то: пользоваться вольнымъ воздухомъ внѣ горницы, читать книгу, упражняться въ рукодѣліи и т. п."; предписывая въ то же время „горницы содержать въ чистотѣ—курить въ нихъ по два раза въ день и перемѣнять воздухъ", вводя въ присягу *тюремщика* обѣщаніе „поступать не сурово, а человѣколюбиво" и организуя на самыхъ широкихъ и гуманныхъ началахъ врачебную помощь арестантамъ.

Послѣднія „начертанія" императрицы Екатерины особенно цѣнны, въ виду того положенія, въ которомъ она застала обращеніе съ больными колодниками. Для примѣра достаточно указать на находящійся въ собраніи П. И. Щукина рапортъ 1776 года воеводы Протасьева московскому губернатору Юшкову о томъ, что по секретному осмотру „сущеглупыхъ" (такъ, со временъ Петра Великаго назывались сумасшедшіе) колодниковъ оказалось, между прочимъ, что „Иванъ Яковлевъ является въ несостояніи своего ума и говоритъ противъ Христа и закона крайне сумасбротно и развратно, такъ что и слышать непристойно и впредь къ исправленію ума своего не надеженъ,—и находится онъ... за карауломъ *въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ безысходенъ*, а въ прочемъ, кромѣ божества, разговоровъ имѣетъ порядочно".—Несмотря на великодушныя *намѣренія* государыни, указывавшей, что, буде кто изъ больныхъ явится въ прилипчивой болѣзни таковаго больного тотчасъ помѣстить особо, дабы не сдѣлалось заразы,—смотрителю же тюремной больницы неутомимое имѣть попеченіе, чтобы въ тюремной больницѣ наблюдалась чистота и во всемъ порядокъ и чтобы больные въ пристойныхъ по болѣзнямъ ихъ мѣстахъ помѣщены были" (п.п. 93 и 98 проекта 1787 г.). Положеніе тюремныхъ лазаретовъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, было у насъ совершенно невозможное. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать-шесть человѣкъ, помѣщенныхъ „за тѣснотою" съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ „торговой казни" и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій зàмокъ, нашелъ больныхъ „горячками и сыпью" по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно

себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго зàмка, для „утишенія" крика сошедшей съ ума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку... Содержаніе больныхъ въ тюремныхъ лазаретахъ того времени достаточно характеризуется донесеніемъ доктора Стриневскаго, вступившаго въ 1815 году въ завѣдываніе лечебною частью тамбовскихъ—рабочаго и смирительнаго—домовъ и нашедшаго, что въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ,—бѣлье *не мыто* съ открытія больницы, т.-е. съ *прошлаго столѣтія*,—трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ и т. д.

Арестантскіе лазареты въ Москвѣ за все время пребыванія Гааза главнымъ врачомъ тюремныхъ больницъ представляли неожиданную и утѣшительную картину. Это былъ, по выраженію современника Гааза, Жизневскаго, близко знакомаго съ дѣятельностью „святого доктора", какъ называли его *страждущіе* и „утрированнаго филантропа", какъ презрительно именовали его люди, умѣвшіе *причинять страданія*,—совершенно „особый міръ", своего рода „insula in flumine nata". Извѣстно, что, какъ тюремный врачъ, Гаазъ проявлялъ необычную личную заботливость о больныхъ, лечившихся въ тюремной больницѣ, отдѣленіи Старой Екатерининской въ Москвѣ. Онъ по нѣскольку разъ въ день навѣщалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними подолгу о ихъ дѣлахъ и домашнихъ, и настойчиво требовалъ, чтобы въ больницѣ никто—ни больные, ни служебный персоналъ, ни посѣтители—*не лгали*. Обнаруживъ ложь, онъ энергически штрафовалъ въ пользу бѣдныхъ—и служащихъ, и посѣтителей. Не добившись утвержденія составленнаго имъ устава трезвости между служащими, онъ все-таки фактически ввелъ его въ дѣйствіе. Воспользовавшись временнымъ перемѣщеніемъ арестантовъ въ казенный домъ близъ Покровки, онъ, по выводѣ ихъ оттуда, сталъ принимать туда безпріютныхъ, заболѣвшихъ на улицахъ или во время ареста при частяхъ,—и постепенно, подвергаясь всевозможнымъ нареканіямъ и начетамъ, послѣ горячихъ просьбъ и слезъ предъ генералъ-губернаторомъ, требовавшимъ немедленнаго очищенія казеннаго дома, добился молчаливаго узаконенія заведеннаго имъ обычая. Такъ мало-помалу образовалась, безъ оффиціальнаго утвержденія, благодаря его упорству, полицейская больница, называемая народомъ до сихъ поръ „Газовскою". Со введеніемъ новаго городского устройства, это любимое дѣтище Гааза получило прочную организацію и существуетъ нынѣ подъ именемъ больницы имени императора Александра III.

Но порядки, введенные Гаазомъ въ тюремныя больницы

Москвы, были лишь счастливымъ исключеніемъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ и упроченіемъ лишь ему лично. Внѣ Москвы и, вѣроятно, Петербурга дѣло призрѣнія и леченія больного тюремнаго населенія было поставлено чрезвычайно неудовлетворительно, несмотря на усиленную заболѣваемость и смертность этого именно населенія. Такъ изъ 600 тысячъ арестантовъ, прошедшихъ чрезъ русскія тюрьмы въ 1868—69 гг.,—не миновало больницъ около 152 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ умерло 17.400, такъ что число больныхъ составляло почти $^1/_4$ всѣхъ арестантовъ, а изъ *девяти* заболѣвшихъ умиралъ *одинъ*. Очевидно, что это, въ значительной степени, было послѣдствіемъ устройства больничной части въ тюрьмахъ. Само министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было, въ 1872 г., признать, что *больницы* въ большей части тюремъ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи: бѣлье на постеляхъ—грязно, одѣяла—рванья, халаты—пригнаны не въ мѣру; больные не размѣщаются по родамъ болѣзни; а медики столь рѣдко посѣщаютъ больницы, что безпечность ихъ въ этомъ отношеніи доходитъ, иногда, до безчеловѣчности.

Какъ далеко это краткое, но достаточно яркое описаніе отъ тѣхъ идеаловъ, которые преслѣдовалъ Гаазъ, и отъ тѣхъ завѣтовъ, которые онъ оставилъ въ своей „Инструкціи для тюремныхъ врачей“, составленной въ 1836 году и вызвавшей жалобы въ московскій тюремный комитетъ на чрезвычайную обременительность разныхъ обязанностей, налагаемыхъ ею на тюремно-медицинскій персоналъ, причемъ указывалось, что подобнаго „неукоснительнаго“, „прилежнаго“ и „постояннаго“ смотрѣнія за мельчайшими нуждами больныхъ не требуется даже и въ „градскихъ больницахъ, кои преподаютъ пользованіе отъ недуговъ людямъ свободнаго состоянія, а не узникамъ“. Къ великому сожалѣнію—еще нѣсколько лѣтъ назадъ—газета „Владивостокъ“, описывая неожиданное посѣщеніе прокуроромъ иркутской судебной палаты арестантской больницы на Сахалинѣ, дала картину, немногимъ разнящуюся отъ того, что̀ нашелъ, почти тридцать лѣтъ назадъ, адмиралъ Посьетъ въ карійской тюрьмѣ. Спертый воздухъ, нечистота въ помѣщеніяхъ, грязное бѣлье, женщины, больныя сифилисомъ въ заразномъ періодѣ, содержащіяся вмѣстѣ съ женщинами, имѣвшими горе заболѣть обыкновенными женскими болѣзнями, и цѣлою группою дѣтей, и т. д. — таковы характерныя черты мѣстной больничной обстановки, къ сожалѣнію, подтверждаемыя, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ мрачныхъ подробностей, статьею служившаго на Сахалинѣ доктора Поддубскаго,

напечатанной во „Врачебной Газетѣ“ за 1901 годъ. Все, однако, на свѣтѣ относительно,—и печальное зрѣлище, представляемое такою тюрьмою, можетъ быть сочтено радужною картиною, если прочесть сдѣланное докторомъ Якобіемъ, въ его замѣчательной книгѣ: „Основы административной психіатріи“, описаніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ психіатрическихъ больницъ, отданныхъ на произволъ жестокому невниманію и холодному забвенію долга,—одно посѣщеніе которыхъ (въ 1892 и 1893 годахъ) могло „больше научить о психіатріи до Пинеля, нежели чтеніе многихъ томовъ“. На ряду съ описаніями насилій надъ больными и безчеловѣчнаго къ нимъ отношенія, щедро разсыпанными въ трудѣ доктора Якобія, нельзя не указать на напечатанную въ „Русской Мысли“ 1899 года, по почину гр. Л. Н. Толстого, статью г. А. М.—„Къ психіатрическому вопросу“, гдѣ, между прочими указаніями на крайнія злоупотребленія, допускаемыя въ лечебницахъ для душевно-больныхъ, разсказывается, напр., что въ сильно нашумѣвшей въ свое время Бурашевской психіатрической колоніи въ 1896 г. изъ *шестисотъ* больныхъ умерло *сто*, и что былъ случай истязанія сумасшедшаго четырьмя сутками холоднаго карцера съ асфальтовымъ поломъ, за такое, непростительное даже для *умалишеннаго* дѣяніе, какъ „непочтеніе къ доктору“. Наконецъ, въ „Трудахъ общества врачей енисейской губерніи за 1899—1900 годы“ содержится описаніе красноярской психіатрической лечебницы, которое представлялось бы по истинѣ неправдоподобнымъ, не будь оно доложено въ ученомъ обществѣ и напечатано въ его изданіи. Эта лечебница находилась (хочется думать, что о ней можно говорить въ *прошломъ* времени) въ центрѣ города, совмѣстно съ богадѣльней, часть которой была необитаема изъ опасенія крушенія, грозившаго и другимъ частямъ зданія. Въ мужскомъ отдѣленіи лечебницы помѣщались вмѣстѣ и хронически больные, и буйные, и *испытуемые*; въ одиночныхъ кельяхъ, скудно освѣщенныхъ, содержалось часто по два и по три человѣка. „Одна изъ комнатъ,—говорится въ докладѣ,—служитъ для нечистоплотныхъ, подъ которыми понимались и буйные, рвущіе одежду и матрацы; это помѣщеніе пропитано невыразимою вонью. На полу этой комнаты набросана солома; кромѣ изломанной „парашки“, нѣтъ ничего; стѣны измазаны испражненіями; больные совершенно голые, измазанные всякой гадостью, въ волосахъ солома и т. д. Больные вообще озлоблены, постоянно просятся на выписку, ходятъ часто въ изодранной одеждѣ, полуголые; лица у многихъ избиты, частью отъ побоевъ со стороны больныхъ или служителей, частью отъ паденія

въ приступахъ падучей. Нѣкоторые больные ходятъ со связанными руками, *одинъ уже 4 года.* Психіатрическое отдѣленіе было открыто на 20 человѣкъ, а больныхъ бываетъ 60—65. Хозяйничаетъ въ больницѣ всякій: и служитель, и смотритель. Больного, привезеннаго обыкновенно десятникомъ или городовымъ, отправляютъ на „тотъ дворъ“ и помѣщаютъ сначала въ буйное отдѣленіе, причемъ никому неизвѣстно, что̀ съ нимъ было раньше. *Болѣзнь протекаетъ, главнымъ образомъ, по усмотрѣнію сторожей.* Зиму больные, за отсутствіемъ зимней одежды, проводятъ въ комнатахъ, гдѣ и гніютъ; никакой работы, никакихъ развлеченій. Вечеромъ зажигаютъ лампы, но къ 9 часамъ, а зимою еще раньше, тушатъ огни, и больные должны идти спать, но кроватей не хватаетъ. Нѣкоторые спятъ на полу. Простынь не водится, за исключеніемъ 3—4 кроватей. Въ кроватяхъ грязь невыразимая. На 20 человѣкъ при смѣнѣ бѣлья иногда выдается всего 10 сорочекъ. Обуви не хватаетъ. Разъ въ недѣлю больные принимаютъ ванну; въ одной и той же водѣ моютъ нѣсколькихъ человѣкъ. Если больной начинаетъ буйствовать, то его запираютъ въ отдѣльную комнату, а если онъ рветъ на себѣ одежду, то его запираютъ въ комнату для нечистоплотныхъ. Одного больного для успокоенія обливали водою изъ пожарной кишки, послѣ чего онъ, какъ объяснилъ смотритель, „сталъ тише“. Если *богадѣльщикъ напьется пьянъ и забунтуетъ,* то его, *въ наказаніе, переводятъ въ буйное отдѣленіе. Пьяницъ* для вытрезвленія часто посылаютъ *въ психіатрическое отдѣленіе.* Еще лучше то, что и сифилитичекъ, напившихся или поссорившихся, или за плохое поведеніе, въ наказаніе переводятъ изъ сифилитическаго *въ психіатрическое отдѣленіе.* Процентъ излечимости душевно-больныхъ въ красноярскомъ психіатрическомъ отдѣленіи ничтожный; маніакъ, меланхоликъ, всегда почти имѣютъ въ перспективѣ слабоуміе; бывали случаи, когда больной начиналъ поправляться, но подъ вліяніемъ обстановки снова впадалъ въ прежнюю болѣзнь“.

Какимъ необычнымъ, по времени, представляется, въ виду подобныхъ свѣдѣній, обращеніе Ѳедора Петровича съ больными арестантами и бѣднымъ людомъ болѣе чѣмъ полвѣка назадъ! Какъ трогателенъ онъ со своими справками о томъ, хорошо ли спалось больному и видѣлъ ли онъ пріятные сны,—съ раздачей больнымъ своихъ именинныхъ пироговъ и тортовъ, съ уступкой имъ, при недостаткѣ мѣста, одной изъ своихъ *двухъ* комнатъ, съ его пониманіемъ состоянія постигнутыхъ душевнымъ разстройствомъ! Невольно вспоминается описанная Жизневскимъ, въ письмѣ къ автору настоящихъ строкъ, несчастная

оклеветанная француженка, потерявшая разсудокъ, отдававшаяся буйнымъ порывамъ бѣшенства и оглашавшая Гаазовскую больницу дикими воплями и проклятіями. Когда она бывала въ такомъ состояніи, Ѳедору Петровичу и въ голову не приходила мысль о связываніи ей рукъ, о горячешной рубашкѣ и другихъ, къ несчастію, еще не совсѣмъ забытыхъ до настоящаго времени стредствахъ усмиренія. Онъ звалъ ее, ласково разговаривалъ съ нею, гладилъ ея волосы—и она утихала, становясь спокойною и кроткой. Строгій въ исполненіи своихъ обязанностей къ себѣ, онъ былъ, въ этомъ смыслѣ, требователенъ и къ другимъ. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что, покуда онъ былъ живъ, тѣ пріемы, которые нынѣ положены въ основу благороднаго начала „no restraint“ въ психіатрической практикѣ, примѣнялись у него и вокругъ него, хотя и не были еще приведены въ стройную научную систему. Требовательность Гааза въ отношеніи исполненія каждымъ служащимъ въ больницѣ своего долга вызывала, какъ извѣстно, установленіе разныхъ оригинальныхъ правилъ, отмѣняемыхъ тюремнымъ комитетомъ и вновь вводимыхъ упорнымъ старикомъ „самовольно“. Сюда относились, главнымъ образомъ, штрафы за неаккуратность, небрежность, грубость и, въ особенности, за ложь, взимаемые Гаазомъ иногда и съ самого себя, и распредѣляемые, дважды въ мѣсяцъ, между больными и ихъ семействами,—а также отобраніе подписокъ о воздержаніи отъ вина, подъ угрозою штрафа въ размѣрѣ дневного жалованья. Хотя такія подписки были воспрещены тюремнымъ комитетомъ въ 1838 г., а штрафы признаны въ 1845 году „мѣрою не аппробованною“, но еще 4 января 1846 г. служившій въ тюремной больницѣ Дюмме писалъ, съ очевиднымъ неудовольствіемъ, бывшему воспитаннику Гааза—Норшину—въ Рязань: „у насъ все по прежнему продолжается собираніе грошей за невѣрные отвѣты на вопросы, а равно положено класть въ кружку дневное жалованье, въ случаѣ неисполненія своей обязанности. Требуется христіанское благонравіе, кротость и миролюбіе. Хотя не безъ труда все это исполнить, но насколько можно, приноравливаемъ себя къ тому, и твердое обещаніе на себя налагаемъ старатся всеми силами исполнить. Нынѣ же было напоминаемо отъ Ѳедора Петровича въ непремѣнномъ соблюденіи въ службѣ пяти правилъ, а именно: 1) всякому человѣку дать отвѣтъ на его вопросъ обстоятельно и чистосердечно, такъ, какъ бы самъ желалъ получить отвѣтъ; 2) ежели что обѣщалъ, то исполнить; 3) стараться приноровить себя къ правиламъ, изображеннымъ въ вы-

данной всѣмъ книжкѣ Азбуки христіанскаго благонравія [1]); 4) не употреблять горячіе напитки и 5) стараться и другихъ убѣдить въ соблюденіи сихъ правилъ"...

III.

Сердечная заботливость Өедора Петровича Гааза о нуждахъ осужденныхъ, проходившихъ чрезъ Московскую пересыльную тюрьму и Рогожскій полуэтапъ, сказывалась въ самомъ внимательномъ отношеніи ко всему, что̀ могло облегчить ихъ состояніе или смягчить для ихъ семействъ ужасы длиннаго и тяжелаго пути. Его неустанную въ этомъ смыслѣ дѣятельность не могло охладить ни равнодушное, а иногда и прямо враждебное отношеніе къ нему сотоварищей по тюремному комитету, ни насмѣшливое и легкомысленное отношеніе къ нему такъ-называемаго „общества". Комитетъ онъ одолѣвалъ своей настойчивостью и упорствомъ. Чувствуя себя въ канцелярскихъ путахъ подьяческихъ соображеній комитета часто *разбитымъ*, но никогда не признавая себя *побѣжденнымъ*, онъ домогался *своего* для *другихъ*, грозя совѣсти своихъ коллегъ и тревожа ихъ чиновничій квіетизмъ ироніею своихъ почтительно-оффиціальныхъ донесеній. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году, по поводу необходимости сосредоточить освидѣтельствованіе больныхъ, пересылаемыхъ черезъ Москву, въ однѣхъ рукахъ, и тѣмъ прекратить разногласія между врачами, всегда разрѣшаемыя мѣстнымъ тюремнымъ начальствомъ согласно съ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ арестантамъ, Гаазъ съ ядовитой и тонкой ироніей, показывающей, до чего возмущалось его доброе сердце, писалъ въ комитетъ: „Какъ я, кажется, долженъ заключить изъ выраженій нѣкоторыхъ членовъ комитета, *которыхъ благоволеніемъ я имѣю счастіе пользоваться*,—комитетъ имѣетъ обо мнѣ мнѣніе, что будто бы я, какъ то̀ говорятъ, слишкомъ готовъ покровительствовать людямъ, какихъ уже караетъ справедливый законъ и которые казались бы болѣе недостойными того вниманія, которое обыкновенно и вообще оказывается ко всѣмъ членамъ общества людей. Но да будетъ мнѣ позволено

[1]) „А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ насчетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему",—книжка, изданная въ 1841 г. иждивеніемъ Гааза,—убѣждаетъ читателей не предаваться гнѣву, не произносить брани, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями ближняго и не глумиться надъ его уродствами, носить бремена другъ другу и въ особенности—не лгать.

признаться предъ *почтеннѣйшимъ комитетомъ*, что я почелъ бы себя лицемъ вреднымъ общественному порядку, естьлибъ я позволилъ себѣ, занимаясь публичною должностію, послѣдовать инымъ какимъ-либо побужденіямъ, кромѣ *законныхъ*, и что я считаю вовсе не сообразною съ разсудкомъ самую мысль желать чего-либо другого, кромѣ *правосудія* здѣсь, въ *наиблагонамѣреннѣйшемъ* и *отеческомъ* правленіи и при начальникахъ, кои, по своему великодушію, вездѣ встрѣчаютъ случаи гдѣ только можно изобрѣсть что-либо для благосостоянія человѣчества, которое по ихъ правиламъ есть однозначущая вещь съ благосостояніемъ самаго государства и имѣетъ истиннымъ, единственнымъ основаніемъ искреннее уваженіе къ закону".

На несомнѣнно доходившія до него насмѣшки „книжниковъ и фарисеевъ", а также тѣхъ, кого, слѣдуя терминологіи полиціймейстера Шульгина, можно было бы назвать „молодыми вертопрахами благороднаго званія" (простой народъ, купцы и мѣщане, раньше всѣхъ оцѣнили дѣятельность и личность Ѳедора Петровича),—Гаазъ не обращалъ вниманія и, слѣдуя завѣту апостола, „положивъ руку на рало—не оглядывался назадъ". Ему служили утѣшеніемъ отзывы иностранцевъ, удивленныхъ тѣмъ обращеніемъ съ пересыльными, которое они видѣли при посѣщеніяхъ тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. А оно вызывалось, поддерживалось и входило мало-по-малу въ обычай, благодаря неотступному присутствію при отправленіи партій зоркаго и чуткаго, въ лицѣ Гааза, заступника за несчастныхъ и за права человѣколюбія. Самъ онъ, съ удовольствіемъ отмѣчая при своихъ пререканіяхъ съ комитетомъ сочувственные отзывы англійскаго ученаго Скота, американскаго путешественника Сомнера и англичанки Систеръ, присутствовавшихъ при отправкѣ ссыльныхъ и при прощаніи съ ними Гааза, столь трогательно описанномъ лэди Блумфильдъ въ ея воспоминаніяхъ о жизни въ Россіи,—не могъ не сознавать, что доброе впечатлѣніе, вызвавшее эти отзывы, явилось исключительно слѣдствіемъ его личной дѣятельности. Въ очень интересной французской рукописи сороковыхъ годовъ, написанной проживавшимъ въ Москвѣ иностранцемъ и хранившейся у доктора Поля, друга Ѳ. П. Гааза, есть прекрасная характеристика какъ послѣдняго, такъ и двоякаго отношенія къ нему московскаго населенія. „Докторъ Гаазъ,—пишетъ авторъ рукописи, — одинъ изъ людей, чьи внѣшность и одѣяніе вызываютъ мысль о чемъ-то или смѣшномъ, или же, наоборотъ, особо почтенномъ,—чье поведеніе и разговоръ до такой степени идутъ въ разрѣзъ съ взглядами нашего времени, что невольно застав-

ляютъ подозрѣвать въ немъ или безуміе, или же апостольское призваніе,—однимъ словомъ, по мнѣнію однихъ, это—*помѣшанный*, по мнѣнію другихъ—*божій человѣкъ*". Описывая его вступленіе въ комитетъ, авторъ говоритъ: „съ этого времени жизнь Гааза расширилась и раздвоилась: врачъ сдѣлался духовнымъ пастыремъ, пользующимся своими правами на врачеваніе тѣла, чтобы изслѣдовать *душевныя раны* и пытаться ихъ залечивать. Съ того дня, какъ онъ появился среди осужденныхъ, отдавшись всецѣло облегченію ихъ страданій и оживленію, путемъ всевозможныхъ благодѣяній и бесѣдъ, исполненныхъ состраданія, участія и утѣшенія, бодрости и вѣры въ ихъ душѣ, рѣдкій умеръ въ его больницахъ не примиренный съ Богомъ, и многіе—будучи *злодѣями* при вступленіи въ стѣны пересыльной тюрьмы, покидали ихъ для пути въ Сибирь, ставъ лишь *только несчастными*"... Разсказавъ нѣкоторыя черты изъ дѣятельности Ѳедора Петровича относительно ссыльныхъ, наблюдательный иностранецъ продолжаетъ: „здѣсь многіе думаютъ, что вся его филантропія служитъ гораздо болѣе признакомъ его умственнаго *разстройства*, чѣмъ признакомъ прекраснаго *устройства* его сердца;—что вся заслуга этого *юродиваго* (espèce de maniaque), постоянно надуваемаго всякаго рода негодяями,—лишь въ инстинктивной добротѣ; — что въ основѣ его состраданія къ несчастнымъ лежитъ тщеславіе,—что весь его оригинальный черный костюмъ квакера, его чулки и башмаки съ пряжками, его парикъ и широкополая шляпа предназначены для произведенія особаго впечатлѣнія, и что, такимъ образомъ, это если не ловкій лицемѣръ, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ *тронутый* (timbré)"... „Вотъ до какой степени тотъ, на чьемъ лбу не напечатлѣнъ эгоизмъ, кажется загадочнымъ, причемъ лучшій способъ для разгадки его личности состоитъ въ ея оклеветаніи!"—восклицаетъ авторъ, переходя къ изображенію обычныхъ поѣздокъ Ѳедора Петровича въ пересыльную тюрьму въ пролеткѣ, наполненной съѣстными припасами, и повѣствуя о томъ, какъ однажды, заѣхавъ въ трактиръ у заставы, хозяинъ котораго всегда снабжалъ его хлѣбомъ для „несчастныхъ", Гаазъ разсказалъ пившимъ чай купцамъ о судьбѣ бѣдной дѣвушки, которая вѣнчалась въ этотъ день съ осужденнымъ и шла за нимъ на каторгу, и такъ ихъ растрогалъ, что они набрали въ его шляпу двѣсти рублей „для молодыхъ"...

Путь по „этапамъ", въ который провожалъ каждую недѣлю Гаазъ арестантскія партіи и до сихъ поръ, тамъ, гдѣ онъ совершается не по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ сообще-

ніямъ, представляетъ тяжкую картину медленнаго передвиженія, и въ крайній холодъ, и въ палящій зной, среди пыли или въ липкой грязи,—смѣняемаго дикой борьбою за скорѣйшее занятіе мѣстъ на нарахъ, борьбою, въ которой выплываютъ наверхъ жестокіе инстинкты звѣрской стороны человѣческой природы. Но во времена Гааза этотъ путь былъ таковъ съ самаго начала. Этапъ—въ сущности—та же пересыльная тюрьма, лишь не имѣющая своего самостоятельнаго и постояннаго управленія. Въ ней сосредоточиваются арестанты всевозможныхъ категорій, соединенные лишь общностью слѣдованія къ мѣстамъ назначенія. Тутъ и осужденные приговорами судовъ гражданскаго вѣдомства, и военные арестанты, и бродяги, и высылаемые по приговорамъ обществъ и мѣрами полиціи „по невродіи" (тюремная передѣлка выраженія закона: „не въ родѣ арестантовъ"). До шестидесятыхъ годовъ огромное число шедшихъ по этапу составляли крестьяне, пересылаемые помѣщикамъ, отъ которыхъ они отлучились, иногда даже и не самовольно. Къ идущимъ по этапу, наконецъ, по свидѣтельству завѣдывавшаго пересыльною частью въ семидесятыхъ годахъ, генерала Бѣленченко, относились и рекруты, а также безсрочно отпускные, водворяемые на родину, а по заявленію Гааза тюремному комитету (20 апрѣля 1829 г.) и *выздоравливающіе* солдаты. Въ 1873 году число пересылаемыхъ изъ одного края Россіи въ другой достигало до 120 тысячъ человѣкъ въ годъ.

До конца пятидесятыхъ годовъ, препровожденіе и конвоированіе арестантовъ находилось въ вѣдѣніи отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, которому подчинялись этапныя учрежденія и команды. Матеріальная часть пересылки: подводы для больныхъ, одежда арестантовъ, пропитаніе ихъ и проч., находилась въ вѣдѣніи учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. До 1858 года господствовалъ единственный способъ передвиженія арестантовъ, именно пѣше-этапный, основанный на маятной системѣ движенія арестантскихъ партій между этапами и полуэтапами, расположенными на двадцати-верстномъ разстояніи другъ отъ друга, на главныхъ пересыльныхъ путяхъ, соединявшихся въ г.г. Харьковѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и, затѣмъ, въ главномъ пунктѣ сбора всѣхъ ссыльныхъ арестантовъ въ г. Казани, откуда уже они направлялись по единственному тракту на Екатеринбургъ, Тюмень и Тобольскъ. До мѣста ссылки иногда приходилось идти *два года*, и среднее число дней пути, приходившихся на каждаго пересылаемаго, составляло *двѣсти-восемьдесятъ-два*! Можно себѣ представить, чего долженъ былъ натерпѣться пересылаемый при такихъ усло-

віяхъ, особливо если припомнить, что эти условія почти совершенно исключали возможность какого-либо различія въ способѣ передвиженія и размѣщенія въ тѣсныхъ этапныхъ зданіяхъ подневольныхъ путниковъ разныхъ категорій. Притомъ конвоирующіе были заинтересованы исключительно въ доставленіи пересылаемыхъ на мѣста и въ предупрежденіи побѣговъ (съ пути обыкновенно бѣжало около 15% идущихъ по этапу), а внутреннее различіе ввѣренныхъ имъ людей и основанія, по которымъ послѣдніе попали въ общую массу, ихъ не касались и поэтому ихъ не интересовали. Повидимому такое обезличеніе препровождаемыхъ и подведеніе ихъ подъ одинъ уровень было даже возведено въ принципъ. Такъ, еще тридцать лѣтъ назадъ, въ засѣданіи комитета для окончательнаго (?) обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ имперіи, одинъ изъ высшихъ представителей начальства по пересыльной части, очевидно недовольный недоумѣніями нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета по поводу незнанія имъ, *сколько* именно пересылается арестантовъ *каждой категоріи,* категорически заявлялъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла, образно объясняя, что у него въ рукахъ огромное колесо, къ которому подводятъ человѣка и говорятъ: „въ Нерчинскъ“, или „въ Якутскъ“—трахъ! трахъ!—колесо повернуто,—и онъ въ Нерчинскѣ или Якутскѣ, а *кто онъ* и *за что*—объ этомъ колесу знать не требуется...

Широкія воззрѣнія Гааза на его нравственный долгъ предъ людьми и печали его горячаго сердца, конечно, не могли не отражаться на его отношеніяхъ къ пересылаемымъ, обстановку дальнѣйшаго пути которыхъ онъ себѣ ясно представлялъ, самъ посѣтивъ неоднократно ближайшія къ Москвѣ этапныя зданія и описавъ ихъ „непристойность и тѣсное состояніе“ въ неоднократныхъ рапортахъ тюремному комитету. Все относящееся до нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ пересыльныхъ, бывшее *въ его власти,* осуществлялось имъ съ любовью и забвеніемъ о себѣ,—все не зависѣвшее отъ него непосредственно давало ему поводъ къ постояннымъ хлопотамъ, просьбамъ и упорнымъ настояніямъ, личнымъ и письменнымъ. Такъ, напр., въ 1832 году онъ выхлопоталъ у московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына распоряженіе, чтобы баня пересыльнаго замка топилась сверхъ обычнаго дня (четверга) еще и по субботамъ, для предоставленія возможности воспользоваться ею всѣмъ тѣмъ, кто уходилъ по этапу въ понедѣльникъ. Для этого, по его же просьбѣ, тюремный комитетъ постановилъ отпускать на дрова „потребную сумму изъ пожертвованій“ впредь до того, когда городская дума

признаетъ возможнымъ принять этотъ расходъ на себя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ жертвователей на этотъ предметъ видное мѣсто заняло то „неизвѣстное благотворительное лицо“, отъ имени котораго Гаазъ такъ часто вносилъ деньги на удовлетвореніе разныхъ своихъ ходатайствъ о нуждахъ арестантовъ. По его же просьбѣ въ 1834 г. князь Голицынъ приказалъ иначе распредѣлить движеніе партій, слѣдовавшихъ по Богородскому тракту, чтобы, ради бани, ихъ приходъ совершался тоже въ субботу, а не въ воскресенье. Чрезъ четыре года однако, по представленію начальства пересыльной тюрьмы, банный день былъ ограниченъ однимъ четвергомъ—и такимъ образомъ пользоваться банею могли только тѣ изъ пересылаемыхъ въ Сибирь, кто оставался недѣлю для „ростаха“. Гаазъ заволновался, поднялъ шумъ, лично ѣздилъ къ главноначальствующему (осенью 1836 года) въ Москвѣ графу Толстому—и снова добился своего.

IV.

Озабочивали Ѳедора Петровича и *юридическія* нужды пересылаемыхъ. Онъ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ предпринималъ походы противъ бездушія тогдашнихъ законовъ, относившихся къ условіямъ препровожденія ссыльныхъ (наручни, бритье головы) и къ порядку осуществленія права помѣщиковъ ссылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ (ст. 315 и 322 т. XIV, Уст. о пресѣч. и предупр., изд. 1832). Два первыхъ похода увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, вызванному представленіями Гааза, наручни (гайки) у цѣпей всюду стали обшиваться кожей и перестали отмораживать руки арестантовъ;—въ 1846 году возмущавшее его поголовное бритье головы отмѣнено для арестантовъ, не лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Третій походъ, имѣвшій цѣлью дать возможность помѣщику одуматься и отмѣнить принятую въ гнѣвѣ и раздраженіи мѣру даже и тогда, когда сосланный, по его желанію, уже идетъ по сибирскимъ этапамъ, окончился неудачей и признаніемъ, что для крѣпостного человѣка со времени опредѣленія губернскаго правленія—alea jacta est...

Четвертый походъ Гаазъ предпринялъ, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, очевидно пораженный вопіющею жестокостью и нелогичностью тогдашняго закона о воспрещеніи жалобъ на рѣшенія уголовныхъ палатъ со стороны присужден-

ныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія *до исполненія надъ ними приговора и прибытія въ Сибирь*. 6 сентября 1832 года, заявляя тюремному комитету, что слова Высочайше утвержденнаго, въ 1828 году, мнѣнія государственнаго совѣта о разрѣшеніи жаловаться сенату на приговоры уголовныхъ палатъ лишь тогда, когда приносящіе жалобу уже отправлены „въ присужденное имъ мѣсто“, толкуются московскимъ губернскимъ правленіемъ въ смыслѣ *прибытія* ихъ въ ссылку,—Гаазъ, не безъ мрачнаго юмора, писалъ: „если думать, что ссыльные, послѣ совершеннаго уже надъ ними тѣлеснаго наказанія и самаго отправленія ихъ въ Сибирь, на дорогѣ туда не могутъ еще воспользоваться правомъ жалобы, но что должны ожидать послѣдняго совершенія ихъ участи по прибытіи въ Сибирь,—то для многихъ изъ нихъ и не предвидится конца такого времени, ибо если московское губернское правленіе полагаетъ, что совершеніе наказанія надъ какимъ-либо ссыльнымъ окончится съ доставленіемъ его, напр., въ Тобольскъ, то въ Тобольскѣ съ той же мыслью могутъ ему сказать, что терминъ сей окончится въ Нерчинскѣ, куда онъ назначается въ работы, а тамъ скажутъ, что въ работы онъ осужденъ срочно, напр., на 15 лѣтъ, и что во всѣ сіи годы наказаніе надъ нимъ продолжается, а не совершено еще; есть однако осужденные въ работу на всю жизнь—слѣдственно тѣмъ и невозможно бы было воспользоваться предоставленнымъ правомъ жалобы никогда“. Поэтому, ссылаясь на свои надежды, что пересыльные арестанты, вступившіе въ Москву, не будутъ выходить изъ нея съ такими обѣщаніями, какія имъ говорятъ въ другихъ мѣстахъ: „идите дальше, тамъ можете просить!“, Гаазъ просилъ комитетъ ходатайствовать о разъясненіи закона 1828 года, хотя бы въ томъ смыслѣ, что право принесенія жалобы начинается для осужденнаго со времени поступленія его въ вѣдѣніе тобольскаго приказа о ссыльныхъ. „Всѣ мѣста заключенія,—пояснялъ онъ,—гдѣ содержатся назначаемые въ ссылку въ Сибирь, суть, такъ сказать, казармы, подвѣдомственныя тобольскому приказу, и, слѣдственно, кажется справедливымъ, что въ каждомъ губернскомъ городѣ, гдѣ ссыльные проходятъ, они вправѣ воспользоваться дозволеніемъ подавать прошенія на рѣшенія, ихъ осудившія, въ Правительствующій Сенатъ, и не справедливо ли прибавить къ сему—наипаче въ Москвѣ?“

Князь Д. В. Голицынъ раздѣлилъ взгляды доктора Гааза и уже 26 сентября просилъ директора департамента министерства юстиціи представить мнѣніе, изложенное Ѳедоромъ Петровичемъ министру юстиціи, или посовѣтовать, какъ удобнѣе достигнуть

разъясненія закона въ желательномъ смыслѣ. Директоромъ былъ Павелъ Ивановичъ Дегай, принадлежавшій къ довольно частымъ у насъ представителямъ душевной раздвоенности. Умный и очень образованный юристъ, съ просвѣщенными и широкими научными взглядами и философскимъ направленіемъ, Дегай въ отношеніи русской жизни былъ узкимъ формалистомъ и буквоѣдомъ, умѣвшимъ систематически излагать дѣйствующіе законы гладкимъ канцелярскимъ языкомъ, не вдаваясь въ „обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій“. Это стяжало ему извѣстность хорошаго юриста, весьма пригоднаго „для домашняго употребленія“ и даже, вѣроятно, послужило основаніемъ къ приглашенію его въ знаменитый „Бутурлинскій Комитетъ“ по цензурнымъ дѣламъ. Подробно разсмотрѣвъ предметъ сообщенія князя Голицына и „поставляя себѣ въ особенную честь повергнуть свои соображенія на благоусмотрѣніе его сіятельства“, Дегай, несмотря на свою нелюбовь къ исторической школѣ въ правѣ, проповѣдуемую имъ въ своихъ сочиненіяхъ, обратился къ историческому изученію вопроса и нашелъ, что уже въ 1721, 1784, 1796—1809 годахъ „виды правительства были изложены съ очевидною точностью: уголовныя дѣла о простолюдинахъ по предметамъ важнымъ, соединеннымъ съ лишеніемъ подсудимаго, безъ всякой апелляціи, перехода по ревизіи изъ одной инстанціи въ другую, состоя подъ наблюденіемъ губернскихъ прокуроровъ и конфирмуясь правителями губерній, открывали для лицъ низшаго въ обществѣ состоянія достаточныя средства къ огражденію ихъ правъ и къ защитѣ въ случаѣ невинности. Затѣмъ, разсмотрѣніе дѣлъ сего рода въ верховномъ судилищѣ могло только служить къ проволочкѣ судопроизводства, къ продолжительной ненаказанности преступника и къ обремененію правительствующаго сената. Въ 1823 г. даровано людямъ низшаго состоянія не право апелляціи, но право приносить жалобы о безвинномъ ихъ наказаніи по дѣламъ уголовнымъ правительствующему сенату, и то подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ неправильности таковыхъ жалобъ“.

Признавая, затѣмъ, что разрѣшеніе губернскимъ правленіямъ по дорогѣ слѣдованія ссылаемыхъ принимать отъ нихъ жалобы о безвинномъ ихъ осужденіи было бы *нарушеніемъ правъ* тобольскаго приказа о ссыльныхъ, Дегай подкрѣплялъ это вѣское соображеніе о ненарушимости отвлеченныхъ правъ приказа—въ дѣлѣ, гдѣ подчасъ оскорблялись, вопіющимъ образомъ, права человѣческой личности и дѣйствительные интересы правосудія—указаніемъ еще и на то, что „россійскими постановленіями преступ-

никъ, назначенный въ ссылку, уже не можетъ входить въ сношенія съ лицами, живущими въ Россіи, безъ вреда для сихъ послѣднихъ, и лишенъ права переписываться съ своими родственниками. Какимъ же образомъ, безъ означенныхъ сношеній, можетъ онъ написать и отправить свою жалобу въ сенатъ? На губернское правленіе ни въ какомъ случаѣ не возложено обязанности принимать прошенія отъ арестантовъ; обязанность сія лежитъ на прокурорѣ въ отношеніи къ арестантамъ, *еще подъ судомъ находящимся*; что же касается пересыльныхъ, то принятіе отъ нихъ жалобъ на свое осужденіе возбранено, и министерство юстиціи всегда оставляетъ безъ производства такія прошенія преступниковъ на несправедливость ихъ сужденія, кои приносятся ими предварительно прибытія на мѣсто ссылки". Заканчивая свой отвѣтъ Голицыну увѣреніемъ, что „таковое положеніе сего дѣла лишаетъ его, Дегая, несмотря на пламенное желаніе сдѣлать угодное его сіятельству, всякаго средства войти съ представленіемъ къ министру юстиціи о дозволеніи пересыльнымъ арестантамъ подавать въ Москвѣ жалобы на свое осужденіе",—опытный юристъ предупреждалъ князя, что, по его мнѣнію, всѣ *покушенія* къ какому-либо измѣненію сего закона будутъ безплодны".

Но Гаазъ не унимался. Онъ возбудилъ въ засѣданіи тюремнаго комитета, въ которомъ докладывалось отношеніе генералъ-губернатора съ прописаніемъ соображеній Дегая, вопросъ о томъ, какъ же быть по отношенію къ огражденію правъ на доказательства своей невиновности со ссыльными, умершими въ пути, не дойдя до мѣста назначенія въ Сибири, или съ тѣми, которые, подвергшись неизлечимымъ болѣзнямъ, оставлены на мѣстѣ, гдѣ ихъ постигъ недугъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что всякій изъ ссыльныхъ, слѣдуя въ Сибирь, необходимо находится въ близкомъ сношеніи съ сопровождающею его стражею, смотрителями, служащими при мѣстахъ заключенія и при больницахъ тюремныхъ, съ членами губернскихъ правленій и попечительнаго комитета о тюрьмахъ,—слѣдовательно, онъ вездѣ можетъ найти посредниковъ къ исполненію своей просьбы. Тюремный комитетъ раздѣлилъ взгляды и сомнѣнія Гааза и рѣшился представить о томъ, въ 1833 году, князю Голицыну. Послѣдняго не даромъ, въ томъ же году, привѣтствовалъ Жуковскій, какъ „друга человѣчества и твердаго друга закона, сочетавшаго въ своихъ доблестяхъ: въ день брани мужество, въ день мира—правый судъ". Онъ остался вѣренъ той настойчивости въ дѣлѣ, считаемомъ имъ правымъ, которую, по почину Гааза,

проявилъ уже въ борьбѣ за прутъ съ Капцевичемъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что и тутъ начинателемъ являлся тотъ же, цѣнимый имъ „утрированный филантропъ".

Обращеніе Голицына къ министру юстиціи Дашкову встрѣтило неожиданный для Дегая пріемъ, достойный этого просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля. Дашковъ предложилъ возбужденный Гаазомъ вопросъ на разрѣшеніе сената, который, согласно съ мнѣніемъ и министра внутреннихъ дѣлъ (Блудова) нашелъ, что пересылаемые въ Сибирь арестанты имѣютъ право подавать жалобы на рѣшенія судебныхъ мѣстъ съ того самаго дня, какъ экзекуція надъ ними по приговору суда исполнена, изъ всякаго города, чрезъ который они будутъ проходить, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы—для изготовленія просьбъ—слѣдованіе въ Сибирь арестантовъ отнюдь не было останавливаемо и чтобы просьбы отправляемы ими были въ губернскихъ городахъ чрезъ посредство губернскихъ прокуроровъ, а въ уѣздахъ чрезъ посредство уѣздныхъ стряпчихъ. Опредѣленіе сената (по I департаменту) внесено было, вслѣдствіе возбужденныхъ товарищемъ министра графомъ Панинымъ сомнѣній въ согласіи его „съ точными словами закона", на уваженіе общаго собранія сената. Это высшее въ составѣ сената того времени учрежденіе вполнѣ раздѣлило взглядъ перваго департамента и постановило представить объ этомъ на Высочайшее утвержденіе. Гаазъ и его великодушный союзникъ— „предстатель ревностный за древній градъ у трона", какъ его называлъ Жуковскій — могли праздновать побѣду. Но „пламенный" въ желаніяхъ угодить князю, Дегай былъ, какъ оказалось, предусмотрительнѣе и ихъ, и всего общаго собранія сената: по разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ въ 1835 г., послѣдовало поясненіе 116 ст. XV тома свода законовъ въ томъ смыслѣ, что „уголовный арестантъ на приговоръ, по коему онъ понесъ наказаніе и отправленъ въ ссылку, можетъ приносить жалобу установленнымъ въ законахъ порядкомъ не прежде, какъ по достиженіи мѣста работы или поселенія, которое, по окончательному распоряженію, для него предназначено".

Чтобы вполнѣ оцѣнить тотъ упроченный въ 1835 году порядокъ, противъ котораго боролся Гаазъ, достаточно вспомнить, что *понесеніе* наказанія, на которое предоставлялось приносить жалобу лишь съ мѣста назначенія, доходило, независимо отъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и обращенія въ каторжныя работы, до *ста ударовъ плетьми* чрезъ палачей, съ наложеніемъ клеймъ, которыхъ, конечно, никакое дальнѣйшее признаніе невиновности осужденнаго вытравить уже было не въ состояніи...

V.

Въ 1839 году Ѳедоръ Петровичъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной части генерала Капцевича, послѣ дознанія о его „утрированной филантропіи", удаленъ, къ великой для себя обидѣ, отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ. Фактически это удаленіе никогда однако не осуществлялось вполнѣ, ибо уже въ 1840 году Гаазъ писалъ тюремному комитету, что „несмотря на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія подчиненныхъ, и чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный зáмокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде"... Это тягостное для него и для столь многихъ, нуждавшихся въ немъ, положеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, ослабѣвая мало-по-малу. Но „свѣтъ и во тьмѣ свѣтится", и Гаазъ, устраненный отъ любимаго дѣла и иногда терпимый около него лишь *изъ милости*, своимъ примѣромъ, личностью и характеромъ оказывалъ неотразимое и плодотворное вліяніе на окружающихъ. Вокругъ него и за нимъ являлись убѣжденные и стойкіе послѣдователи. Болѣе его сдержанные въ выраженіи своего негодованія на пучину злого бездушія, съ которымъ приходилось имѣть дѣло,—менѣе рѣзкіе и рѣшительные въ выраженіи своего умиленія и сострадапія, они однако твердо шли по пути, указанному „юродивымъ Гаазомъ" въ тѣ періоды его жизни, когда представителямъ начала „все обстоитъ благополучно" удавалось на время „обуздать" безпокойнаго старика. Къ такимъ послѣдователямъ и союзникамъ принадлежали Львовъ и А. И. Тургеневъ.

Дѣятельность Львова, своеобразная и многосторонняя, по справедливости заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія. Матеріалы для послѣдняго уже и собираются. О болѣе кратковременной прикосновенности къ тюремному дѣлу Тургенева можно упомянуть и нынѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ разныхъ источниковъ, письмами Остафьевскаго архива и записками Д. Н. Свербеева.

Студентъ геттингенскаго университета и затѣмъ блестящій, свѣтскій молодой человѣкъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ,

дѣлалъ быстрые и успѣшные шаги по службѣ. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду онъ уже былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ князя А. Н. Голицына, и помощникомъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Паденіе князя А. Н. Голицына въ 1824 году, вслѣдствіе предательства Магницкаго и настояній одинаково знаменитыхъ Фотія и Аракчеева—повлекло за собою увольненіе Тургенева, который остался лишь членомъ коммиссіи составленія законовъ. Затѣмъ противъ брата его, Николая Ивановича, возникло обвиненіе въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825. Хотя нынѣ едва ли могутъ подлежать сомнѣнію какъ неправильность этого обвиненія, такъ и поспѣшность и необдуманность выводовъ послѣдовавшаго за нимъ заочнаго приговора Верховнаго суда, присудившаго Николая Тургенева къ смертной казни,—но Александръ Тургеневъ не счелъ возможнымъ остаться и въ послѣдней должности. Вся дальнѣйшая его жизнь была затѣмъ посвящена хлопотамъ о предоставленіи брату возможности оправдаться,—заботамъ о сохраненіи ему, „умершему политическою смертью", средствъ къ существованію на чужбинѣ и настойчивому разъясненію имущимъ власть и вліяніе въ обществѣ невиновности человѣка, съ которымъ, независимо родства, его связывали чувства глубокаго уваженія и симпатіи, а также воспоминанія о счастливой порѣ одушевленнаго составленія, общими силами, проекта „закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли". Оставивъ тяжелый для него, какъ для брата „декабриста", Петербургъ, онъ поступилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на службу при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ. Служба была въ сущности номинальная и не препятствовала частымъ поѣздкамъ его за границу, для свиданій съ братомъ и для работъ въ иностранныхъ архивахъ. Въ періоды проживанія въ Москвѣ, отдавая почти всю жизнь своему, по выраженію Свербеева, „милому изгнаннику", лишая себя для него необходимыхъ удобствъ и терпя матеріальныя лишенія, Александръ Тургеневъ находилъ утѣшеніе въ заботахъ объ арестантахъ, по примѣру Гааза, о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ съ чувствомъ глубокаго и нѣжнаго почтенія.

„Одно для меня разсѣяніе, — писалъ онъ князю Вяземскому въ 1840 году, — тюремный зáмокъ и архивъ".—„Гаазъ, котораго удалили отъ званія члена тюремнаго общества, но ничѣмъ не могли удержать отъ благодѣтельныхъ для ссыльныхъ посѣщеній тюрьмы, — писалъ Тургеневъ въ томъ же году, — увѣрялъ меня, что полиціймейстеръ Миллеръ человѣколюбивѣе

другихъ: суди поэтому о прочихъ"... Поставленный, по своему чину тайнаго совѣтника и по старинной родовитости, въ болѣе близкія отношенія къ вліятельнымъ въ Москвѣ людямъ, Тургеневъ пользовался этимъ, чтобы относиться къ нимъ непосредственно въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣдному Гаазу приходилось обращаться съ просьбами къ комитету, грозя его членамъ „осужденіемъ, которое Евангеліе произноситъ за слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ" и разсказывая объ „англинской кухаркѣ", находившей, что угри „привыкли" къ тому, чтобы съ нихъ живыхъ сдирали кожу.

„Естьли бы вы могли видѣть,—писалъ въ Вербное воскресенье 1843 года Тургеневъ извѣстному князю С. М. Голицыну,—въ какой грязи утопали сегодня шедшіе въ Сибирь, съ женами и дѣтьми, съ Воробьевыхъ горъ, то сердце ваше конечно бы содрогнулось. Я сбирался лично представить вамъ мою просьбу, но увязъ въ топкой грязи близь Мамоновской дачи и едва отогрѣлся. Вообразите себѣ, что въ слѣдующее, т.-е. Свѣтлое для всѣхъ воскресенье—другіе нещастные, по этимъ же непроходимымъ полямъ, побредутъ, въ оковахъ, (съ женами и съ дѣтьми многіе изъ нихъ)—въ Сибирь. Вы не откажите мнѣ быть орудіемъ вашихъ благодѣяній къ нимъ. Я самъ раздамъ имъ все что Богъ вамъ на сердце положитъ. Право—другой вѣрнѣйшей и лучшей милостыни сдѣлать трудно. Простите моему сердцу—если докучаю вамъ за тѣхъ, за кого скоро будетъ поруганъ и распятъ Искупитель".

На письмѣ этомъ княземъ Голицынымъ была сдѣлана помѣта: „отослано для раздачи пересыльнымъ 200—500 р.". Благодаря за это щедрое пожертвованіе, Тургеневъ отвѣтилъ извѣстнымъ стихомъ:

„Боляринъ—коль за всѣхъ болѣешь"...

„Я получилъ твое письмо,—писалъ Тургеневъ въ 1842 году князю Вяземскому, — вернувшись изъ канцеляріи гражданскаго губернатора, гдѣ наконецъ успѣлъ открыть документъ полицейскій, что мой protégé съ Воробьевыхъ горъ (т.-е. изъ пересыльной тюрьмы) былъ отданъ въ рекруты фальшиво. О немъ сказано, что онъ безъ отца и матери, а *отецъ ежедневно у меня и плачетъ по сынѣ*. Авось спасемъ! Если бы было *еще десять Гаазовъ*, то и ихъ недостало бы для однѣхъ Воробьевыхъ горъ въ Воскресенье. *Онъ, Гаазъ, еще на дняхъ спасъ два семейства*; мнѣ же ничего или мало удается". Въ это же время возникла между Тургеневымъ и княземъ Вяземскимъ довольно ѣдкая пере-

писка, показывающая, до какой степени разошлись между собою внутренно эти старые друзья, взгляды и убѣжденія которыхъ почти по всѣмъ вопросамъ личной и общественной жизни сливались въ гармоническіе аккорды въ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Во многихъ отношеніяхъ стоя головою выше современнаго ему поколѣнія, за небольшими лишь исключеніями, князь Вяземскій, съ годами, дѣлался, однако, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, „человѣкомъ прошедшаго и человѣкомъ прошедшимъ", и постепенно становился на дорогу, на которой за равнодушіемъ къ тому, что̀ когда-то возбуждало негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а затѣмъ и примиреніе съ нимъ—иногда тайное, а иногда и торжественное, „съ отреченіемъ отъ Сатаны"... Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ кн. Вяземскій по временамъ переставалъ понимать Тургенева, и раздражался на широкую гуманность взглядовъ своего друга. Въ перепискѣ ихъ замѣчается въ это время, со стороны князя Вяземскаго, постоянный, хотя и скрываемый подъ развязною простотою дружескихъ отношеній, покровительственный и наставительный тонъ. Вообще кн. Вяземскій, повидимому, любилъ *учительствовать*, а воспріимчивый умъ и увлекающееся сердце Тургенева давали частые поводы для дидактическаго резонерства старѣющаго поэта, который позднѣе находилъ, что у Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, несмотря на ихъ большое дарованіе, „нѣтъ хозяина въ домѣ", что „всякій приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго—*человѣкъ отпѣтый* или, проще говоря, *пѣтый дуракъ*", и что „душевныя бури Лермонтова были внѣшнія, театральныя и *заказанныя* имъ самому себѣ"...

Поводомъ къ упомянутой перепискѣ послужила горячая статья Тургенева о дѣятельности капитана Мэконоши (Maconochie), предназначавшаяся для напечатанія въ Плетневскомъ „Современникѣ". Мэконоши былъ однимъ изъ замѣчательныхъ, по широтѣ задачъ и личной энергіи, работниковъ на поприщѣ усовершенствованія обращенія съ преступниками. Его имя становится извѣстнымъ съ начала сороковыхъ годовъ, когда, сдѣланный начальникомъ штрафного поселенія „неисправимыхъ" преступниковъ на островѣ Норфолькѣ, онъ задумалъ, на ряду съ началами строжайшаго повиновенія, призвать къ дѣятельности лучшія стороны человѣческой природы, никогда не угасающія, но лишь дремлющія, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ. Ему пришлось имѣть дѣло почти съ полутора тысячами закоренѣлыхъ злодѣевъ, уже совершившихъ на мѣстѣ

обычной ссылки, въ Ботани-беѣ, въ Австраліи, какое-нибудь новое, серьезное преступленіе и доставленныхъ на островъ Норфолькъ, причемъ, во время пребыванія ихъ на кораблѣ, какъ видно изъ изслѣдованія Уильяма Тэллока („Penological and preventive principles"), обращеніе съ ними было верхомъ жестокости. Отсутствіе школъ и какого-либо религіознаго назиданія или утѣшенія, непрерывный, сопровождаемый бранью, трудъ, съ угрозою и осуществленіемъ разрушающихъ всякое самоуваженіе побоевъ и тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, съ ночлегомъ въ тѣсныхъ загонахъ, которымъ не позавидовали бы и животныя — дѣлало изъ этихъ сосланныхъ, по выраженію Мэконоши, „собраніе дьяволовъ". Новый начальникъ поселенія былъ чуждъ сентиментальности и умѣлъ быть очень строгимъ тамъ, гдѣ это было неизбѣжно,—но онъ никогда не упускалъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ людьми, изъ которыхъ не было основанія никого признать совершенно неспособнымъ къ исправленію. „Я не пренебрегалъ наказаніемъ,—говорилъ о себѣ, между прочимъ, Мэконоши,—моя система была основана не на слабости или потачкѣ, но я старался дѣйствовать за-одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ это дѣлается въ другихъ тюрьмахъ; направляя и возбуждая стремленіе къ улучшенію своего положенія, свойственное каждому человѣку, я старался устроить такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, на сколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ. Сущность моихъ мѣръ состояла въ возбужденіи въ арестантахъ самоуваженія, склоненіи ихъ воли къ самоисправленію, во внушеніи моимъ помощникамъ лучшихъ и болѣе просвѣщенныхъ чувствъ, въ устройствѣ церквей и школъ, въ неутомимости въ совѣтахъ и увѣщаніяхъ и, наконецъ, въ выказываніи людямъ довѣрія, которое и я, въ свою очередь, старался заслужить". Несмотря на то, что система Мэконоши принесла на мѣстѣ быстрые и обильные плоды, она вызвала противъ него нареканія и скептическое отношеніе къ возможности преобладанія въ тюрьмахъ того, что Тэллокъ называетъ „the contagion of good"—надъ „the contagion of evil". Для того, чтобы господство добрыхъ началъ подавило дурныя страсти,—говорили его противники,—нужно исключительно личное вліяніе исключительнаго человѣка, а оно, какъ и онъ, преходяще и, затѣмъ, все обращается къ еще худшимъ формамъ, къ старому, для успѣшной борьбы съ которымъ нужна не личность, а система, основанная на прочныхъ началахъ. Обвиняемый въ томъ, что „весь секретъ его управленія заключался въ снисходительности, слабости и распущенности—и что аре-

станты потому только вели себя хорошо, что могли дѣлать, что̀ хотѣли", умный и энергическій новаторъ, допустившій, притомъ, нѣсколько промаховъ въ отношеніяхъ къ центральному правительству, былъ отозванъ.

Статью о Мэконоши Тургеневъ просилъ Вяземскаго „пристроить" въ „Современникъ". Извѣщая объ исполненіи порученія своего друга, Вяземскій написалъ ему, въ октябрѣ 1842 г., письмо, выраженія котораго, по собственному его признанію, были „жестки и кислы", представляя „кипятокъ и накипь авторскаго пыла", въ которыхъ бурлили, перебивая другъ друга, упреки, насмѣшки и колкости. „Я совершенно согласенъ съ лордомъ Джономъ Русселемъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—и на его мѣстѣ также приказалъ бы уволить филантропа-капитана. У него умъ за разумъ или сердце за разумъ зашло. Не надобно пересаливать, но не хорошо и пересахаривать. Всѣ эти тюремные концерты, спектакли и иллюминаціи никуда не годятся. Какъ ни говори, а тюрьма должна быть пугаломъ, и если не адомъ безнадежнымъ, то, по крайней мѣрѣ, строгимъ чистилищемъ. Будь тюрьма мѣсто злачное и привольное, гдѣ и сытно, и весело, то честнымъ бѣднякамъ, несущимъ смиренно и терпѣливо бремя и крестъ нищеты и нуждъ, придется завидовать преступникамъ. Еслибы концерты и спектакли служили училищемъ нравственности, то спроси у своего капитана, отчего такъ часто честные люди возвращаются домой изъ спектакля безъ носовыхъ платковъ, часовъ и карманныхъ книжекъ? Такими, увеселяющими средствами и развлеченіями лечатъ иногда безумныхъ и то не всѣхъ; но если подвести преступленіе подъ статью: болѣзнь и безуміе,—то это заведетъ слишкомъ далеко. Все, чего вправѣ требовать благоразуміе и обдуманное человѣколюбіе отъ тюремнаго содержанія и правленія (régime), есть то, чтобы въ тюрьмѣ не портилось здоровье и не перепорчивалась уже испорченная нравственность. Все излишнее кажется мнѣ вреднымъ умничаньемъ и вредною филантропоманіей. Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности есть несбыточное требованіе. Заводите ихъ внѣ тюрьмы и до тюрьмы, а тутъ уже поздно... Цѣню и хвалю побужденіе, которое руководствовало капитаномъ и другими капитанами и *тайными совѣтниками* въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ подобномъ образѣ мыслей, но говорю, что эти капитаны и тайные совѣтники — люди непрактическіе и лунатики, умозрители, и что, по ложному направленію ума и ложному состраданію, они готовы щадить и холить преступниковъ и губить общество. Прекрасное, святое дѣло отстаивать права мень-

шихъ братьевъ и слабыхъ противъ старшихъ и сильныхъ, но нужно ясно опредѣлить, кто слабый и кто сильный, кто притѣснитель и кто жертва. Я говорю, что въ этомъ случаѣ сильный и притѣснитель, настоящій Каинъ, есть тотъ самый Ванька Каинъ, о которомъ вы исключительно хлопочете; а жертва, беззащитный Авель, есть общество... Всѣ эти концерты и спектакли и театральныя представленія на Воробьевыхъ горахъ— вздоры и вздоры. Добро не такъ и не тутъ дѣлается... „Возвращаясь къ твоему капитану, утверждаю, что *наказаніе* нужно и *устраиеніе* нужно, кто что ни говори и какъ ни мудрствуй. И самъ Богъ ничего другого не пріискалъ, а доказательство тому—*потопъ*. Ты скажешь, что онъ не много помогъ и исправилъ: это—другая статья. Кстати, вспоминаю письмо ко мнѣ Сильвіо Пелликo въ отвѣтъ на мои сужденія противъ смертной казни: „Je ne suis pas de ceux qui „s'attendrissent sur le monstre“ (слышите ли?) et qui aboliraient volontiers „l'épouvantement de la vengeance publique“ (слышите ли?). L'auteur d'un crime atroce a encore les droits à nos consolations réligieuses, à nos prières, il n'en a point à „l'indulgence“ qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matières, il n'y a qu'un voeu à former, c'est que les juges ayent une conscience—et certes le cas contraire est rare, plus que les *déclamateurs* ne le supposent. Oui, rare, mais, hélas, il existe. C'est un fléau qui échappe aux règles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bonté de Dieu sônt là pour réparer, pour suppléer, abondamment“... „Если у тебя есть время и деньги и теплыя слезы на добрыя дѣла, на уврачеваніе язвъ, то найдешь много случаевъ и много мѣстъ для утоленія твоей христолюбивой жажды и безъ Воробьевыхъ горъ. Тутъ какое добро можешь ты сдѣлать? Раздать нѣсколько рублей, которые, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, будутъ пропиты съ проводниками, т.-е. съ честною командой на первыхъ 25-ти верстахъ. Понимаю, что можно посвятить себя служенію преступникамъ, т.-е. врачеванію ихъ души, и это едва ли не высшій подвигъ; но это не ограничивается тѣмъ, чтобы дать преступнику калачъ, погладить его по головкѣ и дать почувствовать ему, что о немъ жалѣешь, какъ о жертвѣ беззаконности судей, ибо такое изъявленіе состраданія есть также верховное преступленіе противъ общества. Молясь о преступникѣ, говори: „Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!“ Въ *Твоемъ*— да; но въ *нашемъ*—предавай его дѣйствію закона и ищи дру-

гихъ несчастныхъ, которыхъ много и которымъ можешь доброхотствовать, не нарушая гражданственныхъ необходимостей. Если ты тюремщикъ, то—дѣло другое; ты дѣйствуешь въ кругу своемъ, но для тебя всѣ переулки открыты, вездѣ есть страждущее человѣчество. Что за необходимость ѣздить на Воробьевы горы—se poser là en avocat de l'humanité, и говорить: „смотрите на меня!"

Письмо кн. Вяземскаго сильно огорчило Тургенева, несмотря на увѣренія князя въ дружбѣ и въ любви къ „внутреннему въ немъ человѣку". Напоминая о самоотверженной дѣятельности гонимаго и высмѣиваемаго Гааза, онъ писалъ Вяземскому: „нѣтъ времени отвѣчать, но очень больно и грустно за себя и за тебя... Я—*фарисей*, но мой порокъ не долженъ тебя ауторизировать смѣяться надъ ссылаемыми въ каторгу. Знаешь ли, что меня мучило именно въ тотъ день, когда я получилъ твое письмо? Я два воскресенья, отъ лѣни и боли въ ногѣ, не былъ на Воробьевыхъ горахъ, и моихъ protégés, право, не пьяныхъ, а трезвыхъ, повели въ Сибирь. Имъ и на ѣду, особливо съ дѣтьми (или и они пьяницы? а дѣтей много и каждое воскресенье!) недостаетъ до Владиміра. Грѣхъ тебѣ! Но въ моемъ сердцѣ—сердца на тебя нѣтъ".

Статья Тургенева, который былъ сотрудникомъ „Современника" и печаталъ въ немъ въ 1840 году свою „Хронику Русскаго въ Германіи", не была, однако, напечатана. „Не знаю,— писалъ ему Вяземскій, — пригодится ли Плетневу твоя статья, вовсе не литературная,—и угодитъ ли она цензурѣ". Въ трудѣ Тургенева, слѣдовъ котораго, къ великому сожалѣнію, не удалось найти, очевидно, были указанія и на медленность и бездушіе нашего тогдашняго судопроизводства, столь возмущавшія Гааза и вызвавшія его извѣстное столкновеніе съ Филаретомъ, поставленнымъ въ необходимость признать, что „Христосъ о немъ забылъ". Это предположеніе вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ кн. Вяземскаго: „въ душѣ своей ты гораздо добрѣе и выше, и богоугоднѣе, нежели на *филантропической сценѣ* Воробьевыхъ горъ, гдѣ ты дѣлаешь добро не такъ, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творитъ правая, а напротивъ, обѣими руками печатаешь (?) оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ, и всѣхъ право и криво правящихъ, и тому подобное. Вотъ что меня бѣситъ въ тебѣ"... Въ 1844 году была, впрочемъ, помѣщена въ „Современникѣ" замѣтка, подписанная буквами „Е. К.", подъ названіемъ: „Посѣщеніе этапа для ссыльныхъ у Рогожской заставы въ Москвѣ", но въ ней

ничего не говорится ни о Мэконоши, ни о нашихъ судебныхъ порядкахъ—и ея слащавый тонъ и псевдо-патріотическое содержаніе ничего не имѣютъ общаго съ выразительнымъ и мужественнымъ языкомъ, которымъ писалъ Тургеневъ.

„Дружескіе упреки“ и насмѣшки кн. Вяземскаго не повліяли, однако, на Тургенева. До конца своей жизни онъ продолжалъ ѣздить въ пересыльную тюрьму и „играть на филантропической сценѣ Воробьевыхъ горъ“. Ни совѣты благоразумія, преподаваемые ему его бывшимъ начальникомъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, ни „болтовня“ его друга Булгакова, замѣчающаго въ письмѣ къ князю Вяземскому: „добрѣйшее и странное существо этотъ Тургеневъ“, ни безплодные споры съ „самимъ“ Филаретомъ не оказывали на него вліянія и не затемняли предъ нимъ трогавшій его образъ Өедора Петровича Гааза. Хожденіе по слѣдамъ послѣдняго продолжалось, однако, не долго. Въ декабрѣ 1845 года, блестящій сановникъ Александровскаго времени, который, по словамъ Плетнева (письмо къ Жуковскому 25 декабря 1845 г.), „долженъ бы былъ начать собою въ Россіи рядъ государственныхъ людей, *считающихъ и исторію* государственнымъ дѣломъ“, скончался въ Москвѣ, въ болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ тѣснаго и загроможденнаго книгами маленькаго мезонина... Тотчасъ по полученіи извѣстія объ этой смерти, долженствовавшей „сразить Жуковскаго“, Плетневъ, оплакивая „утрату лучшихъ воспоминаній своей жизни“, поѣхалъ къ кн. Вяземскому. „Онъ все тотъ же—малоподвижный и холодный“,—писалъ онъ, затѣмъ, Я. К. Гроту, сообщая ему о „разрывѣ—въ лицѣ Тургенева—важнаго звена въ опустѣвающемъ кругу“, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, чей прахъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ жандармомъ, въ 1837 году, въ Святогорскій монастырь скончавшійся „актеръ филантропической сцены“...

VI.

Въ первомъ трудѣ нашемъ о Ө. П. Гаазѣ указанъ, съ возможною полнотою, характеръ отношенія его къ тѣмъ проявленіямъ крѣпостного права, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться на Воробьевыхъ горахъ. Чѣмъ и какъ только могъ—старался онъ смягчать роковое осуществленіе почти безграничныхъ правъ помѣщика на измѣненіе всего существованія, на расторженіе всѣхъ естественныхъ узъ и привязанностей своихъ крѣпостныхъ. Онъ былъ неутомимъ въ ходатайствахъ—личныхъ

и чрезъ тюремный комитетъ объ „утишеніи гнѣва" господъ, ссылавшихъ въ Сибирь своихъ „рабовъ", отнимая у нихъ достигнувшихъ работоспособности дѣтей. Когда его настойчивыя попытки смягчить тяжкое крѣпостное иго путемъ измѣненія закона, по ходатайству тюремнаго комитета, оказались совершенно тщетными и на его исполненныя сдержаннаго негодованія и душевной боли представленія было отвѣчено лишь помѣтой: „читано", — онъ обратился къ отысканію возможности подавать помощь въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Тогда, спасая крѣпостныя *души* отъ произвола и жестокости настоящихъ *мертвыхъ душъ*, — онъ выдвинулъ на сцену „одно благотворительное лицо", широкая щедрость котораго въ денежныхъ сдѣлкахъ съ помѣщиками, у которыхъ выкупались дѣти ссылаемыхъ за „продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе" крестьянъ, страннымъ образомъ развивалась въ тѣсной связи съ окончательнымъ исчезновеніемъ личнаго имущества Ѳедора Петровича. Нельзя безъ чувства скорби читать многочисленныя представленія Гааза комитету съ мольбами поднять свой голосъ въ отмѣну или смягченіе мрачныхъ законовъ, отдававшихъ совершенно безправныхъ людей и ихъ семейства въ жертву холодному бездушію, ослѣпленію гнѣва или —иногда—мстительной ревности ихъ господъ.

Старый идеалистъ, вѣрившій въ людей, несмотря на ежедневныя, но безслѣдныя для него разочарованія, Гаазъ думалъ, что достаточно указать на печальныя практическія послѣдствія того или другого закона, чтобы добиться его отмѣны, забывая, что этотъ законъ опирался на цѣлый порядокъ вещей, укоренившійся въ окружающемъ обществѣ и поддерживаемый нравственнымъ безпорядкомъ въ совѣсти многихъ изъ членовъ послѣдняго. Ему не суждено было двинуть впередъ разрѣшеніе задачи, оказывавшейся не по силамъ даже современнымъ ему русскимъ монархамъ. Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, вслѣдствіе обнаруженія возмутительнаго образа дѣйствій отставного штабсъ-капитана Раздеришина, покупавшаго для своего гарема у помѣщиковъ по одиночкѣ малолѣтнихъ „крестьянскихъ дѣвокъ", возникъ вопросъ о воспрещеніи продажи крѣпостныхъ порознь и безъ земли, разработанный въ превосходно составленныхъ проектахъ братьевъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ (по коммиссіи составленія законовъ). Несмотря, однако, на то, что императоръ Александръ Первый, горячо ратовавшій на Вѣнскомъ конгрессѣ за прекращеніе торга *черными* невольниками, отнесся и къ прекращенію у себя торга *бѣлыми* невольниками весьма сочувственно, — государственный совѣтъ похоронилъ этотъ вопросъ. Если, по этому

поводу, знаменитый адмиралъ Мордвиновъ защищалъ допустимость продажи людей по одиночкѣ тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что таковой можетъ содѣйствовать переходу „проданнаго раба отъ лютаго помѣщика въ руки мягкосердаго господина", то другой адмиралъ—А. С. Шишковъ—сталъ на почву еще болѣе широкую. Указывая, что въ то время, когда почти всѣ европейскія державы вокругъ Россіи мятутся и волнуются, послѣдняя всегда пребывала и пребудетъ спокойною, онъ писалъ: „внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ, и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что-жъ перемѣны въ законахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что есть ли бы и воподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять"... Такія мнѣнія затянули дѣло, и оно, въ виду отсутствія настояній со стороны Александра Перваго, было отложено въ долгій ящикъ.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того, по выраженію Ивана Аксакова, „клейма домашняго позора", которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ *правомъ*. „Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства, — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой". Онъ ясно сознавалъ весь вредъ, матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. „Этому должно положить конецъ",—говорилъ онъ П. Д. Киселеву, приглашая его помочь ему въ „процессѣ противъ рабства" и сдѣлаться его „начальникомъ штаба по крестьянской части". Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда,—раболѣпныя увѣренія что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія, —и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ, парализовали волю Государя, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ,—всегда

увѣренный въ своей силѣ и властный, избѣгалъ не только рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и пересталъ высказываться вполнѣ опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи*. Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но *захотѣть* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею келейностью, и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями Государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Горькое сознаніе, внушившее ему извѣстное ироническое изреченіе: „Россія управляется столоначальниками",—должно было рисовать ему ту массу неуловимыхъ, но весьма осязательныхъ затрудненій, съ которыми пришлось бы встрѣтиться при перемѣнѣ сложной сѣти законовъ, столь дорогихъ сердцу Шишкова.—Съ другой стороны, политическіе перевороты на Западѣ оттѣняли особую выгоду и удобство для поддержанія порядка такого внутренняго устройства, при которомъ можно было, указывая на помѣщиковъ, сослаться на „двѣсти тысячъ полицiймейстеровъ"... Тѣмъ не менѣе—мысль о томъ, что для разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ ничего существеннаго не удалось сдѣлать, не могла, однако, не тяготить императора Николая и, конечно, входила въ высказанное имъ своему сыну и преемнику, въ предсмертныя минуты, сожалѣніе, что онъ „передаетъ ему свою команду" не въ томъ улучшенномъ порядкѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть, и что Провидѣніе не судило ему оставить царство „мирнымъ, устроеннымъ и счастливымъ".

Подъ вліяніемъ господствовавшихъ во времена Гааза взглядовъ осуществленіе владѣльцами „душъ" своихъ правъ надъ тѣломъ и чувствомъ подвластныхъ проявлялось очень часто въ самой возмутительной формѣ, — то принимая характеръ необузданнаго произвола, то облекаясь въ своеобразныя формы регламентаціи. Въ первомъ отношеніи достаточно указать, напр., на свѣдѣнія, сообщаемыя въ интереснѣйшемъ сборникѣ г. Дубасова, посвященномъ „Тамбовской старинѣ", объ извѣстномъ князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ, изящномъ свѣтскомъ че-

ловѣкѣ, музыкантѣ и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, писателѣ, который, какъ истинный виртуозъ жестокости, давалъ по *тысячѣ* ударовъ розгами крѣпостнымъ, безъ различія пола, играя, подъ крики истязуемыхъ, на билліардѣ, и, иногда, приказывая затѣмъ къ избитымъ мѣстамъ ставить шпанскія мушки, — мазалъ дегтемъ и смолою провинившихся, держимыхъ въ башенкѣ на крышѣ господскаго дома по нѣскольку дней безъ пищи, и предавался по отношенію къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ всѣмъ ухищреніямъ воспаленной низкимъ и алчнымъ развратомъ мысли... Не менѣе жестокости проявляли и нѣкоторыя помѣщицы. Не даромъ большая часть ходатайствъ Гааза за крѣпостныхъ относилась къ тѣмъ, которыя принадлежали представительницамъ „прекраснаго пола". Здѣсь поводомъ къ систематическому преслѣдованію виновныхъ въ „продерзостныхъ поступкахъ", бывшихъ „причиною негодованія помѣщика", не подлежавшихъ, на основаніи указа 1822 года, „никакому розысканію",—являлась зачастую ревность къ несчастной дѣвушкѣ, поставленной въ безвыходное положеніе между подозрительною барынею и заигрывающимъ бариномъ. Намъ приходилось слышать воспоминанія супруги одного изъ сибирскихъ губернаторовъ конца пятидесятыхъ годовъ о молодой и миловидной нянѣ, взятой изъ ссыльныхъ крестьянокъ, которая наивно объясняла свою ссылку тѣмъ, что „баринъ былъ молодъ, а барыня стара", причемъ оказывалось, что несчастная дѣвушка за то, что баринъ, приходя въ дѣвичью, гдѣ она состояла искусной вязальщицей, иногда останавливался около нея съ „разговоромъ",—была барынею переведена въ прачки и за первую же оплошность въ совершенно новомъ для нея дѣлѣ подвергнута отрѣзанію косы, высѣчена на конюшнѣ, а затѣмъ, очевидно подъ опьяняющимъ вліяніемъ гнѣвной ревности, сослана въ Сибирь...

Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Венингъ нашелъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, устроенныхъ такъ, что, благодаря острымъ спицамъ въ восемь дюймовъ длины, нельзя было лечь, а въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ—пять тяжелыхъ стульевъ, прикованныхъ къ арестантамъ цѣпью съ ошейникомъ, —онъ писалъ: „я основательныя имѣю причины думать, что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто". Конечно, еще хуже было положеніе тѣхъ беззащитныхъ, относительно которыхъ совсѣмъ ненужно было разсчитывать на *угожденіе*, а достаточно было собственнаго, совершенно безконтрольнаго *усмотрѣнія*, и

притомъ даже не помѣщика, а его управляющаго. Въ архивѣ П. И. Щукина есть интересное въ этомъ отношеніи дѣло, изъ котораго видно, что въ 1818 г. къ симбирскому губернатору явилось болѣе ста человѣкъ крестьянъ помѣщицы Наумовой, съ жалобою на нестерпимыя жестокости управляющаго и безплодность своихъ обращеній къ мужу помѣщицы. Между ними оказались двое, прикованные къ тяжелымъ стульямъ, а одинъ съ желѣзною „клѣтью“ на шеѣ, вѣсомъ въ восемнадцать фунтовъ. Изслѣдованіемъ ихъ жалобы обнаружено, что даже за неровно проведенную борозду крестьянъ били плетьми и „батожьемъ“ нещадно, не обращая вниманія на полъ и на беременность нѣкоторыхъ изъ наказываемыхъ, и что въ видѣ орудія наказанія крестьянъ существуетъ въ имѣніи желѣзная шапка, заклепываемая наглухо, заведенная еще при прежнемъ владѣльцѣ имѣнія, графѣ Орловѣ „для обращенія раскольниковъ“ (!) и для пойманныхъ бѣглыхъ. Какъ велики были раскрытыя слѣдствіемъ жестокости, видно изъ того, что шапка, по распоряженію губернатора, была разбита кузнецами, которые призывались для ея заклепыванія на крестьянахъ, и остатки ея брошены въ Волгу; плакавшимъ и благодарившимъ „за судъ Божескій“ крестьянамъ, отслужившимъ молебствіе о здравіи Государя и встрѣтившимъ губернатора съ образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью, было внушено молиться за Государя и повиноваться помѣщику, а губернскому правленію предложено предписать уѣзднымъ предводителямъ „дабы они по званію своему вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть въ виду обращеніе помѣщиковъ и ихъ управляющихъ съ крестьянами и напоминали бы, кому признаютъ нужнымъ, *о духѣ благотворительности нашего времени*“. Но этотъ рѣдкій лучъ человѣчности и справедливости относительно крѣпостныхъ тотчасъ же погасъ въ бюрократической тьмѣ тогдашняго времени, такъ какъ комитетъ министровъ далъ отпоръ слабой попыткѣ систематическаго наблюденія за пользованіемъ помѣщиками своею карательною властью и подтвердилъ ея безконтрольность, кромѣ конечно вопіющихъ случаевъ, въ родѣ лишенія жизни истязаніями,—случаевъ, по большей части безгласныхъ и рѣдко доходившихъ до суда. Комитетъ министровъ нашелъ, что „1) учиненнаго по предложенію губернатора предписанія уѣзднымъ предводителямъ столь гласнымъ образомъ дѣлать не слѣдовало, для того, чтобы симъ не подать повода къ злоупотребленію и затѣйнымъ донесеніямъ на помѣщиковъ самыхъ даже справедливыхъ и благонамѣренныхъ, отчего могутъ возникнуть лишнія безполезныя слѣдствія, влекущія за собою неминуемое разстройство въ имѣніяхъ, и если

не нарушающія вовсе, то по меньшей мѣрѣ неизбѣжно ослабляющія должное повиновеніе, безъ коего всякій порядокъ долженъ исчезнуть, и 2) церемонія, крестьянами учиненная... признается не только неприличною, но даже ни съ чѣмъ не сообразною...", почему и положилъ симбирскому гражданскому губернатору „все сіе поставить на видъ"...

Въ томъ же архивѣ мы встрѣчаемъ интересныя записи харьковскаго помѣщика Замятнина, относящіяся къ примѣненію наказаній къ крѣпостнымъ. Вотъ какъ, со своеобразнымъ юморомъ, описываетъ онъ „происшествіе въ Боркахъ въ 1825 году". „Великаго поста на Страстной недѣлѣ гдѣ всѣ говеютъ гдѣ я живу. Являются ко мнѣ двѣ молодыя дѣвушки въ слѣзахъ, кинувши ко мнѣ въ ноги прося что бы я упросилъ ихъ барыню чтобъ ихъ простили. Я спрашиваю причину ихъ слѣзъ и вины. Они отвечаютъ что недоплели ко времени по 3 вершка кружева, то ихъ сильно высекли и теперь заставили ихъ грязь носить со двора въ передникахъ, проливая горькія слѣзы, примолвя, да мы же говеимъ, и барыня тоже. Я тотчасъ пишу къ барынѣ и прошу чтобъ не разсуждала а простила бы сихъ двухъ наказанныхъ дѣвушекъ для меня. Она отвечаетъ, что все для меня сдѣлаетъ *а сіе правило у нихъ въ точности соблюдается изъ старины.* Я являюсь къ самому обѣду, гдѣ нахожу и протопопа, который тутъ находился по своей службѣ. За столомъ я селъ подлѣ нѣго и завелъ я рѣчь, говоря: какое теперь страшное время, мы всѣ прибѣгаемъ къ Богу, прося прощеніе въ нашихъ грехахъ. Всѣ повторяютъ: да такъ. Господь говоритъ: если вы съ чистымъ сердцемъ прибѣгаете то я прощаю. Но Господь вдругъ взглянулъ въ окошко и ужаснулся, говоря: что я вижу въ такое время когда всѣ прибѣгаютъ къ мнѣ прося прощенія въ грехахъ, я вижу двухъ молодыхъ дѣвушекъ Дашу да Машу подъ наказаніемъ. Кто ихъ такъ наказалъ. Барыня говоритъ я. За что? они по 3 вершка кружева не доплели. Ахъ грешница, вы мнѣ всякоя по 3 пуда грѣховъ наплели да я простилъ васъ а ты за 3 вершка кружева наказуешь!"

Какъ на образецъ довольно рѣдкій регламентаціи взысканій можно указать на „Наказательную книгу 1818 года Муромскихъ вотчинъ дѣйствительной статсъ-дамы и разныхъ орденовъ кавалера графини Литта", въ которой строжайше подтверждается распоряженіе „о присмотрѣ навсегда за крестьянами", въ силу котораго замѣченный въ пьянствѣ или даже найденный въ кабакѣ долженъ быть доставляемъ въ вотчинное правленіе, гдѣ „поступать съ таковыми въ первый разъ—наказать розгами 50 ударами или

взысканіемъ денегъ 50 коп. и на три сутки въ работу,—во второй разъ въ двое того, а въ третій разъ—объстричь половину головы и половину бороды и употребить уже на цѣлой мѣсяцъ въ черную работу".

Дѣйствуя подъ вліяніемъ и по примѣру Гааза, Александръ Ивановичъ Тургеневъ являлся заступникомъ и за ссылаемыхъ крѣпостныхъ. Быть можетъ, къ этому его первоначально понудило и одно тяжелое воспоминаніе, подобно тому, какъ упреки, выслушанные 16-ти-лѣтнимъ Николаемъ Милютинымъ отъ матери за продержаніе своего кучера болѣе пятнадцати часовъ на трескучемъ морозѣ,—вспоминались затѣмъ всю жизнь „кузнецомъ-гражданиномъ", такъ много сдѣлавшимъ для раскованія оковъ крѣпостного права. „Вчера возилъ я французовъ на Воробьевы горы,—пишетъ Тургеневъ князю Вяземскому ровно за 21 годъ до освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1840 года, въ письмѣ, которое представляетъ своего рода микрокосмъ тогдашнихъ „строгихъ" порядковъ,—pour le départ de la chaine.—Вдругъ слышу голосъ: „батюшка, Александръ Ивановичъ!"—Это былъ мой эксъфорейторъ Никифоръ, отданный въ солдаты за пьянство, выключенный изъ жандармовъ въ армію съ придачей 300 палокъ, вытерпѣвшій 2.000 сквозь строй за дерзость противъ начальства и нынѣ ссылаемый въ Сибирь... *Больно тяжко на совѣсти*!"—Быть можетъ, этотъ добродушный возгласъ стараго слуги звучалъ затѣмъ въ душѣ Тургенева, до самой его смерти, сильнѣй, чѣмъ всѣ насмѣшки кн. Вяземскаго, писавшаго ему въ 1842 г.: „хоть ты еще не сенаторъ и не оберъ-прокуроръ, но ты генералъ-прокуроръ всѣхъ несчастныхъ, страждущихъ и обиженныхъ и око Провидѣнія на Воробьевыхъ горахъ и въ прочихъ лощипахъ и вертепахъ правосудія etc., etc... Къ тому же послѣ удовольствія писать кому бы ни было, нѣтъ тебѣ болѣе удовольствія, какъ помогать и дѣлать добро кому бы ни попало".

Объ отношеніи Тургенева къ жертвамъ крѣпостного права свидѣтельствуетъ, между прочимъ, обращеніе его, въ 1843 году, къ популярному и вліятельному въ Москвѣ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. „Есть ли бы сердце ваше мнѣ съ нѣкотораго времени не было такъ извѣстно,—писалъ онъ Голицыну,—я бы, можетъ быть, не рѣшился бы такъ смѣло обратиться къ вамъ; но вотъ въ чемъ дѣло: послѣ осьмимѣсячныхъ хлопотъ мнѣ и Гаазу удалось уговорить одного помѣщика дать волю нещастной женщинѣ, которую онъ почиталъ для него пропадшею и которая назначена была, въ качествѣ бродяги, къ ссылкѣ въ Сибирь. Сверхъ того она должна была быть разлучена съ *десятимѣсячнымъ* ребенкомъ.

Надежда ожила для нее; но для исполненія оной должны мы доставить помѣщику 500 рубл. асс. за выкупъ, или за отпускную. Мы надѣемся уговорить его отпустить ее и за 350 или за 400 р.; и рѣшились собрать сію сумму. Могъ ли я не вспомнить о томъ, кто сокровища свои, какъ нѣкогда предки его, высылаетъ туда, гдѣ тля не тлитъ ихъ, и даетъ взаймы Богови! Удѣлите отъ крупицъ вашихъ погибающей и содѣйствуйте къ ея искупленію во дни нашего Искупителя".

Самого Гааза особенно тревожила судьба бѣглыхъ крестьянъ, водворяемыхъ къ помѣщикамъ, отъ которыхъ они уходили, иногда изъ одной боязни суроваго наказанія за какую-нибудь пустую провинность. Въ архивѣ П. И. Щукина есть переписка о водвореніи къ помѣщицѣ „дворовой дѣвки", бѣжавшей отъ страха предъ жестокимъ наказаніемъ, ждавшимъ ее за „упускъ изъ клѣтки господскаго чижа". Предполагаемыя, съ полнымъ притомъ основаніемъ, страданія возвращаемыхъ „въ первобытное состояніе" заставляли Гааза утруждать тюремный комитетъ мольбами о заступничествѣ предъ возстановленными въ своихъ дерзостно поруганныхъ правахъ владѣльцами душъ. Онъ самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, независимо отъ комитета, писалъ о томъ же мѣстнымъ губернаторамъ, прося ихъ „покровительства смирившемуся". Иногда онъ пытался, подъ предлогомъ болѣзни арестованнаго, остановить дальнѣйшую пересылку бѣглаго и на время удержать его въ лазаретѣ, чтобы дать время комитету и губернатору повліять на помѣщика. Но это ему не всегда удавалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь „умягчить гнѣвъ" послѣдняго, онъ старался подготовить пересылаемаго къ предстоящей суровой долѣ и искалъ для этого опоры въ текстахъ священнаго писанія. Домогаясь во время своей опалы, чтобы при уходѣ партій каждый разъ присутствовалъ членъ комитета, уполномоченный „оказать отправляемымъ людямъ христіанскую услугу",—Ѳедоръ Петровичъ писалъ въ комитетъ 9 января 1840 года: „между выступившими въ прошлый понедѣльникъ оказалась женщина Аграфена, слѣдующая въ Ярославль, въ возвратъ помѣщицѣ своей, отъ коей отлучилась шесть лѣтъ назадъ, изъясняя, какъ обыкновенно, что житья ей не было и т. п. Я старался представить ей, что какіе бы ни были труды и обиды надобно ихъ переносить ради Бога—и для ея утвержденія велѣлъ ей прочитать слова Апостола, которыя мы всегда отмѣчаемъ въ успокоеніе господскихъ людей, а именно посланія къ Ефесянамъ, главы VI, стихи 5—9. Она сперва думала, что сіе не можетъ быть такъ повелѣно отъ Бога, чтобы терпѣть обиды, но когда по прочтеніи въ томъ убѣдилась, то сказала,

что сего никогда не слыхала, а напротивъ ей то въ одно, то въ другое ухо говорили: „бѣги куда-нибудь, за что тебѣ претерпѣвать“. Она жаловалась на то, что всѣ шесть лѣтъ она не была спокойна — и когда я предложилъ ей, до отправленія къ помѣщицѣ, облегчить себя исповѣдью и причастіемъ, она отвѣчала, что очень того желаетъ, еслибы это было возможно. Я тотчасъ сказалъ смотрителю, что женщину сію слѣдуетъ остановить для исповѣди, но смотритель отвѣчалъ, что если она не больна, онъ никакъ ее не остановитъ. И такъ сія женщина вышла изъ вѣдѣнія тюремнаго комитета, не укрѣпившись духомъ,—и даже время упущено просить чрезъ оный предъ помѣщицей той женщины о благоволеніи и приложеніи стиха девятаго сего посланія“.

VII.

Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ былъ человѣкъ глубоко религіозный. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его письма, усердная раздача имъ книгъ духовнаго содержанія и воспоминанія о немъ его воспитанника Норшина и тюремныхъ священниковъ Воинова и Орлова. Особенно привлекательны были для него образы тѣхъ католическихъ подвижниковъ, которые видѣли призваніе истиннаго христіанина не въ аскетической заботѣ о своемъ спасеніи, а въ живой, любвеобильной дѣятельности словомъ и дѣломъ, жертвою и примѣромъ для облегченія ближнихъ и поднятія ихъ духа. Ссылки на Франциска Ассизскаго и Франциска де Саль, примѣры изъ ихъ жизни и восторженные о нихъ отзывы очень часто встрѣчаются въ его письмахъ и даже оффиціальныхъ бумагахъ. Его истинная религіозность, какъ и слѣдовало ожидать, вызывала въ его широкомъ сердцѣ не отчужденіе отъ „несогласно-мыслящихъ“, а благородную терпимость и уваженіе къ ихъ убѣжденіямъ. Будучи ревностнымъ сыномъ римской церкви, въ ученіи которой былъ воспитанъ, онъ скорбѣлъ о раздѣленіи церквей, мечталъ о времени, когда будетъ „едино стадо и единъ пастырь“, и велъ долгія бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, разбирая постановленія флорентійскаго собора и отыскивая въ нихъ пути для примиренія разногласій. Но онъ не былъ ни фанатикомъ, ни узкимъ догматикомъ. Для него, по отзыву дочери его друга, г-жи Поль, православная церковь была равноправною сестрою римской, имѣющею одинаковыя права на уваженіе вѣрующихъ. Онъ столь рѣшительно высказывалъ такой взглядъ и съ такой любовью посѣщалъ православныя богослуженія на Воробьевыхъ горахъ и

въ тюремномъ зàмкѣ, что его пріятель, докторъ Рейсъ, усердный католикъ, однажды сказалъ ему: „еслибы святой отецъ зналъ ваши убѣжденія, онъ давно бы отлучилъ васъ отъ церкви!“ Разставаясь съ воспитанникомъ своимъ Норшинымъ, покидавшимъ Москву для службы въ должности военнаго врача, Гаазъ сказалъ ему—тоже католику—между прочимъ: „ты человѣкъ молодой и у тебя цѣлая жизнь впереди,—но не забывай, что смерть приходитъ внезапно и иногда поражаетъ во цвѣтѣ лѣтъ,—поэтому будь къ ней готовъ—и если тяжко заболѣешь, то старайся быть христіаниномъ до конца и не умереть, не покаясь предъ Богомъ; тогда, если возлѣ не будетъ католическаго патера, зови, не задумываясь, православнаго священника и проси у него напутствія...“—Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стоялъ за свободу совѣсти и неодобрительно относился къ попыткамъ обращенія арестантовъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, основательно предполагая въ большинствѣ случаевъ такого перехода подневольнаго человѣка косвенное нравственное на него давленіе, или личный, своекорыстный разсчетъ обращаемаго. Не надо забывать, что въ дѣйствовавшемъ въ то время уложеніи о наказаніяхъ была статья 157 (ст. 166 XV т. с. з. 1857 года), обѣщавшая иновѣрному не-христіанину, принявшему во время слѣдствія и суда православную вѣру, не только смягченіе мѣры и степени наказанія, слѣдующаго ему за всякое, безъ исключенія, преступленіе, но даже и измѣненіе *рода* наказанія. Существованіе этой статьи могло внушать арестантамъ неправильную, но понятную мысль, что и перемѣна инославнаго исповѣданія на православное можетъ вызвать по отношенію къ подсудимому нѣкоторую благосклонность суда. Переходы католиковъ въ православіе были, по свидѣтельству протоіерея Воинова, не рѣдкимъ явленіемъ въ тюремномъ зàмкѣ. Это было не по душѣ Гаазу, одинаково чтившему всѣ христіанскія исповѣданія. Въ разговорахъ его, сообщаемыхъ докторомъ Пучковымъ, съ отцами Орловымъ и Воиновымъ онъ роапталъ на это, не вѣря въ искренность побужденій обращаемыхъ, и даже разъ приходилъ къ послѣднему нарочно, чтобы уговаривать его не „переводить“ католиковъ, потому что не слѣдуетъ „уговаривать христіанина мѣнять религію, въ которой онъ рожденъ, и притомъ, развѣ предъ Богомъ католикъ и православный, живущіе по завѣтамъ Христа—не одинаковы?“ Изъ такихъ взглядовъ его вытекало и его глубокое состраданіе къ раскольникамъ, которыхъ онъ никакъ не могъ „сопричислить къ тяжелымъ преступникамъ“, полагая, что заблужденіе ихъ о томъ, „чѣмъ угодить Господу“, можетъ быть

разсѣяно не суровою уголовною карою, а „чувствомъ величайшаго о нихъ сожалѣнія, влекущаго помилованіе и милосердіе".

Во взглядахъ своихъ, не раздѣляемыхъ ни холоднымъ умомъ Филарета, умѣвшаго, какъ осеннее солнце, свѣтить, но не грѣть, ни графомъ Закревскимъ съ его самодовлѣющею расторопностью, — Ѳедоръ Петровичъ однако сходился съ великою Екатериною, которая говорила еще въ 1782 году Храповицкому: „въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно". Незавѣдомо для себя, конечно, сходился онъ во мнѣніяхъ и съ однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей, просвѣщеннымъ устроителемъ Крыма и Кавказа, графомъ М. С. Воронцовымъ. Вотъ что̀ писалъ послѣдній къ Кеппену въ письмѣ, отъ 14 февраля 1855 года, хранящемся въ собраніи П. И. Щукина: „Я совершенно согласенъ съ вами на счетъ вреда между крестьянами отъ расколовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, и надо дѣлать все возможное, чтобы уменьшить эту опасность для будущаго и для дѣтей, но въ этомъ надобно поступать весьма осторожно, и ни въ какомъ случаѣ не употреблять не только какихъ-нибудь насилій, но даже увѣщанія черезъ особливыхъ священниковъ, а дѣйствовать примѣромъ и учрежденіемъ школъ, гдѣ мальчики изъ раскольниковъ могутъ учиться вмѣстѣ съ православными, и мало по малу оставить расколъ безъ всякаго принужденія. Но и тутъ надобно имѣть за правило, чтобы дѣтей никогда не посылать въ эти школы ежели родители этого не хотятъ, ибо это былъ бы уже первый шагъ къ насилію, а болѣе нежели сорокалѣтній опытъ мнѣ доказалъ, что всякое насиліе въ такомъ случаѣ есть вещь не только несправедливая, но самая вредная, ибо оно усиливаетъ заблужденіе стариковъ и дѣлаетъ ихъ еще болѣе упрямыми въ нёмъ, тогда какъ кротостью и предоставленіемъ способовъ безъ всякаго насилія для ученія дѣтей и выбирая между священниками только тѣхъ, которые чужды всякаго фанатизма, слѣдуютъ только христіанскому чувству и не стараются получать награды отъ своего начальства за просвѣщеніе будто бы въ православную вѣру, можно навѣрное достигнуть болѣе или менѣе успѣха. Главное дѣло найти добросовѣстныхъ и прямо христіанскихъ священниковъ, которые бы примѣромъ и кроткимъ, умнымъ совѣщаніемъ умѣли достигнуть нашей цѣли; такимъ надобно предоставить нѣкоторыя выгоды и увѣрить ихъ, что я никогда не забуду полезныя ихъ заслуги; — но съ другой стороны, что я не могу позволить или терпѣть,

чтобы въ этомъ благомъ дѣлѣ было малѣйшее насиліе и какія нибудь *свѣтскія* причины или надежды".

Идущіе чрезъ Москву ссылаемые раскольники и сектанты часто находили въ Гаазѣ заступника и ходатая. Сохранилось нѣсколько писемъ, очень характерныхъ и для него, и для писавшихъ. „Не имѣю защитника и сострадателя, кромѣ васъ,—пишетъ ему въ 1845 году крестьянинъ Евсеевъ, находящійся „далеко уже отъ царствующаго града Москвы"—вы одни намъ отецъ, вы братъ, вы — другъ человѣковъ!" — „Спасите, помогите, Ѳедоръ Петровичъ!— восклицаетъ въ 1846 году Василій Метлинъ—склоните сердце князя Щербатова (московскій генералъ-губернаторъ) ко мнѣ, несчастному", объясняя, что содержимый два года въ острогѣ и годъ въ монастырѣ, онъ уголовною палатою оставленъ въ подозрѣніи „касательно духовности или лучше религіи", по обвиненію въ принадлежности къ „масонской фармазонской молоканской вѣрѣ" и велѣно его „удалить къ помѣщику для исправленія"...

Рядомъ съ этой стороною своей дѣятельности, Гаазъ постоянно заботился о духовномъ просвѣщеніи арестантовъ и распространялъ между ними назидательныя книги, безъ различія исповѣданія ихъ авторовъ. Такъ, послѣ своихъ хлопотъ о снабженіи пересыльныхъ книгами священнаго писанія при великодушномъ содѣйствіи Мерилиза и объ установленіи раздачи имъ его оригинальной книжки „А. Б. В. христіанскаго благочестія"— Гаазъ очень хотѣлъ раздавать книгу преосвященнаго Тихона Воронежскаго „о должностяхъ христіанина". Но денегъ на это у него не было,—не находилось ихъ и въ тюремномъ комитетѣ. Тогда, 16 сентября 1847 г., онъ обратился съ особою докладною запискою къ князю С. М. Голицыну, умоляя пожертвовать деньги на бумагу, чтобы напечатать 4.000 экземпляровъ этой „безцѣнной книги" и раздать ихъ не только содержащимся въ Москвѣ, но даже послать для той же цѣли въ тобольскій тюремный комитетъ. Князь Голицынъ удовлетворилъ просьбу старика, мысль котораго постоянно стремилась за близкими его сердцу „несчастными" и изыскивала способы содѣйствовать ихъ нравственному утѣшенію и душевному подъему предъ окончательной „разверсткой" ихъ по Сибири. Онъ не дожилъ до осуществленія возвышенной мысли великой княгини Елены Павловны объ учрежденіи первой въ мірѣ военной общины сестеръ милосердія, извѣстной Крестовоздвиженской Общины, но можно представить, *какъ* привѣтствовалъ бы это святое дѣло авторъ „Appel aux femmes". Вѣроятно, въ его дѣятельной головѣ возникла бы мысль объ учрежденіи *тюремной* общины сестеръ милосердія для увра-

чеванія, самоотверженнымъ участіемъ подавленной или ожесточенной души узниковъ...

VIII.

Среди пестраго и разнообразнаго населенія московской долговой тюрьмы—такъ называемой „Ямы“—была своеобразная группа должниковъ, представлявшая одно изъ тѣхъ явленій, которыя въ будущемъ заставятъ историка или изслѣдователя общественнаго устройства останавливаться въ недоумѣніи предъ неизбѣжной альтернативой между глупой жестокостью или жестокой глупостью въ примѣненіи карательныхъ мѣръ. Какъ было указано въ нашемъ первомъ очеркѣ дѣятельности Гааза, арестантовъ разнаго рода, имѣвшихъ несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею, лечили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость леченія, по особому росписанію, вносили въ счетъ, предъявляемый освобождаемому въ день истеченія срока содержанія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него „голъ какъ соколъ“, не было никакихъ средствъ уплатить по такому счету, и его переводили въ Яму, зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ Ямѣ сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе „неисправные должники“ чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, особенно сильно тяжесть заключенія, послѣ промелькнувшей предъ ними возможности освобожденія. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія *за преступленіе*, они лишались ее вновь за *новую вину*, избѣжать которой было не въ ихъ власти:—они дозволили себѣ быть больными! Изъ разсмотрѣнія дѣлъ московскаго тюремнаго комитета, однако, оказывается, что содержаніе въ Ямѣ являлось привилегіей особо избранныхъ, а крестьяне и, въ особенности, крестьянки оставлялись „на высидкѣ до уплаты долга приказу общественнаго призрѣнія“ тамъ же, гдѣ содержались по приговору суда, причемъ, въ случаѣ особой болѣзненности арестантки или хроническаго у нея недуга, лишеніе свободы грозило продлиться всю ея жизнь. Такъ, изъ донесеній Гааза комитету видно, что въ іюлѣ 1830 г. въ московскомъ тюремномъ замкѣ содержалась крестьянка Дарья Ильина за неплатежъ 30 рублей, издержанныхъ на ея леченіе,—а въ сентябрѣ въ тотъ же замокъ посажена даже и не арестантка, судившаяся и отбывшая нака-

заніе, а бывшая крѣпостная помѣщика Цвѣткова, Матрена Иванова. Она была поднята на улицѣ въ болѣзненномъ состояніи „отъ чрезмѣрнаго кровотеченія" и отправлена въ Екатерининскую больницу, пробывъ въ которой семь мѣсяцевъ, вернулась къ помѣщику со счетомъ за леченіе. Но онъ предпочелъ дать ей вольную. Съ этого времени она стала должницею приказа общественнаго призрѣнія и безъ дальнихъ околичностей была посажена въ тюрьму „впредь до удовлетворенія претензіи". „Неизвѣстное благотворительное лицо" выкупило ее, чрезъ посредство Гааза, который тогда же сталъ собирать капиталъ для „искупленія должниковъ" и вмѣшиваться, къ негодованію тюремнаго начальства, въ провѣрку исчисленія размѣровъ недоимки, за излеченіе отъ приводившей къ тюремному заключенію болѣзни.

IX.

Въ послѣдней главѣ первой работы нашей, посвященной Гаазу, сдѣланъ, по имѣвшимся въ то время матеріаламъ, очеркъ личной жизни этого замѣчательнаго человѣка. Въ этомъ очеркѣ не приходится ничего измѣнить и въ виду постепенно накопившихся новыхъ данныхъ, лишь подтверждающихъ свѣтлое представленіе о Өедорѣ Петровичѣ. Но нѣкоторые изъ этихъ данныхъ довольно характерны сами по себѣ, рисуя какъ самого „утрированнаго филантропа", такъ и ту среду, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Они могутъ быть изложены въ видѣ слѣдующихъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

Гаазъ отличался не только пониманіемъ душевныхъ нуждъ несчастнаго, но и снисхожденіемъ къ житейскимъ потребностямъ и привычкамъ человѣка, внезапно исторгнутаго изъ обычной обстановки преступленіемъ, иногда неожиданнымъ для самого виновнаго. Одинъ изъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, вспоминая разсказы своихъ родныхъ—коренныхъ москвичей—о Өедорѣ Петровичѣ, передаетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ въ московскій тюремный замокъ поступилъ нѣкто Л., арестованный за покушеніе на убійство человѣка, соблазнившаго его жену и побудившаго ее бросить маленькихъ дѣтей. Къ тоскѣ и отчаянію, овладѣвшимъ имъ въ тюрьмѣ, присоединилась болѣзненная потребность курить. Отсутствіе табаку и крайняя затруднительность его незаконнаго полученія дѣйствовали самымъ угнетающимъ образомъ на этого страстнаго курильщика. Посѣтившій

его Ѳедоръ Петровичъ нашелъ необходимымъ прописать ему, для укрѣпленія здоровья, *декохтъ* изъ какихъ-то травъ и снадобій. Послѣднія приносились по его порученію и личному распоряженію арестанту большими пакетами „изъ аптеки"... и удовлетворенный курильщикъ пересталъ испытывать страданія физическихъ лишеній...

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ какіе-то путешественники привезли въ Москву безпріютнаго двѣнадцати-лѣтняго мальчика, круглаго сироту, встрѣченнаго ими въ ковенской губерніи—и не знали, что съ нимъ дальше дѣлать. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ взялъ мальчика къ себѣ, занялся съ любовью его воспитаніемъ, самъ преподавалъ ему математику и естественныя науки и довелъ его до университета, въ которомъ помогъ ему, своею заботою и наблюденіемъ, окончить въ 1846 году курсъ лекаремъ.

Этотъ мальчикъ былъ Николай Агапитовичъ Норшинъ, скончавшійся 78-ми лѣтъ, два года назадъ, въ Рязани, отставнымъ губернскимъ врачебнымъ инспекторомъ. Переписка Гааза съ нимъ, начиная съ осени 1846 года, обнаруживаетъ, съ какимъ сердечнымъ участіемъ и нѣжной заботою слѣдилъ старикъ за жизнью своего питомца, приходя къ нему на помощь и матеріальною поддержкою, и совѣтами, въ которыхъ всегда слышалось „sursum corda!" Норшинъ въ теченіе своей долгой жизни перевелъ много медицинскихъ книгъ, за которыми провелъ и послѣдніе годы своей *домосѣдной* жизни въ самой скромной обстановкѣ. Онъ пользовался, по словамъ „Русскаго Врача", общимъ уваженіемъ, обладалъ всестороннимъ образованіемъ и, „будучи достойнымъ воспитанникомъ доктора Гааза", отличался добротою, прямотою характера и умѣньемъ стоять за гонимыхъ. Поздравляя Норшина съ имянинами и днемъ рожденья и наивно перечисляя при этомъ, подобно людямъ изъ простого народа, всѣхъ вспомнившихъ о немъ и посылающихъ поклоны („nous vous félicitons tous: Осипъ Никифоровичъ, Николай Дмитріевичъ, Надежда Яковлевна, et le petit Алексѣй Дмитріевичъ, et la Пелагея..."), Гаазъ обыкновенно тотчасъ же переходитъ къ идеямъ и вопросамъ высшаго порядка и объясняетъ „имяниннику", чего онъ ждетъ отъ него по отношенію къ людямъ. „Вспомните въ этотъ день,—пишетъ онъ въ 1846 году,—что надо стараться идти по путямъ, начертаннымъ Богомъ, которые суть единственно ведущіе къ счастію, состоящему въ спокойствіи совѣсти; на всѣхъ другихъ путяхъ насъ встрѣтятъ лишь

призраки счастія и иллюзіи довольства"... „Вы говорите мнѣ,— пишетъ онъ въ другой разъ,—о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на васъ первыми служебными встрѣчами (Норшинъ былъ военнымъ врачомъ). Я думаю, что еслибы ваше житейское назначеніе *состояло* лишь въ томъ, чтобы исправлять или замѣнять добромъ зло, которое приносятъ „эти люди" своими гнѣвными вспышками и безжалостнымъ обращеніемъ, то и тогда мы должны бы радоваться, что Провидѣніе помогло намъ окружить васъ съ молодости нашей дружбою и дать въ васъ выработаться тѣмъ прекраснымъ качествамъ ума и сердца, которыя вы *должны* употреблять на счастье ближнихъ"... „Мнѣ радостно было узнать,—пишетъ Гаазъ 5-го іюля 1847 года,— что вамъ пришлось оказать гостепріимство нѣсколькимъ бѣднякамъ. Конечно, это всего угоднѣе Богу,—но еслибы у васъ не было у самого ни крова, ни пищи, ни денегъ, чтобы раздѣлить съ несчастнымъ, не забывайте, что добрый совѣтъ, сочувствіе и состраданіе—есть тоже помощь и иногда очень дѣйствительная..." Въ одномъ изъ писемъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Өедоръ Петровичъ, оставшійся на всю жизнь холостякомъ „чистымъ какъ дитя", по выраженію протоіерея Бѣлянинова, высказалъ Норшину, между прочимъ, свой взглядъ на супружескія отношенія. „Вы намѣреваетесь, дорогой другъ, жениться,—пишетъ онъ 18-го іюля 1851 г.,—да благословитъ Богъ ваше намѣреніе и пусть ваше семейное счастье будетъ земною наградою за добро, которое вы старались и стараетесь дѣлать окружающимъ. Вы знаете мой взглядъ на счастіе. Оно состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Поэтому—избѣгайте, другъ мой, всего, чтò почему-либо можетъ огорчить вашу жену, вашу подругу—и предусмотрительно обдумайте свой образъ дѣйствій такъ, чтобы дѣлать ей пріятное. Haec fac ut felix vivis! Меня нѣсколько тревожитъ разность вашихъ исповѣданій. Ваша будущая жена протестантка, а еще Шеллингъ сказалъ какъ-то въ Іенѣ, что протестанты перестали бы быть таковыми, еслибы постоянно не протестовали. Между супругами должно существовать полное согласіе и взаимное пониманіе. Но его лучше всего достигнуть не спорами и препирательствами, а помня, что Богъ одинъ для всѣхъ, и относясь къ женѣ такъ, какъ апостолъ Петръ совѣтуетъ ей относиться къ мужу, т.-е. украшая себя нетлѣнною красотою кроткаго и молчаливаго духа..."

Первое впечатлѣніе, вызываемое оригинальнымъ костюмомъ Гааза и его сангвиническимъ, нѣсколько суровымъ лицомъ, ожив-

лявшимся доброю улыбкой лишь когда онъ говорилъ,—не всегда было благопріятнымъ для него. Его громкій голосъ, живыя движенія, нѣкоторая торопливость и вмѣстѣ разсѣянность человѣка, постоянно захваченнаго одною, жизненной для него, заботой—дѣйствовали раздражающимъ образомъ на нервныхъ людей. По словамъ автора „послѣднихъ дней жизни Гоголя" (С.-Петербургъ, 1857 г.), доктора Тарасенкова, именно такое непріятное впечатлѣніе производилъ онъ обыкновенно на больного и мрачно настроеннаго великаго писателя нашего, который даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Какъ нарочно, въ 1852 году, почти за два мѣсяца до смерти Гоголя—они встрѣтились въ ночь подъ новый годъ на лѣстницѣ дома графа Толстого. Гаазъ, думая вѣроятно пожелать Гоголю рядъ счастливыхъ годовъ, не совладалъ съ переводомъ своей мысли на русскій языкъ и сказалъ Гоголю, что хотѣлъ бы ему такого *новаго* года, который даровалъ бы ему *вѣчный* годъ. Слова эти произвели на суевѣрнаго Гоголя очень дурное впечатлѣніе и поселили въ немъ, замѣченное окружающими, уныніе...

Гаазъ умиралъ совершеннымъ бѣднякомъ. Небольшіе остатки движимости, когда-то принадлежавшей модному и богатому московскому врачу, ѣздившему четверкою, были давно проданы съ аукціона и лишь частями, перекупленные изъ третьихъ рукъ, возвращены ему его невѣдомыми почитателями. Но все это скудное имущество давно обветшало и ничего не стоило. Трогательнаго человѣколюбца пришлось хоронить на счетъ казны, мѣрами полиціи. И тѣмъ не менѣе онъ оставилъ обширное *духовное завѣщаніе*! Его непоколебимая вѣра въ людей и въ ихъ лучшія свойства не изсякла въ немъ до конца. Онъ былъ *увѣренъ*, что тѣ, кто изъ уваженія къ нему и изъ неудобства отказывать его скромнымъ, но неотступнымъ просьбамъ, помогали его бѣднымъ—и послѣ его смерти будутъ продолжать „торопиться дѣлать добро". Совершенно упуская изъ виду значеніе своей личности и ея, подчасъ неотразимаго, вліянія, онъ—въ полномъ непониманіи юридическихъ формъ—наивно и трогательно распоряжался *будущими* благодѣяніями добрыхъ людей, какъ своимъ *настоящимъ* богатствомъ. Назвавъ рядъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, отъ которыхъ можно было *несомнѣнно* ожидать пожертвованій, Гаазъ рисовалъ въ завѣщаніи широкіе планы различныхъ благотворительныхъ учрежденій, подлежавшихъ основанію на капиталы „благодѣтельныхъ лицъ", которыми долженъ былъ распоряжаться, въ качествѣ душеприказчика, докторъ Поль. Но огонь состраданія къ

людскому несчастью, согрѣвавшій этихъ лицъ, горѣлъ, въ сущности, не въ нихъ, а въ безпокойномъ идеалистѣ, успокоившемся на Введенскихъ горахъ. Чувства, которыя умѣлъ зажигать Гаазъ, угасли еще скорѣе, чѣмъ его память—и докторъ Поль долженъ былъ ограничиться лишь изданіемъ, на свой счетъ, брошюры „Appel aux femmes".

Строгій блюститель нравовъ въ себѣ и въ другихъ, Гаазъ не всегда дѣйствовалъ одними совѣтами, назиданіями и убѣжденіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пробовалъ оказывать своеобразное „противленіе злу" активными—и даже *разрушительными* дѣйствіями. Знавшимъ его ближе москвичамъ было извѣстно, что онъ очень любитъ хорошія картины и умѣетъ ихъ цѣнить. Когда, въ домѣ одного богатаго купца, онъ восхитился прекрасной копіей съ мадонны Ванъ-Дейка и выразилъ желаніе, чтобы она была помѣщена въ католической церкви въ Москвѣ, картина была препровождена на другой день къ нему, но съ условіемъ, чтобы до его смерти она у него и оставалась. Единственное украшеніе бѣдной обители Гааза, по его кончинѣ она была передана въ церковь, какъ того всегда желалъ ея временный обладатель. У него же хранилось, подаренное кѣмъ-то, художественно исполненное изображеніе „снятія со креста", тисненное на кожѣ. Имъ благословилъ онъ, умирая, ординатора „Гаазовской больницы" Собакинскаго, который впослѣдствіи пожертвовалъ этотъ образъ въ церковь подмосковнаго села Куркина, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ съ соотвѣтствующею надписью.

По разсказу московскаго старожила, служившаго еще у Ровинскаго, когда тотъ былъ губернскимъ прокуроромъ, г. Н—ва,—въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, у одного изъ московскихъ купцовъ, стараго холостяка, явилось непреоборимое желаніе похвастаться предъ „святымъ докторомъ" висѣвшею въ спальнѣ, задернутою зеленой тафтой картиною, на которой откровенность изображенія доходила до крайнихъ предѣловъ грязной реальности. Послѣ долгихъ колебаній—онъ, наконецъ, рѣшился, заранѣе готовясь услышать негодующіе упреки Гааза. Но тотъ молчалъ, а затѣмъ сталъ просить продать ему картину. Владѣлецъ ни за что не соглашался, указывая на всю трудность полученія такой „рѣдкостной вещи", но, видя, что старикъ, котораго онъ глубоко чтилъ, страстно желаетъ, къ немалому его удивленію, имѣть неприличную картину,—предложилъ ему, скрѣпя сердце, принять ее въ подарокъ. Ѳедоръ Петровичъ наотрѣзъ отказался, продолжая просить *продать* картину. Тогда купецъ заломилъ очень большую цѣну. Гаазъ заду-

мался, потомъ сказалъ: „картина за мной“—и уѣхалъ. Чрезъ два или три мѣсяца онъ привезъ требуемую сумму, доставшуюся ему, конечно, путемъ труда и большихъ лишеній,—и, довольный, увезъ въ своей пролеткѣ тщательно завѣшанную тафтою картину. Этотъ увозъ оставилъ пустое и больное мѣсто въ обыденномъ существованіи нечистоплотнаго холостяка,—онъ затосковалъ,—и чрезъ нѣсколько дней рѣшился, подъ какимъ-то предлогомъ, заѣхать къ Гаазу, чтобы хоть взглянуть на *нее*. Старикъ принялъ его привѣтливо и началась бесѣда. Гость пытливо обводилъ глазами стѣны единственной пріемной комнаты (другая, маленькая, была спальнею). Картины не было. Наконецъ онъ рѣшился спросить хозяина о судьбѣ утраченнаго сокровища. „Картина здѣсь, въ этой комнатѣ“, сказалъ хозяинъ. „Да гдѣ же, Ѳедоръ Петровичъ,—не видать что-то?!“—„Въ *печкѣ*...“, спокойно отвѣтилъ Гаазъ.

Не одна икона св. Ѳеодора Тирона, сооруженная въ нерчинскомъ острогѣ каторжниками, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти „Ѳедора Петровича“,—свидѣтельствуетъ о его популярности между тѣми, кто испыталъ на себѣ его доброту или слышалъ о ней. Въ его жизни было происшествіе, которое, обратившись потомъ въ легенду, связывалось иногда съ другими именами и, между прочимъ, съ именемъ покойнаго присяжнаго повѣреннаго Доброхотова. Но въ письмѣ, полученномъ пишущимъ эти строки, въ 1897 году, по выходѣ въ свѣтъ очерка жизни Гааза, отъ Д. И. Рихтера, проведшаго дѣтство въ Москвѣ и посѣщавшаго съ отцомъ своимъ могилу Ѳедора Петровича на Введенскихъ горахъ, удостовѣряется, что это произошло именно съ Гаазомъ. Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку-больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ, въ глухомъ и темномъ переулкѣ, нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по его обычаю, „въ накидку“. Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и притомъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія, внушительныя угрозы, понятны. „Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло,—сказалъ имъ тогда старикъ,—то придите за шубой ко мнѣ, я велю ее вамъ отдать или прислать, если скажете—куда, —и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ;—зовутъ меня докто-

ромъ Гаазомъ и живу я въ больницѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному..." —„Батюшка, Өедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники,—да ты бы такъ и сказалъ, кто ты! да кто-жъ тебя тронетъ,—да иди себѣ съ Богомъ! если позволишь, мы тебя проводимъ..."

Про Гааза можно сказать словами Некрасова, что онъ провелъ свою богатую трудомъ и добровольными лишеніями жизнь „упорствуя, волнуясь и спѣша". И у него была—и осталась такою до конца—„наивная и страстная душа". Немногіе друзья и многочисленные, по необходимости, знакомые часто видѣли его грустнымъ, особенно когда онъ говорилъ о тѣхъ, кому такъ горячо умѣлъ сострадать—или гнѣвнымъ, когда онъ добивался осуществленія своихъ правъ на любовь къ людямъ. Но никто не видѣлъ его скучающимъ или предающимся унынію и тоскѣ. Сознаніе необходимости и нравственной обязанности того, что̀ онъ постоянно дѣлалъ, и непоколебимая вѣра въ духовную сторону человѣческой природы, въ связи съ чистотою собственныхъ помысловъ и побужденій—спасали его отъ отравы унынія и отъ отвращенія къ самому себѣ, столь часто скрытаго на днѣ тоски... Безтрепетно и безоглядно добиваясь всего, что̀ только было возможно при существующихъ условіяхъ и очень часто размѣнивая свои общія усилія на случаи помощи въ отдѣльныхъ, повидимому ничѣмъ между собою не связанныхъ, случаяхъ—онъ, быть можетъ самъ того не сознавая, систематически и упорно, собственнымъ примѣромъ служилъ будущему, въ которомъ задачу тюремнаго дѣла, какъ одного изъ видовъ наказанія, должно будетъ свести къ возможно бо̀льшей *общественной самозащитѣ* при возможно меньшемъ причиненіи *безплоднаго личнаго страданія*. И въ этомъ его заслуга—и уже въ одномъ этомъ его право на благодарное воспоминаніе потомства...

А. Кони.

СИРОТСКАЯ ЖИЗНЬ

Бытовой разсказъ.

I.

На краю села Высокаго, почти уже за околицей, стоитъ крошечный бѣленькій домикъ. При домикѣ такой же маленькій дворикъ, небольшой садъ и огородъ, да и люди въ домикѣ живутъ незначительные—вдова псаломщика, Марья Михайловна Лебедева, съ восьмилѣтнимъ сыномъ Васей.

Трудно живется бѣдной вдовѣ; всего ей тридцать лѣтъ, а горе да нужда уже сгорбили ее, сморщили и покрыли сѣдиною. Мало свѣтлыхъ дней было въ жизни Марьи Михайловны. На пятнадцатомъ году лишилась она матери и осталась съ горькимъ пьяницей-отцомъ,—псаломщикомъ того же села Высокаго,—да двумя малолѣтними сестрами.

Взялась Маша за хозяйство: шьетъ, моетъ, стряпаетъ, присматриваетъ за сестрёнками, ублажаетъ буйнаго во хмелю отца. Тяжко было сироткѣ, но все бы терпѣливо снесла она, еслибы родитель ея хоть часть своего заработка давалъ ей на домашніе расходы. Но Михайло Алексѣичъ давно уже завелъ обыкновеніе всѣ свои доходы цѣликомъ относить къ высоковскому цѣловальнику Папилѣ Иванову Кособрюхову, а семьѣ своей предоставилъ самой снискивать себѣ пропитаніе.

Стала Маша ходить на поденную работу: гдѣ пожнетъ, гдѣ покоситъ; заработаетъ рубль-другой—тѣмъ и живутъ.

Цѣлыхъ шесть лѣтъ билась такъ мужественная дѣвушка и начала ужъ привыкать къ своей тяжелой долѣ, какъ вдругъ постигъ ее новый ударъ.

Въ самое Рождество отправился Михайло Алексѣевичъ съ другими славить Христа. Обходили они домовъ полтораста—и такъ псаломщикъ „наславился“, что сердобольные мужики положили его въ сани, нахлобучили покрѣпче на голову шапку и, посадивъ на облучокъ мальчишку, велѣли полегоньку везти домой. Пришлось проѣхать верстъ десять по здоровому морозу. На крутомъ спускѣ къ рѣкѣ мальчишка никакъ не могъ сдержать разгорячившагося меринка: сани раскатились, ударились о придорожный столбъ... разъ... другой... третій... кувыркнулись на бокъ, съ быстротою молніи выпрямились и затѣмъ пошли обычнымъ ходомъ.

Часа черезъ полтора санки примчались домой; только тогда кучеренокъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что псаломщика въ санкахъ не было.

— А гдѣ-жъ Михайло Алексѣичъ?—спрашивали его.

А Михайло Алексѣевичъ, у котораго хмель быстро перешелъ въ тяжелый, непреодолимый сонъ, какъ выпалъ сонный изъ саней послѣ перваго же удара о столбъ, такъ и остался спать на дорогѣ.

Поѣхали искать его, подняли и привезли домой. Очнувшись, Михайло Алексѣичъ не могъ встать съ постели; жаловался на слабость, тяжесть въ головѣ, нестерпимую боль въ ногахъ, но никто не обращалъ на это вниманія.

— Просто съ похмелья ломаетъ,—далъ заключеніе опытный въ сихъ дѣлахъ церковный сторожъ Парамонъ.

Но когда и на слѣдующее утро Михайло Алексѣичъ не поднялся съ кровати и отказался даже и отъ осьмушки водки, всѣ рѣшили, что онъ, пожалуй, и вправду нездоровъ.

Къ вечеру у Михайла Алексѣича начался бредъ. Пришелъ самъ о. Досиѳей; посмотрѣлъ на распухшія, какъ бревна, ноги псаломщика, окликнулъ его по имени и, не получивъ отвѣта, покачалъ головою и послалъ нарочнаго за фельдшеромъ Мойшей Рабиновичемъ.

Рабиновичъ пріѣхалъ дня черезъ три; постукалъ больного, послушалъ, пощупалъ животъ, ткнулъ пальцемъ въ распухшую ногу, опредѣлилъ какой-то „тифусъ абдоминалисъ“ и „отмороженіе нижнихъ конечностей“ и велѣлъ везти въ больницу.

Отъ „тифуса“ Михайло Алексѣичъ очень скоро оправился, „конечности“ же пришлось отнять, и, провалявшись мѣсяцевъ пять въ больницѣ, высоковскій псаломщикъ вышелъ оттуда уже ни на что негоднымъ калѣкой.

II.

Еще тяжелѣе стало бѣдной Машѣ. Къ прежнимъ трудамъ и заботамъ прибавилась новая: пришлось няньчиться съ отцомъ.

Полная его безпомощность сильно сократила и безъ того скудные заработки Маши. Иной разъ и зовутъ ее жать иль покосить, да какъ пойдешь? На кого оставить несчастнаго калѣку? Сестры еще малы и слабосильны, чужимъ платить надо. А чѣмъ,— коли сами, пообѣдавъ однимъ хлѣбушкомъ, частенько ложились спать вовсе безъ ужина?

Плохо приходилось Машѣ, да спасибо, выручилъ о. Досиѳей. Онъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшился поѣхать къ архіерею.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — преосвященнѣйшій владыко, спасите погибающую семью!

Преосвященный выслушалъ о. Досиѳея благодушно и потребовалъ у него „бумагу".

О. Досиѳей, которому всѣ порядки духовные извѣстны были до тонкости, подалъ приготовленное заранѣе прошеніе, и владыка начерталъ на немъ: „Дѣвицѣ Маріи Софійской предоставляется право пріискать себѣ жениха, за коимъ и зачисляется вакансія псаломщика при Высоковской церкви".

Заручившись такой „резолюціей", о. Досиѳей, на обратной дорогѣ домой, завернулъ въ ближайшій мужской монастырекъ, гдѣ спасался отъ холода и голода дальній его родственничекъ, Степанъ Васильичъ Лебедевъ, изъ недоучившихся воспитанниковъ духовнаго училища. Порѣшивъ съ голоднымъ Степой съ двухъ словъ, о. Досиѳей привезъ его къ Машѣ, въ качествѣ жениха.

Не до выборовъ было обездоленной нуждою Машѣ, и она съ радостью согласилась выйти замужъ за рябого и подслѣповатаго Степана.

— Ну, ужъ и женихъ! — возмущался рѣчистый церковный сторожъ Парамонъ: — такъ-себѣ, огарокъ какой-то,—плевкомъ перешибешь.

Но Степанъ Васильичъ хотя и не вышелъ наружностью, но сердце имѣлъ необыкновенно доброе, и для Маши настали счастливые дни. Мужъ любилъ ее, баловалъ, чѣмъ могъ, изо всѣхъ своихъ слабыхъ силёнокъ помогалъ ей въ трудахъ и „винному малодушеству" не предавался.

Обзавелись они кое-какой скотинкой, одеждой, утварью, се-

стеръ отдали въ ученье городской портнихѣ, а тутъ вскорѣ и сына Богъ послалъ.

Маша расцвѣтала.

III.

Не долго длилось, однако, Машино счастье. На третьемъ году супружества, въ праздникъ Крещенья, во время крестнаго хода на воду, Степанъ Васильичъ сильно простудился. Появился рѣзкій, сухой кашель, не очень сильный, но упорный. Ни малина, ни липовый цвѣтъ, ни какіе-то порошки, данные докторомъ, не помогали. Началъ пропадать голосъ, появилось кровохарканіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Степанъ Васильичъ Лебедевъ скончался отъ скоротечной горловой чахотки.

Настали для Марьи Михайловны опять самые тяжелые дни. Чѣмъ жить? гдѣ пріютиться?—вотъ насущные вопросы, которые грозно встали передъ ней. Больше всего убивало Машу то, что негдѣ ей приклонить свою голову. Со смертью мужа она лишалась казенной квартиры, нанять свою было не на что. Эхъ, будь она одна, поступила бы хоть въ прислуги, а теперь кто возьметъ ее съ двойною обузой?

Просить еще разъ о закрѣпленіи за нею высоковскаго мѣста нечего было и думать. Кто рѣшится взять ее съ крошкою-сыномъ и капризнымъ калѣкой-отцомъ? Кто согласится быть родителемъ чужому дитяти? Въ комъ, наконецъ, найдется достаточно мужества, чтобы женитьбой на вдовѣ навѣки лишить себя права облекаться при богослуженіяхъ въ живописнѣйшую одежду, именуемую стихаремъ?

Надумала Маша толкнуться въ богадельню для вдовъ и сиротъ духовенства. Оттуда послѣдовалъ скорый и рѣшительный отвѣтъ: „за недостиженіемъ узаконеннаго возраста, принята быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что и свободныхъ мѣстъ въ настоящее время не имѣется“. Слыхала Маша стороною, что половина призрѣваемыхъ въ богадельнѣ изъ городского духовенства—люди все зажиточные, которые сами могли бы содержать себя, да что подѣлаешь? Ей ли, малому человѣку, бороться съ сильными міра сего?

Посовѣтовали добрые люди просить пособія на постройку избёнки у епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Послушалась Марья Михайловна, подала прошеніе. Старшій попечитель, каѳедральный протоіерей, единолично заправлявшій

всѣми дѣлами, сидя въ роскошнѣйшей квартирѣ о двѣнадцати комнатахъ, прочиталъ прошеніе и написалъ такое заключеніе: „по неосновательности просьбы въ пособіи отказать, а на воспитаніе сына выдавать впредь по двадцати рублей въ годъ.

Вздохнула вдова и рѣшилась на послѣднее средство.

„Схожу-ка я завтра сама къ преосвященному,—думала она:—онъ мнѣ поможетъ. Онъ, видать, добрѣйшей души человѣкъ. Какъ живо тогда меня за Степушку устроилъ".

Пошла Маша въ архіерейскія палаты. Бѣдно одѣтую женщину сначала и пускать-то туда не хотѣли. Вынула Марья Михайловна послѣдній двугривенный и съ поклономъ подала несговорчивому швейцару.

Получивъ мзду, „вратарь" сталъ милостивѣе.

— Ну, что жъ съ тобой дѣлать? — произнесъ онъ, отодвигаясь съ порога и пропуская Машу:—Иди ужъ, иди! да только съ чернаго хода, смотри! Да ноги-то вытирай хорошенько!

Въ пріемную комнату Машу все-таки не пустили, а остановили у дверей, въ прихожей. Выскочилъ секретарь владыки, вертлявый господинъ, съ сизымъ носомъ и вѣчно подвязанной скулой; кое-какъ разспросилъ ее, ушелъ куда-то и минутъ черезъ пять вынесъ Машѣ два-три рубля.

— Вотъ тебѣ отъ владыки. Молись за его здоровье! И съ Богомъ! Ступай! Принять тебя онъ не можетъ.

Вышла бѣдная вдова, взглянула на церковь, перекрестилась и говоритъ:

— На Тебя одна надежда, Господи, осталась. А имъ не ставь сего во грѣхъ!

И отправилась домой.

Но горе и радость рядомъ живутъ. Пришла Машѣ помощь, да оттуда, откуда и не ждала она.

IV.

Жилъ въ селѣ Высокомъ богатый купецъ, по прозвищу Бажунъ. Обороты у него были громадные; ничѣмъ онъ не брезговалъ: и ленъ скупалъ, и ткацкую фабрику держалъ, и кирпичи выдѣлывалъ, и имѣнья въ залогъ принималъ, и векселя учитывалъ, и лѣсомъ торговалъ. Говорили, что онъ въ большихъ милліонахъ и силу по губерніи имѣетъ страшную,—само начальство, будто бы, въ немъ заискиваетъ.

И дѣйствительно, былъ разъ такой случай: прислали, какъ-

то, новаго губернатора, молоденькаго, горяченькаго, изъ придворныхъ. Ходитъ онъ гоголемъ, ногъ подъ собой не слышитъ, словно и въ самомъ дѣлѣ во всей вселенной первый человѣкъ. И прослышалъ онъ, что, почитай, все дворянство его губерніи у Бажуна въ долгу. Вотъ призываетъ онъ его къ себѣ, руки не подалъ, не посадилъ, и говоритъ ему внушительно:

— Ты у меня, борода, не смѣй господъ дворянъ обирать! Я тебя за это... Я тебя...

И пошелъ, и пошелъ.

Бажунъ выслушалъ все спокойно, бровью не повелъ, да тихонько такъ, въ полголоса, и отвѣчаетъ:

— Хорошо, ваше сіятельство! Отсель никому, то-ись, ни копѣйки не дамъ, пока ты самъ меня не попросишь.

Поклонился—и за дверь, а начальникъ только улыбнулся ему вслѣдъ.

Вотъ пришла осень; надо мужикамъ подати платить. Нагрузили они льну—и къ Бажуну. А тотъ и говоритъ имъ:

— Не надо, голубчики! Не беру нонче!

Мужики и рты поразѣвали.

— Какъ такъ? Батюшка! Петръ Иванычъ! Завсегды бралъ, и вдругъ!.. Да какъ же мы-то будемъ? А? Пожалѣй, кормилецъ! Вѣдь подати платить надоть. Вздерутъ насъ, коли не предоставимъ.

— А эфто,—говоритъ,—ужъ дѣло не мое: какъ хотите. А я никому ни копѣйки не дамъ. Такъ и прочимъ скажите.

И не далъ. Мужики туда, сюда, никто льна не покупаетъ. Вотъ и стоятъ у мужиковъ полнёхоньки сараи льну, а податей платить нечѣмъ. Дивятся исправники: всегда у нихъ всѣ сборы до срока получались, а тутъ—на! ни откуда ни гроша. Пронюхалъ, наконецъ, одинъ, что всему виною Бажунъ. Онъ— въ коляску да къ нему.

— Петръ Иванычъ! Благодѣтель! Да за что же ты меня-то подводишь? Али я тебѣ не вѣрный слуга былъ? Али я прогнѣвилъ тебя чѣмъ?

А тотъ ему въ отвѣтъ:

— Не сердись, ваше высокородіе,—ей-ей, не могу. Господину губернатору слово такое далъ, чтобы, значитъ, никому ни копѣйки, пока онъ самъ не попроситъ.

Исправникъ его и такъ и сякъ; нѣтъ,—стоитъ на своемъ и баста! Дѣлать нечего,—поѣхалъ къ губернатору съ докладомъ.

Сколько лѣтъ губернія всегда исправна была; пріѣхалъ новый губернаторъ,—и вдругъ сразу же недоимка! Не ладно. Посы-

лаетъ онъ нарочнаго за Бажуномъ, а тотъ (хитрый старикъ!) въ постели лежитъ.

— Простудился, — говоритъ: — подняться не могу. Видно, смертушка моя приходитъ. Скажите его сіятельству: буде спѣшное што до меня имѣетъ, али тайное, пусть ужъ самъ не погнушается пожаловать.

И пожаловалъ. И чай кушалъ, и руку пожималъ, и другомъ называлъ, а о дворянахъ ужъ и не заикнулся.

Бажунъ одѣвался просто, по-крестьянски. Носилъ сѣрый, домашняго сукна кафтанъ съ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, грубые сапоги-осташи, жирно смазанные дегтемъ, шею повязывалъ дешевымъ ситцевымъ платочкомъ. Длинную бороду пряталъ за пазуху, а сѣдые волосы напускалъ на лобъ, подстригая надъ самыми бровями; на маковкѣ же—какъ былъ раскольникъ—пробривалъ гуменцо.

Бажунъ зналъ въ округѣ всѣхъ, до грудныхъ младенцевъ. Зналъ онъ и бѣднаго Михайла Алексѣича, и дочь его Машу, съ первыхъ же дней ея рожденія. Вся горькая жизнь ея прошла предъ его глазами, но никто не могъ сказать: жалѣетъ ли онъ ее, или совершенно равнодушенъ къ ея судьбѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ вернулась Маша изъ города, Бажунъ прислалъ за нею.

— Ну, милага,—привѣтливо встрѣтилъ онъ ее,—садись-ка да разсказывай по правдѣ, по совѣсти! Правду-ль баютъ: бросили тебя ваши-то?

Тронуло бѣдняжку давно не слыханное ласковое слово,— хочетъ говорить, а что-то къ горлу подступаетъ; крѣпилась, крѣпилась, да какъ вскрикнетъ источнымъ голосомъ и залилась горючими слезами.

Сталъ ее Бажунъ успокоивать: водицей поитъ, по головкѣ гладитъ, всякими именами ласковыми называетъ...

Мало-по-малу успокоилась Маша и все по порядку ему разсказала. Слушалъ, слушалъ ее старикъ, головою покачивалъ, то вздохнетъ, то плечами пожметъ, то на икону взглянетъ, а подъ конецъ осердился и плюнулъ.

Замолкла, наконецъ, вдова. Молчитъ и Бажунъ; сидитъ и думу какую-то думаетъ. Подумалъ, подумалъ такъ, да и говоритъ:

— Ну, агница Божья! растопила ты мое сердце. Хоть и никоніанка ты, а помогу я тебѣ, сиротѣ горемычной. Стоитъ у меня при околицѣ домишко; ладилъ я тамъ лѣсника поселить, ну, да ему и здѣсь мѣсто найдется. Бѣри же ты своего отца съ парнишкой, да и живите тамъ, доколь Богъ грѣхамъ потер-

пить. А штобъ было вамъ не стѣны глодать, приходи-ка ты завтра, утречкомъ, въ контору. Отпущу я тебѣ машину швейную да всякаго холста да ситцу; шей моимъ рабочимъ на фабрику порты да рубахи, а я тебѣ за эфто самое буду деньги платить.

Слушаетъ Маша и ушамъ не вѣритъ. Какъ? Сразу и кровъ, и постоянный кусокъ хлѣба? И отъ кого? Отъ раскольника,— прости Господи!

Хотѣла она благодарить старика; а онъ только съ досадой рукой махнулъ.

— Иди, иди,—говоритъ,—со Христомъ! Недосугъ мнѣ съ тобою о пустякахъ растобарывать.

V.

Поселилась Марья Михайловна въ Бажуновой избушкѣ. Шьетъ съ утра до поздней ночи, спины не разгибаетъ, а все лишняго ничего нѣтъ. Много у нея работы, и порядочно получаетъ она отъ конторы Бажуна, да Михайло Алексѣевичъ прихварывать сталъ. То лекарства ему купи, то кушанье получше сострянай,— текутъ деньги, какъ вода. Не унываетъ, однако, закаленная бѣдами Маша; не боится она трудовъ и къ нуждѣ попривыкла, да лично ей не много и надо.

„Васеньку бы мнѣ, Васеньку только поставить на ножки",— думаетъ она и еще дольше сидитъ по ночамъ, еще усерднѣе стучитъ тяжелой машинкой.

Не годъ и не два, а цѣлыхъ семь лѣтъ трудилась такъ Маша, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нею и послала ей небольшое облегченіе.

Въ одно зимнее утро Марья Михайловна проснулась позднѣе обыкновеннаго. Было ужъ совсѣмъ свѣтло.

— Ахъ, ты, Господи, какъ я заспалась!—воскликнула она, соскакивая съ постели и торопливо одѣваясь:—а работы-то сегодня,—какъ на грѣхъ,—страсти сколько! И что это папенька-то меня не разбудилъ? А какъ еще вчера увѣрялъ: „будь покойна, ужъ я-то не просплю, съ пѣтухами тебя подниму". Анъ, вотъ и проспалъ! Э-эхъ! Ну, да Господь съ нимъ! Пущай поспитъ старикъ: лишній часъ проспитъ—меньше горя видитъ.

И она съ любовью взглянула на лежанку, гдѣ, укрывшись старенькою куцавейкою, почивалъ Михайло Алексѣичъ.

Вдругъ глаза ея расширились, и на лицѣ изобразился ужасъ.

Старикъ лежалъ на спинѣ, какъ-то странно запрокинувъ

голову. Лицо его было изсиня-темное, почти черное. Одинъ глазъ былъ крѣпко зажмуренъ, другой такъ неестественно широко открытъ, что почти совсѣмъ вылѣзъ изъ орбиты. Ротъ перекосился на сторону, и въ одномъ углу его виднѣлась кровавая пѣна. Правая рука, тоже вся потемнѣвшая, соскользнула съ лежанки и висѣла, какъ плеть.

— Батюшка! Голубчикъ! что съ тобой?—кинулась къ нему Маша.

Она хотѣла-было приподнять ему голову, но тотчасъ же отняла руки и трижды истово перекрестилась. Михайло Алексѣичъ былъ мертвъ.

Опять пріѣхалъ фельдшеръ, оплѣшивѣвшій и сильно обрюзгшій, потыкалъ по прежнему пальцемъ уже окоченѣвшій трупъ Лебедева, и, процѣдивъ сквозь зубы: „параличъ“, разрѣшилъ предать усопшаго землѣ.

Съ помощью того же Бажуна похоронила Маша отца, всплакнула немножко надъ свѣжей могилкой и снова принялась за обычную работу.

— Ну, Васенька!—сказала она сыну вечеромъ, въ день похоронъ:—круглая я теперь сирота. Одинъ ты у меня остался. Люби же, люби свою маму!

Но напрасно говорила это Марья Михайловна: Вася и такъ любилъ ее, любилъ страстно, до самозабвенія. Въ этомъ маленькомъ, хрупкомъ тѣльцѣ было столько нѣжности, ласки, любви, что, казалось, хватило бы на весь окружающій міръ.

И дѣйствительно, Вася любилъ все, съ чѣмъ ни приходилось ему сталкиваться въ своей немудреной жизни. Любилъ онъ и коровку-буренушку, свою главную кормилицу, носилъ ей корочки хлѣбца, гладилъ, цѣловалъ въ мокрую морду и очень бывалъ доволенъ, когда та, въ отвѣтъ на ласки, лизнетъ его въ лицо шероховатымъ, жесткимъ языкомъ. Любилъ и стараго кота Мальчика, проводившаго бо̀льшую часть своихъ досуговъ на широкой русской печкѣ, и всегда подсаживалъ его туда, не позволяя вспрыгивать самому. А когда наступало время кормить Мальчика, онъ спѣшилъ подать ему на печку блюдечко молока или кусочекъ творогу, чѣмъ вызывалъ иногда воркотню покойнаго дѣда.

— Э, не дѣло ты дѣлаешь, Васютка,—брюзжалъ старикъ, въ сущности души не чаявшій во внукѣ:—вишь какъ избаловалъ кота; даже поѣсть-то ему лѣнь съ печи слѣзть.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка!—оправдывался Вася:—онъ вѣдь тоже старенькій: легко ли ему слѣзать да подниматься? Лучше ужъ я ему подамъ.

А въ сильные морозы, желая защитить любимца отъ стужи, Вася повязывалъ его своимъ шейнымъ шерстянымъ платочкомъ, за что неблагодарный другъ награждалъ его здоровыми царапинами и укусами.

Даже къ предметамъ неодушевленнымъ Вася относился такъ же нѣжно и любовно. Разъ мать замѣтила, что, ложась спать, онъ не ставитъ, а кладетъ сапоги свои на-бокъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросила она сына.

— А какъ же, мамочка?—словно удивился ея непонятливости мальчикъ:—вѣдь сапожки-то тоже устали. Цѣлый-то день они со мной бѣгали, бѣгали,—пускай хоть ночью отдохнутъ.

Больше всего, однако, любилъ Вася мать. Трудно, даже прямо невозможно передать, какъ былъ онъ къ ней привязанъ. День-деньской, какъ тѣнь, ходилъ онъ за нею всюду. Пойдетъ ли Маша на рѣчку за водой, и Вася степенно выступаетъ слѣдомъ съ крошечными жестяными ведерочками, подаркомъ полюбившаго малютку дѣдушки Бажуна. Примется мать корову доить, и Вася тутъ же: помахиваетъ вѣточкой, сгоняетъ съ буренки надоѣдливыхъ мухъ, или такъ просто стоитъ и смотритъ, какъ тонкими струйками бѣжитъ въ подойникъ теплое молочко. Повезетъ Маша сдавать работу Бажуну, и Вася ухватится ручонкой за веревку и помогаетъ ей тащить тяжелыя салазки. А какъ сядетъ мать за шитье, Вася возьметъ маленькую скамеечку, примостится у ея ногъ да такъ иногда и заснетъ.

Посмотритъ на него въ такія минуты мать и грустно-грустно вздохнетъ.

„Милый, милый ты мой, ненаглядный сыночекъ! — проносится у нея въ головѣ:—какъ-то проживешь ты на свѣтѣ съ такимъ сердечкомъ нѣжнымъ да ласковымъ? Охъ,—чую я, не бывать добру: разобьютъ злые люди твое сердце хрустальное“!

По смерти дѣда, развлекавшаго его кое-когда шутками да прибаутками, Вася еще крѣпче прильнулъ къ милой мамочкѣ. Онъ словно слился съ нею въ одно существо. Онъ не только отгадывалъ ея малѣйшее желаніе, но научился какъ-то узнавать даже ея мысли.

— Ну, что ты все печалишься,—сказалъ онъ ей однажды:— что скоро мнѣ надо ѣхать учиться? Ну, уѣду я, а на Рождество-то, на Пасху, на лѣто опять вѣдь къ тебѣ пріѣду. А тамъ, Богъ дастъ, окончу ученье, и во-вѣки съ тобой не разстанемся.

А Маша, дѣйствительно, все чаще и чаще стала подумывать, что пора приходитъ отдавать милаго сынка въ духовное училище.

„Охъ, жалко отпускать, думала она:—такой-то онъ худень-

кій, такой-то слабенькій,—заклюютъ его сорванцы, мальчишки. А и неучемъ оставить—куда онъ будетъ гожъ?"

Отгадывая чуткимъ сердечкомъ, какъ трудно матери рѣшиться на неизбѣжную разлуку, Вася самъ сталъ настойчиво просить, чтобы его скорѣе отвезли въ ученье.

— Ахъ, Васенька, Васенька!—отвѣчала на просьбу его мать:—не рвись изъ родного гнѣзда, мое солнышко! Ой, не сладко въ чужихъ людяхъ жить! Успѣешь нагореваться, наплакаться.

— А что медлить-то?—убѣждалъ ее Вася, крѣпко цѣлуя въ исхудалыя щеки:—видно, ты не хочешь, чтобы я поскорѣе выучился, да тебѣ же помогать бы сталъ.

Услышалъ это разъ дѣдушка Бажунъ и говоритъ Машѣ:

— А вѣдь парень-то не глупо разсудилъ. Не пора ли тебѣ, мать, и взаправду его въ науку везти?

Видитъ Маша: какъ ни какъ—разставаться надо. Всю ноченьку не спала, горькими слезами обливалась; а на утро помолилась на могилкахъ отца и мужа и поѣхала съ Васей въ городъ, къ смотрителю духовнаго училища.

VI.

Смотритель,—съ лысиной во всю голову и раскосыми глазами,—встрѣтилъ гостей не очень ласково. Благословилъ короткимъ, небрежнымъ крестомъ, сунулъ для поцѣлуя прямо въ губы руку и, спросивъ, зачѣмъ пожаловали, заговорилъ довольно нелюбезно:

— И куда это ты привезла такую мелюзгу? Годъ, другой еще подержала бы дома, подкормила, подучила бы хорошенько. А у насъ, глядишь, тѣмъ временемъ и мѣстъ свободныхъ накопилось бы побольше. А то нынче хоть разорвись: вакансій тридцать, а прошеній полтораста. И всѣхъ устрой, всѣхъ ублаготвори. Нѣтъ, не могу принять, и не проси!

Заплакала Маша, въ ноги поклонилась и стала увѣрять, что не подъ силу ей учить сына дома, что и лѣтъ ему достаточно, да и самъ-то онъ ужъ очень учиться желаетъ.

Земной поклонъ пришелся по сердцу самолюбивому смотрителю.

„Ишь ты, хлопнула какъ, словно преосвященному!"—самодовольно подумалъ онъ:—ну ее! допущу мальчишку къ экзамену: все равно провалится. Гдѣ ей тамъ было въ деревнѣ учить! Поди, и читаетъ-то плохо".

И поломавшись „для видимости“ еще немного, онъ махнулъ наконецъ рукой и сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой! Приводи его завтра на экзаменъ! Коли выдержитъ, примемъ.

Поклонилась Маша еще разъ до земли и успокоенная пошла домой. Она была увѣрена, что ненаглядный ея сыночекъ выдержитъ самый строгій экзаменъ. Недаромъ же высоковскій учитель, подготовлявшій его уже два года, такъ превозносилъ ей его способности и прилежаніе.

И дѣйствительно, Вася выдержалъ экзаменъ на славу! Отвѣчалъ толково и ясно, писалъ четко, считалъ бойко; экзаменаторы просто нахвалиться не могли.

Одинъ только смотритель, слушая его отвѣты, недовѣрчиво покачивалъ головою и какъ бы про себя говорилъ:

— Такъ, такъ, хорошо! Никто не споритъ. А хвалить все-же надо погодить: каково-то еще у насъ учиться будетъ.

Въ сущности и смотритель понималъ, что Вася—мальчикъ развитой и способный, но ему крайне было досадно, что этотъ ничтожный, дьячковскій сынишка перебиваетъ вакансію у сына городского протоіерея, большого пріятеля его и кума.

„Забьетъ дрянной мальчишка,—думалъ онъ съ неудовольствіемъ, прислушиваясь къ смѣлымъ, увѣреннымъ отвѣтамъ Васи: —ишь, какъ чешетъ! Какъ пить дастъ, забьетъ“.

Приняли Васю въ училище однимъ изъ первыхъ и велѣли на утро приходить въ общежитіе.

Наступала послѣдняя ночь совмѣстной жизни Маши съ сыномъ. Эту ночь провели они вовсе безъ сна. Въ темномъ чуланчикѣ знакомой соборной просвирни, гдѣ остановилась Маша, до утра слышался тихій, сдержанный шопотъ.

Говорила больше Маша. Она наставляла сына, какъ жить среди незнакомыхъ людей, какъ относиться къ начальству, учителямъ, товарищамъ. Не учившись сама въ учебныхъ заведеніяхъ, многихъ порядковъ не знала она, но чуткое материнское сердце подсказывало ей истину.

— Охъ, Васенька, Васенька!—говорила она, прижимая къ себѣ сына:—остаешься ты теперь одинъ-одинёшенекъ, некому будетъ на умъ-разумъ тебя наставить. Смотри же: къ начальникамъ будь послушенъ, но не забѣгай передъ ними. Что̀ прикажутъ—сдѣлай; не велятъ—не навязывайся. Учителей слушайся, и уроки учи постоянно,—не лѣнись. Помни, что чрезъ науки только можешь ты отъ горя да отъ бѣдности избавиться. Съ товарищами живи дружно: послабѣе себя не обижай; тебя оби-

дятъ—стерпи, не жалуйся; нашалятъ ли они что́—молчи; накажутъ ли за кого изъ нихъ по ошибкѣ—и то снеси, а виноватаго не выдавай. Станутъ тебя учителя или начальники про товарищей выспрашивать—смотри, ничего не говори! Этимъ, голубчикъ мой, не выслужишься, а наушниковъ не любятъ,—ой,—нигдѣ не любятъ.

А Вася, слушая мать, одной рукой обнималъ ее, другой же крѣпко зажималъ себѣ ротъ, чтобы заглушить рыданія, ежеминутно готовыя вырваться изъ тщедушной груди его. Жгучія слезы перваго горя неудержимо текли по его щекамъ, скоплялись на подбородкѣ и крупными каплями падали внизъ, на новую красную рубашку, только-что сшитую руками матери.

Настало утро. Исполняя приказаніе, Марья Михайловна привела сына въ училище къ восьми часамъ и сдала съ рукъ на руки дежурному надзирателю.

Три раза подъ-рядъ перекрестила она Васю,—поцѣловала его, опять перекрестила и, готовая уже совсѣмъ разстаться съ нимъ, вынула изъ кармана и подала ему новенькій черный гребешокъ, въ простомъ бумажномъ футлярѣ.

— Вотъ, Васенька, возьми!—сказала она:—чуть не забыла тебѣ отдать. Отъ тоски да отъ скуки всякая нечисть можетъ въ головѣ завестись. Такъ ты головку-то каждый день гребешкомъ и расчесывай! Помни, что мамочка твоя грязи не любитъ. Ну, Господь съ тобой! прощай! не горюй! Пиши мнѣ почаще!

И крѣпко обнявъ его еще разъ, она твердыми шагами пошла къ дверямъ и, не оглянувшись, вышла на улицу.

Грустными, полными слезъ глазами провожалъ ее Вася.

„Одинъ! Одинъ! Совсѣмъ одинъ!—пронеслось въ его дѣтской головкѣ:—никто ужъ не придетъ сегодня къ твоей постелькѣ, не поцѣлуетъ, не спроситъ: хорошо ли тебѣ“.

— Ну, Лебедевъ! Скорѣй въ классъ!—крикнулъ надзиратель.

И Вася сразу же почувствовалъ, что онъ дѣйствительно одинокъ; что ни съ этимъ человѣкомъ, ни съ этимъ огромнымъ зданіемъ, ни со всѣмъ окружающимъ его новымъ міромъ нѣтъ у него никакой связи; что все близкое, родное, дорогое осталось тамъ, назади, за толстыми стѣнами училища; что здѣсь нѣтъ даже самого милаго, славнаго мальчика Васи, котораго всѣ такъ любили и ласкали, а есть просто ученикъ Лебедевъ, какихъ тутъ цѣлыя сотни.

VII.

Прошло два мѣсяца.

Въ остриженномъ подъ гребенку и еще болѣе похудѣвшемъ мальчикѣ, одѣтомъ въ форменную сѣрую блузу и черные штаны, трудно было и узнать прежняго Васю. Самое выраженіе лица его рѣзко измѣнилось. Довѣрчивое, веселое личико стало строгимъ и серьезнымъ; въ большихъ, выразительныхъ глазахъ засвѣтилась скрытая, гнетущая тоска; простодушно полуоткрытыя губки подобрались и сжались

Слѣдуя совѣтамъ матери, Вася скоро сошелся и подружился съ товарищами. Учителя и классные надзиратели тоже были довольны его скромностью и прилежаніемъ. Одинъ только смотритель видимо не взлюбилъ его.

Человѣкъ весьма недалекій, пролѣзшій въ начальники заведенія единственно заискиваньемъ и низкопоклонствомъ, почтенный смотритель почему-то составилъ себѣ убѣжденіе, что именно Вася, а не кто другой, отбилъ вакансію у сына его друга—протопопа.

„У, мальчишка!—частенько думалъ смотритель, чуть не съ ненавистью глядя на смирно сидѣвшаго мальчика:—сколько изъ-за него непріятностей вышло съ отцомъ Петромъ"!

Вскорѣ произошелъ одинъ случай, еще болѣе усилившій нерасположеніе къ Васѣ смотрителя.

Много уже лѣтъ смотритель страдалъ хроническимъ насморкомъ. Съ наступленіемъ сырой погоды, болѣзнь его обыкновенно обострялась, и онъ чихалъ тогда разъ по тридцати подъ-рядъ.

Подобное ухудшеніе приключилось и недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Вася поступилъ въ училище.

Пришелъ смотритель въ классъ давать урокъ закона Божія и вдругъ принялся чихать.

Сидѣвшій рядомъ съ Васей проказникъ-мальчишка, сильно скучавшій на всѣхъ вообще урокахъ, пришелъ въ неописанный восторгъ отъ неожиданнаго развлеченія и вздумалъ послѣ каждаго чиханья приговаривать довольно громко:

— Будь здоровъ! будь здоровъ!

Пока чиханье шло безъ перерыва, словъ этихъ было не слышно. Но когда, чихнувъ наконецъ въ послѣдній разъ, смотритель внезапно остановился, по классу явственно пронеслось:

— Будь здоровъ!

Кое-гдѣ не выдержали и засмѣялись.

Глазами, полными невольныхъ слезъ, онъ не могъ разгля-

дѣть шалуна, но привычное ухо сразу же определило, что баловникъ сидитъ на одной скамейкѣ съ Васей. Подойдя къ послѣднему въ упоръ, смотритель спросилъ упавшимъ отъ сдерживаемаго гнѣва голосомъ:

— Лебедевъ! Это ты сказалъ?

— Нѣтъ, о. смотритель, — отвѣчалъ Вася, по принятому обыкновенію проворно вскакивая передъ начальникомъ.

— Кто же?

Вася замялся.

— Кто же?—настойчиво повторилъ смотритель.

Вспомнилъ Вася совѣты матери и чуть слышно прошепталъ:

— Я не знаю.

— Какъ не знаешь? Ты вѣдь слышалъ?

— Слышалъ, о. смотритель.

— Ну, такъ кто же это сказалъ?

Вася потупилъ глаза и еще тише пролепеталъ:

— Я не знаю.

— А, такъ ты еще запираться вздумалъ!—повидимому совсѣмъ уже спокойнымъ голосомъ произнесъ смотритель:—ну, останься же въ такомъ случаѣ сегодня безъ обѣда и безъ чаю!

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Васи. Первый разъ въ жизни наказывали его и къ тому же безъ всякой вины.

Сосѣду стало жаль ни въ чемъ неповиннаго товарища.

— Это я сказалъ, о. смотритель,—признался онъ, вставая со скамейки.

Смотритель холодно взглянулъ на него.

— Для меня теперь безразлично,—сухо произнесъ онъ:—если Лебедевъ этого и не говорилъ, то онъ все-таки виноватъ, зачѣмъ не сказалъ правды. Вотъ за это и будетъ наказанъ.

А самъ про себя въ это время думалъ:

„Такъ вотъ ты какой корешокъ! Товарищей не хочешь выдавать! Ну, да погоди, голубчикъ, я тебя скоро согну; я изъ тебя дурь-то повыгоню“!

Преслѣдуя эту тайную мысль свою, смотритель сталъ придираться къ Васѣ на каждомъ шагу: то пуговица у него плохо держится, то книжка растрепана больше другихъ, то тетрадка скверно сшита. И ни одна бездѣлица не проходила Васѣ даромъ,—за все несъ онъ наказаніе: на колѣняхъ стоялъ, чаю не получалъ, безъ обѣда оставался, разъ даже въ карцеръ былъ посаженъ.

Помня наставленія матери, мальчикъ все переносилъ терпѣливо, молча, безъ жалобъ. Не желая тревожить мать, онъ даже

и въ задушевныхъ письмахъ къ ней не обмолвился ни словомъ о томъ, что̀ приходится ему испытывать.

А смотритель, видя безмолвную покорность Васи, просто выходилъ изъ себя.

„Погоди, погоди, любезный мой!—думалъ онъ:—дай срокъ! Я у тебя язычекъ-то добуду. Запросишь ты у меня пардону“.

И онъ набрасывался на Васю все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ ожесточеніемъ.

Богъ знаетъ, какъ долго продолжались бы такія печальныя отношенія пѣстуна къ питомцу, еслибы одно прискорбное приключеніе не положило имъ неожиданный конецъ.

VIII.

Былъ опять урокъ закона Божія.

Смотритель, какъ самъ признавался, не любилъ много мудрить, и требовалъ, чтобы задаваемые имъ уроки попросту выучивались по̀ книжкѣ наизусть. На объясненіе вновь онъ тратилъ поэтому очень мало времени, бо̀льшую же часть урока посвящалъ спрашиванію пройденнаго.

Такъ и на этотъ разъ, придя въ классную комнату, онъ поудобнѣе усѣлся, осѣдлалъ носъ огромными серебряными очками и, заглянувъ въ толстый журналъ съ фамиліями учениковъ, лѣниво произнесъ:

— Крестовоздвиженскій! Разсказывай!

Вызванный всталъ, откашлялся и частою скороговоркою, стараясь кричать какъ можно громче, началъ:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

Зажмуривъ глаза, смотритель слушалъ и съ видимымъ удовольствіемъ покачивалъ въ тактъ головою.

Крестовоздвиженскій кончилъ. Смотритель вновь заглянулъ въ журналъ.

— Ивановъ! Сначала!

И опять раздалась крикливая скороговорка:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

За Ивановымъ послѣдовалъ Сацердотовъ, за Сацердотовымъ—Вознесенскій, за Вознесенскимъ—Соколовъ, и въ воздухѣ все время гудѣло:

— Дабы сохранить истинную вѣру въ Бога, Господь избралъ одного человѣка изъ племени Симова, по имени Авраама, и сказалъ ему...

Всѣ ученики, безъ исключенія, изнывали отъ скуки.. Наиболѣе смѣлые, преимущественно изъ сидящихъ на заднихъ скамейкахъ, вынули аспидныя доски и втихомолку забавлялись игрою въ крестики и нулики; помѣщавшіеся ближе развлекали себя счетомъ цвѣтовъ на обояхъ, пятенъ на потолкѣ и многочисленныхъ красныхъ прыщей на толстомъ носу смотрителя.

Вася сидѣлъ на второй скамейкѣ. Скука снѣдала его нестерпимая. Цвѣты, пятна и прыщи давно уже и весьма точно сосчитаны; другое подходящее занятіе придумать мудрено. Хотѣлъ-было онъ послѣдовать примѣру сосѣда съ правой стороны и, помакнувъ въ чернила палецъ, нарисовать на ладони человѣка, т.-е. вывести брови, глаза, носъ и губы, да удержала врожденная чистоплотность.

Мало-по-малу праздная мысль Васи перенесла его въ родное Высокое. Вотъ гдѣ онъ никогда не сталъ бы скучать и всегда нашелъ бы себѣ дѣло. Теперь вотъ мамочка, вѣроятно, подметаетъ свою горенку. Онъ подобралъ бы ситцевые обрѣзочки, въ изобиліи валяющіеся по полу; лучшіе изъ нихъ связалъ бы въ пучечки, негодные кинулъ бы въ печь. Потомъ наносили бы дровъ, сходили за водой, Бурёнку обрядили. А тамъ мамочка сядетъ шить, а онъ сталъ бы лучину щепать. А тамъ и обѣдъ.

И ему страстно захотѣлось хоть на минуту, на мгновеніе перенестись изъ этихъ холодныхъ, неуютныхъ комнатъ въ свой крохотный бѣленькій домикъ, повидать милую, славную, дорогую мамочку. Пожалуй, даже не мамочку, а хоть бы только какую-либо вещичку ея; ну, хоть тотъ старенькій платочекъ, которымъ прикрываетъ она по вечерамъ свои изможденныя, зябкія плечи.

И вдругъ его осѣнила блестящая мысль. Да вѣдь у него имѣется мамочкина вещица; онъ хоть сейчасъ можетъ вынуть ее, посмотрѣть, поцѣловать. И потихоньку, стараясь не обратить на себя вниманія смотрителя, онъ вынулъ изъ кармана новенькій гребешокъ,—подарокъ матери,—освободилъ отъ футляра и, скрывъ въ согнутой ладони, поднесъ къ губамъ.

Какъ ни осторожно продѣлалъ все это Вася, глазъ смотрителя укараулилъ его. Неслышными шагами подкрался грозный начальникъ къ увлеченному сладкими мечтами мальчику и рѣзко спросилъ:

— Чѣмъ ты тутъ занимаешься? Дай-ка сюда!

Этотъ голосъ мигомъ возвратилъ Васю отъ золотыхъ грёзъ къ суровой дѣйствительности. Сообразивъ, чего отъ него требуютъ, онъ,—словно птица, защищающая птенцовъ своихъ отъ нападеній ястреба,—крѣпко, обѣими ручонками, прижалъ гребешокъ къ груди своей и прерывающимся отъ волненія голосомъ отвѣчалъ:

— У меня... нѣтъ... ничего.

— Какъ ничего?—гнѣвно крикнулъ смотритель:—а въ правой рукѣ у тебя что̀? Живо подай сюда!

Вася сначала вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ, потомъ побѣлѣлъ, какъ бумага, но еще крѣпче прижалъ къ себѣ гребешокъ и по прежнему дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— У меня... нѣтъ... ничего.

— А! ты добромъ отдать не хочешь,—сказалъ смотритель:—ну, такъ я возьму насильно.

И грубо отклонивъ ручонки Васи, онъ съ силою рванулъ за кончикъ гребешка. Тонкіе зубчики не выдержали и съ трескомъ посыпались на полъ. Оставляя за собою глубокую царапину на ладошкѣ Васи, гребешокъ вылетѣлъ и, окровавленный, упалъ къ ногамъ смотрителя.

Вася весь замеръ. На нѣсколько мгновеній даже дыханіе остановилось въ груди его. Тупымъ, безумнымъ взоромъ поглядѣлъ онъ на смотрителя, потомъ перевелъ глаза на свою окровавленную руку, въ которой оставалось еще два-три сломанныхъ зубчика, и вдругъ, какъ подкошенный, опустился на скамейку. Скрестивъ на столѣ худенькія ручонки, онъ полнымъ отчаянія жестомъ приникъ къ нимъ головою и дико, истерично зарыдалъ.

— Мамочка! милая! дорогая! золотая моя!—слышалось среди изступленныхъ рыданій его:—послѣдняя твоя памятка... и той... у меня больше нѣтъ.

— Это что̀ еще выдумалъ? Наказанъ хочешь быть?—попробовалъ пригрозить оторопѣвшій смотритель, но Вася уже не слышалъ и не понималъ ничего: онъ лежалъ на скамейкѣ безъ сознанія; тѣло его подергивалось конвульсіями, рыданія перешли въ глухую, истеричную икоту.

Пришлось послать за врачомъ. Васю перенесли въ лазаретъ. Добродушнѣйшій старичокъ-докторъ, самъ вышедшій изъ дьяческихъ дѣтей, употреблялъ всѣ средства, чтобы привести мальчика въ чувство, но ничто не помогало. Къ утру у Васи открылась нервная горячка въ самой тяжелой формѣ, а къ вечеру въ тотъ же день, несмотря на настойчивыя отговариванья смотрителя, докторъ уже отправлялъ Машѣ телеграмму:

— Пріѣзжайте немедленно! Сынъ вашъ крайне опасно боленъ.

IX.

Какъ ни торопилась Марья Михайловна, однако Васи въ живыхъ уже не застала. Разузнавъ подробно отъ добряка-доктора, отчего заболѣлъ и скончался ея сынъ, она попросила проводить ее къ тѣлу усопшаго.

Ее ввели въ угловую палату, игравшую при лазаретѣ роль мертвецкой, и согласно приказанію доктора оставили одну.

Маша оглядѣлась.

Посреди небольшой комнаты, полутемной отъ спущенныхъ шторъ, стоялъ высокій, длинный столъ, покрытый бѣлою простынею. Вокругъ него, со всѣхъ четырехъ сторонъ, тускло мерцали толстыя фарфоровыя свѣчи въ огромныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. На столѣ, подъ богатымъ парчевымъ покровомъ, еле виднѣлось худенькое тѣльце Васи. Миловидная головка его покоилась на пышной кружевной подушкѣ. На запавшей грудкѣ положенъ былъ небольшой образокъ въ золотой ризѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями. Лицо прикрыто было плотной, дорогой кисеей съ затѣйливымъ рисункомъ. Видно было, что кто-то усиленно старался обрядить покойника какъ можно роскошнѣе.

Тихими, осторожными шагами, словно боясь разбудить умершаго, подошла Марья Михайловна къ трупу своего любимаго сына. Перекрестившись на образъ, откинула она въ сторону густую кисею и жадно взглянула въ лицо усопшаго.

Вася почти не измѣнился. Личико его было сосредоточенно и спокойно; ни страха, ни предсмертныхъ мукъ не выражалось на немъ. Казалось, онъ просто уснулъ, и только зловѣщія, темносинія пятна на губахъ и близъ ушей показывали, что безпощадная смерть уже совершила здѣсь свою жестокую работу.

Долго-долго стояла такъ Маша задумавшись; она и не слыхала, какъ скрипнула дверь, и въ комнату, мягко ступая, вошелъ смотритель.

Онъ отдалъ земной поклонъ своей жертвѣ и заговорилъ сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Горе, горе-то какое, сударыня! Кто могъ ожидать сего? Да, великое испытаніе посылаетъ вамъ Господь. О, сколь тяжко лишиться сына и особливо единственнаго! Но что̀ дѣлать, сударыня, что̀ дѣлать? Жизнь и смерть—въ рукѣ Божіи. Не ропщите на Господа! Вѣдь скорбь сія, вамъ ниспосланная, есть

знакъ особой любви къ вамъ Творца Вседержителя. „Его же любитъ Господь—наказуетъ“, учитъ насъ премудрый Сирахъ.

Маша равнодушно подняла глаза на говорившаго:

— А, это вы!—съ явной неохотой произнесла она:—что̀ вамъ здѣсь надо?

— Какъ что̀, сударыня?—очень правдоподобно изумился смотритель:—я вижу васъ въ скорби, въ отчаяніи, и по долгу прихожу поддержать и утѣшить васъ. Наша обязанность плакать съ плачущими и веселиться съ ликующими.

Марья Михайловна горько усмѣхнулась.

— Будьте честны и сознайтесь: не утѣшать меня вы пришли, а вывѣдать, не буду ли я кому-либо жаловаться на васъ? Успокойтесь! Никуда и ни къ кому я съ жалобами не пойду. Что̀ пользы въ нихъ? Онѣ не возвратятъ мнѣ сына. А васъ пусть судитъ Богъ да собственная совѣсть!

— Постой, постой, голубушка!—другимъ уже тономъ заговорилъ онъ:—какъ ты смѣешь, однако, такъ мнѣ отвѣчать? Ты развѣ забыла, кто я такой?

Глаза Марьи Михайловны вспыхнули недобрымъ огонькомъ.

— Уйдите!—рѣзко оборвала она смотрителя:—уйдите, прошу васъ!

Смѣлый лишь со слабыми, смотритель поспѣшилъ уйти.

Похоронивъ Васю, Марья Михайловна домой уже не вернулась. Куда она дѣвалась, никто не зналъ. Долгое время упорно держался слухъ, пущенный, какъ говорили, Бажуномъ, будто бы она не перенесла потери сына и окончила свою сиротскую жизнь самоубійствомъ. Прошло послѣ того много времени, но не такъ давно одинъ высоковскій крестьянинъ побывалъ въ нижегородскихъ раскольничьихъ скитахъ и видѣлъ тамъ нѣкую старицу Марину, пользующуюся широкой славой даже среди православныхъ за свою святую, подвижническую жизнь. Онъ увѣрялъ, что Марина эта, какъ двѣ капли воды, похожа на пропавшую безъ вѣсти землячку ихъ, Марью Михайловну Лебедеву.

М. Ѳ. Лубинскій.

ОРГАНИЗАЦІЯ
ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ
ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Организація всеобщаго обученія, составляющая у насъ еще почти только pia desideria, имѣетъ въ Германіи уже многовѣковую исторію за собою. Съ XVI-го вѣка, вслѣдъ за реформаціею, начинается систематическая работа въ этомъ направленіи. Инициатива принадлежала самому Мартину Лютеру, который, въ противоположность католическому духовенству, основывавшему въ тѣ времена свое вліяніе на народъ на его невѣжественности, — видѣлъ въ просвѣщеніи необходимое орудіе для развитія истинно-христіанскаго духа. Матеріальные интересы христіанскаго населенія также интересовали основателя евангелической церкви, и онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ указалъ на то, что эти матеріальные интересы народа, столько же, сколько его духовные интересы, настоятельно требуютъ отъ тѣхъ, которые взяли въ свои руки заботу о народныхъ нуждахъ, неусыпное попеченіе о народномъ образованіи, „и посему,—говорилъ онъ,—ратгаузу и власти подобаетъ имѣть наибольшую заботу и попечительство о юномъ поколѣніи. Ибо, если имъ ввѣрена забота о благѣ, чести, плоти и жизни всего города, то было бы нечестно съ ихъ стороны передъ Богомъ и передъ людьми, еслибы они не заботились денно и нощно всѣми своими силами объ улучшеніи и процвѣтаніи города. Процвѣ-

46*

таніе же города не состоитъ единственно въ собираніи большихъ сокровищъ, въ устройствѣ крѣпкихъ стѣнъ и красивыхъ домовъ и въ приготовленіи ружей и панцырей; напротивъ, когда этихъ вещей очень много и ими владѣютъ бѣшеные глупцы, то эти вещи могутъ даже сдѣлаться причиной большихъ напастей для города. Наивысшее процвѣтаніе, благо и сила города состоятъ въ томъ, чтобы онъ имѣлъ много благородныхъ, ученыхъ, разумныхъ, почтенныхъ и благовоспитанныхъ гражданъ, которые съумѣли бы не только собирать и хранить всякія сокровища и всякое добро, но также и употреблять ихъ благимъ образомъ"...

Поэтому Лютеръ обращается къ старшинамъ всѣхъ городовъ съ настоятельнымъ приглашеніемъ основать христіанскія школы, „какъ необходимыя для поддержанія духовнаго сословія, равно какъ и для того, чтобы мужья могли благимъ образомъ управлять землею и людьми, а жены—воспитать дѣтей, слугъ и весь домъ... Пусть мальчики ходятъ каждый день на часъ или на два въ школу, остальное время они могутъ работать, изучать ремесла и вообще дѣлать все, что̀ отъ нихъ потребуютъ; точно также и дѣвочка можетъ найти въ теченіе дня одинъ часъ для школы и исполнять дома все, что̀ нужно... Если власть можетъ принуждать подданныхъ носить ружья и копья, то тѣмъ болѣе можетъ и должна она ихъ принуждать посылать своихъ дѣтей въ школу".

Съ этой программой всеобщаго и обязательнаго обученія Лютеръ выступилъ еще въ 20-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Протестантское духовенство немедленно приступило къ ея осуществленію; нѣсколько позже и свѣтская власть также занялась ею.

Первое правительственное распоряженіе объ обязательности всеобщаго обученія появилось въ Гессенъ-Дармштадтѣ въ 1628 году. Затѣмъ слѣдуютъ, въ 1642 г., Саксенъ-Гота, въ 1650 г.—Брауншвейгъ-Календергъ и т. д. Баварія и Пруссія присоединились къ этому движенію лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I обнародовалъ, 28-го сентября 1717 года, слѣдующій королевскій эдиктъ:

„Мы съ неудовольствіемъ узнали, что родители, въ особенности въ деревняхъ, очень мѣшкаютъ посылкой своихъ дѣтей въ школу и что изъ-за этого бѣдное юношество выростаетъ въ большомъ невѣжествѣ, какъ относительно письма, чтенія и счета, такъ, и относительно тѣхъ предметовъ, которые необходимы для ихъ небеснаго блаженства и спасенія. А потому мы, чтобы разъ навсегда уничтожить это крайне вредное зло, милостиво постановили опубликовать сей нашъ генеральный эдиктъ и симъ по-

велѣть настоятельно, чтобы на будущее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются школы, родители, подъ страхомъ строгаго наказанія, посылали туда своихъ дѣтей,—зимою ежедневно, а лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ или два раза въ недѣлю, за два дрейера (2—2½ копѣйки) школьной платы въ недѣлю"...

Фридрихъ Великій преслѣдовалъ ту же цѣль своимъ „Всеобщимъ школьнымъ регламентомъ", отъ 12-го августа 1763 г., „дабы было устранено и предупреждено,—какъ онъ тамъ говоритъ,—*неприличное для христіанства невѣжество*, и дабы въ будущемъ школа могла *воспитать и образовать болѣе способныхъ и лучшихъ подданныхъ*".

Послѣднія слова заслуживаютъ особаго вниманія. Сознаніе того, что монархія имѣетъ интересъ во всенародномъ образованіи, составляетъ отличительную черту прусскаго абсолютизма. Прусская бюрократія уже въ XVIII-мъ вѣкѣ понимала, что она для своихъ собственныхъ цѣлей нуждается въ образованномъ, по меньшей мѣрѣ—въ грамотномъ населеніи. Дѣйствительно, совмѣщеніе бюрократическаго управленія съ безграмотнымъ населеніемъ есть историческій nonsens, влекущій за собою неизбѣжнымъ образомъ самыя печальныя противорѣчія. Дѣлать письменныя распоряженія людямъ, не умѣющимъ читать, составлять письменные законы для людей, не умѣющихъ въ нихъ разобраться,—можетъ ли быть что-нибудь болѣе нецѣлесообразное? Прусская бюрократія рано поняла это, какъ и многое другое, чего бюрократіи другихъ странъ долго не могли постичь; поэтому и положеніе прусской бюрократіи такъ прочно и такъ почетно, какъ ни въ какой другой странѣ.

Итакъ, обязательность всеобщаго обученія была установлена въ Пруссіи закономъ въ половинѣ XVIII-го вѣка; но полное фактическое осуществленіе всеобщаго обученія было достигнуто лишь въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Такъ, еще въ 1824 г.—въ Аахенскомъ округѣ, напр.,—почти половина всѣхъ дѣтей школьнаго возраста оставалась внѣ школы [1]). Впрочемъ, это—округъ католическій; здѣсь, вѣроятно, главная причина его отсталости; въ другихъ округахъ процентъ дѣтей, остававшихся внѣ школы, уже въ то время былъ незначителенъ. Поэтому первой заботой основаннаго въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія [2]) было дополненіе школьной сѣти. Число школъ, существовавшихъ въ 1817 г., неизвѣстно; но въ 1821 г. ихъ было

[1]) Preussische Statistik, Heft 101, p. 12 und 13.

[2]) До этого года департаментъ просвѣщенія входилъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

насчитано 14.505, а черезъ четыре года ихъ уже было 20.877. Послѣднее число, вѣроятно, соотвѣтствовало приблизительно тогдашней потребности; съ увеличеніемъ населенія и съ расширеніемъ школьныхъ программъ число школъ сильно возросло.

Приведемъ нѣкоторыя цифры.

Народныхъ школъ было въ прусскомъ королевствѣ:

въ 1825 г.	20.877 [1])	въ 1858 г.	24.923 [1])
въ 1831 г.	21.786 [1])	въ 1878 г.	31.963 [2])
въ 1840 г.	23.323 [1])	въ 1896 г.	36.138 [3])

Какъ только существованіе достаточнаго количества народныхъ школъ было обезпечено съ внѣшней стороны, немедленно началась работа съ цѣлью ея внутренняго развитія. Улучшеніе учительскаго персонала народной школы, расширеніе ея программы, усовершенствованіе школьной обстановки, стали главными задачами, сохранившими свое значеніе до нашего времени. И въ этомъ отношеніи было не мало сдѣлано; успѣхи оказались прямо поразительные, стремленіе къ безостановочному прогрессу въ дѣлѣ народнаго образованія глубоко вкоренилось во всемъ нѣмецкомъ народѣ безъ различія классовъ. Результаты ярко выразились въ расходныхъ цифрахъ прусскаго школьнаго бюджета.

Расходы на учительскій персоналъ народной школы составляли въ общей суммѣ:

въ 1821 г.	7.058,256	марокъ	(2.352,752 талера) [1])
въ 1861 г.	22.347,672	„	(7.449,224 „) [1])
въ 1886 г.	133.913,122	„	[2])

Всѣхъ затратъ приходилось, въ среднемъ, на одного ученика народной школы въ годъ:

въ 1861 г. . .	10,37 марки [2])	въ 1891 г. . .	29,74 марки [4])
въ 1871 г. . .	29,74 „ [3])	въ 1901 г. . .	48 „ [4])

Въ городахъ размѣръ годовой затраты на одного школьника достигъ уже, въ среднемъ, 64 марокъ, т.-е. *30-ти рублей* [5]).

Общая сумма общественныхъ и государственныхъ расходовъ на народную школу составляла:

---

[1]) Preuss. Statistik, Heft 10, p. X.

[2]) Ibid., Heft. 151, p. 35.

[3]) Preussische Statistik, Heft. 101, p. 14.

[4]) Ibid., Heft. 151, p. 314.

[5]) L. von Zolly. Das Unterrichtswesen. Zu Schönberg's Handbuch der polit. Oekonomie, B. III, 2, p. 511.

въ 1871 г.	56.648,398 марокъ	[1])
въ 1886 г.	127.422,879 „	[2])
въ 1901 г.	269.942,375 „	[3])

Результаты соединенной работы администраціи и общества выражаются также очень ярко въ слѣдующемъ счетѣ:

Всенародная перепись 1-го декабря 1885 года констатировала въ прусскомъ королевствѣ число дѣтей въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ—5.905.158.

Школьная статистика отъ 20-го мая 1886 г. нашла слѣдующее:

народныя школы посѣщали	4.838,247 дѣтей
другія школы посѣщали	299,280 „
еще не поступили въ школу или уже выступили изъ нея (по законнымъ причинамъ) . . .	170,439 „
не вошли въ счетъ изъ дѣтей города Берлина. .	36,100 „
Итого.	5.344,066 дѣтей.

Число дѣтей школьнаго возраста, не нашедшихъ мѣста въ школѣ, составляло во всемъ прусскомъ королевствѣ всего-навсего 8.826, а число дѣтей, уклонившихся отъ школы,—3.145.

Эти цифры показываютъ, что уже въ 80-хъ годахъ, въ Пруссіи, за немногими исключеніями, *всѣ дѣти, въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ* (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—отъ 6 до 14 лѣтъ) *посѣщали школу.*

II.

Матеріальныя заботы по устройству и содержанію народной школы возложены были съ самаго начала введенія всеобщаго обученія, повидимому, во всей Германіи на мѣстныя общества. Во многихъ мѣстахъ были организованы спеціальныя школьныя общества, состоявшія, по закону, изъ всѣхъ домохозяевъ данной мѣстности, безразлично отъ того, имѣются ли у нихъ дѣти въ школьномъ возрастѣ, и вообще имѣются ли у нихъ дѣти или нѣтъ. Эта принудительная организація была установлена, повидимому, еще до введенія мѣстнаго самоуправленія. Съ возникновеніемъ и развитіемъ послѣдняго, школьныя общества постепенно передавали свои функціи въ его руки. Если какое-либо общество, по ограниченности средствъ, не было въ состояніи

[1]) Zeitschrift d. Königl. Preuss. Statistischen Bureau, 1902, Heft IV, p. LII.
[2]) Preuss. Stat., Heft. 101, p. 60.
[3]) Preuss. Statistik, Heft. 101, p. 10.

нести всѣ школьные расходы, оно получало субсидію изъ государственной казны. Но эти субсидіи были вначалѣ очень незначительны. Еще въ 1861 г. общая сумма государственныхъ субсидій на народную школу составляла для всей Пруссіи 1.332,293 марки, 4,47% [1]) всѣхъ расходовъ на народную школу. Но въ послѣднюю четверть вѣка государственныя затраты быстро возростаютъ:

Въ 1886 г. онѣ составляли 14.022,000 марокъ (12,1%) [1])
въ 1891 г. „ „ 46.496,000 „ (31,8%) [2])
въ 1901 г. „ „ 73.487,388 „ (=27,23%) [3])

Эти государственныя субсидіи распредѣлялись главнымъ образомъ между сельскими обществами, естественно, болѣе нуждающимися въ поддержкѣ. Такъ, въ 1886 г. государственная субсидія составляла, въ общемъ счетѣ, въ деревнѣ 18,11% всѣхъ школьныхъ расходовъ, а въ городѣ—4,42%. Тѣмъ не менѣе, расходы городовъ на народную школу быстрѣе увеличиваются, чѣмъ расходы сельскихъ обществъ. Такъ, за періодъ отъ 1871 г. до 1886 г. эти расходы увеличились:

въ деревняхъ: съ 32.002,388 марокъ до 66.344,996
въ городахъ: съ 24.646,010 „ до 61 077,879

Правда, что и населеніе быстрѣе увеличивалось въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ оно, въ послѣднее время, даже уменьшается; но увеличеніе въ городахъ и уменьшеніе въ деревняхъ происходитъ на счетъ взрослаго населенія; тогда какъ число дѣтей школьнаго возраста и теперь еще, вѣроятно, на много значительнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ.

Возложивъ на мѣстныя общества обязанность устройства и содержанія народной школы, государственная власть внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы эта обязанность дѣйствительно выполнялась, а также за тѣмъ, чтобы она выполнялась въ соотвѣтствіи съ постоянно возростающими требованіями времени. Но *права* мѣстныхъ обществъ по отношенію къ школѣ всегда *были* и до сей поры остались весьма незначительными. Забота о матеріальныхъ нуждахъ школы лежала на обществахъ; духовное руководство школой, моральное вліяніе на школу государственная власть оставила за собою и какъ будто даже все болѣе и болѣе ревниво охраняетъ эту привилегію отъ „постороннихъ" поползновеній. Выработка програмы, подготовка и назначеніе

[1]) Zolly, op. cit., p. 511.
[2]) Zeitschrift d. pr. St. B. 1902/IV, p. LII.
[3]) Preuss. Stat., Heft 101, p. 69.

учительскаго персонала, руководство и надзоръ всецѣло или почти всецѣло—въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общества имѣютъ право выбора или рекомендаціи учителя. Но и въ этихъ случаяхъ учитель находится въ полной зависимости отъ министерства, отъ котораго онъ получаетъ наставленія, распоряженія и замѣчанія и отъ котораго главнымъ образомъ зависятъ его положеніе и его карьера. Онъ подчиненъ общему для всѣхъ чиновниковъ дисциплинарному суду и долженъ, какъ всѣ чиновники, при вступленіи въ должность, принести присягу, которая, напр. въ Пруссіи, имѣетъ слѣдующій текстъ:

„Я, такой-то, клянусь передъ Богомъ, Всемогущимъ и Всезнающимъ, что буду преданъ, вѣренъ и послушенъ Его Королевскому Величеству Пруссіи, моему Всемилостивѣйшему Государю, и, по моему наилучшему разумѣнію и по совѣсти, буду точно исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня моею должностью" и т. д. Съ 1867 года къ этой формулѣ прибавлены слова: „а также добросовѣстно исполнять конституцію".

При такомъ положеніи школьный учитель столько, или почти столько же, какъ и всякій другой чиновникъ, долженъ сообразоваться со взглядами и направленіемъ правительства, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Формально это ему, конечно, не предписывается: какъ всякій нѣмецкій гражданинъ, онъ имѣетъ право собственнаго мнѣнія по всѣмъ вопросамъ. Министерскіе циркуляры не отрицаютъ этого права, но они требуютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда взгляды учителя расходятся со взглядами правительства въ существенныхъ пунктахъ, соблюденія особаго „такта", не только въ самой школѣ, но и внѣ ея [1]). Впрочемъ, воспитаніе монархическихъ и религіозныхъ чувствъ прямо входитъ въ программу народной школы. Учитель обязанъ указать дѣтямъ на заслуги Гогенцоллерновъ и учить ихъ патріотическимъ гимнамъ; на него же, большею частью, возложено преподаваніе закона Божія.

Вліяніе церкви на школу обезпечивается еще и тѣмъ, что инспекція народныхъ школъ большею частью поручается представителю мѣстнаго духовенства.

Требуя отъ школьнаго учителя столько вниманія къ правительственнымъ интересамъ, министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, не оставляетъ безъ вниманія матеріаль-

[1]) Petersilie. Das öffentliche Unterrichtswesen im Deutschen Reiche und in den übrigen europäischen Kulturstaaten. Leipzig 1897, Bd. II, p. 55.

ныхъ интересовъ школьныхъ учителей. Ихъ жалованье постоянно увеличивалось, ихъ старость обезпечена пенсіей, ихъ вдовы и дѣти также не оставлены безъ вниманія.

Въ 1821 году, половина всѣхъ учителей Пруссіи получала, въ maximum'ѣ, 240 марокъ (110 рублей) годового жалованья, и только 987 учителей имѣли больше 600 марокъ. Въ 1891 году больше половины *сельскихъ* учителей Пруссіи уже получаютъ отъ 900 до 1.800 марокъ годового жалованья, кромѣ квартиры и отопленія, и только 40,75% имѣютъ меньше 900 марокъ годового жалованья. Среднее годовое жалованье народнаго учителя составляло:

Въ Саксоніи въ 1889 г.	1580 марокъ	[1]
„ Баваріи въ 1894—95 г. . . .	1542 „	[1]
„ Пруссіи въ 1891 г.	1451 „	[1]

Въ 1901 г. среднее годовое жалованье народнаго учителя составляло: во всей Пруссіи—2.023 марки, а въ городахъ Пруссіи—2.285 марокъ, т.-е. около 1.000 рублей [2].

Пенсія составляетъ, послѣ полной выслуги, въ Пруссіи и Баденѣ—75% жалованья, въ Саксоніи—80%, въ Вюртембергѣ—82½%, а въ Гессенѣ—100% жалованья. Нѣкоторыя страны установили также minimum пенсіи, составляющій въ Вюртембергѣ и Гессенѣ 40%, въ Саксоніи и Баденѣ — 30% жалованья.

Большіе расходы, вызванные этими улучшеніями матеріальнаго положенія народныхъ учителей, интересы которыхъ, впрочемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ интересами самой школы, возложены государствомъ опять-таки, главнымъ образомъ, на мѣстныя общества. Во всѣхъ частяхъ Германіи законъ установляетъ minimum учительскаго жалованья, но администрація имѣетъ сверхъ того право потребовать повышенія жалованья въ тѣхъ случаяхъ, когда она это сочтетъ умѣстнымъ. Финансовая тяжесть этихъ реформъ увеличивается тѣмъ, что и самое число учителей значительно возросло. А между тѣмъ увеличеніе школьныхъ расходовъ продолжалось также и въ другихъ отношеніяхъ: программы расширялись, и самая обстановка школъ все болѣе и болѣе совершенствовалась.

Для характеристики мы приведемъ нѣкоторыя цифры изъ бюджета прусскихъ народныхъ школъ за 1896 годъ, взятыя

---

[1]) Zolly, op. cit., p. 515.

[2]) Zeitschrift der preuss. St. B. 1902, IV, p. LIII.

нами изъ „Preussische Statistik“, Heft 151 (позднѣйшія цифры пока только отчасти опубликованы).

Сумма всѣхъ расходовъ составляла:

На персоналъ—133.913.122 марки, на матеріальное содержаніе—52.004.374 марки. Изъ первой суммы было израсходовано:

на ординарныхъ учителей . .	109 455.912 марокъ
„ „ учительницъ.	13.175.436 „
„ учительницъ рукодѣлія . .	2.336.518 „
„ другихъ технич. учителей .	107·732 марки
„ пенсіи	8.501.334 „

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, цифра расходовъ на женскій учительскій персоналъ, по своей сравнительной незначительности. Дѣло въ томъ, что въ Пруссіи, какъ и вообще въ Германіи, администрація предоставляетъ женщинамъ лишь незначительное мѣсто въ преподаваніи и притомъ вознаграждаетъ ихъ хуже, чѣмъ мужской персоналъ. Въ 1896 г., на 78.601 ординарныхъ преподавателей народныхъ школъ Пруссіи приходилось женскихъ преподавателей только 10.152; въ 1893 г., въ Баваріи число женскихъ преподавателей составляло 1.960 на 11.651, а въ Саксоніи, въ 1889 г.—только 210 на 7.689 [1]).

Среди источниковъ доходовъ фигурируютъ, кромѣ мѣстныхъ обществъ и государственной казны:

доходъ отъ школьнаго, церковнаго и пожертвованнаго имущества	7.030.691 марка
изъ церковной кассы и т. под.	2.170.483 марки
отъ школьной платы	200.000 марокъ

Мы видимъ, что школьная плата почти совсѣмъ исчезла, такъ что въ Пруссіи обученіе почти повсемѣстно безплатное. Этотъ результатъ достигнутъ въ Пруссіи отчасти подъ вліяніемъ административнаго воздѣйствія; между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ имперіи администрація дѣйствуетъ прямо въ противоположномъ направленіи. Такъ, въ Саксоніи мѣстныя общества *вовсе не имѣютъ права* отмѣны школьной платы, а въ Вюртембергѣ и Баденѣ они могутъ это дѣлать лишь съ разрѣшенія администраціи.

---

[1]) Zolly, op. cit., 516.

III.

Программа народной школы, понятно, была вначалѣ очень ограниченная. Законъ Божій, чтеніе, письмо и немного счета составляли все ея содержаніе. Для болѣе широкой программы не было средствъ. Не было также большого расположенія со стороны государственной власти. При введеніи всеобщаго обученія, въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ, бюрократія и въ Германіи еще не была свободна отъ того суевѣрнаго страха передъ свѣтомъ образованія, который въ другихъ странахъ вполнѣ сохранилъ свою пагубную силу вплоть до XX-го вѣка и былъ сильнѣйшимъ противникомъ народнаго образованія и культурнаго прогресса. Психологія этого страха—несложнаго характера. Она почти вполнѣ исчерпывается словами одного англійскаго лорда, произнесенными при обсужденіи въ палатѣ лордовъ перваго предложенія о государственной субсидіи на народное образованіе: „If a horse knew as much as a man, I would not be his rider"! („еслибы лошадь понимала столько же, сколько человѣкъ, то я не хотѣлъ бы сидѣть на ней верхомъ"!). Мотивъ, повидимому, очень убѣдительный: вѣдь самимъ Богомъ суждено, чтобы лорды ѣздили верхомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они такъ же мало способны къ тому, какъ этотъ почтенный членъ верхней палаты, который не чувствовалъ себя въ силахъ справиться даже съ умной лошадью.

Въ Германіи также пришлось бороться противъ такихъ превратныхъ толкованій судьбы. Еще въ 1801 году не кто другой, какъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ II, возстаетъ противъ этихъ безсмысленныхъ толкованій въ спеціальномъ рескриптѣ, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, „что возьметъ верхъ убѣжденіе въ томъ, что культура, общественный порядокъ и всеобщее благосостояніе встрѣчаются только у подданныхъ здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ относительно условій ихъ жизни".

Это убѣжденіе дѣйствительно скоро взяло верхъ, но для его проведенія въ жизнь средства нашлись только значительно позже. Учительскій персоналъ долго оставался въ очень неудовлетворительномъ состояніи; учительскихъ семинарій до половины XIX вѣка было очень мало, и приходилось часто довольствоваться такими наставниками, которые сами знали немного больше грамоты. Среди наставниковъ были: портные, сапожники, каменьщики и имъ подобные наставники. Цѣнность нѣкоторыхъ учителей того

времени ярко иллюстрируется жалованьемъ, которымъ они довольствовались. Даже въ Рейнской провинціи, еще въ 1834 г., встрѣчается учитель, который получалъ въ годъ 12$^1/_2$ талеровъ жалованья (около 17 рублей), заработывая себѣ еще 24 талера—ломкой камня. Въ Познанской провинціи, въ 1828 году, 53 учителя получаютъ годового жалованья отъ 4 до 12 талеровъ, т. е. отъ 5 р. 50 коп. до 17 рублей на наши деньги (Zolly, op. cit.).

Систематическая подготовка учительскаго персонала въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдается въ видѣ исключенія уже въ XVIII-мъ вѣкѣ; но прочное мѣсто въ школьной организаціи она заняла только въ половинѣ XIX-го вѣка. Въ наше время, всѣ народные учителя въ Пруссіи прошли черезъ учительскую семинарію. Уже въ 1892 г., Пруссія имѣла 111 мужскихъ трехклассныхъ учительскихъ семинарій съ 10.133 учениками и 11 женскихъ съ 703 ученицами. Всѣ семинаріи содержатся государствомъ, которое кромѣ того содержало въ томъ же году 35 подготовительныхъ школъ для семинарій. Баварія имѣла въ 1898 году 15 семинарій съ 1.004 учениками и ученицами и 38 подготовительныхъ школъ съ 1.802 воспитанниками. Саксонія имѣла въ 1889 г. 17 шестиклассныхъ семинарій.

Организація учительскихъ семинарій такова, что, по окончаніи курса народной школы, кандидаты должны нѣсколько лѣтъ готовиться къ пріему въ подготовительныхъ школахъ и частнымъ образомъ (за исключеніемъ Саксоніи). Курсъ семинарій трехъили двухъ-годичный. Есть среди нихъ открытыя и закрытыя заведенія (экстернаты и интернаты). Обученіе, большею частью, безплатное; въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ученики получаютъ безплатную квартиру или безплатное полное содержаніе. Для несостоятельныхъ всюду имѣются стипендіи. Программы учительскихъ семинарій, конечно, неодинаковыя во всѣхъ частяхъ имперіи, но въ общемъ онѣ мало отличаются отъ программы, принятой въ Пруссіи; для нѣкоторыхъ послѣдняя программа прямо служила образцомъ. Мы поэтому можемъ ограничиться знакомствомъ съ прусской программой.

Желающіе вступить въ учительскую семинарію подвергаются экзамену по слѣдующимъ предметамъ: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, географія, исторія, естествознаніе, чистописаніе, черченіе, музыка (пѣніе, игра на роялѣ, на скрипкѣ и на органѣ) и, наконецъ, гимнастика. Программа, какъ видно, довольно обширная; но всѣ эти предметы изучаются уже въ народной школѣ. Семинарія имѣетъ своей задачей укрѣпить эти знанія,

дополнить и расширить ихъ и настолько развить личность учителя, чтобы онъ былъ въ состояніи не только механически обучать, но также духовно руководить воспитанниками народной школы. Свою цѣль семинарія старается достигнуть теоретическимъ преподаваніемъ и практическими упражненіями. При каждой семинаріи имѣется народная школа, въ которой ученики семинаріи упражняются въ преподаваніи подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ.

Послѣднему дѣлу посвящается, главнымъ образомъ, третій годъ курса; первые два года заняты, главнымъ образомъ, теоретическими предметами, на которые вообще полагается: въ первый годъ—24 недѣльныхъ часовъ, во второй годъ—столько же, въ третій годъ—12 часовъ. Теоретическимъ предметамъ, слѣдовательно, посвящено въ общемъ итогѣ 60 недѣльныхъ часовъ. Это время распредѣлено между отдѣльными предметами слѣдующимъ образомъ:

Педагогика	7	часовъ
Законъ Божій	10	„
Нѣмецкій языкъ	12	„
Исторія	6	„
Ариѳметика	7	„
Геометрія	4	„
Естествознаніе, физика и химія . . .	8	„
Географія	5	„
Черченіе	5	„
Чистописаніе	3	„

Кромѣ того, установлены упражненія въ музыкѣ и въ гимнастикѣ, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ также обученіе иностраннымъ языкамъ и сельско-хозяйственнымъ предметамъ.

По окончаніи курса семинаріи, воспитанники получаютъ право на учительскую должность; но окончательное назначеніе они получаютъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пробной дѣятельности въ качествѣ помощника или замѣстителя народнаго учителя. Образованіе учителя, однакоже, не останавливается на этомъ; уже находясь на регулярной службѣ, учитель долженъ являться на учительскіе съѣзды для обновленія и продолженія своего образованія.

Имѣя на своей службѣ учительскій персоналъ столь основательно подготовленный, народная школа можетъ достигнуть крупныхъ результатовъ. Времени она также имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно много: отъ шести до десяти лѣтъ, такъ какъ обязательное посѣщеніе школы простирается, смотря по мѣсту, отъ пяти- или шести-лѣтняго возраста до двѣнадцати-, тринадцати-

и четырнадцати-лѣтняго возраста; въ большинствѣ случаевъ—отъ шести-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста. Программа германской народной школы, дѣйствительно, сравнительно весьма обширна. Такъ, въ Пруссіи съ 1872 г. оффиціально установлена слѣдующая программа, раздѣленная на три курса [1]).

	Низшій курсъ.	Средній курсъ.	Высшій курсъ.
	Часы (въ недѣлю):		
Религія	4	4	4
Нѣмецкій языкъ	11	8	8
Ариѳметика	4	4	4
Геометрія	—	—	2
Черченіе	—	2	2
Исторія, географія, естествознаніе	—	6	6
Пѣніе	1	2	2
Гимнастика, рукодѣліе	2	2	2

Всѣ эти предметы вошли также въ программу народной школы другихъ частей Германіи. Только въ отсталомъ Мекленбургъ-Шверинѣ исторія, географія и естествознаніе не вошли въ оффиціальную программу. Зато въ герцогствѣ Брауншвейгѣ народная школа имѣетъ еще всеобщую исторію, религіозную исторію и „науку о человѣческомъ тѣлѣ и человѣческой душѣ“, а въ Гамбургѣ—алгебру, англійскій и французскій языки, физику и химію.

Фактическое исполненіе оффиціальной школьной программы, конечно, находится въ зависимости отъ школьной обстановки, отъ числа учителей и числа учениковъ. Относительно Пруссіи мы и по этимъ вопросамъ имѣемъ детальныя статистическія свѣдѣнія.

Въ 1896-мъ году, во всей Пруссіи было 36.138 народныхъ школъ съ 92.000 классами въ 80.311 помѣщеніяхъ. Учительскій персоналъ состоялъ изъ 78.601 ординарныхъ учителей и учительницъ, изъ 37.193 учительницъ рукодѣлія, 2.252 преподавателей закона Божія и нѣсколькихъ тысячъ другихъ, не-ординарныхъ учителей. На каждый классъ приходилось, въ среднемъ, 57 школьниковъ, на каждаго ординарнаго учителя—66 школьниковъ.

Изъ всего числа народныхъ школъ Пруссіи—15.578 имѣли только одинъ классъ (въ городахъ всего 468 школъ); 10.032—два класса (въ городахъ—174); 4.892—три класса (въ городахъ 390), а 5.636 школъ имѣли четыре класса или больше

[1]) Petersilie, op. cit. II, p. 34.

(въ городахъ 3.110 школъ). Такимъ образомъ, городскія народныя школы имѣли большею частью не менѣе четырехъ классовъ, что впрочемъ зависитъ не только отъ бо́льшихъ затратъ на школу, но и отъ бо́льшаго количества дѣтей въ каждой школѣ. Эти цифры показываютъ, что большинство народныхъ школъ вполнѣ имѣетъ возможность выполнить обширную оффиціальную программу. Но культурныя потребности Германіи уже ушли дальше этой программы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сама программа расширяется, какъ мы видѣли выше; въ другихъ мѣстахъ организованы *дополнительные курсы*, устроивающіеся въ вечерніе часы или въ праздничные дни. Въ средней и южной Германіи устройство дополнительныхъ курсовъ уже сдѣлано *обязательнымъ* для мѣстныхъ обществъ. *Посѣщеніе* этихъ курсовъ обязательно въ Саксоніи и Гессенѣ только для юношей, а въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ—также для дѣвушекъ. Въ Баденѣ курсы продолжаются: для дѣвушекъ одинъ годъ, а для юношей—два года; въ Саксоніи, Баваріи и Гессенѣ курсы уже трехгодичные. Программа дополнительныхъ курсовъ содержитъ какъ общіе предметы, такъ и спеціальные.

IV.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Германіи программа всеобщей народной школы вышла далеко за предѣлы начальной школы и быстрыми шагами приближается къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ фактъ имѣетъ историческое значеніе, которое отнюдь не ограничивается предѣлами германской имперіи. Нѣмецкій народъ въ скоромъ времени дѣйствительно будетъ всецѣло „народомъ мыслителей“, и не мыслителей-мечтателей, а мыслителей-практиковъ; это будетъ народъ образованныхъ техниковъ, образованныхъ крестьянъ, образованныхъ рабочихъ, образованныхъ купцовъ и образованныхъ солдатъ. Если уже 30-ть лѣтъ тому назадъ Мольтке могъ сказать, что своими удивительными военными побѣдами 60-хъ и 70-хъ годовъ Пруссія обязана главнымъ образомъ своимъ школьнымъ учителямъ, то каково же будетъ значеніе школьныхъ учителей при будущихъ походахъ Германіи!? До 70-хъ годовъ прусскіе народные учителя ограничивались почти только преподаваніемъ грамоты, а теперь они превращаютъ весь народъ въ интеллигенцію, значеніе которой, конечно, не уменьшается отъ того, что она имѣетъ характеръ въ высшей степени практическій, а напротивъ, увеличи-

вается до размѣровъ, по истинѣ внушительныхъ для народовъ съ невысокимъ уровнемъ культуры. Мы видимъ, какъ, благодаря этому соединенію образованности съ практичностью, Германія на нашихъ глазахъ, въ теченіе одного поколѣнія, создала гигантскую промышленность, едва уступающую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящую, удивительную англійскую промышленность, надъ созданіемъ которой англичане работали больше вѣка, и сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ странъ міра. Благодаря тому же, военная сила Германіи достигла такой высокой степени, что другимъ народамъ приходится напрягаться изъ всѣхъ силъ, для того, чтобы не отстать отъ того уровня, на которомъ Германія держится безъ всякаго напряженія, съ удивительною легкостью.

Въ наше время, людей нужно не только считать, но также взвѣшивать,—солдатъ, конечно, также. Одинъ бельгійскій инженеръ, знакомый съ бельгійской и съ русской промышленностью, вычислилъ недавно на основаніи личнаго опыта, что въ среднемъ одинъ бельгійскій фабричный рабочій производитъ больше, чѣмъ *три русскихъ фабричныхъ рабочихъ*. Нѣмецкій рабочій, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ въ этомъ отношеніи бельгійскому рабочему. Поэтому мы при нашихъ крайне дешевыхъ рабочихъ силахъ работаемъ много дороже, чѣмъ Германія съ ея дорогими рабочими. Въ военномъ отношеніи разница между Германіей и нами достаточно иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что тамъ при двухгодичной военной службѣ солдаты больше успѣваютъ, чѣмъ у насъ при четырехгодичной службѣ. Въ наше время военное искусство не менѣе сложно, чѣмъ самая усовершенствованная фабрика. Военные аппараты требуютъ такого же осторожнаго обращенія, какъ фабричные машины и аппараты. Поэтому потребность въ образованномъ людскомъ матеріалѣ столь же велика въ военномъ отношеніи, сколько она велика для развитія фабричной промышленности и улучшенія сельскаго хозяйства. Вѣроятно, что и сознаніе важности народнаго образованія столь же распространено въ военномъ классѣ, какъ въ фабричномъ классѣ и среди сознательныхъ сельскихъ хозяевъ. Наше военное министерство уже кое-что сдѣлало въ отношеніи народнаго образованія, обучая грамотности многихъ солдатъ; можетъ быть, оно уже больше сдѣлало въ этомъ отношеніи, чѣмъ наше министерство народнаго просвѣщенія. Если послѣднее не приметъ тотчасъ этого дѣла въ свои руки, то ничего не будетъ удивительнаго, если военное министерство возьметъ на себя иниціативу законодательныхъ мѣръ по введенію всеобщаго обуче-

нія... „Wenn die Menschen schweigen, so müssen die Steine sprechen“!

Итакъ, вопросъ о всенародномъ образованіи имѣетъ огромное національное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Какое будущее ожидаетъ націю, не съумѣвшую во-время установить равновѣсія между собственнымъ культурнымъ уровнемъ и культурнымъ уровнемъ своихъ сосѣдей,—мы это видимъ на примѣрѣ нашихъ сосѣдей съ восточной стороны. Эти примѣры до такой степени поучительны, убѣдительны и внушительны, что нельзя не удивляться, если, несмотря на то, вопросъ о всеобщемъ обученіи все еще ждетъ у насъ разрѣшенія, и находятся люди, называющіе себя и считающіеся патріотами, которые имѣютъ рѣшимость задерживать и тормазить это насущное и великое дѣло разными посторонними и мелочными соображеніями. Мудрость этихъ людей находится на одинаковомъ уровнѣ съ мудростью нашихъ восточныхъ сосѣдей. Они, очевидно, не видятъ ни того, что̀ происходитъ на Востокѣ, ни того, что̀ происходитъ на Западѣ. А между тѣмъ, какъ можно не обращать вниманія хотя бы на то, что въ Пруссіи всеобщее обученіе введено было *столь консервативной прусской бюрократіей* и было развито и усовершенствовано при содѣйствіи еще болѣе консервативнаго прусскаго сейма.

Однакожъ, противодѣйствіе высшему народному образованію, повидимому, уже слабѣетъ и у насъ. Вопросъ о всеобщемъ обученіи поставленъ теперь оффиціально на очередь дня проектомъ В. И. Фармаковскаго. Это очень отрадно, но разсмотримъ этотъ проектъ по существу. По проекту, фактическое осуществленіе всеобщаго обученія и матеріальная забота о народныхъ школахъ возлагаются на министерство народнаго просвѣщенія. Эта мысль служитъ основаніемъ проекта и вмѣстѣ самой слабой его частью. Наше министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ матеріальныхъ средствъ для такого крупнаго дѣла и, по всей вѣроятности, не скоро будетъ ихъ имѣть. Это признаетъ самъ авторъ проекта и поэтому требуетъ для его осуществленія — нѣсколько десятковъ лѣтъ! Для одного перваго опыта въ московскомъ учебномъ округѣ проектъ требуетъ десять лѣтъ! Для болѣе скораго осуществленія всеобщаго обученія министерство, по словамъ г. Фармаковскаго, не имѣетъ средствъ. Но почему же авторъ все-таки предлагаетъ возложить это трудное дѣло на министерство и отстранять отъ него тѣ учрежденія, которыя доказали на опытѣ свою способность къ осуществленію этого дѣла, т.-е. мѣстное самоуправленіе? Авторъ говоритъ, что наше земство не имѣетъ

теперь свободныхъ средствъ, вслѣдствіе стѣсненія, наложеннаго на него закономъ о предѣльномъ обложеніи. Это—такъ. Но изъ этого слѣдуетъ, что необходимо ходатайствовать объ отмѣнѣ этого распоряженія, ради интересовъ столь необходимаго намъ народнаго образованія. И надобно думать, что этого легче будетъ добиться, чѣмъ крупныхъ наличныхъ средствъ изъ государственной казны. Рекомендательное письмо всегда легче получить, чѣмъ денежную помощь... Поэтому трудное дѣло введенія всеобщаго обученія необходимо раздѣлить на двѣ части: сначала нужно дождаться закона, устанавливающаго всеобщее обученіе; а затѣмъ на основаніи закона стремиться къ осуществленію этого дѣла. Такимъ именно путемъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ онъ разрѣшался. Такъ было въ Пруссіи, такъ было въ Австріи, такъ было въ Англіи, во Франціи и въ Бельгіи и т. д. Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена и при всѣхъ режимахъ, введеніе всеобщаго обученія началось съ установленія законодательнымъ путемъ обязательности всеобщаго обученія и возложенія матеріальныхъ заботъ объ этомъ на мѣстныя общества. Субсидія со стороны государственной казны, конечно, не только желательна, но и необходима; но требовать отъ казны всей необходимой суммы—нельзя, потому что она и не можетъ дать...

В. И. Фармаковскій опасается, что для скораго осуществленія всеобщаго обученія, стоимость котораго онъ вычислилъ въ 100 милліоновъ рублей въ годъ, вообще не найдется средствъ въ Россійской Имперіи. Ошибочность этого опасенія обнаруживается при первомъ взглядѣ на нашъ государственный бюджетъ, который возростаетъ изъ года въ годъ больше чѣмъ на 100 милліоновъ. Точно также какъ нашлись средства для многократныхъ перевооруженій нашей арміи и для увеличенія нашего флота, точно также какъ нашлись средства для постройки колоссальной сѣти желѣзныхъ дорогъ, найдутся средства для всенароднаго обученія, которое и въ національномъ, и въ экономическомъ отношеніи—не менѣе важно.

Въ Пруссіи годовой расходъ на народную школу составляетъ, въ среднемъ, около 4-хъ рублей на душу населенія. Столько русскій народъ тотчасъ, конечно, дать не можетъ. Но если онъ дастъ только пятую часть этого, то уже соберется сумма, нужная, по вычисленіямъ В. И. Фармаковскаго, для осуществленія всеобщаго обученія. Нѣтъ сомнѣнія, въ будущемъ потребуются бо́льшія суммы; но мы не можемъ успокоиться, пока не сравнимся въ отношеніи народнаго образованія съ нашимъ западнымъ сосѣдомъ.

Это будетъ, конечно, нелегко, потому что Германія не стоитъ на мѣстѣ, а быстро идетъ впередъ. Но въ дѣлѣ народнаго образованія силы возростаютъ съ каждымъ шагомъ, а потому необходимо скорѣе пуститься въ путь. Необходимо безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ устроить столько школъ, сколько необходимо хотя бы сначала для скромнаго первоначальнаго обученія *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста... *Вѣдь и тогда все населеніе будетъ грамотнымъ сплошь только черезъ пятьдесятъ лѣтъ.*

Р. Бланкъ.

Берлинъ, 1903.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie". Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

Окончаніе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I *).

Тони прогостила нѣсколько мѣсяцевъ у своихъ друзей Нидерпауровъ въ Мюнхенѣ и писала оттуда матери пространныя письма о своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. Ева Нидерпауръ всячески старалась о томъ, чтобъ ей пріятно жилось, а ея мужъ, директоръ пивовареннаго завода, былъ добродушный и веселый человѣкъ, какъ большинство людей въ южной Германіи; это наблюденіе Тони сдѣлала въ первое же время своего пребыванія въ Мюнхенѣ, и сообщила объ этомъ, конечно, домой. Многое въ Баваріи, однако, ее изумляло и даже возмущало своимъ контрастомъ съ трезвостью и добропорядочностью сѣверной германской жизни. Она жаловалась въ письмахъ на мюнхенскую кухню съ ея изобиліемъ мучныхъ блюдъ и тяжелыхъ соусовъ, на неизбѣжный картофельный саладъ, съ которымъ никакъ не можетъ примириться ея слабый желудокъ. „Вѣдь здѣсь не имѣютъ понятія о прилично поджаренной телятинѣ,—писала она,—и развѣ

*) См. выше: ноябрь, стр. 287.

не безуміе вѣчно ѣсть огуречный и картофельный салад, запивая его пивомъ"? Возмущалъ ее также языкъ баварцевъ, ихъ пристрастіе къ уменьшительнымъ словамъ и добродушно-грубоватымъ ругательствамъ. Но въ остальномъ ей Мюнхенъ нравился; она восторгалась въ письмахъ мюнхенскими музеями, и расхваливала баварцевъ за ихъ общительный веселый нравъ. Она только не могла примириться съ тѣмъ, что они католики, и потому, по ея твердому убѣжденію, люди сомнительной нравственности. Въ доказательство безнравственности баварцевъ она написала матери о возмутительномъ происшествіи, случившемся съ нею на улицѣ: мимо нея проѣхалъ въ открытой коляскѣ католическій епископъ—совсѣмъ пожилой человѣкъ—и подмигнулъ ей. Сравнительно съ такой наглостью даже „слезливый Тричке"—святой человѣкъ.

Не нравился ей также слишкомъ развязный тонъ мюнхенцевъ, и она находила слишкомъ грубыми шутки гостей, бывавшихъ въ домѣ ея друзей,—въ томъ числѣ опернаго пѣвца и живописца, который просилъ позволенія писать ея портретъ. Живописцу она, конечно, отказала позировать, считая его предложеніе неприличнымъ. Больше другихъ ей пришелся по душѣ нѣкій Перманедеръ. Она писала, что онъ очень милый человѣкъ среднихъ лѣтъ, холостъ и, кромѣ того, протестантъ,—что̀ ей особенно пріятно. Она часто съ нимъ видѣлась, и онъ много разспрашивалъ ее о всей семьѣ, объ Эрикѣ и даже о Грюнлихѣ.

Тони вернулась домой въ апрѣлѣ и оживила весь домъ своимъ веселымъ настроеніемъ и безконечными разсказами о Мюнхенѣ. Она похорошѣла за послѣднее время, и ей никакъ нельзя было дать съ виду болѣе двадцати лѣтъ, хотя въ дѣйствительности ей уже было тридцать; искусно причесанные волосы съ прямымъ проборомъ и завитыми начесами по бокамъ окаймляли тонкій и мягкій овалъ лица съ вздернутой губой, живыми сѣро-голубыми глазами и нѣжнымъ румянцемъ. Всѣ замѣтили, что она стала одѣваться еще съ большей тщательностью, чѣмъ обыкновенно, носила дома нарядныя, очень идущія къ ея стройной фигурѣ, блузки и при каждомъ звонкѣ выбѣгала смотрѣть, кто пришелъ... Томъ даже добродушно поддразнивалъ ее.

Веселость Тони нѣсколько приподняла настроеніе въ домѣ на Mengstrasse, омраченное главнымъ образомъ раздоромъ между Томомъ и его младшимъ братомъ. Тома сердило небрежное отношеніе Христіана къ конторскимъ занятіямъ и раздражали его нескончаемыя жалобы на болѣзненное ощущеніе въ лѣвой ногѣ и на появившееся у него новое страданіе—невозможность сво-

бодно вздохнуть. Кромѣ того, Тома возмущалъ образъ жизни Христіана, ставшаго завзятымъ suitier. Онъ даже не соблюдалъ внѣшнихъ приличій, и показывался на улицахъ въ обществѣ какой-то хористки лѣтняго театра. Въ городѣ добродушно относились къ легкомысленному поведенію Христіана, котораго всѣ фамильярно звали „Кришаномъ“ и посмѣивались надъ его комичными авантюрами; въ клубѣ тоже очень забавлялись его анекдотами, а также имъ самимъ и его странностями. Но Тому все это было крайне непріятно; онъ понималъ, что поведеніе брата вредитъ репутаціи семьи Будденброковъ,—и чувствовалъ также, что за послѣдніе годы накопилось слишкомъ много обстоятельствъ, дающихъ пищу злословію враговъ. Крёгеры совершенно перестали играть роль въ обществѣ и жили уединенно, удрученные поведеніемъ ихъ старшаго сына. Неудачный бракъ дяди Готгольда продолжалъ оставаться пятномъ на семейной чести, и жалкій видъ его трехъ состарившихся въ дѣвичествѣ дочерей тоже не способствовалъ блеску семьи... Затѣмъ разводъ Тони—все это не совмѣщалось съ прежней безукоризненной репутаціей дома Будденброковъ. А теперь еще Христіанъ сталъ посмѣшищемъ всего города, благодаря своимъ странностямъ, своимъ приключеніямъ и вѣчному безденежью, заставлявшему его дѣлать мелкіе долги у товарищей. Томъ чувствовалъ къ позорящему его брату не только презрѣніе, но положительную ненависть, обостренную къ тому же непонятной кротостью, или, вѣрнѣе, равнодушіемъ, съ которымъ Христіанъ выслушивалъ упреки старшаго брата. Дѣло дошло, наконецъ, до окончательнаго разрыва. Томъ узналъ, что Христіана публично оскорбили въ клубѣ, и что онъ снесъ обиду безъ всякаго протеста. Это окончательно взорвало Тома. Онъ призвалъ Христіана и, все болѣе и болѣе раздражаясь видомъ его покорнаго равнодушія, самымъ рѣзкимъ образомъ высказалъ ему свое негодованіе.

— Мое терпѣніе лопнуло!—кричалъ онъ.—Убирайся бездѣльничать куда хочешь; здѣсь тебѣ не мѣсто. Ты насъ позоришь каждымъ твоимъ шагомъ. Ты выродокъ въ нашей семьѣ, пятно на нашей чести. Еслибы этотъ домъ мнѣ принадлежалъ, я бы тебя вышвырнулъ за дверь!..—Томъ былъ такъ взбѣшенъ, что не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, чтò говоритъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Томъ! — сказалъ Христіанъ съ внезапнымъ взрывомъ негодованія, и его круглые глубокіе глаза налились кровью, какъ у его отца въ минуты сильнаго гнѣва.— Какъ это ты говоришь со мной? Чтò я тебѣ сдѣлалъ! Я самъ

уйду, тебѣ нечего меня выгонять. Фи!—прибавилъ онъ съ искреннимъ отвращеніемъ, сопровождая это слово такимъ движеніемъ руки, какъ будто хотѣлъ отогнать муху.

Возмущеніе брата какъ-то сразу успокоило Тома, точно онъ былъ доволенъ, что съумѣлъ пробудить въ Христіанѣ чувство гнѣва. Онъ заговорилъ умиротвореннымъ, дружескимъ тономъ, увѣряя Христіана, что ему самому тяжело такъ рѣзко говорить съ нимъ, что подобныя сцены между братьями крайне прискорбны, но что все-же необходимо объясниться разъ навсегда.

— Ты вѣдь недоволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ, Христіанъ?—спросилъ онъ.

— Да, недоволенъ, — отвѣтилъ Христіанъ.—Сначала мнѣ нравилось работать подъ твоимъ начальствомъ, но я вижу, что мнѣ недостаетъ самостоятельности. Вотъ ты самъ себѣ хозяинъ, всѣмъ управляешь и вполнѣ свободенъ... Я тоже хочу быть въ такомъ положеніи.

— Ну и отлично. Почему ты давно этого не сказалъ? Ты вполнѣ можешь устроиться самостоятельнò. Я готовъ выдать тебѣ по первому требованію пятьдесятъ тысячъ марокъ твоего наслѣдства отъ отца, и съ этими деньгами ты можешь вступить компаньономъ въ какое-нибудь солидное дѣло. Въ Гамбургѣ легко можно найти что-нибудь подходящее. Обдумай это и поговори съ матерью. А теперь прощай. У меня сегодня много дѣла, и ты могъ бы тоже пока написать нужныя англійскія письма.

— Чтò ты думаешь, напримѣръ, о фирмѣ Бурмейстеръ и Комп. въ Гамбургѣ?—спросилъ Томъ, уходя.—Она занимается ввозомъ и вывозомъ. Я знаю Бурмейстера, и увѣренъ, что онъ охотно приметъ тебя въ компаньоны.

Этотъ разговоръ произошелъ въ концѣ мая 1857 года, и уже черезъ мѣсяцъ Христіанъ уѣхалъ въ Гамбургъ. Его провожали на вокзалъ всѣ его клубные знакомые, и хохотали до упада при прощаніи... очевидно, вспоминая объ анекдотахъ, которые имъ разсказывалъ Христіанъ. Въ домѣ на Mengstrasse воцарилась тишина, прерываемая обязательными пріемами гостей и зваными обѣдами, на которые являлось все избранное общество города. Прекрасно сервированные, вкусные обѣды приводили гостей въ пріятное настроеніе, и они оставались еще часовъ до одиннадцати, играя въ вистъ и слушая игру хозяйки на скрипкѣ. Оставшись наединѣ съ женой послѣ одного изъ такихъ пріемовъ, Томъ съ искреннимъ чувствомъ пожалъ ей руку, хваля ея хозяйскія способности и ея умѣнье принимать гостей.

— Все прекрасно сошло,—сказалъ онъ.—Давать хорошіе обѣды очень важно. У меня нѣтъ никакого желанія устроивать балы для молодежи,—у насъ и мѣста нѣтъ для танцевъ. Но необходимо, чтобы людямъ степеннымъ пріятно было у насъ пообѣдать. Такой обѣдъ обходится довольно дорого, но это не потерянныя деньги.

— Ты правъ,—отвѣтила Герда, оправляя кружево на лифѣ.— Я тоже предпочитаю обѣды баламъ. Это гораздо спокойнѣе... Я сегодня днемъ играла, и меня охватило такое странное волненіе... А теперь у меня въ мозгу такъ мертво, что еслибы сейчасъ ударила молнія, то я, вѣроятно, даже бы не вздрогнула.

II.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Христіана, къ Будденброкамъ пріѣхалъ гость изъ Мюнхена—Алоисъ Перманедеръ. У него были дѣла въ городѣ, но сразу выяснилось, что главной причиной его пріѣзда было желаніе снова повидаться съ m-me Грюнлихъ. Когда онъ сдѣлалъ визитъ старой консульшѣ, она была нѣсколько озадачена его развязными, но очень добродушными манерами, нѣкоторой грубоватостью его южной рѣчи, его словечками, которыхъ она не понимала, и его страннымъ пестрымъ костюмомъ тирольскаго горца. Войдя въ гостиную, онъ держалъ въ одной рукѣ зеленую тирольскую шапочку, а въ другой—палку съ загнутой роговой ручкой. На пестромъ жилетѣ красовалась толстая золотая цѣпочка, съ цѣлымъ букетомъ роговыхъ, серебряныхъ и коралловыхъ привѣсокъ. Самъ онъ былъ довольно тученъ для своихъ сорока лѣтъ; толстыя щеки лоснились, и узкіе какъ щелочки глаза имѣли чрезвычайно добродушный видъ. Оправившись отъ перваго изумленія, консульша очень ласково приняла гостя, и предложила ему остановиться у нихъ на то время, которое онъ пробудетъ въ городѣ. Перманедеръ сразу принялъ ея приглашеніе, и, поселившись въ домѣ, вовсе не торопился уѣзжать. Тони ему обрадовалась, но ее смущало его несоотвѣтствіе всему стилю жизни Будденброковъ. Перманедеръ говорилъ слишкомъ громко, пересыпая свою мюнхенскую рѣчь мало понятными крѣпкими словечками, велъ себя съ добродушной непринужденностью, долго сидѣлъ за столомъ послѣ обѣда, курилъ, пилъ пиво и, повидимому, чувствовалъ себя совершенно какъ дома; онъ присутствовалъ на семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ и на „іерусалимскихъ вечерахъ“, производя странное

впечатлѣніе на кузинъ Будденброковъ, на дядю Юста и даже на Тома своей безцеремонностью и шумливостью. Въ домѣ на Mengstrasse всѣ были такъ сдержанны, такъ привыкли соблюдать приличія и обдумывать каждое слово, что открытый, веселый нравъ мюнхенскаго гостя казался чѣмъ-то почти непристойнымъ.

Но все-же семья Тони почувствовала довѣріе и расположеніе къ честному, простому и явно влюбленному въ m-me Грюнлихъ баварцу, приписывая всѣ его странности его южному темпераменту. Сама Тони не спала по ночамъ отъ нервнаго возбужденія, въ предвидѣніи того, что не сегодня—завтра Перманедеръ сдѣлаетъ ей предложеніе. Она призывала къ себѣ свою вѣрную наперсницу Иду, которая клала ей компрессы на голову, чтобы облегчить начинающуюся мигрень, и вела съ ней длинныя бесѣды.

— Да любишь ли ты его, Тони?—спрашивала Ида.—Скажи откровенно.

— Да, Ида, онъ мнѣ нравится. Онъ не красивъ, но очень добрый человѣкъ и не способенъ причинить зла. Когда я подумаю о Грюнлихѣ... Какой мошенникъ!.. Перманедеръ совсѣмъ другого рода человѣкъ. Онъ слишкомъ добродушенъ и слишкомъ любитъ удобства, чтобы рѣшиться на какую-нибудь подлость. Но это тоже не хорошо; я боюсь, что онъ опустится послѣ женитьбы, и не будетъ стараться расширять дѣла... У него нѣтъ честолюбія. Тамъ, въ Мюнхенѣ, они всѣ такіе простые, и среди людей своего круга онъ мнѣ нравился своей сердечностью и непринужденностью; но здѣсь, знаешь ли, мнѣ за него иногда стыдно. Въ Мюнхенѣ всѣ говорятъ неправильнымъ нѣмецкимъ языкомъ, и не стѣсняются въ выборѣ выраженій. Тамъ это не обращаетъ на себя вниманія. Но здѣсь стòитъ ему что-нибудь такое сказать, и я вижу, какъ Томъ хмуритъ брови, какъ кузины Будденброкъ переглядываются съ насмѣшкой, и мнѣ становится неловко.

— Ты вѣдь будешь жить въ Мюнхенѣ, Тони.

— Это вѣрно, Ида. Но подумай, какъ я буду страдать во время помолвки и свадьбы. Мнѣ будетъ стыдно передъ Меллендорпами, Кистенмакерами и всей нашей семьей за его неаристократическія манеры... Да, Грюнлихъ былъ болѣе изященъ... Но что же дѣлать? Самое важное, чтобы я опять вышла замужъ. Конечно, когда я выходила за Грюнлиха, блеска было больше. Какая у насъ была чудная вилла, какая аристократическая обстановка! Съ Перманедеромъ жизнь будетъ скромнѣе, но за то не

будетъ всѣхъ этихъ гадостей... банкира Кессельмайера, отвратительнаго разрыва... Да, ты не знаешь, дорогая, какой горькій опытъ приноситъ жизнь! Но Перманедеръ не способенъ ни на какую низость, а я уже постараюсь развить въ немъ честолюбіе. Онъ долженъ помнить, что женится на урожденной Будденброкъ. И къ тому же дѣло теперь идетъ не о моемъ личномъ счастьѣ, —о немъ поздно мечтать. Мой долгъ только въ томъ, чтобы изгладить позоръ перваго брака. Я знаю, что Томъ тоже такого мнѣнія. Для него самое важное—честь нашей фирмы и семьи, а я нанесла ей уронъ своимъ разводомъ. Да, я должна рѣшиться на этотъ бракъ...

III.

На слѣдующій день, въ прекрасное іюньское воскресенье, семья Будденброковъ предприняла вмѣстѣ со своимъ мюнхенскимъ гостемъ загородную прогулку, во время которой, по общимъ ожиданіямъ, должна была рѣшиться судьба Тони... Вѣдь пасторъ Тибурцій сдѣлалъ предложеніе Кларѣ тоже во время поѣздки за городъ. Гердѣ очень не хотѣлось участвовать въ этой поѣздкѣ. Она чувствовала отвращеніе къ подобнымъ предпріятіямъ, особенно лѣтомъ, да еще въ воскресенье. Она устроивала въ своихъ комнатахъ всегда полумракъ, и рѣдко выходила лѣтомъ, боясь солнца, пыли, мѣщанства, разряженной толпы, запаха пива и табака. Больше всего на свѣтѣ ей были ненавистны суета и жара.

— Милый другъ,—сказала она Тому,—ты вѣдь знаешь, я люблю покой и ненавижу воскресную суету. Освободи меня отъ участія въ этой поѣздкѣ.

Томъ почти всегда во всемъ съ ней соглашался,—она бы не вышла за него замужъ, еслибъ онъ не раздѣлялъ ея вкусовъ.

— Ты, конечно, права, Герда,—сказалъ онъ.—Удовольствіе отъ такихъ предпріятій только воображаемое. Но непріятно отставать отъ другихъ и казаться чудакомъ. Этимъ лишаешься общаго уваженія, и люди начинаютъ считать тебя несчастнымъ, а этого нельзя допускать... Къ тому же, милая Герда, подумай, мы всѣ должны быть любезны съ Перманедеромъ. Тутъ, очевидно, что-то устроивается, и было бы жаль, еслибы это не состоялось.

— Я не знаю, насколько мое присутствіе... Ну, да все равно, если ты этого желаешь, я сдаюсь. Придется претерпѣть это удовольствіе.

Экскурсія состоялась по заранѣе намѣченной программѣ. Мюнхенскій гость съ Тони, Томъ съ женой, а также консульша и маленькая Эрика съ Идой поѣхали въ живописный лѣсъ, считавшійся одной изъ достопримѣчательностей въ окрестностяхъ города. Пройдясь по лѣсу, они отправились обѣдать въ ресторанъ, гдѣ, къ величайшему неудовольствію Тони, увидѣли сидящихъ за двумя сдвинутыми столами Меллендорповъ и Гагенстрёмовъ,—оживленную, хорошенькую Юлиньку съ блестящими черными глазами и огромными брилліантами въ ушахъ, ея мужа, Августа Меллендорпа, блѣднаго молодого человѣка съ аристократической наружностью, и всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Тони сразу съёжилась и приняла оскорбленно-величавый видъ, въ противоположность Перманедеру, который продолжалъ вести себя по обыкновенію съ добродушной безцеремонностью. Послѣ обильнаго обѣда, за которымъ Перманедеръ выпилъ больше пива, чѣмъ полагалось по понятіямъ семьи Будденброковъ, все общество отправилось гулять, распорядившись, чтобы коляски ждали ихъ черезъ часъ передъ ресторанομъ. Эрика убѣжала впередъ съ Идой, консульша примкнула къ Тому и Гердѣ, а Тони и Перманедеръ отстали отъ другихъ, погруженные въ тихую бесѣду. Перманедеръ началъ разговоръ съ похвалъ хорошенькой Эрикѣ, говоря, что она совершенно не похожа на свою мать. Въ отвѣтъ на это Тони объяснила, что она вся въ отца, который по внѣшности былъ настоящимъ джентльменомъ и обращалъ на себя общее вниманіе своими оригинальными золотистыми бакенбардами.—Но онъ былъ очень дурной человѣкъ,—прибавила она и разсказала подробно исторію своего перваго брака. Перманедеръ слушалъ очень внимательно, подробно разспросилъ объ обстоятельствахъ банкротства, но потомъ не могъ удержаться отъ сильной ругани по адресу господина съ золотистыми бакенбардами, принесшаго столько незаслуженнаго горя своей женѣ.

— И по милости этого противнаго человѣка вы теперь навѣрное боитесь замужества, и не рѣшитесь во второй разъ...

Тони нашла это вступленіе очень неудачнымъ, такъ какъ теперь ей приходилось обнадеживать Перманедера. Она сказала, что, конечно, ей трудно было бы послѣ горькаго перваго опыта вторично связать себя супружескими узами, но еслибы ея руки просилъ благородный и добрый человѣкъ...

Онъ позволилъ себѣ спросить, считаетъ ли она его таковымъ, и, послѣ ея утвердительнаго отвѣта, обмѣнялся съ ней нѣсколькими тихими фразами, въ результатѣ которыхъ попросилъ позволенія поговорить съ консульшей и Томомъ. Когда все общество

снова соединилось, Томъ старался не глядѣть на сестру и мюнхенскаго гостя, замѣтивъ, что они сильно смущены. Перманедеръ даже не старался этого скрыть, но Тони приняла чрезвычайно величавый видъ, чтобы не обнаружить своего волненія. Она молча сѣла въ коляску; началъ накрапывать дождь, и нужно было спѣшить домой.

Томъ навелъ справки о Перманедерѣ сейчасъ же послѣ его пріѣзда, и узналъ, что фирма Нотте и Комп., въ которой онъ былъ участникомъ,—хотя и довольно скромная, но вполнѣ солидная. Въ виду этого, когда Перманедеръ явился для оффиціальнаго разговора съ матерью и братомъ Тони, всѣ вопросы были очень скоро улажены, также и относительно маленькой Эрики, которую Тони и ея женихъ рѣшили увезти съ собой въ Мюнхенъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ помолвки, Перманедеръ вернулся въ Мюнхенъ, но потомъ часто пріѣзжалъ къ невѣстѣ; Томъ побывалъ также въ Мюнхенѣ и увидѣлъ недавно купленный Перманедеромъ домъ—очень старый и странный, съ узкой лѣстницей и длиннымъ корридоромъ, который нужно было весь пройти, чтобы попасть въ комнаты. Перманедеръ намѣревался сдать часть дома въ наемъ, оставивъ для себя маленькую квартиру. Для Тони начались вторичныя хлопоты о приданомъ. Многое осталось еще отъ ея перваго брака, но кое-что пришлось обновить и докупить; все выписывалось, какъ и въ первый разъ, изъ Гамбурга, и оттуда прибылъ однажды даже капотъ... украшенный, однако, на этотъ разъ не бархатными, а суконными бантиками.

Осенью состоялась свадьба, очень скромная, въ тѣсномъ семейномъ кругу.

Кузины Будденброкъ сказали, вздыхая:—Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ бракъ будетъ прочный...—Почему-то чувствовалось, что онѣ вовсе на это не надѣются, и слова ихъ показались обидными. Зеземи Вейхбродтъ опять, поднявшись на цыпочки, поцѣловала свою бывшую ученицу въ лобъ и сказала сердечнымъ тономъ:

— Будь счастлива, доброе дитя!

IV.

Благодаря своей энергіи и личнымъ качествамъ, Томъ Будденброкъ очень успѣшно велъ дѣла своей фирмы, несмотря на то, что оборотный капиталъ уменьшился послѣ выдѣленія Христіана и второго брака Тони. Консулъ Будденброкъ пользовался

общимъ почетомъ въ городѣ; его считали однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и интеллигентныхъ членовъ общества, и дѣйствительно его взгляды и интересы были гораздо шире, чѣмъ у большинства его согражданъ. Онъ тяготился мелочностью окружающей жизни, и искалъ удовлетворенія въ общественной дѣятельности, стараясь проводить прогрессивныя идеи въ разныхъ областяхъ городского самоуправленія.

Дни консула проходили въ неутомимой дѣятельности. Начинались они съ бесѣдъ объ общественныхъ дѣлахъ съ парикмахеромъ Венцелемъ, который приходилъ къ нему утромъ брить бороду и разсказывалъ ему всѣ городскія и политическія новости. Консулъ охотно развивалъ ему свои взгляды на общественныя дѣла, зная, что Венцель разнесетъ его слова по всему городу, такъ какъ его кліентами были всѣ вліятельные члены общества. Такъ, напримѣръ, консулъ охотно распространялся о своихъ симпатіяхъ къ бюргермейстеру Овердику, своему дальнему родственнику, причемъ осторожно намекалъ, что, будь онъ на его мѣстѣ, онъ бы дѣйствовалъ болѣе энергично и постарался поставить городъ на высоту современной культуры и, главное, пріобщить его къ общегерманскому таможенному союзу, что̀ значительно облегчило бы торговыя сношенія съ остальной Германіей, съ Мекленбургомъ и Шлезвигъ-Гольштиніей. Овердикъ былъ уже очень старъ, и, распространяясь о своихъ прогрессивныхъ взглядахъ, Томъ подготовлялъ себѣ путь къ новымъ почестямъ.

Отпустивъ Венцеля, консулъ завтракалъ, совершалъ свой туалетъ со свойственной ему тщательностью и отправлялся въ контору, гдѣ дѣлалъ нужныя распоряженія и предоставлялъ дальнѣйшій ходъ отлично заведенной имъ дѣловой машины надсмотру своего опытнаго и разсудительнаго компаніона Маркуса. Затѣмъ онъ появлялся на всевозможныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ, показывался на биржѣ, заходилъ для осмотра на пристань, въ амбары, велъ переговоры съ капитанами торговыхъ судовъ, прерывалъ дѣла короткимъ завтракомъ у матери и обѣдомъ съ Гердой. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ съ полчаса за сигарой и газетой, и затѣмъ до вечера снова занимался разными дѣлами, и личными, и общественными, выказывая свою компетентность въ вопросахъ о пошлинахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о постройкахъ, о почтѣ, о помощи бѣднымъ. Его авторитетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ признавался всѣмъ городомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пренебрегалъ свѣтскими обязанностями, появлялся на обѣдахъ и вечерахъ въ безукоризненномъ фракѣ, подъ руку со своей красивой,

нарядной женой, и слылъ любезнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ въ обществѣ. Пріемы, которые онъ устроивалъ у себя, были очень блестящи; его кухня и погребъ славились на весь городъ. Но охотнѣе всего Томъ проводилъ вечера наединѣ съ Гердой, слушая ея игру на скрипкѣ, читая съ нею нѣмецкія или иностранныя книги, выборомъ которыхъ завѣдывала она.

Несмотря, однако, на почетное положеніе, котораго онъ добился въ городѣ, несмотря на цвѣтущее состояніе дѣлъ, у Тома было много заботъ, омрачавшихъ его настроеніе. Очень огорчалъ его Христіанъ: его компаніонъ внезапно умеръ, а наслѣдники его отказались отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ; Христіанъ рѣшился продолжать работать самостоятельно, какъ его ни отговаривалъ Томъ, понимавшій, что трудно вести дѣло, начатое на большую ногу, съ половиннымъ капиталомъ. Но Христіанъ жаждалъ самостоятельности, и перенялъ всѣ обязательства фирмы Бурмейстеръ... Томъ былъ увѣренъ, что это кончится печально. Другой его заботой были тревожныя вѣсти о болѣзни его сестры Клары. Мужъ ея писалъ, что головныя боли, которыми она страдала дѣвушкой, все усиливаются и принимаютъ угрожающій характеръ мозгового страданія. Все это было очень грустно, но еще болѣе мучило Тома отсутствіе наслѣдника, который обезпечилъ бы продолженіе рода Будденброковъ.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ присоединилась вскорѣ еще одна — новая катастрофа въ жизни Тони.

V.

Тони никакъ не могла освоиться съ жизнью въ Мюнхенѣ. Она жаловалась въ письмахъ домой на невозможность вести хозяйство съ прислугой, которая говоритъ на непонятномъ языкѣ, не понимаетъ ея приказаній и страшно грубитъ. Ей пришлось въ первые же мѣсяцы перемѣнить нѣсколько кухарокъ. Послѣдней изъ нихъ, черноволосой, хорошенькой Бабетой, она была болѣе довольна; она научила ее стряпать кушанья, къ которымъ привыкла дома, причемъ, однако, ея мужъ безцеремонно заявилъ, что кушанья эти ни къ чорту не годятся... Но горе Тони не ограничивалось этими пустяками. Еще въ медовый мѣсяцъ ее оглушилъ неожиданный ударъ, лишившій ее всякой жизненной бодрости: Перманедеръ заявилъ ей, что ихъ общаго капитала достаточно для тихой жизни, что онъ не намѣренъ больше работать и ограничится существованіемъ скромнаго рантьé, отдастъ

въ наемъ весь домъ, за исключеніемъ маленькой квартиры для нихъ самихъ, будетъ по вечерамъ ходить пить пиво... и дѣло съ концомъ.

— Перманедеръ!—крикнула она, произнося впервые это имя такимъ же гнѣвнымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно произносила имя Грюнлиха; но это не испугало ея мужа и не заставило его измѣнить рѣшеніе. Тони была въ отчаяніи, такъ какъ она лишилась всякихъ надеждъ на будущее, всякой возможности писать домой о ростѣ своего благосостоянія. Ей пришлось жить скромно, безъ всякой тѣни аристократизма, къ которому она стремилась всю жизнь. Ея новая обстановка, даже когда она освоилась съ чуждымъ ей діалектомъ, была ей очень не по душѣ. Она оставалась чужой въ Мюнхенѣ, гдѣ даже то, чѣмъ она всю жизнь гордилась, ея принадлежность къ семьѣ Будденброковъ, не производила ни на кого впечатлѣнія... Ея самолюбіе страдало. Ей улыбнулась вначалѣ надежда на новое счастье—на то, котораго напрасно ждали въ домѣ на Mengstrasse... Тони готовилась вторично стать матерью, и уже лелѣяла мечты о торжественныхъ крестинахъ, на которыя пріѣдутъ родные... Но надежды ея не сбылись; родившаяся у нея дѣвочка умерла черезъ день, и консульша, пріѣхавшая на крестины съ Томомъ и Гердой, должна была остаться, чтобы ухаживать за больной дочерью, катораяя долго не могла оправиться отъ болѣзни и горя. Перманедеръ выказалъ свое доброе сердце при этомъ случаѣ, очень плакалъ о ребенкѣ, но его природный веселый нравъ помогъ ему очень скоро—по мнѣнію Тони, слишкомъ скоро—оправиться отъ горя, и онъ опять сталъ уходить каждый вечеръ въ Bierhalle.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Тони уже не жаловалась въ письмахъ къ матери на свои разочарованія, а только со свойственной ей нѣсколько ребяческой гордостью перечисляла всѣ удары судьбы:

„Ахъ, мама,—писала она,—чего, чего я не испытала! Подумай только: Грюнлихъ, банкротство,—потомъ рѣшеніе Перманедера удалиться отъ дѣлъ, а въ довершеніе всего—смерть моей дѣвочки... Чѣмъ я заслужила столько несчастій?“ Въ письмѣ Тони чувствовалась нѣкоторая гордость обиліемъ своихъ печальныхъ испытаній—эта неискоренимая дѣтскость Тони помогала ей все переносить... А судьба готовила ей еще болѣе тяжелый ударъ.

Въ концѣ ноября 1859-го года консульша неожиданно получила телеграмму изъ Берлина слѣдующаго содержанія: „Не пугайтесь. Пріѣзжаю съ Эрикой. Все кончено. Ваша несчастная

Антонія".—Консульша сильно перепугалась, но Томъ отнесся недовѣрчиво къ патетическому тону телеграммы, къ торжественной ея подписи: „Антонія", и рѣшилъ, что сестра его по обыкновенію устроиваетъ трагедію изъ пустяковъ. Но все-таки въ домѣ съ тревогой ждали пріѣзда Тони: она явилась, наконецъ, блѣдная, взволнованная, съ дрожащей верхней губой, и какъ была, въ шубкѣ и въ шляпѣ съ длинной вуалью, опустилась на колѣни передъ матерью и, зарывая лицо въ складки ея платья, начала громко и горько рыдать. Консульша стала ее успокоивать, но Тони продолжала рыдать и наконецъ произнесла трагическимъ голосомъ:

— Онъ гнусный человѣкъ!.. Бабета...

— Бабета?—переспросила консульша, и сразу поняла, въ чемъ дѣло. Она помолчала и сказала:

— Я все поняла, Тони... Это, конечно, очень грустно, но какъ можно такъ бурно проявлять свои чувства! Зачѣмъ было бѣжать сюда съ Эрикой? Вѣдь менѣе разумные люди, чѣмъ мы съ тобой, могутъ подумать, что ты не хочешь больше вернуться къ мужу.

— Я и не вернусь къ нему... Никогда!—крикнула Тони, поднимая голову, и стала наконецъ разсказывать матери о случившемся. Разсказъ ея былъ безсвязный и прерывался возгласами возмущенія, но въ общемъ можно было понять, что произошло слѣдующее:

Въ ночь съ 24-го на 25-ое ноября, Тони, очень поздно заснувшая вслѣдствіе мучившаго ее въ послѣднее время нервнаго желудочнаго страданія, проснулась отъ шума на лѣстницѣ. Оттуда раздавались шаги, хихиканье, сердитыя слова сопротивленія и странныя ворчанія и стоны... Не трудно было понять, что̀ тамъ происходитъ, и Тони сначала не могла пошевельнуться отъ ужаса. Но такъ какъ шумъ все-таки продолжался, она дрожащими руками зажгла свѣчку и вышла изъ спальни на лѣстницу; тамъ она увидѣла мужа, совершенно пьянаго; шляпа у него сбилась на затылокъ, пальто было разстегнуто. Онъ пытался обнять кухарку Бабету, которая изо всѣхъ силъ отбивалась отъ него. При появленіи Тони, Бабета вскрикнула и, вырвавшись ловкимъ движеніемъ изъ рукъ хозяина, безслѣдно исчезла. Перманедеръ же, опустивъ голову и едва держась на ногахъ, сталъ что-то бормотать и пошелъ вслѣдъ за Тони въ спальню. Тамъ онъ сталъ въ дверяхъ и, въ отвѣтъ на рыданія жены, принялся добродушно разсказывать ей о томъ, что его другъ Рамзауеръ праздновалъ въ этотъ вечеръ свои именины, и угостилъ ихъ не только пи-

вомъ, но и шампанскимъ. Тони пришла въ бѣшенство отъ его словъ, и главнымъ образомъ отъ его пьянаго вида, и высказала ему все свое отвращеніе, все возмущеніе, которое вызывалъ въ ней его образъ жизни и его характеръ... Перманедеръ, въ свою очередь, сталъ ей рѣзко отвѣчать; завязалась крупная ссора, и Тони, дрожа отъ волненія, выбѣжала изъ спальни... Тогда Перманедеръ крикнулъ ей вслѣдъ слово, котораго она никогда въ жизни не повторитъ, и послѣ котораго она никогда не вернется къ мужу.

Консульша кое-какъ успокоила Тони, убѣдивъ ее пойти отдохнуть въ свою прежнюю комнату. Когда Томъ пришелъ къ матери, она сообщила ему о томъ, что̀ случилось съ Тони и объ ея, очевидно, твердомъ рѣшеніи не возвращаться къ Перманедеру. Она попросила его поговорить съ сестрой, только поосторожнѣе, щадя ея разстроенные нервы.

Томъ рѣшилъ отнестись шутливо къ выходкѣ сестры, думая, что смѣхомъ онъ ее скорѣе всего образумитъ. Онъ сталъ ей дѣлать комплименты, сказалъ, что она похорошѣла, пошутилъ надъ трагическимъ тономъ телеграммы, и, въ отвѣтъ на новый взрывъ негодованія съ ея стороны, пожурилъ ее за то, что она не хочетъ видѣть комическую сторону случившагося. Онъ согласился съ ней, что мужа ея слѣдуетъ наказать за легкомысліе, но прибавилъ, что ея отъѣздъ—достаточная и даже почти слишкомъ строгая кара. Теперь же ей слѣдуетъ сложить гнѣвъ на милость и вернуться, погостивъ, конечно, у матери недѣльки двѣ. Когда же Тони продолжала стоять на своемъ и объявила, что она никогда не вернется къ мужу, Томъ весь перемѣнился въ лицѣ и сказалъ строгимъ, разгнѣваннымъ голосомъ:

— Надѣюсь, ты не устроишь мнѣ новаго скандала, Тони?

Но и слово „скандалъ“, напомнившее Тони объ ея обязательствѣ передъ честью фирмы и семьи, не образумило ее; взволнованная, съ разгорѣвшимися щеками, она стала бѣгать по комнатѣ и кричала, что есть границы всему въ жизни, что иногда страхъ передъ скандаломъ становится трусостью... Мужъ ея преступилъ правила приличія, поступился уваженіемъ, которымъ онъ былъ обязанъ ея происхожденію, ея воспитанію и деликатности чувствъ... Онъ крикнулъ ей вслѣдъ слово... Она его ни за что не повторитъ, но оно заставило ее навсегда разстаться съ этимъ человѣкомъ. Теперь она твердо рѣшила развестись съ нимъ.

— Не безпокойся, Томъ,—сказала она въ отвѣтъ на возраженіе брата,—я все это отлично устрою. Ты думаешь, что онъ

будетъ противиться разводу изъ-за моего приданаго... но вѣдь съумѣли же мы избавиться отъ Грюнлиха. Конечно, тогда была на-лицо „неспособность мужа прокормить свою семью“. Ну, да и теперь можно будетъ что-нибудь придумать—я поговорю съ адвокатомъ Гизеке. Мнѣ, право, смѣшно, Томъ... ты такъ говоришь, точно я въ первый разъ въ жизни развожусь. Я знаю толкъ въ законахъ, увѣряю тебя. Впрочемъ, еслибы онъ даже не вернулъ приданагб, мнѣ все равно—главный долгъ человѣка не поступаться своимъ достоинствомъ, а до скандала, до людскихъ толковъ, мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть Юлинька Меллендорпъ не раскланивается со мной... Пусть кузины Будденброкъ злорадно качаютъ головой на семейныхъ собраніяхъ и говорятъ: „Какъ грустно, что это случилось уже дважды—но, конечно, виноваты были оба раза мужья“. Я стою выше всего этого, и все-таки не вернусь къ человѣку, который меня оскорбилъ, не буду жить въ городѣ, гдѣ не умѣютъ цѣнить моего происхожденія, гдѣ всѣ такъ вульгарны... Не сердись на меня, Томъ. Я знаю, что и безъ меня у тебя много заботъ. Теперь тебѣ одному придется поддерживать честь нашего дома. Изъ Христіана никакого толка не выйдетъ... Моя жизнь совсѣмъ не удалась... Но что же дѣлать—я не могу иначе поступить; я завтра же повидаюсь съ Гизеке.

VI.

Тони, дѣйствительно, на слѣдующій день призвала къ себѣ адвоката, разъяснила ему положеніе дѣла и съ большой важностью и дѣловитостью обсудила съ нимъ соотвѣтствующіе параграфы закона, выказавъ большую освоенность съ юридическими терминами. Потомъ она отправилась къ брату.

— Томъ,—сказала она,—прошу тебя немедленно написать этому человѣку... Мнѣ непріятно называть его имя... Пусть онъ выскажетъ свое мнѣніе. Къ нему я, все равно, не вернусь. Если онъ согласится на законный разводъ, мы отъ него потребуемъ возвращенія моего dos; если же онъ будетъ протестовать, то намъ еще не нужно приходить въ отчаяніе; ты долженъ знать, Томъ, что хотя, чисто юридически, Перманедеръ имѣетъ право на мой dos, но и я тоже могу предъявить нѣкоторыя требованія обезпеченія...

Консулъ нервно повелъ плечами, глядя на Тони, которая съ необыкновенно важнымъ лицомъ произносила слово: „dos“. Онъ попросилъ сестру обождать по крайней мѣрѣ нѣсколько времени,

такъ какъ теперь ему некогда заниматься разводомъ: онъ долженъ ѣхать въ Гамбургъ, выручать Христіана, запутавшагося въ долгахъ не только изъ-за дѣловыхъ осложненій, но и потому что онъ велъ, по обыкновенію, легкомысленный и расточительный образъ жизни. И Томъ, и всѣ члены клуба знали, что главной причиной его разоренія была одна особа, по имени Алина Купфогель, мать двухъ красивыхъ дѣтей, состоявшая въ дружескихъ отношеніяхъ не только съ Христіаномъ, но и съ нѣкоторыми другими гамбургскими коммерсантами, тратившими на нее большія суммы. Томъ отправился въ Гамбургъ, и вернулся очень разстроенный; а такъ какъ за его отсутствіе изъ Мюнхена не было никакихъ извѣстій, то ему пришлось, по настоянію сестры, сдѣлать первый шагъ и написать Перманедеру о рѣшеніи Тони. Отвѣтъ получился самый неожиданный. Мужъ Тони сразу согласился на разводъ и на немедленное возвращеніе приданаго; онъ призналъ, что дѣйствительно не сходится характеромъ съ Тони, и заканчивалъ письмо пожеланіями всякаго благополучія своей женѣ. Тони была нѣсколько сконфужена благороднымъ поведеніемъ Перманедера, но сейчасъ же занялась съ большимъ усердіемъ своимъ процессомъ—вторымъ процессомъ о разводѣ, утомляя всѣхъ домашнихъ разговорами, пересыпанными юридическими терминами, которые она произносила съ особой важностью. Наконецъ, разводъ состоялся, и она собственноручно вписала въ семейную хронику новый фактъ изъ своей жизни. Всѣ послѣдствія своего рѣшительнаго образа дѣйствія она переносила съ большой храбростью. Она съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушивала колкости кузинъ Будденброковъ, съ величавой холодностью смотрѣла въ лицо Гагенстрёмамъ и Меллендорпамъ, при встрѣчахъ на улицѣ, и перестала бывать въ обществѣ, удовлетворяясь тѣснымъ домашнимъ кругомъ и занятая воспитаніемъ своей дочери Эрики. На ней сосредоточились теперь тайныя надежды Тони на болѣе блестящее будущее.

Впослѣдствіи какимъ-то непонятнымъ образомъ нѣкоторые члены семьи узнали то страшное слово, которое вырвалось у Перманедера въ роковую ночь. Онъ сказалъ: „Убирайся къ чорту, старая карга!“

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ.

I.

Весной 1861 года, въ домѣ Тома праздновалось наконецъ долго ожидавшееся радостное событіе: крестины родившагося у него сына. Весь городъ присутствовалъ на торжествѣ, на которое съѣхалась вся семья, въ томъ числѣ Христіанъ и пасторъ Тибурцій съ женой, очень измѣнившейся, мрачной Кларой; она смотрѣла на всѣхъ потемнѣвшимъ взоромъ, и отъ времени до времени подносила руку къ головѣ, чувствуя невыносимыя боли. Тони сіяла, довольная торжественностью празднества, и держалась съ необыкновенной величавостью, поглядывая съ гордостью отъ времени до времени на свою дочь, десятилѣтнюю Эрику, здоровую, красивую дѣвочку съ унаслѣдованнымъ отъ отца розовымъ цвѣтомъ лица и уложенными коронкой на головѣ свѣтлыми косами. Болѣе всего радовало Тони то, что однимъ изъ воспріемникомъ ея новорожденнаго племянника былъ самъ бургомистръ, докторъ Овердикъ. Это было большой честью, и многіе даже не понимали, какъ это случилось: родство Будденброковъ съ Овердиками было самое отдаленное... Этой чести дѣйствительно трудно было добиться, и Томъ обязанъ былъ этимъ своей сестрѣ. Тони искусно повела тонкую интригу черезъ родственниковъ и общихъ друзей, и теперь вдвойнѣ радовалась успѣху своихъ стараній.

Вторымъ воспріемникомъ новорожденнаго былъ Юстъ Крёгеръ. Къ нему, также какъ къ бургомистру, пасторъ обратился съ наставительной рѣчью объ ихъ обязанностяхъ; затѣмъ, зачерпнувъ нѣсколько капель воды изъ стоявшей передъ нимъ вызолоченной внутри, серебряной чаши, покропилъ голову новорожденнаго и медленно произнесъ имена, данныя ему его воспріемниками: Юстъ, Іоганнъ и Каспаръ. Обрядъ крещенія закончился короткой молитвой, послѣ которой всѣ родственники подошли къ ребенку, лежавшему на рукахъ у пышно разряженной мамки, чтобы поцѣловать маленькое тихое существо... Зеземи Вейхбродтъ подошла позже всѣхъ, и кормилица должна была опустить передъ ней немного ребенка; за то она поцѣловала его дважды и сказала растроганнымъ голосомъ:

— Будь счастливо, доброе дитя!

Ребенокъ, лежавшій на подушкѣ въ голубомъ, обшитомъ кружевами чепчикѣ, тихо глядѣлъ на всѣхъ открытыми глазами

страннаго золотистаго цвѣта, съ намѣчавшимися уже въ углахъ синеватыми тѣнями,—какъ у Герды. Это придавало преждевременную выразительность лицу младенца и казалось какимъ-то зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Но вся семья была счастлива, что ребенокъ по крайней мѣрѣ живъ, такъ какъ, по мнѣнію доктора, легко могло случиться обратное; столь долго ожидаемое крохотное существо, явившееся на свѣтъ беззвучно, чуть-было не погибло тотчасъ же, какъ вторая дочь Тони... Мать ребенка и въ день крестинъ сидѣла на креслѣ еще очень блѣдная и производила нѣсколько жуткое впечатлѣніе своими загадочными глазами, глядѣвшими съ легкой насмѣшкой на пастора...

Гости разошлись, очень довольные пышнымъ пріемомъ и преисполненные уваженія къ несокрушимому могуществу фирмы Будденброкъ. Большое впечатлѣніе произвело прибытіе депутаціи отъ рабочихъ, явившейся поздравить хозяина и поднести букетъ цвѣтовъ его супругѣ. Въ привѣтственной рѣчи рабочихъ ясно сказывалось, какимъ почетомъ и авторитетомъ Томъ пользовался у своихъ подчиненныхъ. Когда всѣ наконецъ ушли, Тони, оставшаяся послѣдней, поцѣловала брата и сказала:

— Какой радостный день мы пережили, Томъ! Я уже много лѣтъ не чувствовала себя такой счастливой. Мы, Будденброки, еще постоимъ за себя, слава Богу, и кто другого мнѣнія, тотъ сильно ошибается. Теперь, когда родился маленькій Іоганнъ— какъ хорошо что его назвали Іоганномъ!—мнѣ кажется, что наступитъ новое, счастливое время.

Торжественный день крестинъ его сына и наслѣдника закончился для Тома, однако, непріятнымъ инцидентомъ—крупнымъ разговоромъ съ Христіаномъ, который явился къ нему вечеромъ и объявилъ, что его дѣла—въ самомъ отчаянномъ положеніи.

— Такъ больше не можетъ продолжаться,—сказалъ онъ съ выраженіемъ испуга въ своихъ маленькихъ, глубоко лежащихъ глазахъ. Ему было только тридцать-три года, но на видъ онъ казался гораздо старше. Его рыжеватые волосы настолько порѣдѣли, что черепъ былъ почти голый; на исхудавшемъ лицѣ съ провалившимися щеками рѣзко выступали скулы и въ особенности большой, крючковатый носъ. Христіанъ сталъ жаловаться прежде всего на свои физическія страданія, на боль во всей лѣвой половинѣ тѣла.—Это даже не боль—говорилъ онъ,— а какая-то безостановочная, неопредѣленная мука. Мнѣ сказалъ докторъ въ Гамбургѣ, что у меня всѣ нервы на этой сторонѣ слишкомъ коротки; можешь ты это себѣ представить? Я никогда не могу спать какъ слѣдуетъ, и вскакиваю разъ десять прежде

чѣмъ усну, потому что мнѣ кажется, что сердце перестаетъ биться и мнѣ становится страшно. Не знаю, понимаешь ли ты это... Я тебѣ точно опишу: это какъ бы...

— Оставь,—холодно отвѣтилъ консулъ.— Ты вѣдь, очевидно, не для того пришелъ сюда, чтобы мнѣ разсказывать о своей болѣзни.

— Конечно, Томъ, дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что дѣла мои очень плохи. Я потерпѣлъ много убытковъ, а жить нужно... Новыхъ дѣлъ я не предпринимаю... не на что. И вотъ, теперь я не знаю, что̀ дѣлать съ долгами... Нужно заплатить пять тысячъ талеровъ по векселю... Ты не представляешь себѣ, какъ я несчастливъ. А къ тому же эта мука въ лѣвой сторонѣ!..

— Ты самъ во всемъ виноватъ!—крикнулъ консулъ, потерявъ всякое терпѣніе.—Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, ты кутишь въ клубѣ, посѣщаешь театры и ведешь знакомство съ подозрительными женщинами...

— Ты, очевидно, говоришь объ Алинѣ, Томъ. Конечно, она мнѣ стоила много денегъ, и будетъ еще очень много стоить. Но знаешь ли, я вѣдь тебѣ это могу сказать—ея третій ребенокъ, дѣвочка, которая родилась полгода тому назадъ... моя дочь.

— Оселъ!

— Не говори этого, Томъ, будь справедливъ. Алина вовсе не подозрительная женщина. Ты не можешь себѣ представить, какое это дивное созданіе. Она здорова... до чего здорова! Ты не представляешь себѣ, какъ я былъ счастливъ, добившись ея любви... въ сто разъ счастливѣе, чѣмъ послѣ самой большой удачи въ дѣлахъ. Но теперь всему этому нужно положить конецъ, хотя, конечно, изъ-за ребенка я не порву съ ней окончательно, когда уѣду... Я рѣшилъ уплатить всѣ долги въ Гамбургѣ и ликвидировать дѣло. Съ матерью я уже говорилъ, она мнѣ дастъ впередъ пять тысячъ талеровъ изъ моего наслѣдства, и вѣдь ты тоже, надѣюсь, не будешь протестовать противъ этого. Лучше вѣдь уѣхать за границу, покончивъ во̀-время съ дѣлами, чѣмъ идти на встрѣчу банкротству. Я опять уѣду въ Лондонъ, Томъ, поступлю куда-нибудь на службу. Я вижу, что самостоятельность мнѣ не по силамъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Хорошо, поѣзжай въ Лондонъ, — сказалъ Томъ и, не обращая больше вниманія на Христіана, прошелъ изъ кабинета въ гостиную, гдѣ сидѣла Герда съ книгой въ рукахъ. Христіанъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, подошелъ къ Гердѣ и протянулъ ей руку.

— Покойной ночи, Герда,—сказалъ онъ.—Знаешь, я опять уѣзжаю въ Лондонъ... Странно, какъ судьба гонитъ человѣка съ мѣста на мѣсто. Теперь опять начнется неопредѣленность, опять я буду въ большомъ городѣ, гдѣ на каждомъ шагу случаются неожиданности, гдѣ такъ много можно испытать. Странно... Знакомо ли тебѣ это чувство? Оно вотъ здѣсь, гдѣ-то около желудка... Очень странно...

II.

Джемсъ Меллендорпъ, старѣйшій сенаторъ изъ купеческаго сословія, умеръ жестокой и ужасной смертью. Онъ страдалъ сахарной болѣзнью, но не могъ побѣдить пагубной для него страсти къ пирожнымъ и конфектамъ. Семья его, по строгому требованію врача Грабова, не давала ему ѣсть ничего сладкаго, но впавшій въ слабоуміе старикъ настолько былъ одержимъ своей страстью, что нанялъ себѣ комнатку на краю города и ежедневно пробирался туда тайкомъ, чтобы ѣсть пирожныя... Тамъ его нашли мертвымъ, и во рту у него былъ еще не разжеванный кусокъ торта, а на столѣ лежали нѣсколько пирожныхъ... Онъ умеръ отъ удара, довершившаго дѣло изнурительной болѣзни. Семья его старалась скрыть непріятныя подробности его смерти, но весь городъ о нихъ узналъ, и объ этомъ говорили на биржѣ, въ клубѣ и во всѣхъ домахъ. Впрочемъ, вскорѣ другой, болѣе живой вопросъ вытѣснилъ толки о слабоумномъ сенаторѣ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ его смерти долженъ былъ быть выбранъ на его мѣсто новый членъ городского совѣта, и весь торговый міръ занялся вопросомъ о выборахъ. Стали называть разныя имена, и вскорѣ выяснилось, что наибольшіе шансы на успѣхъ имѣютъ два кандидата: Томъ Будденброкъ и Германъ Гагенстрёмъ. Послѣдній имѣлъ много приверженцевъ. Этотъ большой, нѣсколько тучный человѣкъ, съ рыжеватой бородой и приплюснутымъ большимъ носомъ, внушалъ невольное уваженіе и своимъ ревностнымъ отношеніемъ къ городскимъ дѣламъ, и своимъ роскошнымъ образомъ жизни, а главное тѣмъ, что онъ съумѣлъ такъ быстро поднять престижъ фирмы Стрункъ и Гагенстрёмъ. Его дѣдъ и даже его отецъ не играли почти никакой роли въ обществѣ, а онъ уже успѣлъ породниться съ самыми знатными семьями въ городѣ и войти въ кругъ избраннаго общества. Кромѣ того, онъ пользовался симпатіями прогрессивной части общества, благодаря широтѣ своихъ взглядовъ, не скованныхъ традиціями и предразсудками. Въ домѣ его

все было устроено богато, изящно и удобно—безъ чопорности, царившей въ огромныхъ, холодныхъ домахъ старинныхъ городскихъ патриціевъ. Онъ первый ввелъ у себя въ комнатахъ газовое освѣщеніе, устроивалъ музыкальные вечера, на которые приглашалъ артистовъ изъ городского театра, и вообще отличался свободой отъ предразсудковъ и строгихъ принциповъ—какъ въ дѣлахъ, такъ и въ жизни.

Отношеніе къ Тому Будденброку было совершенно другого рода; въ немъ видѣли представителя вѣковыхъ бюргерскихъ традицій, въ лицѣ его чтили память его отца, дѣда и прадѣда, и къ тому же онъ самъ покорялъ всѣхъ своей обходительностью и внушалъ уваженіе своимъ образованіемъ.

Весь городъ волновался выборами, и, конечно, въ семьѣ Будденброковъ тоже были очень заинтересованы ихъ исходомъ. Томъ старался казаться равнодушнымъ и съ улыбкой говорилъ сестрѣ, что и безъ сенаторскаго званія ихъ семья можетъ постоять за себя, и она сама отлично проживетъ свой вѣкъ и безъ этой чести. Но Тони очень волновалась и постоянно обсуждала шансы своего брата на успѣхъ, причемъ не могла удержаться отъ того, чтобы не похвастать въ семейномъ кругу своей поразительной освѣдомленностью въ дѣлахъ городского управленія; всѣ постановленія о выборахъ въ сенатъ она такъ же точно изучила, какъ въ свое время параграфы закона о разводѣ. Когда наконецъ наступилъ знаменательный день выборовъ, Тони не могла отъ тревоги высидѣть дома; закутавшись въ темную ротонду, она пошла на площадь передъ ратушей, смѣшалась съ толпой народа, ожидавшей исхода выборовъ, и стала прислушиваться къ разговорамъ; она ежеминутно переходила отъ радостной надежды къ полному отчаянію, смотря потому, высказывались ли около нея за или противъ ея брата. Наконецъ, толпа заволновалась. Выборы состоялись, и въ толпѣ разнесся слухъ, что выбранъ Гагенстрёмъ. Тони оцѣпенѣла. Всѣ надежды рушились. Конечно, слѣдовало это предвидѣть! Въ жизни всегда такъ бываетъ. Она чувствовала, что у нея подступаютъ слезы къ глазамъ. Но вдругъ толпа заколыхалась, уступая дорогу шествію, выходившему изъ ратуши; оттуда появились члены городского совѣта, предшествуемые двумя служителями въ парадной формѣ, въ треуголкахъ, бѣлыхъ рейтузахъ и красныхъ кафтанахъ съ желтыми отворотами. Молча, съ серьезными лицами и опущенными глазами, они направились туда, куда имъ указало путь рѣшеніе совѣта... И Тони съ невыразимымъ волненіемъ увидѣла, что они повернули къ дому ея брата. Въ толпѣ раздались крики:—„Нѣтъ, нѣтъ,

Будденброкъ, а не Гагенстрёмъ"! Тони быстро завернулась плотнѣе въ ротонду и побѣжала впередъ, забывъ свою обычную величавость, стараясь только обогнать процессію. Она раньше всѣхъ подошла къ дому брата, крикнула дѣвушкѣ:—„Они идутъ, идутъ сюда!",—взбѣжала по лѣстницѣ и, запыхавшись, вбѣжала въ гостиную, гдѣ сидѣлъ ея братъ съ газетой въ рукахъ. Лицо его было блѣдно. Онъ отложилъ газеты при видѣ сестры, сдѣлалъ успокоивающій и отстраняющій жестъ рукою. Но она бурно бросилась къ нему на шею и крикнула:

— Они идутъ, Томъ, они идутъ сюда! Выбрали тебя, а Германъ Гагенстрёмъ провалился...

Это происходило въ пятницу, и уже на слѣдующій день сенаторъ Будденброкъ стоялъ въ залѣ засѣданія передъ кресломъ умершаго Джемса Меллендорпа и въ присутствіи „отцовъ города" и членовъ городской думы присягалъ служить вѣрой и правдой интересамъ согражданъ, не руководствуясь никакими родственными или пріятельскими соображеніями, блюсти законы и справедливость относительно всѣхъ согражданъ, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными.

III.

Томъ одѣвался съ необыкновеннымъ изяществомъ и даже роскошью, но это вытекало не изъ тщеславія, а главнымъ образомъ изъ стремленія къ корректности какъ въ дѣлахъ, такъ и въ частной жизни, въ обхожденіи съ людьми, въ своей внѣшности. Къ тому же Томъ начиналъ чувствовать, что уже въ тридцать-семь лѣтъ его силы подаются; ему необходимо было поэтому нѣсколько разъ въ день переодѣваться и освѣжаться для того, чтобы съ обновленной жизнеспособностью быть на своемъ посту. Не изъ тщеславія и высокомѣрія также сенаторъ Будденброкъ рѣшилъ лѣтомъ 1863-го года построить себѣ большой новый домъ. Онъ съумѣлъ, благодаря своей энергіи и дѣловымъ способностямъ, поднять престижъ своего дома, и чувствовалъ необходимость неутомимо укрѣплять общее довѣріе новыми доказательствами своего благополучія,—быть можетъ, именно потому, что внутренно онъ былъ менѣе всего спокоенъ и увѣренъ въ своихъ силахъ. Онъ жаждалъ забвенія пережитыхъ невзгодъ; ему казалось, что новая обстановка жизни подниметъ въ немъ духъ. Кто счастливъ,—не любитъ мѣнять насиженнаго мѣста; а Тому именно хотѣлось все перемѣнить. Семья его, въ особенности Тони, очень одобрили его планъ, считая, что всякая роскошь

дозволительна въ его положеніи. Томъ ревностно принялся за постройку, и уже осенью состоялось торжественное освященіе новаго дома. Всѣ восторгались его внушительнымъ внѣшнимъ видомъ и роскошью внутренняго устройства. Правда, что постройка обошлась чрезвычайно дорого,—отецъ Тома наврядъ ли позволилъ бы себѣ дѣлать подобные расходы,--но Томъ былъ болѣе смѣлъ и предпріимчивъ, чѣмъ его отецъ.

Но и съ переѣздомъ въ новый домъ Томъ не освободился отъ гнетущихъ его заботъ. Больше всего его огорчалъ его маленькій сынъ—Ганно, какъ его звали въ семьѣ. Онъ очень медленно развивался, и въ три года плохо говорилъ и едва-едва научился ходить. Онъ былъ красивымъ, но худенькимъ, слабымъ ребенкомъ со страннымъ, грустнымъ выраженіемъ рта и золотистыхъ глазъ, окруженныхъ синеватыми тѣнями. Въ общемъ, онъ былъ болѣе похожъ на мать, чѣмъ на семью Будденброковъ, и Тому почему-то становилось жутко, когда онъ вглядывался въ не-дѣтское личико мальчика, на которомъ сосредоточены были всѣ его надежды на будущее. Къ этой заботѣ присоединились вскорѣ еще другія. Получилось извѣстіе, что Клара безнадежно больна воспаленіемъ мозга, и что, съ другой стороны, Христіанъ заболѣлъ въ Лондонѣ, долженъ былъ оставить мѣсто, которое получилъ тамъ, и вернулся въ Гамбургъ, гдѣ его пришлось перевезти въ больницу; у него оказался суставный ревматизмъ.

Томъ былъ очень подавленъ всѣми этими событіями, и въ разговорѣ съ Тони признался ей съ несвойственной ему откровенностью въ овладѣвающей имъ безнадежности.

— У меня также много дѣловыхъ потерь въ послѣднее время,—сказалъ онъ,—и мнѣ почему-то кажется, что прежде такихъ неудачъ не могло быть. Теперь точно что-то ускользаетъ отъ меня, точно приближается начало конца. Исчезла вѣра въ счастье, и теперь слѣдуетъ ударъ за ударомъ.

Черезъ десять дней пришла телеграмма о смерти Клары; Томъ поѣхалъ на похороны въ Ригу, и вернулся домой вмѣстѣ съ пасторомъ Тибурціемъ, который пріѣхалъ провести нѣсколько времени въ семьѣ своей умершей жены. Онъ велъ долгія бесѣды наединѣ со старой консульшей, очевидно, разсказывая ей подробности о жизни, о страданіяхъ и смерти ея дочери. Но послѣ его отъѣзда Томъ, къ своему ужасу, узналъ отъ матери,— она сообщила ему это извѣстіе очень осторожно, опасаясь его гнѣва,—что она отдала Тибурцію не только приданое Клары, восемьдесятъ тысячъ марокъ, но и отписала ему въ завѣщаніи

наслѣдство Клары, сто-двадцать-семь тысячъ марокъ. Она увѣряла Тома, что не могла иначе поступить, потому что Тибурцій показалъ ей собственноручную записку умирающей Клары; въ этой запискѣ она просила отдать ея мужу то, что̀ принадлежало ей, и умоляла исполнить ея послѣднюю волю. Томъ пришелъ въ неописуемый гнѣвъ, наговорилъ рѣзкостей матери, обозвалъ Тибурція негодяемъ, вымогателемъ наслѣдства. Его выводила изъ себя не столько самая потеря крупной суммы изъ оборотнаго капитала фирмы, какъ главнымъ образомъ то, что въ продѣлкѣ Тибурція онъ видѣлъ новое преслѣдованіе судьбы. Онъ за послѣдніе мѣсяцы испыталъ много пораженій въ дѣлахъ и въ общественной жизни, а теперь еще его такъ хитро надулъ этотъ тихоня пасторъ. Въ прежнее время ничего подобнаго, навѣрное, не могло бы случиться... Онъ окончательно терялъ вѣру въ свое счастье, въ свою звѣзду. Послѣ первой вспышки гнѣва онъ впалъ въ тихое отчаяніе, которое произвело на его мать и сестру еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ его рѣзкія слова. Тони обняла его и стала утѣшать, говоря, что все еще можно измѣнить, что мать можетъ отказаться отъ своего слова и написать новое завѣщаніе. Консульша, подавленная бурной сценой, плакала, и Томъ отклонилъ предложеніе сестры.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ безнадежнымъ голосомъ.— Не нужно новыхъ скандаловъ, которые могутъ привести къ судебнымъ процессамъ. Но только знайте, что мои дѣла очень расшатаны. Тони потеряла свои восемьдесятъ тысячъ, Христіанъ растратилъ не только пятьдесятъ тысячъ, завѣщанныхъ отцомъ, но и взятыя имъ впередъ изъ наслѣдства матери тридцать тысячъ... А теперь у него нѣтъ никакихъ заработковъ, и нужны деньги на его леченіе... Теперь же отнимается отъ семьи не только наслѣдство Клары, но и ея доля будущаго наслѣдства. А дѣла плохи, очень плохи. Семья, въ которой могутъ происходить такія сцены, какъ между нами сегодня, не принадлежитъ къ счастливымъ, повѣрьте мнѣ: еслибы былъ живъ отецъ и былъ сегодня среди насъ, онъ бы сложилъ руки и сталъ молить Бога сжалиться надъ нами.

Городъ между тѣмъ оживился подъ вліяніемъ волнующихъ новыхъ событій. Объявлена была война. Прусскіе офицеры наполнили новый домъ сенатора и старый домъ на Mengstrasse; по улицамъ проходили войска, и весь день раздавался барабанный бой. Затѣмъ войска ушли, и вернулись поздней осенью, проходя черезъ городъ послѣ одержанной побѣды. Объявленъ былъ миръ—короткій, полный тревожныхъ событій миръ 1865-го года.

Въ промежуткѣ между двумя войнами четырехлѣтній маленькій Ганно предавался одинокимъ дѣтскимъ играмъ, создавая себѣ закрытый для взрослыхъ фантастическій міръ радостей, не требуя ничего отъ жизни, равнодушный къ окружающему, беззаботный и по своему счастливый. А пока онъ игралъ, случилось много крупныхъ событій. Возобновилась война, Пруссія побѣдила; городъ, въ которомъ родился Ганно, вознагражденъ былъ за свою приверженность Пруссіи, и не безъ злорадства относился къ богатому Франкфурту, пострадавшему изъ-за своей вѣры въ Австрію и переставшему быть вольнымъ городомъ.

При банкротствѣ одной франкфуртской фирмы, случившейся въ іюлѣ, непосредственно передъ перемиріемъ, фирма Будденброкъ потеряла сразу круглую сумму въ двадцать-тысячъ талеровъ.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ.

I.

Тони считала свою личную жизнь уже законченной послѣ двухъ неудачныхъ браковъ, и очень сокрушалась о томъ, что ничѣмъ не можетъ содѣйствовать поднятію блеска своей семьи. Но она все-таки не унывала; у нея была дочь, Эрика, очень красивая дѣвушка съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица; ей только-что исполнилось двадцат лѣтъ, и Тони возлагала надежды на то, что она сдѣлаетъ блестящую партію, загладитъ этимъ неудачи своей матери и подниметъ престижъ Будденброковъ, замѣтно ослабѣвшій за послѣдніе годы. Мечты Тони, однако, были очень наивны, какъ всѣ мысли и разсужденія этой женщины, остававшейся всю жизнь ребенкомъ во многихъ отношеніяхъ. Эрикѣ трудно было надѣяться на блестящую партію, такъ какъ, въ виду исключительнаго семейнаго положенія ея матери, она почти нигдѣ не бывала. Она къ тому же была очень застѣнчива и молчалива, и не имѣла никакихъ данныхъ, чтобы блистать въ обществѣ. Но случай помогъ Тони осуществить свои надежды. Въ домѣ на Mengstrasse появилось новое лицо; на мѣсто директора городского страхового общества, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ дома Будденброковъ, приглашенъ былъ нѣкто Гуго Вейншенкъ, очень дѣльный человѣкъ съ привлекательнымъ, энергичнымъ лицомъ. Узнавъ, что онъ не женатъ и пользуется хоро-

шей репутаціей въ городѣ, Тони попросила брата ввести новаго директора къ нимъ въ домъ; она замѣтила, что при случайныхъ встрѣчахъ на лѣстницѣ Вейншенкъ съ явнымъ восхищеніемъ глядѣлъ на Эрику своими блестящими темными глазами, и что чувствительная, робкая дѣвушка, получившая воспитаніе въ пансіонѣ сентиментальной старушки Вейхбродтъ, приходила въ волненіе отъ этихъ встрѣчъ, смущенно убѣгала и, забившись въ уголъ, почему-то заливалась слезами.

Вейншенкъ сдѣлалъ визитъ старой консульшѣ и Тони, былъ принятъ очень любезно, и сталъ часто бывать у Будденброковъ. Онъ былъ родомъ изъ Силезіи, изъ очень скромной семьи, и вышелъ въ люди только благодаря своимъ личнымъ способностямъ. Этимъ объяснялось нѣкоторое мѣщанство его манеръ, и это онъ прикрывалъ большой самоувѣренностью въ обращеніи и разговорѣ. Недостатокъ свѣтскости, сразу замѣченный, конечно, очень требовательною въ этомъ отношеніи Тони, искупался, однако, другими преимуществами Вейншенка. У него было хорошее положеніе; онъ получалъ двѣнадцать тысячъ марокъ жалованья, что могло дать возможность—вмѣстѣ съ приданымъ Эрики, семнадцатью тысячами, возвращенными Перманедеромъ,—жить очень прилично. Партія эта такимъ образомъ была вполнѣ подходящей для Эрики, тѣмъ болѣе, что Вейншенкъ нравился молодой дѣвушкѣ; она даже находила его очень красивымъ.

Черезъ нѣкоторое время Гуго Вейншенкъ сдѣлалъ оффиціальное предложеніе, принятое очень благосклонно всею семьей; въ качествѣ жениха Эрики онъ сталъ являться и на семейныя собранія по четвергамъ, нѣсколько шокируя чопорныхъ членовъ семьи своими безцеремонными шутками съ невѣстой и своей необразованностью, очевидно ничуть его не стѣснявшею. Онъ очень самоувѣренно говорилъ о „Ромео и Джульеттѣ Шиллера“, спрашивалъ во-всеуслышаніе о значеніи самыхъ употребительныхъ въ разговорѣ французскихъ словъ, но продѣлывалъ все это съ такимъ апломбомъ, что никто не рѣшался упрекнуть его въ невѣжествѣ.

Срокъ свадьбы приближался, и Тони съ упоеніемъ принялась хлопотать о приданомъ для дочери и объ устройствѣ нанятой для молодой четы квартиры, выбирала ковры и портьеры, бѣгала по мебельнымъ магазинамъ и по портнымъ. Рѣшено было, что Тони поселится у своей дочери, чтобы помочь неопытной Эрикѣ вести хозяйство,—самъ Вейншенкъ просилъ ее объ этомъ. Перспектива новой жизни удивительно молодила Тони; она точно

сама сдѣлалась невѣстой. Ей временами казалось, что все прошлое исчезло, что не было на свѣтѣ ни Бенедикта Грюнлиха, ни Алоиса Перманедера, и что она сама вступаетъ въ новую жизнь, опять устроиваетъ аристократическую обстановку, поселяется въ изящной квартирѣ, оставляя благочестивый родительскій домъ, перестаетъ быть въ печальномъ положеніи разведенной женщины и снова обрѣтаетъ возможность играть роль въ обществѣ и поднять блескъ своей семьи. Хотя она заботилась главнымъ образомъ о счастьѣ дочери и внушала Эрикѣ, что она должна благодарить Бога за союзъ съ любимымъ человѣкомъ, говорила ей объ ея обязанностяхъ,—хотя въ семейную хронику она вписала дрожащею отъ радости рукой имя Эрики рядомъ съ именемъ директора страхового общества,—но, все-же, получалось впечатлѣніе, что настоящая невѣста именно она, Тони. Иллюзія доходила до того, что на сценѣ снова появились изящные капоты, составлявшіе въ представленіи Тони неотъемлемую часть аристократическаго образа жизни. Она заказала два капота, для себя и для Эрики, изъ мягкой затканной матеріи, съ густымъ рядомъ бархатныхъ бантиковъ сверху до низу.

Послѣ свадьбы Эрики, отпразднованной въ семейномъ кругу совершенно по тому же церемоніалу, какъ обѣ свадьбы ея матери, начался, по выраженію одного изъ членовъ семьи, третій бракъ Тони Будденброкъ. Она была полновластной хозяйкой въ домѣ своей дочери, и очень гордилась этимъ; при встрѣчѣ съ Юлинькой Меллендорпъ, урожденной Гагенстрёмъ, она посмотрѣла ей прямо въ глаза такимъ торжествующимъ и вызывающимъ взглядомъ, что Юлинька поклонилась ей первая. Дома, т.-е. въ квартирѣ дочери, Тони гордо расхаживала въ своемъ пышномъ капотѣ съ длиннымъ шлейфомъ, держа въ одной рукѣ украшенную атласными бантиками—она обожала атласные бантики—корзиночку съ ключами, и показывала посѣтителямъ мебель, фарфоръ, сверкающее серебро и картины, пріобрѣтенныя Вейншенкомъ,—все больше natures mortes, съ изображеніемъ съѣстныхъ припасовъ, или портреты полураздѣтыхъ красавицъ. Тони при этомъ держалась очень величаво, какъ бы говоря каждымъ своимъ движеніемъ: „Вотъ видите, чего я достигла въ жизни! Здѣсь все почти такъ же изящно и аристократично, какъ у Грюнлиха, и во всякомъ случаѣ болѣе изысканно, чѣмъ у Перманедера“. Эрика Вейншенкъ имѣла рядомъ съ ней видъ гостьи, восхищенной всѣмъ, что̀ ей показываютъ. Вся семья приходила къ Тони любоваться на блескъ ея новой обстановки, и даже кузины Будденброкъ не знали, къ чему придраться, чтобы уколоть гордость Тони; онѣ

только ядовито заявили въ одинъ голосъ, что здѣсь все слишкомъ роскошно, и что онѣ, какъ скромныя, простыя дѣвушки, не хотѣли бы жить въ такой обстановкѣ... Пришла и бѣдная Клотильда, посѣдѣвшая, высохшая, терпѣливо выслушала обычныя насмѣшки надъ собой, выпивъ при этомъ четыре чашки кофе съ пирожнымъ, похвалила устройство дома и ушла. Иногда, не заставъ никого въ клубѣ, заходилъ къ сестрѣ и Христіанъ, который вернулся изъ Гамбурга и опять жилъ у матери. Онъ уже вылечился отъ ревматизма, но продолжалъ жаловаться на боль въ лѣвомъ боку, тамъ, гдѣ „всѣ нервы укорочены", и имѣлъ преждевременно состарившійся, больной видъ, съ трудомъ передвигая свои тонкія, кривыя ноги. Приходя къ сестрѣ, онъ нѣсколько оживлялся, довольный вниманіемъ, съ которымъ Тони и Эрика выслушивали его жалобы и его анекдоты. Иногда онъ бралъ у сестры взаймы деньги, чтобъ покупать букеты актрисамъ, и при этомъ случаѣ разсказывалъ безконечныя исторіи о своихъ приключеніяхъ въ Южной Америкѣ; потомъ переходилъ къ разсказамъ о циркѣ, воспроизводилъ комическіе выходы клоуновъ съ такимъ совершенствомъ, что получалась полная иллюзія дѣйствительнаго представленія. А затѣмъ онъ вдругъ умолкалъ, всѣ движенія его становились вялыми, маленькіе круглые глаза начинали тревожно блуждать по всѣмъ направленіямъ, и онъ точно прислушивался къ чему-то странному, происходившему у него внутри... Онъ быстро выпивалъ рюмку ликера, старался опять развеселиться, пробовалъ разсказать еще что-нибудь смѣшное, но, не будучи въ состояніи оправиться, уходилъ, очень разстроенный и слегка прихрамывая.

II.

Весной 1868-го года Тони зашла, вечеромъ, около десяти часовъ къ сенатору Будденброку, который сидѣлъ одинъ въ гостиной и читалъ газеты. Герды не было дома. Она отправилась слушать заѣзжаго скрипача въ сопровожденіи Христіана, съ которымъ она въ послѣднее время охотно проводила время. Она съ интересомъ слушала, когда онъ описывалъ свои страданія...
—Онъ такой не банальный, — говорила она мужу. — Въ немъ даже меньше буржуазной уравновѣшенности, чѣмъ въ тебѣ.

Томъ обрадовался приходу сестры, которую не видалъ нѣсколько времени. Она ѣздила гостить въ деревню, къ своей подругѣ Армгардѣ, питавшей еще въ пансіонѣ Зеземи Вейхбродтъ

исключительную любовь къ сельской жизни и вышедшей замужъ за богатаго помѣщика фонъ-Майбома. Томъ нашелъ, что у Тони очень свѣжій, здоровый видъ, съ чѣмъ она вполнѣ согласилась.

— Тишина сельской жизни, парное молоко и свѣжая пища благотворно дѣйствуютъ на здоровье, — заявила она авторитетнымъ тономъ.—Въ особенности хорошо ѣсть свѣжій медъ, Томъ; я всегда считала медъ самой здоровой пищей. Это—чистый продуктъ природы,—знаешь, по крайней мѣрѣ, что глотаешь. Армгарда и ея мужъ очень просили меня подольше погостить, но вѣдь Эрика не можетъ обойтись безъ меня, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ родилась маленькая Елизавета.

Сенаторъ освѣдомился о здоровьѣ ребенка и о томъ, какъ вообще живется Эрикѣ. Тони созналась, что у ея зятя, къ сожалѣнію, своенравный характеръ, и что онъ неделикатно обходится съ женой, позволяетъ себѣ ругать ее за то, что она не всегда расположена къ шуткамъ, недостаточно его развлекаетъ. Иногда онъ приходитъ въ такое бѣшенство, что швыряетъ тарелки объ полъ за обѣдомъ. Но, конечно, все это объясняется невоспитанностью; онъ, въ сущности, добрый человѣкъ, и очень преданъ женѣ, сидитъ по вечерамъ дома... и вообще онъ еще не изъ худшихъ мужей.

— Эрикѣ еще нечего жаловаться на судьбу,—сказала Тони тономъ опытной женщины, извѣдавшей въ своей жизни, какіе бываютъ на свѣтѣ печальные браки,—а вотъ Майбомамъ, дѣйствительно, пришлось теперь плохо, и объ нихъ-то я собственно и пришла поговорить съ тобой. Бѣдная Армгарда несчастна; мужъ ея—добрый человѣкъ, но проигрываетъ все ихъ состояніе въ карты; живутъ они очень широко, но страшно запутаны въ долгахъ. Армгарда откровенно разсказала мнѣ о своемъ печальномъ положеніи и, ссылаясь на нашу долголѣтнюю дружбу, просила меня помочь ей. Дѣло въ томъ, что ея мужу нужно черезъ двѣ недѣли заплатить по векселю тридцать-пять тысячъ марокъ; для этого нужно продать на корню всю жатву, которая обѣщаетъ быть очень хорошей.

— На корню?—переспросилъ сенаторъ.—Бѣдный Майбомъ! Можно себѣ представить, какъ его надуютъ ростовщики, къ которымъ онъ обратится за такой сдѣлкой.

— Причемъ тутъ ростовщики? — съ удивленіемъ спросила Тони.—Вѣдь дѣло идетъ о тебѣ, Томъ: Армгарда просила меня обратиться къ тебѣ за этимъ займомъ...

— Ты съ ума сошла, Тони!—крикнулъ сенаторъ, вскочивъ со стула отъ негодованія.—Развѣ наша фирма занимается такими

нечистоплотными дѣлами? Вѣдь это значитъ воспользоваться несчастіемъ человѣка, чтобы купить у него за полъ-цѣны всю жатву. Такихъ сдѣлокъ мы ни разу не совершали за сто лѣтъ существованія нашей фирмы, и я не намѣренъ вступать на этотъ путь. Удивляюсь твоей наивности... Ты ничего не понимаешь въ дѣлахъ, а то бы не предложила мнѣ такого дѣла, зная строгія традиціи нашего дома.

— Я очень уважаю твои традиціи, Томъ, но дѣло идетъ прежде всего о дружеской услугѣ. Конечно, отецъ бы на это не согласился; но вѣдь ты болѣе передовой человѣкъ и болѣе предпріимчивъ. Это я понимаю при всей своей глупости. Въ послѣднее время ты дѣйствительно сталъ болѣе остороженъ, но чѣмъ же это хорошо? Въ дѣлахъ твоихъ наступилъ застой только потому, что ты утратилъ вѣру въ свое счастье. Это ясно даже для такой глупой женщины, какъ я. Тебя раздражаетъ мое предложеніе, но это именно и доказываетъ, что оно тебя заинтересовало, и что ты вовсе не увѣренъ въ томъ, что дѣйствительно откажешься отъ него... Въ послѣднемъ случаѣ ты былъ бы совершенно спокоенъ.

— Какой ты тонкій психологъ, Тони!—сказалъ сенаторъ съ видимымъ смущеніемъ, и закурилъ папиросу.

— Господи! вѣдь меня жизнь многому научила,—скромно возразила Тони,—и я сужу о людяхъ по себѣ. Ну, да оставимъ этотъ разговоръ, Томъ. Я вѣдь не настаиваю—для этого я слишкомъ несвѣдуща въ дѣлахъ. Я только хотѣла дать тебѣ случай сдѣлать хорошее дѣло и доказать всему свѣту, что счастье еще не отвернулось отъ Будденброковъ... Но если ты не хочешь... Мнѣ только обидно, что Майбомъ очень легко достанетъ другихъ покупателей... Германъ Гагенстрёмъ навѣрное не откажется отъ его предложенія... Ахъ, Томъ, что̀ бы тебѣ стоило съѣздить въ имѣніе Майбомъ? Отсюда до Ростока—рукой подать, а Поппенреде—близёхонько около Ростока. Это вѣдь огромное имѣніе. Я навѣрное знаю, что оно даетъ болѣе тысячи кулей пшеницы. Но точныхъ данныхъ относительно овса, ржи и т. д. я не могу тебѣ дать. Тебѣ бы, конечно, нужно было съѣздить самому, чтобы узнать все въ точности...

Наступило молчаніе.

— Право, обо всемъ этомъ не стоитъ даже и говорить,—сказалъ сенаторъ рѣшительнымъ тономъ, всталъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ быстрыми и увѣренными шагами, какъ бы въ доказательство того, что онъ и не думаетъ больше о предложеніи сестры.

— Какъ знаешь, Томъ,—сказала Тони, тоже поднимаясь съ мѣста.—Мое дѣло было предложить, и ты, надѣюсь, не сомнѣваешься, что намѣренія мои были самыя лучшія. Уговаривать тебя я не буду. Спокойной ночи, Томъ. Впрочемъ, нѣтъ,—я пройду въ дѣтскую поцѣловать Ганно и поздороваться съ Идой. Я потомъ еще зайду къ тебѣ.

III.

Тони поднялась во второй этажъ и вошла въ просторную дѣтскую, гдѣ у большого стола подъ лампой сидѣла Ида Юнгманъ и штопала чулочки Ганно. Съ тѣхъ поръ какъ у Тома родился сынъ, она переселилась въ домъ сенатора, взявъ на себя уходъ за ребенкомъ, и сдѣлалась такимъ образомъ воспитательницей третьяго поколѣнія Будденброковъ. Ей уже было за пятьдесятъ лѣтъ, и хотя волосы у нея посѣдѣли, она все-же была по-прежнему бодрой и дѣятельной, и глаза у нея были такіе же ясные и молодые, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ...

— Добрый вечеръ, милая Ида,—сказала Тони.—Какъ поживаешь? А что Ганно, спитъ? — спросила она, кивая головой въ сторону маленькой кроватки подъ зеленымъ пологомъ, стоявшей у дверей спальни сенатора Будденброка и его семьи.

— Тсс... — сказала Ида, — онъ спитъ. Тони тихонько подошла къ кроваткѣ, и стала глядѣть на спящаго ребенка; лицо его какъ-то странно и болѣзненно подергивалось, и губы шевелились, точно стараясь произнести какія-то слова. Она поцѣловала мальчика и опять подошла къ столу, гдѣ Ида продолжала работать.

— А ты все штопаешь, Ида... Я всю жизнь помню тебя только за этимъ занятіемъ.

— Да, да, Тоничка... Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ мальчикъ поступилъ въ школу, на него не напасешься бѣлья и платья — такъ быстро онъ все изнашиваетъ.

— А онъ охотно ходитъ въ школу?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ему хотѣлось бы продолжать учиться у меня. Вѣдь я его знаю съ рожденья, и умѣю съ нимъ обращаться. А въ школѣ учителя не понимаютъ, что ему трудно слушать со вниманіемъ и что онъ сейчасъ же устаетъ.

— Бѣдненькій!—сказала Тони.—Но, Господи, что съ нимъ, Ида?

Она испуганно повернулась къ кроваткѣ, откуда раздался

крикъ, и увидѣла, что Ганно поднялся въ постели и, выкрикивая непонятныя слова, глядѣлъ въ пространство широко раскрытыми отъ испуга золотистыми глазами.

— Это ничего,—сказала Ида,—это pavor; иногда бываетъ еще гораздо хуже. Онъ читалъ сегодня сказку о злыхъ карликахъ, которые вредятъ людямъ, и потомъ еще объ извозчикѣ, который долженъ подниматься до зари, и все это его очень взволновало. Онъ плакалъ, ложась спать, и вотъ теперь все повторяетъ слова изъ сказки.

Тони озабоченно покачала головой.

— Знаешь, Ида, мнѣ очень не нравится, что онъ все такъ близко принимаетъ къ сердцу. Ну, что̀ изъ того, что извозчикъ поднимается съ зарей?—на то онъ извозчикъ. У Ганно слишкомъ чувствительное сердце, и это вредно для здоровья. Нужно поговорить серьезно съ докторомъ Грабовомъ... Но вотъ въ томъ-то и дѣло,—продолжала она,—что Грабовъ ужъ слишкомъ старъ, и хотя онъ добрый человѣкъ, но, какъ врачу, я ему не довѣряю. Вотъ, напримѣръ, относительно этихъ припадковъ страха у Ганно... Онъ только и знаетъ, что назвать ихъ по-латыни, а помочь дѣлу не умѣетъ. Нѣтъ, онъ человѣкъ хорошій и вѣрный другъ нашего дома, но звѣздъ съ неба не хватаетъ. Значительный человѣкъ уже въ юности долженъ проявить себя. Вотъ вѣдь Грабовъ былъ молодъ въ 1848-мъ году, а развѣ онъ волновался вопросами о свободѣ и справедливости, увлекался борьбой противъ произвола и привилегированныхъ классовъ? Онъ никогда ничѣмъ не возмущался и не способенъ былъ ни на какой необдуманный поступокъ... У него было всегда то же неизмѣнно кроткое лицо, и чѣмъ бы у насъ въ семьѣ ни заболѣли, онъ неизмѣнно совѣтовалъ давать французскую булку и цыпленка, а ужъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ прописывалъ лекарство... Ахъ, Ида, я знаю, что бываютъ на свѣтѣ совсѣмъ другіе доктора... Ну, прощай, спокойной ночи!

Когда Тони заглянула въ залу, чтобы пожелать спокойной ночи брату, она увидѣла, что тамъ и въ прилегающихъ комнатахъ, въ столовой и кабинетѣ, горѣли лампы, и Томъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ.

Послѣ ухода сестры, Томъ снова присѣлъ къ столу и, надѣвъ пенснэ, сталъ читать газету. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ отложилъ ее, не мѣняя положенія, устремилъ глаза въ пространство, отдаваясь мыслямъ. Лицо его стало совсѣмъ другимъ, когда онъ остался наединѣ съ собой. Съ него какъ бы

спала маска искусственнаго выраженія энергіи и любезности, и оно отражало только безнадежную усталость. Изъ всего, что̀ носилось теперь въ его мысляхъ, онъ ясно сознавалъ только одно— что Томъ Будденброкъ уже въ сорокъ-два года почти конченный человѣкъ.

Онъ медленно провелъ рукой по глазамъ и лбу и машинально закурилъ новую папиросу, хотя зналъ, что ему вредно курить. Странный контрастъ представляла болѣзненная вялость его чертъ съ внѣшней выхоленностью лица, надушенными закрученными усами, гладко выбритымъ подбородкомъ и щеками и старательной прической съ тонкимъ проборомъ... Онъ самъ сознавалъ этотъ контрастъ, и зналъ, что всѣ видятъ противорѣчіе между его искусственной бодростью и изможденной блѣдностью его лица.

Общественное положеніе Тома не измѣнилось, и онъ попрежнему принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ городскихъ дѣлахъ. Но ни для кого уже не было сомнѣнія въ томъ, что дѣла фирмы Будденброкъ не процвѣтаютъ. Томъ былъ самъ виноватъ въ возникновеніи этого мнѣнія въ городѣ. Онъ былъ еще несомнѣнно богатымъ человѣкомъ, и всѣ испытанныя имъ потери не могли серьезно поколебать положеніе фирмы. Но онъ утратилъ вѣру въ себя, въ свое счастье, и сталъ обнаруживать боязливую осторожность и вводить экономію въ свою жизнь. Продолжая давать обязательные для его дѣловой репутаціи роскошные обѣды, онъ старался сократить расходы во всемъ остальномъ. Объ этомъ, конечно, въ городѣ знали, и это считалось признакомъ наступающаго разоренія. Томъ сильно жалѣлъ о томъ, что построилъ себѣ слишкомъ дорогой новый домъ, и считалъ это началомъ своего несчастія. Соблюдая экономію, онъ отмѣнилъ лѣтнія поѣздки, установилъ крайнюю простоту стола въ обыкновенные дни и, сохраняя изящество въ туалетѣ, отказался отъ привычки носить очень тонкое, дорогое бѣлье, о чемъ его долголѣтній слуга Антонъ съ сокрушеніемъ разсказывалъ на кухнѣ. Дошло даже до того, что, несмотря на протесты Герды, Томъ разсчиталъ Антона, находя, что для ихъ дома достаточно трехъ слугъ. Этой разсчетливости въ личной жизни соотвѣтствовалъ и вялый ходъ его торговыхъ дѣлъ. Томъ совершенно отказался отъ прежней предпріимчивости, старался только уберечься отъ новыхъ потерь, и потому не предпринималъ ничего, что̀ могло бы оживить дѣла фирмы. Ему казалось, что нужно переждать несчастное время, и что, можетъ быть, тогда вернутся прежнія удачи. Предложеніе Тони взволновало его, нарушивъ его выжи-

дательное настроеніе. Можетъ быть, это и должно было стать началомъ перемѣны къ лучшему. Онъ въ первую минуту возмутился и заговорилъ о неопрятности подобной сдѣлки, о томъ, что жестоко пользоваться безвыходнымъ положеніемъ человѣка, но, подумавши, онъ понялъ, что его возраженія сентиментальны, что дѣла всегда ведутся съ несомнѣнной жестокостью и грубостью. Онъ самъ это испыталъ на себѣ, видя, что его неудачи вызываютъ вовсе не сочувствіе у другихъ,—даже у его лучшихъ друзей,—а только недовѣріе, нежеланіе вступать съ нимъ въ сношенія. Въ дѣлахъ нужно быть практикомъ, а не чувствительнымъ мечтателемъ. А онъ самъ что̀ такое? Его считали до сихъ поръ человѣкомъ очень практичнымъ, но онъ теперь чувствовалъ, что всѣ его прежніе успѣхи вытекали изъ какой-то романтической вѣры въ себя—и что этотъ же романтизмъ лишаетъ его теперь всякой энергіи. Его отецъ и его дѣдъ, можетъ быть, и отказались бы отъ предложенія Майбома, но они были цѣльные и практичные люди, а онъ погибаетъ отъ внутренняго разлада. Нужно положить этому конецъ, нужно побороть въ себѣ сентиментальность и стать настоящимъ дѣльцомъ...

Томъ всталъ и сталъ быстро шагать по комнатѣ.—Я возьмусь за это дѣло... возьмусь,—шепталъ онъ, какъ бы стараясь загипнотизировать себя.—Нужно предупредить Гагенстрёма, который навѣрное обѣими руками ухватится за предложеніе Майбома. Конечно, нужно дѣйствовать очень осмотрительно.—Сегодня же напишу письмо не дѣловое, а дружеское, съ простымъ запросомъ о томъ, желателенъ ли мой пріѣздъ въ Попенреде. Дѣло это очень трудное и требующее большого такта, но я съумѣю успѣшно довести его до конца.

Принятое рѣшеніе успокоило Тома, и онъ продолжалъ ходить по комнатѣ уже болѣе увѣренными, энергичными шагами. Когда вернулась Герда, съ затуманенными глазами,—какъ всегда послѣ музыки,—онъ ее машинально спросилъ о томъ, понравился ли ей концертъ, и заявилъ, что идетъ спать. Но прежде чѣмъ пройти въ спальню, онъ спустился въ контору и написалъ письмо Майбому, которое показалось ему, когда онъ перечелъ его, необычайно тактичнымъ и умнымъ.

На слѣдующій день онъ сказалъ сестрѣ полушутливымъ тономъ, что не рѣшился окончательно отказать Майбому, и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Ростокъ, а оттуда въ имѣніе Майбома. Онъ вернулся домой въ отличномъ настроеніи, очень бодрымъ и веселымъ, шутилъ съ Тони, дразнилъ Клотильду, возился со своимъ маленькимъ сыномъ и на состоявшемся 3-го іюня

засѣданіи городского совѣта произнесъ блестящую рѣчь по какому-то скучному вопросу о пошлинахъ. Его предложеніе было единогласно принято, а его противника, консула Гагенстрёма, всѣ столь же единодушно осмѣяли.

IV.

Занятый своимъ новымъ дѣломъ, Томъ чуть-было не упустилъ изъ виду очень крупное событіе для фирмы Будденброкъ: 7-го іюля 1868 года исполнялся столѣтній юбилей существованія фирмы. Тони, которая часто перечитывала съ благоговѣніемъ семейную хронику, конечно, обратила вниманіе на приближеніе юбилея, и оповѣстила о немъ весь городъ. Когда она растроганнымъ голосомъ сообщила Тому о наступленіи торжественнаго дня, онъ былъ непріятно пораженъ. Его хорошее настроеніе не долго длилось, и онъ въ послѣдніе дни опять ходилъ подавленный и молчаливый, раскаяваясь въ сдѣлкѣ съ Майбомомъ; ему пришлось совершить ее на собственный страхъ, такъ какъ его компаньонъ Маркусъ очень рѣзко отказался участвовать въ подобномъ дѣлѣ. Теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы скорѣе развязаться со своей покупкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовалъ на себя самого за неспособность справиться самостоятельно съ сложнымъ и рискованнымъ дѣломъ. Праздновать юбилей въ такомъ настроеніи ему было крайне тяжело.

— Лучше всего было бы,—сказалъ онъ Тони,—обойти этотъ день молчаніемъ. Пріятно вспоминать о своихъ предкахъ, когда чувствуешь, что продолжаешь ихъ дѣло и дѣйствуешь солидарно съ ними. А при моемъ теперешнемъ настроеніи этотъ юбилей совсѣмъ некстати...

Но, конечно, не было никакой возможности уклониться отъ празднества, тѣмъ болѣе, что въ „Городскихъ Извѣстіяхъ“ появилась замѣтка о предстоящемъ юбилеѣ почтенной старой фирмы, и весь городъ готовился отпраздновать его съ подобающимъ блескомъ. Тому пришлось скрыть свое тяжелое настроеніе и претерпѣть юбилейныя торжества. Юбилей, дѣйствительно, вышелъ чрезвычайно блестящимъ. Съ самаго утра начался пріемъ депутацій отъ рабочихъ и служащихъ, пришедшихъ поздравить сенатора; затѣмъ явились всѣ члены семьи съ поздравленіями и преподнесли въ подарокъ юбиляру огромный картонъ въ тяжелой орѣховой рамѣ, на которомъ помѣщены были подъ стекломъ портреты четырехъ собственниковъ фирмы Будденброкъ, прадѣда,

дѣда, отца Тома Будденброка и его самого. Надъ портретами красовалась надпись, воспроизводившая золотыми буквами слова перваго основателя фирмы: „Сынъ мой, работай съ любовью весь день, но предпринимай только такія дѣла, при которыхъ можно спокойно спать ночью". Томъ долго разглядывалъ портреты и внимательно перечелъ надпись.

— Да, да,—сказалъ онъ вдругъ нѣсколько насмѣшливо:—спокойный сонъ—вещь хорошая!...—Затѣмъ уже онъ поблагодарилъ родныхъ за прекрасный, умно придуманный подарокъ, и сказалъ, что повѣситъ портреты въ своемъ кабинетѣ.

Послѣ того началось чтеніе многочисленныхъ телеграммъ, длившееся до завтрака. Когда сенаторъ спустился затѣмъ въ контору, тамъ его тоже встрѣтили представители отъ рабочихъ на пристани, отъ многочисленныхъ хлѣбныхъ складовъ и цѣлый рядъ купцовъ, имѣвшихъ сношеніе съ его фирмой. Подойдя къ окну, онъ увидѣлъ, что вся улица отъ его дома до пристани, также какъ и судна, стоявшія въ гавани, украшены флагами. Ему сказали, что и на всѣхъ остальныхъ улицахъ торговыя учрежденія вывѣсили праздничные флаги... Весь городъ принималъ участіе въ его торжествѣ.

Пріемы въ конторѣ совершенно измучили Тома, и, поднявшись наверхъ, онъ долженъ былъ пройти къ себѣ въ уборную, помочить виски о-де-колономъ и передохнуть нѣсколько минутъ. Подойдя къ зеркалу, онъ увидѣлъ, что лицо его страшно блѣдно и весь лобъ въ поту, хотя онъ чувствовалъ, что руки и ноги холодны какъ ледъ. Когда онъ вошелъ въ залу, онъ засталъ тамъ все избранное общество города, бюргермейстера Ланггальза, всю семью Меллендорповъ, Гагенстрёмовъ, Кистенмакеровъ, пастора, представителей сената, городского совѣта и другихъ. Всѣ пріемныя комнаты наполнились гостями, и у Тома голова пошла кругомъ отъ поздравительныхъ рѣчей и отъ гула разговоровъ. Къ довершенію шумнаго торжества появилась группа музыкантовъ изъ театральнаго оркестра, съ Петеромъ Дельманомъ во главѣ, и съиграла торжественный гимнъ въ честь юбиляра, а затѣмъ еще хоралъ „Возблагодарите Господа", за которымъ почему-то послѣдовало попури изъ „Прекрасной Елены". Томъ очень мужественно переносилъ всѣ эти лестные знаки вниманія, хотя чувствовалъ, что съ каждой минутой ему труднѣе сохранять на лицѣ обязательное выраженіе радости и торжества.

Въ то время какъ оркестръ исполнялъ свою программу, случился маленькій инцидентъ, заставившій хозяина оставить на короткое время своихъ гостей. У дверей залы показался съ

растеряннымъ видомъ разсыльный изъ конторы съ телеграммою въ рукахъ, сконфуженно пробрался къ сенатору и передалъ ему телеграмму. Томъ отошелъ отъ группы знакомыхъ, съ которыми разговаривалъ въ эту минуту, извинился въ необходимости прочесть дѣловую телеграмму даже въ такой торжественный день, и быстро вышелъ изъ залы.

Томъ прошелъ по корридору въ буфетную, гдѣ въ это время никого не было, присѣлъ къ столу и, раскрывъ телеграмму, прочелъ ее. Глаза его широко раскрылись и лицо исказилось ужасомъ. Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ у стола съ раскрытой телеграммой въ рукахъ и, какъ-то странно раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, произнесъ нѣсколько разъ: „Градъ!.. градъ!..“ Потомъ онъ глубоко вздохнулъ, понемногу оправился, полузакрылъ глаза и поднялся, имѣя видъ совершенно разбитаго человѣка. Онъ медленными шагами вернулся въ залу, прошелъ къ дивану, стоявшему у окна, сѣлъ на него и прислонился головой къ подушкѣ. „Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше“,—шепталъ онъ въ полголоса. Глубоко вздохнувъ, какъ бы освобожденный отъ мучившей его тяжести, онъ повторилъ еще разъ болѣе твердо: „Тѣмъ лучше, что такъ кончилось“. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, а потомъ, оправившись, аккуратно сложилъ телеграмму, положилъ ее въ карманъ и направился къ своимъ гостямъ, чтобы претерпѣть до конца юбилейныя торжества.

V.

Маленькій Ганно уже въ семь лѣтъ обнаружилъ необыкновенную любовь къ музыкѣ, и забывалъ все на свѣтѣ, слушая игру своей матери. Ея аккомпаніаторомъ на роялѣ былъ старый органистъ Фюль, который тонко понималъ музыку и самъ былъ композиторомъ. Онъ много бесѣдовалъ съ Гердой о музыкѣ, славословилъ Баха, но раздѣлялъ и ея любовь къ сложной новой музыкѣ Вагнера. Сначала, когда она въ первый разъ положила передъ нимъ на рояль Klavierauszug „Тристана и Изольды“, прося его проиграть ей эту оперу, онъ послѣ первыхъ же страницъ возмущенно заявилъ, что это не музыка, а безуміе. Но Гердѣ удалось переубѣдить его; онъ постепенно полюбилъ эту непривычную для него музыку, и звуки „Тристана и Изольды“ часто раздавались въ салонѣ Герды. Ганно съ упоеніемъ слушалъ игру матери и органиста, старался понять также ихъ бесѣды, и привыкъ такимъ образомъ относиться къ музыкѣ, какъ

къ чему-то чрезвычайно важному, серьезному и глубокому. Къ великой радости Герды, онъ обнаруживалъ рѣдкій музыкальный слухъ, и съ семи лѣтъ сталъ учиться игрѣ на роялѣ подъ руководствомъ Фюля, который умѣлъ удивительно приспособиться къ особенностямъ страстной и болѣзненной натуры Ганно. Не мучая его техникой, онъ сталъ развивать въ немъ явныя способности къ композиціи и преподавалъ ему основы гармоніи. Ганно удивительно живо воспринималъ все, что говорилъ ему его учитель, и сдѣлалъ громадные успѣхи въ игрѣ и въ композиціи, въ противоположность школьнымъ занятіямъ, которыя шли очень туго.

Въ день своего рожденія, 15-го апрѣля 1869 года, когда ему исполнилось восемь лѣтъ, Ганно съигралъ вмѣстѣ съ матерью собственную свою композицію въ присутствіи всей семьи. Онъ страшно волновался, садясь аккомпанировать матери, но такъ увлекся звуками, созданными его собственной фантазіей, что забылъ все окружающее. При всей дѣтскости его композиціи, въ ней чувствовался необычайный полетъ фантазіи и какая-то болѣзненная страстность. Но только Герда и старикъ Фюль могли оцѣнить истинную музыкальность и нарождающійся талантъ ребенка. Другіе только удивлялись бѣглости его игры; когда пьеса была окончена и Ганно всталъ изъ-за рояля блѣдный, дрожащій отъ волненія и почти совершенно утратившій сознаніе окружающаго, его стали осыпать банальными комплиментами.

— Какъ этотъ мальчикъ играетъ... какъ онъ играетъ!— восклицала растроганная Тони, обнимая Ганно со слезами на глазахъ. — Герда, Томъ, онъ настоящій Моцартъ, настоящій Мейерберъ, настоящій...

Третье имя ей не пришло въ голову, и, не закончивъ фразы, она продолжала душить поцѣлуями племянника, который сидѣлъ совершенно измученный, съ затуманеннымъ выраженіемъ лица.

— Довольно, Тони, довольно! — тихо сказалъ сенаторъ.— Не вскружи ему голову похвалами!

Томъ въ душѣ былъ очень недоволенъ страстью ребенка къ музыкѣ. Игру Герды онъ до сихъ поръ считалъ обаятельнымъ дополненіемъ всего ея своеобразнаго существа, ея странныхъ глазъ, которые ему такъ нравились, ея тяжелыхъ темно-рыжихъ волосъ и всей ея оригинальной красоты. Но теперь, когда онъ увидѣлъ, что Ганно унаслѣдовалъ музыкальность матери, музыка стала казаться ему враждебной силой, ставшей между нимъ и сыномъ. Онъ надѣялся, что сынъ его станетъ настоящимъ Будденброкомъ, сильнымъ и практичнымъ человѣкомъ, способнымъ покорить себѣ жизнь, а между тѣмъ убѣждался, что въ ребенкѣ

преобладаетъ мечтательность, что онъ чуждъ житейскимъ интересамъ; все это онъ приписывалъ слишкомъ усерднымъ занятіямъ музыкой, поощряемымъ Гердой. Онъ видѣлъ, что ребенокъ живетъ вмѣстѣ съ матерью въ какомъ-то иномъ мірѣ, въ какомъ-то храмѣ, въ который ему нѣтъ доступа,—вѣдь всѣ Будденброки отличались крайней немузыкальностью.

Отношенія между отцомъ и сыномъ становились все болѣе и болѣе отчужденными, несмотря на старанія Тома расположить къ себѣ ребенка. Возвращаясь домой изъ конторы, онъ каждый разъ заговаривалъ съ Ганно товарищескимъ тономъ, думая этимъ снискать его довѣріе; но такъ какъ разговоръ его всегда сводился къ экзамену по практическимъ вопросамъ, къ разспросамъ о числѣ и названіи хлѣбныхъ складовъ, о названіяхъ улицъ и числѣ жителей въ городѣ, то Ганно или молчалъ въ отвѣтъ, или растерянно отвѣчалъ невпопадъ, и дѣло всегда кончалось строгимъ выговоромъ. Мальчикъ положительно боялся отца и избѣгалъ бесѣдъ съ нимъ. Тома это очень огорчало, тѣмъ болѣе, что и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ребенокъ доставлялъ ему мало радости. Здоровье его было очень хрупкое. Помимо нервности, сказывавшейся въ тревожныхъ снахъ и крикахъ ночью, у него появились разныя физическія страданія; въ особенности много приходилось возиться съ его зубами, очень красивыми и бѣлыми съ виду, но крайне хрупкими вслѣдствіе слабости десенъ. Мальчику рано пришлось познакомиться съ очень страшнымъ для него человѣкомъ, съ зубнымъ врачомъ, который причинялъ ему жестокія страданія, выравнивая неправильно ростущіе зубы, вырывая только-что появившіеся бѣлые коренные зубы, чтобы очистить мѣсто для будущихъ зубовъ мудрости. Всѣ эти операціи ослабляли общее состояніе нервнаго ребенка, нарушали его пищевареніе и приводили его въ подавленное состояніе духа. Ученіе въ школѣ шло очень туго, тѣмъ болѣе, что Ганно не любилъ ни школьныхъ занятій, ни учителей и школьныхъ товарищей. Онъ сошелся только съ однимъ мальчикомъ, сыномъ разорившагося чудака, графа Меллена. Маленькій Кай былъ такимъ же страннымъ ребенкомъ, какъ Ганно. Онъ росъ безъ присмотра, имѣлъ одичалый видъ, но привлекалъ Ганно своимъ умѣньемъ сочинять фантастическія, страшныя сказки. Мальчики очень сдружились, и Кай сдѣлался постояннымъ гостемъ въ домѣ сенатора. Ида Юнгманъ съ материнской заботливостью пріучала его къ опрятности, чинила его платье, и мальчики проводили вечера вмѣстѣ, приготовляя уроки, читая сказки и сами сочиняя страшные разсказы.

Выдумки Кая были всегда настолько увлекательны, что Ганно внималъ имъ съ восторгомъ. Особенно онъ любилъ разсказъ Кая объ одномъ могучемъ волшебникѣ, который захватилъ въ плѣнъ прекраснаго принца Іосифа и превратилъ его въ птицу. Но гдѣ-то вдали уже родился и ростетъ избавитель, который, когда настанетъ время, явится съ непобѣдимой арміей собакъ, пѣтуховъ и морскихъ свинокъ, безстрашно вступитъ въ бой съ волшебникомъ и однимъ ударомъ меча избавитъ міръ отъ злого волшебника и спасетъ принца Іосифа. Къ нему вернется его прежній видъ, онъ вступитъ на королевскій престолъ, и тогда Ганно и Кай будутъ осыпаны всякими почестями... Сказки Кая всегда были связаны съ дѣйствительной жизнью и имѣли непосредственное отношеніе къ судьбѣ его и его друга. Этимъ онѣ такъ нравились Ганно, пробуждая въ немъ грёзы о какомъ-то далекомъ, непонятномъ свѣтломъ мірѣ.

Сенаторъ Будденброкъ ничего не имѣлъ противъ дружбы Ганно съ Каемъ, убѣдившись, что мальчикъ охотнѣе учится вмѣстѣ съ товарищемъ. Онъ надѣялся втайнѣ, что эта дружба отвлечетъ Ганно отъ чрезмѣрнаго увлеченія музыкой, въ которой Томъ видѣлъ главную причину его нервности и его безучастности къ житейскимъ интересамъ. Его мечтой было, чтобы сынъ его сталъ такимъ же свѣтлымъ, жизнерадостнымъ, сильнымъ и простымъ человѣкомъ, какъ его прадѣдъ Іоганнъ Будденброкъ, котораго Томъ хорошо помнилъ съ дѣтства. Неужели это невозможно? Тому казалось, что еслибы онъ смогъ самъ заняться воспитаніемъ Ганно, онъ бы съумѣлъ повліять на него въ этомъ смыслѣ. Но у него не было времени... У него было слишкомъ много дѣловыхъ заботъ.

Однажды Ганно сошелъ въ столовую за полчаса до обѣда и, въ ожиданіи прихода родителей, усѣлся на диванѣ; разглядывая отъ нечего дѣлать знакомые предметы въ комнатѣ, онъ увидѣлъ лежащую на письменномъ столѣ матери толстую тетрадь съ золотымъ обрѣзомъ, — фамильную хронику, изъ которой иногда читала ему вслухъ тетя Тони. Ганно лѣниво поднялся съ дивана и подошелъ къ письменному столу. Книга была раскрыта на томъ мѣстѣ, гдѣ аккуратнымъ почеркомъ написаны были имена всѣхъ членовъ семьи, съ обозначеніемъ времени, когда они жили. Ганно внимательно перечелъ всѣ мужскія и женскія имена, и въ самомъ концѣ страницы увидѣлъ свое имя: Юстъ-Іоганнъ-Каспаръ, родился 15 апрѣля 1861-го года; ему пріятно было прочесть свое имя; онъ взобрался на кресло, стоявшее у письменнаго стола, чтобы читать съ бо́льшимъ удобствомъ. Увидѣвъ

на столѣ линейку и красивую золотую ручку съ перомъ, онъ захотѣлъ въ свою очередь начертать что-нибудь въ семейной книгѣ... Подумавъ немного, онъ аккуратно подложилъ линейку подъ свое имя внизу страницы и перечеркнулъ двумя перекрестными штрихами всю страницу. Посмотрѣвъ съ удовольствіемъ на свою работу, онъ отошелъ отъ стола.

Послѣ обѣда сенаторъ, подойдя къ письменному столу, увидѣлъ перечеркнутую страницу и подозвалъ къ себѣ сына.

— Что это такое?—спросилъ онъ.—Это ты сдѣлалъ?

— Да,—робко отвѣтилъ мальчикъ.

— Что это значитъ? Какъ ты смѣлъ?... отвѣчай!

— Мнѣ казалось,—растерянно прошепталъ Ганно.—Я думалъ, что больше уже ничего не будетъ вписано сюда.

VI.

На семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ съ нѣкотораго времени появилась новая тема для разговора, въ обсужденіи которой наибольшее участіе принимала Тони Перманедеръ. Захлебываясь отъ волненія, она переходила отъ частнаго случая къ общимъ сужденіямъ о жизни, говорила о гнусности всѣхъ людей на свѣтѣ, и приводила въ доказательство своего права осуждать весь міръ отдѣльныя имена, которыя произносила отрывистыми, гнѣвными звуками:— „слезливый Тричке... Грюнлихъ... Перманедеръ“... Но къ этимъ привычнымъ именамъ примѣшивалось теперь новое слово —„прокуроръ“.

Дѣло было въ томъ, что на Тони обрушилось новое несчастіе—ея зятю Вейншенку грозилъ судебный процессъ. Его обвиняли въ мошенническихъ продѣлкахъ, въ томъ, что онъ черезъ своихъ агентовъ узнавалъ заранѣе о многихъ крупныхъ пожарахъ, т.-е. очевидно входилъ въ сдѣлки съ кліентами, поджигавшими свои дома, и дѣлалъ во-время перестраховки въ другихъ обществахъ, которыя и терпѣли всѣ убытки. Нѣкоторое время ему это сходило съ рукъ, но послѣ нѣсколькихъ однородныхъ случаевъ возникло подозрѣніе, и дѣло очутилось въ рукахъ прокурора. По жестокой ироніи судьбы, прокуроромъ, которому поручено было обвиненіе Вейншенка, оказался Морицъ Гагенстрёмъ, младшій братъ ненавистнаго Тони конкуррента ея брата. Тони долгое время увѣряла всѣхъ въ невинности своего зятя, доказывала, что обвиненіе подстроено врагами, что все это интриги ихъ заклятыхъ враговъ, Гагенстрёмовъ, и выходила изъ себя, обсуж-

дая дѣло Вейншенка на семейныхъ собраніяхъ; но въ глубинѣ души она не вѣрила въ невинность зятя, такъ какъ успѣла убѣдиться по его поведенію дома, что онъ человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ. Онъ по-своему любилъ свою жену и ребенка, но обходился съ Эрикой крайне грубо, мучая ее требованіемъ, чтобы она всегда была весела и развлекала его. Въ его характерѣ и поведеніи было вообще много странностей. Съ тѣхъ поръ какъ возникло обвиненіе противъ него, онъ велъ себя какъ-то дико, былъ возбужденно веселъ, разсказывалъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, какіе-то неподходящіе и большей частью непристойные анекдоты и повидимому совершенно не безпокоился объ исходѣ процесса, довѣрившись во всемъ выписанному имъ изъ Гамбурга извѣстному адвокату. Его самоувѣренность производила самое тягостное впечатлѣніе на Тома, не вѣрившаго въ благополучный исходъ дѣла, и всѣмъ остальнымъ членамъ семьи становилось почти жутко, когда среди ихъ общей подавленности самъ виновникъ новаго семейнаго несчастія велъ себя какъ ни въ чемъ не бывало и съ очень страннымъ выраженіемъ глазъ разсказывалъ смѣшныя, по его мнѣнію, исторіи. Послѣ Рождества, проведеннаго въ семьѣ Будденброковъ съ традиціонной торжественностью, но въ очень печальномъ настроеніи,—состоялся судъ надъ Вейншенкомъ; несмотря на все краснорѣчіе его гамбургскаго адвоката, онъ былъ приговоренъ къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія и взятъ подъ стражу прямо изъ залы суда. Эрика съ ребенкомъ и матерью снова переселилась въ домъ матери. Эрика ни съ кѣмъ не говорила о своемъ отношеніи къ несчастію мужа, и только стала еще болѣе грустной и молчаливой. Тони же сочла своимъ долгомъ объявить во всеуслышаніе на семейномъ собраніи, что она давно начала сомнѣваться въ честности своего зятя, и знала, что дѣло плохо кончится, но была принуждена молчать объ этомъ до поры до времени. Теперь же она отказывается за себя и за свою дочь отъ всякой солидарности съ преступнымъ человѣкомъ, опозорившимъ ихъ семейную честь. Ея жизненный опытъ увеличился еще однимъ разочарованіемъ, и къ тѣмъ именамъ, которыя она произносила съ горечью и презрѣніемъ, къ именамъ Тричке, Грюнлиха и Перманедера, присоединилось теперь не только имя прокурора Гагенстрёма, но также имя ея зятя Вейншенка.

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Не долго, однако, пришлось Тони съ дочерью и внучкой прожить снова въ старомъ домѣ на Mengstrasse; вскорѣ послѣ ихъ переѣзда туда, произошла тяжелая семейная катастрофа: старая консульша заболѣла воспаленіемъ легкихъ, и несмотря на обычный оптимизмъ старика доктора Грабова, всѣмъ стало ясно, что положеніе ея крайне серьёзно. Приглашенъ былъ еще одинъ молодой врачъ, который уже не скрывалъ опасности, и въ домѣ воцарилась зловѣщая тишина въ ожиданіи неминуемой катастрофы. Томъ спѣшно вызвалъ къ умирающей матери Христіана, который давно уже вернулся изъ Лондона и снова поселился въ Гамбургѣ; онъ пробовалъ опять заняться дѣлами, былъ одно время представителемъ заграничной фирмы, торгующей коньякомъ и шампанскимъ, но когда и это оказалось ему не по силамъ, откровенно ничего не дѣлалъ, и проводилъ время среди обычныхъ развлеченій и жалобъ на разныя болѣзни. Онъ пріѣхалъ, когда матери было уже совсѣмъ плохо; она умирала очень тяжело, стала безучастной ко всему окружающему, и только умоляла, чтобы успокоили ея страданія какими-нибудь наркотическими средствами. На это доктора не соглашались, въ виду того, что медицина должна длить жизнь, а не сокращать ее, а въ положеніи консульши впрыскиваніе морфія немедленно остановило бы дѣятельность сердца. Агонія была поэтому томительно длинная и мучительная. Только въ моментъ смерти исчезло на лицѣ консульши выраженіе безграничнаго ужаса и страданія, и она тихо отошла среди рыданій дѣйствительно безутѣшной Тони. Томъ не выражалъ своихъ чувствъ такъ открыто, какъ сестра, но по его блѣдному, искаженному лицу видно было, какъ тяжела была для него потеря матери, составлявшей послѣднюю связь съ блестящимъ, все болѣе и болѣе уходящимъ отъ него прошлымъ его нѣкогда сильной и могущественной семьи. Какъ только сдѣланы были распоряженія о похоронахъ, и тѣло матери выставлено было въ залѣ въ пышномъ гробу, Томъ устроилъ первый семейный совѣтъ, призвавъ сестру и брата для дѣловыхъ разговоровъ. Сидя въ комнатѣ рядомъ съ залой, они стали распредѣлять вещи, оставшіяся послѣ матери, т.-е. весь инвентарь родительскаго дома, и разговоръ велся сначала спокойно, тихимъ голосомъ—изъ уваженія къ стоявшему рядомъ тѣлу матери. Хри-

стіанъ вполнѣ удовлетворился удѣленной ему братомъ и сестрой частью мебели, но когда дѣло дошло до распредѣленія серебра и столовой обстановки, онъ потребовалъ, чтобы ему была выдана часть столоваго бѣлья, серебра и фарфора, отказываясь отъ возмѣщенія деньгами за вещи.

— Я собираюсь жениться, — сказалъ онъ, — и хочу имѣть въ своемъ домѣ вещи, унаслѣдованныя отъ родителей.

Томъ вскипѣлъ отъ этого заявленія брата, сталъ упрекать его въ томъ, что онъ уже спѣшитъ воспользоваться смертью матери, чтобы опозорить ихъ семью, и заявилъ, что никогда не допуститъ его женитьбы на потерянной женщинѣ. Напрасно Христіанъ настаивалъ на своемъ правѣ дѣйствовать самостоятельно; Томъ предупредилъ его, что по завѣщанію матери онъ остается навсегда опекуномъ всѣхъ наслѣдниковъ, и не выдастъ на руки Христіану его капитала, чтобы удержать его отъ постыднаго шага. Разговоръ между братьями принялъ острый характеръ. Христіанъ сталъ обвинять Тома въ безсердечіи, въ безучастіи къ его болѣзни.

— Я самъ, можетъ быть, больнѣе тебя,—съ горечью сказалъ Томъ, но при этихъ словахъ Христіанъ окончательно вышелъ изъ себя и сталъ доказывать, что никто такъ не страдаетъ, какъ онъ, что ни у кого нѣтъ укороченныхъ нервовъ во всей лѣвой половинѣ тѣла, и что онъ навѣрное умретъ раньше брата. Въ ужасѣ отъ оборота, который принялъ споръ, Тони стала успокоивать братьевъ, напоминать имъ объ уваженіи къ непогребенному еще тѣлу матери, но всѣ ея увѣщанія были напрасны. Христіанъ былъ внѣ себя, и прерывающимся голосомъ изливалъ всю накопившуюся злобу противъ старшаго брата, упрекая его въ эгоизмѣ, въ бездушномъ отношеніи къ себѣ, ставя ему въ укоръ всѣ его жизненныя удачи, говоря съ горечью о несчастіи, преслѣдовавшемъ его, Христіана, всю жизнь, и объясняя, что онъ потому и женится, что слишкомъ долго страдалъ отъ холодности своей семьи, и нуждается въ лицѣ, относящемся къ нему съ теплотой и участіемъ... Томъ, въ свою очередь, сталъ упрекать брата въ безобразномъ, позорящемъ всю семью образѣ жизни, и споръ братьевъ принялъ такой острый характеръ, что Тони молила отложить дѣловыя обсужденія до другого времени.

Похороны были очень торжественныя, съ обычной въ этихъ случаяхъ прочувствованной рѣчью пастора, съ пріемомъ гостей, пришедшихъ заявить о своемъ соболѣзнованіи. Тони на этотъ разъ даже не чувствовала подъема духа, который являлся у нея

прежде при всякомъ торжественномъ—хотя бы и печальномъ—событіи въ ихъ домѣ. Ей теперь казалось, что жизнь ея окончена совершенно, и будущее рисовалось ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Дѣйствительно, когда послѣ похоронъ возобновились дѣловые разговоры, ее ожидалъ страшный ударъ: Томъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи продать домъ матери, такъ какъ они не въ состояніи поддерживать его, да домъ къ тому же никому не нуженъ. Тони пробовала сначала протестовать.

— Ты не представляешь себѣ, Томъ,—говорила она,—какъ я привязана къ родительскому дому. Жизнь моя была очень несчастной. Чего-чего я не вытерпѣла!.. Не знаю право, чѣмъ я это заслужила. Но я все переносила, не приходя въ отчаяніе,—и исторію съ Грюнлихомъ, и съ Перманедеромъ, и вотъ недавно съ Вейншенкомъ; я знала, что у меня есть пристанище въ жизни — мѣсто, гдѣ я могу спрятаться отъ всякой бѣды... Когда уже все было потеряно, когда Вейншенка увели въ тюрьму, я только спросила мать, можемъ ли мы къ ней пріѣхать, и она сказала: „да, пріѣзжайте". Домъ матери былъ мнѣ всегда убѣжищемъ... и вдругъ ты его хочешь продать!

Но Томъ сказалъ, что не можетъ сообразоваться съ такими сентиментальными доводами, и настоялъ на продажѣ дома, поручивъ маклеру Гошу найти покупателя. По горькой ироніи судьбы, покупателемъ этимъ оказался Германъ Гагенстрёмъ, и Тони пришлось претерпѣть самое ужасное, по ея мнѣнію, униженіе—присутствовать при томъ, какъ ненавистный ей съ дѣтства человѣкъ осматривалъ ихъ домъ и спокойно говорилъ о необходимости многое перестроить. Послѣ тщательнаго осмотра, онъ изъявилъ наконецъ согласіе купить домъ за восемьдесятъ тысячъ марокъ, и въ началѣ 1872-го года старинный домъ Будденброковъ на Mengstrasse перешелъ во владѣніе Гагенстрёма, имя котораго замѣнило на фронтонѣ имя Іоганна Будденброка, красовавшееся сто лѣтъ надъ латинской надписью: „Dominus providebit".

Тони переѣхала съ дочерью и внучкой въ маленькую квартиру по близости брата, и, уѣзжая навсегда изъ родительскаго дома, плакала навзрыдъ...

II.

Несмотря на всѣ потери и неудачи въ дѣлахъ, Томъ Будденброкъ былъ еще очень богатымъ человѣкомъ; вмѣстѣ съ наслѣдствомъ отъ матери, у фирмы было теперь шестьсотъ тысячъ

марокъ основного капитала, но дѣла все-же шли хуже и хуже, вслѣдствіе уменьшенія оборотныхъ суммъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полнаго упадка энергіи у главы дома. Послѣ неудачной сдѣлки съ имѣніемъ Майбома,—вся жатва въ Попенреде погибла отъ града,—Томъ уже не рѣшался ничего предпринимать, потерявъ всякую вѣру въ удачу, и думалъ только о сокращеніи расходовъ, что̀ конечно, не содѣйствовало развитію дѣловыхъ оборотовъ; его компаньонъ Маркусъ тоже становился съ годами все болѣе и болѣе осторожнымъ, и въ городѣ всѣ уже считали, что могуществу Будденброковъ наступилъ конецъ. Принципы экономіи Томъ преслѣдовалъ и въ домашней жизни, все болѣе и болѣе сокращалъ расходы, тратя только по прежнему очень много на свой туалетъ, на тонкое бѣлье и изящное платье, выписываемое изъ Гамбурга. Чувствуя внутренно полный упадокъ бодрости, онъ всѣми силами старался сохранить внѣшнюю представительность и производить впечатлѣніе свѣжаго, энергичнаго человѣка. Съ этой цѣлью онъ проводилъ долгіе часы въ уходѣ за самимъ собою, принималъ холодные души, одѣвался чрезвычайно тщательно, завивалъ усы, мѣнялъ костюмы по нѣскольку разъ въ день,—дѣлая все это не изъ тщеславія, а только для того, чтобы скрыть подъ корректной внѣшностью полный упадокъ жизненной энергіи; это ему, однако, не удавалось, такъ какъ всѣ замѣчали усиливающуюся блѣдность его лица и изможденность чертъ.

Ища какой-нибудь внутренней опоры, чтобы окончательно не пасть духомъ, Томъ старался найти ее въ надеждахъ на будущее своего сына. Онъ твердо зналъ, что самъ онъ уже не въ состояніи поднять упавшее благосостояніе своей фирмы, но надѣялся, что это сдѣлаетъ за него въ будущемъ его сынъ, и старался не замѣчать, что въ сущности мальчикъ совершенно не годится для предназначаемой ему роли. Помимо тревожившей Тома страсти къ музыкѣ, Ганно былъ очень хилымъ и вялымъ ребенкомъ. Его лечили отъ малокровія, давали ему мышьякъ, учили гимнастикѣ, возили къ морю, но ничто не помогало, и онъ продолжалъ быть блѣднымъ, безучастнымъ къ жизни и постоянно хворалъ то желудкомъ, то какими-то странными нервными припадками, то невыносимой зубной болью отъ слабости десенъ. Отецъ старался нравственно воздѣйствовать на него, говорилъ ему о его будущей дѣятельности въ качествѣ собственника фирмы, возилъ его съ собой на пристань и въ хлѣбные амбары, бралъ его съ собой, отправляясь съ нужными дѣловыми визитами, и радовался, когда ему удавалось на минуту возбудить

интересъ въ мальчикѣ, который однако только дѣлалъ видъ, что интересуется дѣлами отца; онъ его жалѣлъ своей чуткой дѣтской душой и хотѣлъ дѣлать ему пріятное. На самомъ же дѣлѣ его интересовали только сказки его друга Кая и музыка,—внѣ этого онъ всегда чувствовалъ усталость и желаніе лежать безъ движенія и безъ словъ.

III.

Гуго Вейншенкъ выпущенъ былъ изъ тюрьмы послѣ года заключенія, такъ какъ сенатъ удовлетворилъ его просьбу о помилованіи. Но въ сущности его семья не особенно обрадовалась этому событію, такъ какъ Эрика, соглашавшаяся во всемъ съ матерью, находила, что имъ гораздо спокойнѣе живется безъ ея мужа. Прежде чѣмъ Тони поѣхала въ тюрьму за выпускаемымъ на свободу узникомъ, она осторожно завела разговоръ съ дочерью о томъ, не хочетъ ли она развестись съ мужемъ, который ей сталъ совершенно чужимъ послѣ скандальнаго процесса. Эрика отвѣтила ей совершенно въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда сама Тони отвѣтила отцу на вопросъ о Грюнлихѣ, и madame Перманедеръ уже стала носиться съ планами развода своей дочери— третьяго развода въ своей жизни. Но до развода дѣло не дошло, потому что Вейншенкъ самъ исчезъ изъ жизни своей семьи, прежде чѣмъ были предприняты какіе-нибудь шаги для законнаго разрыва. Онъ вернулся домой совершенно другимъ человѣкомъ. Годъ тюрьмы не повліялъ на его здоровье, но нравственное его состояніе было страшно подавленное. Вся его самоувѣренность исчезла. Хотя онъ и былъ увѣренъ, что вина его вовсе не такъ велика, какъ рѣшили судьи, что въ дѣловомъ мірѣ часто продѣлываютъ совершенно безнаказанно то же, за что онъ былъ осужденъ, но понесенная кара унизила его въ собственныхъ глазахъ; онъ боялся взглянуть кому-нибудь въ лицо и совершенно не выходилъ изъ дома. Онъ даже избѣгалъ быть въ обществѣ домашнихъ и не выходилъ изъ своей комнаты по цѣлымъ днямъ. Послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ такимъ образомъ почти взаперти, онъ самъ понялъ, что жизнь въ городѣ, гдѣ его всѣ знали, для него невозможна; онъ объявилъ женѣ и тещѣ, что уѣзжаетъ за границу искать себѣ занятій, и обѣщалъ въ скоромъ времени выписать къ себѣ жену и ребенка. Но черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, пришло письмо изъ Гамбурга, въ которомъ Вейншенкъ заявлялъ женѣ, что твердо рѣшилъ не соединяться съ семьей до тѣхъ поръ, пока не сможетъ обезпечить имъ вполнѣ приличное суще-

ствованіе. Это было послѣднею вѣстью отъ Вейншенка, послѣ которой онъ исчезъ навсегда. Эрика продолжала жить со своей дочерью у Тони.

Томъ былъ доволенъ исчезновеніемъ Вейншенка, присутствіе котораго только позорило ихъ семью. Но ему было уже какъ-то вообще не до заботъ о семейной чести, потому что онъ чувствовалъ, какъ, все равно, все рушится вокругъ него. Онъ жилъ очень замкнуто и уединенно, все болѣе и болѣе углубляясь въ осаждавшія его печальныя мысли и не имѣя никого, съ кѣмъ подѣлиться ими. Даже въ собственномъ домѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ. Какъ онъ ни старался быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ сыномъ, это ему плохо удавалось. Онъ продолжалъ говорить съ Ганно о его будущей дѣловой карьерѣ, но самъ видѣлъ, что разговоры ни къ чему не ведутъ. Что же касается его жены, то именно она и была причиной полной подавленности его состоянія. Она все болѣе и болѣе уходила въ свой обособленный міръ артистическихъ ощущеній и искала общества людей, близкихъ ей въ этомъ отношеніи. Она теперь еще была очень хороша; годы не оказывали вліянія на ея красоту, и рядомъ съ сильно постарѣвшимъ, болѣзненнымъ Томомъ она производила впечатлѣніе совсѣмъ молодой красавицы. Поэтому, когда въ домѣ сенатора сталъ часто появляться новый пріятель Герды, красивый и статный лейтенантъ фонъ-Трота, такой же страстный музыкантъ, какъ и жена Тома, въ городѣ стали говорить съ улыбочками объ этой дружбѣ. Томъ менѣе всего ревновалъ Герду къ лейтенанту; у него не было никакихъ опредѣленныхъ подозрѣній, но ему было не по себѣ, когда, работая въ кабинетѣ, онъ слышалъ доносившіеся къ нему по цѣлымъ часамъ звуки дуэтовъ изъ залы. Въ этихъ звукахъ ему слышалось ликованіе и радость жизни, отъ которой онъ былъ такъ далекъ. И еще болѣе жутко было ему, когда послѣ прихода лейтенанта изъ залы не доносилось звуковъ музыки. Иногда, не будучи въ силахъ сдержать овладѣвавшую имъ странную тревогу, онъ входилъ въ залу,—и тогда тотчасъ же Герда садилась за рояль, а фонъ-Трота бралъ скрипку, точно стараясь спастись отъ присутствія Тома въ міръ чуждыхъ ему гармоній...

Здоровье Тома сильно страдало отъ его подавленнаго настроенія, и онъ все чаще задумывался о смерти, стараясь примириться съ мыслью о ней. Но это ему не удавалось, несмотря на всѣ размышленія и даже чтѣніе философскихъ книгъ. Докторъ, къ которому онъ обратился, совѣтовалъ ему серьезно лечить свои нервы, и онъ отправился къ морю, думая найти тамъ

успокоеніе. Съ нимъ поѣхалъ и Христіанъ, который, конечно, считалъ себя болѣе опасно больнымъ, чѣмъ Томъ. Онъ, дѣйствительно, производилъ впечатлѣніе погибающаго человѣка, вѣчно описывалъ въ подробностяхъ свои разнообразныя страданія и поражалъ всѣхъ какой-то окончательной утратой чувства стыда. Онъ постоянно разсказывалъ непристойные анекдоты, или излагалъ самыя отвратительныя подробности своихъ болѣзней. Пребываніе у моря еще болѣе разстроило Тома. Онъ вернулся домой совершенно разбитымъ, и едва могъ возобновить свои дѣловыя занятія. Однажды, въ засѣданіи сената, онъ почувствовалъ страшную зубную боль, и, не досидѣвъ до конца, ушелъ и прямо направился къ зубному врачу. Тотъ объявилъ ему, что необходимо немедленно вырвать зубъ, и съ согласія сенатора приступилъ къ операціи. Но вслѣдствіе ли неумѣлости дантиста, или дѣйствительной невозможности удалить сразу больной зубъ—операція не удалась. Раздался оглушившій Тома трескъ, и врачъ съ ужасомъ объявилъ, что сломалъ коронку, и что нужно еще вырвать корни. Тому было настолько дурно, что онъ попросилъ отложить операцію до слѣдующаго дня, и вышелъ, шатаясь, изъ кабинета зубного врача... Черезъ полчаса его принесли домой умирающимъ; оказалось, что онъ упалъ на улицѣ,—съ нимъ сдѣлался ударъ.

Такъ умеръ Томъ Будденброкъ. Никто не могъ понять, какимъ образомъ неудачная зубная операція могла привести къ смерти,—но вѣдь никто не зналъ, что Томъ уже давно былъ очень боленъ и что сильнаго нервнаго возбужденія достаточно было, чтобы вызвать катастрофу. Поговоривъ о его странной смерти, всѣ поспѣшили исполнить послѣдній долгъ—прислать цвѣты и вѣнки, и такъ много было исполнявшихъ этотъ долгъ, что всѣ цвѣточные магазины въ городѣ были завалены заказами, и гробъ сенатора утопалъ въ цвѣтахъ. Такихъ торжественныхъ похоронъ не было ни у одного изъ прежнихъ представителей фирмы Будденброковъ. Семья Тома очень разно отнеслась къ его смерти. О томъ, чтò собственно чувствовала Герда, трудно было сказать по ея неподвижному, загадочному лицу. Внѣшнимъ образомъ она была спокойна, какъ всегда,—и только синеватыя тѣни у глазъ обозначились еще рѣзче. Ганно былъ совершенно оглушенъ неожиданной смертью отца, и съ ужасомъ вглядывался въ его мертвое лицо. Тони рыдала, но чувствовала нѣкоторое удовлетвореніе при чтеніи лестныхъ некрологовъ о братѣ въ газетахъ и при видѣ безчисленныхъ вѣнковъ, украшавшихъ его гробъ. Христіанъ былъ пораженъ смертью

Тома, и какъ-то странно завидовалъ ему, что и тутъ онъ оказался первымъ, что онъ умеръ до него, не надоѣвъ всѣмъ своими жалобами и окруженный общимъ почетомъ.

Изъ завѣщанія Тома выяснилось, что онъ отказался отъ надежды передать свое дѣло сыну; его послѣдняя воля заключалась въ томъ, чтобы фирма Будденброковъ была ликвидирована въ теченіе года, и затѣмъ была выдана каждому его часть капитала. Тони была страшно огорчена окончательнымъ исчезновеніемъ фирмы, но ея несокрушимый оптимизмъ выразился въ томъ, что она все-же стала возлагать надежду на маленькаго Ганно, — надежду на то, что онъ изберетъ себѣ какой-нибудь другой родъ занятій и прославитъ имя Будденброковъ въ другой области. Герда продала домъ мужа и поселилась съ сыномъ въ маленькой виллѣ за городомъ, откуда мальчикъ пріѣзжалъ въ городъ, продолжая учиться въ реальномъ училищѣ. Тони часто посѣщала невѣстку, и все говорила о своихъ надеждахъ на будущее Ганно. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Черезъ два года послѣ смерти отца, Ганно, продолжавшій все время хирѣть, плохо заниматься и выказывать огромныя способности къ музыкѣ, заболѣлъ тифомъ и умеръ. Съ нимъ исчезъ послѣдній Будденброкъ, потому что Христіанъ не могъ болѣе считаться представителемъ семьи. Послѣ смерти Тома, онъ женился на Алинѣ, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы его перевезли въ лечебницу для душевнобольныхъ,—и жена его продолжала вести свой прежній образъ жизни.

Послѣ смерти сына, Герда уѣхала навсегда въ Гамбургъ къ своему отцу, съ которымъ она такъ любила играть дуэты,—и только Тони осталась съ дочерью и внучкой доживать свой вѣкъ въ родномъ городѣ, утѣшаясь въ своей печальной жизни воспоминаніями о минувшемъ блестящемъ прошломъ своей семьи.

З. В.

ОСЕННІЯ ДУМЫ

1.

Отчего такъ роскошны осеннія краски?
Отчего такъ нарядень печальный нашъ садъ?
Отчего съ такой нѣжной, задумчивой лаской
Вкругъ тѣхъ бѣлыхъ колоннъ обвился виноградъ?

— „Бѣдный міръ!“—тихо молвитъ царица-природа:—
Не видать ему долго моей красоты;
Не блеснетъ ему солнце съ лазурнаго свода,
На лугахъ и въ лѣсахъ не проснутся цвѣты!

Улыбнусь я послѣдней улыбкой прощальной,
Очарую волшебною властью моей,
Чтобъ мой праздникъ осенній, мой пиръ погребальный,
Долго въ памяти жилъ у несчастныхъ людей“!

Оттого такъ роскошны осеннія краски,
Оттого такъ нарядень печальный нашъ садъ,
Оттого съ такой нѣжной, задумчивой лаской
Вкругъ тѣхъ бѣлыхъ колоннъ обвился виноградъ!

2.

Ночью осенней, холодной,
Дождь барабанитъ въ окно;
Странной тоскою, безплодной,
Бѣдное сердце полно.

Ночью осенней, угрюмой,
Въ мертвой ночной тишинѣ,
Старыя мрачныя думы
Снова слетаютъ ко мнѣ.

Демонъ тоски и сомнѣнья
Снова стоитъ предо мной:
„Гдѣ же твои убѣжденья?
Гдѣ твой счастливый покой“?

Видишь, какъ жалки, ничтожны
Мысли твои и мечты?
Видишь, какъ шатко и ложно
Все, чему вѣрила ты?

Сдайся! напрасны старанья,
Все разсыпается въ прахъ...
Ты вѣдь построила зданье
На переносныхъ пескахъ“!

Демонъ тоски и сомнѣнья
Злобно трясетъ головой:
„Гдѣ же твои убѣжденья,
Гдѣ твой счастливый покой“?

Кн. Марія Трубецкая.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

Коммиссія „о центрѣ“ и записка земскихъ ея членовъ. — Обвинительный актъ, вызванный этой запиской, и настоящее ея значеніе. — Противоположные взгляды на крестьянскій вопросъ. — Коммиссія „о децентрализаціи“ и губернская реформа. — Главное управленіе и особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Никогда еще, кажется, отличительныя черты нашей реакціонной печати не обнаруживались такъ ярко, какъ въ полемикѣ, вызванной „коммиссіею о центрѣ“. Въ занятіяхъ коммиссіи участвовали земскіе дѣятели, явившіеся вѣрными выразителями земскихъ взглядовъ. Этого было достаточно, чтобы потекли цѣлой рѣкой инсинуаціи и вымыслы. О пріемахъ, пущенныхъ въ ходъ новой кампаніей противъ земства, можно судить по тому, что въ длинномъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, съ 27 октября по 1 ноября (подъ заглавіемъ: „Спасатели центра“), совершенно игнорируется коллективная записка земскихъ членовъ коммиссіи, оглашенная въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ началѣ двадцатыхъ чиселъ октября и перепечатанная въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 25-го, 26-го и 27-го того же мѣсяца. Сотрудникъ г. Грингмута, основываясь исключительно на краткихъ извлеченіяхъ изъ журналовъ коммиссіи, утверждаетъ, что земскіе ея члены оставили безъ вниманія экономическія нужды населенія [1]), вмѣсто хлѣба предложили ему книгу, не коснулись ни сравнительно бо́льшаго обремененія центра платежами и повинностями, ни разорительныхъ для него желѣзнодорожныхъ тарифовъ, ни неудобствъ, связанныхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ весьма значительная часть коллективной записки посвящена именно матеріальному положенію, матеріальнымъ потребностямъ центральныхъ губерній. „Система государственнаго хозяйства“—

[1]) Аналогичное обвиненіе взводится на земскихъ членовъ коммиссіи и „Гражданиномъ“ (№№ 85 и 88).

говорятъ земскіе дѣятели—„направлена къ развитію окраинъ за счетъ центра; почти полное отсутствіе производительныхъ затратъ государства въ земледѣльческой полосѣ Россіи приводитъ ее къ наибольшему упадку сравнительно съ другими частями имперіи... Необходимо государственному бюджету хотя нѣкоторую часть средствъ расходовать въ центральныхъ губерніяхъ, въ цѣляхъ поднятія ихъ экономическаго благосостоянія". Средствомъ къ возстановленію равновѣсія, нарушеннаго въ ущербъ центру, земскіе дѣятели видятъ, между прочимъ, въ сложеніи или пониженіи выкупныхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ центральныхъ губерній. Останавливаются авторы записки и на вредномъ для центра вліяніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, но, чуждые односторонности и пристрастія, не рѣшаются настаивать на такой перемѣнѣ, которая, помогая центру, разорила бы окраины, и довольствуются просьбой о новомъ разсмотрѣніи дифференціальныхъ тарифныхъ ставокъ. Наконецъ, очень подробно обсуждается въ запискѣ и вопросъ объ общинномъ землевладѣніи и предлагается рядъ мѣръ, которыми могъ бы быть облегченъ переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному. Во что же обращается, затѣмъ, исходный пунктъ обвинительнаго акта, сочиненнаго на Страстномъ бульварѣ [1])?

Осуждая, per fas et nefas, образъ дѣйствій земскихъ членовъ коммиссіи о центрѣ, реакціонная печать мѣтитъ, собственно говоря, гораздо дальше: она старается доказать несостоятельность земства вообще и губернскаго земства въ особенности, непригодность земскихъ дѣятелей къ роли „свѣдущихъ людей", безполезность или вредъ „земской экспертизы". Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, выступаетъ на сцену обычный намекъ на земскую неблагонадежность. Присмотримся поближе къ нѣкоторымъ доводамъ обвинителей, особенно характернымъ и типичнымъ. Земскіе члены коммиссіи—говорятъ намъ—не могли дать ей цѣнныхъ указаній уже потому, что они принадлежали къ составу губернскихъ управъ, мало знакомыхъ съ положеніемъ народнаго хозяйства и подчиняющихся вліянію „третьяго элемента" (т.-е. служащихъ земству не по выборамъ, а по вольному найму). Губернскія управы избираются губернскими собраніями, больше занимающимися политикой, чѣмъ хозяйствомъ, и не имѣющими, при-

---

[1]) Нѣсколько дней спустя послѣ заключительной главы „Спасателей центра", въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 305) появилась передовая статья, озаглавленная: „Земская коллективная записка". Напрасно было бы, однако, искать въ ней восполненія пробѣла, допущеннаго авторомъ обвинительнаго акта: она посвящена всецѣло разсужденіямъ о формѣ, въ которой выразилось мнѣніе земскихъ дѣятелей. Московской газетѣ не нравится самый фактъ совѣщанія, происходившаго между ними, съ вѣдома и согласія предсѣдателя коммиссіи.

томъ, въ своей средѣ представителей отъ крестьянъ. Предсѣдатели и члены губернскихъ управъ ничѣмъ, поэтому, не отличаются отъ петербургскихъ бюрократовъ и столь же мало видятъ и знаютъ народъ, какъ любой директоръ департамента...—Поразительно, прежде всего, лицемѣріе, которымъ проникнута эта аргументація. Да, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ присутствіе крестьянъ составляетъ *теперь* большую рѣдкость; но почему? Потому что земское Положеніе 1890-го года измѣнило составъ уѣздныхъ собраній, уменьшивъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и сведя выборъ ихъ къ назначенію, въ корнѣ подрывающему ихъ самостоятельность; а кто же усерднѣе реакціонныхъ публицистовъ возражаетъ противъ всякой перемѣны въ этомъ порядкѣ вещей?.. Игнорируется, дальше, тотъ безспорный фактъ, что громадное большинство предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ—гласные того или другого уѣзднаго собранія, имъ избранные въ губернское собраніе и, слѣдовательно, хорошо знакомые съ уѣзднымъ земскимъ хозяйствомъ. Столь же несомнѣнно и то, что члены и, тѣмъ болѣе, предсѣдатели губернскихъ управъ не могутъ быть простыми отголосками мнѣній, навѣянныхъ „третьимъ элементомъ"—не могутъ уже потому, что имъ постоянно приходится не только излагать, но и отстаивать свои взгляды, отвѣчая на запросы, замѣчанія и нападенія гласныхъ. Въ этомъ, между прочимъ, заключается глубокое, существенное различіе между земскими дѣятелями и „бюрократами", столичными или провинціальными. Руководящею нитью для бюрократа служатъ распоряженія свыше, въ подготовкѣ которыхъ онъ, по общему правилу, никакого участія не принимаетъ; руководящею нитью для земской управы служатъ постановленія земскаго собранія, которымъ предшествуетъ свободный обмѣнъ мнѣній. Откуда бы земская управа ни черпала матеріалъ для своихъ предложеній, съ чьею бы помощью ни подготовляла ихъ мотивировку, защита ихъ передъ собраніемъ во всякомъ случаѣ упадетъ всецѣло и прямо на управу, а не на ея статистиковъ, техниковъ и агрономовъ.

Изъ того, что предсѣдатели и члены губернскихъ земскихъ управъ хорошо знакомы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съ положеніемъ мѣстнаго населенія, еще не слѣдуетъ, однако, что они *всегда* могутъ служить *лучшими* его представителями передъ центральною властью. Наиболѣе цѣнной въ участникахъ *исполнительной* коллегіи является *дѣловитость*, умѣнье организовать и вести тѣ или другія отрасли земскаго хозяйства. Нужно, въ добавокъ, чтобы они могли посвятить земскому дѣлу если не всѣ свои силы, то по крайней мѣрѣ большую ихъ часть, не отдавая слишкомъ много мѣста какому-либо другому, постороннему труду. Изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ

этимъ условіямъ, далеко не всѣ обладаютъ тою широтою взглядовъ, тѣмъ разностороннимъ образованіемъ, тою ясностью и убѣдительностью рѣчи, которыя необходимы для пониманія и раскрытія народныхъ нуждъ, для указанія путей къ лучшему будущему—и наоборотъ, лица, наиболѣе способныя говорить отъ имени населенія, сплошь и рядомъ остаются внѣ состава управъ, не чувствуя въ себѣ призванія къ административной дѣятельности или не располагая необходимымъ для нея свободнымъ временемъ. Поставить „земскую экспертизу" на надлежащую высоту могло бы, поэтому, предоставленіе самому земству выбора „экспертовъ", и притомъ не только изъ среды губернскихъ гласныхъ, но и вообще изъ среды мѣстныхъ людей, каково бы ни было ихъ общественное положеніе [1]). А между тѣмъ, одна мысль объ *избраніи* экспертовъ привела бы въ ужасъ именно тѣ органы печати, которымъ непріятно *приглашеніе*, въ качествѣ „свѣдущихъ людей", предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ. У нихъ имѣется наготовѣ другой планъ: полное устраненіе земскихъ дѣятелей отъ участія въ совѣщаніяхъ, организуемыхъ центральною властью, и замѣна ихъ лицами разныхъ сословій, по рекомендаціи губернаторовъ, дѣйствующихъ единолично (мнѣніе „Гражданина") или по соглашенію съ предводителями дворянства (поправка „Московскихъ Вѣдомостей"). Лучше этого плана ничего нельзя и придумать, если девизомъ свѣдущихъ людей должно быть: „чего изволите", или: „какъ вамъ угодно". Повторяемыя отъ лица крестьянъ, эти слова могли бы вызвать опасный оптическій обманъ, позволяя думать, что волостной старшина, указанный земскимъ начальникомъ, служитъ выразителемъ чувствъ и мыслей цѣлаго сословія.

О причинахъ упадка центра земцы, по мнѣнію земствофобовъ, не могли судить безпристрастно уже потому, что они являлись при этомъ судьями въ собственномъ своемъ дѣлѣ, судьями надъ самими собою—или, лучше сказать, должны были бы явиться собственными своими обвинителями: вѣдь „правительству пришлось созвать особое совѣщаніе по выработкѣ мѣръ для возстановленія благосостоянія края, въ составъ коего, какъ бы по странной случайности, *входятъ только земскія губерніи*" (курсивъ въ подлинникѣ). Нѣкоторый—болѣе, впрочемъ, кажущійся, нежели дѣйствительный смыслъ—это разсужденіе

---

[1]) Записка земскихъ членовъ коммиссіи заканчивается слѣдующими словами: „въ послѣднее время правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ, вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ. Для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями ихъ мнѣній".

имѣло бы развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы въ составъ края, служившаго предметомъ совѣщанія, входили *всѣ* земскія губерніи: тогда можно было бы увѣрять, не углубляясь въ суть дѣла, что земство всюду несетъ съ собою разореніе и упадокъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности: центръ, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ (отъ Тулы до Харькова, отъ Калуги и Полтавы до Симбирска и Саратова), обнимаетъ собою не болѣе 13 или 14 губерній [1])—а всѣхъ земскихъ губерній 34 [2]). Уже это одно исключаетъ возможность предполагать причинную связь между существованіемъ земскихъ учрежденій и экономическимъ регрессомъ. Окончательно устраняетъ всякую мысль о ней всѣмъ извѣстный фактъ, что пострадавшею и страдающею является такъ называемая „средне-черноземная полоса", т.-е. географически опредѣленная территорія, съ извѣстными почвенными и климатическими особенностями, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ земледѣлія, съ слабымъ развитіемъ промышленности. Самый беззастѣнчивый софистъ едва-ли рѣшится утверждать, что положеніе центральныхъ губерній было бы не такъ печально, еслибы въ нихъ было меньше школъ, больницъ и агрономическихъ учрежденій, еслибы не было произведено земскихъ статистическихъ изслѣдованій, съигравшихъ главную роль въ раскрытіи и освѣщеніи экономическихъ недуговъ. Остается, затѣмъ, только тягость земскаго сбора—тягость бòльшею частью мнимая и во всякомъ случаѣ ничтожная сранительно съ другими, лежащими на населеніи. Смѣшно было бы думать, что гибельно вліяетъ на народное хозяйство именно тотъ сборъ, который весь цѣликомъ расходуется на мѣстѣ, въ пользу его плательщиковъ. Невольно, притомъ, рождается вопросъ, почему же онъ не оказываетъ такого же вліянія въ другихъ, не-центральныхъ земскихъ губерніяхъ?

Козырной картой въ своей игрѣ реакціонная печать считаетъ, очевидно, слѣдующее умозаключеніе: „нынѣ процвѣтающія окраины (Польша, Балтійскій край, Бѣлоруссія, Литва, Юго-Западъ) въ отношеніи условій быта, культуры, духовнаго развитія, правового порядка *находятся въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и центръ* (кур-

---

[1]) Особенно неблагополучныхъ центральныхъ губерній коммиссія насчитываетъ *девять*.

[2]) Въ составъ коммиссіи о центрѣ вошли земскіе дѣятели изъ *семнадцати* губерній, но между послѣдними есть такія, которыя отнюдь не могутъ быть причислены къ *центру* и находятся въ совершенно другихъ условіяхъ (губ. новгородская, смоленская, вятская, казанская, самарская). Представители ихъ были приглашены, вѣроятно, не въ качествѣ людей, спеціально знакомыхъ съ положеніемъ центра, а въ качествѣ знатоковъ земскаго хозяйства въ его главныхъ чертахъ, вездѣ одинаковыхъ.

сивъ въ подлинникѣ), что не помѣшало въ этихъ мѣстностяхъ (не имѣющихъ земства) подъему благосостоянія населенія". Изобрѣтатели этого полемическаго пріема считаютъ несомнѣннымъ, что еслибы его пустилъ въ ходъ кто-либо изъ членовъ коммиссіи, то авторы земской „белиберды" были бы поставлены въ „тупикъ", прижаты къ стѣнѣ и лишены возможности защищаться [1]). На самомъ дѣлѣ—если и признать доказаннымъ далеко не безспорный фактъ процвѣтанія *всѣхъ* западныхъ окраинъ,—отвѣтъ на мнимо-побѣдоносное возраженіе былъ бы весьма простъ. Чѣмъ неблагопріятнѣе слагаются для данной мѣстности внѣшнія условія, чѣмъ сильнѣе обрушиваются на нее стихійныя бѣдствія, чѣмъ стремительнѣе совершается въ ней переходъ отъ одной хозяйственной стадіи къ другой, чѣмъ быстрѣе изсякаютъ прежніе, обычные источники ея благосостоянія, тѣмъ важнѣе все то, что можетъ приспособить ее къ требованіямъ времени, вооружить ее для борьбы за существованіе, облегчить противодѣйствіе рутинѣ, увеличить запасъ жизненной силы. Такія блага, какъ культура, духовное развитіе, правовой порядокъ, драгоцѣнны, конечно, для всѣхъ, вездѣ и всегда; но особенно чувствительно ихъ отсутствіе именно тамъ, гдѣ на смѣну разрушающагося стараго идетъ новая жизнь—и вмѣсто подготовленной почвы встрѣчаетъ одни пустыри, вмѣсто точекъ опоры—одни препятствія. Западъ Россіи въ меньшей степени, чѣмъ центръ, переживаетъ, въ экономической сферѣ, переходное время—и сообразно съ этимъ меньше испытываетъ послѣдствія тѣхъ политическихъ и культурныхъ недочетовъ, которые такъ тяжело отзываются на центрѣ. Болѣе тщательное изслѣдованіе окраинъ показало бы, быть можетъ, что и тамъ неблагополучно многое, весьма многое; обнаружились бы, быть можетъ, и преимущества, созданныя для нѣкоторыхъ изъ нихъ особенностями ихъ прошлаго (напр. отношеніемъ лютеранскаго духовенства къ народной грамотности). Въ концѣ концовъ балансъ остался бы, по всей вѣроятности, крайне невыгоднымъ для центра, и поворотъ къ лучшему оказался бы здѣсь возможнымъ только при исполненіи условій, намѣченныхъ земскими членами коммиссіи о центрѣ (и еще раньше—цѣлымъ рядомъ уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

Именно здѣсь коренится глубокое, неустранимое разногласіе между приверженцами рутины и сторонниками движенія, между проповѣдниками пассивнаго послушанія и защитниками общественной самодѣятельности. Оно обнаруживается все ирче и ярче каждый разъ,

[1]) Изъ газетныхъ сообщеній видно, что указаніе на повсемѣстность, въ Россіи, одного и того же правового порядка было сдѣлано въ коммиссіи предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами—но не видно, чтобы оно особенно подѣйствовало на земскихъ дѣятелей.

когда ставится на очередь серьозный вопросъ государственной жизни. Усиленіе власти, ограниченіе самоуправленія, обостреніе мѣръ предупрежденія и пресѣченія, рѣзкое разграниченіе сословій, подчиненность „низшаго рода людей", всеобщее молчаніе, нарушаемое только привилегированной прессой и, пожалуй, назначенными „свѣдущими людьми" „ejusdem farinae" — вотъ программа, неизмѣнно выставляемая одною стороною. Естественнымъ ея противовѣсомъ является другая программа, обнимающая собою строгую законность, широкое развитіе общественныхъ учрежденій, независимость суда, равноправность сословій, достаточно огражденную свободу слова, возможность знакомства со взглядами, существующими въ средѣ населенія. Нѣмецкому ученію объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ" противопоставляется указаніе на признаки общественной зрѣлости, все меньше и меньше оставляющіе мѣста для сомнѣній. Полемика, возгорѣвшаяся по поводу коммиссіи о центрѣ—одинъ изъ эпизодовъ давно начавшейся борьбы. Въ запискѣ земскихъ членовъ коммиссіи газетные обскуранты постарались найти или дерзновеніе, или недомысліе, или смѣсь того и другого, между тѣмъ какъ она представляетъ собою только отраженіе убѣжденій, носящихся въ воздухѣ, все больше и больше подтверждаемыхъ фактами, все больше и больше пріобрѣтающихъ власть надъ умами: не даромъ же мысль о необходимости лучшаго правового порядка для массы населенія была высказана, еще пять лѣтъ тому назадъ, бывшимъ министромъ финансовъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ томъ, что чѣмъ тяжелѣе положеніе, тѣмъ больше выходъ изъ него требуетъ бодрости, энергіи, ясности взгляда, а развитіе этихъ качествъ прямо пропорціонально съ одной стороны степени умственной культуры, съ другой — обезпеченности личныхъ правъ и обусловливаемой ею свободы рѣшеній и дѣйствій? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что грамотное населеніе, независимое отъ произвола, сознающее свое достоинство, легче справится съ затрудненіями и невзгодами всякаго рода?... Большой ошибкой было бы, конечно, ожидать, въ тяжелую годину, улучшенія народнаго быта *исключительно* отъ распространенія образованія и расширенія юридическихъ правъ, т.-е. отъ перемѣнъ, дѣйствіе которыхъ сказывается не сразу,—и въ такой ошибкѣ, какъ мы уже видѣли, земскіе члены коммиссіи о центрѣ совершенно неповинны [1]); но еще гораздо бо̀льшей

---

[1]) „Надежду на *лучшее будущее*"—сказано въ земской коллективной запискѣ —„даютъ только просвѣщеніе, подъемъ личности и самодѣятельности, а облегченіе внѣшнихъ условій, *неизбѣжное и необходимое* въ виду крайней тяжести настоящей минуты, не можетъ быть признано радикальнымъ и безъ общихъ мѣръ едва ли приведетъ крестьянское хозяйство въ лучшее состояніе".

ошибкой было бы ограничиться частными мѣропріятіями, имѣющими лишь значеніе палліативовъ.

Что правовое положеніе крестьянъ представляется до крайности ненормальнымъ—этого прямо не отрицаетъ даже реакціонная пресса: она старается только опровергнуть отдѣльныя замѣчанія, высказанныя, по этому поводу, земскими членами коммиссіи. О характерѣ опроверженій можно судить по слѣдующему примѣру. Въ земской коллективной запискѣ было указано, между прочимъ, на ограниченіе личныхъ правъ крестьянина, вытекающее изъ ст. 61-ой положенія о земскихъ начальникахъ (т.-е. изъ дискреціонной карательной власти земскаго начальника). „Какъ будто центръ"—восклицаютъ, въ отвѣтъ на это, „Московскія Вѣдомости",—„воскреснетъ отъ того, что сотня деревенскихъ хулигановъ съ отмѣной 61-ой статьи будетъ имѣть возможность болѣе свободно примѣнять свою профессію"! Итакъ, ст. 61-ая служитъ только орудіемъ обузданія „хулигановъ", въ борьбѣ съ которыми безсильно всякое другое средство! Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно „хулигановъ"—въ деревнѣ гораздо болѣе рѣдкихъ, чѣмъ въ большихъ городахъ, — дискреціонная власть земскаго начальника касается всего рѣже. Выраженіемъ „хулиганства" служатъ проступки, преслѣдуемые по суду и влекущіе за собою уголовную кару—а примѣненіе дискреціонной власти начинается именно тамъ, гдѣ оканчивается сфера дѣйствія уголовнаго закона. Административныя взысканія обрушиваются, главнымъ образомъ, не на буяновъ, не на зачинщиковъ или участниковъ побоищъ и уличныхъ скандаловъ, а на оберегателей уцѣлѣвшихъ остатковъ крестьянскаго самоуправленія, на непослушныхъ членовъ сельскаго или волостного схода, на наивныхъ людей, считающихъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно, а не по чужой указкѣ. Статья 61-ая проводитъ рѣзкую черту между сословіями, подчиняя всѣхъ, стоящихъ ниже этой черты, ничѣмъ не ограниченному произволу. Само собою разумѣется, что отъ *одной* отмѣны этой статьи никто не ожидаетъ ни „воскресенія центра", ни даже существенной перемѣны къ лучшему въ положеніи крестьянъ: но она была бы признакомъ возвращенія къ пути, намѣченному въ 1861-мъ году и совершенно оставленному четверть вѣка спустя. Она знаменовала бы собою торжество юридическихъ нормъ, одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ государства. Вмѣстѣ съ цѣлымъ комплексомъ аналогичныхъ мѣръ, это было бы какъ бы вторымъ освобожденіемъ крестьянъ — освобожденіемъ отъ зависимости менѣе тяжелой, чѣмъ крѣпостная, но едва ли менѣе чувствительной, въ виду умственнаго подъема, совершившагося и совершающагося, несмотря на всѣ преграды, въ средѣ народной массы.

Кульминаціонной своей точки недобросовѣстность ретроградной пе-

чати достигла въ комментаріяхъ „Гражданина“ къ слѣдующему мѣсту земской записки: „надежными должны быть признаны тѣ мѣропріятія, которыя стремятся измѣнить внутреннее соотношеніе между крестьяниномъ и окружившими его тяжелыми условіями сложившейся жизни, *не облегченіемъ этихъ внѣшнихъ условій, а усовершенствованіемъ самого крестьянина, какъ орудія борьбы въ общей экономіи государства*“. Въ „иносказательномъ и метафорическомъ языкѣ“ послѣднихъ словъ, говорящихъ о борьбѣ—„съ кѣмъ? не прибавлено; понимай, какъ кто хочетъ“, — кн. Мещерскій усматриваетъ чуть не призывъ къ государственному перевороту, обращающій „земскихъ Мирабо“ въ подобіе „земскаго конвента“. А между тѣмъ, чтобы понять какъ слѣдуетъ и безъ того ясныя слова, стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ, непосредственно предшествующихъ вышеприведеннымъ. „Спрашивается“—говорятъ авторы записки,—„что же дѣлать: поставить ли крестьянина въ старыя условія жизни и облегчить тѣмъ его положеніе, или научить его, какъ *бороться* съ обступившими его трудностями, дать ему болѣе усовершенствованныя средства въ *борьбѣ за существованіе*“? Нѣсколько раньше въ запискѣ сказано, что „съ точки зрѣнія чисто экономической крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ разсматриваться какъ *орудіе производства*“. Не можетъ быть, слѣдовательно, никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ словахъ, инкриминированныхъ „Гражданиномъ“, идетъ рѣчь объ экономической борьбѣ за существованіе, о борьбѣ съ внѣшними условіями (созданными переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, быстрымъ ростомъ государственнаго и неподвижностью крестьянскаго бюджета). Что̀ сказать, затѣмъ, о пріемахъ „Гражданина“ соединяющаго „чтеніе между строками“ съ не-чтеніемъ другихъ строкъ, усматривающаго въ запискѣ то, чего въ ней нѣтъ, и не желающаго видѣть того, что̀ въ ней есть?.. Для реакціонной печати важно не опроверженіе ненавистныхъ ей мнѣній, а возбужденіе подозрѣній противъ тѣхъ, кто ихъ высказалъ—и въ стремленіи къ этой цѣли она считаетъ излишней разборчивость въ выборѣ средствъ.

На коммиссію о центрѣ записка земскихъ членовъ, разъясненная и дополненная устными ихъ заявленіями, произвела, очевидно, совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ на представителей реакціонной печати. Если предсѣдатель коммиссіи, по соображеніямъ преимущественно формальнаго характера, не нашелъ возможнымъ допустить обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ земцами, то это не помѣшало коммисіи признать *почти единогласно* [1]), что только земство можетъ съ пользою и планомѣрностью проводить въ жизнь мѣры, на-

[1]) См. № 296 „Русскихъ Вѣдомостей“.

правленныя къ увеличенію народнаго благосостоянія, а главнымъ тормазомъ въ этомъ дѣлѣ служитъ недостатокъ земскихъ средствъ. Въ коммиссіи высказывалось пожеланіе, чтобы правительство уступило земству поземельный налогъ и удѣлило въ его пользу часть патентнаго сбора и промысловаго налога. Характерно и то, что всѣ предположенія, на которыхъ, въ концѣ концовъ, остановилась коммиссія, были уже намѣчены въ коллективной запискѣ земскихъ ея членовъ (развитіе кустарной и вообще мелкой промышленности, пониженіе выкупныхъ платежей, увеличеніе заботы о центрѣ, урегулированіе отхожихъ промысловъ, расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, упорядоченіе переселенческаго дѣла и аренднаго пользованія землею). Это—лучшій отвѣтъ на обвиненіе земскихъ дѣятелей въ безучастномъ отношеніи къ насущнымъ нуждамъ народа.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ упрекѣ, дѣлаемомъ земскимъ членамъ коммиссіи—упрекѣ въ равнодушіи къ участи высшихъ классовъ населенія, пострадавшихъ, въ центрѣ Россіи, отнюдь не менѣе крестьянства. Несостоятельность этого упрека очевидна. Для дворянъ-землевладѣльцевъ коренныхъ русскихъ губерній сдѣлано и дѣлается, въ послѣднее время, такъ много, что рѣшительно нельзя себѣ представить, какія еще мѣры могла бы проектировать въ томъ же смыслѣ коммиссія о центрѣ. Въ значительной степени пользовалась и пользуется покровительствомъ и крупная промышленность. Обязанность государства заключается, притомъ, не въ воспособленіи всякой частной нуждѣ, а въ поддержаніи той массы, которая, будучи предоставлена сама себѣ, является безпомощною—и обѣднѣніе которой принимаетъ размѣры всенароднаго бѣдствія. Несомнѣнно, съ другой стороны, что все предпринимаемое въ правильно понятыхъ интересахъ массы благотворно отражается и на меньшинствѣ, связанномъ съ нею безчисленными нитями.

Какъ бы дополненіемъ къ сказанному земскими членами коммиссіи о центрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ противовѣсомъ по отношенію къ кривотолкамъ реакціонной печати, служитъ прекрасная статья И. М. Страховскаго: „Обособленность и равноправность крестьянъ", появившаяся недавно въ газетѣ „Право" (№№ 38, 39 и 40). Она даетъ яркую картину аномалій, которыми такъ богато юридическое положеніе современнаго крестьянства, и съ большою убѣдительностью намѣчаетъ единственный правильный изъ него выходъ, формулируемый такъ: *съ званіемъ крестьянина не должны быть связываемы никакія правовыя ограниченія, ни личныя, ни имущественныя.* Другими словами, крестьянство не должно быть отрѣзаннымъ ломтемъ, не должно быть

окружено плотинами, удерживающими его ниже общаго гражданскаго уровня, обрекающими его на какое-то вѣчное гражданское несовершеннолѣтіе. Подъ именемъ *сельскихъ обывателей* слѣдовало бы разумѣть „всѣхъ дѣйствительныхъ обывателей сельскихъ мѣстностей, безъ различія ихъ происхожденія, подобно тому, какъ городскими обывателями признаются всѣ жители городовъ". Сельскіе уставы, которыми слѣдовало бы замѣнить существующія спеціальныя постановленія о крестьянахъ, должны быть распространены на всѣхъ сельскихъ жителей, обнимая собою управленіе, судъ и землевладѣніе. Спеціально-сельскимъ организаціямъ не должно быть присвоиваемо административно-полицейскихъ функцій. Низшею ступенью сельскаго самоуправленія должно быть каждое отдѣльное поселеніе, слѣдующею за нимъ—мелкая земская единица. Представителемъ, на мѣстахъ, административной власти могъ бы остаться земскій начальникъ, конечно—безъ всякихъ судебныхъ функцій. Сословный волостной судъ долженъ уступить мѣсто избираемому всѣмъ населеніемъ сельскому (совѣстному) судьѣ; вторую инстанцію могъ бы образовать съѣздъ участковыхъ и (по очереди) сельскихъ судей. Все это совершенно вѣрно: спорнымъ кажется намъ только взглядъ автора на общинное землевладѣніе, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ.

Насколько симпатично и своевременно все клонящееся къ устраненію искусственныхъ различій между крестьянствомъ и другими сословіями, настолько опасны и нежелательны попытки закрѣпить эти различія—изданіемъ, напримѣръ, сельскаго устава, предназначеннаго для однихъ крестьянъ, или кодификаціей крестьянскихъ обычаевъ, съ цѣлью обязательнаго ихъ примѣненія въ волостныхъ судахъ и въ инстанціяхъ, стоящихъ надъ волостными судами. Крестьянскіе обычаи, до крайности эластичные, измѣнчивые и трудно опредѣлимые, могутъ и должны служить предметомъ научнаго изслѣдованія, могутъ и должны быть приняты во вниманіе при установленіи окончательной редакціи проекта гражданскаго уложенія; но извлекать изъ нихъ сводъ правилъ, предназначенныхъ для однихъ крестьянъ, значило бы приступать къ починкѣ, съ помощью ненадежныхъ или негодныхъ матеріаловъ, зданія, давно отслужившаго свою службу и подлежащаго сломкѣ. Нужно надѣяться, что газетные слухи о чемъ-то подобномъ окажутся лишенными основанія. Со времени изданія Положеній 1861-го года прошло почти полвѣка: существенно измѣнились всѣ условія русской жизни и сдѣлался не только возможнымъ, но и необходимымъ тотъ рѣшительный шагъ, передъ которымъ не безъ причины отступили, въ свое время, творцы великой крестьянской реформы.

Въ концѣ октября возобновились работы учрежденной еще весною „коммиссіи о децентрализаціи“ (предсѣдатель—членъ государственнаго совѣта С. Ѳ. Платоновъ, члены—товарищи министровъ и главноуправляющихъ). Полное осуществленіе реформы, подготовляемой коммиссіею, поставлено въ зависимость отъ преобразованія уѣзднаго и губернскаго управленія, съ усиленіемъ власти губернатора. Нѣкоторую часть дѣлъ, восходившихъ до сихъ поръ на усмотрѣніе центральной власти, предполагается, однако, теперь же перенести въ категорію оканчиваемыхъ на мѣстахъ. Къ числу функцій губернатора (или генералъ-губернатора) имѣется въ виду отнести, между прочимъ, утвержденіе уставовъ различныхъ кассъ, товариществъ, обществъ и собраній, положеній о стипендіяхъ и обращаемыхъ на общественныя цѣли капиталахъ, а также разрѣшеніе съѣздовъ (кромѣ съѣздовъ раскольниковъ и сектантовъ), выставокъ и публичныхъ чтеній, займовъ, заключаемыхъ земскими собраніями и городскими думами, и назначаемыхъ ими пожизненныхъ пенсій. Безспорно, проектируемая перемѣна облегчитъ, до извѣстной степени, общественную и личную иниціативу, ускоритъ открытіе новыхъ предпріятій и уменьшитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, массу труда, лежащаго на центральныхъ учрежденіяхъ, не увеличивая занятій мѣстной власти (такъ какъ черезъ ея руки и до сихъ поръ проходили, для представленія заключеній, дѣла, которыя теперь предполагается предоставить ея рѣшенію); но столь же безспорно, что существеннаго значенія она имѣть не будетъ. Важно не то, *кто* утверждаетъ уставы и разрѣшаетъ приведеніе ихъ въ дѣйствіе, а то, *что* допускается уставами, и въ какой степени свободна регулируемая ими дѣятельность. Представимъ себѣ, напримѣръ, что однимъ уставомъ, вступающимъ въ силу съ утвержденія мѣстной власти, закрытіе общества предоставляется ничѣмъ не ограниченному усмотрѣнію губернатора—а другимъ уставомъ, требующимъ утвержденія центральной власти, закрытіе общества допускается только въ немногихъ, заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, хоть сколько-нибудь гарантирующихъ противъ административнаго произвола. Не ясно ли, что нѣкоторая потеря времени, сопряженная съ проведеніемъ послѣдняго устава, съ избыткомъ уравновѣшивается бо̀льшею обезпеченностью, которую онъ даетъ вновь учреждаемому обществу? Пускай *пріобрѣтеніе* права будетъ нѣсколько замедлено и затруднено, лишь бы самое право оказалось достаточно прочнымъ и широкимъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Общій ихъ смыслъ, какъ уже было указано нами по поводу манифеста 26-го февраля, заключается въ томъ, что истинно плодотворною децентрализація является только тогда, когда она расши-

ряетъ сферу самоуправленія и самодѣятельности, а не ограничивается увеличеніемъ полномочій мѣстной административной власти.

Въ чемъ именно будетъ состоять задуманная реформа губернскаго управленія—это въ точности еще неизвѣстно: въ форму опредѣленнаго проекта она еще не облечена. Предполагается, повидимому, преобразовать губернское правленіе, теперь служащее чѣмъ-то въ родѣ пятаго колеса въ губернской колесницѣ, и создать губернскій совѣтъ, который замѣнилъ бы собою многіе изъ существующихъ въ настоящее время губернскихъ присутствій, совѣтовъ и комитетовъ. Какую роль должны играть въ губернскомъ совѣтѣ представители земскихъ и городскихъ учрежденій, въ какомъ отношеніи онъ долженъ стоять къ этимъ учрежденіямъ—сказать трудно: а между тѣмъ, именно отъ этого зависитъ отвѣтъ на вопросъ о значеніи и цѣляхъ реформы. Если въ составѣ совѣта, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости" (№ 284), не находится мѣста для члена отъ губернскаго земскаго собранія, засѣдающаго теперь въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи, то отъ губернской реформы нельзя, очевидно, ожидать даже сохраненія за земствомъ той болѣе чѣмъ скромной роли, которая принадлежитъ ему въ настоящее время. Шагомъ назадъ была бы и замѣна нынѣшняго губернскаго училищнаго совѣта особымъ присутствіемъ губернскаго совѣта по дѣламъ народнаго образованія. Первое мѣсто въ этой области съ гораздо бо̀льшимъ правомъ принадлежитъ губернскому предводителю дворянства, избранному хотя бы одною частью мѣстнаго населенія, чѣмъ губернатору, главнымъ назначеніемъ котораго служатъ обязанности совершенно другого рода.

Въ разрѣзъ съ децентрализаціей, хотя бы чисто-административной, идетъ увеличеніе числа и состава о̀ргановъ центральнаго управленія. Расширеніе формы неизбѣжно влечетъ за собою расширеніе содержанія: чѣмъ больше лицъ держатъ въ своихъ рукахъ концы нитей, идущихъ отъ центра къ периферіи, тѣмъ интенсивнѣе вліяніе центра, тѣмъ труднѣе установить предѣлъ, дальше котораго не должно идти вмѣшательство сверху. Не чуждъ, поэтому, нѣкотораго внутренняго противорѣчія оглашенный недавно проектъ устройства, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, состоящаго изъ пяти отдѣловъ: земскаго хозяйства, городского хозяйства, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, дорожнаго и пожарно-строительнаго. Надъ всѣми отдѣлами стоитъ начальникъ главнаго управленія, какъ ближайшій помощникъ министра по завѣдыванію, въ порядкѣ высшаго руководства, дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій и по согласованію ея съ общегосудар-

ственными видами. Правда, новое главное управленіе должно замѣнить собою хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а отчасти и медицинскій; но преемникомъ послѣдняго является, для цѣлаго рода дѣлъ (по медицинскому управленію и врачебно-санитарному надзору), вновь учреждаемое управленіе главнаго врачебнаго инспектора, а нынѣшній составъ хозяйственнаго департамента перейдетъ въ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства скорѣе увеличеннымъ, чѣмъ уменьшеннымъ. Названію всегда болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительное значеніе: болѣе чѣмъ вѣроятно, что *главному управленію* роль *департамента* покажется недостаточно крупной и важной, и оно создастъ для себя цѣлый рядъ новыхъ функцій, въ ущербъ децентрализаціи земскаго и городского дѣла.

Кромѣ главнаго управленія, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается учредить еще особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Общее присутствіе этого совѣта образуется, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ начальниковъ подлежащихъ учрежденій министерства, представителей другихъ вѣдомствъ и пятнадцати мѣстныхъ дѣятелей, назначаемыхъ Высочайшею властью, срокомъ на три года, изъ числа предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и земскихъ и городскихъ гласныхъ. Для разсмотрѣнія болѣе важныхъ дѣлъ къ составу совѣта присоединяются, по приглашенію министра, другіе, помимо постоянныхъ членовъ, мѣстные дѣятели, могущіе принести пользу своими знаніями и опытомъ. Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предназначается для обсужденія важнѣйшихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью развитіе и усовершенствованіе способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а равно для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, требующихъ соглашенія вѣдомствъ или общаго соображенія, въ интересахъ единообразія. Соотвѣтственно этому въ совѣтъ должны быть вносимы: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и общихъ распоряженій, относящихся до мѣстнаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ, и 2) ходатайства земскихъ и городскихъ учрежденій, касающіяся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства. Заключенія совѣта будутъ прилагаемы, въ спискахъ, къ представленіямъ, вносимымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя установленія.

Мысль о совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не нова. Съ особенною обстоятельностью она была развита, лѣтъ тринадцать тому назадъ, проф. Н. М. Коркуновымъ. Проектъ, имъ составленный, отличался отъ вышеизложеннаго съ одной стороны тѣмъ, что выборъ земскихъ членовъ совѣта, въ числѣ десяти, предполагалось предоставить губернскимъ земскимъ собраніямъ, по установленной между ними оче-

реди, съ другой—тѣмъ, что при согласіи всѣхъ вѣдомствъ постановленія совѣта должны были вступать въ окончательную силу, безъ внесенія дѣла въ комитетъ министровъ. Въ послѣднемъ отношеніи новый проектъ несомнѣнно имѣетъ преимущество передъ проектомъ Н. М. Коркунова: шансовъ безпристрастнаго отношенія къ органамъ самоуправленія разрѣшеніе дѣла комитетомъ министровъ представляетъ все-таки нѣсколько больше, чѣмъ разрѣшеніе его учрежденіемъ, большинство котораго состояло бы изъ представителей вѣдомствъ (т.-е. должностныхъ лицъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ верхней ступени іерархической лѣстницы), а предсѣдателемъ былъ бы министръ внутреннихъ дѣлъ. Столь же безспорно, съ другой стороны, что *избраніе* земскихъ представителей, за которое стоялъ Н. М. Коркуновъ, несравненно цѣлесообразнѣе, чѣмъ проектируемое теперь ихъ *приглашеніе* или назначеніе. Въ нашихъ глазахъ, такимъ образомъ, обоимъ проектамъ присущи различные, но одинаково важные недостатки. Мы высказались, въ свое время, противъ предложенія Н. М. Коркунова [1]) и не ожидаемъ существенной перемѣны къ лучшему отъ принятія мѣры, намѣчаемой теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Подтвержденіемъ нашихъ сомнѣній служитъ дѣятельность сельскохозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, результаты которой очень невелики, хотя, по самому существу задачъ совѣта, антагонизмъ между назначенными и приглашенными его членами не можетъ имѣть особенно жгучаго характера. Существенно полезнымъ участіе земскихъ и городскихъ—конечно, выборныхъ—представителей могло бы оказаться только въ составѣ учрежденія, стоящаго въ сторонѣ отъ текущей административной политики. Такимъ учрежденіемъ, какъ мы старались показать при обсужденіи проекта г. Коркунова, является въ Россіи—одинъ только сенатъ.

---

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ №№ 2 и 3 „Вѣстника Европы" за 1891 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

Турецкая политика и македонскій вопросъ.—Дипломатія и общій европейскій миръ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Новыя теченія въ международной политикѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Новая республика въ Америкѣ.

Извѣстно, что нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого полнаго оффиціальнаго благополучія, какъ въ Турціи: въ турецкомъ государствѣ нѣтъ ни печати, ни оппозиціи, ни общественнаго мнѣнія, и все, что рѣшается въ Ильдизъ-Кіоскѣ, становится непреложнымъ закономъ для милліоновъ правовѣрнаго мусульманскаго населенія. Довѣренные совѣтники султана чувствуютъ себя свободными отъ непріятнаго публичнаго контроля, не знаютъ назойливой критики, видятъ кругомъ только преданныя, льстивыя лица и могутъ спокойно поддерживать въ Высокой Портѣ убѣжденіе, что самый счастливый народъ на свѣтѣ—турецкій. Иноземные завистники, правда, нарушаютъ мирное процвѣтаніе нѣкоторыхъ областей, подвластныхъ падишаху, и сѣютъ смуту въ умахъ туземныхъ христіанъ, распространяя превратные взгляды на беззаконія и насилія мѣстныхъ турецкихъ пашей и башибузуковъ; но эти искусственно создаваемыя волненія легко прекращались бы, еслибы мусульманамъ была предоставлена неограниченная свобода дѣйствій, безъ всякаго участія и вмѣшательства иностранной дипломатіи. Турецкіе государственные люди всегда довольны собою и своею системою управленія; они проникнуты безмятежнымъ оптимизмомъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ имперіи, и этотъ оптимизмъ помогаетъ имъ хладнокровно переживать кризисы, которыхъ не вынесла бы никакая другая нація.

Въ своемъ подробномъ дипломатическомъ отвѣтѣ на русско-австрійскія требованія относительно Македоніи Порта изображаетъ положеніе дѣлъ необыкновенно радужными красками. „Оттоманское правительство—говорится въ турецкой нотѣ—получило дружескія предложенія пословъ Австро-Венгріи и Россіи. Несмотря на затрудненія, вызванныя преступными усиліями агитаторовъ, на замѣшательства, произведенныя революціонными шайками, и на значительныя военныя мѣры, которыя вынуждено было принять правительство, достигнутъ былъ все-таки большой прогрессъ въ проведеніи реформъ, предположенныхъ Портою въ согласіи съ дружественными совѣтами двухъ державъ. Правительство выказало чрезвычайное усердіе въ примѣненіи

этихъ реформъ, такъ какъ оно одушевлено твердымъ желаніемъ сохранить спокойствіе и обезпечить независимость страны. Консулы Россіи и Австріи обыкновенно сообщали свои свѣдѣнія генеральному инспектору, Гуссейну Хильми-пашѣ, и послѣдній въ свою очередь знакомилъ консуловъ съ успѣхомъ примѣненія реформъ. Желательно было бы, чтобы эти дружественныя сношенія продолжались. Такъ какъ полномочія генеральнаго инспектора сохраняютъ свою силу еще въ теченіе двухъ лѣтъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ этотъ періодъ времени все устроится въ полномъ порядкѣ, и выполненіе реформъ будетъ доведено до конца. Его величество султанъ, съ обычнымъ своимъ великодушіемъ, назначилъ деньги для раздачи пособій лицамъ, оставшимся безъ крова и пищи, и для возстановленія разрушенныхъ жилищъ, мечетей, церквей и школъ. Гуссейнъ Хильми-паша будетъ слѣдить за распредѣленіемъ этихъ средствъ при участіи контрольной коммиссіи, назначенной султаномъ и составленной изъ представителей всѣхъ различныхъ народностей. Мѣстные нотабли будутъ выбраны въ разныхъ мѣстахъ для той же цѣли. Всѣ разрушенныя селенія, и только они одни, будутъ освобождены отъ налоговъ на одинъ годъ. Амнистія будетъ дарована тѣмъ жителямъ, которые, вслѣдствіе страха или подъ вліяніемъ угрозъ комитетовъ, бѣжали черезъ границу въ Болгарію или искали спасенія въ горахъ. Они будутъ водворены въ своихъ прежнихъ домахъ. Положеніе становится съ каждымъ днемъ все болѣе благопріятнымъ и спокойнымъ. Какъ видно изъ приложеннаго доклада Хильми-паши, всѣ указанія февральской программы приведены въ исполненіе, и можно выразить надежду, что державы оцѣнятъ усилія правительства по достоинству. Единственный пунктъ, примѣненіе котораго пришлось отложить, касается принятія христіанъ на службу въ составъ жандармеріи, но это произошло не по винѣ правительства. Македонскіе христіане побоялись вступить въ ряды жандармовъ, опасаясь мести со стороны комитетовъ; но генеральному инспектору посланы весьма опредѣленныя и точныя распоряженія, и этотъ вопросъ также разрѣшится очень скоро. Относительно ссылки на башибузуковъ нѣтъ надобности высказывать какія-либо замѣчанія, ибо правительство никогда не употребляло башибузуковъ и не пользовалось ихъ услугами. Въ дѣлѣ преобразованія судебныхъ порядковъ Порта находитъ достаточными существующіе законы страны, которыми можно удовлетворить всѣ требованія. Пока правительство занималось этими разнообразными мѣропріятіями, революціонные агитаторы совершали динамитныя покушенія и старались распространять и усиливать безпорядки; тѣмъ не менѣе правительство продолжало вводить реформы".

Эта картина турецкаго благополучія представлена была держа-

вамъ послѣ того, какъ для всей Европы выяснилась безплодность первоначальныхъ надеждъ дипломатіи на установленіе сноснаго порядка вещей въ Македоніи при существующемъ турецкомъ режимѣ; въ силу такого сознанія и были выработаны дипломатіею дополнительныя предложенія, касающіяся прямого участія иностранныхъ консуловъ въ наблюденіи за дѣйствіями мѣстной администраціи и за фактическимъ примѣненіемъ реформъ. Самый вопросъ объ иностранномъ контролѣ былъ совершенно обойденъ молчаніемъ въ отвѣтѣ Порты, и это обстоятельство было равносильно отказу, съ которымъ никакъ не могли примириться великія державы. Представители Австро-Венгріи и Россіи объяснили свою точку зрѣнія въ совмѣстной нотѣ, довольно краткой, но выразительной и отчасти даже суровой. Обѣ державы были „непріятно поражены" увѣреніемъ Порты, что все необходимое для умиротворенія Македоніи уже сдѣлано турецкимъ правительствомъ и что нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо дальнѣйшимъ мѣрамъ; „представленія подобнаго рода неспособны отклонить державы отъ ихъ намѣреній, такъ какъ онѣ хорошо знаютъ, что факты свидѣтельствуютъ въ пользу необходимости требуемыхъ перемѣнъ. Кабинеты дали наглядное доказательство своего довѣрія къ турецкому правительству въ февралѣ этого года, но это довѣріе не оправдалось дальнѣйшимъ ходомъ событій. Даже въ послѣднихъ своихъ требованіяхъ обѣ державы обнаружили всевозможное вниманіе къ интересамъ и затрудненіямъ Порты; въ частности онѣ предполагали оставить администрацію трехъ вилайетовъ въ рукахъ оттоманскаго генеральнаго инспектора, вопреки довольно ясно выраженному настроенію, стремящемуся къ замѣнѣ его иноземнымъ правителемъ, отвѣтственнымъ передъ державами". Въ заключеніе дается настоятельный совѣтъ Портѣ принять всѣ требованія державъ безъ дальнѣйшаго замедленія, ибо „послѣдствія отказа или уклоненія логически вытекаютъ изъ приведенныхъ соображеній и не могутъ ускользнуть отъ вниманія турецкаго правительства".

Таинственные дипломатическіе намеки не произвели бы должнаго дѣйствія на турецкихъ сановниковъ, еслибы заявленія Австро-Венгріи и Россіи не были дружно поддержаны остальными великими державами. На этотъ разъ Турція не могла надѣяться на скрытый разладъ между кабинетами: представители Англіи, Германіи, Франціи и Италіи поочередно подтвердили предъ Портою формальное единодушіе Европы, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній турецкое правительство приняло „въ принципѣ" всѣ требованія державъ. Дипломатія удовлетворена, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, избѣгнувъ прямой неудачи; но практическое рѣшеніе вопроса, конечно, не подвинется впередъ однимъ принципіальнымъ согласіемъ Порты и потребуетъ еще долгихъ переговоровъ о

способахъ осуществленія принятой программы. Тѣмъ временемъ, въ ожиданіи будущихъ практическихъ комбинацій и нововведеній, внутренняя турецкая политика продолжаетъ свое разрушительное дѣло въ Македоніи. Военное усмиреніе христіанскихъ подданныхъ султана идетъ своимъ чередомъ, и корреспонденты иностранныхъ газетъ по прежнему сообщаютъ ужасающія подробности о дѣйствіяхъ турецкихъ войскъ и башибузуковъ. Спеціальный сотрудникъ лондонскаго „Times", вернувшійся недавно съ поѣздки вокругъ Охридскаго озера въ Монастирскомъ вилайетѣ, насчиталъ двадцать-два селенія въ развалинахъ, вдоль одной только главной дороги. „Они были несомнѣнно разрушены войсками,—говоритъ корреспондентъ.—Большинство этихъ селъ совершенно покинуто жителями; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились люди, рѣшившіеся вернуться къ своимъ бывшимъ обиталищамъ; они ютятся въ шалашахъ, кое-какъ устроенныхъ изъ остатковъ прежнихъ домовъ. Въ Касторіи солдаты убили священника, а также двухъ болгаръ. Турецкая коммиссія для выдачи пособій не торопится дѣйствовать, и до сихъ поръ розданы лишь незначительныя суммы". По другимъ свѣдѣніямъ, турецкіе вооруженные отряды слѣдуютъ по пятамъ за коммиссарами, выдающими пособія, и тотчасъ по удаленіи ихъ нападаютъ на получившихъ какія-либо деньги, отбираютъ все, что̀ окажется у жителей, подвергая непокорныхъ жестокимъ побоямъ. Послѣ своего возвращенія въ Монастиръ, англійскій корреспондентъ былъ приглашенъ къ Хильми-пашѣ, который „съ своею обычною откровенностью передалъ ему послѣднія извѣстія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ". Онъ разъяснилъ любознательному англичанину, что во всемъ вилайетѣ сожжено всего семнадцать церквей и селъ, и что, слѣдовательно, изъ двадцати-двухъ разрушенныхъ селеній, видѣнныхъ корреспондентомъ, пять приняты имъ по ошибкѣ за развалины бывшихъ селъ. Мѣстныя власти, по словамъ Хильми-паши, побуждаютъ поселянъ возвратиться въ свои селенія; повсюду выдаются нуждающимся необходимыя средства и орудія для земледѣльческихъ работъ,—что̀ „вѣроятно дѣлается секретно", какъ замѣчаетъ корреспондентъ. Хильми-паша затѣмъ сообщилъ, что „во всей странѣ господствуетъ спокойствіе, жизнь христіанъ ограждена отъ всякихъ опасностей, и февральскія реформы дѣятельно приводятся въ исполненіе". Что касается убитыхъ въ Касторіи двухъ болгаръ и одного священника, то они, вѣроятно,—вовсе не болгаре и не христіане, а турки. „Къ счастью,—прибавляетъ корреспондентъ,—подобная метаморфоза случается рѣдко". Генеральный инспекторъ трехъ вилайетовъ, очевидно, увѣренъ, что македонскія дѣла не оставляютъ желать ничего лучшаго при данныхъ обстоятельствахъ и что никакой серьезной перемѣны не произойдетъ въ этомъ отношеніи въ ближайшемъ будущемъ.

Иностранные дипломаты поневолѣ успокоятся, когда исчезнутъ послѣдніе остатки „мятежниковъ" въ Македоніи и когда острый кровавый кризисъ уступитъ мѣсто хроническому, составляющему нормальное явленіе для Турціи. Подводя итоги балканскимъ событіямъ, придется благодарить судьбу за то, что они не привели къ европейской войнѣ и ограничились лишь огромными и невознаградимыми потерями мѣстнаго христіанскаго населенія.

По приблизительному оффиціальному подсчету, общее число болгаръ, убитыхъ въ Македоніи и Старой Сербіи съ 15-го (2-го) апрѣля настоящаго года, доходитъ до пятнадцати тысячъ, а бѣжавшихъ въ Болгарію остается еще въ предѣлахъ княжества около тридцати тысячъ человѣкъ. Цифры эти очень внушительны съ точки зрѣнія народовъ Балканскаго полуострова, но могутъ казаться неважными могущественнымъ кабинетамъ, озабоченнымъ сохраненіемъ общаго мира въ Европѣ. Впрочемъ, миръ между культурными націями во всякомъ случаѣ не былъ бы нарушенъ даже при болѣе энергическихъ способахъ воздѣйствія на Турцію, такъ какъ бывшая главная охранительница оттоманской имперіи, Англія, высказывается теперь противъ сохраненія турецкаго владычества надъ христіанами, а изъ прочихъ державъ ни одна не имѣла бы достаточно сильныхъ побужденій къ активной защитѣ неприкосновенности турецкаго режима на Балканскомъ полуостровѣ. Прежнія коренныя разногласія по восточному вопросу мало-по-малу смягчились, и то, что возбуждало серьезныя пререканія еще два-три года тому назадъ, сдѣлалось какъ будто безспорнымъ и общепризнаннымъ. Эта перемѣна настроенія есть тоже выигрышъ для сторонниковъ прочнаго европейскаго мира.

Если на ближнемъ Востокѣ положеніе представляется вообще яснымъ и простымъ, то нельзя того же сказать о дѣлахъ Дальняго Востока, окутанныхъ по прежнему непроницаемымъ туманомъ для большинства европейской и русской публики. Относительно балканской политики мы имѣемъ авторитетныя оффиціальныя заявленія, дающія намъ извѣстную руководящую нить при оцѣнкѣ происходящихъ событій; подобныя же положительныя указанія были бы необходимы и по вопросамъ, касающимся Манчжуріи и Кореи. До сихъ поръ нѣтъ возможности разобраться среди противорѣчивыхъ и большею частью тревожныхъ извѣстій, сообщаемыхъ телеграммами англійскихъ и американскихъ газетъ о нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Японіею. Мы хорошо знаемъ, что Россія не имѣетъ никакихъ воинственныхъ, завоевательныхъ плановъ, и что она твердо стоитъ за сохраненіе мира и дружбы со всѣми сосѣдними государствами; въ част-

ности, пріобрѣтеніе Манчжуріи вовлекло бы насъ въ непомѣрныя постоянныя затраты [1]) и не доставило бы намъ взамѣнъ никакихъ реальныхъ выгодъ, разстроивъ только старыя довѣрчивыя отношенія съ двумя азіатскими имперіями, пользующимися особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ самыхъ передовыхъ и энергическихъ державъ Запада. Непріязненные споры съ Японіею и Китаемъ изъ-за Манчжуріи неизбѣжно возстановили бы противъ насъ общественное мнѣніе въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ-Штатахъ, такъ какъ всѣ эти страны непосредственно заинтересованы въ расширеніи свободныхъ торговыхъ связей съ прибрежными и внутренними областями китайской имперіи. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ англо-американской печати, мы систематически, будто бы, ведемъ дѣло къ разрыву не только съ задорною Японіею, но и съ миролюбивымъ Китаемъ, и руководимся при этомъ непонятнымъ стремленіемъ закрыть или стѣснить доступъ иностранныхъ товаровъ на внутренніе китайскіе рынки, куда наши продукты вовсе попасть не могутъ и куда намъ нѣтъ разсчета возить ихъ. Прежде чѣмъ думать объ отдаленныхъ внѣшнихъ рынкахъ, мы должны были бы открыть для національнаго производства нашъ собственный колоссальный внутренній рынокъ, понизивъ пошлины на предметы общаго употребленія и сдѣлавъ важнѣйшіе товары доступными по цѣнѣ для многомилліонной массы русскаго народа. Трудно даже сообразить, какъ и для чего стали бы мы конкуррировать съ американцами и англичанами въ снабженіи китайцевъ промышленными продуктами, которыми не могутъ еще снабжаться съ удобствомъ русскіе потребители; у побережья Тихаго океана всѣ преимущества по внѣшней торговлѣ находятся на сторонѣ такихъ державъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, и вступать съ ними въ соперничество на этой почвѣ путемъ искусственныхъ мѣръ было бы не только безполезно, но и разорительно для насъ самихъ и для всего населенія нашего восточно-азіатскаго края.

Если вѣрить иностраннымъ газетамъ, то всѣ обострившіеся международные споры на Дальнемъ Востокѣ вращаются именно около торгово-промышленныхъ интересовъ, настоящихъ или будущихъ; ради этихъ интересовъ наши войска, будто бы, вновь заняли древнюю столицу Манчжуріи, Мукденъ; по тѣмъ же мотивамъ мы упорно заводимъ какія-то лѣсопромышленныя и иныя предпріятія въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ Кореи, вызывая крайнее раздраженіе японцевъ; изъ-за этихъ мнимыхъ и даже просто фантастическихъ коммерческихъ

[1]) Исправляемъ кстати ошибку, вкравшуюся въ послѣднее наше обозрѣніе (ноябрь, стр. 386): общая сумма дефицитовъ по Приморской области за десятилѣтіе съ 1888 по 1898 годъ, въ размѣрѣ болѣе 150 милл. р., включаетъ и расходы по военному и морскому вѣдомствамъ.

видовъ мы, будто бы, готовы поссориться съ Соединенными-Штатами,— не говоря уже о рискѣ ненужной войны съ Японіею и объ опасности возбужденія противъ насъ неискоренимой національной вражды въ Китаѣ. Все это приписываемое намъ направленіе восточно-азіатской предпріимчивости настолько не вяжется съ общимъ характеромъ нашей международной политики и настолько нелогично и странно само по себѣ, что мы никакъ не можемъ допустить справедливость сенсаціонныхъ сообщеній и слуховъ, неустанно распространяемыхъ по этому предмету англійскими и особенно американскими газетами. Надѣемся, что такого рода враждебнымъ толкамъ и догадкамъ будетъ своевременно положенъ конецъ надлежащимъ оффиціальнымъ разъясненіемъ со стороны нашего дипломатическаго вѣдомства.

На банкетѣ лондонскаго лорда-мэра 9 ноября (нов. ст.) одинъ изъ ораторовъ напомнилъ, что новый избранникъ Сити является семьсотъ-первымъ выборнымъ главою городской корпораціи въ послѣдовательномъ порядкѣ преемства: болѣе семи столѣтій существуетъ въ Англіи ничѣмъ не прерываемая традиція свободнаго самоуправленія, и традиціонный ежегодный праздникъ въ Гильдголлѣ служитъ издавна мѣстомъ произнесенія министерскихъ рѣчей, излагающихъ общіе взгляды правительства на текущіе вопросы политики. Глава кабинета, имѣвшаго въ своемъ составѣ виновника бурской войны, Чемберлена, высказывалъ на этотъ разъ мысли, очень далекія отъ тенденцій корыстнаго національнаго имперіализма. Упомянувъ о рѣшеніи третейскаго суда по дѣлу о границахъ Аляски, Бальфуръ назвалъ это рѣшеніе— хотя и неблагопріятное для Канады и Англіи—„въ высшей степени благотворнымъ въ глазахъ каждаго, кто желаетъ, чтобы всѣ подобныя причины споровъ между цивилизованными націями были одна за другою устранены разъ навсегда". Новѣйшій англо-французскій договоръ объ арбитражѣ, по мнѣнію Бальфура, свидѣтельствуетъ о непрерывномъ, все болѣе усиливающемся распространеніи той идеи, что война не должна считаться правильнымъ и разумнымъ способомъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ между культурными государствами; для избѣжанія же этого ни съ чѣмъ несравнимаго бѣдствія мы имѣемъ только два пути—„или передачу возникшихъ споровъ безпристрастному судилищу, рѣшеніе котораго заранѣе признавалось бы окончательнымъ, или открытый и свободный обмѣнъ взглядовъ, который и въ публичной жизни, какъ и въ частной, является вѣрнѣйшимъ средствомъ для устраненія взаимныхъ недоразумѣній". Съ этой точки зрѣнія британскій премьеръ считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы современный кризисъ на Дальнемъ Востокѣ привелъ къ кровавой раз-

вязкѣ. „Зная горячую приверженность русскаго правительства къ интересамъ общаго мира, — замѣтилъ далѣе Бальфуръ, — мы можемъ быть спокойны, тѣмъ болѣе, что наши союзники, японцы, настолько же отличаются сдержанностью и умѣренностью въ своихъ требованіяхъ, какъ и *твердостью* въ проведеніи послѣднихъ на практикѣ".

Несомнѣнно, что въ общемъ тонѣ рѣчи Бальфура чувствуется нѣчто большее, чѣмъ простое миролюбіе, вызываемое обстоятельствами даннаго политическаго момента. Принципъ международнаго третейскаго суда, причислявшійся еще недавно къ разряду безплодныхъ мечтаній, начинаетъ рѣшительно входить въ область практической политики, и въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ поворотъ, замѣчаемый въ классической странѣ вѣковыхъ традицій—Англіи. Не менѣе поразительна перемѣна господствующихъ взглядовъ на международное положеніе въ другой передовой странѣ Европы—во Франціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавалось еще опаснымъ для французскаго политическаго дѣятеля публично выражать мнѣніе о нежелательности какихъ бы то ни было войнъ, хотя бы дѣло шло объ обратномъ завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи; въ настоящее же время докладчикъ бюджетной коммиссіи въ парламентѣ находитъ возможнымъ проповѣдывать разоруженіе, какъ истинный идеалъ современной демократической Франціи.—„Франція—говорилъ де-Прессансѐ въ засѣданіи палаты депутатовъ 20 ноября (нов. ст.) — не должна вѣчно идти по стопамъ Людовика XIV или Наполеона; она имѣетъ предъ собою другія задачи. Необходимо отречься отъ разорительныхъ и безплодныхъ приготовленій къ убійственнымъ войнамъ; перестанемъ бросать милліоны въ пропасть милитаризма, при обезпеченномъ мирѣ, и тратить на содержаніе казарменной бюрократіи тѣ средства, въ которыхъ мы вынуждены отказывать полезнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Довольно намъ возиться съ мелочною политикою, проводимою со дня на день уже въ теченіе тридцати лѣтъ; нужно намъ больше воздуха, больше простора въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Мы должны вмѣстѣ съ другими націями остановить подавляющій ростъ вооруженій. Облегченная отъ этого бремени, страна будетъ въ состояніи доставить торжество идеямъ свободы и справедливости". Эти призывы къ отреченію отъ системы вооруженнаго мира и отъ связанныхъ съ нимъ воинственныхъ надеждъ дѣлались отъ имени парламентской бюджетной коммиссіи и встрѣчались продолжительными рукоплесканіями на скамьяхъ республиканскаго большинства. Бывшій президентъ палаты, умѣренный Поль Дешанель, выступившій еще наканунѣ съ пространною рѣчью объ иностранной политикѣ вообще, коснулся той же щекотливой темы и почти въ томъ же духѣ, несмотря на свою природную склонность къ консервативному оппортунизму. „Нѣтъ ни одного

международнаго вопроса—заявилъ онъ между прочимъ,—который не могъ бы быть разрѣшенъ миролюбиво на основаніи принциповъ послѣдней конвенціи объ арбитражѣ. Мечтатели суть тѣ, которые думаютъ, что война будетъ вѣчно сопутствовать человѣчеству". Однако, Поль Дешанель не вѣритъ въ скорую осуществимость разоруженія и полагаетъ, что во всякомъ случаѣ иниціатива такого рода проектовъ должна исходить не отъ Франціи. Противъ болѣе смѣлыхъ замѣчаній де-Прессансѐ возражалъ спеціалистъ по колоніальнымъ вопросамъ, Этьеннъ; но и онъ признаетъ великое значеніе идеи международнаго третейскаго суда. Не слѣдуетъ, по словамъ Этьенна, къ арбитражу присоединять разоруженіе; о послѣднемъ подобаетъ говорить не французамъ, а представителямъ другой державы, выдвинутой на первый планъ успѣшными грандіозными войнами. О разоруженіи могла бы поднять вопросъ и союзница Франціи, Россія; но французы не могутъ брать на себя починъ, который легко былъ бы истолкованъ въ унизительномъ для нихъ смыслѣ. „Умоляю страну—закончилъ Этьеннъ—не забывать прошлаго, помнить испытанныя бѣдствія и не создавать стѣснительныхъ обязательствъ для будущаго". Депутатъ де-Прессансѐ поспѣшилъ успокоить возражателей: никогда онъ не думалъ предлагать немедленное разоруженіе. Онъ хотѣлъ только сказать, что „безполезно участвовать въ бѣшеной скачкѣ вооруженій, жертвовать на нее милліардами и постоянно говорить о возмездіи, котораго никто не желаетъ и никто никогда не желалъ". Прямое отрицаніе завѣтной мечты о возмездіи едва ли не впервые раздается съ французской парламентской трибуны въ такой рѣзкой насмѣшливой формѣ; Жорѐсъ высказался въ свое время болѣе осторожно и деликатно. Слова де-Прессансѐ не возбудили никакого протеста въ палатѣ, а на вопросъ нѣкоторыхъ націоналистовъ, говоритъ ли ораторъ отъ имени всей бюджетной коммиссіи, предсѣдатель послѣдней, бывшій тонкинскій генералъ-губернаторъ Думѐ, объявилъ, что въ подобныхъ случаяхъ докладчикъ, разумѣется, высказываетъ только свои личныя мнѣнія. Понятно было само собою, что бюджетная коммиссія не имѣла повода обсуждать вопросъ о разоруженіи или о вѣроятности будущаго возмездія за седанскую катастрофу; но противъ громко высказаннаго мнѣнія докладчика не протестовалъ ни одинъ изъ прочихъ членовъ коммиссіи, а замѣчаніе ея предсѣдателя было вызвано лишь прямыми запросами нѣсколькихъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Въ этомъ характерномъ инцидентѣ какъ нельзя яснѣе проявилось истинное отношеніе французскаго народнаго представительства къ задачамъ внѣшней политики Франціи.

Движеніе въ пользу международнаго третейскаго суда, какъ способа предупрежденія войнъ, принимаетъ реальныя практическія формы

въ соотвѣтственныхъ международныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ; по примѣру англо-французской конвенціи ожидается франко-итальянская, за которою вѣроятно послѣдуетъ и франко-испанская. Цѣлая сѣть такого рода трактатовъ образуетъ собою матеріалъ для новыхъ обязательныхъ положеній и обычаевъ международнаго права, которое, быть можетъ, постепенно перестанетъ быть сферою односторонняго господства права силы. Въ этомъ же новомъ направленіи дѣйствуютъ сторонники нейтрализаціи всѣхъ небольшихъ государствъ Европы, по образцу Швейцаріи и Бельгіи, о чемъ профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ помѣстилъ интересную статью въ послѣдней книжкѣ „Revue des deux Mondes" (отъ 15 ноября); почтенный авторъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду признаніе нейтралитета Даніи, какъ страны, владѣющей проливами Зундскимъ и Бельтскимъ и держащей, слѣдовательно, въ своихъ рукахъ выходъ изъ Балтійскаго моря къ океану. Конечно, соображенія о важности этихъ проливовъ, напоминающихъ автору Босфоръ и Дарданеллы, не имѣютъ непосредственной связи съ общею мыслью о желательномъ нейтралитетѣ всѣхъ маленькихъ державъ, хотя бы и не обладающихъ никакими проливами; но не подлежитъ сомнѣнію, что формальное обезпеченіе неприкосновенности Голландіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи было бы дальнѣйшимъ шагомъ на томъ пути, который долженъ привести къ новому устройству международнаго права, какъ основы взаимныхъ отношеній народовъ въ культурномъ мірѣ.

Къ удивленію многихъ наблюдателей французской политической жизни, министерство Комба держится твердо на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ съ неизмѣнною энергіею и настойчивостью начатую борьбу противъ клерикализма. Во время недавнихъ преній о новомъ школьномъ законѣ кабинетъ одержалъ весьма важную побѣду надъ многочисленными и вліятельными противниками, къ числу которыхъ принадлежали далеко не одни клерикалы. Въ сенатѣ обсуждался внесенный правительствомъ законопроектъ объ условіяхъ учрежденія и организаціи среднихъ учебныхъ заведеній; предполагалось прежде всего уничтожить ту мнимую свободу обученія, которая установлена была въ 1850 году такъ называемымъ закономъ Фаллу̀ и которая фактически отдала дѣло средняго образованія въ руки духовныхъ и іезуитскихъ коллегій. Подъ видомъ свободныхъ частныхъ школъ устроилась обширная сѣть воспитательныхъ заведеній и училищъ духовно-католическаго или монашескаго типа, и никакія частныя лица и общества не могли въ этой области конкуррировать съ могущественными, крѣпко организованными и богатыми конгрегаціями. Значительная часть юношества въ республиканской Франціи воспитывалась подъ

руководствомъ представителей разныхъ монашескихъ орденовъ, и такое положеніе вещей не могло, конечно, считаться нормальнымъ. Предшествовавшее министерство Вальдека-Руссо рѣшилось наложить руку на таинственныя монастырскія учрежденія, расплодившіяся во Франціи въ неимовѣрномъ количествѣ и имѣвшія свой истинный центръ внѣ ея границъ, въ Римѣ. Изданъ былъ законъ объ ассоціаціяхъ 1901 года, направленный главнымъ образомъ противъ духовныхъ и монашескихъ союзовъ. Кабинетъ Комба взялъ на себя введеніе этого закона въ жизнь, и онъ исполняетъ свою задачу съ замѣчательною прямолинейностью, которая, очевидно, соотвѣтствуетъ идеямъ и чувствамъ передовыхъ республиканскихъ группъ. Комбъ пошелъ значительно дальше Вальдека-Руссо и путемъ правительственныхъ декретовъ заставилъ ликвидировать множество духовныхъ учрежденій, которыя могли бы сохранить свое существованіе въ силу закона 1901 года. Ни одна изъ конгрегацій, занимавшихся дѣломъ преподаванія, не получила разрѣшенія продолжать свою дѣятельность, и всѣ попытки обойти запрещеніе привели только къ дальнѣйшимъ радикальнымъ мѣрамъ, которыя естественно вызывали горячіе протесты въ извѣстной части французскаго общества. Эти чисто внѣшніе пріемы борьбы съ клерикализмомъ едва ли достигаютъ цѣли и, быть можетъ, даже усиливаютъ скрытое вліяніе монашескихъ орденовъ на умы набожной части населенія; но французы предпочитаютъ дѣйствовать принудительно и противъ духовныхъ враговъ, не полагаясь на одни нравственныя и образовательныя средства.

Продолжительныя пренія французскаго сената о школьномъ законѣ представляли выдающійся интересъ и по важности затронутыхъ вопросовъ, и по содержанію произнесенныхъ рѣчей. Отмѣна закона Фаллу возбуждала мало разногласій, и борьба велась преимущественно на почвѣ политическихъ принциповъ, понимаемыхъ такъ или иначе въ области народнаго образованія. Одни доказывали, что частная и общественная свобода, лежащая въ основѣ республиканскихъ учрежденій, безусловно предполагаетъ и свободу обученія, и что эту свободу нельзя отнять и у лицъ, преданныхъ католичеству; другіе утверждали, что воспитаніе новыхъ поколѣній составляетъ задачу государства и не должно быть выпускаемо изъ рукъ правительственныхъ органовъ; третьи, наконецъ, избирали средній путь, предлагая установить для свободнаго основанія частныхъ школъ извѣстныя законныя условія, соблюденіемъ которыхъ исчерпывалась бы роль государства въ данномъ случаѣ. Правительство приняло эту послѣднюю систему, которую можно, по нашему, назвать явочною; но оно обставило ее такъ, что дѣло обученія останется вполнѣ закрытымъ для духовныхъ конгрегацій. Отъ учредителей и преподавателей средней школы бу-

дутъ требоваться документы и дипломы, удостовѣряющіе ихъ научную и практическую подготовку къ учебнымъ занятіямъ; сверхъ того, требуется заявленіе о томъ, что просители не принадлежатъ ни къ какой духовной конгрегаціи, хотя бы и дозволенной. Первоначальный проектъ закона упоминалъ только о принадлежности къ недозволенной конгрегаціи; но въ послѣднюю минуту, въ засѣданіи 20 ноября, министръ-президентъ Комбъ, вопреки настоятельнымъ доводамъ Вальдека-Руссо, принялъ поправку Дельпеша, которою дѣйствіе означеннаго запрещенія распространяется на всѣ вообще духовныя учрежденія, не исключая и дозволенныхъ. Въ такомъ исправленномъ видѣ законъ одобренъ былъ большинствомъ 147 голосовъ противъ 136, и отнынѣ частное среднее образованіе во Франціи можетъ получить исключительно свѣтскій характеръ, который затѣмъ сдѣлается вѣроятно обязательнымъ и для низшихъ элементарныхъ школъ. Успѣху министерскаго проекта много содѣйствовалъ сенаторъ Клемансо, оказавшій существенную поддержку Комбу въ критическій моментъ столкновенія его съ Вальдекомъ-Руссо. Возраженія бывшаго министра-президента основывались отчасти на текстѣ закона объ ассоціаціяхъ: въ этомъ законѣ подробно говорится о способахъ и формахъ оффиціальнаго разрѣшенія духовныхъ конгрегацій, посвящающихъ свою дѣятельность образованію и обученію юношества; эти постановленія теряютъ всякій смыслъ и оказываются совершенно безцѣльными, если всякія вообще конгрегаціи безусловно устраняются отъ педагогической дѣятельности. Зачѣмъ же допускать такое явное противорѣчіе и несообразность въ одновременно дѣйствующихъ законахъ? Эти и подобные имъ аргументы были легко опровергнуты, во-первыхъ, указаніемъ на то, что позднѣйшій законъ можетъ отмѣнить правила, прежде изданныя, и во-вторыхъ, обычными ссылками на требованія общественной и политической пользы, побудившія и самого Вальдека-Руссо во многомъ отступить отъ предписаній юридической логики и послѣдовательности при выработкѣ закона объ ассоціаціяхъ.

Въ началѣ ноября (нов. ст.) возникло въ Америкѣ новое маленькое государство, путемъ отдѣленія области Панамскаго перешейка отъ Колумбіи по желанію вліятельной части населенія, при дѣятельномъ участіи и подъ явнымъ покровительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Причины и характеръ этого событія выясняются изъ новѣйшей исторіи знаменитаго Панамскаго канала. Послѣ неудачи предпріятія французской компаніи Лессепса, правительство Соединенныхъ-Штатовъ вступило въ переговоры съ Колумбіею объ условіяхъ окончанія начатаго дѣла; въ послѣднее время проектъ соглашенія, выработан-

ный уполномоченными обѣихъ сторонъ, былъ уже принятъ сѣвероамериканскимъ конгрессомъ, но вызвалъ сильныя возраженія въ Колумбіи и былъ наконецъ единодушно отвергнутъ народнымъ представительствомъ этой страны. Это неожиданное рѣшеніе Колумбіи, подвергавшее опасности всю будущность многомилліонныхъ и чрезвычайно важныхъ для культурнаго міра сооруженій, возбудило понятное неудовольствіе въ массѣ заинтересованныхъ лицъ и мѣстныхъ жителей; этимъ неудовольствіемъ и воспользовался вашингтонскій кабинетъ, имѣвшій наготовѣ и свои военныя суда около Панамы. Мѣстные „нотабли", вдохновляемые американцами, провозгласили независимость Панамской области и организовали временное правительство, которое тотчасъ же оффиціально сообщило Соединеннымъ-Штатамъ объ образованіи новаго государства; американцы немедленно же оказали защиту и поддержку Панамѣ, преградивъ доступъ къ ней колумбійскимъ броненосцамъ. Панамское правительство поспѣшило согласиться на всѣ американскія требованія относительно прорытія перешейка и въ то же время гарантировало французамъ полное удовлетвореніе ихъ законныхъ финансовыхъ претензій, связанныхъ съ правами и интересами участниковъ бывшей панамской компаніи. Новорожденное государство было формально признано Соединенными-Штатами, а затѣмъ Франціею и Германіею; дипломатическіе протесты Колумбіи и ея агентовъ остались, какъ говорится, „безъ послѣдствій". Сооруженіе Панамскаго канала будетъ теперь доведено до конца при ближайшемъ участіи великой американской республики, которая явится наиболѣе надежною покровительницею предпріятія, и потому совершившаяся перемѣна въ судьбѣ Панамы представляетъ собою пріятное событіе не только для американцевъ и французовъ, но и для всего культурнаго міра.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1903.

I.

— Т. Циглеръ, проф. страсбургскáго университета. Очеркъ общей педагогики. Переводъ съ нѣмецкаго М. Ефремовой, подъ ред. М. Лихарева. Спб. 1903.

Жалобы на недостатки нашей школы сдѣлались общимъ мѣстомъ; о нихъ говорятъ въ каждой семьѣ, пишутъ въ газетахъ, обсуждаютъ въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ. Практически дѣло отъ этого не двигается впередъ, потому, быть можетъ, что для насъ не наступили еще тѣ времена, когда жизнь будетъ подчиняться идеямъ и мнѣніямъ не вліятельнѣйшихъ, но разсудительнѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Однако, среди причинъ, которыми обусловливается печальное положеніе нашей школы, нерѣдко упускается изъ вида одна, нелегко поддающаяся внѣшнему наблюденію и находящаяся въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ строемъ умственной и нравственной жизни общества. Причина эта— отсутствіе понятій объ истинномъ воспитаніи и вытекающее отсюда неумѣніе поставить заботу о немъ на правильную почву; поэтому такія книги, какъ, напримѣръ, „Очеркъ общей педагогики“ Циглера, могутъ оказаться весьма полезными и сослужить хорошую службу нашей читающей публикѣ.

Книга проф. Циглера составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ высшемъ свободномъ германскомъ институтѣ, и въ Гамбургѣ; къ нимъ сдѣлано добавленіе изъ академическихъ лекцій по общей педагогикѣ, читанныхъ въ страсбургскомъ университетѣ. Посвящая свои лекціи не столько отдѣльнымъ школьнымъ вопросамъ, сколько самымъ общимъ задачамъ народнаго (въ широкомъ смыслѣ) воспитанія, Циглеръ все время имѣетъ въ виду современную постановку этого воспитанія и приходитъ къ мысли о необходимости коренной реформы въ нравственно-соціальномъ духѣ. По

замѣчанію автора, зависимость между соціальнымъ вопросомъ и народнымъ воспитаніемъ еще очень мало понимается какъ правительствами, такъ и парламентами, и политическими и соціальными партіями (дѣло идетъ о Германіи), и вотъ почему вопросъ о реформѣ постоянно наталкивается на всякаго рода трудности и препятствія.

„Но если бы меня спросили, въ чемъ же состоитъ соціальный характеръ новѣйшей педагогики,—говоритъ авторъ въ введеніи,—то я, вмѣсто словеснаго опредѣленія, могъ бы указать на Песталоцци, этого великаго соціалиста и пролетарія среди педагоговъ, который скорбѣлъ о своемъ народѣ. Поэтому онъ хотѣлъ его воспитать, указывая на заключающіяся въ трудѣ силу и поддержку и желая дать ему выходъ изъ тяжелой нужды „въ рабочей ассоціаціи". Или—я могу указать на Платона и его смѣлыя мысли о государственномъ воспитаніи въ народѣ добродѣтели и готовности служить добру. Но одного указанія подобныхъ типовъ и наглядныхъ образцовъ еще недостаточно: вѣдь и они были дѣтьми своего времени, и потому ихъ теоріи слѣдуетъ понимать и толковать примѣнительно къ нашему времени". Съ такими общими принципами авторъ приступаетъ къ выясненію цѣли и мотивовъ воспитанія, затѣмъ къ характеристикѣ самаго дѣла воспитанія (физическаго, умственнаго и чувствъ и воли) и, наконецъ, указываетъ на наилучшіе способы организаціи воспитанія. Говоря о цѣли и мотивахъ воспитанія, авторъ указываетъ на вредныя послѣдствія того, что воспитаніе считали только обязательнымъ для нѣкоторыхъ классовъ народа. „Такой взглядъ уже жестоко отомстилъ за себя,—говоритъ Циглеръ:—въ религіозномъ воспитаніи, вслѣдствіе этого, исчезла истинная религіозность и большая доля здоровой правдивости, и, вообще, вслѣдствіе этого образовалась пропасть между образованнымъ и необразованнымъ, которая всегда является роковой для всего народа и которая такъ сильно затрудняетъ въ наше время рѣшеніе соціальнаго вопроса: мы перестали понимать другъ друга".

Весьма небезполезно было бы познакомиться инымъ изъ нашихъ педагоговъ со взглядами Циглера относительно орѳографіи, изъ которой онъ, конечно, не творитъ себѣ кумира, или съ указаніемъ на характеръ школьнаго преподаванія исторіи. Авторъ находитъ преподаваніе культурной исторіи не подъ силу школьникамъ и въ этомъ отношеніи является сторонникомъ прежняго взгляда, который понималъ подъ исторіей въ школѣ исключительно политическую исторію, „такъ какъ человѣкъ есть ζῶον πολιτικόν (политическое созданіе), и такъ какъ государство является наиболѣе всеобъемлющей формой для всякой человѣческой совмѣстной жизни и совмѣстной дѣятельности, то политическая сторона и остается для него на первомъ планѣ. Точно такъ же историческая смѣна культурныхъ обстоятельствъ

не такъ замѣтна на медленныхъ измѣненіяхъ, какъ на могучихъ политическихъ событіяхъ, опредѣляющихъ положеніе народа въ мірѣ, а вслѣдствіе этого и уровень его культуры". Большой интересъ представляютъ сужденія автора о состояніи религіознаго преподаванія въ школѣ. Онъ называетъ это состояніе „достойнымъ жалости" и, между прочимъ, отмѣчаетъ тѣ недоразумѣнія, которыя возникаютъ изъ претензіи преподавателей религіи поставить религіозное преподаваніе въ центрѣ остального и создать изъ него вѣнецъ цѣлаго. Указывая, какъ поправить дѣло, авторъ не находитъ, однако, единственнаго и безусловно правильнаго рѣшенія, но высказываетъ предположеніе, не должно ли быть введено, по примѣру Франціи, наряду съ религіознымъ преподаваніемъ особое этическое обученіе. Будучи сторонникомъ того взгляда, что школа должна быть независима отъ духовенства и находиться всецѣло въ вѣдѣніи государства, Циглеръ особенно настаиваетъ на томъ, что государство обязано позаботиться объ учителяхъ, объ ихъ пропитаніи и воспитаніи: „оно должно предоставить своимъ учителямъ положеніе, соотвѣтствующее ихъ тяжелому и важному призванію, должно обставить школы достойнымъ образомъ и щедро снабдить всѣмъ необходимымъ для ея цѣлей; государство не въ правѣ сурово отодвигать на задній планъ эту внутреннюю и самую важную культурную задачу, ради внѣшнихъ дѣлъ и задачъ". И это говорится о положеніи нѣмецкихъ учителей, являющемся, напримѣръ, съ нашей точки зрѣнія прямо идеальнымъ, если сравнить его съ положеніемъ нашихъ учителей въ средней и низшей школѣ.

Уже изъ этого указанія на объемъ и характеръ книги видно, насколько она является кстати въ моментъ нашихъ заботъ и мечтаній объ улучшеніи строя нашей родной школы. Переводъ выполненъ добросовѣстно и книга читается легко.

II.

— Евгеній Жураковскій. Симптомы литературной эволюціи. Критическіе очерки. М 1903.

„Добрыя побужденія руководили авторомъ при изданіи этой книги", —говорится во введеніи.—„Мученія вопросами философскими, соціальными и психологическими сопутствуютъ внутреннюю жизнь каждаго вдумчиваго человѣка. Разрѣшить эти вопросы не дано не только отдѣльнымъ личностямъ, но и всему человѣчеству, которое вѣчно стремится, вѣчно ищетъ, и въ этомъ исканіи заключается духовная его жизнь".

Добрыя побужденія автора, конечно, весьма похвальны, но ихъ, къ сожалѣнію, недостаточно, особенно при той универсальности въ постановкѣ вопроса, съ какой авторъ смотритъ на рѣшеніе важнѣйшихъ задачъ жизни. Несмотря на это, авторъ высказываетъ предположеніе, что его книга поможетъ разобраться во многихъ вопросахъ, или наведетъ на мысль о такихъ явленіяхъ, которыя въ общей картинѣ дадутъ матеріалъ для духовной работы. Знакомство съ книгой г. Жураковскаго наводитъ, однако, на мысли иного рода, и, прежде всего, о томъ, что подобная духовная работа, вызванная по рецепту автора, будетъ совершенно безплодной.

Критическое освѣщеніе разнаго рода вопросовъ въ связи съ выборомъ очерковъ, посвященныхъ различнымъ писателямъ, обнаруживаетъ въ авторѣ большую наивность. Вопросъ соціальный, по выраженію автора, „представленъ въ основныхъ чертахъ“ въ творчествѣ Бомарше. Вопросы философскіе—„глубоко затрагиваются въ романтическомъ освѣщеніи Баратынскаго, философскій умъ и глубину мыслей котораго такъ глубоко цѣнилъ Пушкинъ, приходя къ сознанію сравнительной слабости своей въ этомъ отношеніи“ (?)... Гаршинъ является для автора художникомъ тѣневыхъ красокъ русской жизни; въ Леонидѣ Андреевѣ раскрываются (!) загадки тайной личной жизни; по поводу пьесы Горькаго „На днѣ“, авторъ приходитъ къ слѣдующему утѣшительному выводу: „житейскій адъ можетъ вызвать горькія чувства и мрачныя мысли, но самый процессъ размышленія о томъ, что̀ происходитъ на днѣ жизни, успокоитъ терзанія совѣсти за обездоленное человѣчество“. Стоитъ подумать только во слѣдъ г. Жураковскому о томъ, что̀ происходитъ на днѣ жизни,—и совѣсть моментально успокоится: совсѣмъ, значитъ, не такъ мудрено разрѣшать сложныя соціальныя задачи, какъ объ этомъ говоритъ г. Жураковскій въ началѣ своего предисловія.

Въ свои очерки авторъ вкладываетъ гораздо болѣе темперамента, чѣмъ ясныхъ положеній и оригинальныхъ выводовъ. Относительно Леонида Андреева, называемаго имъ мистификаторомъ жизни, „который всюду разыскиваетъ таинственное и мистическое тамъ, гдѣ для обычнаго взгляда все просто и ясно“, авторъ говоритъ: „мистификація жизни, изслѣдованіе ея тайнъ и окутываніе мистическимъ туманомъ жизненныхъ явленій проявляется и въ другихъ разсказахъ“... Какая же связь между изслѣдованіемъ жизни и окутываніемъ ее въ туманъ? Кто же повѣритъ изслѣдователю, который сознательно прячетъ результаты своихъ изслѣдованій въ темную комнату вмѣсто того, чтобы вынести ихъ на ясный свѣтъ Божій?! Символизмъ г. Андреева авторъ называетъ здоровымъ. Ему, по словамъ автора, принадлежитъ будущее: „это то теченіе, которое смѣнило реализмъ, такъ какъ разсудочный

и холодный псевдо-классицизмъ былъ вытѣсненъ приторнымъ и подогрѣтымъ сантиментализмомъ, какъ туманный, воздушный романтизмъ, возникшій рядомъ съ сантиментализмомъ, смѣнился правдивымъ реализмомъ"... Таковы представленія автора о смѣнѣ историческихъ направленій въ нашей литературѣ, дѣлающія понятными сопоставленія съ точки зрѣнія литературной эволюціи въ группѣ современныхъ писателей Льва Толстого, Горькаго и Андреева. Для автора всѣ они только „симптомы литературной эволюціи", различающіеся лишь въ степени талантливости...

III.

— Н. И. Коробка. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 1903.

Г-ну Коробкѣ принадлежитъ нѣсколько очерковъ изъ исторіи русской литературы, отличающихся вдумчивымъ отношеніемъ автора къ своему предмету, опредѣленностью угла зрѣнія и теплотой и искренностью общественнаго чувства. Настоящій очеркъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго по отношенію къ жизни и творчеству поэтовъ, но въ немъ поставленъ и въ основныхъ чертахъ разрѣшенъ интересно и живо вопросъ о пробужденіи личности въ началѣ XIX вѣка, о первыхъ проблескахъ ея сознанія и дальнѣйшей неблагопріятно сложившейся судьбѣ ея развитія. Разсматривая творческую дѣятельность Пушкина въ связи съ тою средою, въ которой пришлось жить и дѣйствовать поэту въ первую и вторую половину своей жизни, авторъ называетъ его „фокусомъ дворянской интеллигенціи", взятой въ тотъ моментъ, когда интеллигенція эта, пробужденная къ жизни благопріятно сложившимися внѣшними обстоятельствами, стремилась жить возможно полной жизнью. „Это была юность русскаго общества, юность, полная бодрости, свѣжести, силъ, но уже окрашенная нѣкоторою грустью, вызываемою какъ далеко неприглядньмъ настоящимъ, такъ и сознаніемъ трудности борьбы въ будущемъ. Эта грусть еще не переходила въ ту щемящую тоску отчаянія, въ какую превратилась потомъ, она не разслабляла сознаніемъ безсилія,—нѣтъ, она была только стимуломъ стремленія впередъ. Грусть эта, какъ раздумье юности, придавала жизни только поэтическую окраску, мягкость тоновъ. Никогда русская жизнь не была такъ поэтична, какъ въ это свое утро, обѣщавшее грозу, но не тотъ сѣрый день, который смѣнилъ его". Въ этотъ періодъ личныя настроенія Пушкина совпадали съ лучшими общественными, въ которыхъ было такъ много данныхъ для благопріятнаго развитія высшихъ инстинктовъ органическаго индивидуа-

лизма. Ссылка въ Михайловское и кровавая драма 14 декабря положили роковую грань между этимъ періодомъ жизни Пушкина и настроеніями второй половины, когда поэтъ не нашелъ въ обществѣ прежнихъ друзей и самый составъ и характеръ общества значительно измѣнился. „Такимъ образомъ,—говоритъ г. Коробка,—если въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности Пушкинъ былъ выразителемъ, отголоскомъ своего поколѣнія, то во второй, сохраняя свою отзывчивость, откликаясь на все, что̀ находилъ въ обществѣ, онъ остается одинокимъ, потерявшимъ почву, путающимся въ противорѣчіяхъ. Поэтъ остался тотъ же, но не стало тѣхъ, кто былъ его опорой. Выразитель высшаго момента развитія дворянской интеллигенціи, переживъ ея крушеніе, оказывается не въ силахъ стать выразителемъ новой среды, а его собственная среда оказывается слишкомъ ничтожною и низменною для него. Въ этомъ его трагедія—трагедія человѣка, задыхающагося въ удушливой атмосферѣ умирающаго общественнаго класса и не могущаго отъ него оторваться".

По мѣткому замѣчанію автора, Пушкинъ не чувствовалъ особеннаго тяготѣнія къ вопросу о личности, и только въ „Онѣгинѣ", начатомъ въ лучшіе годы, можно подмѣтить сознательный интересъ въ этомъ направленіи. Его Онѣгинъ—человѣкъ съ пробудившейся индивидуальностью; подобно Алеко, онъ носится съ призраками свободы, но еще „не знаетъ границъ дозволеннаго личной волѣ". Ленскій—первая ласточка новой эры въ развитіи русской интеллигенціи; въ немъ авторъ видитъ представителя той Шеллингистской, а впослѣдствіи Гегельянской академической интеллигенціи, которая шла смѣнить поколѣніе первой половины двадцатыхъ годовъ. Во второмъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ теряетъ интересъ къ пробуждающейся личности, и уже „Полтава" является, по мнѣнію автора, первымъ проявленіемъ потери этого интереса.

Въ сжатой формѣ авторъ даетъ яркую и чрезвычайно отчетливую характеристику творчества Лермонтова, котораго авторъ называетъ не только величайшимъ изъ русскихъ лириковъ, но и единственнымъ у насъ поэтомъ-философомъ съ правомъ на міровое значеніе своей поэзіи. Сравнительно съ Пушкинымъ развитіе личности у Лермонтова значительно пошло впередъ. Въ то время, какъ у Пушкина исканіе самостоятельной жизни только начинается, у Лермонтова это исканіе пошло дальше, личность окрѣпла, вопросъ рѣшенъ въ пользу добра, но это добро является слишкомъ трудно достижимымъ. „Земля оказалась слишкомъ пуста для пробудившейся личности, а небо слишкомъ холодно къ ней. Увы! это было наше русское небо и наша русская земля!" Основнымъ мотивомъ поэзіи Лермонтова является, по опредѣленію автора, борьба титанической личности съ пошлостью жизни.

Авторъ подводитъ такой итогъ своей попыткѣ прослѣдить развитіе личности въ русскомъ обществѣ въ литературѣ начала XIX вѣка:— „Русское дворянство, приставленное къ учёбѣ Петромъ, успѣло къ началу XIX-го вѣка настолько проникнуться идеями западной цивилизаціи, что рамки условій русской дѣйствительности стали ему тѣсны. Вольтеръ, романтики, Байронъ и событія отечественной войны создали такой подъемъ духа, какого не бывало ранѣе, да, можетъ быть, и позже на Руси. Сдѣлана была попытка переустройства, но она не удалась и привела къ разгрому дворянской интеллигенціи. Этотъ періодъ, характеризуемый активностью и подъемомъ духа, выдвинулъ изъ рядовъ дворянской интеллигенціи Пушкина и нѣсколько запоздалаго Лермонтова. Тотъ и другой, тѣсно связанные съ своимъ классомъ, стали жертвою разгрома, который хотя не коснулся ихъ прямо, но сдѣлалъ одинокими среди чуждаго имъ общества. Съ гибелью этихъ двухъ поэтовъ остановилось и развитіе на Руси той поэзіи, типичными представителями которой были Пушкинъ первой половины своей дѣятельности—и Лермонтовъ. Съ Лермонтовымъ замолкла поэзія сильной титанической личности. Новое поколѣніе по многимъ причинамъ не могло быть активнымъ; оно больше изучало и размышляло, чѣмъ дѣйствовало, оно искало гармоніи, а не борьбы; развитіе личности было ослаблено рефлексіей и регрессировало. Гоголь на время даетъ рѣшительный перевѣсъ изображенію общества, фона, передъ изображеніемъ личности. Впослѣдствіи въ произведеніяхъ Тургенева личность оказывается гораздо болѣе слабою, подавленною, „заѣденною рефлексіей“. Дальше развитіе личности шло съ нѣкоторыми колебаніями, но въ литературѣ не нашло выраженія сколько-нибудь приближающагося къ Лермонтовскому, и къ концу XIX-го вѣка оказалось въ положеніи много худшемъ, чѣмъ въ концѣ первой четверти его. Прогрессировало идейное содержаніе формы жизни, но не личность. Только въ самомъ концѣ XIX-го вѣка пробуждается интересъ къ развитію личности, и является писатель, выражающій это развитіе“.

Конечно, поставленная авторомъ задача слишкомъ сложна для того, чтобы можно было рѣшить ее путемъ изслѣдованія творчества Пушкина и Лермонтова и съ тѣми научными средствами, которыми пользуется авторъ. Такъ, онъ почти совершенно обошелъ уже богатый историческій матеріалъ, далеко не исчерпалъ историко-литературнаго и вовсе не коснулся „подлинныхъ документовъ“ тѣхъ реальныхъ участниковъ русской дѣйствительности, о которыхъ стало возможно говорить уже съ исторической точки зрѣнія. Но и то, что онъ даетъ въ своей книгѣ, составляетъ очень интересный этюдъ, хотѣлось бы сказать—введеніе къ дальнѣйшимъ работамъ автора на ту же тему.

IV.

— В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I: XVIII вѣкъ. Изд. 2-го Отд. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1903.

Книга г. Сиповскаго окажется несомнѣнно полезной при разработкѣ исторіи и теоріи русскаго романа. Авторъ не побоялся скучной и во многихъ случаяхъ неблагодарной работы библіографическаго подбора и привелъ въ наличность значительное число уже давнымъ-давно исчезнувшаго изъ памяти матеріала. По заявленію автора въ предисловіи, эта работа была лишь необходимымъ подспорьемъ для его будущихъ чисто историко-литературныхъ изысканій. „Преслѣдуя прежде всего интересы своей будущей работы, мы при составленіи списка романовъ позволили себѣ нѣкоторую свободу, вслѣдствіе которой, напримѣръ, изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка мы извлекли лишь нѣсколько подходящихъ для насъ отрывковъ, а, съ другой стороны, включили въ число романовъ нѣкоторые изъ тѣхъ неопредѣленныхъ синкретическихъ жанровъ, которые примыкаютъ одинаково къ морали и повѣсти, исторіи и роману, мемуарамъ и художественному творчеству. Труднѣе всего было ограничить повѣсть отъ анекдота, романъ отъ поэмы, и, быть можетъ, за разрѣшеніемъ этихъ сомнѣній мы справедливѣе всего подвергнемся обвиненію въ субъективизмѣ выбора. Но на это обвиненіе мы отвѣтимъ просьбой указать намъ тѣ литературныя нормы, которыя дали бы возможность ясно и точно опредѣлить границы, замѣтной чертой отдѣляющія эти литературные жанры одинъ отъ другого“. Мы понимаемъ мотивы автора, но, право, было бы естественнѣе, если ужъ онъ занялся вопросами исторіи и теоріи романа и овладѣлъ такимъ обширнымъ матеріаломъ, ожидать отъ него хотя бы самыхъ общихъ теоретическихъ указаній на „литературныя нормы“, чѣмъ оставлять „субъективизмъ выбора“ необъясненнымъ.

Предисловіе автора, при всей своей схематичности и отрывочности, заключаетъ въ себѣ очень цѣнные наблюденія и выводы. Авторъ говоритъ здѣсь объ основныхъ характерныхъ чертахъ стараго романа и тѣхъ разнообразныхъ тенденціяхъ, которыя выражались въ немъ въ его постепенномъ развитіи. Приводя выдержки изъ старыхъ журнальныхъ статей, касающихся романовъ, и придавая особенно важное значеніе предисловіямъ, въ которыхъ нерѣдко выражалось явное стремленіе подчеркнуть „новое слово“, сказанное въ томъ или иномъ романѣ, авторъ отмѣчаетъ черты нарождающагося реа-

лизма, попытки дать теорію романа, мнѣнія о пользѣ и вредѣ романа, о томъ, что̀ такое литературный типъ и т. д.

По вопросу о распространенности изданій авторъ приводитъ любопытный фактъ: самой популярной книгой въ XVIII вѣкѣ оказываются жизнеописанія Ваньки Каина, выдержавшія болѣе десяти изданій, въ то время какъ, напр., Ричардсонъ не появлялся въ повторныхъ изданіяхъ.

Что касается переводовъ, то здѣсь поражаетъ та хронологическая непослѣдовательность, съ которой переводились у насъ романы разныхъ школъ и направленій; эта непослѣдовательность свидѣтельствуетъ, по словамъ автора, о полной спутанности литературныхъ вкусовъ: „псевдоклассическій", даже „классическій" романъ доживаетъ у насъ до конца вѣка, переводится по нѣскольку разъ, и въ то же время первый „англійскій" появляется очень рано—въ 1760 г. и долго уживается рядомъ съ тѣми видами, смѣнить которые онъ долженъ былъ по существу своему... „Но всѣ эти факты не могутъ опровергнуть намѣченнаго нами направленія въ развитіи романа: мы взяли *весь* русскій романъ—отъ лубочныхъ изданій до произведеній высшаго качества, — взяли цѣликомъ, не справляясь съ литературными вкусами и развитіемъ переводчиковъ. Конечно, между Херасковымъ и какимъ-нибудь недоучившимся самоучкой-однодворцемъ — громадное разстояніе,—у нихъ не могли быть одинаковые вкусы и требованія. Отсюда пестрота и разнообразіе состава нашего списка. Еслибы мы взяли всѣ романы, напечатанные, хотя бы, въ текущемъ 1903 году, мы столкнулись бы съ такою же пестротой, съ такими же курьезами и неожиданностями".

Авторъ такъ смотритъ на первые шаги развитія русскаго романа: „старый романъ (классическій, рыцарскій, новелла) не зналъ поученія: выростая изъ жизни свободно и неожиданно, не нося на себѣ слѣдовъ авторской надуманности, онъ былъ объективенъ, строго эпиченъ. Проявленіе „личности" автора въ исторіи поэзіи совпадало всегда съ той эпохой, когда начиналось проясненіе сознанія великаго культурнаго значенія изящной литературы. Немудрено, что всегда и вездѣ, на зарѣ своего существованія, поэзія, изъ безличной сдѣлавшись личной, играла служебную роль,—сперва у религіи, потомъ у морали. То же случилось и съ романомъ: уже французскій псевдо-классическій романъ сдѣлался подъ конецъ тенденціознымъ, потерялъ объективность, — на смѣну ему въ XVIII вѣкѣ пришла нравоучительная повѣсть, въ которой поэзія на первыхъ порахъ была цѣликомъ подчинена морали. Если русскій переводный *рукописный* романъ конца XVII, начала XVIII-го вѣка примкнулъ къ обломкамъ романа средневѣкового-рыцарскаго, и особенно псевдоклассическаго французскаго (придворно-

авантюрнаго), то *печатный* романъ XVIII в. тѣсно примкнулъ къ той группѣ, въ которой на первомъ планѣ поставлены цѣли нравоучительныя, а содержаніе бралось изъ жизни, болѣе или менѣе, дѣйствительной, обыденной".

Напрасно только авторъ, имѣя дѣло съ такимъ матеріаломъ, какъ повѣсть о Ванькѣ-Каинѣ, „ворѣ и мошенникѣ", или о дѣвицѣ Буянѣ и т. п., употребляетъ, при разграниченіи въ творчествѣ дѣйствительнаго факта отъ вымысла, знаменитые Гётевскіе термины „Wahrheit и Dichtung", — сюда они не идутъ по пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi.

Въ основу работы автора положены библіографическіе (рукописные) матеріалы изъ собранія В. И. Саитова, къ которымъ сдѣланы многочисленныя дополненія изъ различныхъ старыхъ каталоговъ и каталоговъ Публичной библіотеки и библіотеки Академіи Наукъ.

V.

— Д. Ратгаузъ. Пѣсни любви и печали. Второе дополненное изданіе. Спб. 1903 г.

Помѣщенныя въ этомъ сборникѣ стихотворенія удачно названы авторомъ пѣснями любви и печали. Эти чувства даютъ основное настроеніе и содержаніе большинству произведеній поэта. Какъ и многіе изъ поэтовъ древнихъ и новыхъ, г. Ратгаузъ видитъ въ своихъ пѣсняхъ откровеніе божественнаго начала, чѣмъ сразу отдѣляетъ себя отъ гг. декадентовъ, открыто признающихъ своимъ піитическимъ крестнымъ отцомъ и владыкой—сатану. Г-нъ Ратгаузъ разсказываетъ, какъ Господь Богъ, вручая поэту однострунную лиру, заказалъ ей пѣть и стонать только объ одной любви:

> Лишь о любви поетъ она?
> Я вопросилъ,—о, правый Боже!
> Но Онъ сказалъ: она сильна,—
> Любовь и Я—одно и то же.

Однако, изъ ближайшаго знакомства со сборникомъ читатель сильно усомнится въ тождествѣ любви г. Ратгауза съ тѣмъ чувствомъ, о которомъ якобы вѣщалъ ему Господь Богъ. Любовь г. Ратгауза, какъ и печаль, не глубокая, не пламенная, даже не жгучая и страстная; она не исторгаетъ изъ его души могучихъ аккордовъ той стихійной всепожирающей бури чувствъ и идей, о которой Лермонтовъ говорилъ: „я не могу любовь опредѣлить, но это страсть сильнѣйшая"... Безъ ревности, безъ жертвы и борьбы, любовь г. Ратгауза опредѣлить, напротивъ, очень легко: это—поэтическая влюбленность во все,

на чемъ лежитъ отблескъ красоты и изящества и прежде всего, конечно, въ женщинъ и природу. Такъ же неглубока и печаль поэта о томъ, что въ жизни не все безоблачно и свѣтло, что люди не ангелы и счастье любви не вѣчно.

На эти темы читатель встрѣтитъ въ сборникѣ десятокъ-другой граціозныхъ и звучныхъ стихотвореній, съ красивыми образами, звучными риѳмами, но безъ идейнаго содержанія, безъ увлеченія и порывовъ. Лучшія изъ нихъ—тѣ, въ которыхъ поэтъ говоритъ о свѣтлыхъ моментахъ своей любви:

> Эта ночь нѣмая, этотъ блѣдный садъ,
> Это звѣздъ сіянье, твой смущенный взглядъ,
> Этотъ сердца жгучій, безпокойный стукъ,
> Это... это—счастье, мой желанный другъ!

Въ другомъ стихотвореніи авторъ въ красивой музыкальной формѣ высказываетъ ту основную мысль своего міросозерцанія, что любовь является необходимымъ условіемъ смысла и гармоніи въ жизни:

> Уснуло все. Замолкли птицы.
> Весь міръ кругомъ объяла тишь.
> Сверкаютъ блѣдныя зарницы,
> Едва колышется камышъ.
> Ужъ темноокая, нѣмая,
> Нисходитъ ночь съ нѣмыхъ высотъ,
> И пѣсни неба, пѣсни рая,
> Она задумчиво поетъ.
> Ко мнѣ съ ликующаго свода
> Несется свѣтъ, небесный свѣтъ...
> Но безъ любви мертва природа,
> Но безъ любви въ ней счастья нѣтъ!

Далеко не всѣ стихотворенія выдержаны въ отношеніи формы: одни растянуты, другія слишкомъ искусственны и холодны („Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки“), третьи прозаичны (напр. „Есть врагъ людей и врагъ тотъ—голодъ“). Встрѣчаются неблагозвучные обороты и выраженія:

> И мы опять одни *въ вселенной*...

> А дождь томительно шумитъ
> И *барабанитъ* въ стекла оконъ...

> Онъ ей клялся, что *гомонъ* свѣта
> Сгубилъ покой его души...

Во многихъ стихотвореніяхъ не трудно различить отзвуки настроеній Апухтина и Надсона, можетъ быть и Алексѣя Толстого; вообще оригинальнаго мало въ стихахъ г. Ратгауза. Въ одномъ нельзя не отдать ему справедливости: муза его нигдѣ не отвлекается въ сторону декадентскихъ „новыхъ“ путей и остается вѣрна здравому смыслу.

VI.

— А. Энгельмейеръ. По русскому и скандинавскому сѣверу. Путевыя воспоминанія. Въ четырехъ частяхъ. М. 1902.
— Н. И. Березинъ. Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ. Природа и люди Олонецкаго края. Со многими фотографіями автора и рисунками художн. И. Казакова. Спб. 1903.
— По Россіи. Очерки, составленные воспитанницами выпускного класса Спб. Александровскаго института въ Смольномъ. Подъ редакціей инспектора классовъ и преподавателя географіи. Спб. 1900.
— Изъ родного прошлаго. Очерки, составленные воспитанницами педагогическаго класса Спб. Александровскаго института въ Смольномъ. Подъ редакціей инспектора классовъ и преподавателя исторіи. Спб. 1901.

Нашъ и скандинавскій сѣверъ только въ послѣднее время сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Интересъ къ нему опредѣлялся главнымъ образомъ возможностью эксплоатаціи его естественныхъ богатствъ, и только сравнительно немногіе рѣшались въ качествѣ туристовъ отправляться въ этотъ далекій и пустынный край, относительно котораго изстари накопилось порядочное количество невѣрныхъ представленій и предразсудковъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отнестись весьма сочувственно ко всякой попыткѣ познакомить читателя съ характеромъ природы и быта обширныхъ странъ, о которыхъ извѣстно сравнительно весьма немного, и не пожелать широкаго распространенія среди читателей такимъ книгамъ, какими являются непритязательныя, но интересныя по своему содержанію сочиненія гг. Энгельмейера и Березина.

Г-нъ Энгельмейеръ такъ объясняетъ въ предисловіи побужденіе, руководившее имъ при изданіи его сочиненія: „Недостаточное знакомство съ описываемыми въ этомъ трудѣ странами, а главное, какое-то равнодушіе къ нимъ у насъ, въ Россіи, побудили и меня попытаться принять посильное участіе въ возбужденіи къ нимъ нѣсколько бо̀льшаго вниманія и интереса среди русской публики. У насъ такъ еще недостаточно интересуются нашимъ, а тѣмъ болѣе скандинавскимъ сѣверомъ, такъ мало желаютъ его узнать поближе, что становится положительно обидно за всѣ тѣ интересныя страны, въ особенности же за Скандинавію. Страна эта, ея народности и ихъ культура заслуживаютъ гораздо бо̀льшаго интереса къ себѣ, нежели это замѣтно до сихъ поръ между нашими соотечественниками. Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, что посѣщеніе Скандинавіи могу назвать чуть ли не лучшимъ своимъ путешествіемъ“.

Первую часть книги составляетъ описаніе путешествія по Россіи, посѣщеніе Архангельска, Соловецкихъ острововъ и морской переѣздъ

отъ Архангельска до Вардэ. Описаніе это, какъ и другія въ книгѣ, читается легко и съ интересомъ. Здѣсь нѣтъ ни претензій на ученость, ни педантической полноты фактическихъ свѣдѣній, но есть зато живая наблюдательность образованнаго человѣка, умѣющаго сгруппировать наблюденія въ общую картину и остановиться на главномъ, не разбрасываясь по мелочамъ. Разсказъ въ то же время ведется чрезвычайно субъективно: здѣсь и новые предметы, и впечатлѣнія, и случайные разговоры, и настроенія, согрѣтыя то легкой поэзіей, то грустью, — все это переплетается одно съ другимъ и живо переноситъ читателя въ положеніе туриста. Описывая необъятныя, незаселенныя страны по берегамъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ, авторъ видитъ въ этой пустынности признаки „истинно-русскаго бессилія и смиренія", оставляющаго заброшенными эти громадныя и богатѣйшія земли. Говоря о Сѣверной Двинѣ, что и эта могучая величественная рѣка подвергается участи всѣхъ русскихъ рѣкъ и тоже мелѣетъ, авторъ замѣчаетъ: „И все-же такія громадныя многоводныя рѣки, такое раздолье, навѣваютъ мысли о величіи нашего отечества въ грядущемъ, если только оно когда-нибудь пробудится отъ своей летаргіи".

Интересны впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ зрѣлищъ десятковъ тысячъ русскихъ простолюдиновъ, направлявшихся въ Соловецкій монастырь. „Нѣкоторыхъ бѣдняковъ допускаютъ къ переѣзду безплатно. Есть, вѣдь, и такіе паломники, которые доходятъ пѣшкомъ до Архангельска изъ южныхъ частей Россіи! Наступило три часа дня. Нашъ пароходъ все еще стоитъ. Толпа богомольцевъ на берегу и на пароходѣ все растетъ. Повсюду грязь, убожество, суевѣріе и страданія! Чувствуется какая-то безграничная грусть и жалость ко всему этому несчастному, горемычному отдѣлу человѣчества. Думается, глядя на малыхъ сихъ, какъ необъятна должна быть вся сумма страданія людей на земномъ шарѣ. И не видно ей конца, не видно ей исхода. Неужели же единственнымъ утѣшеніемъ всѣмъ этимъ страждущимъ милліардамъ человѣческихъ существъ останется навсегда только лишь одно суевѣріе? Тяжко и нехорошо на душѣ"...

Остальныя главы посвящены путешествію по Норвегіи, Швеціи, Даніи и Сѣверной Пруссіи. Кое-гдѣ авторъ дѣлаетъ замѣчанія практическаго свойства о промыслахъ вообще и въ частности о русскихъ промышленникахъ. Между прочимъ, любопытно указаніе относительно китоловнаго промысла. Русскіе никакъ не могутъ освоиться съ этимъ промысломъ, тогда какъ у норвежцевъ онъ идетъ отлично. Послѣднимъ, какъ извѣстно, запрещено промышлять въ русскихъ водахъ. Авторъ видитъ въ этомъ запрещеніи коренное зло. По его мнѣнію, слѣдуетъ, наоборотъ, содѣйствовать встрѣчамъ нашихъ примитивныхъ и некультурныхъ промышленниковъ съ болѣе развитыми и искусными запад-

ными товарищами по ремеслу. Автору кажется, что странно считать каждаго встрѣчнаго конкуррентомъ въ безбрежныхъ водахъ океана, тѣмъ болѣе, что во многія мѣста сѣверной Норвегіи русскимъ промышленникамъ предоставленъ совершенно свободный доступъ.

Въ Бергенѣ авторъ посѣтилъ композитора Грига, этого „сѣвернаго Шопена", какъ его называютъ почитатели. Бесѣда съ нимъ была весьма характерна. Композиторъ относится съ большимъ уваженіемъ къ русскому искусству и въ особенности къ музыкѣ, ставитъ Чайковскаго выше Рубинштейна, хвалитъ віолончелиста Давыдова. Онъ касался въ разговорѣ и грустнаго положенія русскаго крестьянства и общественныхъ вопросовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. „Э. Григъ меня утѣшалъ, что давленія, тягота и всякія притѣсненія есть лучшая почва для процвѣтанія искусства, что, будто бы, Ибсенъ какъ-то разъ сказалъ: „Я не хочу никакой свободы. Это смерть для искусства".

„Я выразилъ еще, что нашему репрессивному образу дѣйствія съ подчиненными намъ народами сочувствуетъ лишь небольшая часть русскаго общества, возбуждаемая нѣсколькими недобросовѣстными и ретроградными органами печати.

„Выяснивши отчасти взаимно наши общественные взгляды, мы пустились въ частные разговоры.

„Я спросилъ, почему Григъ не ѣдетъ въ Россію. Оказалось, что его звали туда Чайковскій и Кюи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что боится нашего климата, такъ какъ имѣетъ весьма плохое здоровье. Я описалъ ему нашъ сухой, морозный климатъ зимою, наши огромные, удобные желѣзнодорожные вагоны. И миніатюрный-большой человѣкъ сталъ выражать желаніе побывать въ Россіи. Мнѣ не хотѣлось его огорчать своимъ наблюденіемъ того страннаго факта, что его чудныя произведенія у насъ, въ отечествѣ, все еще довольно мало цѣнятся. Глядя на этого ёжившагося маленькаго, блѣднаго человѣчка, мнѣ представлялось страннымъ, что это былъ авторъ такой поэтической, мощной и, часто даже, почти титанически-величественной музыки"...

Не мудрствуя лукаво, полезную книгу написалъ и г. Березинъ. Книга явилась результатомъ его путешествія по Олонецкому краю, которое онъ совершилъ большею частью пѣшкомъ въ обществѣ одного знакомаго крестьянина. Объ обширномъ Олонецкомъ краѣ весьма мало извѣстно въ литературѣ. Изъ географіи знаютъ обыкновенно, что этотъ край обиленъ водой и лѣсомъ, что природа тамъ сурова, а среди населенія не перевелись еще знаменитые сказители, помнящіе стародавнюю богатырскую быль. Но о бытовыхъ условіяхъ крестьянъ и о внутреннемъ строѣ ихъ жизни въ общемъ извѣстно немного. Книга г. Березина тѣмъ и полезна, что въ ней много непосредственно подмѣченнаго бытового элемента. Путь автора лежалъ на водопадъ Ки-

вачъ черезъ Петрозаводскъ. Отъ водопада, который произвелъ большое впечатлѣніе на путниковъ, они направились на порогъ Гирвасъ, заходя по дорогѣ въ попутныя селенія и знакомясь съ жителями. Населеніе производило на автора чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе. Честное, правдивое, довѣрчивое, оно вызывало невольное расположеніе и наводило на грустныя мысли своей мало-культурностью и безпомощностью. Въ одной изъ главъ авторъ говоритъ о мѣстныхъ условіяхъ труда и промыслахъ, среди которыхъ лѣсной промыселъ занимаетъ самое видное мѣсто. Авторъ такъ характеризуетъ тяжесть подсѣчной работы въ лѣсу: „Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при разработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахотныхъ полей, то послѣднее покажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно, какъ велика нужда, которая гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Но эта кровная нужда не принимается въ разсчетъ, и крестьянину болѣе полутораста лѣтъ приходится оборонять отъ законодательныхъ и административныхъ запрещеній и стѣсненій свое исконное право — расчищать дикій лѣсъ, который, по народному воззрѣнію, есть „Божій даръ“, выросшій по „Божьему произволенію“, на потребу всѣмъ людямъ“.

Яркое представленіе объ образѣ жизни олончанъ даетъ послѣдняя глава книги, въ которой между прочимъ описывается употребляемый олончанами хлѣбъ. Собственно это не хлѣбъ, который въ чистомъ видѣ рѣдко бываетъ на крестьянскомъ столѣ, а суррогатъ хлѣба. Послѣдній бываетъ двухъ видовъ: „соломенный“ и „древесный“. Соломенный приготовляется такъ: берутъ ячменную солому, сушатъ ее, толкутъ въ деревянной ступѣ и мелютъ на ручныхъ жерновахъ (иногда на деревянныхъ, за неимѣніемъ каменныхъ) и къ полученной трухѣ и пыли присыпаютъ ржаной муки—четвертую часть, у болѣе зажиточныхъ — половину. Если нѣтъ ячменной соломы, то берутъ ржаные колосья съ оставшимися въ нихъ сѣменами, толкутъ въ ступѣ и, не размалывая, пекутъ изъ толченой мякины хлѣбъ безъ всякой примѣси муки. Хлѣбъ изъ ржаныхъ колосьевъ, конечно, грубѣе, переваривается труднѣе и хуже на вкусъ. „Соломенный“ хлѣбъ несомнѣнно вреденъ, но еще ужаснѣе хлѣбъ „древесный“. Весной, почему-то непремѣнно послѣ перваго грома, сдираютъ съ сосенъ кору, отдѣляютъ внутренній бѣловатый нѣжный слой отъ корки, сушатъ на горячихъ угольяхъ, чтобы „духъ смоляной выгорѣлъ“, пока масса не приметъ красноватый цвѣтъ, потомъ ее толкутъ, мелютъ и, смѣшавъ съ мукой ($^1/_4$ или $^1/_2$), пекутъ изъ нея хлѣбъ. Это происходитъ обыкновенно весной, когда уже и соломы нѣтъ. Наконецъ, послѣдній суррогатъ, придуманный злополучнымъ олончаниномъ, это „корява“, сосновая каша, т.-е. та же сосновая пыль, которую, за неимѣніемъ муки, всыпаютъ въ молоко.

Вотъ этимъ сѣрымъ клейстеромъ и питаются люди... Вынести эту пищу могутъ только исключительно крѣпкіе животы. Обыкновенно же потребленіе ея производитъ опухоль, а затѣмъ смерть"...

Множество фотографій и рисунковъ художника Казакова придаютъ описаніямъ большую наглядность; но рисунки вышли не вездѣ удачны, благодаря тому, вѣроятно, что бумага слишкомъ тонка и вообще невысокаго качества.

Книга г. Березина можетъ претендовать и на извѣстное педагогическое значеніе, чего никакъ нельзя сказать о двухъ послѣднихъ книгахъ, изданныхъ подъ редакціей записныхъ педагоговъ Александровскаго института, гг. М. Захарченко, М. Помяловскаго и др. Мы упоминаемъ объ этихъ книгахъ вскользь, разъ ужъ дѣло коснулось изданій, посвященныхъ изученію нашей родины. Вышли эти книжечки — „По Россіи", „Изъ родного прошлаго" — года полтора, два назадъ, но, сколько помнится, не вызвали въ печати соотвѣтственной оцѣнки. Конечно, оцѣнка эта не могла бы имѣть какого-либо отношенія къ научному достоинству этихъ сочиненій, но отмѣтить пріемы почтенныхъ педагоговъ слѣдовало бы въ наше мутное время, когда такъ легко смѣшиваются предметы самыхъ различныхъ категорій. Дѣло въ томъ, что обѣ книги представляютъ не что иное, какъ рядъ ученическихъ сочиненій, наивныхъ, безсодержательныхъ, восторженныхъ, недостаточно связныхъ, словомъ, самыхъ обыкновенныхъ работъ, задаваемыхъ въ среднихъ классахъ на темы. Снисходительные редакторы сами называютъ ихъ „не строго планомѣрными", причемъ относительно восторженности выражаются такъ: „нѣкоторая поэтичность въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ вполнѣ объясняется возрастомъ юныхъ авторовъ и, по нашему мнѣнію, является вполнѣ понятнымъ украшеніемъ болѣе прозаическихъ частей очерковъ". Но совершенно непонятнымъ, съ педагогической точки зрѣнія, украшеніемъ является присутствіе въ обѣихъ книгахъ снимковъ съ юныхъ составительницъ очерковъ, то въ историческихъ, то въ различныхъ національно-мѣстныхъ костюмахъ. Редакторы думали этимъ, можетъ быть, придать очеркамъ наглядно-научный колоритъ; мы же думаемъ, что колоритъ здѣсь совсѣмъ другой, особенно если принять во вниманіе, что книги посвящены „благодарными воспитанницами" почетному опекуну по учебной части Александровскаго института...

Но изданы обѣ книги очень хорошо, какъ обыкновенно издаются книги при казенныхъ учрежденіяхъ.—Евг. Л.

VII.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи. Выпускъ четвертый (данныя 1900 года). Редакція В. И. Фармаковскаго и Е. П. Ковалевскаго. Спб. 1903.

Правильная публикація подробныхъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи начальнаго образованія началась у насъ съ 1898 года; до того же времени мы имѣли нѣсколько отдѣльныхъ оффиціальныхъ изслѣдованій этого рода, относящихся къ различнымъ моментамъ времени. Но и правильныя публикаціи возникли болѣе или менѣе случайно: въ 1898 г. министерство народнаго просвѣщенія собрало черезъ подлежащія правительственныя учрежденія и разработало данныя о начальномъ образованіи въ 1896 г. для педагогическаго отдѣла вѣнской международной выставки; черезъ два года оно повторило такое изслѣдованіе (о народномъ образованіи въ 1898 г.) для парижской выставки, а въ текущемъ году издало аналогичныя свѣдѣнія для 1900 года.

Названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки книга, заключающая эти свѣдѣнія, состоитъ изъ текста (на русскомъ и французскомъ языкахъ) и таблицъ, заключающихъ свѣдѣнія (по губерніямъ и учебнымъ округамъ) о начальныхъ училищахъ разнаго типа, объ учащихъ и учащихся и о расходахъ разныхъ учрежденій на содержаніе школъ, и, наконецъ, о числѣ грамотныхъ, принятыхъ въ войска. Въ текстѣ излагаются результаты изслѣдованія и производится сравненіе итоговыхъ данныхъ, относящихся къ 1900 г., съ цифрами, характеризующими состояніе начальнаго образованія въ 1898 г. Текстъ составленъ исключительно на основаніи матеріала, заключающагося въ изданіи и полученнаго отъ подчиненныхъ разнымъ учрежденіямъ чиновниковъ, безъ обращенія къ другимъ источникамъ для выясненія какихъ-либо вопросовъ; интересующая насъ книга, поэтому, должна быть разсматриваема, скорѣе всего, какъ приложеніе къ отчету министерства народнаго просвѣщенія о положеніи начальнаго образованія въ Россіи. Съ этимъ находится въ соотвѣтствіи и фактъ крайняго различія, по детальности свѣдѣній, таблицъ, касающихся училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ одной стороны, и прочихъ учрежденій, имѣющихъ начальныя школы,—съ другой. Тогда какъ данныя о школахъ министерства народнаго просвѣщенія, доставленныя его агентами на мѣстахъ, заняли около 250 графъ таблицъ, свѣдѣнія о прочихъ школахъ, полученныя отъ центральныхъ управленій соотвѣтствующихъ вѣдомствъ или извлеченныя (для школъ воен-

наго вѣдомства) изъ отчетовъ подлежащихъ учрежденій, составили едва 30—40 графъ. Школы разныхъ вѣдомствъ могутъ быть, поэтому, характеризованы, на основаніи интересующаго насъ изданія, далеко не съ одинаковой степенью обстоятельности.

Въ книгу вошли свѣдѣнія лишь объ училищахъ, имѣющихъ главнымъ назначеніемъ общее начальное образованіе, хотя бы при нѣкоторыхъ изъ нихъ и существовало, какъ дополнительное занятіе, обученіе ремесламъ. Такое обученіе имѣетъ мѣсто почти при 9.500 училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, или при ¼ училищъ этого вѣдомства для дѣтей школьнаго возраста. Всѣхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія насчитывалось въ 1900 г. 38.666; но, кромѣ нихъ, въ счетъ училищъ вошло около 1,5 тыс. курсовъ для взрослаго населенія: воскресныхъ школъ, повторительныхъ курсовъ, воскресныхъ и вечернихъ курсовъ для рабочихъ. Подобные курсы открыты, слѣдовательно, менѣе, чѣмъ при 4% начальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Точныхъ свѣдѣній о курсахъ начальнаго обученія для взрослыхъ въ школахъ другихъ вѣдомствъ не имѣется; но, приблизительно, въ духовномъ вѣдомствѣ считается около 500 воскресныхъ школъ, т.-е. курсы для взрослыхъ открыты при 1% съ небольшимъ начальныхъ училищъ этого вѣдомства. Курсы для взрослыхъ министерства народнаго просвѣщенія посѣщались 48.954 мужчинами и 27.223 женщинами, всего—76.177 лицами, причемъ въ воскресныхъ школахъ преобладали лица женскаго пола, а на повторительныхъ курсахъ и на курсахъ для рабочихъ—лица мужского пола. Еще болѣе женскій элементъ преобладаетъ въ воскресныхъ школахъ духовнаго вѣдомства: на 26 тыс. учащихся въ этихъ школахъ 21 тыс. составляютъ женщины и лишь 5 тыс.—мужчины. При 4.274 школахъ министерства народнаго просвѣщенія, или при 11% ихъ, производились народныя чтенія, и при 3.895 училищахъ, или при 10%, существовали школьныя библіотеки. Сколь широкое распространеніе имѣютъ эти учрежденія въ школахъ другихъ вѣдомствъ—свѣдѣній не имѣется.

Общее число начальныхъ дѣтскихъ училищъ въ Россійской имперіи опредѣлено въ 83.100, изъ коихъ 38.666, или 47%, находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, 42.588, или 51%—въ завѣдываніи духовнаго вѣдомства, и 1.825 училищъ, или 2%—въ вѣдѣніи другихъ учрежденій. Число учащихся распредѣлено между этими тремя категоріями училищъ иначе. Изъ 4.505 тыс. учениковъ, 2.774 тыс., или 62%, приходится на долю министерскихъ школъ, 1.634 тыс., или 36%,—на школы духовнаго вѣдомства, и 97 тыс. учащихся, или 2% общаго числа—на заведенія другихъ вѣдомствъ. Министерскія школы оказываются, такимъ образомъ, многолюднѣе ду-

ховныхъ: на одну школу министерскую приходится, въ среднемъ, 70 учениковъ, а на школу духовнаго вѣдомства—38. Въ силу рисуемаго приведенными цифрами относительнаго переполненія учащимися министерскихъ школъ, въ школахъ этихъ—несмотря на относительно бо̀льшее число учителей (на министерскую школу приходится, въ среднемъ, 2—3 преподавателя, а на школу духовнаго вѣдомства—1,8 преподавателей)—на одного преподавателя (считая и законоучителей) приходится болѣе учениковъ (30), нежели въ школахъ духовнаго вѣдомства (22). По по̀ламъ учащіеся въ школахъ обоихъ вѣдомствъ распредѣляются одинаковымъ образомъ: 74% учащихся дѣтей принадлежатъ мужскому и 26%—женскому полу. На курсахъ для взрослыхъ число женщинъ превосходитъ 1/3 часть учащихся.

По сравненію съ предшествующимъ отчетомъ школьнаго дѣла, относившимся къ 1898 г., первоначальное народное образованіе въ 1900 г. сдѣлало довольно значительные успѣхи. Тогда какъ населеніе Россійской имперіи за два года, раздѣляющіе оба періода, возросло не болѣе какъ на 3%,—число училищъ увеличилось на 5.845, или на 7,4%, а число учащихся—на 376 тыс., или на 9%. При этомъ интереснымъ представляется тотъ фактъ, что наибольшіе успѣхи сдѣлало элементарное образованіе женщинъ: въ то время какъ число учащихся мужского пола увеличилось на 6,5%, число учеництъ женскаго пола возросло (за два года) на 16,4%. Изъ 83,1 тыс. начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ въ 1900 году, 9.194 училища, или 11%, находились въ городахъ, а 73.907, или 89%,—въ селахъ и деревняхъ. Городскія училища многолюднѣе сельскихъ, и на 11% этихъ училищъ приходится больше 16% учащихся. Двумя годами ранѣе, на долю городовъ падало 10% всѣхъ начальныхъ училищъ и 15% учащихся. Городское начальное образованіе развивается, поэтому, быстрѣе сельскаго, что̀, быть можетъ, находится въ связи съ болѣе быстрымъ увеличеніемъ и городского населенія. Городскія училища отличаются отъ сельскихъ болѣе высокимъ процентомъ учащихся дѣвочекъ: имъ принадлежатъ въ этихъ школахъ 37% учащихся, а въ сельскихъ—лишь 25%.

Очень интереснымъ представляется вопросъ о средствахъ, на которыя содержатся начальныя школы, и по этому предмету въ разсматриваемомъ изданіи приводятся слѣдующія данныя. Общій бюджетъ начальныхъ училищъ превышалъ въ 1900 г. 50 милл. рублей, изъ коихъ 23% доставляли земства, 21%—казна, 17%—сельскія общества, 14%—города, 13%—частныя лица, 6% получались въ видѣ платы за ученіе и 6% пополнялись изъ другихъ источниковъ. Содержаніе одного ученика, согласно этимъ даннымъ, составляло, въ среднемъ, 11 руб., причемъ на одного ученика въ министерскихъ школахъ тра-

тилось 12 р. 38 к., а въ школахъ духовнаго вѣдомства—7 р. 71 к. Расходъ на школы въ 1898 г. равнялся 40,6 милл. рублей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, когда число училищъ увеличилось, какъ мы видѣли, на 7,4%, а число учащихся—на 9%, школьный бюджетъ возросъ на 9,5 милл. руб., или на 23%. Болѣе быстрое возростаніе расходовъ объясняется отчасти открытіемъ по преимуществу начальныхъ училищъ высшихъ типовъ. Всего болѣе за разсматриваемые два года, а именно на 32%, возросли пожертвованія на школьное дѣло частныхъ лицъ и обществъ: въ 1898 г. эти пожертвованія составляли 5 милл. р., и въ 1900 г.—6,7 милл. рублей. За ними по быстротѣ возростанія слѣдують ассигновки земствъ и городскихъ управленій: первыя увеличились съ 9 милл. руб. до 11,5 милл., вторыя—съ 5,5 милл. руб. до 6,7 милл.; возростаніе тѣхъ и другихъ составляетъ 28%. На третьемъ мѣстѣ по быстротѣ возростанія стояли расходы на начальное образованіе казенныхъ вѣдомствъ: въ 1898 г. казна тратила на этотъ предметъ 8,7 милл. руб., а въ 1900 г.—10,4 милл. руб., или на 1/5 болѣе. Расходы на начальное образованіе сельскихъ обществъ увеличились съ 1898 по 1900 г. съ 7,3 милл. руб. до 8,3 милл. р., т.-е. на 14%. По поводу этихъ данныхъ мы не можемъ не подчеркнуть незначительнаго участія казны въ развитіи начальнаго образованія: 10 милл. рублей при полуторамилліардномъ бюджетѣ, или 0,7% суммы государственныхъ расходовъ на такое важное дѣло, какъ начальное народное обученіе, мало свидѣтельствуетъ о заботахъ государства о развитіи народнаго просвѣщенія. — В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзенштейнъ, А. К.—Что долженъ знать каждый по страхованію жизни. Практическіе совѣты лицамъ, заинтересованнымъ или желающимъ застраховаться. 1. Страхованіе и Лжестрахованіе. 2. Сбереженія и Лжесбереженія. 3. Дивиденды и Лжедивиденды. Спб. 904. Ц. 1 р.

Андреевскій, И. С.—Научныя основы. Кіевъ. 903. Ц. 60 к.

Араго, Жакъ. Воспоминанія слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Съ портр. автора и рис. Перев. съ 5-го изд. И. Канчаловскаго. М. 904. Ц. 80 к.

Арсеньевъ, К. К.—Законодательство о печати. (Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, п. р. І. Гессена и А. Каменки). Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Бальзакъ, Оноре.—Исторія тринадцати. Сцены изъ парижской жизни. Съ франц. перев. М. Чепинской. Спб. 903. Ц. 60 к.

Бальмонтъ, К.—Только любовь. Самоцвѣтникъ. М. 903. Ц. 2 р.

Батуринскій, В. П.—А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. І. Съ прилож. 2 портр.

Герцена, Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ. Спб. 904. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Боцяновская, М. С.—Библіотека Указателей. Вып. 1: „Дневникъ“ А. В. Никитенко, т. I-III; „Воспоминанія“ И. И. Панаева. Спб. 903. Ц. 50 к.

Брюсовъ, Валерій.—Стихи. Urbi et Orbi. М. 904. Ц. 2 р.

Бѣлый, Андрей.—Сѣверная Симфонія (1-я героическая). М. 903. Ц. 75 к.

Вальтеръ-Скоттъ.—Пуритане. Полный перев. съ 2 картин. и 43 политип. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Васьковскій, Е. В.—Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Од. 901. Ц. 3 р.

——— Отвѣтъ на отзывъ проф. А. И. Загоровскаго. Од. 903. Ц. 10 к.

Врадій, Вячесл.—Краски у М. Горькаго. Новый родъ критики. Спб. Стр. 19. Цѣна 20 коп.

Гауптманъ, I.—Роза Берндъ. Драма въ 5 д. Спб. 903. Ц. 50 к.

Гейсманъ, П. А.—Русско-турецкая война 1877—78 г.г. Спб. 903.

——— Славянскій крестовый походъ. По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1877—78 годовъ. Спб. 902.

Герґардъ, Адель, и *Симонъ*, Елена.—Материнство и умственный трудъ. Съ нѣм. М. Кучинскій Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Гернъ, Б.—Новое изложеніе логики, основанное на элементарныхъ курсахъ математики и физики. Ч. I и II. Логика индуктивная. Логика физики. М. 903. Ц. 50 к. и 45 к.

Гиппіусъ, З. Н.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М.—Пьесы. Т. VI: „Мѣщане“—„На днѣ“. Спб. 903. Ц. 1 р.

Гринченко, Б.—Писання. Т. I. Кіевъ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Демиденко, В.—Выгодны: сельское хозяйство — въ жаркомъ; фабрики и науки въ холодномъ климатѣ. Варш. 904. Ц. 1 р.

Демченко, Г. В.—Судъ и законъ въ уголовномъ правѣ. Варш. 903.

Дюканъ, Анри.—Воспоминаніе о битвѣ при Сольферинѣ. Съ франц. С. Н. Норманъ, п. р. Ал-ѣя П. Плетнева. Спб. 904. Ц. 50 к.

Дюкло, Эм.—Соціальная гигіена. Съ франц. Е. Предтеченскій. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Ефременковъ, В.—По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Міръ Божій“. Тифл. 903.

Загоровскій, А. П., проф.—Отзывъ объ ученыхъ трудахъ прив.-доц. Е. В. Васьковскаго. Од. 903.

Замотинъ, И. И.—Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія въ русской литературѣ. I. Варш. 903. Ц. 2 р.

Ивановъ, Александръ (Стронинъ).—Разсказы о человѣческой жизни. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

——— Разсказы о царствѣ Вовы Королевича. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

——— Разсказы о жизни земной. Съ 24 рис. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

——— Разсказы о силахъ земныхъ. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

Ивановъ, И.—Врагамъ Леонида Андреева. Психологическій этюдъ. М. 904. Цѣна 30 коп.

Іосифъ, іеромонахъ. — Исторія Іудейскаго народа по археологіи Іосифа Флавія. Опытъ критическаго разбора и обработки. Свято-Троицко-Серг. Лавра. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Кажановъ, Н.—Психика жизни. I: Логическое изслѣдованіе. II: Дисгармонія соціальной жизни человѣка. Спб. 903. Ц. 40 к.

Кайгородовъ, Дм.—Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Ч. II. Спб. 903. Ц. 1 р.

Карповъ, Ф. И.—Послѣднія Узаконенія и Распоряженія по надзору фабричной инстанціи (1901—1903 г.). Спб. 903. Ц. 50 к.

Каутскій, К.—Торговые договоры и торговая политика. Съ нѣм. п. р. А. Залшупина. Спб. 904. Ц. 1 р.

Кизеветтеръ, А. А.—Посадская община въ Россіи XVIII ст. М. 903. Цѣна 5 рублей.

Клоссовскій, А., проф.—Разборъ способа предсказаній погоды Н. Демчинскаго. Од. 903.

Кольбъ, А. Ѳ.—О направленіи хлѣбныхъ цѣнъ. Каменецъ-Под. 903. Ц. 50 к.

Корженевскій, С.—Земская медицина въ Тверской губерніи. I. Медицинское дѣло въ уѣздахъ. Тв. 903.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общая часть. Изд. 5-е. Спб. 903. Ц. 3 р.

Левицкій, Г. В.—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902 г.). Юр. 903.

Личковъ, Л. С.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. Кіевъ. 903.

Лукашевичъ, А. О.—Практическій самоучитель англійскаго языка въ 36 урокахъ по новой методѣ Оливера (для взрослыхъ), съ учебнымъ матеріаломъ юмористическаго содержанія. Од. 903. Вып. 1. Ц. 30 к.

Львовъ, П.—Повѣсти и разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Мальшинъ, Л. (П. Гриневичъ).—Очерки русской поэзіи. Спб. 904. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Маргуліесъ, М. Г.—Регламентація и свободная проституція. Спб. 903.

Меньшиковъ, А. И.—Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Изд. 3-е. Вятка. 903. Ц. 30 к.

——— Для чего устраиваются праздники древонасажденія въ школахъ. Вятка. 903.

Мережковскій, Д. С.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Метерлинкъ, М.—Жуазель, др. въ 5 д. Перев. А. Калусовскаго. Спб. 904. Цѣна 1 рубль.

Монье, Фил.—„Кваттроченто“. Опытъ литературной исторіи Италіи XV-го вѣка. Съ франц. К. С. Шварсалонъ. Спб. 904. Ц. 4 р.

Морозевичъ, I.—Геологическое строеніе Исачковскаго холма. Съ 4 табл. Спб. 903.

Мортилье, де, Габріель и Адріанъ.—Доисторическая жизнь (Le Préhistorique). Происхожденіе и древность человѣка. Съ третьяго франц. изд. п. р. Л. Штернберга. Спб. 903. Съ 121 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Неждановъ, П.—Экономическіе очерки. Съ польск. Харьк. 903. Ц. 10 к.

Неклепаевъ, И. Я.—Повѣрья и обычаи Иркутскаго края. Омскъ. 903.

Носиловъ, К. Д.—На Новой-Землѣ. Очерки и наброски. Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Обольяниновъ, Влад.—Противься злу. Поэма-романъ. Ч. I. Спб. 904. Ц. 50 к.

Орловъ, М. А.—Какъ дѣлается поташъ? Съ рис. Спб. 903. Ц. 15 к.

Паліенко, Н. И.—Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе. Яросл. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Первовъ, Пав.—О школьной балловой системѣ. Харьк. 903.

Першке, Л. Л.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ,

служащихъ источникомъ косвенныхъ итоговъ и поступленіе акцизнаго по Краю дохода за 1892 г. Тифл. 903.

Пругавинъ, А. С.—Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. 2-е, значительно дополненное изд. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

——— Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Пруженскій, К.—Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

——— Въ разгарѣ страстей. Ром.-хрон Спб.. 902. Ц. 1 р. 25 к.

——— Большіе таланты. Пов. и разск. Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

——— Безъ прикрасъ. Пов., разск. и драмы. Т. IV. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Раббено, Уго.—Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Съ англ. перев. А. Ульяновой. Спб. 903. Ц. 2 р.

Рагозина, З. А.—Краткая всемірная исторія Вып. I: Древнѣйшіе народы, съ 100 рис. и 1 картой. Вып. II: Древнѣйшій Египетъ, съ 100 рис. и 1 картой. Спб. 903. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна по 60 коп.

Раковичъ, И.—Любовь побѣдила. Ром. въ 2 частяхъ. Спб. 903. Ц. 75 к.

Риманъ, Б.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903. Вып. XIV: Порожекъ-Риттеръ. По подп.—6 рублей.

Розенквистъ, А. И.—Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Съ 4 табл. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Русовъ, М. А.—Поселеніе и постройка крестьянъ Полтавской губерніи. Харьк. 903.

Рыстенко, А. В.—Два слова о Некрасовѣ и его поэзіи. Од. 903.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М.—Полное собраніе сочиненій, въ двухъ томахъ. Изд. п. р. А. Скабичевскаго. Съ портр. автора. Т. I и II. Ц. за оба тома—3 р. 50 к.

Сааковъ, А. И.—О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ. Тифл. 903.

Савинъ, Александръ.—Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Саводникъ, В. Ѳ.—Новыя стихотворенія. 1890–1903 г. М. 903. Ц. 60 к.

Сегенъ, Э.—Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Съ франц. М. П. Лебедевой, п. р. В. А. Энько. Спб. 903. Ц. 2 р.

Соколовъ, А.—Краткій учебникъ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ внѣ-европейскихъ частей свѣта: Австралія, Азія, Африка и Америка, съ приложеніемъ 6 картъ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Соколовъ, Г.—О чтеніи поэтическихъ произведеній въ начальныхъ училищахъ. Каз. 903.

Соколовъ, Н. М.—Святые земли Русской. Къ 200-лѣтней годовщинѣ со дня кончины св. Митрофана воронежскаго (23 ноября). Спб. 903. Ц. 30 к.

Сологубъ, Ѳ.—Собраніе стиховъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Спиридоновъ, А. Е.—Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 69 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 50 к.

Тассо де Віола. - Настроенія. Кіевъ 903. Ц. 40 к.

Темномѣровъ, свящ. Аполлоній.—Молитвы, священная исторія и богослуженіе православной церкви. Пособіе при изученіи Закона Божія въ начальной школѣ. Спб. 903.

——— О вѣрѣ и жизни христіанской. Пособіе при изученіи катехизиса въ начальной школѣ. Спб. 903.

Терешенковъ, С. М.—Разсказы: „Ничья“—„На морѣ“. М. 903.

Токвиль.—Старый порядокъ и революція. Перев. п. р. П. Г. Виноградова. 3-е изд. М. 903. Ц. 50 к.

Турыгина, Л.—П. И. Чайковскій. Къ десятилѣтію его кончины (1893—1903). Спб. 903. Ц. 20 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. II: Ученіе о звукѣ (акустика).—Ученіе о лучистой энергіи. Изд. 2-е, совершенно переработанное и значительно дополненное, съ 613 рис. въ текстѣ. Спб. 904. Ц. 5 р.

Хёттонъ, Ф.—Чтенія объ эволюціи. Съ англ. пер. М. Александровичъ. Спб. 903. Ц. 40 к.

Храневичъ, К. I.—Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 904. Цѣна 1 р. 25 к.

Челпановъ, проф. Г.—О памяти и мнемоникѣ. Популярный этюдъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Шаховской, кн., Н. В.—Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Спб. 903.

Шохоръ-Троцкій, С.—Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. II: Для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. Изд. 3-е, исправл. и значит. дополн. Спб. 904. Ц. 50 к.

Шнитцлеръ, Арт.—Покрывало Беатриче. Драма въ 5 актахъ. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Щербатовъ, М. М.—Сочиненія. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. X: части II, III и IV. П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Изд. кн. Б. С. Щербатова. Спб. 903. Ц. 5 р. Отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ.

— Журналы засѣданій Тверского очередного губернскаго земскаго собранія сессія 1902 года и Приложенія къ нимъ. Тв. 903.

— Изданія товарищества „Знаніе": 1) С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 2) К. Гаринъ, Дѣтство Тёмы, т. I. Спб. 903. Ц. 1 р. 3) Его же, Гимназисты, т. II. Спб. 903. Ц. 1 р. 4) Его же, Студенты, Спб. 903. Ц. 1 р. 5) Байронъ, Манфредъ, перев. Ив. Бунина. Спб. 903. Ц. 40 к. 6) Елеонскій, Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 7) А. Яблоновскій, Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р. 8) Лонгфелло, Пѣснь о Гайаватѣ, съ 399 рис. Перев. Ив. Бунина. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Кустарная промышленность на Кавказѣ. Вып. II: Ковровый промыселъ курдовъ Эриванской губерніи. Тифл. 903.

— „Къ Правдѣ". Литературно-публицистическій сборникъ. М. 903. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ о работахъ, произведенныхъ вѣдомствомъ путей сообщенія на водяныхъ путяхъ съ продовольственною цѣлью въ 1902 г. Спб. 903.

— По Екатерининской желѣзной дорогѣ. Вып. 1: Введеніе и часть первая. Екатериносл. 903.

— Сборникъ трудовъ врачей Спб. Маріинской больницы д. б., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій врачей. Вып. VII. Спб. 903.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1900 годъ. Годъ XIV. Херс. 902.

— Труды IV-го Хабаровскаго съѣзда, созваннаго приамурскимъ ген.-губ. Д. И. Суботичемъ. 1903 г. Изд. п. р. К. В. Слюнина. Хабар. 903.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1902 г. Годъ VII. Уфа. 903. Ц. 3 р.

— Эпизодическія программы. Серія I. М. 903. Ц. 20 к.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Н. В. ГОГОЛЬ,

ТВОРЧЕСТВО ЕГО, ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА — ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

— Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. Очеркъ изъ исторіи, русской повѣсти и драмы. 1829—1842. Спб. 1903.
— Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Н. В. Гоголь. Изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія". М. 1903.
— В. В. Каллашъ. Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя. М. 1902.
— Памяти Гоголя. Научно-литературный сборникъ, изданный Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца, подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1902 (?).

Научное изученіе Гоголя, какъ художника и человѣка, представляетъ нелегкую задачу. Кто берется за рѣшеніе ея, долженъ совмѣщать въ себѣ, въ одно и то же время, и вдумчиваго историка литературы, охватившаго культурное и умственное содержаніе эпохи, которая выдвинула замѣчательнаго писателя,—и тонкаго психолога, способнаго освѣтить недоступный простому наблюденію міръ сложныхъ и странныхъ противорѣчій въ душѣ художника-гражданина, трагическую борьбу божественнаго съ человѣческимъ. Всесторонняго изслѣдованія въ этомъ отношеніи пока еще преждевременно требовать отъ ученыхъ, посвящающихъ свои работы отдѣльнымъ вопросамъ изученія жизни и творчества Гоголя, тѣмъ болѣе, что хотя общія черты Гоголевской эпохи и обозначились въ историческомъ пониманіи, ея содержаніе далеко еще не стало матеріаломъ научнаго изученія, а громадная работа, потраченная на установленіе точныхъ фактовъ жизни и подлиннаго текста писателя, нуждается въ дальнѣйшемъ, уже психологическомъ анализѣ и обобщеніяхъ философскаго свойства.

На пути къ этимъ конечнымъ цѣлямъ мы должны особенно привѣтствовать появленіе такого рода работъ, какъ изслѣдованіе Н. А. Котляревскаго. Задавшись цѣлью выяснить вопросъ о томъ, какое положеніе занимаютъ произведенія Гоголя въ ряду современныхъ ему памятниковъ словеснаго творчества, г. Котляревскій свелъ свою работу на почву историко-литературнаго изслѣдованія о роли Гоголя въ той общей работѣ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся писателей его времени, которая была направлена на сближеніе литературы съ жизнью. „У Гоголя были помощники,—говоритъ авторъ,—писатели, которые своими трудами прокладывали ему дорогу или вмѣстѣ съ нимъ

трудились надъ одной задачей, и даже болѣе пристально присматривались иногда къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, на которыя нашъ сатирикъ не успѣлъ обратить должное вниманіе". Самая постановка вопроса возбуждаетъ высокій интересъ, еще усиливаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рѣшеніи его давно уже чувствовалась настоятельная потребность, какъ для дальнѣйшаго хода работъ по изученію Гоголя, такъ и для мотивированно-правильной и объективной историко-литературной его оцѣнки.

Книга г. Котляревскаго интересна по своему содержанію, уясняющему ту историческую почву, на которой развилось творчество Гоголя, и чрезвычайно привлекательна по характеризующему автора изяществу и, мѣстами, блеску изложенія. Мы привыкли къ тому, чтобы встрѣчать въ критикѣ художественныхъ произведеній какъ бы преднамѣренную сухость и безжизненность, принимаемыя многими въ качествѣ признаковъ патентованной учености, и въ этомъ отношеніи книга г. Котляревскаго должна быть отнесена къ числу, несомнѣнно, отрадныхъ явленій нашей литературы. Между авторомъ и читателемъ сразу устанавливается какая-то—a priori—дружественная связь, среда задумчивости и поэтической грусти, сквозь призму которой чувствуется не только объективное наблюденіе предмета, но и душевное къ нему участіе. И нисколько не теряя въ своей научности, книга читается, какъ занимательная и облагораживающая повѣсть. Мѣткія характеристики, остроумныя сопоставленія, поэтическая дымка при передачѣ романтическихъ настроеній,—все это проникнуто чувствомъ художественнаго такта самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ основному предмету книги—раскрыть не столько всѣ тайныя и явныя пружины творчества и жизни Гоголя, сколько разсказать о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ это оригинальное творчество и личность развивались и просвѣтлялись самосознаніемъ художника и гражданина.

Не признавая въ творчествѣ Гоголя никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, г. Котляревскій дѣлитъ, тѣмъ не менѣе, исторію его литературной дѣятельности на двѣ эпохи, изъ которыхъ одна характеризуется расцвѣтомъ преимущественно художественнаго творчества поэта, а другая—стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь, исключительно какъ проблему этическую и религіозную. Но авторъ не беретъ на себя задачи выяснить обѣ эти эпохи сполна; его цѣль—дать характеристику лишь тѣхъ лѣтъ дѣятельности Гоголя, когда онъ былъ по преимуществу художникомъ-бытописателемъ, и религіозныя, нравственныя и общественныя идеи были для него, сравнительно съ художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, на второмъ планѣ.

Намъ хотѣлось бы познакомить читателей съ основными выводами

и характеромъ изложенія г. Котляревскаго. Но сдѣлать это, по отношенію ко всей книгѣ, не особенно легко. Построенная чрезвычайно законченно и отчетливо, отличаясь тою степенью стройности, которую жаль разрушать сокращеннымъ изложеніемъ, она не особенно поддается пересказу, и мы ограничимъ свою задачу тѣмъ, что остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныхъ сторонахъ, посвященныхъ, съ одной стороны, характеристикѣ современной Гоголю литературы, а съ другой—заключительнымъ выводамъ автора.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь только вступалъ на литературное поприще, критическая мысль шла впереди художественной, и прежнія литературныя традиціи, классическія, сентиментальныя и романтическія, были уже подорваны критикой. Послѣдняя, еще съ середины двадцатыхъ годовъ, стала предъявлять опредѣленныя требованія къ литературѣ, сводившіяся къ установленію самобытныхъ сюжетовъ и національныхъ пріемовъ въ творчествѣ. Изъ молодыхъ критиковъ того времени выдавались—Кюхельбекеръ (въ „Мнемозинѣ"), Александръ Бестужевъ (альманахъ „Полярная Звѣзда"), Веневитиновъ („Московскій Вѣстникъ"), Сомовъ и кн. Вяземскій (въ „Московскомъ Телеграфѣ"), позже—И. В. Кирѣевскій (въ „Европейцѣ), Полевой (въ „Московскомъ Телеграфѣ"), Надеждинъ (въ „Телескопѣ"). Критики судили съ различныхъ точекъ зрѣнія, но совпадали въ конечномъ выводѣ. Авторъ формулируетъ послѣдній такимъ образомъ: „Содержаніе и форма русской словесности не соотвѣтствуетъ тому положенію, которое Россія заняла среди иныхъ цивилизованныхъ націй міра и не соотвѣтствуетъ также тѣмъ національнымъ формамъ быта и тому національному смыслу, который, безспорно, заключенъ въ нашей народной и государственной жизни. Мы—нація съ физіономіей самобытной, нація, развившаяся иначе, чѣмъ другія, и уже имѣющая нѣкоторыя заслуги передъ культурнымъ міромъ, и тѣмъ не менѣе отраженіе нашей жизни въ искусствѣ до сихъ поръ было и остается пародіей искусства западнаго, несмотря на присутствіе среди насъ большихъ талантовъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. У насъ нѣтъ ни силы, ни умѣнья провести нашу національную идею въ нашемъ художественномъ творчествѣ, отлить ее въ самобытную форму: въ художникахъ нашихъ совсѣмъ еще не развито чутье народности"... Таковъ былъ приговоръ тогдашней критики.

Этотъ приговоръ былъ не вполнѣ справедливъ, такъ какъ нельзя было отнимать у писателя званіе „народнаго" только потому, что онъ былъ подражателемъ въ сюжетѣ или формѣ своихъ произведеній, и въ смыслѣ выраженія чувствъ и настроеній опредѣленныхъ круж-

ковъ „русской“ интеллигенціи своего времени, были одинаково народны и Батюшковъ, и Жуковскій. Но критика была безусловно права въ томъ отношеніи, что наша словесность, дѣйствительно, очень мало отражала нашу дѣйствительность, предпочитая ей иные вѣка и бытъ иныхъ народовъ. Искусство давало слишкомъ блѣдное представленіе о той сложной, пестрой и разнообразной по идеямъ, чувствамъ и настроеніямъ жизни, которой жили разные классы нашего общества. Заслуга Гоголя, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголя—„нашего перваго реалиста въ искусствѣ“,—и стоитъ въ непосредственной связи съ вопросомъ объ отраженіи нашей жизни въ литературѣ.

„А наша дѣйствительность тѣхъ лѣтъ,—говоритъ авторъ,—могла по праву горевать о томъ, что было такъ мало художниковъ, ея достойныхъ.

„Это была дѣйствительность, отливавшая самыми разнообразными оттѣнками мысли и чувства. Вѣкъ дѣятельный и тревожный, за которымъ слѣдовала эпоха сосредоточеннаго раздумья—иной разъ очень печальнаго. Вѣкъ броженія идей и подъема чувствъ, и затѣмъ годы замиренія и притиханія ума и сердца.

„Эпоха Александра I могла въ особенности дать много матеріала для историка, психолога и художника“...

Давъ сжатую, но яркую и образную характеристику Александровской эпохи, авторъ ставитъ вопросъ: какъ же воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ художникъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ? „Онъ, свидѣтель царствованія Александра и свидѣтель первыхъ годовъ новаго царствованія, уловилъ ли онъ смыслъ или хотя бы только внѣшнюю форму того историческаго процесса, который передъ нимъ развернулся?“

Завѣщанная XVIII вѣкомъ тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла и въ началѣ XIX, но развитіе ея не соотвѣтствовало тому приросту литературныхъ силъ, который появился въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Талантовъ явилось много и даже сильныхъ, но изъ нихъ склонность къ реальному возсозданію нашей жизни обнаружили немногіе, притомъ наиболѣе слабые: даровитые писатели либо заимствовали сюжетъ изъ жизни не-русской и не-современной, либо уходили въ изображеніе своихъ личныхъ ощущеній.

Для доказательства своего положенія авторъ останавливается на значеніи дѣятельности Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина и цѣлой плеяды нынѣ уже забытыхъ писателей, Нарѣжнаго, Полевого, Марлинскаго, Булгарина, Бѣгичева и др. Мѣткими и рѣзкими штрихами очерчена роль Грибоѣдова въ уясненіи историческаго смысла эпохи. „Важна въ данномъ смыслѣ, — говоритъ авторъ, — не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ

лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократической распущенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника аракчеевской выправки ума и тѣла, или его гостей — этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря—чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ; важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной минуты, которое выказалъ Грибоѣдовъ, когда всѣмъ этимъ сложившимся и опредѣленнымъ цѣльнымъ типамъ, всѣмъ этимъ олицетвореніямъ общественной неподвижности, онъ противопоставилъ типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, выразителя стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій—и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ, и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка, и вмѣстѣ съ тѣмъ экзальтированный юноша, т.-е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ непонятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполнѣ истолкованы и соглашены. Онъ—выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ установившимися неподвижно взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отмѣтила и первая заставила о немъ подумать".

Характеристикъ, подобныхъ приведеннымъ, не мало въ книгѣ г. Котляревскаго. Въ нихъ сказывается не только опытный изслѣдователь, но и тонкій любитель литературы, надѣленный лично недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ.

Художественное дарованіе въ ученомъ изслѣдователѣ имѣетъ свои особенности, среди которыхъ нерѣдко видную роль играетъ нѣкоторая неуравновѣшенность, неровность, такъ сказать, въ распредѣленіи темперамента, поскольку послѣдній отражается на ходѣ ученаго изслѣдованія. Это сказывается мѣстами и въ книгѣ Н. А. Котляревскаго, но особенно это можно подмѣтить на характеристикѣ Пушкина, въ его отношеніяхъ къ реализму въ нашей литературѣ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, характеристика Пушкина вышла у автора блѣдной и далеко не полной. По отзыву г. Котляревскаго, Пушкинъ, при своей замѣчательной способности на все въ мірѣ откликаться, всего рѣже откликался, какъ художникъ, на за-

просы современной ему русской жизни. Авторъ отграничиваетъ понятіе „какъ художникъ“ отъ работъ Пушкина въ качествѣ критика, историка и публициста. Но именно по отношенію къ Пушкину такое разграниченіе невозможно. Если взять дѣятельность Пушкина, въ ея цѣломъ, не исключая его богатѣйшей переписки, какъ это авторъ дѣлаетъ относительно Гоголя, то трудно будетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ и неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, и что—„во всемъ, что̀ Пушкину пришлось обнародовать до появленія произведеній Гоголя, современность была слабо представлена“. Знаменательно было уже и то обстоятельство, что въ художникѣ все время не переставалъ сказываться публицистъ, искавшій выраженія тѣмъ идеямъ и фактамъ дѣйствительности, о которыхъ съ большей свободой и непосредственностью можно было бы говорить безъ границъ и неизмѣнныхъ условностей поэтическаго изложенія. Можно согласиться, пожалуй, съ тѣмъ, что если Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, не сдѣлалъ всего, что̀ онъ могъ бы сдѣлать, судя по неконченнымъ работамъ, то, какъ говоритъ авторъ,— „тому были психологическія и иныя причины“;—вѣрнѣе— *иныя* и психологическія, а среди этихъ *иныхъ* причинъ играла не послѣднюю, если не первую роль—тяжесть политическихъ и общественныхъ условій, давившая его несравненно сильнѣе, чѣмъ позже Гоголя. Только значительно приподнявъ оцѣнку того, что̀ было сдѣлано Пушкинымъ въ области художественной дѣятельности, можно было бы принять слова автора о томъ, что „такое позднее (посмертное) появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашъ реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнакомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе“.

Останавливаясь на писателяхъ второстепенныхъ, авторъ считается съ ними, поскольку ихъ сочиненія давали бытописательный матеріалъ. „Этотъ матеріалъ,—замѣчаетъ онъ,—изъ жизни дѣйствительной подбирался нашими писателями съ разными цѣлями, не всегда только художественными“. Такъ, прежде всего въ романѣ Измайлова „Евгеній“ на первомъ планѣ стояла дидактическая цѣль; позже нѣсколько выступилъ Карамзинъ. Попытки реальнаго романа у Нарѣжнаго и затѣмъ Булгарина, особенно у перваго, вышли уже гораздо серьезнѣе. Характеристика Нарѣжнаго, долгое время не пользовавшагося вниманіемъ критики, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ у г. Котляревскаго. Нарѣжный былъ талантливый, вдумчивый и смѣлый писатель. „Разсматривая ихъ (нравоописательные романы Нарѣжнаго), какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обла-

далъ большимъ чутьемъ дѣйствительности, и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны жизни, которыхъ не касались его современники"... „Его романъ („Два Ивана") отнюдь не былъ „забавнымъ" романомъ, несмотря на массу истинно-комическихъ подробностей, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. По основной идеѣ это была сатира соціальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ". Умѣя отличать въ нашей жизни существенное отъ случайнаго, Нарѣжный—„былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ Николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя".

Безпристрастная оцѣнка дана г. Котляревскимъ знаменитому Булгарину. „Онъ, какъ литераторъ,—говоритъ авторъ,—имѣлъ свои безспорныя заслуги, и нелюбовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности какъ журналиста и писателя". Но для роста литературы Булгаринъ сдѣлалъ мало. „Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого писателя: Булгаринъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что-нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, проповѣдниковъ обыденной несложной морали, привыкшей имѣть дѣло съ самыми будничными добродѣтелями". Гораздо богаче содержаніемъ были статейки Полевого, собранныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ „Новомъ живописцѣ общества и литературы". Злая и мѣткая шутка надъ очень серьезными сторонами жизни—вотъ ихъ главное достоинство.

Истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно, но—„критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству". Тѣмъ не менѣе, попытки реальнаго воспроизведенія нашей тогдашней жизни свое дѣло сдѣлали: „онѣ подготовляли общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ на заставилъ себя ждать долго".

Это былъ Гоголь.

Выяснивъ, такимъ образомъ, критическіе взгляды, существовавшіе въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, и подготовительную работу писателей-реалистовъ, г. Котляревскій переходитъ къ творчеству Гоголя и послѣдовательно разсматриваетъ одно произведеніе за другимъ. Здѣсь авторъ не столько интересуется фактической стороной произведенія, исторіей его текста и совпаденіями въ сюже-

тахъ съ другими писателями, сколько тѣмъ внутреннимъ міромъ, въ которомъ жилъ художникъ въ періодъ созданія того или другого произведенія, смѣной и борьбой настроеній и идей, оставившей слѣдъ въ творчествѣ. Изслѣдуя „Вечера на хуторѣ", авторъ отмѣчаетъ въ нихъ смѣшеніе романтизма съ реализмомъ, фантастическій элементъ, идеализацію, отступленія отъ бытовой правды. Біографія, игравшая столь видную роль въ творчествѣ поэта, естественно входитъ въ изложеніе автора, но не выступаетъ на первый планъ, являясь лишь необходимымъ матеріаломъ для поясненія особенностей творчества, внутренняя исторія котораго даетъ основное содержаніе всѣмъ послѣдующимъ главамъ книги. За разсказомъ о петербургскомъ періодѣ жизни, отмѣченномъ колебаніями въ пріемахъ творчества, когда Гоголь былъ „романтикомъ-энтузіастомъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ", причемъ послѣдній взялъ верхъ (въ этотъ періодъ) надъ первымъ, слѣдуетъ характеристика взглядовъ Гоголя на искусство, въ которыхъ уже наглядно сказался разладъ мечты и дѣйствительности, какъ онъ отразился въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Портретъ", „Невскій Проспектъ", „Записки Сумасшедшаго", и статьяхъ объ искусствѣ.

Говоря объ увлеченіи Гоголя исторіей и произведеніяхъ этого періода, авторъ даетъ попутно очеркъ нашей исторической повѣсти, останавливаясь на главнѣйшихъ видахъ этого рода литературныхъ произведеній, съ тѣмъ, „чтобы указаніемъ на ихъ достоинства и недостатки лучше оцѣнить то преимущество, которое надъ всѣми ними имѣетъ разсказъ Гоголя". Здѣсь отмѣчаются снова—Нарѣжный, Марлинскій, охарактеризованный въ этомъ случаѣ „если не отсутствіемъ, то меньшимъ подчеркиваньемъ всевозможныхъ патріотическихъ тенденцій"; затѣмъ Загоскинъ, съ своимъ „фальшивымъ" Юріемъ Милославскимъ, Лажечниковъ, Полевой. Въ этотъ періодъ Гоголь, по словамъ автора,—„какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ—чему служитъ его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь тридцатыхъ годовъ—сынъ своего романтическаго поколѣнія.

„Но въ немъ одновременно созрѣвалъ творецъ иного литературнаго направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть впослѣдствіи". Послѣдовательному изложенію процесса выработки въ писателѣ этого новаго, истинно-реальнаго направленія, посвящены остальныя главы изслѣдованія Н. А. Котляревскаго. Особенное значеніе имѣютъ его положительно блестящія страницы по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ признать отцомъ нашего реальнаго романа: Пушкина, Лермонтова или Гоголя? Авторъ

рѣшаетъ его такимъ образомъ: Пушкинъ былъ первый по времени, достигшій сочетанія правды съ жизнью, а Гоголь—по полнотѣ и широтѣ изображенія дѣйствительности. „Картина русской жизни, набросанная нашимъ сатирикомъ, была несравненно полнѣе и шире, чѣмъ все, чтò было въ этомъ направленіи создано его предшественниками и современниками. Только прочитавъ Гоголя, мы могли сказать, что ознакомились со многими страницами той, еще до сей поры не дочитанной книги, которая называется русской жизнью“.

Работа г. Котляревскаго важна также и въ томъ отношеніи, что она пролагаетъ новые пути для послѣдующихъ изыскателей и открываетъ широкія перспективы для новыхъ точекъ зрѣнія. Дальнѣйшая разработка творчества Гоголя, быть можетъ, не остановится передъ неразрѣшимостью задачи, которую представляютъ собой жизнь и творчество писателя въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, и докажутъ ту a priori кажущуюся истину, что въ немъ Россія имѣла честнѣйшаго сына своей родины, положившаго всѣ силы на то, чтобы сдѣлать свой талантъ орудіемъ служенія высшимъ идеаламъ общества, независимо отъ его личнаго пониманія этихъ идеаловъ. И книга г. Котляревскаго поможетъ рѣшить эту задачу.

Немаловажное значеніе имѣетъ и трудъ проф. Овсянико-Куликовскаго, не вполнѣ, какъ можно думать, законченный и разработанный въ деталяхъ. Важны общія соображенія, и особенно методъ изслѣдованія, своеобразный, непосредственно изслѣдующій творчество писателя въ его существѣ. Работу эту слѣдуетъ имѣть въ виду, читая книгу г. Котляревскаго, но и сама она нуждается въ общемъ историческомъ освѣщеніи, которое въ ней, сообразно цѣлямъ автора, почти отсутствуетъ.

Этюдъ г. Овсянико-Куликовскаго открывается общимъ разсужденіемъ о художественномъ методѣ Гоголя. Для выясненія послѣдняго авторъ сопоставляетъ его съ тѣмъ, какъ творилъ Пушкинъ. Дѣля писателей на художниковъ-наблюдателей, преслѣдующихъ *правдивое* изображеніе жизни такою, какъ она есть, и художниковъ-экспериментаторовъ, дающихъ въ своихъ произведеніяхъ субъективно созданный *нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ*, въ особомъ освѣщеніи, благодаря чему изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко и отчетливо, что ея смыслъ становится понятенъ всѣмъ,—авторъ видитъ высшій образецъ первыхъ въ Пушкинѣ, а въ Гоголѣ—высшій образецъ вторыхъ. Художникъ-экспериментаторъ, вызвавшій

у Пушкина скорбный возгласъ: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ при чтеніи отрывка „Мертвыхъ Душъ“, по самой натурѣ своей долженъ былъ представлять, какъ геній жизнерадостный и уравновѣшенный, прямую противоположность Гоголю, натурѣ неровной, болѣзненно-воспріимчивой и неясной.

Авторъ даетъ такую общую характеристику Гоголю: „сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, неэкспансивный, склонный къ самоанализу и самобичеванію, предрасположенный къ меланхоліи и мизантропіи, натура неуравновѣшенная, Гоголь смотрѣлъ на Божій міръ сквозь призму своихъ настроеній, большею частью очень сложныхъ и психологически-темныхъ, и видѣлъ ярко и въ увеличенномъ масштабѣ преимущественно все темное, мелкое, пошлое, узкое въ человѣкѣ. Кое-что изъ этого порядка отрицательныхъ явленій онъ усматривалъ и въ себѣ самомъ—и тѣмъ живѣе и болѣзненнѣе отзывался онъ на эти впечатлѣнія, идущія отъ другихъ, отъ окружающей среды. Онъ изучалъ ихъ одновременно и въ себѣ, и въ другихъ. Находя въ себѣ нѣкоторые недостатки или „мерзости“, какъ онъ выражается, онъ ихъ приписываетъ своимъ героямъ, а съ другой стороны, чужія „мерзости“, изображенныя въ герояхъ, онъ сперва, такъ сказать, примѣрялъ къ себѣ, навязывалъ себѣ, чтобы лучше вглядѣться въ нихъ и глубже постичь ихъ психологическую природу. Это были своеобразные пріемы экспериментальнаго метода въ искусствѣ“.

Гоголь постоянно, съ ранняго дѣтства, производилъ *опыты* надъ людьми. Онъ даже ссорился, какъ извѣстно, съ своими друзьями, съ единственной цѣлью заставить ихъ высказаться о себѣ и посмотрѣть на нихъ въ гнѣвѣ. Въ этомъ сказывались моралистъ и художникъ въ одно и то же время. Этика и искусство шли у него рядомъ. Движеніями души человѣческой онъ не переставалъ интересоваться никогда. Постоянно просилъ онъ друзей сообщать ему мелочи жизни и обстановки, характеристики-портреты знакомыхъ, отмѣчая въ нихъ типическія черты. Для него въ душѣ и сердцѣ человѣческомъ было столько неуловимыхъ оттѣнковъ и излучинъ, что каждый день могли случаться открытія и откровенія. Но не вся русская жизнь, въ ея цѣломъ, была предметомъ художественныхъ стремленій Гоголя, но лишь русскій человѣкъ, въ собирательномъ смыслѣ, психологія русскаго человѣка, тѣ ея вопросы, которые онъ опредѣлялъ терминомъ „душевное дѣло“. Въ одномъ изъ писемъ къ П. А. Плетневу онъ говорилъ, что ему былъ издавна дарованъ Богомъ драгоцѣнный даръ *слышать душу* человѣка. Эта экспериментирующая сторона Гоголевской натуры многое объясняетъ въ писателѣ и, между прочимъ, тѣ недоразумѣнія, которыя постоянно возникали у него съ друзьями.

Чрезвычайно интересны соображенія автора объ умѣ Гоголя. От-

мѣчая одно изъ многихъ противорѣчій Гоголя, именно то, что, съ одной стороны, въ его жизни видна упорная и неустанная работа ума, а съ другой—несомнѣнные признаки умственной лѣни, г. Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ его, какъ человѣка мыслящаго, работающаго головою, характернымъ терминомъ: „трудолюбивый лѣнивецъ". При логической непримиримости этихъ понятій, психологически авторъ объясняетъ ее такъ, что это противорѣчіе вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ ума человѣческаго, изъ тѣхъ психологическихъ особенностей, которыми сфера мысли отличается отъ другихъ сферъ психики,—отъ чувства и воли. По самой своей природѣ умъ—постоянный работникъ, работающій неустанно, какъ часы. Но онъ неохотно мѣняетъ направленіе и ходъ своей работы, неохотно расширяетъ свой кругозоръ, пріобрѣтаетъ новые интересы. Ему свойственна извѣстнаго рода консервативность.

Природа награждаетъ нѣкоторыхъ „счастливо организованными" умами, одаренными исключительной гибкостью и широтой умственныхъ интересовъ, открытыми всѣмъ впечатлѣніямъ и возбужденіямъ мышленія. Такіе умы радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Таковы были—Гёте и нашъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было—„на поприщѣ ума нельзя намъ отступать"...

Гоголь принадлежалъ къ совершенно особому типу.

Будучи современникомъ великихъ событій въ умственной и общественно-политической жизни западной Европы, гдѣ онъ такъ долго жилъ, онъ почти ничѣмъ не отозвался на нихъ и остался въ сторонѣ отъ могучаго движенія въ сферѣ европейской литературы, наукъ, искусствъ и философіи. Поэтическое наслѣдіе Гёте, Шиллера, Байрона, французская литература, съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Бальзакомъ, философскія теченія, шедшія отъ Гегеля, Фихте, Шеллинга и, рядомъ съ ними, гуманитарныя и освободительныя идеи,—вся эта работа умовъ, „вся эта жизнь и роскошь духа", для Гоголя не существовала; даже интересъ къ пластическому искусству, проявившійся въ немъ, не вызвалъ сколько-нибудь значительной работы мысли, ни даже желанія познакомиться съ литературой по исторіи и теоріи искусства.

И тѣмъ не менѣе, этотъ умъ произвелъ гигантскую работу и притомъ такую, какая подъ силу только геніальному художественному уму.

Въ объясненіе этого факта авторъ указываетъ снова на ту двойственность, какая существуетъ въ умственной дѣятельности человѣка. „Всякій человѣкъ,—говоритъ онъ,—является въ жизни своей одновременно и „мыслителемъ" (у всякаго своя философія), и „ученикомъ" жизни, цивилизаціи, новыхъ идей, новыхъ сужденій и построеній, новыхъ завоеваній науки, философіи, искусства. Отношеніе въ каждомъ

изъ насъ „мыслителя“ къ „ученику“ бываетъ весьма различно: одинъ является одинаково хорошимъ „мыслителемъ“ и „ученикомъ“, другой—„хорошимъ мыслителемъ“ и плохимъ „ученикомъ“, третій—наоборотъ и т. д. Есть люди, которые всѣмъ интересуются, за всѣмъ слѣдятъ, все читаютъ, и въ результатѣ въ головѣ у нихъ получается нѣкоторая каша, которую они называютъ міросозерцаніемъ: это—хорошіе, т.-е. прилежные „ученики“ и совсѣмъ ужъ плохіе „мыслители“...

Гоголь, наоборотъ, былъ отличнымъ „мыслителемъ“ и совсѣмъ плохимъ, лѣнивымъ „ученикомъ“. Ему болѣе всего была свойственна „*обломовщина*“ ума, какъ органа познанія и движенія мысли.

Геніально-творческій умъ Гоголя былъ темный умъ. „Излишне приводить доказательства умственной темноты Гоголя,—говоритъ авторъ:—многія страницы „Выбранныхъ мѣстъ“ и писемъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ней (одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ—вѣра въ чорта). Гораздо важнѣе показать, что этотъ темный умъ былъ великій умъ и что, пребывая во тьмѣ, Гоголь иногда видѣлъ и понималъ то, чего часто не видятъ и не понимаютъ люди, вышедшіе изъ тьмы, умы просвѣщенные“... Огромный умъ Гоголя слишкомъ много тратилъ и слишкомъ скудно питался. Отсюда—недостатокъ свѣта и отсутствіе широкихъ идей.

Въ этой же главѣ авторъ существенно выясняетъ значеніе Пушкина для самосознанія Гоголя, т.-е. сторону, недостаточно оттѣненную въ предыдущей книгѣ.

Не менѣе любопытна и та часть труда г. Овсянико-Куликовскаго, которую онъ посвящаетъ психологіи отношенія Гоголя къ Руси, какъ цѣлому.

Это была прежде всего связь тяготѣнія великаго художника къ тому національному цѣлому, къ которому онъ принадлежалъ. Она сильнѣе всего ощущалась въ минуты вдохновеній, и особенно когда Русь представлялась ему изъ прекраснаго далека. Но, кромѣ общихъ, у Гоголя были и индивидуальныя пружины этой связи. Выясненіе ихъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ книги.

Прежде всего авторъ указываетъ на то, что, несмотря на видимую замкнутость и неэкспансивность натуры, никто изъ писателей не раскрылъ намъ своей души и своихъ тайныхъ помышленій съ такой полнотою, какъ Гоголь—и не только въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, но и въ печатныхъ произведеніяхъ („Авторская исповѣдь“, нѣкоторыя страницы изъ „Выбранныхъ мѣстъ“). „Въ то время, какъ въ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина и Тургенева едва можно набрать сотню—другую *строкъ* этого рода признаній, въ литературномъ наслѣдіи Го-

голя они занимаютъ *десятки страницъ*. Какъ согласовать его съ столь извѣстной скрытностью, неэкспансивностью Гоголя?"

Противорѣчіе полное, но авторъ устраняетъ его слѣдующимъ соображеніемъ.

По особенностямъ душевнаго склада и субъективному характеру творчества, центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ интересы Гоголя, было его внутреннее „я". Натура *эгоцентрическая*, Гоголь былъ всегда „полонъ собою", всегда носился съ собою и невольно, повинуясь внутреннему импульсу, разсказывалъ о себѣ, живя по преимуществу рефлексіей своего внутренняго бытія. Такое положеніе многое уясняетъ въ Гоголѣ, въ особенности въ отношеніи его душевныхъ мукъ. „Слишкомъ центральное положеніе человѣческаго „я" есть бремя неудобоносимое, — говоритъ авторъ. — Вниманіе, напряженно устремленное внутрь, утомляется скорѣе и больше, чѣмъ вниманіе, обращенное къ внѣшнему міру. Ибо и темно, и тревожно въ душѣ человѣческой, и взоръ, прикованный къ ея микрокосму, смотритъ въ темноту и по необходимости становится игралищемъ всего, что тамъ залежалось, что тамъ глухо бродитъ, что прячется,—разныхъ болѣе или менѣе допотопныхъ понятій, спящихъ въ безсознательной сферѣ духа, различныхъ иллюзій сознанія и тайныхъ самообмановъ чувствъ, имѣющихъ свой смыслъ и свою душевную правду, пока они скрыты, и становящихся ложью, когда обнаружены".

Такъ было и съ Гоголемъ. Высказаться, „исповѣдаться", и притомъ публично, было для него, какъ для натуры крайне эгоцентричной, глубокой душевной потребностью.

Его „эгоцентризмъ" искалъ проявить свое „я" не только въ творчествѣ, но еще въ чемъ-то иномъ, важномъ и достойномъ и его, и его призванія. Авторъ опредѣляетъ это другое „осуществленіемъ общественной стоимости" человѣка, понимая подъ этимъ то, что испытываетъ человѣкъ, чувствуя себя величиной общественной и звеномъ въ психологической цѣпи, связующей людей въ организованное соціальное цѣлое. Если онъ не чувствуетъ этого, то его общественная стоимость не можетъ считаться осуществленной. Такимъ образомъ, по автору, осуществленіе общественной стоимости предполагаетъ: а) общественное значеніе дѣятельности человѣка; б) признаніе этого значенія обществомъ; в) сознаваніе личностью, что она—величина общественная.

Симптомомъ стремленія осуществить свою общественную стоимость является честолюбіе. У Гоголя оно было безгранично, вытекая не только изъ инстинктивнаго стремленія—быть писателемъ-художникомъ, но и писателемъ-гражданиномъ, непосредственно вліяющимъ на общество. Этотъ выводъ автора особенно цѣненъ въ его изслѣдованіи; онъ

не новъ, но здѣсь его аргументація въ высшей степени наглядна и убѣдительна.

Когда Гоголь увидѣлъ значеніе своего творчества, онъ безсознательно, инстинктивно „ухватился“ за свое великое національное значеніе, какъ за суррогатъ общественнаго значенія, — „онъ, смѣшавъ національное съ общественнымъ, сталъ смотрѣть на свое дѣло художника, какъ на орудіе осуществленія своей общественной стоимости. Работая надъ „Мертвыми Душами“ и поэтически созерцая Русь изъ прекраснаго далека, онъ лелѣялъ мысль или, скорѣе, иллюзію, будто тѣмъ самымъ онъ становится непосредственнымъ участникомъ общественной (въ обширномъ смыслѣ) жизни своего отечества, входитъ органическимъ звеномъ въ ту соціальную среду, которую онъ называлъ „Русью“.

Эта „Русь“ понималась имъ по преимуществу какъ *государство*, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась для него тою государственно-національной средою, гдѣ онъ стремился стать единицей и даже *дѣйствующей силой*, орудіемъ которой должна была служить моральная проповѣдь.

Въ послѣдующихъ главахъ, столь же глубоко интересныхъ и блестяще построенныхъ, авторъ анализируетъ „душевное дѣло“ Гоголя, его мораль и мистику, останавливается на вопросѣ о національномъ, общерусскомъ значеніи его и въ заключеніе—даетъ этюдъ по психологіи геніальности писателя.

Тонкій психологическій анализъ, отчетливость метода и ясность изложенія—таковы основныя достоинства книги г. Овсянико-Куликовскаго, книги, которая составитъ цѣнный и крупный вкладъ въ литературу о Гоголѣ.

Опытъ удачной общей характеристики Гоголя сдѣланъ въ небольшой брошюрѣ В. В. Каллаша: „Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя“. Сжато, но выпукло отмѣчено все существенное, изъ чего слагается трагическій образъ Гоголя — комика и юмориста. „Реализмъ и юморъ, какъ и лиризмъ—племенное достояніе у Гоголя; ихъ закрѣпляли у него природа и привычка. Они сильны у него еще до сближенія съ Пушкинскимъ кружкомъ, и поэтому-то Гоголь такъ свободно идетъ на встрѣчу его реалистическимъ тенденціямъ, такъ быстро становится съ нимъ въ ногу и такъ легко обгоняетъ большинство его представителей—въ періодъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

Авторъ не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое придаютъ обыкновенно вліянію, произведенному на Гоголя Пушкинымъ и его кружкомъ.

„Кто хоть немного знакомъ съ перепиской Гоголя, — говоритъ по этому поводу авторъ, — тотъ знаетъ, что еще съ дѣтства онъ очень высоко ставилъ свое призваніе, понималъ всю исключительность своей натуры и все величіе своей будущей общественной роли. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и шатаній, еще до сближенія съ Пушкинымъ, онъ, такъ сказать, спеціализируется на литературѣ и сразу же выдвигается въ первые ряды писателей“...

Однако, фактъ значительности этого вліянія засвидѣтельствованъ тою же перепиской, и самъ г. Каллашъ признаетъ, что „своими совѣтами Пушкинъ заставилъ своего молодого собрата пополнить нѣкоторые вопіющіе пробѣлы своего образованія, научнаго и литературнаго, взяться за болѣе крупные сюжеты, вполнѣ сознать основную особенность своего таланта“. Здѣсь далеко еще не все, что̀ далъ Пушкинъ своему геніальному собрату, но и этого совершенно достаточно, чтобы признать за вліяніемъ Пушкина фактъ весьма знаменательный для Гоголя.

Для насъ же знаменательно то, что критическая разработка твореній Гоголя (равно какъ и Пушкина) вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, въ которомъ широкое обобщеніе уже можетъ идти рядомъ съ анализомъ, идущимъ все глубже и глубже, содѣйствуя въ той же мѣрѣ изученію творчества писателя, какъ и росту историческаго самосознанія общества. Въ этомъ отношеніи за каждымъ изъ названныхъ авторовъ, въ связи съ общимъ характеромъ ихъ работъ, запишется въ исторіи русской литературы немаловажная заслуга.

Наша замѣтка объ изданіяхъ, посвященныхъ Гоголю, была бы неполна, еслибы мы не упомянули о научно-литературномъ сборникѣ „Памяти Гоголя“, изданномъ „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“, подъ редакціей Н. П. Дашкевича. По обширности и разнообразію матеріала, этотъ сборникъ долженъ занять выдающееся мѣсто въ ряду юбилейныхъ изданій.

Въ началѣ помѣщенъ не лишенный своеобразнаго интереса отчетъ о чествованіи „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“ памяти Гоголя, въ день пятидесятилѣтія со дня его смерти. Чествованіе это было нарушено многими обстоятельствами, не имѣвшими никакого отношенія ни къ наукѣ, ни къ литературѣ. Предполагалось устройство торжественнаго засѣданія и ряда лекцій о Гоголѣ, но высшее мѣстное учебное начальство, „въ силу мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ“ (уличныхъ демонстрацій и студенческихъ волненій), не нашло

возможнымъ разрѣшить чествованіе Гоголя въ стѣнахъ университета и тамъ же читать о немъ лекціи. Хотя нѣсколько лекцій и было прочитано, послѣ разнообразныхъ затрудненій, въ Биржевомъ залѣ, но они, „по независящимъ отъ общества и лекторовъ обстоятельствамъ", привлекли сравнительно ограниченное количество слушателей. Обществу пришлось, такимъ образомъ, отказаться отъ предположеннаго торжественнаго засѣданія, и оно ограничилось напечатаніемъ составленныхъ для него рѣчей, которыя и образовали „Гоголевскій сборникъ".

Изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ, вносящихъ новыя и нерѣдко интересныя соображенія въ объясненіе творчества писателя, назовемъ статьи гг.: Шаровольскаго („Юношеская идиллія Гоголя"), Петрова („Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя"), Марковскаго („Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ"), Лободы („Комедіи Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи" и другими его произведеніями), Дашкевича („Значеніе мысли и творчества Гоголя"), Александровскаго („Гоголь и Бѣлинскій") и др.

Въ интересной статьѣ о научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Гоголя, по исторіи Малороссіи г. Каманинъ приходитъ къ заключенію, на основаніи разбора мнѣній Скабическаго, Тихонравова и др., что эти произведенія Гоголя были поняты и правильно оцѣнены только Пушкинымъ, Бѣлинскимъ и Максимовичемъ,—„тѣ же изслѣдователи, которые занялись болѣе обстоятельно изученіемъ историческихъ статей и повѣстей Гоголя, приступили къ нимъ безъ достаточной подготовки и знакомства съ источниками южно-русской исторіи и съ недобрымъ чувствомъ подозрительности къ поэту".

Въ статьѣ „Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель", г. Малининъ характеризуетъ „рѣшительное" вліяніе Гоголя, продолжающееся до нашихъ дней. Заслуга эта выражается въ закрѣпленіи реализма и народности въ литературѣ, въ расширеніи содержанія литературнаго творчества и въ утвержденіи господствующаго значенія за нѣкоторыми этическими и драматическими формами литературы. Указывая на отношеніе къ Гоголю Щедрина, Некрасова и Островскаго, авторъ говоритъ: „вліяніе творчества Гоголя, впрочемъ, далеко выступаетъ изъ границъ той литературы, которую мы обычно относимъ къ сатирической—по принятой литературной теоріи. Въ генетической связи съ творчествомъ Гоголя стоитъ направленіе, а отчасти и содержаніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Замѣтно бросается въ глаза аналогія между исторіею творчества Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. У того и другого религіозные вопросы сдѣлались преобладающимъ предметомъ мысли и творчества въ послѣдніе годы ихъ жизни. Впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ можетъ и вовсе не существовать гене-

тической связи, а сказываться лишь свойство дарованія обоихъ писателей и значеніе эпохи, которая выдвигаетъ извѣстные вопросы. Точно такъ же трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Война и Миръ", эта эпопея изъ русской исторіи XIX вѣка, была навѣяна эпопеей Гоголя „Тарасъ Бульба"; но едва ли можно оспаривать, что реализмъ Толстого опредѣлился не безъ вліянія творчества Гоголя. Даже такіе представители нашей литературы, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, считавшіе своимъ учителемъ Пушкина, испытали на себѣ вліяніе творчества Гоголя. Иначе и быть не могло: послѣдующія явленія литературы и жизни есть порожденіе совокупности явленій предшествующихъ. Геній Гоголя, своеобразность и съ тѣмъ вмѣстѣ высокая жизненность его произведеній такъ очевидны для людей, одаренныхъ художественнымъ чутьемъ, что остаться внѣ вліянія ихъ было прямо невозможно. Тургеневъ говоритъ о себѣ, что сочиненія Гоголя онъ зналъ чуть не наизусть. Онъ же прибавляетъ, что „нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда имя Гоголя. Поэтому возможно допустить, что „Записки Охотника" Тургенева, какъ обращеніе къ воспроизведенію народнаго быта, остались не безъ вліянія „Вечеровъ на хуторѣ". Мы говоримъ не объ идеѣ „Записокъ", а объ ихъ формѣ и народномъ бытѣ, какъ предметѣ разсказовъ Тургенева. По словамъ послѣдняго, „между міросозерцаніемъ Гоголя и его лежала цѣлая бездна".

Г-нъ Дашкевичъ даетъ характеристику религіозно-нравственнаго состоянія Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. Въ общемъ итогѣ оно представляется изслѣдователю въ такомъ видѣ, что въ Гоголѣ, какъ нравственной личности, шла ожесточенная борьба двухъ началъ—эгоистическаго и альтруистическаго съ ихъ разнообразными проявленіями. Первое жило въ немъ, какъ естественное влеченіе природы, какъ стихійная сила, въ той или иной степени присущая каждому человѣку; второе выступало, какъ сознательно поставленная норма, какъ высшій идеалъ, покоящійся на религіозной основѣ. Недосягаемая высота христіанскаго идеала, въ связи съ высокой добросовѣстностью въ отношеніи къ предъявленнымъ къ себѣ нравственнымъ требованіямъ, дѣлали поставленную Гоголемъ задачу трудно достижимою, и самое стремленіе разрѣшить ее доставляло Гоголю много глубокихъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Въ послѣднія минуты жизни Гоголь напоминаетъ собой изслѣдователю надѣленный сознаніемъ потухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность потрясти небо и землю своими громовыми ударами, но у котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго шипѣнія.

„Гоголь у насъ не одинъ, — замѣчаетъ авторъ въ концѣ своей весьма интересной статьи. — Въ нашемъ недалекомъ историческомъ

прошломъ можно было бы указать не мало славныхъ дѣятелей, которые мучились муками Гоголя, которые страдали его страданіями. Но зачѣмъ намъ далеко ходить за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ угасаетъ жизнь другого великаго писателя Русской земли, который, не найдя, подобно Гоголю, въ жизни данныхъ для воплощенія въ живыхъ образахъ томящихъ его идеаловъ, бросилъ кисть художника съ тѣмъ, чтобы хоть въ сухихъ логическихъ схемахъ выразить свои завѣтныя думы. Гдѣ же причины этого явленія? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ печально сложившейся исторіи нашего многострадальнаго народа. Нужно сознаться, что историческая судьба нашего народа была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родною. Вынужденный съ колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій человѣкъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ въ другую, лучшую жизнь, гдѣ нѣтъ ни насильниковъ, ни обидчиковъ, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь"...

Къ изданію приложены нѣсколько превосходно исполненныхъ портретовъ и рисунковъ, а также каталогъ Гоголевской выставки, составленный г. Чаговцемъ.—Евг. Ляцкій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

G. Hauptmann. Rosa Bernd. Schauspiel in 5 Akten. Berlin, 1903 (S. Fischer. Verlag).

Въ своей новой драмѣ „Роза Берндъ“ Гауптманъ отходитъ отъ сказочныхъ и фантастическихъ сюжетовъ, занимавшихъ его въ „Бѣдномъ Генрихѣ“ и въ „Потонувшемъ колоколѣ“, и изображаетъ живыя человѣческія страсти на фонѣ ярко обрисованной крестьянской жизни. Если Гауптмана въ послѣднее время упрекали за отвлеченность его символическихъ драмъ, рисующихъ въ сказочныхъ образахъ трагедію познающихъ и ищущихъ правду душъ, то новая его пьеса примиритъ съ нимъ поклонниковъ прежняго натурализма Гауптмана. Авторъ „Ткачей“ снова рисуетъ типы изъ народной среды и изображаетъ душевную драму, вызванную не столько внутренними психологическими причинами, сколько условіями жизни,—тѣмъ, что человѣку приходится отвѣчать за свои поступки не только передъ своей совѣстью, но и передъ людьми. Воздѣйствіе среды на психологію отдѣльнаго человѣка занимало Гауптмана уже въ его раннихъ психологическихъ пьесахъ, въ „Одинокихъ людяхъ“, въ „Праздникѣ мира“; теперь онъ снова возвращается къ той же проблемѣ, но даетъ ей иное освѣщеніе. Въ прежнихъ драмахъ изображалась трагедія личности, порабощенной пошлостью окружающей среды;—въ „Розѣ Берндъ“ нѣтъ духовнаго антагонизма между героиней и окружающими ее людьми, и этимъ углубляется въ сущности тотъ же психологическій замыселъ: отсутствіе внутренней свободы, сознаніе отвѣтственности за свои поступки не передъ собой и своимъ пониманіемъ добра, а передъ людьми—все равно, стоятъ ли они на низшемъ уровнѣ, какъ въ прежнихъ драмахъ Гауптмана, или на одинаковомъ, какъ въ его новой пьесѣ,—искажаетъ и уродуетъ внутренній міръ человѣка, дѣлаетъ его способнымъ на преступленіе. Чувство стыда, охраняющее нравственность, когда оно связано со строгой самооцѣнкой, становится причиной нравственнаго паденія, когда оно вызвано боязнью передъ людскимъ приговоромъ. Нравственная отвѣтственность за свои поступки должна быть—но только передъ собой; сознавая ее, человѣкъ остается чистъ, даже если жизненныя обстоятельства вовле-

каютъ его въ невольные проступки. Но когда онъ дѣлаетъ своими судьями людей, понятіе о справедливости искажается, чувство стыда перестаетъ быть охранителемъ совѣсти и губитъ душу своими ложными внушеніями.

На этомъ антагонизмѣ совѣсти и внѣшней отвѣтственности передъ людьми построена „Роза Берндъ“. Сюжетъ драмы—очень жизненный и менѣе всего оригинальный. Дѣло идетъ о „согрѣшившей“ дѣвушкѣ, которая убиваетъ своего ребенка. Сюжетъ этотъ такъ часто трактовался въ литературѣ,—начиная хотя бы съ „Kindermörderin“, Шиллера, и кончая прославленіемъ несчастныхъ „filles-mères“ во французскихъ романахъ и драмахъ,—что сдѣлался банальнымъ. Но въ драмѣ Гауптмана онъ углубленъ новымъ содержаніемъ, благодаря указанной нами основной идеѣ. Преступная мать не идеализирована, не представлена жертвой коварнаго обольстителя, какъ это обыкновенно бываетъ въ изображеніи преступной любви и ея печальныхъ послѣдствій; виновникъ несчастья дѣвушки—не безсердечный негодяй, а напротивъ того, любящій ее, несчастный человѣкъ, скованный жизненными обстоятельствами. Кромѣ одного дѣйствительно сквернаго и пошлаго человѣка—злого генія героини,—всѣ остальныя дѣйствующія лица драмы—только несчастныя жертвы судьбы; главное же преступленіе загубившаго Розу Берндъ негодяя—только въ томъ, что онъ осложнилъ внутреннюю драму виновной дѣвушки страхомъ передъ раскрытіемъ ея тайны; онъ сдѣлался виновникомъ ея нравственнаго паденія, предавъ ее суду ея ближнихъ. Художественная разработка сюжета—чрезвычайно яркая, характеръ героини глубоко драматиченъ, и наростаніе ея вины подъ вліяніемъ страха передъ людскимъ судомъ преисполнено трагизма, какъ бы снимающаго вину съ нея и переносящаго эту вину на самую жизнь, гдѣ люди терзаютъ другъ друга и, даже любя человѣка, не умѣютъ читать въ его душѣ.

Героиня пьесы, Роза Берндъ,—простая крестьянская дѣвушка, очень правдивая и чистая; въ психологіи ея нѣтъ ничего исключительнаго, героическаго, отдѣляющаго ее отъ ея среды. Она задумана какъ типичное явленіе, отчего много выигрываетъ реализмъ драмы. Авторъ изображаетъ то, что совершается во всякой человѣческой душѣ, когда она дѣлаетъ людей судьями надъ собою; ему нужна поэтому героиня не съ исключительной организаціей души, а средняя дѣвушка съ естественнымъ влеченіемъ къ правдѣ и добру. Такова Роза Берндъ. Она—дочь благочестиваго крестьянина, очень строгаго въ вопросахъ нравственности, усердно посѣщающаго церковь и очень довѣрчиваго къ людямъ. Дочь свою онъ считаетъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, и хлопочетъ о томъ, чтобы найти ей достойнаго жениха. Самъ онъ бѣденъ, но это его не смущаетъ, такъ какъ онъ вѣ-

рить въ благость Господню и надѣется, что дочь его будетъ счастлива въ награду за свои добродѣтели. Женихъ для Розы находится въ лицѣ полюбившаго ее благочестиваго Августа Кейля, переплетчика, который былъ сначала книгоношей и, благодаря своему воздержному и скромному образу жизни, скопилъ себѣ маленькое состояніе. Онъ въ большой дружбѣ со старикомъ Берндомъ; они вмѣстѣ ходятъ въ церковь, бесѣдуютъ о религіи и упражняются въ протестантскихъ добродѣтеляхъ. Августъ полюбилъ красивую, энергичную Розу, составляющую столь рѣзкій контрастъ съ его собственной болѣзненностью и вялостью, и хочетъ на ней жениться—къ великой радости отца. Но жизнь Розы вовсе не такова, какъ думаютъ ея отецъ и Августъ. Она—служанка у деревенскаго старосты Фламма, жена котораго уже много лѣтъ разбита параличомъ. Прежде чѣмъ поступить на это мѣсто, Роза привыкла много работать и дома, такъ какъ мать ея рано умерла, и она выняньчила своихъ младшихъ сестеръ, вставая съ зарей, исполняя сама всѣ домашнія работы и отказывая себѣ въ каждомъ кускѣ хлѣба ради младшихъ дѣтей. То же трудолюбіе и скромность она проявляетъ и въ услуженіи у старосты, и жена Фламма не нахвалится на нее. Роза относится къ своей хозяйкѣ съ особой деликатностью и добротой,—потому что чувствуетъ себя глубоко виноватой передъ нею. Староста Фламмъ полюбилъ Розу и соблазнилъ ее. Дѣвушка тоже его любитъ, но ее мучитъ необходимость обманывать хозяйку и жалость къ ней. Фламмъ готовъ былъ бы даже разойтись съ женой, хотя тоже любитъ и жалѣетъ ее, но Роза противится этому; напротивъ того, она хочетъ порвать съ Фламмомъ. Она готова выйти замужъ за Августа послѣ двухъ лѣтъ сопротивленія этому браку. Она знаетъ, что Августъ добрый человѣкъ, и настолько любитъ ее, что примирится съ ней, когда она скажетъ ему правду. Главное для нея—распутать ложь своей жизни и загладить свою вину передъ женой Фламма. Все это она объясняетъ старостѣ въ воскресное утро, на опушкѣ лѣса, встрѣтивъ его возвращающимся съ охоты. Фламмъ протестуетъ противъ ея добрыхъ побужденій, смѣется надъ Августомъ, и, чтобы прекратить разговоръ, уходитъ, страстно цѣлуя дѣвушку на прощанье. Этотъ поцѣлуй подсматриваетъ проходящій по дорогѣ механикъ Штрекманъ, который играетъ въ драмѣ роль злого генія Розы. Онъ пользуется въ деревнѣ репутаціей кутилы и совратителя дѣвушекъ, ведетъ себя очень дерзко и считаетъ себя неотразимымъ. Онъ золъ на Розу за ея недоступность, и радъ теперь случаю проявить свою власть надъ нею. Онъ начинаетъ ухаживать за ней, и при первомъ ея отпорѣ, грубо заявляетъ ей, что онъ не хуже Фламма, и имѣетъ полное право разсчитывать на успѣхъ у такой податливой дѣвушки, какъ она.

Раскрытіе ея тайны производитъ роковой переворотъ въ душѣ и характерѣ Розы. Пока она должна была считаться только со своей совѣстью, она видѣла возможность вернуться къ правдѣ, оставивъ домъ Фламма, открывшись во всёмъ своему жениху и сдѣлавшись ему вѣрной женой. Только добровольнымъ раскрытіемъ вины во имя жалости къ другимъ людямъ, во имя жажды добра и правды, можно очистить душу,—а навязанная обстоятельствами необходимость оправдываться передъ людьми, идти на ихъ судъ, только ожесточаетъ сердце и усугубляетъ ложь. Обвиненія и угрозы Штрекмана превращаютъ внутренно правдивую, кроткую и жалостливую Розу въ упорную лгунью и преступницу. Она прежде всего отрицаетъ то, въ чемъ уличилъ ее Штрекманъ, называетъ его клеветникомъ, увѣряетъ, что Штрекману почудилась нѣжная сцена прощанія съ Фламмомъ; потомъ, въ отчаяніи, она начинаетъ умолять его не выдавать ее, хочетъ подкупить его деньгами,—и изъ дальнѣйшаго разговора ясно, что она согласится и на другія требованія Штрекмана, для того, чтобы онъ не выдавалъ ее.

Все поведеніе Розы круто мѣняется и становится загадочнымъ не только для отца и жениха, но и для Фламма. Обличенная передъ людьми, она всецѣло охвачена однимъ толькомъ чувствомъ безконечнаго стыда—чисто внѣшняго, унизительнаго стыда, который убиваетъ любовь къ истинѣ и ведетъ растерявшуюся, озлобленную дѣвушку на пагубный путь лжи и преступленія. Она чувствуетъ на себѣ теперь двойную вину — и передъ женихомъ, и передъ Фламмомъ, которому измѣнила невольно, изъ страха передъ Штрекманомъ. Поэтому, когда ея отецъ и женихъ приходятъ къ старостѣ Фламму для оффиціальнаго заключенія брачнаго договора, самой невѣсты не оказывается на лицо. Отецъ отправляется за ней и почти насильно приводитъ ее къ старостѣ. Роза не отказывается стать женой Августа, но проситъ отложить свадьбу — къ величайшему негодованію отца, который и безъ того возмущенъ ея долгимъ сопротивленіемъ. Онъ говоритъ, что Роза, навѣрное, изъ гордости медлитъ отвѣтомъ, потому что слишкомъ чванится своей честностью и трудолюбіемъ. Августъ оскорбленъ протестомъ Розы въ рѣшительную минуту и хочетъ уйти. Но старикъ Берндъ удерживаетъ его и упрекаетъ дочь въ неблагодарности къ человѣку, который всегда дѣлилъ съ ними свой хлѣбъ и былъ для нихъ ангеломъ-спасителемъ. Роза только говоритъ ему въ отвѣтъ, что она не отказывается, а проситъ объ отсрочкѣ. Они уходятъ оба взбѣшенные. Брачный договоръ не подписанъ, но, оставшись наединѣ съ Фламмомъ, Роза объявляетъ ему, что она вовсе не изъ-за него отказалась выйти замужъ теперь, и что она все-таки уйдетъ теперь къ отцу. Фламмъ, озадаченный и взбѣшенный ея словами, и тѣмъ,

что она уже мѣсяцъ упорно его избѣгаетъ, напрасно старается добиться объясненія; въ это время въ комнату ввозятъ на креслѣ его жену, и онъ быстро уходитъ, оставивъ двухъ женщинъ наединѣ. Роза говоритъ хозяйкѣ, что она очень несчастна, но что она знаетъ, какъ положить всему конецъ. Жена Фламма допытывается, въ чемъ дѣло, говоритъ Розѣ о своей привязанности къ ней, о томъ, что со смертью ея единственнаго ребенка, за которымъ Роза такъ заботливо ухаживала, она ее полюбила, какъ собственную дочь, и что поэтому Роза должна быть вполнѣ откровенна съ нею. Она догадывается по безмолвному отчаянію дѣвушки о причинѣ ея горя, и говоритъ ей о святости материнскаго долга, о томъ, что если женщина готовится быть матерью, то все равно, кто бы ни былъ отецъ ея ребенка, знатный ли человѣкъ или бродяга, ребенокъ долженъ быть ей дорогъ, такъ какъ все искупается страданіями и заботами материнства. Она обѣщаетъ Розѣ свое заступничество передъ ея отцомъ и женихомъ, и хотя ея доброта приводитъ еще въ большій ужасъ Розу, она убѣждаетъ её не уходить и вполнѣ положиться на нее. Но послѣ минутнаго прилива добрыхъ чувствъ, на Розу опять находитъ ея упорство. Она не открываетъ правды своей хозяйкѣ, говоритъ, что сама все устроитъ, что выйдетъ замужъ за Августа; чтобы навести жену старосты на ложный слѣдъ, она называетъ имя Штрекмана, и быстро уходитъ, говоря, что должна сама справиться со своей бѣдой, и что никто не можетъ ей помочь. Забывъ внушенія совѣсти и свое прежнее стремленіе къ правдѣ, свою жалость къ обманутой хозяйкѣ, озлобленная противъ всѣхъ, Роза думаетъ только о томъ, чтобы остаться внѣшнимъ образомъ правой передъ людьми и скрыть свой позоръ. Она возвращаетъ слово жениху и готовится къ предстоящей свадьбѣ. Августъ купилъ по этому случаю давно облюбованный имъ домикъ съ землицей у задолжавшей ему разоренной крестьянской семьи; этотъ богобоязненный, непьющій и крайне умѣренный протестантъ умѣлъ пользоваться своими сбереженіями, ссужая ихъ нуждающимся односельчанамъ, увеличилъ этимъ свой капиталъ и получилъ возможность приготовить для своей жены домикъ съ благоустроеннымъ сельскимъ хозяйствомъ. Онъ намѣренъ оставить свое переплетное мастерство и устроить у себя въ домѣ торговлю бумагой и канцелярскими принадлежностями, а также книгами—преимущественно религіознаго содержанія. Кромѣ того, съ помощью тестя, который уже поселился у него въ домѣ, онъ занимается полевыми работами. Теперь у него происходитъ молотьба при участіи созванныхъ изъ деревни рабочихъ. Всѣ они, сойдясь къ ужину послѣ работы, говорятъ не безъ зависти объ удачахъ благочестиваго Августа, хотя и подсмѣиваются надъ его

чрезмѣрной трезвостью и набожностью; они толкують о счастьѣ, выпавшемъ на долю старика Бернда и его дочери, и въ разговорахъ слышатся намеки на какую-то позорную тайну, о которой, однако, никто не рѣшается говорить опредѣленно. Сама Роза появляется среди рабочихъ, приноситъ имъ хлѣбъ къ ужину, очень весела и очень привѣтлива со своимъ женихомъ. Она увѣрена, что ей удастся все скрыть, что она избѣжитъ людского суда, и что ей будетъ отнынѣ хорошо жить, хотя она и входитъ въ новую жизнь съ ложью. Но тѣ, съ кѣмъ связано прошлое, которое она хотѣла бы забыть, не оставляютъ ее въ покоѣ, и счеты съ ними впутываютъ ее въ все бо̀льшую и бо̀льшую ложь. Когда рабочіе расходятся, къ Розѣ является Фламмъ съ прежними притязаніями, съ сожалѣніями о прошломъ, возмущается ея увѣщаніями вернуться къ женѣ, но, въ виду ея непреклонности, прощается съ ней навсегда, говоря, что на свадьбѣ ея онъ не будетъ, такъ какъ сложилъ съ себя свое оффиціальное званіе, и брачный контрактъ Розы подпишетъ уже его преемникъ. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Штрекманъ и опять дерзко настаиваетъ на своей равноправности съ Фламмомъ, снова угрожаетъ все раскрыть, если Роза будетъ сопротивляться ему. Онъ утверждаетъ, что она сама заискивала въ немъ; Роза, возмущенная его безстыдствомъ, называетъ его негодяемъ, воспользовавшимся ея отчаяніемъ, чтобы теперь вдобавокъ ее же обвинять въ томъ, что̀ составляетъ ея горе. Штрекманъ продолжаетъ оскорблять ее и предъявлять свои права. Въ разгаръ ихъ ожесточеннаго спора является Августъ и спрашиваетъ Штрекмана, за что онъ оскорбилъ его невѣсту; завязывается драка. Штрекманъ выбиваетъ Августу глазъ, и Роза, ошеломленная всѣмъ случившимся, твердитъ безсвязныя слова, въ которыхъ слышатся отголоски того, что̀ говорила ей жена Фламма о материнствѣ.

Дѣло о дракѣ доходитъ до суда; Штрекманъ отдѣлывается пустяками за свое безчинство, изъ-за котораго, однако, Августъ потерялъ одинъ глазъ, но старикъ Берндъ, горящій желаніемъ отмстить оскорбителю своей дочери,—онъ уже знаетъ, какіе слухи механикъ распространяетъ про нее,—подаетъ на него жалобу за клевету. Начатое по этому поводу слѣдствіе выясняетъ вину Розы и для тѣхъ, отъ кого она больше всего скрывала ее. Фламмъ узнаетъ сначала отъ жены о томъ, что̀ она называетъ несчастіемъ Розы; онъ глубоко взволнованъ ея словами, но притворяется только удивленнымъ и равнодушнымъ къ судьбѣ дѣвушки. Но отъ Августа жена Фламма узнаетъ, что мужъ ея очевидно не такъ непричастенъ къ дѣлу Розы, какъ казалось, потому что онъ былъ у отца Розы, уговаривалъ его не начинать дѣла о клеветѣ, затѣмъ призванъ былъ къ слѣдователю и давалъ по-

казанія. Она догадывается, въ чемъ дѣло, и въ первую минуту отчаянія только негодуетъ, и хочетъ прогнать Розу, отказавъ ей въ обѣщанной помощи. Но является Фламмъ, и между мужемъ и женой происходитъ тяжелое объясненіе. Фламмъ говоритъ, что любитъ Розу, и что, узнавъ о томъ, что она готовится стать матерью, онъ ни за что теперь не допуститъ ея гибели; если же жена прогонитъ ее, онъ не въ состояніи будетъ жить. Онъ уговариваетъ жену простить и сжалиться надъ несчастной дѣвушкой, возобновить данное ей обѣщаніе заботиться о ея будущемъ ребенкѣ, хотя она теперь и знаетъ, кто отецъ этого ребенка. Жена Фламма уступаетъ просьбѣ мужа и призываетъ къ себѣ Розу, только-что вернувшуюся отъ слѣдователя. Но она теперь уже не та, какой была прежде; вмѣсто желанія возстановить чистоту совѣсти, въ ней сильно только стремленіе выгородить себя ложью; у слѣдователя она ложно присягнула въ томъ, что Штрекманъ наклеветалъ на нее, и теперь продолжаетъ отрицать сношенія съ Штрекманомъ, и готова даже отрицать то, въ чемъ уже раньше созналась своей хозяйкѣ—свое ожидаемое материнство. Изъ ея же словъ о томъ, что Штрекманъ клятвенно подтвердилъ свою близость съ Розой, Фламмъ понимаетъ, что она лжетъ, и отказывается отъ желанія помочь обманувшей его и солгавшей подъ присягой дѣвушкѣ. Онъ объясняетъ Розѣ, что ея ложь на судѣ откроется, потому что и онъ не утаилъ правды у слѣдователя и сознался во всемъ. Такимъ образомъ выяснится, что она совершила клятвопреступленіе, за которое ей грозитъ тюрьма. Въ отвѣтъ на вопросъ, почему она такъ безстыдно и безразсудно лжетъ, Роза только кричитъ: „Мнѣ стыдно, мнѣ стыдно!“— и убѣгаетъ.

Солгавъ подъ присягой, Роза совершаетъ новое страшное преступленіе—избавляется отъ ребенка; совершенно больная, она прячется у себя въ комнатѣ, въ то время, какъ всѣ ее ищутъ, не понимая, почему она такъ долго не возвращается изъ суда. Къ ея отцу приходитъ Августъ, и, въ свою очередь, проситъ его взять обратно жалобу противъ Штрекмана, сначала намекая, а потомъ, въ виду полнаго непониманія старика, точно объясняя ему, что Роза тоже слабое существо и могла согрѣшить, что Фламмъ и Штрекманъ подтвердили подъ присягой свою связь съ нею. Старикъ сначала отказывается вѣрить чьимъ бы то ни было клятвеннымъ утвержденіямъ, увѣренный въ чистотѣ своей дочери; потомъ, побѣжденный доводами Августа, онъ приходитъ въ полное отчаяніе, говоритъ, что онъ теперь не достоинъ распространять слово Божіе, что онъ откажется отъ миссіонерскихъ занятій, которыя ему поручилъ пасторъ, и убѣжитъ куда глаза глядятъ. Августъ тоже предлагаетъ продать домъ и землю и

уйти куда-нибудь въ другое мѣсто — конечно, вмѣстѣ съ Розой, которую онъ не судитъ, потому что любитъ ее. Они продолжаютъ безпокоиться о томъ, куда дѣвалась Роза, тѣмъ болѣе, что изъ суда явился жандармъ съ бумагой къ Розѣ и, узнавъ, что ея нѣтъ дома, ушелъ съ тѣмъ, чтобы снова вернуться. Прибѣгаетъ младшая дочь Бернда, говоря, что Роза дома, и что она сейчасъ къ нимъ сойдетъ. Роза является, едва двигаясь отъ слабости, но злобная и почти безумная отъ отчаянія; она говоритъ Августу, что онъ долженъ презирать ее, какъ она презираетъ всѣхъ, что все на свѣтѣ—ложь и обманъ, что она сама хуже всѣхъ. Напрасно Августъ увѣряетъ ее въ своей любви, въ томъ, что онъ ея не оставитъ, и что всѣ грѣхи людей искуплены кровью Христа. Она съ отчаяніемъ говоритъ о томъ, что все, въ чемъ ее винятъ—пустяки, а что главное—задушенный ею ребенокъ, котораго она схоронила подъ деревомъ. Это же она повторяетъ жандарму, пришедшему взять ее подъ стражу по обвиненію въ ложной присягѣ. Узнавъ о новомъ преступленіи, онъ совѣтуетъ ей, если она не клевещетъ на себя, сейчасъ же сознаться слѣдователю, и уводитъ ее съ собою. Августъ говоритъ жандарму, которому слова дѣвушки кажутся бредомъ, что все, что̀ она сказала—правда, и прибавляетъ: „Сколько она выстрадала, несчастная!“

На этомъ кончается тяжелая драма, названная именемъ героини, потому что центръ дѣйствія—не въ отношеніи другихъ къ совершённому преступленію, а въ томъ, что̀ происходитъ въ душѣ виновнаго, когда къ отвѣтственности передъ собой присоединяется страхъ передъ судомъ человѣческимъ.

II.

V-te E. M. de Vogüé. Le Maître de la Mer. Стр. 442. Paris, 1903. (Librairie Plon).

Почтенный французскій академикъ, Мельхіоръ де Вогюэ—вполнѣ уравновѣшенный, серьезный писатель; онъ отражаетъ въ безукоризненной литературной формѣ взгляды и чувства средней интеллигентной массы, проникнутой культомъ національныхъ традицій даже въ своемъ стремленіи къ новшествамъ, неподвижной по существу и тогда, когда она примыкаетъ къ прогрессивнымъ идеямъ. Истиннаго идейнаго обновленія, составляющаго жизнь человѣчества, нельзя ожидать отъ этой массы, но значеніе ея заключается въ томъ, что она медленно переживаетъ и какъ бы исчерпываетъ до конца все, что̀ вдохновенно создается мятежнымъ, ищущимъ меньшинствомъ.

Выразители увѣреннаго въ себѣ и медленно двигающагося впередъ большинства, писатели juste-milieu, всегда пользуются вліяніемъ и почетомъ, и принадлежащій къ ихъ числу академикъ Вогюэ тоже высоко цѣнится своими соотечественниками. Онъ менѣе всего сторонникъ всего стараго; напротивъ того, его слава, какъ критика, основана на томъ, что онъ своей знаменитой книгой „Le roman russe" проложилъ путь русскому вліянію на французскую литературу. И во всемъ остальномъ, въ своихъ публицистическихъ и чисто-литературныхъ трудахъ, онъ вполнѣ прогрессивенъ, отмѣчаетъ и прославляетъ вѣянія свободы во всѣхъ областяхъ культурной жизни,—но, тѣмъ не менѣе, онъ остается писателемъ juste milieu, не высказавшимъ ни одной творческой идеи, которая поколебала бы старыя переживанія. Для него дороже всего національныя традиціи, устои, на которыхъ держится настоящее. Съ годами Вогюэ становится все бòльшимъ и бòльшимъ охранителемъ національныхъ традицій, патріотомъ въ узкомъ смыслѣ слова;—его какъ бы пугаетъ возможное торжество идеалистическихъ началъ надъ практическими интересами государства, и онъ всячески проповѣдуетъ возвратъ къ традиціоннымъ національнымъ доблестямъ.

Вогюэ пишетъ иногда, помимо критическихъ и публицистическихъ статей, романы, которые тоже въ сущности слѣдуетъ отнести къ публицистикѣ. Въ своемъ послѣднемъ романѣ „Властитель морей", Вогюэ болѣе чѣмъ когда-либо проникнутъ патріотической восторженностью и прославляетъ французовъ, для которыхъ честь и слава родины—святыня, которой они приносятъ въ жертву всѣ другія чувства.

По примѣру Анатоля Франса, Вогюэ переплетаетъ въ своемъ романѣ вымышленную фабулу съ событіями текущей французской жизни, преимущественно политической; перемѣнивъ лишь имена лицъ, волновавшихъ недавно общественное мнѣніе во Франціи, онъ вводитъ въ свой романъ такіе факты, какъ, напримѣръ, экспедиція Маршана, инцидентъ съ Фашодой, или исторія американскаго милліардера Пирпонта Моргана, захватившаго въ свои руки главнѣйшія трансатлантическія пароходныя линіи. На первомъ планѣ въ романѣ обсужденіе колоніальной политики Франціи, вопросы объ арміи, о разномъ пониманіи патріотизма въ старшемъ и младшемъ поколѣніи французскихъ офицеровъ, объ антагонизмѣ расъ французской и англо-саксонской, и т. д. Вогюэ, какъ и Анатоль Франсъ, описываетъ въ романѣ не только современные нравы, но и дѣйствительныя событія, причемъ, однако, онъ отличается отъ Франса своимъ отношеніемъ къ обсуждаемымъ фактамъ. Вся оригинальность романовъ Франса, нòсящихъ общее заглавіе „Современной исторіи", заключается въ томъ, что онъ

слѣдователя, капитана Турноэля, героя, имя котораго—у всѣхъ на языкѣ. Въ лицѣ его, очевидно, изображенъ Маршанъ. Турноэль открылъ въ Африкѣ плодородную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную для колонизаціи землю, Уадаи, съ населеніемъ, поддающимся культурному вліянію,—и теперь вернулся испрашивать кредитъ у правительства для военной оккупаціи страны. Его популярность во Франціи очень велика, и онъ надѣется, что она поможетъ ему добиться своей цѣли; онъ хочетъ завоевать колонію для Франціи, предупредивъ англичанъ, которые уже, какъ онъ замѣтилъ, вкрадываются въ довѣріе туземцевъ и хотятъ захватить Уадаи въ свои руки. Но въ Парижѣ пылкаго мечтателя-капитана ждутъ тяжелыя разочарованія. Съ одной стороны, онъ убѣждается въ своей популярности у парижанъ: во всѣхъ газетахъ красуются его портреты, въ обществѣ за нимъ всѣ наперерывъ ухаживаютъ, на улицахъ ему устроиваютъ оваціи, но въ министерствахъ отъ него отдѣлываются комплиментами и общими словами, въ кредитѣ же ему отказываютъ. О неудачахъ въ министерствѣ знаетъ всевѣдущій Робинзонъ, и хочетъ этимъ воспользоваться, чтобы сдѣлать предпріимчиваго и храбраго капитана орудіемъ своихъ замысловъ. Онъ призываетъ Турноэля къ себѣ для переговоровъ, и тотъ сначала радъ интересу практическаго дѣльца къ его планамъ, однако вступать въ переговоры съ Робинзономъ онъ отказывается, считая сдѣлки съ аферистомъ недостойными для офицера. Но Робинзонъ ищетъ все-таки свиданія съ нимъ; придя въ ресторанъ, гдѣ Турноэль завтракаетъ, онъ заводитъ съ нимъ разговоръ и убѣждаетъ его предпринять военную экспедицію на его счетъ. Капитанъ отказывается, несмотря на соблазнительность предложенія; онъ думаетъ только о служеніи родинѣ, о чести Франціи—и не намѣренъ пиратствовать. Напрасно Робинзонъ доказываетъ ему значеніе личной иниціативы и говоритъ объ условности патріотическаго долга и выгодности предлагаемыхъ имъ условій. Капитанъ наотрѣзъ отказывается, къ величайшему огорченію Робинзона, впервые встрѣтившаго серьезный отпоръ своимъ желаніямъ. О захватѣ Уадаи, подъ предлогомъ устройства навигаціи на озерѣ Чадъ, онъ мечтаетъ не только изъ коммерческихъ соображеній. Этотъ могущественный капиталистъ считаетъ себя исполнителемъ высшей миссіи: онъ находится подъ вліяніемъ полу-безумнаго англійскаго „пророка“ Жервиса, и думаетъ, что, захватывая власть надъ всѣми морями, и тѣмъ самымъ надъ всѣмъ культурнымъ и некультурнымъ человѣчествомъ, онъ осуществляетъ священное назначеніе англосаксонской расы, призванной владѣть всѣмъ міромъ. Сопротивленіе Турноэля разбиваетъ его планы, и онъ сначала пытается употребить разныя средства, чтобы все-таки склонить его на

свою сторону. Онъ надѣется сначала повліять на капитана черезъ посредство женщины. Онъ замѣтилъ, что на Турноэля произвела сильное впечатлѣніе молодая вдова, итальянка, съ которой онъ встрѣтился у соотечественницы и пріятельницы Робинзона, герцогини Лоуренъ. Молодая и красивая итальянка, Милицента Фіанона дружна съ Робинзономъ; она познакомилась съ нимъ на пароходѣ, по дорогѣ изъ Америки, и даже думаетъ, что возбудила въ „властителѣ морей“ нѣжныя чувства. Но, занятый своими огромными замыслами, дѣлецъ равнодушенъ къ женскому обаянію; изъ дружеской бесѣды съ нимъ Милицента узнаетъ, какого рода услугу онъ отъ нея ожидаетъ; она должна склонить очевидно влюбленнаго въ нее капитана на то, чтобы онъ принялъ предложеніе Робинзона, завоевалъ для него Уадаи, и тѣмъ самымъ устроилъ и свое счастье; безъ помощи милліардера онъ останется бѣднымъ офицеромъ, и не сможетъ жениться на любимой имъ и тоже не имѣющей никакого состоянія вдовѣ. Она сначала возмущается этимъ предложеніемъ, говоря, что не будетъ толкать симпатичнаго ей человѣка на безчестное дѣло,—но сдается на доводы Робинзона, вѣритъ ему, что его предпріятіе—совершенно честное, и старается воздѣйствовать на капитана. Они гостятъ вмѣстѣ въ замкѣ герцогини, гдѣ происходитъ трогательная идиллія любви, но счастье влюбленныхъ омрачается мыслями о будущемъ. Милицента говоритъ Турноэлю о предложеніи Робинзона, но капитанъ наотрѣзъ отказывается купить свое благополучіе цѣной безчестья—и, клянясь въ вѣчности своихъ чувствъ, обѣщаетъ попытаться иначе, хотя бы и болѣе скромно, устроить свою судьбу—и тогда уже соединиться съ любимой женщиной. Онъ уѣзжаетъ изъ замка опечаленный, а Милицента нѣсколько досадуетъ на слабость своего вліянія, и очень страдаетъ отъ разлуки съ капитаномъ. Турноэля ждутъ въ Парижѣ новыя разочарованія. Новое министерство, расположенное къ нему, предлагаетъ послать его съ секретной миссіей въ Африку, чтобы подготовить почву для экспедиціи, которая, быть можетъ, въ будущемъ и устроится. Турноэль понимаетъ, что отъ него просто хотятъ отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ, и отказывается. Но, узнавъ, что въ Египетъ уѣхалъ Робинзонъ съ компаніей друзей, въ томъ числѣ и Милицентой, сопровождающей свою подругу, герцогиню, онъ снова идетъ къ министру колоній и говоритъ, что принимаетъ миссію. Въ Египтѣ его ждетъ большое горе: до него доходятъ слухи, что Милицента принимаетъ ухаживанія Робинзона. Не провѣряя слуха, онъ пишетъ ей рѣзкое письмо и уѣзжаетъ въ центръ Африки,—гдѣ ему нечего дѣлать, такъ какъ никакой миссіи у него собственно нѣтъ. Милиценту письмо Турноэля поражаетъ и оскорбляетъ своими ложными обвине-

ніями. Она, дѣйствительно, начинаетъ относиться благосклонно къ ухаживаніямъ „властителя морей". Робинзонъ махнулъ рукой на упрямаго капитана и нашелъ болѣе покладистаго исполнителя своихъ плановъ. Онъ надѣется овладѣть новой африканской колоніей при помощи темнаго афериста, который орудуетъ по его порученію въ Африкѣ и вытѣсняетъ французское вліяніе разными интригами. Турноэль тѣмъ болѣе не нуженъ теперь Робинзону, что онъ не намѣренъ болѣе содѣйствовать его браку съ Милицентой. Онъ самъ полюбилъ прекрасную итальянку и предлагаетъ ей руку. Она страдаетъ отъ разрыва съ Турноэлемъ, но ее отчасти соблазняетъ перспектива стать „властительницей морей",—это прозвище она уже слышитъ вокругъ себя; послѣ перваго рѣзкаго отказа Робинзону, она начинаетъ нѣсколько обнадеживать его, когда онъ возобновляетъ свое предложеніе. Всѣ уже считаютъ ее невѣстой Робинзона; слухи объ этомъ проникаютъ въ прессу,—и все общество увѣрено, что помолвка состоится, какъ только „властитель морей" вернется изъ своей короткой отлучки по дѣламъ. Въ это время въ Каиръ, гдѣ всѣ приглашенные Робинзона, вмѣстѣ съ прекрасной итальянкой ждутъ его возвращенія, пріѣзжаетъ Турноэль; онъ встрѣчается съ Милицентой въ поэтической обстановкѣ, у гробницъ калифовъ,—и всѣ недоразумѣнія разсѣяны, любящіе просятъ другъ у друга прощенія, и рѣшаютъ больше не разставаться. Чтобы обезпечить любимому человѣку не только личное счастье, но и вѣрную будущность, Милицента рѣшается на смѣлый шагъ. Она отправляется къ Робинзону, который считаетъ ее уже почти своей невѣстой, объявляетъ ему, что ея судьба связана отнынѣ съ капитаномъ Турноэлемъ,—и умоляетъ его отказаться отъ своихъ притязаній на колонію, принадлежащую по праву Франціи. Робинзонъ сначала выходитъ изъ себя, отказывается исполнить просьбу женщины, разбивающей его счастье, но постепенно смиряется. Въ своей миссіи онъ разочаровался,—вліявшій на него пророкъ оказался дѣйствительно безумцемъ; увлекшись красивой дѣвушкой, онъ сдѣлался главой какой-то общины мормоновъ, и предлагаетъ Робинзону тоже примкнуть къ ней. Робинзонъ остается, такимъ образомъ, только аферистомъ, работающимъ исключительно для своего личнаго могущества. Это уменьшаетъ его лихорадочную страсть къ захватамъ; онъ отказывается отъ притязаній на Уадаи и устроиваетъ счастье любящей четы, обѣщая помочь Турноэлю получить нужный кредитъ отъ французскаго правительства для осуществленія его патріотической миссіи,—а его обѣщаніе всемогуще. Онъ устроиваетъ также денежныя дѣла Милиценты, скупая ея земли въ Южной Америкѣ,—и даетъ такимъ образомъ доказательство своего благородства и великодушія.

Эта развязка очень сентиментальна, и не въ ней, какъ вообще не въ романтичной фабулѣ—интересъ романа. Хорошо изображена только дуэль между денежной и духовной силами. Интересны также отдѣльныя описанія, какъ, напримѣръ, изображеніе Египта, его красотъ и художественныхъ сокровищъ, быта англійской и французской колоній, контрастовъ пышной и суетной свѣтской жизни съ величіемъ природы и спокойствіемъ вѣковыхъ развалинъ. Интересны также отдѣльные теоретическіе разговоры,—какъ, напримѣръ, бесѣда Турноэля со старикомъ генераломъ, сторонникомъ реванша, не понимающимъ патріотизма молодого поколѣнія французскихъ офицеровъ, которые видятъ спасеніе родины въ развитіи колоніальной политики, въ обогащеніи Франціи свѣжими силами.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1903.

Предвыборное движеніе въ С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12-го ноября. — Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Неудобства дискреціонной власти.—Странное разсужденіе.—Неумѣстныя преувеличенія. — Первое 25-лѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Postscriptum.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ еще неизвѣстенъ. Каковъ бы онъ ни былъ, движеніе, предшествовавшее выборамъ, едва ли останется безрезультатнымъ. Оно доказало съ полною очевидностью цѣлесообразность расширенія избирательнаго права. Давно уже общее равнодушіе къ городскимъ выборамъ объяснялось ненормальной избирательной системой, устраняющей наиболѣе энергичную, наиболѣе развитую часть населенія отъ всякаго участія въ дѣлахъ городского общественнаго управленія; давно уже, и въ печати, и въ средѣ самихъ думъ, указывалось на квартиронанимателей, какъ на элементъ, способный разбудить сонное царство, и на городской квартирный налогъ, какъ на матеріальную основу реформы [1]). Первый опытъ, произведенный въ этомъ направленіи—опытъ нерѣшительный, ограниченный не только однимъ городомъ, но и немногими категоріями квартиронанимателей,—подтвердилъ справедливость указаній, упорно и страстно оспаривавшихся сторонниками рутины и застоя. Теперь даже въ этой средѣ раздаются голоса, признающіе преимущества новаго порядка. Особенно характерно покаяніе, публично принесенное кн. Мещерскимъ (см. „Дневники" въ № 90 „Гражданина"): еще недавно „ополчавшійся" противъ привлеченія квартирантовъ, онъ теперь видитъ въ немъ нѣчто „привлекательное" и называетъ вновь возникшій интересъ къ городскому дѣлу „отраднымъ признакомъ весны". Конечно, въ основѣ такого поворота лежитъ привычка „Гражданина" одобрять дѣйствія власти; но все-таки онъ не могъ бы выразиться такъ открыто, еслибы не находилъ оправданій въ совершившихся фактахъ. Вынесетъ ли на себѣ поднявшаяся волна что-нибудь новое и цѣнное—этого мы пока не знаемъ; но хорошо уже и то, что всколыхнулось неподвижное море.

Говоря, три мѣсяца тому назадъ, объ инструкціи, опредѣлившей порядокъ производства городскихъ выборовъ, мы выражали сожалѣніе

---

[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

о краткости срока, назначеннаго для предварительныхъ собраній избирателей (двѣ недѣли до выборовъ), и объ ограниченіяхъ, которыми они обставлены. На практикѣ эти недостатки были въ значительной степени устранены образомъ дѣйствій администраціи, не препятствовавшей, вопреки прежнимъ примѣрамъ, ни созыву частныхъ собраній, начавшемуся задолго до выборовъ, ни оглашенію въ печати всего происходившаго на этихъ собраніяхъ. Благодаря этому сформировались опредѣленныя группы избирателей, выяснились ихъ программы и намѣчаемые ими кандидаты въ гласные. Такая подготовительная работа была особенно необходима въ виду способа избранія гласныхъ, установленнаго закономъ 8-го іюня. Вся выборная процедура сведена къ *однократной* подачѣ записокъ, безъ всякой послѣдующей баллотировки. Избранными будутъ признаны получившіе наибольшее число голосовъ, хотя бы оно было гораздо меньше абсолютнаго большинства. Отсюда опасность раздробленія голосовъ, ничѣмъ впослѣдствіи непоправимаго—опасность, увеличиваемая съ одной стороны значительнымъ числомъ лицъ, которыхъ долженъ намѣтить каждый избиратель (въ нѣкоторыхъ участкахъ оно доходитъ до 19 и нигдѣ, кажется, не опускается ниже шести), съ другой стороны—необходимостью подавать голосъ только за избирателей, приписанныхъ къ данному участку. Весьма легко можетъ случиться, что всѣ или почти всѣ лица, хорошо извѣстныя данному избирателю и признаваемыя имъ достойными званія гласнаго, приписаны къ другому участку. Такимъ избирателямъ пришлось бы либо отказаться отъ участія въ выборахъ, либо подавать голосъ на удачу, подъ вліяніемъ случайно добытыхъ свѣдѣній или, что̀ еще хуже, подъ гнетомъ упрашиваній и закулисныхъ рекомендацій. Единственный правильный выходъ изъ этого положенія — составленіе кандидатскихъ списковъ, никому не навязываемыхъ, ни для кого не обязательныхъ, но могущихъ служить пособіемъ для недоумѣвающихъ, точкой опоры для колеблющихся и нерѣшительныхъ. Совершенно естественно, что этотъ трудъ выпалъ на долю небольшихъ группъ, соединительнымъ звеномъ для которыхъ послужила нѣкоторая общность взглядовъ и стремленій. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ такихъ группъ образовалось нѣсколько или, по меньшей мѣрѣ, двѣ. Это было неизбѣжно какъ потому, что на партіи или группы распадались и прежніе гласные, большинство которыхъ, конечно, не устранилось отъ участія въ избирательной борьбѣ, такъ и потому, что въ средѣ избирателей не могло не оказаться различныхъ мнѣній о прежней дѣятельности городского общественнаго управленія и о задачахъ, предстоящихъ ему въ будущемъ. Различны были и пріемы групповыхъ организацій: однѣ (преимущественно—примыкавшія къ такъ называемой новой городской партіи) дѣйствовали гласно

и открыто, сначала обращаясь ко *всѣмъ* избирателямъ и только впослѣдствіи обособляясь въ отдѣльное, но не безусловно замкнутое цѣлое; другія оставались вѣрными старой тактикѣ и ограничивались частными совѣщаніями. Въ иныхъ случаяхъ списки кандидатовъ составлялись немногими лицами и объявлялись собравшимся избирателямъ какъ нѣчто уже готовое и установленное; въ другихъ случаяхъ собирались голоса обширной группы избирателей и въ списокъ кандидатовъ вносились получившіе большинство. Весьма рѣдко—по крайней мѣрѣ среди тѣхъ группъ, которыя дѣйствовали открыто—основаніемъ для включенія или невключенія въ кандидатскій списокъ служила принадлежность къ одной изъ трехъ категорій избирателей, различаемыхъ закономъ (домовладѣльцы, купцы, квартиронаниматели). Рѣшеніе выбирать только квартиронанимателей, принятое одною изъ группъ Литейной части, встрѣтило протестъ въ ея собственной средѣ. Господствующимъ—и господствующимъ по праву—оказалось, повидимому, стремленіе принимать въ разсчетъ личныя свойства кандидатовъ, а не случайное ихъ званіе.

Не безполезными оказались и оффиціальныя собранія избирателей, происходившія послѣ частныхъ собраній. Избиратели, до тѣхъ поръ остававшіеся нейтральными, могли найти здѣсь основанія для присоединенія къ той или другой группѣ или для заимствованія изъ разныхъ списковъ именъ, наиболѣе для нихъ симпатичныхъ. Обмѣнъ мыслей, въ которомъ участвовали представители различныхъ, иногда противоположныхъ взглядовъ, могъ способствовать болѣе яркому освѣщенію ближайшихъ задачъ городского самоуправленія. На одномъ изъ оффиціальныхъ собраній возникъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, въ какой степени гласные должны стоять за интересы избравшей ихъ части города. Было высказано мнѣніе, что ожидать и требовать отъ гласнаго слѣдуетъ прежде всего и больше всего именно заботы о мѣстныхъ потребностяхъ. На это было замѣчено, что гласные представляютъ собою не только избравшую ихъ часть города, но и весь городъ, и потому должны защищать интересы части лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ интересамъ цѣлаго или болѣе насущнымъ нуждамъ другихъ частей. Защитникъ перваго мнѣнія иллюстрировалъ его указаніемъ на необходимость устройства постояннаго сообщенія, хотя бы пѣшеходнаго, черезъ Мойку, на полпути между мостами Почтамтскимъ и Синимъ; защитникъ второго мнѣнія напомнилъ, что есть другія мѣста, гдѣ недостатокъ удобнаго сообщенія чувствуется гораздо сильнѣе,—напр. на Фонтанкѣ, между мостами Египетскимъ и Калинкинымъ,—и еслибы гласные отъ частей Коломенской и Нарвской завели рѣчь объ устраненіи этого недостатка, то право ихъ на пріоритетъ должны были бы признать и гласные отъ

частей Адмиралтейской и Казанской. Другими словами, послѣдовательность мѣропріятій должна быть регулируема исключительно степенью ихъ полезности и настоятельности, независимо отъ „географическихъ" соображеній. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній взглядъ надолго исключаетъ возможность такихъ затѣй, какъ расширеніе Невскаго или Каменноостровскаго проспекта. Сначала *всѣ* должны получить *все* необходимое, насколько это зависитъ отъ городского общественнаго управленія, и только потомъ можно будетъ думать о прихотяхъ, о роскоши.

Грознымъ напоминаніемъ о неисполненной обязанности послужило наводненіе 12-го ноября, какъ разъ совпавшее съ предвыборною агитаціей. За бѣдствіемъ, крайне тяжелымъ для значительной—и наименѣе обезпеченной—части населенія ясно виднѣлась еще болѣе страшная опасность, страшная одинаково для всѣхъ жителей города. Пора подумать о радикальныхъ мѣрахъ, въ принятіи которыхъ на помощь городу должно придти государство. Со времени памятнаго наводненія 1824-го года Нева ниразу не поднималась такъ высоко, какъ въ минувшемъ мѣсяцѣ; нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что она, при аналогичныхъ, но еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, не поднимется еще выше. Большое значеніе имѣютъ и тѣ палліативныя мѣры, которыя могутъ и должны быть приняты до окончанія работъ, предупреждающихъ наводненіе. Ночь на 12-ое ноября и послѣдовавшее за нею утро показали наглядно, что мѣстами не была соблюдена даже простѣйшая, элементарная осторожность. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, фельетонъ въ № 317 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", написанный служащимъ на Балтійскомъ заводѣ и озаглавленный: „Были ли приняты какія-либо мѣры противъ наводненія и для спасенія жителей отъ него?". Разсказавъ все испытанное и видѣнное имъ самимъ, авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „До десяти часовъ на Васильевскомъ островѣ городомъ и полиціей не было принято какихъ-либо мѣръ съ цѣлью предотвратить опасность отъ наводненія. Потомъ все понемногу измѣнилось. Проснулись „имъ же нужно знать", идутъ помогать, наѣхали подводы, перевозятъ на сухія мѣста народъ, на извозчикахъ потянулись по городу корреспонденты... Къ 12 часамъ, мѣры (если то, чтò дѣлалось, можно назвать мѣрами) приняты... но вѣдь наводненіе идетъ съ шести. И мнѣ досадно становится, какъ многіе корреспонденты,—выѣхавшіе, очевидно, поздно,—описываютъ идиллическія картинки, похожія на спокойную венеціанскую жизнь, съ той только разницей, что подводы замѣняютъ красивыя гондолы, а грязные возчики — изящныхъ гондольеровъ"... „Хороша и главная физическая

обсерваторія",—читаемъ мы нѣсколько выше,—„которая, по ея словамъ, сдѣлала все отъ нея зависящее, но городской думѣ [1]) не послала предостереженія только потому, что она не стояла въ спискѣ учрежденій, выработанномъ въ какой-то коммиссіи! А „отцы города", созывающіе экстренное собраніе (управы) о мѣрахъ борьбы съ наводненіемъ только въ 11 ч. дня, т.-е. тогда, когда вода уже давно пошла на убыль! Было бы хорошо, еслибъ такая насмѣшка надъ жителями повліяла на предстоящіе выборы"...

Чрезвычайно характеренъ и самъ по себѣ, и по освѣщенію его въ печати, инцидентъ, происшедшій, 9-го минувшаго ноября, въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Гласный А. Н. Столпаковъ внесъ предложеніе о преобразованіи всѣхъ земскихъ школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это энергично поддерживалъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель Трубниковъ. Противъ предложенія горячо говорили гласные фонъ-Дервизъ и Петрункевичъ, а также предсѣдатель уѣздной земской управы Нѣмовъ, указывая на блестящую постановку школьнаго дѣла въ уѣздѣ, а также и на то, что земство создало это трудное дѣло безъ всякой посторонней помощи, что цѣль земства—широкое развитіе начальнаго образованія—почти достигнута и что передать дѣло народнаго образованія, значитъ отказаться отъ прямыхъ своихъ обязанностей, которыя всегда исполнялись земствомъ честно и добросовѣстно. Уѣздное собраніе, большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 7-ми, принявъ предложеніе гласнаго Столпакова, постановило поручить уѣздной земской управѣ разработать проектъ о передачѣ школъ къ будущему 1904-му году. Баллотировка предложенія была произведена посредствомъ вставанія. Въ числѣ принявшихъ предложеніе г. Столпакова находились девять волостныхъ старшинъ и представитель духовенства, а противъ него голосовали предсѣдатель и два члена уѣздной земской управы, двое гласныхъ-дворянъ и представители казны и удѣловъ. Въ томъ же засѣданіи постановлено учредить три фельдшерскихъ пункта, причемъ указано, что завѣдываніе этими пунктами можетъ быть поручено ротнымъ фельдшерамъ. Тогда же рѣшено упразднить должность уѣзднаго земскаго агронома.—Само собою разумѣется, что въ извѣстныхъ органахъ печати поворотъ, совершившійся въ тверскомъ уѣздномъ земствѣ, вызываетъ живѣйшее ликованіе. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" выдаетъ „иниціатору побѣды здраваго смысла надъ тупо-

---

[1]) Слѣдовало бы сказать: городской *управѣ*.

умнымъ доктринерствомъ" патентъ на званіе „истинно-русскаго человѣка", а одного изъ „доктринеровъ" называетъ „архи-якобинцемъ"; кн. Мещерскій, въ „Гражданинѣ", празднуетъ пораженіе одного изъ центровъ *безштаннаго* (поясненіе въ скобкахъ—*санкюлотъ*) либерализма". Посмотримъ, однако, при какихъ условіяхъ одержана побѣда.

На основаніи земскаго Положенія 1890-го года, тверское уѣздное земское собраніе состоитъ изъ 32 гласныхъ: 19—отъ перваго избирательнаго собранія, 3—отъ второго и 10—отъ сельскихъ обществъ. Къ нимъ присоединяются, въ силу закона, уѣздный предводитель дворянства, городской голова (если они не состоятъ въ числѣ гласныхъ) и три представителя вѣдомствъ (духовнаго, государственныхъ имуществъ и удѣльнаго). Между тѣмъ, на выборахъ нынѣшняго года въ первомъ избирательномъ собраніи получили большинство голосовъ всего *семь* лицъ—сначала четыре, потомъ, на вторично созванномъ (въ силу ст. 50-ой) собраніи, еще три. Подобные случаи предусмотрѣны ст. 52-ой земскаго положенія, на основаніи которой, если и послѣ вторичныхъ выборовъ число лицъ, получившихъ большинство голосовъ, окажется меньше двухъ третей общаго ихъ числа, положеннаго росписаніемъ (для тверского уѣзда, слѣдовательно—меньше *тринадцати*), то министръ внутреннихъ дѣлъ или продолжаетъ на время не долѣе трехъ лѣтъ срокъ полномочій гласныхъ, состоявшихъ въ этомъ званіи въ теченіе предъидущаго трехлѣтія, или назначаетъ на тотъ же срокъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы. По отношенію къ тверскому земству избранъ былъ, однако, *иной* путь: число избранныхъ гласныхъ опредѣлено было признать достаточнымъ, и собраніе открылось въ томъ *неполномъ* составѣ, который былъ данъ ему неудавшимися выборами. Можно сказать утвердительно, что при соблюденіи порядка, указаннаго ст. 52-ою, постановленія въ родѣ тѣхъ, которыя состоялись 9-го ноября, были бы немыслимы. Еслибы собраніе было пополнено гласными прежняго состава, они, конечно, подали бы голосъ противъ ломки зданія, надъ довершеніемъ и усовершенствованіемъ котораго они такъ усердно трудились; если бы на мѣсто собранія была поставлена *назначенная* управа, она не рѣшилась бы пойти прямо въ разрѣзъ со всѣмъ сдѣланнымъ прежними, *выборными* представителями уѣзда. Иниціативу крутого поворота могли взять на себя только избранные гласные—а достигнуть цѣли они могли только въ собраніи сокращенномъ и обезсиленномъ... Весьма знаменательно, что въ меньшинствѣ оказались представители казны и удѣловъ: это—лучшее доказательство тому, что защита земской школы была дѣломъ убѣжденія, а не партійной тактики. Восклицательные знаки, расточаемые по этому поводу „Московскими Вѣдомостями", выражаютъ собою весьма понятную досаду тріумфаторовъ,

за колесницей которыхъ отказались пойти именно тѣ, кто былъ имъ особенно нуженъ.

Отказъ земства отъ завѣдыванія школами—явленіе довольно рѣдкое, но далеко не новое: подобные случаи бывали, напримѣръ, въ губерніяхъ саратовской (вольскій уѣздъ) и тульской (чернской), при чемъ земство, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, прозрѣвало иногда свою ошибку и возвращалось на покинутый имъ путь. Не возобновляя давнишняго спора о сравнительномъ достоинствѣ двухъ главныхъ типовъ начальной школы, замѣтимъ только одно: руководящимъ мотивомъ для передачи земскихъ школъ въ духовное вѣдомство почти всегда служило стремленіе къ экономіи, по временамъ связанное съ принципіальнымъ нерасположеніемъ ко всѣмъ формамъ общественной самодѣятельности. „Числомъ поболѣе, цѣною подешевле"—такова формула, къ которой (а иногда къ одной лишь послѣдней ея части) сводятся обыкновенно рѣшенія въ родѣ постановленнаго тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Вопросъ о качествѣ школы не играетъ здѣсь никакой роли или отступаетъ далеко на задній планъ. Уменьшеніе земскаго сбора—вотъ главная забота мнимо-земскихъ дѣятелей, глубоко-равнодушныхъ къ общему благу. Кто понимаетъ призваніе и значеніе земства, кто дорожитъ его прошлымъ и вѣритъ въ его будущее, тотъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ передавать въ другія руки важнѣйшую его задачу, подписывая тѣмъ самымъ самому себѣ безнадежнѣйшее testimonium paupertatis. Меньше чѣмъ гдѣ-либо малодушное признаніе своего безсилія находитъ для себя оправданіе именно въ тверскомъ уѣздѣ, земство котораго довело число своихъ школъ до 111, подготовило введеніе всеобщаго обученія (для чего остается открыть только 19 школъ), понизило число отказовъ въ принятіи учащихся до весьма незначительной цифры (165, изъ которыхъ только 78—за тѣснотою помѣщеній) и замѣстило почти всѣ учительскія должности лицами съ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ (не имѣютъ его только 4% изъ числа учащихъ). Первымъ въ губерніи, вообще много сдѣлавшей для народнаго образованія, тверской уѣздъ является и по числу грамотныхъ новобранцевъ, процентъ которыхъ за послѣдніе три года (1900—1902) повысился съ 88 до 94. И вотъ моментъ, избранный для „скачка въ темноту"—для принятія мѣры, лишающей земство всякаго вліянія на дальнѣйшій ходъ почти законченной работы! Домъ подведенъ строителями подъ крышу—но жить въ немъ будутъ другіе, не имѣвшіе никакого отношенія къ постройкѣ.

Не опровергается ли, однако, все сказанное нами до сихъ поръ однимъ простымъ фактомъ: гласные отъ сельскихъ обществъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи всѣ поголовно подали голосъ за

предложеніе г. Столпакова. Распространеніе и развитіе начальнаго образованія всего важнѣе именно для массы населенія; не слѣдуетъ ли, поэтому, признать, что мѣра, проектированная тверскимъ уѣзднымъ земствомъ, соотвѣтствуетъ интересамъ или хотя бы желаніямъ этой массы? На самомъ дѣлѣ гласные отъ сельскихъ обществъ, при дѣйствующей избирательной системѣ, вовсе не могутъ считаться представителями крестьянства. Не говоря уже о возможности давленія на волостные сходы, избранныя ими лица попадаютъ въ земское собраніе далеко не всѣ: число гласныхъ отъ крестьянъ почти всегда гораздо меньше, чѣмъ число волостей, и выборъ между избранниками волостныхъ сходовъ принадлежитъ губернской администраціи, неизбѣжно руководствующейся при этомъ указаніями мѣстныхъ властей, т.-е. уѣздныхъ предводителей и земскихъ начальниковъ. Послѣдствія такого порядка особенно ощутительны тогда, когда среди гласныхъ отъ сельскихъ обществъ преобладаютъ волостные старшины, вдвойнѣ подчиненные и зависимые—и какъ крестьяне, и какъ должностныя лица. Именно таково положеніе вещей въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи: между *десятью* гласными отъ крестьянъ *девять* волостныхъ старшинъ. Понятно, въ какой степени свободно ихъ голосованіе, при открытой баллотировкѣ, въ присутствіи предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ [1]). О дѣйствительномъ настроеніи крестьянъ тверского уѣзда можно судить по слѣдующему сообщенію гласнаго М. И. Петрункевича, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новостей": „лѣтъ 9 или 12 тому назадъ, г. Столпаковъ, бывшій тогда уѣзднымъ гласнымъ, предложилъ управѣ произвести опросъ всѣхъ тѣхъ обществъ, гдѣ имѣются земскія школы, не пожелаютъ ли они преобразовать ихъ въ церковно-приходскія. На сколько меня не обманываетъ память, всѣ полученные отвѣты были отрицательные, а одно общество, гдѣ была церковно-приходская школа, выразило пожеланіе о преобразованіи ея въ земскую".

Характеристика собранія, наложившаго руку на земскую школу, довершается другими его постановленіями. Медицинская часть была поставлена въ тверскомъ уѣздѣ образцово: фельдшера были здѣсь именно тѣмъ, чѣмъ они должны и могутъ быть по степени своего образованія—помощниками врачей, дѣйствующими исключительно подъ

---

[1]) „Гражданинъ" увѣряетъ, что по окончаніи засѣданія гласные-крестьяне благодарили г. Столпакова за взятый имъ на себя починъ обращенія земскихъ школъ въ церковно-приходскія. Въ тверской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей", изъ которой авторъ „Дневниковъ" узналъ, повидимому, о тверскомъ инцидентѣ, благодарность крестьянъ не упоминается вовсе; но если и допустить, что она была выражена,—показателемъ истинныхъ чувствъ крестьянъ она можетъ служить, въ виду указанныхъ нами условій, столь же мало, какъ и ихъ оффиціальное голосованіе.

ихъ ближайшимъ руководствомъ. Теперь рѣшено учредить три особыхъ фельдшерскихъ пункта, съ ассигнованіемъ на каждый по 500 руб. (включая плату за помѣщеніе, лекарства и т. п.). При такой ассигновкѣ возможно только приглашеніе наиболѣе дешевыхъ, такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, которыхъ—за недостаткомъ другихъ, лучше подготовленныхъ—приходится иногда давать въ помощники врачамъ, но которыхъ особенно опасно допускать къ самостоятельному леченію. Этихъ простыхъ соображеній не хочетъ знать собраніе, стремящееся къ экономіи во что бы то ни стало. Новымъ руководителямъ тверского земства не мѣшало бы принять во вниманіе хотя бы мнѣніе ихъ газетныхъ единомышленниковъ, строго осуждающихъ „фельдшеризмъ", въ особенности когда это осужденіе даетъ поводъ къ вылазкѣ противъ земскихъ врачей... [1]). Ничѣмъ другимъ, кромѣ жажды грошовыхъ сбереженій и систематически-отрицательнаго отношенія къ дѣятельности предшественниковъ, нельзя объяснить и постановленіе, упразднившее должность уѣзднаго агронома, въ самый разгаръ дѣятельности, направленной къ поднятію уровня крестьянскаго хозяйства. Въ докладѣ, представленномъ собранію, былъ намѣченъ цѣлый рядъ полезныхъ агрономическихъ мѣръ, осуществимыхъ только при участіи спеціалиста. Отъ всего этого теперь придется отказаться по меньшей мѣрѣ на три года—отказаться именно въ то время, когда во всей Россіи поставленъ вопросъ о поднятіи уровня сельскаго хозяйства.

Тверская корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей" заканчивается слѣдующими словами: „наши либералы уже подняли свое знамя, созывая вокругъ него вѣрныхъ сыновъ тверского демократизма, дабы, какъ они выражаются, зарѣзать наше уѣздное земство на ближайшемъ губернскомъ собраніи". Еще опредѣленнѣе звучатъ варіаціи на ту же тему, разыгрываемыя въ „Гражданинѣ". „Опытъ жизни показываетъ"—восклицаетъ авторъ „Дневниковъ",—„что у насъ на Руси какъ-то такъ устраиваютъ порядокъ вещей какіе-то непостижимые и невидимые законы, что всѣ побѣды либераловъ оканчиваются торжествомъ ихъ на дѣлѣ, а побѣды консерваторовъ встрѣчаютъ для осуществленія своего успѣха на дѣлѣ какія-то непреоборимыя препятствія. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ общимъ правовымъ, такъ сказать, вопросомъ: уѣздное земское собраніе постановило; можетъ ли оно считаться настолько совершеннолѣтнимъ, чтобы свое постановленіе приводить въ исполненіе? Оказывается, какъ мнѣ говорятъ, что нѣтъ: уѣздное собраніе могло постановить, но затѣмъ вопросъ дол-

---

[1]) См., напримѣръ, выписку изъ „Самарской Газеты", съ комментаріями, въ № 309 „Московскихъ Вѣдомостей".

женъ поступить въ губернское земское собраніе, и тамъ, если удастся господамъ Петрункевичамъ подобрать свою партію, торжественно провалиться". Изъ этого, какъ и слѣдовало ожидать, выводится обычное caeterum censeo реакціонной печати: необходимость пересмотра земскаго положенія, въ смыслѣ ограниченія правъ губернскаго земства — или совершенной его отмѣны. Не нужно быть глубокимъ знатокомъ земскихъ порядковъ, чтобы понять полнѣйшую несостоятельность предположеній, кѣмъ-то подсказываемыхъ редактору „Гражданина". Отмѣнять постановленіе уѣзднаго собранія губернское собраніе можетъ только по протесту губернатора, мотивированному несоотвѣтствіемъ съ общими государственными пользами и нуждами или явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія—а протестъ противъ обращенія земскихъ школъ въ церковно-приходскія, вообще крайне невѣроятный, совершенно немыслимъ именно въ тверской губерніи. Какъ бы губернское земство ни относилось къ пути, на который вступило, въ данномъ случаѣ, уѣздное собраніе, остановить его или заставить его пойти назадъ оно не въ силахъ. Лишено основанія и другое опасеніе „Гражданина": „а ну какъ какой-нибудь чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія вздумаетъ *взять муху*, какъ говорятъ французы, во имя земства и увидитъ въ постановленіи уѣзднаго земства косвенный намекъ на вѣдомство учебное, коему земскія школы числятся подчиненными"? Министерство народнаго просвѣщенія никогда не было расположено къ ревностному охраненію земской школы—но еслибы оно, паче чаянія, и захотѣло, въ данномъ случаѣ, взять на себя роль охранителя, оно могло бы ее исполнить лишь при содѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Единственное препятствіе, которое можетъ встрѣтить тверское уѣздное земство, указано М. И. Петрункевичемъ, въ бесѣдѣ, упомянутой нами выше: это—veto сельскихъ обществъ, которыми, отчасти на собственныя, отчасти на земскія средства построены многія земскія школы въ тверскомъ уѣздѣ и безъ согласія которыхъ эти школы не могутъ, слѣдовательно, быть переведены въ другое вѣдомство. Остается пожелать, чтобы сельскимъ обществамъ предоставлена была возможность *свободно* высказаться по этому вопросу.

Одна изъ петербургскихъ газетъ, рѣшительно осуждая образъ дѣйствій тверского уѣзднаго земства, задумывается, по этому поводу, надъ предполагаемымъ пониженіемъ земскаго избирательнаго ценза и напоминаетъ, что онъ не помѣшалъ земству впервые поставить на ноги народную школу. Отнюдь не отрицая великихъ заслугъ земства, мы думаемъ, что наиболѣе цѣнные результаты его работы достигнуты не *благодаря*, а скорѣе *вопреки* высокому имущественному цензу. Нѣтъ основаній опасаться, что новыя категоріи избирателей, призванныя къ жизни

пониженіемъ ценза, измѣнять лучшимъ земскимъ традиціямъ; наоборотъ, все заставляетъ ожидать, что реформа, достаточно рѣшительная и широкая, остановитъ упадокъ земской дѣятельности, замѣчаемый кое-гдѣ со времени введенія въ дѣйствіе Положенія 1890-го года. Въ развитіи и правильномъ веденіи земскаго дѣла мелкіе землевладѣльцы, въ особенности живущіе на мѣстахъ и лично занимающіеся хозяйствомъ, заинтересованы отнюдь не меньше, чѣмъ сравнительно крупные, сплошь и рядомъ систематически грѣшащіе абсентеизмомъ и рѣдко пріѣзжающіе на земскіе выборы. При бо̀льшемъ числѣ избирателей рѣже будутъ встрѣчаться крутые повороты въ составѣ гласныхъ, а слѣдовательно и въ настроеніи собранія. Теперь для такого поворота достаточно, сплошь и рядомъ, неявки нѣсколькихъ избирателей или, наоборотъ, внезапнаго появленія нѣсколькихъ другихъ, обычно не принимающихъ участія въ выборахъ; тогда подобные сюрпризы будутъ устраиваться не такъ легко. Само собою разумѣется, что однимъ пониженіемъ имущественнаго ценза для личныхъ землевладѣльцевъ нельзя достигнуть желанной перемѣны къ лучшему: гораздо важнѣе коренное преобразованіе въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ—преобразованіе, которымъ было бы возстановлено прежнее ихъ мѣсто въ земскихъ собраніяхъ и больше прежняго обезпечена свобода выборовъ. Пока представители крестьянства являются, de facto, ставленниками администраціи, до тѣхъ поръ земское собраніе не можетъ выражать собою истинные взгляды и желанія населенія.

Одновременно съ извѣстіемъ о постановленіи тверского уѣзднаго земскаго собранія, забраковавшемъ земскую школу, въ печати появился текстъ приговора, составленнаго крестьянами деревень Павловой, Лысовой, Березовой и Ивкиной, рязанскаго уѣзда, въ числѣ 130 домохозяевъ изъ 179, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Въ 1896 г. крестьянами этихъ деревень была открыта въ ихъ общественномъ зданіи, при деревнѣ Павловой, церковно-приходская школа. „Принявъ во вниманіе“—сказано въ приговорѣ,—„что 1) рязанское отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта вотъ уже третій годъ не назначаетъ учителя, способнаго обучать дѣтей хоровому пѣнію, подъ каковымъ условіемъ и открыта церковная школа; 2) часто мѣняетъ учителей, по причинѣ чего ученіе въ школѣ никогда во̀-время не начинается; 3) отказываетъ въ удовлетвореніи такихъ насущныхъ нуждъ школы, какъ напр. пополненіе школьной библіотеки и высылка письменныхъ принадлежностей, а также 4) разныя неудобства, съ ко-

торыми соединяется изысканіе средствъ на ежегодно почти увеличивающіяся школьныя нужды, и замѣчая въ то же время лучшій порядокъ и постановку дѣла въ школахъ, подвѣдомственныхъ рязанскому уѣздному земству, крестьяне постановили: 1) просить уѣздное земство о принятіи павловской школы въ свое вѣдѣніе и переименованіи ея изъ церковно-приходской въ земскую; 2) на тотъ случай, если епархіальный училищный совѣтъ будетъ требовать возмѣщенія своихъ расходовъ, сдѣланныхъ имъ въ видѣ пособія на постройку и ремонтъ зданія при открытіи школы, просятъ уѣздное земство, чтобы оно отпустило заимообразно изъ своихъ средствъ 245 рублей и уплатило эти деньги совѣту, а въ пополненіе этой суммы разложило ее по ревизскимъ душамъ на всѣ четыре общества и выбрало постепенно, въ продолженіе 5 лѣтъ, вмѣстѣ съ земскими сборами; 3) принять на счетъ обществъ крестьянъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе школьнаго зданія съ квартирой учителя и наемъ школьной прислуги и 4) просить земство, чтобы оно чрезъ инспектора народныхъ училищъ назначило въ Павловскую школу учителя, свѣдущаго въ церковномъ пѣніи, каковой трудъ будетъ ими оплаченъ особо". Рязанское уѣздное земское собраніе поручило уѣздной управѣ снестись съ епархіальнымъ вѣдомствомъ и, въ случаѣ согласія его на передачу павловской школы въ вѣдѣніе земства, выдать обществу просимую ссуду, а въ случаѣ затрудненій сообщить губернскому училищному совѣту, для возбужденія ходатайства передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Что дѣло не обойдется безъ „затрудненій"—это, судя по многимъ аналогичнымъ случаямъ, болѣе чѣмъ вѣроятно. Осуществить передачу школъ изъ учебнаго вѣдомства въ духовное гораздо легче, чѣмъ достигнуть обратнаго результата. Отсюда необходимость особой осторожности для земства—осторожности, такъ явно нарушенной тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ... Приговоръ, приведенный нами выше, особенно знаменателенъ тѣмъ, что онъ возлагаетъ на крестьянъ новыя, для нихъ немаловажныя денежныя обязательства. Это устраняетъ возможность предполагать наличность, въ данномъ случаѣ, какихъ-нибудь постороннихъ внушеній и вліяній. Объ административномъ давленіи на крестьянъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи: тамъ, гдѣ оно выступаетъ на сцену, оно клонится отнюдь не въ пользу земской школы...

Въ газетѣ „Право" (№ 46) оглашено недавно распоряженіе херсонскаго губернатора, подвергшаго десятерыхъ елисаветградскихъ сектантовъ, за совмѣстныя богомоленія, семидневному аресту, на

основанiи обязательныхъ постановленiй, воспрещающихъ „всякiя собранiя и сходбища на улицахъ, площадяхъ и въ домахъ“, кромѣ случаевъ, когда это допущено властями. „Послѣдняя оговорка“—замѣчаетъ „Право“ — „вполнѣ понятна: воспрещенiе не можетъ относиться къ собранiямъ, дозволеннымъ закономъ, такъ какъ обязательныя постановленiя ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить дѣйствующимъ законамъ и карательнымъ постановленiямъ улож. и уст. о нак., а также высшихъ правит. лицъ и учрежденiй. Между тѣмъ, законъ 3 мая 1883 г. предоставилъ всѣмъ сектантамъ (за исключенiемъ лицъ, указанныхъ въ 203 ст. улож. о нак., и скопцовъ) право творить общественную молитву по ихъ обрядамъ, а Высоч. утвержденное 4 iюля 1894 г. Полож. ком. мин., лишившее этого права штундистовъ, постановляетъ, что эти послѣднiе, за совмѣстныя богомоленiя, подвергаются отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак., каковой статьею предусматривается одно лишь наказанiе—штрафъ до 50 р. До сихъ поръ полицiя и преслѣдовала мѣстныхъ сектантовъ именно судебнымъ порядкомъ, причемъ, послѣ указа херсонскаго губернскаго присутствiя, постановившаго по 28 тождественнымъ дѣламъ (съ 250 обвиняемыми, въ числѣ коихъ были и подвергнутые нынѣ аресту въ административномъ порядкѣ) всѣ эти дѣла производствомъ совершенно прекратить, за отсутствiемъ состава преступленiя,—городскiе судьи, и раньше выносившiе, въ большинствѣ случаевъ, сектантамъ оправдательные приговоры, стали ихъ совершенно освобождать отъ всякой отвѣтственности. Означенное распоряженiе губернатора—первый случай административнаго взысканiя за молитвенныя собранiя мѣстныхъ сектантовъ“. Замѣтка „Права“ вызвала возраженiе со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 313). „Въ чертѣ усиленной охраны“—утверждаетъ газета г. Грингмута—„самовольныя сборища запрещены, и губернаторъ несомнѣнно имѣетъ право не только разсѣять собравшихся, но и наложить на нихъ наказанiе въ административномъ порядкѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что *судъ не всегда оказывается на высотѣ своего призванiя*“. Мы думаемъ, что усиленная охрана влечетъ за собою возможность запрещенiя такихъ только собранiй, которыя угрожаютъ общественному спокойствiю и вмѣстѣ съ тѣмъ не подходятъ подъ дѣйствiе спецiальныхъ узаконенiй, установляющихъ спецiальную отвѣтственность. Ни тому, ни другому условiю молитвенныя собранiя сектантовъ не отвѣчаютъ: происходя въ четырехъ стѣнахъ частной квартиры, ограничиваясь духовными упражненiями и не нарушая тишины и порядка, они подлежатъ преслѣдованiю только на основанiи особыхъ правилъ и только въ предѣлахъ, этими правилами установленныхъ. Нельзя, очевидно, допустить, чтобы ограни-

ченія судебно-уголовной репрессіи, вытекающія изъ кассаціонныхъ сенатскихъ рѣшеній, могли быть обходимы съ помощью дискреціонной административной власти. Сенатъ призналъ, что участники сектантскихъ молитвенныхъ собраній наказуемы только въ такомъ случаѣ, если доказана ихъ принадлежность къ *штундизму* (т.-е. къ сектѣ, соединяющей въ себѣ *всѣ* перечисленные закономъ признаки штундизма). Исключительно на этой почвѣ и можетъ происходить преслѣдованіе молитвенныхъ собраній. Судебныя и судебно-административныя мѣста, подчиняясь толкованію сената, оказались именно *на высотѣ своего призванія*; измѣной призванію было бы, наоборотъ, назначеніе наказаній, противорѣчащихъ духу и смыслу закона. Еслибы, впрочемъ, со стороны суда и была допущена ошибка, исправленіе ея лежало бы, во всякомъ случаѣ, не на обязанности администраціи.

Какъ опасна широкая дискреціонная власть, объ этомъ можно судить по слѣдующему сообщенію „Пермскаго Края", короткому, но въ высшей степени знаменательному: „назначенный [1]) земскимъ начальникомъ 4-го участка пермскаго уѣзда въ августѣ сего года новый составъ волостныхъ судей чусовской волости начинаетъ примѣнять наказаніе розгами, не примѣнявшееся въ волости около десяти лѣтъ". Итакъ, усмотрѣнія одного лица достаточно для того, чтобы вызвать въ подчиненной ему мѣстности крутой поворотъ назадъ, къ порядку, фактически переставшему тамъ существовать и вообще давно потерявшему право на существованіе! И это дѣлается какъ разъ въ то время, когда изъ разныхъ концовъ Россіи приходятъ извѣстія о совершенномъ или почти совершенномъ исчезновеніи тѣлесныхъ наказаній изъ практики волостныхъ судовъ! Не ясно ли, что на одно смягченіе административныхъ нравовъ разсчитывать нельзя и что необходима полная и окончательная отмѣна, путемъ закона, всѣхъ уцѣлѣвшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія?

Когда реакціонная пресса отрицаетъ свободу печати и стремится къ уничтоженію или ограниченію тѣхъ немногихъ правъ, которыя принадлежатъ нашимъ газетамъ и журналамъ, это насъ не удивляетъ, къ этому мы привыкли, какъ привыкли и къ исходящимъ изъ того же источника подкопамъ подъ земское и городское самоуправленіе; но ничего подобнаго мы не ожидали отъ газеты, далеко не солидарной

---

[1]) Волостные судьи, какъ извѣстно, не назначаются, а избираются. Если въ настоящемъ случаѣ составъ волостного суда названъ *назначеннымъ*, то это, вѣроятно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что выборы произведены по властному указанію земскаго начальника.

съ „Гражданиномъ“ и „Московскими Вѣдомостями“. Съ удивленіемъ и прискорбіемъ мы прочли, поэтому, слѣдующія слова „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (въ № 309), тотчасъ же радостно повторенныя въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго (№ 91 „Гражданина“): „Если бы къ земскимъ работникамъ не пристегнулись добровольцы нелегальщины, земское самоуправленіе давно развилось бы очень широко; если бы тѣ же элементы не пристегнулись къ печати, правительство, можетъ быть, не боялось бы, что свобода печати дастъ просторъ шантажу и клеветѣ“. Совершенно невѣренъ свѣтъ, бросаемый этой тирадой на исторію нашего земства и нашей печати, на происхожденіе и свойство преградъ, встрѣченныхъ ими съ первыхъ же шаговъ и до сихъ поръ задерживающихъ и затрудняющихъ ихъ развитіе. Ничего общаго съ „нелегальщиной“ не имѣли тѣ дѣйствія с.-петербургскаго губернскаго земства, которыя послужили поводомъ къ закрытію, въ 1867 г., земскихъ учрежденій с.-петербургской губерніи. Не стремленіемъ устранить или предотвратить соприкосновеніе земства съ „нелегальщиной“ была вызвана отмѣна стараго земского Положенія и замѣна его закономъ 1890-го года. То же самое слѣдуетъ сказать и о мѣрахъ 1900-го года, уменьшившихъ кругъ вѣдомства и ограничившихъ самостоятельность земства. Въ безконечно-длинномъ спискѣ періодическихъ изданій, подвергшихся запрещенію и другимъ административнымъ карамъ, немного найдется такихъ, которыя были уличены или хотя бы только заподозрѣны въ близости къ „нелегальнымъ элементамъ“. Столь же рѣдко или еще рѣже поводомъ къ административнымъ взысканіямъ служило что-либо похожее на шантажъ или клевету. Періодическія изданія, наиболѣе грѣшившія легкомысленнымъ или злонамѣреннымъ отношеніемъ къ чужой чести, отнюдь не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя всего чаще привлекались къ административной отвѣтственности. Что заключительный выводъ, къ которому придетъ безпристрастный историкъ послѣднихъ десятилѣтій, не будетъ имѣть ничего общаго съ обвиненіями, легкомысленно брошенными на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—въ этомъ мы вполнѣ убѣждены; но въ текущую жизнь, и безъ того богатую диссонансами, они вносятъ лишнюю фальшивую ноту, для предупрежденія которой достаточно было бы болѣе внимательнаго отношенія къ дѣйствительности.

Когда сходитъ со сцены человѣкъ, дѣятельность котораго служила, при его жизни, предметомъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противоположныхъ сужденій, его противники охотно умолкаютъ, не

желая нарушать тишины, водворяющейся около свѣжей могилы. Молчаніе становится, однако, затруднительнымъ, почти невозможнымъ, если не знаютъ мѣры и предѣла панегирики единомышленниковъ покойнаго. Такимъ незнаніемъ мѣры грѣшатъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей", посвященныя скончавшемуся недавно А. Л. Апухтину, бывшему попечителю варшавскаго учебнаго округа. Здѣсь идетъ рѣчь и о „тяжеломъ горѣ, постигшемъ истинно-русскихъ людей", и „о великомъ русскомъ дѣлѣ въ многострадальной Холмщинѣ, провожающей почившаго благодарными слезами", и о правѣ А. Л. Апухтина на имя *болярина,* такъ какъ онъ „во-истину болѣлъ душой за дорогое ему русское дѣло". Въ видѣ противовѣса такому неумѣренному хвалебному слову мы напомнимъ только отзывы о положеніи школьнаго дѣла въ привислянскомъ краѣ при А. Л. Апухтинѣ—отзывы свидѣтелей безусловно достовѣрныхъ: варшавскихъ генералъ-губернаторовъ Гурко и кн. Имеретинскаго [1]). „Въ правительственной школѣ"—писалъ въ 1890 г. генералъ-адъютантъ Гурко — „обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно. Возвращаясь домой, дитя передаетъ родителямъ, уже и безъ того не отличающимся любовью къ русскому народу, объ обидахъ, испытанныхъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней русскія дѣти. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку приводитъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало отъ дѣятельности этихъ школъ правительство; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ". Семь лѣтъ спустя генералъ-адъютантъ кн. Имеретинскій находилъ, что преподаваніе польскаго языка поставлено въ начальныхъ школахъ края еще хуже, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Воспитанники гимназій, благодаря сравнительно бо́льшей состоятельности своихъ родителей, могутъ пополнить недостатокъ школьнаго преподаванія домашнимъ обученіемъ; дѣти крестьянъ и бѣдныхъ мѣщанъ лишены этой возможности". Выражая сомнѣніе въ справедливости такого порядка, кн. Имеретинскій приписывалъ ему нежеланіе населенія

---

[1]) Эти отзывы приведены въ извѣстномъ изданіи В. Д. Спасовича и Э. И. Пильца: „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ" (т. I, Спб. 1902) и заимствованы оттуда нашимъ журналомъ, въ статьѣ: „Одна изъ окраинъ Россіи" (см. № 9 „Вѣстника Европы" за 1902 г., стр. 340—355).

посылать своихъ дѣтей въ школу. „Нельзя требовать,—говорилъ онъ, —чтобы простой человѣкъ понялъ все значеніе обученія государственному языку въ ущербъ отечественному. Пренебреженіе польскаго языка, какъ предмета обученія въ училищахъ, даетъ разнымъ агитаторамъ основаніе указывать на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство стремленій нашего правительства къ обрусенію края —стремленій въ дѣйствительности не существующихъ и даже невозможныхъ“. Къ чему должна была привести такая система, неуклонно проводившаяся въ теченіе восемнадцати лѣтъ, и какъ велика благодарность, заслуживаемая ея представителемъ—это не требуетъ поясненія.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени открытія въ С.-Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Чествованіе этой годовщины было праздниствомъ для той, постоянно увеличивающейся части русскаго общества, которая видитъ въ распространеніи и углубленіи высшаго образованія одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ лучшему будущему. Созданіе высшихъ женскихъ курсовъ и возсозданіе ихъ послѣ кризиса, пережитаго ими въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—поразительно яркое доказательство энергіи, на которую, во имя добраго, крупнаго дѣла, способны русскія женщины. Пожелаемъ симпатичному учрежденію не только спокойнаго, безпрепятственнаго слѣдованія по дорогѣ, первая, самая трудная часть которой пройдена имъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, но и расширенія его задачъ, по крайней мѣрѣ до ихъ первоначальныхъ предѣловъ. Съ судьбой петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ тѣсно связана судьба высшаго женскаго образованія въ Россіи. Еслибы ихъ не удалось спасти въ 1889 г., едва ли мы видѣли бы теперь возрожденіе аналогичныхъ научныхъ центровъ въ разныхъ концахъ государства.

Общественнымъ праздниствомъ было и чествованіе В. Г. Короленко. Начавшись въ провинціи еще лѣтомъ, когда любимому писателю исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, оно завершилось въ Петербургѣ, 14-го ноября, длиннымъ рядомъ овацій, показавшихъ наглядно, какъ дорогъ широкой публикѣ художникъ-авторъ „Сна Макара“ и „Въ дурномъ обществѣ“, безпристрастный наблюдатель русской жизни на далекихъ окраинахъ и надъ „великою русской рѣкой“, дѣятель и лѣтописецъ „голоднаго года“, защитникъ мултанскихъ вотяковъ, редак-

торъ одного изъ лучшихъ русскихъ журналовъ, неутомимый и вѣчно-юный работникъ на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ народному благу. Знать В. Г. Короленко, значитъ любить его—а знаютъ его всѣ его читатели: о произведеніяхъ его можно сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что они служатъ зеркаломъ его души. Какъ нельзя болѣе характерна для него и рѣчь, произнесенная имъ 14-го ноября. „Господа“,—сказалъ онъ по выслушаніи обращенныхъ къ нему привѣтствій,—„когда я шелъ сюда, признаюсь, я не ожидалъ того, что̀ будетъ. Помню, еще начинающимъ писателемъ я много перестрадалъ, когда такой колоссъ, какъ Щедринъ, спрашивалъ: другъ-читатель, гдѣ же ты?.. Было это во время крушенія лучшихъ надеждъ писателя. Я пошелъ къ нему, я хотѣлъ его утѣшить, сказать, что есть этотъ читатель, что онъ сочувствуетъ горю, но онъ молчитъ, не смѣетъ, не можетъ проявить себя. Помню я, какъ въ письмѣ, полномъ юмора, но полномъ и тоски, Глѣбъ Успенскій упорно отнѣкивался отъ всякихъ юбилейныхъ чествованій, но все-таки долженъ былъ перенести эту страду, невыносимую для его скромной души. И я хотѣлъ отказаться, но меня убѣдили, что это надо, и, правда, я вижу, что не напрасно согласился. Всякое общество переживаетъ три фазиса своего совершенствованія. Для всякаго прогресса нужны три стадіи: мысль, слово и дѣло. Мысль всегда сильно работала въ русскомъ народѣ, только онъ не умѣлъ выражать ее. Не работай эта мысль, не было бы и всей русской исторіи. Теперь отъ затаенныхъ думъ мы перешли къ слову. Дай же Богъ, чтобы царила свободная мысль и свободное слово и народили они рядъ полезныхъ дѣлъ для всей нашей дорогой родины“...

Postscriptum. — Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда газеты ознакомили насъ съ настоящимъ положеніемъ работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Проекты, составленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и обнимающіе собою и крестьянское управленіе, и крестьянскій судъ, и крестьянское землевладѣніе, предполагается передать на предварительное обсужденіе губернскихъ совѣщаній, въ составъ которыхъ будутъ введены *выборные* члены какъ отъ губернскихъ земскихъ собраній, такъ и отъ дворянства, по числу уѣздовъ въ каждой губерніи, но безъ пріуроченія выбора къ каждому уѣзду отдѣльно. Крестьяне *могутъ* быть приглашаемы къ участію въ совѣщаніи по усмотрѣнію его предсѣдателя, т.-е. губернатора. Параллельно съ разсмотрѣніемъ проектовъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ должно было бы идти широкое, свободное обсужденіе ихъ въ печати

и въ ученыхъ обществахъ, для чего, какъ справедливо замѣчаютъ „Русскія Вѣдомости", необходимо было бы немедленное оглашеніе проектовъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ. Давно уже Россіи не приходилось переживать столь важной, столь критической минуты. Отъ того или другого исхода реформы зависитъ, въ значительной степени, судьба народныхъ массъ, а слѣдовательно,—и судьба всего русскаго общества.—Во время печатанія обозрѣнія, появилось также въ газетахъ извѣстіе о результатѣ здѣшнихъ городскихъ выборовъ въ гласные по первому разряду; столько же, какъ говорятъ, неожиданно для самихъ избирателей, сколько и характерно само по себѣ является избраніе въ гласные кн. Мещерскаго („Гражданинъ"); мы замѣтили выше, что онъ вдругъ перевернулся въ своихъ воззрѣніяхъ на такое новшество, какъ допущеніе квартирантовъ новымъ Положеніемъ; теперь дѣлается еще болѣе ясною причина, по которой въ его глазахъ казавшееся недавно чернымъ вдругъ побѣлѣло... Впрочемъ, будущій историкъ городского общественнаго управленія выяснитъ, вѣроятно, и то, какъ могъ совершиться подобный выборъ, когда о кандидатурѣ кн. Мещерскаго почти только наканунѣ узнали многіе изъ самихъ избирателей.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Изъ устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія С.-Петербургской губерніи.

1. Общество имѣетъ цѣлью: содѣйствовать распространенію народнаго образованія среди сельскаго населенія С.-Петербургской губерніи, путемъ открытія самостоятельныхъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, или учрежденія таковыхъ при начальныхъ училищахъ и поддерживанія существующихъ.

2. Для достиженія этой цѣли Общество: а) съ надлежащаго разрѣшенія учреждаетъ вновь безплатныя читальни и библіотеки различнаго вида, сообразно мѣстнымъ потребностямъ; б) въ случаѣ надобности оказываетъ поддержку существующимъ читальнямъ и библіотекамъ; в) собираетъ порядкомъ, ниже сего, въ § 5 указаннымъ, необходимыя средства; г) пріобрѣтаетъ книги, преимущественно относящіяся до сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ и періодическія изданія этого рода, научныя книги, популярно изложенныя, а также книги обще-литературнаго содержанія извѣстныхъ поэтовъ и писателей и вообще всѣ изданія, допущенныя и имѣющія быть допущенными въ установленномъ порядкѣ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ; д) снабжаетъ библіотеки, непосредственно или по соглашенію съ учредителями читаленъ и наблюдателями за ними, пріобрѣтаемыми книгами.

3. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ: несовершеннолѣтнихъ (кромѣ имѣющихъ классные чины), состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ нижнихъ чиновъ и юнкеровъ, учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, ограниченныхъ въ правахъ по суду и состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ по преступленіямъ, влекущимъ за собою ограниченіе въ правахъ, и членовъ разъ исключенныхъ, какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ собраній на основаніи правилъ устава оныхъ, а также лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Примѣчаніе: число членовъ Общества неограниченно, но для открытія дѣйствій онаго необходимо вступленіе въ него не менѣе 50 человѣкъ.

4. Члены Общества подраздѣляются на а) почетныхъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ изъ числа оказавшихъ обществу особыя услуги, или сдѣлавшихъ въ пользу онаго значительныя единовременныя пожертвованія, и б) дѣйствительныхъ, вносящихъ въ кассу Общества не менѣе 100 руб. единовременно или 3 руб. ежегодно.

5. Средства Общества составляются: а) изъ членскихъ взносовъ,

б) изъ пожертвованій какъ членовъ Общества, такъ и постороннихъ лицъ деньгами или книгами, в) изъ доходовъ отъ спектаклей, концертовъ, литературныхъ вечеровъ и пр., устраиваемыхъ Обществомъ съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, съ соблюденіемъ установленныхъ на сей предметъ дѣйствующихъ узаконеній и особыхъ правительственныхъ распоряженій, г) изъ разныхъ случайныхъ поступленій и д) изъ %, приносимыхъ вышеозначенными суммами.

6. Капиталъ Общества раздѣляется на а) оборотный и б) запасный.

7. Оборотный капиталъ образуется изъ членскихъ взносовъ и пожертвованныхъ денегъ, а также и доходовъ, и употребляется на пріобрѣтеніе книгъ и всего необходимаго для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

8. Запасный капиталъ составляется посредствомъ 10% вычета изъ остатковъ, образующихся къ концу года по удовлетвореніи всѣхъ нуждъ Общества, и предназначается для увеличенія помѣщеній библіотекъ и читаленъ, гдѣ таковыя окажутся малы или неудобны.

Примѣчаніе: запасный капиталъ не расходуется ни на какія другія потребности.

9. Капиталы, по опредѣленію Общества, по мѣрѣ накопленія ихъ, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранятся въ одномъ изъ учрежденій Государственнаго банка.

10. Обратное полученіе изъ банка капиталовъ, % бумагъ, производится по постановленію общаго собранія, по требованіямъ, подписаннымъ членами правленія.

11. Всѣ расходы по Обществу правленіе производитъ на основаніи смѣты, ежегодно утверждаемой общимъ собраніемъ членовъ.

Примѣчаніе: за цѣлость суммъ и имущества Общества отвѣчаютъ всѣ члены правленія, исключая случаевъ, когда растрата таковыхъ произведена однимъ изъ членовъ безъ вѣдома другихъ.

12. Дѣлами Общества завѣдуетъ а) правленіе Общества и б) общія собранія его членовъ.

А. Правленіе.

13. Правленіе Общества состоитъ: изъ предсѣдателя, казначея, секретаря и трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на три года, изъ числа членовъ Общества.

14. Правленіе созывается по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію предсѣдателя, но не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Кромѣ того, оно можетъ быть собрано по требованію трехъ членовъ правленія.

15. Для дѣйствительности засѣданія правленія необходимо присутствіе въ немъ не менѣе четырехъ членовъ онаго и представителей отъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ.

16. Дѣла правленія рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

17. На обязанности правленія лежитъ: а) забота объ увеличенія средствъ и о преуспѣяніи Общества, б) ближайшее завѣдываніе дѣлами Общества, в) созваніе общихъ собраній, г) составленіе годового отчета о суммахъ и дѣятельности Общества за истекшій годъ, со

смѣтными предположеніями на будущій годъ и представленія отчета и смѣты на утвержденіе общаго собранія и д) представленіе на обсужденіе общаго собранія вопросовъ неразрѣшенныхъ правленіемъ, превышающихъ его власть. Кромѣ того, на обязанность правленія возлагается собираніе свѣдѣній о мѣстностяхъ, нуждающихся въ учрежденіи читаленъ и библіотекъ, выборъ книгъ и изданій и распредѣленіе оныхъ между библіотеками; сношенія по устройству названныхъ учрежденій и установленіе правилъ пользованія ими; учрежденіе самыхъ читаленъ и библіотекъ, съ надлежащаго разрѣшенія, и представленія лицъ для завѣдыванія читальнями.

ПОПРАВКИ:

Въ октябрьской книгѣ слѣдуетъ сдѣлать нижеслѣдующія исправленія:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
771	5 св.	съ 1892 по 1900 г.	съ 1891 по 1900 г.
772	6 сн.	въ 1902 г.—71 к.	въ 1901 г.—71 к.
„	5 „	таможенные сборы въ 1892 г.—32 к.; пошлины 167 к.	регаліи въ 1892 году—32 к., въ 1901 г.—167 к.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1903 году.

Въ 1903-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

1. Въ губерніяхъ:

№	Губернія	экз.	№	Губернія	экз.	№	Губернія	экз.
1.	Харьковск. .	204	23.	Бакинская .	58	45.	Лифляндск.	50
2.	Кіевская. .	189	24.	С.-Петерб. .	58	46.	Амурск. об.	50
3.	Херсонск. .	178	25.	Томская . .	58	47.	Витебская .	49
4.	Екатериносл.	128	26.	Примор. об.	58	48.	Терская об.	47
5.	Саратовск. .	113	27.	Тульская . .	58	49.	Казанская .	47
6.	Тифлисская.	112	28.	Московская.	58	50.	Минская. .	47
7.	Варшавск. .	111	29.	Закасп. об.	58	51.	Сыръ-Д. об.	45
8.	Таврическ. .	100	30.	Воронежск. .	57	52.	Симбирская.	44
9.	Черниговск.	97	31.	Рязанская .	56	53.	Псковская .	42
10.	Полтавская.	91	32.	Гродненская	56	54.	Тобольская.	42
11.	Тамбовская.	78	33.	Пред. Китая.	56	55.	Ковенская .	42
12.	Курская. .	78	34.	Самарская .	53	56.	Астраханск.	40
13.	Бессарабск.	76	35.	Владимірск.	53	57.	Виленская .	40
14.	Иркутская .	68	36.	Обл. В. Дон.	53	58.	Уфимская .	39
15.	Орловская .	66	37.	Калужская .	52	59.	Оренбургск.	36
16.	Подольская.	64	38.	Могилевск. .	51	60.	Ломжинская.	34
17.	Смоленская.	63	39.	Кутаисская.	51	61.	Пензенская.	34
18.	Пермская. .	63	40.	Ярославская	51	62.	Енисейская.	33
19.	Забайк. об.	63	41.	Вятская . .	51	63.	Эстляндская.	27
20.	Тверская . .	62	42.	Костромская	51	64.	Акмол. об.	27
21.	Новгородск.	61	43.	Нижегород.	50	65.	Вологодская.	25
22.	Волынская .	58	44.	Кубанск. об.	50	66.	Карсская об.	25

67. Эриванская.	24	78. Олонецкая .	19	89. Калишская.	12
68. Люблинская	23	79. Сувалкская.	19	90. Кѣлецкая.	11
69. Курляндск.	23	80. Радомская .	19	91. Вазаская .	9
70. Плоцкая .	22	81. Черном. окр.	18	92. С.-Михельск.	8
71. Архангельск.	21	82. Сѣдлецкая .	18	93. Тургайск. об	7
72. Елисаветпол.	20	83. Семипал. об.	17	94. Тавастгусск.	7
73. Ставропольск.	20	84. Ферган. об.	15	95. Або-Бьернеб.	4
74. Петроковск.	20	85. Выборгская.	15		
75. Дагест. обл.	20	86. Нюландская.	14		4.656
76. Семирѣч.об.	20	87. Уральск. об.	14		
77. Самарк. об.	20	88. Якутск. об.	12		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.101

III. Въ Москвѣ. 525

IV. За границей 152

Всего: экз. 6.434

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1903 году.

Хроника.

IV. Новости Иностранной Литературы.

V. Изъ Общественной Хроники.

„націоналистовъ“.—Намеки, возведенные въ систему.—„Самоуправленіе“ и „управленіе“.—Студенческія научныя общества въ Москвѣ.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ.—А. В. Сухово-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Манасеина †. —Именной Высочайшій указъ 12-го марта.—Май (стр. 403):—Націонализмъ „первобытный“ и „просвѣщенный“.—Газетная инквизиція. — Обвиненія, граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ.—Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика. —Іюнь (стр. 821):—Двухсотлѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва. — Странное ходатайство. — Что такое „моральная виновность“ печати? — Отголосокъ кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“.—К. М. Станюковичъ †.—Іюль (стр. 434):—Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя теченія, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Минскаго на ту же тему.—Особые пріемы реакціонной печати.—Еще отголоски кишиневскаго погрома. — А. Н. Энгельгардтъ †.—Августъ (стр. 842).—Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ.—Новыя „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія. — Квартиронаниматели и образовательный цензъ для гласныхъ. — Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый предсѣдатель. — Исполнительныя коммиссіи и выборы въ общественныя должности.— Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москвы.—Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Асхархановъ и „Русская Библіотека“. — Сентябрь (стр 428):—Новыя проявленія стариннаго недуга.—Преобразованіе столичнаго общественнаго управленія передъ судомъ ретроградной прессы.—Инструкція о порядкѣ производства въ С.-Петербургѣ городскихъ выборовъ.—Интересная рѣчь.—Вопросъ о „чести мундира“.—Дѣло Золотовой.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ †.—Октябрь (стр. 873):—Слухи о централизаціи учебнаго дѣла.—Министерство финансовъ и школа.—Параллель между двумя министрами.—„Гражданинъ“ и „Литературный фондъ“.—Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.—Разъясненіе одного спорнаго понятія.—Гомельскіе безпорядки.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“. — Ноябрь (стр. 453):—Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей. —Отдѣльные цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ.—Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ.—Декабрь (стр. 878): — Предвыборное движеніе въ г. С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12 ноября. — Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. — Неудобство дискреціонной власти.—Неумѣстныя преувеличенія.— Первое 25-лѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Postcriptum.

VI. Библіографическій Листокъ.— Январь.—Шванебахъ, П. Х., Наше податное дѣло.—Кеннингемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.—Бирюковичъ, В., Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству.—Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ въ соврем. франц. беллетристикѣ.—Андреевскій, С. А., Литературные очерки.—Февраль:—„Вѣдомости“ времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. IV: ч 2 и 3. — Учебная книга древней исторіи, Н. Карѣева.—Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ.—Мартъ:—Очерки Крыма, Евг. Маркова. —Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII.—Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутр. губ России, состав. Г. Савичъ.—Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, П. Маслова.—Апрѣль:—Великій князь Николай Михаиловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, 1774-1817 гг. — Бузескулъ, В., проф., Введеніе въ исторію Греціи.—Григ. Де-Волланъ, Въ странѣ восходящаго солнца.—Родъ Юреневыхъ, генеалог. роспись съ XIV-го по XX-ое столѣтіе.—Май:—Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра.—О. П. Сениговъ, Памятники Земской старины. — В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е.—З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока. — И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Встрѣчи и воспоминанія. Іюнь:—Труды Я. К. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковымъ. — Гражданское положеніе женщины съ древн. временъ, П. Жида.—Записки колонизатора Сибири, П. Соколова-Костромского.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II.—Во-

довозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы. Іюль: — М. М Шуцкій. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности.— Библіотека великихъ писателей, п. ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ, т. III — Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общая часть. Перев. съ нѣмецк., п. р. прив.-доц. Р. М. Орженецкаго. — А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ.—Августъ:—А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами И. С. Бліоха). — А. А. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.—А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье.—Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издав. почетн. чл. Археологическаго Института, кн. Ѳ. А. Куракинымъ, п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. —Сентябрь:—Генри Джорджъ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣд. тарифнаго вопроса. Перев. съ англ. С. Д. Николаева.—Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. I.—В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. — В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ —Анна Столповская. Проявленіе упадка во Франціи.—С. И. Гальперинъ. Современная соціологія.—Октябрь:—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 1-я, въ 3-хъ томахъ.—Иллюстрированная исторія русскаго театра, И. Н. Божерянова и Н. Н. Карпова. т. I, вып. 1.—Женщина-домашній врачъ, д-ра мед. Анны Фишеръ-Дюкельманъ. — Семья и ея задачи съ норвежскаго перев. А. и П. Ганзенъ. —Ноябрь: — Русское государственное право, Н. М. Коркунова, т. I.—Земская медицина въ тверской губерніи, С. К. Корженевскаго.- А. Метенъ, Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, перев. Л. Никифоровъ.— Стихотворенія, А. В. Круглова. —Декабрь:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Ник. Барсукова.—Галерея русскихъ дѣятелей: Освобожденіе крестьянъ. — Краткій обзоръ Суворовской литературы, А. Петрушевскаго.—Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей, Э. Сегена.—А. И. Герценъ, В. Батушинскаго —Земледѣльческій отходъ крестьянъ, кн. Н. Шаховского.

VII. Извѣщенія. — Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя округа (Янв., 439).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (фев., 910; мартъ, 444; апр., 910; май, 836; авг., 866; сент, 447; нояб., 463).—Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія (мартъ 442).—Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Россіи (май, 415). — Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова (май, 836).— Изъ устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія народныхъ безплатныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія Спб. губерніи (дек. 897).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь. — Декабрь. 1903.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга семнадцатая Николая Барсукова. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпускъ обширнаго труда Н. П. Барсукова представляетъ такой же интересъ, какъ и предъидущіе, и носитъ на себѣ тотъ же характеръ „временника", въ центрѣ котораго помѣщена дѣятельность памятнаго историка и публициста. Нынѣшній выпускъ обнимаетъ собою особенно интересное время — канунъ освобожденія крестьянъ, — начиная съ января 1859 и по октябрь 1860 года. Погодинъ, какъ бы предчувствуя важность надвигающихся событій, писалъ, что онъ, „въ виду горячаго времени, когда русская мысль встрепенулась", раздѣлилъ свой день на двѣ части: „первая остается за стариною, вторая — отдается новинамъ". Мы еще возвратимся къ этому интересному выпуску.

Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Предпринимаемая „Галерея русскихъ дѣятелей", какъ можно заключить по первому ея выпуску „дѣятелей" освобожденія крестьянъ, имѣетъ въ виду цѣлый рядъ „великихъ реформъ" пережитой многими изъ насъ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Издатели не ограничились, впрочемъ, одними непосредственными дѣятелями и героями „освобожденія", но коснулись и тѣхъ, которые съ конца XVIII вѣка расчищали имъ путь, какъ Радищевъ, Николай Тургеневъ, А. И. Герценъ, а также и ихъ современниковъ, возбуждавшихъ общественную мысль къ тому же освобожденію, какъ Иванъ Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ (творецъ „Мертвыхъ Душъ" не вошелъ въ „Галерею"). Къ біографическимъ очеркамъ, въ числѣ 14, приложены превосходно исполненные портреты самихъ дѣятелей по лучшимъ изъ извѣстныхъ оригиналовъ.

Краткій обзоръ Суворовской литературы, русской, французской и нѣмецкой, по 1903 годъ, съ тремя приложеніями. А. Петрушевскаго. Спб. 903. Ц. 2 р.

Какъ видно изъ предисловія автора, настоящій обзоръ составляетъ результатъ 25-лѣтнихъ подготовительныхъ работъ, давшихъ ему возможность, въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, составить настоящій, хотя краткій, но многообъемлющій обзоръ „Суворовской литературы" на трехъ языкахъ. Обзору предпослана статья: „Военныя идеи Суворова и ихъ судьбы"; по замыслу автора, она „резюмируетъ всю книгу, въ то же время обозначая духъ и направленіе критической мысли, извлеченной авторомъ изъ своего знакомства со всею указываемою имъ литературой". Во главѣ обзора помѣщено описаніе рукописныхъ матеріаловъ и ихъ хранилищъ; засимъ слѣдуютъ печатныя книги, брошюры и пр. — прежняго времени, отъ 1765 до 1897 г., и послѣдняго, юбилейнаго времени — отъ 1898 до 1902 г.

Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей, Э. Сегена. Перев. съ франц. М. П. Лебедевой, п. р. В. Эльво. Спб. 903. Ц. 2 р.

Въ оригиналѣ книга вышла въ свѣтъ болѣе полувѣка тому назадъ (въ 1846 г.), но, какъ справедливо замѣчается въ русскомъ переводѣ, она и до сихъ поръ не утратила своего значенія, — особенно у насъ, гдѣ еще такъ мало сдѣлано по предмету, составляющему содержаніе этой книги. Авторъ ея, Сегенъ (Seguin) былъ основателемъ цѣлой системы воспитанія дѣтей ненормальныхъ и работалъ сначала въ извѣстномъ „Бисетрѣ" (домъ для умалишенныхъ близъ Парижа), подъ руководствомъ знаменитаго въ свое время психіатра Эскироля. Преслѣдуемый завистниками, Сегенъ въ половинѣ 40-хъ годовъ открылъ собственную лечебную школу для идіотовъ въ самомъ Парижѣ, но недостатокъ средствъ и всеобщее равнодушіе принудили его оставить Францію навсегда и переселиться въ Америку, гдѣ встрѣтили съ восторгомъ этого врача-педагога, и гдѣ онъ въ 1880 году издалъ окончательную программу „физіологической школы для дѣтей слабыхъ духомъ и тѣломъ"; но ему не удалось осуществить ее на практикѣ: въ этомъ же самомъ году онъ скончался въ Нью-Іоркѣ. Въ „физіологическомъ воспитаніи" органовъ чувствъ, а не одной памяти, Сегенъ видѣлъ лучшій и самый вѣрный путь къ развитію дѣтскаго интеллекта, — и на основаніи того требовалъ, чтобы врачамъ была отведена главная роль въ дѣлѣ воспитанія подрастающихъ поколѣній. „Издавая классическій трудъ Сегена — говорится въ русскомъ переводѣ, — мы имѣемъ въ виду не только дать руководство родителямъ и спеціалистамъ, занимающимся воспитаніемъ умственно-ненормальныхъ дѣтей, но и показать обществу, что и для этихъ несчастныхъ есть спасеніе; что умственная слабость еще не обрекаетъ ихъ на одинокое прозябаніе, на полную оторванность ихъ отъ нормальной жизни общества".

А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Т. I, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Герцена, Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ, В. П. Батуринскаго. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ замѣчено авторомъ, настоящій трудъ представляетъ собою, главнымъ образомъ, матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, которымъ и посвящается первая глава, гдѣ Бакунинъ занимаетъ главное мѣсто. Засимъ слѣдуютъ воспоминанія Герцена о художникѣ Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ. Послѣднія двѣ главы посвящены изложенію отношеній Герцена къ Тургеневу и Мицкевичу.

Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Кн. Н. В. Шаховского. Спб. 903.

Настоящее изданіе является переработкою, съ значительнымъ дополненіемъ новыми данными, труда того же автора, озаглавленнаго: „Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы", и удостоеннаго московскимъ университетомъ преміи имени Юрія Ѳедоровича Самарина. О важности предмета этого изслѣдованія можно судить уже по одному тому, что въ первое десятилѣтіе по освобожденіи крестьянъ отходъ крестьянъ на сторонніе заработки выражался въ цифрѣ около 1.300,000, а въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка эта цифра перешла за 7.000,000. Въ заключеніе приводятся мѣры, предлагавшіяся для упорядоченія сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ.

